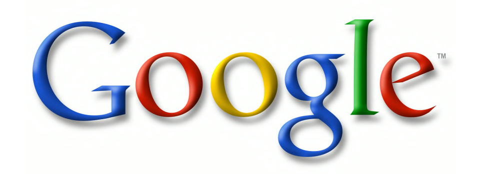

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

1898. №1

ЯНВАРЬ. January

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. слѣдующую страницу обертки).

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Н. С. Соханская (Кохановская).

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

Russkoe obozrienie

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

The
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

ПИСЬМО ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ.[1]

Графъ Левъ Николаевичъ! я не смѣю сказать, что во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога, вѣруемаго и исповѣдуемаго грѣшнымъ сердцемъ и недостойными устами, я начинаю писать вамъ, нѣтъ!—я пишу вамъ по поводу вашей „Исповѣди", которой рукопись я читаю и перечитываю съ горемъ, со скорбію, съ состраданіемъ..... Я думаю: „Боже мой! что еслибы это прочла его бѣдная, благочестивая мать?!.." А вѣдь она непремѣнно прочтетъ, узнаетъ; услышитъ предъ лицемъ неба и земли. „Ибо всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, и все тайное, хорошо-ли оно или худо".—Это говоритъ тотъ же самый Соломонъ и въ томъ же Екклезіастѣ, изъ котораго вы такъ много черпаете въ подтвержденіе вашихъ философскихъ положеній, и говоритъ—замѣтьте—послѣднимъ его вѣскимъ словомъ; а слово Того, Кто былъ „множае Соломона здѣ", подтверждаетъ намъ:

---

[1] Письмо это печатается съ копіи, найденной въ бумагахъ И. С. и А. Ѳ. Аксаковыхъ, которымъ она была прислана самимъ авторомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая надпись на ней:

„Дорогой и многоуважаемой четѣ
Аксаковыхъ.

Примите и посудите, и скажите... Нельзя было стерпѣть и оставить безъ возраженія самохвальную разноголосицу философіи чуть не изъ графскихъ пеленокъ, зашатавшуюся и замотавшуюся въ безвѣріи даже до жидовства.
Ваша преданная
Н. Соханская."

10 Марта 1883.
Макаровка.

Копія представляетъ изъ себя переплетенную тетрадь, исписанную крупнымъ и четкимъ почеркомъ переписчика. Въ началѣ тетради (конечно, впослѣдствіи) наклеена фотографическая карточка Н. С. Соханской (Кохановской), снимокъ съ которой мы прилагаемъ при настоящей книгѣ нашего журнала. *Ред.*

„что за всякое слово праздное, которое скажутъ человѣки, они должны будутъ отвѣчать за него въ день суда".—А ваша несчастная „Исповѣдь", графъ,—о, какой ужасъ! когда несомнѣннымъ знаніемъ вѣры понимаешь ее и видишь, что это тотъ страшный камень соблазна, которому бы лучше было обвѣситься на вашей шеѣ и потопить васъ въ пучинѣ моря, нежели ей, этой „Исповѣди" въ спискахъ, въ перепискахъ—какъ запретный плодъ, доставаемой съ алчностью, читаемой и перечитываемой—обезвѣрить, обезбожить стольких мальчиковъ, дѣвочекъ-гимназистокъ и подвести ихъ подъ ту произвольную висѣлицу, подъ которою вы сами стаивали не разъ, и васъ, мужа силы и разума, какъ вы выражаетесь о себѣ, быть можетъ, спасалъ единственно лепетъ вашей дѣтской молитвы: „Отче нашъ! избави насъ отъ лукаваго!" Ужасно! Вы человѣкъ, по высотѣ вашихъ философскихъ умозрѣній, обязанный отрѣшиться отъ своей самости и, по исканію смысла жизни, нашедшій его, какъ вы говорите „въ любви, въ единеніи и жертвахъ во имя любви", а какую жертву вы приносите, нашъ знаменитый Левъ Толстой, молодежи, боготворящей васъ, и всему обществу, потерявшему родной, историческій слѣдъ, обезличенному, и которое мятется въ ужасѣ отъ поражающихъ его безсмысленныхъ убійствъ и страшнаго цареубійства?—Вы въ это сѣно и солому—въ обрывки чужихъ, недомысленныхъ мыслей, предвзятыхъ, завиральныхъ идей—вы бросаете вашу зажженную головню философскаго безвѣрія и указываете на самоубійство, какъ на прямой и логическій выводъ! Вѣдь этакъ можно сказать, графъ, не въ баснѣ, а въ истину, „что сочинитель хуже разбойника": тотъ убиваетъ тѣло, а вы сколько душъ убили, совратили ихъ, лишивъ живоноснаго свѣта вѣры! И вы стоите безотвѣтны въ этомъ страшнѣйшемъ преступленіи. Конечно, вы не вѣрите въ наше горестное наслѣдство первороднаго грѣха; хотя по силѣ вашихъ философскихъ умозрѣній, въ 11 лѣтъ начавшихъ сомнѣніемъ въ вѣрѣ, а въ 16 уже положительно рѣшившихъ, что вся умственная постройка богословія ложь и безмыслица,—вамъ, такому раннему философу, если не тогда, то теперь можно бы было остановиться глубиной вашего философскаго разума на томъ поразительномъ явленіи въ нравственномъ строѣ человѣческой жизни, что все худое, злое, неосмысленное прививается легче и дѣйствуетъ успѣшнѣе на насъ и въ насъ, а противоположное тому добро достается трудомъ и великими попеченіями. Живой тому примѣръ былъ въ васъ самихъ, въ началѣ вашего

безвѣрія. Стоило только мальчишкѣ-товарищу сказать: „нѣтъ Бога!“—и вы, дитя, воспитываемое въ русской благочестивой семьѣ, обставленное величіемъ обрядовъ и богослуженія православной Церкви, научаемое истинамъ вѣры по катехизису, вы тотчасъ приняли это извѣстіе „какъ что-то новое, замѣчательное и очень возможное“. Вы приняли и, мало того, черезъ столько лѣтъ, вы ихъ повторили, эти мальчишечьи слова, нашъ знаменитый Левъ Толстой! къ ихъ дерзкой ребяческой безсмысленности присоединивъ кощунственное выраженіе вашего философскаго смысла, что о „Богѣ,-Спасителѣ и т. п. *вздоръ* и говорить недостойно васъ!“ Какая философская развязность и безтрепетность помраченнаго ума, чтобы помыслить и написать вдругое тѣ-же слова: „этотъ Богъ одинъ и три; это твореніе въ шесть дней; дьяволъ и ангелъ, *и весь этотъ вздоръ*, котораго я не могу принять, пока я не сошелъ съ ума; я не могу вѣрить тому, что̀ неразумно!.“ Въ самомъ дѣлѣ?... А говорить и еще болѣе того—писать со всѣмъ умственнымъ неприличіемъ человѣка мыслящаго, со всею отупѣлостью нравственнаго чувства вы можете, исповѣдникъ разума!—Откройте не курсъ философіи Шопенгауера, а хотя крестовый календарь на нынѣшній годъ, и тамъ-же, въ отдѣлѣ о вѣроисповѣданіяхъ, вы увидите, что 335 милліоновъ людей, не все же несмысленныхъ какъ козы, вѣруютъ и исповѣдуютъ этого Тріединаго Бога. Триста тридцать пять милліоновъ христіанъ! вѣдь это почти человѣчество, и, чтобы вамъ, недѣлимому, невѣсомому атому предъ этими милліонами, назвать *вздоромъ* то, что они называютъ *Святое-Святыхъ*, и еще величаться своимъ чистымъ философскимъ разумомъ!... Не льститеся! Есть слово въ писаніяхъ вѣры: „Не прельщайте себя“. Это не разумъ, а это она, объюродившая мудрость старой языческой философіи, которой поклонники, называя себя мудрыми, обезумѣли, отрицая величество бытія Бога и Славу Его творенія—они, обступаемые отовсюду силами и чудесами вселенной, и обратили свое царственное достоинство человѣка въ звѣря по происхожденію. Но какъ радостно для чувства и знанія вѣры видѣть, графъ, что вы-то свою душу все-таки не пересилили ни всею ложью и губительствомъ вашей философіи, ни даже сообществомъ такихъ сподручниковъ, о которыхъ вы выражаетесь: „мы, съ Соломономъ и Шопенгауеромъ“, добавляя и Сакія-Муни съ его Нирваной. Живая человѣческая душа, зарожденная искрой Божества, она томилась, тлѣла въ васъ подъ пепломъ всѣхъ вашихъ отрица-

тельныхъ умозрѣній зла и ничтожества, пока, наконецъ, воспрянувъ всею силой такъ долго подавляемыхъ ея прирожденныхъ стремленій, она властно потребовала отъ васъ: „Дай мнѣ Бога и живи, или умирай твоимъ тѣлеснымъ самоубійствомъ, какъ я не живу, а умираю духовно!“ И сдѣлалось то, исповѣдуете вы, „что здоровый, счастливый человѣкъ почувствовалъ, что онъ не можетъ болѣе жить“. Какая-то непреодолимая сила влекла васъ къ тому, чтобы какъ нибудь избавиться отъ жизни. И вы прятали отъ себя снурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ, между шкапами; вы перестали ходить съ ружьемъ. И это было въ то время, когда со всѣхъ сторонъ васъ окружало то, что̀ зовется совершеннымъ счастіемъ,—въ полнотѣ вашихъ тѣлѣсныхъ и умственныхъ силъ, почти въ 50 лѣтъ жизни. „У меня была добрая, честная, красивая, любящая и любимая жена“, говорите вы, хорошія дѣти, большое имѣніе, которое, безъ труда съ вашей стороны, росло и увеличивалось; были у васъ общій почетъ и уваженіе и, болѣе того, у васъ была слава писателя-художника и, если не совсѣмъ вѣрная, то воображаемая полнота Соломоновскаго знанія: „отъ кедра и до иссопа“—отъ химическаго состава пятенъ солнца и до философскихъ идеаловъ, руководящихъ человѣчество къ самосовершенствованію,—все было въ изумительной человѣческой совокупности даровъ и жизненнаго счастія, а васъ...... тянуло къ перекладинѣ!..

О, какое въ этомъ торжество Того, Кто, въ нищетѣ Бога на землѣ, ходилъ по всемірнымъ путямъ маленькой Іудеи, странствуя и поучая:

„*Я есмь путь и истина и жизнь: никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня*“.

„*Я свѣтъ міру. Кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть* *свѣтъ жизни*“, т. е. тотъ смыслъ ея, то озареніе, котораго вы искали.

„*И если кто услышитъ мои слова и не повѣритъ, я не сужу его, ибо я пришелъ не судить міръ, но спасти міръ*“.

„*Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную*“.

„*Сія же есть жизнь вѣчная: да знаютъ Тебя, единаго истиннаго Бога и посланнаго Тобою Іисуса Христа*“.

Знаніе Бога есть вѣра въ Него.

„*И мы увѣровали и познали*“, говоритъ тотъ, кто нареченъ камнемъ вѣры Христовой, апостолъ Петръ.

И эту проповѣдь о жизни, о пути къ жизни, о свѣтѣ жизни, о хлѣбѣ жизни, ядущій, который жить будетъ во вѣкъ, учитель, запечатлѣлъ страшною и славною печатью, значеніе которой еще выражено было Соломономъ въ Пѣснѣ Пѣсней: „*крѣпка какъ смерть любовь*", и крѣпкая, позорная, вольная, крестная смерть Сына Богочеловѣка запечатлѣла крѣпкую любовь Отца и Творца Бога къ своему созданію, къ погибшей грѣхомъ душѣ человѣческой.

Искупленіе совершилось; печать дара Духа Святаго отпечатлѣлась на образѣ нашей души, и вольны вы были затмевать его, этотъ образъ, вашимъ раннимъ ребяческимъ невѣріемъ, позорить буйствомъ молодыхъ грѣховныхъ силъ и, наконецъ, въ гордости лжеименнаго, т. е. ложно называемаго разума, вы совсѣмъ положили и рѣшили, что нѣтъ этой безсмертной человѣческой души, отображающей искру Божества, и отвергли всякую благодать вѣры и любви Христовой—отвергли Бога въ помыслѣ, въ чувствѣ, въ историческомъ сознаніи міра, пріурочивъ Его къ формамъ идеаловъ саморазвитія человѣческаго.

И на этой вершинѣ вашего философствованія, когда вы „*не признавали никакого кого-то, кто бы васъ сотворилъ*", и стояли сами себя самоопредѣляющимъ владыкой, конечно, придерживаясь текстовъ Соломоновой опытной мудрости: „ѣшь, пей и веселись, потому что это твоя доля подъ солнцемъ; наслаждайся жизнью съ женщиной, которую ты любишь, во всѣ дни суетной жизни твоей..." И въ эти-то самые суетные, полные наслажденій дни, глубоко внутри васъ, не въ сознаніи вашего разума и не въ хотѣніи самовластной воли,—а совершенно невольно и безсознательно, начала шевелиться въ васъ какая-то сила,—подыматься, вставать—и встала въ такомъ суровомъ величіи, что предъ нею затихли всѣ игры и смѣхи вашего существованія, и самый смыслъ его поколебался или, вѣрнѣе того, померкъ, какъ и сами вы говорите, и вы, съ вашею философіей, очутились въ той страшной, непроглядной тьмѣ, о которой сказано, „что если свѣтъ, который въ тебѣ, есть тьма, то какова же эта тьма!" т. е. если то мракъ, что ты считаешь своимъ просвѣщеніемъ, то каково же твое ослѣпленіе! И, Боже мой! что можно еще прибавить къ ужасу этой духовно-нравственной тьмы, когда вы сами сказываете: „Ужасъ тьмы слишкомъ великъ, и я хотѣлъ поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей!"

Богъ спасъ, отвелъ отъ края бездны, и вы отправились

странствовать за свѣтомъ и добывать его изъ окружающей васъ тьмы. Поразительна картина, въ которой вы представляете свое положеніе: „Если-бы я былъ какъ человѣкъ живущій въ лѣсу, изъ котораго онъ знаетъ, что выхода нѣтъ, я бы могъ жить,— но я былъ какъ человѣкъ заблудившійся въ лѣсу, на котораго напалъ ужасъ, отъ того что онъ заблудился и заблуждается съ каждымъ шагомъ, и мечется, желая выбраться на дорогу, и знаетъ, что всякій шагъ еще больше путаетъ его, и не можетъ не метаться“......

И вотъ вы metались по всѣмъ отраслямъ знаній: естественныхъ, опытныхъ и умозрительныхъ; Сократъ и Платонъ, Будда и Соломонъ и, въ сравненіи съ ними, уже очень маленькій Шопенгауеръ, представляли вамъ ихъ философскіе выводы и опредѣленія жизни: что она зло и безмыслица. На вашъ вопросъ: „какой смыслъ моей жизни?“—отвѣтъ былъ: „Никакого“. Что выйдетъ изъ моей жизни?—„Ничего“. Какая связь между моимъ разумомъ и жизнію?—„Никакой“.

И чтобы получить это безотрадное умствованіе, какую гору книгъ вы должны были перебрать и перечитать съ мучительнымъ томленіемъ чуть-чуть не самоубійства! О, Боже, Господи! Но кто же виноватъ, извините, графъ!—что вы, какъ тотъ знаменитый „любопытный“, все видѣлъ, высмотрѣлъ, и только *слона*-то вы и не примѣтили въ вашей философской кунсткамерѣ.

Вы не примѣтили, и какой же бездѣлицы!—цѣлыхъ трехъ тысячъ лѣтъ, промелькнувшихъ между ветхозавѣтнымъ Соломономъ и вашимъ свѣженькимъ нѣмецкимъ Шопенгауеромъ. Это во времени; а въ силѣ и значеніи хода міровыхъ судебъ этого времени, какъ же вы не примѣтили того камня, который разроссяя въ гору и наполнилъ собою всю землю? Того величайшаго дерева, которое на весь міръ простерло свои вѣтви, и пустило корни изъ самого малаго зерна? Гдѣ же было ваше зрячее философское око, чтобы не увидѣть, какъ лицо міра измѣнилось въ этотъ маленькій промежутокъ? Всѣ древніе историческіе народы Азіи сошли съ поприща ихъ государственнаго существованія; какъ колоссъ Родосскій, тяготѣніе міровой жизненной силы переступило изъ одной части свѣта въ другую; подвиглись новые народы, и самый вѣчный Римъ, казалось бы незыблемый властелинъ древняго міра, палъ, и побѣдные орлы его легіоновъ замѣнились новымъ символомъ побѣды надъ смертью. Но кто же былъ этотъ оратай и какимъ такимъ мо-

гучимъ орудіемъ онъ перевернулъ міровую глыбу земли и насадилъ на ней садъ новаго человѣчества? Словомъ, что это былъ за *идеалъ* въ перестроеніи міра, которымъ обновляемое человѣчество, саморазвиваясь и самосовершенствуясь, поступая все выше и выше, дошло, наконецъ, до той послѣдней точки, на которой стояли вы съ Шопенгауеромъ?

И, стоя такъ высоко, когда всѣ міровыя отзвучія полнымъ хоромъ должны были подниматься къ вамъ и, такъ сказать, перекатными волнами входить въ ваше чуткое философское ухо, - что же?— неужели ничего другаго міръ не принялъ и не сказалъ вамъ, между этими геркулесовскими столбами философіи: „суеты суетъ и всяческой суеты", и философіи зла и безсмыслицы жизни съ выводомъ логическаго самоубійства? Неужели, графъ?—И вы не слыхали того, нѣкоего Павла—не невѣжду какого нибудь, котораго бы ваша ученость могла отвергнуть, а того, кому Римъ въ лицѣ своей представительной власти на востокѣ, при торжественномъ засѣданіи въ судебной палатѣ, съ тысяченачальниками и знатнѣйшими гражданами, съ мѣстнымъ царемъ, пришедшимъ послушать этого Павла, самъ древній Римъ, во всеоружіи своей эллинской учености, могъ сказать: „Безумствуешь ты, Павелъ. *Большая ученость* доводитъ тебя до сумасшествія," [1]. И мало одного Рима,—самыя Аѳины слушали этого безумствующаго Павла, и не въ углу гдѣ нибудь, а въ средѣ своего Ареопага. [2]

Нѣкоторые изъ эпикурейскихъ и стоическихъ философовъ стали спорить съ нимъ и, взявъ его, привели въ Ареопагъ, и говорили: „можемъ ли мы знать, что это за новое ученіе, проповѣдуемое тобою?"

И ставъ Павелъ среди Ареопага, сказалъ: „Аѳиняне! по всему вижу, что вы какъ бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: *Невѣдомому Богу*. Сего-то, котораго вы, не зная, чтите, я проповѣдую вамъ. Богъ, сотворившій міръ и все что въ немъ, Онъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ...., самъ дая всему жизнь и дыханіе, и все. Отъ одной крови Онъ произвелъ весь родъ человѣческій, дабы они искали Бога, не ощутятъ-ли Его и не найдутъ-ли, хотя Онъ недалеко отъ каждаго изъ насъ. Ибо мы Имъ жи-

---

[1] Дѣян. Апостол. гл. 25 и 26.

[2] Дѣян. Апост. глава 17.

вемъ и движемся, и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: *мы Его и родъ*".

И это говорила древность языческой поэзіи; а новая прогрессивная наука до чего низвела этотъ божескій нашъ родъ!

„И такъ, оставляя времена невѣденія, Богъ нынѣ повелѣваетъ людямъ всѣмъ повсюду покаяться".

„Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную посредствомъ предопредѣленнаго Имъ мужа, подавъ удостовѣреніе всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ"...,

И этой-то новой истины, просіявшей міру—*воскресенія*, истины вѣчной жизни, дарованной человѣчеству въ смерти и воскресеніи Іисуса—*Христа Іисуса*! этого новаго Имени, огласившаго вселенную, кромѣ котораго нѣтъ другаго подъ небесами, чтобы намъ спастись отъ страха смерти и войти въ чудный свѣтъ уразумѣнія Божественной истины, а вы Его не слыхали, не приняли, не поискали вашею всевѣдущею философіей? О, какъ же она оказывается глуха и пустозвонна!... Для васъ лично, графъ, это была *поповская вѣра*, съ презрѣніемъ вами отвергнутая въ самую раннюю пору, едва не ребяческаго вашего философствованія... Положимъ, что ребячеству прощается многое; но можете-ли вы сами себѣ простить, что, пришедши въ возрастъ мужа совершеннаго, въ 50 лѣтъ, умудренные опытомъ жизни и вашими философскими ученіями и сомнѣніями, признавая поступательное развитіе человѣчества,—какъ же въ немъ-то, въ духовномъ ростѣ, вы отказали самому себѣ, и, отецъ семейства, вы не оглянулись назадъ, чтобы усомниться и провѣрить ваши юношескія опредѣленія, и вы остались при нихъ, вы, поклонникъ чистаго разума! Можете ли вы отрицать, что, каковъ бы ни былъ геній въ 50 лѣтъ, но онъ всегда найдетъ, что̀ ему нужно исправить въ его шестнадцатилѣтней геніальности; а тѣмъ болѣе философъ, котораго выводы основываются на глубоко вѣрномъ мышленіи и глубокомъ вдумываніи въ сущность вещей, т. е. именно на томъ, чего не можетъ быть въ вѣтрогонной юношеской головѣ. Извините, графъ, мои сомнѣнія, мое неудоумѣніе.... Я все-таки не могу представить себѣ, не могу себя увѣрить, чтобы вы, читая и перечитывая неисчислимое множество книгъ со страшною истомой готоваго самоубійства въ душѣ, чтобы вы не обратились къ той книгѣ книгъ, которая и есть какъ бы единственная книга—Библія?

Что вы доискались опытной мудрости Екклезіаста, это по-

нятно, потому, что она какъ бы подслуживала вашимъ философскимъ положеніямъ и очень картинно выдавала ихъ образностью живой, восточной рѣчи: „И псу живому лучше, нежели мертвому льву". Но что у ветхозавѣтнаго Соломона была еще другая, высшая мудрость знанія, этого вы не приняли и не упомянули въ вашихъ выпискахъ. А именно выраженіемъ того-то знанія умѣряются и покрываются всѣ неразрѣшимые вопросы „суеты суетъ, и всяческой человѣческой суеты", и заканчивается самая книга Екклезіаста: „Выслушаемъ *сущность всего*", говоритъ мудрецъ:—„бойся Бога и заповѣди Его соблюдай, потому что въ этомъ *все* для человѣка".

„Ибо всякое дѣло Богъ приведетъ на судъ, и все тайное, хорошо ли оно или худо". Слѣдовательно, не одна участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ, хотя все, повидимому, идетъ въ одно мѣсто и обращается въ прахъ; но духъ сыновъ человѣческихъ долженъ куда-то и какъ-то возвратиться, чтобы быть судиму по своимъ дѣламъ.„.. Древній міръ не зналъ *воскресенія* [1] даже въ мудрости Соломоновой; его явилъ и могъ явить только Тотъ, Кто Самъ воскресъ и просіялъ Божествомъ во плоти.

И неужели сладость Его Божественнаго Евангелія никогда, ни разу, ни одною ея животворящею каплей не коснулась вашей души въ теченіе всѣхъ этихъ тридцати лѣтъ, когда вы развивались, прославлялись, крѣпли, мужали и пали въ томленіи ужаса вашего самоубійства? Вы говорите: „я будто жилъ, жилъ, шелъ, шелъ и пришелъ къ пропасти, и ясно увидѣлъ, что впереди ничего нѣтъ, кромѣ погибели. А остановиться нельзя, и впередъ нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видать, что ничего нѣтъ впереди, кромѣ страданій и настоящей смерти, полнаго уничтоженія....." А спасеніе было такъ близко, такъ вѣрно: одна—одна страница изъ старой заброшенной книги, которой нельзя же, чтобы не было у васъ въ домѣ: въ образной, между вещами вашей покойной матери, или въ передней у стараго слуги, читающаго ее въ святые вечера по праздникамъ и воскресеньямъ. [2]

„Напоминаю вамъ, братія, Евангеліе, которое я благовѣствовалъ, которое вы и приняли, въ которомъ и утвердились, которымъ и спасаетесь, если преподанное удерживаете такъ, какъ я благовѣствовалъ вамъ".

---

[1] Какъ несомнѣнной истины.

[2] Посланіе I Коринѳ. гл. 15.

„Ибо я первоначально преподалъ вамъ, что̀ и самъ принялъ, т. е., что Христосъ умеръ за грѣхи наши по Писанію.

„И что онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день по Писанію.

„И что явился Кифѣ, потомъ 12-ти.... Потомъ явился болѣе нежели пяти стамъ братій въ одно время, изъ которыхъ большая часть донынѣ въ живыхъ, а нѣкоторые и почили“.....

Вотъ они, непреложные свидѣтели воскресенія! а мерзкія уста нечестивца—вы его знаете осмѣлились произнести, „что галлюцинація любящей женщины дала міру воскресшаго Бога“.

И далѣе еще великій Апостолъ продолжаетъ исчислять свидѣтелей явленія Христа Господа по воскресеніи: „А послѣ всѣхъ явился и мнѣ“,—добавляетъ онъ, своимъ собственнымъ лицезрѣніемъ запечатлѣвая истину всѣхъ прочихъ. „Если же о Христѣ проповѣдуется, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, то какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ?“

„Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ, то и Христосъ не воскресъ“. А если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна,—тщетна и вѣра ваша. И если мы въ сей только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ.

„Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ: первенецъ изъ умершихъ.

„Ибо какъ смерть чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ.

„Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ.....

„Для чего и мы ежечасно подвергаемся бѣдствіямъ? Я каждый день умираю: свидѣтельствуюсь въ томъ похвалой вашею, которую имѣю во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. По разсужденію человѣческому, когда я боролся со звѣрями въ Ефесѣ, какая мнѣ польза, если мертвые не воскресаютъ?

„Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“!

Вотъ она, житейская мудрость Соломонова, въ поэзіи эпикурейской философіи, вѣдомая и отвергнутая Апостоломъ во имя Креста Господня и славы воскресенія изъ мертвыхъ!

„Но скажетъ кто нибудь: какъ воскреснутъ мертвые, и въ какомъ тѣлѣ пріидутъ?

„Безразсудный! то, что̀ ты сѣешь, не оживетъ, если не умретъ.

„И когда ты сѣешь, то сѣешь не тѣло будущее, а голое зерно.

„Но Богъ даетъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло.

„Такъ и при воскресеніи мервыхъ; сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи.

„Сѣется въ уничиженіи, возстаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ“......

„Ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе.

„И тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдой.

„Смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда?“—какъ бы уже ликуя и торжествуя эту побѣду, восклицаетъ Апостолъ и добавляетъ онъ:

„Благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ!“

Но, чтобы намъ быть участниками этой побѣды, мы должны побѣдить міръ—„и сія есть побѣда, побѣдившая міръ, *вѣра наша*“, объясняетъ возлюбленный Христовъ Апостолъ. „Кто побѣждаетъ міръ, какъ не тотъ, кто вѣруетъ, что Іисусъ есть Сынъ Божій? И, вѣруя, имѣетъ жизнь во имя Его“. [1]

Можете ли вы сказать, графъ, чтобы этой страницы не довольно было для того, чтобы весь вашъ напускной мракъ погибели отступилъ отъ васъ, и чтобы въ душѣ вашей не зардѣлась заря христіанскаго упованія? Вы не можете вѣрить тому, что не разумно; слѣдовательно, здѣсь вы должны необходимо вѣрить, потому что выражаемое на этой страницѣ связано такими крѣпчайшими логическими связями, что это кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода, и въ немъ вся полнота ученія о воскресеніи и вся его слава въ побѣдителѣ смерти и ада, воскресшемъ изъ мертвыхъ боголѣпно, Христѣ Жизнодавцѣ!

Но, кромѣ логики, кромѣ силы ея основныхъ, непреложныхъ доказательствъ, подтверждаемыхъ естественными опытами, исторія запечатлѣваетъ истину словъ и лица, написавшаго это отеческое посланіе къ своей коринеской паствѣ. Не мнѣ вамъ указывать на цѣлую школу германской учености невѣрія, которой всѣ усилія направлены къ тому, чтобы заподозрить и обратить въ басню и ложь достовѣрность христіанскаго священнаго Писанія. Вы знаете, какъ отрицаютъ тамъ Четвероевангеліе и

[1] Посланіе I Іоанна, глава. 5.

самую личность Христа Бога; но отрицать Павла и его посланія съ книгой его путешествій не можетъ ни вся злонамѣренная ухищренность невѣрующей критики, и предпочитаетъ болѣе молчать, оставляя святую истину стоять предъ міромъ и говорить за себя.

Но все это „слова, слова, однѣ слова", что мы говоримъ съ вами, графъ. Святая божественная вѣра Христова не умствуетъ, какъ логическій выводъ и историческое доказательство, она—не въ „препрѣтельныхъ" человѣческой мудрости словахъ, а въ явленіи духа и силы Того, Кто стоитъ у двери нашего сердца—Богъ и Господь, и говоритъ:

„Вотъ, стою у двери и стучу. Если кто услышитъ голосъ мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною".

Вѣрующій, въ умиленіи ужаса предъ величіемъ дара и въ трепетной радости божественнаго счастія, знаетъ и понимаетъ, что это за таинственная вечеря, которая будетъ вкушаться? Это самая Плоть и Кровь Христовы, соединяющія взаимнымъ, нерасторгаемымъ союзомъ человѣка съ Богомъ и Бога вочеловѣчившагося съ обоготворяемымъ человѣкомъ.

До такой сверхъчеловѣческой истины додуматься нельзя; ее можно принять только въ откровеніи вѣрующаго сердца, боготворящаго Христа.

А что Богъ и Господь не мыслится только, а благоволитъ быть воспринимаемъ всею полнотой человѣческаго существа (замѣтьте, тріединаго: ума, чувства и воли), вы это осязательно испытали на себѣ самомъ. Въ вашихъ философскихъ блужданіяхъ, въ истомѣ безразсвѣтной погибающей души, вы наконецъ додумались, что есть—должна быть—причина причинъ. Признать ее живымъ личнымъ Богомъ во Христѣ вы отказывались, а одно понятіе о необходимости *быть Богу* что давало и могло ли что либо дать мучительно болѣющему сердцу? Вы не могли молиться. И понятно.

Живое человѣческое чувство, облитое кровью сердечнаго порыва, не можетъ молиться умственному понятію, ни какому объекту; а ему нужна вся вѣруемая сущность лица Бога, чтобы, преклонивъ волю, воскликнуть: „Господь мой и Богъ мой!" въ сознаніи разрѣшившагося невѣрія, и вкусить блаженство вѣры, не видящей, а вѣрующей.

И это-то блаженство не давалось вамъ. Вы все продолжали „испытывать испытанія".... И какъ скорбно видѣть, что, нако-

нецъ, вы очутились припертыми къ стѣнѣ: ни шагу впередъ и ни ступни ноги назадъ: „Вѣрь, или петлю надѣнь!“ И во что-же приходилось вѣрить вашему разуму?—Въ эти, называемыя вами: „безумныя, уродливыя, безобразныя, дикія и просто глупыя положенія вѣры“, которая одна однако, въ этихъ своихъ глупѣйшихъ положеніяхъ, имѣетъ отвѣты на вопросы о смыслѣ жизни, а разумное философское знаніе молчитъ и оставляетъ дорогу къ самоубійству. По разумному знанію, жизнь есть зло, безмыслица; лучше не жить; а не то живи, живи и пропадай какъ животное.... И это человѣку-то со всѣмъ величествомъ его философскаго разума! А въ знаніи вѣры для васъ было— „все такъ глупо, дешево: понятія добра, души, Бога!“ Но безъ этихъ понятій вы уже не могли жить; вы задыхались въ вашемъ безбожномъ философскомъ воздухѣ, и, какъ ни брезгалъ вашъ высокій умъ, а ему, волей и неволей, приходилось спуститься къ простотѣ вѣры.

И, какъ вы искали по всѣмъ отраслямъ знаній смысла жизни и не нашли его, такъ вы вновь отправились уже по людямъ искать вѣры—не найдете-ли ее въ томъ, какъ люди вѣруютъ и живутъ? И несчастіе ваше было полно.

Въ вашемъ избранномъ большомъ кругу и большой учености людей нынѣшней науки—простоты Евангельской вѣры не оказалось. Съ высоты вашего свѣтскаго полета вы даже вывели такое заключеніе, что вѣруютъ только очень глупые люди, или бреднями набитыя женщины, и, если есть между ними кто поумнѣе, то это, по просту сказать, мошенники, для которыхъ вѣра почти то же, что для уличнаго вора кошелекъ, т. е. пожива и нажива, какъ для всей этой іерархіи поповъ, архіереевъ и проч. и проч....

И вы были правы въ вашемъ негодованіи: искать вѣру у вѣрующихъ, и не найти! И совершенно понимаешь, какъ мучительно скорбно было ваше чувство ужаса возвращенія назадъ къ прежнему отчаянію, послѣ надежды найти вѣру въ сношеніяхъ съ этими людьми. Въ этомъ вы были совершенно правы; но у васъ была та умственная неправость ревностнаго искателя, по которой вы все думали найти въ людяхъ, *въ ихъ нравственномъ приложеніи*, и ничего не искали въ самомъ источникѣ вѣры: въ евангельскомъ основномъ ученіи, принятомъ святою Церковью. Вы вдругъ отщетились отъ своего чистаго разума и не требовали вовсе: „докажи мнѣ: разумно-ли оно, или неразумно, это старое забытое ученіе?“, а вы искали од-

ного: „покажи мнѣ отъ дѣлъ твоихъ вѣру“. И на счастіе ваше, и на счастье насъ, колеблющихся и унылыхъ, вамъ предсталъ онъ, великій, многомилліонный доказчикъ истины православной вѣры,— нашъ простой русскій народъ. Вы должны были изумиться и изумились вѣскости и силѣ этого доказательства, предъ которымъ чтó такое невѣріе нашего высшаго круга, какъ не плевокъ въ пучинѣ моря. Этимъ живымъ радостнымъ чувствомъ народной вѣры я сама могу подѣлится съ вами. Лѣтъ восемь тому назадъ мнѣ довелось быть въ Петербургѣ и соприкасаться съ вашимъ кругомъ. Я пришла въ ужасъ. „Господи Іисусе Христе!“ говорила я себѣ въ тоскѣ: „да гдѣ же Твоя вѣра?...“ и мнѣ начинало казаться, что ея уже нигдѣ нѣтъ. Подходилъ праздникъ Рождества Христова и самый канунъ его,—конечно, какъ вы знаете, ни чѣмъ не являющій, кромѣ обновъ и нарядовъ, чтó это новая эра лѣтосчисленія міра, что самые небожители, съ ихъ ангельскими хвалами и пѣснопѣніями, сошли на землю и возвѣстили людямъ величайшую радость: что *днесь*, въ этотъ день родился намъ, всему человѣчеству, Спаситель Господь.

Домъ былъ въ Троицкомъ переулкѣ и не очень далеко отъ Троицкаго подворья. Я условилась съ горничной, чтобы намъ пойти туда къ ранней обѣднѣ. Помню эту торжественную, радостную полутьму, эти мелькающія тѣни, подобныя нашимъ, съ скрипомъ снѣжку подъ ногами, спѣшившія въ одномъ съ нами направленіи. Но какъ ни спѣшили мы, а все было полно: во всѣхъ дверяхъ и проходахъ стоялъ народъ, и изнутри свѣтъ и сіяніе съ голосами поющихъ, лились къ намъ на встрѣчу. Служилъ самъ митрополитъ Иннокентій, этотъ нашъ Алеутскій Апостолъ. Не знаю, какъ мнѣ посчастливось, что я могла одна, второпяхъ, пробраться въ средину церкви и стать на какую-то приступочку. Но когда я встала и увидѣла все съ маленькой высоты: этотъ блескъ и сіяніе въ празднествѣ церкви, народъ, столпившійся, слившійся въ одну живую нераздѣльность и постоянно стремящійся, прибывающій—и прибою этой силы и этого народа, казалось, не было мѣры и числа! и по срединѣ его на возвышеніи въ блистающей одеждѣ, съ горящими свѣчами въ обѣихъ рукахъ: въ знаменіе свѣта Христова просвѣщающаго міръ — старый митрополитъ, осѣняющій на всѣ четыре стороны народъ.... у меня духъ захватило восторгомъ. „Вотъ она, Твоя вѣра, Господи! прости мнѣ, ради моей скорби, что я усомнилась въ ней!“

И это былъ еще петербургскій народъ обывателей въ тор-

жествѣ празднества; а вы окунулись въ самую глубь русскаго народнаго моря; предъ вами стояли во всей ихъ наготѣ смиренной

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

И именно въ этой-то бѣдности и наготѣ сквозила и свѣтила вѣра Христова

. . . .

Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
Исходилъ, благословляя.

И вамъ оставалось только припасть къ этой землѣ вашимъ смиреннымъ упованіемъ и вмѣстѣ со всѣми получить то великое благословеніе, какимъ Царь небесный, подъ ношей крестной, благословилъ насъ: благословеніе святой православной вѣры, дарованной намъ. И вы будто пошли этимъ путемъ; вы наглядно убѣдились, что это не эпикурейское вѣрованіе тѣхъ господъ, которое вамъ хотѣлось объяснить такъ же, „какъ всякую дурь людей, живущихъ въ избыткѣ и бѣсящихся отъ жира". Жира-то здѣсь было менѣе всего, а была та неземная сила вѣры Христовой, побѣдившая міръ, по которой милліоны милліоновъ народа несутъ свою тяготу земную, вѣруя, что такъ судилъ Батюшка Царь небесный, потерпѣть и умереть, спасая душу.

Какъ будто вы и преклонились предъ этимъ, смиряющимъ высокоуміе, народнымъ знаніемъ вѣры; вы въ сердцѣ почувствовали Бога и направились къ Церкви; вы даже вошли въ нее—съ чѣмъ?—Это вы подробно исчисляете.

„Я старался дѣлать все, что̀ должно дѣлать: поститься, ходить къ службамъ, говѣть, избѣгать осужденій того, что̀ мнѣ казалось *глупо.* Исполняя обряды Церкви, я смирялъ свой разумъ и подчинялъ себя тому преданію знанія, которое имѣло все человѣчество. Я соединялся съ предками своими, съ любимыми отцемъ и матерью, съ дѣдами, бабками. Они и всѣ прежніе вѣрили, жили и меня произвели. Вдругъ, я не вѣрю и презираю то, что̀ они дѣлали. Я соединялся и со всѣми милліонами уважаемыхъ мною людей изъ народа. И чѣмъ дальше я такъ жилъ, тѣмъ яснѣе становилось мнѣ то, что въ жизни

есть смыслъ, не уничтожаемый смертью, и что смыслъ этотъ есть любовь, единеніе и жертвы во имя любви. Церковь, какъ собраніе всѣхъ вѣрующихъ, имѣющихъ истинное знаніе жизни, была теперь основой моей вѣры. Я не могъ сказать, во что они вѣрятъ. Думалъ, что и нельзя выразить этого"......

Какъ же это такъ? Быть вѣрующимъ, принадлежать къ извѣстной вѣроисповѣдной церкви, и не знать, во что̀ она вѣруетъ, и вы съ нею? А *Символъ Вѣры*? для чего же онъ составленъ и утвержденъ Вселенскими Соборами, какъ не для того именно, чтобы всякій православно-вѣрующій могъ твердо и непреложно знать: какъ онъ долженъ вѣровать сердцемъ и что исповѣдывать устами въ свое спасеніе.

А вы что исповѣдывали, графъ, вашими устами?—„Никогда не забуду мучительнаго чувства, испытаннаго мною въ тотъ день, какъ я причастился въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Службы, исповѣдь, правила,—все это было *мнѣ понятно* и производило во мнѣ радостное сознаніе того, что истинное знаніе жизни открывается мнѣ. Мнѣ такъ радостно было, унижаясь и смиряясь предъ духовникомъ, простымъ, робкимъ священникомъ, выворачивать всю грязь своей души, каясь въ своихъ порокахъ; такъ радостно было сливаться мыслями со смиреніемъ отцовъ, писавшихъ молитвы, правила, такъ радостно было единеніе со всѣми вѣровавшими и вѣрующими..... Но когда я подошелъ къ дверямъ и священникъ заставилъ меня повторить, что я вѣрю, что то, что̀ я буду глотать.... Это жестокое, наглое требованіе кого-то такого, который очевидно никогда и не зналъ, что такое вѣра"...

Господи помилуй!! выписать до полности, что вы говорите тамъ—я боюсь, что у меня рука отсохнетъ.....

„Помнить день Субботный, т. е. посвятить одинъ день на обращеніе къ Богу мнѣ было понятно и легко. Но главный праздникъ былъ воспоминаніе о событіяхъ, которыя представлялись мнѣ хуже, чѣмъ *невозможностію и глупостію* (какъ вы щедры на это слово!), а сознательною ложью. И этимъ именемъ воскресенія назывался день Субботній! И въ эти дни совершалось *соблазнительнѣйшее и безсмысленнѣйшее* дѣйствіе евхаристіи! Остальные всѣ 12 праздниковъ были воспоминаніемъ о самыхъ соблазнительныхъ чудесахъ Вознесенія, Пятидесятницы. Сильнѣе всего этотъ соблазнъ происходилъ со мною при участіи въ самыхъ обычныхъ Таинствахъ, считавшихся самыми важными: Крещеніи и Причащеніи. Тутъ не только я сталкивался съ не

то, что непонятнымъ, но вполнѣ понятнымъ и вполнѣ глупымъ“..... Довольно сатанинскаго злорѣчія и кощунства въ безуміи человѣка, который не знаетъ, чтó произноситъ его мерзкій языкъ!

Такъ вотъ чѣмъ разрѣшилось ваше смиреніе, ваше обращеніе къ вѣрѣ народа—ваше единеніе въ духѣ съ вашими дѣдами и бабками, съ вашею несчастною матерью!

Да сохранитъ душу ея милость Господня, чтобы она, по крайней мѣрѣ, до послѣдняго страшнаго суда, не знала эти убійственныя сыновнія слова! Иначе онѣ отравили-бы ей райское блаженство.

„Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ:
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни—
И свѣтъ обрѣтши ропщетъ и бунтуетъ.

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ,
И сознаетъ свою погибель онъ
И жаждетъ вѣры...... но о ней не проситъ.

Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ предъ замкнутою дверью:
„Впусти меня! я вѣрю, Боже мой!
Приди на помощь моему безвѣрью“!

Какъ человѣкъ своего вѣка, вы не можете не узнать здѣсь очертаній вашего собственнаго нравственнаго облика и должны, кажется, признать не совсѣмъ глупымъ человѣка, который сумѣлъ его нарисовать.

О, да, графъ! Нужна была эта поэзія вѣрующей мысли, чтобы дать перемежиться въ душѣ невыносимому, нераздѣльному чувству ужаса, скорби, негодованія и почти проклятія: да онѣмѣютъ богохульныя уста!

Не человѣку васъ судить, а васъ будетъ судить Тотъ, Кто сказалъ: „Отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься“: Я постараюсь не касаться того, чтó есть ваша вѣра или безвѣріе; а мы разберемъ только то, чтó представляетъ ваша философія простому здравому смыслу.

Если вы такъ настоятельно требовали и судили, чтобы вѣра людей сказывалась ихъ жизнію (чтó, конечно, и должно быть такъ), то не въ правѣ ли мы, хотя и глуповатые люди, ожидать, что и ваша философія скажется *мыслію*—правильнымъ ходомъ ея воззрѣній и опредѣленій. Ваши воззрѣнія были та-

ковы: ни откуда не вытекаетъ понятіе Бога; весь этотъ вздоръ христіанства, распространенный во вселенной—въ него вы не вѣрили и даже не старались повѣрить. Положеніе ваше было ужасно: во тьмѣ безвѣрія, безъ смысла жизни, съ отворенною дверью къ самоубійству..... По случаю, у васъ нашлась, какъ сами вы очень вѣрно выражаетесь, *физическая* любовь къ народу (духовной вы не могли имѣть къ нему, къ православному русскому крестьянству, потому, что „духовное воспринимается только духовнымъ", а вы были плоть, одна плоть обезумѣвшаго философски разума, отрицавшаго не только все духовное, но даже свою собственную душу человѣческую). И вотъ, благодаря этой физической любви и вашему пребыванію въ деревнѣ, не отчуждавшему васъ отъ народа,—на васъ исполнилось то, что̀ признаетъ народная мудрая поговорка: *поводись съ пчелкой, въ медку будешь....*

На горечи вашихъ философскихъ устъ вы почувствовали жизненную усладительность духовнаго народнаго начала..... Какъ изъ душнаго колодца, вы выскочили на свѣтъ Божій (ваши слова); вы пробили стѣну, которая отдѣляла васъ, ученаго и мудраго (тоже ваши слова), отъ глупыхъ и невѣждъ, и вы очнулись—прозрѣли, чтобы понять, что Богъ есть жизнь и что вѣрой живутъ люди.

„*Како вѣруеши*"? Не прямой ли это вопросъ, который вы должны были задать себѣ, разсуждая со своимъ философскимъ разумомъ. И не въ ученіи ли этой вѣры, которою жилъ на вашихъ глазахъ народъ и васъ обратилъ къ жизни отъ самоубійства,—не въ этомъ ли ученіи вы должны были найти себѣ основу и опору, и свѣтъ разумѣнія, чтобы отвѣтить: „*я вѣрую и исповѣдываю такъ*?" И далѣе: какъ мужъ ученый и мудрый, не съ ученою ли мудростію вы должны были приступить къ пріобрѣтенію этого сокровища вѣры, которое такъ долго оставалось сокрытымъ отъ васъ на полѣ Божественнаго Евангелія? И вотъ, нашедши его и въ великой радости о немъ, пошли ли вы продать все, что̀ имѣли, и купить это Божественное поле? Разумѣю продажу и куплю, отверженіе тщетныхъ философскихъ умствованій въ дѣлахъ вѣры и воспріятіе ума Христова, т. е. ученія Церкви, которое, какъ сами вы убѣдились, единое есть для того, чтобы высокоумному человѣку жить, а не искушаться самоубійствомъ.

Вмѣсто не удовлетворявшихъ васъ реченій о вѣрѣ господъ вашего круга могъ ли бы не удовлетворить васъ Іоаннъ въ Еван-

теліи, громогласно возгласившій первѣйшее положеніе нашей вѣры: „*Слово плоть бысть*“, и Павелъ въ его посланіяхъ, убѣждающій вѣрныхъ, что „во Христѣ Іисусѣ вся полнота Божества *тѣлесно*“. Въ писаніяхъ этихъ двухъ: Галилейскаго рыбака и ученаго фарисея, сперва гонителя того самаго ученія, которое онъ, впослѣдствіи, пронесъ по вселенной и отдалъ за него подъ мечъ свою благородную голову почетнаго римскаго гражданина,—въ ихъ писаніяхъ вся глубина философіи христіанства, скрывающаяся не во мракѣ, но „сіяющая, какъ звѣзды, въ непроницаемомъ свѣтѣ безконечности“..... Я позаимствовала у васъ это прекрасное выраженіе.

И что-же вы, философъ,—вы что позаимствовали изъ этой трогательной философіи Христа, явившагося во плоти и отдающагося всею полнотой Божества вѣрѣ и любви человѣка? Графъ! вы не можете возразить, что я говорю дерзость, если я, въ скорби и печали о васъ, должна отвѣчать: Ничего вы не позаимствовали у Божественной истины, а, какъ истый сынъ своего вѣка, вы обрѣли свѣтъ вѣры и тутъ же взбунтовались и возроптали на него: „Безмысленно, неразумно! дико, глупо..... я не понимаю, не могу понять“!...... Понять вѣру?! Да вѣдь это въ родѣ того, что достать луну! И когда бы вы достали ее съ выси небесной, луна перестала бы быть свѣтиломъ, озаряющимъ мракъ земной ночи, а сдѣлалась бы она въ рукахъ вашихъ игрушкой прихоти, въ родѣ мячика забавляющихся дѣтей. И даже немножко совѣстно *мнѣ* и указывать *вамъ* на логическую безмыслицу самого требованія *пониманія вѣры*, когда это два понятія, не только противоположныя, а взаимно уничтожающія другъ друга: такъ что, если гдѣ есть одно, тамъ уже, по непреложному закону самой простой логики, не можетъ быть другаго. Зачѣмъ мнѣ и вамъ, и всѣмъ, и каждому *вѣра*, когда у насъ есть *знаніе*—пониманіе всей сущности предлагаемаго предмета? Во что мнѣ вѣровать, когда я *знаю*? И когда я *вѣрую*, что мнѣ еще остается *знать*? Я все знаю духомъ Самой Божественной истины, открывающейся моей вѣрѣ и любви, въ единствѣ Церкви Христовой. И вотъ вы, искавшіе пріобщиться этому единству,—какъ же вы единились въ вѣрѣ, въ ученіи, въ принятія неизмѣнныхъ положеній церкви?

Какъ изначальныя слова проповѣди Христовой о Царствіи Божіемъ были: „Покайтеся и вѣруйте въ Евангеліе“, такъ и первые шаги, при вступленіи въ церковь Христову, тѣ же самые: покаяніе и вѣра; другаго пути нѣтъ. Кто не входитъ этою,

однажды указанною и до скончанія міра отворенною, дверью, тотъ есть волкъ, а не овца Христова.

О покаяніи вы говорите: „мнѣ такъ радостно было, унижаясь и смиряясь предъ духовникомъ, простымъ, робкимъ священникомъ, выворачивать всю грязь своей души, каясь въ своихъ проступкахъ"—Кому? Христу Богу, или этому, робѣвшему предъ вами, вашему деревенскому священнику?—Но въ Божество Христа вы не вѣруете—вы его не *понимаете*; оно безсмысленно для васъ. Въ Пресвятую Троицу? И тѣмъ болѣе! Это уже совершено дико, и вы, присутствуя въ обѣднѣ, самыя даже слова: „и едино исповѣдуемъ Отца и Сына и Святаго Духа"—„я пропускалъ", говорите вы, „п. ч. не могъ *понять ихъ*". Далѣе все ваше вниманіе и дѣйствіе въ оградѣ церкви было обращено на то, чтобы осмыслить безмыслицу ея обрядовъ и придать объясненіе ея словамъ и молитвамъ; но это вамъ трудно давалось, и „почти $^2/_3$ службы или вовсе не имѣли объясненій, или я чувствовалъ, что я, подводя имъ объясненія, лгу, дѣлаю софизмъ, и тѣмъ совсѣмъ разрушаю свое отношеніе къ Богу, теряю совершенно всякую возможность вѣры"...... Возможность вѣры вашей зависѣла отъ возможности вашихъ объясненій; слѣдовательно, въ васъ происходилъ тотъ сумбуръ въ душѣ и въ головѣ, которымъ мы, простые люди, называемъ безсмыслицу спутавшихся и несогласимыхъ понятій. И какой ужасающій сумбуръ!..... Чтобы разрѣзать лягушку для стяжанія какихъ нибудь естественныхъ знаній, вы бы приступили къ этому важному занятію съ большими научными пріемами, съ подготовкой анатомическаго ножа и уже съ непремѣннымъ прочтеніемъ всѣхъ книгъ и книжечекъ и многоумныхъ трактатовъ о лягушкахъ вообще и въ частности о той, которая подлежала вашему изслѣдованію.... А здѣсь? А въ стяжаніи вѣры, которая бы просвѣтила душу вашу—къ которой вы шли отъ смерти къ жизни, ахъ, Левъ Николаевичъ! чѣмъ же удовольствовалась ваша ученость?... И мало одной учености: вы назвали себя *мудрымъ*, и, не дерзая лишать васъ этого титла, я только имѣю все право обратиться къ вашей мудрости и спросить ее: гдѣ она была, когда вы не лягушку разсѣкали, а вводили Бога въ вашу грѣшную душу таинствомъ ученія вѣры Христовой? Она гдѣ-то странствовала по высямъ безбожной философіи и оставила васъ, мужа въ совершенномъ возрастѣ, приступить къ Церкви вселенской—къ жилѣ ея Божественнаго тайновѣдѣнія, съ обрывками начальныхъ, отвергнутыхъ, перепутанныхъ, затмившихся наученій

мальчика, обезвѣрившагося въ 11 лѣтъ и едва въ 50 начинающаго искать вѣру, и даже не собственно вѣру, а тотъ жизненный смыслъ ея, который былъ нуженъ вамъ для того, чтобы не повѣситься! Вы даже Символъ Вѣры не протвердили, который, конечно, забыли вы, и не могли сказать самому себѣ: во что вѣрятъ люди, къ вѣрѣ которыхъ вы, однакоже, шли пріобщиться.... Что это такое? неужели философское дознаніе истины?

О, да! истины того, съ какимъ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ этой поповской вѣрѣ—къ вѣрѣ вашихъ отцовъ, съ уничижительнымъ мнѣніемъ, что все для нея годится, вы пріобщились къ Церкви православно-вѣрующихъ, не вѣруя ни въ ангеловъ, ни въ духа тьмы, ни въ Святыхъ, ни въ Богородицу, ни въ божество Христа, ни въ Пресвятую Троицу, отвергая таинства и даже поставляя въ соблазнъ себѣ главнѣйшія: Крещеніе и Причащеніе,—кощунствуя надъ всѣмъ величіемъ торжествъ и славы христіанскаго міра! День Воскресенія—день солнца Правды, просіявшаго намъ, смертнымъ, радостями и упованіемъ новой жизни—вы и его признали хуже, чѣмъ невозможностію и глупостію, а сознательною ложью!

Но и здѣсь еще не положился предѣлъ вашему безумію, о которомъ говорится въ писаніяхъ Вѣры: „называя себя мудрыми обезумѣли"—и вы, изсушаемый и палимый невѣріемъ, осмѣлились приступить къ живоносному источнику Церкви, къ чашѣ прободеннаго ребра Господня. „Причастіе, какъ дѣйствіе, я объясняю себѣ легко."—Каково?!.. То дѣйствіе неисповѣдимаго милосердія, любви и премудрости Божіей, которымъ возстановляется и обожествляется весь человѣкъ въ теснѣйшемъ единеніи Плоти и Крови Христа Бога—дѣйствіе, предъ которымъ самые великіе умы и свѣтила Вселенской Церкви, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, нѣмѣли и благоговѣли, признавая, что это дѣйствіе благодати Божіей превосходитъ не только понятіе ума человѣческаго, но и ума ангельскаго; а для ума графа Толстаго это такъ легко! Написать „Анну Каренину" гораздо труднѣе. Простите этому вырвавшемуся слову законнаго негодованія... И вотъ, въ этомъ настроеніи легкости и пріятной воображаемости вашего соединенія съ предками, съ вашими любимыми отцомъ и матерью—дѣдами, бабками—со всѣмъ вѣровавшимъ и вѣрующимъ человѣчествомъ, и, не помышляя только о соединеніи, прежде всего, вѣрой съ Богомъ во Христѣ, въ которомъ все содержится и всѣ

обрѣтаются вѣрующіе, какъ члены Тѣла Его, а Онъ—Глава всѣхъ,—вы, послѣ столькихъ лѣтъ произвольнаго отлученія отъ чаши Господней, наконецъ, предстали предъ нею. Царскія врата отворились; священникъ произнесъ къ вамъ то, что́ приглашаются повторять за нимъ всѣ алчущіе и жаждущіе божественнаго причащенія: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго.... и сіе есть самое пречистое Тѣло Твое, и сія самая есть честная кровь Твоя“.... И вдругъ всѣ ваши воображаемыя легкости и пріятности исчезли и васъ какъ ножемъ рѣзануло по сердцу—отчего? почему? „Вамъ послышалась фальшивая нота“!...... И не одна. Всѣ ноты фальшиваго настроенія вашей души должны были разомъ зазвучать, чтобы приглушить въ васъ всякое человѣческое понеиманіе божественнаго и навести на васъ то дьявольское отуманеніе, въ которомъ одномъ вы могли воскликнуть: „это жестокое, наглое требованіе *кого-то такого*, который очевидно никогда и не зналъ, что такое вѣра!“

А кто же этотъ *какой-то*? Онъ одинъ Дѣйствователь и Совершитель всего въ таинствахъ Его святой Церкви. Не этотъ же робѣющій предъ вами священникъ и не въ свое простѣйшее имя онъ желалъ принять ваше громкое устное исповѣданіе, и не къ нему оно относилось, а прямо и единственно къ Лицу Того, котораго божественную плоть и кровь вы приступили вкусить и пить для тѣснѣйшаго соединенія съ Нимъ въ одно тѣло и одинъ духъ, и Онъ-то, живо и дѣйственно присутствуя въ Своемъ святѣйшемъ таинствѣ, желаетъ принять то единственное, что́ вы по человѣчеству можете принести Ему, Богу: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“..... И этого-то Божественнаго Желателя вѣры вашего сердца, въ замѣнъ всеотдающейся любви Его, которая подноситъ вамъ, какъ даръ своей крестной смерти и воскресенія, эту самую пречистую плоть Свою и эту самую истинную кровь Свою, чтобы вы пріобщились очистительной силѣ Его страданій и Славѣ Его воскресенія, вкушая то и другое подъ видами хлѣба и вина,—вы Его-то укоряете въ жестокомъ и нагломъ требованіи, и Его-то учите знать: что такое вѣра?

А что такое сумасшествіе въ человѣкѣ, ослѣпленномъ блестками ума? Вы это достовѣрно опредѣлили, назвавъ имъ ту алчную похоть учительства, обуявшую васъ съ товарищами во цвѣтѣ вашихъ лѣтъ; но тогда вы учили народъ—вообще людей невѣждъ; а теперь, графъ Левъ Николаевичъ, вы принялись

учить Самого Господа Бога: какую вѣру и какъ онъ долженъ требовать ее отъ насъ?

И вы не смѣете сказать, что ваши слова: „жестокое, наглое требованіе“ относились къ кому либо другому, а не къ самому Христу. То, что вамъ приходилось „глотать“, какъ вы кощунственно выражаетесь, и что именно возмутило всю желчь вашего разсудочнаго невѣрія,—Оно было Его! Никто и никогда другой не дерзалъ произнести: „плоть Моя истинно есть пища и кровь Моя истинно есть питіе,“ и эти-то истинная пища и истинное питіе подносились вамъ рукой служителя и требовали отъ васъ вѣры въ принятіи. Но какъ первые слышатели о Хлѣбѣ Жизни возмущались и негодовали, споря между собою: „Какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть свою“? такъ и вы, послѣдующій, тоже возмущаетесь и негодуете: почему это не плоть и кровь, что преподается вамъ, въ такомъ удобно воспринимаемомъ видѣ для человѣка, какъ хлѣбъ и вино? О, какъ выразительно вѣрно слово Божественнаго Евангелія: „съ кѣмъ сравню людей рода сего? и кому они подобны? Они подобны дѣтямъ, которыя сидятъ на улицѣ, кличутъ другъ друга и говорятъ: мы играли вамъ на свирѣли и вы не плясали; мы пѣли вамъ плачевныя пѣсни и вы не плакали“.....

И какая плачевная пѣснь это, будто бы во имя науки, верхоглядное невѣріе нашихъ дней! „Я смирилъ свой разумъ и проглотилъ эту кровь и тѣло; но ударъ уже былъ нанесенъ. И зная впередъ, что ожидаетъ меня, я уже не могъ идти въ другой разъ“... „Ударъ нанесенъ“—чему же? Вашей воображаемой вѣрѣ, или вашему разсудочному невѣрію? И что же такое ожидало васъ въ *другой разъ*, чего бы вы не знали и не должны были знать въ первый? Говѣя и готовясь къ Святому Причащенію, неужели вы, хотя наглядно, не знали, что оно преподается подъ видомъ хлѣба и вина, съ непремѣннымъ условіемъ вѣры, что это есть самое пречистое тѣло Христово и самая честная кровь Его? А VI глава Евангелія отъ Іоанна? Неужели она такъ и осталась непрочитанною вами? И вы, человѣкъ съ философскимъ образованіемъ, не вмѣнили себѣ въ обязанность ознакомиться съ философіей Слова Божія, признаваемою тою Церковью, въ лоно которой вы возвращались? Это Божественное ученіе о Хлѣбѣ жизни въ этой чудной главѣ, въ которой отъ недостающаго простаго человѣческаго хлѣба совершается переходъ къ Хлѣбу Божію, ядущій который жить будетъ во вѣкъ: ибо хлѣбъ Божій есть тотъ, который сходитъ съ небесъ

и даетъ жизнь міру... тогда непостижимо таинственный этотъ хлѣбъ: „плоть Моя, которую я отдалъ за жизнь міра", и нынѣ такъ благодатно вѣдомый Церкви Христовой, всегда потребляемый и никогда не иждеваемый, Хлѣбъ Св. Трапезы!

Вѣровать, или не вѣровать этому Хлѣбу жизни была, есть и будетъ ваша воля и ваша свобода человѣческой совѣсти; но *знать* объ этомъ ученіи вы должны были! Иначе, что́ же вы за безсмысленный мужъ философіи, который все знаетъ, кромѣ того, что самая философія обязываетъ его знать?

И зная это ученіе, у васъ недостало бы вашей собственной легкомысленной наглости, чтобы назвать „жестокимъ и наглымъ" требованіе Церкви, предъ чашей Завѣта Христова исповѣдать вѣру вашу. Вы бы знали тогда, что, возглашая свое божественное таинственное ученіе о Хлѣбѣ плоти Своей и о Питіи крови Своей, Христосъ не васъ перваго встрѣтилъ невѣрующимъ и соблазняющимся. Многіе были изъ учениковъ, которымъ, также какъ и вамъ, показалось *„жестоко слово сіе"*, и они оставили Своего Божественнаго Учителя, хотя Онъ и увѣщевалъ ихъ: не соблазняться этимъ Его видимымъ тѣломъ, что слова, которыя Онъ говоритъ, суть духъ и жизнь; но они остались при своемъ разсудочномъ рѣшеніи: „кто можетъ это слушать?" и отошли отъ него. И что же Онъ? Который, по смыслу Своей Пастырской притчи, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, оставляетъ девяносто девять въ пустынѣ и идетъ въ слѣдъ за пропавшею,—что же Онъ? пошелъ за столькими многими? Возвратилъ ихъ какою либо уступкой изъ своего страннаго ученія? Нѣтъ. Такъ непреложна истина этого ученія, что ее могъ не принять міръ, но измѣнить ее Христосъ не могъ. Онъ обратился къ послѣднимъ двѣнадцати ученикамъ и сказалъ имъ: „Не хотите ли и вы отойти?" По счастію, Петръ, порывомъ его сердечной вѣры, за всѣхъ вѣрующихъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, отвѣчалъ: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни".

А эти вѣчные глаголы сказываютъ такъ: „Истинно, истинно говорю вамъ, если не будете ѣсть плоти Сына Человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни".

И затѣмъ слѣдуетъ, какъ печать непреложнаго утвержденія, божественный силогизмъ: „Какъ послалъ меня *живый* Отецъ и Я *живу* Отцомъ: такъ и ядущій меня *жить* будетъ Мною".

Потому тѣхъ, соблазнившихся, и нельзя было возвратить ни Самому Пастырю заблудшихъ овецъ, что пріобщеніе жизни вѣч-

ной есть пріобщеніе плоти и крови Христовой—единый есть путь, указанный въ Церкви, съ котораго они сошли и разсѣялись по путямъ погибели. Слѣдовательно, Церковь должна всесовершенно знать, по величеству дара Христова, такъ ли онъ истинно имѣетъ быть воспріятымъ, какъ онъ преподанъ Христомъ? И, какъ мудрая мать, приходящая на помощь своимъ чадамъ, она не даетъ имъ разниться ни въ словѣ, ни въ пониманіи, а живымъ и дѣйствительнымъ единствомъ Вѣры, поставляя всѣхъ и каждаго передъ лицомъ Самаго Христа, она и одно свое полнѣйшее исповѣданіе изъ устъ священнослужителя влагаетъ во всѣ уста: да едиными устами и единымъ сердцемъ признается величество Святыхъ воспринимаемыхъ даровъ плоти и крови Христовой.

И эту мудрую, святую, предупредительную попечительность Церкви вы могли назвать и назвали ее: наглымъ и жестокимъ требованіемъ и пр.

Левъ Николаевичъ! я плакала отъ скорби, отъ жалости о васъ, отъ своей туги сердечной надъ этими вашими истинно „жестокими“ словами. Вы можете назвать и считать это вздоромъ, мои слезы; но мнѣ онѣ даютъ право до тонкости разобрать ваши слова, чтобы не я, а вы сами увидѣли: могли ли вы, должны ли вы были, и смѣлъ ли вашъ разумъ такъ младенчествовать въ словѣ, чтобы говорить ему наобумъ?..

Я вовсе не желаю оскорблять васъ; но когда душа болитъ и негодуетъ самое святое человѣческое чувство,—слово бываетъ горько неволей и скорбію и его правдой, графъ!

Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не входятъ... Монастырь Св. Православной Церкви былъ слишкомъ долго чуждъ вамъ, чтобы не приложить было старанія ознакомиться съ его уставами. Но объ этомъ было говорено вообще, а теперь я приступаю къ важнѣйшему частному случаю вашего приготовленія къ Причащенію. „Я говѣлъ, постился, соблюдалъ временныя молитвы дома и въ Церкви. Службы, исповѣдь, правило, все это было *мнѣ понятно*... Такъ радостно было сливаться мыслями со смиреніемъ Отцовъ, писавшихъ молитвы Правила, т. е. Послѣдованія ко Св. Причащенію“.

И эти Отцы, къ которымъ вы пріобщали вашу мысленную радость смиренія, были тѣ великіе Отцы Церкви, которыхъ чтитъ весь христіанскій міръ: Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ и друг., какъ Симеонъ Метафрастъ и Симеонъ новый Богословъ, хотя его *новость*, вѣроятно, не моложе тысячи лѣтъ, но я не знаю навѣрное. И что же? вы, при-

ходящій въ Церковь съ требованіемъ сознательнаго разума въ пониманіи каждаго ея слова, дѣйствія, живой обрядности,—вы же сами съ пониманіемъ, или безъ пониманія, читали молитвы великихъ Отцовъ, надъ которыми услаждалось ваше смиреніе? Вѣроятно же, не безсознательно вы лепетали слова, не заботясь объ ихъ разумѣ—не могли же вы быть (я ставлю самое рѣзкое сравненіе) Петрушкой Гоголя, услаждающимся однимъ разбираніемъ и слаганіемъ буквъ въ слова, а до смысла ихъ не имѣющимъ никакой умственной нужды?

Вы читали Правила, слѣдовательно, вы не могли не вникать въ смыслъ молитвъ; вы ихъ понимали—вы признавали ихъ слѣдовательно не безсмысленными, не дикими, не глупыми, если вы молились ими..., и какъ же вдругъ точно громъ грянулъ надъ вами неслыханными раскатами, и вы словно очнулись, какъ изъ сна, восклицая, что это жестокое и наглое требованіе! И какое же? Повторить вамъ за священникомъ ту самую краткую молитву, которая находится въ Правилѣ и которую вы читали и, конечно, понимали то, что́ вы читали и не въ одной этой молитвѣ, а во всѣхъ тѣхъ молитвахъ Св. и великихъ Отцовъ Церкви: одно и то же моленіе, объ одномъ и томъ же всевеличайшемъ дарѣ, съ различными изліяніями кающейся и исповѣдующейся Богу, грѣшной человѣческой души.

О чемъ же это моленіе? Имѣя уши, послушаемъ.

Первый стихъ изъ Причастнаго Канона:

„Хлѣбъ живота вѣчнующаго, да будетъ ми Тѣло Твое святое благоутробне, Господи, и честная кровь...“

И затѣмъ другіе стихи:

„Во оставленіе да будетъ ми прегрѣшеній пречистое Тѣло Твое и божественная кровь, Духа же святаго общеніе и въ жизнь вѣчную, Человѣколюбче...“

„Хлѣба животнаго Трапеза пресвятая, свыше милости ради сшедшаго и мірови новый животъ дающаго, и мене нынѣ сподоби, недостойнаго, со страхомъ вкусити сего и живу быти“.

„Кровь Твою, Владыко, Пречистую и Тѣло Твое пресвятое мене сподоби, недостойнаго, пріяти, ясти же и пити со желаніемъ и *вѣрою*...“

Кондакъ:

„Хлѣбъ, Христе, взяти не презри мя, Тѣло Твое и божественную Твою нынѣ Кровь, пречистыхъ, Владыко, и страшныхъ Твоихъ тайнъ причаститися... да будетъ же ми въ животъ вѣчный и безсмертный“.

„Со страхомъ и трепетомъ приступимъ вси къ Божественнымъ тайнамъ Христовымъ, *истое же и святое Тѣло Его пріимемъ и истую и святую, и честную его Кровь*".

Василій Великій молится:

„Владыко Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, источниче жизни и безсмертія, всея твари видимыя и невидимыя Содѣтелю, безначальнаго Отца соприсносущный Сыне и собезначальный! премногія ради благости, въ послѣдніе дни, въ плоть оболкійся и распныйся и погребыйся за ны неблагодарныя и злонравныя, и Своею Кровью обновивый растлѣвшее грѣхомъ естество наше! Самъ безсмертный Царю! пріими и мое грѣшнаго покаяніе... яко да чистымъ свѣдѣніемъ совѣсти моея Святынь Твоихъ часть пріемля, соединюся святому Тѣлу Твоему и Крови и имѣю Тебе во мнѣ живуща и пребывающа со Отцемъ и Святымъ Твоимъ Духомъ. Ей, Господи, Іисусе Христе Боже мой! и да не въ судъ ми будетъ причастіе пречистыхъ и животворящихъ Тайнъ Твоихъ".

И другая его молитва начинается:

„Вѣмъ, Господи, яко недостойнѣ причащаюся пречистаго Твоего Тѣла и честныя Твоея Крови, и повиненъ есмь, и судъ себѣ *ямъ* и *пію*, не разсуждая Тѣла и Крови Тебе, Христа и Бога моего..."

Іоаннъ Дамаскинъ, проименованный *Божественнымъ*, продолжаетъ:

„Владыко Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, едине имѣяй власть человѣкомъ оставляти грѣхи, яко благъ и человѣколюбецъ, презри моя вся въ вѣдѣніи и невѣдѣніи прегрѣшенія и сподоби мя неосужденно причаститися божественныхъ и преславныхъ, и пречистыхъ, и животворящихъ Твоихъ Таинъ".

Симеонъ Метафрастъ въ сжатой и чудной его молитвѣ:

„Едине чистый и нетлѣнный Господи!"—воспомянувъ всѣ чудеса божественнаго вочеловѣченія Христа, отъ его дѣвственнаго рожденія и до втораго на судъ пришествія, молится: „сподоби мя причастіемъ Святыхъ Твоихъ Тайнъ десную часть спасаемыхъ получити..."

Симеонъ, Новый Богословъ, въ своихъ пространныхъ, пламенныхъ, краснорѣчивыхъ изліяніяхъ взываетъ: „Остави ми, Боже всяческихъ! да чистымъ сердцемъ, притрепетною мыслію и душей сокрушенною нескверныхъ Твоихъ причащуся и пресвятыхъ Тайнъ, ими же оживляется и обожается всякъ ядый же и піяй чистымъ сердцемъ. Ты бо реклъ еси, Владыко мой, „Всякъ ядый

Мою плоть и піяй Мою кровь, во Мнѣ убо сей пребываетъ, въ немъ же и Азъ есмь“. Истинно слово всяко Владыки и Бога моего: божественныхъ бо причащаяйся и боготворящихъ благодатей, не убо есмь одинъ, но съ Тобою, Христе мой, Свѣтомъ трисолнечнымъ, просвѣщающимъ міръ! И Твоихъ живодательныхъ и непорочныхъ таинствъ причаститися неосужденно сподоби...“

Златоустъ:

„Господи Іисусе Христе, Боже мой! ослаби, остави, очисти и прости ми грѣшному и непотребному, и недостойному рабу Твоему прегрѣшенія и согрѣшенія, и грѣхопаденія моя, елика Ти отъ юности моея, даже до настоящаго дне и часа согрѣшихъ... и молитвами, безсѣменно рождшія Тя, Пречистыя и Приснодѣвы Маріи, Матери Твоея, единыя непостыдныя надежды и предстательства, и спасенія моего, сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ, безсмертныхъ, животворящихъ и страшныхъ Твоихъ таинствъ во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную“.

И затѣмъ, камень вашего печальнаго преткновенія, графъ, тоже молитва Златоустова:

„Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистинну Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ! Еще вѣрую: яко *сіе есть самое* пречистое Тѣло Твое и *сія самая есть* честная кровь Твоя! Молюся убо Тебѣ, помилуй мя и прости ми прегрѣшенія моя... и сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ Твоихъ Таинствъ во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную.—Аминь.“

Вы читали это? Вы сами свидѣтельствуете выше, что все это казалось не безсмысленно, а даже *понятно вамъ*—даже радостно вамъ было сливаться съ духомъ смиреннаго моленія Отцевъ, написавшихъ молитвы Правила... Откуда же вдругъ явилась та фальшивая нота, которой звукъ, какъ ножемъ рѣзанулъ васъ по сердцу, и вы, въ безмѣрномъ негодованіи, воскликнули о нагломъ и жестокомъ требованіи, не понимающемъ даже: *что такое вѣра?* И вамъ, графу Толстому, приходится учить этому понятію Василія Великаго и Іоанна Златоуста...

Ахъ, не видите ли вы сами, какъ оно выходитъ печально, смѣшно! Но нѣтъ охоты смѣяться тамъ, гдѣ должно плакать и уразумѣть доподлинно, графъ, что въ Церкви, которая есть для міра столпъ и утвержденіе Божественной Истины Евангельскаго ученія, нѣтъ и не можетъ быть ничего ненужнаго и излишняго; а въ таинствахъ, въ ученіи, въ Богослуженіи—въ ея молитвахъ, принимаемыхъ отъ насъ и возсылаемыхъ Богу, есть глубокое

вѣдѣніе грѣшной души человѣческой и самый Христовъ путь нашего спасенія. Не безъ ума Св. Церковь приняла это гласное исповѣданіе сердечной вѣры приступающаго къ Св. Тайнамъ, что совершенно ясно доказываетъ отступническое волненіе вашего философскаго смысла. Въ чемъ здѣсь сила? А сила въ томъ, что вы сами ясно увидѣли и возчувствовали, что иное дѣло ваше мнѣніе о Причащеніи и иное дѣло—живая и святая вѣра Церкви въ Него.

Казалось, вы совсѣмъ были вѣрующимъ: говѣли, постились и молились, на церковныя службы ходили; на исповѣдь шли въ радости къ своему уничиженному попу; оставалось только въ веселіи приступить и къ послѣднему дѣйствію, и тѣмъ болѣе, что „самое причастіе, какъ дѣйствіе, я объяснялъ себѣ легко", пишете вы: „какъ дѣйствіе совершаемое въ воспоминаніе Христа и означающее очищеніе отъ грѣха и полное воспріятіе ученія Христа..." Только-то? Да и это объясненіе еще было „искусственно"; но, въ вашей радости о сближеніи и единеніи съ вашими дѣдами и бабками—со всѣмъ вѣрующимъ человѣчествомъ, вы не чувствовали этой искусственности объясненія...

И вдругъ попъ, робѣвшій передъ вами, когда вы выворачивали ему всю грязь вашей души, теперь, ни мало не сообразуясь съ вашими искусственными объясненіями и какъ бы не робѣя вовсе, предлагаетъ вамъ: „говорите за мною: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, что Ты Христосъ. . но не Тотъ, вашъ искусственный, а настоящій, Сынъ Бога Живаго, и сіе есть самое пречистое Тѣло Твое, и сія есть самая честная Кровь Твоя".— Когда вы, опытный мудрецъ, повѣряющій все пятерицей своихъ внѣшнихъ чувствъ, видѣли не то и не другое, и не смѣли—не могли не повторять тѣхъ словъ за попомъ, о, какъ же было не воскликнуть, что это жестокое и наглое требованіе для вашей маленькой самодѣльной вѣры. А что она истинно была мала и самодѣльна, мы это постараемся разобрать сейчасъ, не какъ вѣру, а какъ ваше искусственное объясненіе предмета вѣры Православной Церкви.

„Въ воспоминаніе Христа — Причастіе, какъ дѣйствіе", говорите вы, и Церковь дѣлаетъ то же самое, и самъ Господь заповѣдалъ ученикамъ: „сіе творите въ Мое воспоминаніе". Слово одно и то же; но въ чемъ же разница, когда отъ воспоминанія, совершаемаго Церковью, вы отбѣгли въ ужасѣ и негодованіи и признали его какъ бы не подлежащимъ *даже вѣрѣ*, а отвѣчающимъ развѣ сумасбродству и суевѣрію? Вы даже прямо назвали

его „соблазнительнѣйшимъ и безсмысленнѣйшимъ дѣйствіемъ евхаристія!“ Но какъ же вы съ вашимъ „старымъ твердымъ умомъ“, на который вы опираетесь, какъ на трехпудовую палицу сказочнаго Ивана Царевича,—какъ же вы могли рѣшиться на умственный соблазнъ подобнаго дѣйствія и приступили къ чашѣ Господней? Вѣроятно, по легкости вашихъ искусственныхъ объясненій... *Мы смерть Господню возвѣщаемъ*, приступая къ Таинству совершаемаго въ Церкви воспоминанія, и Оно для насъ не *„означающее только очищеніе отъ грѣха“*, а напротивъ, въ Немъ-то и Имъ самимъ, этимъ дѣйствіемъ совершаемаго воспоминанія, и преподается намъ полнѣйшее отпущеніе грѣховъ и даръ обѣтованія жизни вѣчной, въ Божественной тайнѣ пріобщенія Тѣла и Крови Христовой подъ видами хлѣба и вина.— А у васъ же какой смыслъ вашего воспоминанія, когда это наше Церковное вы назвали „безсмысленнѣйшимъ и наглымъ требованіемъ?“ Такъ себѣ, просто воспоминаніе Христа? Что онъ ѣлъ и пилъ, и передъ Своею крестною смертію завѣщалъ ученикамъ: „И вы ѣшьте хлѣбъ и пейте вино въ мое воспоминаніе“. Неужели-же и для васъ, для вашего разсудочнаго пониманія нравственнаго величія Христа, Онъ тотъ же *ядца* и *винопійца*, какимъ Его знали и укоряли фарисеи и прочіе князья жидовскіе? Вы скажете, что я взвожу на васъ нелѣпость, которой вы никогда не думали... А я не знаю, что вы думали, а сужу потому, что вы написали..

Этотъ хлѣбъ и это вино, безъ таинственнаго вѣруемаго значенія словъ Господнихъ: „Сіе есть Тѣло Мое, за васъ ломимое, и сія есть кровь Моя, за васъ изливаемая во оставленіе грѣховъ“,—чѣмъ могутъ быть другимъ, кромѣ обыкновеннаго хлѣба и вина? Вы полагаете придать имъ значеніе, *очищающее отъ грѣха*.. На какомъ основаніи? Это нелѣпость, обижающая не только философское, а простое разсудочное пониманіе силы и воздѣйствія вещей. Я грѣшникъ любосластный, и преимущественные грѣхи моего любосластія: объяденіе и пьянство, и вмѣсто того, чтобы врачевствомъ моимъ были постъ и воздержаніе, мнѣ предлагается: ѣсть хлѣбъ и пить вино, что и будетъ очищающимъ меня дѣйствіемъ отъ грѣховъ объяденія и пьянства. Возможна ли подобная косная вещественность, взимающаяся на духовную самоотвѣтственность воли человѣка? Наконецъ, вѣруя во Христа, какъ Бога, мы Его самого, *лично* и *всеполно*, воспринимаемъ въ Таинствѣ Причащенія: умершаго, чтобы умертвить нашу грѣховную смерть, и воскресшаго, чтобы даровать намъ

вѣчную жизнь во славѣ Его и нашего общаго воскресенія; а для васъ—дѣйствіе воспоминанія въ Причащеніи это *только полное воспріятіе ученія Христова.....* Удивительно, какого эпикурейскаго философа вы нашли, графъ, въ Іисусѣ Назарянинѣ, чтобы полноту воспріятаго отъ Него ученія обозначить, чѣмъ же? ѣдой и питьемъ вина.

Таково всегда бываетъ разсудочное пониманіе того, что отъ Разума Божія! Какъ бы ни былъ твердъ и старъ въ своей человѣческой мудрости нашъ самохвальный умъ, а онъ всегда зашатается, какъ пьяный, покушаясь взобраться на ту таинственную высоту, передъ лице величества Божія, откуда созерцаются судьбы нашего спасенія, и доступъ куда открытъ только тремъ Богословскимъ добродѣтелямъ: вѣрѣ, надеждѣ и любви, въ ихъ нераздѣльной совокупности. Затѣмъ, графъ, я опять обращаюсь къ своему рѣзкому сравненію—Петрушки Гоголя, и не могу себѣ представить, какъ могли вы такъ *безпонятно* читать *понятное* вамъ правило, чтобы, встрѣчая одно и то же, повторяемое и однимъ именуемое въ каждой молитвѣ и прошеніи Св. Отцовъ: „о пресвятыхъ Тайнахъ, о животворящихъ Тайнахъ, о божественномъ Таинствѣ Плоти и Крови“,—вы приступили къ этимъ Тайнамъ, и тотчасъ потребовали: зачѣмъ это не *явно* плоть и кровь? и кощунственно проглотили вещество невещественнаго, таинственнаго дара Христова! Что же вы читали и какъ вы понимали читаемое вашимъ старымъ, твердымъ умомъ? Вѣдь и дѣтскій умъ понимаетъ, что̀ скрыто и что̀ явно показано. Вы молились о Божественномъ, о таинственномъ, о воспринимаемомъ вѣрой; а захотѣли принять: *„даждь ми здѣ на блюдѣ“*—не главу Іоанна Крестителя, а самую Плоть, сочащуюся Кровью Того, прикоснуться къ обуви котораго считалъ себя недостойнымъ величайшій изъ рожденныхъ женами..... Да помилуетъ васъ Господь въ шатости вашего ума и сердца, не утвержденныхъ въ Богѣ, и пойдемте далѣе.

Еще вы были бы безотвѣтны въ вашихъ жестокихъ словахъ, еслибы обычай Св. Церкви былъ таковъ: кто ни присутствуетъ при Богослуженіи, подходи къ Причастію и говори возмутившія васъ слова. Но вы знаете: ни попъ деревенскій, ни самъ патріархъ вселенскій не потребуютъ отъ васъ, чтобы вы подошли, когда вы сами не подвигнитесь на встрѣчу Божественнымъ Дарамъ, и вы припомните, что возглашаетъ дьяконъ, являя ихъ въ отворенныхъ Царскихъ вратахъ? „Со страхомъ Божіимъ и *вѣрой* приступите“!—и когда вы приступаете, зна-

чить вы... что? — вы вѣруете въ ту вѣру, которая провозглашается въ Церкви, и священнослужитель имѣетъ все право спокойно и твердо произнести его слова: „говорите за мною“..... И не только не совершается здѣсь насиліе совѣсти, а, напротивъ, дается полный, радостный, торжественный исходъ..... вамъ ли, писателю, привыкшему къ разбору и тонкому пониманію движеній души человѣческой,—вамъ ли, графъ Левъ Толстой, не понять: исходъ чему?—Силѣ и полнотѣ человѣческаго чувства, которое чѣмъ живѣе и истиннѣе, тѣмъ бо́льшимъ порывомъ души ищетъ проявиться наружу, и ему-то дается торжественно воскликнуть здѣсь, передъ лицемъ Неба и земли, въ Церкви святой: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“!.......

Окончивши съ понятіемъ *насилія*, перейдемъ къ другому, равносильному: *требованію*.

Развѣ любовь требуетъ? Она желаетъ, ищетъ, ждетъ, милуетъ, осыпаетъ дарами..... И въ плотской любви развѣ *требуютъ* отвѣтнаго чувства? Развѣ достоинству любви Божественной менѣе понятно благодарство нашихъ чувствъ любви? Наша капля не изъ того ли Божественнаго океана? И Христосъ, и Его Церковь могутъ ли попрать на столько величество Своихъ Даровъ, чтобы то, во что Ангелы *желаютъ* приникнуть, подносить грѣшному человѣку и еще требовать, чтобы онъ принялъ, когда душа его смердитъ и отворачивается отъ Живоноснаго дара? Сила любви Божественной, какъ бы океанъ пескомъ, ограничена нравственною свободой человѣка. И въ то свѣтоносное время, когда совершились судьбы нашего спасенія, и воскресшій Христосъ Самъ свидѣтельствовалъ о Себѣ: „что дана Ему всякая власть на небѣ и на земли“; и тогда свобода души человѣческой, какъ печать нашей божественной природы, осталась неприкосновенною“. „Идите во весь міръ“, послалъ Господь учениковъ: „проповѣдуйте Евангеліе. Кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ“. Даже въ дѣлѣ нашего спасенія нѣтъ и не можетъ быть требованія и принужденія! Потому-то мы такъ и отвѣтственны, что мы духовно свободны, какъ боги. Это хорошо понималъ, тоже не изъ совсѣмъ глупыхъ, нашъ маститый орелъ, когда онъ отчетливо, какъ рѣзцемъ, вырѣзалъ на стали своей поэзіи:

Я царь—я рабъ! Я червь, я—богъ!
. . . .
Неизъяснимый, непостижный!

Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей!..

И мы не имѣемъ нужды и чертить эту несовершенную тѣнь, потому что живый и всеполный образъ Бога невидимаго, непостижимаго, неизъяснимаго мы имѣемъ во Христѣ Господѣ тѣлесномъ, видимомъ, Который сталъ какъ бы одинъ изъ насъ, вочеловѣчившись ради нашего спасенія.

И я опять спрашиваю: что же вы позаимствовали изъ этой философіи божественнаго вочеловѣченія Христа и Евангельской благодати Его ученія?—Ничего. Вы все отвергли, потоптали, оплевали безмысліемъ вашего философскаго разума. Гонимые ужасомъ самоубійства, вы, изъ полнѣйшаго языческаго невѣра, сдѣлали точно шагъ, но какой и куда? *Въ жидовствующіе недовѣрки-субботники* и еще *саддукейскаго толка*. Не признавая Христа Бога, отвергая Святую Троицу, вы удержались на одномъ ветхозавѣтномъ вѣрованіи въ Бога Единаго и приступили къ почтенію *субботы*, и къ позоренію дня *воскресенія*..... „Помнить день субботній", пишете вы: „т. е. посвятить одинъ день на обращеніе къ Богу, мнѣ было понятно и легко. Но главный праздникъ (т. е. въ Церкви) былъ воспоминаніемъ о событіяхъ, которыя представлялись мнѣ хуже, чѣмъ невозможностію и глупостію—сознательною ложью. И этимъ именемъ *Воскресенія* назывался день субботній"! восклицаете вы въ негодованіи, чѣмъ и прямо указываете, что вы не фарисейскаго, а саддукейскаго толка. „Ибо саддукеи говорятъ, что нѣтъ воскресенія, ни ангела, ни духа" (что и вы говорите), а фарисеи признаютъ и то и другое. [1] Этимъ и воспользовался Апостолъ Павелъ, чтобы произвести раздѣленіе между своими обвинителями на первомъ своемъ судѣ въ Синедріонѣ.

Итакъ, что касается вашей вѣры, я ничего не смѣю сказать. Субботникъ вы и субботникъ; на это есть ваша воля и въ томъ лежитъ свобода человѣческой совѣсти (хотя злополучная свобода: изъ сына Св. Церкви стать жидовствующимъ недовѣркомъ!), но это ваша воля и къ тому васъ привелъ вашъ философствующій разумъ. Но зачѣмъ же вы уклоняетесь съ пути, указаннаго имъ, и вмѣсто того, чтобы идти въ синагогу и принять ея обряды, вы пишете: „Но я продолжалъ точно также исполнять обряды Церкви"..... Поймите эту умственную

[1] Дѣян. апостол. гл. 23.

и нравственную нелѣпость! Вѣровать по-жидовски и исполнять обрядность Христовой Православной Церкви! Вы, значить, молились молитвами Св. Отцевъ, которыя всѣ обращены ко Христу Богу, Спасителю міра, въ нихъ исповѣдуется Святая Троица, признается величество Приснодѣвы Богородицы; постились постами, имѣющими ихъ христіанское значеніе, приходили въ Церковь, присутствовали при Богослуженіяхъ и, слѣдовательно, непремѣнно при томъ самомъ, которое вы назвали „соблазнительнѣйшимъ и безмысленнѣйшимъ дѣйствіемъ". И ваша философская совѣсть оставалась покойною и довольною этою непослѣдовательностію дѣла и слова? И вашъ твердый, старый умъ молчалъ, какъ онѣмѣлый, молчалъ и не подсказалъ вамъ того, что мнѣ теперь остается напомнить вамъ—такъ грустно и печально напомнить вашей философіи: умѣла она рядить насъ въ глупцы, а вотъ и самой не угодно ли кафтанъ примѣрить? Непослѣдовательность въ выводахъ философскаго мышленія, что это такое, какъ не та же самая простая обыкновенная глупость? Вотъ до чего я договорилась съ вами, что пришлось вамъ возвратить то самое, чѣмъ вы такъ щедро надѣляете насъ и все наше, и даете намъ возможность испытать подобіе того чувства, съ какимъ первые сыны Церкви возвращались изъ Синедріона, радуясь, что за Имя Господа Іисуса удостоились принять безчестіе. Такъ и мы принимаемъ заушеніе вашей философской неоглядности въ смиренномудріе ума Христова, живущаго въ насъ.

Я кончила говорить вашей поборяющей разсудочностію выводовъ и доказательствъ; эту дубинку я отлагаю въ сторону и молю Бога дать мнѣ мягкое елейное слово сердца, чтобы не внѣшнее обличать, а изъ того, что вы называете „значеніемъ вѣры", поговорить съ вами. Вы можете отвергнуть, принять, осмѣять, на все ваша воля; но я скажу вамъ святыя небесныя слова, не отъ ума къ уму, а изъ души въ душу. Она у васъ чутка и властительна, и не совсѣмъ покоряется схоластическому насилію вашего философствующаго разума.

Церковь говоритъ: „Когда корень святъ, то и вѣтви святы".

Корень вѣры—покаяніе: „Покайтеся и вѣруйте во Евангеліе". Если покаяніе живо, истинно, болѣзненно, то и вѣра истинна, жива и здрава. А ваша вѣра (я ссылаюсь въ томъ на вашу душу), какою она оказалась болѣзненною, мятущеюся—вѣрующею въ одно, исполняющею другое, и не отъ того-ли именно, что покаяніе ваше, припомните, какое оно у васъ было?—*радостное*. „Мнѣ такъ радостно было, унижаясь и смиряясь передъ духов-

никомъ, выворачивать всю грязь своей души"...... Нѣтъ, Левъ Николаевичъ! развѣ вы первый грѣшникъ, что приходили каяться? Что другое, а уже это чувство покаянія—кому оно незнакомо изъ всѣхъ насъ? И мы всѣ знаемъ, что оно не радостно, а, напротивъ, оно такъ горько, скорбно, такъ мучительно стыдно нести его, что, кажется, желалось бы, чтобы земля разверзлась подъ ногами и поглотила...... и чтобы при этомъ еще различать: простой ли и робкій священникъ, и что я унижаюсь и смиряюсь передъ нимъ, исповѣдуя свои тяжкіе и смрадные грѣхи!......

Нѣтъ! Живой образъ покаянія данъ намъ въ Евангельскомъ мытарѣ, который „не смѣлъ даже поднять глазъ на небо, но, ударяя себя въ грудь, говорилъ: Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику"! Но вы скажете: „Однако, что же это было такое, что привело меня, послѣ стольких лѣтъ отсутствія, въ Церковь и поставило передъ покаяннымъ аналоемъ священника?" Это было *желаніе* или, еще вѣрнѣе, нужда покаянія; но отъ нужнаго намъ *желанія* и до полученія *желаемаго*, особенно въ духовно-нравственномъ отношеніи, можетъ быть цѣлая зыблющаяся бездна. Вы желали покаяться, но вамъ, какъ и всѣмъ намъ въ желаніи быть лучшими и почище держать нашу бѣдную душу, противоборствуютъ одни и тѣ же враги, плотскіе и безплотные: грѣхъ, живущій въ насъ, и дьяволъ. И какъ *живущъ* первый, можно видѣть изъ того, что апостолъ Павелъ восклицалъ: „Бѣдный я человѣкъ!... добра, котораго желаю, не дѣлаю; а зло, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, а живущій во мнѣ грѣхъ". Истинно такъ: желаніе покаянія въ васъ было; а настоящаго, скорбнаго, безотвѣтнаго добра покаяннаго, которое бы не смѣло глазъ поднять къ небу, его у васъ не оказалось. А оказался главный, живущій въ человѣкѣ, грѣхъ, котораго, я полагаю, и называть нечего, вы его сами чувствуете: *гордость ума*, ублажающая себя тѣмъ, что вотъ она смирилась, унизалась даже до этого простаго..., и выворачиваетъ ему грязь своей души, а онъ, дурачекъ, робѣетъ,.... и вы ему еще прибавили страху—непремѣнно прибавили...... Таково лукавство нашихъ страстей! Вы полагали, что вы каялись, а вы радовались и любовались на себя, на свою величавую гордость ума: какъ она унизилась и смирилась даже до этого простяка..... Даже и тѣни нѣтъ того, чтобы за этимъ простякомъ ваше покаянное чувство вѣдало, сознавало, содрогнулось и трепетно упало къ ногамъ Того, Другаго предстоящаго, на Котораго непремѣнно указывалъ вамъ

робѣющій простецъ: „Се, чадо, Христосъ невидимо стоитъ, пріемля твое исповѣданіе“. И если бы лукавство вашей гордости не забавлялось съ этимъ простецомъ, а хотя единая слеза истиннаго сокрушенія омыла вамъ сердечныя очи, и вы бы узрѣли Того, Слушающаго васъ, Другаго,—неужели вы бы также, безъ горя и печали, безъ стыда въ совѣсти, выворачивали всю грязь вашей души и еще радовались бы: какими она зловонными потоками течетъ къ Нему! Нѣтъ, это уже дьявольское, а не человѣческое: радоваться тѣмъ, что тварь можетъ нанести оскорбленіе Творцу своему и Господу. Истинно кающіеся знаютъ великое чувство радости, ослабы въ душѣ, отрадной легкости послѣ тяжкаго бремени, но это послѣ—послѣ! Послѣ многихъ сокрушеній, скорби, моленій, когда, упавши на землю грѣшникомъ, узникомъ ада, человѣкъ возставляется властною рукой и получаетъ прощеніе и разрѣшеніе отъ благодати Христовой. Прежде этого мгновенія нѣтъ и не можетъ быть *покаянной радости*, а если она была и есть, то это прельщеніе бѣсовское, а не радость отъ Бога. И опять то же самое чувство *радости о смиреніи* не оставляетъ васъ и въ чтеніи Правила ко Св Причащенію: „такъ радостно было сливаться мыслями со смиреніемъ Отцовъ“..... А Св. Отцы и не думали о томъ, что они смиряются. Они только не находили словъ сокрушенія, скорби, печали о грѣхахъ—словъ къ выраженію своего недостоинства и къ изліянію теплѣйшихъ моленій о дарованіи святыхъ, пресвятыхъ и животворящихъ Тайнъ, ими же обожается всякъ, „ядый и піяй чистымъ сердцемъ“. Они-то самые, Отцы святые, и научаютъ насъ познавать козни лукаваго. То уже не смиреніе, которое знаетъ о себѣ, что будто оно смиреніе. Оно есть затаенная лукавая гордость, величающаяся смиреніемъ; а плодами гордости никогда не была и не будетъ вѣра,—а безвѣріе, невѣріе, высокомѣріе и хула на Бога и все святое. Хулить Бога человѣкъ самъ по себѣ не можетъ. Для того мало уже одного живущаго въ немъ грѣха плоти; а нуженъ безплотный помощникъ, дьяволъ—бѣсъ хульный.

Я совершенно знаю, какой презрительно - сострадательной улыбкѣ однихъ и громкому осмѣянію другихъ я подвергаю себя, называя настоящимъ именемъ дьявола и духа нечистаго—бѣса, дѣйствующее въ насъ и разлитое повсюду, вокругъ, зло нашего бѣдственнаго міра. Чѣмъ кто болѣе во власти этого міродержителя тьмы настоящаго вѣка, тѣмъ болѣе тотъ насмѣхается, не признаетъ его и считаетъ знаніе вѣры о немъ бреднями

полоумныхъ бабъ и баснями суевѣрія. Сколько разъ слышался этотъ извѣстный насмѣшливый отвѣтъ: „Такъ по вашему тотъ и Бога не имѣетъ, кто въ чорта не вѣритъ!“ Но, еслибы не было чорта, откуда бы было это всеобщее понятіе о немъ у людей?... Вотъ и философское доказательство. Развѣ можетъ быть *понятіе* въ умѣ человѣческомъ безъ предмета, къ которому бы относилось? Понятія, — это умственное зеркало, въ которомъ, какъ и въ истинномъ зеркалѣ, отражается только то, что̀ есть въ комнатѣ и проходитъ мимо.

А это понятіе о чортѣ, какъ о силѣ и началѣ зла, проходитъ по всѣмъ народамъ всѣхъ частей свѣта, на какой бы степени умственнаго развитія ни стояли они. Дѣйствительно, это тѣ изначальныя, непотухшія, общечеловѣческія искры, которыя во тьмѣ свѣтятся и тьма не объяла ихъ,—тьма разсѣянія, одичанія народовъ—заблужденій, идолопоклонства и грѣховной омертвѣлости человѣческаго духа. Но со всѣмъ тѣмъ эти двѣ—три искры духовнаго вѣдѣнія не потухаютъ и свѣтятъ человѣчеству самыхъ дикихъ народовъ. Это—понятіе о Богѣ, о великомъ Духѣ, отъ котораго все добро, и о началѣ зла, и о загробной жизни. Поэтому-то невѣріе и отрицаніе Бога въ человѣкѣ есть полнѣйшее отупѣніе нравственнаго чувства. Человѣкъ пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ есть человѣкъ въ своей духовной сущности, и къ нему совершенно относится псаломское слово: „присоединился къ скотамъ-безсмысленнымъ и уподобился имъ“. И пророкъ Исаія какъ бы еще ниже указываетъ на это нравственное паденіе, когда словомъ самого Господа Саваоѳа онъ укоряетъ древній Израиль: „Волъ знаетъ владѣтеля своего и оселъ ясли господина своего, а Израиль... а человѣкъ, возвеличенный честью и славой Царя на землѣ, не хочетъ знать о Сотворившемъ его!“

Но христіанство знаетъ о Всевысочайшемъ Добрѣ и объ изначальномъ злѣ все самое главное, что̀ нужно знать съ непреложною истиной, а именно, что Христосъ сошелъ на землю для того, чтобы разрушить дѣла дьявола и спасти изъ его власти человѣка, что̀ и совершилъ Господь крестомъ своимъ и воскресеніемъ. Слѣдовательно это не шутка какая-нибудь для смѣха, что чортъ съ рогами или съ хвостомъ, а онъ съ силой власти надъ нашею поврежденною грѣхомъ природой; онъ, какъ князь и властелинъ, держитъ всю міровую тьму нашихъ заблужденій, коварствъ, обольщеній; мы въ сѣтяхъ у него: обмануты, увлечены, уловлены грѣхомъ и нашими страстями въ его волю, а мы думаемъ, что мы такъ свободно ходимъ въ воляхъ сердецъ

нашихъ! Что онъ есть не отвлеченное понятіе, а самая дѣйствительная сущность, личность зла, мы знаемъ и видимъ его приступившимъ искусить и обольстить самого Богочеловѣка Христа. И по Апостолу мы знаемъ, что онъ, какъ левъ рыкающій, злобно ходитъ и ищетъ свою добычу, и какъ часто, какъ легко онъ ее находитъ въ насъ!

Вы были его немалою, крупною добычей съ вашими способностями, вліяющими на другихъ, съ воздѣйствующею силой вашего таланта, съ самымъ вашимъ общественнымъ значеніемъ и положеніемъ. И вы-то исторгались изъ узъ его! Вы, послѣ столькихъ лѣтъ одичавшаго отъ гордости вашего философскаго разума, не признававшаго *никакого кого-то, кто бы васъ сотворилъ*,—и вы начинали, въ самоубійственной вашей тоскѣ, искать, желать, какъ бы чаять Бога, спасающаго васъ отъ малодушія и отъ бури,—отъ той ужасающей бури, которая раскачивала въ вашихъ глазахъ страшную петлю самопроизвольной висѣлицы! И чтобы сатанинская злоба, ненависть, рвеніе могли допустить, безъ борьбы, безъ пересиленія, это паденіе своей власти,—тогда бы дьяволъ не былъ дьяволомъ и властителемъ нашихъ грѣшныхъ душъ!

Этимъ самымъ объясняется то все глубоко прискорбное, что̀ совершилось съ вами. Совсѣмъ вы было подходили къ спасительному знанію народной исповѣдуемой вѣры—къ православію вашихъ отцовъ. Это былъ великій шагъ—изъ самыхъ глубинъ заматорѣлаго безбожія—ступить къ порогу Церкви Христовой. Вы и должны были остановиться на немъ, пока всеполно и совершенно, не мудрствуя лукаво, вашъ умъ плѣненъ былъ бы въ послушаніе вѣры. Но вы не остановились. Безъ страха Божія,—какъ судья, а не подсудимый грѣшникъ,—вы вошли въ Церковь и приступили къ святѣйшему изъ таинствъ, и получили въ возвратъ свое: невѣріе, соблазнъ и хулу на Бога. Дьяволъ пересилилъ. Вы въ судъ себѣ и въ осужденіе вкусили животворящихъ благодатей Тѣла и Крови Господней, и преимущественно ими-то и „звѣроуловлены были отъ мысленнаго волка“, какъ читается въ Правилѣ ко св. Причащенію.

Это мы не знаемъ и небрежемъ о величествѣ даровъ, воспринимаемыхъ нами въ Таинствѣ Плоти и Крови Христовой, а врагъ нашъ, о, какъ знаетъ!—и духовная опытность св. Отцовъ открываетъ намъ, что ни на что такъ не бываютъ устремлены дьявольскія лукавыя усилія, какъ именно на то, чтобы безумствомъ невѣрія и хулы на самые св. Дары, даже въ самую ми-

нуту пріобщенія, лишить насъ животворящей ихъ силы и благодати! Что значитъ ваше искушеніе, когда бывали пустынники, по тридцати и болѣе лѣтъ пребывавшіе въ пустыни, казалось бы, совсѣмъ отдавшіеся Богу и Его святынѣ, и ими овладѣвалъ духъ хулы на св. Дары, и до такой степени бывало сильно это искушеніе, что они отчаявались въ своемъ спасеніи. Но отчаяніе-то и есть тотъ предѣлъ, то полнѣйшее отрицаніе милосердой благодати и спасительной силы Христовой любви, къ которому предѣлу ищетъ привести насъ врагъ нашъ страшнѣйшій и завистникъ благодати, дарствуемой намъ.

На чемъ вы остановились—даже трудно опредѣлить. Врагъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ совершенно отвратилъ васъ отъ святыни Церкви православныхъ, и вы, вашимъ философскимъ разумомъ, опозоривъ и охуливъ всю Христову божественную истину, возложивъ страшную клевету лжи и глупѣйшей безсмысленности на тайнодѣйствія Церкви,—вы тутъ же, сейчасъ, говорите: „*и все-таки я былъ твердо убѣжденъ, что тамъ была Истина...*“ Какая же для васъ могла быть *Истина*, когда альфа и омега христіанской Истины — Божество вочеловѣчившагося Христа и слава Его воскресенія — полнѣйше отвергнуты, охулены, опозорены вашимъ умомъ - разумомъ? А истина, дѣйствительно, есть, только не ваша, а моя,—истина моихъ словъ, что душа у васъ чутка и не поддается, борется съ заблужденіями вашего ума.

И вотъ она-то именно, крещеная въ благодать Христову, ставитъ васъ въ тѣ противорѣчія слова и дѣла, которыя невозможны иначе, непонятны, непростительны человѣку мыслящему—являть такую безсмыслицу! По уму, по вашимъ положеніямъ, опредѣленіямъ, философскимъ уразумѣніямъ, вы стали совершеннымъ жидовиномъ; но душа ваша знать не знаетъ вашего субботствующаго жидовства и продолжаетъ настойчиво и властно водить васъ въ Церковь по воскресеньямъ и исполнять обряды православно-вѣрующихъ. Вы только-что отвергли безуміемъ хулы и навожденіемъ сатанинской гордости всякую божественную Истину въ Церкви Христовой, только-что назвали все безсмысленною глупостью и сознательною ложью... и стыдъ и срамъ вашей философіи, и честь и хвала властительной чуткости вашей души, которая сейчасъ же, вслѣдъ, заставляетъ изречь васъ это вопіющее противорѣчіе: что вы все-таки были твердо убѣждены, что Истина въ Церкви... И я твердо убѣждена, что такъ или иначе,—а ваша душа сдѣлаетъ ея великое

дѣло и проведетъ васъ въ истину ума Христова. „Не какъ пути Мои пути ваши“, говоритъ Господь. „Но какъ отстоитъ небо отъ земли, такъ отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ, и помышленія ваши отъ мысли Моей“. При такой неизмѣримости путей Божіихъ найдется спасительный путь и для васъ. Позвольте не только думать, вѣровать тому, но и молиться о томъ.

Не знаю настояще, котораго изъ Отцовъ Церкви это изреченіе, что „душа человѣческая родится христіанскою“; но намъ, русскимъ, — если немного пораздумать, поприсмотрѣться духовно къ забитому, заваленному руслу животочнаго истеченія народной своей жизненной силы,—то придется еще ближе опредѣлить изреченіе св. Отца и сказать себѣ радостно: душа русскаго человѣка родится православною. Это—печать ея народной силы и духовной жизненности. И скорбно, и вмѣстѣ поучительно и радостно видѣть тотъ великій трудъ, какимъ эта богоданная сила души точитъ горы наваленныхъ затрудненій, заблужденій, безобразій нашего воспитанія, нашей чужести въ своей народной жизни и достигаетъ того, что мало по-малу собираетъ насъ съ самыхъ далекихъ распутій не нашей жизни и мысли, и сводитъ насъ къ одному нашему русскому знаменателю. Оглянитесь на всѣхъ, къ кому мы можемъ отнестись съ названіемъ „дорогаго зерна“ нашей скудной умственной нивы. Не говоря о Ломоносовѣ, Державинѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ, о которыхъ вы можете сказать: „то былъ вѣкъ таковъ“ (хотя первая-то безбожная революція была въ томъ вѣкѣ); а Пушкинъ? Этотъ пѣвецъ Вакха и Киприды, баловень великосвѣтскихъ гостиныхъ, кумиръ барской разгульной молодежи,—не по всей ли справедливости наглядной можно было сказать отъ его имени:

.... Мнѣ до нея
Какъ до звѣзды небесной далеко!

до истины простой народной вѣры. А идутъ—проходятъ безумные молодые годы; поэту нѣтъ еще 30 лѣтъ; товарищи его разгула еще думаютъ, что онъ все тотъ же Пушкинъ, а онъ на какую неизмѣримую глубину ушелъ отъ нихъ и заглянулъ въ свою душу.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь,
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,—
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:

В бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

. . . .

И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ Ангела во дни былые,
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба.

И послѣ этой горькой, мучительной исповѣди, куда идетъ и гдѣ мы находимъ своего великаго поэта, въ просвѣтленіи вдохновенномъ его души? На покаянной молитвѣ, въ Церкви, между своимъ православнымъ народомъ:

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ.
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго Поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго цѣлитъ живительною силой...
„Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей!
Но дай мнѣ зрѣть мои, о, Боже! прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденія,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи“.

Это сказываетъ поэтъ о расположеніи своей души; а вотъ, что говоритъ человѣкъ, смертельно раненый и умирающій, по-

слѣднимъ своимъ завѣтомъ другу: „Требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть. Прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ“.

За Пушкинымъ слѣдуетъ Лермонтовъ, болѣе замкнутый и сосредоточенный въ себѣ; но то же положеніе въ жизни, тѣ же общественныя привычки и узаконенія, хотя ребяческій развратъ дѣдовъ и отчасти отцовъ смѣненъ болѣе тонкимъ, цивилизованнымъ развратомъ Байроновскаго разочарованія. Вотъ и Лермонтовъ говоритъ самъ за себя, за свою душу:

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
В небесахъ торжественно и чудно;
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ тяжко и такъ трудно?..

Въ чемъ же онъ ищетъ облегченія? Въ петлѣ или пистолетѣ? И послѣднее тѣмъ ближе, что онъ былъ человѣкъ военный. Но еще прежде того онъ былъ человѣкъ съ русскою богато одаренною душей, которая, по самой этой духовности своего православнаго чувства, не можетъ не воздыхать къ Богу. И другой нашъ поэтъ вздыхаетъ отрадно и свѣтло:

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко:
И вѣрится и плачется,
И такъ легко, легко...

А монахъ, безъ клобука и рясы, нашъ Гоголь? Начавшій такимъ меткимъ, искреннимъ, заразительнымъ смѣхомъ, что, слушая его, вся Россія смѣялась, какъ одинъ человѣкъ... Наборщики въ типографіи, набирая его сочиненія, не могли работать, заливаясь смѣхомъ, и этотъ геніальный смѣхотворецъ, по его

слову, смѣявшійся сквозь незримыя міру слезы, вдругъ останавливается въ томительномъ разъединеніи: человѣка съ высоко вѣрующимъ стремленіемъ духа и поэта съ глубоко отрицательнымъ направленіемъ его таланта и—въ тяжкой невозможности слить то и другое—свои вѣрующія стремленія выразить въ поэтическихъ образахъ,—глубоко мощный талантъ Гоголя и самъ Гоголь погибли въ этой борьбѣ.

За нимъ является новое чудо—поэтъ-*богословъ*.

Пѣвецъ пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни стрѣлъ, ни палицы булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча.
Но Духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ полѣ бралъ кремень простой,—
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты, когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда душъ святыхъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула ей окова,
Ей царскій тягостенъ шеломъ;
Ея оружье—Божье слово;
А Божье слово—Божій громъ.

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады
Невидимы въ блескѣ дня;
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.

Но впивайся въ нихъ очами,
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами
Тьмами звѣзды въ ночь ушли,
Вновь взгляни: и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ;

Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

* * *

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты взглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.

Узришь: звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли;
Вновь вглядись—другія всходятъ,
Вновь вглядись—и тамъ, вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

Вы, вѣроятно, не знали—не читали этихъ стиховъ? Для вашего невѣрія это такая легенькая пустошь, заниматься которою не приходилось вашей филосософіи. По этому самому я еще представлю выписки:

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она.

—

Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ бродящихъ во мглѣ.

—

Какъ часто, безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и свѣтлой душой.

—

Молилъ Тебя въ часъ полуночи
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобы міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей.

—

Молилъ Тебя, съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой
Дать міру и уши, и сердце
Для слушанья рѣчи святой.

—

Но этотъ желанный пророкъ ни чѣмъ инымъ могъ быть, какъ только великимъ тружеником.

По жесткимъ глыбамъ твердой нивы
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.
Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ!
Пора на отдыхъ.......
....
Безумецъ! нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
Взгляни на ниву: пашни много,
А дня не много впереди;
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога!
Господь велитъ: иди, иди!
Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и Кровью купленъ ты:
Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!
Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!
Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой!

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего!

И вотъ какъ великъ этотъ поэтъ—богословъ настоящій, что его маленькія тетрадки изъ села Богучарова, всего „*Нѣсколько словъ православнаго христіанина*“, заставили призадуматься католическихъ и протестантскихъ, и англійскихъ Богослововъ,— подвигнули іезуитовъ скупить все изданіе этихъ тетрадокъ, чтобы изъять изъ обращенія европейской мысли свѣточъ Православія Хомякова! И въ этомъ ли одномъ честь его и хвала, нашего непризнаннаго великаго человѣка русской земли? А наука всемірно-историческая, не поминая о своей отечественной? А философія германская, въ которой онъ чувствовалъ себя также свободно, какъ рыба въ своей стихіи—водѣ? Для него положительно: „ни что человѣческое не было чуждо“, и онъ, единеніемъ горячайшей любви, призывалъ всѣ народы, начиная съ бѣднѣйшихъ, уничиженныхъ братьевъ нашихъ, славянскихъ племенъ—всѣхъ равно

Въ духовный міръ, въ Господень храмъ!

то-есть въ Христову Божественную Православную Истину Церкви, единой Вселенской.

Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались.
И солнце яркими лучами
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.

Но гдѣ же, въ комъ, богословствующая душа поэта вдохновленнымъ созерцаніемъ видѣла эту духовную воду въ напоеніи чуждыхъ народовъ?

О, съ какимъ восторгомъ вѣрующей, неусумняющейся любви восклицаетъ Хомяковъ, предпославъ иносказательный образъ „ключа“, льющагося въ зеленой, затаенной пустынѣ:

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ;
Онъ также воды льетъ живыя,

Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде, холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу да Его святымъ.

Что же это за дивный „Ключъ“ такой?—Животочный ключъ Христовой вѣры, которою жила, живетъ и будетъ жить наша православная Россія.

„О, вспомни свой удѣлъ высокій!“ напоминаетъ ей, какъ бы при послѣднемъ разставаніи, чудный ея поэтъ-богословъ:

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ, сокрытаго глубоко,
Ты духа жизни допроси.
Внимай ему—и, всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ.

Но какъ ни великъ въ своей поэтически-русской, богословствующей душѣ и его многосторонней дѣятельности Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, онъ не одноличное явленіе. Вокругъ этой свѣтозарной планеты нашего небосклона является цѣлое созвѣздіе людей, заклейменныхъ ихъ извѣстною кличкой: „славянофиловъ“ и которыхъ, съ вашего позволенія, нельзя не назвать ихъ настоящимъ именемъ: „мужей силы и народнаго разума“. Иначе, какъ вы ихъ назовете, этихъ: Погодина, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Самариныхъ, предстоящихъ во всемъ величіи единенія духа народной вѣры, а за ними-то, за ними! Какими неисчислимыми тьмами звѣздъ небесныхъ, то-есть вѣрующихъ душъ, горятъ бездны синія русскаго православнаго народа! И этотъ міръ свѣта, жизни, величія и всяческой силы, вы его обозвали глупымъ вѣрующимъ міромъ!

Но вамъ предстоятъ еще два поразительныхъ явленія:

Восемнадцатилѣтній юноша, завезенный въ самую сердцевину нѣмецкой философской науки, изучившій ее не только въ книгахъ и лекціяхъ, а въ личныхъ бесѣдахъ и спорахъ, хотя бы съ Шеллингомъ и др. — чрезъ 22 года возвращается въ Россію, совершенно по виду жиденькимъ, тоненькимъ нѣмчикомъ. Казалось бы, все русское должно было испариться; а между тѣмъ въ этой чуждой умственной европейской средѣ душа Тютчева выжила себѣ ея изумляющую русскую сущность.

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя;
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть.

И что она говоритъ, эта душа, человѣчески страдающая ея страстями и между тѣмъ, въ величествѣ ея любви къ Россіи, прозрѣвающая въ даль и, мужемудреннымъ умомъ поэта и словомъ негодованія, отвѣчающая на злобу и ненависть западныхъ народовъ, ополчившихся на насъ въ Крымскую войну?

Ложь воплотилася въ булатъ,—
Какимъ-то Божьимъ попущеньемъ,
Но цѣлый міръ, но цѣлый адъ
Тебѣ грозятъ ниспроверженьемъ.

* * *

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы,
Со дна воздвиглись царства тьмы,
Во имя свѣта и свободы.

* * *

Тебѣ они готовятъ плѣнъ,
Тебѣ пророчатъ посрамленье,
Ты лучшихъ, будущихъ временъ
Глаголъ и жизнь, и просвѣщенье!

* * *

Россія—глаголъ, просвѣщеніе, жизнь человѣчества лучшихъ будущихъ временъ. Да вѣдь это тотъ же живопоемный „Ключъ“ Хомякова, только не въ образѣ поэтическомъ напояющій народы, а настоящимъ, прямымъ словомъ несомнѣнной, вѣруемой правды возвѣщающій о томъ.

Но еще и еще подивитесь самостоятельности русской души Тютчева,—силѣ и глубинѣ этого свѣтлаго ума, который, внѣ родины, далеко отъ своей бытовой Церковной стихіи, затерянный въ умственномъ строѣ всей полноты иностранной жизни,— не затерялся какъ мелочь, а крупно, по-русски, думалъ, чувствовалъ и выражалъ словомъ поэта въ нѣмецкомъ Мюнхенѣ то же самое, что Хомяковъ въ Москвѣ. Вотъ его поэтическій „Разсвѣтъ“ предъ великими чаяніями Севастопольской войны:

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ,
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужь мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.

* * *

Еще молчатъ колокола,
А ужь Востокъ заря румянитъ:
Ночь безконечная прошла
И скоро свѣтлый часъ настанетъ.

* * *

Вставай же Русь! Ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужь не пора-ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградѣ.

* * *

Раздайся благовѣстный звонъ
И весь Востокъ имъ огласися!
Тебя зоветъ и будитъ онъ;
Вставай, мужайся, ополчися!

* * *

Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполинъ державный!
О Русь! великъ грядущій день,—
Вселенскій день и православный!..

И этотъ великій день есть именно день Воскресенія,—даже въ политическомъ смыслѣ тотъ день, который вами, графъ... я не хочу повторять; но послушаемъ, какъ къ этому вселенскому и православному дню относятся оба наши поэта, которыхъ и по

таланту, и по философской научности, вы не можете ставить далеко ниже себя:

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталъ,
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе серебряные громы
Сказали вѣсть Святаго Торжества,
И, слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, а, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ,
Побѣды пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна,
Мы слушаемъ,—но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
Смиряются-ль кичливые умы?
Откроемъ-ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей,
И вспомнимъ-ли, что это слово—*братья*
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

Это Хомяковъ, въ торжествѣ великаго православнаго дня, на московской пасхальной заутрени, поминаетъ — не забываетъ братьевъ всѣхъ—всю меньшую братію и, безъ сомнѣнія, славянскія племена.

А Тютчевъ на волнахъ того же самаго благовѣстнаго звона и, также прославляя этотъ свѣтлый и великій день Востока, съ умилительной нѣжностію шлетъ далеко, за Россію, привѣтъ родной дочери:

День православнаго Востока,
Святый, святый Великій день!
Разлей свой благовѣстъ широко
И всю Россію имъ одѣнь.

—

Но и святой Руси предѣломъ
Его призыва не стѣсняй;
Пусть слышенъ будетъ въ мірѣ цѣломъ,
Пускай онъ льется черезъ край.

—

Своею крайнею волною
И ту долину захватя,
Гдѣ бьется съ немощію злою
Мое родимое дитя.

—

Тотъ свѣтлый край, куда въ изгнанье
Она судьбой увлечена,
Гдѣ неба южнаго дыханье
Какъ врачество лишь пьетъ она.

—

О, дай болящей исцѣленье!
Отрадой въ душу ей полей,
Чтобы въ Христово Воскресенье
Всецѣло жизнь воскресла въ ней!

—

Но еще кто тотъ, на кого я думаю указать вамъ? Вы, вѣроятно, догадываетесь? Вы его, можетъ быть, лично знали и мы его такъ недавно потеряли... И этого такъ же, какъ мы теряемъ все умственно дорогое намъ,—въ самую пору духовной возмужалости человѣка дѣла и слова, и именно въ ту самую минуту, когда это дѣло и слово наибольше нужны нашему мятущемуся обществу. Я говорю о Достоевскомъ... Это былъ одинъ изъ вашихъ невѣрующихъ: ожесточенный, загрязненный нравственно до цинизма, оставшагося даже на многихъ страницахъ, нечитаемыхъ, его послѣдняго произведенія. Въ сравненіи съ этою вороной, наклевавшеюся всякой мертвечинной гадости, ваша душа, какъ она отражается въ зеркалѣ вашихъ произведеній, есть чистая голубица. За то и какимъ же тяжкимъ путемъ шелъ и прошелъ Достоевскій даже до самаго „Мертваго дома", чтобы ему ожить, очиститься и обновиться душей! Грязь осталась въ немъ, какъ прахъ, прилипшій къ ногамъ; а душа увѣровала и познала Бога, исповѣдала Его, какъ Христа и въ Церкви Христовой!

И имѣя такой, обстоящій васъ „облакъ свидѣтелей", неужели вы, нашъ Левъ Толстой, уклонитесь войти подъ сѣнь этого лучезарнаго облака и пойдете въ молокане, какъ говорятъ о васъ: что вы ѣздите на поклоненіе къ какому-то старцу молоканину,—вѣроятно, къ тому самому, о которомъ вы упоминаете въ „Исповѣди?" Хотя для васъ это совершенно все равно—буду ли я вѣрить этому извѣстію, или не буду, но я для себя самой не

хочу ему вѣрить... Не потому, чтобы я сомнѣвалась въ возможности графу-философу стать молоканиномъ, нѣтъ! я знаю, что умъ, блуждающій внѣ заповѣданныхъ истинъ вѣры, можетъ дойти до самого невозможнаго. Былъ же у насъ князь Голицынъ, и еще министръ нашего Народнаго Просвѣщенія, который принадлежалъ къ сектѣ плясуновъ, и, въ бѣлой длиннополой рубахѣ, совершалъ свои круговыя радѣнія, приплясывая и притопывая едва ли не голыми пятками. Все можетъ быть—„за то", какъ говоритъ апостолъ Павелъ, „что они не приняли любви истины для своего спасенія, и за сіе пошлетъ имъ Богъ дѣйствіе заблужденія"—дѣлать неподобное, невѣроятное для человѣка въ здравомъ умѣ. Такъ я не потому не вѣрю, что не вѣрю въ силу заблужденія,—нѣтъ! а потому, что я вѣрю въ силу вашей русской души.

Чтобы кончить, мнѣ остается указать вамъ на важную клевету вашего разсудочнаго пониманія въ дѣлѣ духовной народной жизни. Вы говорите: „*даже понятія Церкви нѣтъ у народа*"—какого? Вашего разсуждающаго, голословнаго понятія, конечно, нѣтъ и не можетъ быть въ неисчислимости милліоновъ людей всякаго пола и возраста; а есть оно другое, болѣе живое и сильнѣйшее понятіе *чувства* связи и любви,—то самое, что заповѣдано намъ Господомъ и главой Церкви: „По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою". И на свидѣтельство этой любви указываютъ сами ненавидящіе и презирающіе насъ, и между тѣмъ не могущіе не видѣть, что никогда католикъ не бываетъ такъ близокъ католику и протестантъ протестанту, какъ православный къ православному. Да и на что намъ чужое указаніе ненависти и злобы, когда у насъ своя скорбная память недавнихъ, неисчислимыхъ жертвъ любви, преданности народнаго, полнаго самовозбужденія, самоотверженій до крови—до потоковъ ея, которые лились, и цѣлые десятки тысячъ душъ святыхъ взошли къ Богу, исполнивъ до послѣдняго предѣла завѣтъ Христовой любви „положить душу свою за друзей, за братьевъ своихъ". А вотъ, что вы, Левъ Николаевичъ (имѣли ли вы ваше ученое понятіе о Церкви, или не имѣли его)—но не принадлежали къ ней не одною іотой вашего духовнаго существа, къ русской православной Церкви,—это вы явили въ вашей Аннѣ Карениной. Вспомните, что̀ вы такое выражали на счетъ нашихъ сербскихъ добровольцевъ, когда *Русскій Вѣстникъ* отказался напечатать ваши слова! Вы издѣвались надъ кровью брата, которую онъ

шелъ проливать за другаго меньшого брата... Дай Богъ, чтобы капля этой святой крови не запеклась на вашихъ устахъ!

Довольно! Глубоко скорбно мнѣ было начинать къ вамъ это длинное письмо, и почти также скорбно я его оканчиваю при этомъ жгучемъ воспоминаніи... „Обратитесь, и живы будете"... Эти слова сами собою подсказались мнѣ; я даже не соображу, откуда они? Но всякое „слово Божіе живо и дѣйственно, и проходитъ до раздѣленія души и тѣла"... И хотя не все здѣсь слова Божіи, но, смѣю сказать, что они всѣ отъ Бога,—отъ сердечной скорби, ревности по душѣ и печали о васъ—написались къ вамъ.

Кохановская.

5 февраля 1883 года. Макаровка.

НЕВИННАЯ ИГРА.

Повѣсть.

I.

— Какъ, ты съ нимъ кланяешься! Ты съ нимъ знакома? Гдѣ, когда ты съ нимъ познакомилась? Какъ его фамилія? сыпала одинъ за другимъ свои вопросы Нина Боровская, слѣдя въ бинокль за высокимъ плотнымъ господиномъ, пробиравшимся къ первымъ рядамъ кресель.

— Это Левъ Сергѣевичъ Патулинъ, нашъ сосѣдъ, я знаю его съ дѣтства, отвѣтила Эмилія Кулинова-Сорнина, взглядывая съ нѣкоторымъ удивленіемъ на взволновавшуюся подругу.

— И я этого не знала, ты ничего мнѣ не сказала... вѣдь это безбожно!

Обѣ дѣвушки—Нина Павловна Боровская и Эмилія Семеновна Сорнина сидѣли у самой рампы ложи бенуара въ Маріинскомъ театрѣ, между тѣмъ какъ старшая компанія удалилась въ антрактѣ въ аванъ - ложу. Обѣ были очень молоды и обѣ красивы. Эмилію Сорнину можно было назвать брюнеткой, ея темная маленькая головка на длинной, что называется, лебединой шейкѣ была прелестна съ своею, выходившею уже изъ моды, но прекрасно шедшею къ правильнымъ чертамъ дѣвушки, греческою прической. Оттѣненное темными бровями, матово-блѣдное лицо съ широко открытыми, ясными, карими глазами дышало свѣжестью и юнымъ оживленіемъ. Изъ подъ полуспустившагося сорти-де-баль выступала граціозная, но не совсѣмъ еще сложившаяся полудѣтская фигура.

Нина Боровская была блондинка. Отъ ея ли золотистыхъ волосъ, падавшихъ прихотливыми завитками на лобъ и виски и сложенныхъ на затылкѣ какимъ-то необыкновенно простымъ и

мягкимъ узломъ, отъ необыкновенной ли бѣлизны и свѣжести ея лица, отъ разрѣза ли глазъ длиннаго и нѣсколько опущеннаго у висковъ, отъ загнутыхъ ли къ верху длинныхъ рѣсницъ, отъ того ли что всѣ движенія ея гибкаго миніатюрнаго тѣла были такъ граціозны и мягки, но она казалась еще моложе Эмиліи; почти странно было видѣть такого ребенка въ нарядномъ туалетѣ взрослой женщины. И однако Нина года на два, на три была старше подруги, ей шелъ 21-й годъ.

Голосъ Эмиліи былъ грудной, довольно низкій; въ голосѣ Нины преобладали звенящія ноты, и она умѣла придавать ему всевозможные оттѣнки радости, презрѣнія, гнѣва, ласки.

— Это совсѣмъ безбожно! —воскликнула она.

— Что безбожно?—удивленно спросила Эмилія.

— Не познакомить его со мною, не сказать мнѣ даже, что ты его знаешь. Вѣдь вотъ уже годъ, какъ я только и мечтаю, что о немъ.

Эмилія засмѣялась.

— Я этого что-то не замѣтила,—сказала она.

— А, Боже мой, что ты можешь замѣтить, маленькая мечтательница! Ты вѣчно отсутствуешь,—и Нина передразнила отсутствующій взглядъ пріятельницы, — говорю тебѣ, онъ у меня въ сердцѣ цѣлый годъ, грежу о немъ во снѣ и на яву, а ты его знаешь и ничего не можешь сказать!

— Но ты мнѣ никогда, никогда не говорила о Патулинѣ...

— Развѣ я не говорила?! Это странно. Видишь-ли прошлаго года, т. е. весной, когда мы ѣхали на дачу, ты помнишь—я ѣхала съ Каролиной, мама отправилась раньше. Мы не нашли спальныхъ мѣстъ и помѣстились въ общемъ вагонѣ, я гораздо больше люблю общіе вагоны, и онъ сидѣлъ почти напротивъ и прислушивался къ моимъ словамъ и улыбался и, наконецъ, заговорилъ со мною. И мы проговорили почти всю дорогу. И я влюбилась въ него. Этотъ голосъ, этотъ взглядъ и эта улыбка, этотъ ротъ съ такими бѣлыми крѣпкими зубами!...

— Перестань, пожалуйста, брезгливо вымолвила Эмилія, я люблю Льва Сергѣевича, но мнѣ дѣлается противно, когда ты такъ говоришь о немъ—точно онъ лошадь.

— Это потому, что ты не цѣнишь красоты въ мужчинѣ, моя милая, а я знаю въ ней толкъ и цѣню. Въ мужчинѣ красота не черты, а мужественность, смотри...

— Замолчи, пожалуйста. Вотъ и Шепелевичъ идетъ къ намъ.

— Какое мнѣ теперь дѣло до Шепелевича! я обрѣла моего незнакомца, и мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла.

— Но онъ...

— Что, онъ женатъ? Пустяки, я разведу его.

— Не женатъ, а женится... Да къ тому же онъ старикъ.

— Э, что ты понимаешь!... Женится—это впрочемъ болѣе серьезно, чѣмъ женатъ... но вѣдь бабушка еще на двое сказала. Познакомишь меня съ нимъ?

— Какъ я познакомлю?

— Онъ живетъ здѣсь? бываетъ у васъ?

— Онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней и былъ уже у папа.

— Пусть твой папа позоветъ его еще. Я хочу его видѣть, хочу, хочу, хочу!

Въ это время къ дѣвушкамъ подошли двое молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ, конногвардеецъ, такъ и пожиралъ глазами Нину, обращался только къ ней, но она была разсѣяна, не слушала его.

— Вотъ и начинается!—радостно вымолвила она, окончательно отворачиваясь отъ Шепелевича,—Альтани ужъ поднялъ палочку.

Она говорила это такимъ невиннымъ, милымъ голоскомъ, какъ будто и не подозрѣвая, что всякое ея слово бьетъ по сердцу раскланявшагося передъ нею молодого человѣка.

— Что такое? что съ нимъ, съ Шепелевичемъ? озабоченно нагибаясь къ дочери и расправляя шлейфъ своего великолѣпнаго платья, говорила Надежда Михайловна, мать Нины Боровской,— что ты ему сказала, моя душа?

— Я ровно ничего ему не говорила, поднимая невинный дѣтскій взоръ къ матери, сказала Нина.—Садись же, мама, начинается, что ты тамъ возишься.

— Онъ вышелъ съ такимъ лицомъ!

— Que sais je! Онъ, быть можетъ, заболѣлъ, мама, я не спрашивала, чѣмъ онъ заболѣлъ... Оставимъ Шепелевича, терпѣть его не могу! Начинается, мама, начинается, садись.

„Терпѣть не можетъ Шепелевича?! Что это значитъ?“ думала красивая Надежда Михайловна, въ избыткѣ волненія сбрасывая съ плечъ отороченную соболемъ накидку, предоставляя такимъ образомъ генералу Сорнину, сѣвшему за нею, любоваться ея обнаженною спиной, „что это значитъ? Что произошло? Если и этого мы упустимъ, я, право, не знаю, какъ быть!“

Поглощенная своею мыслью, взволнованная Надежда Михайловна пропустила сцену между Татьяной и няней—впрочемъ всѣ эти сцены были давно ужъ ей извѣстны—не слышала пись-

ма Татьяны и очень удивилась, когда занавѣсъ спустился и послышались аплодисменты.

— Comment, deja?

Она перешла опять въ аванъ-ложу, но ея красивое лицо съ нѣсколько крупнымъ ртомъ и большими выпуклыми глазами все еще носило выраженіе озабоченности. „Неужели и это ухаживанье ни къ чему не приведетъ?! Неужели капризной дѣвочкѣ надоѣлъ уже и этотъ влюбленный? Неужели она никогда не выйдетъ замужъ! Боже, Боже мой, это ужасно!“

Казалось бы, Надежда Михайловна Боровская могла вполнѣ не спѣшить отдавать дочь замужъ: Нина была ея единственнымъ дѣтищемъ, и онѣ обѣ были вполнѣ обезпечены: у Нины было свое состояніе, оставленное ей бабушкой, правда, не болѣе 1.500 годоваго дохода, но этого, какъ говорила мать, почти хватало на ея туалетъ. Сама же Надежда Михайловна, какъ вдова генералъ-лейтенанта, получала хорошую пенсію, кромѣ того у нея былъ капиталъ; никто не зналъ, въ чемъ онъ состоялъ, но она всегда интересовалась биржей, поигрывала немного и жила, не стѣсняясь, тратя въ годъ отъ 8 до 10 тысячъ.

Дочь не могла, казалось бы, стѣснять Надежду Михайловну, но скандальная хроника столицы утверждала, что дочь стѣсняетъ Боровскую, что сама она слишкомъ еще молода, красива, слишкомъ полна жизненныхъ силъ, чтобы терпѣть безъ волненія около себя такую опасную соперницу, какъ 20-лѣтняя хорошенькая и кокетливая Нина.

Такова была скандальная хроника, мы же утверждаемъ, что птичья головка Надежды Михайловны не была такъ дальновидна, покуда Нина не мѣшала ей и она не думала о будущемъ; если-же она желала выдать дочь замужъ, то только для нея самой, въ виду ея собственнаго блага—это необходимо было для порядка, не сидѣть же Нинѣ въ дѣвкахъ до 30 лѣтъ, а вѣдь съ каждымъ годомъ шансъ на замужество уменьшается, и женихъ становится все дороже и дороже. Шепелевичъ былъ однимъ изъ самыхъ надежныхъ претендентовъ: во-первыхъ, у него не было семьи—ни отца, ни матери, ни братьевъ, которые бы цѣплялись за него, онъ былъ красивъ, очень comme il faut, принадлежалъ къ обществу и достаточно ограниченъ—для жениха все это были отличныя качества. Кромѣ этого у него было состояніе, которое онъ не успѣлъ еще окончательно разстроить. Упустить такую партію было истиннымъ безуміемъ.

Между тѣмъ, какъ Надежда Михайловна предавалась своимъ

тревожнымъ мыслямъ, не переставая, однако, по инерціи улыбаться и говорить обычно принятыя фразы посѣтителямъ, окружавшимъ ее, Нина аттаковала добродушнаго генерала Сорнина.

— Семенъ Семеновичъ, говорила она, поднимая на генерала невинно улыбающіеся глаза,—оказывается, вы знакомы съ Патулинымъ, онъ вашъ сосѣдъ?

— Знакомъ ли я съ Патулинымъ,—поднимая плечи говорилъ генералъ,—да я знаю его съ младенчества, выросъ на моихъ глазахъ. А вы почемъ знаете нашего Льва Сергѣевича, очаровательнѣйшая изъ смертныхъ?

— Я познакомилась съ нимъ случайно на желѣзной дорогѣ, это такая прелесть вашъ Патулинъ, мнѣ бы такъ хотѣлось видѣть его еще разъ. Позовите его къ себѣ, Семенъ Семеновичъ, милый Семенъ Семеновичъ, ваше превосходительство!..

Генералъ жирно разсмѣялся.

— Да зачѣмъ онъ вамъ нуженъ, нашъ степенный Патулинъ?

— На желѣзной дорогѣ у меня былъ съ нимъ преинтересный разговоръ, надо его кончить.

— Те-те-те, интересный разговоръ со Львомъ Сергѣевичемъ? Да вы хоть мертвеца растормошите—Патулинъ молчаливъ, какъ колода!

— Милый Семенъ Семеновичъ, отыщите Патулина, пригласите его завтра къ обѣду и насъ съ мама.

— Вотъ такъ дѣвушка—вертитъ всѣми, какъ хочетъ. Да не глядите на меня такъ, я совсѣмъ растаю. Слушаю-съ, иду, иду и приглашаю, только врядъ ли онъ приметъ мое приглашеніе; не пеняйте на меня, если мы потерпимъ крушеніе, вѣдь онъ всего на нѣсколько дней въ Петербургѣ.

— Ты совсѣмъ сумасшедшая,—вымолвила Эмилія, подчиняясь желанію Нины и садясь къ рампѣ рядомъ съ нею для того, чтобы слѣдить „за дѣйствіями генерала“, какъ та говорила.

— Я сумасшедшая? ошибаешься, безумны тѣ, которые не умѣютъ приводить въ исполненіе своихъ желаній, вотъ ты, напримѣръ. Жизненная радость, мой юный другъ, только смѣлостью и берется, у кого нѣтъ смѣлости, тотъ не разсчитывай на мѣсто на жизненномъ пиру.

— Увидимъ! Я думаю, что твоя смѣлость будетъ наказана. Но Нина уже не слушала дѣвушку, приложивъ бинокль къ глазамъ и раскрывъ очаровательный ротикъ отъ избытка вниманія,—она смотрѣла на генерала и Патулина, стоявшихъ спиной къ рампѣ оркестра. По смѣху генерала, по его жестамъ она отга-

дывала, какъ ей казалось, каждое его слово, но по лицу Патулина не могла отгадать его словъ, онъ не вторилъ веселости генерала, былъ спокоенъ, даже нѣсколько вялъ, однажды онъ бросилъ взглядъ на ихъ ложу, но такой равнодушный взглядъ... И сейчасъ же генералъ простился, а онъ прошелъ къ своему креслу и сѣлъ.

Какое спокойствіе въ его движеніяхъ, какая неповоротливость! О, какъ бы хотѣлось ей возмутить его спокойствіе! Неужели онъ отказалъ генералу? Не можетъ быть—это ужасно.

Полчаса тому назадъ она и не думала о существованіи какого-то Патулина, теперь же ей казалась ужасною возможность его отказа.

Она положительно не слышала ни одного слова изъ того, что ей говорила Эмилія, и, когда въ дверяхъ аванъ-ложи показалась рослая фигура генерала Сорнина, вся энергія оставила ее, лицо ея помертвѣло, и она смотрѣла на него испуганными, широко открытыми, глазами.

— Ну-съ—вымолвилъ генералъ... Да что это съ вами, моя милая, вы блѣдны, какъ полотно.

— Не мучайте меня, не мучайте меня, говорите скорѣй.

— A, Dieu de Dieu, je ne savais pas que c'est aussi serieux.

— Будетъ?.. Когда будетъ?

— Завтра, сударыня; Патулинъ обѣдаетъ у меня; надѣюсь, вы и ваша матушка удостоите тоже. Ахъ, шалунья, ахъ, шалунья!

И генералъ слегка погрозилъ пальцемъ просвѣтлѣвшей дѣвушкѣ.

— Скажите, что это за Патулинъ?—спрашивала между тѣмъ Надежда Михайловна,—растерянно оглядываясь на дочь и ровно ничего не понимая.

— Ахъ, и васъ интересуетъ Патулинъ?! Ба, ба, ба, вотъ повезло Льву Сергѣевичу! Человѣкъ онъ хорошій, но самый зaурядный, съ достовѣрностью могу сказать: не герой романа. Можете спать спокойно—Нина Павловна не увлечется. А затѣмъ, что же сказать вамъ о Патулинѣ? Помѣщикъ онъ, состояніе не разстроенное. По земству служитъ, не женатъ, но, кажется, женится скоро.

Надежда Михайловна мысленно пожала своими полными плечами: „fantaisie de nevrose“—подумала она о дочери, „ахъ, поскорѣе бы замужъ, замужъ бы отдать!“

II.

У генерала Сорнина, который вдовѣлъ уже года три-четыре, было двое дѣтей—дочь Эмилія, которую мы видѣли, и сынъ годами двумя старше Эмиліи. Генералъ не воспользовался своимъ правомъ воспитать сына въ корпусѣ, мальчикъ учился въ классической гимназіи, а теперь съ успѣхомъ проходилъ естественный факультетъ университета. Генералъ не зналъ хорошенько, что изъ этого выйдетъ, но гордился познаніями сына, восхищался коллекціями насѣкомыхъ, минераловъ и прочихъ собраній юноши, и другихъ заставлялъ восхищаться ими.

Дочь онъ боготворилъ и ничѣмъ не стѣснялъ. Домъ его былъ поставленъ немного на провинціальный или на московскій манеръ.—Квартира была убрана очень просто, но угостить друзей онъ любилъ и умѣлъ.

Хозяйствомъ завѣдывала незамужняя сестра генерала Александра Семеновна, тетя Шуша, какъ звали ее въ семьѣ; она не только не была замужемъ, но ни одинъ мужчина никогда не ухаживалъ за нею, и она гордилась своею неприступностью. Доброты она была удивительной, сердце ея было открыто всѣмъ и каждому, но при этой своей добротѣ она питала непонятное отвращеніе къ нѣкоторымъ людямъ и даже мѣстамъ: такъ ей казалось, что она ненавидитъ Петербургъ, который она звала „современнымъ Вавилономъ“. Боровскихъ—мать и дочь—она считала порожденіемъ Вавилона и не то, чтобы не любила, но скорѣй жалѣла ихъ и боялась, особенно Нину, какъ подругу Эмиліи. „Вѣдь къ ней не знаешь, съ какой стороны подойти“, говорила она, „Богъ знаетъ, что можетъ выкинуть эта безумная!“

Александра Семеновна была абонирована въ русскую оперу вмѣстѣ съ Боровскими, какъ и остальные члены этой семьи, но зачастую не пользовалась своимъ правомъ, особенно тогда, когда пѣлъ Фигнеръ, котораго она считала тоже порожденіемъ Вавилона. Евгенія Онѣгина, Чайковскаго она находила недостойною пародіей Пушкинскаго Онѣгина и одинъ только разъ рѣшилась присутствовать при этой „профанаціи“.

Такъ какъ Александра Семеновна не присутствовала на представленіи Евгенія Онѣгина, а Эмилія не сообщила ей о продѣлкѣ Нины, то обѣдъ съ приглашенными на слѣдующій день былъ для нея сюрпризомъ.

— Ваше превосходительство, это что за новости вы выду-

мали приглашать гостей, не предупредивъ меня! говорила она передъ завтракомъ генералу.

— Хе, хе, не нравится! Ну, Сашенька, какъ-нибудь справимся до 6-то часовъ, времени много, авось успѣемъ приготовить.

— Да когда это успѣть, мой другъ, когда успѣть, вѣдь на Сѣнную надо съѣздить, вѣдь ты же знаешь!

— Ну, долго ли на Сѣнную, Сашенька; конечно, не на конкѣ, туда и назадъ на извозчикѣ, бери съ меня 60 копѣекъ. Сорнинъ перегнулся своимъ тучнымъ корпусомъ къ ней и поцѣловалъ ея руку.

Теперь генералъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Обыкновенно, главное препятствіе для всякихъ дѣлъ и покупокъ Александры Семеновны былъ извозчикъ, ни за что бы на свой счетъ она не поѣхала на извозчикѣ, — итакъ это препятствіе было устранено, а поцѣлуй руки и совсѣмъ долженъ былъ задобрить Александру Семеновну. Она очень цѣнила, когда цѣловали ей руку; нельзя было доставить ей бо́льшаго удовольствія, какъ приложиться къ ея пухлой, бѣлой архіерейской рукѣ, а поцѣлуй брата она цѣнила вдвойнѣ. И, дѣйствительно, сейчасъ же смягчилась.

— Давай твои 60 копѣекъ, сказала она, стараясь быть серьезною, но уже губы ея, эти полныя губы, на которыхъ была написана вся доброта ея души, съ усиліемъ удерживали улыбку,— ну, чѣмъ же ты будешь угощать гостей?

И началось рѣшеніе вопроса объ обѣдѣ. Александра Семеновна очень любила Льва Сергѣевича, котораго знала съ дѣтства, и, узнавъ, что и онъ будетъ обѣдать, совсѣмъ оживилась, вспоминала кушанья, которыя онъ любилъ и сочиняла обѣдъ вмѣстѣ съ братомъ.

Въ половинѣ шестого пріѣхалъ старый пріятель Сорнина, генералъ Широновъ, только что прибывшій изъ провинціи. Сорнинъ случайно встрѣтилъ его на Невскомъ въ то утро и позвалъ къ себѣ.

Черезъ двадцать минутъ явились Боровскія, какъ разъ за 10 минутъ до назначеннаго часа.

Надежда Михайловна въ черномъ бархатномъ платьѣ, въ дорогихъ кружевахъ, бриллiантахъ въ ушахъ и волосахъ, а Нина въ скромномъ бѣломъ суконномъ платьицѣ, бѣленькая, розовая, очаровательная, съ ямочками на щекахъ и на подбородкѣ. Она вошла, улыбаясь, какъ очаровательное балованое дитя улыбается своей шалости, которую, оно знаетъ, всѣ простятъ ему.

Сеня Сорнинъ, красивый юноша съ темными глубокими гла-

зами, весь вспыхнулъ при появленіи Нины, но она не обратила на него ни малѣйшаго вниманія. Продѣлавъ все, какъ слѣдуетъ по кодексу свѣтскихъ приличій, отвѣсивъ съ скромнымъ видомъ, опустивъ глаза, глубочайшій реверансъ Александрѣ Семеновнѣ, она почти такъ же низко раскланялась и съ генералами.

— Шалунья, шалунья! посмѣиваясь и цѣлуя руку дѣвушки, твердилъ Семенъ Семеновичъ,—ой, ой, какая шалунья!

Глаза ея заискрились.

— А онъ? гдѣ же онъ?.. Вы обманули? шепотомъ спрашивала она.

— Не отчаивайтесь, быть можетъ, еще явится, мы подождемъ четверть часа.

Но прелестное дѣтское личико уже опечалилось, искры въ глазахъ потухли, ямочки на щекахъ исчезли.

— Развѣ я не здоровалась еще съ вами? промолвила она, разсѣянно протягивая руку подошедшему къ ней Семену Семеновичу младшему.

Черезъ пять минутъ Нина однако просвѣтлѣла: Левъ Сергѣевичъ входилъ въ гостиную.

Это былъ человѣкъ лѣтъ 35—38, дѣйствительно, ничего романическаго въ своей физіономіи не имѣвшій: Высокій, плотный съ лицомъ настоящаго русскаго типа, почти мужицкимъ—невысокій лобъ, широкій носъ, умные небольшіе сѣрые глаза, свѣжій ротъ, полный крѣпкихъ зубовъ, добрая улыбка, рыжеватая борода лопатой и обиліе каштановыхъ, слегка вьющихся, волосъ. Здоровый цвѣтъ лица—онъ уже сильно загорѣлъ,—плечи атлета и широкая спина говорили о его здоровьѣ и силѣ.

Онъ вошелъ неторопливо, спокойный, почти важный. Онъ былъ во фракѣ, какъ и подобало; фракъ его былъ старомодный, но это, очевидно, нисколько не смущало его.

— Я, кажется, опоздалъ? меня задержали въ министерствѣ,—извините, Семенъ Семеновичъ, Александра Семеновна, вы прощаете мою неаккуратность? Вѣдь здѣсь необыкновенные порядки, пріемъ начинается съ четырехъ.

Съ студентомъ и Эмиліей онъ поздоровался, какъ съ старыми милыми друзьями и хладнокровно - величественно, молчаливо перенесъ процедуру представленій.

— Вотъ гдѣ суждено намъ было встрѣтиться,—вымолвила Нина, краснѣя, улыбкой показывая всѣ свои ямочки на щекахъ и подбородкѣ,—вы не узнали меня, M-eur Патулинъ?

— Я зналъ, что увижу васъ, сказалъ Левъ Сергѣевичъ. Се-

менъ Семеновичъ вчера напомнилъ о нашей съ вами встрѣчѣ въ вагонѣ.

— Если бы онъ не воскресилъ въ вашей памяти нашей встрѣчи, вы не вспомнили бы?

— Не знаю, право,—сказалъ онъ искренно, и осторожно опустился на стулъ около нея, ощупывая ефемерный стульчикъ рукой:

— Я не сломаю этого, какъ вы думаете?

Она оглянула его мощную фигуру своимъ кокетливымъ смѣющимся взглядомъ и сказала:

— Я думаю, стулъ выдержитъ,—и продолжала дѣлать устный экзаменъ: такъ вы утверждаете, что не помните меня? Не помните нашего разговора?

Патулинъ серьезно вглядывался въ молодую дѣвушку, какъ бы ища въ своихъ воспоминаніяхъ.

— Нѣтъ, я... я помню васъ... вашъ голосъ остался въ памяти... на васъ было что-то сѣрое... вотъ тутъ были большія пуговицы... говорилъ онъ, оглядывая ее и медленно припоминая... Но разговоръ, разговоръ, простите великодушно, не припомню.

Лакей объявилъ, что кушать подано, и генералъ воскликнулъ:

— Господа, въ столовую! Кавалеры, ведите вашихъ дамъ.

Патулинъ поднялся, но не предложилъ руки Нинѣ, которая говорила:

— Хорошо! отлично! я помню, а вы забыли!

У закусочнаго стола Патулинъ очутился между двухъ дѣвушекъ, Ниной и Эмиліей.

— Заступитесь хоть вы за меня передъ вашею подругой, Эмилія Семеновна,—сказалъ онъ,—вѣдь вы молоденькія дѣвушки проѣдетесь одинъ какой-нибудь разъ въ годъ и можете помнить, мы же, дѣловой людъ, снуемъ по желѣзнымъ дорогамъ— сколько встрѣчъ! сколько разговоровъ!—всего не вспомнишь!

И, какъ будто этимъ возгласомъ оправдавъ себя, онъ окончательно отвернулся отъ Нины, предлагая Эмиліи положить на тарелочку икры или сига.

Разговаривая съ генераломъ, Нина не выпускала изъ виду Патулина и замѣтила, что въ его обращеніи съ Эмиліей была такая бережность, было что-то нѣжное, чего она совершенно не видѣла, когда онъ говорилъ съ нею, и ей стало досадно на Эмилію и какъ-то больно жалко себя.

Она сѣла за столъ такая грустная и серьезная, что генералъ даже замѣтилъ это, и, когда онъ громко спросилъ Нину, о чемъ она задумалась, Патулинъ обернулся и посмотрѣлъ на нее.

Левъ Сергѣевичъ сидѣлъ между Ниной и Александрой Семеновною, занимавшею голову стола. Когда онъ посмотрѣлъ на нее такимъ же, какъ показалось Нинѣ, бережно-дружелюбнымъ взглядомъ, какимъ глядѣлъ на Эмилію, ей опять стало весело, но она продолжала сидѣть около него, сложивши губы и опустивъ пушистыя рѣсницы.

Было такъ жаль видѣть омраченнымъ это дѣтское смѣющееся личико, обрамленное золотистыми кудрями.

— Почему вы ничего не кушаете?—спросилъ Патулинъ,—что опечалило васъ?

Она подняла на него дѣтски невинный взоръ и смѣло отвѣтила:

— Вы опечалили меня. Я такъ мечтала о нашей встрѣчѣ сегодня. Я думала и вы помните, какъ я, и вы будете рады меня увидѣть, но...

— Но увѣряю васъ, я очень радъ,—сказалъ онъ,—и чѣмъ больше я копаюсь въ своей памяти, тѣмъ больше припоминаю, и вы очень ясно представляетесь мнѣ, но нѣсколько иная, чѣмъ теперь... и разговоръ я припоминаю. Вы читали „Анну Каренину", и я спросилъ, съ выборомъ ли въ ваши годы вы читаете или все что попадется подъ руку. И я помню вашъ отвѣтъ.

Улыбка расцвѣла на лицѣ Нины, показались ямочки, румянецъ залилъ щеки и глаза заискрились.

„Что за странный ребенокъ", думалъ Патулинъ, „какая наивность! Сколько можетъ ей быть лѣтъ—17, какъ Эмиліи? больше? меньше? То покажется опытною кокеткой, то простодушнымъ дитятей. А ея мать, что за женщина, эта дама въ бриллiантахъ? О дочери можно судить по матери; я, кажется, никогда бы не могъ полюбить дѣвушку, мать которой не уважалъ бы". Онъ посмотрѣлъ на красивое лицо Надежды Михайловны, которое казалось ему глупымъ, и невольно унесся мыслью вдаль отъ этой комнаты, отъ этого стола, ярко освѣщеннаго высокими канделябрами, и ему представилась деревенская гостиная и двѣ женскихъ фигуры у стола подъ лампой—старушки съ добродушною усмѣшкой на умномъ лицѣ и высокой дѣвушки, съ гладко зачесанными за уши темными волосами.

Какими странными показались бы эти фигуры, еслибы перенести ихъ сюда въ это яркое освѣщеніе, рядомъ съ этими туалетами, прическами!

— Вы, какъ видно, любите музыку, Левъ Сергѣевичъ,—звенѣлъ веселый голосокъ Нины,—вы не въ первый разъ слышите Фигнера въ Ленскомъ? Какъ онъ вамъ понравился?

— Я и всего-то „Онѣгина“ слышалъ въ первый разъ, и въ другой, говоря откровенно, не пойду его слушать.

— „Онѣгинъ“ вамъ не понравился? „Онѣгинъ“ Чайковскаго??

— Именно. Я вижу въ этомъ „Онѣгинѣ“ нѣкоторую профанацію Пушкинскаго „Онѣгина“. Я вѣдь воспитанъ въ старыхъ традиціяхъ, Нина Павловна, и, если хотите знать, за старую музыку, за Моцарта, Бетховена отдалъ бы всѣхъ новыхъ композиторовъ. Одна моя знакомая—у насъ, тамъ въ деревнѣ,—чуть не всякій день играетъ для меня стараго и вѣчно юнаго Бетховена, и я слушаю всякій разъ съ новымъ удовольствіемъ.

Пока онъ говорилъ, Александра Семеновна кивала одобрительно головой, хотя вниманіе ея и было отвлечено внесеннымъ блюдомъ рыбы.

— А, вы любите классическую музыку?! Я тоже играю Бетховена.

— Въ самомъ дѣлѣ! Это дѣлаетъ честь вашему вкусу.

Разговоръ на этомъ пресѣкся; мужчины разговорились о провинціальной жизни, о дѣятельности земствъ, и Левъ Сергѣевичъ, само собою разумѣется, принялъ участіе въ этомъ разговорѣ, близко касавшемся его, и почти за весь остальной обѣдъ не обращалъ вниманія на свою даму, предоставляя ей вести какой-то непонятный ему разговоръ съ Сеней Сорнинымъ, но очень интересный, захватывающій, такъ какъ молодой человѣкъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ—то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, то возгорался надеждой, то падалъ духомъ.

Послѣ обѣда Сорнинъ велѣлъ поставить карточный столъ, чтобы развѣять дремоту, какъ онъ говорилъ.

Нина подошла къ Эмиліи, съ которою говорилъ Левъ Сергѣевичъ, неловко держа миніатюрную чашечку, оказавшуюся слишкомъ маленькою и хрупкою вещью для его большой руки. Онъ говорилъ съ дѣвушкой, смягчая голосъ, какъ будто считая его слишкомъ грубымъ для нея.

— И вы винтите?—спросила Патулина Нина.

— Винчу иногда, но сегодня откажусь,—сказалъ онъ,—я сговорился съ однимъ пріятелемъ—мы ѣдемъ въ симфоническій, сегодня вѣдь 9-я симфонія.

— Мама терпѣть не можетъ серьезныхъ концертовъ, и мы не абонированы, мнѣ такъ жаль, такъ жаль!—воскликнула Нина искренно.

Патулинъ посмотрѣлъ на Нину тѣмъ же бережнымъ взглядомъ, какимъ смотрѣлъ на Эмилію, какъ ей показалось, и улыбнулся ей.

— Еще успѣете наслушаться всякой музыки, вы такъ еще молоды; не такъ ли я говорю, Эмилія Семеновна?

— Что до меня,—сказала та,—я не люблю классической музыки.

Патулинъ однимъ глоткомъ опорожнилъ чашку и, очевидно, искалъ мѣста, куда бы ее поставить.

— Дайте чашку,—сказала Эмилія, —не хотите ли еще?

И она отошла отъ Патулина и Нины къ маленькому столику, на которомъ стоялъ кофейный приборъ.

— Хотите, я сыграю вамъ?—поднимая свѣтлый, ясный взоръ на Патулина, спросила Нина,—я недурно играю, вы ноты знаете? страницы повертывать беретесь?

— Берусь,—сказалъ онъ.

Нина, шурша своимъ прелестнымъ, бѣлымъ платьемъ, прошла мимо Сенички, не глядя на него,—какое, ей не было дѣла теперь до студента!—за нею покорно шелъ Патулинъ. Она прошла въ небольшую гостиную, безъ ковровъ, и сѣла за рояль.

Съ первыхъ же аккордовъ, которые взяла дѣвушка, Патулинъ почувствовалъ, что она мастеръ своего дѣла. Онъ стоялъ за табуреткой, готовясь повернуть страницу, но вскорѣ онъ замѣтилъ, что тетрадь на пюпитрѣ только ширма, а она играетъ наизусть.

Тогда онъ взялъ стулъ, сѣлъ немного позади ея и совсѣмъ забылся.

Сначала, когда она начала только играть, въ комнату входили, мѣшали посторонніе лица, шумъ, разговоры; потомъ, вѣроятно, сѣли за винтъ, перестали входить и мѣшать, и Патулинъ весь отдался звукамъ. Это было что-то давно знакомое, старое какъ пѣснь, слышанная въ дѣтствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то совсѣмъ новое, неиспытанное никогда, точно какая-то таинственная завѣса раздвинулась, и въ ней виднѣлась райская обитель. Что-то чистое и ясное, какъ небо, возвышающее душу, и что-то страстно волнующее, какъ земной грѣхъ. Онъ забылся, и передъ нимъ проходили какія-то видѣнія.

Нина въ своемъ бѣломъ платьѣ съ полуоткрытою шеей, тонкая и гибкая, какъ тростинка, съ своею прелестною головкой, окруженною, какъ сіяніемъ, золотистыми волосами, съ своими фіолетовыми не то невинными, не то восторженными глазами и полуоткрытыми губами, представлялась ему святою Цециліей, то чѣмъ-то неумолимымъ, злымъ, привлекательнымъ и страшнымъ въ одно и то же время, но все это было какъ сонъ, какъ во

снѣ онъ слышалъ чудные, знакомые звуки и видѣлъ ея бѣлую шейку, золотистые завитки, прыгающіе за маленькими прозрачными ушками, и дивныя руки, и чувствовалъ близость этого прелестнаго существа, и ему хотѣлось прильнуть губами къ золотистой головкѣ.

Но вотъ онъ проснулся, музыка оборвалась, и голосъ ея разбудилъ его.

— Хорошо я играю?—торжествующе спросила она.

И онъ, протирая глаза, отвѣчалъ:

— Удивительно!

— А она, та сосѣдка, про которую вы говорили, не лучше меня играетъ?

— Не знаю, право, иначе играетъ... да.

Лицо ея было такъ близко отъ него, онъ чувствовалъ почти ея дыханіе, и своими чудесными, полудѣтскими, таинственными глазами она, смотря въ его глаза, произнесла:

— Эта сосѣдка ваша невѣста?

Вопросъ былъ неожиданный.

— Мнѣ сказали... сказали, но я не вѣрю, я отъ васъ хочу слышать, я васъ спрашиваю.

Онъ совершенно оправился и отвѣтилъ вопросомъ:

— По какому праву? Вы дитя, Нина Павловна, но дитя, выросшее въ свѣтѣ; вѣдь и дѣти не имѣютъ права быть нескромными: инстинктъ, если не знаніе жизни, долженъ подсказывать имъ.

— Спасибо за наставленіе,—сказала она, и слезы обиды задрожали въ ея глазахъ.

Онъ уже раскаялся въ рѣзкости своихъ словъ.

— Не сердитесь на меня, Нина Павловна, не стóитъ, право, сердиться, мы встрѣтились случайно и, вѣроятно, никогда больше не увидимся.

Онъ говорилъ это, но не былъ увѣренъ въ своихъ словахъ; напротивъ, что-то какъ будто подсказывало ему, что встрѣча не случайная.

— О, нѣтъ,—воскликнула она съ живостью,—мы непремѣнно увидимся! Вы будете у насъ? Вы должны быть у насъ.

— Я уѣзжаю послѣ завтра.

— А завтра?—Она смотрѣла на него съ мольбой. Я вамъ буду играть, я такъ сыграю, вы должны быть у насъ. Я буду ждать завтра.

Она встала.

— Вамъ пора въ симфоническій, болѣе чѣмъ пора, уже скоро десять. Перваго отдѣленія вы не застанете.

И на губахъ ея заиграла усмѣшка торжества, какъ ему показалось.

Патулинъ уѣхалъ, а Нина прошла въ комнату Эмиліи.

Эмилія сидѣла за книгой, когда вошла Нина.

— Ну,—сказала она,—онъ мой, говорю тебѣ, Эмили, онъ мой, никому его не уступлю.

— Не понимаю твоего стремленія разбить жизнь человѣку.

— Я разбиваю жизнь?! Въ умѣ ли ты, Эмили! Я его люблю.

— Какая тамъ любовь! любовь въ двѣ минуты...

— А тебѣ нужны года, чтобы полюбить, глупая дѣвочка! Я только то и называю любовью, что является мгновенно и охватываетъ васъ, какъ пламя.

— Но онъ нисколько не нуждается въ твоей любви, онъ любитъ другую и любимъ, зачѣмъ тебѣ разбивать его счастье?..

— Какое мнѣ дѣло до этой другой, какой-то провинціалки, когда я, я хочу, чтобы онъ былъ мой. Любитъ другую, а будетъ любить меня, я говорю тебѣ это!

— Очень можетъ быть, я знаю, что ты безжалостна.

— Безжалостна! Кто же меня жалѣетъ, скажи пожалуйста! Всѣ безжалостны. Не хочу я думать о другихъ, когда обо мнѣ никто никогда не думалъ, не жалѣлъ, не любилъ!..

— Что ты, что ты, да тебѣ въ глаза всѣ смотрятъ, мать живетъ для тебя.

— Мать? Мать меня любитъ? Боится скорѣй, а не любитъ. Любя меня, ты скажешь, она сошлась съ Зоринскимъ? Ты краснѣешь? Ты не знала этого быть можетъ? А я съ 12 лѣтъ это знаю, еще въ пансіонѣ меня спрашивали, какъ мнѣ приходится Зоринскій, и я краснѣла за свою мать и плакала, много плакала... Ты думаешь, жалѣя меня, она не вышла замужъ, когда онъ овдовѣлъ? Нѣтъ, жалѣя своей пенсіи. Меня хотятъ выдать замужъ, мнѣ навязываютъ жениховъ, ради меня, ты думаешь? Не для того ли, чтобы отдѣлаться отъ меня? Если Зоринскій не глупъ и дѣйствуетъ *политично*, то вѣдь мама...—она показала на лобъ.

На прелестномъ личикѣ Эмиліи выразился такой ужасъ, такое изумленіе, что Нина расхохоталась.

— Не будь дурой, моя милая,— сказала она,—тебѣ 18-ый годъ, пора знакомиться съ вещами и людьми, которые тебя окружаютъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты говоришь мнѣ все это,—съ отчаяніемъ воскликнула Эмилія,—я не хочу знать вашихъ гадкихъ, отвратительныхъ тайнъ. Ты могла бы пожалѣть меня.

Нина смѣялась, показывая свои бѣленькіе зубки.

— Вотъ видишь, и я была въ отчаяніи, когда въ 12 лѣтъ узнала все это, а меня никто не жалѣлъ. И я узнала не о комъ-нибудь постороннемъ, а о матери, о моей родной матери! Хочешь я поразскажу тебѣ кое-что и о твоемъ папа?

Эмилія зажала уши и съ возгласомъ: „оставь меня, оставь меня!“ вбѣжала въ свою крошечную спальню и, заперевъ дверь на задвижку, зарылась головой въ подушки и зарыдала, а Нина съ презрительною усмѣшкой посмотрѣла ей въ слѣдъ и, слыша, что въ гостиной задвигали стульями, что свидѣтельствовало о томъ, что винтъ кончился, неторопливо направилась туда.

III.

На ясномъ зимнемъ небѣ кое-гдѣ зажигались уже звѣзды, и морозъ крѣпчалъ, когда часу въ шестомъ вечера Левъ Сергѣевичъ Патулинъ въѣзжалъ во дворъ усадьбы сельца Иванькова.

Съ какимъ-то никогда еще не испытаннымъ прежде чувствомъ недовольства подъѣзжалъ онъ къ крыльцу дома. Сама усадьба ему казалась точно меньше, чѣмъ была двѣ недѣли тому назадъ, сараи, избы и амбары, окружавшіе дворъ, точно совсѣмъ зарылись въ снѣгъ, и самъ одноэтажный домъ, въ окнахъ котораго кой-гдѣ виднѣлся свѣтъ, показался ему такимъ маленькимъ, низкимъ, точно пришибленнымъ. Съ непріятнымъ чувствомъ сжиманья сердца Патулинъ вылѣзъ изъ саней и, сказавъ своему кучеру Никитѣ, чтобы запрягалъ, когда взойдетъ мѣсяцъ, взошелъ въ неосвѣщенныя сѣни.

Въ передней тускло горѣла лампочка, но никого не было; онъ скинулъ шубу и все съ тѣмъ же неопредѣленнымъ, сосущимъ чувствомъ, точно случилось какое-то несчастье или должно случиться, онъ вошелъ въ темную залу.

Но когда выбѣжала съ лаемъ такъ хорошо знакомая ему моська Зорька и, узнавъ, съ радостнымъ визгомъ стала прыгать вокругъ него и ласково хватать его за руки зубами, сосанье будто стало исчезать, а когда онъ вошелъ въ теплый и свѣтлый „кабинетъ“, въ которомъ обыкновенно располагались дамы по вечерамъ, и старушка Марья Сергѣевна, увидавъ его, воскликнула:

— Вотъ онъ! Наконецъ-то бѣглецъ возвратился, — а Соня шла ему на встрѣчу съ блестѣвшими радостью темными глазами, онъ почувствовалъ, что все въ порядкѣ, ничто не измѣнилось, и эти женщины ему такъ же близки и милы, какъ были двѣ недѣли назадъ.

Давно, очень давно онъ знаетъ Марью Сергѣевну и Софью Николаевну. Давно онъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ семьей Сафоновыхъ, что обусловливается близкимъ сосѣдствомъ, во-первыхъ, а во-вторыхъ, тѣмъ участіемъ, которое онъ принялъ въ семьѣ, когда возникъ вопросъ о высшемъ образованіи брата Софьи. Это было тяжелое время для Сафоновыхъ съ ихъ крохотными средствами, когда приходилось удѣлять взрослому юношѣ болѣе половины получаемаго съ Иванькова дохода. Тогда Патулину пришлось похлопотать за Сафоновыхъ. Онъ добивался стипендіи или помѣщенія молодого человѣка въ дешевое общежитіе. Выхлопоталъ онъ немногое, это правда, но его участіе завоевало ему еще тогда сердца признательныхъ женщинъ, а сердце молоденькой Софьи билось, быть можетъ, и не одною признательностью.

Но Патулинъ не замѣтилъ этого или не хотѣлъ замѣтить, онъ не думалъ еще тогда о женитьбѣ, да и пришлось разстаться съ Сафоновыми, такъ какъ онѣ нашли необходимымъ переѣхать въ столицу, чтобы дать нѣкоторое подобіе дома учащемуся юношѣ.

Трудное это было время для обѣихъ женщинъ: Софья трудилась во всю, что называется: сама брала уроки музыки и давала уроки, и переводила, и переписывала. Много времени уходило на ходьбу, но брать извозчика она себѣ не позволяла, и такъ въ результатѣ большой работы получались одни гроши. Мать и дочь жили одною мечтой — „вотъ кончитъ Саша, Саша получитъ мѣсто, Саша будетъ зарабатывать, мы отдохнемъ“. Но когда кончилъ Саша и получилъ хорошее мѣсто, зарабатываемыя имъ средства оказались нужны ему самому — онъ женился

Отбывъ свою повинность, сдѣлавъ все что только возможно было для Саши, который конечно совершенно не чувствовалъ этого и принималъ это, какъ и слѣдуетъ мужчинамъ принимать жертвы женщинъ, слегка свысока, какъ должное. Отбывъ свою повинность, Сафоновы мать и дочь передали квартиру свою Сашѣ, а сами уѣхали въ деревню къ запущенному хозяйству, чтобы сохранить дѣтямъ Саши уголъ и клочекъ земли. Зиму онѣ жили однѣ, молотили, мучились съ продажей хлѣба, копили масло. Лѣтомъ пріѣзжалъ Саша съ молодою женой и критиковалъ жен-

ское хозяйство, пилъ, ѣлъ, толстѣлъ на вольныхъ хлѣбахъ и на зиму оставлялъ опять бѣдныхъ женщинъ въ ихъ Иваньковѣ.

И въ эти дни одиночества единственнымъ утѣшеніемъ Сафоновыхъ являлся Патулинъ.

Съ водвореніемъ Сафоновыхъ въ деревнѣ, Патулинъ возобновилъ свои дружескія отношенія съ дамами. Ни съ кѣмъ ни въ городѣ, ни въ деревнѣ онъ не былъ такъ близокъ. У Патулина не было родныхъ, онъ былъ очень одинокъ и за послѣднее время сталъ чувствовать это одиночество и началъ мечтать о женитьбѣ.

Софья была въ это время то, что называется „не молодая дѣвушка", ей было 27—28 лѣтъ. Многія женщины къ этимъ годамъ только расцвѣтаютъ, но Софья, никогда не обладая красотой, за годы своего пребыванія въ Москвѣ значительно поблекла. Но въ ея продолговатомъ, блѣдномъ лицѣ, единственною красотой котораго были темные вдумчивые глаза, явилось какое-то новое выраженіе спокойствія и безконечной доброты, которое невольно трогало всякаго, останавливающаго на ней взглядъ. Она была проста, рѣдко проста для женщины, совершенно искренна. Она была тиха, скромна въ своихъ желаніяхъ, уступчива, хорошая хозяйка, хотя и не совалась въ глаза съ своими хозяйскими хлопотами. Съ ней съ удовольствіемъ можно было прочесть книгу, и хотя она немного говорила, но по какому-нибудь одному слову, одному мѣткому сужденію, можно было заключить, что она все понимаетъ. И пониманіе это, больше чѣмъ въ словахъ, свѣтилось въ ея взорѣ. Она умѣла и сказать, умѣла и слушать. И хоть она не была хороша, но Патулину было пріятно смотрѣть въ ея лицо, когда она слушала его. И не разъ уже онъ говорилъ себѣ: „вотъ жена для меня."

Въ округѣ его такъ и считали женихомъ Софьи Сафоновой и поздравляли даже, да и Софья сама не сомнѣвалась въ томъ, что дѣло идетъ на это. Прежде бывало его пріѣздъ волновалъ ее, теперь она спокойно, радостно встрѣчала его, увѣренная, что онъ принадлежитъ ей. А онъ ждалъ только случая, чтобы окончательно переговорить съ нею, навѣрное зная, что она любитъ его. Весной онъ ждалъ получки довольно значительной суммы денегъ отъ продажи лѣснаго участка, который уже сводился, намѣревался подновить немного домъ и до начала Петровскаго поста обвѣнчаться съ Софьей Сафоновой. Онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что будетъ счастливъ съ нею, и съ каждымъ разомъ, что онъ видѣлъ ее, она становилась ему ближе и дороже.

Это было такъ до поѣздки въ Петербургъ. Въ Петербургѣ собственно ровно ничего не произошло особеннаго — онъ обѣдалъ только у генерала Сорнина, сидя рядомъ съ Ниной Боровскою, потомъ слушалъ ея игру и глядѣлъ на ея плечи, на всю ея изящную прелестную фигуру, на ея золотистые волосы, встрѣчался съ ея фіолетовыми глазами, и такъ какъ она звала его къ себѣ, онъ счелъ невѣжливымъ не быть у Боровскихъ, и утромъ на другой день онъ былъ у нихъ нарочно рано, чтобы его не приняли. Но его приняли, оставили завтракать. И Нина смотрѣла на него такими нѣжно- дѣтскими глазами и играла ему все, что знала изъ своего классическаго репертуара, и едва къ 4-мъ часамъ уѣхалъ онъ отъ нихъ, и то еще обѣ—и мать, и дочь — взяли съ него слово, что на другой день онъ обѣдаетъ у нихъ.

И ему хотѣлось сдержать это слово, но съ вечера еще онъ написалъ, что извиняется и по неотлагательному дѣлу долженъ возвратиться въ N. И онъ, дѣйствительно, на другое же утро уѣхалъ изъ Петербурга.

— Такъ лучше, что мнѣ въ нихъ! Зачѣмъ мнѣ эта Нина! внутренно восклицалъ онъ.

Но всю дорогу онъ думалъ о ней, ея глаза мерещились ему; разъ задремавъ, онъ вдругъ проснулся съ сильно бьющимся сердцемъ—ему привидѣлось, будто губами онъ касается ея мягкихъ пушистыхъ волосъ.

Возвратившись домой въ деревню, онъ не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго ощущенія, будто онъ сдѣлалъ что-то неладное, или случилось какое-то несчастіе, и только теперь, очутившись въ теплой атмосферѣ Иваньковскаго кабинета, такой знакомой и милой его душѣ, чувство это исчезло.

— Какъ хорошо у васъ, тихо, свѣтло,—сказалъ онъ, садясь и ласково глядя на Софью, которая очищала столъ отъ работы. Да успокойся же, успокойся же, Зоринька, уговаривалъ онъ все еще прыгавшую и визжавшую около него собаку, желавшую очевидно всецѣло завладѣть его вниманіемъ.

— Хоть и собака, а понимаетъ тоже, чувствуетъ друга, сказала Марья Сергѣевна.

— Куда же вы, Софья Николаевна? зачѣмъ уносите работу?

— Я сейчасъ принесу другую, не такую объемистую, улыбнувшись, сказала дѣвушка,—при васъ починка не пойдетъ такъ успѣшно, буду больше слушать, чѣмъ штопать, съ полною искрен-

ностью сказала она, захватывая кипу бѣлья. Безъ меня интереснаго не разсказывайте.

Когда Софья вернулась черезъ нѣсколько минутъ съ вязаньемъ, мать, смѣясь, сказала ей, одновременно ласково глядя на Патулина:

— Не хотѣлъ ничего безъ тебя разсказывать, Соня, вотъ онъ какой!

И темные глаза и улыбка дѣвушки поблагодарили его за это.

— Теперь можно, разсказывайте и все какъ можно подробнѣе,—сказала она.

Онъ оживленно началъ разсказывать о томъ дѣлѣ, по которому онъ ѣздилъ въ Петербургъ; Соня съ интересомъ слушала его, но Марьѣ Сергѣевнѣ было скучно, и она изрѣдка прерывала его:

— Съ Сорниными видѣлись?

— Какъ же, какъ же, обѣдалъ даже.

— Ну что же Эмилія, замужъ, пожалуй, уже выходитъ?

— Не слыхалъ. Очень мила Эмилія, кажется, еще похорошѣла.

Тутъ Патулину пришло въ голову: не разсказать ли о подругѣ Эмиліи, о Нинѣ, но онъ собственно не зналъ, съ чего начать, и воздержался.

— Ну, а Александра Семеновна?

— Здорова. Вамъ велѣла кланяться, все такъ же добра и такъ же все ненавидитъ Петербургъ.

— Одни обѣдали?

— Нѣтъ, было еще человѣка три...

Тутъ опять представился случай сказать о Нинѣ, но онъ опять упустилъ этотъ случай и такъ какъ думалъ, усиленно думалъ о томъ, что надо бы разсказать о дѣвушкѣ „новой формаціи", то это-то именно и препятствовало ему говорить о ней. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ застѣнчивыхъ людей, которые не могутъ сказать того, что приготовили заранѣе. Да собственно зачѣмъ говорить, мало ли дѣвушекъ и женщинъ онъ встрѣчалъ, не о всѣхъ же говорить съ Софьей!. Онъ чувствовалъ себя тепло, уютно, покойно въ этой давно знакомой ему обстановкѣ, съ этими двумя женщинами, изъ которыхъ одну онъ уже почти считалъ своею невѣстой.

— Какъ хорошо себя чувствуешь здѣсь,—сказалъ онъ,—послѣ петербургской сутолки.

— Правда?—воскликнула Софья, и ему показалось, что въ глазахъ ея блестнула радость. „Милая дѣвушка", подумалъ онъ.

Разговаривая съ милыми женщинами, Патулинъ слышалъ веселый звонъ посуды въ столовой, топотъ солидныхъ ногъ Мареуши, молодой, суетливо готовившей чайный столъ; Зорька, успокоившись, посапывала на подушкѣ у его ногъ. Со двора доносилась трещетка сторожа. И ему становилось будто еще покойнѣе, отраднѣе отъ всѣхъ этихъ знакомыхъ звуковъ. Вошла старая Мареуша.

— Здравствуйте, батюшка,—съ улыбкой вымолвила она,—наконецъ-то вернулись! Хорошо ли съѣздили? А я вѣдь и не слыхала, что вы пріѣхали къ намъ, батюшка, слышу будто шибче разговариваютъ господа, а не вдомекъ мнѣ. Зашла въ переднюю, а тамъ шуба ваша, тутъ только догадалась! Пожалуйте ключики, Марья Сергѣевна, варенья надо достать. Какого вамъ, батюшка, варенья-то прикажете?

Хотя Патулинъ объявилъ, что онъ любитъ всякое варенье и ему рѣшительно все равно, сама Марья Сергѣевна, не довѣривъ Мареушѣ, пошла накладывать самаго, по ея понятіямъ, лучшаго.

Патулинъ и Соня остались одни. Иногда, когда они оставались одни и молчали, Патулинъ замѣчалъ, что грудь дѣвушки начинала дышать сильнѣе, на щекахъ выступалъ румянецъ. Ему пріятно было смотрѣть на нее въ такія минуты, ощущать ея трепетъ, и онъ нарочно не заговаривалъ. И на этотъ разъ онъ молча смотрѣлъ на ея живо работающія, тонкія руки, на ея вздымающуюся грудь, на ея опущенные глаза, которые, казалось, боялись подняться на него, и думалъ: „сказать ей сейчасъ— будьте моею женой!“ Почему нѣтъ? Не все ли равно сегодня, завтра, черезъ мѣсяцъ я скажу ей это. Зачѣмъ же медлить? И ему представились ея радостныя слезы, объятія старухи и собственная роль жениха, глупая роль... Нѣтъ, повременимъ, пускай будетъ такъ, какъ было, торопиться не къ чему, раньше лѣта не женюсь.

Софья, преодолѣвъ волненіе, подняла голову.

— Я слышу голосъ мамы въ столовой,—сказала она,—пойдемте пить чай.

За чайнымъ столомъ Патулину пріятно было видѣть ея заботу о немъ. Она уже изучила всѣ его привычки, всѣ его вкусы. Она наливала ему чай именно такъ, какъ онъ любилъ— въ мѣру крѣпкій, въ мѣру сладкій. Ко второму стакану она подвинула ему вазочку съ земляничнымъ вареньемъ, и, хотя Марья Сергѣевна убѣждала его попробовать морошку, присланную ей съ сѣвера и сваренную необыкновенно хорошо, но онъ взялъ

землянику, потому что любилъ ее. Разговаривая незамѣтно, она подвинула ему пепельницу и спички именно тогда, когда захотѣлось ему закурить папиросу.

За чаемъ Марья Сергѣевна и Софья въ свою очередь разсказали Патулину, что произошло у нихъ за это время его отсутствія. Купецъ Сидоровъ пріѣзжалъ, рожь, хоть и дешево, а продали, слава Богу. Деньги нужны—Сашечка опять проситъ хоть рублей 200 удѣлить ему. Тоже вѣдь и ему нужны деньги—двое дѣтей, третьяго не нынче завтра родитъ. Софья крестить приглашается.

— Поѣдете въ Москву?—спрашиваетъ Патулинъ.

— Надо будетъ съѣздить, чѣмъ мы хуже васъ!—шутитъ дѣвушка. Тоже платье новое себѣ сшила къ этому случаю.

— Да, вы знаете, теперь вотъ какіе рукава носятъ, показываетъ онъ.

— И не уродливо это?—спрашиваетъ старуха.

Онъ невольно вспоминаетъ одну небольшую фигуру въ модномъ туалетѣ и говоритъ:

— Н-нѣтъ, не нахожу, чтобы было уродливо.

И онъ оглядываетъ рукавъ въ обтяжку, узкія плечи, узкую юбку старенькаго платьица Софьи, и она кажется ему какою-то жалкою въ этомъ платьѣ.

Чай конченъ, Софья перемыла чашки и сказала съ улыбкой:

— Не сыграть ли? Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, я не подходила къ роялю.

— А я „Онѣгина“ слушалъ,—сказалъ онъ.

И онъ началъ бранить новѣйшую музыку и Чайковскаго съ его „Онѣгинымъ“.

— Вы консерваторъ во всемъ,—сказала Софья,—я знаю. Излюбленнаго нашего Бетховена не слушали вы въ Петербургѣ?

— Какъ же—я былъ въ симфоническомъ, какъ разъ на 9-ю симфонію угодилъ. И барышня одна играла у Сорниныхъ.

— Хорошо?—спросила Софья, ставя свѣчи на рояль, которую Патулинъ открылъ.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ и сталъ отыскивать ноты.—Сыграйте вотъ это,—сказалъ онъ,—открывая передъ нею сонату патетикъ, которую играла Нина.

Въ гостиной, въ которой никогда почти не сидѣли и гдѣ стояла рояль, было значительно холоднѣе, чѣмъ въ кабинетѣ и столовой; Софья накинула на плечи пуховый платокъ, садясь за рояль, Патулинъ, потирая руки, сталъ ходить по комнатѣ,

стараясь ступать какъ можно осторожнѣе и не скрипѣть половицами.

Софья начала играть. Она играла, какъ прежде, съ своею осмысленною симпатичною манерой, но Патулинъ не находилъ прежняго очарованія, было что-то утрачено въ этой игрѣ, что-то затемнѣло. „Не то, не то!“,—восклицалъ онъ внутренно, и ему становилось все грустнѣй и грустнѣй. Иногда онъ останавливался позади табурета и глядѣлъ на эту худенькую фигуру, укутанную въ дырявый платокъ—пуховые платки обыкновенно дырявы,—на движенія этой фигуры то въ одну, то въ другую сторону, на костлявые, длинные пальцы, бѣгающіе по клавишамъ, и думалъ: „бѣдная, какъ старается!“ И жалость, именно жалость какая-то къ дѣвушкѣ, такъ старавшейся доставить ему удовольствіе, охватывала его.

Когда она кончила, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Луна взошла, мой Никита уже ждетъ меня не дождется, вѣроятно. Пора ѣхать.

И какъ будто продѣлавъ все то, что отъ него требовалось, онъ сталъ прощаться.

Только выѣхавъ за околицу, онъ вспомнилъ, что не поблагодарилъ Софью за сонату.

IV.

Вскорѣ дѣла земскія и свои собственныя деревенскія дѣла совершенно изгладили впечатлѣнія петербургской поѣздки.

Патулинъ былъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы, и потому, хотя имѣніе его Нагорное было всего въ 12—14 верстахъ отъ города N., ему такъ часто приходилось проводить тамъ дня три сряду, что онъ держалъ квартиру — три комнатки, меблированныя разною деревенскою рухлядью. Прислуги своей въ городѣ онъ не держалъ, а обѣдалъ въ мѣстномъ клубѣ, всегда предпочитая вернуться къ себѣ въ деревню къ обѣду или на полдорогѣ заѣхать къ Сафоновымъ, которые во всякое время дня были ему рады.

Черезъ недѣлю по возвращеніи изъ Петербурга, Патулинъ совершенно уже втянулся въ свою обыденную жизнь между заботами о земскомъ дѣлѣ и своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Петербургскія впечатлѣнія совсѣмъ изгладились, и онъ, бывая у Сафоновыхъ черезъ день, черезъ два, всегда съ новымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ къ ихъ небольшой усадьбѣ. Даже игра

Софьи ему начала нравиться по прежнему. Онъ только дѣлалъ нѣкоторыя свои замѣчанія, и она, внимательно выслушавъ его, слѣдовала его совѣтамъ, и онъ находилъ, что она совершенствуется.

Никогда Софья не казалась матери такою счастливою, какъ въ эту зиму. Прежде, бывало, на нее находила апатія, недовольство жизнью, теперь же она была полна тихой веселости и дѣятельности. Здоровье ея окрѣпло, она пополнѣла даже и порозовѣла.

Не довольствуясь хозяйствомъ, которое всецѣло лежало на ней и брало много времени и силъ, Софья продолжала сношенія съ однимъ дѣтскимъ журналомъ, для котораго переводила разныя статьи и составляла историческія монографіи. Она очень любила эту работу, которая давала ей маленькій заработокъ.

Вечеромъ она считала себя свободною отъ своихъ обязанностей и, взявъ какую-нибудь неголоволомную работу или книгу, поджидала Патулина. И, когда онъ пріѣзжалъ, лицо ея сіяло счастьемъ, и Марья Сергѣевна думала:

„Переговорили, не можетъ быть, чтобы не переговорили. Не понимаю только, чего скрываетъ отъ меня Софья; конечно, мать теперь ужъ не нужна, зачѣмъ теперь мать, когда женихъ въ глаза смотритъ, однако, все же“...

И она нѣсколько дулась на дочь за ея скрытность.

Предъ Николинымъ днемъ Марья Сергѣевна собралась въ городъ, ей надо было сдѣлать нѣсколько покупокъ.

Патулинъ, узнавши объ этой предполагавшейся поѣздкѣ, пригласилъ ее остановиться у него на квартирѣ; самъ онъ предполагалъ этотъ день и два послѣдующихъ пробыть въ деревнѣ и потому просилъ Марью Сергѣевну захватить съ собою газеты, дѣла и почту,—словомъ все, что будетъ принесено управскимъ сторожемъ.

Марья Сергѣевна ѣздила одна, безъ дочери, и возвратилась къ обѣду очень усталая съ кипой разныхъ нужныхъ и ненужныхъ покупокъ.

— Мама, и зачѣмъ это?—говорила съ укоромъ Софья,—разглядывая разные платки, шитье, кружева и т. п.

— Вѣдь дешево-то какъ, моя милая, вѣдь за это кружево въ Москвѣ ты 30 копѣекъ заплатишь, а я за 12 купила.

— Да не нужно оно, мама.

— Какъ не нужно, всегда пригодится.

— Писемъ нѣтъ?

— Отъ Сашечки письмо—все еще ничего, еле ходитъ, ждутъ каждый день, а ничего!

— А Льва Сергѣевича почту привезли?

— Привезла—еще бы.

— Гдѣ же она, надо скорѣй послать.

— Зачѣмъ посылать? кого посылать? Самъ сегодня пріѣдетъ, отдадимъ, не пропадетъ.

— Ахъ, мама, какъ это не понять, могутъ быть дѣловыя бумаги, почемъ мы знаемъ, вѣдь онъ просилъ.

— Да уж гдѣ мнѣ знать! Вамъ лучше знать, посылай, матушка, посылай, не растеряй только—вонъ письмо какое-то валится.

Изъ-за газеты дѣйствительно выпало какое-то письмо.

Когда Софья поднимала его, ее обдало запахомъ тонкихъ духовъ. Конвертъ съ большою монограммой, странный адресъ—письмо было адресовано въ деревню Сорниныхъ—и самая рука очень четкая, но совершенно женская, все это смутило Софью.

„Кто это? Кто эта женщина, которая пишетъ ему?"

Но сейчасъ же она укорила себя за этотъ страхъ и любопытство.

„Не все ли равно, кто бы ни писалъ ему! Если возможно, онъ разскажетъ ей. А если невозможно, если это чужая тайна, и онъ найдетъ нужнымъ сохранить ее, пусть будетъ такъ—какое тутъ можетъ быть безпокойство—онъ не сдѣлаетъ ничего дурнаго."

Она собрала письма и газеты и, тщательно завернувъ и завязавъ ихъ, отправила къ Патулину со слѣдующею записочкой:

„Вечеромъ у насъ на дому всенощная, ждемъ васъ".

Письмо въ конвертѣ съ монограммой поразило и Патулина. „Отъ кого бы?"—подумалъ онъ, вертя его въ рукахъ и прочитывая странный адресъ.

Онъ разорвалъ конвертъ и развернулъ толстый листокъ веленевой бумаги.

Письмо было написано такимъ же четкимъ, красивымъ почеркомъ, какъ и адресъ, но еще мельче. Первое, что ему бросилось въ глаза, это строки эпиграфа: „Я вамъ пишу—чего же болѣ?" Онъ вспыхнулъ. „Это еще что!" воскликнулъ онъ съ негодованіемъ, „она мнѣ пишетъ!"

Не посмотрѣвъ подписи, онъ былъ уже увѣренъ теперь, что письмо отъ Нины. Вотъ что онъ прочелъ:

„Да, я вамъ пишу. Зачѣмъ? сама не знаю, но съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтилась съ вами вторично, я непрестанно думаю о васъ и хочу, чтобы и вы обо мнѣ думали. Вы, быть можетъ, найдете слишкомъ смѣлымъ мое желаніе и письмо мое тоже? Я знаю,

что большинство людей, меня окружающихъ, нашли бы поступокъ мой невѣроятнымъ, возмутительнымъ, если бы знали о немъ, но я, конечно, никому не скажу о своемъ письмѣ, даже Эмиліи, пусть это будетъ тайной между нами двоими. Но между нами мой поступокъ можетъ быть сочтенъ возмутительнымъ только фарисеями. О, что бы я могла разсказать объ этихъ людяхъ!—А вы, неужели и вы возмутитесь имъ? Неужели и по вашему, человѣку, живущему въ нашихъ условіяхъ, нельзя быть искреннимъ, нельзя прямо и открыто высказать своей пріязни? Да, я прямо и открыто говорю вамъ: если есть человѣкъ на свѣтѣ, пріязнью котораго я дорожила бы—это вы. Вы спросите—почему? Мы видѣли другъ друга такъ недолго. Да потому, что только въ вашихъ словахъ я слышу искренность, въ вашемъ взорѣ я читаю правду, а меня окружаетъ всяческая ложь. И я вамъ пишу потому, что душа моя устала отъ лжи, и я не хочу стѣснять себя глупыми условіями свѣта.

„Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы я ошиблась въ васъ, вы не оттолкнете меня. Вы не можете не откликнуться на мой призывъ. Я хочу говорить съ вами. Хотите ли вы слушать меня,—меня, дѣвушку вѣка сего, изломанную, испорченную, но жаждущую правды, искренности? Хотите ли, будете ли вы слушать меня? Я васъ спрашиваю. О, съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ждать отвѣта!

Н.*

— Кокетка!—вымолвилъ Патулинъ,—испорченное, изломанное, дерзкое созданіе!

Онъ былъ возмущенъ, и первымъ его движеніемъ было бросить письмо это въ огонь, однако онъ всунулъ его въ конвертъ и, вмѣсто печки, бросилъ его въ ящикъ стола.

„Да, это настоящая дочь вѣка,“ думалъ онъ, быстро ходя вдоль небольшой амфилады своего дома, „дерзкая и безстыдная! Почему-то хищный взоръ ея упалъ на меня,“ при этомъ онъ вспомнилъ дѣтски нѣжные глаза Нины и содрогнулся плечами, „и вотъ она вцѣпилась въ меня. Зачѣмъ я нуженъ ей? Къ чему? для какихъ экспериментовъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, не такая дѣвушка увлечетъ меня! Софья, созданіе того же вѣка, какія-нибудь 5—7 лѣтъ разницы, и однако между ними цѣлая пропасть. Нѣтъ, довольно медлить. Сейчасъ приступаю къ передѣлкѣ дома—и до Великаго поста, а если не успѣю, на Красной горкѣ женюсь.

„Что тутъ особенно размышлять, не достаточно ли я знаю Соню? Милая ты моя, хорошая! вотъ истинно правдивая дѣвушка! На кой чортъ мнѣ эти модницы, изломанныя, нервныя,

съ болѣзненнымъ воображеніемъ. Буду любить Соню, одну Соню!“

Онъ вспомнилъ, что и Соня слабенькаго здоровья, и подумалъ: „моя любовь, моя забота возстановитъ ея силы, это московская жизнь надорвала ихъ, за этотъ годъ она уже поправилась на вольномъ воздухѣ, съ надеждой въ сердцѣ. Ты думаешь обо мнѣ, Соня, ты отгадываешь мое намѣреніе?“

Проходя мимо своего письменнаго стола, онъ взялъ записку Софьи и, перечитывая ее, улыбался.

„Какая разница съ письмомъ той, какая простота, краткость, какая скромность! Милая дѣвушка, ты ждешь меня?“

И такъ какъ уже наступили сумерки и онъ зналъ, что всенощныя въ Иваньковскомъ домѣ бываютъ раннія, онъ приказалъ запрягать, а самъ пошелъ одѣваться.

Когда онъ подъѣхалъ къ Иваньковскому дому, было уже совсѣмъ темно. Въ передней толпились мужики и бабы, стоялъ запахъ дегтя, тулупа и ладона.

Служили въ гостиной или залѣ, какъ обыкновенно, по старому, называла эту комнату Марья Сергѣевна, комнатѣ съ тремя дверями: въ дверяхъ передней стояли мужики, пришедшіе съ деревни; въ дверяхъ корридора домашняя прислуга; въ дверяхъ столовой Марья Сергѣевна и Софья. Марья Сергѣевна опиралась о стулъ, Софья стояла у противоположной притолки, опустивъ руки и вперивъ глаза въ какую-то неопредѣленную точку.

Кромѣ нѣсколькихъ восковыхъ свѣчей на столѣ передъ образомъ Святого Николая Чудотворца, да двухъ свѣчей на другомъ столѣ для дьячка, другаго свѣта въ гостиной не было, и лицо Софьи показалось Патулину блѣднымъ, но какимъ-то идеальнымъ, прекраснымъ.

Когда онъ взошелъ въ гостиную и сталъ немного впереди мужиковъ, она обратила къ нему глаза и не то, чтобы поклонилась, а привѣтствовала его взоромъ и чуть замѣтною усмѣшкой. Патулинъ зналъ, что, пріѣхавъ ко всенощной, онъ доставилъ удовольствіе обѣимъ женщинамъ: и Марьѣ Сергѣевнѣ, которая какъ будто еще не замѣтила его, и Софьѣ. Обѣ были религіозны.

Патулинъ очень цѣнилъ въ женщинѣ религіозность, будучи самъ совершенно равнодушнымъ къ вопросамъ вѣры. Въ церкви онъ бывалъ только ради женщинъ: въ юности, когда была жива еще воспитавшая его бабушка, ради нея, чтобы доставить ей удовольствіе, теперь ради Марьи Сергѣевны и Сони.

Во время службы онъ или скучалъ, или впадалъ въ мечтательное настроеніе. И теперь подъ пѣніе дьячка Ѳедора Васильевича, косичка котораго привлекала его вниманіе, онъ мечталъ. Ему представилась зала въ Нагорномъ и такая же всенощная тамъ, онъ въ дверяхъ кабинета и рядомъ съ нимъ Софья, его жена. „А ты, о чемъ ты молишься?“ думалъ онъ изрѣдка взглядывая на Софью, „вымоли себѣ и мнѣ счастье, соедини наши два имени въ молитвѣ своей!“

А она, какъ бы подслушавъ его, въ страстной мольбѣ своей дѣйствительно соединяла эти два имени.

Когда всенощная отошла, Патулинъ, поздоровавшись съ Марьей Сергѣевной, подошелъ къ Софьѣ. Она перешла уже въ столовую и заваривала чай.

— Вы не больны? спросилъ онъ, удерживая ея руку и глядя на нее глазами, которые показались ей полными нѣжности.

Она покраснѣла и сказала:

— Почему больна? О нѣтъ, я здорова, совсѣмъ, совсѣмъ здорова.

И, дѣйствительно, она чувствовала себя здоровою и радостною.

— Вы мнѣ показались блѣдною у всенощной, сказалъ онъ,— но теперь порозовѣли. Вы всегда краснѣете, когда говорите или когда смотришь на васъ—это изъ скромности?

— Скорѣе изъ самолюбія, сказала она, смѣясь,—боюсь, чтобы слова мои не показались смѣшными, а я безобразною.

— Со мной вамъ нечего бояться этого, сказалъ онъ серьезно-ласково.

И онъ сѣлъ около нея.

— Не знаю почему, сказалъ онъ,—но Иваньковскій чай мнѣ всегда кажется вкуснѣй, чѣмъ мой собственный.

— Вы получили почту? спросила она.

— Да, какъ же... я и забылъ поблагодарить васъ.

„Скажетъ или нѣтъ о письмѣ?“ подумала она и даже спросила: „много интереснаго?“ онъ тоже вспомнилъ о письмѣ на раздушенной бумагѣ, но на вопросъ ея отвѣчалъ: „ничего особеннаго.“

Пришла Марьи Сергѣевна съ батюшкой, и разговоръ сталъ общимъ.

Когда напились чаю, и священникъ ушелъ, Софья по обыкновенію сѣла за рояль, но Левъ Сергѣевичъ остался съ Марьей Сергѣевною.

— Знаете, что я надумалъ, сказалъ онъ ей: — заѣзжайте-ка

завтра послѣ обѣдни ко мнѣ,—вы такъ давно не были у меня съ Софьей Николаевной! Я затѣваю нѣкоторыя передѣлки въ домѣ, вотъ вы посмотрите, посовѣтуете, быть можетъ.

— Что-жь, я съ удовольствіемъ къ вамъ заѣду; дѣйствительно, мы съ лѣта не были у васъ, мой милый Левъ Сергѣевичъ.

Софья оборвала на полуфразѣ свою игру и явилась въ столовую.

— Кому же я играю,—сказала она съ игранным неудовольствіемъ,—вы не слушаете оба, какіе у васъ тутъ разговоры?

— Разговоры у насъ,—сказалъ онъ потирая руки и вставая, чтобъ уступить ей мѣсто,—хорошіе: завтра вы у меня завтракаете, да-съ, милостивая государыня, завтра мы съ вами кутимъ.

V.

Патулинъ съ искреннимъ удовольствіемъ дѣлалъ приготовленія къ пріему своихъ гостей. Онъ всталъ въ наилучшемъ настроеніи духа и былъ доволенъ собою: вчера, возвратившись изъ Иванькова, онъ побѣдилъ свое желаніе еще разъ прочесть письмо Нины; онъ уже было отодвинулъ ящикъ стола, взялъ конвертъ въ руки, но вдругъ отбросилъ его далеко, далеко внутрь стола. Онъ не сталъ даже припоминать его содержаніе. Къ чему? все равно онъ не отвѣтитъ ей, этой назойливой дѣвочкѣ.

Онъ былъ доволенъ своею стойкостью.

„Сейчасъ же приступлю къ передѣлкамъ", думалъ онъ, „подновлю домъ, переговорю съ Соней, и дѣлу конецъ."

Къ обѣднѣ онъ не пошелъ, а въ ожиданіи дамъ ходилъ по комнатамъ, передвигая мебель и оглядывая столъ, который Илья, старый слуга его, накрывалъ въ залѣ.

— Зачѣмъ ты такъ разставилъ столъ-то, говорилъ Левъ Сергѣевичъ, — насъ будетъ только трое, и тарелокъ слишкомъ много.

— Что-жь, жалко вамъ стола что-ли? Параднѣе такъ, возражалъ ворчливо старикъ, очевидно довольный тѣмъ, что они съ бариномъ принимаютъ гостей, и понимая значеніе этихъ гостей.

„Софья Николаевна невѣста самая подходящая для нашего Льва Сергѣевича", думалъ старикъ. „Добрая, умница, хозяйка хорошая, и съ лица ничего себѣ. Вотъ только сухопара, ну, да у насъ поправится!.. А что не особенно молода, это ничего, и нашъ не „вьюноша"—пара какъ есть!.. Пора, пора жениться".

Прасковья Васильевна — экономка тоже вполнѣ понимала серьезное значеніе этого завтрака и до устали хлопотала, бѣгала и совалась на кухню, гдѣ получила непріятность отъ кухарки, которая сказала ей, что не потерпитъ вмѣшательства въ свое дѣло.

Когда Иваньковскія сани отъ церкви завернули къ усадьбѣ, Илья счелъ долгомъ доложить объ этомъ Патулину, какъ будто онъ считалъ необходимымъ, чтобы баринъ встрѣтилъ на крыльцѣ своихъ почетныхъ гостей.

И Левъ Сергѣевичъ встрѣтилъ дамъ на крыльцѣ, свѣтлый, радостный.

Завтракъ Патулина былъ омраченъ однимъ обстоятельствомъ: кромѣ Сафоновыхъ, къ нему отъ обѣдни завернулъ еще одинъ сосѣдъ, нѣкто Иванъ Ивановичъ Звягинъ, надоѣдливое, ничего не понимающее созданіе; онъ не удовольствовался тѣмъ, что его угостили чудною кулебякой, ветчиной съ горошкомъ и жареною индѣйкой, онъ оставался еще по окончаніи завтрака.

Видя, какъ присутствіе Звягина злитъ Льва Сергѣевича, Софья потѣшалась и нарочно затягивала разговоръ, чтобы удержать его.

Когда же наконецъ Звягинъ уѣхалъ, Патулинъ, проводивъ его въ переднюю, возвратился такой веселый, что даже сдѣлалъ антраша.

— Вотъ уже, по истинѣ, непрошенный гость хуже татарина,— воскликнулъ онъ,—испортилъ мой праздникъ!

Софья глядѣла на него своими спокойными, ласковыми глазами.

— Совсѣмъ не испортилъ, сказала она,—напротивъ, онъ заставилъ еще больше цѣнить его.

И, какъ бы испугавшись того, что она—высказала, Софья вспыхнула.

— Развѣ что такъ, сказалъ Патулинъ,—съ этой точки посмотрѣть на его визитъ! Но дѣло-то въ томъ, что мнѣ надо держать съ вами серьезный совѣтъ, а этотъ толстякъ отнялъ у насъ драгоцѣнное время.

И Патулинъ началъ излагать, въ чемъ будутъ состоять капитальныя передѣлки дома.

— Марья Сергѣевна, мнѣ хотѣлось бы побезпокоить васъ. Пройдемся по дому, это будетъ нагляднѣе. И онъ водилъ дамъ по своему старому, неудобно распредѣленному, дому и разсказывалъ о предполагаемыхъ передѣлкахъ: гдѣ онъ хочетъ вынуть перегородку, чтобы расширить комнату, гдѣ поставить но-

вую, гдѣ прорубить дверь, гдѣ задѣлать. По его плану выходило помѣстительнѣе, и Марья Сергѣевна одобряла его. Вдругъ онъ обратился къ Сонѣ:

— А вы, Софья Николаевна, ни разу еще не выразили своего мнѣнія, а между тѣмъ ваше мнѣніе мнѣ было бы очень дорого.

— Я бы не стала трогать этихъ стѣнъ, какъ-то жалко разрушать старину; единственно, что бы я сдѣлала бы на вашемъ мѣстѣ, я заперла бы вотъ эту дверь и прорубила бы дверь вотъ тутъ.

Патулинъ ударилъ себя по лбу.

— Ахъ, я телятина! нѣтъ ничего проще и удобнѣе этого, какъ не пришло мнѣ это въ голову!

Дѣйствительно, комбинація выходила самая простая и удобная.

— Будь по вашему, барышня, и онъ сдѣлалъ краснымъ карандашемъ большой крестъ на двери, которую надо было задѣлать по словамъ Софьи, а синимъ провелъ по обоямъ черту тамъ, гдѣ она сказала, что надо прорубить дверь.

— Вотъ тутъ, Софья Николаевна, такъ? или поближе къ углу?.. Вотъ-съ, Марья Сергѣевна, мы-то съ вами цѣлый часъ старались, а она въ одинъ мигъ сообразила, рѣшила, — вотъ она какова у насъ Софья-то Николаевна!

И онъ казался такимъ довольнымъ, что она, именно Софья разрѣшила вопросъ, и сама Софья сіяла счастьемъ.

Зимній день коротокъ, начало уже смеркаться, когда послѣ обхода дома вернулись въ гостиную.

— Пора бы и по домамъ, сказала Марья Сергѣевна.

— Э, что вы, мы еще обѣдать будемъ.

— Какой тутъ обѣдъ, отъ завтрака еще не очнулись.

— Будь по вашему — обѣдать не будемъ, но Софья Николаевна сыграетъ мнѣ. Пусть звуки Бетховенской сонаты останутся въ моемъ домѣ послѣ васъ. И онъ увелъ Софью въ залу.

И она играла ему до тѣхъ поръ, пока сумерки совсѣмъ не спустились, и Марья Сергѣевна уже начала трусить, что они не доѣдутъ 3-хъ верстъ до абсолютной темноты.

По возвращеніи изъ Нагорнаго, вся взволнованная, еще не успѣвъ остыть отъ наплыва разнородныхъ ощущеній, Софья неслышными шагами ходила вдоль неосвѣщенныхъ еще столовой и гостиной, когда изъ кабинета ее окликнула мать. Она, нехотя, пошла на зовъ.

Въ небольшомъ кабинетѣ было свѣтло и тепло. Марья Сергѣевна надѣла уже очки и взяла газету.

— Что ты бродишь, сказала она дочери,—присядь лучше да разскажи.

— Что разсказать, мама?

— Какъ будто ужъ и нечего разсказывать, какъ будто ничего не произошло, не вижу я, что ли!

— Ахъ, мама, какая ты, право!

— Подойди сюда, матушка, не съѣмъ.

Софья подошла къ столу, стараясь стать такъ, чтобы свѣтъ лампы не падалъ на ея лицо.

— Неужели не вижу я, къ чему все это клонится? сказала Марья Сергѣевна,—и нечего тебѣ скрывать отъ меня. Не думаешь же ты, что я не рада твоему счастью! Господи Боже мой, да я, кажется, десятью годами раньше въ могилу готова сойти, чтобы только васъ видѣть счастливыми—старуха прослезилась.— Неужели же нельзя порадовать мать, разсказать ей?

— Мама,—сказала Софья, обнимая мать,—клянусь тебѣ, я разсказала бы, если бы было что разсказывать. Я вижу сама, къ чему клонится дѣло, и я счастлива, мама, я счастлива, но онъ ничего не говорилъ мнѣ, да и къ чему? не вижу ли я и безъ того? онъ не скрываетъ...

— Своихъ намѣреній, какъ это говорится, но все же, милая, какъ будто слѣдовало бы сказать, какъ же такъ молчкомъ-то, оно какъ будто и странно.

Софья вспыхнула.

— У всякаго свой характеръ, мама, у кого душа нараспашку, а кто и молчкомъ. Да вѣдь и то сказать—мы не молоденькіе, чтобы разводить эту любовную канитель... Смѣшно бы даже было...

И, не докончивъ своей фразы, она опять ушла ходить по темнымъ комнатамъ, обиженная и разстроенная словами матери, а мать думала: „все это прекрасно, но нельзя же разговаривать одними намеками! Или ужъ все теперь по новому, и слово „люблю“ люди совѣстятся сказать.

VI.

Покуда Софья прохаживалась по своимъ неосвѣщеннымъ комнатамъ, Левъ Сергѣевичъ тоже ходилъ у себя.

„Довольно этого постылаго одинокаго житья!“ думалъ онъ, „же-

нюсь, и, какъ можно, скорѣй. Софья именно такая женщина, какая мнѣ нужна — кроткая, тихая, нетребовательная. Она не будетъ требовать ежеминутнаго вниманія къ себѣ, она не поглотитъ васъ, какъ дѣлаютъ это другія жены".—Онъ вспомнилъ одну знакомую ему чету, гдѣ мужъ потерялъ свой собственный обликъ, потерялъ охоту къ своему дѣлу.—„Со мною этого не будетъ", думалъ онъ, „я останусь тѣмъ, чѣмъ я былъ. Моя жена не остановитъ моей дѣятельности... Она, кажется, любитъ меня; она волнуется всякій разъ, какъ мы остаемся наединѣ. Быть можетъ, она ждетъ слова „люблю". Что жъ, я готовъ сказать его. Быть можетъ, я не люблю ее достаточно сильно? Какой вздоръ! я чувствую уже, что она дорога мнѣ. А то, другое чувство придетъ впослѣдствіи, и тѣмъ лучше".

Думая о будущемъ, онъ вдругъ вспомнилъ, что не все еще выяснено между ними и надо говорить — онъ поморщился. „Ахъ, если бы все это было сдѣлано, и они были бы женаты уже, и жизнь текла бы тихо и мирно по разъ заведенному порядку! Не написать ли? Софья такъ проста, что нечего изощряться въ стилѣ. Да, пожалуй, это будетъ самое лучшее—написать ей".

Онъ прошелъ въ кабинетъ, зажегъ на столѣ свѣчи и выдвинулъ никогда незапиравшійся средній ящикъ стола, складочное мѣсто необходимыхъ предметовъ, какъ бумага, карандаши, перья и т. п.

Отъ сильнаго движенія ящика письмо Нины, брошенное въ него за день передъ тѣмъ, выдвинулось, такъ сказать, на авансцену.

Патулинъ нахмурился и сунулъ было его опять вглубь стола, но черезъ секунду взялъ конвертъ въ руки и, улыбнувшись, подумалъ: „я точно боюсь этого письма,—нѣтъ, милая, теперь ты мнѣ не страшна, строчи себѣ сколько хочешь, пѣсенка моя спѣта!"

Онъ развернулъ памятный пахучій листокъ почтовой бумаги и ужъ безъ прежняго раздраженія перечелъ его содержаніе. И теперь при вторичномъ чтеніи это письмо не вызвало въ немъ прежняго возмущенія. „Испорченное, дерзкое, но жалкое созданье", подумалъ онъ. „Да, жалкое, если въ первомъ попавшемся ей на пути человѣкѣ, въ которомъ ей видится правда, она думаетъ найти свой якорь спасенія".

„Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы я ошиблась въ васъ", повторилъ онъ слова письма, „вы не оттолкнете меня".—„Анъ, от-

толкну“, подумалъ онъ, „своя шкура ближе къ тѣлу, чѣмъ я хуже другихъ, чтобы пожалѣть тебя. Ты ждешь отвѣта? Нѣтъ, не напишу тебѣ, ищи другихъ, вывертывайся, какъ знаешь, я хочу покоя, я женюсь на тихой дѣвушкѣ, ты же, безпокойное существо, отойди отъ меня“.

И онъ задумался. Задумался о людскомъ эгоизмѣ, о томъ, что всякій думаетъ и заботится о другомъ только постольку, поскольку онъ ему нуженъ. Сталъ думать, какъ бы при иныхъ условіяхъ можно было отвѣтить Нинѣ. И мысленно онъ сталъ писать ей: „Что вы хотите отъ меня?“ говорилъ онъ ей въ этомъ письмѣ. „Вы хотите, чтобы я пожалѣлъ васъ, чтобы я протянулъ вамъ руку помощи, чтобы вытянулъ васъ изъ тины, затягивающей васъ? Нѣтъ, прекрасная барышня, обращайтесь къ другому, мнѣ до васъ нѣтъ никакого дѣла, своя бы шкура была цѣла, я покоя ищу, прекрасная барышня, а вы своими признаніями будете терзать меня. И ничему научить я васъ не могу и прощаюсь съ вами, ибо женюсь на Софьѣ Сафоновой, которая терзать меня не станетъ“.

Потомъ въ тѣхъ же мысляхъ своихъ онъ писалъ ей другое письмо, съ другимъ содержаніемъ, менѣе ироническимъ, а листокъ бумаги, приготовленный для письма къ Софьѣ, оставался чистъ,—такъ онъ ей и не написалъ ничего, а на другой день получилъ записку отъ ея матери такого содержанія:

„Получили телеграмму изъ Москвы, невѣстка родила неблагополучно, жизнь въ опасности. Софья сегодня ѣдетъ туда; ради Бога пріѣзжайте, необходимо видѣться“.

Получивъ это письмо, Патулинъ сейчасъ отправился въ Иваньково и нашелъ обѣихъ дамъ въ большой тревогѣ. Телеграмма отъ Александра Николаевича гласила: „Жена родила. Опасность. Денегъ нѣтъ“.

Софья собиралась выѣхать въ Москву съ первымъ отходящимъ поѣздомъ, Марья же Сергѣевна не могла ей сопутствовать—она только что вынесла серьезную инфлюэнцу, и дочь ни за что не хотѣла взять ее съ собою въ дальнее путешествіе въ зимнее холодное время. Ахая и охая, она оставалась, но денегъ надо было отправить во что бы то ни стало, и она рѣшилась просить взаймы у Патулина. Это была тяжелая задача, особенно Софьѣ этотъ заемъ казался чѣмъ-то чудовищнымъ, но дѣлать было нечего.

Марья Сергѣевна съ убитымъ и виноватымъ лицомъ показала Патулину телеграмму, между тѣмъ какъ Софья спасалась бѣгствомъ. Патулинъ сейчасъ же догадался.

— Надо немедленно денегъ, доктора и все такое, а у васъ ихъ нѣтъ въ настоящую минуту?

— 10-ти рублей нѣтъ за душой,—вытирая слезы, вымолвила старуха.

— Спасибо, что обратились ко мнѣ,—сказалъ онъ, цѣлуя ей руку.

— А Софья ни за что не хотѣла,—сказала она, и слезы полились обильнѣе,—вонъ и теперь со стыда убѣжала, а я говорю: къ кому же и обратиться, какъ не къ другу.

— Правильно; спасибо, спасибо за довѣріе, дорогая Марья Сергѣевна, а вы, дурная, злая барышня, обратился онъ къ входившей Софьѣ, не ожидалъ я отъ васъ такого отношенія! Къ кому же вамъ обратиться, какъ не ко мнѣ, кому и помочь, какъ не другу! Садитесь вотъ сюда и обсудимъ втроемъ, какъ быть. Во-первыхъ сколько надо денегъ?

— И не знаю, не знаю, милый Левъ Сергѣевичъ.

— Во всякомъ случаѣ болѣе 200 мы не могли бы послать брату, онъ это знаетъ, вымолвила Софья.

— Такъ 200? Хорошо. Дня черезъ два, если не здѣсь, такъ въ Москвѣ я берусь достать вамъ эту сумму, но раньше не могу, ибо, клянусь Богомъ, вотъ все, что я имѣю въ настоящую минуту. И онъ раскрылъ свой большой бумажникъ, въ которомъ затерялись двѣ красненькихъ да штучки три бѣленькихъ бумажекъ.—Скажемъ такъ: пусть возьметъ это Софья Николаевна и отправляется въ Москву, я же черезъ два дня доставлю ей остальное.

И, говоря это, Патулинъ выбралъ изъ бумажника все его содержаніе и передалъ Софьѣ.

— Господи, какъ это трудно брать чужія деньги, сказала она,— онѣ жгутъ руки.

— А вамъ стыдно говорить это. Я обижусь, вотъ вамъ Богъ!

И такъ какъ она плакала, а сердце его было полно жалости къ ней, онъ взялъ ея руку и нѣсколько разъ поцѣловалъ.

— Собирайтесь, Софья Николаевна, пора, я довезу васъ до станціи.

И онъ повезъ ее въ своихъ саняхъ и дорогой былъ полонъ бережной заботливости о ней. И все время онъ думалъ о томъ, что теперь время, самое время сказать ей, что его мечта это соединеніе ихъ двухъ существованій въ одно. Онъ былъ растроганъ ея печалью, и въ душѣ его было болѣе нѣжности къ ней, чѣмъ когда либо, но что-то удерживало его слова, и онъ ни-

чего не сказалъ ей, кромѣ того, что говорила его забота о ней, его голосъ, его ласковыя слова и тотъ взглядъ, которымъ на прощанье онъ нѣжно окуталъ ее.

VII.

Несмотря на тревогу, которою полно было сердце дѣвушки, она всю дорогу до Москвы не могла не думать о Львѣ Сергѣевичѣ, о тѣхъ новыхъ отношеніяхъ, которыя возникаютъ между ними, и она почти укоряла себя, что недостаточно чувствуетъ горе своего брата.

Однако, пріѣхавъ въ Москву, она значительно успокоилась на счетъ невѣстки. Роды, дѣйствительно, были трудные, но теперь все обстояло уже благополучно, и опасности для жизни ровно никакой не было ни для матери, ни для ребенка.

Когда черезъ два дня Патулинъ явился самъ на квартиру Сафонова съ деньгами и тревожно спрашивалъ, есть ли надежда спасти Анастасію Андреевну, Софьѣ было совѣстно отвѣтить, что опасность, слава Богу, миновала; ей казалось, что она намѣренно лжетъ этому доброму участливому человѣку, что опасности никакой никогда и не было.

Въ первый разъ въ жизни она была противъ брата. Она чувствовала весь эгоизмъ его. Въ первый разъ посторонній человѣкъ ей былъ дороже кровнаго. Безпокойство, причиненное Патулину, его хлопоты, его пріѣздъ въ Москву съ цѣлью какъ можно скорѣе доставить ей деньги—все это и трогало ее и заставляло краснѣть.

Въ первый разъ она какъ бы отрѣшилась отъ своей замкнутости и, протянувъ обѣ руки Патулину, сказала:

— Право, мнѣ кажется, вы слишкомъ добры къ намъ, мы не стóимъ этого.

И въ первый разъ она порицала брата при немъ, а онъ сказалъ:

— Э, полноте, стóитъ ли разговаривать о какихъ-нибудь 200 рубляхъ, свои люди—сочтемся. И тутъ, впервые, безъ всякихъ приготовленій, неожиданно для себя, онъ сказалъ ей о своей надеждѣ.

И это вышло такъ просто, такъ естественно, и Софья безъ всякихъ колебаній, безъ лишнихъ словъ, только со влажными глазами отвѣтила ему согласіемъ. Когда вошелъ Александръ Николаевичъ, онъ не замѣтилъ даже, что между этими людьми

произошло нѣчто рѣшительное, и волненіе Софьи приписалъ тому конверту, что увидѣлъ у нея въ рукахъ.

Впрочемъ, Александръ Николаевичъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ ничто не кажется интереснымъ, достойнымъ вниманія, кромѣ ихъ собственной особы, которыхъ постороннее счастье, волненіе, горе, будь это хотя бы самаго близкаго человѣка, не можетъ тронуть.

Александръ Сафоновъ физически былъ чрезвычайно похожъ на сестру Софью, даже въ глазахъ у него и улыбкѣ было то же выраженіе доброты, что у Софьи, и, собственно, онъ былъ добръ, то-есть не дѣлалъ никому сознательнаго зла, морщился, когда слышалъ визгъ собаки, но онъ бы очень удивился, если бы отъ него потребовалъ кто-нибудь услуги, участія. Патулинъ хорошо зналъ Александра, всегда негодовалъ за его отношеніе къ матери и сестрѣ и не любилъ его. Какъ только онъ явился въ гостиную и, не обращая вниманія на волненіе Льва Сергѣевича и Софьи, сталъ разсказывать о томъ, какъ мало спалъ эти дни, Патулинъ всталъ и сталъ прощаться.

Пріѣхавъ въ Москву случайно, Левъ Сергѣевичъ воспользовался случаемъ, чтобы устроить одно свое дѣло по перезалогу имѣнія, изъ частнаго банка въ дворянскій; теперь, когда онъ собирался жениться, этотъ перезалогъ являлся необходимостью.

Побывавъ на Тверскомъ бульварѣ, въ Дворянскомъ банкѣ и опять на Тверскомъ бульварѣ и порядкомъ ничего еще не выяснивъ, Патулинъ только къ 5 часамъ очутился въ „Славянскомъ базарѣ“, гдѣ остановился.

Очень проголодавшійся, онъ зашелъ въ свой номеръ только для того, чтобы оставить тамъ бумаги и привести себя въ нѣсколько приличный видъ.

Лакей, отворявшій ему дверь, доложилъ, что о немъ спрашивали и на подзеркальникѣ онъ найдетъ записку на карточкѣ.

Неособенно заинтересованный тѣмъ, кто бы могъ его спрашивать—въ Москвѣ у него была масса знакомыхъ,—онъ торопливо сталъ приводить себя въ порядокъ и, только причесавшись передъ зеркаломъ, увидѣлъ записку и вспомнилъ о томъ, что его спрашивали.

Не пробѣжавъ еще написаннаго на карточкѣ, освѣдомившись только съ именемъ и фамиліей, онъ громко обругался и отбросилъ карточку: „этого еще недоставало, сюда явилась!“ На карточкѣ значилось по-французски madame de Borovski. Откуда? Какъ? Зачѣмъ явилась сюда мать Нины? Зачѣмъ я имъ нуженъ?

Но черезъ минуту онъ уже знакомился съ содержаніемъ записки; вотъ что Надежда Михайловна писала мелкимъ, мелкимъ шрифтомъ по-французски: „Quelle chance! мы только-что явились въ Москву, и вы здѣсь и остановились въ одномъ отелѣ съ нами. Надѣюсь, вы зайдете повидаться безъ церемоніи вечеркомъ, между 7—8 мы дома. Номеръ такой-то“.

— Не пойду, не пойду, разрывая на мелкіе кусочки карточку,— воскликнулъ онъ и съ нахмуренными бровями пошелъ въ большую залу ресторана.

Онъ обѣдалъ одинъ за небольшимъ столикомъ и, развлекаясь видомъ оживленія этой большой залы, съ каждою минутой переполнявшейся публикой, онъ не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго чувства при воспоминаніи о найденной въ номерѣ карточкѣ.

Левъ Сергѣевичъ уже доѣдалъ мороженое, когда лакей съ улыбкой доложилъ ему, что компанія, обѣдающая въ салонѣ, шлетъ ему привѣтъ, и дама, имя которой онъ прочтетъ на этой карточкѣ, приглашаетъ его присоединиться къ ихъ компаніи.

Это была все та же французская карточка Надежды Михайловны.

Надо было идти, хотя бы для того только, чтобы поздороваться.

„Раскланяюсь и дѣло съ концомъ“, думалъ онъ, „къ нимъ въ номеръ не пойду ни за что, ни за что не пойду“.

И, расплатившись съ кельнеромъ съ насупленнымъ челомъ, онъ вышелъ въ гостиную.

Посреди комнаты, устланной мягкимъ заглушающимъ шаги ковромъ, стоялъ столъ, вокругъ котораго, какъ показалось Патулину, сидѣло многочисленное общество, но это только такъ показалось ему, тутъ было всего семь человѣкъ.

Голову стола занималъ довольно плотный, сѣдой, но моложавый генералъ; по правую его руку возсѣдала Надежда Михайловна, по лѣвую—Нина. Тутъ же находились дама неопредѣленныхъ лѣтъ, очень элегантная, два какихъ-то свѣтскихъ молодыхъ человѣка и Зоринскій,—тотъ самый Зоринскій, котораго въ свѣтѣ считали любовникомъ Надежды Михайловны; сѣдой, съ красивыми и тонкими чертами лица, онъ держалъ себя необыкновенно корректно и всѣмъ обликомъ походилъ на красиваго актера въ роли благороднаго отца.

— А, наконецъ-то!—воскликнула Надежда Михайловна, протягивая бѣлую, пухлую ручку въ звенящихъ браслетахъ.—Вотъ,

господа, это Патулинъ, извѣстный земскій дѣятель, помните статью въ *Новомъ Времени*...

И она залопотала что-то своимъ милымъ, ласковымъ говоркомъ, нисколько не заботясь о томъ, чтобы свѣдѣнія ея на счетъ статьи Патулина были вѣрны.

Патулинъ пожалъ руку генералу, котораго Надежда Михайловна назвала ему Граховскимъ, и поклонился всѣмъ остальнымъ.

— А Нину вы не замѣчаете? Вотъ она, моя ципочка.

Не измѣняя хмураго выраженія лица, Патулинъ подошелъ къ Нинѣ. Она, молча, подала ему свою маленькую ручку безъ перчатки и безъ всякихъ украшеній. Это была мечта, а не ручка, и взоръ, который она бросила на Патулина, былъ робкій взоръ дѣвочки-подростка.

— Prenez donc place à coté de Ninette,—сказала Надежда Михайловна, faite, place, ma chère.

Сосѣдъ съ нѣмымъ неудовольствіемъ отодвинулся отъ Нины, а лакей поставилъ стулъ для Патулина.

— Извините,—сказалъ Патулинъ,—я очень спѣшу...

Въ этотъ мигъ Нина взглянула на Льва Сергѣевича взоромъ полнымъ такой тоски и умоляюще вымолвила:

— Неужели и минуты подарить намъ нельзя?

Патулинъ безсильно опустился на поданный ему лакеемъ стулъ.

Мягкое бѣлое платье Нины — она опять была въ бѣломъ, этотъ цвѣтъ необыкновенно шелъ ей—касалось его колѣнъ. Онъ осмѣлился взглянуть на нее—ея прелестная головка, окруженная золотымъ ореоломъ волосъ, выступала какъ лучъ солнца изъ молочно-бѣлаго облака.

— Вотъ мы и опять встрѣтились,—сказала она,—не странно ли, что вы очутились въ Москвѣ именно тогда, когда мы пріѣхали всего на какихъ-нибудь два дня. Вѣдь это случайное partie de plaisir—пріѣхали смотрѣть Ермолову въ „Орлеанской дѣвѣ"... А вы почему пріѣхали?

Она опустила глаза и, не дождавшись отвѣта, опять подняла ихъ на него и жалобно съ оттѣнкомъ укора сказала:

— И вы сочли поступокъ мой неприличнымъ и не хотѣли отвѣтить мнѣ?

Онъ только развелъ руками.

— Мнѣ нечего было отвѣчать,—сказалъ онъ и нахмурился, потому-что это было совсѣмъ не то, что онъ хотѣлъ сказать.

А она, какъ бы преодолѣвъ свою неудачу и застѣнчивость, тряхнула головкой и съ улыбкой спросила:

— Что мнѣ передать вамъ—яблоко? грушу? сливу?

Патулинъ между тѣмъ овладѣлъ собой, почти спокойно взглянулъ на дѣвушку и отвѣчалъ:

— Благодарю, но не могу воспользоваться, спѣшу.

— Куда вы спѣшите? поспѣете еще,—возражала она.

Его начинала разбирать злоба. Ему хотѣлось помѣряться съ ней силами, и, прямо глядя на нее, онъ сказалъ:

— Я спѣшу къ моей невѣстѣ.

— А? Поздравляю!—воскликнула она.

Его слова не смутили Нину.

— Такъ она здѣсь, ваша невѣста?

И когда Левъ Сергѣевичъ сталъ прощаться съ Надеждой Михайловной, и она, съ присущею ей ласковостью, удерживала его, Нина серьезно сказала:

— Не удерживай его, мама, онъ въ самомъ дѣлѣ спѣшитъ,— и, обратившись къ нему:—но завтра утромъ мы васъ ждемъ, ждемъ непремѣнно.

Онъ раскланялся молча и вышелъ съ непріятнымъ чувствомъ, будто онъ сдѣлалъ какую-то неловкость.

А. В. Стернъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОДЫ СЛУЖБЫ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЦЕНЗУРНОМЪ КОМИТЕТѢ.[1]

1859-й годъ.

V.

Не даромъ Ѳ. А. Гиляровъ называетъ въ своихъ запискахъ Никиту Петровича „обворожительнымъ“ дядей. Гиляровъ-Платоновъ дѣйствительно умѣлъ „обворожить“ людей: всегда, во всѣ эпохи его жизни у него были горячіе поклонники, очарованные силой его ума, обиліемъ и многосторонностью его познаній, и искавшіе въ его бесѣдахъ и письмахъ поученія и руководства. Онъ не создалъ школы, но всегда имѣлъ учениковъ, иногда сѣдовласыхъ. Къ числу такихъ поклонниковъ и учениковъ Гилярова въ излагаемую эпоху, кромѣ Желтухина, принадлежалъ товарищъ Никиты Петровича по академіи, Василій Матвѣевичъ Корелинъ, въ монашествѣ Веніаминъ, бывшій въ 1859 году архимандритомъ, а впослѣдствіи епископомъ Рижскимъ. Ему нѣсколько строкъ удѣляетъ Гиляровъ въ II т. „Изъ пережитаго“ [2]. „Эта душа хрустальной чистоты—говоритъ Н. П.—открыта была мнѣ со школьной скамьи. Долгія, долгія безсонныя ночи просиживали мы бесѣдуя, при чемъ младенческая простота Василія Матвѣевича (такъ въ мірѣ звали Веніамина) предоставляла мнѣ положеніе старшаго брата-руководителя. Въ важныхъ случаяхъ трудной обязанности пастыря новообращенныхъ эстовъ, въ затрудненіяхъ должности ректорской и потомъ епископской, въ смущеніяхъ по вопросамъ высшаго умственнаго порядка — онъ не переставалъ время отъ времени обращаться ко мнѣ“.

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* №№ 7, 8, 10 и 12.

[2] Стр. 300.

Исчезнувши изъ виду Гилярова въ 1849 году, онъ вдругъ откликнулся въ 1859 году по прочтеніи нѣкоторыхъ статей въ *Русской Бесѣдѣ*, которыя такъ живо напомнили ему манеру изустной и письменной рѣчи Никиты Петровича, возбудили въ немъ вмѣстѣ съ тѣмъ такія свѣтлыя воспоминанія академическихъ товарищескихъ съ нимъ отношеній, что онъ, не будучи вполнѣ увѣренъ, что статьи принадлежатъ перу Гилярова, обратился къ послѣднему съ трогательнымъ привѣтствіемъ [1].

„Передъ вами инспекторъ Рижской духовной семинаріи, архимандритъ Веніаминъ. Что вы сморщили свои густыя черныя брови? Должно быть, не хотите имѣть дѣло съ монахомъ. Въ такомъ случаѣ я дамъ вамъ совѣтъ: представьте, что я когда-нибудь да былъ же не монахомъ,—напримѣръ въ 1844—1848 гг. Тогда по спискамъ академическимъ я значился „Василій Корелинъ", а въ отношеніи къ вамъ питалъ глубокое уваженіе и любовь, которыя до сихъ поръ остаются въ моемъ сердцѣ неизмѣнными. Именно эта любовь и уваженіе и теперь побуждаютъ меня написать письмо". О. Веніамину хотѣлось бы, чтобы впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ чтенія въ *Русской Бесѣдѣ* статей (о которыхъ будетъ рѣчь ниже), его не обмануло, чтобы подпись Н. Г—въ подъ ними значила „Никита Гиляровъ". Критика на Макарія особенно его поразила. „Жгучесть критики до такой степени живости вызвала изъ моего сознанія вашъ образъ, что онъ всюду предносится предо мною: взгляну-ли я на цѣлое построеніе статьи, или на отдѣльные образы!.. Остается выслушать собственное ваше признаніе, и тогда я торжествую. Будьте, любезнѣйшій Никита Петровичъ, такъ великодушны, успокойте меня вашимъ отвѣтомъ... Само собою разумѣется, что если вы осчастливите меня отвѣтомъ, то тѣмъ самымъ мнѣ дадите знать, что я и теперь также могу учиться у васъ, какъ я имѣлъ удовольствіе пользоваться вашимъ геніемъ въ академіи, и я не премину воспользоваться. Пусть же будетъ не даромъ, что имя Никиты Петровича почти срослось съ моимъ сердцемъ".

На выраженное Гиляровымъ желаніе знать о томъ, какъ прошли для его школьнаго товарища тѣ десять лѣтъ, что они друга друга потеряли изъ виду, Веніаминъ въ письмѣ отъ 25 іюня рисуетъ ему слѣдующую любопытную картину своихъ скитаній до полученія имъ мѣста инспектора семинаріи:

[1] Перепиской Веніамина съ Гиляровымъ мы пользуемся съ любезнаго разрѣшенія зятя покойнаго епископа Рижскаго, доктора Степана Петровича Лепешкинскаго.

„Въ 1849 году вы получили отъ меня письмо—на томъ и остановилось. Продолжу. Остановилось не даромъ; остановилось сперва потому, что, когда пріѣхалъ, не было на чемъ сѣсть, не было на что опереться.

„Выѣхалъ я изъ Москвы, а потомъ изъ Питера, и, наконецъ, пріѣхалъ въ Ригу въ 1848 году. По пріѣздѣ въ Ригу на другой или на третій день бывшій Рижскій преосвященный Филаретъ далъ мнѣ письмо къ покойному Дерптскому протоіерею Б., въ которомъ рекомендовалъ меня въ женихи для его дочери. Мнѣ пришлось ѣхать съ священникомъ на его собственныхъ лошадяхъ около 240 верстъ. Помню, долго мы тащились по полуснѣгу и по полугрязи, и это только до дома священника. Отсюда до Дерпта оставалось верстъ 75. Наняли мнѣ лошадей, въ проводники дали чухну и пустили по чухонской землѣ. Ни я не знаю ни словечка по-чухонски, ни чухна не понимаетъ ни слова моего. Вотъ тутъ то пригодилась система моего воспитанія. Бывало, въ классѣ, какъ заговорятъ о томъ, чего не понимаешь или чего слушать не хочешь, такъ тотчасъ въ сонъ клонитъ, и способность спать была развита у меня самымъ превосходнымъ образомъ. Она-то и спасла меня въ продолженіе полуторасуточной моей ѣзды по грязи съ остановками по корчмамъ, болѣе грязнымъ, чѣмъ тотъ номеръ Сибирскаго подворья въ Москвѣ, гдѣ я останавливался въ послѣдній разъ передъ выѣздомъ моимъ изъ Москвы въ Питеръ. Разломанный, разбитый, полусонный, я имѣлъ утѣшеніе получить отказъ отъ распрекрасной ручки Александры Ѳедоровны. (Впрочемъ, надобно сказать правду, что я бо̀льшаго въ то время и не стоилъ). За ручкой-то я не больно гнался, но предо мною лежала та же привлекательная картина поѣздки по чухонскимъ проселочнымъ дорогамъ съ пріятною надеждой, не попадется-ли гдѣ мнѣ невѣста, потому что я пріѣхалъ въ Лифляндію во священники, а священнику нужна жена, а жена безъ невѣсты не бываетъ, а такъ какъ не было ни одного лица знакомаго въ Лифляндіи не только изъ прекраснаго пола, а даже просто изъ мужскаго и женскаго пола, то оставалось одно средство ѣздить по Лифляндіи и искать невѣсты. Пріѣхалъ опять къ тому же священнику, съ которымъ выѣхалъ изъ Риги, сталъ, въ собственномъ смыслѣ, опять прозябать въ той же прехолоднѣйшей комнатѣ, въ которой уже чуть было не промерзъ съ перваго моего пріѣзда. Священникъ добрый сталъ по мѣрѣ силъ, опытности, и обширныхъ своихъ связей, ибо онъ былъ знакомъ съ арендаторомъ (изъ чухонъ) той мызы, гдѣ помѣщалась его цер-

ковь и гдѣ мы имѣемъ теперь удовольствіе проживать во флигилѣ, обыкновенно замѣщаемомъ рабочими людьми, помогать мнѣ. Мыза эта—Вольмарсгофъ въ 25 верстахъ, а можетъ быть и въ 40, отъ Феллина. Арендаторомъ въ то время былъ Шмидтъ. У арендатора-то дочка лѣтъ 18. Ну, мы стали думать, нельзя-ли посвататься. Посватались; разумѣется, отказали по тойпростой причинѣ, что если затѣвать свадьбу, то и кончить нужно было черезъ полторы недѣли, потому что наступалъ постъ Филипповъ. А въ полторы недѣли я съ невѣстой не имѣлъ бы возможности сказать ни одного слова, потому что я не умѣю говорить по-нѣмецки, а она не знаетъ по-русски. За такими пустяками и тутъ дѣло не сошлось. Между тѣмъ преосвященнаго Филарета переводятъ въ Харьковъ, на мѣсто его—теперешняго Платона. На душѣ у меня стало еще мрачнѣе, безотраднѣе. Въ этомъ пріятномъ расположеніи духа я прожилъ у означеннаго священника весь Филипповъ постъ; предъ Рождествомъ добрался до Риги. Къ кому, зачѣмъ? Если бы моя натура была нѣсколько порьянѣй, погорячѣй,—кажется, и теперь при воспоминаніи о былыхъ временахъ стоны съ кровью полились бы изъ груди моей. Но мною тогда овладѣло какое-то тупое упорство, или, что то же, терпѣніе безъ опредѣленной мысли, безъ опредѣленной цѣли. Я ѣхалъ самъ, не знаю куда, и самъ не знаю зачѣмъ—только ѣхалъ въ Ригу.

„Впрочемъ, виноватъ, я ѣхалъ къ Алексѣевскому священнику Ѳомѣ Ивановичу Варницкому—кончившему курсъ въ Московской академіи въ 44 году, и ѣхалъ затѣмъ, чтобы искать невѣсту.

„Благороднѣйшій Ѳома Ивановичъ и добрѣйшая Марья Андреевна, его жена (оба они Тамбовскіе), пріютъ мнѣ дали и такъ тепло согрѣли мое сердце и душу, что, кажется, изъ всей рижско-лифляндской жизни я теперь грѣюсь этою теплотой; но невѣсты не дали, потому что они и сами недавно жили въ Ригѣ, да и не было невѣстъ, имъ знакомыхъ. Лежишь, бывало, да и думаешь: „ахъ, Боже мой, когда же наконецъ выйдешь изъ этого, до кого не касается, смѣшного, а для меня самаго тяжелаго, положенія“. Ужъ я не въ шутку думалъ: зачѣмъ непремѣнно требуютъ сперва жениться, а потомъ уже священствовать? Почему бы не дѣлать исключенія? По крайней мѣрѣ, о свободномъ образѣ дѣйствованія не оскверняль души своей даже и мысленно.

„Во время моей проволочки трое изъ моихъ товарищей—Ив. Гр. Поспѣловъ, Алек. Никит. Троицкій и Ап. Лук.—Бѣликовъ

уже нашли себѣ невѣстъ; мнѣ и послѣ нихъ удачи не было, потому что мнѣ назначено поприще для дѣятельности островъ Эзель, на который въ Ригѣ смотрятъ какъ на ссыльное мѣсто, а слѣдовательно добровольно туда никто не рѣшится ѣхать. И такъ возжи врозь, все хоть брось—экая досада! Живу я себѣ въ Ригѣ въ совершенной свободѣ,—невѣстъ нѣтъ, денегъ нѣтъ, да и хлопотать не о чемъ было, потому что давали мнѣ кушетку для спанья, сажали съ собой за столъ кушать, чаемъ поили, чего же болѣе? Вотъ и разыгрались мои мысли на просторѣ—поѣду въ Курляндскую губернію искать невѣстъ, Лифляндскую всю изъѣздилъ. Отправляюсь въ Митаву. Успѣхъ тотъ же. Со мною ѣздилъ смотритель тогдашняго Рижскаго духовнаго училища (этого училища не должно смѣшивать съ открывшимся тогда училищемъ же, впослѣдствіи выросшимъ въ семинарію—эсто-латышско-русскимъ), Алексѣевъ, теперь владѣющій рукой вышеозначенной моей невѣсты, Александры Ѳеодоровны, и законоучитель въ Дерптскомъ университетѣ. Вотъ мы стали строить силлогизмы, гдѣ бы достать невѣсту, и построили слѣдующій. „Мой товарищъ, говорилъ Алексѣевъ, теперь въ Дерптѣ священникомъ въ эстляндскомъ приходѣ, взялъ себѣ жену у новогородскаго священника. У его жены есть сестра. Если одинъ академикъ взялъ одну сестру, почему же другому не взять другой сестры?“ Заключеніе вѣрное, спорить нельзя. Пишу я въ Дерптъ къ священнику, толкую о невѣстѣ. Мнѣ отвѣчаютъ, что они очень рады такому пріятелю: просятъ покорнѣйше пожаловать къ нимъ въ Дерптъ, потому что невѣста тамъ. Опять въ Дерптъ, только уже не на долгихъ, а на почтовыхъ... Дѣло сладили, написали отцу въ Новгородъ, тотъ отвѣчаетъ, что радъ отдать за меня дочь свою, только онъ съ своей стороны больше не можетъ дать на первоначальное обзаведеніе, какъ сто руб. Эта такая сумма, на которую не доѣдешь и до мѣста, то-есть до Эзеля. Просто хоть плачь. Впалъ я въ хандру и въ припадкѣ ея дѣйствія написалъ было прошеніе къ оберъ-прокурору, чтобы меня взяли изъ Лифляндіи и перевели въ Россію, хотя въ монастырь. Черезъ нѣсколько дней прошеніе это изорвалъ, а написалъ другое, въ которомъ просилъ денегъ, по крайней мѣрѣ, взаимообразно, чтобы выпутаться изъ тѣхъ обстоятельствъ, въ какихъ я тогда находился. Оберъ-прокуроръ сдалъ мое прошеніе проживавшему тамъ нашему преосвященному Платону, съ предложеніемъ удовлетворить моей просьбѣ, если окажется возможнымъ. Къ счастію, возможность оказалась.

Преосвященный Филаретъ, уѣзжая изъ Риги въ Харьковъ, оставилъ резолюцію, въ силу которой за мной числился одинъ приходъ на островѣ Эзелѣ съ 16 октября 1848 г. Слѣдовательно, я хотя разъѣзжалъ по Лифляндіи за невѣстами, но эта поѣздка вмѣнялась въ службу. Невѣста моя изъ Дерпта на масляницу уѣхала въ Новгородъ; къ Пасхѣ я получилъ 150 руб. Отправляюсь въ Новгородъ, и 1 мая была свадьба. Отъ тестя получилъ въ 15 руб. телѣгу въ приданое и отправился въ Ригу. Платонъ меня здѣсь встрѣтилъ, какъ бунтовщика, потому что я осмѣлился утруждать прошеніемъ его сіятельство. Просто далъ такую распеканцію, что глубоко-знаменательныя слова его воздвигли ему въ моемъ сердцѣ памятникъ, подобный тому, какъ нѣкоторые помѣщики у насъ на святой Руси умѣютъ высѣкать себѣ памятники на спинахъ мужиковъ. Но какъ-бы то ни было—священникомъ отправился на Эзель. Не правда ли, что въ такомъ судорожномъ движеніи я не могъ писать и слѣдственно прекратилъ переписку не безъ причины?

„Слѣдуетъ теперь описать почему молчалъ я по пріѣздѣ къ мѣсту служенія. Ради Бога пощадите, здѣсь началась комедія моей жизни, кончившаяся, впрочемъ, трагически для моего духа, для моего сердца. Прежде всего я въ собственномъ смыслѣ съ голодомъ долженъ былъ сражаться; потомъ съ благочиннымъ, промотавшимъ мои деньги, потомъ съ чухонскимъ языкомъ, потомъ съ тѣмъ же лицомъ, которое изъ благочиннаго сдѣлалось мнѣ подвѣдомымъ; потомъ съ болѣзнью жены, кончившеюся смертью; потомъ съ одиночествомъ, съ тѣмъ гигантскимъ одиночествомъ, которое можетъ постигнуть человѣка русскаго на островѣ Эзелѣ среди лицъ безчувственно-холодныхъ. Изъ этого одиночества вывелъ преосвященный Платонъ, предложивъ мѣсто священническое при одной русской церкви.

„Такимъ образомъ въ 52 году я переѣхалъ въ Ригу одинъ-одинехонекъ, дочь свою двухлѣтнюю и сына трехмѣсячнаго оставилъ у свояченицы въ Дерптѣ. Прожилъ я годъ священникомъ въ Ригѣ—сынъ померъ; я махнулъ рукой и подалъ прошеніе къ преосвященному, что-де чувствую расположеніе къ монашеской жизни и впредь до окончательной рѣшимости вступить въ оную желаю служить при Рижской семинаріи наставникомъ. Просьба принята, ходатайство архіерейское предъ Святѣйшимъ Сvнодомъ уважено, и я съ октября 1853 года началъ служить при Рижской семинаріи въ качествѣ наставника. Черезъ годъ подалъ прошеніе въ монахи. Въ 55 году сдѣланъ

инспекторомъ, а въ 58 г. 27 января рукоположенъ или возведенъ въ архимандриты. Когда въ Ригу переѣхалъ, тутъ я нѣсколько проглянулъ, да и услыхалъ, а на Эзелѣ, кромѣ камня известковаго, составляющаго эзельскую почву, ничего не видалъ. Тутъ я услыхалъ, что на васъ гоненіе и что послѣдовало изгнаніе отъ ректора Евгенія, но что преосвященный Филаретъ принялъ въ васъ живое отеческое участіе, до пріисканія мѣста производилъ вамъ изъ собственной казны то же жалованье, какое вы при академіи получали изъ казенной казны, что потомъ выхлопоталъ вамъ мѣсто цензора. Потомъ слышалъ я, что вы ѣздили за границу, а потомъ, потомъ и потерялъ васъ: спросить не у кого. Въ нынѣшнемъ году выписывалъ я между прочимъ *Парусъ* (весьма бы желательно знать, что было причиной прекращенія его). Когда онъ прекратился, я рѣшился выписывать *Русскую Бесѣду*, главнымъ образомъ потому, что г. Погодинъ въ обозрѣніи своемъ о состояніи Европы за 1858 годъ, между прочимъ, упомянулъ, что по этой части помѣщены хорошія статьи въ *Русской Бесѣдѣ*. Первыя двѣ книжки *Русской Бесѣды* получены мною уже вмѣстѣ послѣ Пасхи. Въ одной изъ нихъ я нашелъ цензора Никиту Гилярова-Платонова, въ другой подпись Н. Г—въ. Въ 3-й книжкѣ 3 статьи подъ тѣми же буквами. Съ первой статьи на меня повѣялъ вашъ духъ; потомъ я сталъ прислушиваться внимательнѣе, мнѣ послышались ваши звуки голоса, вашъ сокрушительный анализъ, ваше философствованіе. Впрочемъ, надобно замѣтить, что я прочиталъ изъ 3-й книжки со вниманіемъ только одну статью—разборъ церковной исторіи Макарія, а другія только пробѣжалъ: нужно было, по обстоятельствамъ, вскорѣ передать эту книжку нашему преосвященному Платону для прочтенія именно этой критической статьи. А преосвященный живетъ на Эзелѣ, пользуется морскимъ купаньемъ. Такъ неудивительно же, что я поздно узналъ о вашемъ литераторствѣ. Судя по тѣмъ даннымъ, какія я имѣлъ у себя подъ рукой, я, напротивъ, узналъ очень скоро. Ахъ, какъ бы пріятно было, въ самомъ дѣлѣ, имѣть у себя оттиски со всѣхъ вашихъ статей, гдѣ-бы-то ни было помѣщенныхъ. Я не шутя говорю,—хотѣлось бы мнѣ на старости лѣтъ чему-нибудь поучиться. Быть можетъ, не дадите ли вы мнѣ, по крайней мѣрѣ, конспекта богословскихъ наукъ, того конспекта, который, живо я помню, вы развивали бывало въ академическомъ саду и которымъ я тогда восхищался. Что вы читали въ академіи и что не понравилось академіи въ вашемъ

чтеніи? Ваша личность для меня священна. Заранѣе предвкушаю сладость вашей рѣчи, если вы съ прежнею благосклонностью заговорите со мною языкомъ той крѣпкой мысли, которая меня такъ плѣняла въ студенчествѣ. Судя по вашему письму, вы тотъ же для меня Никита Петровичъ,—душевно искренно благодарю васъ".

Проходитъ послѣ этого письма слишкомъ мѣсяцъ, а отъ Гилярова не получается никакого отвѣта. Тогда 3 августа Веніаминъ шлетъ Никитѣ Петровичу еще письмо:

„Позвольте вамъ замѣтить, что вы поступаете не по-Гиляровски. Вы всегда отличались гуманизмомъ, а со мною допускаете нѣкотораго рода жестокость. Какъ *мило и по тону и по скорости* отвѣта первое ваше письмо, такъ убійственно ваше долгое молчаніе на второе мое письмо. Рѣшительно я сталъ въ тупикъ, и, несмотря на развитую въ насъ способность писать сочиненія на всѣ темы и на многія другія, едва ли я въ состояніи написать даже нѣсколько листовъ на тему—отъ чего Никита Петровичъ мнѣ не пишетъ, хотя по первому его письму я вполнѣ надѣялся на скорый его отвѣтъ.

„Быть можетъ, мое письмо произвело неблагопріятное впечатлѣніе на васъ; умоляю васъ, ради Бога, *со мною нечего церемониться. Вліяніе вашего духа на меня неотразимо, неизгладимо*; если хотите руками ощупаю и въ сердцѣ, и въ головѣ чувства и мысли, порожденныя или возбужденныя вами; а потому даю вамъ полную власть наступать на змія и скарпію и всю вражью силу, какую только замѣтите во мнѣ. Можетъ быть, вы хотите поразить меня нечаянностію; можетъ быть, готовите для меня письмо, какое предчувствуетъ мое сердце и какого оно жаждетъ, о! въ такомъ случаѣ готовъ взять терпѣнія, пожалуй, еще хоть на мѣсяцъ".

„Возьмите къ свѣдѣнію и то, что едва ли не у меня только есть *Русская Бесѣда*, и то за настоящій только годъ, а потому обѣщанныхъ *вами вашихъ статей* я жду съ нетерпѣніемъ, потому что не знаю, гдѣ ихъ достать. Еще нигдѣ не приходилось прочитать отзыва о вашей критикѣ „Исторіи Русской Церкви" пр. Макарія, *но въ Ригѣ, начиная архіереемъ и оканчивая послѣднимъ ученикомъ богословія—всѣхъ вы одолжили, разодолжили*".

На сей разъ Гиляровъ отвѣчалъ приводимымъ ниже интереснымъ письмомъ, которое, къ сожалѣнію, какъ и всѣ, переданныя намъ докторомъ Лепешинскимъ, письма Никиты Петровича къ Веніамину, сохранилось въ неполномъ видѣ.

„По всему видно, писалъ Гиляровъ отъ 11 августа, что вашему высокопреподобію дѣлать нечего, пишете письмо и, не получивъ нѣсколько времени отвѣта, жалуетесь: „заставляютъ де меня ждать". Да и подождали бы еще довольно времени. Да что вы въ самомъ дѣлѣ воображаете, что мы сидимъ, сложа руки, да мечтаемъ о пріятностяхъ жизни? Первый отвѣтъ [1] я писалъ къ вамъ урывками, на квартирѣ пріятеля. Второй долженъ былъ потребовать особаго досуга, ибо столько задано вопросовъ! А обстоятельства мои слѣдующія:

1. Постоянное чтеніе, лежащихъ на моей цензурѣ четырехъ періодическихъ изданій (а за отпускомъ въ послѣднее время двухъ товарищей еще болѣе).

2. Чтеніе рукописей и книгъ тоже по цензурѣ.

3. Засѣданія въ Цензурномъ Комитетѣ.

4. Работа по журнальному сотрудничеству.

5. Громаднѣйшая работа изготовленія свода печатныхъ мнѣній по крестьянскому вопросу. О степени обширности и напряженности труда можете судить по тому, что съ Ѳоминой недѣли потрачено уже на него двѣ стопы бумаги и заплачено 80 руб. серебромъ однимъ переписчикамъ. А о спѣшности — потому, что срокъ окончанія—15 августа—1 сентября.

6. Обработка чужого сочиненія о „Сковородѣ", лежащаго у меня уже полтора года.

7. Закончаніе отчета по путешествію, съ которымъ доселѣ не могу сладить, несмотря на двукратное оффиціальное понужденіе.

„Прибавьте къ этому оффиціальные визиты мои къ другимъ и другихъ ко мнѣ. Да отчислите что-нибудь на чтеніе книгъ, помимо оффиціальныхъ занятій. Да надо вѣдь иногда и отдохнуть, удѣлить нѣсколько времени семейству и дать отдыхъ почти не перестающимъ страдать глазамъ, почти не отдыхающей головѣ. Да подумайте, что, по дурацкой натурѣ, я ничего не могу дѣлать иначе, какъ запоемъ, то-есть весь сосредоточившись и углубившись. Послѣ этого, я надѣюсь, вы оправдаете меня. Жестокій человѣкъ! И теперь, пиша къ вамъ, я дрожу, думая: „Охъ, какъ бы это хорошенько распредѣлить? Усадьбы... подлежать ли выкупу... подлежатъ ли оцѣнкѣ и пр." А за этою мыслью выглядываетъ другая: „а ну, какъ въ слѣдующее засѣданіе мнѣ пришлютъ третье понужденіе съ выговоромъ. Какъ

---

[1] Не сохранившійся.

стыдно!" А за этою мыслью заплетается еще третья: „Однако, вѣдь вотъ уже двѣ недѣли ждетъ типографія и книжка *Журнала Землевладѣльцевъ* все дожидается конца уже набранной моей статьи „О Личномъ и Общественномъ"...

„Неизданные отрывки Гоголя, которые поручили было мнѣ обдѣлывать къ изданію и обставить замѣчаніями, я даже отослалъ назадъ, несмотря на весь интересъ работы...

„А предпринятые подъ моею редакціей переводы греческихъ историковъ—увы!—лежатъ полгода на полкѣ. [1] Нѣтъ времени.

„Ну-съ, что на это скажете? Нѣтъ, почтеннѣйшій, вы пишите мнѣ, пожалуйста, а если я замедлю отвѣтомъ, будьте терпѣливы и жалостливы. Жизнь идетъ на-парахъ, нѣтъ — по телеграфу. Каждый долженъ сперва думать о своихъ общественныхъ обязанностяхъ, а до частныхъ отношеній... ну, договоримъ на томъ свѣтѣ, что не успѣемъ пересказать здѣсь. Вы поставлены въ сферу стоячаго болота. Вамъ хорошо изъ этой области безмыслія и прозябанія относиться къ людямъ живымъ по методѣ Кифы Мокіевича (или Мокія Кифовича—я забылъ). Но не на долго и вамъ спать, дружокъ. Времена наступаютъ серіозныя. Если не хочется самимъ проснуться, такъ разбудятъ... „Что̀ ты спишь, мужичекъ, вѣдь весна на дворѣ!" И полно отращивать пузенки (которое завелось и у васъ, я слышалъ), полно для моціона класть поясные и земные поклоны, прикидываясь и называя это якобы благочестивымъ *душевнымъ* движеніемъ, да вдобавокъ произносить извѣстныя заученыя фразы на службѣ божественной и общественной, яко бы для молитвы и пользы ближняго, а въ сущности, чтобы только не разучиться говорить...

„Жестконько я поговорилъ. Но что-жь дѣлать, грусть и негодованіе обнимаютъ меня, когда я вспомню о всей сферѣ quasi

---

[1] „Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, говоритъ Гиляровъ („Изъ Пережитаго" II, 316), навѣстивъ какъ-то Василія Михайловича Сперанскаго, я замѣтилъ, что онъ томился отсутствіемъ дѣла. Я сталъ ему представлять, что съ его познаніями и способностями грѣшно не приложить рукъ къ чему-нибудь на пользу общественную. Посыпались отвѣты, мною предвидѣнные: какъ де соваться, да какое дѣло ему по силамъ? Я предложилъ ему вмѣстѣ со мною заняться переводомъ греческихъ классиковъ, какъ нѣкогда сообща переводили мы Фихте Младшаго и Пассаванта съ нѣмецкаго, Юма съ англійскаго (переводы эти остались домашнимъ нашимъ упражненіемъ). Онъ согласился, и первыя главы „Киропедіи" Ксенофонта въ его переводѣ, кажется, сейчасъ въ одномъ изъ моихъ портфелей. Но мои мытарства по службѣ, а потомъ умножившіяся и у него служебныя занятія не дали намъ окончить общаго труда".

духовнаго направленія. Какъ хорошенько вдумаешься, такъ и приходитъ на мысль уединенная комната съ однообразнымъ чиканьемъ маятника: тикъ-такъ, тикъ-такъ и проч. Совершенный образъ всей quasi-духовной дѣятельности въ Россіи.[1]

„Ваше послѣднее письмо, сказалъ я, требовало бы длиннаго отвѣта. Но пощадите! Отвѣчу, и то коротко, на двѣ вещи.

„Во первыхъ, смѣшно и горько было мнѣ прочитать небылицу, что меня отставилъ Евгеній, а Филаретъ защищалъ, и даже устроилъ мое поступленіе на настоящее мѣсто.. Филаретъ!.. Да кто это могъ выдумать, кому пришло въ голову сдѣлать его моимъ благодѣтелемъ?!

„Нѣтъ, другъ мой, выгналъ меня Филаретъ, а Евгеній, если что сдѣлалъ, такъ воспрепятствовалъ Высокопреосвященнѣйшему сдѣлать предложеніе конференціи объ отрѣшеніи меня отъ должности, представивъ, хотя и съ подобающимъ смиреніемъ, что на это нѣтъ никакихъ основаній, и что предлоги, которые думалъ употребить Высокопр. въ своемъ предложеніи, не могутъ быть приняты въ уваженіе. Высокопр. хотѣлось скушать меня до чиста, на томъ основаніи, что я де мало показалъ дѣятельности въ продолженіе службы, ибо не сдалъ всѣхъ лекцій...

---

[1] „Вопросъ объ оживленіи нашего духовенства", писалъ Н. П. въ 1859 г. арх. Іоанну Соколову," объ оживленіи духовной литературы и всего духовнаго просвѣщеніи есть одинъ изъ жгучихъ вопросовъ теперешняго времени. Благо и честь тому, кто первый проведетъ его въ жизнь. Въ скромной роли преподавателя въ духовной академіи, я пытался было сдѣлать это, но мое общественное положеніе было слишкомъ незначительно, и я палъ отъ руки людей, не умѣвшихъ понять, что нападать на злоупотребленія не значитъ идти противъ самой вещи, что вооружаться противъ частностей въ исполненіи не значитъ отвергать самую идею. Напротивъ, тѣмъ и яснѣе, тѣмъ и выше явится идея церкви и ея значеніе для нашего общества, когда она стряхнетъ съ себя разный соръ, отвнѣ къ ней приставшій и вовсе не составляющій существа ея. Но, впрочемъ, это было и рано. Клевета и недоразумѣнія, которыми привѣтствованы были мои чтенія, рядомъ съ сочувствіемъ, которымъ я пользовался, показали мнѣ, что развитіе нашего духовнаго общества и, въ частности, юношества еще не созрѣло должнымъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, однако, и оставивъ духовную службу, я чувствую на себѣ долгъ высказываться—долгъ вдвойнѣ обязательный для меня: во-первыхъ, потому что дѣломъ совѣсти считаю выяснить тѣ недоразумѣнія, которыя дали мнѣ, къ несчастью, репутацію въ духовенствѣ, какъ кажется, не совсѣмъ лестную; я долженъ печатно засвидѣтельствовать, что въ убѣжденіяхъ моихъ нѣтъ ничего, что давало бы право на такую репутацію. А во-вторыхъ, ужели же молчать, въ самомъ дѣлѣ, при видѣ безжизненности, при видѣ глубокаго сна или механической дѣятельности нашего духовенства? Уже ли же не слѣдуетъ его будить, именно ради пользы Церкви?"

„Правда, что Высокопр. принудилъ меня взять изъ своихъ денегъ сумму, соотвѣтственную количеству жалованія, которое получилъ бы я, если бы не вышелъ изъ службы, жалованія отъ ноября—времени отставки, до января; но это было, вопервыхъ, желаніемъ поскорѣе меня выжить, вовторыхъ—разсчетомъ при обидѣ удвоить ее насильственнымъ благодѣяніемъ... Онъ, предложивъ мнѣ выйти въ отставку, дозволилъ ректору представить меня къ офиціальной наградѣ за честную службу. А когда я подалъ прошеніе и получилъ отставку, онъ отказалъ въ представленіи къ наградѣ, оборотивъ его назадъ и сказавъ, не угодно-ли представить меня къ наградѣ за долговременную службу. Я, разумѣется, отказался. (Да, я думаю, Евгеній и радъ былъ уже не тревожить вторично). Да тутъ-то"...

На этомъ прерывается отрывокъ письма, которое вызвало слѣдующія интересныя письма Веніамина.

„Любезнѣйшій и дорогой Никита Петровичъ"! писалъ онъ отъ 2 авг.„ Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица, и вѣрно. Дурно я сдѣлалъ, что не впопадъ написалъ вамъ послѣднее письмо; за то имѣлъ удовольствіе, вмѣстѣ съ выговоромъ мнѣ, прочитать письмо, которое познакомило меня съ разнообразною и обширною вашею дѣятельностью, съ кипучестью вашей жизни духовной. Этого мало: ваше письмо вызываетъ и меня на откровенность.

„Вы пишете или начинаете письмо такъ. „По всему видно, что вашему высокопреподобію дѣлать нечего". Да, совершенная правда, что моему высокопреподобію во мнѣ дѣлать нечего. Моя душа сдѣлана, или сотворена, или существуетъ, какъ хотите, не для высокопреподобія. Если бы высокопреподобію пришлось питаться такимъ сердцемъ, какъ мое, то оно давно бы померло съ голоду, и русскій міръ давно бы отдохнулъ отъ устали въ языкѣ, такъ часто и такъ иногда усердно и съ удовольствіемъ болтающемъ длинное и безсмысленное слово: „высокопреподобіе", какъ маленькій уголокъ Рижской семинаріи въ моей личности и не начиналъ трудиться надъ произношеніемъ этого слова. И лично и заочно я между своими учениками извѣстенъ подъ формой инспектора, отца инспектора, отца Веніамина. Внѣшняя обстановка совершенно гармонируетъ съ моимъ внутреннимъ настроеніемъ духа, слѣдственно также убійственна для высокопреподобія.

„Я архимандритъ только лично, слѣдственно и безличный, т. е. монастыря нѣтъ, а потому я доселѣ всегда вхожу въ храмъ

Божій путемъ обыкновеннымъ—безлошадный, т. е. не пара орловскихъ рысаковъ мчитъ меня куда бы то ни было, а носятъ свои рѣзвыя ноженьки для присутствованія въ консисторію и часто въ церковь для богослуженія съ архіеремъ. Итакъ повторяю—правда, что моему высокопреподобію во мнѣ дѣлать нечего.

„Но не могу согласиться съ вами, что мнѣ лично нечего дѣлать.

„Во 1-хъ, я наставникъ семинаріи—прежде логики и психологіи, патристики, а теперь чтенія Священнаго Писанія, священной германевтики, греческаго языка и православнаго исповѣданія. Библіотеки у насъ нѣтъ, и я долженъ былъ на свой счетъ пріобрѣсти: логики—Бахмана, Новицкаго, Рождественскаго, Карпова, психологіи—Шульца въ переводѣ Сидонскаго, Carus въ подлинникѣ, Шуберта въ подлинникѣ, Ботеня тоже въ подлинникѣ; по патристикѣ: Шарпентье въ нѣмецкомъ переводѣ; по Свящ. Пис.—Розенмюллера; выписываю церк. истор. изданія: Abb. Migne 25 vol—каждый выпускъ стòитъ болѣе 2 р., Бауера критич. изслѣдованія о 4-хъ Евангелистахъ и множество болѣе или менѣе частнѣйшихъ, болѣе или менѣе прямо идущихъ къ моему предмету книгъ.

„Во 2-хъ, я инспекторъ семинаріи Рижской, т. е. новой семинаріи, безъ преданій, семинаріи еще неиспорченной, гдѣ въ отношеніи начальства къ ученикамъ господствуетъ духъ вѣжливости въ полномъ смыслѣ; гдѣ я всѣми силами стараюсь сглаживать три другъ другу враждебные элемента—русскій, латышскій и эстскій, или чухонскій—одинаковымъ ко всѣмъ вниманіемъ, искреннимъ ко всѣмъ расположеніемъ; гдѣ я выпросилъ дозволеніе у начальства ходить на французскій классъ въ качествѣ слушателя для поощренія учениковъ и гдѣ французскій языкъ преподаетъ природный французъ, гдѣ семинарія соединена съ училищемъ, а потому имѣетъ двойной интересъ слѣдить за мальчиками съ 9 лѣтъ до 22-лѣтняго возраста.

„Въ 3-хъ, я имѣю дочь: ей уже 9 лѣтъ, пора позаботиться о ея образованіи. По этому поводу съ 8 до 18 числа я ѣздилъ изъ Риги въ Перновъ, откуда привезъ дочь свою въ Ригу, и теперь хлопочу о помѣщеніи ея въ какой либо пансіонъ.

„Далѣе, въ 4-хъ, я членъ консисторіи по секретному столу: сюда относятся, кромѣ дѣлъ о раскольникахъ, коихъ въ Рижской эпархіи до 15 тысячъ, дѣла объ уклоняющихся изъ православія въ лютеранство недавно обращенныхъ чухнахъ и латышахъ. Дѣла въ высшей степени интересныя, гдѣ во всемъ блескѣ обнару-

живается преобладаніе нѣмецкаго духа надъ русскимъ въ нашемъ краѣ и, можно сказать, явный перевѣсъ устройства лютеранской консисторіи надъ православною. У нихъ идетъ все тамъ отлично, послѣдовательно, разумно, хотя подъ часъ не безъ дерзости со стороны частныхъ личностей. У насъ все расползается, централизируется въ одной личности, которая, при всемъ умѣ и опытности, ярко отражаетъ въ себѣ николаевщину, т. е. *выдаетъ себя впередъ и только себя, а отнюдь не право.*

„Итакъ, не смогу согласиться съ вами, чтобы мнѣ нечего было дѣлать. И прошу васъ взять обличеніе, въ такой формѣ высказанное назадъ, и замѣнить его другимъ, въ родѣ слѣдующаго: я ничего не дѣлалъ или не умѣю дѣлать. Это будетъ правда.

„Да, дорогой мой Никита Петровичъ! Я ничего не дѣлаю, только страдаю сознаніемъ своего безсилія, своей неопытности и невозможности сдѣлать что-либо порядочное. Я одинъ и не на кого опереться. Еще бы ничего, если бы я имѣлъ покрѣпче голову, побольше подготовки, а главное—побольше энергіи въ характерѣ, а то, увы, всего робѣешь, всего боишься; постоянно въ ушахъ звучитъ мудрое правило инспектора семинаріи, въ которой я воспитывался: прикажутъ палкѣ кланяться, и ей кланяйся. Такъ и кажется, что вотъ, вотъ придутъ въ твою квартиру, отколотятъ тебя, да еще пожалуются, и придется выслушать рѣшеніе въ родѣ слѣдующаго: хоть ничѣмъ не доказано, что въ этомъ дѣлѣ архимандритъ Веніаминъ виновенъ, однако же, поелику онъ подалъ поводъ къ жалобѣ на себя, считать его въ подозрѣніи, какъ человѣка неспокойнаго и неусидчиваго. Я много читалъ про себя, читалъ книгу о сельскомъ духовенствѣ, по поводу которой недавно г. Погодинъ объяснился въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, читалъ я нѣсколько №№ *Колокола*, читалъ я нѣсколько книжекъ *Голосовъ изъ Россіи*, и все это навело на мое сердце тучу; читалъ я въ вашемъ письмѣ обличеніе, и оно привело меня въ трепетъ; я похожу теперь на Чичикова, освободившагося по ходатайству Муразова изъ тюрьмы: чувствую, что все во мнѣ разбито,—но гдѣ же та благодѣтельная рука, которая попридержала бы меня отъ конечнаго паденія въ безчувствіе, въ апатію? Голосъ дружбы, нѣтъ больше, голосъ трепетнаго уваженія къ вашей личности побуждаетъ меня тянуться къ вашей мощной рукѣ,—протяните, умоляю васъ, безъ гнѣва, съ лаской, съ участіемъ. Задалъ бы еще нѣсколько вопросовъ вамъ, да боюсь, опять разсердитесь; даже не прошу письма, а жду

только копіи съ письма [1], и жду съ нетерпѣніемъ, съ жадностью— не послужитъ ли ваша профессія для меня образцомъ и тогда быть можетъ кое-что сдѣлаю. У меня усердіе есть послужить ближнему, только нѣтъ иниціативы во мнѣ самомъ".

„Любезнѣйшій и дорогой Никита Петровичъ",—писалъ Веніаминъ отъ 14 сентября — „слова ваши: „нѣтъ, любезнѣйшій, пишите вы ко мнѣ, а если я замедлю, будьте терпѣливы", постоянно звучатъ у меня въ душѣ и не даютъ мнѣ покоя. Я чувствую, что теперь лежитъ на мнѣ дорогая обязанность писать вамъ; но чѣмъ пріятнѣе эта обязанность, тѣмъ непріятнѣе себя я чувствую, когда встрѣчаю препятствія при исполненіи этой обязанности.

„Прежде вы мнѣ назначали тему для письма—это послужной или походный мой списокъ,—а теперь что я буду писать вамъ?

„Послушайте, Никита Петровичъ, вы законодатель для меня,—опредѣлите сферу, въ которой я долженъ вращаться при перепискѣ съ вами, буду однимъ изъ исполнительнѣйшихъ чиновниковъ. А на этомъ разѣ прошу не взыскать, если скажу не то, что нужно. Недавно я слышалъ отъ одного изъ москвичей, васъ уже не заставшихъ на баккалаврской каѳедрѣ, какимъ эхомъ отражается вашъ физически слабый, а духовно мощный голосъ по академіи Московской и въ ея окрестностяхъ. Тѣмъ болѣе я вѣрю этому отзыву, что тотъ молодой человѣкъ, о которомъ я говорю, совершенно не подозрѣвалъ, что онъ пѣлъ для меня райскою птичкой, когда рисовалъ вашъ величественный образъ. А вы говорите, зачѣмъ я желаю, зачѣмъ я нетерпѣливъ въ ожиданіи отъ васъ писемъ. Я ревную къ другимъ,—я первый подслушаю васъ, я первый имѣю право слушать васъ. Эту часть моего отношенія къ вамъ я считаю конченною; вы не имѣете права говорить мнѣ, а тѣмъ болѣе обвинять меня за то, что я желаю какъ можно чаще получать отъ васъ письма. Въ ваши занятія я не вмѣшиваюсь, вы имѣете полное право не отвѣчать мнѣ за недосугами, но не смѣете запретить мнѣ обращаться къ вамъ съ вопросами, моя душа рвется къ вамъ. Итакъ я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока вы не пришлете обѣщаннаго письма, въ которомъ я послушаю васъ съ самой для меня интересной стороны.

[1] Рѣчь идетъ о письмѣ, писанномъ Никитой Петровичемъ въ 1857 году къ студенту Казанской Академіи Глѣбову. Приведено въ нашей статьѣ „Обстоятельства оставленія Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ службы въ Моск. Дух. Академіи". *Русское Обозрѣніе*. 1895 г., августъ.

„Не далѣе какъ вчера мы—я, Ив. Поспѣловъ, что жилъ въ одномъ номерѣ съ нами на старшемъ курсѣ, Григорьевичъ (онъ теперь Венденскій протоіерей, а недавно былъ Вольмарскимъ) да Бѣликовъ, Александръ Лукичъ, что былъ письмоводителемъ (онъ теперь священникомъ при Рижской Алексѣевской церкви)— разсуждали о васъ, и вмѣстѣ съ полнымъ сочувствіемъ къ вамъ услыхали, что за *Парусъ* вамъ достался строгій выговоръ.

„По этому поводу пришло мнѣ на мысль сказать вамъ, что видно не у кутьи только сидятъ гуси, а ихъ много летаетъ по матушкѣ Руси.

„Однако, Михаилъ Петровичъ Погодинъ горячо вступился за свою честь. Интересно было бы знать, чѣмъ его протестъ кончился или кончится [1]. Интересуюсь этими вещами я не въ угожденіе праздному любопытству, но мнѣ хочется знать: такъ-ли въ самомъ дѣлѣ виноваты духовные, какъ о нихъ говорятъ; ужъ въ самомъ дѣлѣ не общая ли участь всего русскаго народа выражать идею уничиженія духовнаго, или есть наконецъ средства выпутаться изъ этого омута? По моему, небольшое различіе получить выговоръ ни за что ни прочто отъ фрака, какъ получить оный отъ рясы.

„Неужели въ самомъ дѣлѣ отцу архимандриту Іоанну, ректору Казанской академіи, можетъ быть еще хуже по вызовѣ его въ Петербургъ, чѣмъ сколько онъ получилъ за свои весьма интересныя проповѣди?"

---

[1] Рѣчь, очевидно, идетъ о письмѣ Погодина къ министру Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскому по поводу слѣдующаго отзыва Главнаго Управленія Цензуры о помѣщенной во 2 № *Паруса* его статьи „Хроника. Прошедшій годъ въ Русской исторіи."—„статья, содержащая въ себѣ ѣдкое униженіе нашей иностранной политики и непозволительное вмѣшательство частнаго лица въ виды и соображенія правительства". Приведемъ изъ этого письма характерный открывокъ: „тему, предметъ второй половины статьи составляетъ мысль, что Россія должна заботиться больше всего объ оборонительныхъ средствахъ въ настоящую минуту, когда всѣ европейскія государства, даже дружныя между собой, принимаютъ подобныя мѣры въ огромныхъ размѣрахъ. Я счелъ невозможнымъ высказать эту мысль прямо, по взыскательному иногда образу дѣйствія цензуры, и потому завернулъ ее въ вопросъ, что дѣлаетъ Тотлебенъ, Путятинъ, Хрулевъ, кн. Меншиковъ, кн. Горчаковъ и пр.? Неужели въ такой мысли и подъ такою формой есть вмѣшательство въ виды и соображенія правительства?

„Такое вмѣшательство можно показать на всѣхъ страницахъ нашей печати и не найдется ни одного порядочнаго русскаго человѣка, который бы не восклицалъ, не говорилъ, не желалъ, не молился, чтобъ наши воины были непобѣдимы, чиновники справедливы, священники благочестивы,

На эти два письма Веніамина послѣдовалъ отъ Гилярова сохранившійся въ отрывкѣ отвѣтъ отъ 14 сентября: „Вы спрашиваете меня, о чемъ вамъ писать ко мнѣ. Вотъ прекрасно! Да пишите, о чемъ хотите. Но я желалъ бы по преимуществу возложить на васъ одинъ трудъ, который какъ нельзя больше къ вамъ идетъ. Въ одномъ изъ писемъ вы намекнули о положеніи православія въ отношеніи къ лютеранству въ вашихъ краяхъ, и объ относительной глупости нашей администраціи по отношенію къ нѣмецкой Что и говорить, — это несомнѣнная истина. Но этому дѣлу надобно помочь. А помочь этому дѣлу,— надобно изложить состояніе Остзейскаго края по отношенію къ вѣрѣ и народности. Какой богатый сюжетъ, какъ плодотворно можетъ быть подобное изложеніе! А между тѣмъ дѣла этого вѣдь никто не знаетъ. Всѣ смотрятъ на край сквозь нѣмецкіе очки, ибо администрація—въ нѣмецкихъ или онѣмеченныхъ рукахъ. Вамъ, какъ лицу тамъ живущему, какъ лицу отчасти даже дѣйствовавшему, нечего сидѣть сложа руки по отношенію къ этому вопросу. Пишите, пишите непремѣнно, въ формѣ ли воспоминаній, въ формѣ-ли простаго обзора, въ какой хотите формѣ, все равно, да присылайте мнѣ. Свѣдѣнія, которыя вами доставятся, мы обдѣлаемъ и пустимъ въ ходъ, разумѣется, съ полнымъ сохраненіемъ вашего incognito. Теперь не та пора, когда пріятеля моего Ю. Ѳ. Самарина посадили въ крѣпость за раскрытіе вопроса, поручаемаго мною вамъ. Теперь можно говорить и должно говорить. Если вы этого не сдѣлаете, вы

писатели благоразумны, чтобъ наши крѣпости были недоступны, училища просвѣтительны и пр.

„Во всѣхъ нашихъ газетахъ, журналахъ и книгахъ встрѣчаются ежедневно эти мысли въ безчисленныхъ формахъ, и онѣ не только не показываютъ „непозволительнаго вмѣшательства частныхъ лицъ въ виды и соображенія правительства“, но служатъ доказательствомъ возникшаго благотворнаго сердечнаго участія гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ, которому нельзя не радоваться. Приводимые къ присягѣ предъ Крестомъ и Евангеліемъ, мы клянемся дѣлать и говорить все, что считаемъ для отечества полезнымъ. Неужели эти слова должно считать только словами и не думать о приложеніи ихъ къ жизни?

„Еслибъ главное управленіе цензуры, по чьему бы то ни было совѣту или доносу, заимствовавъ оружіе изъ подваловъ испанской инквизиціи, оставленное въ наслѣдство Торквемадой, опредѣлило вырвать у меня языкъ, такъ я выучился бы пантомимѣ, и пантомиму мою настоящіе чистые русскіе люди поняли бы лучше всякаго ученаго и краснорѣчиваго разсужденія“. *Очерки Исторіи Русской Цензуры.* А. М. Скабичевскаго стр. 452.

будете виноваты—передъ Россіей, передъ Русскимъ народомъ, передъ вашимъ дѣломъ, передъ вашимъ призваніемъ, наконецъ. Не даромъ же вы тамъ сидите. У васъ подъ бокомъ такія свѣдѣнія, которыхъ жаждутъ люди любознательные и люди дорожащіе отечествомъ. Это тѣмъ легче для васъ, что кругомъ васъ вашими содѣятелями ваши же товарищи. Слѣдовательно, обзоръ вашъ можетъ быть довольно полонъ и не ограничиваться вашею единоличною дѣятельностью. Что такое нѣмцы вообще и бароны въ особенности, и именно въ отношеніи къ русскому и національно-чудскому элементу? Въ какомъ положеніи эти загнанныя національности латышей, эстовъ и пр.? Какъ они относятся къ православію? Какъ тутъ дѣйствуютъ администрація и общество? Вотъ главнѣйшіе вопросы, на которыхъ должно остановиться ваше вниманіе. Вы читали книгу Беллюстина о сельскомъ духовенствѣ. Видите, калязинскій священникъ нашелъ же время и способъ не только вращаться въ тѣсномъ кругу своихъ обязанностей, но, кромѣ того, исполнить свой долгъ шире, какъ гражданинъ вообще. На сколько хорошо онъ это сдѣлалъ, это другой вопросъ. По моему, отрицательная сторона его книги хороша, а положительная вся никуда не годится. Но не о томъ рѣчь, а о томъ, что вы должны писать и посылать мнѣ замѣтки о вашемъ малоизвѣстномъ и очень интересномъ краѣ,—съ русской точки зрѣнія.

„Вы пишете мнѣ о какомъ-то молодомъ человѣкѣ, уже не заставшемъ меня въ академіи, и говорите, что слышали его отзывы. Ужели память обо мнѣ сохранилась тамъ? И какъ рисуется тамъ мой образъ? Мнѣ это крайне, крайне интересно,—не по самолюбію,—а какъ вопросъ совѣсти. Изъ прилагаемой при семъ обѣщанной копіи письма къ бывшему слушателю [1] вы это поймете. Изгнанный изъ академіи съ позоромъ, съ репутаціей отверженника и еретика, полупонимаемый большинствомъ... скажите, не вопросъ ли совѣсти, какъ-то отразились въ толпѣ мои лекціи? Какое произвели вліяніе? Если я говорю о вліяніи, то говорю, разумѣется, не о свѣдѣніяхъ, какія я сообщалъ. Это все пустяки, и объ этомъ я даже не заботился никогда. Но я заботился всегда о всецѣломъ духовномъ строѣ слушателей. Свѣдѣнія придутъ сами собой. Итакъ, по отзывамъ-то, такъ

[1] Гиляровъ говоритъ о письмѣ къ студенту Казанской духовной академіи Глѣбову. См. „Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова въ Моск. Ценз. Ком. 1857 г.“ *Русское Обозрѣніе* 1897 г.

сказать, потомства, легче мнѣ судить о значеніи, какое имѣлъ я для академіи и для четырехъ поколѣній, слушавшихъ меня молодыхъ людей. И это тѣмъ важнѣе для меня, что можетъ быть Богъ еще приведетъ читать лекціи, конечно, совсѣмъ въ другой сферѣ. Итакъ, важно сообразить предшествовавшую дѣятельность для того, чтобы обдумать, рѣшаться-ли снова на ту же дѣятельность, хотя совсѣмъ въ другихъ стѣнахъ, и какъ очертить кругъ будущихъ своихъ дѣйствій.

„Кстати, о прилагаемомъ письмѣ. Не ждите отъ него, а вы, кажется, этого и ждете,—не ждите чего-нибудь, такъ сказать, матеріальнаго, то-есть, касающагося содержанія моихъ лекцій: оно характеризуетъ вамъ только мое направленіе, и оно-то даетъ вамъ понять, почему я былъ выгнанъ, и почему я имѣлъ въ духовенствѣ нелестную репутацію.

„Вы мнѣ напоминаете, между прочимъ, о выговорѣ, полученномъ мною за *Парусъ*... Боже мой, Боже мой, сколько, однако, наивности въ этомъ напоминаніи! Выговоры... Да ихъ столько приходилось получать“...

Пріятелю Гилярова не пришлось исполнить столь строго возложеннаго на него порученія, ибо онъ внезапно получилъ новое назначеніе.—„Опредѣлено“, писалъ онъ Никитѣ Петровичу отъ 7 декабря 1859 года, „чтобы я чухонскую и латышскую грязь обмылъ въ Хвалынскомъ морѣ. Короче сказать, я назначенъ въ Астрахань ректоромъ семинаріи. Рѣшаюсь взглянуть на Питеръ и вашу матушку-Москву. Конечно, тутъ важности еще нѣтъ никакой. Могъ бы и молча пріѣхать въ Москву и безъ шума, тихонько позвонить въ колокольчикъ, можетъ быть, серебряный, что виситъ въ вашей прихожей, и съ едва замѣтнымъ для тонкаго уха шорохомъ, пройти по мягкимъ коврамъ и вступить въ ту комнату, гдѣ все букеты, букеты—букеты цвѣтовъ, букеты мыслей, букеты плановъ, а среди нихъ самый огромный, самый роскошный букетъ гуманизма.. Но я съ собой думаю взять еще неразвернувшійся цвѣтокъ—девятилѣтнюю дочь; съ нею на неожиданности разсчитывать нельзя. А нужно заблаговременно покорнѣйше просить друзей человѣчества, особливо путешествующаго не по правиламъ комфорта, а по указанію начальства, указать вблизи станціи жел. дороги какую-либо гостинницу, гдѣ бы я могъ остановиться и собраться съ новыми силами для дальнѣйшаго путешествія, уже не представляющаго такого удобства, какъ путь по жел. дорогѣ. Быть можетъ, придется тамъ пробыть дня два, купить зимній возокъ“...

Мы неоднократно будемъ черпать интересныя данныя изъ писемъ къ Гилярову Желтухина и Веніамина, и потому сочли долгомъ подробными выдержками изъ начавшейся въ 1859 году ихъ переписки съ нимъ, познакомить читателей съ этими недюжинными по душевнымъ качествамъ людьми. Въ этой перепискѣ, кромѣ любопытныхъ отношеній корреспондентовъ къ Гилярову и послѣдняго къ нимъ, чувствуется біеніе пульса новой эпохи. Какъ всѣ неспокойны, лихорадочно торопятся дѣйствовать, каждый въ своей сферѣ, мало того, какъ каждый хочетъ выйти изъ круга своего непосредственнаго дѣла и пріобщиться къ общему потоку, увлекавшему тогда образованные слои Россіи! И духовенство не осталось чуждо общему настроенію. Веніаминъ, какъ мы видѣли читаетъ *Колоколъ* и *Голоса изъ Россіи*, интересуется причиной прекращенія *Паруса*; профессоръ Московской духовной академіи Смирновъ благодаритъ Гилярова отъ лица всей академіи за радостную вѣсть о воскресеніи *Паруса*. Но особенно ярко высказалось это настроеніе въ проповѣдяхъ и письмахъ къ Гилярову архимандрита Іоанна Соколова (впослѣдствіи епископа Смоленскаго), ректора Казанской духовной академіи и редактора журнала *Православный Собесѣдникъ*.

Въ письмѣ отъ 7 января 1859 г. о. Іоаннъ проситъ Гилярова: „Нельзя ли сообщить точныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Московскомъ университетѣ? Правда ли, что изгнано 200 студентовъ, что Бабстъ, Соловьевъ и Китарры и еще нѣкто выходятъ? Почему именно? И еще просьба: жду не дождусь, боюсь не добьюсь *Колокола*, [1] нельзя ли какъ нибудь на день—на два?

[1] Изъ автобіографическихъ записокъ Ѳ. А. Гилярова видно, что сочиненія Герцена были распространены и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно въ рукописномъ видѣ. 2 августа 1858 года *Гиляровъ-семинаристъ* отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Теперь не вижу свободнаго времени—занимаюсь переписываніемъ сочиненій Искандера и другихъ соціалистовъ. И что это за сочиненія! Откуда берется у нихъ такое краснорѣчіе? Видно, что писано отъ души. Да, Герценъ великій человѣкъ!"

„Герценъ—продолжаетъ Гиляровъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—дотолѣ неизвѣстный даже по имени, но царившій тогда надъ умами всего образованнаго русскаго общества, былъ тѣмъ „пламенемъ", куда толкнулъ меня мой просвѣщенный собесѣдникъ (Соколовъ).

„Вліяніе Герцена на меня продолжалось до конца 1861 года. Въ этомъ убѣждаюсь изъ двухъ помѣтокъ противъ этого мѣсто *Дневника*. Помѣтки относятся къ болѣе позднему времени. Вотъ онѣ: „Сѣмя пало на землю воспріимчивую. Все, что ни попадетъ мнѣ изъ этихъ статей особенно

Тотчасъ возвращу. Простите, что втягиваю васъ въ переписку, для васъ скучную и необязательную; но хочется знать побольше и нѣтъ источниковъ для свѣдѣній. Перепискѣ съ вами я обрадовался, какъ находкѣ".

Въ другомъ письмѣ отъ 16 февраля мы находимъ слѣдующія загадочныя строки: „анекдотъ о мельницѣ и мельникѣ я уже давно слышалъ. Чтожъ? и вправду! Мы мелемъ муку, печемъ пироги и предлагаемъ почтительнѣйшей публикѣ, въ томъ числѣ и его в—ву. Пусть кушаетъ на здоровье, да раскусываетъ: а не проглотитъ, пусть давится!.. Только, увы! какъ малы бываютъ и великіе умы, что цѣпляются за какое-нибудь колесо, да не въ томъ дѣло, что тутъ есть что нибудь неприличное въ фразѣ; дѣло въ томъ, что колесо-то это немножко шумитъ и не даетъ покоя мелкимъ страстямъ".

Свое настроеніе Іоаннъ описываетъ такъ: „Искать чего-нибудь не въ моемъ духѣ. Да и чего я буду у него (кн. Урусова) искать? Я такъ мало видѣлъ добра отъ людей, что ужъ не хочу и не думаю ждать отъ нихъ ничего хорошаго, а лучше всего предоставить Богу и себѣ самому. Будь, что будетъ! Какое значеніе можетъ имѣть моя судьба для кого нибудь, кромѣ меня самого? Я одна голова, бездомная и безталанная: ни предо мною, ни за мною... Каждый крестъ, который я несу на груди своей—а у меня ихъ пять—есть для меня истинный крестъ, пріобрѣтенный многими скорбями: и я даже почти никогда не надѣваю ихъ всѣ, чтобы не напоминать себѣ всего, что я испыталъ съ ними. И теперь, какъ пораздумаю о себѣ, своемъ прошедшемъ и будущемъ, и посмотрю кругомъ, хочется, да, хочется бросить все, воспѣть съ Гораціемъ: beatus ille, qui procul negotiis, и пр. и бѣжать на край Россіи (только непремѣнно южный) или черезъ край Россіи,—туда, гдѣ, по крайней мѣрѣ, природа любитъ и утѣшаетъ человѣка. Вотъ и этотъ шумъ, который дѣлаютъ теперь мои проповѣди: какое дѣйствіе про-

---

изъ статей Герцена, я изучаю. 1860 г. 2 дек." Слѣдующая помѣтка: „Теперь я другого мнѣнія. 1861 г. 28 дек.".

„Критика герценовскаго ученія началась даже одновременно почти съ его воспріятіемъ. Уже до декабря 1858 г. помѣчено на поляхъ дневника: „порицаніе всего русскаго казалось мнѣ тогда знакомъ современнаго человѣка. Теперь я думаю болѣе о средствахъ исправленія злоупотребленій и уже такъ горячо не порицаю виновниковъ злоупотребленій, потому что злоупотребленія почти неизбѣжны"... „Такимъ образомъ, Катковскій знаменитый походъ противъ Герцена для меня былъ уже заднимъ числомъ".

изводитъ онъ на меня? какъ вы думаете? Просто грусть, въ томъ родѣ, какъ болящаго (а я боленъ и духомъ и тѣломъ) приводитъ въ тоску всякій шумъ около него, хотя бы серенаду давали ему... И бѣжалъ бы я туда, гдѣ бы меня никто не видалъ и не слыхалъ, и былъ бы только просторъ и покой моей душѣ, и жила бы она только сама съ собой! Вотъ вамъ расположеніе моего духа, о которомъ вы спрашивали: да на что оно вамъ?"

Съ письмомъ вмѣстѣ Іоаннъ прислалъ Гилярову и проповѣди свои, приписывая: „прилагаемыя издѣлія мои прошу положить у себя на полку, если есть для нихъ мѣсто, а если нѣтъ, отдайте кому-нибудь, отдайте бѣдному человѣку, который любитъ серьезное чтеніе, да не имѣетъ денегъ на выписку журналовъ".

Что же, однако, это за проповѣди о. Іоанна, производившія шумъ? *Православный Собесѣдникъ* за 1859 г. часть I, разрѣшенный къ печати комитетомъ духовной цензуры при Казанской Академіи, у насъ предъ глазами. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ проповѣдей въ виду того участія, которое принялъ Гиляровъ въ судьбѣ *Православнаго Собесѣдника*, связанной съ этими проповѣдями. Наиболѣе выдающимися проповѣдями Іоанна, напечатанными въ этомъ журналѣ, были слѣдующія: „Рожденіе Христа и возрожденіе человѣчества", „Привѣтъ Церкви отечеству на новый годъ" и „Слово объ освобожденіи крестьянъ".

Въ первой проповѣди о. Іоаннъ между прочимъ говорилъ: „Въ пустынной пещерѣ зачинается возрожденіе міра; значитъ, почва его собственной тогдашней жизни была слишкомъ неудобна для его возрожденія: можетъ быть, была слишкомъ упитана жирнымъ веществомъ чувственности; значитъ, онъ не могъ обновиться самъ собою и самъ изъ себя—въ той сферѣ понятій, нравовъ, обычаевъ, въ какой доселѣ жилъ; онъ долженъ былъ въ полнѣйшемъ смыслѣ слова возродиться, то-есть, родиться снова—внѣ и вдали отъ этой сферы; онъ не иначе могъ обновиться, какъ возвратившись къ первобытной простотѣ, даже до убожества, какъ нравственно отрѣшившись отъ всего того, что̀ приросло, такъ сказать, къ его природѣ и духу со внѣ, случайно, искусственно, или насильственно, возстановивъ въ жизни своей естественность, освободивъ свою природу отъ чуждыхъ узъ, ее подавляющихъ и увлекающихъ къ несродному ей направленію. Надобно было свести человѣчество съ пьедестала, на

которомъ оно ложно себя поставило, какъ статую, изъ самого себя искусственно имъ выработанную и имъ же самимъ обоготворенную, и который оно нагромоздило для себя изъ разнообразно вымышленныхъ, искусственныхъ подставокъ своей жизни, нужно было свести его просто въ пещеру, къ яслямъ, до послѣдней степени упрощенія его духа и жизни, обнажить его до корня, чтобы отсюда начать его возрожденіе. Положеніе младенца, едва прикрытаго пеленами въ пещерѣ,—вотъ символъ начинающагося во Христѣ возрожденія человѣчества! Это не стѣсненіе, не униженіе его; это его очищеніе и нравственное освобожденіе!"...

„И такъ отселѣ, съ минуты рожденія Спасителя, начинается новая жизнь человѣка. Древняя жизнь міра, со всѣмъ тѣмъ, что̀ было въ ней хорошаго и худаго, прекраснаго и грубаго, должна остановиться въ преддверіи этого обновленія; она, оставленная въ самой себѣ, должна умереть и истлѣть, какъ скоро раскроются въ мірѣ новыя силы и стремленія. Ветхій Завѣтъ, съ его закономъ и праведностью, съ его обрядами и вѣрой въ Грядущаго, долженъ кончиться. Люди всѣхъ племенъ, всѣхъ званій и состояній, безъ раздѣленія, призываются равно къ участію въ великомъ дѣлѣ возрождѐнія и наслажденію всѣми его высшими благами. Природа человѣческая возстановляется въ чистѣйшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, облагороженная въ своихъ естественныхъ инстинктахъ, возвышенная въ стремленіяхъ духа, дѣвственная и цѣломудренная въ своихъ чувствахъ, кроткая и любвеобильная въ своихъ добродѣтеляхъ. Духъ любви объемлетъ все человѣчество. Разумъ человѣческій идетъ къ высшему свѣту, водимый откровеніемъ, и отъ естественнаго знанія восходитъ къ глубочайшимъ тайнамъ міровой жизни. Въ судьбахъ міра осуществляется неизмѣнная мысль Божія о его непрерывномъ движеніи къ совершенству, всестороннему и всецѣлому; раскрывается вседѣйственная сила Божія къ непрестанному оживленію и очищенію человѣчества, къ утвержденію въ мірѣ истины несомнѣнной, добра непобѣдимаго и блага всеобщаго. Духъ человѣческій въ своемъ развитіи направляется къ жизни вышевременной, безпредѣльной. Совершается всеобщій, великій *прогрессъ*!..

„Прогрессъ!.. Что это мы сказали?—Не странно ли звучитъ это слово подъ священными сводами виѳлеемской пещеры? Не нарушаетъ ли оно неприкосновенной святыни Богочеловѣческой колыбели, предъ которою мы стоимъ теперь въ созерцаніи? Про-

сти намъ, Божественный Младенецъ, что мы, какъ евреи изъ Египта, похитили изъ міра этотъ злоупотребленный сосудъ и принесли его съ собой къ твоему таинственному рожденію. Особенная мысль руководила насъ. Мы убѣждены, что основаніе,—золото, которое обращено на этотъ сосудъ господствующихъ мыслей настоящаго времени, первоначально найдено и присвоено себѣ человѣкомъ въ живоносныхъ и свѣтозарныхъ нѣдрахъ христіанства: при свѣтѣ Евангелія, въ горнемъ благодатнаго очищенія, трудомъ ума вѣрующаго и силою нравственно-христіанской дѣятельности, оно могло бы и должно бы быть обдѣлано въ драгоцѣнный сосудъ чистой истины и неизмѣннаго добра: тогда прогрессъ былъ бы вполнѣ достоинъ твоего имени. Кто же, какъ не Ты, открылъ человѣчеству, путь безграничнаго совершенствованія, и чѣмъ, какъ не твоимъ духомъ, дано ему непрерывное движеніе впередъ и впередъ? Но человѣчество забываетъ это, еще хуже, не забывая этого, оно поддѣлываетъ это золото, дѣлаетъ изъ него мелкіе, нечистые сосуды своемыслія, своеволія, заблужденій и страстей, наполняя ихъ безъ разбора истиной и ложью, добромъ и зломъ, наслажденіемъ и ядомъ. Итакъ, мы хотѣли освѣтить для себя прогрессъ свѣтомъ твоего рожденія, чтобы видѣть то, что́ есть въ этомъ дѣлѣ истиннаго, чистаго, не чуждаго Тебѣ и твоему христіанству. Дерзнемъ болѣе: позволь, Спаситель міра!—выбросивъ изъ блестящей идеи прогресса все нечистое и зломысленное и наполнивъ ее мыслями вѣры и чувствами любви, послѣ золота древнихъ мудрецовъ, принести и посвятить ее Тебѣ Самому, при подножіи твоей колыбели, отъ лица нашей науки! Не въ даръ, Тебѣ ненужный и, можетъ быть, Тебя недостойный, но въ очищеніе этой идеи духомъ твоимъ, въ осѣненіи свѣтомъ твоимъ, въ проникновеніе жизнію и силой твоею. Да будетъ прогрессъ не суемудріемъ и самодѣліемъ человѣческимъ, но твоею истиной и твоимъ дѣйствіемъ благодатнымъ. Да будетъ и у насъ и въ насъ прогрессъ,—преуспѣяніе Богооткровеннаго просвѣщенія и дѣятельнаго христіанства".

Въ новогоднемъ привѣтѣ церкви отечеству о. Іоаннъ избралъ темой возрожденіе Россіи. „Не такъ легко переживается жизнь человѣка",—говорилъ онъ въ церкви Казанской духовной академіи 1 янв. 1859 года. „Еще труднѣе проходитъ жизнь народовъ, особенно чрезъ эпохи ихъ возрожденія. Тогда открывается борьба старой, отживающей жизни съ новою, начинающеюся; тяготѣніе къ старому порядку сдерживаетъ однѣ массы народа,

рвеніе къ новому увлекаетъ другія. Усиленное развитіе вопросовъ, возникающихъ въ обществѣ, возбуждаетъ въ немъ громкіе, шумные голоса разнородныхъ мнѣній и чувствъ; умы приходятъ въ броженіе, духъ общественный пробуждается въ судорожныхъ движеніяхъ. Все это имѣетъ видъ, похожій на муки рожденія, такъ какъ народъ возрождаетъ изъ себя новую жизнь.

„Въ такомъ положеніи представляется теперь Россія. Что мы видимъ? Необычайное напряженіе всѣхъ нервовъ и мускуловъ въ ея общественномъ организмѣ, неудержимое рвеніе впередъ ея умственныхъ и нравственныхъ силъ; громкіе, доселѣ неслышные голоса, выражающіе совершенно новыя потребности и стремленія жизни. Да! видно, *пріиде часъ* Россіи! Она стремится къ возрожденію!

„*Пріиде часъ*! Можетъ ли не сочувствовать этому времени Церковь? О! Церковь должна и готова тысячу разъ повторять ударъ этого часа, во всѣ свои колокола, чтобы огласить всѣ концы и углы Россіи, чтобы пробудить всѣ чувства русской души, и во имя христіанской истины и любви призвать всѣхъ сыновъ отечества къ участію и содѣйствію въ общемъ, великомъ дѣлѣ возрожденія. И свои есть побужденія для Церкви. Давно, давно сама Церковь, въ собственныхъ нѣдрахъ, страдаетъ скорбями рожденія, чувствуя слишкомъ сильно потребность дать новую жизнь своимъ чадамъ духовнымъ".

Обращаясь къ отечеству, проповѣдникъ говоритъ: „Православная Россія! Новый годъ да будетъ для тебя вѣрнымъ шагомъ впередъ, къ твоему счастливому возрожденію.

„Но не спѣши, Россія! не спѣши ускорить твое возрожденіе: иначе оно можетъ быть преждевременно, и тогда новая жизнь твоя будетъ немощна и ненадежна.

„Не насилуй естественнаго, историческаго теченія твоей жизни, чтобы дать себѣ искусственное возрожденіе: оно будетъ неправильно и ненормально, и ты можешь родить изъ себя жизнь аномальную, болѣзненную, а можетъ быть и—мертвую.

„Не усиливайся возродить въ себѣ все, вдругъ, заразъ: возрожденіе твое будетъ слишкомъ напряженно и можетъ быть разрушительно, а будущее твое тогда—невѣрно и небезопасно.

„Не возрождай себя чужимъ духомъ, отвнѣ, съ чужой стороны заимствованнымъ и съ твоею народностью несогласнымъ. Возрождайся твоимъ собственнымъ духомъ, кореннымъ, природнымъ, народнымъ, иначе возрожденіе твое будетъ ложно и ты будешь жить не своею жизнью.

„Не посягай на основныя начала твоей народной жизни, начала религіозныя, нравственныя, общественныя: въ нихъ твоя опора, твоя сила, твоя жизнь. Посягнешь на нихъ—наложишь руки на самое себя.

„Не возрождай ихъ силой, принужденно, механически: это не возрожденіе, а передѣлка, грубая, тяжелая, безполезная, вредная. Возрождай себя съ сознаніемъ, съ убѣжденіемъ, разумно, свободно...

„Возрождайся разумомъ и вѣрой, наукой и нравственностью, духомъ общественности и силою народной дѣятельности: тогда возрожденіе твое будетъ глубоко, полно, совершенно...

„Не дай оглушить себя шуму разнообразныхъ голосовъ, такъ громко начинающихъ раздаваться въ тебѣ, горячихъ, нетерпѣливыхъ, не всегда скромныхъ и осторожныхъ. Слушай болѣе всего одного голоса—истины, который не всегда бываетъ громокъ, даже иногда бываетъ очень тихъ, но всегда спокоенъ, умѣренъ, прямодушенъ. Не пренебрегай, если слышится голоеъ этотъ изъ дальнихъ угловъ, изъ неважныхъ рядовъ, изъ безвѣстныхъ умовъ, или—изъ старыхъ головъ.

„Не раздражайся несочувствіемъ или противорѣчіемъ твоему прогрессу. Истина и добро все побѣдятъ. Но берегись слишкомъ услужливыхъ друзей, которые будутъ преслѣдовать въ тебѣ мухъ, какъ враговъ прогресса, и, думая избавить тебя отъ нихъ, будутъ разить тебя самое.

„Люби *свѣтъ*, по слову Того, Кто сказалъ: *всякъ дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть. Творяй же истину, грядетъ ко свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана* (Іоанна III, 20). Вотъ основаніе для твоей гласности, общественнаго мнѣнія, открытаго суда и проч.

„Мысль и слово, эти драгоцѣннѣйшія сокровища и силы человѣчества, да будутъ въ тебѣ живы, бодры, сильны и дѣйственны.“

Затѣмъ Іоаннъ сказалъ слово (19 февраля 1859 г.) и о главной основѣ „возрожденія Россіи“, объ, освобожденіи крестьянъ“.

Онъ прежде всего задался вопросомъ: „можетъ ли въ христіанствѣ человѣкъ составлять собственность человѣка? Въ христіанствѣ личность съ ея правами, тѣло, семейство, трудъ, достояніе и вся жизнь человѣка можетъ ли не принадлежать ему, а быть въ полномъ владѣніи и распоряженіи другого?“

„Ни рожденіе,—отвѣчаетъ онъ,—ни общественная необходи-

мость, ни гражданскій законъ не могутъ узаконять рабство: первое изводитъ на свѣтъ всѣхъ людей съ одною и тою же природой, безъ всякой на ней печати свободы или рабства, вторая требуетъ въ обществѣ только взаимной помощи людей, услугъ, а не рабства; послѣдній поставляетъ свободу въ нравственныя границы, даетъ ей разумное направленіе, преслѣдуетъ ея злоупотребленія, но не уничтожаетъ свободы. Что же сказать о христіанствѣ? Оно представляетъ всѣхъ людей братьями во Христѣ, Который за всѣхъ пострадалъ и умеръ на крестѣ; оно заключаетъ въ себѣ благодатныя права и духовныя блага—равно для всего человѣчества, не допуская къ участію въ нихъ никакого раздѣленія или различія между свободными и рабами, такъ же какъ между іудеями и эллинами, между различными племенами и народами...

„Не слѣдуетъ ли,—спрашиваетъ онъ далѣе, — перемѣнить взглядъ и на самое рабовладѣніе, чтобы не считать уже его чѣмъ-то естественнымъ, или неизмѣннымъ преимуществомъ въ одномъ извѣстномъ классѣ, только по праву рожденія или гражданской заслугѣ?

„Не нужно ли понимать рабовладѣніе въ смыслѣ строго-нравственномъ, какъ право нравственнаго управленія людей, неспособныхъ владѣть своею свободой со всею пользой для себя и для общества, а не какъ право личной собственности и грубой силы?

„Не должно ли сознаться, что такое рабовладѣніе, въ которомъ дѣйствуетъ одинъ личный, безграничный произволъ властителя, съ отрицаніемъ всѣхъ правъ въ рабѣ, не только общественныхъ, но и человѣческихъ, не есть управленіе нравственное и противно истиннымъ, т. е. нравственнымъ цѣлямъ рабовладѣнія и поэтому должно быть уничтожено?

„Не лучше ли понять, что если Спаситель міра освободилъ все человѣчество отъ нравственнаго рабства злу и грѣху и вывелъ всѣхъ людей на свободный путь добра, то этимъ самымъ уже подрывается сословное рабство, въ самомъ основаніи своемъ, которое есть нравственное зло.

„Не пора ли убѣдиться, что въ христіанствѣ, по духу любви, въ немъ господствующей и всеобъемлющей, по единству благодатному всего человѣчества, по высотѣ духовныхъ правъ, сообщаемыхъ людямъ, по цѣлямъ, къ какимъ они призываются, рабство невозможно и немыслимо, потому что оно по духу своему не только не сообразно съ такими преимуществами христіанства, но и препятствуетъ ихъ осуществленію въ жизни, такъ какъ

препятствуетъ нравственно свободному развитію духа и высшимъ стремленіямъ дѣятельности жизни?"..

Іоаннъ взываетъ къ совѣсти „рабовладѣльцевъ" и обращается къ старому времени, когда „господство и рабство представляется въ полномъ, ничѣмъ не ограниченномъ развитіи". „Тамъ-то лучше всего видѣть,—говоритъ онъ,—до чего доходитъ господство съ рабствомъ, когда теряетъ нравственную основу и становится дѣломъ только произвола и грубой силы, и не вызываетъ ли тогда оно само на себя правду Божескую и человѣческую, его уничтожающую? И тамъ, въ старинѣ, благодаря откровенной простотѣ нравовъ, сама собою открывается рабовладѣльческая совѣсть и высказываетъ свои дѣла; вотъ умираетъ владѣтель рабовъ: умирая, онъ отпускаетъ ихъ на свободу и пишетъ въ духовномъ завѣщаніи: „сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей и женъ ихъ, и вдовъ и дѣтей, чѣмъ буде оскорбилъ по своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ, и къ женамъ ихъ и вдовамъ насильствомъ, дѣвственнымъ растлѣніемъ, а иныхъ если грѣхомъ своимъ и смерти предалъ, согрѣшилъ во всемъ и передъ ними повиненъ, и прошу: простите мя грѣшнаго"... Можно ли слышать это равнодушно? Можно ли простить безъ суда этому умирающему господству? Да, принеси ты, жестокая душа, покаяніе, строжайшее покаяніе въ томъ, что изъ человѣка-слуги сдѣлалъ себѣ раба, изъ раба—собственность, изъ собственности—вещь безличную; покайся—и отпусти рабовъ своихъ за ту страшную кручину, которую ты заставлялъ ихъ испытывать въ голодѣ и холодѣ, въ наготѣ и во всякомъ лишеніи; за труды ихъ, которые ты поглощала, за весь потъ и всю кровь, которые они проливали не для себя, а для тебя, для удовлетворенія не только твоихъ нуждъ, для которыхъ ты сама ничего не хотѣла дѣлать, но и всепожирающихъ страстей, которымъ ты не знала границъ, ни разсудка, ни совѣсти; за ту легкомысленую безпечность и нерадѣніе, съ которыми ты оставляла ихъ коснѣть въ недостаткѣ всякаго развитія ума и сердца, совершенно вопреки цѣлямъ, для которыхъ Провидѣніе поручило тебѣ ихъ; за то презрѣніе и ожесточеніе, съ которыми ты попирала въ нихъ всѣ права и чувства человѣчества или, лучше сказать, почти не признавала его въ нихъ; за то ужасное насиліе, за всѣ тѣ раны и увѣчья, которыя полновластная рука твоя нещадно наносила имъ и по винѣ и безъ вины, и которыя ты по убѣжденію считала своимъ правомъ, даже необходимостью, даже ихъ собственною пользой; за то безмѣрное коры-

столюбіе, съ которымъ ты вырывала изъ рукъ ихъ и присвояла себѣ послѣднію кроху ихъ скуднаго достоянія; за то необузданное своенравіе и безжалостную жестокость, съ которыми по одному своему раздраженію, за одно что-либо, тебѣ не угодное, ты разрывала семейство ихъ, и опору, утѣшенія семьи отнимала у нея и гнала въ другую тягчайшую неволю, а нерѣдко и цѣлыя семьи осуждала на всѣ страданія безпріютной ссылки; за то въ высшей степени безнравственное оскорбленіе ихъ самой нравственности и чести, въ которомъ ты сама сознаешься въ завѣщаніи своемъ потомству; наконецъ, за всю жизнь ихъ, которую ты съ возмутительнымъ равнодушіемъ по каплямъ истощала, а иногда и разомъ прекращала. Кайся въ этихъ страшныхъ грѣхахъ! Но еслибъ покаяніе твое было свободно и не вынужденно! О, еслибъ ты добровольно отпускала рабовъ на свободу, и не въ крайней уже необходимости разстаться съ ними, когда нѣтъ возможности удержать ихъ! Да и самое освобожденіе ихъ выкупить ли все зло, сдѣланное имъ въ неволѣ? По крайней мѣрѣ, для нихъ это самое зло было уже сѣменемъ освобожденія: ибо въ этомъ злѣ души ихъ нравственно созрѣвали для свободы, заслуживъ ее страданіемъ, а ты призывала на себя судъ Божій, чтобы отнять ихъ у тебя...

„Мы слышимъ разсужденія о новомъ устройствѣ крестьянскаго быта. Разсужденія касаются обоюдныхъ выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ. О, выгоды! все — выгоды и выгоды! А помнится ли самая главная выгода, основаніе и залогъ всѣхъ другихъ благъ: блага нравственныя? Какъ бы утвердить новый бытъ крестьянъ на началахъ строго-нравственныхъ? Какъ бы оградить свободу ихъ предѣлами нравственными, не нарушающими, а охраняющими свободу истинную? Какъ бы новыя отношенія самихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ опредѣлить не въ полицейскихъ только, а преимущественно нравственныхъ видахъ? Какъ бы обезпечить не одинъ домашній, или общинный бытъ крестьянъ, а и нравственный, чтобы предупредить развитіе обычныхъ между ними пороковъ, лжевѣрія, лѣности, нетрезвости, грубости, жестокосердія и пр.? Какъ бы сдѣлать, чтобы свобода не благопріятствовала этимъ порокамъ, а ослабляла ихъ, смягчала, мало-по-малу уничтожала ихъ, если предположить, что неволя имъ способствовала?..“

Въ заключеніе Іоаннъ обращается къ сельскимъ пастырямъ Церкви, требуя, чтобы они служили для населенія примѣромъ жизни христіанской, благочестивой, трезвой, трудолюбивой, чест-

ной, вѣрной своему долгу, такъ какъ отнынѣ власть господскую должна замѣнить духовная власть, которая при новыхъ условіяхъ крестьянскаго быта должна въ отношеніи къ нему расшириться и усилиться.

Эти проповѣди ректора Казанской духовной академіи, быть можетъ именно вслѣдствіе того шума, который онѣ производили, обратили на себя вниманіе высшаго духовнаго начальства и причинили знаменитому проповѣднику много скорбей. Припомнимъ сообщенныя нами въ статьѣ нашей „Н. П. Гиляровъ-Платоновъ объ „Исторіи Русской Церкви" преосвященнаго Макарія" обстоятельства постигшей *Православный Собесѣдникъ* опалы [1].

По словамъ историка Казанской духовной академіи, П. Знаменскаго, арх. Іоаннъ преслѣдовалъ весьма опредѣленное и твердое намѣреніе поставить журналъ въ непосредственное отношеніе къ запросамъ современной жизни посредствомъ обсужденія тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которыми жизнь того времени была такъ богата. „Это было уже совсѣмъ не согласно съ первоначальною программой и со спеціальнымъ характеромъ журнала, но къ этому,—по мнѣнію П. Знаменскаго,—влекли настойчиво потребности и настроеніе общества, которое въ чаяніи великихъ грядущихъ реформъ готово было съ жадностью слушать всякое слово, касающееся этого предмета. Слово здравое, освященное авторитетомъ церкви, было весьма умѣстно въ ту пору". Такое слово и начало было раздаваться на столбцахъ *Православнаго Собесѣдника*, но было прервано въ самомъ началѣ. Едва успѣли появиться въ журналѣ за 1859 годъ нѣсколько статей, преимущественно самого редактора („Нѣсколько словъ о вѣрѣ и народномъ просвѣщеніи въ Россіи", „Общество и духовенство", „Привѣтъ Церкви отечеству на новый годъ", „Слово объ освобожденіи крестьянъ"), какъ на новое направленіе *Собесѣдника* обратилось неблагосклонное вниманіе высшаго духовнаго начальства. 3 марта того же года послѣдовалъ указъ Св. Синода, коимъ усматривается „особое, несвойственное духовному изданію, направленіе *Православнаго Собесѣдника*, принятое имъ въ послѣднее время". Указъ находитъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ „неумѣстныя выраженія, неправильныя мысли и такія явныя несообразности, которыя непріятно видѣть въ печати, особенно въ изданіи духовной академіи". Журналу поставлено даже въ вину изобиліе иностранныхъ словъ: гуманность, идеальность,

[1] *Русское Обозрѣніе.* 1897 г. № 5.

прогрессъ, цивилизація, комфортъ, парализовать, гармонировать, арена и др., „вовсе не соотвѣтствующихъ духовному изданію". Въ результатѣ ректору и цензорамъ сдѣлано замѣчаніе и самая цензура оригинальныхъ статей *Собесѣдника* была переведена въ Московскій комитетъ духовной цензуры, гдѣ „на стражѣ Православія и строгой церковности въ мысляхъ и самыхъ выраженіяхъ духовной литературы недремлемо стоялъ тогда святитель Московскій Филаретъ". Ректоръ Іоаннъ послѣ этого дошелъ,—по словамъ Знаменскаго,—до такого душевнаго разстройства, что даже опасно захворалъ. Онъ и послѣ лѣченія долго страдалъ кровохарканьемъ и съ того времени вовсе пересталъ заниматься наукой... *Православный Собесѣдникъ* послѣ того сталъ быстро падать. Уже въ слѣдующемъ 1860 г. количество подписчиковъ уменьшилось на половину—до 1.000, а за тѣмъ до 600 человѣкъ [1]".

О катострофѣ, постигшей *Православный Собесѣдникъ*, Гиляровъ прежде всего получилъ извѣстіе изъ Московской Духовной Академіи отъ профессора Смирнова. „Сообщаю вамъ, писалъ послѣдній отъ 23 февраля 1859 г.—удивительную новость: *Православный Собесѣдникъ* подчиненъ цензурѣ нашей Академіи. Можете представить положеніе знаменитаго Казанскаго ректора!"

Вскорѣ отозвался и самъ ректоръ. „Предписаніе о подчиненіи нашего журнала Московской цензурѣ – писалъ онъ Гилярову отъ 19 марта—получено только на этой недѣлѣ. Указъ начинается тѣмъ, что *Собесѣдникъ*-де въ послѣднее время принялъ несвойственное духовному изданію направленіе... О, ужасъ! Что же это такое? Въ доказательство приведено изъ четырехъ книжекъ всего—три мѣста, выхваченныхъ безъ связи, и, какъ водится, совершенно непонятыхъ. Потомъ: „въ такой-то книжкѣ говорится, что Россія теперь на зарѣ *возрожденія*". Какъ можно это таинственное слово, означающее благодать Св. Духа въ крещеніи, относить къ гражданскимъ дѣламъ и приравнивать ихъ къ таинствамъ? Наконецъ, и это главное—изобилуетъ словами: прогрессъ, гуманность и пр., *уничижающими* достоинства духовнаго изданія. Итакъ, одно слово—прогрессъ и гуманность—унижаетъ духовное изданіе! Вотъ какъ у насъ! Мы послали отъ себя въ Синодъ представленіе о неудобствахъ къ исполненію указа. Нельзя-ли вамъ написать кн. Урусову, чтобы

[1] *Исторія Казанской Духовной Академіи* П. Знаменскаго, вып. II, стр. 538—546.

онъ уговорилъ гр. Толстаго отмѣнить эту ни съ чѣмъ несообразную мѣру? (Только это надо сдѣлать какъ можно скорѣе). Если на эту тему вы хотите писать что-нибудь въ журналахъ, то, ради Христа, умолчите о самомъ фактѣ подчиненія одной академіи другой: могутъ подумать, что я сообщилъ вамъ эту исторію и поручилъ огласить дѣло. Это можетъ повредить мнѣ. Лучше напишите вообще, только напрямки, что духовенство нисколько не сочувствуетъ ничему доброму въ жизни общественной, ни даже грамотности, и что въ этомъ духѣ дѣлаетъ распоряженія по своему вѣдомству [1]!?."

Гиляровъ не заставилъ себя долго ждать. Въ апрѣльской книжкѣ „Современной лѣтописи" *Русскаго Вѣстника* появилась написанная имъ „Библіографическая замѣтка (Письмо въ редакцію),"—посвященная разоблаченію неблаговиднаго пріема полемики А. Н. Муравьева и въ заключительныхъ строкахъ касающаяся исторіи съ *Православнымъ Собесѣдникомъ*.

„Съ недавняго времени—писалъ Гиляровъ—въ извѣстномъ классѣ людей начинаютъ проноситься отзывы о казанскомъ духовномъ журналѣ *Православный Собесѣдникъ*, который въ послѣднюю пору столь справедливо привлекъ къ себѣ особенное уваженіе и расположеніе общества. Отзывы эти дышали крайнимъ недовольствомъ. Духовный журналъ заговорилъ о порокахъ не обиняками, а прямо; коснулся не того, что слишкомъ далеко или слишкомъ блѣдно, но того, что въ особенности ярко и въ особенности живо въ нашемъ обществѣ; обратился за уврачеваніемъ духовныхъ язвъ не къ требованіямъ какихъ-либо экзекуцій, а воззвалъ къ чувствамъ христіанской любви и братства. Въ извѣстномъ кружкѣ это не понравилось. Тамъ показалось, что такимъ направленіемъ унижается духовный журналъ, что идеей о *прогрессѣ* или *гуманности* оскорбляется его достоинство...

„Мы были смущены, были поражены, внимая этимъ слухамъ... Прогрессъ, гуманность,—христіанское человѣколюбіе, братство... (ибо что же иное должны значить эти слова?). Какъ, думали мы, неужели эти слова, это направленіе могутъ унижать кого-нибудь, могутъ считаться оскорбленіемъ кому-нибудь, а тѣмъ болѣе—духовному журналу?.. Но чѣмъ же лучше, какъ не словами любви низложить порокъ, разсѣять лжеученія? Мы не хотѣли вѣрить, не умѣли понять... Но теперь мы вѣримъ и те-

[1] *Русское Обозрѣніе*, 1897 г., № 5.

перь мы понимаемъ. Съ точки зрѣнія извѣстнаго образа мыслей дѣйствительно это должно казаться униженіемъ и оскорбленіемъ"...

При разносторонности и кипучей своей дѣятельности, сталкиваясь со многими людьми, слыша постоянно разнообразные толки и извѣстія, Гиляровъ задумывалъ вести дневникъ, и даже, благословясь, приступилъ къ нему, но велъ его всего только одинъ день — 3 марта 1859 г.

„Господи благослови,—писалъ онъ,—начинаю свой дневникъ, который давно собираюсь вести.

„Сейчасъ былъ у меня М. А. Максимовичъ и передалъ мнѣ, что на прошлой недѣлѣ запрещена петербургская польская газета *Слово*. Вотъ опять, сказалъ онъ, оттолкнули поляковъ отъ Россіи лѣтъ на двадцать.—За что запретили?—спрашиваю я. Да, говоритъ, за то, что похвалили Лелевеля! Вотъ бывало въ царствованіе Николая нельзя было слова произнести „Мицкевичъ", а теперь цѣлая книга вышла: Адамъ Мицкевичъ. А Лелевеля-то, старика умирающаго не велятъ похвалить, да и слово о немъ сказать нельзя!"

Затѣмъ, порицая отставку Крузе и запрещеніе *Паруса*, Гиляровъ продолжаетъ: „Добро была бы вѣра въ себя, или какая опредѣленная система, твердо поставленная. Ничего этого нѣтъ. Мелкія, самыя низенькія страстишки, да потомъ какіе-то отрывки или осколки старой системы, ничѣмъ не связанныя— вотъ что, кажется, составляетъ существо этихъ господъ и смыслъ всѣхъ этихъ запретительныхъ распоряженій. Боже мой, ни одной живой души, ни одного живаго голоса около Государя! Патріотизма, очевидно, ни на грошъ ни у кого. Живо представляю себѣ всѣхъ этихъ господъ... постоянно злящихся на то, что около нихъ и предъ ними пробивается жизнь, къ которой они чувствуютъ себя неспособными, и которой достоинства, сравнительно съ собственною мертвечиной, они не могутъ однако не оцѣнить...

„Припоминаю сказанное Хомяковымъ. Онъ сказалъ, какъ самъ передалъ, такія слова Муханову: „Вы защищаете Государя, котораго не любите, отъ насъ, которые его любимъ". Слова довольно глубокія, но тоже не вполнѣ во второй половинѣ справедливы. Правда, пріятели мои любятъ Государя, но все-таки не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, и не такимъ чувствомъ, которое, по моему мнѣнію, заслуживало бы вполнѣ ихъ любви. Но, впрочемъ, объ этомъ послѣ. А Мухановъ... въ немъ нѣтъ ни-

чего, ровно ничего, что́ давало бы хоть тѣнь любви къ общественному благу. Мнѣ кажется, мнѣ еще придется поговорить о немъ въ своемъ дневникѣ. Онъ колесо, изрядно задѣвающее теперешній государственный ходъ: такъ неудивительно, что онъ сдѣлаетъ еще какую нибудь гадость въ родѣ Bureau de la presse... Такъ мнѣ еще придется тогда поговорить о немъ подробно.

„Къ этому Максимовичъ сообщилъ мнѣ свѣдѣніе о Репнинѣ, Николаѣ Григорьевичѣ, котораго я доселѣ не зналъ; свѣдѣніе, для меня весьма интересное, но впрочемъ, тоже оставившее чрезвычайно грустное впечатлѣніе. Репнинъ былъ вице-королемъ Саксоніи (безъ сомнѣнія, во время войны союзниковъ). Потомъ сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ полтавскимъ, черниговскимъ и харьковскимъ. Максимовичъ говоритъ, что сначала князь давнулъ-было Малороссію, а потомъ самъ полюбилъ ее, увлекся. Человѣкъ былъ весьма образованный, и вообще личность великолѣпная. Одна глава въ исторіи Бантышъ-Каменскаго принадлежитъ даже его перу. Двѣ въ особенности замѣчательныя вещи сообщилъ мнѣ Максимовичъ: первое о тяжбѣ Репнина съ Гурьевымъ, объ этой, какъ сказалъ М., „исторической тяжбѣ“. Гурьевъ хотѣлъ казаковъ присвоить казнѣ; а Репнинъ разъяснилъ ему исторически несправедливость нарушенія самыхъ святыхъ правъ. — И Репнинъ одолѣлъ? спросилъ я. — Какъ же не одолѣть! отвѣчалъ онъ. Впрочемъ, говоритъ,— теперь обратили же казаковъ въ государственныхъ крестьянъ, казаковъ, почти то-же, что дворянъ.

„Вторая замѣчательность: это—ополченіе 1835 года. Репнинъ чрезвычайно одушевилъ казаковъ, и на свой, т. е. ихній счетъ вооружилъ десять полковъ. Энтузіазмъ, говоритъ, былъ чрезвычайный. М. разсказывалъ это къ тому, что, говоритъ, хотѣлъ было напечатать рѣчь Репнина казакамъ ополченцамъ, которую онъ сказалъ тогда — краткую, но чрезвычайно пришедшую къ мѣсту, времени и лицамъ. Но, говоритъ, пожалуй, чортъ ихъ возьми, подумаютъ, что это какое-нибудь возбужденіе.

„Ужасны однако послѣдстія этого одушевленія. Казаковъ довели до Бѣлоруссіи и потомъ отвели назадъ и — поворотили ихъ всѣхъ, добровольныхъ-то ополченцевъ, и на собственный счетъ вооруженныхъ, въ солдатъ! Стали протестовать, но въ отвѣтъ на это прогнали сквозь строй до смерти. Я не могъ удержаться отъ невольнаго содроганія, когда выслушалъ это... А при Александрѣ I, сказалъ М., было то же самое, съ тою, однако

разницей, что тогда, т.-е., при Александрѣ, вооружились они хотя на свой счетъ, но лошади пожертвованы дворянствомъ. А тутъ все свое, даже и лошади.

„Ну, а какъ послѣднее ополченіе, спрашивалъ я. Ну, что, нечего и спрашивать, говорилъ онъ. Тутъ просто изъ крестьянъ брали, да и то какихъ старались отдавать,—самыхъ дрянныхъ, пьянчугъ и т. п. Нѣтъ, говоритъ, Малороссія—баста, совсѣмъ отпала. Я былъ, говоритъ, въ послѣднюю войну: никакого одушевленія. Приди хоть кто хочетъ, — ничего. И теперь, приди австрійцы или кто другой, просто скажутъ: владѣй нами. Русское чувство совершенно истребилось вслѣдствіе этого ужаснаго обращенія съ патріотическимъ чувствомъ.

„Однако, о Репнинѣ. Николай потомъ его отставилъ. Въ Кіевѣ генералъ-губернаторомъ былъ Левашовъ. Онъ былъ въ непріятностяхъ съ Сакеномъ, и тотъ упросилъ Николая взять его. Государь взялъ Левашова, поставилъ на мѣсто Репнина въ той губерніи, а Репнина отставилъ совсѣмъ...

„Доканчиваю свою нынѣшнюю замѣтку упоминаніемъ о формѣ азбукъ. Азбуку у Троицы не пропустили (Максимовича, я ее возилъ), потому что есть лишнія молитвы. „Меньше“, говоритъ Петръ Спиридоновичъ, „можно, а больше нельзя. Форма есть для молитвъ“. Чему удивляться? Тупости или безрелигіозности?“

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Кн. Н. Шаховской.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

Очеркъ.

Вчера они сидѣли вдвоемъ въ ея уютномъ кабинетѣ, освѣщенномъ неяснымъ свѣтомъ фонаря. Оба любили эти тихіе вечера, проводимые съ глазу на глазъ. Тамъ, въ гостиной, семья дѣвушки обмѣнивалась улыбками при взглядѣ на ихъ лица, полузадумчивыя, старающіяся скрыть отъ всѣхъ свое особенное настроеніе. Оба уже слегка поломанные жизнью, съ надорванными нервами, казались измученными; и въ этой свѣжей струѣ любви, въ легкомъ опьянѣніи взаимной близостью они съ наслажденіемъ чувствовали приливъ новыхъ, жизненныхъ силъ. Она отдавалась безсознательнѣе, у него же въ глазахъ была всегда какая-то завѣса мысли, скрытой, упорной... можетъ быть, невольной. И за этою завѣсой она не могла заглянуть въ его душу. Порой она чувствовала въ немъ присутствіе чужой силы, чужаго вліянія... Можетъ быть, это ей казалось?.. Она боялась отдаться вновь своей печальной привычкѣ анализировать, довольная этимъ солнечнымъ лучемъ, вдругъ согрѣвшимъ ее.

Ей хотѣлось вѣрить въ великую тайну любви, потому что во все остальное она не вѣрила.

А душа ея была очень чутка до всего прекраснаго, ее легко было растрогать... Сильная и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжная...

И все это уживалось съ полнымъ мистицизмомъ и съ убѣжденнымъ отрицаніемъ всего и всѣхъ.

Она помнитъ муки колебанія и даже припадки отчаянія, чрезъ которые она прошла года четыре тому назадъ, когда она впервые столкнулась съ жизнью. Ея молодая, безсознательная вѣра, вѣра слѣпая и не разсуждающая, съ неподвижными вѣковыми догматами, столкнулась съ темною силой... и не выдержала...

Другіе закрываютъ глаза и проходятъ мимо, но ей захотѣлось правды, захотѣлось найти неподвижную точку, съ которой она могла бы безъ особеннаго ужаса и отвращенія взирать на міръ Божій. И казалось ей, что она нашла ее въ сознательномъ отрицаніи. Сначала отрицаніе было рѣзкое, озлобленное; она ненавидѣла весь тотъ строй душевный, который у нея сложился съ дѣтства, ненавидѣла за то, что у него, какъ ей казалось, не было прочнаго базиса, что онъ весь былъ построенъ на пескѣ и рухнулъ отъ перваго натиска.

Она, дѣйствительно, страдала долго и сильно.

Со временемъ озлобленіе у нея прошло, выработался легкій, снисходительный скептицизмъ, бо́льшая вѣротерпимость, болѣе широкій взглядъ на вещи.

Эстетика дала выходъ ея стремленію къ возвышенному и прекрасному... Ее тянуло къ этому высокому, молодому человѣку съ тонкимъ, усталымъ лицомъ и такими смѣлыми, полными жизни и ума глазами. Она слегка боялась его, стараясь понравиться, забывая при немъ свои свободныя, спокойныя и нѣсколько развязныя манеры.

Она робѣла, становилась женственнѣе, — только предъ нимъ опускались ея большіе, ясные глаза. .

Сначала они рѣшили, что будутъ друзьями, потомъ подмѣтили болѣе сильное чувство и обрадовались. Это былъ лучъ въ облачномъ небѣ, уголокъ рая, открывшійся имъ на землѣ, сбывающаяся наяву сказка; проза жизни надоѣла имъ, утомила ихъ. Они съ веселою, чуть-чуть недовѣрчивою улыбкой принялись за эту феерію, рѣшивъ между собою, что надо отдаться теченію и не думать. Не думать! Не анализировать! Они какъ дѣти увлеклись прелестью тайны, они—эти слишкомъ рано извѣрившіеся утомленные люди—находили удовольствіе въ тысячѣ маленькихъ, не поддающихся описанію, пустяковъ, нѣжностей, легенькихъ сентиментальностей.

Они становились довѣрчивы, суевѣрны, мечтали и обманывали себя этими мечтами. Они чувствовали себя проще, какъ-то моложе и свѣжѣе, имъ вспоминались всѣ вѣрованія дѣтства съ ихъ наивною фантасмагоріей и пестрая вереница грезъ первой юности...

Но все это облекалось въ возможно эстетическую форму, ихъ артистическое чувство давало рѐльефъ всѣмъ этимъ милымъ наивностямъ.

Большею частью они не говорили прямо, а о любви вовсе

не упоминали; допускались только намеки, нѣжныя, граціозныя, внезапно вырывающіяся ласки, мимолетныя, какъ бы нечаянныя. Ей казалось, что они очень счастливы, что эта поэзія среди прозы жизни, этотъ изящный, тонко очерченный эскизъ чувства, эта неуловимо прекрасная гармонія въ ихъ любовномъ дуэтѣ дастъ достаточный выходъ ихъ душевнымъ силамъ. Говорили они много, какъ-то торопясь, спѣша высказаться, скорѣе познакомить одинъ другого со своимъ внутреннимъ міромъ, вѣчно боясь забыть сказать что-то необходимое, важное...

Они очень интересовались другъ другомъ, жадно ловя проблески души и чувства въ этихъ обрывкахъ разговоровъ...

Нѣкоторыхъ вопросовъ они не касались вовсе, чтобы не разрушать очарованія зарождающагося чувства. Это знала она уже давно, почти съ самаго начала. Онъ ей разсказалъ свое прошлое, ту сильную, необоримую страсть, которая охватила его когда-то. На этомъ огнѣ онъ и сжегъ свои крылья, извѣрился и постарѣлъ душой...

Исторія была такая, которая встрѣчается на каждомъ шагу: съ одной стороны, горячее, честное чувство—сознательное и гордое, какъ самъ онъ. Съ другой, тоже любовь, но разсчитанная и искусственно возбуждающая, съ безконечными переходами и причудами, со старательнымъ подчеркиваніемъ всякаго взгляда, всякой улыбки, которую она дарила. И онъ цѣнилъ это, вѣрилъ въ нее, въ эту непонятную для него и потому прелестную женщину. Вѣрилъ—и натолкнулся на интригу, неискренность...

Все это молодая дѣвушка знала очень туманно, полунамеками, полуфразами, никогда не распрашивая, боясь задѣть за больное мѣсто.

Онъ отзывался объ этомъ своемъ горѣ съ большою сдержанностью, только вскользь говоря о томъ, что онъ вынесъ послѣ окончательнаго разрыва.

Страданіе оставило на немъ слѣды: немного горечи, что-то въ родѣ удивленія предъ случившимся и глубокое убѣжденіе, что жизнь—вещь безконечно грустная. Кажется, это горе въ прошломъ и сблизило ихъ теперь. Ей понятны и близки были тоска и грусть. Ея задача была поддержать эту больную душу... Вчера онъ былъ особенно нервенъ, разговоръ замиралъ. Она безпокойно поднимала на него глубокій, внимательный взглядъ. Что съ нимъ?

Съ чисто женскою чуткостью она видѣла, что онъ совсѣмъ не тотъ, что между ними кто-то встаетъ, держитъ его и не пускаетъ къ ней!

Въ его глазахъ, расширившихся и ярко блестящихъ въ полутьмѣ комнаты, стояли слезы. Онъ страдалъ, видя, что все еще любитъ ту, которую хочетъ и долженъ забыть. Можетъ быть, тоже онъ страдалъ отъ сознанія, что его юный, граціозный романъ не можетъ быть ему щитомъ противъ того безумнаго бреда, противъ неудержимаго порыва чувства...

Первымъ движеніемъ дѣвушки была боль, оскорбленное удивленіе и жгучая, на минуту мелькнувшая, ревность.

Но при взглядѣ на любимую голову, низко опущенную съ выраженіемъ безнадежной тоски, у нея что-то дрогнуло въ груди; что-то необъятное, чистое, до сихъ поръ неизвѣданное или давно забытое ожило въ сердцѣ.

Ей казалось, что она выросла вся; она съ радостью ощущала въ себѣ одно только чувство: боль за него, страстное желаніе утѣшить его, безконечную, страдающую любовь къ нему. И когда онъ, облегченный тѣмъ, что вылилъ предъ ней свою скорбь, поднялъ на нее глаза немного тревожно и виновато, боясь, что глубоко оскорбилъ ее этимъ признаніемъ, — она отвѣтила ему улыбкой на взглядъ:

— Это пройдетъ! Не тревожься, милый, мы вылѣчимся!

И когда онъ, утомленный, безконечно нѣжнымъ и довѣрчивымъ жестомъ прижался къ ней головой, она почувствовала, что ослабѣваетъ.

Безмолвныя, мучительныя слёзы закапали изъ глазъ ея на тёмные волосы, которые она тихонько перебирала пальцами.

Слезы отчаянія, слезы безсилія...

Гдѣ возьметъ она силу, чтобы заслонить его отъ прошлаго? Что сказать, что сдѣлать?

Что дать ему въ будущемъ?.. Пусто, безотрадно кругомъ! И показалось ей, что она—одна, одна въ безбрежной пустынѣ, одна съ этою дорогою, безпомощною ношей на груди.

Тёплыя капли скатились ему на щеку.

— Ты плачешь? Бѣдная моя!

Отвѣтомъ было мучительное рыданіе.

Говорить было нечего.

Безъ словъ, тоскливо, какъ будто захваченные леденящею струей зимней ночи, безсознательно ища въ тѣсномъ объятіи немного тепла, они замерли, прислушиваясь къ тяжелому біенію сердецъ, застывая въ этой безпросвѣтной скорби...........

....

....

Сегодня она мечется цѣлый день, не находя себѣ покоя. Передъ нею стоитъ, неотступно стоитъ стройная, элегантная фигура той женщины и насмѣшливо спрашиваетъ:

— Ну, что же ты будешь дѣлать теперь?

Въ сумеркахъ ей захотѣлось воздуха, душно стало въ комнатѣ, гдѣ все напоминало его. Она одѣлась и вышла на улицу.

День сѣренькій и холодный догоралъ. Къ вечеру облака, заволакивающіе его, опустились внизъ въ видѣ сизой, угрюмой тучи. И эта туча, казалось, хмурилась на голубое съ блѣдно-фіолетовымъ оттѣнкомъ по краямъ небо. Къ срединѣ оно углублялось, синѣло чистою-чистою лазурью, прорѣзанное прозрачнымъ ярко-бѣлымъ облачкомъ, раскинувшимся на немъ смѣлымъ, причудливымъ изгибомъ.

Деревья расправляли свои обнаженныя вѣтви, равнодушные ко всему окружающему, всѣ ушедшіе въ работу безчисленныхъ почекъ, которыя покрывали ихъ легкимъ красноватымъ, мѣстами зеленѣющимъ налетомъ.

Кое-гдѣ у ограды скверовъ пробивалась свѣжая зелень, нетерпѣливо выставляя изъ-за бураго прошлогодняго слоя травы свѣжія, тонкія иголки. Пахло и сыростью, и весной.

Молодая дѣвушка шла лѣниво, оглядываясь кругомъ, чтобы хоть немного разсѣяться, забыться. Она поровнялась съ церковью, мягко сливающеюся своими бѣло-сѣрыми тонами съ облачнымъ фономъ неба и слабо сквозящею на немъ рѣзнымъ узоромъ колокольни, когда внезапно раздавшійся въ воздухѣ гулкій, сильный ударъ колокола заставилъ ее вздрогнуть. Она остановилась...

Церковь была очень древняя, старательно поддерживаемая, но все же свидѣтельствующая о длинномъ рядѣ годовъ, пронесшихся надъ темнозолотыми куполами и поблекшею живописью надъ входною дверью. Колоколъ продолжалъ гудѣть, и въ его звонѣ было что-то хорошее, сильное, спокойное—и призывъ, и молитва. Дѣвушка почти машинально посмотрѣла въ узкое стрѣльчатое окно храма. Тамъ было темно, только кое-гдѣ горѣли тонкія свѣчи, льющія свои восковыя слезы предъ строгими ликами въ золотомъ сіяніи ризъ. Она постояла съ минуту, потомъ двинулась дальше. Но звуки колокола раздавались все громче и громче; на своемъ мѣдномъ языкѣ онъ пѣлъ такъ убѣдительно, такъ властно, что дѣвушка вернулась опять... Въ церкви становилось свѣтлѣе. Дьячекъ зажигалъ свѣчи. Озабоченно держа въ одной рукѣ щипцы, а въ другой восковый ога-

рокъ, онъ обходилъ церковь, неслышно ступая по толстой веревочной настилкѣ пола.

Молодая дѣвушка вошла. Какая-то старушка, вся въ черномъ, съ привѣтливымъ сморщеннымъ лицемъ, отворила ей дверь и кивнула головой. Дѣвушка отвѣтила ей улыбкой—и вдругъ почувствовала себя хорошо. Вотъ именно это она и должна была сдѣлать!

Нѣсколько молящихся въ ожиданіи начала службы не обратили на нее никакого вниманія, и легкая робость, съ которою она вошла, чувствуя себя чужою въ этомъ строгомъ, темномъ храмѣ, прошла. Прямо противъ нея висѣла большая икона византійскаго письма—смуглый испостившійся ликъ святаго со строгими глазами, въ роскошной ризѣ, испещренной тонкими поблекшими рядами жемчуга и ясными цвѣтными глазками драгоцѣнныхъ камней.

Чѣмъ-то отжившимъ, трогательно-печальнымъ вѣяло отъ этихъ низкихъ расписанныхъ сводовъ, поддерживаемыхъ толстыми полосами желѣза, которыя стягивали ихъ могучими тисками. Своеобразное величіе чувствовалось въ торжественной тишинѣ стараго храма, освященнаго молитвами тысячи устъ, и эти молитвы жили въ немъ, онѣ носились въ неуловимой призрачной дымкѣ ладона, наполняли весь храмъ, обвиваясь вокругъ тяжелыхъ сводовъ; вздохи молитвъ чудились дѣвушкѣ въ мерцаніи свѣчей: какъ будто чье-то дыханіе колебало чистое пламя. Слезы молитвъ блестѣли въ алмазахъ иконъ,—темныхъ иконъ, потускнѣвшихъ, какъ будто утомленныхъ длиннымъ рядомъ горя и невзгодъ людскихъ, о которыхъ нашептывали имъ жаркія уста, прильнувшія къ худымъ, безтѣлеснымъ рукамъ изображенныхъ на нихъ святыхъ. Чего-чего только ни видѣли эти стѣны, выстроенныя руками, давно превратившимися въ прахъ!

Сколько скорби и страстныхъ моленій слышала эта застывшая въ безмолвномъ созерцаніи глава Спаса Нерукотвореннаго, темнѣющая на свѣтломъ фонѣ полотна... Сколько слезъ пролито предъ ликомъ Богоматери, кротко печальной въ своемъ величіи Небесной Царицы, въ алмазномъ вѣнцѣ, съ крупными звѣздами на плечахъ... Одна рука поддерживаетъ Младенца, прильнувшаго къ ней, большіе, черные глаза внимательно вопрошающе смотрятъ въ даль.. сколько разъ къ Ней взывали въ тяжкихъ рыданіяхъ: „Заступница! помоги, защити!“

О, эти голоса смертельно раненыхъ, въ самое-самое сердце

раненыхъ людей, эти вопли безграничнаго отчаянія, безысходнаго ужаса!..

Сколько такихъ картинъ пронеслось предъ строгими очами Архангела Гавріила, неподвижно охраняющаго двери алтаря своимъ огненнымъ мечомъ... И, казалось, всѣ страсти людскія какъ волны разбивались о берегъ этого тихаго, таинственнаго величія храма, затихали... смирялись...

Богослуженіе началось. Въ незамѣтно наполнившейся церкви становилось жарко. Поминутно слышался заглушенный стукъ входной двери, плотно обитой сукномъ. Вошедшій крестился, оглядывался по сторонамъ, ища себѣ мѣста по вкусу. Самые бойкіе, а можетъ быть и разсѣянные, пробирались впередъ къ алтарю. Другіе, неохотники глазѣть по сторонамъ, оставались почти у входа, и, поминутно вздыхая и кланяясь, начинали шептать молитву.

Богомольцы были почти всѣ изъ народа. Какія-то старушки съ лицами подернутыми тонкою сѣткой морщинъ, старики въ поддевкахъ и чуйкахъ, два-три солдата, сохраняющіе постоянно на своемъ лицѣ выраженіе усерднаго изумленія...

Нѣсколько мальчишекъ, гладко остриженныхъ, умытыхъ, очевидно принаряженныхъ матерями, любопытно вертѣлись тутъ же, безпрестанно оглядываясь по сторонамъ...

Стоя въ своемъ углѣ, дѣвушка тщетно старалась понять что нибудь изъ того, что говорилось здѣсь. Привычный голосъ дьячка быстро и мѣрно читалъ молитвы, сливая слова, набрасывая ихъ одни на другія, и невольно въ ея умѣ выплывала знакомая картина...

Жарко; солнце печетъ. Подъ соломенною ригой еще болѣе душно и жарко. Отъ молотилки несется тонкая пыль. Стучитъ скоро, скоро; слышится шорохъ мѣрно падающаго широкою волной зерна...

Дѣвушка незамѣтно улыбнулась при этомъ сравненіи, пришедшемъ ей въ голову.

Голосъ читающаго, монотонный, съ протяжными повышеніями на нѣкоторыхъ словахъ, дѣйствовалъ пріятно и успокоительно. Она перемѣнила позу, прислонилась къ стѣнѣ и продолжала слушать. Между тѣмъ на дворѣ смерклось, и свѣчи, чуть мерцавшія въ сумеркахъ, ярко разгорѣлись на черномъ фонѣ ночи. Тѣни рѣзко легли по угламъ, всползая вверхъ, затопивъ куполъ во мракѣ, затемняя и безъ того темную живопись на стѣнахъ. Мѣстами красноватый отблескъ лампады падалъ на узкій ликъ

съ тонкою золотою полоской вокругъ головы, освѣщалъ край одежды, молитвенно вытянутыя руки... и снова все тонуло во мракѣ... По срединѣ, тамъ, гдѣ горѣли большія свѣчи въ золоченныхъ подсвѣчникахъ, окруженныя кольцомъ малыхъ огней, становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Служба шла, молитвенное настроеніе охватывало все сильнѣе, неотразимѣе, хоръ звенѣлъ къ небу чистыми, свѣтлыми нотками: „Тебѣ Господи"... а церковь сіяла своимъ золотомъ въ колеблющемся свѣтѣ огней.

Между тѣмъ что-то мучило ее цѣлый день, — неотвязная мысль продолжала сверлить мозгъ.

— Что дѣлать, какъ вырвать изъ его сердца ту?..

Какъ дать ему больше, чѣмъ дала она ему,—невѣста, другъ, любящій и понимающій его?

Она чувствовала, что противъ той безсознательной, тайной силы, связывающей его съ другою, можетъ быть уже не любимою женщиной, для борьбы съ ней надо другую такую же силу, внутреннюю, не разсуждающую.

— Гдѣ взять ее?

Приливы остраго отчаянія, негодованія на свою и его слабость смягчались теперь въ этомъ полумракѣ и торжественности храма. Тишина и эти слова кротости и прощенія, эти моленія, надежда на помощь—проникли въ ея душу, усталую и больную. Она стала молиться почти безсознательно, потомъ все горячѣе и довѣрчивѣе, прислушиваясь къ звукамъ, долетающимъ съ амвона:

— Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ Боже!..

И дѣвушка, волнуясь, повторяла:

— Да, Господи, Ты видишь! Ты видишь вѣдь?..

А что видитъ Онъ, она сама хорошенько не знала.

Ей надо было поправиться, ей надо было вѣрить, что чьи-то глаза глядятъ на нее изъ-за сумрака сводовъ и понимаютъ ее.

Какая-то могучая сила любви, кротости и всепрощенія подымалась въ ней. Нѣтъ, не было названія этой силѣ... Откуда она? Почему появилась теперь здѣсь, и дѣвушка не знаетъ, не понимаетъ: что это? Непостижимая разсудкомъ, властная, сильная, она встала откуда-то... изъ глубины этой женской души, изломанной, съ болѣзненно развившимися взглядами на жизнь, какъ молодое, искривленное деревцо, красивое, несмотря на изломъ, нравящееся, благодаря капризному изгибу ствола...

Для себя она не умѣла просить, но теперь она молилась за него, молилась, вся охваченная любовью и страданіемъ. Она

жадно ловила звуки пѣнія, и ей хотѣлось соткать изъ этихъ звуковъ покрывало, чтобы оно заволокло тяжелое прошлое.

— Для него, не для себя прошу! Ему помоги!

Мало-по-малу слезы накипали въ ней и скатывались, тяжелыя, жгучія, по тонкимъ пальцамъ, дробясь брызгами на ея кольцахъ, и вмѣстѣ съ этими слезами уходило многое, что было въ ней напускнаго, неискренняго.

Послѣ великой эктиньи, произнесенной звучнымъ, усиленнымъ басомъ дьякона и короткими возгласами хора, опять началось чтеніе.

Молодая дѣвушка тупо, чуть-чуть разсѣянно, прислушивалась къ нему. Слезы изсякли, сильный подъемъ духа утомилъ ее. Она затихла, какъ-то замерла вся. Чтеніе Евангелія вывело ее изъ этой неподвижности. Медленною вереницей подходили молящіеся, цѣлуя эмалевые образки, вдѣланные въ золотую доску съ выпуклымъ распятіемъ по срединѣ. Рядомъ стоялъ священникъ, сморщенный старичекъ съ рѣдкою бородкой и еще болѣе рѣдкими волосами, разлетающимися вокругъ головы въ видѣ легкаго, бѣлаго пуха. Рука его безпрестанно, автоматически, поднималась, крестя склоненныя предъ нимъ головы. Дѣвушка дожидалась своей очереди съ сильно бьющимся сердцемъ. Ей казалось, что эта благословляющая рука обладаетъ тайною силой, которую она передаетъ другимъ широкимъ взмахомъ по воздуху...

Да, она была въ этомъ увѣрена, что-то осѣнило ее въ крестообразномъ движеніи руки, въ тихихъ словахъ:

— „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа".

Они дали ей что-то, что она бережно унесетъ домой и передастъ ему въ поцѣлуѣ мира. И дѣвушка въ порывѣ благодарности прикоснулась губами къ сухой старческой рукѣ священника. Свѣтъ упалъ въ это время на нее, и старецъ, взглянувъ на это молодое, заплаканное лицо, на секунду остановился, почувствовавъ, что тутъ есть какое-то большое горе, и прошепталъ съ состраданьемъ:

— „Господь милостивъ"...

Дѣвушки вздрогнула. Она была въ суевѣрномъ настроеніи, и это ей показалось предзнаменованіемъ счастья. Она отошла, но не возвратилась на свое мѣсто, а осталась у клироса, глядя на раскрытыя царскія врата. Когда ихъ закрыли, она почувствовала сожалѣніе, почти досаду.

Она старалась разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, немного удивленная своимъ порывомъ.

Теперь ей было и спокойно, и хорошо.

Какая старина кругомъ! Сколько тутъ перебывало вѣрующихъ! И всѣ эти моленія, съ вѣрой сильно вылившіяся изъ груди людей, давно истлѣвшихъ подъ землей кладбищъ или просто тамъ гдѣ-нибудь на полѣ животъ свой положившихъ, и прахъ коихъ развѣянъ по всѣмъ концамъ Руси, всѣ эти люди, сильные сознаніемъ своей правды, казалось ей, гдѣ-то здѣсь, что-то отъ нихъ неуловимое, частичка ихъ духа паритъ надъ ней въ сумракѣ церкви. Вѣдь осталось же что-нибудь отъ этихъ молитвъ, отъ этой искренней, немудрой вѣры ея предковъ... въ жидкихъ складкахъ ризъ, въ тонкой рѣзьбѣ вѣнчиковъ, въ темномъ величіи куполовъ... и казалось ей, что къ хору моленій, слышавшихся ей изъ-за тьмы вѣковъ, она можетъ присоединить свой голосъ... безъ словъ, довѣрчиво и спокойно..

Въ церкви на мгновеніе стихли звуки пѣнія и молитвъ, легкій шелестъ волной прошелъ въ толпѣ; все, казалось, ожидало напряженно, торжественно ожидало, и дѣвушка, распростертая на полу въ порывѣ страстнаго, рыдающаго восторга, услыхала изъ таинственной глубины алтаря тихій захватывающій голосъ:

„Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!!“................
....

Холодный вѣтеръ заставлялъ молодую дѣвушку прибавлять шагу. Она плотнѣе куталась въ ротонду, ежась и добродушно улыбаясь всему: вѣтру, ночи, фонарямъ, горѣвшимъ на улицѣ...

Она очень спѣшила съ той минуты, какъ за ней захлопнулась тяжелая церковная дверь и ее неудержимо потянуло домой.

Она нетерпѣливо дернула нѣсколько разъ ручку звонка. Ей отворили.

— Что, никого нѣтъ?— освѣдомилась она у горничной, снимавшей съ нея ротонду.

Молодой человѣкъ сидѣлъ въ ея кабинетѣ.

Фонарь печально освѣщалъ комнату. По его позѣ она сейчасъ же увидала, что онъ огорченъ ея отсутствіемъ сегодня.

— Какая ты свѣжая,—проговорилъ онъ, прижимаясь къ ея лицу, весь охваченный радостью ея присутствія, забывая всю горечь ожиданія.

— Да, на дворѣ очень холодно,—отвѣчала дѣвушка необыкновенно оживленно.

Гдѣ она была? Никогда онъ не видалъ ее такою радостною и счастливою.

— Молилась!

Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза немного неувѣренно, но съ надеждой.

Она принесла съ собою что-то изъ храма: запахъ ладона въ волосахъ, кроткій отблескъ свѣчь въ глубинѣ взгляда. Онъ почувствовалъ, что она принесла съ собою изъ этого незнакомаго ему источника то, что надо было ему, то, что обѣщала вчера: вѣру въ будущее, живительную струю счастья...

Теперь предъ нимъ были двѣ загадки. Одна, неуловимо причудливая, та, которая стояла у него всегда предъ глазами, горячила кровь и туманила голову. Да, у той женщины загадка мелькала въ тонкой улыбкѣ красивыхъ губъ, во всѣхъ движеніяхъ граціознаго тѣла.

И въ этомъ была ея власть надъ нимъ.

Глубокое, нѣжное чувство привязывало его къ ней, дѣйствовало на его воображеніе—онъ зналъ, что безсиленъ предъ необъяснимымъ.

Въ его мозгу культурнаго, цивилизованнаго европейца вѣрно остались полустертые туманные образы дальнихъ вѣковъ, когда еще дѣтская фантазія человѣка трепетала предъ тайнымъ и непонятнымъ,—трепетала и покланялась.

Онъ много выстрадалъ изъ-за той женщины, но, изломанный, негодующій, все же остался подъ ея обаяніемъ, въ которомъ, ему казалось, было что-то чарующее, неотразимое...

Въ новомъ чувствѣ онъ не нашелъ ничего туманнаго. Ихъ романъ былъ чистъ и свѣтелъ, онъ согрѣвалъ его душу, не затрогивая ея тайниковъ...

Сегодня онъ впервые прочелъ загадку въ потемнѣвшихъ глазахъ дѣвушки, полузакрытыхъ, тихихъ, смотрящихъ куда-то вглубь себя.

Онъ зналъ эти глаза холодными и ясными... Теперь ему показалось, что золотистый свѣтъ зрачковъ погасъ, и изъ глубины глядитъ кто-то другой, сильный, сознательно-властный...

Порывъ, внезапно охватившій молодую дѣвушку тамъ, въ храмѣ, всколыхнулъ въ ней всю силу духа, всю неясную, но живую вѣру въ добро, недостававшую этой разочарованной скептической душѣ...

И она стояла предъ нимъ, сіяющая отъ сознанія пробужденія своего внутренняго „я“.

Онъ, ея любовь къ нему, дали ей новую жизнь, а ихъ свяжетъ отнынѣ и навсегда что-то болѣе высокое и чистое, чѣмъ ихъ эстетическій романъ!... Ея увѣренность съ непонятною силой захватывала его, сообщалась ему вмѣстѣ съ новымъ, неизвѣданнымъ обаяніемъ ея личности.

Тогда она почувствовала, что въ ея груди до боли сильно подымается ощущеніе радости. Ей хотѣлось охватить лаской своего раскрытаго объятія весь свѣтъ, все, что дышетъ и живетъ. И ей показалось, что съ его глазъ, робко и любовно смотрящихъ на нее, въ первый разъ спала отчуждающая ихъ завѣса.

Графиня Е. Толстая.

Май 1896 г.

ЦЕРКВИ И ШКОЛЫ.

Англичанинъ Диксонъ, описывая однообразную ѣзду по пустыннымъ равнинамъ Сѣверной Россіи, вспоминаетъ о томъ отрадномъ впечатлѣніи, которое производитъ на усталаго путника слишкомъ рѣдкій видъ бѣлой церкви, возвышающей свои зеленые куполы надъ темною линіей лѣснаго горизонта.

Кто изъ насъ, при разъѣздахъ по глухимъ полосамъ нашего лѣснаго края, не испытывалъ того же впечатлѣнія? Однообразная смѣна болотъ и ельника, пустынныхъ полей и сѣрыхъ деревень только и прерывается видомъ погостовъ, обыкновенно расположенныхъ на мѣстахъ возвышенныхъ. Церкви—единственныя на пути зданія, говорящія намъ о прошломъ, и обѣщающія уцѣлѣть въ будущемъ, носящія на себѣ печать прочности и стремленія къ красотѣ. Вокругъ нихъ, на кладбищахъ, на усадьбахъ причта, уцѣлѣли и старинныя деревья. Въ изобиліи около нихъ растетъ красная верба, дерево въ сѣверной Россіи не дико растущее, но издавна разводимое для употребленія церковнаго, ради темно-багроваго лака его вѣтвей и крупныхъ, серебристыхъ сережекъ. По мѣрѣ приближенія къ церкви учащаются деревни, вокругъ нея постоянно разбросаны помѣщичьи усадьбы и усадебки, по большой части запущенныя, но еще радующія взоръ высокими купами вѣковыхъ липъ и березъ.

И эта внѣшняя красота лишь—символъ красоты внутренней. Господствующее положеніе дома Божія надъ жилищами человѣчекими говоритъ намъ о великой собирательной силѣ, объединяющей разбросанное по безмѣрнымъ пространствамъ населеніе. Его прочность и стройность, и блескъ его крестовъ, и привѣтная бѣлизна его высокой колокольни, среди сѣрой бѣдноты его окружающей, гласятъ о первенствѣ потребностей духа надъ нуждами житейскими. Зовущій голосъ его колоколовъ—голосъ инаго лучшаго міра.

И къ этой красѣ за послѣднія десятилѣтія прибавилась краса знаменательная и новая. Мало осталось на Руси сельскихъ церквей, въ сѣни коихъ не появлялось бы скромное зданіе, все пронизанное свѣтлыми окнами. Къ этому зданію по дорогамъ и тропинкамъ, сбѣгающимся къ церкви, въ зимніе мѣсяцы, два раза въ день, тянутся толпы ребятишекъ, между коими все чаще и чаще попадаются дѣвочки. Зданіе, это—школа,—того или иного наименованія, — но, во всякомъ случаѣ — созданіе церкви, съ давнихъ вѣковъ питавшей въ народѣ высокое уваженіе къ грамотности и истинный взглядъ на ея значеніе, плодившей въ безвѣстной глуши отдѣльныхъ скромныхъ грамотѣевъ, и тѣмъ, наконецъ, пробудившей общее стремленіе къ школьному ученію.

Ибо намъ, дѣлателямъ одиннадцатаго часа, не слѣдуетъ обольщаться. Не льготы по воинской повинности (многимъ учителямъ, по ихъ семейному положенію, онѣ даже вовсе не нужны), не улучшеніе способовъ обученія чтенію, письму и счету, не гадательная матеріальная выгода отъ *умѣнія* по этимъ частямъ заставляетъ безграмотныхъ родителей добиваться грамотности своихъ дѣтей, посылать ихъ въ отдаленныя школы, выносить на своихъ плечахъ постоянное возрастаніе издержекъ на школьное дѣло; но именно исконная и доселѣ живая связь школы съ церковію и стремленіе къ единственному *знанію*, до сихъ поръ сообщаемому нашею начальною школой—къ знанію слова Божія и церковныхъ молитвъ, до недавняго времени служившихъ нашему тёмному люду единственнымъ источникомъ поученія. — Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ симъ безграмотнымъ ревнителямъ просвѣщенія цѣнить и способность писать толково и четко, и бойко считать; не мѣшаетъ имъ дорожить и тѣми практически полезными умѣніями и знаніями, которыя кое-гдѣ начинаютъ прививаться ученикамъ школьнымъ ученіемъ. Равнодушны они только, даже враждебны, къ той голой грамотности, приправленной жалкими обрывками энциклопедическихъ знаній, которая одна выносится изъ школъ, почему-либо лишенныхъ правильнаго воздѣйствія церкви, и можетъ повести лишь къ чтенію безполезному или вредному. Они твердо вѣрятъ, что школа можетъ быть полезна ихъ дѣтямъ, лишь посколько она приближаетъ ихъ къ церкви; поэтому они особенно дорожатъ и матеріальною близостію школы къ храму Божію, съ его службами, съ непосредственнымъ сосѣдствомъ священника-законоучителя.

Но вотъ потребность въ школахъ уже возрасла до того, что явилась необходимость заводить иныя школы, въ подмогу школамъ при церквахъ. Размножились искони существовавшія деревенскія школы, церковный характеръ коихъ обезпеченъ твердымъ преданіемъ и контролемъ самой деревни, нынѣ же огражденъ отъ всякихъ нарушеній этого характера обязательнымъ надзоромъ приходскаго духовенства. Но этого мало: въ обширныхъ приходахъ оказалось необходимымъ открытіе вторыхъ и третьихъ школъ съ полнымъ трехлѣтнимъ курсомъ начальныхъ училищъ, съ полноправнымъ учителемъ. По странной, но легко объяснимой аномаліи, эти добавочныя школы, возникающія, по силѣ вещей, вдали отъ церквей, по большей части церковно-приходскія. Объясняется это тѣмъ, что при церквахъ мѣста уже давно заняты школами земскими или министерскими, размноженіе коихъ предшествовало размноженію школъ церковныхъ. Обстоятельство это, разумѣется, затрудняетъ участіе причта въ преподаваніи при школахъ, спеціально имъ ввѣренныхъ; но, съ другой стороны, способствуетъ равномѣрности этого участія при школахъ всѣхъ наименованій.

Нѣтъ сомнѣнія, что удаленіе отъ церкви—одна изъ причинъ, наиболѣе тормозящихъ возникновеніе школъ полноправныхъ и многолюдныхъ,—ибо школы грамотности привлекаютъ лишь учениковъ самыхъ ближайшихъ. Но такъ какъ потребность въ начальномъ обученіи постоянно возрастаетъ, и всякая живая школа грамотности стремится, при первомъ стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, обратиться въ школу полноправную, то возникаетъ вопросъ, хватитъ ли въ ближайшемъ будущемъ силъ нашего сельскаго духовенства на исполненіе его школьныхъ обязанностей?

Вопросъ этотъ давно озабочиваетъ наше духовное начальство. Въ помощь священникамъ повсемѣстно назначаются діаконы, по возможности, изъ лицъ, практически знакомыхъ со школьнымъ дѣломъ. Привлекаются къ этому дѣлу и мало-мальски умѣлые причетники. Въ приходахъ обширныхъ и богатыхъ учащается назначеніе вторыхъ священниковъ.

Если всѣ эти мѣры для настоящей минуты и могутъ быть сочтены достаточными, то все-таки близко то время, когда школьное дѣло станетъ чахнуть, если размноженіе сельскихъ школъ не будетъ поддержано соотвѣтствующимъ умноженіемъ сельскихъ церквей.

Дѣйствительно, сельскихъ церквей у насъ слишкомъ мало. Пусть сельскій читатель вспомнитъ топографію извѣстныхъ ему

приходовъ, и ему неминуемо придетъ на умъ три-четыре пункта, крайне нуждающіеся въ новой церкви. Не одни школьныя соображенія ведутъ къ этому заключенію. Деревня, отстоящія на 15—20 верстъ отъ своего приходскаго храма, не составляютъ рѣдкости; зайдите зимой въ одну изъ нашихъ сельскихъ церквей: трудно отстоять службу отъ тѣсноты и духоты. Свѣчи гаснутъ отъ недостатка кислорода.

Дѣло въ томъ, что, какъ узнали мы изъ недавней переписи, въ теченіе ста лѣтъ сельское населеніе Россіи болѣе чѣмъ утроилось. Не имѣю данныхъ о количествѣ сельскихъ церквей въ концѣ прошлаго столѣтія. Но можно сказать съ увѣренностью, что съ тѣхъ поръ число ихъ далеко не удвоилось.

Большинство нашихъ сельскихъ погостовъ считаетъ свое существованіе вѣками. Нынѣшія каменныя ихъ церкви замѣнили цѣлый рядъ церквей деревянныхъ, обветшавшихъ или сгорѣвшихъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онѣ построены въ эпоху Екатерининскую и Александровскую, и вмѣстимость ихъ соотвѣтствуетъ потребностямъ временъ минувшихъ. Въ это недавнее прошлое сельское населеніе, еще крайне малочисленное, почти все располагалось вдоль рѣкъ по узкимъ полосамъ, очищеннымъ отъ лѣса. Всѣ же громадныя пространства, пролегающія между рѣками, были заняты сплошными лѣсами, владѣльческими и казенными, и питаемыми ими болотами. Сообразно этому расположились и погосты, и притомъ по большей части парами, по обоимъ берегамъ рѣкъ, на самыхъ населенныхъ пунктахъ ихъ теченія [1]. Это расположеніе церквей, вообще столь рѣдкихъ, увеличиваетъ ихъ отдаленіе отъ новыхъ поселеній и приходовъ. А таковыхъ возникло множество. Прежнія громадныя лѣсныя дачи, проданныя, вырубленныя и раздробленныя, замѣнились пахатною землей; постепенно высыхающія болота—покосами, и дали мѣсто многочисленнымъ новымъ деревнямъ и болѣе мелкимъ поселкамъ, основаннымъ выходцами изъ мѣстностей, болѣе густо населенныхъ. Особенно быстро размножились такія новыя поселенія за послѣднія тридцать лѣтъ. Такимъ образомъ увеличилось число прихожанъ старинныхъ погостовъ, независимо отъ повсемѣстнаго естественнаго прироста населенія.

Въ эпоху построенія всѣхъ этихъ церквей помѣстное наше

[1] Въ Бѣльскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Березѣ: Спасъ и Татево, Егорье и Рогалово; по р. Лушѣ: Глухово и Кострица, Травино и Топотово; по р. Обтѣ: Городокъ и Покровокъ, Верховье и Дунаево, Егорье и Голощапово и т. д.

дворянство, болѣе чѣмъ когда-либо, жило по деревнямъ. Смоленское же дворянство отличалось особеннымъ домосѣдствомъ. Въ то время всякій богатый помѣщикъ долгомъ считалъ украсить свою резиденцію каменнымъ храмомъ, по возможности благолѣпнымъ. Преданія о построеніяхъ этихъ въ изобиліи дошли до пишущаго эти строки, ибо всѣ церкви обширнаго округа Бѣльскаго уѣзда построены прямыми его предками (Пенскими, Потемкиными, Баратынскими, Рачинскими). Въ свое время онѣ считались достаточно обширными, и болѣе вниманія, чѣмъ на ихъ вмѣстимость, обращалось на ихъ своеобразіе и красоту. При этомъ давала себѣ полный просторъ фантазія строителя, не стѣсненная вмѣшательствомъ казенныхъ архитекторовъ. Такъ, въ селѣ Бобровкѣ (Ржевскаго уѣзда) планъ церкви представляетъ правильный трехугольникъ, отъ коего отрѣзано три малыхъ правильныхъ же треугольника, вмѣщающіе въ себѣ алтарь и два придѣла. Центральный шестиугольникъ увѣнчанъ высокимъ куполомъ. Столь же страненъ планъ церкви Пыжковской. Онъ представляетъ правильный кругъ, къ коему примыкаютъ два малыхъ круга, вмѣщающіе придѣлы. Промежутокъ между двумя малыми кругами составляетъ общій тремъ церквамъ притворъ. Всѣ эти затѣи, конечно, требовали такого количества кирпича, коего хватило бы на церкви вдвое болѣе просторныя. О построеніи Дунаевской церкви (самой величественной въ уѣздѣ до построенія новой церкви при стекольномъ заводѣ Ю. С. Мальцева, по плану академика Бенуа) существуетъ слѣдующее преданіе. Кирпичъ былъ заготовленъ въ имѣніи строителя (Б. А. Потемкина), верстахъ въ шести отъ мѣста построенія. Чтобы доставить на это мѣсто весь этотъ кирпичъ (не менѣе милліона), строитель собралъ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ и выстроилъ ихъ сплошнымъ рядомъ отъ кирпичнаго завода до мѣста закладки. Кирпичъ передавался изъ рукъ въ руки, безъ всякаго усилія, и весь былъ доставленъ на мѣсто въ три дня, которые были непрерывнымъ праздникомъ.

И нынѣ строятся церкви, хотя и болѣе скромныя, преимущественно на пожертвованія крестьянъ. Но строятся онѣ слишкомъ рѣдко. Богатые помѣщики покинули свои родовыя гнѣзда, или продали ихъ лѣсопромышленникамъ, въ нашихъ краяхъ, увы, по большей части—жидамъ! Это обстоятельство, разумѣется, значительно затрудняетъ церковностроительство, въ особенности же необходимое его дополненіе—отводъ для причта достаточнаго количества земли.

Это послѣднее условіе заслуживаетъ особаго вниманія. Можно сказать безъ преувеличенія, что на каждомъ пунктѣ, по своей населенности и условіямъ мѣстнымъ, дѣйствительно, нуждающемся въ церкви, таковая возникнетъ, если только найдется жертвователь, готовый надѣлить ее указнымъ количествомъ земли. Дѣло въ томъ, что тѣ немалыя денежныя средства, которыя требуются на построеніе храма, просторнаго и прочнаго, постоянно находятся, въ какой безвѣстной и бѣдной мѣстности ни предпринималась бы постройка. Для этого нуженъ только человѣкъ, готовый посвятить нѣсколько лѣтъ своей жизни на хожденіе по градамъ и весямъ нашего обширнаго отечества, для сбора копеекъ и рублей. Несомнѣнно, перепадутъ ему и сотни, и тысячи. А такіе люди, благодареніе Богу, на Руси еще не перевелись.

Обращаюсь съ этими соображеніями именно къ ревнителямъ школьнаго дѣла, ибо ревнители церковнаго строительства въ напоминаніяхъ моихъ не нуждаются.

Всякому искреннему ревнителю школьнаго дѣла необходимо сознать и помнить, что это дѣло, даже въ тѣхъ размѣрахъ, которые оно приняло нынѣ, безмѣрно превышаетъ силы всѣхъ органовъ правительства, завѣдующихъ школами, въ томъ числѣ и земства. Ибо дѣло это требуетъ надзора и руководства повсемѣстнаго и близкаго, постояннаго и авторитетнаго въ глазахъ населенія. Такой надзоръ, такое руководство посильны только органамъ церкви, только доховенству. Сплотить его ряды, поднять его нравственный уровень—должно быть заботой не одного духовнаго вѣдомства, но всякаго, кому близки интересы духовные. Школы, конечно, церковныя столь же необходимы духовенству, какъ духовенство школѣ. Расширеніе пастырской дѣятельности, налагаемое на наше сельское духовенство обстоятельствами времени, уже начинаетъ оказывать на него свое возвышающее дѣйствіе, и всѣ люди достатка матеріальнаго и мысленнаго обязаны поддерживать благое вѣяніе, поднявшееся въ лонѣ нашей церкви, въ связи съ повсемѣстнымъ размноженіемъ школъ.

Много толкуютъ о дополненіи слишкомъ бѣдной нашей школьной сѣти. Исправимъ, дополнимъ сѣть нашихъ сельскихъ приходовъ, и половина дѣла будетъ сдѣлана. Другая, еще болѣе трудная—медлительная и глубокая—побѣда надъ закоренѣлыми язвами нашего сельскаго духовенства. Но все превозмогаютъ любовь и терпѣніе. Не обличеніе падшихъ, не глумленіе надъ

зломъ тутъ нужно, но поддержка добра, но помощь погибающимъ. И тутъ наилучшею почвой дѣланія является та же школа, уже многихъ спасающая, многихъ отклоняющая отъ путей погибельныхъ.

Много толкуютъ нынѣ и о подъемѣ народной нравственности. Но нынче радѣтели этого дѣла возлагаютъ свои надежды на чайныя, на волшебные фонари, на невинныя гимнастическія увеселенія, на абсолютно невозможные въ сельскомъ быту народные театры, на попечительства о народной трезвости, въ своихъ уставахъ не идущія далѣе этихъ ребячливыхъ затѣй. И неужели никому не приходитъ на мысль, что съ роковыми пороками, разъѣдающими самую сердцевину народной жизни, можно бороться не поверхностными развлеченіями, а лишь подъемомъ и углубленіемъ народнаго духа? Не гимнастика и чай могутъ побороть кабакъ и винную лавку, а Церковь и освященная Церковью школа.

Безмѣрно и вѣчно значеніе Церкви, и отдѣльному мірянину не дано влiять на ея неисповѣдимыя судьбы. Но каждому изъ насъ дано, по мѣрѣ силъ, способствовать созиданію отдѣльныхъ ячеекъ, изъ коихъ слагается великое церковное тѣло. Эти ячейки—приходы, по преимуществу, сельскіе, несравненно крѣпче связующіе людей, чѣмъ быстро мѣняющіеся въ своемъ составѣ приходы городскіе. Безмѣрно дорога, въ этомъ смыслѣ, каждая кирпичина, каждая копейка, идущая на созданіе сельскаго храма.

Преходитъ образъ міра сего и въ смыслѣ матеріальномъ. Быстро исчезаютъ дремучіе лѣса, краса и слава нашего обширнаго сѣвера. На дѣвственной ихъ почвѣ быстро разростаются новыя поселенія, удаленныя отъ церквей и школъ, лишенныя между собою всякой духовной связи. Безотраденъ и сиротливъ видъ этихъ новыхъ поселковъ, вокругъ коихъ разрушена всякая красота естественная, не успѣло создаться никакой красоты культурной. При видѣ оголеннаго холмика, господствующаго надъ такою мѣстностью, невольно воображеніе создаетъ призракъ бѣлокаменной церкви, окруженной деревьями, не подлежащими вырубкѣ, и при ней просторной школы, отъ которой во всѣ стороны разбѣгаются протоптанныя ребятами тропинки. Нынѣ же сколь немногіе изъ этихъ ребятъ имѣютъ возможность переселяться на зимнее житье въ отдаленное село,—а безъ этого школьное обученіе для нихъ невозможно. Сколь

рѣдко остальные, сколь рѣдко ихъ родители попадають въ церковь? Земли куплены въ долгъ, приведеніе ихъ въ культурное состояніе требуетъ усиленныхъ, медлительныхъ трудовъ. Не скоро накопится избытокъ, позволяющій думать о построеніи храма. Но земли на это дѣло пока еще вдоволь, и почти вездѣ, при помощи человѣка убѣжденнаго и добраго, располагающаго хотя малыми денежными средствами, можетъ быть приступлено къ дѣлу.

„Нужно стремиться къ невозможному для того, чтобы достигнуть возможнаго", говаривалъ мой покойный землякъ А. А. Лярскій, оставившій по себѣ, въ имѣніи своемъ подъ Смоленскомъ, великолѣпную церковь, построенную по плану римскаго Пантеона. Въ дѣлѣ же церковнаго строенія, какъ убѣдили меня долголѣтнія наблюденія, всякая невозможность оказывается лишь мнимою. Тотъ даръ „матеріализаціи", который напрасно приписываютъ себѣ профессіональные медіумы, ниспосланъ Богомъ людямъ благой воли и неуклоннаго терпѣнія. Тѣ призрачныя церкви и школы, тѣ новыя дубравы, которыя невольно рисуетъ намъ неугомонное воображеніе, онѣ въ дѣйствительности украсятъ оголенныя вершины холмовъ, осѣнятъ и просвѣтятъ сиротѣющіе поселки, если только сосредоточить наши мысли, наше хотѣніе, на существенномъ и главномъ, къ чему приложилось бы все прочее—на размноженіи церквей.

С. Рачинскій.

ВИДѢНІЕ ІАКОВА.

На поле палъ ночной туманъ.
Вечерній вѣтеръ, какъ забвенье,
Унесъ дневное треволненье,
И запоздалый караванъ
Спѣшитъ въ сосѣднее селенье.
По дальнему пути въ Харанъ
Идетъ Іаковъ одинокій;
Во мглѣ бѣлѣетъ путь широкій;
Темно и поздно. Онъ усталъ.
Погасъ зари багровый пламень;
Одежду на земь онъ постлалъ,
Подъ изголовье встрѣчный камень
Онъ взялъ и легъ.
И чудный сонъ
По волѣ Бога видѣлъ онъ.

Неисчислимыхъ звѣздъ живыя миріады
Въ лазури теплились, какъ ясныя лампады;
Вдругъ дуновеніе прошло по небесамъ...
Созвѣздья дрогнули,—что̀ искры огневыя,—
И вихрятся онѣ какъ пчелы золотыя,
И млечнымъ облакомъ клубится фиміамъ...
Внезапно какъ шатеръ отверзлась тайнъ пучина
И съ высоты высотъ до дремлющей земли
Чудесныхъ два луча, горя какъ жаръ, текли;
Изъ лона Божества, вселенной Властелина,
Они текли: и былъ одинъ—*Лучомъ Любви*,
Другой же былъ *Лучомъ Премудрости, Познанья*.
И вотъ, планетъ, свѣтилъ, созвѣздій всѣхъ рои
Простерлись нитями алмазными межъ ними,—

Блестящей лѣстницы ступенями живыми...
И свѣтожарною сверкають тамъ игрой
Стожары, Оріонъ, лучи Альдеборана...
Внизу, подъ лѣстницей, и мракъ и мгла тумана,—
Но вверхъ она ведетъ свѣтлѣющей стезей,
Туда, гдѣ вѣчный свѣтъ съ немеркнущей зарей...
И духи, ангелы,—безплотныя видѣнья,
По чудной лѣстницѣ,—какъ вереницы грезъ,—
Одни—спускаются въ долину тьмы и слезъ,
Другіе—вверхъ идутъ. И мѣрно ихъ теченье,
Какъ міровой законъ, по волѣ Провидѣнья...
Въ беззвучномъ забытьи внимаетъ имъ просторъ;
Могучей жизни гимнъ пѣлъ *восходящій* хоръ:

„Идемъ, идемъ! влечетъ насъ Лучъ Познанья,
„Какой тамъ свѣтъ вверху!
„Что слезы намъ? Живитъ насъ упованье,—
„Не подпадемъ грѣху...
„Ступенью вверхъ намъ служатъ испытанья,
„Но перейдя чрезъ долгія страданья,—
„И чище, и яснѣй
„Подымемся изъ мрака и скорбей...

„Откройся намъ, о тайна дорогая,—
„Одна ты счастье дашь!
„Все бренное съ презрѣньемъ сожигая,
„Окрѣпни разумъ нашъ!
„Боль не страшна,—лишь плоть одну пугая,
„Безсмертный духъ всечасно развивая,
„Безъ устали идемъ;
„Пусть вознесетъ насъ мужество крыломъ...

„Изъ жизни въ жизнь, изъ сферы звѣздной въ сферу
„Стремимся безъ конца;
„Свѣтлѣютъ наши ризы, ждемъ вѣнца,—
„Ужъ знаніе намъ подтверждаетъ вѣру,
„Мы чувствуемъ Творца!..“

И замеръ въ забытьи, внимая имъ просторъ.—
Любви же вѣчной гимнъ пѣлъ *нисходящій* хоръ:

„Мы жизнь и смерть прозрѣли вдохновенно.
„Нѣтъ тайнъ для насъ, границъ нѣтъ во вселенной.

„Нисходимъ съ Божіимъ лучемъ любви.
„Мы отдаемъ себя на жертву вольно.
„И всеобъемлющей душѣ не больно,—
„Хоть мы идемъ средь тернія, въ крови...
„Насъ унижаютъ люди,—мы ихъ любимъ,
„Ихъ какъ дѣтей невѣдущихъ голубимъ,
„Мы имъ одни помощники въ борьбѣ;
„Чрезъ нашу смерть свѣтлѣетъ ихъ дорога...
„Какъ радуга мы отражаемъ Бога,
„И снова Онъ насъ привлечетъ къ себѣ...
„О, Свѣта Свѣтъ, потонемъ мы въ Тебѣ!..“

И вотъ вселенная отъ счастья задрожала...
Умолкли ангелы и музыка свѣтилъ...
Одною молніей все небо засверкало...
Еще мгновеніе и все бъ испепелилъ
Невыносимый блескъ... Сквозя чрезъ покрывало
Небесъ, слѣпило, жгло сіянье безъ конца...—
Тò дивный отблескъ былъ отъ Божьяго лица!..

Когда Іаковъ потрясенный
Возсталъ, шатаясь, ото сна,
Царила мрака глубина.
Но сохранилъ въ душѣ смущенной
Онъ Господа святой обѣтъ:
„Іаковъ, знай мои законы,
„И вѣрно исполняй завѣтъ...“

Графиня Ина Капнистъ.

ГЕНЕРАЛЪ МОРО
ВЪ РУССКИХЪ ВОЙСКАХЪ.

(Изъ бумагъ А. Н. Попова [1]).

Бурное время почти непрерывныхъ войнъ, наступившее послѣ французской революціи, вывело на поприще дѣйствій много замѣчательныхъ военачальниковъ. Сила военнаго генія Бонапарта подавила всѣхъ другихъ, и величіе его подвиговъ умалило, часто несправедливо, подвиги его боевыхъ сотрудниковъ и противниковъ. Какъ вниманіе современниковъ постоянно сосредоточивалось на Наполеонѣ, такъ и потомки долго шли по тому же направленію и превратили исторію въ поэтическую легенду объ этомъ геніальномъ человѣкѣ. Только съ недавняго времени историческая истина начинаетъ вступать въ свои права и каждому изъ дѣятелей этой эпохи воздавать должное. Дѣйствія многихъ изъ нихъ не только не цѣнились по достоинству, но искажались безусловными поклонниками Наполеона. Такую судьбу испытывали тѣ, которыхъ ненавидѣлъ, гналъ и преслѣдовалъ всѣми средствами, не исключая лжи и клеветы, самъ Наполеонъ. Къ ихъ числу принадлежитъ и генералъ Моро.

[1] Скончавшійся въ 1877 г., тайный совѣтникъ Александръ Николаевичъ Поповъ занимался разработкой исторіи 1812 г., на основаніи новыхъ, доселѣ не тронутыхъ, архивныхъ документовъ. Смерть вырвала перо изъ его рукъ, и задуманный имъ обширный трудъ остался неоконченнымъ. Печатаемая нами нынѣ статья его представляетъ одинъ изъ отдѣльныхъ эпизодовъ этого замѣчательнаго историческаго изслѣдованія Статья доставлена намъ двоюроднымъ братомъ покойнаго, Павломъ Николаевичемъ Цуриковымъ. *Ред.*

I.

Моро родился въ Бретани въ 1761 г., его отецъ былъ гражданскимъ чиновникомъ и для того же поприща приготовлялъ сына. „Я посвящалъ свои занятія изученію законовъ",—говоритъ Моро,—„когда началась революція, которая должна была основать свободу французскаго народа. Она измѣнила мое призваніе, и я посвятилъ себя военному дѣлу. Не честолюбіе увлекло меня въ среду воиновъ свободы, но уваженіе къ правамъ народа: я сдѣлался солдатомъ потому, что былъ гражданиномъ". Двадцати лѣтъ онъ вступилъ въ военную службу и чрезъ 12 съ небольшимъ лѣтъ уже получилъ званіе дивизіоннаго генерала въ сѣверной арміи, находившейся подъ начальствомъ Пишегрю. „Я повышался довольно быстро по службѣ, — разсказываетъ самъ Моро, — но всегда изъ чина въ чинъ, не перескакивалъ ни одного, постоянно служа отечеству и не мстя тѣмъ, въ рукахъ которыхъ находилась власть".

Пишегрю былъ ровестникъ Моро. Революціонныя волненія вывели его такъ же случайно съ педагогическаго поприща на военное, на которомъ онъ выказалъ блестящія дарованія и быстро возвысился до степени главнокомандующаго. Такъ же, какъ и Моро, его дѣйствіями руководила любовь къ отечеству и свободѣ; онъ не только не льстилъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ была власть, но ненавидѣлъ произволъ и безначаліе кровожаднаго правительства революціонной Франціи того времени. Когда конвентъ постановилъ закономъ убивать всѣхъ плѣнныхъ непріятелей и строго предписывалъ исполнять это своимъ военачальникамъ, Пишегрю находилъ способы вовсе не исполнять позорнаго закона во все время дѣйствій сѣверной арміи, окончившихся пораженіемъ союзниковъ и завоеваніемъ всей Голландіи (1794 года). Моро не только принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, подъ руководствомъ Пишегрю, но и сблизился со своимъ начальникомъ. Сходство въ направленіи, въ личныхъ качествахъ и во взглядахъ на современное положеніе ихъ отечества, послужило основаніемъ къ ихъ сближенію. Оно укрѣпилось еще болѣе вслѣдствіе одного обстоятельства, лично касавшагося Моро, которое могло имѣть роковое вліяніе на его судьбу. Старика, его отца, котораго называли „отцемъ всѣхъ бѣдныхъ", безъ сомнѣнія не сочувствовавшаго звѣрскимъ дѣйствіямъ правительственныхъ лицъ, каз-

нили, какъ измѣнника, только по этому поводу. Ужасная кончина отца сильно поразила молодаго генерала Моро. Онъ задумалъ оставить отечество и открылъ свое намѣреніе Пишегрю.

Несмотря на сходство въ образѣ мыслей, характеры этихъ двухъ лицъ были различны. Пишегрю былъ истый сынъ революціи. Мысль оставить отечество и обречь себя на бездѣйствіе никогда не могла придти въ его голову; онъ не только желалъ дѣйствовать, но считалъ себя способнымъ руководить событіями для блага отечества. Характеръ Моро былъ совершенно иной: онъ не считалъ себя политическимъ дѣятелемъ, шелъ за событіями, сохраняя свои нравственныя качества и служа отечеству на частномъ поприщѣ военной дѣятельности, которой посвятилъ себя съ полнымъ увлеченіемъ. Пишегрю уговорилъ Моро отказаться отъ своего намѣренія, увлекая его мыслію о любви къ отечеству и чувствомъ долга и предвѣщая, что правительство Франціи не можетъ долго оставаться въ рукахъ недостойныхъ людей и должно измѣниться. Приготовлялъ ли онъ себѣ способнаго сотрудника для будущихъ дѣйствій, или для блага отечества желалъ удержать достойнаго человѣка въ его нѣдрахъ, во всякомъ случаѣ совѣты Пишегрю произвели дѣйствіе. Моро отложилъ свое намѣреніе и дѣятельно продолжалъ службу. Скоро послѣдовала перемѣна въ правительствѣ, какъ бы подтверждавшая мнѣніе Пишегрю; а его отозваніе на Рейнъ давало болѣе широкое поприще для дѣятельности Моро.

Сѣверная армія оставалась подъ начальствомъ Пишегрю, но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство ввѣрило ему также и рейнскую армію, къ которой онъ отправился, поручивъ Моро начальство надъ сѣверною арміей и оставивъ Журдана начальникомъ соединенной съ нею арміи Самбры и Мёзы. Послѣ блестящей компаніи въ Голландіи, дѣйствія Пишегрю на Рейнѣ были неудачны и возбудили подозрѣніе революціоннаго правительства, зорко слѣдившаго, посредствомъ своихъ комиссаровъ, за дѣйствіями главнокомандующихъ. Подозрѣнія въ этомъ случаѣ оказались впослѣдствіи основательными. Главная квартира рейнской арміи находилась въ Альткиркѣ, и почти въ виду предъ нею въ Бризгау помѣщалась главная квартира корпуса войскъ принца Конде, который вошелъ въ тайныя сношенія съ Пишегрю. Негодовавшій на неистовства революціоннаго правительства, полагая, что Франція неспособна сдѣлаться республикой, французскій главнокомандующій задумалъ повторить образъ дѣйствій Монка, возстановить монархію, и получилъ на то пол-

номочіе Людовика XVIII (comte de Lille). Военныя дѣйствія арміи Пишегрю соотвѣтствовали его намѣреніямъ. Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ и даже неудачныхъ дѣйствій, онъ отступилъ за Рейнъ. Правительство вызвало Пишегрю въ Парижъ, а начальство надъ рейнскою арміей предоставило генералу Моро (1795 г.).

Несмотря на близкія отношенія къ Пишегрю, едвали онъ зналъ о его замыслахъ, которымъ во всякомъ случаѣ не сочувствовалъ. Не обладая ни рѣшительнымъ характеромъ, какъ онъ, ни способностью увлекаться, хладнокровный и разсчетливый Моро не могъ отъ одной крайности быстро перейти въ другую и сдѣлаться изъ яраго революціонера монархистомъ стараго порядка, какъ Пишегрю. Онъ одинаково съ нимъ ненавидѣлъ произволъ, но защищалъ свободу въ предѣлахъ закона и полагалъ, что Франція можетъ ея достигнуть. Званіе главнокомандующаго давало ему всѣ способы выразить свои военныя познанія и дарованія.

Директорія, недовольная отступленіемъ Пишегрю за Рейнъ, требовала отъ его преемника наступательныхъ дѣйствій. Несмотря на силы австрійцевъ, подкрѣпленныхъ корпусомъ принца Конде, силы значительно превышавшія числомъ армію Моро, онъ долженъ былъ исполнить волю директоріи. Французская республика могла однакоже располагать силами въ это время на Рейнѣ, не меньшеми по числу войскъ въ сравненіи съ австрійцами, послѣ того, какъ успѣхи Бонапарта въ сѣверной Италіи вынудили вѣнское правительство двинуть туда на помощь своимъ разбитымъ войскамъ армію фельдмаршала Вурмзера. Это обстоятельство, съ одной стороны, уравновѣшивало силы противниковъ, а съ другой, вынуждало австрійцевъ дѣйствовать лишь оборонительно. Но по военному плану Директоріи французскія войска были раздѣлены на двѣ арміи, подъ начальствомъ независимыхъ одинъ отъ другаго главнокомандующихъ, и должны были дѣйствовать во фланги непріятеля, подвигаясь въ глубь Германіи по долинамъ Майна и Неккера къ Дунаю. Армія Самбры и Мёзы, въ числѣ 40 тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Журдана, должна была перейти Рейнъ у Дюссельдорфа; армія Моро, состоявшая изъ 71 тысячи, у Страсбурга. Такой образъ дѣйствій давалъ возможность главнокомандующему противной стороны сосредоточить свои силы и, смотря по обстоятельствамъ, направить ихъ на одну изъ армій республики, подавить ее количествомъ войскъ и потомъ обратиться

противъ другой. Послѣ отъѣзда Вурмзера въ Италію австрійскими войсками начальствовалъ одинъ главнокомандующій, еще молодой въ то время, эрцгерцогъ Карлъ, пріобрѣтшій потомъ извѣстность замѣчательнаго военачальника, который могъ, конечно, воспользоваться выгодами ошибочнаго военнаго плана, начертаннаго Директоріей. Если не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ онъ воспользовался имъ въ значительной степени.

Наблюдая за Майнцемъ и двигаясь къ Лану, Журданъ былъ разбитъ эрцгерцогомъ Карломъ при Ветуларѣ и долженъ былъ отступить. Чтобы оправдать пораженія, въ которыхъ не любятъ признаваться французы, они приписываютъ движенію Журдана то важное значеніе, что онъ отвлекъ вниманіе австрійскаго главнокомандующаго отъ Страсбурга, гдѣ Моро съ полнымъ успѣхомъ совершилъ переправу своей арміи черезъ Рейнъ. Но у австрійцевъ было достаточно силъ, чтобы, если не воспрепятствовать, то во всякомъ случаѣ затруднить переправу у Страсбурга, еслибы они успѣли соединить противъ него свои разбросанныя на значительномъ протяженіи по берегу Рейна войска. Очевидно, успѣхъ переправы Рейнско-Мозельской арміи, совершенной скрытно отъ непріятеля, смѣло и въ полномъ порядкѣ, зависѣлъ отъ обдуманныхъ съ предусмотрительностью распоряженій генерала Моро. За первою удачей послѣдовали и другія. Несамонадѣянный, неспособный къ безразсчетному увлеченію, онъ не бросился на разсѣянныя части непріятельскихъ войскъ, чтобы разбить каждую изъ нихъ порознь; но, предусматривая дальнѣйшія дѣйствія едва начатаго похода и не полагаясь на случай и свою непогрѣшимость, прежде всего сосредоточилъ свои войска, какъ и слѣдовало главнокомандующему, который дѣйствуетъ не для достиженія личныхъ цѣлей, а для пользы и славы отечества. Между тѣмъ вѣсть о переправѣ черезъ Рейнъ арміи Моро дошла до эрцгерцога. Заставивъ отступить Журдана, онъ оставилъ у Майнца значительный отрядъ (27 тыс.), другой на берегахъ Лана (36 тысячъ), чтобы удерживать его, еслибъ онъ снова началъ наступательныя дѣйствія, а самъ усиленными переходами съ 25-ю тысячнымъ корпусомъ пошелъ на помощь Латуру, находившемуся противъ Моро и потерпѣвшему уже неудачу при рѣкѣ Мурѣ. Цѣль дѣйствій Моро заключалась въ томъ, чтобы овладѣть дорогой, которая отъ Раштадта вела въ долину Неккера, а въ то же время сообразовать свои дѣйствія съ Журданомъ и не терять изъ виду, исполняя наставленія Директоріи, возможности сближенія съ

италіянскою арміей. При этомъ условіи слѣдовало съ одной стороны растянуть линію, а съ другой не слишкомъ разбросать свои войска, постоянно сохраняя подъ рукой достаточное количество, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ непріятеля. Эту, повидимому, неисполнимую задачу, могъ исполнить съ успѣхомъ только хладнокровный, дальновидный и осторожный въ своихъ дѣйствіяхъ военачальникъ. Моро выдержалъ сраженіе при Раштадтѣ въ концѣ іюля съ эрцгерцогомъ, который пришелъ уже на помощь къ Латуру. Это сраженіе австрійцы считаютъ побѣдой, а французы — сраженіемъ нерѣшительнымъ, и едвали не потому только, что эрцгерцогъ отступилъ. Но это отступленіе не было вынужденнымъ и совершалось медленно и въ величайшемъ порядкѣ. Цѣль австрійскаго полководца заключалась лишь въ томъ, чтобы оградить отъ вторженія только имперскія владѣнія Габсбурговъ, а не вообще Германію, и потому онъ шелъ къ Дунаю. По его пятамъ, преодолѣвая препятствія, велъ свою армію Моро. Но въ то время, когда австрійцы приближались къ своимъ средствамъ содержанія войскъ и пополненія убыли въ людяхъ и боевыхъ запасахъ, французы удалялись отъ своихъ болѣе и болѣе. Это обстоятельство входило въ соображенія Моро и, конечно, вынуждало его дѣйствовать съ крайнею осмотрительностію. Онъ убѣждался постепенно, что его противникъ не изъ страха отступаетъ предъ побѣдителемъ, но, напротивъ, умышленно ведетъ его за собою въ глубь Германіи, къ границамъ имперіи. Только успѣшныя дѣйствія арміи Журдана могли отвратить угрожавшую ему опасность, и онъ зорко слѣдилъ за ними.

Узнавъ объ отступленіи эрцгерцога Карла и, полагая, что къ этому движенію принудили его дѣйствія рейнской арміи, Журданъ началъ снова наступать. Эрцгерцогъ предписалъ Вартенслебену, находившемуся противъ Журдана, отступать къ Дунаю, оставивъ гарнизоны въ Майнѣ, Касселѣ, Эренбрстштейнѣ и Мангеймѣ. Журданъ долженъ былъ оставить болѣе трети своихъ войскъ для блокады этихъ крѣпостей и съ 46 тыс. двинулся впередъ противъ Вартенслебена, располагавшаго почти такимъ же количествомъ войскъ, но его разсчитывалъ подкрѣпить эрцгерцогъ и выжидалъ только благопріятныхъ обстоятельствъ. Между тѣмъ Моро подвигался впередъ. При Констатѣ онъ выдержалъ съ успѣхомъ упорное сраженіе, проникъ въ долину Неккера и трудными горными проходами вышелъ къ концу іюля къ Дунаю, за которымъ была расположена австрійская армія.

Эрцгерцогъ поджидалъ прихода Вартенслебена, чтобы сосредоточить всѣ войска. Въ это время Журданъ выигралъ сраженіе при Фридбергѣ, занялъ Франкфуртъ, Варцбургъ и вышелъ на берега Нааба, притока Дуная, почти на одну высоту съ Моро. Опасаясь соединенія французскихъ армій и, получивъ извѣстіе, оказавшееся впослѣдствіи несправедливымъ, о неправильномъ движеніи Вартенслебена, чтобы закрыть Богемію, удалявшемъ его отъ войскъ эрцгерцога, онъ рѣшился выдти изъ выжидательнаго положенія, напасть сначала на Моро, а потомъ спѣшить на помощь Вартенслебену и дѣйствовать противъ арміи Журдана. Перейти Дунай, дать сраженіе искусному противнику, имѣя въ тылу эту рѣку, было предпріятіемъ смѣлымъ, которое въ случаѣ неудачи могло повлечь за собою большія бѣдствія. Но упорная битва при Нересгеймѣ, хотя осталась нерѣшительною и обѣ враждующія стороны сохранили свои позиціи, однакоже впослѣдствіи обратилась въ пользу австрійцевъ. Эрцгерцогъ не продолжалъ наступленія, переправился затѣмъ снова черезъ Дунай въ полномъ порядкѣ, и нѣсколько дней наблюдалъ, что предприметъ его противникъ. Моро, устраивая войска послѣ упорнаго сраженія, былъ особенно озабоченъ тѣмъ, что австрійцы, обойдя его правый флангъ и достигнувъ до Геденгейма, угрожали его тылу. Это нападеніе произвело такую тревогу, что всѣ его парки и обозы должны были отступить. Въ ожиданіи ихъ прибытія Моро не могъ предпринять наступательныхъ дѣйствій. Воспользовавшись его бездѣйствіемъ, эрцгерцогъ, оставивъ противъ него Латура съ 36 тыс. войскомъ, самъ съ 25 тыс. пошелъ на помощь Вартенслебену, который не удалялся къ Богеміи, а стоялъ противъ Журдана, при рѣкѣ Наабѣ. Въ началѣ августа (4) эрцгерцогъ двинулся отъ Негальштадта и встрѣтилъ отрядъ Бернадота у Неймарка, котораго Журданъ послалъ, чтобы войти въ сообщеніе съ Моро, разбилъ его и отбросилъ къ Нюренбергу. Пославъ отрядъ для его преслѣдованія, онъ со всѣми силами пошелъ противъ Журдана и, соединившись съ Вартенслебеномъ, разбилъ его при Амберѣ, потомъ при Вюрцбургѣ, и принудилъ къ поспѣшному отступленію за Рейнъ. Моро нѣсколько дней находился въ полномъ невѣдѣніи о дѣйствіяхъ эрцгерцога, но и узнавъ, не могъ идти на помощь Журдану къ Майну, не разрушая плана дѣйствій, предписанныхъ ему Директоріей, удаляясь отъ италіанской арміи и подвергая опасности свои пути сообщенія съ Рейномъ на Страсбургъ, которыя могли перервать войска Латура. Получивъ извѣстіе

о первыхъ дѣйствіяхъ эрцгерцога противъ Журдана, онъ двинулся впередъ, перешелъ Дунай и достигъ Леха у Мюнхена, въ надеждѣ снова привлечь на себя эрцгерцога и облегчить Журдану возможность сопротивляться непріятелю. Въ то время, когда австрійскія войска отступали въ порядкѣ, давая ему возможность все болѣе вдаваться внутрь враждебной страны, онъ попытался было, оставивъ часть своихъ войскъ противъ Латура, идти на помощь Журдану, но вѣсть о совершенномъ пораженіи арміи Самбры и Мёзы и объ отступленіи Журдана за Рейнъ вынудила его прекратить наступательныя дѣйствія. Его войска могли быть поставлены въ крайне затруднительное положеніе. Двинувшись къ Неккеру, торжествующій эрцгерцогъ могъ отрѣзать его отъ Франціи и окружить со всѣхъ сторонъ въ странѣ враждебно настроенной противъ французовъ. Таково было общее мнѣніе какъ Европы, такъ и Франціи, лишь только сдѣлалось извѣстнымъ положеніе военныхъ дѣлъ въ Германіи. Армію Моро считали погибшею, и эту участь подготовилъ ей планъ военныхъ дѣйствій, предписанный Директоріей обоимъ главнокомандующимъ французскими арміями въ Германіи. Въ то время, когда Бонапартъ торжествовалъ цѣлымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ надъ австрійцами въ Италіи, армія Журдана была разбита и отброшена за Рейнъ, армія Моро поставлена въ безвыходное положеніе.

Оказавшись въ такомъ положеніи, Моро не смутился, не потерялъ времени на размышленіе, но рѣшился немедленно отступить, и, послѣ нѣсколькихъ удачно выдержанныхъ битвъ, провелъ армію безъ значительныхъ потерь въ Страсбургъ. Эта кампанія прославила въ Европѣ молодого эрцгерцога. Но и Франція была чрезвычайно довольна, что Моро спасъ армію, поставленную въ опасное положеніе въ Баваріи. О ея судьбѣ чрезвычайно заботились, особенно послѣ того, какъ дошли вѣсти объ отступленіи Журдана. Подвигами Бонапарта въ Италіи гордились; его слава возросла до послѣдней степени; но, предчувствуя характеръ молодого полководца, его славой начинали уже тяготиться, опасаясь притязаній его самолюбія. Дѣйствія Моро дали возможность выставить нѣкоторымъ партіямъ рядомъ съ нимъ другаго полководца, и его дѣйствительно блистательно совершенное отступленіе превозносили до небесъ и сравнивали съ отступленіемъ 10 тысячъ Ксенофонта. Но обстоятельство совершенно случайное вдругъ заподозрило Моро въ глазахъ республиканскаго правительства.

II.

Директорія, отозвавъ Пишегрю отъ начальства надъ Рейнскою арміей, подозрѣвала его; но, не имѣя достаточныхъ доказательствъ, чтобы явно обличить его въ преступныхъ дѣйствіяхъ, должна была скрывать свои подозрѣнія. Конечно, Пишегрю еще болѣе сблизился съ недовольными республиканскимъ правленіемъ и, несмотря на то, что лишился такого могущественнаго орудія для дѣйствія, какъ преданная ему армія, не оставилъ своихъ замысловъ. Онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы, оставилъ Парижъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно продать свое военное имущество, и отправился на свою родину въ Юру. Оттуда онъ продолжалъ тайныя сношенія черезъ Страсбургъ какъ съ принцемъ Конде, такъ и съ Виккамомъ, великобританскимъ посланникомъ въ Швейцаріи. Хотя его отставка и запозрила его въ глазахъ Бурбоновъ и англійскаго министерства, однако они продолжали съ нимъ сношенія, разсчитывая на то, что онъ подготовитъ общественное мнѣніе въ пользу реставраціи прежней монархіи внутри Франціи, вмѣстѣ съ другими ихъ агентами даже въ средѣ самихъ правительственныхъ лицъ. Поводомъ къ тому, кромѣ увѣреній самого Пишегрю, послужило и то обстоятельство, что онъ былъ избранъ представителемъ отъ Юры и вошелъ въ совѣтъ *пятисотъ*. Въ такомъ положеніи онъ, конечно, имѣлъ болѣе возможности подготовить задуманный имъ переворотъ. Что же касается войскъ, то онъ увѣрялъ Бурбоновъ, что стòитъ только рейнской арміи потерпѣть нѣсколько неудачъ, чтобы она возмутилась противъ своего главнокомандующаго и потребовала возвращенія прежняго. Съ этою цѣлью онъ даже помогалъ врагамъ Франціи, осаждавшимъ Кель, доставляя имъ различныя свѣдѣнія о рейнской арміи и военныхъ соображеніяхъ ея главнокомандующаго. Но самъ онъ едва ли полагался на этотъ разсчетъ. Онъ близко зналъ Моро, не надѣялся на его сочувствіе къ своимъ замысламъ и даже предостерегалъ Бурбоновъ и англичанъ отъ всякихъ сношеній съ нимъ. Не менѣе ему были извѣстны и военныя качества Моро, котораго трудно было поставить въ такое положеніе, чтобы противники могли нанести ему значительное пораженіе, и которому вполнѣ была предана армія. Онъ разсчитывалъ создать новую военную силу въ лицѣ національной гвардіи, которую думалъ подчинить себѣ и увлечь въ свои планы. Недовольныхъ современ-

нымъ правительствомъ Франціи было очень много, и потому исполненіе подобнаго замысла могло представляться вѣроятнымъ. Но эта вѣроятность и должна была возбудить все вниманіе Директоріи, и такъ уже подозрительно слѣдившей за дѣйствіями Пишегрю въ то время, когда Людовикъ XVIII собственноручными письмами ввѣрилъ ему „во всей полнотѣ свою власть и свои права“ и вѣрилъ, что ему „предоставлена честь возстановить монархію во Франціи“ [1].

Два новыхъ обстоятельства не только усилили подозрѣнія Директоріи, но окончательно убѣдили ее въ замыслахъ Пишегрю.

Корпусъ принца Конде стоялъ на Рейнѣ и дѣйствовалъ заодно съ австрійцами противъ Франціи; Людовикъ XVIII странствовалъ по Европѣ, перемѣняя мѣстопребываніе, смотря по обстоятельствамъ политическимъ; герцогъ Д'Артуа былъ въ Англіи, которая снабжала деньгами роялистовъ. Многочисленные эмигранты наполнили всѣ европейскіе дворы и стремились къ возстановленію монархіи; ихъ агенты были разсѣяны по всей Франціи и подготовляли общественное мнѣніе. Республиканское правительство, конечно, смотрѣло на ихъ дѣйствія, какъ на козни и заговоры противъ существовавшаго порядка, а на нихъ какъ за государственныхъ преступниковъ. Въ началѣ 1797 года былъ открытъ такой заговоръ въ Парижѣ, виновные присуждены къ наказанію, исключая одного, который выдалъ своихъ и сообщилъ Директоріи всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія о дѣйствіяхъ роялистовъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что они распространяютъ свои дѣйствія на одну изъ армій республики, но не зналъ о сношеніяхъ Пишегрю. Хотя онъ не называлъ его по имени, но, конечно, это показаніе усилило въ отношеніи къ нему подозрѣнія Директоріи, подкрѣпляемыя его дѣйствіями въ обществѣ и въ совѣтѣ 500, гдѣ онъ проводилъ проектъ устройства національной гвардіи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя къ этому обстоятельству присоединилось и другое. Во время хищническаго набѣга на Венецію, положившаго конецъ существованію этой старой республики, Бонапарту попался въ плѣнъ одинъ агентъ роялистовъ, въ бумагахъ котораго была найдена весьма важная по содержанію записка. Въ ней заключался подробный разсказъ о разговорѣ этого агента (comte D'Entraigues) съ гр. Мангальяромъ, который велъ первые переговоры съ Пишегрю по по-

[1] Письма Людовика XVIII къ Пишегрю 24 мая и 9 іюня н. ст. 1796 г. Alph. de Beauchamp, vie de Moreau, Paris, 1814, стр. 242—244.

рученію принца Конде. Этой записки, которую Бонапартъ поспѣшилъ доставить Директоріи, было совершенно достаточно для того, чтобы убѣдить ее въ преступныхъ дѣйствіяхъ Пишегрю, но она не могла служить юридическимъ доказательствомъ къ его обвиненію законнымъ порядкомъ. Директорія не могла предать его суду въ виду той силы, съ которою дѣйствовали противъ нея оппозиціонные представители, настаивая особенно на утвержденіи закона о національной гвардіи, проводимаго усиліями Пишегрю. Судъ могъ оправдать его и тѣмъ придать еще бо́льшее значеніе его вліянію на другихъ. Поэтому Директорія рѣшилась произвести государственный переворотъ. 4-го сентября 1797 года (18 fructidor an 7) значительное число представителей было схвачено вооруженною силой, и на другой же день Пишегрю съ нѣсколькими другими былъ сосланъ въ Гвіану.

Между тѣмъ военныя дѣйствія на Рейнѣ продолжались. Изнуренная труднымъ отступленіемъ, армія Моро не могла защитить неустроенныхъ окончательно укрѣпленій Келя и мостоваго укрѣпленія при Гуннигѣ. Ему удалось однако же спасти честь оружія и, отразивъ нападенія сильнѣйшаго въ сравненіи съ нимъ непріятеля, переправить войска за Рейнъ. Устроивъ свою главную квартиру въ Страсбургѣ, Моро сосредоточилъ все вниманіе на приведеніи въ порядокъ и переустройствѣ рейнской арміи, но Директорія не могла оказать ему достаточнаго пособія, потому что финансы республики находились въ постоянномъ разстройствѣ. Въ этомъ отношеніи арміи рейнская Самбры, и Мёзы были поставлены въ болѣе затруднительное положеніе въ сравненіи съ итальянскою. Благодаря огромнымъ контрибуціямъ и безпощадному грабежу, допущенному Бонапартомъ, который не только высказывалъ какъ правило, что война сама должна себя содержать, но заготовлялъ деньги и для будущихъ предпріятій, зная, что правительство не въ состояніи ег оснабдить ими,—его войска не только ни въ чемъ не нуждались, но жили роскошно, и слухъ о ихъ благоденствіи волновалъ другія арміи. Когда Журданъ занялъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, обложилъ его незначительною контрибуціей и строго запретилъ грабежъ, войска волновались, указывали на итальянскую армію и завидовали ея положенію. Положеніе рейнской арміи было еще хуже. По ходу военныхъ дѣлъ Моро ни съ кого не могъ взять контрибуціи, а грабежъ онъ также не допускалъ.

Преодолѣвая всѣми способами недостатокъ въ содержаніи войскъ, онъ не только не имѣлъ возможности вполнѣ пополнить

потерю въ людяхъ, но безпрекословно согласился удѣлить отъ своихъ войскъ 30-тысячный корпусъ, предназначенный, по соображеніямъ Директоріи о военныхъ дѣйствіяхъ на будущій годъ для усиленія итальянской арміи. Моро не завидовалъ успѣхамъ Бонапарта и охотно имъ содѣйствовалъ для общихъ видовъ республики. Онъ служилъ имъ, но не думалъ захватить ихъ исключительно въ свои руки, руководить судьбами Франціи и съ этою цѣлью поставить себя въ такое положеніе, чтобы сдѣлаться единственнымъ человѣкомъ, который могъ бы вывести ее изъ затруднительнаго положенія, въ какомъ находилась она, угрожаемая постоянно внутренними и внѣшними врагами. Въ дѣла внутренней политики онъ совершенно не вмѣшивался, и даже болѣе нежели не вмѣшивался, какъ покажутъ дальнѣйшія событія, тогда, какъ Бонапартъ постоянно совѣтовалъ Директоріи громовымъ ударомъ поразить своихъ противниковъ и особенно роялистовъ, обѣщалъ ей даже доставить деньги для этой цѣли и прислалъ для исполненія государственнаго переворота одного изъ своихъ боевыхъ сотрудниковъ, генерала Ожеро, указывая на котораго, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ Директоріи, Карно говорилъ: „какой нахальный разбойникъ!“ Итальянская армія, гордившаяся своимъ вождемъ и преданная ему изъ корыстныхъ видовъ, раздѣляла его политическія сочувствіе и ненависть. „Настроеніе рейнской арміи было совершенно иное“, говоритъ знаменитый біографъ Наполеона, „болѣе спокойное, хотя въ ней находилось нѣсколько офицеровъ, помѣщенныхъ генераломъ Пишегрю; вообще въ войскахъ господствовало республиканское направленіе, но не возбужденное, и она менѣе опьянялась успѣхами, нежели итальянская, и была спокойна, дисциплинирована и—бѣдна. Вообще направленіе арміи устанавливается по образцу главнокомандущаго. Направленіе Рейнской арміи составилось по образцу Моро“ [1]. Онъ былъ искренно преданъ свободнымъ началамъ, но равно ненавидѣлъ руку, запятнанную кровью многочисленныхъ жертвъ правителей Франціи первыхъ лѣтъ республики. Едва ли онъ считалъ возможными свободныя начала только исключительно при республиканскомъ устройствѣ, а потому не могъ ненавидѣть и роялистовъ.

По соображеніямъ Директоріи, всѣ три арміи, Самбры и Мёзы, рейнская и италіянская, должны были дѣйствовать въ одно время и своими успѣхами облегчать взаимныя дѣйствія. Но

[1] Thiers. Hist. de la revolution, т. VIII, стр. 10. изд. 1865.

Бонапартъ, обладая всѣми средствами, могъ когда хотѣлъ начать военныя дѣйствія. Генералъ Гошъ (Hoche) могъ снабдить себя также нѣкоторыми средствами изъ Голландіи и областей между Мёзой и Рейномъ, которыя почитались завоеванными, но Моро былъ лишенъ почти всякихъ средствъ. Бонапартъ съ февраля мѣсяца дѣйствовалъ въ Италіи, и къ тому времени, какъ Моро могъ открыть кампанію, онъ угрожалъ уже столицѣ Австрійской монархіи. Едва Моро совершилъ блестящую переправу черезъ Рейнъ въ виду многочисленнаго непріятеля и одержалъ нѣсколько побѣдъ, какъ получилъ извѣстіе о перемиріи и предварительныхъ условіяхъ мира, заключеннаго Бонапартомъ съ имперіей въ Леобенѣ. Эта кратковременная кампанія, начатая съ такимъ успѣхомъ, имѣла большое вліяніе на судьбу Моро.

Во время одного изъ сраженій его войска захватили обозъ и бумаги генарала Клангена, черезъ котораго Пишегрю велъ сношенія съ принцемъ Конде, роялистами и англійскими агентами. Эта переписка была открыта въ бумагахъ и доставлена Моро. Она явно обличала прежняго главнокомандующаго рейнскою арміей и совершенно устраняла отъ всякихъ подозрѣній самого Моро, хотя и бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ къ Пишегрю. Писемъ было до 200 и большею частью писанныхъ шифромъ. Потребовалось много времени, чтобы открыть ключъ къ этому шифру и прочесть письма. Моро извѣстилъ о своемъ открытіи члена Директоріи Бартелеми, но пока разбирали письма, въ войскахъ успѣли уже распространиться слухи о ихъ содержаніи, частью преувеличенные и невѣрные. Бартелеми былъ однако одною изъ жертвъ переворота 4 сентября (1797 г.), и потому письмо къ нему представлено было уже членамъ Директоріи, по распоряженію которыхъ былъ совершенъ государственный переворотъ. Они немедленно вызвали Моро въ Парижъ и сообщили ему постановленіе Директоріи объ этомъ переворотѣ. Собираясь оставить армію, онъ обнародовалъ *воззваніе* къ ней: „Я только что получилъ объявленіе директоріи отъ 4 сентября, изъ котораго явно видно, что Пишегрю оказался недостойнымъ того довѣрія, которымъ онъ такъ долго пользовался въ глазахъ республики и арміи. Мнѣ извѣстно также, что многіе военные, зная заслуги, оказанныя отечеству генераломъ Пишегрю, сомнѣваются въ его виновности. Я считаю долгомъ объявить всю правду моимъ товарищамъ по оружію и согражданамъ. Болѣе нежели вѣрно, что Пишегрю измѣнилъ Франціи. Я извѣстилъ одного

изъ членовъ Директоріи, что мнѣ досталась въ руки переписка съ Конде и другими агентами претендента, послѣ которой нельзя уже сомнѣваться въ этой измѣнѣ. Директорія вызываетъ меня въ Парижъ, вѣроятно, чтобы получить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой перепискѣ. Солдаты! будьте спокойны, не заботьтесь о внутреннихъ происшествіяхъ и будьте увѣрены, что, поражая роялистовъ, правительство охраняетъ республиканское устройство, которое вы клялись поддерживать.“ Посылая это объявленіе, Моро въ то же время писалъ членамъ Директоріи, что „дѣйствительно трудно было повѣрить, чтобы человѣкъ, оказавшій такія важныя услуги странѣ, измѣнилъ ей и рѣшился безъ всякой для себя выгоды на такой безчестный поступокъ. Меня считали другомъ Пишегрю, но давно я потерялъ къ нему уваженіе. Вы увидите, что болѣе всѣхъ меня онъ ставилъ въ тяжелое положеніе: всѣ предположенія были разсчитаны на пораженіе арміи, которою я предводительствовалъ. Ея храбрость спасла республику.“ Узнавъ изъ письма Моро къ Бартелеми о перепискѣ Пишегрю съ роялистами, которая такъ давно уже находилась въ его рукахъ, Директорія естественно должна была заподозрить и его самого, но, познакомившись съ содержаніемъ переписки, конечно убѣдилась, что Моро не принималъ участія въ замыслахъ Пишегрю и что заговорщики его опасались и тщательно скрывали отъ него свои дѣйствія. Оставалось однако же одно обстоятельство сомнительнымъ и неяснымъ для нея: почему Моро такъ долго скрывалъ эту переписку, не извѣщая о ней Директорію? Если обширная переписка, состоявшая большею частью изъ шифрованныхъ писемъ, требовала много времени, чтобы окончательно разобрать ее, то во всякомъ случаѣ, лишь только былъ найденъ ключъ и обличалось участіе Пишегрю, почему же Моро своевременно не извѣстилъ объ этомъ Директорію, и почему впослѣдствіи написалъ къ одному только изъ Директоровъ и притомъ къ Бартелеми, который самъ палъ жертвой государственнаго переворота, какъ лицо подозрительное? Сверхъ того, первое письмо Моро къ Бартелеми помѣчено 3 сентября, то-есть написано лишь наканунѣ государственнаго переворота, который приготовлялся давно. Неужели дѣйствія партій въ Парижѣ, борьба на жизнь и смерть въ средѣ самыхъ правительственныхъ учрежденій, усиленныя заботы Пишегрю, какъ можно скорѣе провести законъ о національной гвардіи, оставались тайной для генерала, находившагося въ Страсбургѣ? Во второмъ письмѣ къ

Бартелеми Моро писалъ: „Я рѣшился было вовсе не оглашать этой переписки, потому что заключеніе мира казалось вѣроятнымъ и, слѣдовательно, не предстояло никакой опасности для республики, тѣмъ болѣе, что она обличала бы немногихъ, такъ какъ никто не названъ по имени. Но видя во главѣ партій, которыя въ настоящее время причиняютъ такъ много зла отечеству, занимающимъ важное мѣсто и пользующимся довѣріемъ, человѣка, который, какъ видно изъ этой переписки, долженъ былъ играть важную роль при вызовѣ претендента на престолъ, я счелъ долгомъ извѣстить васъ, чтобы онъ не обманулъ васъ своимъ мнимымъ республиканскимъ образомъ мыслей и чтобы вы могли предотвратить дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ была бы междоусобная война. Признаюсь, мнѣ было весьма тяжело сообщать вамъ о такой измѣнѣ тѣмъ болѣе, что тотъ, о комъ я писалъ вамъ, былъ моимъ другомъ и конечно остался бы имъ, еслибы я не распозналъ его. Я говорю о народномъ представителѣ Пишегрю. Онъ былъ достаточно благоразуменъ, чтобы ничего не писать собственноручно, но словесно сообщалъ свои предположенія тѣмъ лицамъ, которыя вели переписку.“ Эти строки не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Моро зналъ о борьбѣ партій и болѣе всѣхъ могъ понимать, къ чему клонилась дѣятельность Пишегрю, обладая такою важною перепиской. Директорія, постоянно стремившаяся дѣйствовать путемъ закона, а не насилія, не безъ колебаній рѣшилась произвести государственный переворотъ. Вовремя доставленныя ей свѣдѣнія объ этой перепискѣ можетъ быть дали бы ей возможность предотвратить грозившую ей опасность, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ?

Образъ дѣйствій Моро въ этомъ случаѣ не могъ не возбуждать недоразумѣній и сомнѣній. Современники, по различію партій, къ которымъ они принадлежали, смотрѣли на него различно, но одинаково его порицали. Роялисты, предполагая съ его стороны сочувствіе къ возстановленію монархіи, обвиняли его за доносъ на своего боеваго сотоварища и бывшаго начальника и даже за участіе въ подлогѣ. Они предполагали, что всѣ разсказы объ этой перепискѣ, будто бы никогда не существовавшей, придуманы только для того, чтобы оправдать въ общественномъ мнѣніи государственный переворотъ, произведенный тріумвирами, т. е. тремя только членами Директоріи. Республиканцы упрекали въ недостаткѣ ревности къ поддержанію создан-

ныхъ революціей учрежденій и провозглашаемыхъ свободныхъ началъ. Директорія уволила его отъ званія главнокомандующаго, хотя и не подозрѣвала ни въ участіи, ни въ сочувствіи замысламъ роялистовъ. Потомки, принимая въ соображеніе всю послѣдующую его дѣятельность съ бо́льшимъ безпристрастіемъ, объясняютъ странный его образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ особенностью его личныхъ свойствъ. Моро вовсе не сочувствовалъ реставраціи старой монархіи въ прежнемъ ея видѣ, какъ желали Бурбоны и роялисты. Но такой монархіи не сочувствовалъ даже и Пишегрю, потому что въ сношеніяхъ съ принцемъ Конде требовалъ нѣкоторыхъ уступокъ свободнымъ началамъ, провозглашеннымъ революціей. Моро искренно сочувствовалъ этимъ началамъ и примирялся съ современнымъ правленіемъ Франціи, не прибѣгавшимъ уже къ жестокимъ и кровавымъ мѣрамъ, чтобы поддерживать свое существованіе. Но онъ былъ исключительно главнокомандующій, военный человѣкъ, въ этомъ качествѣ честно и добросовѣстно служившій отечеству. Онъ вовсе не былъ государственнымъ мужемъ и не питалъ никакого сочувствія къ политической дѣятельности, какъ бы высоко сила обстоятельствъ ни могла поставить его на этомъ поприщѣ. Поэтому въ первое время Моро не понялъ всей политической важности находившейся въ его рукахъ переписки и даже не хотѣлъ придавать ей гласности. Она относилась къ прошедшему времени, къ предпріятію неудавшемуся, и зачинщикъ дѣла, удаленный отъ начальства надъ войсками, казался ему уже неопаснымъ. При такомъ взглядѣ, первое соображеніе, которое ему приходило на умъ, состояло въ томъ, что онъ долженъ сдѣлаться *доносчикомъ* на человѣка, оказавшаго значительныя услуги отечеству, бывшаго его начальника и друга. Конечно, такое соображеніе ужасало безукоризненно честнаго человѣка, какимъ былъ Моро. Впослѣдствіи борьба партій въ правительствѣ, дѣйствія Пишегрю въ качествѣ народнаго представителя въ совѣтѣ 500, очевидно, не отказавшагося отъ своихъ замысловъ, вынудили его сообщить Бартелеми свѣдѣнія изъ этой переписки и предупредить правительство о немъ. Но въ его душѣ долгъ гражданина долго боролся съ долгомъ честнаго человѣка; онъ искренно писалъ Бартелеми, что ему дорого стоило рѣшиться на то, чтобы сдѣлать доносъ правительству на Пишегрю. Поэтому онъ обратился не прямо къ Директоріи, но къ нему, говоря, что только „высокое довѣріе къ его любви къ отечеству и его благоразумію (sagesse) вынудило его принять

такое рѣшеніе“ [1]. Поэтому онъ медлилъ, и эта медленность была причиной того, что его извѣщеніе совпало случайно съ государственнымъ переворотомъ; это же случайное совпаденіе въ свой чередъ заподозрило его въ глазахъ всѣхъ.

III.

Крайне затруднительное положеніе, въ которое поставилъ себя Бонапартъ въ 1797 г. въ войнѣ противъ Австріи, вынудило его предложить эрцгерцогу Карлу войти въ соглашенія о мирѣ. Страхъ, что полководецъ, который постоянно одерживалъ побѣды надъ австрійцами въ Италіи, завоюетъ столицу имперіи, вынудилъ Вѣнскій кабинетъ принять предложеніе. Заключая перемиріе въ Леобенѣ, ни та ни другая изъ договаривавшихся сторонъ не возлагали надеждъ на успѣшный исходъ переговоровъ и разсчитывали только выиграть время для приготовленій къ дальнѣйшему продолженію военныхъ дѣйствій. Гордость такъ называвшейся Римской имперіи не могла помириться съ потерей Голландскихъ областей и сѣверной Италіи. Ей снова хотѣлось, и съ лихвой, возвратить свои потери. Бонапартъ, перейдя Альпы, и не могъ остановить своихъ дѣйствій, а Директорія еще менѣе могла остановить его, опасаясь того значенія, которое онъ уже пріобрѣлъ, и увлекаясь мыслью водворять повсюду республиканское правительство мечемъ и грабежемъ. Раштадскій конгрессъ и переговоры въ Лиллѣ съ Англіей не привели къ мирнымъ соглашеніямъ, а внезапный безъ всякаго повода захватъ Мальты и экспедиція въ Египетъ вновь взволновали всю Европу. Образовалась новая коалиція противъ Франціи, гораздо болѣе грозная, нежели всѣ прежнія. Съ одной стороны ея дѣйствіямъ помогла Турція, вызванная на войну за захватъ Египта, съ другой Россія вступила въ вооруженный союзъ противъ республики.

Удаленный отъ начальства надъ войсками, Моро проживалъ безъ всякаго дѣла, посвящая досугъ изученію военнаго искусства. Испуганная угрожавшею опасностью, путаясь въ военныхъ соображеніяхъ для защиты, въ отсутствіе Бонапарта, послѣ смерти Гоша, Директорія рѣшилась призвать къ дѣятельности Моро. Въ началѣ 1799 г., когда Суворовъ уже ѣхалъ начальствовать надъ русско-австрійскою арміей въ Италіи, онъ получилъ званіе ге-

[1] Всѣ эти письма напечатаны у Бомана, стр. 264—271.

нералъ-инспектора и былъ призванъ въ военный комитетъ, состоявшій при директоріи для начертанія плановъ военныхъ дѣйствій, какъ оборонительныхъ, такъ и наступательныхъ, въ случаѣ успѣха обороны. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Моро, какъ боевой генералъ, не желалъ оставаться въ Парижѣ во время военныхъ дѣйствій и просилъ Директорію отправить его простымъ волонтеромъ въ Итальянскую армію. Директорія исполнила его желаніе, отправила его къ Шереру, который предводительствовалъ этою арміей, съ тѣмъ чтобы онъ находился при немъ и, конечно, просвѣщалъ его своими совѣтами. „Мое назначеніе“, говорилъ въ послѣдствіи Моро, „не было блестящимъ, но силой обстоятельствъ потомъ сдѣлалось такимъ“. Конечно, только любовь къ военному дѣлу могла побудить Моро находиться въ качествѣ свидѣтеля дѣйствій военачальника, избраннаго Директоріей, неспособнаго, устарѣлаго и нерѣшительнаго. Не принимая въ соображеніе совѣтовъ Моро, Шереръ не успѣлъ воспользоваться обстоятельствами въ то время, когда предъ нимъ находились одни австрійскіе войска, т. е. когда силы противника не превосходили тѣхъ, которыми онъ самъ могъ располагать, и находились еще безъ главнокомандующаго, такого же престарѣлаго генерала Меласа, который на долгихъ ѣхалъ изъ Вѣны на боевое поприще. Онъ дождался того времени, когда такой же, правда, престарѣлый, но бодрый духомъ и тѣломъ вождь прибылъ на мѣсто дѣйствій во главѣ русскихъ войскъ, посланныхъ императоромъ Павломъ въ помощь Австріи. Этотъ вождь былъ—Суворовъ.

Рядомъ побѣдъ немедленно ознаменовалось его прибытіе. Положеніе французскихъ войскъ было крайне затруднительное. Вынужденные оставить линію рѣки Минчіо, прогнанные за Оліо, они отступили за Адду. Духъ войскъ упалъ, ропотъ на главнокомандующаго усиливался со дня на день. Генералъ Шереръ разбросалъ на пространствѣ 100 верстъ свои войска, которыя и такъ были несравненно въ меньшемъ количествѣ въ сравненіи съ силами союзниковъ и, конечно, потерпѣли бы новыя пораженія. Но Шереръ былъ отозванъ Директоріей, которая предписала Моро принять начальство надъ итальянскою арміей. Узнавъ объ этомъ назначеніи, Суворовъ сказалъ: „и въ этомъ я вижу перстъ Провидѣнія: мало славы разбить шарлатана; лавры, которыя похитимъ у Моро, будутъ лучше цвѣсть и зеленѣть“.

Но положеніе Моро было таково, что не многіе согласились бы добровольно занять его и принять на себя, въ качествѣ

главнаго дѣйствующаго лица, полную отвѣтственность предъ страной въ виду правительства, которое не воздавало должнаго уваженія его заслугамъ и даже подозрѣвало его въ сочувствіи замысламъ роялистовъ. „Я позволяю себѣ думать“, говорилъ впослѣдствіи предъ судомъ Моро, „что отечество не забыло, что я былъ достойнымъ его сыномъ. Оно не забыло, съ какою преданностью къ нему я рѣшился драться въ Италіи, занимая второстепенныя должности. Оно не забыло, конечно, при какихъ условіяхъ я получилъ потомъ званіе главнокомандующаго, послѣ столькихъ пораженій нашихъ войскъ и послѣ начальника, прославившагося въ нѣкоторомъ смыслѣ нашими несчастіями“. „Моро имѣлъ право отказаться въ этомъ случаѣ отъ званія главнокомандующаго“, говоритъ знаменитый историкъ французской революціи. „Его разжаловали до чина дивизіоннаго генерала, и въ то время, когда кампанія оканчивалась полною неудачей, когда приходилось испытывать только новыя неудачи, его назначаютъ главнокомандующимъ. Однако же съ полною преданностію отечеству, которой не можетъ не восхвалить исторія, онъ принялъ *пораженіе*, принимая начальство надъ войсками въ тотъ вечеръ, когда линіи Адды угрожало уже нападеніе. Съ этого времени начинается наименѣе оцѣненная и наилучшая эпоха его жизни“. [1] Какъ военачальника, безъ сомнѣнія исторія не могла бы осудить Моро, еслибы онъ отказался принять начальство надъ войсками, которыя поставлены въ такое положеніе, что не могли избѣгнуть пораженій Въ военномъ дѣлѣ *успѣхъ*, побѣда покрываетъ все; „побѣдителей не судятъ“, говорила великая императрица; побѣдителя съ большею осторожностію можетъ *судить* только исторія, позволяемъ себѣ прибавить. Но тяжелая отвѣтственность достается на долю побѣжденнымъ, и нужно обладать горячею любовью къ отечеству и большою гражданскою доблестью, чтобы принять начальство надъ войсками съ полною увѣренностію, что невозможно одержать побѣды. Онъ долженъ былъ *отступать*, отражая нападенія противника до тѣхъ поръ, пока не соединится съ неаполитанскою арміей Макдональда, которому Директорія предписала идти въ сѣверную Италію на подкрѣпленіе Моро. Но прежде всего слѣдовало сосредоточить, разбросанную на значительномъ пространствѣ, армію и прикрыть Миланъ. Такой противникъ, какъ Суворовъ, конечно не далъ ему для этого времени; онъ

[1] Тьеръ, Hist. de la revolution: т. VIII, стр. 368.

быстро прорвалъ французскія линіи, нанесъ сильныя имъ пораженія въ трехдневныхъ бояхъ при Аддѣ, открылъ дорогу въ Миланъ и занялъ немедленно эту столицу Ломбардіи, гдѣ повсемѣстно распространялось уже народное возстаніе противъ Французовъ. Моро вынужденъ былъ, оставивъ крѣпкую линію на Аддѣ, отступать, чтобы прикрыть свои пути сообщенія какъ съ Франціей, такъ и съ Тосканой, откуда шелъ на подкрѣпленіе къ нему Макдональдъ. Съ этою цѣлью онъ занялъ выгодное положеніе недалеко отъ Александріи, гдѣ р. Тонаро, выходя изъ Аппениновъ, впадаетъ въ р. По. Прикрытый обѣими рѣками, онъ могъ ожидать нападенія и въ то же время охранялъ путь, по которому долженъ былъ подойти Макдональдъ. Но Макдональдъ шелъ медленно, его задерживали повсюду возникавшія народныя возстанія, для подавленія которыхъ онъ долженъ былъ ослаблять свои войска, оставляя гарнизоны въ городахъ. Съ одной стороны, это обстоятельство разстроивало соображенія Моро, а съ другой то, что противъ него дѣйствовалъ такой полководецъ, который не допустилъ бы его соединиться съ Макдональдомъ. Дѣйствительно, предупредить это соединеніе и разбить каждаго изъ французскихъ главнокомандующихъ порознь, послѣ занятія Милана, составляло цѣль дальнѣйшихъ дѣйствій Суворова. Несмотря на жалобы австрійскихъ войскъ на непривычную для нихъ быстроту движеній и предписанія австрійскаго императора и его военнаго совѣта не подвигаться слишкомъ впередъ, а заботиться объ осадѣ крѣпостей, онъ придвинулъ войска къ Тортонѣ и тѣмъ закрылъ для Моро отступленіе на Геную, а Макдональду путь къ Александріи, вдоль подошвы Аппениновъ. Позицію, занятую Суворовымъ, нѣкоторые изъ иностранныхъ писателей считаютъ до такой степени выгодною, между двумя враждебными арміями, что онъ никакъ не долженъ былъ оставлять ея, еслибы способенъ былъ руководиться здравыми стратегическими соображеніями. [1] Но русскій полководецъ иначе понималъ задачи стратегіи и думалъ, что при извѣстныхъ условіяхъ, какъ бы ни была хороша избранная имъ позиція, она должна быть оставлена, если совершенно перемѣнились обстоятельства; что въ безполезныхъ ожиданіяхъ въ войнѣ не слѣдуетъ тратить времени, и что вѣрнѣе можно разбить двѣ непріятельскія арміи порознь нежели дожидаться, чтобы онѣ напали на него съ двухъ сторонъ.

---

[1] Тьеръ, тамъ же, стр. 374.

Въ Тортонѣ нашъ полководецъ получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что Макдональдъ принужденъ медленно подвигаться, задерживаемый народными возстаніями, долженъ ослаблять свои войска, оставляя гарнизоны, что онъ находится еще въ Римѣ и не скоро появится на главномъ поприщѣ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, вѣнскій кабинетъ сообщалъ ему, что Директорія, именно по случаю народныхъ возстаній противъ Французовъ, предписала даже Макдональду возвратиться въ Неаполь, а къ арміи Моро намѣрена послать подкрѣпленіе изъ Франціи. Объ отправленіи этихъ подкрѣпленій писалъ ему съ полною увѣренностію въ вѣрности сообщаемаго извѣстія самъ римскій императоръ. При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, Суворовъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи, какъ бы ни была выгодна, избранная имъ при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, позиція, и доженъ былъ начать военныя дѣйствія. Это понималъ и его противникъ, котораго смущала даже непродолжительная пріостановка дѣйствій нашего полководца, которому онъ отдавалъ должную справедливость, сравнивая его съ Наполеономъ [1].

Моро, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о движеніи Макдональда, могъ предполагать, что Суворовъ, оставя незначительный отрядъ передъ Александріей, съ главными войсками или пошелъ на встрѣчу Макдональду, или двинулся къ Турину въ тылъ его арміи. Народныя волненія, распространившіяся по всему Піемонту, давали убѣдительный поводъ, съ одной стороны, дѣлать такія предположенія, а, съ другой, дѣйствительно, спасаться за свой тылъ. Онъ рѣшился самъ начать дѣйствія и сдѣлать рекогнисцировку. Если Суворовъ, дѣйствительно, увелъ главныя силы и предъ нимъ оставилъ незначительный отрядъ, то онъ предполагалъ разбить его и открыть себѣ путь отступленія въ Генуэзскую ривьеру черезъ Нови и Бокетскій проходъ. Если же онъ встрѣтилъ бы главныя силы Суворова, то, не вступая въ неравный бой, немедленно отступилъ бы на Генную, какимъ бы ни пришлось путемъ. Несмотря на крѣпкую позицію при впаденіи рѣки Танаро въ По, Моро рѣшился ее оставить при измѣнившихся обстоятельствахъ. Его положеніе было крайне затруднительно. Съ незначительнымъ количествомъ войскъ противъ гораздо болѣе сильнаго противника, обремененный огромными обозами, какъ военными, такъ и съ художественными произведеніями, награбленными еще Бонапартомъ по всей Италіи,

[1] Г. Милютинъ. Война 1799 г. т. II, стр. 582, прим. 103.

въ странѣ, гдѣ повсюду распространилось народное возстаніе противъ французовъ, не ожидая ни откуда скорой помощи и давно рѣшившись отступать, онъ остановился въ крѣпкой позиціи только въ ожиданіи, что Суворовъ немедленно нападетъ на него. Но его бездѣйствіе вынудило его самого начать дѣйствіе. Наведя мостъ черезъ Бормиду, онъ двинулъ впередъ дивизію Виктора, которую встрѣтилъ кн. Багратіонъ и разбилъ при Маренго. Моро поспѣшилъ притянуть его къ себѣ и, оставивъ мысль о движеніи на Геную чрезъ Бекетскій проходъ, рѣшился отступать по трудному пути черезъ Акви и Каиро на Совонну. Преодолѣвъ многія затрудненія, онъ успѣлъ, однако же, какъ спасти всѣ обозы, такъ и остатки всѣхъ войскъ, перейти Аппенины и спуститься въ Генуезскую ривьеру. Суворовъ намѣревался его преслѣдовать мелкими отрядами у береговъ моря, а съ главными силами пошелъ на Туринъ и занялъ эту столицу Піемонта. „Едва прошло полтора мѣсяца, говоритъ историкъ [1], этой блестящей кампаніи, со времени прибытія Суворова на Манчіо, какъ вся сѣверная Италія была очищена отъ непріятеля. Во власти французовъ остались только крѣпости Мантуя, Кони и цитадели Тортоны, Александріи и Турина“; и тѣ вскорѣ сдались, одна вслѣдъ за другою; но помѣшали, однако же, Суворову привести въ исполненіе свои предположенія. Паденіемъ крѣпостей исполнялись всѣ желанія вѣнскаго кабинета; но занятіе Піемонта возбудило въ немъ корыстное намѣреніе присоединить эту страну къ имперіи, что, конечно, не входило въ виды русскаго полководца и еще менѣе русскаго императора и что подготовило печальный исходъ этой блестящей кампаніи.

Моро сосредоточилъ и привелъ въ порядокъ свои разстроенныя войска у Генуи и двинулъ частные отряды въ Тоскану, чтобы открыть сообщеніе съ Макдональдомъ. Только соединившись съ нимъ, онъ считалъ возможнымъ открыть наступительныя дѣйствія, которыхъ постоянно требовала Директорія. „Побѣда въ Италіи“, писалъ онъ ей, „необходима для Франціи, и я постараюсь одержать ее. Я увѣренъ въ моихъ войскахъ, а они вѣрятъ мнѣ“. Въ это время французскій флотъ появился у Генуи. Духъ войскъ поднялся, и Моро надѣялся даже одержать побѣду, но считалъ ее возможною лишь по соединеніи съ Макдональдомъ. Русскій полководецъ не далъ осуществиться

[1] Г. Милютинъ. Война 1799 г. т. II, стр. 118.

этой возможности: онъ не допустилъ неаполитанскую армію соединиться съ итальянскою. Рядъ одержанныхъ имъ побѣдъ окончился совершеннымъ пораженіемъ Макдональда при Требіи. Въ то время, когда разбитыя войска Макдональда спасались въ Генуезскую ривьеру, Моро выступилъ изъ нея, чтобы дѣйствовать во флангъ и тылъ Суворову. У Бормиды онъ встрѣтилъ и разбилъ австрійскій корпусъ Бельгарда, осаждавшій Александрію, но, узнавъ потомъ объ участи неаполитанской арміи, не рѣшился идти далѣе на вѣрное пораженіе и снова отступилъ за Аппенины, лишивъ возможности Суворова, который уже шелъ на него „встрѣтить его также, по его словамъ, какъ онъ встрѣтилъ Макдональда [1]“.

Предположенія французскихъ военачальниковъ не удались. Недовольная ихъ дѣйствіями, Директорія смѣнила обоихъ. На мѣсто Моро назначенъ былъ молодой генералъ Жуберъ, Макдональдъ замѣненъ Сенъ-Сиромъ. Суворовъ намѣревался двинуть войска въ Генуезскую ривьеру, чтобы довершить ихъ окончательное пораженіе и очистить себѣ путь въ предѣлы Франціи. Южные департаменты волновались въ ожиданіи вторженія, осыпали республиканское правительство упреками и просьбами оказать имъ защиту. Это волненіе и собственная неспособность членовъ Директоріи вынудили измѣненіе ея состава. Но съ этою перемѣной лицъ не перемѣнился взглядъ на положеніе дѣлъ. Правительство Франціи по прежнему считало себя способнымъ руководить дѣлами Европы и дерзкимъ насиліемъ и грабежемъ водворять повсюду государственное устройство, котораго выдержать она сама не была способна. Коварная и корыстная политика вѣнскаго двора, бездарность надменнаго своею мудростью военнаго совѣта, который думалъ руководить изъ Вѣны дѣйствіями нашего полководца, вынудили его усилить осаду крѣпостей и особенно Мантуи, чего настоятельно требовалъ самъ императоръ.

Между тѣмъ въ продолженіи этого времени Моро привелъ въ порядокъ войска, они получили новыя подкрѣпленія и доведены были до 40 т., когда прибылъ новый главнокомандующій, порывавшійся помѣряться силой съ противникомъ и выполнить ожиданія Директоріи. Прежде его прибывшій къ войскамъ Сенъ-Сиръ, собравшій свѣдѣнія о количествѣ войскъ, которыми могъ располагать Суворовъ, совѣтовалъ не вызывать его на бой,

---

[1] Письмо Суворова къ Краю 11—22 іюля 1799 г.

а ожидать прибытія новыхъ подкрѣпленій [1]. По пріѣздѣ Жубера, Моро немедленно хотѣлъ оставить армію; уступая его просьбамъ, онъ однако остался и, по свидѣтельству Сенъ-Сира, поддерживалъ наступательные замыслы Жубера, вѣроятно, не зная о сдачѣ Мантуи и усиленіи войскъ Суворова корпусомъ Края. Пока Жуберъ колебался, не зная на что рѣшиться, Суворовъ вызвалъ его на бой. Побѣда при Нови окончила рядъ военныхъ дѣйствій въ сѣверной Италіи. При самомъ началѣ сраженія Жуберъ былъ раненъ на смерть, и на Моро пала тяжелая обязанность распоряжаться войсками, потерять сраженіе и спасать разбитые остатки войскъ бѣгствомъ за Аппенины.

А. Поповъ.

[1] Mémoires du marechal G. Saint-Syr. т. I; стр. 218 и слѣд.

ВЪ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ.

Въ эту декабрьскую ночь
Я вспоминаю всегда
Дѣтство былое мое,
Юности свѣтлой года.
Помню сочельникъ святой,
Помню я нашу семью...
Грезы растутъ въ тишинѣ...
Вспомнилъ я маму мою,
Этотъ канунъ Рождества
Дорогъ особенно былъ
Мнѣ и братишкамъ моимъ—
Я ничего не забылъ:
Мама, бывало, въ тотъ день
Всѣмъ намъ собраться велитъ,
И про Младенца Христа
Ласково намъ говоритъ.
Въ дѣтской уютно, тепло...
Міръ обольстительныхъ сновъ!
Мама ведетъ свой разсказъ
Дальше про мудрыхъ волхвовъ...
Въ окна къ намъ звѣзды глядятъ.
„Надъ Виѳлеемомъ звѣзда",
Нѣжно намъ мать говоритъ,
„Остановилась тогда"...

* * *

Мама въ могилѣ уснула.
Счастья пора пронеслась,
Счастье, какъ сонъ, промелькнуло...
Наша семья разбрелась.
Только въ рождественскій вечеръ
Грезится мнѣ о быломъ,
Жить настоящимъ—мнѣ нечѣмъ,
Плачу о дѣтствѣ святомъ.

А. Доброхотовъ.

* * *

Непорочно зачàтое Слово
Безъ болѣзни на свѣтъ народилось,
Безъ грѣха въ тишинѣ возрастало,
Наконецъ передъ міромъ явилось,
И пошло по лачугамъ убогимъ,
По дорогамъ и рынкамъ шумливымъ,
Исцѣляло чудесно недуги,
Врачевало душевныя раны.
Ополчилась коварная злоба,
И нашелся предатель Іуда,
И казнили невинное Слово,—
На высокомъ крестѣ пригвоздили.
Но воскресло могучее Слово,
И возносится въ горнія дали
И высоко надъ міромъ сіяетъ.
Эта древняя, чудная повѣсть
На землѣ повторяется вѣчно.

Ѳедоръ Сологубъ.

КЛАССИЦИЗМЪ, КАКЪ НЕОБХОДИМАЯ ОСНОВА ГИМНАЗИЧЕСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи.

„Es gibt ein historisches Leben, welches sich fortschreitend von einer Nation zur andern, von einem Völkerkreise zum andern sich bewegt. Eben im Kampfe der verschiedenen Völkersysteme ist die allgemeine Geschichte entsprungen, sind die Nationalitäten zum Bewustsein ihrer selbst gekommen".

Ranke.

I.

Цѣль настоящаго очерка.—Значеніе и польза сравнительнаго изученія исторіи школы въ разныхъ странахъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы помѣстили на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія* и затѣмъ издали отдѣльною брошюрой первую часть нашего труда „Классицизмъ, какъ необходимая основа классическаго образованія", въ которой изложили нашъ взглядъ на основные принципы и теоретическія начала, обусловливающія необходимость классической системы образованія въ гимназіяхъ. Мы имѣли затѣмъ въ виду тогда же дополнить нашу работу историческимъ обозрѣніемъ положенія школьнаго вопроса въ Германіи и Франціи, но недостатокъ времени и другія обстоятельства помѣшали намъ исполнить наше намѣреніе. Рѣшившись теперь продолжать нашу работу и слѣдуя программѣ, намѣченной въ концѣ перваго выпуска нашего труда, мы позволяемъ себѣ въ настоящее время предложить вниманію читателей историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи.

Но прежде чѣмъ приступить къ предпринятому нами очерку, мы считаемъ нелишнимъ высказать предъ нашими читателями взглядъ нашъ на его цѣль и на значеніе, которое мы придаемъ для насъ, русскихъ, ознакомленію съ положеніемъ школьнаго вопроса въ чужихъ краяхъ.

Мы вовсе не принадлежимъ къ числу поклонниковъ слѣпаго заимствованія или рабскаго подражанія иноземнымъ образцамъ; мы думаемъ, напротивъ, что пагубная страсть къ подобному подражанію, къ сожалѣнію столь распространенная у насъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, уже не разъ наносила не мало вреда нашей школѣ, препятствуя правильному развитію какой бы то ни было опредѣленной системы образованія.

Такъ, съ одной стороны, нѣкоторые изъ сторонниковъ классическаго образованія, увлекаясь склонностью къ подражанію, настолько спѣшили, безо всякой предварительной подготовки, перенести въ нашу школу чужестранные порядки и пріемы преподаванія, что въ погонѣ за внѣшнимъ сходствомъ нашихъ гимназій съ иноземными образцами упускали изъ вида самые существенные принципы классической системы и не давали возможности развиться тѣмъ именно основнымъ ея началамъ, [1] въ которыхъ заключается главная ея сила и достоинство и которыя, составляя принадлежность не учебныхъ заведеній какой-либо отдѣльной страны, а всего цивилизованнаго міра, обусловливаютъ самую возможность существованія истинно-научной, общеобразовательной средней школы, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ ея развитія, зависящихъ отъ различія національностей, нравовъ и общественнаго строя.

Съ другой стороны, враги классицизма впадаютъ у насъ, въ смыслѣ слѣпаго подражанія западу, въ еще бо̀льшую крайность и стремятся не только заимствовать существующее, но доходятъ до самаго неразборчиваго преклоненія предъ всѣмъ, что̀ высказывается у нашихъ сосѣдей, хотя бы въ видѣ однихъ еще предположеній. Они жадно прислушиваются къ каждому слову, сказанному въ порицаніе классической системы образованія, восторженно привѣтствуютъ всякую мѣру, которую можно хоть сколько-нибудь растолковать въ смыслѣ умаленія ея значенія, и

[1] Мы уже имѣли случай указывать въ предшествующемъ выпускѣ нашего труда на существующую въ нашихъ гимназіяхъ разрозненность и отсутствіе методическаго объединенія отраслей преподаванія, на ненормальность обособленнаго положенія, занимаемаго языками по отношенію къ другимъ предметамъ, на недостатокъ концентраціи и т. д.

не только шумно настаиваютъ на безусловномъ въ этомъ отношеніи подражаніи тому, чтò дѣлается на западѣ, но и спѣшатъ рабски вторить всему, чтò гдѣ-либо тамъ говорится въ этомъ направленіи, не давая себѣ при томъ даже труда подумать, существуютъ ли въ нашихъ гимназіяхъ тѣ условія, которыя вызываютъ въ другихъ странахъ тѣ или другія требованія. Любопытный образчикъ подобныхъ притязаній, вовсе не соотвѣтствующихъ фактическому положенію нашей школы, представляетъ собою столь настойчиво повторяемое врагами нашихъ гимназій требованіе сокращенія преподаванія, напримѣръ латинскаго языка. Основаніемъ къ подобнымъ заявленіямъ по большей части служитъ весьма несложная аргументація, заключающаяся въ ссылкѣ на то, что въ самой Германіи, этомъ разсадникѣ классицизма, въ настоящее время раздаются голоса, указывающіе на чрезмѣрное число уроковъ по латинскому языку въ гимназіяхъ и требующіе сокращенія преподаванія по этому предмету. Какъ же намъ послѣ этого не требовать того же относительно нашихъ гимназій? Какъ отстать отъ нѣмцевъ и не писать громовыхъ статей, доказывая легковѣрной части публики, что и въ нашихъ гимназіяхъ преподаваніе древнихъ языковъ доведено до чудовищныхъ будто бы размѣровъ, едва ли виданныхъ въ какомъ-либо современномъ государствѣ? Нужды нѣтъ, что въ Германіи уменьшенія числа уроковъ по латинскому языку требовали въ то время, когда число это нигдѣ не было менѣе 70 въ теченіе курса,[1] между тѣмъ какъ у насъ, даже по учебному плану 1871 года, на этотъ предметъ полагалось всего 49 уроковъ, а по росписанію 1890 года назначено только 42, то-есть меньше чѣмъ въ прусскихъ реальныхъ гимназіяхъ (56 уроковъ по положенію 1882 года и 43 въ настоящее время). До этой фактической стороны вопроса нашимъ самозваннымъ реформаторамъ гимназій дѣла нѣтъ. Того, что въ Германіи заговорили о сокращеніи преподаванія древнихъ языковъ — достаточно, чтобы требовать того же и у насъ, хотя для всякаго здраво и безпристрастно

[1] На латинскій въ теченіе 9-лѣтняго курса назначалось недѣльныхъ уроковъ:

	До 1890 г.	Послѣ 1890 г.
Въ Пруссіи........	77	62
„ Баваріи........	73	66
„ Саксоніи........	78	78
„ Вюртембергѣ....	102	81
„ Баденѣ.........	72	72

разсуждающаго человѣка ясно, что требованіе урѣзки нѣсколькихъ уроковъ изъ 70 или 100 (какъ то еще недавно было въ Вюртембергѣ) вовсе еще не оправдываетъ сокращенія числа уроковъ тамъ, гдѣ и безъ того ихъ положено не многимъ болѣе сорока. [1]

Но, не сочувствуя склонности къ рабскому подражанію всему иноземному, развившейся у насъ столь широко между людьми самыхъ противоположныхъ направленій, мы въ то же время отнюдь не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что самобытность нашего національнаго развитія требуетъ будто бы совершеннаго обособленія отъ запада и чуть ли не пренебреженія ко всякому чужому опыту и ко всему тому, что выработано не нами самими. Мы полагаемъ напротивъ, что въ дѣлѣ образованія и воспитанія, какъ одной изъ сторонъ историческаго развитія человѣчества, неизбѣжно существуетъ связь и нѣкотораго рода преемственность между всѣми культурными странами, а потому и для насъ, русскихъ, несмотря на всѣ наши національныя особенности, должно представляться весьма важнымъ изученіе развитія хода просвѣщенія у другихъ народовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ основательное ознакомленіе съ организаціей у нихъ школьнаго дѣла, съ дѣятельностью въ этомъ отношеніи государства и съ тѣми теченіями общественнаго мнѣнія, которыя образовались по сему предмету у нашихъ сосѣдей. Но подобное изученіе должно, по нашему мнѣнію, поставлять себѣ цѣлью не безотчетное втореніе послѣднимъ и не слѣпое подражаніе первой, а должно дать намъ, во-первыхъ, возможность воспользоваться чужимъ опытомъ для провѣрки собственныхъ наблюденій у себя дома, съ цѣлью научиться

---

[1] Намъ могутъ возразить, что требованіе уменьшенія въ нашихъ гимназіяхъ числа уроковъ по древнимъ языкамъ основано на примѣрѣ не одной Германіи, но и Франціи, въ которой въ лицеяхъ число уроковъ меньше, чѣмъ у насъ, но такое возраженіе является неосновательнымъ, такъ какъ во французской школѣ существуетъ совершенно иная организація, чѣмъ у насъ и въ Германіи, и при этой организаціи число уроковъ въ тѣсномъ смыслѣ (classes) вовсе не исчерпываетъ всего времени, посвящаемаго школой тому или другому предмету, благодаря чему невозможно проводить параллели между числомъ уроковъ, обозначенныхъ по росписанію нашихъ гимназій, съ росписаніемъ уроковъ (classes) французскихъ лицеевъ. Если же принять въ соображеніе *все время*, затрачиваемое въ французскихъ лицеяхъ и коллегіяхъ на изученіе древнихъ языковъ, то оно окажется развѣ немногимъ меньше, чѣмъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ.

вѣрнѣе различать то, что составляетъ въ дѣлѣ воспитанія національныя особенности школы, отъ того, что будучи общимъ достояніемъ всего цивилизованнаго міра, является необходимою основой всякой научной школы, гдѣ бы таковая ни существовала, и, во-вторыхъ, изученіе школьнаго вопроса въ чужихъ краяхъ должно избавить насъ отъ необходимости повторять всю ту массу опытовъ и экспериментовъ, чрезъ которые уже прошли школы другихъ странъ и результаты коихъ уже давно извѣстны. Отказываться отъ пользованія чужимъ опытомъ въ этомъ смыслѣ было бы, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для общества и государства, столь же безразсудно, какъ моряку, пускающемуся въ дальній путь, не хотѣть обращать вниманія на существующіе уже маяки и намѣченныя уже давно на картахъ мели, подводныя скалы и морскія теченія, на томъ лишь основаніи, что опасности эти усмотрѣны и извѣданы не имъ самимъ, а другими раньше его.

Если подобный отказъ отъ пользованія результатами опыта, добытаго уже ранѣе насъ, являлся бы вообще мало понятнымъ, то его можно было бы назвать прямо безразсуднымъ въ дѣлѣ просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что опытъ всѣхъ временъ доказываетъ, и мы сами видимъ ежедневно, что въ этой области одни и тѣ же вопросы, касающіеся воспитанія и образованія, одинаково возникаютъ, волнуютъ умы и требуютъ разрѣшенія во всемъ цивилизованномъ мірѣ, среди всѣхъ народовъ, несмотря на различіе ихъ національностей, характеровъ, формъ правленія и условій общественной жизни. Далѣе историческій опытъ научаетъ, что хотя вопросы эти получаютъ весьма различное по формѣ разрѣшеніе, соотвѣтственно особенностямъ каждаго народа, но тѣмъ не менѣе при ближайшемъ ознакомленіи съ этими разнообразными рѣшеніями, мы, по существу, всегда находимъ въ нихъ внутреннее сходство и тождество основныхъ принциповъ и руководящихъ началъ.

Исторія развитія школьнаго дѣла во всей Европѣ представляетъ намъ многочисленные примѣры, подтверждающіе указываемую нами общность коренныхъ принциповъ, на которыхъ основана школа даже въ странахъ, наиболѣе отличающихся другъ отъ друга самыми рѣзкими и самобытными національными особенностями. Такъ и въ нашемъ отечествѣ, даже въ то отдаленное до-петровское время, когда сознаніе связи съ западомъ еще только проникало въ общество, мы видимъ въ нашей школѣ явные слѣды соотношеній между ея развитіемъ и общеевропей-

скою цивилизаціей. Но самымъ яркимъ примѣромъ представляется исторія развитія классической школы—какъ самой старинной—въ наиболѣе культурныхъ государствахъ Европы. Никто, мы полагаемъ, не рѣшится отвергать самобытность національнаго развитія классической школы во Франціи, Англіи и Германіи, въ которыхъ, соотвѣтственно особенностямъ каждой національности, школа получила совершенно отличную другъ отъ друга организацію, но тѣмъ не менѣе, если ближе вникнуть въ дѣло, нельзя не убѣдиться, что, несмотря на различіе формъ, отымающихъ у нихъ почти всякое внѣшнее сходство, школы всѣхъ этихъ странъ сохраняютъ внутреннее единство, преслѣдуютъ тождественныя по существу цѣли и пользуются для этого одинаковыми путями, а главное—однимъ и тѣмъ же учебнымъ матеріаломъ.

Примѣры эти ясно доказываютъ, что самобытность національнаго образованія вообще и школы въ особенности, вовсе не обусловливается обособленіемъ отъ общей культуры другихъ народовъ, а что напротивъ *правильное національное* развитіе школы и ея процвѣтаніе тѣсно связаны съ развитіемъ цивилизаціи остального образованнаго міра.

Вотъ почему изученіе школьнаго вопроса въ чужихъ краяхъ представляло интересъ во всякое время, но особенно важно въ настоящую минуту, когда среднее образованіе переживаетъ почти во всей Европѣ острый кризисъ, тяжело отозвавшійся и на нашихъ собственныхъ школахъ.

Серьезность этого кризиса мы вполнѣ сознаемъ и не закрываемъ глазъ на опасности, которымъ могутъ подвергнуться судьбы классической школы; но опасности эти не могутъ и не должны смущать сторонниковъ испытанной классической системы образованія, вѣками доказавшей свое превосходство во всемъ образованномъ мірѣ. Не въ первый разъ классическая школа подвергается нападеніямъ и переживаетъ тяжелыя минуты: стóитъ, напримѣръ, вспомнить энергическія нападки на нее столь знаменитаго мыслителя, какъ Лейбницъ, въ концѣ XVII вѣка, или столь враждебное ей движеніе, вызванное педагогическими ученіями Жанна Жака Руссо въ прошломъ столѣтіи; но исторія просвѣщенія въ Европѣ доказываетъ намъ, что школа, основанная на языкознаніи, и при томъ преимущественно на изученіи древнихъ языковъ, каждый разъ съ торжествомъ выходила изъ борьбы со своими противниками и почерпая въ этой борьбѣ еще бóльшія силы, достигала новаго расцвѣта, не отказы-

ваясь отъ основныхъ своихъ принциповъ, но усвоивая и принимая въ себя изъ ученій своихъ противниковъ все то, что̀ въ нихъ было вѣрнаго и прочнаго. Такъ, мы увѣрены, и нынѣ классическая школа, если бы даже она временно подверглась неудачамъ, переживетъ острый кризисъ, охватившій среднее образованіе почти во всей Европѣ и въ концѣ-концовъ, въ качествѣ лучшей научной школы, сохранитъ свое первенствующее мѣсто, никому не уступая его, но и не препятствуя свободному развитію школъ другихъ направленій, возникающихъ, благодаря осложнившимся въ наши дни условіямъ частной, общественной и государственной жизни.

Мы могли бы уподобить современное положеніе средняго образованія могучему потоку, воды коего не вмѣщаются въ существующемъ руслѣ и грозятъ, если своевременно не будутъ приняты должныя мѣры, выступивъ изъ береговъ, разрушить культуру, которую онѣ же доселѣ питали. Отвратить эту опасность необходимо, но думать, что можно достичь этого, ставя на его пути преграды—безполезно: потокъ неминуемо снесетъ ихъ. А потому становится очевиднымъ, что нужно стараться, не задерживая потока, овладѣть его теченіемъ открытіемъ новыхъ путей, дающихъ исходъ избытку силъ. Но какъ неразумно было бы полагаться на одни эти новые пути и ради ихъ забросить старые, точно также легкомысленно было бы направить всѣ старанія исключительно къ удовлетворенію возникшей за послѣднее время потребности въ реальныхъ знаніяхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ или преимущественное изученіе внѣшней природы или все то, что̀ служитъ къ непосредственному удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ человѣка, и забыть при этомъ о той широкой области духовной жизни, въ которую входитъ изученіе исторіи человѣчества и проявленій его духа, выражающихся въ языкѣ и высшихъ его произведеніяхъ, т. е. забыть о гуманитарномъ образованіи. Для развитія же просвѣщенія въ этомъ направленіи классическая школа всегда служила и нынѣ безспорно продолжаетъ служить лучшею подготовкой. Такимъ образомъ интересы современной жизни и духъ новаго времени требуютъ, на нашъ взглядъ, не уничтоженія классической школы и не поглощенія ея учебными заведеніями, основанными на иной системѣ, а лишь созданія рядомъ съ нею разсадниковъ просвѣщенія новыхъ типовъ, каковыми въ наши дни и являются реальныя школы, а затѣмъ спеціальныя и профессіональныя учебныя заведенія разныхъ наименованій. Не легко совершается процессъ рожденія этихъ

новыхъ школъ, но онъ всюду, повидимому, уже достигъ послѣднихъ ступеней своего развитія и, какъ мы думаемъ, приходитъ къ концу. Подобно колоніи, сознавшей самостоятельное свое значеніе и силы, и естественно желающей поэтому, отдѣлившись отъ метрополіи, достичь признанія своей самостоятельности, реальная система образованія, приближающаяся въ настоящее время къ полной зрѣлости, естественно стремится выйти изъ подчиненнаго положенія, которое она доселѣ занимала по отношенію къ классической школѣ, какъ своей родоначальницѣ. Какъ ни законно, однако, подобное стремленіе, оно не можетъ осуществиться безъ борьбы и потрясеній, но въ концѣ концовъ выдѣленіе новой системы изъ старой, соотвѣтствуя въ сущности общимъ интересамъ, должно привести къ мирному исходу и къ процвѣтанію школъ обоихъ направленій, обусловленному искреннимъ, взаимнымъ признаніемъ законности параллельнаго ихъ существованія, и добросовѣстнымъ стремленіемъ къ достиженію каждою на своемъ пути—поставленныхъ ей особыхъ цѣлей, причемъ обѣ школы должны, само собою разумѣется, пользоваться одинаковымъ уваженіемъ и правами, равными по значенію, хотя и не тождественными, точно такъ же какъ не тождественны самые ихъ цѣли и пути.

Въ этомъ направленіи совершается въ настоящее время, какъ намъ представляется, переворотъ въ области средняго образованія въ большей части западной Европы; на этой же почвѣ желательно развитіе дѣйствующей у насъ системы средняго образованія, и только на ней, по глубокому нашему убѣжденію, возможна правильная его организація. Наступитъ, мы надѣемся, и то время, когда общественное мнѣніе, давно уже понявшее необходимость отдѣльнаго существованія двухъ, не умаляющихъ значенія другъ друга, видовъ высшаго образованія: университетскаго, т.-е. общаго научнаго и высшаго спеціальнаго (т. е. болѣе прикладнаго), сознаетъ необходимость существованія и двухъ видовъ средней школы, соотвѣтствующихъ направленій, что само собою обусловитъ какъ умноженіе числа школъ реальнаго характера, такъ и сохраненіе, и *при томъ въ чистомъ видѣ*, классической школы, являющейся лучшимъ путемъ для приготовленія къ высшему, чисто научному, т. е. университетскому образованію. Мы не сомнѣваемся, что таковъ долженъ быть исходъ кризиса, который нынѣ переживаетъ классическая школа, изъ котораго она должна, безъ ущерба для реальнаго образованія, выйти побѣдительницей, почерпнувъ въ борьбѣ

новыя силы. Тогда обѣ школы—классическая и реальная—станутъ рядомъ и будутъ развиваться параллельно, не смѣшивая своихъ задачъ, но и не теряя при этомъ общихъ точекъ соприкосновенія, а, напротивъ, взаимнымъ вліяніемъ другъ на друга способствуя общему процвѣтанію просвѣщенія.

Таковъ взглядъ нашъ на положеніе спора между классическимъ и реальнымъ направленіемъ, которымъ обусловливается симпатія наша къ усовершенствованію и развитію реальной школы въ сферѣ, намѣченной ей самимъ существомъ дѣла, но на томъ же взглядѣ основано несочувствіе наше къ тѣмъ, которые, выдавая себя за сторонниковъ реальнаго образованія, въ дѣйствительности мало заботятся о немъ, а направляютъ всѣ свои силы и помыслы на изуродованіе классической школы, т. е. гимназій, ослабленіемъ основныхъ принциповъ, которые заключаютъ въ себѣ главную ихъ сущность [1] и обращеніемъ ихъ курса въ какую-то смѣсь противоположныхъ и несовмѣстимыхъ элементовъ. Къ сожалѣнію, это направленіе является у насъ едва ли не господствующимъ въ значительной части нашего общества и литературы, благодаря чему въ многочисленныхъ статьяхъ и брошюрахъ, обсуждающихъ съ кажущимся рвеніемъ интересы реальнаго образованія, по большей части рѣчь идетъ исключительно о преобразованіи гимназій, о существованіи же реальныхъ училищъ даже не упоминается. Это почти полное забвеніе реальныхъ училищъ доходитъ до того, что, напримѣръ, даже преобразованіе ихъ, послѣдовавшее у насъ въ 1888 г., существенное значеніе коего, независимо отъ сочувствія или несочувствія ему, едва ли возможно отрицать, прошло незамѣченнымъ: одни умалчиваютъ о немъ, другіе, быть можетъ, о немъ вовсе и не знаютъ, а между тѣмъ казалось бы, что сторонниковъ реальнаго образованія должна была-бы интересовать судьба учебныхъ заведеній, хотя и не достигшихъ еще полнаго развитія и подобающаго имъ значенія, но тѣмъ не менѣе поставляющихъ и нынѣ преимущественный контингентъ воспитанниковъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, дающихъ уже теперь образованіе числу молодыхъ людей, хотя меньшему, чѣмъ въ университетахъ, но тѣмъ не менѣе весьма значительному и постоянно возрастающему.

[1] Въ чемъ мы полагаемъ суть классической системы образованія, мы—намъ кажется—съ достаточною ясностью и опредѣленностью высказали въ первой части нашей работы, появившейся сперва на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія*, а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1891 г.

Приступая къ предпринимаемому нами историческому очерку развитія средняго образованія въ Германіи, мы со своей стороны приложимъ все стараніе, чтобы избѣгнуть вышеуказанной односторонности, и въ основу нашего труда положимъ девизъ, уже приведенный въ первой части нашего труда: Suum cuique.

II.

Возникновеніе гуманистическихъ школъ, получившихъ впослѣдствіи общее наименованіе гимназій.—Общее значеніе гуманизма.—Положеніе, въ которомъ первые гуманисты застали школу.—Переворотъ, произведенный гуманизмомъ въ школѣ.—Взгляды первыхъ гуманистовъ на значеніе древности и древнихъ языковъ.—Вліяніе, которое эти взгляды оказали на положеніе роднаго языка.—Дѣятельность первыхъ гуманистовъ въ школьномъ дѣлѣ.—Вліяніе на школу измѣнившихся вслѣдствіе реформаціи отношеній къ школѣ, церкви и государства.—Прежніе и новые типы школъ: Localschulen и Landes или Fürstenschulen.—Организація школы въ XVI столѣтіи.—Образовательныя цѣли, преслѣдуемыя школой, въ связи съ тѣмъ, что въ XVI столѣтіи признавалось идеаломъ просвѣщенія.—Положеніе школъ въ католическихъ мѣстностяхъ Германіи.—Окончательная организація гуманистической школы и общее ея значеніе.

Слѣдуя историческому ходу развитія средняго образованія въ Германіи, мы начнемъ нашъ очеркъ съ исторіи гимназій, какъ старѣйшаго вида общеобразовательной школы, сохранившей и понынѣ свое стародавнее назначеніе подготовлять, преимущественно путемъ изученія древнихъ языковъ и древняго міра, къ высшему научному образованію [1] и тѣмъ самымъ ко всѣмъ высшимъ, такъ-называемымъ, свободнымъ профессіямъ, безо всякой, однако, спеціализаціи этой подготовки въ стѣнахъ самой школы.

Возникновеніе въ Германіи этихъ учебныхъ заведеній, носящихъ нынѣ общее наименованіе „гимназій", относится къ эпохѣ перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени въ концѣ XV. и въ XVI столѣтіяхъ, когда, вслѣдъ за возрожденіемъ наукъ и искусствъ, возникла потребность въ болѣе широкомъ образованіи и лучшей подготовкѣ къ научной дѣятельности, чѣмъ та, которую могла дать средневѣковая школа, разсчитан-

[1] Позволимъ себѣ напомнить нашимъ читателямъ, что подъ терминомъ „приготовленіе къ высшему научному образованію" мы, какъ подробно разъяснено нами въ первой части нашего труда, вовсе не подразумѣваемъ одно лишь подготовленіе къ ученой карьерѣ, а придаемъ этому выраженію болѣе широкое значеніе, отождествляя его съ понятіемъ о приготовленіи къ университетскому образованію вообще.

ная почти исключительно на удовлетвореніе потребностей церкви и погрязшая притомъ въ схоластикѣ.

Гуманизмъ, проникшій во второй половинѣ XV столѣтія изъ Италіи въ Германію, вызвалъ въ ней оживленную умственную и научную дѣятельность, которая быстро охватила сперва университеты, а затѣмъ и подготовительныя къ нимъ школы, находившіяся въ то время частью въ зависимости, частью же даже въ непосредственной связи съ самими университетами, составляя какъ бы низшую ихъ ступень [1].

Указывая на конецъ XV и на начало XVI столѣтія, какъ на время возникновенія въ Германіи той системы образованія, на почвѣ коей постепенно сформировались нынѣшнія гимназіи, мы, однако, вовсе не отрицаемъ того, что школа XVI вѣка, наряду съ новыми принципами, внесенными въ нее гуманизмомъ, не сразу порвала тѣ тысячи нитей, которыя связывали ее съ прошлымъ, и что, будучи непосредственною преемницей средневѣковой школы, она надолго еще сохранила сродство съ нею во внѣшнихъ формахъ и пріемахъ. Но, несмотря на эту связь новой гуманистической школы со старою схоластическою, и несмотря на то, что въ той и другой господствующимъ предметомъ преподаванія (но, какъ мы объяснимъ ниже, съ совершенно измѣненнымъ значеніемъ) являлся латинскій языкъ, мы можемъ говорить о возникновеніи въ XVI столѣтіи новой системы образованія и о возрожденіи школы съ тѣмъ же правомъ, съ которымъ мы говоримъ о возрожденіи наукъ и искусствъ, причемъ различіе между обновленною гуманизмомъ школой и старою схоластическою не менѣе рѣзко, чѣмъ различіе между всѣмъ міросозерцаніемъ среднихъ вѣковъ и культурой новыхъ временъ. Подобно тому, какъ самый гуманизмъ являлся протестомъ противъ мрачнаго застоя среднихъ вѣковъ, такъ и школа, основанная гуманистами, представляетъ собою принципіальную противоположность старой схоластикѣ, и отнюдь не служитъ ея хранительницей и продолжательницей, какъ то столь охотно, но ложно, повторяютъ многіе враги классическаго образованія.

Духъ прогресса и непрерывнаго усовершенствованія легъ въ основу гуманитарнаго образованія, широкое и свободное разви-

[1] Весьма ясное изображеніе эпохи упадка средневѣковой и возникновенія гуманистической школы въ Германіи читатель найдетъ въ весьма интересной книгѣ Кеммеля: Geschichte des deutschen Schulwesens im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit. H. I. Kemmel. Leipzig. 1882.

тіе ума стало главною цѣлью и девизомъ, которому и понынѣ осталась вѣрна правильно организованная классическая школа.

Лучшимъ поясненіемъ культурнаго значенія этой школы служитъ опредѣленіе той важной роли, которую гуманизмъ играетъ въ исторіи просвѣщенія вообще, а потому мы позволимъ себѣ характеризовать эту роль въ высшей степени удачными, по нашему мнѣнію, словами профессора Паульсена, на изслѣдованія коего, относящіяся къ исторіи средняго образованія въ Германіи, намъ постоянно приходится ссылаться:

„Средніе вѣка, лишенные историческаго пониманія и чуждавшіеся критическаго и историческаго анализа, не въ состояніи были", говоритъ Паульсенъ [1], „объективно противопоставить себя древнему міру и отнестись къ нему разумно-самостоятельно; гуманизмъ же, ставъ на почву филологическаго изслѣдованія, предметомъ котораго были тексты древнихъ авторовъ, возвысился до критическаго сужденія и тѣмъ самымъ сдѣлалъ громадный шагъ на пути свободнаго развитія наукъ. Ярче и прежде всего это отразилось въ области математическихъ и астрономическихъ наукъ и въ сферѣ физическихъ наблюденій; и здѣсь изысканія начались съ филолого-*гуманистическихъ* изслѣдованій твореній древнихъ писателей, но затѣмъ послѣдовали столь быстрые успѣхи, что уже въ XVI же столѣтіи эти науки могли стать на путь, указанный Коперникомъ и Галилеемъ, на которомъ онѣ скоро оставили далеко позади себя древнихъ грековъ. Не менѣе достовѣрно и то, что ясное самосознаніе и опредѣленное міровоззрѣніе новаго времени, столь характерно отличающееся отъ смутныхъ, лишенныхъ историческаго пониманія воззрѣній среднихъ вѣковъ, стало возможнымъ лишь благодаря точному и хронологически провѣренному возстановленію прошлаго, для чего исходною точкой опять-таки послужили тѣ филологическія изслѣдованія, съ которыхъ начали свою работу гуманисты. Такимъ образомъ для меня не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что именно гуманизмъ проложилъ первоначальный путь къ тому великому и знаменательному развитію всѣхъ наукъ, которое столь ярко характеризуетъ самую сущность новѣйшей культуры" [2].

---

[1] Paulsen. Geschichte des gelehrten Unterrichts p. 291.

[2] Мысль совершенно сходную со взглядомъ Паульсена высказываетъ, относя ее къ нашему времени, Дюбуа Реймонъ, говоря въ своей извѣстной брошюрѣ „Culturgeschichte und Naturwissenschaft" объ успѣхѣ, который сдѣлали естественныя науки въ наше время. „Ist es nun nicht eines

Первыми двигателями школьнаго дѣла въ Германіи въ новомъ направленіи, данномъ просвѣщенію гуманизмомъ, явились: *Рейхлинъ*, положившій основаніе серьезному изученію греческаго языка, до того весьма мало извѣстнаго въ Германіи, а затѣмъ два самыхъ выдающихся гуманиста конца XV и начала XVI вѣка *Эразмъ Ротердамскій и Меланхтонъ*, произведшіе коренной переворотъ во всей системѣ средняго и высшаго образованія.

И въ средніе вѣка были уже извѣстны сокровища, завѣщанныя намъ древнею Греціей и Римомъ въ богатой ихъ литературѣ. И тогда, правда, встрѣчались отдѣльныя лица, обладавшія въ этомъ отношеніи серьезными познаніями (впрочемъ, преимущественно относительно римской литературы, такъ какъ знаніе греческаго языка составляло рѣдкое явленіе), но въ общемъ древній міръ былъ чуждъ средневѣковому міросозерцанію. Самыя красоты классической литературы и свободный полетъ мысли древнихъ авторовъ пугали и отталкивали средневѣковыхъ ученыхъ. Средневѣковая мысль еще не возвысилась до той степени развитія, которая необходима для того, чтобы умѣть отличить въ древнемъ мірѣ то, что въ немъ есть истиннаго и вѣчно прекраснаго, отъ того, что зависитъ въ немъ отъ преходящихъ условій времени и мѣста, и что, утративъ для насъ значеніе, не можетъ уже оказывать вліянія на наше міросозерцаніе. Понятно поэтому, что въ дѣлѣ воспитанія страхъ и опасенія передъ языческими образами и понятіями, встрѣчаемыми неизбѣжно въ древней литературѣ, устраняли изъ средней школы самую мысль объ изученіи древняго міра.

Гуманизмъ же, освободивъ умы отъ предразсудковъ среднихъ вѣковъ и отъ гнета схоластики, еще разъ открылъ предъ человѣчествомъ всю глубину мысли древнихъ народовъ и величіе ихъ твореній. Признаніемъ органической связи настоящаго съ прошлымъ и изученіемъ древности первые гуманисты проложили путь къ неизсякаемому источнику просвѣщенія и подготовили ту почву, на которой сталъ возможенъ прогрессъ и развитіе научной мысли новаго времени.

---

der grössten Räthsel", говоритъ Дюбуа Реймонъ на стр. 27, „das die Wiederbelebung der classischen Studien es war, welche auch zur Entwickelung der neueren Naturwissenschaften den Anstoss gab? Dass die Alten, welche selber nicht naturwissenschaftlich zu denken, nicht experimentiren, ja nicht zu beobachten wussten, durch ihre Lehren und Gedanken jetzt ein Geschlechter zogen, in welchem diese Täthigkeit mit der Sicherheit einen Naturtriebes stätig und unaufhaltlich sich entfaltet."

Что касается до положенія, въ которомъ первые гуманисты застали изученіе древнихъ языковъ, то знаніе греческаго языка, какъ мы уже сказали, было весьма мало распространено въ Германіи, латинскій же языкъ, бывшій въ обыденномъ употребленіи во всѣхъ образованныхъ классахъ населенія, представлялъ собой искаженіе языка древнихъ римлянъ, образовавшее какъ бы новое нарѣчіе, которое усвоивалось въ школѣ преимущественно механическимъ путемъ, чрезъ постоянное и продолжительное употребленіе съ самаго ранняго возраста.

Переворотъ, произведенный въ школѣ гуманистами, заключался прежде всего въ томъ, что, поставивъ себѣ задачей возстановленіе древнихъ языковъ и ихъ литературы въ ихъ первоначальномъ, подлинномъ видѣ, они положили въ основу преподаванія не современный ново-латинскій языкъ, а изученіе древнихъ языковъ и литературы классическаго періода, для чего уже было недостаточно прежняго механическаго усвоенія языка, а необходимо было примѣненіе болѣе научныхъ методовъ и большее напряженіе логическихъ и вообще умственныхъ способностей, безъ чего трудно было бы понимать древнихъ авторовъ и усвоивать себѣ внутреннее содержаніе ихъ твореній.

Такое измѣненіе учебнаго матеріала, служившаго главною основой школы, уже само по себѣ дало ей совершенно другой характеръ и образовало ту именно почву, на которой затѣмъ постепенно стала развиваться классическая система образованія, а потому мы считаемъ нелишнимъ остановить вниманіе нашихъ читателей на указанномъ нами переворотѣ и подробнѣе вникнуть въ его сущность.

Латинскій языкъ, господствовавшій въ средніе вѣка не только въ школѣ, но и во всемъ образованномъ обществѣ, потому именно, что онъ сталъ обыденнымъ языкомъ, долженъ былъ воспринять въ себя въ теченіе столѣтій такое множество новыхъ и чуждыхъ ему словъ и оборотовъ и настолько измѣниться въ зависимости отъ новыхъ представленій и понятій, для обозначенія коихъ въ древнемъ языкѣ недоставало соотвѣтствующихъ выраженій, что онъ почти даже утратилъ сходство съ языкомъ древнихъ римлянъ. Это было въ сущности, какъ мы только что сказали, новое нарѣчіе, искусственно приспособленное путемъ всевозможныхъ, часто случайныхъ искаженій, къ потребностямъ времени, лишенное всякой правильности и того логическаго развитія, которое составляетъ отличительную черту древняго классическаго языка. Понятно, что подобный языкъ представлялъ собою почву,

весьма мало пригодную для научной работы и изслѣдованія, а равно и являлся весьма мало пригоднымъ для воспитательныхъ цѣлей школы. Естественнымъ послѣдствіемъ господства такого языка въ общемъ употребленіи и въ школѣ было, во-первыхъ, то, что языкъ этотъ, какъ живое и при томъ международное нарѣчіе, удовлетворяя при всѣхъ своихъ недостаткахъ и отсутствіи естественности, потребностямъ общества (къ нуждамъ коего онъ постоянно приноравливался), тѣмъ самымъ дѣлалъ излишнимъ не только разработку, но и употребленіе родного, національнаго языка, а во-вторыхъ, что школа, въ которой преподаваніе преимущественно, если не исключительно, сосредоточивалось на механическомъ усвоеніи подобнаго искаженнаго нарѣчія, сама неизбѣжно лишалась всякаго научнаго характера въ истинномъ значеніи этого слова.

Новый взглядъ гуманистовъ на древній міръ и на древніе языки радикально измѣнилъ положеніе дѣла. Для нихъ исходною точкой отправленія служило признаніе развитія древнихъ языковъ законченнымъ и достигшимъ послѣдней степени совершенства, а потому не допускающимъ никакихъ новшествъ и видоизмѣненій. Въ глазахъ гуманистовъ языки эти представляли собою драгоцѣнный матеріалъ, подлежащій тщательному научному изслѣдованію съ главною цѣлью возстановленія его первоначальной чистоты и изученія его логическихъ законовъ, чтó и побудило ихъ стать на тотъ путь научно-критическихъ изслѣдованій, которымъ ознаменовался переходъ отъ мрака среднихъ вѣковъ къ свѣту новаго времени, благодаря чему школа получила отъ гуманизма въ даръ научно-разработанный, высшій и лучшій учебно-воспитательный матеріалъ, какой только человѣчество и понынѣ въ состояніи найти. — Матеріалъ, который, какъ по своему богатству, такъ и по строгой логичности своего развитія, какъ нельзя болѣе пригоденъ для проведенія научнаго метода чрезъ всѣ ступени преподаванія, начиная отъ низшихъ элементарныхъ и кончая самыми высшими. [1]

Рядомъ съ этою великою, сознательною заслугой первыхъ гуманистовъ передъ школой, новый взглядъ ихъ на древніе языки имѣлъ другое, не предусмотрѣнное ими, но въ высшей

---

[1] Для подтвержденія этой мысли отсылаемъ читателя къ блестящей статьѣ Т. Н. Грановскаго: „Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой системы,“ на которую мы неоднократно указывали въ первомъ выпускѣ нашего труда.

степени важное послѣдствіе, заключающееся въ томъ, что латинскій языкъ, возстановленный въ его классической чистотѣ, не допускающей дальнѣйшаго развитія и видоизмѣненій, не могъ уже удовлетворять во всей полнотѣ практическимъ потребностямъ обыденной, частной и общественной жизни, а потому явилась, и неизбѣжно должна была явиться, необходимость пользоваться рядомъ съ образцовымъ, но мертвымъ языкомъ, другою живою и подвижною рѣчью, могущею приспособляться къ требованіямъ времени и мѣста. Такою рѣчью естественно явился родной языкъ, который со временъ первыхъ же гуманистовъ сталъ все болѣе и болѣе входить въ употребленіе, а затѣмъ постепенно проникъ въ образованное общество, школу и литературу.

Такимъ образомъ первые гуманисты, относившіеся, какъ и всѣ их современники, съ пренебреженіемъ къ родному языку и считавшіе его принадлежностью варварства и черни, сами того не сознавая, проложили ему путь къ широкому распространенію и къ дальнѣйшему развитію.

Они сознали великое общечеловѣческое значеніе языковъ и культуры древняго міра, они поняли, что тѣсная связь съ этою культурой необходима для развитія новѣйшаго просвѣщенія; въ основу коего они и положили камень краеугольный, возстановивъ классическую древность въ ея чистомъ видѣ, но пойти далѣе этого они не были въ состояніи, и созданіе національной культуры не могло еще быть дѣломъ ихъ рукъ. Тѣмъ не менѣе то, что они не были призваны совершить сами и чего они даже не предвидѣли, осуществилось съ теченіемъ времени, такъ-сказать, само собою, какъ неизбѣжное послѣдствіе тѣхъ принциповъ, которые были положены въ основу ихъ ученія. Распространеніе употребленія родной рѣчи, затѣмъ примѣненіе къ ея разработкѣ научныхъ методовъ и пріемовъ, выработанныхъ при изученіи древнихъ языковъ и наконецъ возникновеніе вслѣдствіе сего богатой новѣйшей классической литературы, чисто національнаго характера, но почерпавшей лучшія свои силы изъ изученія великихъ произведеній древности, все это явилось логическимъ результатомъ дальнѣйшаго историческаго развитія гуманизма, — развитія обусловленнаго главнымъ образомъ процвѣтаніемъ классической школы, неизмѣнно признававшей изученіе древности лучшею подготовкой къ общему образованію и стремящейся чѣмъ дальше, тѣмъ больше — при правильной организаціи — путемъ установленія тѣснѣйшей связи

не только между изученіемъ древнихъ и родного языка, но и вообще между прошлымъ и настоящимъ, достигать возможно полнаго и при томъ вполнѣ національнаго развитія юношества. [1]

Возвращаясь затѣмъ къ дѣятельности первыхъ гуманистовъ, мы видимъ, что быстрый успѣхъ школы XVI вѣка, подвинувшій впередъ образованіе въ нѣсколько десятилѣтій болѣе, чѣмъ нѣсколько предшествующихъ столѣтій, достаточно доказалъ, насколько вѣрна была точка отправленія гуманистовъ, положившихъ, какъ мы только-что упомянули, первый камень въ основу нынѣшней нѣмецкой классической школы

Первенствующее значеніе для развитія и распространенія гуманизма не только въ Германіи, но и во всей Европѣ, имѣли труды Эразма Ротердамскаго, который въ цѣломъ рядѣ сочиненій, главнымъ же образомъ въ діалогѣ „Ciceronianus sive de optimo dicendi genere“ и въ сочиненіи „de ratione studii“, опредѣлилъ цѣль и значеніе, которыя имѣютъ для воспитанія древніе языки и классическая литература Грековъ и Римлянъ.

Не малое вліяніе Эразмъ имѣлъ и на распространеніе гуманизма въ школѣ, хотя въ этой области съ началомъ реформаціи успѣхъ его дѣятельности былъ значительно ослабленъ тѣмъ недовѣріемъ, съ которымъ стали относиться къ нему, какъ католики, такъ и протестанты, одинаково обвинявшіе его въ непостоянствѣ и двуличіи.

Болѣе непосредственное вліяніе на развитіе школы въ Германіи имѣлъ Меланхтонъ [2], одинъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ Лютера, котораго можно безъ преувеличенія назвать основателемъ нѣмецкой протестантской школы.

---

[1] По вопросу о необходимости тѣсной связи между преподаваніемъ древнихъ языковъ и родного, какъ одной изъ главныхъ основъ классическаго образованія, мы довольно подробно высказали наши взгляды въ главѣ второй и пятой 1-го выпуска нашего труда, къ которому мы и отсылаемъ нашихъ читателей. Если же осуществленіе этого принципа не вполнѣ достигается у насъ въ настоящее время, то вина въ этомъ упадаетъ не на классическую систему образованія, а на недостаточно последовательное ея осуществленіе въ нашихъ гимназіяхъ, на что мы позволили себѣ указать между прочимъ и въ статьѣ помѣщенной въ 1896 г. на страницахъ журнала *Русская Школа*, подъ заглавіемъ: „Замѣтка по поводу статьи профессора Даневскаго о единой школѣ.“

[2] Прекрасное изложеніе жизни и дѣятельности Меланхтона, а равно довольно обстоятельное изложеніе его учебнаго плана читатель найдетъ у Раумера: Geschichte der Pedagogik. K. Raumer. 6-te Auflage. 1890. I Theil p. 145—171 или въ русскомъ переводѣ Весселя С.-Петерб. 1875 г. стр. 217—249.

Къ нему обращались за совѣтами и указаніями при учрежденіи новыхъ и преобразованіи старыхъ школъ, какъ протестантскія общины и города, такъ и правители. Начертанный имъ въ общихъ чертахъ учебный планъ, развитый потомъ Троцендорфомъ и Штурмомъ, послужилъ исходною точкой для дальнѣйшаго развитія гуманистической школы въ Германіи. Учебники, составленные и изданные Меланхтономъ, на много лѣтъ пережили его.

Между продолжателями дѣла, начатаго Рейхлиномъ, Эразмомъ и Меланхтономъ, въ области развитія школьнаго дѣла въ Германіи особенно выдаются названные только что *Троцендорфъ*, руководившій знаменитою въ свое время школой въ Гольдбергѣ (отъ 1531—1563 г.);[1] *I. Штурмъ*, основавшій въ Страсбургѣ школу, пользовавшуюся особою славой во время его ректорства (1538—1583 г.) и *Неандеръ*, управлявшій извѣстною школой въ Ильфельдѣ (1550—1595 г.). Первые двое особенно прославились своими организаторскими талантами, а послѣдній усовершенствованіемъ и упрощеніемъ методовъ преподаванія.

Неандеръ обратилъ особое вниманіе на необходимость болѣе строгаго разграниченія элементарнаго преподаванія отъ научнаго, такъ какъ каждый возрастъ, по своему развитію и силамъ, требуетъ преподаванія различнаго не только по объему, но и по методамъ и способамъ обученія. Этимъ самымъ Неандеръ положилъ начало мысли, вполнѣ осуществившейся только гораздо позднѣе, о раціональномъ отдѣленіи низшаго и средняго образованія отъ высшаго—научнаго.

Что касается до I. Штурма, то ему принадлежитъ честь установленія въ своей школѣ организаціи, которая во многихъ отношеніяхъ и на долгое время послужила образцомъ для устройства среднеучебныхъ заведеній въ Германіи. Основанная имъ школа имѣла сперва девяти, а потомъ десятилѣтній курсъ и правильно дѣлилась на соотвѣтствующее число классовъ. Въ

[1] Троцендорфъ славился какъ искусный преподаватель и считался однимъ изъ лучшихъ педагоговъ XVI столѣтія. Дѣятельности его воздана хвала во многихъ торжественныхъ рѣчахъ, которыя не лишены интереса, такъ какъ ярко характеризуютъ взгляды современниковъ на цѣли и значеніе образованія. Въ одной изъ подобныхъ рѣчей авторъ ставитъ Троцендорфу въ особую заслугу то, что онъ такъ распространилъ будто бы въ Гольдбергѣ латинскую рѣчь, что даже слуги и служанки говорятъ по латыни и что, находясь въ Гольдбергѣ, невольно воображаешь себя въ классическомъ Лаціумѣ.

каждомъ классѣ преподаваніе поручалось особому учителю. Объемъ преподаванія въ классѣ былъ довольно точно опредѣленъ, и по окончаніи учебнаго года во всѣхъ классахъ производились правильно организованные экзамены. Словомъ въ Страсбургской школѣ Штурма мы находимъ уже всѣ зачатки того школьнаго устройства, которое, развиваясь постепенно въ послѣдующіе вѣка, дошло до нашего времени. Что касается до преподаванія въ школѣ Штурма по существу, то оно славилось у современниковъ, но нельзя не признать, что по отношенію къ изученію древнихъ авторовъ по ихъ содержанію, оно было поставлено горэздо уже, чѣмъ того желали первые гуманисты. Формальное языкознаніе, т. е. изученіе и усвоеніе древнихъ языковъ классическаго періода *съ внѣшней ихъ стороны* слишкомъ поглощало вниманіе Штурма, благодаря чему онъ почти совершенно устранилъ не только занятіе математикой (элементы которой гуманисты того времени уже считали необходимою принадлежностью общаго образованія) [1], но и самое изученіе по содержанію и существу образцовъ классической литературы, толковому чтенію коихъ придавали столь важное значеніе Эразмъ и Меланхтонъ [2].

Рядомъ съ переворотомъ, произведеннымъ въ школѣ гуманистическимъ ученіемъ, не меньшее вліяніе на судьбу ея имѣло происшедшее въ ту же эпоху, т.-е. въ XVI вѣкѣ, измѣненіе отношеній государства къ школѣ. До реформаціи католическая церковь вполнѣ господствовала во всемъ, что имѣло отношеніе къ просвѣщенію. Не только школы всѣхъ категорій, но и университеты признавали надъ собой главенство церкви, при чемъ и самое государство во всемъ, что касалось образованія, подчинялось ея верховнымъ велѣніямъ.

---

[1] Подтвержденіемъ того, что въ половинѣ XIV столѣтія математика составляла уже необходимую принадлежность курса гуманистической школы, могутъ служить многочисленные учебные планы школъ того времени, образцы которыхъ не трудно найти въ любомъ сборникѣ или учебникѣ исторіи педагогики. Для примѣра укажемъ на учебный планъ 1579 г. Берлинской гимназіи Zum grauen Kloster, изъ коего видно, что на преподаваніе математики были отведены особые обязательные часы (Wiese, das höhere Schulwesen B. I. p. 90), или на учебный планъ школы въ Дюссельдорфѣ (1545), о которомъ упоминаетъ Паульсенъ и изъ коего видно, что въ школѣ этой преподавалась не только низшая математика, но и даже аналитика.

[2] Значеніе, которое Эразмъ придавалъ изученію классической литературы не только по формѣ ради языка, но и по содержанію, ясно видно изъ. его діалога Ciceronianus sive de optimo dicendi genere.

Само-собою разумѣется, что такой порядокъ вещей долженъ былъ разрушиться въ странахъ, принявшихъ реформацію, которая, измѣнивъ коренньмъ образомъ самое понятіе о Церкви, обратила ее въ мѣстное, территоріальное государственное учрежденіе, естественнымъ образомъ подчиненное верховной свѣтской власти, къ которой и по отношенію къ школѣ перешла большая часть прерогативъ, прежде принадлежавшихъ Церкви, при чемъ хотя послѣдняя продолжала еще долгое время управлять школой и оказывать на нее первенствующее вліяніе, но далеко не столь самостоятельно, какъ прежде, а въ качествѣ одного изъ органовъ государства.

Государственная власть, получившая въ силу реформаціи право до извѣстной степени регламентировать дѣла Церкви, тѣмъ самымъ приняла на себя и попеченіе о школѣ. Послѣдствіемъ сего было появленіе въ теченіе XVI вѣка во всѣхъ многочисленныхъ протестантскихъ государствахъ Германіи ряда законоположеній, исходящихъ отъ свѣтской власти и опредѣлявшихъ одновременно положеніе и порядокъ управленія какъ школы, такъ и вновь образовавшихся территоріальныхъ протестантскихъ церквей.

Къ тому же времени относится возникновеніе новаго типа учебныхъ заведеній, которыя можно уже назвать правительственными.

До средины XVI вѣка въ Германіи съ одной стороны существовали мѣстныя школы, учреждавшіяся духовенствомъ, отдѣльными общинами или городами для удовлетворенія своихъ мѣстныхъ или частныхъ потребностей, а съ другой стороны имѣлись высшія научныя учрежденія, какъ университеты и академіи, пользовавшіеся обширными правами независимыхъ и привилегированныхъ корпорацій, вліяніе коихъ простиралось далеко за предѣлы территоріи, въ которой они находились.

Въ эпоху же, о которой мы говоримъ, правительства отдѣльныхъ государствъ стали учреждать школы новаго типа, хотя и имѣющія мѣстное, но болѣе широкое, чѣмъ то бывало прежде, значеніе, и предназначенныя удовлетворять потребностямъ уже не отдѣльныхъ общинъ и городовъ, а цѣлыхъ провинцій и даже государствъ. Школы эти вслѣдствіе своего территоріальнаго значенія получили наименованіе Landesschulen или Fürstenschulen въ противоположность къ существовавшимъ ранѣе мѣстнымъ школамъ Particular Localschulen. Во многихъ мѣстностяхъ эти территоріальныя школы назывались тоже монастыр-

скими (Klosterschulen), [1] въ виду того, что онѣ большею частью содержались на счетъ конфискованныхъ монастырскихъ и церковныхъ имуществъ и нерѣдко помѣщались въ зданіяхъ упраздненныхъ монастырей.

Несмотря на то, что въ Германіи существовало множество самостоятельныхъ государствъ, учреждавшихъ территоріальныя школы и издававшихъ общія положенія о школахъ (Schulordnungen) совершенно независимо другъ отъ друга, но тѣмъ не менѣе въ XVI вѣкѣ школьное законодательство во всѣхъ частяхъ Германіи было весьма сходное, что объясняется какъ національнымъ единствомъ, существовавшимъ несмотря на политическое раздѣленіе, такъ и тѣмъ, что школьные законы издавались и школы учреждались при тождественныхъ условіяхъ и для удовлетворенія однородныхъ потребностей. Такъ, напримѣръ, саксонское положеніе о школахъ 1580 г. является почти сколкомъ съ Вюртембергскаго положенія 1559 г. Точно также саксонскія княжескія школы (въ Мейсенѣ, Гримѣ и Пфортѣ, игравшія столь видную роль въ исторіи ерeдняго образованія Германіи, и существующія до настоящаго времени) были весьма сходны по своей организаціи съ вюртембергскими монастырскими школами, хотя и отличаются отъ нихъ въ томъ отношеніи, что саксонскія княжескія школы съ самаго своего основанія имѣли цѣлью приготовлять ко всѣмъ факультетамъ университетовъ, въ то время какъ вюртембергскія монастырскія школы представлялись скорѣе протестантскими духовными семинаріями и должны были приготовлять будущихъ теологовъ. [2] Изданіемъ ряда положеній, опредѣлявшихъ школьное устройство, и учрежденіемъ княжескихъ школъ завершилась въ XVI столѣтіи учебная организація, представлявшаяся въ слѣдующемъ видѣ: потребностямъ низшаго элементарнаго образованія удовлетворяли такъ называемыя *нѣмецкія школы*, предназначенныя для обученія грамотѣ дѣтей 6—10 лѣтъ. [3] Затѣмъ

[1] Это наименованіе сохранилось до позднѣйшаго времени въ Вюртембергѣ.

[2] Раумеръ. Geschichte der Pedagogik. B. I p. 254—262. Переводъ Веселя ч. I, стр. 366—390.

[3] Нѣмецкія школы не могли однако считаться тѣмъ, чѣмъ въ наше время являетcи начальная народная школа, такъ какъ главная цѣль ихъ заключалась не столько въ распространеніи просвѣщенія въ народныхъ массахъ, сколько въ первоначальномъ школьномъ приготовленіи (Schulung) дѣтей, предназначаемыхъ къ поступленію въ высшія категоріи школъ (то есть, въ латинскія школы). Мысль о народной школѣ, какъ ее понимали въ позднѣйшее время, возникла позднее, и родоначальникомъ этой школы слѣдуетъ считать Коменскаго.

среднюю ступень составляли *латинскія* (мѣстныя, партикулярныя) *и территоріальныя княжескія или монастырскія школы* (Landeschulen, Fürstenschulen, Klosterschulen), наконецъ, высшее образованіе получалось въ университетахъ.

Какъ латинскія, такъ въ особенности княжескія школы имѣли цѣлью приготовлять къ университету, хотя впрочемъ условія поступленія въ таковой не были еще строго опредѣлены, и молодые люди допускались до иматрикуляціи при различныхъ условіяхъ и съ весьма разнообразною подготовкой.

Полная латинская школа раздѣлялась первоначально на пять классовъ, но вскорѣ былъ прибавленъ шестой. Главный предметъ преподаванія, начиная съ младшаго класса, былъ латинскій языкъ съ обширнымъ курсомъ грамматики и стилистики, соединеннымъ съ чтеніемъ авторовъ. Преподаваніе происходило на латинскомъ языкѣ, на которомъ должны были разговаривать между собой какъ учащіе, такъ и учащіеся.

Изученіе греческаго языка начиналось съ IV класса.

Чрезвычайно важное значеніе придавалось преподаванію Закона Божія и въ особенности чтенію новаго завѣта на греческомъ языкѣ.

Проходился тоже, весьма впрочемъ элементарный, курсъ математики.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ школахъ, наиболѣе полныхъ по курсу ученія, преподавался древне-еврейскій языкъ и краткій курсъ исторіи и географіи.

Далеко не всѣ латинскія школы имѣли однако полную организацію. Число классовъ, а слѣдовательно и полнота курса зависѣла отъ мѣстныхъ условій, отъ числа учениковъ, отъ матеріальныхъ средствъ и, наконецъ, отъ педагогическихъ силъ и способностей наличнаго состава преподавателей. Множество латинскихъ школъ имѣли только одинъ, два или три класса и служили только подготовительными учрежденіями для другихъ, болѣе развившихся учебныхъ заведеній, или часто вовсе не давали законченнаго образованія своимъ воспитанникамъ.

Княжескія и монастырскія школы служили какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ латинскихъ школъ и предполагали уже въ своихъ ученикахъ предварительное знаніе курса трехъ классовъ латинской школы. Въ этихъ территоріальныхъ школахъ ученіе продолжалось шесть лѣтъ. Предметы обученія были тѣ же, что въ латинской школѣ, но получали большее развитіе. Въ нихъ,

кромѣ латинскаго и греческаго языка, преподавался еще и еврейскій, необходимый для теологовъ.

Что касается до образовательнаго уровня, достичь коего стремились какъ полныя латинскія, такъ въ особенности княжескія и монастырскія школы, то онъ естественно находился въ прямой зависимости отъ того, что въ XVI столѣтіи признавалось цѣлью и идеаломъ истиннаго просвѣщенія. Идеаломъ же этимъ представлялось воскрешеніе классической литературы, не только путемъ изученія и возстановленія въ подлинной чистотѣ произведеній древнихъ классиковъ, но и созданіемъ на древнихъ языкахъ (преимущественно на латинскомъ) новой литературы, если не тождественной, то по возможности сходной съ твореніями древне-греческихъ и римскихъ писателей. Въ виду сего необходимѣйшимъ условіемъ высшаго образованія признавалось такое знаніе древнихъ языковъ, которое давало бы возможность, по крайней мѣрѣ по-латыни, свободно говорить и писать въ стилѣ Цицерона и Вергилія. Такой взглядъ на сущность высшаго образованія самъ собою опредѣлялъ и ближайшія задачи средней школы, которая должна была стремиться сообщить учащимся не только твердое и полное знаніе древнихъ языковъ съ формальной ихъ стороны, но и свободное устное и письменное владѣніе ими, что и достигалось какъ усиленнымъ изученіемъ грамматики въ связи съ постоянными устными и письменными упражненіями, такъ и чтеніемъ классической древней литературы, при чемъ однако изученіе ея по внутреннему ея содержанію еще не составляло главной задачи школы, такъ какъ подобное изученіе входило уже въ область высшаго образованія.

Для болѣе же полнаго выясненія взгляда гуманистовъ XVI вѣка на среднее и высшее образованіе мы находимъ необходимымъ указать еще на то, какой смыслъ они придавали изученію внутренняго содержанія древней литературы, такъ какъ взгляды ихъ въ этомъ отношеніи существенно отличаются отъ позднѣйшихъ и современныхъ намъ взглядовъ на научное изученіе древности. Нельзя забывать, что гуманисты XVI вѣка были только начинателями дѣла и что историко-критическое пониманіе древности находилось еще въ младенчествѣ. Правильно оцѣнить всю совокупность значенія Греціи и Рима, какъ законченнаго періода развитія человѣчества, они еще не были въ состояніи. Для нихъ древній міръ, почти забытый въ средніе вѣка, представлялся какъ бы новымъ откровеніемъ; въ немъ

они находили не только наиболѣе совершенный образецъ литературнаго творчества, которому надлежало подражать, но усматривали въ немъ, сверхъ того, источникъ всякаго знанія и мудрости, полагая, что изъ него можно почерпнуть все и по всѣмъ наукамъ, что только доступно уму человѣческому. Отсюда проистекало какъ стремленіе, на которое мы только что указали, создать новую литературу, являющуюся какъ бы повтореніемъ того, что уже произвела римская и греческая культура, такъ и надежда найти въ міросозерцаніи древнихъ народовъ ключъ къ развитію всѣхъ наукъ.

Такимъ образомъ первые гуманисты сдѣлали, какъ мы уже сказали, великій шагъ къ возстановленію необходимой связи между прошлымъ и настоящимъ, но, не исчерпавъ еще всесторонняго значенія для насъ древняго міра, *остановились на подражаніи ему*, что и составляетъ характерную черту всего гуманистическаго направленія въ первое время его существованія. Затѣмъ нужна была еще вѣковая работа для того, чтобы на почвѣ гуманизма развилось самостоятельное творчество новѣйшаго времени и чтобы самое понятіе о гуманитарномъ образованіи получило то значеніе, которое оно имѣетъ въ наши дни.

До сихъ поръ, говоря объ организаціи школы въ Германіи въ первомъ столѣтіи господства гуманизма, мы касались лишь протестантской ея части, считаемъ теперь необходимымъ сказать нѣсколько словъ о положеніи въ тѣ же времена школьнаго дѣла въ мѣстностяхъ, оставшихся вѣрными католицизму. И здѣсь въ XVI столѣтіи обнаружилась дѣятельность едва ли менѣе оживленная, чѣмъ у протестантскихъ сосѣдей: католическая церковь и въ прежнія времена всегда смотрѣла на школу какъ на могущественное средство для укрѣпленія своего авторитета, а потому, оправившись отъ первыхъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ ей реформаціей, она съ особою энергіей принялась за реорганизацію школы съ цѣлью возстановленія и усиленія своего поколебленнаго вліянія. Уже въ срединѣ XVI столѣтія Тридентскій соборъ издалъ рядъ постановленій, призывавшихъ католическое духовенство къ усиленію своей дѣятельности на школьномъ поприщѣ. Но полное развитіе католическая школа получила въ Германіи главнымъ образомъ подъ вліяніемъ іезуитовъ, которые къ концу столѣтія завладѣли ею всюду, гдѣ католицизмъ сохранилъ свое господство. Центрами дѣятельности іезуитовъ въ Германіи стала Баварія (въ особенности Ингольштадтскій университетъ) и Кельнъ съ Прирейн-

скими провинціями; отсюда они распространяли свое вліяніе на всю Германію, которую скоро покрыли цѣлою сѣтью многочисленныхъ учебныхъ заведеній.

Наибольшее вниманіе іезуиты обратили на воспитаніе, посредствомъ коего они всецѣло овладѣвали, такъ-сказать, душей и тѣломъ своихъ воспитанниковъ и, направляя ихъ по своему усмотрѣнію, распространяли чрезъ нихъ свое господство въ обществѣ. Что же касается до обученія, то, за исключеніемъ преподаванія закона Божія, общій учебный строй іезуитскихъ школъ мало отличался отъ протестантскихъ. Въ этомъ отношеніи обѣ школы стремились къ достиженію однѣхъ и тѣхъ же цѣлей, при чемъ въ нихъ обѣихъ не только предметы преподаванія были тождественны, но и учебники долгое время употреблялись одни и тѣ же. [1]

Такимъ образомъ въ теченіе XVI вѣка, подъ вліяніемъ гуманизма, совершилось преобразованіе или, вѣрнѣе сказать перерожденіе средневѣковой германской школы въ новую гуманистическую, основанную преимущественно на изученіи обоихъ древнихъ языковъ и ихъ литературъ *классическаго періода.*

Организація школы, сложившаяся въ XVI столѣтіи, просуществовала въ значительной части Германіи безъ существенныхъ измѣненій болѣе двухсотъ лѣтъ, но, несмотря на столь продолжительную неподвижность внѣшнихъ формъ, внутреннее развитіе школы непрерывно продолжалось, то быстрѣе, то замедляясь, въ зависимости отъ разнообразныхъ условій, вліявшихъ на жизнь школы. При чемъ развитіе это неизмѣнно доказывало на дѣлѣ, на сколько древніе языки и ихъ литературы представляютъ для образованія и воспитанія ума драгоцѣнный и неисчерпаемый матеріалъ, пригодный для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ требованій умственной жизни, а равно доказывало насколько классическая система образованія обладаетъ жизненностью и способностью приспособляться къ условіямъ культуры и прогресса разныхъ временъ, благодаря чему она не только понынѣ удержала, но и на долгое время, какъ мы твердо вѣримъ, удержитъ свое господствующее положеніе въ цивилизованномъ мірѣ. Не даромъ классическая школа, служа въ теченіе болѣе трехъ столѣтій первою ступенью научнаго образованія, пережила всѣ фазисы его развитія, начавшагося, какъ мы уже сказали, при первыхъ гуманистахъ, съ подража-

[1] Paulsen. Geschiechte des gelehrten Unterrichts p. 284 и послѣд.

нія древней литературѣ на древнихъ же языкахъ, перешедшаго затѣмъ къ такъ-называемому ложно-классическому періоду (то-есть, къ литературѣ на родномъ языкѣ, искавшей однако совершенства въ томъ же подражаніи древности) и получившаго наконецъ высшее выраженіе, какъ въ самостоятельномъ національномъ литературномъ творчествѣ новаго времени, такъ и въ колоссальныхъ успѣхахъ науки во всѣхъ отрасляхъ знанія: въ философіи, исторіи, филологіи, математикѣ и естественныхъ наукахъ. Въ теченіе этого долгаго періода, начиная съ XVI вѣка и до нашихъ дней, всѣ выдающіеся дѣятели и двигатели просвѣщенія во всѣхъ его областяхъ, получали первоначальное свое научное образованіе въ классической школѣ, въ ней подготовляли свой умъ и развивали свои способности для дальнѣйшей научной работы.

III.

Реакція противъ гуманизма въ XVII и XVIII столѣтіи. — Новыя педагогическія воззрѣнія, Ратке (Ratihius), Коменскій (Comenius).—Новыя условія жизни высшихъ сословій и вліяніе этихъ условій на школу. — Рыцарскія академіи.—Вліяніе на школу раціонализма, Лейбницъ. — Вліяніе піэтизма, Франке. — Вліяніе на нѣмецкую школу педагогическихъ ученій Руссо. — Базедовъ и филантропинизмъ.

Ошибочно было бы думать, что развитіе классической школы происходило безпрепятственно и что древніе языки удержали въ ней свое господствующее положеніе безъ борьбы, не встрѣчая на пути своемъ никакихъ затрудненій. Напротивъ, классической системѣ образованія пришлось пройти тернистый путь и выдержать не разъ ожесточенную борьбу, прежде чѣмъ достичь нынѣшняго своего развитія.

Уже въ началѣ XVII столѣтія въ Германіи появилась реакція противъ гуманизма, и въ обществѣ наступило временное охлажденіе къ изученію древности, вызванное по отношенію къ школѣ частью слишкомъ одностороннимъ направленіемъ, принятымъ позднѣйшими гуманистами, у которыхъ стремленіе къ слѣпому подражанію произведеніямъ древнихъ писателей по внѣшней ихъ формѣ получило чрезмѣрное преобладаніе, частью вслѣдствіе возникновенія въ обществѣ новыхъ потребностей, которыя плохо укладывались въ тѣсную рамку существовавшей школы. Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе выдающихся представителей этой реакціи въ педагогическомъ мірѣ является нѣкто Ратке (или Ratihius, какъ онъ именовалъ себя въ литературѣ,

латинизируя свое имя). Само собою разумѣется, что Ратке былъ далекъ отъ мысли объ изгнаніи изъ школы древнихъ языковъ, такъ какъ въ его время подобная мысль не могла даже и зародиться, но, сохраняя за древними языками первенствующее мѣсто въ школѣ, онъ стремился кореннымъ образомъ измѣнить значеніе ихъ изученія, которое онъ желалъ вполнѣ подчинить утилитарнымъ и прикладнымъ цѣлямъ, отдавая предпочтеніе быстрому механическому усвоенію языка передъ основательнымъ его изученіемъ. Въ то же время онъ одинъ изъ первыхъ указалъ—и въ этомъ заключается его педагогическая заслуга—на желательность организовать школу съ преподаваніемъ не на латинскомъ, а на современномъ языкѣ. Но рядомъ съ этимъ серьезнымъ и важнымъ новшествомъ, получившимъ вскорѣ полное право гражданства, Ратихій примѣшивалъ къ своему педагогическому ученію много фантастическаго и шарлатанства; такъ, напримѣръ, онъ увѣрялъ, что изобрѣлъ особый методъ, при номощи котораго можно въ самое короткое время изучить какой угодно языкъ и, сверхъ того, утверждалъ, что онъ нашелъ ключь къ установленію въ Германіи общаго языка, общей религіи и одинаковаго управленія [1].

Ратихій держалъ свои методы въ секретѣ и примѣнялъ ихъ только въ устраиваемыхъ имъ самимъ школахъ, въ коихъ преподаватели приводились къ присягѣ въ томъ, что они не выдадутъ его тайны. Несмотря однако на такіе шарлатанскіе пріемы, онъ нѣкоторое время пользовался въ Германіи значительнымъ успѣхомъ: многіе города поручали ему устройство школъ, знатныя лица снабжали его деньгами и даже такіе выдающіеся педагоги, какъ Comënius (латинизированное имя Коменскаго) обращались къ нему за совѣтами. Но на дѣлѣ оказалось, что Ратихій, вѣрно подмѣчавшій нѣкоторые недостатки существующей школы, оказывался несостоятельнымъ при осуществленіи на практикѣ своихъ собственныхъ теорій, и что основанныя имъ во

[1] Въ 1612 г. Ратихій подалъ франкфуртскому избирательному сейму петицію, въ которой въ слѣдующихъ выраженіяхъ заявлялъ, что онъ, Ратихій, можетъ на пользу и благо всего христіанства указать способы: „1) Wie Ebreische, Griechische, Lateinische, und andere Sprachen mehr, gar in kurzer Zeit, sowohl bei Alten als Jungen leichtlich zu erlernen, als fortzuphlanzen seien. 2) Wie nicht allein in Hochdeutscher, sondern auch in allen andern Sprachen eine Schule einzurichten, darin alle Künste und Facultäten ausführlicher kennen, gelehrt und propagiert werden. 3) Wie im ganzen Reich ein eindrächtige Begierung und endlich un eindrächtlige Religion einzuführen und friedlich zu erhalten sei“.

многихъ мѣстахъ школы далеко не соотвѣтствовали его обѣщаніямъ. Онъ впалъ въ немилость у большей части своихъ покровителей, одинъ изъ коихъ, не видя въ школѣ обѣщанныхъ успѣховъ, посадилъ его въ тюрьму за обманъ.

Тѣмъ не менѣе, не взирая на значительную дозу шарлатанства, которымъ отличался характеръ Ратихіуса и на принципіальную ошибочность его теоріи воспитанія, проникнутой исключительно утилитарнымъ направленіемъ, нельзя не признать, что дѣятельность его прошла не безслѣдно, и что въ его сочиненіяхъ, между прочимъ, встрѣчаются здравые принципы, имѣвшіе существенное значеніе для дальнѣйшашаго развитія педагогики. Такъ, напримѣръ, имъ высказана была мысль о томъ, что въ воспитаніи надлежитъ избѣгать насильственнаго принужденія, что не слѣдуетъ учить многому заразъ, что не слѣдуетъ ограничиваться требованіемъ заучиванія учащимися всего наизусть, а надлежитъ стараться, чтобы они усвоивали учебный матеріалъ пониманіемъ, для чего имъ нужно давать должныя разъясненія, приводить наглядныя доказательства и т. п.

Многіе изъ педагогическихъ принциповъ Ратихіуса получили впослѣдствіи дальнѣйшее развитіе и понынѣ не утратили своего значенія.

Говоря о Ратихіусѣ, не можемъ не упомянуть о значеніи одного изъ его современниковъ и при томъ едва ли не величайшаго педагога XVII вѣка, а именно о Коменскомъ (или Коменіусѣ, какъ онъ именовалъ себя), хотя дѣятельность его и не имѣетъ прямого отношенія къ развитію германской средней школы, составляющей собственно предметъ нашей работы, а была главнымъ образомъ направлена на развитіе идеи о народной школѣ, творцомъ коей его не безъ основанія признаютъ. Точно также и сочиненія Коменскаго имѣютъ бòльшее значеніе для общей педагогики, чѣмъ для исторіи средняго образованія въ Германіи, но тѣмъ не менѣе, мы не можемъ обойти ихъ молчаніемъ, такъ какъ Коменскій внесъ въ изученіе языковъ вообще новые взгляды и направленіе, оставшіеся не безъ вліянія на способы преподаванія и въ средней школѣ, и которые можно назвать началомъ реализма въ этой области. Исходною точкой его педагогики была наглядность и развитіе внѣшнихъ чувствъ прежде развитія памяти и разсужденія; этотъ принципъ онъ старался перенести и на изученіе языковъ, которое, по его теоріи, должно было начинаться съ нагляднаго ознакомленія съ предметами или ихъ изображеніями, послѣ чего уже должно было

слѣдовать объясненіе ихъ названій и ознакомленіе такимъ образомъ учащагося съ языкомъ. Въ видахъ примѣненія къ дѣлу своихъ теорій, Коменскій составилъ и издалъ свой знаменитый Orbis pictus—(міръ въ картинкахъ [1], который долгое время занималъ видное мѣсто въ школьномъ преподаваніи и послужилъ предметомъ подражанія для многихъ послѣдователей ученія Коменскаго.

Усиленію въ XVII столѣтіи реакціи противъ гуманизма и классической школы способствовали и новыя условія общественной и государственной жизни, возникшія вслѣдствіе измѣнившагося положенія сословій. Рыцарство, въ прежнія времена почти совершенно чуждавшееся образованія, начало вмѣстѣ съ потерей своего исключительно военнаго характера ощущать потребность въ просвѣщеніи. Члены этого сословія, утрачивая значеніе болѣе или менѣе самосостоятельныхъ правителей, стали стремиться къ поступленію на службу государства и въ качествѣ слугъ его принимали участіе въ усложнившемся уже общественномъ и государственномъ управленіи, для чего было необходимо соотвѣтствующее воспитаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошла перемѣна и въ характерѣ придворной жизни, которая стала въ особенности привлекать дворянство, при чемъ образецъ этой жизни былъ заимствованъ изъ Франціи, гдѣ уже ранѣе выработался типъ свѣтскаго образованнаго человѣка. Между тѣмъ существовавшая школа, носившая въ глазахъ высшаго сословія отпечатокъ мѣщанства, не могла дать удовлетвореніе этому стремленію, тѣмъ болѣе, что она, по мнѣнію дворянства, не соотвѣтствовала его достоинству [2], что и вызвало возникновеніе сословныхъ учебныхъ или, вѣрнѣе сказать, воспитательныхъ заведеній, получившихъ названіе рыцарскихъ академій или школъ (Ritter-Academien, Ritterschulen [3], которыя вскорѣ покрыли Германію цѣлою сѣтью.

[1] Весьма интересное, хотя и краткое, описаніе педагогической дѣятельности и опредѣленіе значенія Коменіуса читатель найдетъ у Штекеля. Lehrbuch der Geschichte der Pedagogik pag.—267—273 и у Модзалевскаго „Очеркъ исторіи воспитанія и обученія“, стр. 455—472.

[2] Сословный взглядъ на воспитаніе и образованіе ярко выразился въ рядѣ петицій, подаваемыхъ рыцарствомъ правительствамъ разныхъ Германскихъ государствъ, въ которыхъ выражалась просьба объ учрежденіи сословныхъ учебныхъ заведеній для дворянства. Для примѣра укажемъ на петицію Саксонскаго рыцарства (1682 г.), на которую читатель найдетъ довольно подробную ссылку у Паульсена (р. 343).

[3] Рыцарскія академіи стали возникать еще въ самомъ началѣ XVII столѣтія, напр., Collegium illustre въ Тюбингинѣ. Collegium Mauritianum въ Касселѣ, но большая часть ихъ погибла во время Тридцатилѣтней войны; время же возрожденія и процвѣтанія этихъ академій начинается послѣ окончанія этой войны.

Цѣлью этихъ новыхъ сословныхъ учебныхъ заведеній поставлялось сообщеніе учащимся знаній, касающихся *всего* того, что только признавалось *полезнымъ* для юноши высшаго круга и что могло сформировать изъ него совершеннаго по тогдашнимъ понятіямъ свѣтскаго и придворнаго человѣка. Въ виду такой обширной задачи, академіи приняли въ свой курсъ множество новыхъ предметовъ, напримѣръ, естественныя науки (интересъ или, вѣрнѣе сказать, любопытство по отношенію къ коимъ сильно развилось въ высшемъ обществѣ), математику съ астрономіей, новые языки (преимущественно французскій и итальянскій), элементы юридическихъ и политическихъ наукъ, основныя понятія о медицинѣ и фармакогнозіи, механику, физику, химію и рядомъ съ этимъ всевозможныя физическія упражненія, какъ-то: фехтованіе, верховая ѣзда, военный строй и т. д.

Что касается до характера преподаванія, то онъ, какъ и самыя программы этихъ школъ, былъ проникнутъ утилитарнымъ духомъ, подъ вліяніемъ котораго та или другая наука цѣнилась настолько, насколько отъ изученія ея можно было извлечь выгоду при непосредственномъ ея примѣненіи на практикѣ. Для примѣра сошлемся на объясненіе пользы математики и астрономіи, встрѣчающееся въ учредительныхъ актахъ извѣстнаго Collegium Mauritianum въ Касселѣ. Въ этихъ актахъ съ особымъ удареніемъ указывалось на то, что независимо отъ удовлетворенія научной любознательности (которой, повидимому, не придавалось особаго значенія), изученіе математики и астрономіи полезно для лицъ благороднаго происхожденія, такъ какъ они могутъ воспользоваться этими знаніями на военномъ поприщѣ, при осадѣ и защитѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, при составленіи плановъ сраженій и т. п.

Многопредметность курса рыцарскихъ академій и въ особенности только что указанное утилитарное направленіе, положенное въ ихъ основу, естественно должно было повлечь за собой упадокъ серьезнаго изученія языковъ и въ особенности древнихъ, не соотвѣтствовавшихъ утилитарнымъ цѣлямъ школы. И дѣйствительно, мы видимъ, что изученіе греческаго языка и его литературы почти совершенно исчезаетъ изъ курса рыцарскихъ академій, а латинскій удерживаетъ свое мѣсто настолько, насколько онъ сохраняетъ еще значеніе современнаго языка литературы и науки.

Независимо отъ вышеуказанныхъ чисто сословныхъ потребностей, возникновеніе рыцарскихъ академій явилось еще резуль-

татомъ новаго раціоналистическаго направленія, охватившаго германское общество въ XVII столѣтіи, самымъ блестящимъ преставителемъ котораго является *Лейбницъ*, лично хотя и не дѣйствовавшій на школьномъ поприщѣ, но оказавшій огромное вліяніе на отношеніе современнаго общества къ школѣ своими сочиненіями, проектами о реорганизаціи всей системы просвѣщенія, а главнымъ образомъ авторитетностью своего таланта.

Основнымъ педагогическимъ принципомъ Лейбница представляется замѣна, какъ онъ выражался, curiosa—utilia, т.-е. замѣна интереснаго—полезнымъ или другими словами пріобрѣтеніе знаній не ради самаго знанія, а ради практической ихъ пользы.

Еще въ юношескихъ годахъ Лейбницъ въ сочиненіи своемъ: „Nova methodus discendi docendique juris", и въ особенности въ 1-ой ч. этого труда: de ratione studiorum in Universum изобразилъ свой идеалъ воспитанія и начерталъ обширный планъ таковаго, начиная съ шестилѣтняго возраста и до совершенныхъ лѣтъ. Лейбницъ, правда, отводилъ въ школѣ широкое мѣсто языкознанію, но въ объясненномъ выше утилитарномъ направленіи, съ указаніемъ того практическаго значенія, которое каждый языкъ долженъ былъ получить. Изученіе латинскаго языка признавалось необходимымъ, потому что языкъ этотъ продолжалъ быть языкомъ литературы и науки; греческому и древнееврейскому языку придавалось значеніе въ виду того, что знаніе ихъ необходимо для чтенія въ подлинникѣ священнаго писанія, наконецъ французскій и итальянскій языки должны были служить средствомъ болѣе легкаго общенія съ иностранцами, особенно во время путешествій, которыя тоже входили въ планъ воспитанія, но опять таки съ утилитарными цѣлями, заключающимися въ изученіи промышленности различныхъ странъ, въ стараніи узнать секреты отдѣльныхъ производствъ и т. п. Кромѣ изученія вышеуказанныхъ пяти языковъ, Лейбницъ включалъ въ свой планъ общаго образованія математику, астрономію, физику, механику, теологію, юриспруденцію и медицину. Ко всему этому онъ присоединялъ свѣдѣнія по ремесламъ, товаровѣдѣнію, химіи и естественнымъ наукамъ, а равно, какъ онъ выражался, о всемъ томъ, что можетъ „раскрыть передъ юношей тайны природы и искусствъ". Наконецъ Лейбницъ даетъ молодымъ людямъ совѣтъ для окончанія своего воспитанія бывать при дворѣ, гдѣ имъ можетъ представиться случай завести знакомства съ вліятельными или замѣчательными людьми.

Указанное нами юношеское сочиненіе Лейбница представляетъ для насъ интересъ, во-1-хъ, въ виду того, что онъ съ неподдѣльною наивностью молодости высказываетъ въ немъ идеалы, бродившіе въ пылкой головѣ передоваго юноши семнадцатаго столѣтія, и во 2-хъ, въ виду того, что этотъ великій мыслитель и въ зрѣлыхъ годахъ остался вѣренъ своимъ взглядамъ и неутомимо работалъ надъ примѣненіемъ и распространеніемъ ихъ въ обществѣ.

Въ общихъ чертахъ педагогическіе взгляды Лейбница сводятся къ тому, что школа должна стремиться сообщать своимъ воспитанникамъ *всѣ* самыя разнообразныя знанія, умѣнія и искусства, какія только могутъ понадобиться имъ въ практической жизни, какое бы поприще они ни избирали; другими словами идеаломъ школы поставлялось то, что многіе и понынѣ столь ошибочно называютъ общимъ образованіемъ, т. е. доведеніе учащихся, еще *ранње вступленія въ жизнь*, до того разнообразія и до той полноты всякихъ знаній, которая въ дѣйствительности можетъ быть достигнута только путемъ неустанной и непрерывной работы цѣлой жизни, и при томъ лишь людьми, обладающими необычайными дарованіями.

Что касается до способа изученія языковъ, то Лейбницъ и въ этомъ отношеніи проводилъ, какъ мы уже указали, принципъ утилитаризма. Во времена Лейбница въ общество еще не проникало сознаніе, что языкъ не есть случайное собраніе условныхъ знаковъ, произвольно измышленныхъ тѣмъ или другимъ народомъ, а результатъ всего его развитія, подчиненный строгимъ законамъ логики и неразрывно связанный со всѣми особенностями его характера, нравовъ и способа мышленія. Это высшее пониманіе значенія языка не было доступно и Лейбницу, который поэтому видѣлъ въ необходимости изученія нѣсколькихъ языковъ и ихъ литературъ не пользу для общаго развитія человѣка, а скорѣе неизбѣжное, къ сожалѣнію, зло, которое надлежало, по возможности, устранить. Въ виду этого его постоянно преслѣдовала мечта о сочиненіи общечеловѣческаго языка, надъ осуществленіемъ каковой фантастической мысли онъ неустанно работалъ въ теченіе всей своей жизни. Понятно, что при такомъ взглядѣ на значеніе языка вообще Лейбницъ не могъ смотрѣть на изученіе разныхъ языковъ иначе, какъ на прискорбную необходимость, которой приходится подчиняться лишь настолько, насколько это оправдывается чисто практическими потребностями современнаго общества.

Подобныхъ же взглядовъ держалась школа Лейбница и по-

отношенію къ другимъ гуманистическимъ наукамъ; такъ, напр., Лейбницъ видѣлъ чуть ли не единственную пользу исторіи въ томъ, что она можетъ служить лучшимъ доказательствомъ истины христіанскаго ученія, помимо же сего, онъ полагалъ, что образованный человѣкъ могъ бы удовлетвориться самымъ краткимъ обзоромъ главнѣйшихъ событій всемірной исторіи и запоминаніемъ интересныхъ разсказовъ, анекдотовъ, остротъ и т. п., которые всегда могутъ пригодиться въ разговорѣ.

Изложенные нами въ краткихъ чертахъ принципы были положены въ основу множества учебныхъ заведеній, основанныхъ во всѣхъ частяхъ Германіи въ теченіе 17-го столѣтія. Они пользовались покровительствомъ государей, поддержкой высшихъ сословій и значительными матеріальными средствами, но тѣмъ не менѣе существованіе ихъ было недолговѣчно, какъ потому, что они были предназначены удовлетворять потребностямъ только небольшаго класса людей, такъ еще болѣе вслѣдствіе того, что, стремясь снабдить учащихся всѣми полезными знаніями, число коихъ въ сущности безконечно, они настолько безгранично расширяли свою задачу, что, не будучи въ состояніи серьезно выполнить ее, давали въ дѣйствительности своимъ ученикамъ очень мало, если не ничего. Часть рыцарскихъ академій и школъ, послѣ существованія въ теченіе немногихъ десятилѣтій, вовсе закрылась, другія же преобразовались или въ совершенно спеціальныя, преимущественно военныя школы, или же въ среднеобразовательныя учебныя заведенія общаго типа, при чемъ даже самое первоначальное наименованіе только въ рѣдкихъ случаяхъ сохранилось за ними, напоминая лишь объ ихъ происхожденіи [1].

---

[1] Знакомясь съ неудачными попытками осуществить въ XVII столѣтіи подъ вліяніемъ раціонализма идеалъ утилитарнаго образованія и воспитанія, невольно поражаешься сходствомъ между мечтаніями того времени и тѣмъ, что въ наши дни, даже почти въ тождественныхъ выраженіяхъ, гг. передовые наши педагоги выдаютъ за послѣднее слово педагогической науки, упуская при этомъ изъ вида (по незнанію, или умышленно—рѣшить не беремся), что выставляемые ими будто бы наиновѣйшіе принципы *общаго образованія съ утилитарнымъ направленіемъ* (просимъ читателей нашихъ помнить, что защитники классической системы образованія никогда не отрицали возможности примѣненія утилитарныхъ принциповъ *въ спеціальныхъ школахъ*) уже болѣе 200 лѣтъ тому назадъ не только проповѣдывались, и при томъ съ большимъ талантомъ и знаніемъ, но и испытывались въ широкихъ размѣрахъ на дѣлѣ, и, доказавъ всю свою внутреннюю несостоятельность, отжили свой вѣкъ, давно умерли и погребены.

Между тѣмъ въ одно почти время съ ученіемъ Лейбница въ Германіи стало распространяться и пріобрѣтать вліяніе на школу направленіе, существенно отличающееся отъ раціонализма, но столь же неблагопріятное по отношенію къ классической школѣ, а именно піетизмъ, возникшій въ первой половинѣ XVII столѣтія. Въ основу этого ученія легли высоко нравственныя побужденія и искреннія религіозныя чувства, благодаря чему піетизмъ въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, какъ, напр., Сепенера, Франке и нѣкоторыхъ другихъ, несомнѣнно оказалъ дѣлу воспитанія неоцѣненныя услуги, но съ теченіемъ времени характеръ его переродился, въ немъ стали преобладать узкая односторонность и нетерпимость, при чемъ искренность первоначальныхъ религіозныхъ убѣжденій уступила мѣсто внѣшнимъ пріемамъ, долженствовавшимъ изображать и замѣнять ихъ тамъ, гдѣ они въ дѣйствительности отсутствовали. Къ сожалѣнію, большая часть позднѣйшихъ піетистовъ внесли въ школу именно это послѣднее направленіе.

Піетисты не сочувствовали классицизму точно такъ же, какъ и раціоналисты, хотя съ другой точки зрѣнія. Они, подобно средневѣковымъ схоластикамъ, боялись языческаго вліянія древней литературы на юношество, а потому проповѣдывали замѣну ея чтеніемъ (впрочемъ, на древнихъ языкахъ) священнаго писанія и христіанскихъ авторовъ. Только наиболѣе просвѣщенные изъ піетистовъ не раздѣляли этого взгляда и настаивали на сохраненіи въ школѣ чтенія древнихъ классиковъ, хотя и отводили широкое мѣсто чтенію Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ. Къ числу подобныхъ піетистовъ, сохранившихъ сочувствіе къ классицизму, принадлежалъ *Франке* [1], одинъ изъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ своего времени и знаменитый основатель въ Галле цѣ-

[1] Франке безспорно представляетъ собой самую выдающуюся личность среди педагоговъ-піетистовъ; онъ одинъ изъ первыхъ созналъ давно зародившуюся въ обществѣ потребность въ реальномъ образованіи, которую онъ и старался по возможности удовлетворить. При этомъ онъ былъ воодушевленъ искренне-христіанскими религіозными чувствами, и въ немъ не было и тѣни той жесткости и ханжества, которыми страдали многіе изъ его послѣдователей. Дѣлу благотворительности и просвѣщенія онъ былъ преданъ всѣмъ сердцемъ и всею душой и достигъ поистинѣ изумительныхъ результатовъ. Не обладая лично никакими матеріальными средствами, онъ приступилъ къ дѣлу, такъ сказать, ни съ чѣмъ, но своею проповѣдью, примѣрною жизнью и неутомимымъ трудомъ онъ такъ сумѣлъ увлечь своихъ современниковъ, что, начавъ свою дѣятельность съ дароваго обученія бѣдныхъ дѣтей своего прихода въ собственномъ убогомъ

лаго ряда учебно-благотворительныхъ заведеній, послужившихъ образцомъ подражанія во всей Германіи и существующихъ еще и въ наше время. Когда преподаватели школы, основанной Франке, заявили о своемъ желаніи совершенно изгнать изъ школы чтеніе классическихъ писателей, то Франке энергически возсталъ противъ этого и настоялъ на сохраненіи этого важнаго предмета преподаванія въ прежнихъ размѣрахъ. Не всюду однако піетисты проявляли такую терпимость, и хотя для изученія латинскаго языка они продолжали по большей части пользоваться древними авторами, но относительно преподаванія греческаго языка ограничивались во многихъ школахъ чтеніемъ на этомъ языкѣ книгъ священнаго писанія. Вообще піетизмъ своею нетерпимостью и узкостью своихъ взглядовъ значительно затормозилъ развитіе гуманитарнаго образованія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Графъ П. Капнистъ.

домикѣ, онъ вскорѣ создалъ цѣлый рядъ цвѣтущихъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, въ которыхъ ко времени его смерти обучалось и призрѣвалось до двухъ тысячъ человѣкъ. Тутъ былъ и домъ призрѣнія для сиротъ, начальное училище, средняя школа, учительская семинарія, дешевая или даровая столовая и т. д. Довольно обстоятельныя свѣдѣнія объ учрежденіяхъ, созданныхъ Франке, мы находимъ въ энциклопедическомъ педагогическомъ словарѣ Линднера (Encyclopedisches Handbuch der Erziehungskunde. Lindner. Wien—Leipzig 1884 p. 284). Очень ясное опредѣленіе значенія піетизма для школы и характеристику дѣятельности Франке даетъ Паульсенъ (стр. 378—419). Прекрасное описаніе дѣятельности Франке можно найти въ „Очеркахъ исторіи воспитанія и обученія“ Модзалевскаго стр. 513.

СТАРИНА.

Семейная память.

Глава VI.

Дѣдъ мой родной, Григорій Ефимовичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая читателямъ *Русскаго Обозрѣнія* доселѣ неизвѣстный отрывокъ изъ посмертныхъ бумагъ Н. С. Сохансной, отрывокъ, составляющій *окончаніе сочиненія*, напечатаннаго *тридцать шесть лѣтъ* назадъ, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ къ нему.

Мысль написать свою „Старину" навѣяна была нашей писательницѣ книгой князя П. А. Вяземскаго „*Фонъ-Визинъ*" (1848 г.), гдѣ она прочла, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Признаюсь, большую часть такъ-называемой изящной словесности нашей отдалъ бы я за нѣсколько томовъ записокъ, за нѣсколько Несторовскихъ лѣтописей тѣхъ событій, нравовъ и лицъ, коими пренебрегаетъ исторія." [1]

По счастливой случайности, у Сохансной оказались два обильные источника для составленія ея „Старины"—*живой и письменный*. Живой источникъ — это ея мать и тетушка, обѣ старушки за 60 лѣтъ; изъ нихъ одна до самаго замужества жила въ домѣ бабки съ матерниной стороны, а другая—у бабки съ

[1] „Фонъ-Визинъ", кн. Вяземскаго, Спб. 1848, стр. 52; Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго. Спб. 1880, т. V, стр. 34.

отцовой стороны; одна находилась среди чисто-русскихъ старо-давнихъ помѣщиковъ, другая — въ степныхъ пограничныхъ городахъ, которые еще сохраняли свое войсковое управленіе. А письменнымъ источникомъ явились семейныя бумаги разнаго рода, сохранившіяся еще отъ прадѣда. Такимъ образомъ „Старина“ Н. С. Соханской явилась *семейною* памятью о лицахъ дѣдушекъ, бабушекъ и о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ *мѣстныхъ* происшествіяхъ. Мы здѣсь въ немногихъ чертахъ помѣстимъ содержаніе всей „Старины“.

Въ первой главѣ Н. С. Соханская передаетъ самыя старыя преданія о своемъ родѣ съ матерниной стороны, начиная отъ князя Константина Острожскаго. Предки ея жили на Волыни, назывались *Кохановскими*, потомъ, въ XVII вѣкѣ, переселились въ Кіевъ, далѣе въ Лохвицу, наконецъ перешли въ сторожевой городокъ Корочу, гдѣ и жили. Въ Корочѣ они, какъ пришельцы, получили прозваніе *Лохвицкихъ*. Здѣсь прапращуръ нашей писательницы является протопопомъ, по изволенію царя Петра, который останавливался въ его домѣ, возвращаясь послѣ Полтавской битвы. Потомки протопопа воспитывались въ Кіевской Академіи. — Во второй главѣ „Старины“ Н. С. Соханская разсказываетъ о своемъ прадѣдѣ Ѳоимѣ Лазаревичѣ, которому народъ далъ прозвище *до біса разумный*. Этотъ былъ уже казацкимъ сотникомъ въ Корочѣ, зналъ языки польскій, латинскій и нѣмецкій, что доказываютъ оставшіяся послѣ него книги.[1] Польское вліяніе сильно тогда отражалось на высшемъ сословіи малорусскаго народа, и Ефимъ Лазаревичъ являлся польскимъ паномъ съ магнатски-казацкимъ великолѣпіемъ. Въ его рукахъ была власть военная, гражданская и судебная, отъ него зависѣла вся судьба и только-что не жизнь народнаго населенія, но самоуправство его, наконецъ, навлекло на него строгую кару закона.

Подъ стать ему была и сестра его Анна Лазаревна, о которой Н. С. Соханская разсказываетъ въ III главѣ „Старины“ и со всѣмъ безпристрастіемъ историка передаетъ ея грабительства, изувѣрства и жестокости.

[1] Его книги и *письма* къ сыну, которыя читатели прочтутъ въ VI главѣ „Старины“, вполнѣ опровергаютъ отзывъ о немъ двоюроднаго племянника его, И. О. Острожскаго-Лохвицкаго, который вспоминаетъ его какъ *„почти неграмотнаго и не знающаго никакихъ гражданскихъ законовъ, за что онъ отъ многихъ былъ опошливаемъ даже до смерти своей“* (Записки И. Острожскаго-Лохвицкаго, Кіевъ, 1886, стр. 22).

Какъ бы въ нѣкое оправданіе такихъ вопіющихъ явленій, IV глава „Старины“ представляетъ картины безправія, которымъ отличались многіе сильные края—Дурова, Ворòпановы, графы Девіеръ и др., составлявшіе цѣлыя разбойничьи шайки. Суровость картины смягчаетъ Н. С. Соханская трогательными страницами о своей старой подругѣ А. К. Черноглазовой [1] и ея воспоминаніяхъ о минувшей порѣ.

Того же покроя родственнаго былъ и *двоюродный* дѣдушка Н. С. Соханской—Александръ Ефимовичъ, судившійся по тринадцати уголовнымъ дѣламъ (V глава „Старины“).

По мѣрѣ составленія этихъ главъ Н. С. Соханская посылала ихъ Плетневу, который встрѣтилъ ихъ съ своимъ обычнымъ радушіемъ. Въ январѣ 1855 г. онъ хвалился ея трудомъ князю П. А. Вяземскому въ своемъ письмѣ къ нему. „Я на-дняхъ получилъ изъ Малороссіи отъ одной очень умной харьковской институтки сочиненіе, подъ названіемъ „Старина“, еще неоконченное, но уже представляющее довольно интереса. Эта пріятельница моя (которой я въ глаза не видывалъ) посвятила свое сочиненіе вамъ, князь, на томъ основаніи, что вы въ книгѣ своей о „Фонъ-Визинѣ“ напечатали слѣдующія строки (онѣ приведены нами выше)... Соханская собрала множество подробностей о житьѣ-бытьѣ родственниковъ своихъ и разсказываетъ очень интересно... Не знаю только, не остановитъ ли лучшихъ мѣстъ наша добрая цензура“ [2].

По цензурной ли причинѣ или потому, что семейныя бумаги сковывали творческую дѣятельность Н. С. Соханской, „Старина“ ея прискучила ей самой отчасти и еще семь лѣтъ лежала подъ спудомъ и только въ 1862 г. въ *Отечественныхъ Запискахъ* Краевскаго (кн. 3 и 4) появились первыя пять главъ ея. А шестая глава доселѣ оставалась въ рукописи,—можетъ быть, по скромности родственнаго чувства;—она-то теперь появляется на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія*. Читатели увидятъ изъ нея, что Н. С. Соханская уже въ другомъ тонѣ говоритъ о своемъ родномъ дѣдушкѣ, изображаетъ его съ любовію и гордостью и даже недостатки его старается объяснить, допуская впрочемъ изрѣдка и легенькую иронію.

---

[1] Подробнѣе о ней говорится въ „Автобіографіи“ Н. С. Соханской, напечатанной въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1896 г., №№ 6—12.

[2] Сочиненія Плетнева, Спб., 1885, т. III, стр. 418.

Для уясненія разсказовъ Над. Ст. о *Старинѣ* прилагаемъ родословную таблицу ближайшихъ предковъ ея. Прапращуръ ея, выходецъ изъ Великаго Острога, Константинъ Ивановъ Кохановскій, убитъ на войнѣ съ ляхами въ 1647 г. Потомками его являются:

Дворянинъ Климентъ Кохановскій, протопопъ Корочанскій въ 1709 г.

Лазарь, протопопъ Корочанскій.

Ефимъ Лазаревичъ, прад. Над. Степановны, казацкій сотникъ, провинціальный секретарь, до біса разумный, † 1783. | Анна Лазаревна, сотничка, въ замужествѣ Гурьева. | Иванъ Лазаревичъ.

Отъ перваго брака у него сынъ Иванъ Ефимовичъ, | отъ 2-го брака съ Вѣрой Гр. Мухиной два сына: Григорій Ефимовичъ, дѣдъ Н. Ст., (жена его Анна Ивановна) и Андр. Еф. Голованъ или Голованскій. Никол. Иван. | дочь за полк. Михельсономъ.

Капитолина Григор. † 1865; Варвара Григ. Лохвицкая, мать Над. Ст. † 1873, замужемъ за Степ. Павлович. Сохансоимъ, † 1826 г., мая 21. | Михаил. Григ. Лохвицкій, жена его Жозефина Осиповна, урожд. Тертыня.

Петръ. | Павелъ † 1861 г. | Над. Ст. Соханская (*Кохановская*) 1823—1884; | Надежда Мих., въ замужествѣ Янковская. | Любовь Мих., въ замужествѣ Зенковичъ-Лавриковичъ.

Мар. Он., въ замуж. Мозговая.

Внучка и наслѣдница Над. Ст., Варвара Вас. Мозговая.

Надежда Степановна разсказываетъ о своихъ предкахъ:

Объ о. Климентѣ и сынѣ его Лазарѣ въ I главѣ своей „Старины".

О Ефимѣ Лазаревичѣ (до біса разумномъ) во II главѣ „Старины".

Объ Аннѣ Лазаревнѣ и отчасти объ Иванѣ Лазаревичѣ—въ III главѣ „Старины".

(Въ IV главѣ „Старины" рѣчь идетъ о постороннихъ лицахъ—Маррѳѣ Дуровой, Воропановыхъ, графахъ Девіерахъ, Аннѣ Конст. Черноглазовой, Полуботкахъ).

Объ Александрѣ Ефимовичѣ Голованѣ въ V главѣ „Старины". Эти пять главъ были напечатаны въ *Отеч. Запискахъ* 1862 г. и потомъ отдѣльно въ 1885 г.

Наконецъ о родномъ дѣдушкѣ своемъ Григоріѣ Ефимовичѣ Надежда Степановна разсказываетъ въ печатаемой нынѣ VI главѣ „Старины".

Ст. Пономаревъ.

Какъ Александръ Ефимовичъ [1] могъ подать мнѣ случай собрать вокругъ него довольно большое число самихъ собою располагающихся фактовъ, такъ, напротивъ, Григорій Ефимовичъ представляетъ на видъ самого себя. Все, порывающееся впередъ, ищущее новаго, неудержимо стремящееся жить въ потребностяхъ и ощущеніяхъ своего времени,—все это выразилъ онъ на себѣ довольно ясно. Былъ гвардейцемъ, писцомъ въ Сенатѣ, частнымъ приставомъ, какъ бы нынѣшнимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Бѣлгородскомъ намѣстникѣ, курьеромъ при знаменитомъ путешествіи государыни (Екатерины II, въ 1787 г.); былъ любимымъ человѣкомъ Беклешова [2], надежнымъ подчиненнымъ его; былъ стряпчимъ, былъ ходатаемъ по дѣламъ; былъ франтомъ въ молодости; былъ разборчивымъ поклонникомъ женской ножки до дней своей зрѣлости (когда и умеръ онъ); въ годы распространявшагося безвѣрія сохранилъ неприкосновенно глубокое чувство вѣры; былъ правдивъ до того, что ложь ему чувствовалась хуже всякой обиды,—онъ могъ все простить, кромѣ лжи; былъ онъ умный и по своему времени образованный человѣкъ,—и за всѣмъ тѣмъ только поручикъ въ отставкѣ... Чины рѣшительно не дались намъ! Послѣ должности стряпчаго, когда, со смертью государыни, стряпчіе были уничтожены, дѣдушка не искалъ себѣ другой должности, а, поселившись въ своемъ *Веселомъ* [3], открылъ для себя неисчерпаемый источникъ дѣятельности—въ собираніи травъ, въ гнетеніи соковъ изъ нихъ; сталъ раздавателемъ совѣтовъ на всѣ стороны; верстъ за полтораста пріѣзжали къ нему посовѣтоваться по дѣламъ, и,—какъ говоритъ пословица, что сапожникъ всегда бываетъ безъ сапогъ,—на этомъ самомъ основаніи и дѣдушка, обдѣлывая чужія дѣла, оставлялъ въ крайнемъ запущеніи свои собственныя...

У прадѣда моего, Ивана Лазаревича, кромѣ сына Николая Ивановича, было еще, „*пожаловать*“ [4], двѣ дочери. Съ замуже-

---

[1] Двоюродный дѣдъ Н. С. Сохановой; о немъ см. V главу „Старины“, въ изданіи 1863 г., ч. 1, стр. 252. Онъ, какъ и Григорій Ефимовичъ, былъ дѣдомъ ея *по матери* (*С. П.*).

[2] Александра Андреевича, управлявшаго мѣстными губерніями, въ званіяхъ губернатора и генералъ-губернатора (*С. П.*).

[3] Такъ онъ переименовалъ родовое Хвощеватое, сельцо Курской губерніи, Корочанскаго уѣзда (*С. П.*).

[4] Такова была у Ивана Лазаревича поговорка постоянная. Иногда прибавлялъ онъ: „*Пожаловать волной морскою*, и этимъ давалъ подвластнымъ свободу поступить такъ же бурно, какъ ходятъ волны на морѣ (*С. П*).

ствомъ одной случилось несчастіе, которое тогда и часто, „*пожаловать*“, бывало, да не научало... Явился съ партіей рекрутовъ офицеръ; стоялъ онъ по-близу, познакомился, бывалъ часто въ домѣ, посватался и женился. Черезъ два мѣсяца, уходя на войну, онъ означилъ мѣсто въ Воронежской губерніи, куда должна была отправиться молодая жена; она пріѣзжаетъ туда, а ее выходитъ встрѣчать другая, но старѣй ея, жена, въ кичкѣ и красной юбкѣ...

Другая дочь Ивана Лазаревича была замужемъ за гвардіи полковникомъ Михельсономъ. Не знаемъ мы, служилъ ли онъ еще, но только постоянно жилъ въ Петербургѣ и пріѣзжалъ съ женой погостить къ тестю. Около этого времени княгиня Анна Даниловна Трубецкая [1] умерла,—и дѣдушка мой, лѣтъ шестнадцати, воротился къ отцу. Видѣлъ ли отецъ его, Ефимъ Лазаревичъ, своимъ опытнымъ зоркимъ взглядомъ ненадежность характера Михельсона и, можетъ быть, онъ еще многое осуждалъ въ немъ, чтобы своего сына ввѣрить его надзору и попечительству, отдать ему на руки судьбу его? Только не хотѣлъ этого мой прадѣдушка. Какъ ни упрашивала племянница и какъ ни настаивалъ Михельсонъ, указывая на то, что Григорій (сынъ Ефима Лазаревича) въ *гвардію* имѣетъ быть опредѣленъ, на какую *дорогу* поставленъ будетъ,—не хотѣлъ отецъ. Но очень естественно было молоденькому сыну, воспитывавшемуся въ Москвѣ, въ княжескомъ домѣ, стремиться всѣмъ желаніемъ вступить на службу въ Петербургъ и еще въ гвардію! Мать его также легко было соблазнить блестящею карьерой, открывающеюся любимому сыну,—и, вопреки отцу, они задумали совершить свое дѣло. Михельсоны украли моего дѣдушку, какъ красную дѣвушку, и чтобы на первыхъ порахъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, они отправили его дожидаться ихъ въ назначенномъ мѣстѣ, а сами съ недѣлю еще, и болѣе, оставались у отца своего, Ивана Лазаревича, и пріѣзжали прощаться къ дядѣ, самому Ефиму Лазаревичу. Ефимъ Лазаревичъ молчалъ; безъ сомнѣнія, онъ сразу понялъ эту комедію, прочиталъ ее въ несовсѣмъ заплаканныхъ глазахъ матери,—но дѣлать было нечего. Мальчишка исчезъ изъ дома, когда отецъ ѣздилъ куда-то на недѣлю; а тѣ, кого надобно было обвинять въ его побѣгѣ, оставались налицо и очень сильно могли протестовать

---

[1] О ней см. въ V главѣ „Старины“, стр. 253; у нея воспитывался родной дѣдъ Сохановой—Григорій Ефимовичъ“ (*С. П.*).

противъ подозрѣнія, что они увезли сына Ефима Лазаревича, когда они сами не уѣзжали.

Наконецъ они уѣхали, и еще съ дороги было послано Ефиму Лазаревичу письмо, въ которомъ объявлялось все и ходатайствовалось о прощеніи и благословеніи... Ефимъ Лазаревичъ былъ упрямъ и стоекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ благоразуменъ, чтобы не понимать, что если что *есть*, такъ, стало, тому надобно *быть*. Онъ покорился необходимости, но не болѣе,—и нужно же было такъ случиться, что его прозорливая осторожность нашла себѣ самое полное оправданіе, и притомъ скорѣе и неожиданнѣе, нежели самъ онъ когда-либо могъ предполагать.

Заболѣваетъ жена Михельсона и, еще вполнѣ молодая и бездѣтная женщина, умираетъ въ нѣсколько дней. Первое время мужъ почти обезумѣлъ отъ горести; но онъ былъ слишкомъ легкаго характера, и развлеченія столичныя, а всего болѣе картежная игра, завладѣли имъ совершенно. Онъ забылъ и думать о мальчикѣ, котораго онъ взялъ на свое попеченіе; квартира его обратилась въ сборище игроковъ, и скоро Михельсонъ куда то совсѣмъ завѣялся изъ Петербурга.

Дѣдушка мой остался одинъ, безъ покровителя, безъ руководителя, безъ средствъ къ жизни, въ столицѣ; ему едва исполнилось 17 лѣтъ, и поддерживать себя въ гвардіи онъ никакъ не могъ. Не совсѣмъ еще потерявъ голову, пріискалъ онъ себѣ мѣсто писца въ Сенатѣ и подалъ въ отставку. Но и въ Сенатѣ содержать себя было свыше его силъ. Днемъ онъ переписывалъ указы, а ночью изъ черновыхъ бумагъ подклеивалъ себѣ подошвы подъ сапоги. Наконецъ, *„въ себе же пришедъ, рече, колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гибну? Воставъ, иду ко отцу моему и реку ему“*... Этими словами евангельской притчи Ефимъ Лазаревичъ разсказывалъ о возвращеніи своего сына и, разумѣя умилительную притчу до конца, онъ и самъ поступилъ вполнѣ такъ, какъ высокій Евангельскій Отецъ поступилъ со Своимъ сыномъ (Лук. XV, 17—32). Дѣдушка опредѣленъ былъ въ Харьковъ, и взяла его на свое попеченіе тетка, полковница Бульская. Тамъ съ нимъ случилось какое-то происшествіе, за которое онъ гдѣ-то и какъ-то задержанъ былъ и которое собственно любопытно потому, что о немъ сохранился отрывокъ изъ письма прадѣдушки, письма огромнаго и по нашему времени. Безъ начала и безъ конца, отрывокъ этотъ занимаетъ цѣлый листъ простой бумаги, убо-

ристо исписанный. Отъ его семидесятипятилѣтней давности, со строкъ подъ титлами, дышетъ такой высокій духъ христіанства, что теперь, кажется, только проповѣдникъ могъ бы такъ говорить съ каѳедры, а не отецъ къ сыну писать въ простомъ отцовскомъ собесѣдованіи. Послѣ нѣсколькихъ словъ, которыя, относясь къ предыдущему, не имѣютъ смысла, отрывокъ начинается такъ:

„Вѣрь же, что на свѣтѣ первая веселость увеселяющая— Богъ для человѣка въ Бозѣ живущаго [1]; вторая—деньги, всякому человѣку на блескъ свѣта сего зіяюще.

„Посудить мнѣ предписывали человѣка, нужнаго пропитанія не имущаго и никогда въ томъ (состояніи) небывалаго. А развѣ ты запомнилъ, какъ пріѣхалъ съ Петербурга: что̀ ты обѣщался? сказуя принятыя тобою тамъ нужды: „Нѣтъ-де, ужъ повидавъ нужду, научишься скупо жить“—забылъ? Бойся же, опять да не попадешься въ сѣть дьявольскую. Пишешь, что ты много наводишь огорченія намъ письмами, и себя сокрушаешь; а я не столько огорчаюсь о семъ, что ты нынѣ терпишь, да и за бездѣлицу считаю, для того, что ты не по убійству, не по разбою, не по воровству страдаешь, а по ребячей глупости. Но вотъ о чемъ горестно горюю о тебѣ: что не надѣюсь въ тебѣ быть постоянству, а точно вертопрашество дяди твоего [2] въ тебѣ оплакиваю: о томъ-то огорчаюсь; ибо ни изъ писемъ твоихъ не вижу добра Божественнаго. Хоть бы ты разъ возблагодарилъ Господа и сказалъ: *„благо мнѣ, яко смирилъ мя еси; яко да научуся оправданіемъ твоимъ*; и мало-де мнѣ за мои прегрѣшенія, и моляся говорилъ бы: *„ими же вѣси судьбами, только спаси недостойнаго раба Своего“*.

„Пишешь—разрѣшить тебѣ на все, на чтобы ты ни рѣшился: о, всесвѣтный дурачекъ! Проразумѣй изъ сего, чего ты отъ меня ищешь. Ты, который, „преданнѣйшимъ“ пишешься, ты, который по гробъ обязуешься быть послушнымъ, не противное-ль самъ противу себя пишешь? Ежели-жъ закрываешься забывчивостію, то и вдвое глупъ, и вотъ почему: когда въ такой малости, не надѣяся ни повѣшену быть, ни шельмовану, ни сослану, а только подержану (подъ арестомъ) и свобожену, да такъ отчаялся и, на радость твоимъ соперникамъ, а первому

[1] Приводимъ отрывокъ, сохраняя своеобразность оборотовъ рѣчи его, но не соблюдая тогдашняго правописанія. Въ скобкахъ ставимъ слова, нужныя для ясности мысли (*С. П.*).

[2] По матери, Мухина (*С. П.*).

сопернику—діаволу, игралищемъ себя представляешь: то что бы было, ежели-бъ ты, бывши фельдмаршалъ, да высѣченъ и сосланъ. О, глупости и малости духа! Такова-ли я тебя быть обучалъ? Но знай, другъ мой, что я отдалъ тебя моему любезному Отцу на руки, то знаю, что Онъ всемогущъ, не оставитъ тебя, а наказавъ помилуетъ, и безуміе твое прощаетъ. Знай, что Онъ всѣмъ хощетъ въ посланіе истины прійти, а больше такимъ, которымъ дарованіе Духа Своего далъ на пользу многимъ. А въ познаніе той (истины) иначе прійти не можно, какъ искуситься практикой; изъ теоріи бо мало бываетъ искусныхъ. Вотъ теперь познай о себѣ, что ты еще далекъ отъ премудрыхъ; но будешь имъ, когда, въ школу Божію преданъ отъ меня, будешь сносить школьные удары. Не безъ премудрости даны тебѣ и всему въ свѣтѣ обществу примѣры, зачни отъ рубашки, которую надѣваешь: ежели ленъ тотъ рубашечный не вытертъ, не вымятъ, то и рубашка съ копыркой будетъ, и человѣкъ хотя ее носитъ, но съ трудомъ, а и носитъ тотъ, который изъ хорошаго и вымятаго льну рубашки достать не можетъ. Разумѣй примѣръ Божіей премудрости во всемъ, что ни создано; вездѣ для человѣка премудрость Божію узришь, ежели просвѣтишь очи свѣтомъ небеснымъ.

„Пишешь, что и книги берешь читать,—и не понимаешь отъ унынія. Вздохни, прослезись и со слезами попроси отъ Дающаго премудрость, то и прогонитъ Онъ тьму твою, и скажи съ Давидомъ: „*Господи Боже мой, просвѣтиши тьму мою и Тобою избавлюся отъ искушенія*“. Вѣренъ когда будешь, то узнаешь, что Богъ не налагаетъ, или не попускаетъ человѣку вѣрному бремени, но такое, какое кто можетъ снести.

„Вѣришь ли, что есть Богъ? А когда есть, то и промышляетъ. А когда промышляетъ, то узнай изъ себе примѣты. Смотри по силѣ случающихся у тебе лошадей: на иную кладешь двадцать, а на иную и тридцать пудовъ, смотря по силѣ всякой лошади. И опять: иную лошадь обучаешь въ коренную, чтобъ на гору не запиналась и съ горы держать умѣла-бъ; а другую—къ охотничьей ловлѣ, а иную къ стрѣльбѣ, а иную, узнавъ добродѣтель, мучишь въ манежѣ, чтобъ могла послужить знатному человѣку и воину противъ непріятеля, въ дѣйствіе ѣздока вступая. Ежели же человѣкъ таковъ, то подобообразно больше Богъ, обучая человѣка... А я утверждаю сіе Дамаскинымъ, Церкви украшеніемъ, поющимъ: „*Возсѣлъ еси на кони — на Апостолы Твоя, Господи*“. Чтó жъ бы было, ежели бъ сіи кони не обучены

были?.. Они были въ манежѣ терпѣнія, бѣдъ, напастей, какъ сказуетъ и Павелъ; *„яко не надѣяхомся и жити"*. Скажетъ кто, что ихъ Богъ укрѣплялъ,—отвѣчаю, что и нынѣ тотъ же Богъ, какъ онъ же Павелъ говоритъ: *„Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки"*. Скажетъ кто: то были святые, а мы - грѣшные; правда, но Онъ сказалъ: „оставляетъ-де овцы незаблудшія, а идетъ и ищетъ единой заблудшей, и радуется о ней больше, нежели о незаблудшихъ". Нетрудно грѣшну воздохнуть, а Онъ и уготованію сердца внимаетъ...

„Потерпи, другъ мой, слушая святыхъ премудростей. Горшокъ, который не выжженъ, скоро размокаетъ; для того гончаръ знаетъ, какъ выжигать надобно. Не передастъ огня, чтобъ не растопился; но и держитъ въ огнѣ, пока совершенно выжженъ будетъ, чтобъ былъ угоденъ на всякое вліяніе и снесъ бы хоть воду, хоть ѳиміамъ, хоть деготь. Не должно намъ противорѣчить Богу, а терпѣть, считая, не было бъ хуже, а сіе еще ничто. Но и на все обучать себя должно и молиться такъ: „Господи, когда Ты меня хочешь послать въ муку, буди благословенъ, яко сотворивый по дѣломъ моимъ праведное; а когда пошлешь въ радость со святыми, слава безмѣрному милосердію Твоему! *Якоже хощеши, устрой о мнѣ вещь!*" А Богъ, не хотяй смерти грѣшника, конечно, даетъ милость Свою. Ищи самъ милости Божіей, чтобъ ты былъ великодушенъ, то и всѣхъ святыхъ молитвы будутъ тебѣ въ помощь; а я ручаюсь и порукой, что они за тебя всѣ молятъ Господа".

Вскорѣ послѣ этого задержанія, дѣдушка мой Григорій Ефимовичъ, не спросясь отца и матери, подалъ въ Харьковѣ въ отставку...

„Гриша! ты, я чаю, никакъ не внимаешь, каково слушать про тебя матери (писалъ прадѣдушка, молча о себѣ и скрывая свое скорбное отцовское чувство подъ выставляемою горестью матери).

„Здѣсь слухъ нехорошъ, что ты отсталъ отъ должности. Да ужь и не утаишь, что ты былъ лѣнивъ, и чрезъ то, по выговорамъ и по штрафамъ, съ досады ужъ подалъ въ отставку. И ежели бъ-де не по милости, то бъ-де и безъ всякаго награжденія, а то-де представили о награжденіи отъ одной милости. И какое награжденіе! вчерась былъ здѣсь Каракулинъ и сказывалъ—въ коллежскіе регистраторы!.. Что жъ ты писалъ ко мнѣ, что о тебѣ сожалѣютъ?.. Вѣрно, что не токмо по такихъ, какъ ты, но и по ворахъ сожалѣютъ—воръ и добрые люди. Воръ, чтобъ отъ нихъ не отставать, а добрые желаютъ исправленія

ихъ. Узнаю, что и о тебѣ сожалѣнныхъ людей не мало, и больше такихъ, кои говорятъ: ахъ, какъ бы сей человѣкъ дарованіе свое не вметалъ въ калъ, какъ свинія лѣнивая, и зналъ бы Законъ Божій: *„въ чемъ званъ, въ томъ будь исправенъ“* и Божіе Христово слово: *„Добръ, благій рабе, о малѣ былъ еси Мнѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю“*: то бъ отъ него можно хорошаго ожидать обществу пріобрѣтенія; а то чуть ли съ нимъ не будетъ Христово пророчество: *„Возьмите отъ него данный талантъ и дайте имущему десять, а неключимаго раба, лукаваго и лѣниваго, ввергните во тьму неразумія: имущему бо вездѣ дано будетъ и преизбудетъ, а отъ неимущаго и то, что мнится имѣти, возьмется отъ него“*.

„Горюетъ мать твоя о твоемъ безпутствѣ: съ кѣмъ ты спросился? и кто тебѣ дозволилъ на такое безпутство, неблагословенное отъ отца и матери? Видно, единственное твое высокоуміе о себѣ, которое Богу мерзко, богоненавистно, честнымъ людямъ поносно и соблазнительно. Ибо всякій скажетъ: „ежели у такихъ отца и матери, кои кажутся быть разумнѣйшими, и такой сынъ, такое безпутное происшествіе: то что ужъ думать о другихъ?“

„Напослѣдокъ уже и то слышно, что тебя и высылаютъ изъ Харькова, а ты не ѣдешь, и чаетъ мать, что отъ стыда въ Корочу показаться, ибо всегда на возвышеніе слѣдуетъ паденіе. Ты до такого дурачества дошелъ, что ужъ и отцу вздумалъ противиться: Максимку не присылаешь. Единственно горесть матери твоей убѣждаетъ меня къ терпѣнію, а иначе — послалъ бы объявленіе въ судъ и требовалъ бы обоихъ да и тебя связаннаго ко мнѣ привести“...

Такъ какъ тогда почты едва ли еще были въ частномъ употребленіи и всѣ письма отсылались съ нарочно посланнымъ, то прадѣдушка и добавлялъ:

„Сія посылка послѣдовала отъ твоего дурачества, изъ сожалѣнія о вѣтренности твоей, а другое — что и Васька [1] близъ смерти, недвижимъ и отчаянъ, то Максимку скоро прислать къ подлежащему христіанскому благословенію, по желанію старика. Да и тебѣ, на покаяніе слѣдующему, жить тамъ нечего“.

„Вѣрь. Писалъ отецъ твой“.

Вскорѣ послѣ этого дѣдушка Григорій Ефимовичъ попробовалъ быть частнымъ приставомъ въ Корочѣ и потомъ перешелъ

---

[1] Отецъ Максима; тогда полуименемъ звали всѣхъ, состоявшихъ въ крѣпостномъ званіи. *С. Е.*

къ Бѣлгородскому намѣстнику. Все еще ему не было двадцати лѣтъ. Молодость его, живость, хвастливость, *„брехня“*, какъ называлъ прадѣдушка, навлекали ему самые строгіе выговоры. Отецъ любилъ его до чрезвычайности, и если снисходительно судилъ проступки его по „ребячей глупости“, то за наклонностями его характера блюлъ со всею суровою взыскательностью любви наказующей, потому что сильно любящей.

Сохранился другой еще отрывокъ изъ огромнаго тоже письма, въ которомъ по пунктамъ преподаетъ Ефимъ Лазаревичъ наставленіе своему сыну. Начинается отрывокъ такъ:

„Лошадь создана во утоленіе немощи человѣческой, въ работу ему, а не въ бѣшеное бѣганіе и конское ристаніе дьявольское“.

Видно, что какъ будто дѣдушка въ ристаніи дьявольскомъ загналъ лошадь и просилъ у отца другой. Лошадь ему посылается, и, между прочимъ, говорится:

„Чванство твое въ платьяхъ и въ другихъ не по твоему характеру издержкахъ приводитъ тебя быть брехуномъ. Какъ ты брехалъ Дмитрію Еремѣичу? Въ такомъ ли платьѣ брешутъ? Вотъ чтò недостатокъ да желаніе достатка дѣлаютъ. Знай, что ты отъ людей считаешься богачъ, то богача лжива Богъ ненавидитъ. Да я же тебѣ внушалъ, что тò самый любимѣйшій грѣхъ діаволу: онъ тебя всякій разъ цѣлуетъ въ уста лжуща, только ты слѣпъ, помраченъ, не видишь.

„Вотъ же тебѣ отеческое наставленіе.

1) Надѣланное платье, какъ Ѳедоръ Владиміровичъ, будучи въ Корочѣ, сказывалъ, было бъ де на десять лѣтъ: то не будь какъ *запорожцы златоглавы* (?) *въ деготъ мечучи*. Вздумай, похваляютъ ли ихъ? Да ежели бъ и похвалялъ кто, то развѣ такой же вертопрахъ. Слѣдственно, бережи, ибо вдругъ не узнаешь, чтò завтра будетъ со мною и тобою. Вотъ уже полученъ указъ, чтобы жалованья не давать, то двѣсти рублей съ костей.

2) Ежели не отстанешь отъ лжи, какъ здѣсь городничій и всѣ смѣются твоему хвастовству, то прокляну тебя именемъ Божіимъ... И потомъ—табакерку Ивана Павловича пришли, хоть какая есть,—ибо намъ, а паче матери, голову прохлопоталъ.

3) Отстраняйся отъ вертопраховъ, а водись съ постоянными; а иначе — притворись больнымъ тяжкимъ, ибо будетъ правда, а не ложь, что ты боленъ языкомъ, боленъ головой; и сиди на квартирѣ съ разумными людьми, то-есть, съ книгоздательными. Читая оныя Богу, бесѣдуй съ Богомъ.

4) Лошадь тебѣ посылаю гнѣденькую, но ее держи для необходимой нужды, и отнюдь не продавай и не мѣняй, какъ было ты цыгану промѣнялъ, ибо такой доброй лошади не достанешь. Меня всѣ осуждаютъ, что твоему дурачеству даю потачку; но я тѣмъ виноватъ, что ошибся въ бѣлгородскихъ учителяхъ, а кажется, приказывалъ не болѣе тридцати рублей издержки; но ужъ что прошло, тому быть такъ. Теперь бережи: ибо развѣ самъ себя содержать будешь, а мнѣ нечѣмъ. Хлѣбъ тебѣ присылать буду, и то только на прокормъ; а дариться — нечѣмъ, у меня лишняго нѣтъ. Какъ ты писалъ, чтобъ прислать продать до ста четвертей, но я отъ роду не продавалъ въ годъ ни по пятидесяти, а теперь и поготово, ибо мельницы оплошали за умноженіемъ (ихъ), а притомъ расходъ умножился. Вотъ теперь и въ Бѣлгородъ—Александѣ [1] и учителю четвертей въ годъ до пятнадцати, а и тебѣ тожъ. *Да по дому христіанства и бѣднымъ надобно* [2]. А душъ сорокъ, да собакъ съ двадцать, и всегда работники чужіе: двумя стами четвертями врядъ прохарчимся, а еще и на пиво и на квасъ!

5) „Во всемъ и за всѣмъ будь только искатель ума въ чтеніи, и отнюдь не лѣнись въ молитвахъ къ Богу; да при умѣ (храни) постоянство, *испавѣдя всякую ложь не въ людяхъ, а въ себѣ.* Положи себѣ—за всякую ложь по щекѣ ударить; а пришедши въ раскаяніе, откройся, что ты солгалъ, и откройся тѣмъ же людямъ, кому лгалъ: тѣмъ посрамишь діавола, а отъ Бога получишь помощь и похвалу отъ Бога и отъ людей, хоть не ото всѣхъ, а отъ разумныхъ и отъ святыхъ; и самому тебѣ возлюбится, и будешь всегда веселъ, ибо чистъ совѣстію.

„Посылается тебѣ провизія: возблагодари Бога и къ обѣду приглашай по одному изъ нищихъ, даже хоть бы былъ въ ранахъ: ибо Богъ въ лицѣ нищаго присутствовать тебѣ будетъ. Что получишь—пришли реестръ. А когда роздашь—не ожидай больше. Чливость (расточительность) твоя, я думаю, тебя жъ осмѣиваетъ; даже и тотъ смѣется, кто беретъ.

6) Ходи смирно, держи смиренно Христа предъ собою и не бойся никакого приключенія; а буде гордо поступать будешь, хлѣбъ твой тебя не заступитъ.

---

[1] Меньшему брату Григорія Ефимовича—Александру, о немъ см. V-ю главу „Старины" *С. П.*

[2] Стало, это не было просто, *милостыня*, какъ мы ее теперь понимаемъ, а бѣдные входили въ общій разсчетъ хозяйственныхъ распоряженій. (*Примѣчаніе Н. С. Сохансκой*).

7) Знай, что я, желая тебѣ добра, пишу, и всегда писать, и на словахъ и даже на дѣлѣ, наклонять къ добру буду, боясь отвѣта за тебя предъ Богомъ и любя много, и вѣря любящему насъ Богу, что когда я тебя наказую (наставляю), то тварь наказывать не будетъ, ежели ты слушать наклоненъ; а буде нѣтъ, то ты будешь бѣдствовать, да и я. А всегда пребуду доброжелатель—отецъ твой".

Эти простыя слова родительскаго наставленія, облеченныя въ силу слова Божія, имѣли свой прекрасный успѣхъ; но прадѣдушка умеръ слишкомъ рано (оставляя сына ровно двадцати лѣтъ), чтобы онъ могъ насладиться плодами, медленно зрѣющей въ душѣ человѣческой, той великой жатвы, которая собирается для жизни вѣчной.

Болѣе мнѣ здѣсь нечего говорить о моемъ дѣдушкѣ, кромѣ краткаго повторенія, что, оставаясь на службѣ при Бѣлгородскомъ намѣстникѣ, вотъ, во время знаменитаго путешествія Государыни, назначенъ онъ былъ курьеромъ при Особѣ Ея Величества; потомъ, когда открыто было Курское намѣстничество и генералъ-губернаторомъ присланъ извѣстный Беклешовъ, дѣдушка поступилъ на службу къ нему и умѣлъ — мало того снискать, а оправдать довѣріе своего благороднаго начальника, пользуясь его личнымъ расположеніемъ. Въ это время дѣдушка и женился, по пылкой любви, на кроткой, прелестной собою, едва шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, изъ лучшаго дома въ Старо-Оскольскомъ уѣздѣ. Получивши мѣсто стряпчаго въ Путивлѣ, онъ ревностнымъ, прямымъ исполненіемъ своей обязанности заслужилъ такое о себѣ мнѣніе, что для устраненія безпорядковъ, происходившихъ въ судебныхъ дѣлахъ въ Суджѣ, Беклешовъ перевелъ его туда стряпчимъ; тамъ дѣдушка и оставался до тѣхъ поръ, пока стряпчіе были отмѣнены. Но я мало - развѣ коснусь даже и стряпческой жизни дѣдушки, а возьму то послѣднее время, когда онъ пріѣхалъ въ свое *Веселое* и сталъ въ немъ жить да поживать и добра наживать.

Только добра-то дѣдушка мой вовсе не нажилъ. Тогда еще одна крайность сильно владѣла служебными людьми: они умѣли при должностяхъ наживать себѣ состоянія; но дѣдушка впалъ въ другую крайность: онъ не нажилъ на должности, а прожилъ все состояніе. Благородный по своему характеру и по духу того новаго времени, къ которому принадлежалъ онъ, дѣдушка былъ прямъ и твердо-исполнителенъ въ обязанностяхъ своей дол-

жности. Къ его чести (и къ своей) я имѣю полное право сказать, что онъ былъ совершенно неподкупенъ. Именно въ то время, когда онъ исправлялъ должность стряпчаго въ Путивлѣ, открыты были и подверглись всей строгой отвѣтственности по законамъ тѣ разбойническія шайки, о которыхъ говорила я выше [1], какъ шайка Мареы Дуровой, такъ и сильно распространенная шайка Ворòпановыхъ. Напрасно богатыя и многочисленныя лица этой послѣдней выискивали всѣ средства задобрить стряпчаго; опасность была слишкомъ видима и страшна, чтобы они могли остановиться предъ какимъ бы то ни было пожертвованіемъ.

„Откуда это?—спросилъ однажды дѣдушка, воротившись изъ своей служебной поѣздки и встрѣчая бабушку, рѣзвившуюся по комнатѣ съ молоденькимъ барашкомъ на розовой лентѣ. „Гдѣ ты взяла себѣ эту забаву?" Бабушка, раскраснѣвшаяся отъ бѣганья съ барашкомъ и отъ радости, что видитъ дѣдушку, едва переводя дыханіе отвѣчала, что пріѣзжалъ старый Воропановъ— и такой добрый, хорошій человѣкъ! Видя, какъ она скучаетъ, онъ на другой день прислалъ ей этого барашка для забавы. Дѣдушка вышелъ изъ себя; онъ и былъ горячъ. „Какъ? когда я не беру взятокъ, такъ ты за это принимаешься?! На что жъ лучше! Ты знаешь, чтò ты это сдѣлала?.." Бабушка въ слезы. Она и вообразить не могла, чтобы показавшійся ей такой добрый, хорошій человѣкъ былъ судимъ, по крайней мѣрѣ, по пятнадцати разбойничьимъ дѣламъ... Сейчасъ барашку намотали на шею его розовую ленту и отправили его съ нарочнымъ. Но дѣдушка слишкомъ гордо и пылко любилъ бабушку, чтобы простить Воропанову попытку дѣйствовать на него чрезъ его прелестную молодую жену. Къ неумолимой строгости законовъ присоединилось еще личное негодованіе стряпчаго, и Воропановы не закрылись и не защитились ничѣмъ.

Но съ этимъ духомъ чести и честности, дѣдушка, и по воспитанію своему въ княжескомъ домѣ и такъ просто по характеру, былъ вполнѣ одержимъ духомъ — пожить хорошо, повеселиться съ добрыми людьми и пріятелями, выставить на видъ свою молодую жену. Да и самъ дѣдушка являлся лицомъ очень замѣтнымъ въ уѣздномъ обществѣ, по его образованію, по самой его наружной представительности, уму и веселому, оживленному разговору, чтобы онъ могъ не любить большихъ бе-

[1] Въ IV главѣ „Старины", стр. 225. (*С. П.*).

сѣдъ и не находить для себя удовольствія въ нихъ. Старинная знать Путивльскаго уѣзда—Гамалѣи, Череповы—очень полюбили своего молодого стряпчаго и крестили дѣтей у Григорія Ефимовича. Особливо старикъ Михайло Ивановичъ Гамалѣй оказывалъ ему большое расположеніе. Какъ-то въ день его именинъ дѣдушка, задержанный дѣлами, не поспѣлъ вмѣстѣ со всѣми къ именинному пирогу и пріѣхалъ довольно поздно. „Э-э!" съ обычнымъ своимъ малороссійскимъ юморомъ, сказалъ высокоуважаемый старикъ, встрѣчая дѣдушку улыбкой: „Много ко мнѣ большихъ пановъ понаѣзжало, а се, спасибо Богови, и *человікъ* пріихавъ!"

Но для поддержанія этого человѣческаго титла, признававшагося за дѣдушкой, мало было трехъ сотъ рублей жалованья, которое получалъ онъ. Постепенно онъ заложилъ Аннѣ Лазаревнѣ [1] свои участки земли въ Покидовой и Терновой и наконецъ всю свою часть въ Богодуховкѣ. Это составляло болѣе трехъ сотъ десятинъ земли, безъ угодьевъ, не считая сюда лѣса, амбара и водяной мельницы, и заложено было все за триста рублей! Чтобы выкупить, дѣдушкѣ слѣдовало сберечь свое жалованье за цѣлый годъ, а объ этомъ и думать было нечего. Жизнь они въ Путивлѣ вели не только пріятельски-шумную и веселую, а можно сказать даже громоносную, судя по слѣдующему примѣру.

Однажды, празднуя всерадостный день ангела городничаго, онъ вздумалъ почтить дорогого имянинника пальбой изъ находившихся на площади старинныхъ пушекъ, едва ли не современныхъ Самозванцу. Не сохранилось въ преданіи, кто былъ знаменитымъ *рóумысломъ* [2] при этомъ дѣлѣ; только пушку разорвало и еще по особенному счастью никого не ранило; а осколки пролетѣли вверхъ, попали въ окно стоявшей на площади колокольни, ударились тамъ въ колоколъ, принесенный въ даръ Мариной, когда она находилась въ Путивлѣ, и раскололи этотъ колоколъ...

Но если дѣдушка прожилъ почти половину своего состоянія на должности стряпчаго въ Путивлѣ и Суджѣ, то все же нельзя сказать, чтобы онъ воротился въ *Веселое* безъ всякаго замѣтнаго пріобрѣтенія. Нѣтъ, онъ привезъ съ собою три важныя

---

[1] Теткѣ своей, сотничкѣ, въ замужествѣ Гурьевой, см. о ней въ III главѣ, „Старины", стр. 213. *С. П.*

[2] Артиллеристомъ, инженеромъ.

вещи, а именно: самоваръ, кофейную мельничку и вафельную форму. Намъ болѣе или менѣе извѣстно, что долго до появленія самоваровъ вода къ чаю кипятилась въ большихъ красной мѣди чайникахъ, и вотъ дѣдушка привезъ въ околодокъ первый желтой мѣди самоваръ, первую кофейную мельничку и первую вафельную форму. Если вы, князь, [1] припомните помѣщенное вами въ приложеніяхъ къ вашей книгѣ *„Фонъ, Визинъ“* письмо Стахіева изъ Стокгольма, отъ 16 сентября 1771 года, гдѣ дѣло идетъ о трудномъ доставленіи двухъ вафельныхъ формъ для Особы Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, то можно согласиться, что и въ 1796 г. пріобрѣтеніе этой формы было достаточно важнымъ дѣломъ для уѣзднаго стряпчаго.

Хотя я сказала, что простыя родительскія наставленія, облеченныя въ силу слова Божія, имѣли свой прекрасный успѣхъ, однако же едва ли тотъ, какого желалъ прадѣдушка, научая просить у Бога *при умѣ постоянства*. Именно этого-то *постоянства*— основательности въ разсчетахъ житейскихъ—и не ставало уму дѣдушки. Въ лицѣ его является видимый образецъ того, какъ наше провинціальное мелкопомѣстное дворянство, заимствовавъ у знати, такъ или иначе, ея новый образъ жизни и мыслей, ея достоинство и величавыя понятія о себѣ, не могло уже разстаться съ ними и жертвовало имъ, съ жаромъ новообращенныхъ, всѣмъ былымъ своей жизни—преданіями, мыслями, повѣрьями, завѣтомъ отцовъ и существеннымъ своимъ достояніемъ.

Прибывши въ *Веселое*, обрѣзанное отъ всѣхъ добавочныхъ къ нему земель и угодьевъ, запущенное долголѣтнимъ отсутствіемъ изъ него хозяина, дѣдушкѣ слѣдовало бы забиться въ свой хуторокъ и сколачивать себѣ понемногу деньгу, сберегать копѣечку про черный день, какъ гласила житейская мудрость отцовъ, и жить такъ, чтобы *„часомъ съ квасомъ, а порой“*, какъ говорится, *„и съ водой“*.

Но жить такъ не умѣлъ дѣдушка. Вліяніе новаго было слишкомъ многообразно и живо въ немъ; внутреннія побужденія благородны и исполнены той сердечной чливости, которая въ великодушномъ пылу своемъ мало смотритъ на такую бездѣлицу,

[1] Обращеніе къ кн. Петру Андреевичу Вяземскому, которому эта глава „Старины“ посвящалась. Письмо, о коемъ далѣе говорится, помѣщено на 376 стр. книги „Фонъ Визинъ“ (Спб. 1848). *С. П.*

что средствъ не станетъ. *Веселое* наше, несмотря на рѣшимость прадѣда (Ефима Лазаревича) перенести отъ него большую дорогу на землю казенныхъ обывателей, осталось при большой дорогѣ. Теперь, когда землевладѣльцы что бы дали, чтобы большія дороги проходили черезъ ихъ имѣнія, поступокъ Ефима Лазаревича является страннымъ и совершенно непонятнымъ. Но *теперь* не есть *тогда*, и большія дороги, вовсе не принося нынѣшнихъ выгодъ, въ то время вели за собой большое разореніе. Выбитый хлѣбъ, стравленный сѣнокосъ были постояннымъ бѣдствіемъ, за которымъ слѣдовала драка и цѣлыя свалки обозовъ съ народонаселеніемъ деревни, выбѣгавшимъ съ косами и вилами защищать свои поля. Особеннымъ наказаніемъ для жителей были огромные обозы съ казенною солью, тяжело нагруженные, тянувшіеся на волахъ, подъ присмотромъ медленно и гордо выступающихъ хохловъ, которые, привыкнувъ къ раздолью своихъ степей, рѣшительно не признавали никакой межи, ни возможной границы. „*Гэ! мы казенный интересъ веземъ!*" —говорили они и располагались кормить своихъ воловъ, гдѣ имъ было угодно.

Въ этихъ-то причинахъ заключалась смѣлая попытка Ефима Лазаревича перенести большую дорогу подальше отъ мѣста своего жительства; попытка не удалась, и дѣдушкѣ Григорію Ефимовичу пришлось поселиться въ своемъ *Веселомъ*, какъ *гороху при дорогѣ*[1]. Тотъ его мимоходомъ щипнетъ, другой урветъ у него; но это была самая малость, въ сравненіи съ нѣкотораго рода систематическимъ мученьемъ, которому онъ добровольно подвергался въ неоглядномъ добросердечіи русскаго гостепріимства.

Зажилъ дѣдушка въ *Веселомъ*. Домъ его—небольшой по числу комнатъ, но комнаты высокія и большія, съ большими окнами; старинный теремъ въ старинномъ саду, и затѣмъ полукругомъ лѣсъ, направо и налѣво, вытягивающійся къ большой дорогѣ. Все это вмѣстѣ придавало поселку видъ какой-то уютности, весело глядѣвшей на проѣзжаго и прохожаго, которымъ отъ Корочи до извѣстной въ Курской губерніи Михайловки, на разстояніи тридцати верстъ, не встрѣчалось другого поселенія. И будто началъ хорошо и хозяйничать дѣдушка, все преобразовывать, возстановлять; но все это выходило у него на слишкомъ

[1] См. малороссійскую сказку Гулака Артемовскаго „Солопій та Хивря, або горохъ при дорози" (*Прим. Н. С. Соханской*).

широкую руку. Онъ не могъ слышать, чтобы у него въ домѣ жужжало веретено,—и дѣвки и бабы перестали прясть; мужчины начали по новой методѣ хлѣбъ сѣять,—хлѣбъ плохо родился. Дѣдушка время посѣва и уборки хлѣба разсчитывалъ по календарю, вывѣрялъ все, соображалъ и не могъ допустить, чтобы крестьянинъ, по глупымъ своимъ примѣтамъ, способенъ былъ это дѣло знать лучше его. Хотя очевидность увѣряла въ противномъ, но что такое очевидность, когда у дѣдушки глаза были обращены къ свѣту просвѣщенія,—и невѣжественный урожай хлѣба не могъ удовлетворить его! Намъ непонятны теперь и покажутся немного забавными эти порывы рвенія, страсть, выказываемая къ просвѣщенію, ребяческая гордость и радость о немъ, эта восторженность вѣры въ науку, въ книгу, въ одну печатную строку, преданность—до ослѣпленія и наконецъ это льстивое, молодое сознаніе въ человѣкѣ, что онъ внутренно отдѣлился и сталъ выше окружающихъ его. Вы, князь Петръ Андреевичъ, указали намъ причину этихъ явленій, сказавши, что „тогда просвѣщеніе образовывало расколъ, а въ каждомъ расколѣ обнаруживаются жаръ, пристрастіе, дѣятельность. Нынѣ просвѣщеніе—господствующая вѣра въ нравственномъ мірѣ и потому оно спокойнѣе“ [1]. Но на зарѣ дня, жизни-ли нашей, или въ занимающейся зарѣ просвѣщенія, особенно прекрасно это живое, дѣятельное возбужденіе силъ; сонъ дѣтства и сонъ ума человѣческаго—какъ сны, исчезающіе предъ картиной, великолѣпно изображенною въ Св. Писаніи: что солнце, какъ женихъ, выходитъ изъ разверзающагося чертога (въ отношеніи къ просвѣщенію—особенно можно сказать—чертога Божіей премудрости), и, какъ исполинъ, онъ идетъ совершать свой путь.

И вотъ въ дѣдушкѣ именно было прекрасно его живое, дѣятельное возбужденіе умственныхъ силъ. Онъ подходилъ къ своимъ сорока годамъ, когда уже довольно умѣряется всякій пылъ жизни; но пылъ этого стремленія къ знанію (до чего бы оно ни относилось),—къ книгѣ (о чемъ бы эта книга ни говорила), безпредѣльная вѣра въ величіе и непогрѣшимость науки (хотя это величіе въ очень небольшомъ видѣ могло показываться дѣдушкѣ)—дѣлали изъ него настоящаго юношу, любопытнаго и увлекающагося, все испытывающаго, ищущаго, и въ наслажденіи этихъ поисковъ вовсе не видящаго, что онъ очень мало находитъ. При такомъ юношески-живомъ, отвлеченномъ направленіи ума,

[1] „Фонъ-Визинъ“, соч. князя Вяземскаго, 1848, стр. 38 (*С. П.*).

какъ было хозяйству идти своею медленною, вѣрною чередой? Оно сбивалось на всѣ четыре стороны; и не могло быть иначе, когда книга, мысль о книгѣ и забота о пріобрѣтеніи книги стояли впереди всѣхъ заботъ по хозяйству. Случалось, что недостаточность средствъ маленькаго имѣнія, какъ сильный косарь косой, подкашивалъ стремленія дѣдушки; но его умная голова вставала на подмогу и выручала дѣдушку.

Никакое важное дѣло по околодку не обходилось безъ его совѣтовъ и указаній. Благородный и ревностный въ исполненіи принятаго на себя обязательства, онъ былъ извѣстенъ далеко, какъ дѣлецъ чрезвычайно знающій и умѣющій искусно дать ходъ и выгодный оборотъ дѣлу,—*но только правому*; а за неправое дѣло, хотя бы давали дѣдушкѣ тысячи, онъ не брался.

Въ немъ развито было то чувство вкуса и изящества, которое, какъ внѣшнее отраженіе облагороженныхъ понятій ума, идетъ шагъ за шагомъ за уходящимъ впередъ человѣкомъ. Всегда причесанный своимъ Аверьяномъ въ косу, напудренный, во французскомъ кафтанѣ, дѣдушка глядѣлъ чѣмъ-то вельможнымъ въ своемъ маленькомъ *Веселомъ* и строго наблюдалъ за всѣми статьями туалета бабушки. Особенно онъ любилъ снабжать ее прелестными башмачками. Тонко разборчивый въ понятіяхъ о красотѣ женщины и въ уловленьи ея внутренняго значенія, онъ говорилъ, что первый взглядъ, который онъ бросаетъ на женщину, никогда не относится къ лицу ея, а къ ея ногѣ. Когда нога не запущена и обута опрятно, то и женщина порядочна. Вслѣдствіе этого заключенія бабушка была всегда обута какъ герцогиня...

Я помню себя лѣтъ восьми дѣвочкой. Какое для меня готовилось наслажденіе, когда лѣтнимъ жаркимъ днемъ я замѣчала, что широко отворяется кладовая, выносятъ большіе сундуки въ садъ, и тамъ раскладываются для просушки на жерди и развѣшиваются по кустамъ разные сорты бѣлья, парадныя одѣяла, и на крышкѣ опорожненнаго сундука выставляется пара башмачковъ бабушки!.. Что это были за обольстительные башмачки для моихъ дѣтскихъ глазъ! Сидѣлка, утомленная заданнымъ ей дѣломъ—отгонять воробьевъ, обыкновенно прокурныкавъ пѣсенку-другую, засыпала,—и я оставалась на свободѣ, одна. Похитивъ чудные башмачки, я садилась съ ними куда-нибудь въ кустъ, клала ихъ себѣ на колѣна и въ нѣмомъ восхищеніи не знала, какъ любоваться ими. Крошечные, при своей странной формѣ, носочки изъ масаковой шелковой матеріи, и затѣмъ

изъ всего, что составляетъ башмакъ, одна узенькая подошовка изъ бѣлой нѣжной лайки, и высокій каблучекъ, обтянутый лайкой,—до того онѣ были прекрасны, что я не осмѣливалась примѣрить ихъ на свою дѣтскую ногу. Я даже входила въ большія разсужденія и соображенія на счетъ ихъ: что Сандрильона не иначе какъ въ подобныхъ башмачкахъ была на томъ балѣ, когда принцъ велѣлъ подлить смолы на крыльцѣ. Высокій каблучекъ завязъ, но Сандрильонѣ легко было высвободить свою маленькую ножку. Всѣ царицы и феи, по моему представленію, непремѣнно должны были носить такіе башмачки. И даже простая исторія башмачковъ, что они остались послѣ смерти бабушки, не принималась охотно мною. Я знала случаи, что феи слетались къ новорожденному и дарили ему счастье, здоровье; что, еслибы какая изъ нихъ да мнѣ подарила эти башмачки!.. Я обыкновенно оканчивала тѣмъ же, чѣмъ и сидѣлка, то-есть засыпала, прижимая къ себѣ бабушкины башмачки...

Но мнѣ совѣстно предъ дѣдушкой, что я оставила говорить о немъ и разговорилась о башмакахъ. И еще на какомъ мѣстѣ оставила его! Когда дѣдушка, при всемъ своемъ новомъ, но сохраняя еще обычай старины, могъ представить намъ высокую картину того, какъ наши дѣды и прадѣды понимали свои христіанскія обязанности въ отношеніи подвластныхъ имъ людей, и были не только господами, а, по апостольскому слову, старались быть и *главою* своей домашней церкви. Дѣдушка каждое воскресеніе и праздникъ (церковь отъ насъ была далеко), совсѣмъ одѣтый, выводя жену за руку изъ внутреннихъ комнатъ, становился съ нею посреди передней своей большой горницы; предъ нимъ ставился столъ; у образовъ зажигались свѣчи, накуривались комнаты ладаномъ, и въ немолчномъ шорохѣ многихъ собравшихся людей, наполнившихъ комнату и отворенныя сѣни, лѣтомъ постановившихся у раскрытыхъ оконъ, дѣдушка начиналъ читать утреню; потомъ онъ читалъ часы; на часахъ, смотря по значенію праздника, прочитывался акаѳистъ Спасителю или Божіей Матери, и домашнее служеніе Богу завершалось чтеніемъ положеннаго тому дню Апостола и Евангелія. Когда дѣдушка, въ приличествующихъ мѣстахъ, произносилъ медленно: *Господи, помилуй*, весь домъ отъ большихъ до малыхъ повторялъ за нимъ вполголоса: *Господи, помилуй*!..

Другая историческая картина была еще богаче по живописности частностей и прекрасной рельефности лицъ, выдававшихся надъ темнымъ колоритомъ осенняго вечера при свѣтѣ свѣчи

и затопленной печи. Я говорила, что дѣдушка поселился въ своемъ *Веселомъ*, какъ горохъ при дорогѣ, и *Веселое*, на разстояніи тридцати верстъ, было единственнымъ пристанищемъ прохожему или проѣзжему человѣку, въ грязь, въ непогоду, выбившемуся изъ силъ, или запоздавшему на пути. Потому люди сворачивали въ *Веселое* съ большой дороги и просили у дѣдушки ночлега. Дѣдушка никому не отказывалъ, давалъ пристанище на ночь, кормъ—лошади и хлѣбъ-соль человѣку. Это приводило добрыхъ людей. Иному и можно бы еще было дотянуть до города, но кто велитъ морить себя, или, того пуще, животинушку, когда по дорогѣ есть добрый человѣкъ, который приметъ, напоитъ, накормитъ и еще словомъ ласковымъ проводитъ. Стали люди и почаще заѣзжать къ дѣдушкѣ,—уже и по знакомству, что не могли проминуть его, помня его хлѣбъ-соль и всякую ласку; а знакомымъ—тѣмъ болѣе даровой пріемъ и всякая ласка. Дѣдушка уже и видѣлъ, что небольшіе запасы его *Веселаго* истощались на эти пріемы; къ концу года его вылущивали до зерна; и между тѣмъ какъ ничего не было легче избавиться отъ всѣхъ расходовъ и еще пріобрѣсти немалую выгоду, построивши постоялый дворъ при большой дорогѣ,—но эта мысль и въ голову не приходила дѣдушкѣ. Коммерческій, утилитарный оборотъ этого рода не былъ въ обычаѣ вѣка. Дѣдушка продолжалъ принимать заѣзжихъ и захожихъ, говоря слова Спасителя: *„грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ“* (Іоан. 6, 37).

Но между этими грядущими были особенные, которыхъ дѣдушка не только принималъ у себя въ хуторѣ, но и у себя въ большой горницѣ; сажалъ ихъ за свой собственный столъ, вспоминая, можетъ быть, наставленіе родителя: *„и къ обѣду приглашай по одному изъ нищихъ“*. Только прадѣдушка заказывалъ: *по одному*, а у дѣдушки садилось за столъ человѣкъ по пятнадцати. Это были богомольцы.

Всякому изъ проѣзжавшихъ когда-либо по нашимъ большимъ дорогамъ знакомы странные, медленно движущіеся индивидумы, которыхъ далеко замѣчаетъ глазъ на плоской равнинѣ разстилающихся полей и только по привычкѣ можетъ опредѣлить: что это такое, навьюченное, съ горбами, которые были бы подстать верблюду, увѣшанное сумочками, котомочками, съ посошкомъ въ рукѣ и съ непремѣнною тыквенною кубышечкой у пояса? Это—русскіе люди, богомольцы. Рано еще, весной по снѣгу, съ первымъ кличемъ журавлей, оставляютъ они родной порогъ и, стремимые болѣе птицъ перелетныхъ теплымъ чув-

ствомъ своей души, идутъ пройтись по широкому царству русскому, поклониться отечественной святынѣ. Вы, можетъ быть, не разъ улыбнулись, глядя на ихъ навьюченные горбы,—несмѣйтесь: вы не знаете, пожитки ли это свои несетъ богомолецъ, или въ его котомкахъ насыпанъ песокъ и наложены камни, чтобы подвигомъ труда и терпѣнія доступить къ святынѣ, а не идти легко и праздно. Народное чувство всегда умѣло и умѣетъ чтить богомольцевъ родной земли; и на этихъ самыхъ правахъ они такъ особенно были принимаемы дѣдушкой. Сложивъ котомки въ его собственной большой горницѣ, приставивъ къ стѣнамъ свои посошки,—кто изъ нихъ, въ ожиданіи ужина, располагался грѣться или сушиться у печи,—кто, прикурнувъ на руку къ своему путевому бремени, сладко засыпалъ при немъ; другіе, попочетнѣе, люди бывалые, вступали въ разговоры съ дѣдушкой. И было что поразсказать инымъ, которые лѣтъ десять и пятнадцать ходили по богомольямъ: одинъ годъ въ Кіевъ и до Почаева, а другой—въ Москву и къ Троице-Сергіевой Лаврѣ; были удостоившіеся побывать и у Соловецкихъ угодниковъ. Дѣдушка любилъ все подобное, любилъ эти простыя, въ простотѣ высокой вѣры сказывающіяся занимательныя рѣчи, живой перечень мѣстъ и лицъ святыни, почивающей на всѣхъ концахъ русскаго міра. Но скоро дѣдушка изъ слушателя самъ становился высокоревностнымъ дѣятелемъ и собиралъ вокругъ себя разрозненныя группы богомольцевъ. Направленный какимъ нибудь словомъ или разсказомъ, имѣвшимъ соотношеніе съ чѣмъ-либо въ Ветхомъ или Новомъ Завѣтѣ, дѣдушка пріискивалъ то мѣсто и прочитывалъ его громко, во услышаніе. Начиналось движеніе, точно какъ описуемое у Купели Силоамской, гдѣ лежало множество хромыхъ, слѣпыхъ, чаявшихъ цѣлительнаго движенія воды. Тамъ ангелъ нисходилъ въ купель, можетъ быть, колебаньемъ крыльевъ своихъ пречистыхъ волнуя воду; здѣсь глаголъ слова Божія двигалъ сердца и стремилъ простыя души къ мѣсту, откуда неожиданно онъ раздавался имъ. Будили спящихъ, садились ближе слушать на полу вокругъ дѣдушки, и дѣдушка, зная, какъ у этихъ людей, младенчески вѣрующихъ Богу, мало понятій о Немъ, о дарѣ Его божественнаго Откровенія, говорилъ имъ, читалъ, объяснялъ. Можно себѣ представить, какъ чудны были эти выразительныя, загорѣлыя лица, морщинистые старики и старухи, подперліеся на руку, иныя плачущіе, и глаза всѣхъ, устремленные къ одному мѣсту, умиленіе ихъ, выступающее на жесткихъ чертахъ,—и это въ полумрач-

ной простой комнатѣ, при огнѣ затопленной русской печи. Дѣдушка, въ своемъ французскомъ кафтанѣ, важно сидѣлъ, положа книгу на колѣна; а позади его бѣлокурая бабушка выступаетъ на высокихъ каблучкахъ, объявляя богомольцамъ, что поужинать имъ готово... Въ этой картинѣ столько исторически-живаго и близкаго по сердцу намъ, что ей хочется пожелать кисти и красокъ русскаго художника.

Обрисовывая далѣе благородную личность моего дѣда, я не могу не остановиться на характерѣ его супружескихъ отношеній, тѣмъ болѣе, что это нужно для маленькаго разувѣренія насъ, что не одна неразвитость и грубость были достояніемъ семейной жизни нашихъ дѣдовъ. Вотъ письмо дѣдушки. Пусть оно само за себя говоритъ и своимъ тяжелымъ языкомъ высказываетъ эту вѣчную истину, что языкъ чувствъ и образъ выраженія ихъ могутъ измѣняться, но сердце человѣческое всегда одно и то же.

Дѣдушка по чьимъ-то дѣламъ проживалъ въ Курскѣ, и довольно долго. Не знаемъ мы, какіе-то непріятные слухи дошли до бабушки, что дѣдушка проигрался (это и случалось съ нимъ; недаромъ онъ пожилъ у Михельсона), и, вѣроятно, были еще другія дополненія, усердно переданныя, такъ что бабушка перестала писать и, въ огорченіи и грусти жить одной, уѣхала къ матери. Дѣдушка, въ своей душевной тревогѣ, почти принялъ это за то, что бабушка оставляетъ его, и мучимый ея молчаніемъ, признавая себя виновнымъ и обвиняя бабушку въ равнодушіи къ себѣ, онъ пишетъ ей много писемъ, изъ которыхъ, по счастью, уцѣлѣло одно слѣдующее:

„Милая души моей, Анна Ивановна!

„Вы должны сами чувствовать, какъ вы поступаете со мною. Давно уже я, опасаясь отъ сего еще худшихъ послѣдствій, въ отдаленіи отъ васъ ищу сердечнымъ чувствамъ моимъ покоя и убѣжища, освобождая васъ часто отъ присутствія такого человѣка, котораго вы не любите и никогда не любили. Правда, что вы еще въ самыхъ пріятныхъ для меня лѣтахъ, великодушны и кротки, но нечувствительны ко мнѣ, хотя я всегда увѣрялъ васъ и увѣряю, что никто изъ смертныхъ не обожаетъ и не можетъ любить васъ столь страстно, какъ я.

„Но когда вы почувствуете въ полномъ величествѣ достоинство чистаго и раскаявающагося сердца, то навѣрное и несчастный вашъ супругъ приходитъ вамъ на мысль, которая старается васъ довести до того, чтобы вы, довольно знавъ его

къ себѣ горячность, соотвѣтствовали ему со своею. Но могу-ли я быть столько счастливъ, чтобы могъ произвести въ васъ такія чувствованія, когда вы, и въ пріятнѣйшіе дни моей съ вами жизни, оказывали, и нынѣ оказываете, только свое равнодушіе. Почувствуйте, хоть на сей разъ, сильнѣйшее угрызеніе своей совѣсти, и хоть двери сердца вашего отворите, для вступленія въ оное сожалѣнія о томъ супругѣ вашемъ, который незнакомъ и не знаетъ ни одной женщины для себя пріятнѣйшей, а потому и любезнѣйшей! но которая, въ награду его къ себѣ страсти, старается, истребляя изъ мыслей своихъ, вовсе въ отсутствіе его забывать. Скажите, пожалуйста: за что вы меня убиваете своимъ молчаніемъ? Письма мои васъ нигдѣ не найдутъ. Изъ Корочи пишутъ, что васъ тамъ нѣтъ; а братъ вашъ отвѣчаетъ, что вы давно въ Корочѣ, и всѣ отвсюдова пріятели пишутъ мнѣ на мои письма отвѣты, только неудостоенъ отъ васъ оными болѣе нежели на семь моихъ къ вамъ писемъ: ибо я ни одной не пропущаю почты. Хоть бы разъ вы на себя взяли трудъ увѣдомить меня о состояніи дѣтей, ежели, по несчастью моему, вы для меня почитаете свое (состояніе) не дражайшимъ всѣхъ блаженствъ на свѣтѣ. Единственное мое желаніе состоитъ въ желаніи, чтобы мое отсутствіе возродило въ вашей душѣ волнованія, жесточайшія претерпѣнныхъ мною, дабы смѣло предъ цѣлымъ свѣтомъ и Творцомъ моимъ я могъ сказать и доказать, что нигдѣ и никогда такого человѣка не было, который бы любилъ тебя столь много. Я открытіе, извѣстное вамъ, совершенно сердца моего возобновляю [1]; извините же и мою страсть, и вспомните не единожды говоренное мною вамъ, по священному нашему союзу, мое правило: что въ сей жизни удовольствіе повелѣвать и принуждать себѣ повиноваться должно причислять ко второй степени жизненныхъ забавъ; но любить страстно и быть любиму — есть не имѣющая и въ воображеніи границъ удовольственность. А посему и скажу тебѣ, что не буду называть впредь никогда влюбившихся дураками; но принужденъ тебѣ сказать, что легковѣрные нимало не умны... Трудно человѣку предохранить себя отъ паденія въ то или другое пристрастіе; но еще труднѣе—не быть легковѣрнымъ и столь твердымъ, чтобы не поддаваться обманамъ, кои суть неразлучные собесѣдники женскаго пола. Я съ тобой на семъ свѣтѣ велъ и веду

[1] Темное мѣсто, но такъ въ подлинникѣ (*С. П.*).

свою жизнь такъ, чтобы, выходя изъ оной, не нашлось моего предъ тобою преступленія, за которое не скоро бы меня Богъ простилъ: ибо (что и твоя совѣсть безъ смущенія можетъ утвердить) я свято почитаю истинную добродѣтель, нахожу въ ней такое братство, котораго никто у меня отнять не можетъ, и я всегда старался, чтобы вы, во мнѣ оную видя, всѣ мои горести, хотя собою одною облегчали. Но вамъ чувствительное мое сложеніе всегда представляется зломъ и посредственными умами называемымъ одною только вспыльчивостію. Я, по долгу священнаго моего съ вами союза, одного только теперь отъ васъ прошу: удостойте меня отвѣтомъ, хоть съ презрѣніемъ, о чувствованіяхъ вашихъ ко мнѣ,—но—не обыкновеннымъ вашимъ отвѣтомъ, что онѣ таковы же, какъ и прежде были; а, уваживъ мое страданіе, скажите гораздо яснѣе уже: дабы я, себя видя совершеннымъ сыномъ печали, могъ что-либо придумать о рожденныхъ тобою.

„Хотя полагаю, что для тебя свѣдѣніе обо мнѣ не нужно, скажу, что я здѣсь болѣе недѣли былъ боленъ, теперь брожу, бываю въ собраніяхъ, гдѣ иногда, на время, мысли мои бываютъ въ разбродѣ, но никогда безъ тебя. Мнѣ нѣтъ нужды, повѣришь ли ты сему или нѣтъ; но я долгомъ любезнѣйшимъ и священнѣйшимъ оное чувствовать по гробъ въ душѣ своей поставлю.

„А за симъ, въ ожиданіи отвѣта, скажу, что я, когда выѣду, не знаю, и какъ скоро окончу дѣла мои, да особливо я не спѣшу сильно, располагая и видѣвъ довольно, что ты всегда тамъ веселѣе была и бываешь, гдѣ меня нѣтъ.

„Прости, дражайшая, равнодушная супруга, твоему несчастному супругу! Здѣсь нѣтъ ничего, что̀ бы не отъ сердца было изъявлено: ибо сердце и душа, по гробъ его, пребудутъ тебѣ наипреданнѣйшими! которыхъ не убивай безвинно своимъ молчаніемъ!..“

И вы судите, что это было писано послѣ тринадцатилѣтняго законнаго супружества! Какая женщина и въ наше время не была бы въ правѣ гордиться подобною живостью и полнотой сохраненныхъ къ ней чувствъ мужа, его преданною горячностію, которая, послѣ десятка слишкомъ лѣтъ супружеской жизни, еще умѣетъ говорить тѣмъ самымъ языкомъ, какъ и въ первый день брака? Счастливая бабушка!.. У меня сохраняется подаренный ей дѣдушкой небольшой силуэтъ его, обдѣланный въ золоченую

мѣдь, а на оборотѣ его изображенъ французскій вензель бабушки, съ двумя пылающими сердцами надъ нимъ, и сердца эти знаменательно перевиты несгараемою лентой. Еще интереснѣе мнѣ было встрѣтить этотъ самый вензель, начертанный рукой дѣдушки, и гдѣ же? На *„генералитетъ арміи, который напечатался повелѣніемъ благочестивѣйшаго государя Петра Великаго, маія въ 4 день 1722 г.“* [1]. Изъ этого явственно слѣдуетъ, что и дѣды наши, какъ знаменитая Таня Ларина, обладали искусствомъ чертить завѣтный вензель — если не на отуманенномъ стеклѣ, то, взамѣнъ, на очень древнемъ листѣ.

Тетушка премило разсказываетъ о маленькихъ супружескихъ размолвкахъ дѣдушки и бабушки, какимъ образомъ онѣ происходили. Бабушка, по своему кроткому характеру, обыкновенно сказавши слово-другое, молчала; дѣдушка, горячій, пылкій, и говорилъ бы, да какъ въ отвѣтъ ему молчать, то онъ бралъ книгу и начиналъ читать. Обыкновенно развертывалась книга премудраго Іисуса сына Сирахова; дѣдушка, для большаго вразумленія себя, начиналъ громко произносить:

„Уне есть обѣсите камень жерновный о выя и потонути въ пучинѣ морской, неже жити со злою женой...

„Отъ ризъ бо исходитъ молїе, и отъ жены лукавство женское.

„Жена добляя веселитъ мужа своего, и лѣта его исполнитъ миромъ.

„Мала есть всяка злоба противу злобѣ женской. Жребій грѣшника спадетъ на ню... [2]

— Стало, тебѣ, другъ мой, не на кого жаловаться,—замѣчала бабушка, — и дѣдушка никогда не могъ устоять противъ ея улыбки.

Теперь мнѣ остается сказать о другомъ предметѣ—очень живой привязанности дѣдушки, которая особенно развилась въ немъ къ послѣднимъ годамъ его жизни и была едва ли не главною споспѣшествующею причиной его смерти.

Я говорю, что любовь къ просвѣщенію, выражавшаяся съ большимъ жаромъ и пристрастіемъ у дѣдушки, была его неосиливаемымъ стремленіемъ и влеченіемъ, и вполнѣ естественно ему было изъ общей среды великаго избрать себѣ какую-либо

---

[1] Точное заглавіе: „Генералитетъ или табель о полевой арміи и т. д.“ См. Пекарскаго: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“. Спб., 1862, т. 2, стр. 587, № 534. (*С. П.*).

[2] Григорій Ефимовичъ, видимо, перелистывалъ книгу и читалъ, что ему хотѣлось. См. Сираха 42, 13; 26, 2; 25, 21. (*С. П.*).

малую часть и еще беззавѣтнѣе пристраститься къ ней. Обстоятельства устроились такъ, что частью этой явилась *медицина*. Былъ боленъ дѣдушка и лѣчился у какого-то Ивана Христіановича въ Старомъ Осколѣ. Тотъ былъ кѣмъ-то изъ большихъ баръ вывезенъ изъ Москвы и оставался вольнопрактикующимъ медикомъ по помѣщикамъ. Нѣмецъ, преданный своей наукѣ, заронилъ онъ искру къ ней въ душу дѣдушки. Не знаю, былъ ли то медицинскій журналъ, предшественникъ теперешняго *Друга здравія*, или просто лѣчебная книга подъ именемъ „Источникъ здравія“ [1], только дѣдушка выписалъ этотъ „Источникъ“ и погрузился въ него. Начались разныя пріуготовленія, ревностное разведеніе аптекарскихъ травъ, какъ-то: руты, мяты, шалфея; явился ревень домашняго посѣва. Здѣсь же находились бобы и табакъ, не потому, чтобы они входили въ настоящую медицину дѣдушки, а потому, собственно, что они были *новость*, рѣдкость въ краю, и дѣдушка болѣе хлѣба насущнаго желалъ у себя имѣть ихъ. Хлѣбъ въ полѣ заросталъ, его давно слѣдовало полоть, а женщины на огородѣ по былочкѣ обпалывали аптекарскія травы и собирали іюньскія росы; майскіе соки принадлежатъ къ позднѣйшему развитію медицинскихъ операцій дѣдушки.

По пословицѣ, что на ловца и звѣрь бѣжитъ, побѣжалъ красный звѣрь на дѣдушку, и именно—*красный*. Весной, около Троицына дня, при накрапывавшемъ дождѣ, вдругъ видятъ, что съ большой дороги сворачиваетъ одинокій путникъ, весь въ красномъ. Вѣтеръ изъ-подъ тучи развѣваетъ ему полы длиннаго полукафтанья, и онъ быстро приближается, словно летитъ на алыхъ парусахъ. Дѣдушка поспѣшилъ выйти на встрѣчу такому чуду и, вводя въ свой домъ рослаго, черноволосаго, съ длинными кудрями, смуглаго, прекраснаго мужчину, сказалъ ему съ большимъ привѣтомъ, что онъ и всякому радъ, кого ему Богъ, по милости своей, въ гости шлетъ, но *его* онъ принимаетъ съ особою радостью, истинно дивясь тому, что на порогѣ своего дома встрѣчаетъ подобіе Великаго Государя.

Гость былъ удивительнымъ образомъ похожъ на портретъ Петра Перваго. Оказалось, что это былъ пасторъ изъ нѣмецкихъ колоній около Воронежа, шедшій по дѣламъ своей паствы въ Москву, пѣшкомъ, въ красномъ полукафтаньѣ, подпоясанномъ

---

[1] Дѣйствительно, была такая книга, изданная Панкратіемъ Сумароковымъ въ Москвѣ 1800 г., второе изданіе 1808 (Сопиковъ, III, 4944—4945; Смирд. 4884) (*С. П.*).

бумажною, разноцвѣтною веревкой. Для дѣдушки гость былъ, какъ говорится, золотою находкой. Умный, образованный и по сану своему важный, молодой человѣкъ, съ которымъ можно было побесѣдовать о чемъ угодно. Сошлись они съ дѣдушкой. Бесѣды ихъ подъ липами на пасѣкѣ заходили куда далеко за ночь. Касались онѣ и медицины и богословія, и если философія между ними и не называлась по имени, то была присуща имъ на самомъ дѣлѣ, выражаясь такою высокою терпимостью и уваженіемъ къ религіознымъ понятіямъ другъ друга, что богословскіе споры и несогласія ни мало не раздѣляли гостя съ хозяиномъ. Проспоривши до ужина и продолжая спорить за ужиномъ, на утро красный кафтанъ пастора и голубая аптекарская куртка дѣдушки отправлялись вдвоемъ по полямъ собирать лѣкарственныя травы. Въ этихъ-то прогулкахъ запасался дѣдушка тѣми безцѣнными медицинскими свѣдѣніями, которыя впослѣдствіи онъ проявлялъ въ большой силѣ. Пасторъ, прогостившій въ *Веселомъ* недѣли три, уходя, оставилъ по себѣ память въ ни съ чѣмъ несравнимой услугѣ, которую онъ оказалъ дѣдушкѣ, выучивши его класть со всею нѣмецкою аккуратностью картузы на сухія травы.

И вотъ когда періодъ развитія медицинскихъ стремленій дѣдушки проявилъ себя въ полной силѣ! Началось систематическое сушеніе, крошеніе и распредѣленіе всевозможныхъ травъ; до пятисотъ картузовъ рядами по полкамъ унизали стѣны. Тетушка говоритъ, что до сихъ поръ было еще ничего, дѣло сносное, но теперь пошли „майскіе соки“.

Рецептъ ихъ сохранился въ ея памяти и состоялъ изъ трояваго *пріуготовительнаго, дѣйствующаго* и *послѣдствующаго*. *Пріуготовительное* заключалось въ томъ, что какъ проснуться, выпить большой стаканъ парного молока, да для внутренняго очищенія сыпи прибавлялась ложка сѣрнаго цвѣта съ медомъ. Затѣмъ слѣдовалъ *дѣйствующій* стаканъ майскихъ соковъ, вмѣщавшій въ себѣ:

Трифоль, проскурнякъ, крапиву, деревей, полынь, чернобыльникъ, щавель кислый, подорѣшникъ, водяной цикорій, душицу, буквицу и звѣробой.

Но это при обыкновенномъ состояніи, а при особенныхъ случаяхъ къ этимъ двѣнадцати травамъ прибавлялось еще „двѣнадцать лихихъ“, трава страшной горечи; цвѣтетъ она прекрасными темнолазоревыми цвѣтами и бываетъ по высокимъ мѣстамъ, но вообще очень рѣдко. И все это *дѣйствующее* запивалось полнымъ стаканомъ сладкой сыворотки. А къ *послѣдствующему*

принадлежитъ въ недѣлю разъ даваемый, по четвергамъ, стаканъ ревеню домашняго посѣва.

Но хотя дѣдушка и занимался нѣмецкимъ дѣломъ, но онъ былъ русскій баринъ, чтобы на себя самого возложить заботу собиранія всѣхъ травъ. Собственно—лично онъ выходилъ только на *двѣнадцать лихихъ*, на *кукушечьи слезки* и тому подобныя рѣдкости. А обыкновенныя травы собирать высылались всѣ женщины, сколько ихъ ни было въ хуторѣ, и каждой при этомъ назначалась какая-нибудь одна трава.

— Ты что̀, Хрестя?—спрашивалъ дѣдушка,—когда предъ нимъ появлялся рядъ бабъ съ мѣшками набранныхъ травъ за плечами и имѣя всю голову утыканную разными корешками и вѣточками, собранными изъ особаго усердія: „можетъ, сударю-барину и эта дрянь пригодится“.

— Ты что̀, Хрестя?—повторялъ дѣдушка, когда бабы являлись предъ лицомъ его, а онъ засѣдалъ за большимъ столомъ въ своей голубой курткѣ, окруженный всѣми медицинскими аппаратами, и по циркулю вымѣривалъ углы и стѣнки выдѣлываемыхъ картузовъ,—ты—проскурнякъ, Хрестя?

— Кислый щавель, батюшка-баринъ.

— А подорѣшникъ кто?—спрашивалъ дѣдушка, не отводя глазъ отъ своего важнаго занятія.

— Я, сударь.

— Кто ты? Не узнаю тебя. Васильева Марья?

— Нѣтъ, батюшка-баринъ! Я—деревей,—спѣшила отвѣчать Васильева Марья:—а подорѣшникъ, уже извѣстно,—Лепетуха, Иванова Стеха, по подорѣшникъ ходитъ.

— Хо-ро-шо!—глубокомысленно отвѣчалъ занятый дѣдушка, и молчалъ, оставляя бабъ ждать дальнѣйшаго своего обращенія къ нимъ. И что же? Одной изъ нихъ окончательно привилось имя собираемой ею травы: *Варька Душица* поставляла всегда душицу на майскіе соки—и осталась такъ Душицей. Уже и дѣдушка умеръ, и поставка травъ давно минулась, а Варька—Душица, да и Душица. И, ставши старою старухой, никѣмъ не посылаемая, она, какъ настаетъ время душицы, такъ и идетъ бродить по лѣскамъ—собирать свою душицу.

Но у дѣдушки, кромѣ этихъ лицъ, сообща прикосновенныхъ къ его медицинѣ и служившихъ ей низшимъ образомъ—въ собираніи травъ, было еще одно лицо, которое восходило надъ общимъ уровнемъ и садилось иногда за одинъ широкій столъ съ дѣдушкой. Лицо это было — мама Ирина, кормилица един-

ственнаго сына дѣдушки, пользовавшаяся большимъ почетомъ. Всѣ ее звали *мамой.* Дѣла ей никакого не назначалось; а между тѣмъ, гдѣ только можно было что сдѣлать, тамъ была мама Ирина. Эта прекраснѣйшая женщина годилась даже въ подлѣкари къ дѣдушкѣ. Вмѣстѣ они составляли майскіе соки, процѣживали іюньскія росы; мама упаковывала картузы съ травами, только пить травы уже просила уволить ее.

— А, вѣдь, что ты хочешь, мама,—заботливо замѣчалъ дѣдушка,—у тебя глаза мутны. Не выпить ли соковъ тебѣ, мама?

— Нѣтъ-съ, ужь милость ваша, сударь мой, Григорій Ефимовичъ, безъ меня другія наберутся,—говорила мама.—Вотъ хоть бы Хрестя.

— Да, вѣдь, запускать не слѣдуетъ, мама.

— И не пропускайте, батюшка баринъ: цѣлую ночь съ мужемъ прогрызлась. Никому покоя не было.

— Хрестя? спрашивалъ дѣдушка.

— Хрестя! — подтверждала мама, сказывая, что и мужъ сколько разъ говорилъ: хоть бы баринъ полѣчилъ ее, – авось бы зло рукой сняло.

— Да, острота, волненіе крови,—замѣчалъ дѣдушка и задавалъ Хрестѣ майскихъ соковъ, въ полномъ составѣ, съ *дѣйствующимъ* и *послѣдствующимъ*...

Вообще, дѣдушка, не охотникъ до полицейскихъ мѣръ, нашелъ средство управляться мѣрами медицинскими. Но—„нѣсть пророкъ безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ и въ дому своемъ",—произносилъ онъ съ немалою горечью, указывая на то, что бабушка рѣшительно уклонялась отъ медицинскаго вліянія дѣдушки и признавала майскіе соки ни за что иное, какъ за гущу. Но если сама бабушка находила еще способъ избѣгнуть медицинскихъ мѣръ, то спасти дочерей было уже свыше ея силъ, и тетушки должны были испить всю горечь майскихъ соковъ, вслѣдствіе того, что мама заподозрѣна была въ преступной снисходительности и невѣжественной любви къ барышнямъ, не умѣющей понять того, что сотъ меда заключается въ каждой каплѣ майскихъ соковъ! И дѣдушка самъ являлся съ стаканомъ соковъ въ рукѣ и поилъ дочерей,—послѣ чего онѣ запивали майскіе соки сметаной и сладкою сывороткой.

Дѣдушка изумительно обогащался лѣчебниками всякихъ родовъ: конскими и человѣческими, печатными и уставцемъ писанными. Одинъ изъ послѣднихъ сохранился у насъ и, кажется, былъ бы довольно любопытенъ въ историческомъ изслѣдованіи

о медицинскихъ понятіяхъ и способахъ лѣченія нашихъ предковъ. Онъ состоитъ изъ 202 главъ, которыя всѣ отмѣчены по полямъ краснымъ черниломъ. Собственно, это не главы, а число рецептовъ, и въ ихъ послѣдовательности представляется нѣкотораго рода систематическое изложеніе. Говорится въ началѣ о хлѣбныхъ растеніяхъ, потомъ объ овощахъ, рыбахъ, животныхъ, о камняхъ драгихъ и ко многимъ дѣламъ угодныхъ и проч. Одного самаго начальнаго листа нѣтъ; а на верху теперешняго передняго выставлена отмѣтка: *1559 г. г. Короча.* Нѣтъ никакой возможности предполагать, чтобы лѣчебникъ, какъ есть онъ, могъ относиться къ этому году, и однако же любопытно: къ чему бы могъ быть выставленъ этотъ годъ? Старики наши не шутили перомъ, и когда они что писали, то уже по дѣлу и разсужденію писали. „Что написано перомъ, того не вырубишь и топоромъ", говорили они. Но я обращаюсь къ дѣдушкѣ.

Два совершенно разнородныхъ брата, Григорій Ефимовичъ и Александръ Ефимовичъ, они въ двухъ разныхъ видахъ поступали одинаковымъ образомъ. Александръ Ефимовичъ, куда бы ни ѣхалъ, везъ съ собой козу [1]; Григорій Ефимовичъ везъ свой лѣчебникъ; даже отправляясь къ церкви, садился онъ въ бричку и затѣмъ клали ему въ ноги мѣшокъ съ лѣчебниками. Но если дѣдушка болѣлъ пристрастіемъ къ лѣчебникамъ, и очень любилъ по нимъ лѣчить другихъ, то самого себя онъ лѣчилъ еще ревностнѣе. Упиваясь изъ своего „Источника Здравія", онъ безпрестанно открывалъ въ себѣ начала то той, то другой болѣзни. За опаснымъ открытіемъ слѣдовало всенепремѣнное лѣченіе; предпринимались неукоснительные мѣры къ скорѣйшему предотвращенію имѣющаго быть пагубнаго усиленія болѣзни, и дѣдушка начиналъ поглощать свои лѣкарства съ преданностью больнаго и со всѣмъ рвеніемъ любителя, наслаждающагося своимъ предметомъ. Майскіе соки дѣдушка иначе не пилъ, какъ съ *двѣнадцатью лихими.* И что-же мудренаго, что всѣ эти лихія, съ ихъ неукоснительными мѣрами способствовали къ тому, что у дѣдушки развилась грудная водяная... Не знаемъ, какъ онъ въ началѣ смотрѣлъ на свою болѣзнь (обыкновенно онъ лѣчилъ себя отъ двухъ и трехъ болѣзней вмѣстѣ); только случилось ему, очень ослабѣвшему отъ разнородныхъ діетъ, сидѣть

[1] Это была снятая съ козы шкурка, съ ножками, рожками и копытцами; изъ нея смастерили чучелу, которая крѣпко стояла на ногахъ, а внутренность ея служила влагалищемъ для тяжелой тогдашней мѣди. Входя въ любой домъ, Александръ Ефимовичъ несъ козу на рукахъ.

у окна подъ какой-то праздникъ. Солнце совсѣмъ заходило, а люди не переставали что-то дѣлать во дворѣ. Дѣдушка вышелъ въ сѣни и громко закричалъ имъ, чтобы они оставили работу. Съ этимъ вмѣстѣ онъ упалъ; съ нимъ сдѣлался продолжительный обморокъ. Пришедши въ себя, дѣдушка объявилъ, что теперь онъ настояще знаетъ, какая у него болѣзнь: „*сіятика*"!, что ему въ глаза сверкнуло, какъ будто *просіяло* что, и оттого онъ упалъ въ обморокъ. И затѣмъ дѣдѣшка сталъ лѣчить себя отъ *сіятики*. Тщетно бабушка упрашивала, уговаривала, грозила пожечь всѣ травы, жалко ихъ не было, дѣдушка стоялъ за свою *сіятику* и отправилъ бабушку къ роднымъ, въ Старый Осколъ, будто бы для того, чтобы она посовѣтывалась съ Иваномъ Христіановичемъ насчетъ его *сіятики*.

Бабушка далась въ обманъ и поѣхала, между тѣмъ какъ дѣдушка, для полнаго курса своего лѣченія, только желалъ въ ея лицѣ устранить неразумныя препоны и противодѣйствія своей волѣ. Едва бабушка съѣхала со двора, какъ потребованъ былъ изъ Корочи городской подлѣкарь—Анна Петровна, по фамиліи Петерсонъ.

Чтобы объяснить, какимъ родомъ Анна Петровна, съ ланцетомъ въ рукѣ, бодро исполняла несвойственную женской натурѣ обязанность—пускать кровь, для этого надобно кое-что сказать о самомъ Петрѣ Ивановичѣ Петерсонъ, родителѣ ея.

Съ незапамятныхъ временъ, или, по крайней мѣрѣ, со временъ тѣхъ, какъ запомнитъ тетушка, представителями медицины и хранителями общественнаго здравія въ городѣ Корочѣ были два лица: оффиціальное—Наумъ Сергѣичъ, уѣздный лѣкарь, который никого не лѣчилъ, а только ѣздилъ на слѣдствія по мертвымъ тѣламъ,—и лицо частное—Петръ Ивановичъ Петерсонъ, который лѣчилъ всѣхъ и отворялъ кровь отъ человѣка до скота. Весь огородъ его уже самъ собою засѣялся ромашкой, а произрастаніе бузины и широколистаго ревеня домашняго посѣва отнимали мѣсто у законныхъ обладателей огорода—бураковъ и капусты. Терпѣла русская жена Петра Ивановича Петерсона эти насилія въ подвѣдомственной ей части хозяйственнаго владѣнія потому именно, что сама она принадлежала къ медицинскому вѣдомству—была повивальною бабушкой—по наукѣ ли мужа, или по своему крайнему разумѣнію, о томъ преданіе не гласитъ. Такимъ образомъ входы и исходы въ жизни всего народонаселенія города Корочи заключены были въ супружескомъ союзѣ Петерсона. Хотя приличнѣе всего было

бы потомству (которое такъ часто именуютъ *признательнымъ*) запомнить мѣсто рожденія и маленькую игру судьбы, бросившую нѣмца Петра Ивановича въ россійскій городъ Корочу и женившую его на дебелой Варварѣ Фроловнѣ; но что будете дѣлать? Родъ людской вообще не очень любитъ отягощать свою память памятью о *скромныхъ* своихъ благодѣтеляхъ. Ему давайте героевъ, завоевателей, которые бы пустили ему кровь иначе, чѣмъ пускалъ Петерсонъ Петръ Ивановичъ (какъ въ особенную ласку величали его паціенты). И даже таково это неблагодарное потомство, что не упомнивъ и не заповѣдавъ дѣтямъ своимъ болѣе важныхъ и должныхъ свѣдѣній, оно съ ребяческою готовностью проказника-мальчишки ухватилось за одно незначащее происшествіе между коровой и Петромъ Ивановичемъ и сохранило намъ его все, съ живѣйшими подробностями.

Видите-ли: была корова у Петра Ивановича, и однажды случись такъ, что Варварѣ Фроловнѣ, по дѣламъ ея вѣдомства, пришлось отлучиться и не быть къ вечеру, а корова дойная. Какъ быть Петру Ивановичу? Онъ попытался подступить — подоить самому корову: бьетъ корова ногами и рогами, не подпускаетъ Петра Ивановича. „Wie soll man dem abhelfen?“ — качаетъ головой Петръ Ивановичъ. И онъ остроумно придумалъ: надѣть къ своему колпаку старую юбку Варвары Фроловны, авось, не обманется ли корова. И вотъ Петръ Ивановичъ, въ жениной юбкѣ и въ своемъ колпакѣ, съ шайкой въ рукахъ, началъ понемногу подступать и присѣдать передъ коровой; корова пятится отъ него, идетъ кругомъ по всему двору; а Петръ Ивановичъ все ближе подсѣдаетъ къ ней и, захвативъ въ руку женскую принадлежность Варвары Фроловны, суетъ ее подъ морду коровѣ. Корова въ самомъ дѣлѣ, почуявъ ли духъ хозяйки, или уставъ пятиться отъ очень страннаго вида Петра Ивановича, остановилась у плетня, — и затѣмъ послѣдовавшая достодолжная операція совершилась благополучно. Съ тѣхъ поръ Петръ Ивановичъ вмѣнилъ себѣ въ маленькое домашнее правило: какъ только Варвара Фроловна не бывала дома, — надѣвать ея юбку и въ колпакѣ выходить за ворота встрѣчать свою корову.

Однако, судьба не во всемъ благопріятствовала Петру Ивановичу, и въ законное потомственное наслѣдованіе его важныхъ и многообразныхъ познаній, со включеніемъ и тѣхъ, которыя вносила въ супружескій союзъ Варвара Фроловна, она, то-есть судьба (или все равно — Варвара Фроловна) даровала ему всего

одну Анну Петровну. Но та же судьба, какъ видно, пріучила Петра Ивановича помогать себѣ „sich abhelfen“, и вотъ, несмотря на противорѣчіе судьбы, онъ унаслѣдовалъ Анну Петровну во всемъ своемъ ремеслѣ: въ бузинѣ и ревенѣ, въ припусканіи піявицъ и въ пусканіи крови, такъ что послѣ смерти Петра Ивановича единственнымъ подспорьемъ Корочи была Анна Петровна.

Вслѣдствіе сего и призвана она была къ дѣдушкѣ, не затѣмъ, чтобы вспомоществовать ему ревенемъ или бузиной, нѣтъ! собственная коллекція дѣдушки была гораздо полнѣе и многосложнѣе; да и самъ онъ былъ слишкомъ знаменитъ, чтобы ему искать совѣтовъ у Анны Петровны. Онъ и отъ Ивана Христіановича не намѣренъ былъ принимать ихъ. Но какъ голова для исполненія своихъ замысловъ ищетъ пособія руки,—такъ и Анна Петровна взыскана была, при медицинскихъ соображеніяхъ дѣдушки, служить ему необходимымъ пособіемъ: пускать кровь въ его *сіятикъ*. Разумѣется, *рука* не смѣла и подумать о томъ, чтобы ей противорѣчить велѣніямъ *головы*, и дѣдушка въ одну недѣлю одиннадцать разъ отворялъ себѣ кровь въ грудной водяной! Сначала кровь, по соображеніямъ, пускалъ разъ въ день, потомъ это стало производиться дважды—изъ рукъ и ногъ, когда уже не кровь текла, а какая-то страннаго цвѣта буроватая жидкость (говоритъ тетушка). Бабушка ахнула, какъ пріѣхала. Она тамъ (въ Старомъ Осколѣ) металась во всѣ стороны, отыскивая Ивана Христіановича, верстъ за сто по околодку скакала за нимъ; пріѣхала домой—и находитъ дѣдушку на смертной постели, котораго она оставила, правда, больнаго, но человѣка еще въ силѣ, бодраго и ходившаго.

Прогнала бабушка Анну Петровну со двора долой, повыливала всѣ наготовленныя снадобья вонъ; но дѣдушка уже умиралъ, съ малороссійскимъ упорствомъ стоя на томъ, что у него *сіятика*, хотя у него уже темнѣло въ глазахъ.

И онъ умеръ, какъ значится у насъ въ святцахъ рукой Александра Ефимовича:

„Сего числа 1809 года умре рабъ Божій Григорій, часа два дня, живущій въ жизни сорокъ шесть лѣтъ, 25 сего сентября“.

Н. Соханская (Кохановская).

10 іюня 1855 года.

ОПИСЬ БУМАГЪ, ОСТАВШИХСЯ ПОСЛѢ Н. С. СОХАНСКОЙ (КОХАНОВСКОЙ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помѣщенныя въ *Русскомъ Обозрѣніи* (1896 и 1897 гг.) произведенія Н. С. Сохановской (Кохановской)—ея „Автобіографія", ея „Письма къ Плетневу и Аксакову", а равно и письма къ ней возбудили сочувственное вниманіе въ читающемъ обществѣ и даже запросъ на ея повѣсти, изданныя въ 1863 г. Въ редакціи журнала и въ нѣкоторыхъ книжныхъ магазинахъ получены письма отъ разныхъ лицъ съ просьбой выслать имъ „Повѣсти Кохановской". Но эти повѣсти (въ изданіи коихъ принималъ весьма живое участіе Ив. С. Аксаковъ) давно вышли изъ продажи: книжный магазинъ, гдѣ онѣ были сложены, къ несчастію, былъ распроданъ на вѣсъ, и повѣсти Кохановской пошли за безцѣнокъ, а теперь не найдешь ихъ ни за какія деньги. Пора подумать о новомъ и притомъ о полномъ изданіи ея сочиненій. Мы говоримъ это, будучи увѣрены въ томъ, что только что закончившаяся печатаніемъ въ *Русскомъ Обозрѣніи* переписка Н. С. Сохановской съ Аксаковымъ и тѣ ея произведенія, которыя редакція этого журнала печатаетъ и имѣетъ въ виду напечатать въ 1898 году, еще болѣе возбудятъ сочувствіе къ Н. С. Сохановской. Талантъ ея даже *Современникъ* въ 1863 году называлъ *симпатичнымъ* и объ одномъ отрывкѣ изъ нея говорилъ: „*мы не знаемъ лучшихъ страницъ въ русской литературѣ*".

Всѣ эти обстоятельства побудили насъ составить и напечатать прилагаемый списокъ сочиненій Н. С. Сохановской, въ полной надеждѣ, что найдется издатель, который воспользуется настоящимъ настроеніемъ читающаго общества и предприметъ полное, по возможности, изданіе ея сочиненій, пользуясь настоящимъ спискомъ.

I. Рукописныя сочиненія Н. С. Соханской.

1844.

„Extraits", appartiennent à N-ne de Sokhansky, le 25 Novembre, 1844. Samedi. *Автографъ.* Въ 4° д. л. 46 стр. Но въ этой тетради только первыя семь страницъ заняты извлеченіемъ изъ сочиненія Theòfile Ferriére „Il vivere"; все остальное—бѣлыя страницы.

2) „Имѣніе при большой дорогѣ" (28 ноября 1844 г.), повѣсть, съ эпиграфомъ изъ *Библіотеки для чтенія*: „Сердце, какъ бабочка въ одинъ день можетъ прожить цѣлую жизнь". *Автографъ*, 4°, 58 стр. Это—самое раннее произведеніе Н. С. Соханской и при томъ *ненапечатанное*; только отрывокъ изъ него (стр. 13—31) вошелъ въ ея „Автобіографію", а потомъ въ разсказъ „Давняя встрѣча" (см. ея Повѣсти, изд. 1863, т. 2 й, стр. 307—317). Повѣсть закончена 1845 г., 17 января съ восклицаніемъ: „Dieu soit loué! Mon Dieu soit loué!" На первой страницѣ нѣсколько строкъ кѣмъ-то весьма неудачно передѣланы. Молодую повѣсть эту самъ авторъ призналъ незаслуживающею печати. И развѣ только біографъ его можетъ остановиться на ней и передать сжатый ея очеркъ.

3) Мятель", повѣсть, 4°, 24 стр. *Автографъ.*

4) „Графиня Д.", повѣсть, 4°, 32 стр. *Автографъ.*

Обѣ эти повѣсти были посылаемы авторомъ къ П. А. Плетневу и обѣ отринуты имъ. Но вторая изъ нихъ была потомъ напечатана въ *Отечеств. Запискахъ* 1848, № 12, смѣсь, а первая осталась въ рукописи.

1847—1848.

5) „Автобіографія" (такъ назвалъ Плетневъ записки Н. С. о ея жизни, составленныя по его предложенію). Первый отрывокъ въ 4°, 8 стр.; второй отрывокъ 4°, 22 стр.; третій 4°, 33 стр.; четвертый—4°, 32 стр.; пятый (и послѣдній) 4°, 72 стр. Итакъ во всей „Автобіографіи" 167 страницъ въ 4 долю листа, напечатана въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1896 г., №№ 6—12.

6) „Автобіографія", копія, сдѣланная писарскою рукой, въ листъ, процензурованная Кіевскою цензурой, 264 полулиста (цензурована въ іюлѣ 1891 г.).

7) „Отрывокъ". „Хозяйка разсказываетъ о себѣ нечаянно заѣхавшимъ гостямъ—матери и дочери". 4° л. 8 стр. *Автографъ.* Это—тотъ самый отрывокъ, который вошелъ въ „Имѣніе при большой дорогѣ" (см. здѣсь № 2) и потомъ въ разсказъ „Давняя встрѣча".

8) „Очеркъ Малороссіи", *автографъ*, 4°, 8 стр. Напечатанъ въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1897, № 1.

9) „Сосѣди", повѣсть, первая тетрадь, 1847 г., 24 апрѣля. Въ 4°, 74 стр. исписанныя, остальныя 14 бѣлыя. *Страницъ*

60 наоб. до 65-й и 73-й ни въ печати, ни въ дальнѣйшихъ копіяхъ повѣсти—нѣтъ, и весьма резонно.

1849.

10) „Сосѣди", позднѣйшая *копія-автографъ* первой части, начата 18 февраля 1849, кончена 19 марта 1849 г. Въ 4 д. л. 89 стр. Съ карандашными прибавками и поправками на нѣкоторыхъ страницахъ (особенно на 18-й) и отмѣнами противъ предыдущей. На 90 стр. записано нѣсколько пословицъ; далѣе и на обертке разныя отрывочныя фразы.

11) „Сосѣди", бѣловая тетрадь-*автографъ* 1-й части. Въ большую 4 д. л., 56 стр. Напечатана въ *Современникѣ* 1850, № 12; сравнительно съ рукописью иное въ журналѣ напечатано короче, иное полнѣе.

12) „Сосѣди", часть *вторая*, черновая въ трехъ тетрадяхъ (*а, б, в*), съ отдѣльнымъ листомъ. Первая тетрадь въ 78 стр., начата 10 ноября и окончена 23 декабря; вторая начата 5 іюня, занимаетъ 97 стр. (на оберткахъ тетрадей—разные наброски); третья тетрадка въ 16 стр. (продолженіе повѣсти съ конца 3 стр.) и при ней отдѣльный листъ, составляющій окончаніе повѣсти.

13) „Сосѣди", часть вторая, бѣловой *автографъ*. Въ большую 4 д. л., 42 стр. Это только начало второй части и даже изъ него *многое* въ печати опущено; встрѣчаются пропуски безобразно-большіе, нарушающіе смыслъ и связь разсказа. И вслѣдствіе того, что повѣсть такимъ образомъ изуродована, Н. С. Соханская въ 1862 г. посылала всю повѣсть В. Ѳ. Коршу для *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*; но онъ не рѣшился перепечатать ее, какъ недавно напечатанную въ *Современникѣ*. А вся повѣсть заслуживала бы перепечатки по рукописямъ. Вторую часть ея въ рукописи (№ 12, *б*) *„какой-то варваръ кистью сонной картину генія чертилъ"*—передѣлывалъ, маралъ. Жалкіл потуги безсилія! *Въ ней отъ стр. 11-й и до конца все не было въ печати.*

14) „Сосѣди", позднѣйшая писарская копія съ печатнаго, стало быть, съ большими пропусками. Въ листъ. 108 полулистовъ.

1851.

15) „Нужныя мѣста изъ писемъ". Тетрадь 1851 г., января. 4°, 30 стр., исписано только 22 стр. Содержаніе однако вовсе не соотвѣтствуетъ заглавію: въ тетради сначала идутъ эстетическія понятія, соотвѣтствующія извлеченію изъ письма Н. С. къ Плетневу, отъ 29 марта 1847 г., за которыя Плетневъ не выразилъ одобренія. Затѣмъ на стр. 6-й выписки изъ Патфайндера (романа Купера „Путеводитель въ пустынѣ"); на стр. 6—12 разборъ Іоанны Д'Аркъ, поэма Шиллера (собственно однѣ выписки); на стр. 16—19 о Савинской сельской школѣ и письмо харьковскому преосвященному объ учителѣ для школы; на стр. 20 письмо о племянницѣ *М. Зенковичъ* и выборѣ Елисаветинскаго училища для ея воспитанія; на стр. 21—22 конспектъ

пьесы „Житейская драма“, вовсе ненаписанной и нигдѣ о ней больше не упоминается.

16) „Гайка“, повѣсть. Начата 1 августа 1851 г. *Автографъ*, въ 4°, 83 стр. Съ 8-й страницы опять начало повѣсти и продолжается только до 41-й стр., *съ нѣсколькими мѣстами пропущенными въ печати* (22—29 стр.). Съ 41-й стр. идетъ разборъ „Орлеанской дѣвы“, въ переводѣ Жуковскаго до 59-й стр.; разборъ писанъ, какъ видно, въ 1853 г., потому что упоминается о *почившемъ* Жуковскомъ († 1852); затѣмъ бѣлыя страницы 60—73; на 73-й — письмо къ крестной матери; на 76, 77 и 75 письмо къ *Плетневу* 1854 г., содержаніе письма идетъ не по порядку страницъ; тоже не въ порядкѣ страницъ 80, 81, 79 и 78 письмо къ *Плетневой*; на стр. 82—83 письмо къ *ней же*.

1852—1854.

17) „Гайка“, часть 2-я, начата 22 октября (1852—3 г.). *Автографъ* съ измѣненнымъ началомъ и съ пропусками въ печати. Въ 4 д. л., 115 стр. На 113 стр. помѣтка 1854 г. 5 марта.

18) „Гайка“, окончаніе повѣсти, 4°, 65 стр. 17 марта 1854 и 16 дек. 1854.

1853—1854.

19) „Сороковка и Гайка“, другой экземпляръ, ч. 1-я, 1 іюля 1853, 4°, 74 стр.; окончена 2 сент. 1853 г.

20) „Сороковка и Гайка“, продолженіе, 28 сентября 1853 г., окончена 13 октября 1853 г., 4°, 75 стр. Конецъ 1-й части. Повторяемъ: въ рукописи „Гайки“ встрѣчаются мѣста, опущенныя въ печати, и, конечно, цензурой.

1855.

21) „Старина, глава VI. Дѣдъ мой родной Григорій Ефимовичъ“ (печатается въ настоящей книгѣ *Русскаго Обозрѣнія*). 4°, 57 стр. Въ концѣ помѣтка: 10 іюня 1855. *Автографъ*, на весьма грубой бумагѣ.

22) То же, бѣловая копія писаря. 4°, 74 стр., съ грубыми и частыми (исправленными) ошибками.

23) „Тетрадь замѣтокъ 1855 г. 31 октября“, въ 4°, 58 стр. „Начинаю тетрадь для замѣтокъ, выписокъ, мыслей и всего, что попадется подъ руку и перепадетъ въ умъ“—такъ начинается тетрадь и таково въ самомъ дѣлѣ содержаніе ея. Самое большое мѣсто въ ней заключаютъ выписки изъ Шекспира (его „Генриха VIII“ и „Антонія и Клеопатры“, въ переводѣ Кетчера) и замѣтки Н. С. о главныхъ лицахъ Шекспировскихъ пьесъ (стр. 1—8). Какъ видно, Н. С. очень увлекалась Шекспиромъ. По поводу характера Вольсея (въ драмѣ „Генрихъ VIII“) она вспоминаетъ судьбу князя А. Д. Меньшикова и очерчиваетъ трагическій конецъ его (стр. 8—9). Далѣе—выписки о Клеопатрѣ (10—20), на стр. 27 копія двухъ старыхъ писемъ чьихъ-то отца и матери; отъ 31-й стр. идутъ выписки изъ разныхъ журналовъ, преимущественно изъ *Отеч. Зап.*, *Русскаго Вѣстника* и раз-

ныхъ книгъ, наконецъ, стихотворенія Фета, Н. Берга, Майкова, Полежаева. Тетрадь полна интересныхъ замѣтокъ, но мы не можемъ опредѣлить, какія изъ нихъ у кого взяты и какія принадлежатъ самой Н. С. Соханской.

24) Тетрадь, начатая въ мартѣ 1855 г., съ надписью: „Господи, Царь мой, благослови!“ Въ 4°, 214 стр. Сначала идутъ три страницы пьесы „Слава Богу, что у мужа лапоть готовъ“, затѣмъ двѣ оборванныя страницы, на которыхъ начинается повѣсть „Любила“, первая черновая, и тянется до 197 стр. Повѣсть начата въ октябрѣ 1855 (стр. 9), прервана 26 марта 1856 г. (стр. 197). Довольно страннымъ кажется, что эта слабѣйшая (сравнительно) повѣсть написана чрезъ два года послѣ „Гайки“. Съ 198 стр. и до конца слѣдуетъ отрывокъ изъ статьи Н. С. „Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина“ (въ печати стр. 25—34). Конца статьи не видно. Продолженіе повѣсти „Любила“ см. ниже, во второй черновой тетради № 26, на стр. 52, 6 сент. 1856 г.

1856.

25) „Любила“ (маленькая исторія). Въ $^1/_2$ л., 68 стр. *Автографъ.* Набѣло переписанная тетрадь первой половины повѣсти (около 50 стр. печати).

26) „Любила“. Вторая половина повѣсти 25 августа 1856 г. „Господи, благослови!“ Въ 4 д. л., 93 стр. „Кончена 1856 г. 2 декабря, ночь-полуночь. Слава Богу о всемъ и о моей повѣсти! Грязь на дворѣ“. *Автографъ* на грубой бумагѣ.

27) „Сорочья кашка“ (дѣтская пѣсенка-игра), 1 стр., 4°, предполагалась въ повѣсть „Любила“. *Рус. Об.*, настоящая книга.

1857.

28) „Послѣ обѣда въ гостяхъ“. Начата 9 мая, послѣ обѣда, 1857. „Господи благослови, и помоги Матерь Божія и чудотворецъ Николай!“ *Автографъ* на самой сѣрой и дрянной бумагѣ, такъ что весьма трудно, а въ иныхъ мѣстахъ и невозможно разбирать его. Въ 4 д. л., 176 стр. Рукопись представляетъ въ началѣ и въ концѣ большія особенности противъ печатнаго текста, сокращеній много, это особенно замѣтно въ окончаніи повѣсти; въ печати она помѣщена до 144-й стр., а остальныя слишкомъ 30 страницъ опущены Катковымъ, или точнѣе—графиней Ел. Вас. Саліасъ, редактировавшею тогда въ *Рус. Вѣст.* отдѣлъ изящной словесности. Послѣ 172-й стр. въ рукописи должна слѣдовать 175-я, а потомъ 173. На стр. 174 видна помѣта: „1 іюля, 1858 г., 3 часа послѣ обѣда. Вторникъ. Слава Богу, слава Богу, слава Богу, слава Пречистой Богородицѣ и чудотворцу Николаю, и Духу Божію, вся исполняющему“. Конецъ повѣсти заслуживалъ бы быть напечатаннымъ въ собраніи сочиненій Н. С., хотя въ видѣ приложенія. Редакція *Русск. Вѣстника* заплатила по 95 р. за печатный листъ, всего 262 р.

1858.

29) „Изъ провинціальной галлереи портретовъ", съ надписью: „Азъ къ Богу воззвахъ. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Молитвами св. ангелъ и Пресвятой Богородицы. 27 октября, понедѣльникъ, 1858. Тетенькины имянины". Въ концѣ: „слава Богу, Пресвятой Троицѣ и Богородицѣ и св. ангеламъ. 17 февраля 1859 г. (день моего рожденія), вторникъ масляной". Въ 4 д. л., 152 стр. съ прибавочною страничкой. Сбоку тетради читаемъ, кажется, взглядъ автора на эту повѣсть: „*Не на фактахъ, а на жизненномъ духѣ, выработанномъ этими фактами*". Повѣсть, едва оконченная 17 февраля, была уже отпечатана въ 1-й мартовской книжкѣ *Русск. Вѣстника*, вышедшей, впрочемъ, въ 20-хъ числахъ. Редакція заплатила по 100 р. за листъ, всего 600 р.

1859.

30) „Отвѣтъ г. Г—ву" (Гилярову-Платонову) *на критическій отзывъ о повѣсти „Изъ провинціальной галлереи портретовъ". Автографъ,* по которому печаталась статья въ *Русской Бесѣдѣ* 1859, кн. III, съ нѣкоторыми сокращеніями. Въ большую 4 д. л., 23 стр. (Сокращенія сдѣланы Ив. С. Аксаковымъ).

1860—1861.

31) „Господи благослови! Кирилла Петровичъ и Настасья Дмитріевна. Начата 18 апрѣля 1860. Понедѣльникъ. Душе Святый, посѣти меня недостойную". Въ 4 д. л., 82 стр., въ тетради; но повѣсть занимаетъ только 72 стр., а съ 73-й до 82-й идетъ новая статья.

32) „Голубь-вѣстникъ" (зачеркнуто: „Губернаторская вѣжливость"). 19 августа. Напечатано въ *Русск. Обозр.* 1897 г.

33) „Кирилла Петровъ и Настасья Дмитріевна", продолженіе съ VII главы и до конца: „Господи благослови, огнеобразная Духа благодать". Въ 4 д. л., 68 стр. Начато 8 августа. Въ концѣ: „слава Богу Пресвятому и Матери Божіей. Аминь. Ночь подъ понедѣльникъ, 1861 г., 19 ноября. Сейчасъ взглянула на часы— половина второго. Грудь побаливаетъ".

1861.

34) То же, переписанныя первыя шесть главъ. Надпись: „Господи благослови и помоги Матерь Божія". 4 д. л., 103 стр. Въ концѣ: „слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ. 21 іюля 1861. Пятница. Холодный вечеръ".

35) „Черты изъ нашей народности. Холера. Каменныя бабы. Въ 2 д. л., 12 стр. Напечатано въ *Русской Рѣчи* того же года (записано еще въ 1850 г.).

1862.

36) „Вѣсти съ хутора", 4 д. л., 19 стр. (о поддѣлкѣ серій въ Харьковской губерніи при участіи двухъ предводителей дво-

рянства). Помѣта въ началѣ тетради „9 сентября“. Не кончено. 24 страница написана карандашемъ.

37) „Письмо къ редактору“ (*Дня*). „Ольриджъ-Отелло“. *Автографъ* карандашемъ. 4 д. л., 5 стр.

38) „Настасья прекрасная и Елена премудрая“. Сказка, переписанная рукой двоюродной сестры автора Л. М. Зенковичъ. 4 д. л., 24 стр. Въ концѣ приписка, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „Макаровка, 12 мая, 1862 г. Воскресенье. Ната (Н. С.) въ своей комнатѣ пишетъ „Сосѣди“, спѣшитъ окончить главу „Высокоименитый день“, а завтра выѣзжаетъ въ Москву“.

39) „Сказка про Яблоновскіе острова“, писаная тою же рукой. 4°, 30 стр. Объ этой сказкѣ вспоминаетъ съ удовольствіемъ Н. С. въ своей „Автобіографіи“ и писала о ней Аксакову съ большимъ увлеченіемъ, такъ что Аксаковъ въ своихъ письмахъ къ Н. С. ожидалъ отъ сказки слишкомъ многаго.

40) „Царь-волкъ“, сказка. *Автографъ* въ 4 д. л., 16 стр. Въ началѣ помѣта: „Господи благослови! Трисвятый Боже! Молитвами Богородицы и св. ангелъ. 26 февраля 1862 г.“. Сказка не окончена. Всѣ эти три сказки не были напечатаны.

1862—1864.

41) Тетрадь разныхъ корреспонденцій (60-хъ годовъ). Въ 4 д. л., 40 стр. Въ ней находятся:

а) „Воля на хуторѣ“, стр. 1.

б) „Якъ вси, такъ и мы“, стр. 6.

в) „Письма съ хутора“. „Золотая цѣпь“, стр. 16 (только начало).

г) „Изъ хутора“, стр. 18.

д) „Севастопольскій герой“, стр. 26 (25 мая 1868); заглавіе это и первыя три строки разсказа, однако, нисколько не подходятъ къ слѣдующему за тѣмъ разсказу, въ которомъ рѣчь идетъ исключительно о „Святыхъ Горахъ“, о наплывѣ народа туда въ 1864 г.

е) „Письмо къ Г. Е. Благосвѣтлову“, 36—40.

Не имѣя подъ рукой всѣхъ напечатанныхъ сочиненій Н. С., невозможно опредѣлить, что̀ изъ всѣхъ ея бумагъ напечатано, а что̀—нѣтъ.

1863.

42) „Рой Ѳеодосій Саввичъ“. 1-я тетрадь начинается: „Шумно прошелъ слухъ о пріѣздѣ Ѳ. С.“. Помѣта въ началѣ: „4 марта 1863. О, Матерь Божія!“ въ концѣ - „30 ноября, 1863. 2 часа ночи“. Въ 4 д. л., 102 стр. Въ сравненіи съ печатнымъ экземпляромъ нѣтъ первыхъ 40 стр. Зато въ рукописи есть нѣсколько строкъ о попѣ Ярилѣ, которыхъ нѣтъ въ печати, и о другомъ попѣ, что теленка привязалъ эпитрахилью къ забору (стр. 84, 85, 89, 90 рукоп.).

1863—1864.

43) „Рой Ѳеодосій Саввичъ“ (продолженіе). „О, Матерь Божія! 4 дек. Вечеръ“. 4°, 115 стр. „Утро 12 февраля (1864 г.)“.

бумажною, разноцвѣтною веревкой. Для дѣдушки гость былъ, какъ говорится, золотою находкой. Умный, образованный и по сану своему важный, молодой человѣкъ, съ которымъ можно было побесѣдовать о чемъ угодно. Сошлись они съ дѣдушкой. Бесѣды ихъ подъ липами на пасѣкѣ заходили куда далеко за ночь. Касались онѣ и медицины и богословія, и если философія между ними и не называлась по имени, то была присуща имъ на самомъ дѣлѣ, выражаясь такою высокою терпимостью и уваженіемъ къ религіознымъ понятіямъ другъ друга, что богословскіе споры и несогласія ни мало не раздѣляли гостя съ хозяиномъ. Проспоривши до ужина и продолжая спорить за ужиномъ, на утро красный кафтанъ пастора и голубая аптекарская куртка дѣдушки отправлялись вдвоемъ по полямъ собирать лѣкарственныя травы. Въ этихъ-то прогулкахъ запасался дѣдушка тѣми безцѣнными медицинскими свѣдѣніями, которыя впослѣдствіи онъ проявлялъ въ большой силѣ. Пасторъ, прогостившій въ *Веселомъ* недѣли три, уходя, оставилъ по себѣ память въ ни съ чѣмъ несравнимой услугѣ, которую онъ оказалъ дѣдушкѣ, выучивши его класть со всею нѣмецкою аккуратностью картузы на сухія травы.

И вотъ когда періодъ развитія медицинскихъ стремленій дѣдушки проявилъ себя въ полной силѣ! Началось систематическое сушеніе, крошеніе и распредѣленіе всевозможныхъ травъ; до пятисотъ картузовъ рядами по полкамъ унизали стѣны. Тетушка говоритъ, что до сихъ поръ было еще ничего, дѣло сносное, но теперь пошли „майскіе соки“.

Рецептъ ихъ сохранился въ ея памяти и состоялъ изъ троякаго *пріуготовительнаго, дѣйствующаго* и *послѣдствующаго*. *Пріуготовительное* заключалось въ томъ, что какъ проснуться, выпить большой стаканъ парного молока, да для внутренняго очищенія сыпи прибавлялась ложка сѣрнаго цвѣта съ медомъ. Затѣмъ слѣдовалъ *дѣйствующій* стаканъ майскихъ соковъ, вмѣщавшій въ себѣ:

Трифоль, проскурнякъ, крапиву, деревей, полынь, чернобыльникъ, щавель кислый, подорѣшникъ, водяной цикорій, душицу, буквицу и звѣробой.

Но это при обыкновенномъ состояніи, а при особенныхъ случаяхъ къ этимъ двѣнадцати травамъ прибавлялось еще „двѣнадцать лихихъ“, трава страшной горечи; цвѣтетъ она прекрасными темнолазоревыми цвѣтами и бываетъ по высокимъ мѣстамъ, но вообще очень рѣдко. И все это *дѣйствующее* запивалось полнымъ стаканомъ сладкой сыворотки. А къ *послѣдствующему*

принадлежитъ въ недѣлю разъ даваемый, по четвергамъ, стаканъ ревеню домашняго посѣва.

Но хотя дѣдушка и занимался нѣмецкимъ дѣломъ, но онъ былъ русскій баринъ, чтобы на себя самого возложить заботу собиранія всѣхъ травъ. Собственно—лично онъ выходилъ только на *двѣнадцать лихихъ*, на *кукушечьи слезки* и тому подобныя рѣдкости. А обыкновенныя травы собирать высылались всѣ женщины, сколько ихъ ни было въ хуторѣ, и каждой при этомъ назначалась какая-нибудь одна трава.

— Ты что̀, Хрестя?—спрашивалъ дѣдушка,—когда предъ нимъ появлялся рядъ бабъ съ мѣшками набранныхъ травъ за плечами и имѣя всю голову утыканную разными корешками и вѣточками, собранными изъ особаго усердія: „можетъ, сударю-барину и эта дрянь пригодится“.

— Ты что̀, Хрестя?—повторялъ дѣдушка, когда бабы являлись предъ лицомъ его, а онъ засѣдалъ за большимъ столомъ въ своей голубой курткѣ, окруженный всѣми медицинскими аппаратами, и по циркулю вымѣривалъ углы и стѣнки выдѣлываемыхъ картузовъ,—ты—проскурнякъ, Хрестя?

— Кислый щавель, батюшка-баринъ.

— А подорѣшникъ кто?—спрашивалъ дѣдушка, не отводя глазъ отъ своего важнаго занятія.

— Я, сударь.

— Кто ты? Не узнаю тебя. Васильева Марья?

— Нѣтъ, батюшка-баринъ! Я—деревей,—спѣшила отвѣчать Васильева Марья:—а подорѣшникъ, уже извѣстно,—Лепетуха, Иванова Стеха, по подорѣшникъ ходитъ.

— Хо-ро-шо!—глубокомысленно отвѣчалъ занятый дѣдушка, и молчалъ, оставляя бабъ ждать дальнѣйшаго своего обращенія къ нимъ. И что же? Одной изъ нихъ окончательно привилось имя собираемой ею травы: *Варька Душица* поставляла всегда душицу на майскіе соки—и осталась такъ Душицей. Уже и дѣдушка умеръ, и поставка травъ давно минулась, а Варька—Душица, да и Душица. И, ставши старою старухой, никѣмъ не посылаемая, она, какъ настаетъ время душицы, такъ и идетъ бродить по лѣскамъ—собирать свою душицу.

Но у дѣдушки, кромѣ этихъ лицъ, сообща прикосновенныхъ къ его медицинѣ и служившихъ ей низшимъ образомъ—въ собираніи травъ, было еще одно лицо, которое восходило надъ общимъ уровнемъ и садилось иногда за одинъ широкій столъ съ дѣдушкой. Лицо это было — мама Ирина, кормилица един-

ственнаго сына дѣдушки, пользовавшаяся большимъ почетомъ. Всѣ ее звали *мамой*. Дѣла ей никакого не назначалось; а между тѣмъ, гдѣ только можно было что сдѣлать, тамъ была мама Ирина. Эта прекраснѣйшая женщина годилась даже въ подлѣкари къ дѣдушкѣ. Вмѣстѣ они составляли майскіе соки, процѣживали іюньскія росы; мама упаковывала картузы съ травами, только пить травы уже просила уволить ее.

— А, вѣдь, что ты хочешь, мама,—заботливо замѣчалъ дѣдушка,—у тебя глаза мутны. Не выпить ли соковъ тебѣ, мама?

— Нѣтъ-съ, ужь милость ваша, сударь мой, Григорій Ефимовичъ, безъ меня другія наберутся,—говорила мама.—Вотъ хоть бы Хрестя.

— Да, вѣдь, запускать не слѣдуетъ, мама.

— И не пропускайте, батюшка баринъ: цѣлую ночь съ мужемъ прогрызлась. Никому покоя не было.

— Хрестя? спрашивалъ дѣдушка.

— Хрестя! — подтверждала мама, сказывая, что и мужъ сколько разъ говорилъ: хоть бы баринъ полѣчилъ ее, - авось бы зло рукой сняло.

— Да, острота, волненіе крови,—замѣчалъ дѣдушка и задавалъ Хрестѣ майскихъ соковъ, въ полномъ составѣ, съ *дѣйствующимъ* и *послѣдствующимъ*...

Вообще, дѣдушка, не охотникъ до полицейскихъ мѣръ, нашелъ средство управляться мѣрами медицинскими. Но—„нѣсть пророкъ безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ и въ дому своемъ",—произносилъ онъ съ немалою горечью, указывая на то, что бабушка рѣшительно уклонялась отъ медицинскаго вліянія дѣдушки и признавала майскіе соки ни за что иное, какъ за гущу. Но если сама бабушка находила еще способъ избѣгнуть медицинскихъ мѣръ, то спасти дочерей было уже свыше ея силъ, и тетушки должны были испить всю горечь майскихъ соковъ, вслѣдствіе того, что мама заподозрѣна была въ преступной снисходительности и невѣжественной любви къ барышнямъ, не умѣющей понять того, что сотъ меда заключается въ каждой каплѣ майскихъ соковъ! И дѣдушка самъ являлся съ стаканомъ соковъ въ рукѣ и поилъ дочерей,—послѣ чего онѣ запивали майскіе соки сметаной и сладкою сывороткой.

Дѣдушка изумительно обогащался лѣчебниками всякихъ родовъ: конскими и человѣческими, печатными и уставцемъ писанными. Одинъ изъ послѣднихъ сохранился у насъ и, кажется, былъ бы довольно любопытенъ въ историческомъ изслѣдованіи

о медицинскихъ понятіяхъ и способахъ лѣченія нашихъ предковъ. Онъ состоитъ изъ 202 главъ, которыя всѣ отмѣчены по полямъ краснымъ черниломъ. Собственно, это не главы, а число рецептовъ, и въ ихъ послѣдовательности представляется нѣкотораго рода систематическое изложеніе. Говорится въ началѣ о хлѣбныхъ растеніяхъ, потомъ объ овощахъ, рыбахъ, животныхъ, о камняхъ драгихъ и ко многимъ дѣламъ угодныхъ и проч. Одного самаго начальнаго листа нѣтъ; а на верху теперешняго передняго выставлена отмѣтка: *1559 г. г. Короча.* Нѣтъ никакой возможности предполагать, чтобы лѣчебникъ, какъ есть онъ, могъ относиться къ этому году, и однако же любопытно: къ чему бы могъ быть выставленъ этотъ годъ? Старики наши не шутили перомъ, и когда они что писали, то уже по дѣлу и разсужденію писали. „Что написано перомъ, того не вырубишь и топоромъ", говорили они. Но я обращаюсь къ дѣдушкѣ.

Два совершенно разнородныхъ брата, Григорій Ефимовичъ и Александръ Ефимовичъ, они въ двухъ разныхъ видахъ поступали одинаковымъ образомъ. Александръ Ефимовичъ, куда бы ни ѣхалъ, везъ съ собой козу [1]; Григорій Ефимовичъ везъ свой лѣчебникъ; даже отправляясь къ церкви, садился онъ въ бричку и затѣмъ клали ему въ ноги мѣшокъ съ лѣчебниками. Но если дѣдушка болѣлъ пристрастіемъ къ лѣчебникамъ, и очень любилъ по нимъ лѣчить другихъ, то самого себя онъ лѣчилъ еще ревностнѣе. Упиваясь изъ своего „Источника Здравія", онъ безпрестанно открывалъ въ себѣ начала то той, то другой болѣзни. За опаснымъ открытіемъ слѣдовало всенепремѣнное лѣченіе; предпринимались неукоснительные мѣры къ скорѣйшему предотвращенію имѣющаго быть пагубнаго усиленія болѣзни, и дѣдушка начиналъ поглощать свои лѣкарства съ преданностью больнаго и со всѣмъ рвеніемъ любителя, наслаждающагося своимъ предметомъ. Майскіе соки дѣдушка иначе не пилъ, какъ съ *двѣнадцатью лихими.* И что-же мудренаго, что всѣ эти лихія, съ ихъ неукоснительными мѣрами способствовали къ тому, что у дѣдушки развилась грудная водяная... Не знаемъ, какъ онъ въ началѣ смотрѣлъ на свою болѣзнь (обыкновенно онъ лѣчилъ себя отъ двухъ и трехъ болѣзней вмѣстѣ); только случилось ему, очень ослабѣвшему отъ разнородныхъ діетъ, сидѣть

[1] Это была снятая съ козы шкурка, съ ножками, рожками и копытцами; изъ нея смастерили чучелу, которая крѣпко стояла на ногахъ, а внутренность ея служила влагалищемъ для тяжелой тогдашней мѣди. Входя въ любой домъ, Александръ Ефимовичъ несъ козу на рукахъ.

у окна подъ какой-то праздникъ. Солнце совсѣмъ заходило, а люди не переставали что-то дѣлать во дворѣ. Дѣдушка вышелъ въ сѣни и громко закричалъ имъ, чтобы они оставили работу. Съ этимъ вмѣстѣ онъ упалъ; съ нимъ сдѣлался продолжительный обморокъ. Пришедши въ себя, дѣдушка объявилъ, что теперь онъ настояще знаетъ, какая у него болѣзнь: „*сіятика*“!, что ему въ глаза сверкнуло, какъ будто *просіяло* что, и оттого онъ упалъ въ обморокъ. И затѣмъ дѣдѣшка сталъ лѣчить себя отъ *сіятики*. Тщетно бабушка упрашивала, уговаривала, грозила пожечь всѣ травы, жалко ихъ не было, дѣдушка стоялъ за свою *сіятику* и отправилъ бабушку къ роднымъ, въ Старый Осколъ, будто бы для того, чтобы она посовѣтывалась съ Иваномъ Христіановичемъ насчетъ его *сіятики*.

Бабушка далась въ обманъ и поѣхала, между тѣмъ какъ дѣдушка, для полнаго курса своего лѣченія, только желалъ въ ея лицѣ устранить неразумныя препоны и противодѣйствія своей волѣ. Едва бабушка съѣхала со двора, какъ потребованъ былъ изъ Корочи городской подлѣкарь—Анна Петровна, по фамиліи Петерсонъ.

Чтобы объяснить, какимъ родомъ Анна Петровна, съ ланцетомъ въ рукѣ, бодро исполняла несвойственную женской натурѣ обязанность—пускать кровь, для этого надобно кое-что сказать о самомъ Петрѣ Ивановичѣ Петерсонъ, родителѣ ея.

Съ незапамятныхъ временъ, или, по крайней мѣрѣ, со временъ тѣхъ, какъ запомнитъ тетушка, представителями медицины и хранителями общественнаго здравія въ городѣ Корочѣ были два лица: оффиціальное—Наумъ Сергѣичъ, уѣздный лѣкарь, который никого не лѣчилъ, а только ѣздилъ на слѣдствія по мертвымъ тѣламъ,—и лицо частное—Петръ Ивановичъ Петерсонъ, который лѣчилъ всѣхъ и отворялъ кровь отъ человѣка до скота. Весь огородъ его уже самъ собою засѣялся ромашкой, а произрастаніе бузины и широколистаго ревеня домашняго посѣва отнимали мѣсто у законныхъ обладателей огорода—бураковъ и капусты. Терпѣла русская жена Петра Ивановича Петерсона эти насилія въ подвѣдомственной ей части хозяйственнаго владѣнія потому именно, что сама она принадлежала къ медицинскому вѣдомству—была повивальною бабушкой—по наукѣ ли мужа, или по своему крайнему разумѣнію, о томъ преданіе не гласитъ. Такимъ образомъ входы и исходы въ жизни всего народонаселенія города Корочи заключены были въ супружескомъ союзѣ Петерсона. Хотя приличнѣе всего было

бы потомству (которое такъ часто именуютъ *признательнымъ*) запомнить мѣсто рожденія и маленькую игру судьбы, бросившую нѣмца Петра Ивановича въ россійскій городъ Корочу и женившую его на дебелой Варварѣ Фроловнѣ; но что будете дѣлать? Родъ людской вообще не очень любитъ отягощать свою память памятью о *скромныхъ* своихъ благодѣтеляхъ. Ему давайте героевъ, завоевателей, которые бы пустили ему кровь иначе, чѣмъ пускалъ Петерсонъ Петръ Ивановичъ (какъ въ особенную ласку величали его паціенты). И даже таково это неблагодарное потомство, что не упомнивъ и не заповѣдавъ дѣтямъ своимъ болѣе важныхъ и должныхъ свѣдѣній, оно съ ребяческою готовностью проказника-мальчишки ухватилось за одно незначащее происшествіе между коровой и Петромъ Ивановичемъ и сохранило намъ его все, съ живѣйшими подробностями.

Видите-ли: была корова у Петра Ивановича, и однажды случись такъ, что Варварѣ Фроловнѣ, по дѣламъ ея вѣдомства, пришлось отлучиться и не быть къ вечеру, а корова дойная. Какъ быть Петру Ивановичу? Онъ попытался подступить—подоить самому корову: бьетъ корова ногами и рогами, не подпускаетъ Петра Ивановича. „Wie soll man dem abhelfen?“—качаетъ головой Петръ Ивановичъ. И онъ остроумно придумалъ: надѣть къ своему колпаку старую юбку Варвары Фроловны, авось, не обманется ли корова. И вотъ Петръ Ивановичъ, въ жениной юбкѣ и въ своемъ колпакѣ, съ шайкой въ рукахъ, началъ понемногу подступать и присѣдать передъ коровой; корова пятится отъ него, идетъ кругомъ по всему двору; а Петръ Ивановичъ все ближе подсѣдаетъ къ ней и, захвативъ въ руку женскую принадлежность Варвары Фроловны, суетъ ее подъ морду коровѣ. Корова въ самомъ дѣлѣ, почуявъ ли духъ хозяйки, или уставъ пятиться отъ очень страннаго вида Петра Ивановича, остановилась у плетня,—и затѣмъ послѣдовавшая достодолжная операція совершилась благополучно. Съ тѣхъ поръ Петръ Ивановичъ вмѣнилъ себѣ въ маленькое домашнее правило: какъ только Варвара Фроловна не бывала дома,—надѣвать ея юбку и въ колпакѣ выходить за ворота встрѣчать свою корову.

Однако, судьба не во всемъ благопріятствовала Петру Ивановичу, и въ законное потомственное наслѣдованіе его важныхъ и многообразныхъ познаній, со включеніемъ и тѣхъ, которыя вносила въ супружескій союзъ Варвара Фроловна, она, то-есть судьба (или все равно—Варвара Фроловна) даровала ему всего

одну Анну Петровну. Но та же судьба, какъ видно, пріучила Петра Ивановича помогать себѣ „sich abhelfen“, и вотъ, несмотря на противорѣчіе судьбы, онъ унаслѣдовалъ Анну Петровну во всемъ своемъ ремеслѣ: въ бузинѣ и ревенѣ, въ припусканіи піявицъ и въ пусканіи крови, такъ что послѣ смерти Петра Ивановича единственнымъ подспорьемъ Корочи была Анна Петровна.

Вслѣдствіе сего и призвана она была къ дѣдушкѣ, не затѣмъ, чтобы вспомоществовать ему ревенемъ или бузиной, нѣтъ! собственная коллекція дѣдушки была гораздо полнѣе и многосложнѣе; да и самъ онъ былъ слишкомъ знаменитъ, чтобы ему искать совѣтовъ у Анны Петровны. Онъ и отъ Ивана Христіановича не намѣренъ былъ принимать ихъ. Но какъ голова для исполненія своихъ замысловъ ищетъ пособія руки,—такъ и Анна Петровна взыскана была, при медицинскихъ соображеніяхъ дѣдушки, служить ему необходимымъ пособіемъ: пускать кровь въ его *сіятикъ*. Разумѣется, *рука* не смѣла и подумать о томъ, чтобы ей противорѣчить велѣніямъ *головы*, и дѣдушка въ одну недѣлю одиннадцать разъ отворялъ себѣ кровь въ грудной водяной! Сначала кровь, по соображеніямъ, пускалъ разъ въ день, потомъ это стало производиться дважды—изъ рукъ и ногъ, когда уже не кровь текла, а какая-то страннаго цвѣта буроватая жидкость (говоритъ тетушка). Бабушка ахнула, какъ пріѣхала. Она тамъ (въ Старомъ Осколѣ) металась во всѣ стороны, отыскивая Ивана Христіановича, верстъ за сто по околодку скакала за нимъ; пріѣхала домой—и находитъ дѣдушку на смертной постели, котораго она оставила, правда, больнаго, но человѣка еще въ силѣ, бодраго и ходившаго.

Прогнала бабушка Анну Петровну со двора долой, повыливала всѣ наготовленныя снадобья вонъ; но дѣдушка уже умиралъ, съ малороссійскимъ упорствомъ стоя на томъ, что у него *сіятика*, хотя у него уже темнѣло въ глазахъ.

И онъ умеръ, какъ значится у насъ въ святцахъ рукой Александра Ефимовича:

„*Сего числа 1809 года умре рабъ Божій Григорій, часа два дня, живущій въ жизни сорокъ шесть лѣтъ, 25 сего сентября*“.

Н. Соханская (Кохановская).

10 іюня 1855 года.

ОПИСЬ БУМАГЪ, ОСТАВШИХСЯ ПОСЛѢ Н. С. СОХАНСКОЙ (КОХАНОВСКОЙ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помѣщенныя въ *Русскомъ Обозрѣніи* (1896 и 1897 гг.) произведенія Н. С. Сохановской (Кохановской)—ея „Автобіографія“, ея „Письма къ Плетневу и Аксакову“, а равно и письма къ ней возбудили сочувственное вниманіе въ читающемъ обществѣ и даже запросъ на ея повѣсти, изданныя въ 1863 г. Въ редакціи журнала и въ нѣкоторыхъ книжныхъ магазинахъ получены письма отъ разныхъ лицъ съ просьбой выслать имъ „Повѣсти Кохановской“. Но эти повѣсти (въ изданіи коихъ принималъ весьма живое участіе Ив. С. Аксаковъ) давно вышли изъ продажи: книжный магазинъ, гдѣ онѣ были сложены, къ несчастію, былъ распроданъ на вѣсъ, и повѣсти Кохановской пошли за безцѣнокъ, а теперь не найдешь ихъ ни за какія деньги. Пора подумать о новомъ и притомъ о полномъ изданіи ея сочиненій. Мы говоримъ это, будучи увѣрены въ томъ, что только что закончившаяся печатаніемъ въ *Русскомъ Обозрѣніи* переписка Н. С. Сохановской съ Аксаковымъ и тѣ ея произведенія, которыя редакція этого журнала печатаетъ и имѣетъ въ виду напечатать въ 1898 году, еще болѣе возбудятъ сочувствіе къ Н. С. Сохановской. Талантъ ея даже *Современникъ* въ 1863 году называлъ *симпатичнымъ* и объ одномъ отрывкѣ изъ нея говорилъ: *„мы не знаемъ лучшихъ страницъ въ русской литературѣ“*.

Всѣ эти обстоятельства побудили насъ составить и напечатать прилагаемый списокъ сочиненій Н. С. Сохановской, въ полной надеждѣ, что найдется издатель, который воспользуется настоящимъ настроеніемъ читающаго общества и предприметъ полное, по возможности, изданіе ея сочиненій, пользуясь настоящимъ спискомъ.

I. Рукописныя сочиненія Н. С. Сохaнской.

1844.

„Extraits“, appartiennent à N-ne de Sokhansky, le 25 Novembre, 1844. Samedi. *Автографъ.* Въ 4° д. л. 46 стр. Но въ этой тетради только первыя семь страницъ заняты извлеченіемъ изъ сочиненія Theòfile Ferriére „Il vivere“; все остальное—бѣлыя страницы.

2) „Имѣніе при большой дорогѣ“ (28 ноября 1844 г.), повѣсть, съ эпиграфомъ изъ *Библіотеки для чтенія*: „Сердце, какъ бабочка въ одинъ день можетъ прожить цѣлую жизнь“. *Автографъ*, 4°, 58 стр. Это—самое раннее произведеніе Н. С. Сохaнской и притомъ *ненапечатанное*; только отрывокъ изъ него (стр. 13—31) вошелъ въ ея „Автобіографію“, а потомъ въ разсказъ „Давняя встрѣча“ (см. ея Повѣсти, изд. 1863, т. 2 й, стр. 307—317). Повѣсть закончена 1845 г., 17 января съ восклицаніемъ: „Dieu soit loué! Mon Dieu soit loué!“ На первой страницѣ нѣсколько строкъ кѣмъ-то весьма неудачно передѣланы. Молодую повѣсть эту самъ авторъ призналъ незаслуживающею печати. И развѣ только біографъ его можетъ остановиться на ней и передать сжатый ея очеркъ.

3) Мятель“, повѣсть, 4°, 24 стр. *Автографъ.*

4) „Графиня Д.“, повѣсть, 4°, 32 стр. *Автографъ.*

Обѣ эти повѣсти были посылаемы авторомъ къ П. А. Плетневу и обѣ отринуты имъ. Но вторая изъ нихъ была потомъ напечатана въ *Отечеств. Запискахъ* 1848, № 12, смѣсь, а первая осталась въ рукописи.

1847—1848.

5) „Автобіографія“ (такъ назвалъ Плетневъ записки Н. С. о ея жизни, составленныя по его предложенію). Первый отрывокъ въ 4°, 8 стр.; второй отрывокъ 4°, 22 стр.; третій 4°, 33 стр.; четвертый—4°, 32 стр.; пятый (и послѣдній) 4°, 72 стр. Итакъ во всей „Автобіографіи“ 167 страницъ въ 4 долю листа, напечатана въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1896 г., №№ 6—12.

6) „Автобіографія“, копія, сдѣланная писарскою рукой, въ листъ, процензурованная Кіевскою цензурой, 264 полулиста (цензурована въ іюлѣ 1891 г.).

7) „Отрывокъ“. „Хозяйка разсказываетъ о себѣ нечаянно заѣхавшимъ гостямъ—матери и дочери“. 4° л. 8 стр. *Автографъ.* Это—тотъ самый отрывокъ, который вошелъ въ „Имѣніе при большой дорогѣ“ (см. здѣсь № 2) и потомъ въ разсказъ „Давняя встрѣча“.

8) „Очеркъ Малороссіи“, *автографъ*, 4°, 8 стр. Напечатанъ въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1897, № 1.

9) „Сосѣди“, повѣсть, первая тетрадь, 1847 г., 24 апрѣля. Въ 4°, 74 стр. исписанныя, остальныя 14 бѣлыя. *Страницъ*

60 наоб. до 65-й и 73-й ни въ печати, ни въ дальнѣйшихъ копіяхъ повѣсти—нѣтъ, и весьма резонно.

1849.

10) „Сосѣди", позднѣйшая *копія-автографъ* первой части, начата 18 февраля 1849, кончена 19 марта 1849 г. Въ 4 д. л. 89 стр. Съ карандашными прибавками и поправками на нѣкоторыхъ страницахъ (особенно на 18-й) и отмѣнами противъ предыдущей. На 90 стр. записано нѣсколько пословицъ; далѣе и на оберткѣ разныя отрывочныя фразы.

11) „Сосѣди", бѣловая тетрадь-*автографъ* 1-й части. Въ большую 4 д. л., 56 стр. Напечатана въ *Современникѣ* 1850, № 12; сравнительно съ рукописью иное въ журналѣ напечатано короче, иное полнѣе.

12) „Сосѣди", часть *вторая*, черновая въ трехъ тетрадяхъ (*а, б, в*), съ отдѣльнымъ листомъ. Первая тетрадь въ 78 стр., начата 10 ноября и окончена 23 декабря; вторая начата 5 іюня, занимаетъ 97 стр. (на обверткахъ тетрадей—разные наброски); третья тетрадка въ 16 стр. (продолженіе повѣсти съ конца 3 стр.) и при ней отдѣльный листъ, составляющій окончаніе повѣсти.

13) „Сосѣди", часть вторая, бѣловой *автографъ*. Въ большую 4 д. л., 42 стр. Это только начало второй части и даже изъ него *многое* въ печати опущено; встрѣчаются пропуски безобразно-большіе, нарушающіе смыслъ и связь разсказа. И вслѣдствіе того, что повѣсть такимъ образомъ изуродована, Н. С. Соханская въ 1862 г. посылала всю повѣсть В. Ѳ. Коршу для *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*; но онъ не рѣшился перепечатать ее, какъ недавно напечатанную въ *Современникѣ*. А вся повѣсть заслуживала бы перепечатки по рукописямъ. Вторую часть ея въ рукописи (№ 12, *б*) *„какой-то варваръ кистью сонной картину генія чертилъ"*—передѣлывалъ, маралъ. Жалкіл потуги безсилія! *Въ ней отъ стр. 11-й и до конца все не было въ печати.*

14) „Сосѣди", позднѣйшая писарская копія съ печатнаго, стало быть, съ большими пропусками. Въ листъ. 108 полулистовъ.

1851.

15) „Нужныя мѣста изъ писемъ". Тетрадь 1851 г., января. 4°, 30 стр., исписано только 22 стр. Содержаніе однако вовсе не соотвѣтствуетъ заглавію: въ тетради сначала идутъ эстетическія понятія, соотвѣтствующія извлеченію изъ письма Н. С. къ Плетневу, отъ 29 марта 1847 г., за которыя Плетневъ не выразилъ одобренія. Затѣмъ на стр. 6-й выписки изъ Патфайндера (романа Купера „Путеводитель въ пустынѣ"); на стр. 6—12 разборъ Іоанны Д'Аркъ, поэма Шиллера (собственно однѣ выписки); на стр. 16—19 о Савинской сельской школѣ и письмо харьковскому преосвященному объ учителѣ для школы; на стр. 20 письмо о племянницѣ *М. Зенковичъ* и выборѣ Елисаветинскаго училища для ея воспитанія; на стр. 21—22 конспектъ

пьесы „Житейская драма", вовсе ненаписанной и нигдѣ о ней больше не упоминается.

16) „Гайка", повѣсть. Начата 1 августа 1851 г. *Автографъ*, въ 4°, 83 стр. Съ 8-й страницы опять начало повѣсти и продолжается только до 41-й стр., *съ нѣсколькими мѣстами пропущенными въ печати* (22—29 стр.). Съ 41-й стр. идетъ разборъ „Орлеанской дѣвы", въ переводѣ Жуковскаго до 59-й стр.; разборъ писанъ, какъ видно, въ 1853 г., потому что упоминается о *почившемъ* Жуковскомъ († 1852); затѣмъ бѣлыя страницы 60—73; на 73-й — письмо къ крестной матери; на 76, 77 и 75 письмо къ *Плетневу* 1854 г., содержаніе письма идетъ не по порядку страницъ; тоже не въ порядкѣ страницъ 80, 81, 79 и 78 письмо къ *Плетневой*; на стр. 82—83 письмо къ *ней же*.

1852—1854.

17) „Гайка", часть 2-я, начата 22 октября (1852—3 г.). *Автографъ* съ измѣненнымъ началомъ и съ пропусками въ печати. Въ 4 д. л., 115 стр. На 113 стр. помѣтка 1854 г. 5 марта.

18) „Гайка", окончаніе повѣсти, 4°, 65 стр. 17 марта 1854 и 16 дек. 1854.

1853—1854.

19) „Сороковка и Гайка", другой экземпляръ, ч. 1-я, 1 іюля 1853, 4°, 74 стр.; окончена 2 сент. 1853 г.

20) „Сороковка и Гайка", продолженіе, 28 сентября 1853 г., окончена 13 октября 1853 г., 4°, 75 стр. Конецъ 1-й части. Повторяемъ: въ рукописи „Гайки" встрѣчаются мѣста, опущенныя въ печати, и, конечно, цензурой.

1855.

21) „Старина, глава VI. Дѣдъ мой родной Григорій Ефимовичъ" (печатается въ настоящей книгѣ *Русскаго Обозрѣнія*). 4°, 57 стр. Въ концѣ помѣтка: 10 іюня 1855. *Автографъ*, на весьма грубой бумагѣ.

22) То же, бѣловая копія писаря. 4°, 74 стр., съ грубыми и частыми (исправленными) ошибками.

23) „Тетрадь замѣтокъ 1855 г. 31 октября", въ 4°, 58 стр. „Начинаю тетрадь для замѣтокъ, выписокъ, мыслей и всего, что попадется подъ руку и перепадетъ въ умъ"—такъ начинается тетрадь и таково въ самомъ дѣлѣ содержаніе ея. Самое большое мѣсто въ ней заключаютъ выписки изъ Шекспира (его „Генриха VIII" и „Антонія и Клеопатры", въ переводѣ Кетчера) и замѣтки Н. С. о главныхъ лицахъ Шекспировскихъ пьесъ (стр. 1—8). Какъ видно, Н. С. очень увлекалась Шекспиромъ. По поводу характера Вольсея (въ драмѣ „Генрихъ VIII") она вспоминаетъ судьбу князя А. Д. Меньшикова и очерчиваетъ трагическій конецъ его (стр. 8—9). Далѣе—выписки о Клеопатрѣ (10—20), на стр. 27 копія двухъ старыхъ писемъ чьихъ-то отца и матери; отъ 31-й стр. идутъ выписки изъ разныхъ журналовъ, преимущественно изъ *Отеч. Зап.*, *Русскаго Вѣстника* и раз-

ныхъ книгъ, наконецъ, стихотворенія Фета, Н. Берга, Майкова, Полежаева. Тетрадь полна интересныхъ замѣтокъ, но мы не можемъ опредѣлить, какія изъ нихъ у кого взяты и какія принадлежатъ самой Н. С. Соханской.

24) Тетрадь, начатая въ мартѣ 1855 г., съ надписью: „Господи, Царь мой, благослови!“ Въ 4°, 214 стр. Сначала идутъ три страницы пьесы „Слава Богу, что у мужа лапоть готовъ“, затѣмъ двѣ оборванныя страницы, на которыхъ начинается повѣсть „Любила“, первая черновая, и тянется до 197 стр. Повѣсть начата въ октябрѣ 1855 (стр. 9), прервана 26 марта 1856 г. (стр. 197). Довольно страннымъ кажется, что эта слабѣйшая (сравнительно) повѣсть написана чрезъ два года послѣ „Гайки“. Съ 198 стр. и до конца слѣдуетъ отрывокъ изъ статьи Н. С. „Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина“ (въ печати стр. 25—34). Конца статьи не видно. Продолженіе повѣсти „Любила“ см. ниже, во второй черновой тетради № 26, на стр. 52, 6 сент. 1856 г.

1856.

25) „Любила“ (маленькая исторія). Въ $^1/_2$ л., 68 стр. *Автографъ.* Набѣло переписанная тетрадь первой половины повѣсти (около 50 стр. печати).

26) „Любила“. Вторая половина повѣсти 25 августа 1856 г. „Господи, благослови!“ Въ 4 д. л., 93 стр. „Кончена 1856 г. 2 декабря, ночь-полуночь. Слава Богу о всемъ и о моей повѣсти! Грязь на дворѣ“. *Автографъ* на грубой бумагѣ.

27) „Сорочья кашка“ (дѣтская пѣсенка-игра), 1 стр., 4°, предполагалась въ повѣсть „Любила“. *Рус. Об.*, настоящая книга.

1857.

28) „Послѣ обѣда въ гостяхъ“. Начата 9 мая, послѣ обѣда, 1857. „Господи благослови, и помоги Матерь Божія и чудотворецъ Николай!“ *Автографъ* на самой сѣрой и дрянной бумагѣ, такъ что весьма трудно, а въ иныхъ мѣстахъ и невозможно разбирать его. Въ 4 д. л., 176 стр. Рукопись представляетъ въ началѣ и въ концѣ большія особенности противъ печатнаго текста, сокращеній много, это особенно замѣтно въ окончаніи повѣсти; въ печати она помѣщена до 144-й стр., а остальныя слишкомъ 30 страницъ опущены Катковымъ, или точнѣе—графиней Ел. Вас. Саліасъ, редактировавшею тогда въ *Рус. Вѣст.* отдѣлъ изящной словесности. Послѣ 172-й стр. въ рукописи должна слѣдовать 175-я, а потомъ 173. На стр. 174 видна помѣта: „1 іюля, 1858 г., 3 часа послѣ обѣда. Вторникъ. Слава Богу, слава Богу, слава Богу, слава Пречистой Богородицѣ и чудотворцу Николаю, и Духу Божію, вся исполняющему“. Конецъ повѣсти заслуживалъ бы быть напечатаннымъ въ собраніи сочиненій Н. С., хотя въ видѣ приложенія. Редакція *Русск. Вѣстника* заплатила по 95 р. за печатный листъ, всего 262 р.

1858.

29) „Изъ провинціальной галлереи портретовъ“, съ надписью: „Азъ къ Богу воззвахъ. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Молитвами св. ангелъ и Пресвятой Богородицы. 27 октября, понедѣльникъ, 1858. Тетенькины имянины“. Въ концѣ: „слава Богу, Пресвятой Троицѣ и Богородицѣ и св. ангеламъ. 17 февраля 1859 г. (день моего рожденія), вторникъ масляной“. Въ 4 д. л., 152 стр. съ прибавочною страничкой. Сбоку тетради читаемъ, кажется, взглядъ автора на эту повѣсть: „*Не на фактахъ, а на жизненномъ духѣ, выработанномъ этими фактами*“. Повѣсть, едва оконченная 17 февраля, была уже отпечатана въ 1-й мартовской книжкѣ *Русск. Вѣстника*, вышедшей, впрочемъ, въ 20-хъ числахъ. Редакція заплатила по 100 р. за листъ, всего 600 р.

1859.

30) „Отвѣтъ г. Г—ву“ (Гилярову-Платонову) *на критическій отзывъ о повѣсти „Изъ провинціальной галлереи портретовъ“. Автографъ,* по которому печаталась статья въ *Русской Бесѣдѣ* 1859, кн. III, съ нѣкоторыми сокращеніями. Въ большую 4 д. л., 23 стр. (Сокращенія сдѣланы Ив. С. Аксаковымъ).

1860—1861.

31) „Господи благослови! Кирилла Петровичъ и Настасья Дмитріевна. Начата 18 апрѣля 1860. Понедѣльникъ. Душе Святый, посѣти меня недостойную“. Въ 4 д. л., 82 стр., въ тетради; но повѣсть занимаетъ только 72 стр., а съ 73-й до 82-й идетъ новая статья.

32) „Голубь-вѣстникъ“ (зачеркнуто: „Губернаторская вѣжливость“). 19 августа. Напечатано въ *Русск. Обозр.* 1897 г.

33) „Кирилла Петровъ и Настасья Дмитріевна“, продолженіе съ VII главы и до конца: „Господи благослови, огнеобразная Духа благодать“. Въ 4 д. л., 68 стр. Начато 8 августа. Въ концѣ: „слава Богу Пресвятому и Матери Божіей. Аминь. Ночь подъ понедѣльникъ, 1861 г., 19 ноября. Сейчасъ взглянула на часы—половина второго. Грудь побаливаетъ“.

1861.

34) То же, переписанныя первыя шесть главъ. Надпись: „Господи благослови и помоги Матерь Божія“. 4 д. л., 103 стр. Въ концѣ: „слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ. 21 іюля 1861. Пятница. Холодный вечеръ“.

35) „Черты изъ нашей народности. Холера. Каменныя бабы. Въ 2 д. л., 12 стр. Напечатано въ *Русской Рѣчи* того же года (записано еще въ 1850 г.).

1862.

36) „Вѣсти съ хутора“, 4 д. л., 19 стр. (о поддѣлкѣ серій въ Харьковской губерніи при участіи двухъ предводителей дво-

рянства). Помѣта въ началѣ тетради „9 сентября". Не кончено. 24 страница написана карандашемъ.

37) „Письмо къ редактору" (*Дня*). „Ольриджъ-Отелло". *Автографъ* карандашемъ. 4 д. л., 5 стр.

38) „Настасья прекрасная и Елена премудрая". Сказка, переписанная рукой двоюродной сестры автора Л. М. Зенковичъ. 4 д. л., 24 стр. Въ концѣ приписка, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „Макаровка, 12 мая, 1862 г. Воскресенье. Ната (Н. С.) въ своей комнатѣ пишетъ „Сосѣди", спѣшитъ окончить главу „Высокоименитый день", а завтра выѣзжаетъ въ Москву".

39) „Сказка про Яблоновскіе острова", писаная тою же рукой. 4°, 30 стр. Объ этой сказкѣ вспоминаетъ съ удовольствіемъ Н. С. въ своей „Автобіографіи" и писала о ней Аксакову съ большимъ увлеченіемъ, такъ что Аксаковъ въ своихъ письмахъ къ Н. С. ожидалъ отъ сказки слишкомъ многаго.

40) „Царь-волкъ", сказка. *Автографъ* въ 4 д. л., 16 стр. Въ началѣ помѣта: „Господи благослови! Трисвятый Боже! Молитвами Богородицы и св. ангелъ. 26 февраля 1862 г.". Сказка не окончена. Всѣ эти три сказки не были напечатаны.

1862—1864.

41) Тетрадь разныхъ корреспонденцій (60-хъ годовъ). Въ 4 д. л., 40 стр. Въ ней находятся:

а) „Воля на хуторѣ", стр. 1.

б) „Якъ вси, такъ и мы", стр. 6.

в) „Письма съ хутора". „Золотая цѣпь", стр. 16 (только начало).

г) „Изъ хутора", стр. 18.

д) „Севастопольскій герой", стр. 26 (25 мая 1868); заглавіе это и первыя три строки разсказа, однако, нисколько не подходятъ къ слѣдующему за тѣмъ разсказу, въ которомъ рѣчь идетъ исключительно о „Святыхъ Горахъ", о наплывѣ народа туда въ 1864 г.

е) „Письмо къ Г. Е. Благосвѣтлову", 36—40.

Не имѣя подъ рукой всѣхъ напечатанныхъ сочиненій Н. С., невозможно опредѣлить, чтó изъ всѣхъ ея бумагъ напечатано, а что—нѣтъ.

1863.

42) „Рой Ѳеодосій Саввичъ". 1-я тетрадь начинается: „Шумно прошелъ слухъ о пріѣздѣ Ѳ. С.". Помѣта въ началѣ: „4 марта 1863. О, Матерь Божія!" въ концѣ - „30 ноября, 1863. 2 часа ночи". Въ 4 д. л., 102 стр. Въ сравненіи съ печатнымъ экземпляромъ нѣтъ первыхъ 40 стр. Зато въ рукописи есть нѣсколько строкъ о попѣ Ярилѣ, которыхъ нѣтъ въ печати, и о другомъ попѣ, что теленка привязалъ эпитрахилью къ забору (стр. 84, 85, 89, 90 рукоп.).

1863—1864.

43) „Рой Ѳеодосій Саввичъ" (продолженіе). „О, Матерь Божія! 4 дек. Вечеръ". 4°, 115 стр. „Утро 12 февраля (1864 г.)".

55) „Тетрадь сочиненій", 12 мая 1872 г. „Господи Іисусе Христе, Премудросте Божія, и Сила и Слово, благослови!"— Здѣсь начатъ разборъ переводнаго разсказа (съ чешскаго) Каролины Свѣтной „Денница", напечатаннаго въ *Зарѣ* 1871 г. за сентябрь; въ написанныхъ страницахъ передано только изложеніе содержанія означеннаго разсказа, разборъ его предполагался далѣе. На стр. 2-й эта статья озаглавлена такъ: „Слово русской писательницы къ чешской". Въ 4 д. л., 63 стр.

55'') „О русской пѣснѣ", письмо къ И. С. Аксакову, начато 15 дек. 1871 г., кончено 8 мая, 1872 г. (гонораръ 122 р.), стр. 15.

1873—1874.

56) „Кража Невѣсты" (драматическое представленіе); содержаніе взято изъ „Провинціальной галлереи портретовъ". *Автографъ*, въ листъ, 52 стр. Дѣйствіе 1-е (стр. 1); перемѣна декорацій (стр. 13); дѣйствіе 2-е (стр. 30—41). Это не весь текстъ пьесы, а только перемѣны и дополненія къ прежнему; но полной рукописи прежняго въ бумагахъ автора не оказывается. Копіи его должны храниться въ Театральномъ Комитетѣ и въ театрахъ Москвы и Петербурга. При этой рукописи „письмо Н. С." къ графу Б. А. Перовскому; извѣщеніе отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати; письмо къ Н. С. изъ Москвы отъ Влад. Р. (Родиславскаго?), репертуаръ московскихъ театровъ съ 13 января по 11 февраля 1874 г.; „Заявленіе къ публикѣ" Н. С.

57) „Словесная кроха хлѣба", 14 дек. 1873 г. *Автографъ*. С.-Петербургъ. (Въ это время Н. С. была въ Петербургѣ по поводу постановки на театрѣ своей пьесы). Первая перебѣленная тетрадь, въ листъ 11 стр. Затѣмъ первая черновая рукопись, „на отдѣльныхъ листахъ", начата 14 декабря 1873 года. Всего въ рукописи 64 стр. Печатный текстъ оканчивается 46-й страницей. Остальныхъ страницъ нѣтъ въ печати. Тутъ же постскриктумъ; его ни въ печати, ни во всѣхъ слѣдующихъ рукописяхъ нѣтъ (о судьбѣ кучера героя разсказа).

58) „Словесная кроха хлѣба". Въ листъ, 34 стр. Первыя 28 страницъ—перебѣленная чужою рукой копія, а съ 28 до 34-й— *Автографъ*. Не окончено.

59) „Словесная кроха хлѣба". Позднѣйшая перебѣленная стороннимъ лицомъ копія, въ листъ, 71 стр. Повидимому, это копія съ печатнаго, съ пропускомъ около двухъ страницъ въ началѣ.

60) „Словесная кроха хлѣба" (окончаніе). Въ листъ, 21 стр. Перебѣленная копія.

61) „Гласное слово на всю Москву и ея округу" (объ отравленіи 60-ти человѣкъ соленою бѣлужиной). 7 декабря, годъ не обозначенъ; въ текстѣ есть ссылка на 257 № *Русскихъ Вѣдомостей*. Въ листъ, на 4 отдѣльныхъ листахъ, 14 стр.

1875—1876.

62) Переплетенная тетрадь, „9 января 1875 г. Москва. Вечеръ". Автографъ, исписанный большею частью карандашемъ, въ 4°, 230 стр. весьма разнообразнаго содержанія:

а) На стр. 1—3, „Диво“, начало замѣтки по поводу сочиненій П. И. Мельникова (Печерскаго).

б) Стр. 9—48, „Наталья Ѳедосѣвна“, 11 іюня, среда (1875 года); вмѣсто прежняго „Воззванія“ и „Предисловія“ слѣдуетъ— глава 1-я, „Лѣтъ 35 тому назадъ Малороссія“..

в) Стр, 49—51, изъ письма Н. С. къ М. Н. Квизенъ, 3 іюня 1876 г.

г) Стр. 54—58, изъ писемъ къ С. П. Погодиной, 28 мая 1876 г.

д) Стр. 59, изъ письма 19 мая къ Елиз. Алекс. (Столяровой?).

е) Къ 60 стр. пришпилено булавками письмо къ Вельяминовымъ, 19 мая 1876 г.

ж) Стр. 61—87, Крымскія путевыя замѣтки, 26 мая.

з) Стр. 92—124, то же, къ нимъ продолженіе на четырехъ отдѣльныхъ листахъ; тамъ же „письмо“ въ редакцію *Русскаго Міра*.

и) Стр. 125, Отрывки изъ писемъ о войнѣ 1876—1877 г. (15 сент., 20 сент. 126; 22 сент. 127 стр.; 11 ноября—128; 18 окт. 131; 17 авг. 132—133, изъ письма А. Д. Конобихъ.

і) Стр. 135, черновая бумага въ Влад. дух. консисторію.

к) Стр. 137, письмо къ Высокопреосв. (Владимірскому).

л) Стр. 139, во Владим. губ. земскую управу.

м) Стр. 144, Въ департаментъ Госуд. казначейства, о снятіи запрещенія съ имѣнія умершей матери.

н) Стр. 146—147, изъ писемъ Канабихъ 21 окт. и 21 ноября.

о) Стр. 149, въ Изюмскую почтовую контору о 450 рубл., посланныхъ въ Нѣжинъ Любови Лавриновичъ въ 1874 г. августа 24, о которыхъ почти два года не было никакого извѣщенія.

п) Стр. 159 и 186, въ министерство Вн. Дѣлъ о 5000 р.

р) Стр. 155, въ редакцію *Русскаго Міра*.

с) Стр. 157, условіе А. П. Котельниковой съ Бабенковымъ (см. еще 203 стр.).

т) Стр. 159, докладная записка о поручительствѣ за Литвинова.

у) Стр. 161—164, письмо къ предводителю дворянства Изюмскаго у.

у``) Стр. 165, о Кіевскомъ телеграфѣ (см. еще 180 стр).

ф) Стр. 166—169, управляющему Харьковской казенною палатой, по дѣлу о Литвиновѣ.

х) Стр., 171, 178, 180, расходы въ поѣздкѣ въ Москву 1874—1875 г.

ц) Стр. 180—182 и 179: письмо Н. А. Чаеву, въ Москву.

ч) Стр. 183, письма къ А. И. Гогожской, въ Кіевъ.

ш) Стр. 186, въ Министерство Вн. Дѣлъ.

щ) Стр. 191, графинѣ А. Д. Блудовой о Братской Помощи, съ докладною запиской, стр. 191.

ъ) Стр. 198—201, письмо къ Н. Н. Анке, 7 марта, 1876 г.

ы) Стр. 203—206, А. П. Котельниковой (разрывъ долголѣтней связи съ приживалкой Н. С-ны.

ь) Стр. 208, въ Харьк. губ. почтовую контору.

1858.

29) „Изъ провинціальной галлереи портретовъ“, съ надписью: „Азъ къ Богу воззвахъ. Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Молитвами св. ангелъ и Пресвятой Богородицы. 27 октября, понедѣльникъ, 1858. Тетенькины имянины“. Въ концѣ: „слава Богу, Пресвятой Троицѣ и Богородицѣ и св. ангеламъ. 17 февраля 1859 г. (день моего рожденія), вторникъ масляной“. Въ 4 д. л., 152 стр. съ прибавочною страничкой. Сбоку тетради читаемъ, кажется, взглядъ автора на эту повѣсть: „*Не на фактахъ, а на жизненномъ духѣ, выработанномъ этими фактами*“. Повѣсть, едва оконченная 17 февраля, была уже отпечатана въ 1-й мартовской книжкѣ *Русск. Вѣстника*, вышедшей, впрочемъ, въ 20-хъ числахъ. Редакція заплатила по 100 р. за листъ, всего 600 р.

1859.

30) „Отвѣтъ г. Г—ву“ (Гилярову-Платонову) *на критическій отзывъ о повѣсти „Изъ провинціальной галлереи портретовъ“. Автографъ,* по которому печаталась статья въ *Русской Бесѣдѣ* 1859, кн. III, съ нѣкоторыми сокращеніями. Въ большую 4 д. л., 23 стр. (Сокращенія сдѣланы Ив. С. Аксаковымъ).

1860—1861.

31) „Господи благослови! Кирилла Петровичъ и Настасья Дмитріевна. Начата 18 апрѣля 1860. Понедѣльникъ. Душе Святый, посѣти меня недостойную“. Въ 4 д. л., 82 стр., въ тетради; но повѣсть занимаетъ только 72 стр., а съ 73-й до 82-й идетъ новая статья.

32) „Голубь-вѣстникъ“ (зачеркнуто: „Губернаторская вѣжливость“). 19 августа. Напечатано въ *Русск. Обозр.* 1897 г.

33) „Кирилла Петровъ и Настасья Дмитріевна“, продолженіе съ VII главы и до конца: „Господи благослови, огнеобразная Духа благодать“. Въ 4 д. л., 68 стр. Начато 8 августа. Въ концѣ: „слава Богу Пресвятому и Матери Божіей. Аминь. Ночь подъ понедѣльникъ, 1861 г., 19 ноября. Сейчасъ взглянула на часы—половина второго. Грудь побаливаетъ“.

1861.

34) То же, переписанныя первыя шесть главъ. Надпись: „Господи благослови и помоги Матерь Божія“. 4 д. л., 103 стр. Въ концѣ: „слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ. 21 іюля 1861. Пятница. Холодный вечеръ“.

35) „Черты изъ нашей народности. Холера. Каменныя бабы. Въ 2 д. л., 12 стр. Напечатано въ *Русской Рѣчи* того же года (записано еще въ 1850 г.).

1862.

36) „Вѣсти съ хутора“, 4 д. л., 19 стр. (о поддѣлкѣ серій въ Харьковской губерніи при участіи двухъ предводителей дво-

рянства). Помѣта въ началѣ тетради „9 сентября". Не кончено. 24 страница написана карандашемъ.

37) „Письмо къ редактору" (*Дня*). „Ольриджъ-Отелло". *Автографъ* карандашемъ. 4 д. л., 5 стр.

38) „Настасья прекрасная и Елена премудрая". Сказка, переписанная рукой двоюродной сестры автора Л. М. Зенковичъ. 4 д. л., 24 стр. Въ концѣ приписка, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „Макаровка, 12 мая, 1862 г. Воскресенье. Ната (Н. С.) въ своей комнатѣ пишетъ „Сосѣди", спѣшитъ окончить главу „Высокоименитый день", а завтра выѣзжаетъ въ Москву".

39) „Сказка про Яблоновскіе острова", писаная тою же рукой. 4°, 30 стр. Объ этой сказкѣ вспоминаетъ съ удовольствіемъ Н. С. въ своей „Автобіографіи" и писала о ней Аксакову съ большимъ увлеченіемъ, такъ что Аксаковъ въ своихъ письмахъ къ Н. С. ожидалъ отъ сказки слишкомъ многаго.

40) „Царь-волкъ", сказка. *Автографъ* въ 4 д. л., 16 стр. Въ началѣ помѣта: „Господи благослови! Трисвятый Боже! Молитвами Богородицы и св. ангелъ. 26 февраля 1862 г.". Сказка не окончена. Всѣ эти три сказки не были напечатаны.

1862—1864.

41) Тетрадь разныхъ корреспонденцій (60-хъ годовъ). Въ 4 д. л., 40 стр. Въ ней находятся:

а) „Воля на хуторѣ", стр. 1.

б) „Якъ вси, такъ и мы", стр. 6.

в) „Письма съ хутора". „Золотая цѣпь", стр. 16 (только начало).

г) „Изъ хутора", стр. 18.

д) „Севастопольскій герой", стр. 26 (25 мая 1868); заглавіе это и первыя три строки разсказа, однако, нисколько не подходятъ къ слѣдующему за тѣмъ разсказу, въ которомъ рѣчь идетъ исключительно о „Святыхъ Горахъ", о наплывѣ народа туда въ 1864 г.

е) „Письмо къ Г. Е. Благосвѣтлову", 36—40.

Не имѣя подъ рукой всѣхъ напечатанныхъ сочиненій Н. С., невозможно опредѣлить, что̀ изъ всѣхъ ея бумагъ напечатано, а что̀—нѣтъ.

1863.

42) „Рой Ѳеодосій Саввичъ". 1-я тетраль начинается: „Шумно прошелъ слухъ о пріѣздѣ Ѳ. С.". Помѣта въ началѣ: „4 марта 1863. О, Матерь Божія!" въ концѣ - „30 ноября, 1863. 2 часа ночи". Въ 4 д. л., 102 стр. Въ сравненіи съ печатнымъ экземпляромъ нѣтъ первыхъ 40 стр. Зато въ рукописи есть нѣсколько строкъ о попѣ Ярилѣ, которыхъ нѣтъ въ печати, и о другомъ попѣ, что теленка привязалъ эпитрахилью къ забору (стр. 84, 85, 89, 90 рукоп.).

1863—1864.

43) „Рой Ѳеодосій Саввичъ" (продолженіе). „О, Матерь Божія! 4 дек. Вечеръ". 4°, 115 стр. „Утро 12 февраля (1864 г.)".

1864.

44) „Рой Θеодосій Саввичъ“ (окончаніе). „О, Матерь Божія! 17 февраля 1864. Понедѣльникъ. День моего рожденія“. 4 д. л., 80 стр. „26-го (марта), четвергъ 4-й недѣли, 1864. Слава, слава, слава Богу и Матери Божіей. Конецъ“.—Къ изданію „Роя“ слѣдовало бы приложить интересныя письма о немъ Вельтмана, Данилевскаго, гр. Перовскаго, де-Пуле и др.

45) „Слава Богу! 1864 г., 4 сентября“. Тетрадь въ 8 д. л., 43 стр. Въ ней находятся:

а) „Слава Богу! письмо въ ред. *Дня*“, напечатанное въ немъ.

б) На стр. 4—19 „Сумеречные разсказы“ (въ концѣ: 19 ноября 1864 г.) напечатаны въ *Руси* 1885, № 7.

в) На стр. 20—28 „Форма“. Письмо съ хутора (объ отказѣ сельскаго священника служить панихиду по цесаревичѣ Николаѣ безъ указа консисторіи)—25 апрѣля 1865 г. Напечатано въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1897 г.

г) На стр. 29—36 „Письма съ хутора“. „20 августа 1864 г. Четвергъ. Да возрадуется душа моя о Господѣ! И Той Единый сотворитъ. Матерь Божія!“ Рѣчь идетъ опять о Святыхъ Горахъ, о торжественномъ освященіи храма на высотѣ высотъ Святогорскихъ горъ. „25 сентября 1864 г. День памяти преподобнаго Сергія. Слава Матери Божіей“.

д) На стр. 37—43, письмо въ ред. *Дня* (о рекрутскомъ наборѣ, Катрухинѣ, о взяткахъ исправника и потакательствѣ губернатора). 5 октября 1864 г., 26 ноября 1864 г. Не кончено.

1865.

46) „Слава Богу, что мужъ лапоть сплелъ“. Комедія, 4°, 55 стр., 30 ноября 1865 г. Вторникъ.

1866.

47) „Поѣздка на Волынь“. 10 ноября 1866. Въ 4 д. л. 97 стран. съ эпиграфомъ: „Не отыми отъ устъ моихъ словесе истинна до зѣла“. (Псал. 118, стр. 43). Здѣсь же еще заключаются:

а) „Что такое Волынь“, стр. 28—37.

б) „Великій Острогъ“, стр. 37—63.

в) „Что есть теперь Острогъ“, стр. 63—83.

г) „Маленькое поясненіе“, стр. 83—97 (о еврейской дѣвушкѣ, желавшей креститься, и о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ при этомъ).

48) „Еще Мсутричи“. Это, очевидно, составляетъ продолженіе „Поѣздки на Волынь“ и относится къ 1866 или 1867 г. Въ началѣ помѣтка: „29 іюль“, въ концѣ: „12 августа“. Въ 4 д. л. 17 стр.

1867.

49) „Возможно ли возстаніе Великаго Острога?“. Въ 4 д. л., 30 стр. 22 мая 1867, 27 іюля. Не окончено.

1868.

50) „Наталья Ѳедосѣевна“ (потомъ—„Степная Барышня“), начата 25 сент. 1868 г. День памяти преп. Сергія. „Пресвятая Богородица, помози и благослови“. 4 д. л., 96 стр. Въ теченіе разсказа встрѣчаются частыя числовыя помѣты. Съ 83-й страницы писано карандашомъ до конца.

1869.

51) „Наталья Ѳедосѣевна“, 16 октября. Четвергъ, (годъ не обозначенъ, но 16-е октября въ четвергъ было въ 1869 г.). „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Господи благослови! И Матерь Божія помоги начать и кончить“. Въ предыдущей рукописи въ началѣ романа стояло: „Воззваніе“, а въ настоящей рукописи: „Вмѣсто предисловія“, но содержаніе того и другого одно и то же. Тетрадь въ 4 д. л., писана черниломъ до 52 стр.; затѣмъ Н. Ст. видимо охладѣла къ своей „Степной Барышнѣ“, и за шесть лѣтъ къ роману не прибавилось ни одной строчки. Въ 1873 г. 20 апрѣля умерла мать Надежды Ст.; имѣніе было сдано въ аренду, лошадь и экипажъ проданы, на имѣніе было наложено запрещеніе (безвинно) и весь ходъ дѣлъ пришелъ въ разстройство; при подобныхъ обстоятельствахъ Н. С-нѣ было не до романа. Передѣлка его появилась въ 1875 г. а продолженіе его встрѣчаемъ только въ 1877 г. (см. здѣсь № 64) и въ 1878 году, съ 52-й страницы этой тетради, писанное карандашомъ, гдѣ стоитъ помѣта „7 марта 1878 г.“ Такимъ образомъ десять лѣтъ романъ не подвигался. Въ концѣ тетради, на стр. 115, помѣта: „3 ноября 1878 г. Вечеръ. Макаровка“.

1870.

52) „Кража невѣсты“, драматическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ (Повѣсть Кохановской „Изъ провинціальной галлереи портретовъ“, приспособленная къ сценѣ г-жей *М. А. Беккеръ*, пополненная и исправленная авторомъ). Девять тетрадей въ листъ, 212 стр. 1870 г. ноября 14. Со вставными листами автора, дополненіями и исправленіями.

53) „То же“, переписанный экземпляръ, въ листъ, 84 стр., въ которыя вошли 117 страницъ первой редакціи. Къ нему еще девять полулистовъ исправленій и листъ дѣйствующихъ лицъ.

1872.

Въ 1872 г. авторъ самъ взялся за передѣлку своей повѣсти въ драму.

54) „Кража невѣсты“, автографъ, въ 4 д. л, 104 стр. Начата „15 ноября 1872 г. Вечеръ“. Здѣсь заключаются: Нѣчто въ родѣ пролога (стр. 1—35); дѣйствіе 1-е (стр. 37—60); перемѣна декораціи (стр. 60—91); дѣйствіе 2-е (стр. 92—104), оканчивается пріѣздомъ генеральши. На особомъ листѣ авторскія поправки.

55) „Тетрадь сочиненій", 12 мая 1872 г. „Господи Іисусе Христе, Премудросте Божія, и Сила и Слово, благослови!"— Здѣсь начатъ разборъ переводнаго разсказа (съ чешскаго) Каролины Свѣтной „Денница", напечатаннаго въ *Зарѣ* 1871 г. за сентябрь; въ написанныхъ страницахъ передано только изложеніе содержанія означеннаго разсказа, разборъ его предполагался далѣе. На стр. 2-й эта статья озаглавлена такъ: „Слово русской писательницы къ чешской". Въ 4 д. л., 63 стр.

55``) „О русской пѣснѣ", письмо къ И. С. Аксакову, начато 15 дек. 1871 г., кончено 8 мая, 1872 г. (гонораръ 122 р.), стр. 15.

1873—1874.

56) „Кража Невѣсты" (драматическое представленіе); содержаніе взято изъ „Провинціальной галлереи портретовъ". *Автографъ*, въ листъ, 52 стр. Дѣйствіе 1-е (стр. 1); перемѣна декорацій (стр. 13); дѣйствіе 2-е (стр. 30—41). Это не весь текстъ пьесы, а только перемѣны и дополненія къ прежнему; но полной рукописи прежняго въ бумагахъ автора не оказывается. Копіи его должны храниться въ Театральномъ Комитетѣ и въ театрахъ Москвы и Петербурга. При этой рукописи „письмо Н. С." къ графу Б. А. Перовскому; извѣщеніе отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати; письмо къ Н. С. изъ Москвы отъ Влад. Р. (Родиславскаго?), репертуаръ московскихъ театровъ съ 13 января по 11 февраля 1874 г.; „Заявленіе къ публикѣ" Н. С.

57) „Словесная кроха хлѣба", 14 дек. 1873 г. *Автографъ*. С.-Петербургъ. (Въ это время Н. С. была въ Петербургѣ по поводу постановки на театрѣ своей пьесы). Первая перебѣленная тетрадь, въ листъ 11 стр. Затѣмъ первая черновая рукопись, „на отдѣльныхъ листахъ", начата 14 декабря 1873 года. Всего въ рукописи 64 стр. Печатный текстъ оканчивается 46-й страницей. Остальныхъ страницъ нѣтъ въ печати. Тутъ же постскриктумъ; его ни въ печати, ни во всѣхъ слѣдующихъ рукописяхъ нѣтъ (о судьбѣ кучера героя разсказа).

58) „Словесная кроха хлѣба". Въ листъ, 34 стр. Первыя 28 страницъ—перебѣленная чужою рукой копія, а съ 28 до 34-й— *Автографъ*. Не окончено.

59) „Словесная кроха хлѣба". Позднѣйшая перебѣленная стороннимъ лицомъ копія, въ листъ, 71 стр. Повидимому, это копія съ печатнаго, съ пропускомъ около двухъ страницъ въ началѣ.

60) „Словесная кроха хлѣба" (окончаніе). Въ листъ, 21 стр. Перебѣленная копія.

61) „Гласное слово на всю Москву и ея округу" (объ отравленіи 60-ти человѣкъ соленою бѣлужиной). 7 декабря, годъ не обозначенъ; въ текстѣ есть ссылка на 257 № *Русскихъ Вѣдомостей*. Въ листъ, на 4 отдѣльныхъ листахъ, 14 стр.

1875—1876.

62) Переплетенная тетрадь, „9 января 1875 г. Москва. Вечеръ". Автографъ, исписанный большею частью карандашемъ, въ 4°, 230 стр. весьма разнообразнаго содержанія:

а) На стр. 1—3, „Диво“, начало замѣтки по поводу сочиненій П. И. Мельникова (Печерскаго).

б) Стр. 9—48, „Наталья Ѳедосѣвна“, 11 іюня, среда (1875 года); вмѣсто прежняго „Воззванія“ и „Предисловія“ слѣдуетъ— глава 1-я, „Лѣтъ 35 тому назадъ Малороссія“..

в) Стр, 49—51, изъ письма Н. С. къ М. Н. Квизенъ, 3 іюня 1876 г.

г) Стр. 54—58, изъ писемъ къ С. П. Погодиной, 28 мая 1876 г.

д) Стр. 59, изъ письма 19 мая къ Елиз. Алекс. (Столяровой?).

е) Къ 60 стр. пришпилено булавками письмо къ Вельяминовымъ, 19 мая 1876 г.

ж) Стр. 61—87, Крымскія путевыя замѣтки, 26 мая.

з) Стр. 92—124, то же, къ нимъ продолженіе на четырехъ отдѣльныхъ листахъ; тамъ же „письмо“ въ редакцію *Русскаго Міра.*

и) Стр. 125, Отрывки изъ писемъ о войнѣ 1876—1877 г. (15 сент., 20 сент. 126; 22 сент. 127 стр.; 11 ноября—128; 18 окт. 131; 17 авг. 132—133, изъ письма А. Д. Конобихъ.

і) Стр. 135, черновая бумага въ Влад. дух. консисторію.

к) Стр. 137, письмо къ Высокопреосв. (Владимірскому).

л) Стр. 139, во Владим. губ. земскую управу.

м) Стр. 144, Въ департаментъ Госуд. казначейства, о снятіи запрещенія съ имѣнія умершей матери.

н) Стр. 146—147, изъ писемъ Канабихъ 21 окт. и 21 ноября.

о) Стр. 149, въ Изюмскую почтовую контору о 450 рубл., посланныхъ въ Нѣжинъ Любови Лавриновичъ въ 1874 г. августа 24, о которыхъ почти два года не было никакого извѣщенія.

п) Стр. 159 и 186, въ министерство Вн. Дѣлъ о 5000 р.

р) Стр. 155, въ редакцію *Русскаго Міра.*

с) Стр. 157, условіе А. П. Котельниковой съ Бабенковымъ (см. еще 203 стр.).

т) Стр. 159, докладная записка о поручительствѣ за Литвинова.

у) Стр. 161—164, письмо къ предводителю дворянства Изюмскаго у.

у``) Стр. 165, о Кіевскомъ телеграфѣ (см. еще 180 стр).

ф) Стр. 166—169, управляющему Харьковской казенною палатой, по дѣлу о Литвиновѣ.

х) Стр., 171, 178, 180, расходы въ поѣздкѣ въ Москву 1874—1875 г.

ц) Стр. 180—182 и 179: письмо Н. А. Чаеву, въ Москву.

ч) Стр. 183, письма къ А. И. Гогожской, въ Кіевъ.

ш) Стр. 186, въ Министерство Вн. Дѣлъ.

щ) Стр. 191, графинѣ А. Д. Блудовой о Братской Помощи, съ докладною запиской, стр. 191.

ъ) Стр. 198—201, письмо къ Н. Н. Анке, 7 марта, 1876 г.

ы) Стр. 203—206, А. П. Котельниковой (разрывъ долголѣтней связи съ приживалкой Н. С-ны.

ь) Стр. 208, въ Харьк. губ. почтовую контору.

э) Стр. 210, нотаріусу Ник. Ив.

ю) Стр. 212, Ѳедору Васильевичу, 13 марта 1875 г.

я) Стр. 218—221, Георгію Павловичу, 8 марта 1875 г.

ѳ) Стр. 224, изъ письма къ Дельгаль о русскихъ дамахъ, увлекавшихся ранеными турками.

ѵ) Стр. 227, стихи о дамѣ въ Крыму (весьма свободнаго содержанія).

Отд. листокъ.—Начало разбора книги Немировича-Данченки: „Соловки“.

1877.

63) Переплетенная тетрадь для писемъ и замѣтокъ, 1877 г. 30 января, Харьковъ. Вся тетрадь исписана карандашомъ. Въ 4° л., 351 стр. Въ ней находится:

а) Стр. 1—3, отвѣтъ на телеграмму *Р. Міра.*

б) Стр. 9—106, Продолженіе Севастопольскихъ впечатлѣній; VI глава, 30 января 1877, стр. 4; VII глава, стр. 30; VIII глава, стр. 54; IX глава, стр. 80.

в) Стр. 107—120, письмо отъ 30 мая—3 іюля, въ ред. *Р. Міръ* объ отказѣ Харьковской больницы желавшимъ поступить въ сестры милосердія.

г) Стр. 121, „къ дѣлу о Вѣточномъ займѣ“ 17 авг. 1877, (напечатано въ *Р. Мірѣ*).

Стр. 143, письмо въ ред. *Моск. Вѣдомостей*, съ пожертвованіемъ вещей на нужды войны [1].

с) Стр 145, надпись при отсылкѣ молитвенника Государыни Императрицы Маріи Александровны священнику І. Тарановичу въ Яполоти, 30 апр. 1877 г.

ж) Стр. 146, письмо къ Ст. Ос. Макарову въ Севастополь.

з) Стр. 149—167, „Невольныя мысли“ (по поводу убіенія на войнѣ кн. Сергѣя Максиміліановича), 4 ноября.

и) Стр. 168 и 174. Письма къ Ал. Петр. Плетневу.

і) Стр. 182, „Голосъ вопіющаго“ (о помощи полку, потерявшему свои ранцы подъ Плевной), съ письмомъ къ ред. *Моск. Вѣдом.*, 30 сент. 1876 г. съ приложеніемъ 50 рублей.

к) Стр. 187, Письмо къ Е. К. Раппу.

л) Стр. 190, въ Бугаевскую экономію.

м) Стр. 195—196, о реализированіи Бога въ природѣ.

(Отъ 197 до 293 бѣлыя страницы).

н) Стр. 293, 311, бумаги по дѣлу Братской Помощи (на Волыни).

о) Стр. 296, изъ письма М. Н. Квиткѣ, 24 окт. 1877 г.

п) Стр. 297, изъ письма къ Столяровой, 25 окт.

р) Стр. 300—303, изъ письма къ Погодиной, 12 ноября.

с) Стр. 315—319, 329, 333—336, 338—345, письма къ Ѳ. Н. Бергу съ 1877 г.

---

[1] Н. С. отдала при этомъ всѣ свои золотыя вещи и даже институтскій шифръ и брошку Императрицы.

64) Переплетенная „тетрадь для сочиненій, 1877, Харьковъ". Въ ней 401 стр. въ 4 д. л. Въ началѣ ея: „15 ноября 1877. Макаровка".

„Благослови, Господи, Духомъ Своимъ Святымъ. Аминь".

„Степная Барышня сороковыхъ годовъ". Въ ней уже нѣтъ прежняго „Воззванія" или „Предисловія", и романъ начинается очеркомъ Малороссіи: „Лѣтъ тридцать пять тому назадъ". Оканчивается онъ на стр. 382, тамъ помѣта 18 января 1881 г. Въ цѣлой тетради „пять" главъ романа. Кромѣ того, на стр. 394—399 нѣсколько пѣсенъ Малороссійскихъ.

1880.

65). Переплетенная тетрадь въ 9 д. л. съ двойною нумераціей. 62 и 114 листковъ (не страницъ).

„Степная барышня сороковыхъ годовъ". Романъ. Лѣтописное сказаніе къ роману. Надпись: „Слово Отче! благослови меня Духомъ Твоимъ Святымъ". 1880 г. іюня 21. Сказаніе это занимаетъ 1—62 листка; за нимъ слѣдуетъ „Степная барышня", съ особою нумераціей, 1—114 листковъ. Въ концѣ помѣта: 16 ноября 1880. Въ этой рукописи только „четыре" главы. Она передана авторомъ въ собственность Василію Григорьевичу Мозговому (мужу племянницы Н. С., † 1895).

1881.

66) „Степная барышня", V-я глава. Въ листъ, 20 стр. Помѣта въ концѣ: „18 января 1881 г. Макаровка". Переписана рукой писаря; она вошла уже въ тетрадь, означенную здѣсь № 64-мъ.

67) „Степная барышня", VI глава. *Автографъ* въ 4 д. л., 28 стр. Начато 1881, въ февралѣ; на стр. 20 помѣта: „мартъ 1881". Словами: „если бы даже и досточка рухнула" оканчивается все написанное авторомъ изъ этого романа. Авторъ не уяснилъ даже себѣ, во сколькихъ частяхъ будетъ романъ.

68) Разрозненные черновые листы „Степной барышни", исписанные карандашомъ, сорокъ одинъ листъ, относящіеся къ разнымъ главамъ романа, но и въ листахъ нѣтъ продолженія романа.

69) Черновые листы, исписанные карандашомъ, корреспонденцій въ газету *Русь* о катастрофѣ 1 марта. Пять листовъ (9 полулистовъ). При нихъ полулистъ въ 4 д. л. 4 стр.—народная легенда о жидовскихъ козняхъ.

1882—1883.

70) Объ „Исповѣди" графа *Л. Н. Толстого*, пятнадцать листовъ, писанныя карандашомъ. Начато 22 октября 1882 г.

1884.

71) „Нѣсколько словъ *Новому Времени*", 1—10 мая; *не напечатано*. По поводу этой статьи, отправленной въ ред., Буренинъ ѣдко посмѣялся 1 іюня.

72) Начало возраженія на Толковое Четвероевангеліе графа *Л. Толстою.* Листъ, 1 стр., написанная карандашемъ, 9 іюня, 1884 г.

Вотъ все, что уцѣлѣло отъ рукописныхъ сочиненій Надежды Степановны. Какъ ни скудны эти остатки, какъ ни затруднительно чтеніе этихъ рукописей, но съ ними крайне необходимо сличить печатный текстъ, потому что въ немъ есть пропуски, которые надо дополнить, особенно при изданіи полнаго собранія сочиненій ея. Въ „Роѣ", напр., мы (случайно) замѣтили пропуски на стр. 125, 129, 130, 249. Есть они и въ другихъ произведеніяхъ ея—въ „Послѣ обѣда", въ „Старинѣ", въ „Словесной крохѣ хлѣба", и особенно въ „Сосѣдяхъ".

II. Письма Н. С. Саханской.

А. Письма ея къ матери и братьямъ:

1) Къ матери 1834, марта 7, 16 д. л., 2 стр.
2) Брату Павлу 1840, дек. 2, 4°, 4 стр.
3) „ Петру 1841, мая 11, 8°, 3 стр.
4) „ Павлу 1841, ноября 5, 8°, 4 стр.
5) „ „ 1842, февр. 11, 8°, 4 стр.
6) „ „ 1842, мая 14, 4°, 2 стр.
7) „ „ 1842, іюль 9, 4°, 4 стр.
8) „ „ 1843, февр. 10, 8°, 3 стр.
9) „ Петру 1844, іюлъ (?), 4° 3 стр.
10) „ Павлу 1845, янв. 20, 4°, 4 стр.
11) „ „ 1845, дек. 5, 8°, 6 стр.
12) „ „ 1846, янв. 1, 8°, 4 стр.
13) „ „ 1846, іюля 9, 8°, 4 стр.
14) „ „ 1846, авг., 8°, 3 стр.
15) „ „ 1846 дек. 15, 8°, 6 стр.
16) „ Петру около 1848, 4°, 4 стр.
17) Матери 1855, іюля 16, 8°, 4 стр изъ Веселаго.
18) „ 1855, авг. 5, 8°, 8 стр. изъ Б. Слободы.
19) „ 1855, авг. 9, 8°, 6 стр., изъ Веселаго.
20) „ 1862, (?) 8°, 2 стр. изъ Харькова.
21) „ 1862, іюня 9, 8°, 4 стр., изъ Москвы.
22) „ 1862, іюня 14, 8°, 6 стр., изъ С.-П.-бурга.
23) „ 1862, іюня 26, 8°, 8 стр. „ „
24) „ 1862, іюля 4, 8°, 4 стр. „ „
25) „ 1862, іюля 14, 8°, 10 стр. „ „
26) „ 1862, іюля 21, 8°, 6 стр. „ „
27) „ 1862, іюля 28, 8°, 4 стр. и два лоскутка, С.-Пб.
28) „ 1862, авг. 12, 8°, 4 стр., изъ С.-Пбурга.
29) „ 1862, авг. 18, 8°, 4 стр. „ „
30) „ 1862, сент. 3, 8°, 4 стр. изъ Москвы.
31) „ 1862, сент. 10, 8°, 4 стр. „ „
32) „ 1862, сент. 14, 8°, 4 стр. „ „

33) Къ двоюр. сестрѣ Любѣ, 1862, сент. 22, 8°, 4 стр. „
34) Матери 1866, мая 23, 8°, 4 стр. „ „
35) „ 1866, мая 30, 8°, 4 стр. „ „
36) „ 1866, іюня 5, 8°, 2 стр. изъ С.-Пбурга.
37) „ 1866, іюня 13, 8°, 6 стр. „ „
38) „ 1866, іюня 25, 8°, 4 стр. „ „
39) „ 1866, іюля 13, 8°, 2 стр. „ „
40) „ 1866, іюля (?), 8°, 4 стр. „ „
41) „ 1866, сент. 15, 8°, 4 стр., изъ Житомира.
42) „ 1866, сент. 21, 8°, 3 стр. изъ Острога.
43) „ 1866, окт. 5, 8°, 4 стр. станція за Житомиромъ.

Б) Письма ея къ М. Он. Зенковичъ-Мозговой и Вас. Гр. Мозговому:

1871.

1) 21 іюня, 8°, 4 стр. изъ Макаровки.
2) 16 августа 8°, 3 стр.

Неизвѣстнаго года.

3) Кажется, октябрьское, 16°, 3 стр.

1874.

4) 12 января, 8°, 3 стр. изъ С.-Пбурга.
5) 22 февраля, 8°, 4 стр., изъ Москвы.
(всѣ эти пять писемъ къ М. Он.).

1875.

6') Сестрѣ Любѣ Лавриновичъ, 16 д. л., безъ даты, вѣроятно, 1875 г

6'') Безъ начала, продолженіе письма къ В. Гр. Мозговому въ январѣ, 8°, 4 стр. изъ Москвы.

7) 19 іюня, 8°, 4 стр. изъ Макаровки.

1878.

8) 26 февраля, 8°, 8 стр. изъ Макаровки.
9) 1 марта В Гр. М., 8°, 4 стр.
10) 3 апрѣля, 8°, 4 стр.
11) 18 августа, 8°, 4 стр. изъ Макаровки.
12) 23 авг. Безъ обозначенія года и мѣста, но, судя по содержанію, продолженіе предыдущаго.
13) 5 ноября, въ длину 8 дольной страницы, 4 стр.
14) 30 ноября, вечеръ, 8°, 4 стр. безъ означенія мѣста.

1879.

15) 3 февраля, 8°, 3 стр. изъ Макаровки.
16) 1 марта, 8°, 4 стр. В. Гр. М.
17) Тогда же 8°, 6 стр. М. Он. М.
18) 11 марта, 8°, 4 стр. (еще лоскутокъ внутри письма, неизвѣстно куда относящійся).
19) 22 окт. 8°, 4 стр. изъ Макаровки.
20) 6 дек. 8°, 4 стр.

1880.

21) 11 марта В. Г. М. 8°, 4 стр. (вдоль) изъ Макаровки.
22) 2 апрѣля, на 3-й стр. 10 мая, 8°, 8 стр.
23) Безъ года и мѣста, В. Г. М. 8°, 2 стр.
24) 31 іюля, 8°, 4 стр., кажется, сюда же и P. S. 8°, 2 стр.

1881.

25) 16 апрѣля, 8°, 4 стр. и P. S. на узенькомъ лоскутикѣ.
26) 29 апрѣля, 8°, 4 стр. изъ Макаровки.
27) 5 іюня, 8°, 4 стр. изъ Макаровки.
28) 6 іюня В. Г. М. 8°, 4 стр.
29) 26 іюня, 8°, 4 стр.
30) 27 іюня, 8°, 4 стр.
31) 16 іюля, 8°, 4 стр.
32) Безъ года и мѣста, В. Г. М. на кургузой осьмушкѣ, 2 стр.
33) 12 авг. В. Г. М. 8°, 4 стр.
34) 29 авг. В. Г. М. приписка на письмѣ М. Он. ½ стр.
35) 9 сентября, 8°, 4 стр. изъ Макаровки.
36) 25 сентября, 8°, 4 стр.
37) 23 октября, 8°, 4 стр.
38) 12 декабря, 8°, 4 стр.
39) Вечеръ 23 декабря В. Г. М. 8°, 4 стр.
40) Тогда же, М. Он. М. 8°, 2 стр.

1882.

41) 5 января, 8°, 4 стр. изъ Каменки.
42) 13 января, 8°, 4 стр. съ картинками, изъ Макаровки.
43) Кажется, это приписка къ предыдущему письму, а можетъ быть и раньше: упоминается о пребываніи въ Каменкѣ, 16°, 4 стр.
44) 20 января, 8°, 4 стр. изъ Макаровки.
45) 24 февраля, вечеръ, 8°, 6 стр.
46) 5 марта, 8°, 6 стр.
47) 18 марта, 8°, 6 стр.
48) 1 апрѣля, 16°, 4 стр.
49) 19 апрѣля, 8°, 4 стр.
50) 2 мая, 8°, 4 стр.
51) 22 мая, 16°, 4 стр.
52) Тогда же, 8°, 1 стр.
53) Безъ означенія года и мѣста, 16°, 2 стр.
54) Записка карандашомъ, безъ года и мѣста, 2 стр.
55) 26 іюля, 8°, 4 стр. изъ Макаровки.
56) 23 сентября, 8°, 2 стр.
57) 28 сентября, 8°, 4 стр. изъ Каменки.
58) 9 октября, 8°, 6 стр. изъ Макаровки.
59) 11 октября, 8°, 4 стр. В. Гр., письма 58 и 59 оба были изорваны, но склеены теперь.
60) 17 октября, 8°, 4 стр.

61) 22 ноября, 8°, 6 стр.
62) 27 ноября, вечеромъ, 8°, 4 стр.
63) 22 декабря, 8°, 4 стр.
64) 29 декабря, вечеръ, 8°, 4 стр.

1883.

65) 4 января, продолжалось и 9 янв. (см. 3 стр.), 8°, 4 стр.
66) 11 января, утро, 8°, 4 стр.
67) 20 января, 8°.
68) 3 февраля, 8°, 2 стр.
69) 12 февраля, В. Гр. М. 8°, 6 стр.
70) Безъ года и мѣста, кажется, приложеніе къ предыдущему письму, 16°, 3 стр.
71) 27 февраля, вечеръ заговѣнный, 8°, 6 стр.
72) 10 марта, писано вдоль страницы, 8°, 2 стр.
73) 21 марта, 8°, 4 стр.
74) 23 марта, безъ сомнѣнія, это не особое письмо, а продолженіе предыдущаго, 8°, 4 стр.
75) 1 апрѣля, 8°, 4 стр.
76) 11 апрѣля, 8°, 3 стр.
77) 19 мая, 8°, 3 стр.
78) 7 іюля, ночь, 8°, 4 стр
79) 11 іюля, 8°, 2½ стр.
80) 13 августа, 8°, 1 стр. (пріѣздъ Плетневой въ Макаровку).
81) 7 сентября (опредѣленіе роковой болѣзни, сведшей въ могилу Н. С.), 8°, 4 стр.
82) 15 сентября, 8°, 4 стр.
83) 4 октября, открытое письмо изъ Москвы.
84) 20 октября, писанное рукой Шамониной и только подписанное Н. С., 8°, 3 стр. изъ Москвы.
85) 16 ноября, 8°, 4 стр. изъ Москвы.
86) Безъ даты; кажется, оно было приложеніемъ къ предыдущему письму, 16°, 3 стр.
87) 13 декабря, 8° 4 стр. изъ Москвы.
88) 24 декабря, 16°, 1 стр. изъ Макаровки.

1884.

89) 5 января, 8°, 4 стр., изъ Макаровки.
90) 7 января, В. Гр. М., 8°, 4 стр.
91) 16 января, 8°, 4 стр.
92) 6 февраля, 8°, 4 стр.
93) 22 февраля, 8°, 6 стр.
94) 4 марта, 8°, 4 стр.
95) 20 марта, 8°, 4 стр.
96) 26 марта, 8°, 4 стр.
97) 13 апрѣля, 8°, 4 стр.
98) 22 апрѣля, 8°, 4 стр.
99) Безъ даты (май?), 8°, 3 стр. В. Г. М., вдоль страницы.
100) Безъ начала и безъ конца, Мар. Он. М., 8°, 4 стр. вдоль.
101) Копія телеграммы къ М. Он., безъ обозначенія года.

Очевидно, многихъ писемъ не достаетъ: вовсе нѣтъ за 1872 и 1873 года, за 1876 и 1877 года; а изъ послѣдующихъ писемъ видно, что она писала еще 7 и 26 марта 1881 г., 17 августа 1882 г., 13 апрѣля 1884 г., а ихъ также нѣтъ. Но и тѣ, которыя уцѣлѣли, представляютъ богатый матеріалъ для составленія біографіи (предпринятой Н. Н. Платоновой).

В) Письма ея къ разнымъ лицамъ (въ тетрадкахъ):

Черновая тетрадка, въ 4 д. л. 9 стр. Въ ней письма: 1) К. Д. Кавелину отъ 15 февр. 1847 г., стр. 1—8 и 2) Ѳ. В. Булгарину, стр. 9 (очевидно, 1847 года).

Тетрадка писемъ, заведенная 15 апрѣля, 1860 года, въ 4 д. л. 58 стр. Въ ней заключаются черновыя:

3) Аксакову Ив. С. четыре письма, стр. 1, 18, 36 и 50.
4) Аксакову К. С. два письма, стр. 7, 9, 11 и 13.
5) Благосвѣтлову Г. Е. пять писемъ, стр. 22, 28, 35, 48 и 56.
6) Гилярову-Платонову Н. П. 1 письмо, стр. 96.
7) Глазунову 1 письмо, стр. 40.
8) Глотову 1 письмо, стр. 37.
9) Де-Пуле М. Ѳ. четыре письма, стр. 15, 24, 2 и 30.
10) Дружинину А. В. 1 письмо, стр. 10—11.
11) Краевскому А. А. три письма, стр. 34, 39 и 44.
12) Саліасъ графинѣ Ел. Вас. два письма, стр. 28 и 43.
13) Хмельницкому, ред. *Р. Слова*, 1 письмо, стр. 21 [1].

Ея же отдѣльныя письма, большею частью черновыя и немногія перебѣленныя.

14) Абрамовичу, священнику с. Яполоти, 1 ноября 1865.
15) Аксаковой А. Ѳ. 16 авг. 1879, (бѣловое).
16) Аксаковой Ольгѣ Сем. (карандашомъ).
17) Аксакову, 6 іюня 1861 г. переписанное то именно, которое въ предыдущей тетрадкѣ, на стр. 50—56 и, кажется, не посланное, 8°, 8 стр.; ему же 21 дек. 1861 г. изъ Макаровки, просительное о зятѣ Янковскомъ, все разорванное и, конечно, не посланное; ему же 3 февраля 1862 г. изъ Харькова, съ интересными строками объ учителѣ ея М. И. Ильенкѣ († 1861); ему же 6 февраля 1863 г.; ему же 24 сент. 1863 г., 4°, 4 стр.; ему же 15 ноября 1863 г., 8°, 4 стр.—всѣ едва ли посланныя; ему же, безъ означенія года, писанное карандашомъ на трехъ отдѣльныхъ листахъ, въ листъ и въ три листа и въ осьмушку.
18) Архимандриту Почаевской Лавры, 1868 г. февр.
19) Архіепископу Харьковскому, черновое, карандаш.; ему же, въ листъ (о свящ. Ястремскомъ).
20) Аѳонскому скиту св. пророка Иліи, 1876 г. 2 іюня.
21) Петру Ивановичу (Бартеневу?) карандаш.
22) Беклемишевой Д. А., 4°, 5 стр.
23) Благосвѣтлову Г. Е. 18 апр. 1862.

[1] Всѣ эти письма 3—13 несомнѣнно 1860—1861 гг.

24) Благотворительному Комитету, карандаш.
25) Блудовой граф. А. Дм., карандаш.
26) Боброву Ник. Іон., карандаш., см. № 44 здѣсь.
27) Буренину В., карандаш.
28) Вельяминову Вит. Африк. 1874, (на оборотѣ—о Самарскомъ голодѣ) карандаш.
29) Вѣрѣ Яковлевнѣ (карандаш.).
30) Государынѣ Императрицѣ М А., 17 февр. 1862. Ей же, 4 января 1863 г.; ей же, безъ даты.
31) Григорію, священнику, и списокъ пожертвованій.
32) Дирекціи Московскихъ театровъ.
33) Дирекціи Петербургскихъ театровъ.
34) Доктору гомеопату (о своей болѣзни) 2 листа.
35) Редакціи *Гражданина* (объ обществѣ распространенія Свящ. Писанія).
36) Золотареву Ник. Григ., 14 авг.
37) Ишимовой А. О., 1879 г., янв. 29.
38) Ковалевскому Ѳед. Мих., 1878, ноября 9, 2 письма.
39) Кони Ѳед. Ал. (1856).
40) Кукольнику Н. В., 1865, іюля 14, черн. и бѣлов.
41) Лорисъ-Меликову графу 1879, окт. 3.
42) Мещерскому кн. Вл. Петр. 1872, марта 18, и 1874, марта 6, и 25 февр. (На оборотѣ послѣдняго графу Перовскому Б. А.)
43) Министру финансовъ, 1873, сент.
44) Николаю Ивановичу (?) Боброву? Бестужеву?
45) Николаю Петровичу, Надеждѣ Алекс.
46) Обществу любит. распростр. Св. Писанія.
47) Перовскому графу Б. А.; три письма.
48) Петру Алексѣевичу (Морицу?)
49) Потемкиной Т. Б.
50) Плетневой 21 мая 1861, 4 сент. 1874, 18 апрѣля 1879 г. Три письма Петру Александровичу (?).
51) (Плетневу?), черновое, безъ всякой даты.
52) Плетневу П. А., адресованныя ему и возвращенныя послѣ его смерти.

1846 г. февр. 25, 4°, 3 стр.; 1 мая, 4°, 4 стр.; 13 сент., 4°, 4 стр.; 6 ноября, 4°, 4 стр.; (четыре письма).

1847 г. 23 января, 4°, 4 стр.; 9 марта, 8°, 3 стр.; 29 марта, 4°, 8 стр.; 23 мая, 4°, 4 стр.; 26 іюня, 4°, 9 стр.; 11 іюля, 4°, 5 стр.; 8 окт., 4°, 4 стр.; 28 окт., 4°, 4 стр.; 6 ноября, 8°, 3 стр.; 15 ноября, 4°, 6 стр.; 23 ноября, 4°, 4 стр., (одиннадцать писемъ).

1848 г. 1 января, 8°, 3 стр., (послѣ него послано прошлогоднее 29 дек. 1847), 4°, 4 стр.; 16 февр., 4°, 4 стр.; 8 марта, 4°, 4 стр.; 15 марта, 8°, 2 стр.; 27 марта, 4°, 4 стр.; 2 апрѣля, 4°, 4 стр.; 15 апрѣля, 4°, 4 стр., восемь писемъ; всего 23.

53) Погодинымъ 1863, 1867 и 1882, три письма.
54) Роменскому, священнику о. Стефану, 3 листа.
55) Редакціи *Русскаго Слова*, 2 янв. 1862.

56) Редактору *Харьков. Вѣдомостей.*
56) Розену Андрею Евген.
57) Ростовской М. Ѳ., 29 іюля 1864 г.
58) Святополкъ-Мирскому князю, 1 листъ.
59) Сокову Владим. Серг. $1^1/_2$ листа.
60) Талантову, на Волынь.
61) Толстой графинѣ А. А
62) Тютчевой А. Ѳ. (?) и Перовскому графу.
63) Отцамъ Іоанну и Павлу, 1 листъ.
64) Ястремскому о. Іоанну, черновое и бѣловое (весьма интересное) 27 мая 1867; ему же 5 февр. $2^1/_2$ листа.
65) Архіепископу Харьковскому, 4 листа; ему же, по дѣлу Савишной школы, 2 листа; (тутъ же и свящ. Роменскому).
66) Яшъ Елизав. Мих., 20 ноября 1855, дек. 8.
67) Заступничество за крестьянъ Макаровки.
68) Неизвѣстному лицу — Катеринѣ Ѳедоровнѣ, племянницѣ графа М. Н. Муравьева, ходатайство о переводѣ Н. И. Шамонина на службу въ Виленскій край.

Напоминаемъ, что нѣкоторыя письма Н. Ст—ны разсѣяны по разнымъ тетрадямъ ея сочиненій. (См. отд. 1-й).

Г) Переписка ея съ Плетневымъ, копія, составленная и спутанно и неполно.

III. Письма родныхъ Н. С. С—ой.

1) Протопопова къ Г. Е. Соханскому, 1 письмо.
2—12) Павла Соханскаго, 1840, 1845, 1848, 1849 гг. одиннадцать писемъ къ сестрѣ Н. С.
13) Письмо матери и тетки 1862 къ Н. С. (см. ниже: Лохвицкихъ, Мозговыхъ...)

IV. Письма къ Н. С. Соханской.

(въ алфавитномъ порядкѣ корреспондентовъ).

1) А. А. М. (по дѣламъ Яполотскаго братства) 1866 г. 1 п.
2) Абражеевой, 1851 г., 55, 57, 65—итого........ 5 п.
3) Абрамовича, свящ. 1865, 1866, 67, 68, 69, 71, 73 гг.................................. 22 п.
4) Агаѳангела, епископа волынск. 1867 г.......... 1 п.
5) Анисимова, свящ. 1884 г...................... 1 п.
Архангельскаго, фельдфебеля................. 1 п.
6) Аѳонскихъ старцевъ 1875 г.................. 1 п.
7) Баруцкаго (см. Каткова)...........
8) Бартенева П. И. 1860, 66, 70 г.............. 5 п.
9) Беккеръ г-жи Мар. Андр. 1870—1875 гг....... 6 п.
10) Беклемишевой Д. А. 1865—66 гг............. 8 п.
11) Берга Ѳ. Н. 1877 г........................ 2 п.
(и Конторы *Русскаго Міра*)................. 3 п.
12) Благосвѣтлова Гр. Евл. 1860—862 г........... 9 п.
13) Блудовой граф. А. Д. 1862—1884 гг.......... 7 п.

14) Блумфельда 1881 г. . . . . 4 п.
15) Боброва Н. Іон. 1866 г. . . . . 1 п.
16) Боголюбовыхъ 1867 г. . . . . 9 п.
17) Боруцкаго, свящ. 1868 г. 2 п.
18) Бочаровыхъ Л. и В. 1878—1884 гг. . . . . 8 п.
19) Быкова П. 1875 г. . . . . 1 п.
20) Бычковскаго, свящ. 1869—1871 г. . . . . 6 п.
21) Варыпаева 1858 г. . . . . 2 п.
22) Вельтмана А. Ѳ. 1863—1868 гг. . . . . 5 п.
23) Вельтисанъ Елены Ив. 1862—1867 гг. . . . . 39 п.
24) Вельяминовой Ек. В. 1862—1877 гг. около . . . . 10 п.
25) Веревкиной Ольги Вас. 1840 г. (?) . . . . 3 п.
26) Вольфа М. О. 1882—1883 гг. . . . . 4 п.
27) Вольховской М. 1866—1864 гг. . . . . 100 п.
28) Воронова А. 1877 г. . . . . 2 п.
29) Вѣтренка Гр. 1873 г. . . . . 1 п.
30) Гашинской Т. 1840 г. (?) . . . . 2 п.
31) Гильтебрандта 1866 г. . . . . 1 п.
32) Гилярова-Платонова Н. П. 1861 г. . . . . 1 п.
33) Глазунова Ал. И. 1861 г. 1 п.
34) Глотова П. П. 1861—1864 гг. . . . . 4 п.
35) Гогоцкаго С. С. 1866 г. . . . . 1 п.
36) Гогоцкой Авд. Ив. 1866—1876 гг. . . . . 9 п.
37) Голицына кн. Н. Н. 1870 г. . . . . 2 п.
38) Головинскаго П. 1865 г. 1 п.
39) Городенскаго Н. 1873 г. 1 п.
40) Горпинченко 1866 г. . . . . 1 п.
41) Градовскаго Гр. 1872 г. 1 п.
42) Данилевскаго Гр. П. 1850—1871 гг. . . . . 15 п.
43) Дельсаль г-жи С. 1877 г. 3 п.
44) Демидовой конторы 1881 г. . . . . 1 п.
45) Денисенкова . . . . 1 п.
46) Де-Пуле Мих. Ѳед. 1860—1865 гг. . . . . 15 п.
47) Долгова 1865 г. . . . . 1 п.
48) Доменукской В. 1843 г. . . . . 1 п.
49) Донского казака 1866 г. 1 п.
50) Дружинина А. В. 1857—1859 гг. . . . . 8 п.
51) Дружинина А. Т. и К° 1865 г. . . . . 1 п.
52) Дыздаревой (крестной матери) 1861 г. . . . . 6 п.
53) Дьякова П. свящ. . . . . 1 п.
54) Ежова 1866 г. . . . . 1 п.
55) Забѣлина Ал. Ив. 1866 г. 1 п.
56) Зарудныхъ 1846 г. . . . . 2 п.
57) Звѣрева 1866 г . . . . 1 п.
58) Зедергольмъ А. 1868, 84 гг. . . . . 2 п.
59) Золотаревыхъ 1842—84 гг. . . . . 12 п.
60) Ив. А. Г. 1865 г. . . . . 1 п.
61) Иваницкаго 1866 г. . . . . 1 п.
62) Ильенко Мих. Ив. (учителя Сохanской, его жены и дочери) 1842—57—74 гг. . . . . 14 п.

63)	Инпакова, свящ. 1884 г.	1 п.
64)	Ишимовой А. О. 1877—1881 гг.	15 п.
65)	Іорданъ В. 1863-70 гг.	10 п.
66)	Капустина М. Н. 1859 г.	2 п.
67)	Капустиной Е. И. изъ Сибири 1866 г.	4 п.
68)	Карніолина-Панскаго М. 1865 г.	1 п.
69)	Каткова М. Н. 1857—59 гг. (напечатано въ *Русскомъ Обозрѣніи* 1897)	2 п.
	и секретаря редакціи Баруцкаго	2 п.
70)	Кашпирева В. Вл. 1870 г.	3 п.
71)	Квитки Мар. Ник. 1872—1878 гг.	12 п.
72)	Клугиной	2 п.
73)	Кони Ѳ. А. 1855—56 гг.	2 п.
74)	Корниковскаго свящ. 1867 г.	2 п.
75)	Коротчука 1866 г.	1 п.
76)	Корша В. Ѳ. 1862 г.	3 п.
77')	Корытнаго 1873—74—75 гг.	7 п.
77'')	Костецкаго 1867 г.	1 п.
78)	Котельниковой А. В. (приживалки,— безъ означенія годовъ)	30 п.
79)	Кошелевой О. Ѳ. 1859—1878 гг.	30 п.
80)	Краевскаго А. А. 1858—61 гг.	5 п.
81)	Кузнецова Н. 1865—66 гг.	3 п.
82)	Кулиша П. А. 1859—60 гг.	3 п.
83)	Кушелева-Безбородко графа Гр. 1859—61 гг.	2 п.
84)	Лавровскаго П. А. 1867 г.	1 п.
85)	Ладыженской 1864 г.	1 п.
86)	Литвиновыхъ 1869—72 гг.	5 п.
87)	Лонгинова Н. 1872—73 гг.	2 п.
88)	Лохвицкихъ Мих. и Жозефины 1844—57 гг.	7 п.
89)	Лохвицкой (Янковской) Н. М. 1851—61 гг.	49 п.
90)	Лохвицкой Л. М. (Зенковичъ-Лавриновичъ) 1851—76 гг.	72 п.
90')	Макашевой А. 1876 г.	2 п.
91)	Маккухина, свящ. Соханской, 1878, 82—84 гг.	8 п.
92)	Малиновскихъ 1863, 65, 73, 81, 83 и 84 гг.	11 п.
93)	Мартынова, свящ. 1872 г.	1 п.
94)	Мартыновича 1873 г.	9 п.
95)	Масловыхъ ? 1880 г.	6 п.
96)	Медемъ баронессы 1865—66 гг.	2 п.
97)	Меликовой 1861 г.	1 п.
98)	Мсесарошъ 1865 г.	1 п.
99)	Мещерскаго кн. Вл. П. 1871—74 гг.	5 п.
100)	Мозговыхъ В. Г. и М. Он. 1874—84 гг.	170 п.
101)	Морица, статсъ-секретаря Имп. М. А. 1862—66 гг.	5 п.
102)	Неводчикова, свящ. 1866 г.	2 п.
103)	Нечаева (нынѣ епископа Виссаріона) 1868 г.	1 п.
104)	Новоселицкаго, свящ. 1867 г.	2 п.

105) Нортовой 1883 г. . . . . 1 п.
106) Носовыхъ 1874, 75, 76, 77, 78, 79, 80—84. . . . 64 п.
107) Оболонскаго А. А. 1859 г. 1 п.
108) Общества распространія Свящ. Пис. 1883 г. . . . . 1 п.
109) Общества Моск. Благотв. 1877 г. . . . . 1 п.
110) Ожигиной Л. 1862—1877 гг. . . . . 2 п.
111) Ольденборгеръ Е. 1873 г. . . . . 3 п.
112) Ольденборгеръ М. 1863 г. . . . . 1 п.
113) Пельской 1875—76 гг. . . . . 3 п.
114) Перовскаго графа Б. А. 1862—74 гг. . . . . 10 п.
115) Петровой 1877 г. . . . . 5 п.
116) Платоновыхъ 1840—43 гг. . . . . 7 п.

117) Плетнева П. А. 28 марта 1846 г.; 1847 г. 5 января, 8 февраля, 4 іюля, 1 сентября, 9 октября. 4 ноября (счетъ Плетневу отъ Крашенинникова), 17 ноября; 1848 г. 26 января, 2 марта, 30 марта, 12 апрѣля, 5 мая, 16 мая, 15 іюня, 19 іюля, 15 августа, 4 октября, 16 ноября, 1839 г. 24 марта, 2 мая, 23 мая, 15 іюля, 20 сентября, 7 ноября, 1850 г., (три письма Очкина къ Плетневу 2 февраля, 11 и 28 февраля), 14 февраля, 28 февраля, 21 мая, 18 августа, 21 ноября, 23 декабря; 1851 г., 12 февраля, 20 сентября, 24 сентября, 27 декабря; 1852 г. 24 февраля, 2 августа, 10 ноября; 1853 г. 16 марта, 16 августа, 2 октября; 1854 г. 26 марта, 31 марта, 2 іюля, 7 декабря, 1855 г. 11 февраля, 16 марта, 20 апрѣля, 6 ноября; 1859 г. 6 мая, 24 ноября, 1860 г. 21 апрѣля; 1861 г. 6 февраля, 9 февраля, неизв. марта; 14 марта, 23 апрѣля, 17—20 іюня, 6 ноября, 7 декабря; 28 декабря; 1862 г. 5 февраля, 5 марта, 2 апрѣля, 12 ноября; 1863 г. 15 января 11 и 12 марта и 11—23 октября всего *шестьдесятъ семь писемъ*. . . . . 67 п.

118) Плетневой А. В. 1849—1884 гг. 165 пис. Кромѣ того нѣсколько строкъ при письмѣ Плетнева отъ 6 февраля 1861 г. отд. письмо 28 декабря 1861 г. 2 п.

119) Погодина М. П. 1860—72 гг. . . . . 20 п.
120) Погодиной С. Ив. 1862—84 гг. . . . . 84 п.
121) Подвысоцкаго, протод. 1866 г. . . . . 1 п.
122) Потемкиной Т. Б. 1862 г. (и письмо о ней). . . . 3 п.
123) Протопоповой-Машкиной 1856—57 гг. . . . . 4 п.
124) Рачинскаго С. А. 1858—60 гг. . . . . 5 п.
125) Редничъ Софію 1844—46 гг. . . . . 6 п.
126) Роде Нат. Ив. 1858 г. . . . . 1 п.
127) Розена барона А. Е. 1862—67 гг. . . . . 9 п.
128) Роменскаго, свящ. от. Стефана 1867 г. . . . . 3 п.
129) Ростовской М. Ѳ. 1864 г. 1 п.
130) Рычина 1867 г. . . . . 1 п.
131) Сабанѣева Ѳ. 1866 г. . . . . 1 п.
132) Саліасъ графини Е. В. 1859—61 гг. . . . . 5 п.
132) Сергѣева Іос. 1883 г. . . . . 2 п.

133) Смирнова С. доктора 1884 г.................... 1 п.
134) Снигуровскаго, свящ. 1872 г.................... 1 п.
135) Сокова (безъ даты)........................... 1 п.
136) Соллогубъ графини Маріи (1866?)............... 1 п.
137) Сосновскаго Григ. свящ. 1864 г.................. 2 п.
138) Софонія, епископа Новомирогород. 1866 г...... 1 п.
139) Спичакова Л. (1880)........................... 20 п.
140) Старчевскаго А. В. 1856—57 гг................ 3 п.
141) Стасюка Вас. 1875—78 гг..................... 3 п.
142) Столяровой Ел. Ал. 1841—84 гг................ 12 п.
143) Струкова *(ругательное)* 1866 г.................. 1 п.
144) Суковкиной 1883г.............................. 1 п.
145) Талантова 1866—67 гг......................... 4 п.
146) Тараповича, свящ. (и дѣтей школы) 1877—84 гг. 15 п.
147) Тарасовой (monstrueuse)....................... 12 п.
148) Теодоровича свящ. 1871 г...................... 1 п.
149) Тинькова 1866 г............................... 1 п.
150) Толстой графини А. А. 1866 г.................. 3 п.
151) Торейгъ 1864 г. (курьезное)..................... 1 п.
152) Тулова М. А. 1867 г............................ 1 п.
153) Фойста А. 1866 г............................... 1 п.
154) Фьеръ-Форъ 1875 г............................. 1 п.
155) Хана М. 1867 г................................. 2 п.
156) Харченко Аделаиды 1867 г...................... 1 п.
157) Харченко Михаила 1866 г....................... 1 п.
158) Хмельницкаго (ред *Р. Слова*) 1859—60 гг..... 3 п.
159) Хорунженка 1876—77 гг......................... 2 п.
160) Циглеръ г-жи Нат. Ник. 1882—83 гг............. 6 п.
161) Чаева Н. А. 1873—84 гг........................ 29 п.
162) Четверикова 1866—67 гг........................ 2 п.

163) Шамониныхъ жены, мужа, сына, дочери,—годы большею частію вовсе неозначены, 1860, 63, 66, 68, 70, 79, 80, 83 иные годы поставлены по догадкамъ .... 25 п.

164) Шеншиной Евг. 1862 г........................... 3 н.
165) Шонишова 1849 г................................ 1 п.
166) Штакенигнейдеръ С. 1882—83 гг.................. 5 п.
167) Шумскаго свящ. 1866—68 гг...................... 7 п.
168) Яковлевыхъ 1877 г.............................. 1 п.
169) Яполотскаго старшины 1872—75 гг................ 5 п.
170) Ястремскаго, свящ. (безъ даты).................. 1 п.
171) Яшъ Ф. и Е. 1848—55 гг......................... 9 п.

172)—176) Четырехъ неизвѣстныхъ лицъ, въ томъ числѣ письмо изъ Кикиненза, съ планомъ г. Ялты, секретаря редакціи *Москвы* и *Москвича* 1868 г..........................

177—181) При ея піесѣ „Кража Невѣсты“ находятся письма Вельяминова, Вильде, Жулевой (два), Никулиной, Родиславскаго (?), Самарина, относящіяся къ 1873—1874 гг... 7 п.

V. Фамильныя бумаги.

(*Грамоты и разныя бумаги Сохансшихъ и родственныхъ имъ фамилій*).

1) Три грамоты (современныя копіи) царей Михаила Ѳедоровича, Іоанна и Петра Алексѣевичей

2) Формулярный списокъ о службѣ Степана Соханскаго 1805 г. и 1826 года и копія послѣдняго (онъ умеръ 21 мая 1826 г.).

3) Указъ о дворянствѣ Соханскихъ 1829 г. Справки.

4) Аттестатъ Соханскому 1815 г.

5) О родѣ дворянъ Соханскихъ (Родоначальникъ ихъ Демьянъ былъ изъ польскихъ дворянъ и былъ въ Малороссіи священникомъ).

6) Грамоты императора Александра I о производствѣ Соханскаго въ корнеты, въ поручики, въ штабъ-ротмистры и ротмистры 1817, 1818 и 1821 гг.

7) Документы Петра Соханскаго и метрическія свидѣтельства его и сестры и брата. Рожденіе Надежды Степановны показано въ метрикѣ 1823 года.

8) Копія прошенія Мих. Гр. Лохвицкаго и жены его Жозефины Осиповны 1831 г. генв 26.

9) Письма разныхъ лицъ къ Ст. Павл. и Варв. Гр.

10) Письма къ другимъ лицамъ неизвѣстнымъ.

11) Межевая запись 1848 г мая 6.

12) Свѣдѣніе посреднику Ковалевскому отъ Петра Соханскаго, 1847 года.

13) Бумаги по выкупной ссудѣ. Окладные листы.

14) Уставная грамота и актъ 1861 г. ноября 28 (нѣкоторыя бумаги писаны самою Н. С. Соханскою).

15) Планъ деревни Каменки.

16) Вводный листъ на деревню Макаровку и о крестьянахъ ея (1834 и 1853 гг.).

VI. Разныя бумаги, касающіяся одной Н. С. Соханской.

1) Свидѣтельство короченскихъ помѣщиковъ объ ея ученіи 1832 г.

2) Медицинское свидѣтельство о здоровьѣ, 1832 г.

3) Письмо Екатерины Осип. Соханской къ матери Надежды Степановны объ отдачѣ ея въ институтъ, 1834 г.

4) Копія аттестата изъ института.

5) Аттестатъ изъ института, 1840 г.

6) Приходная тетрадка (перечень гонорара за три повѣсти).

7) Дипломъ на званіе почетнаго члена въ Моск. Обществѣ Любит. Росс. Словесности 22 окт. 1860 г., за подписью Погодина и Лонгинова.

8) Дозволеніе посѣтить Эрмитажъ и Зимній Дворецъ.

9) Отчетъ по напечатанію повѣстей ея, 1863 г.

10) Отношеніе къ ней Савинскаго волостнаго правленія, 1866 г.

11) Вѣрящее письмо ей отъ матери на управленіе имѣніемъ 1870 г.

12) Условіе ея съ прикащикомъ Корытнымъ 1870 г.

13) Довѣренность матери, засвидѣтельствованная мировымъ судьей, на управленіе имѣньями, 1871 г.

14) Росписка въ уплатѣ денегъ ею Бериговой 1871 г.

15) Прошеніе ея по дѣлу ручательства матери ея за Литвинова 1872 г. февраль.

16) Прошеніе ея по тому же дѣлу 1872 г. окт.

17) Прошеніе объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства по смерти матери, 1873 г. авг.

18) Опись построекъ въ ея хуторѣ, 1874 г.

19) Условіе ея съ Отцовичемъ—арендаторомъ, 1874 черновое и засвидѣтельствованная копія.

20) Повѣстка ей о вводѣ во владѣніе 1874 г. іюль.

21) Условіе съ иконописцемъ Рыжковымъ, 1879 г.

22) Отношеніе управляющаго почтовою частію въ Харьк. губерніи, 1880 г.

23) Разныя мелочи: Способъ рисованія, Медицинскія средства въ разныхъ случаяхъ и пр.

24) Разные счеты.

24) Бумаги по Яполотскому братству (здѣсь ея приходо-расходная книга по Яполотскому братству, вѣрнѣе сказать—*4 страницы*; росписки и квитанціи въ полученіи отъ нея денегъ; вѣдомости о приходѣ и расходѣ суммъ по селеніямъ; черновыя письма ея преосвященному, М. А. Тулову, Яполотскому братству, волостному правленію, Стасюку; особые совѣты и наставленія Жеребьевому,—такъ, на постройку колокольни въ с. Яполоти). Всѣ прочія письма см. въ отд. IV.

VII. Печатныя ея сочиненія.

1) „Любила", повѣсть, вырванныя страницы изъ *Библ. для Чтенія,* 1858 г. 8°, 86 стр.

2) „Давняя встрѣча", оттискъ изъ *Дня* 1862 г. 16° 48 г.

3) „Сумеречные разсказы", (*Русь*, 1885 г. № 7).

4) Отрывокъ „автобіографіи", начатый печатаніемъ въ Кіевѣ, 1891 г., 8° 184 стр.

5) „Рой Θеодосій Саввичъ на спокоѣ", чуть-ли не единственный оттискъ, собственно для автора.

6) „Просьба" (1866 г.) четыре экземпляра [1].

VIII. Пѣсни народныя, собранныя или записанныя ею.

1) Тетрадь пѣсенъ: „Старинныя пѣсни, 4°, 56 стр.

2) „Старинныя русскія пѣсни", тетрадь, 4° 41 стр.

---

[1] Изъ ея библіотеки уцѣлѣло только пять брошюръ графини А. Дм. Блудовой о Кирилло-Меθод. братствѣ.

3) Тетрадь пѣсенъ. „Протяжныя“ въ б. 4°, иныя страницы въ два столбца на почтовой разноцвѣтной бумагѣ, 49 стр.

4) Тетрадь пѣсенъ и калядокъ, записанныхъ большею частію тетей Н. Ст—ны. (4° 24 стр.) и отчасти самою Н. С—ною.
5—16) Пѣсни, записанныя Н. С—ною на отдѣльныхъ листкахъ.

IX. Разные предметы.

1) Фотографическія карточки: самой Надежды Степановны, А. В. Плетневой, двухъ сыновей ея, г-жи Іорданъ, Талантова, священника Шумскаго, мужа и жены Боголюбовыхъ.

2) Визитныя карточки игуменіи Каллиссты, Беклемишева, Головкина, князя Вл. Ѳ. Одоевскаго, Ст. Вл. Смирнова, Погодина.

3) Телеграмма Т. Б. Потемкиной отъ Императрицы М. А., *съ поклономъ Кохановской.*

4) Два снимка Острожскихъ развалинъ, два проекта церкви и два листа старой гербовой бумаги, чистые.

X. Проза и стихи разныхъ лицъ (рукописи).

1) *Аксакова И. С.* Рѣчь въ засѣданіи Славянскаго Благотвор. Общества, 22 іюня 1878 г. (напечатана въ 1 книгѣ его сочиненій, 1886 г., стр. 297—308).

2) *Аксакова И. С.* Стихотворенія въ изгнаніи 1878 г., въ деревнѣ Варварино (напеч.).

3) Выписки изъ *Балинскаго*, въ пяти тетрадяхъ 4° 89 листковъ.

4) *Герцена.* Москва и Петербургъ, 4° 11 стр (напечат.).

5) *Козлова И. И* Венеціянская ночь (напечат.).

6) *Курскаго* (Николая Маркова) Возраженіе на статью г. Порѣчникова (Н. Д. Хвощинской) въ *Отеч. Записк.* 1862 г. № 1, „Византійскій паѳосъ или повѣсть Кохановской „Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова“.

7) Копія письма имп. *Николая* къ графу М. А. Милорадовичу, 1825 г. 14 дек.

8) *Остапенко*, стихотвореніе по случаю 900 лѣтъ крещенія народа въ Кіевѣ (печат.).

9) *Петренка*, стих. „Дивлюсь я на небо“ (напеч.).

10) *Погодина:* 11 мая 1866 г. стих.

11) *Пушкина А. С.* Молитва и „Свободы сѣятель пустынный“ (напечатано).

12) *Родиславскаго В.* Авторскія права на сценическія произведенія (напеч. въ *Р. Вѣстникѣ*).

13) *Толстаго графа А. К.* Сокращенная Русская Исторія отъ Гостомысла до Тимашева, стих. (было напечатано въ *Русской Старинѣ* 1883 т. 40).

14) *Тургенева И. С.* Крокетъ въ Виндзорѣ, стих. (тоже было напечатано въ *Р. Старинѣ*).

15) *Миллера Ор.* М. Г. Черняеву, стих.
16) *Шевченка* „Кавказъ", стих. (напечат.).
17) *Янчевецкаго*, чешскаго свящ. Рѣчь при освященіи народной школы въ с. Мирогоизи, съ переводомъ на р. языкъ.
18) *Іюзефа Венцеслава Свободы.* Рѣчь...
19) Исторія чешской литературы. двѣ тетради 4° 24 и 4 стр.
20) Записка о жизни прот. А. Самборскаго.
21) Выписка изъ писемъ прот. А. Самборскаго.
22) Извлеченіе изъ „Исторіи ученыхъ, писателей"... составленной въ Женевѣ: преосв. Макарій архіеп. Харьковскій, въ листъ, 8 стр. (1864 г.).
23) Историческая записка о Святогорскомъ монастырѣ. Въ листъ, 9 стр.
24) На юбилей пѣвца, стих. неизвѣстнаго, 3 стр. (Объясненіе надо искать въ письмахъ *Плетневой).*
25) Свадебный романъ, 2 стр.
26) Лѣкарство отъ холеры, стих., 1 стр.
27) Философскій словаръ, 4°, 7 стр.
28) Неизвѣстнаго: рукопись о сельскомъ хозяйствѣ, въ листъ, 67 стр.
29) Того же—объ окружныхъ судахъ. Въ листъ, 18 стр.
30) О скотоводствѣ въ Россіи и его обезпеченіи,—мнѣніе, поданное предводителю дворянства Изюмскаго уѣзда Ив. Вас. Малиновскому. Въ листъ, 33 стр. и девять отд. листовъ.

XI. Приложеніе къ описи.

Хронолигическій списокъ печатныхъ сочиненій Н. С. Соханской.

(Матеріалъ для изданія полнаго собранія).

1840 г.

Литературная дѣятельность Н. С. Сохански начaлась еще въ Харьковскомъ институтѣ, гдѣ ею было написано—

1) „Прощальное стихотвореніе, на выпускной актъ харьковскаго института", и, вѣроятно, напечатано, хотя въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, или вошло, по крайней мѣрѣ, въ отчетъ объ институтѣ за этотъ годъ. Во всякомъ случаѣ, оно должно храниться при дѣлахъ института, и его слѣдуетъ найти и напечатать.

1844 г.

2) „Маіоръ Смагинъ", повѣсть, *Сынъ Отечества*, № 6 (значительно измѣненная и сокращенная редакторомъ Масальскимъ, какъ видно изъ писемъ Н. С.).

1848 г.

3) „Графиня Д***", пов. *Отеч. Записки*, т. 61, № 12, смѣсь, стр. 333; подпись—*Надежда****.

1849 г.

4) „Первый шифръ“, пов. *С.-Петерб. Вѣдомости*, № 154, іюля 14. Продолженіе сильно исчеркалъ цензоръ Елагинъ; его надо искать въ ноябрѣ 1849 г. и февралѣ 1850 г. (За три фельетона „Перваго Шифра“ Соханская получила 34 р., да за февральскіе 1850 г. 87 р.).

1850 г.

5) „Сосѣди“, пов., *Современникъ*, т. 24, № 12, стр. 161—244; подпись—*Надежда*... Напечатано съ большими перемѣнами и сокращеніями противъ рукописи, особенно во 2 части (Гонораръ по 25 р. съ листа, всего 125 р.).

1851 г.

6) „Вотъ случай“! *С.-Петерб. Вѣдомости* №№ 8 и 10. (Гонораръ 50 р.).

1854 г.

7) „Письмо изъ деревни“ (о слухахъ и легендахъ о наступившей войнѣ, слагавшихся и ходившихъ въ народѣ) *С.-Петерб. Вѣдомости* №№ 91 и 125; подпись—„Макаровская“.

1856 г.

„Гайка“, пов. часть *первая*, *Пантеонъ*, № 6.

1857 г.

9) „Сцены мира“ (игранныя на домашнемъ театрѣ), драматизированный разсказъ, *Сынъ Отеч.* № 1 (гонораръ отъ Старчевскаго 69 р.).

1858 г.

10) „Любила“ (маленькая исторія) *Библ. для Чт.* № 7.

11) „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, *Русск. Вѣстникъ* № 16, августъ, книга 2, стр. 641—696. И начало и окончаніе повѣсти сильно сокращены. Редакція заплатила по 75 р. за листъ, всего 262 р.

1859 г.

12) „Изъ провинціальной галлереи портретовъ“, *Русскій Вѣстн.* № 5, мартъ, кн. 1, стр. 61—заплачено по 100 р. за листъ, всего 600 р.

13) „Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина“ (критическій этюдъ), *Русск. Бесѣда* № 5, отд. III, стр. 11—84. Въ началѣ статьи „Письмо въ редакцію одного изъ петербургскихъ журналовъ“ (*Библ. для Чт.*). Были и отд. оттиски статьи, М. 1859 г. 8° 74 стр.

14) „Отвѣтъ г. Г—ву“ (Гилярову-Платонову) на его критическій отзывъ о повѣсти „Изъ провинціальной галлереи портретовъ“) *Р. Бесѣда*, кн. 6, стр. 124—152.

1860 г.

15) „Гайка“, пов. Часть первая и вторая, *Русск. Слово*, № 4 (первая часть перепечатана изъ *Пантеона*, въ виду малой его распространенности). Гонораръ отъ редакціи—1.000 р.

16) „Нѣсколько русскихъ пѣсенъ“ (записанныхъ въ Старооскольскомъ уѣздѣ, Курской губ.), *Р. Бесѣда* № 1, стр. 91—132, съ примѣчаніемъ редакціи (точнѣе—Хомякова, см. его сочиненія, М. 1861 г., т. 1, стр. 490—494).

17) „Остатки боярскихъ пѣсенъ“, *Р. Бесѣда*, кн. 2, стр. 71—142.

1861 г.

18) „Сличеніе нѣсколькихъ русскихъ пѣсенъ“, *Воронежская Бесѣда*, стр. 381—400.

19) „Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова, пов. *День*, №№ 1—9.

20) „Письмо съ хутора изъ Малороссіи“, *День*, № 3.

21) „Черты изъ нашей народности“ (записано въ 1850 г.) Холера.—Каменныя бабы. *Русск. Рѣчь*, № 41, стр. 397—601.

1862 г.

22) „Старина“, семейная память, *Отеч. Записки*, № 3, стр. 209—246 и № 4, стр. 355—390. Гонораръ 150 р. съ листа, всего 767 рублей. Въ рукописи осталась цѣлая глава, печатаемая въ настоящей книгѣ *Русскаго Обозрѣнія*—1898, № 1).

23) „Письмо съ хутора“, *День*, № 13.

24) „Давняя встрѣча“, маленькое воспоминаніе, *День*, №№ 20 и 21; были отд. оттиски, 16°, 48 стр.

25) „Замѣтка объ Ольриджѣ“, *День*, № 39.

1863 г.

26) „Повѣсти Кохановской“, М. 1863 г., двѣ части. Въ типографіи Бахметева, 8°, 267 и 318 стр. Сюда вошли—въ 1-ю часть: „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, „Изъ провинціальной галлереи портретовъ“, „Старина“; во 2-ю часть: „Гайка“, „Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова“, „Давняя встрѣча“. Изданіе 2.400 экз. стоило 1.067 р. 37 к.; выручено 930 р. 30 к.

27) „Изъ хутора“, *День*, № 22.

1864 г.

28) „Рой Ѳеодосій Саввичъ на спокоѣ“, *День*, №№ 5—13 и 15. Гонораръ по 200 р. съ листа, всего 1.300 р.

29) „Письмо съ хутора“, *День*, № 30.

30) „Слава Богу!“ Замѣтка о Бѣловодскихъ старообрядцахъ, *День*, № 38.

31) „Съ хутора“. Письмо о св. горахъ, *День*, № 41.

1865 г.

32) „Вѣсти съ хутора“, *День*, № 36.

33) „Просьба“ (о пожертвованіяхъ для борьбы народа съ еврействомъ въ Юго-западномъ краѣ, объ устройствѣ братствъ), *День*, № 52; перепечатано въ сборникѣ Погодина *Утро*, М. 1866 г., стр. 422, въ *Харьк. Губ. Вѣд.*, въ *Херс. Епарх. Вѣд.* и многихъ другихъ.

1866 г.

34) „Письмо изъ Волынской губерніи“, отъ 30 окт. 1865 г., въ брошюрѣ „Извѣстіе о Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ въ г. Острогѣ“, М. въ Синод. типогр. 1866 г., стр. 33—37.

35) „Письмо въ Кир.-Меѳод. Братство, изъ Макаровки“, отъ 27 января 1866 г., въ *Спб. Вѣд.* № 125, отчетъ Кир.-Меѳод. Братства и въ отд. брошюрѣ „Извѣстіе объ Острожскомъ Свято-Кир.-Меѳод. Братствѣ“ (оттискъ изъ *Спб. Вѣд.*).

1867 г.

36) „Поѣздка на Волынь“, *Москва*, газета И. С. Аксакова, №№ 67, 68 и 70.

37) „Что есть теперь Острогъ?“ *Москва*, № 76.

38) „Великій Острогъ“, *Москва*, № 82.

39) „Еврейская привиллегія“, *Москва* 1867 г., № 84, іюля 15 (см. указаніе на эту статью въ соч. Аксакова III, 712).

40) „Возможно ли возстаніе Великаго Острога?“ *Москва*, № 100

41) „Межиричи“, *Москва*, № 134.

42) „Къ дѣлу о еврейскихъ привиллегіяхъ“, *Москвичъ*, газета И. С. Аксакова 1867 г., № 5, дек. 31. (Корреспонденціи за этотъ годъ доставили автору 185 р.).

1870 г.

43) „Письмо къ предсѣдателю Рижскаго Русскаго Благотворительнаго Общества“, *Моск. Вѣд.*, № 214, октября 7.

1871 г.

44) „Слава Богу, что мужъ лапоть сплелъ“, комедія, попытка въ пользу народнаго театра, *Заря*, журналъ В. Кашпирева, № 1, стр. 87—132. (Для театра пьеса озаглавлена: „Добро, что мужикъ лапоть сплелъ“, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, и дозволена для сцены съ исключеніями. (Указатель по дѣламъ печати 1874 г., стр. 35).

1872 г.

45) „О русской пѣснѣ“. Письмо къ И. С. Аксакову. *Гражданинъ* (Сборникъ), кн. 1, стр. 1—14. Гонораръ отъ кн. Мещерскаго 122 р.

1874 г.

46) „Кроха словеснаго хлѣба“, *Складчина*, литературный сборникъ, стр. 657—686.

47) „Кража невѣсты“, драматическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ, дозволена для сцены, съ исключеніями. (Указатель по дѣламъ печати, стр. 85); но гдѣ напечатана (и даже напечатана ли), не знаемъ. За семь первыхъ представленій піеса доставила театру 15.104 р. 50 к., а самому автору—398 р. 82 к.

1877 г.

48) „Севастопольскія воспоминанія“, *Русскій Міръ*, №№ 36 и 37.

49) „Вопросъ дня“, *Русскій Міръ* (май или начало іюня).

50) „Къ дѣлу о восточномъ займѣ“, *Русскій Міръ*, № 252, сент. 16. (Гонораръ за 1877 г. отъ ред. *Русскаго Міра*—262 руб. 20 коп.

1879 г.

51) (? О точномъ заглавіи надо справиться) *Русскій Міръ*, №№ 28 и 32.

1880 г.

52) Изъ переписки ея видно, что она участвовала и въ газетѣ кн. Демидова *Россія*, при редакціи Л. Спичакова, и получила гонораръ 13 р. 44 к.; но что это за статья была или корреспонденція,—намъ, по рѣдкости газеты, неизвѣстно.

1881 г.

53) „Письма къ редактору *Руси*“—И. С. Аксакову, *Русь*, №№ 21, 24.

54) „По вопросу о волостныхъ судахъ“. Съ хутора Макаровки. *Русь*, № 39, авг. 8, стр. 14.

55) „Хуторскій разсказъ“, безъ комментаріевъ, *Русь*, № 54.

1884 г.

56) Письмо въ редакцію *Гражданина* и при семъ „Письма къ гр. Л. Н. Толстому по поводу его „Исповѣди“, *Гражданинъ*, №№ 8, 9, 10 и 11.

57) „Нѣсколько словъ *Новому Времени*“, *Гражданинъ*, № 22, мая 27, стр. 9.

(3 декабря 1884 г. Н. С. Соханская скончалась. Послѣ смерти ея напечатаны еще слѣдующія ея произведенія):

1885 г.

58) „Автобіографическое письмо къ пріятельницѣ“ (А. В. Плетневой), *Русск. Архивъ*, вып. 4, стр. 631.

59) „Письмо къ волынскому священнику“, *Новое Время*, лѣтній нумеръ, въ фельетонѣ „Русскаго странника“ (Евг. Львова).

60) „Степная барышня 40-хъ годовъ“. Лѣтописное сказаніе къ роману „Степная барышня“, *Русь*, № 3 (стр. 10—13), № 4 (стр. 9—12), № 5 (стр. 9—12) и № 6 (стр. 7—10). Въ газетѣ напечатано только лѣтописное сказаніе къ роману, а самый романъ остается въ рукописи неоконченнымъ.

61) „Сумеречные разсказы“, старое воспоминаніе тетушки, *Русь*, № 7.

Въ этомъ же году А. С. Суворинъ въ своей *Дешевой Библіотекѣ* издалъ три книжечки изъ ея повѣстей „Послѣ обѣда въ гостяхъ", „Кирилла Петровъ" и „Старина", которыя выпустилъ потомъ и вторымъ изданіемъ въ 1891 г.

1889 г.

62—63) „Два письма ея къ А. Ѳ. Вельтману", въ книгѣ Т. Пассекъ „Изъ дальнихъ лѣтъ", III, стр. 296

64) „Изъ писемъ ея къ Погодинымъ", *Русск. Вѣстн.*, № 10.

1895 г.

65) „Письмо" ея въ общество распространенія Свящ. Писанія, книжки *Русскаго Паломника*, кн. IV, стр. 277.

1896 г.

66) „Автобіографія", *Русск. Обозр.* №№ 6—19.

1897 г.

67) „Письма ея къ П. А. Плетневу", *Русск. Обозр.*, №№ 1—3.

68) „Переписка ея съ Аксаковыми", *Русск. Обозр.*, №№ 2—12.

1898 г.

69) „Старина. Семейная память. Гл. VI. Дѣдъ мой родной Григорій Ефимовичъ", *Русск. Обозр.*, № 1.

70) „Письмо графу Л. Н. Толстому", *Русск. Обозр.*, № 1. Печатано съ рукописной тетради, хранившейся въ бумагахъ И. С. Аксакова, а потомъ—въ семейномъ архивѣ Тютчевыхъ. Ранѣе, по другому списку, напечатано самою Н. С. Соханскою (*Гражд.* 1884 г., №№ 8—11).

71) „Сорочья кашка" (Дѣтскаа игра), *Русск. Обозр.* № 1.

XII. Отзывы русской печати о сочиненіяхъ Н. С. Соханской.

1849 г.

1) О повѣсти „Графиня Д***", *Современникъ* № 1, смѣсь, письма иногородняго подписчика, стр, 46; перепеч. въ сочиненіяхъ *Дружинина*, Спб. 1865 г., VI, 17.

1850 г.

2) Въ письмахъ *Плетнева* къ Жуковскому объ ея „Автобіографіи", отъ 4 марта 1850 г., *Русск. Архивъ* 1870 г., столб. 1304—1305; этотъ отзывъ и другіе отзывы Плетнева о Соханской перепечатаны въ его сочиненіяхъ, Спб. 1885 г., т. III, стр. 418, 490, 622 и 641, и полнѣе въ *Русск. Обозр.* 1896 г., № 6, стр. 469—475.

1856 г.

3) *Сынъ Отечества* №№ 29 и 30, статьи *Вл. В. Зотова* о повѣсти „Гайка" (а Старчевскій ихъ себѣ приписывалъ).

1858 г.

4) О повѣсти „Послѣ обѣда въ гостяхъ", статья *К. С. Аксакова*, *Русск. Бесѣда*, IV, стр. 141—144.

1859 г.

5) О той же повѣсти, статья *Д. И. Писарева*, *Разсвѣтъ*, журналъ В. Кремнина, № 5, библіографія, стр. 59—66; въ сочиненіяхъ Писарева не перепечатана.

6) О томъ же, *Утро* 1859 г., въ статьѣ *Б. Н. Алмазова*, стр. 78—83.

7) О томъ же, *Русское Слово* 1859 г., № 12, критика, стр. 1—36, статья *М. Ѳ. Де-Пуле*.

8) О повѣсти „Изъ провинціальной галлереѣ портретовъ", статья *Н. П. Гилярова-Платонова*, *Русская Бесѣда*, № 3, стр. 65—68.

9) О томъ же, *Спб. Вѣдом.*, № 220.

10) О статьѣ „Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина", исторія Русской Словесности, *Шевырева*, второе изданіе, 1859 г., ч. I, стр. XVII—XVIII.

11) О томъ же, сочиненія кн. *П. А. Вяземскаго*, т. X, 1886 г., стр. 228—229.

1860 г.

12) О повѣсти „Гайка", *Дамскій Вѣстникъ*, № 2, стр. 234—246.

13) О томъ же, статья *Н. Соколовскаго*, *Свѣточъ* № 6, стр. 1—45.

14) Отзывъ *Хомякова* о ея талантѣ, *Русская Бесѣда* № 1, стр. 31, перепечат. въ соч. Хомякова, I, 702.

1861 г.

15) О ея статьяхъ о русскихъ пѣсняхъ, *Моск. Вѣд.*, № 263, перепеч. въ сочиненіяхъ *А. А. Котляревскаго*, т. I, стр. 506—507.

16) По поводу статьи „Остатки боярскихъ пѣсенъ", *Время*, № 4, стр. 163—187.

17) О ея повѣстяхъ вообще, статья *А. А. Григорьева*, *Время*, № 9, стр. 20—34. „Явленія современной литературы, пропущенныя нашею критикой".

1862 г.

18) О повѣсти „Кирилла Петровъ", *Отеч. Записки*, № 1, стр. 344—375, статья *В. Порѣчникова* (псевдонимъ Н. Дм. Хвощинской-Заіончковской).

19) О томъ же, соч. Григорьева, т. I, стр. 616.

20) О статьѣ „Сличеніе нѣсколькихъ русскихъ пѣсенъ", *Основа*, № 2, стр. 87—100, *Л. М. Жемчужникова*.

1863 г.

21) „О повѣстяхъ ея въ изданіи 1863 г.", *Библіотека для Чтенія*, № 7, отд. 2, стр. 1—40, статья *В. О—скаго* (Острогорскаго).

22) О томъ же, *Голосъ*, № 60, стр. 237.

23) — *Иллюстрація*, №№ 256—258.

24) — *Книжный Вѣстн.*, № 9, стр. 159.

25) О томъ же, *Отеч. Зап.*, № 7, отд. 3, стр. 31—58.

26) — *Русск. Слово*, № 3, отд. 2, стр. 32—40, „Одинъ изъ цвѣтковъ на славянофильской почвѣ".

27) О томъ же, *Спб. Вѣдом.*, №№ 172 и 173, статьи *П. В. Анненкова*, перепечатано въ его книгѣ „Воспоминанія и критическіе очерки", Спб. 1879 г., отд. II, стр. 303—313 (302).

28) *Современникъ*, № 9, стр. 67—83.

1864 г.

29) О томъ же, *Библ. для Чт*, №№ 4 и 5 ст. *Е. Э. Эдельсона*. Нѣчто было и объ „Роѣ" въ № 6 или 7.

30) „Семейные вечера", *Старшій возрастъ*, № 6, ст. *Елис. Л—й* (Ладыженскій).

31) О повѣсти „Рой Ѳеодосій Саввичъ на спокоѣ", *День* №№ 23—26, письмо Н. Б. (Бицина), то-есть *Н. М. Павлова*, перепечатано въ книгѣ его „Наше переходное время",

32) О статьѣ „Слава Богу", замѣтка *Н. С—на* (Субботина), *Рус. Вѣстн.*, № 9.

1868 г.

33) A. N. Kochanowska, съ портретомъ ея, *Kvety*, *Praga*, № 24.

34) Отзывъ *И. С. Тургенева* въ его романѣ „Дымъ", въ отд. изданіи, М. 1868 г, стр. 39, 115.

1870 г.

35) *Моск. Вѣдом*, № 230.

1873 г.

36) О комедіи „Слава Богу, что мужъ лапоть сплелъ", *Моск. Вѣдом.*, № 321, *М. П. Погодина.*

1874 г.

37) О драматическомъ представленіи „Кража невѣсты", *Голосъ*, январьскіе нумера.

38) О томъ же, *Биржев. Вѣдом*, № 34, февр. 5.

1876 г.

39) *Недѣля*, № 21, статья *М. Цебриковой.*

1884 г.

40) О ея письмахъ къ гр. Л. Н. Толстому, *Новое Время*, іюня 1, фельетонъ *В. Буренина.*

1885 г.

41) *Новороссійскій Телеграфъ*, № 3.239, декабря 29, *Маріи М.* По поводу отповѣди графу Л. Толстому.

1886 г.

42) „Дневникъ Писателя", *Аверкіева*, № 2, стр. 53.

1890 г.

43) *Скабичевскаго*. Исторія литературы.

1891 г.

44) „Женское творчество", *Русская Мысль*, № 2, М. Протопопова.

1896 г.

45) „П. А. Плетневъ и Н. С. Соханская", *Русское Обозрѣніе* № 6, стр. 475.

XIII. Некрологи и библіографія.

1) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1884, дек. 15, стр. 3, столб. 2.

2) *Русь*, 1884, № 24, стр. 12—13. Здѣсь же нѣсколько словъ изъ послѣдняго письма Сохансной.

3) *Гражданинъ*, 1884, № 52, стр. 3—5. „Поэтъ отживающаго быта“; тамъ же, стр. 23, въ Дневникѣ кн. Мещерскаго.

4) *Московскія Вѣдомости*, 1884, №

5) *Россія*, 1884, № 48, Н. Аксакова.

6) *Современныя Извѣстія*, № 341.

7) *Русскій Архивъ*, 1885, вып. 4, стр. 629—637.

8) *Женское Образованіе*, 1885, №№ 1, 6—7, *Н. Познякова*, стр. 87—90 и 463—474.

9) *Живописное Обозрѣніе*, 1885, №№ 3 и 5, *П. Быкова*, съ портретомъ Н. С., стр. 33 и 65—68.

10) *Еженедѣльное Обозрѣніе*, 1885, № 58, *П. Быкова*.

11) *Нива*, 1885, № 6, стр. 146, съ портретомъ.

12) *Иллюстрація*.

13) *Новь*, 1885, кн. 1, стр. 328.

14) *Новости*, 1885, № 3.

15) *Историческій Вѣстникъ*, 1885, п. 1, стр. 226.

16) *Харьковскій Сборникъ*. Приложеніе къ „Харьковскому Календарю“ на 1887 г., стр. 147—151.

17) *Д. Д. Языкова* „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, выпускъ 4, М. 1888, стр. 81—83.

18) „Библіографическій словарь русскихъ писательницъ“, кн. *Н. Н. Голицына*, 1889, стр. 233—236.

19) „Наши писательницы“ (дополненіе къ Словарю кн. Голицына). Сборникъ Отд. Р. Языка и Словесности, 1891 г., т. 52. Отд. изд. Спб. 1891, стр. 56, С. *Пономарева*.

XIV. Переводы ея произведеній.

Вотъ отдѣлъ, который всего менѣе извѣстенъ намъ, по рѣшительному отсутствію всякихъ книжныхъ пособій въ глухомъ городкѣ, въ которомъ пишутся эти строки. Даемъ, что можемъ.

1) Повѣсть ея „Кирилла Петровъ“ переведена на французскій языкъ *княгиней Долгоруковой* (*Русскій Архивъ*, 1866, № 2, стр. 260).

2) „Кроха словеснаго хлѣба“ переведена на франц.

3) На нѣмецкій языкъ переводила нѣкоторыя ея повѣсти *Ан. Як. Чеснокъ*, въ Дрезденѣ, 1870 г.

4) О переводѣ ея повѣстей на италіянскій языкъ извѣщалъ въ своихъ лекціяхъ *Де-Губернатисъ*.

Ст. Пономаревъ.

ИСТОРІЯ ДУЭЛИ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА СЪ Н. С. МАРТЫНОВЫМЪ.

Прошло уже болѣе полустолѣтія со дня роковой дуэли М. Ю. Лермонтова съ покойнымъ отцомъ моимъ Николаемъ Соломоновичемъ Мартыновымъ, но до сихъ поръ извѣстенъ лишь поводъ къ этой дуэли—столкновеніе ихъ на балу у Верзилиныхъ, въ Пятигорскѣ, лѣтомъ 1841 года, но самая сокровенная причина ея, а также и то обстоятельство, на комъ лежитъ главнымъ образомъ отвѣтственность въ допущеніи этой дуэли, донынѣ печатью не установлены.

Въ 1869 году отецъ мой получилъ отъ редактора журнала *Русская Старина* Семевскаго письмо, въ которомъ тотъ приглашалъ его высказаться по поводу этой дуэли.

На это отецъ 30 ноября 1869 года отвѣчалъ:

„Не смотря на все мое желаніе сдѣлать что либо для Васъ пріятное, самое простое чувство приличія не дозволяетъ мнѣ исполнить просьбу Вашу.

„Именно потому, какъ Вы выразились въ письмѣ Вашемъ, что злой рокъ судилъ мнѣ быть орудіемъ воли Провидѣнія, въ смерти Лермонтова, я уже считаю себя не въ правѣ вымолвить хотя бы единое слово въ его осужденіе, набросить малѣйшую тѣнь на его память,—принять же всю нравственную отвѣтственность этого несчастнаго событія на себя одного я не въ силахъ. Изъ числа его современниковъ есть еще весьма многіе въ живыхъ: между прочимъ укажу Вамъ на князя Александра Илларіоновича Васильчикова, который зналъ Лермонтова такъ же хорошо, какъ я самъ, былъ секундантомъ въ нашей дуэли и, вѣроятно, не откажется сообщить Вамъ о ней всѣ подробности, а равно и объ обстоятельствахъ, ей предшествовавшихъ“.

По просьбѣ Семевскаго, князь Васильчиковъ рѣшился наконецъ прервать свое почти тридцатилѣтнее молчаніе—и въ 1870 году помѣстилъ въ журналѣ *Русскій Архивъ* статью, въ которой между прочимъ высказался, что „Лермонтовъ самъ, можно сказать, напросился на дуэль и поставилъ своего противника въ такое положеніе, что онъ не могъ его не вызвать“, и далѣе: „этотъ печальный исходъ [1] былъ почти неизбѣженъ при строптивомъ, безпокойномъ его характерѣ и при непомѣрномъ самолюбіи и при преувеличенномъ чувствѣ чести (point d'honneur), которое удерживало его отъ всякаго шага къ примиренію“.

О самыхъ же причинахъ роковой дуэли отца съ Лермонтовымъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ она произошла, а также о своемъ личномъ участіи въ дѣлѣ—князь Васильчиковъ ни тогда, ни послѣ не проронилъ ни единаго слова.

Отецъ скончался въ 1875 году, а Васильчиковъ 2 октября 1881 года, не напечатавъ до самой смерти своей ничего, кромѣ вышеупомянутой статьи, по настоящему дѣлу.

Живо помню, какъ отецъ, прочитавъ статью Васильчикова, воскликнулъ: „Видно, и его мучитъ совѣсть; видно, и ему нелегко“.

Зная отъ покойнаго отца много подробностей, касающихся этой дуэли, небезъинтересныхъ для читающей публики, считаю своимъ долгомъ разъяснить въ печати истинныя обстоятельства, при которыхъ произошло это несчастное событіе.

Покойный отецъ мой при жизни всегда находился подъ гнетомъ угрызеній совѣсти своей, терзавшей его воспоминаніями объ его несчастной дуэли, о которой онъ вообще говорить не любилъ, и лишь въ Страстную недѣлю, когда онъ обыкновенно говѣлъ, а также 15 іюля, въ годовщину своего поединка, онъ иногда разсказывалъ намъ болѣе или менѣе подробно исторію его.

Особенно памятно мнѣ 15 іюля 1872 года, когда онъ, отслуживъ въ нашемъ подмосковномъ имѣніи, селѣ Знаменскомъ, обычную паннихиду по „боляринѣ Михаилѣ“, вечеромъ долго гулялъ со мною въ саду и передалъ мнѣ подробныя свѣдѣнія объ исторіи своей дуэли, которыя я нынѣ, въ виду молчанія князя Васильчикова до самой своей смерти, считаю необходимымъ огласить.

[1] Т. е., дуэль.

Отецъ, прочитавъ записки Хвостовой въ журналѣ *Вѣстникъ Европы* за 1869 годъ, 15 іюля этого года началъ писать исторію своей дуэли съ Лермонтовымъ, въ которой между прочимъ выразился: „къ нимъ (запискамъ этимъ) будутъ приложены подлинные документы слѣдственной коммиссіи и наконецъ вся подспудная переписка съ секундантами, которая никогда свѣта не видала, но способна сама пролить не малый свѣтъ на темныя стороны этой дуэли".

Записки отца моего, переписка его съ секундантами и документы слѣдственной коммиссіи по дѣлу его дуэли, напечатанные въ *Русскомъ Архивѣ* № 8, 1893 года, съ послѣсловіемъ князя Д. Д. Оболенскаго, котораго одинъ изъ моихъ братьевъ всѣ документы эти просилъ огласить, прошли незамѣченными и нисколько причинъ этой дуэли не разъяснили. Князь Оболенскій, хотя знавшій моего отца, самъ признается въ своемъ послѣсловіи, что никогда не рѣшался разспросить его объ его дуэли, и потому ничего не могъ сказать въ разъясненіе этого горестнаго событія, единственнымъ виновникомъ котораго онъ считаетъ отца моего, при чемъ всячески старается выгородить изъ этого дѣла князя Васильчикова. Не имѣя никакихъ причинъ во что бы то ни стало отстаивать князя Васильчикова и пламенно желая очистить память моего отца отъ тяготѣющаго надъ нею укора, я, согласно его желанію, при жизни имъ неоднократно высказанному, берусь за перо и приступаю къ правдивому изложенію грустной исторіи дуэли его съ Лермонтовымъ.

Семейство отца, живя постоянно въ Москвѣ и имѣя такъ же, какъ и бабка Лермонтова, Арсеньева, имѣнія въ Пензенской губерніи, издавна находилось въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ семьей поэта съ материнской стороны. Неудивительно поэтому, что Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, живя въ Москвѣ въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, часто посѣщалъ домъ моего дѣда, у котораго познакомился съ его дочерьми, при чемъ одна изъ нихъ, Наталья Соломоновна, впослѣдствіи графиня де Турдоне, ему очень нравилась. Когда она была еще одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ, Лермонтовъ въ 1830 году посвятилъ ей стихотвореніе:

Когда поспорить Вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ

и т. д.

Понятно, что когда Лермонтовъ въ 1832 году поступилъ въ школу гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ, куда одновременно съ нимъ помѣщенъ былъ и покойный отецъ мой, почва для ихъ сближенія была уже подготовлена предыдущимъ знакомствомъ ихъ по Москвѣ.

Въ 1834 году они были выпущены—Лермонтовъ корнетомъ въ лейбъ-гусары, а отецъ въ кавалергарды, и съ этого времени въ теченіе трехъ лѣтъ они видались лишь въ обществѣ на великосвѣтскихъ и придворныхъ балахъ, такъ какъ стоянка лейбъ-гусаровъ была, какъ и теперь, Царское Село, а кавалергарды стояли въ Петербургѣ.

Въ 1837 году судьба свела ихъ опять на Кавказѣ, куда Лермонтовъ былъ сосланъ, какъ извѣстно, за стихи свои „На смерть Пушкина", а отецъ перевелся волонтеромъ отъ Кавалергардскаго полка. Лѣтомъ этого года въ Пятигорскъ на воды пріѣхалъ больной дѣдъ мой Соломонъ Михайловичъ Мартыновъ въ сопровожденіи всей семьи своей, въ томъ числѣ и Nathalie, которая въ то время имѣла 18 лѣтъ и сдѣлалась пышною красавицей.

Отецъ въ то время прикомандировался къ Гребенскому казачьему полку, расквартированному въ Червленной станицѣ, и принималъ участіе въ экспедиціи генералъ-лейтенанта Вельяминова за Кубанью.

Какъ-то въ концѣ сентября мѣсяца пріѣзжаетъ къ нему въ отрядъ Лермонтовъ, который, вынувъ изъ бумажника 300 руб. ассигнаціями, объяснилъ ему, что деньги эти присланы ему изъ Пятигорска его отцомъ и находились, вмѣстѣ съ письмомъ Nathalie, въ большомъ конвертѣ, который хранился въ чемоданѣ, украденномъ у него въ г. Тамани цыганкой. „За кого ты меня принимаешь, Лермонтовъ, чтобы я согласился принять отъ тебя деньги, которыя у тебя украли, не знаю, но денегъ этихъ я у тебя не возьму, и мнѣ ихъ не нужно", отвѣчалъ отецъ. „И я ихъ у себя тоже оставить не могу, и если ты ихъ отъ меня не примешь, то я ихъ подарю отъ твоего имени пѣсенникамъ твоего полка", отвѣчалъ Лермонтовъ, и тутъ же, съ согласія отца, послалъ за пѣсенниками, которымъ онъ, выслушавъ лихую казацкую пѣснь, отъ имени отца передалъ эти деньги.

Отецъ изъ Екатеринодара 5 октября 1837 года писалъ своему отцу: „Триста рублей, которые Вы мнѣ послали черезъ Лермонтова, получилъ, но писемъ никакихъ, потому что его обокрали

въ дорогѣ, и деньги эти, вложенныя въ письмѣ, также пропали; но онъ, само собою разумѣется, отдалъ мнѣ свои".

Въ письмѣ этомъ, какъ видно, отецъ мой, не желая, вѣроятно, встревожить дѣда извѣстіемъ, что денегъ отъ Лермонтова онъ не принялъ и что самъ онъ сидитъ безъ гроша, скрылъ отъ него это обстоятельство.

При личномъ свиданіи съ своимъ отцомъ и сестрами отецъ отъ нихъ узналъ, что Лермонтовъ, живя въ Пятигорскѣ и ежедневно видаясь съ ними, какъ-то объявилъ имъ, что ѣдетъ въ отрядъ, гдѣ увидится съ нимъ, а потому просилъ Наталью Соломоновну послать съ нимъ письмо къ брату. Та согласилась и, вложивъ въ большой конвертъ свой Пятигорскій дневникъ и письмо къ брату, передала его своему отцу, спросивъ его, не желаетъ ли онъ что-либо отъ себя прибавить. „Хорошо, принеси мнѣ свое письмо, и я, быть можетъ, еще что-нибудь отъ себя припишу", отвѣчалъ мой дѣдъ, который, зная, что отецъ въ отрядѣ можетъ нуждаться въ деньгахъ, вложилъ въ письмо триста рублей ассигнаціями, при чемъ ни дочери своей, ни Лермонтову объ этомъ ни слова не сказалъ. „Я думаю", сказалъ дѣдъ мой отцу, „что если Лермонтовъ узналъ, что въ письмѣ было вложено триста рублей, то онъ либо ясновидецъ, либо письмо это вскрылъ". По мнѣнію отца, Лермонтовъ, подстрекаемый любопытствомъ узнать, какого о немъ мнѣнія любимая имъ дѣвушка, для которой онъ въ томъ же году написалъ одно изъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Молитва": „Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою"... и т. д., вскрылъ письмо и, найдя, въ немъ 300 руб. денегъ, о которыхъ ни дѣдъ мой, ни его дочь его не предупредили, и видя невозможность скрыть отъ отца этотъ поступокъ, придумалъ разсказъ о похищеніи у него цыганкой въ Тамани шкатулки, а самыя деньги принесъ ему.

Впослѣдствіи, въ 1840 году, Лермонтовъ въ свое оправданіе помѣстилъ въ „Героѣ нашего времени" отдѣльную повѣсть „Тамань", въ которой и описалъ это происшествіе.

Какъ бы то ни было, послѣ этого случая Лермонтовъ, чувствуя себя вполнѣ передъ отцомъ виноватымъ и не желая въ этомъ поступкѣ признаться, сталъ всячески надоѣдать отцу своими сарказмами, такъ что тотъ однажды въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ предупредилъ его, что его насмѣшки онъ выносить можетъ лишь у себя дома или въ кругу товарищей, но не

въ дамскомъ обществѣ; Лермонтовъ тутъ прикусилъ губу и отошелъ, не сказавъ ни слова.

Нѣкоторое время онъ дѣйствительно перестаiъ досаждать отцу своими ядовитыми насмѣшками, но затѣмъ позабылъ предупрежденiе отца и снова принялся за старое.

Лѣтомъ 1841 года отецъ, выйдя въ отставку изъ военной службы, прiѣхалъ въ Пятигорскъ, куда въ то время собралась вся „jeunesse dorée", служившая на Кавказѣ, а также многiе прiѣзжiе изъ Россiи. Были тутъ Васильчиковъ, Браницкiй, Трубецкой, Глѣбовъ, Лермонтовъ, Столыпинъ и многiе другiе.

Время проводили они весело: пикники, балы, рауты, кавалькады и другiя увеселенiя смѣнялись ежедневно.

Изъ барышенъ особенно привлекали вниманiе молодежи дѣвицы Верзилины, дочери пятигорскаго старожила генерала Верзилина. Между ними особенно отличалась своею красотой и остроумiемъ Эмилiя Александровна, которая нѣсколько увлеклась отцомъ, но за которою ухаживали всѣ, въ томъ числѣ и Лермонтовъ. Отецъ жилъ тогда близъ самаго Пятигорска, въ Шотландской колонiи, или, какъ называли ее по-просту, въ Шотландкѣ, гдѣ онъ занималъ красивый домикъ съ садомъ. Иногда Лермонтовъ, утомленный вѣчными пятигорскими кутежами и попойками, прiѣзжалъ къ нему въ Шотландку и, проводя съ отцомъ долгiе часы въ разговорахъ о поэзiи и литературѣ, иной разъ до того засиживался, что просилъ у отца позволенiя у него переночевать.

Въ одно изъ этихъ посѣщенiй отецъ въ шутку ему сказалъ: „Lermontoff, mariez-vous et je ferai mon possible pour vous rendre cocu" (Лермонтовъ, женись, и я постараюсь тебя сдѣлать рогоносцемъ)—„Si mon voeu le plus cher se rèalise, cela vous sera humainemant impossible, mon cher ami", отвѣчалъ Лермонтовъ съ загадочною улыбкой (Если мое самое пламенное желанiе осуществится, любезный другъ, то тебѣ это будетъ физически невозможно). Изъ этихъ словъ отецъ заключилъ, что Лермонтовъ имѣетъ виды на руку его сестры Nathalie, и продолжалъ дружески разговаривать съ Лермонтовымъ. Во время этихъ визитовъ Лермонтовъ въ шутку дѣлалъ различные рисунки съ такимъ талантомъ, что, по словамъ отца, еслибъ онъ не былъ великимъ писателемъ, то легко могъ бы сдѣлаться первоклассньмъ живописцемъ.

Въ это-то время, а не въ 1832 году, какъ ошибочно указано

въ нѣкоторыхъ изданіяхъ сочиненій Лермонтова, имъ написано было шуточное стихотвореніе относительно Верзилиныхъ:

За дѣвицей Emilie
Женихи, какъ кобели,
У дѣвицы же Nadine
Былъ ихъ тоже не одинъ,
А у Груши[1] въ цѣлый вѣкъ
Былъ лишь „дикій" человѣкъ.

Какъ-то въ послѣднихъ числахъ іюня или въ первыхъ числахъ іюля на вечерѣ у Верзилиныхъ Лермонтовъ и отецъ, какъ обыкновенно, ухаживали за Эмиліей Александровною.

Отецъ имѣлъ привычку, когда приходилось стоять, браться рукой за кинжалъ, обязательную принадлежность кавказскаго казачьяго костюма, который отецъ, только что вышедши изъ Гребенскаго полка, продолжалъ носить.

Поговоривъ нѣкоторое время съ Эмиліей Александровной, отецъ отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ нея и, по обыкновенію, взялся за рукоятку кинжала, при чемъ тутъ же услыхалъ насмѣшливыя слова Лермонтова m-lle Верзилиной: „Après quoi Martynow croit de son devoir de se mettre en position". (Послѣ чего Мартыновъ считаетъ себя обязаннымъ встать въ позицію). Отецъ ясно услышалъ эти слова, но, будучи человѣкомъ благовоспитаннымъ и не желая поднимать исторіи въ семейномъ домѣ, смолчалъ тутъ и Лермонтову не сказалъ ни единаго слова, такъ что, по словамъ Васильчикова, никто изъ присутствовавшихъ его столкновенія съ Лермонтовымъ не замѣтилъ, но за то, при выходѣ изъ дома Верзилиныхъ, онъ взялъ Лермонтова подъ руку на бульварѣ и пошелъ съ нимъ рядомъ: „Ge Vous ai prévenu, Lermontow, que je ne souffrirais plus vos sarcasmes dans le monde et cependant vous recommencez de nouveau. (Я тебя предупреждалъ, Лермонтовъ, что я не намѣренъ болѣе переносить въ обществѣ твоихъ ядовитыхъ насмѣшекъ, однако ты берешься за старое), сказалъ ему отецъ по-французски, при чемъ добавилъ по-русски спокойнымъ тономъ. „Я тебя заставлю перестать". „Но вѣдь ты знаешь, Мартыновъ, что я дуэли не боюсь и отъ нея никогда не откажусь,—значитъ, вмѣсто пустыхъ угрозъ тебѣ лучше дѣйствовать", отвѣчалъ Лермонтовъ

[1] А. П. Верзилина вышла замужъ за г. Дикаго.

съ желчью. „Ну, въ такомъ случаѣ завтра у васъ будутъ мои секунданты“, сказалъ холодно отецъ и отправился къ себѣ домой, куда въ тотъ же вечеръ пригласилъ своего пріятеля лейбъ-гусарскаго офицера Глѣбова, котораго просилъ на другое утро чѣмъ свѣтъ съѣздить къ Лермонтову и передать ему формальный вызовъ на дуэль. Глѣбовъ, вернувшись отъ Лермонтова, сообщилъ отцу, что вызовъ его принятъ и что Лермонтовъ оффиціальномъ секундантомъ своимъ избралъ князя Александра Илларіоновича Васильчикова. [1]

При этомъ считаю необходимымъ сдѣлать небольшое отступленіе. Дѣло въ томъ, что отецъ мой впослѣдствіи во время судебнаго дѣла объ его дуэли показалъ, что вечеръ у Верзилиныхъ, послѣ котораго онъ нашелся вынужденнымъ вызвать Лермонтова, происходилъ 13 іюля, то-есть за два дня до дуэли, въ статьѣ же князя Васильчикова, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* говорится о трехдневной отсрочкѣ дуэли, которой добились таки секунданты, и о всѣхъ ихъ безплодныхъ усиліяхъ примирить противниковъ.

Покойный отецъ мой неоднократно передавалъ мнѣ, что вечеръ у Верзилиныхъ происходилъ не 13 іюля, а гораздо раньше, именно около Петрова дня (29 іюня). Показалъ же онъ неосновательно объ этомъ обстоятельствѣ для того, чтобы выгородить секундантовъ, будто принимавшихъ самыя энергическія и разнообразныя мѣры къ примиренію его съ Лермонтовымъ, при чемъ понятно, что за одно 14 іюля, отдѣляющее вызовъ отъ самой дуэли, они, конечно, не могли успѣть достигнуть въ этомъ направленіи благопріятныхъ результатовъ

Впослѣдствіи, нѣсколько дней послѣ роковой дуэли его съ Лермонтовымъ, отецъ писалъ Глѣбову и Васильчикову, что „всю вину приметъ на себя и что на судѣ покажетъ о всѣхъ ихъ усиліяхъ примирить его съ Лермонтовымъ, но требуетъ, чтобы они послѣ окончанія дѣла о дуэли возстановили истину и для очищенія его памяти опубликовали дѣло, какъ оно дѣйствительно было“.

На это письмо, отецъ, сидя въ Пятигорской тюрьмѣ, куда онъ былъ заключенъ на нѣсколько дней послѣ дуэли, какъ находившійся въ отставкѣ отъ военной службы, получилъ отъ Глѣбова [2] слѣдующую знаменательную записку, хотя уже напеча-

[1] Авторъ книги „О самоуправленіи“.

[2] Убитъ на Кавказѣ въ дѣлѣ съ горцами въ 1844 году.

танную, но имѣющую въ исторіи дуэли такое огромное значеніе, что я считаю ее узломъ всего дѣла и не могу не привести ее цѣликомъ:

„Признаюсь тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно“, писалъ Глѣбовъ“, я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ, но и потому, что не видимъ ничего дурного съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова и приписываемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю (всѣ это знаютъ, судьба такъ хотѣла, тѣмъ болѣе, что ты въ третій разъ въ жизни своей стрѣлялъ изъ пистолета; второй, когда у тебя пистолетъ рвало въ рукѣ, и этотъ третій). Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи Т. и С., [1] которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ. Надѣемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣми средствами уговаривали. Придя на барьеръ, ты напиши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова.

„Скажи, что мы тебя уговаривали съ начала до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Лермонтова предупреждалъ тому три недѣли, чтобы тотъ не шутилъ на твой счетъ. Особенно настаивай на эти слова Лермонтова („вмѣсто пустой угрозы“ и проч.), которыя въ самомъ дѣлѣ тебя ставили въ необходимость его вызвать или, лучше сказать, были уже вызовъ“.

Изъ этого письма, къ которому намъ придется еще вернуться, явствуетъ, что отецъ до дуэли своей пистолета въ руки почти никогда не бралъ, и убилъ Лермонтова не преднамѣренно, а совершенно случайно, но важнѣе всего заключеніе, котораго изъ него нельзя не вывести, основанное, конечно, на двукратномъ напоминаніи Глѣбова отцу, что онъ долженъ показывать на судѣ о безплодныхъ усиліяхъ секундантовъ примирить его съ Лермонтовымъ, каковое напоминаніе было бы совершенно излишнимъ, если бы дѣйствительно съ ихъ стороны были приняты къ этому какія-либо мѣры. Нельзя же допустить въ самомъ дѣлѣ, чтобы отецъ, имѣвшій несчастіе убить на дуэли Лермонтова, сталъ оговаривать своихъ секундантовъ въ непринятіи мѣръ къ примиренію его съ противникомъ, еслибы они въ дѣйствительности дѣлали къ этому какія-либо попытки.

На самомъ же дѣлѣ, какъ передавалъ мнѣ отецъ, никакихъ шаговъ со стороны секундантовъ въ дуэли его съ Лермонтовымъ къ примиренію противниковъ сдѣлано не было, причемъ

---

[1] Трубецкаго и Столыпина.

отецъ объяснялъ это тѣмъ шумомъ, который надѣлалъ предыдущій поединокъ Лермонтова съ Барантомъ въ 1840 году, гдѣ противники дрались на шпагахъ и на пистолетахъ, при чемъ, не считая пустой царапины, полученной Лермонтовымъ, никто изъ нихъ даже раненъ не былъ, что сдѣлало, какъ дуэлистовъ, такъ и секундантовъ ихъ посмѣшищемъ всего Петербурга.

Въ дуэли этой секундантомъ Лермонтова, хотя не офиціальнымъ, былъ, по словамъ отца, и Васильчиковъ, хотя въ дѣлѣ объ этой дуэли секундантомъ поэта названъ лишь двоюродный братъ его Монго—Столыпинъ, который и въ дуэли Лермонтова съ отцемъ былъ его секундантомъ, а Трубецкой—секундантомъ у отца, что можно заключить изъ вышеприведеннаго письма Глѣбова.

Понятно, что Васильчикову, участнику первой дуэли Лермонтова, и Глѣбову, его товарищу по лейбъ-гусарскому полку, въ которомъ эта дуэль произвела самое невыгодное для Лермонтова впечатлѣніе, не приходилось, съ ихъ точки зрѣнія, особенно усердно стараться о примиреніи противниковъ, и хотя Васильчиковъ въ единственной статьѣ своей объ этой дуэли и выразился буквально, что „слова Лермонтова: „потребуйте отъ меня удовлетворенія“, заключали въ себѣ косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ былъ зачинщикомъ и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію; на этомъ сокрушились всѣ наши усилія, трехдневная отсрочка не послужила ни къ чему“,—однако читатель ниже увидитъ, насколько эти слова князя Васильчикова согласовались съ его дѣйствіями.

Возвращаюсь, однако, къ самой исторіи этой вѣчно-печальной дуэли.

Поединокъ былъ назначенъ на 15 іюля 1841 года въ $6^1/_2$ часовъ вечера, у подошвы горы Машукъ, въ полуверстѣ отъ Пятигорска.

Хотя отцу было прекрасно извѣстно, что Лермонтовъ превосходно владѣлъ пистолетомъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ почти безъ промаха, а отецъ самъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго письма къ нему Глѣбова, вовсе стрѣлять не умѣлъ, тѣмъ не менѣе онъ съ беззаботностью молодости—ему было всего 25 лѣтъ—въ исходѣ пятаго часа велѣлъ осѣдлать своего аргамака, а бѣговыя дрожки свои онъ уступилъ секунданту своему Глѣбову.

День былъ до крайности душный и жаркій: въ воздухѣ чув-

ствовалось приближеніе грозы. Прибывъ съ Глѣбовымъ на мѣсто дуэли одновременно съ Лермонтовымъ и Васильчиковымъ, они застали тамъ секундантовъ—Трубецкаго и Столыпина [1] и много другихъ общихъ пятигорскихъ знакомыхъ, числомъ до сорока человѣкъ, о присутствіи которыхъ во время его дуэли отецъ, Глѣбовъ и Васильчиковъ на судѣ не проронили ни слова, чтобы не подвергнуть ихъ отвѣтственности за допущеніе дуэли и за недонесеніе о ней.

Имѣя въ виду, что столкновеніе отца съ Лермонтовымъ произошло, какъ сказано выше, около 29 іюня, а самая дуэль имѣла мѣсто почти черезъ двѣ недѣли, понятно, что молва о ней успѣла распространиться по всему Пятигорску, а потому естественно, что слухъ о ней почти ни для кого изъ пріятелей отца и Лермонтова не былъ тайной и что иные изъ участія къ Лермонтову, на котораго и тогда уже многіе смотрѣли, какъ на достойнаго преемника Пушкина, большинство же изъ празднаго любопытства—пріѣхали посмотрѣть на исходъ поединка его съ моимъ покойнымъ отцомъ.

Барьеръ былъ опредѣленъ секундантами на пятнадцать шаговъ, причемъ съ обѣихъ сторонъ была положена гряда камней, а отъ него, на десять шаговъ каждый, были поставлены дуэлисты, которые имѣли право стрѣлять съ своего мѣста или же подойдя къ барьеру.

Противникамъ дали въ руки по пистолету, и одинъ изъ секундантовъ махнулъ платкомъ въ знакъ того, что дуэль началась. Лермонтовъ стоялъ въ рейтузахъ и красной канаусовой рубашкѣ и съ кажущеюся или дѣйствительною беззаботностью сталъ ѣсть вишни и выплевывать косточки. Онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ въ позѣ опытнаго дуэлиста, правымъ бокомъ впередъ, прикрываясь рукой и пистолетомъ и наведя послѣдній прямо на отца.

Въ это время грянулъ громовой ударъ, и дождь полилъ ливмя.

Прошла минута, показавшаяся, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, всѣмъ присутствующимъ вѣчностью. Ни Лермонтовъ, ни отецъ не стрѣляли и стояли на своихъ мѣстахъ. Секунданты и присутствующіе начали ежиться и вполголоса дѣлать между собою замѣчанія, которыя отчасти долетали до слуха отца. „Надо же кончать“, сказалъ кто-то, „мы и такъ насквозь промокли“.

[1] Смотри письмо Глѣбова къ отцу.

Отецъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру, навелъ пистолетъ на Лермонтова и выстрѣлилъ...

Когда дымъ разсѣялся, онъ увидѣлъ Лермонтова лежащимъ на землѣ недвижимымъ. Тѣло его подергивалось легкими судорогами, и когда отецъ бросился съ нимъ прощаться, Лермонтовъ былъ уже мертвъ.

Съ мѣста дуэли отецъ поѣхалъ къ коменданту, которому и объявилъ о несчастномъ событіи. Комендантъ велѣлъ арестовать отца и обоихъ секундантовъ, и началось слѣдствіе, при началѣ котораго отецъ узналъ отъ Глѣбова, что Лермонтовъ во время переговоровъ относительно условій дуэли говорилъ своему секунданту Васильчикову: „Нѣтъ, я сознаю себя настолько виновнымъ предъ Мартыновымъ, что чувствую, рука моя на него не поднимется". Намекалъ ли тутъ Лермонтовъ на вскрытіе письма или на нелѣпость своей выходки на вечерѣ у Верзилиныхъ, отцу осталось неизвѣстно, но я донынѣ живо помню слова его: „Передай мнѣ объ этихъ словахъ Васильчиковъ или кто-либо другой, я Лермонтову протянулъ бы руку примиренія, и нашей дуэли, конечно, не было бы".

Эмилія Александровна Шанъ-Гирей, рожденная Верзилина, въ 1889 году напечатала въ *Русскомъ Архивѣ* свои воспоминанія о Лермонтовѣ, въ которыхъ между прочимъ говоритъ: „Первымъ стрѣлялъ Мартыновъ, а Лермонтовъ будто бы прежде сказалъ секунданту, что „стрѣлять не будетъ", и былъ убитъ наповалъ, какъ разсказалъ намъ Глѣбовъ".

Отсюда видно, что Глѣбовъ объ этомъ фактѣ, играющемъ столь важную роль въ дуэли отца, передавалъ не ему одному, а также и другимъ лишь косвенно прикосновеннымъ къ ней лицамъ.

Отецъ мой, проведя всю предшествовавшую жизнь свою на военной службѣ, ходатайствовалъ о томъ, чтобы предали его военному, а не гражданскому суду.

Просьба его была уважена, и 25 сентября онъ былъ освобожденъ съ гауптвахты, куда, по его ходатайству, онъ былъ переведенъ изъ тюрьмы.

Сентенціей Пятигорскаго военнаго суда отецъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ и всѣхъ правъ состоянія, каковая сентенція была смягчена сперва начальникомъ лѣваго фланга, затѣмъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, Военнымъ министромъ и, наконецъ, Государемъ Императоромъ Николаемъ I, который 3 января 1842 года положилъ слѣдующую резолюцію: „Маіора

Мартынова выдержать въ крѣпости три мѣсяца, а затѣмъ предать его церковному покаянію".

Существуютъ въ нашей литературѣ различные отзывы о томъ, какъ отнесся покойный Императоръ Николай I къ извѣстію о смерти Лермонтова, а потому я считаю небезынтереснымъ слѣдующій разсказъ покойнаго генерала-отъ-инфантеріи Николая Николаевича Вельяминова, скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, гдѣ онъ служилъ начальникомъ Чесменской богадѣльни.

Года за два до своей смерти онъ передавалъ брату моему А. Н. Мартынову, что покойный Императоръ Николай I, проводившій обыкновенно лѣто въ Петергофѣ, гдѣ Вельяминовъ въ 1841 году находился въ камеръ-пажахъ, и имѣвшій обыкновеніе въ праздничные дни собирать у себя послѣ обѣдни всѣхъ присутствовавшихъ лицъ свиты своей, которымъ сообщалъ наиболѣе интересныя извѣстія имъ полученныя, высказалъ про смерть Лермонтова слѣдующее: „Сегодня я получилъ грустное извѣстіе: поэтъ нашъ Лермонтовъ, подававшій Россіи такія великія надежды, убитъ на поединкѣ. Россія въ немъ многое потеряла".

Сопоставляя этотъ отзывъ Императора Николая I съ незначительностью наказанія, наложеннаго на покойнаго отца конфирмаціей Государя, надо полагать, что отецъ мой въ этой дуэли не былъ настолько виноватъ, насколько это можетъ показаться съ перваго взгляда, такъ какъ причиной этой дуэли было роковое стеченіе обстоятельствъ, противъ котораго воля моего отца была вполнѣ безсильна.

Такова исторія дуэли моего отца съ Лермонтовымъ.

Иные, быть можетъ, скажутъ, что отецъ мой, посягнувъ на священную жизнь поэта, навѣки заслужилъ ненависть потомства, что онъ, какъ русскій, долженъ былъ понимать, на кого онъ посягаетъ, но пускай эти люди сообразятъ, что въ 1841 году значеніе Лермонтова въ нашей литературѣ далеко еще не было установлено, что отцу во время его дуэли было всего лишь 25 лѣтъ, а главное, что отъ него были скрыты слова поэта своему секунданту Васильчикову, что „рука его на Мартынова не поднимется".

Почему Васильчиковъ этихъ словъ отцу не передалъ до дуэли его, отцу осталось неизвѣстнымъ, но мнѣ кажется, что выше приведенная догадка покойнаго отца моего о причинахъ роковаго молчанія князя Васильчикова является крайне правдопо-

добною. Г. Мартьяновъ въ одной изъ своихъ статей о Лермонтовѣ обвиняетъ Васильчикова въ зависти (?) къ славѣ поэта и этому низкому чувству приписываетъ непринятіе имъ надлежащихъ мѣръ къ примиренію его съ противникомъ.

Отъ отца я подобнаго обвиненія противъ князя Васильчикова никогда не слышалъ, и, конечно, не мнѣ его повторять, но скажу, по словамъ отца, что „передай ему Васильчиковъ о словахъ Лермонтова, дуэли его съ Лермонтовымъ не произошло бы“.

Въ 1877 или 1878 году появилась въ газетѣ *Новое Время* статья какого-то борзописца, въ которой о дуэли этой сказано было, что „это была не дуэль, а убійство“.

Отвѣчать на подобныя нелѣпицы я тогда счелъ ниже достоинства памяти моего отца, и нынѣ, ручаясь вполнѣ за справедливость главныхъ фактовъ, мною сообщенныхъ, я предупреждаю, что всѣ обвиненія, направленныя противъ памяти человѣка, который самъ уже не можетъ защищаться, мною будутъ оставлены безъ отвѣта, по скольку они не касаются его чести.

Сергѣй Николаевичъ Мартыновъ.

СОЛОМОНЪ.

(Изъ Гейне).

Умолкнули звуки тимпановъ напѣва;
На стражѣ у ложа земного владыки
Мечомъ препоясанныхъ ангеловъ лики—
Шесть тысячъ направо, шесть тысячъ налѣво.

Они отъ видѣній хранятъ его сонныхъ,
И чуть только сумрачно сдвинетъ онъ брови,
Какъ пламенемъ пышутъ стальнымъ наготовѣ
Двѣнадцати тысячъ мечей извлеченныхъ.

Но вотъ мечи ангеловъ тихо упали
Въ ножны; разлетѣлись видѣнія ночи;
Недвижны спокойно сомкнутыя очи,
И сонныя губы царя зашептали:

„Моя Суламита! судьба мнѣ вручила
Вѣнецъ: для Іуды, Израиля святы
Мои повелѣнья; но если меня ты
Не любишь, то жизнь мнѣ не жизнь, а могила!"

Пл. Кусковъ и Н. Страховъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О НИКОЛАѢ ГРИГОРЬЕВИЧѢ РУБИНШТЕЙНѢ.

II.

Для болѣе яснаго представленія о томъ, что мнѣ предстоитъ разсказывать, нужно хотя бы въ краткихъ чертахъ обрисовать существовавшее у насъ тогда положеніе музыки и музыкантовъ. Законъ зналъ только тѣхъ музыкантовъ, которые состояли на службѣ при Императорскихъ театрахъ или были преподавателями музыки въ институтахъ для благородныхъ дѣвицъ. Большинство остальныхъ музыкантовъ были крѣпостными разныхъ помѣщиковъ, часто заводившихъ у себя оркестры и нерѣдко посылавшихъ своихъ рабовъ въ ученье въ Москву или Петербургъ (за границу посылали очень рѣдко, ибо крѣпостной могъ оттуда не вернуться) или же выписывавшихъ капельмейстера нѣмца, обязаннаго учить порученныхъ ему людей на всѣхъ оркестровыхъ инструментахъ. Среди такихъ учениковъ попадались способные, въ свою очередь дѣлавшіеся капельмейстерами. Выйдя какимъ-нибудь образомъ изъ крѣпостныхъ, такіе музыканты приписывались обыкновенно въ мѣщане. Люди свободныхъ состояній дѣлались музыкантами-спеціалистами развѣ только въ силу какихъ-нибудь несчастныхъ обстоятельствъ. Дворянамъ косвеннымъ образомъ это было даже воспрещено закономъ, ибо при поступленіи на сцену или въ оркестръ Императорскихъ театровъ они должны были подписывать добровольное отреченіе отъ своихъ дворянскихъ правъ. Покойный В. А. Кологривовъ, одинъ изъ первыхъ основателей Музыкальнаго Общества, разсказывалъ мнѣ, что, будучи вынужденъ обстоятельствами, онъ долженъ былъ взять мѣсто инспектора музыки въ Императорскихъ театрахъ, при чемъ ему пришлось подписать такое отреченіе; черезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства измѣнились, и онъ хотѣлъ поступить на службу чиновникомъ въ западномъ краѣ, тогда ему нужно было подать

на Высочайшее имя прошеніе о возвращеніи дворянскихъ правъ, утраченныхъ на службѣ по Министерству Двора. Случай этотъ относится къ половинѣ 60-хъ годовъ, но едва ли не былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ, ибо теперь это правило уже съ давнихъ поръ не примѣняется; Э. Ф. Направникъ, напротивъ, даже получилъ дворянство на капельмейстерской службѣ.

Въ оркестрахъ Императорскихъ театровъ большинство музыкантовъ состояло изъ иностранцевъ, главнымъ образомъ нѣмцевъ, пользовавшихся особыми правами, ибо иностраннымъ подданнымъ срокъ для выслуги пенсіи въ оркестрѣ былъ короче, нежели для русскихъ. Несмотря на не особенно высокое жалованье, перспектива пожизненной пенсіи привлекала много хорошихъ музыкантовъ иностранцевъ, большинство которыхъ, выслуживъ свой срокъ, возвращалось на родину, но многіе свыкались съ Россіей и уже не покидали ея. Русскіе, занимавшіеся музыкой, но не состоявшіе при театрахъ, старались причислиться къ какой-нибудь канцеляріи, чтобы получить чинъ или орденъ, дававшіе освобожденіе отъ податнаго состоянія, но для этого нужно было имѣть общее образованіе и нѣкоторыя связи.

Что касается самой музыки, то она стояла на уровнѣ довольно низкомъ и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ; въ послѣднемъ была, впрочемъ, отличная итальянская опера, русская же въ обѣихъ столицахъ находилась совсѣмъ не въ блистательномъ положеніи. Симфоническая музыка была просто мало извѣстна, и услышать симфонію Бетховена или Моцарта было рѣдкостью, а Шуманъ былъ извѣстенъ лишь весьма немногимъ изъ молодыхъ музыкантовъ. Однимъ изъ главныхъ препятствій для устройства концертовъ было существованіе въ обѣихъ столицахъ монополіи Императорскихъ театровъ, вслѣдствіе которой концерты возможно было давать только во время Великаго Поста; къ этому времени обыкновенно пріѣзжали различные заграничные солисты, и такіе концерты солистовъ тогда только и давались какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Если иногда дѣлались исключенія изъ этого правила, то нужно было всякій разъ испрашивать разрѣшеніе въ Министерствѣ Двора, но такія просьбы оставляли нерѣдко безъ уваженія, какъ случилось съ Гансомъ фонъ Бюловымъ, желавшимъ дать лишній концертъ, кромѣ двухъ, которые были уже ему разрѣшены.

Въ 1856 г. А. Г. Рубинштейнъ провелъ лѣто подъ Москвой, въ сельцѣ Богородскомъ, за Сокольниками, гдѣ тогда было всего нѣсколько дачъ. По случаю коронаціи императора Але-

ксандра II, въ Москвѣ присутствовали различныя Высочайшія Особы, въ числѣ которыхъ была и Великая Княгиня Елена Павловна, уже знавшая обоихъ братьевъ Рубинштейновъ, особенно старшаго,—и благоволившая къ нимъ. По окончаніи коронаціонныхъ празднествъ, въ сентябрѣ Великая Княгиня Елена Павловна отправилась на всю зиму въ Италію и пригласила съ собой А. Г. Рубинштейна, который и провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ интимномъ кругу двора Великой Княгини. Въ это время было много разговоровъ о положеніи музыки въ Россіи, и тогда же задумано было созданіе учрежденія, которое должно было способствовать развитію этого искусства въ нашемъ отечествѣ. Учрежденіемъ этимъ было Русское Музыкальное Общество, уставъ котораго выработанъ былъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ В. А. Кологривовымъ, графомъ М. В. Вьельгорскимъ и другими, при участіи А. Г. Рубинштейна, которому предназначалась роль артистическаго руководителя общества. Наиболѣе возбуждалъ опасенія составителей устава тотъ пунктъ, которымъ обществу предоставлялось устраивать абонементныя музыкальныя собранія (слово „концерты“ умышленно не было употреблено) для своихъ членовъ и посѣтителей, а также и экстренныя, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія у дирекціи театровъ, и не уплачивая никакого налога въ пользу театровъ и благотворительныхъ учрежденій. Въ сущности пунктъ этотъ представлялъ нарушеніе существовавшей тогда театральной монополіи, частную ея отмѣну, и потому онъ возбуждалъ сомнѣнія въ учредителяхъ общества, опасавшихся затрудненій по этому поводу; однако, могущественное ходатайство Великой Княгини устранило всѣ препятствія, и уставъ былъ утвержденъ полностью. Въ основѣ устава лежала ширина и смѣлость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленность задачъ, въ чемъ можно видѣть вліяніе обоихъ братьевъ Рубинштейновъ, ибо хотя мнѣ ничего неизвѣстно объ участіи Николая Рубинштейна въ составленіи устава, но знавши отношенія братьевъ другъ къ другу, я почти увѣренъ, что старшій далъ себѣ трудъ намѣтить главные пункты, а для развитія ихъ прибѣгнулъ къ помощи младшаго, во всякомъ же случаѣ непремѣнно давалъ ему проектъ устава на предварительный просмотръ. А. Г. Рубинштейнъ до конца жизни сохранилъ самый живой интересъ къ дѣламъ Музыкальнаго Общества, но въ то же время онъ, по крайней мѣрѣ, настолько же, если не больше, былъ занятъ своею артистическою дѣятельностью, въ особенности композиціей, а Николай Григорьевичъ съ самаго на-

чала отдался весь новому учрежденію, которому и была посвящена вся остальная его жизнь. Припоминая горячую непоколебимость убѣжденій Николая Рубинштейна въ дѣлахъ, касавшихся искусства, я не могу допустить предположенія, чтобы уставъ новаго Общества, въ дѣлахъ котораго его участіе было, конечно, предрѣшено заранѣе, могъ быть составленъ безъ его просмотра и критики. Между прочимъ, на основаніи устава, Музыкальное Общество могло распространять свою дѣятельность на всю Россію, открывая черезъ своихъ уполномоченныхъ филіальныя отдѣленія, гдѣ найдетъ возможнымъ и нужнымъ. Петербургская дирекція Общества составилась въ ноябрѣ 1859 г. изъ графа М. Ю. Вьельгорскаго, Д. В. Каншина, В. А. Кологривова, Д. В. Стасова и А. Г. Рубинштейна. Вслѣдъ за тѣмъ комитетъ дирекціи уполномочилъ образовать въ Москвѣ самостоятельное отдѣленіе Общества, и въ составъ московскаго комитета уполномоченныхъ вошли П. С. Киселевъ (пробывшій недолго), В. М. Лосевъ, князь Ю. А. Оболенскій, В. И. Якунчиковъ и Н. Г. Рубинштейнъ.

Въ Петербургѣ успѣхъ новаго учрежденія (Музыкальнаго Общества) въ значительной степени облегчался благосклоннымъ къ нему отношеніемъ придворныхъ сферъ, что имѣло тогда, какъ имѣетъ и теперь, огромное значеніе; въ Москвѣ такой опоры не существовало, и все зависило отъ того, какъ отнесется къ нему само общество, и въ данномъ случаѣ, не будь на лицо Николая Григорьевича Рубинштейна, трудно было предположить возможность успѣха, если бы во главѣ дѣла стоялъ какой нибудь обыкновенный, хотя бы извѣстный музыкантъ; умъ, талантъ и энергія перваго артистическаго руководителя новаго Общества сдѣлали въ этомъ отношеніи чудеса.

Московская жизнь въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ имѣла въ значительной степени иной характеръ, нежели теперь. Тогда безусловно первенствующую роль въ московскомъ обществѣ играло дворянство, особенно его наиболѣе богатые и знатные представители. Купечество, дающее теперь тонъ Москвѣ, тогда еще только начинало выступать на видъ, и то довольно робко: слишкомъ еще недавно передъ тѣмъ его держали весьма въ черномъ тѣлѣ, и оно еще продолжало отплачиваться и откупаться отъ разныхъ неудобствъ, особенно старообрядцы. Инославное купечество занимало если не болѣе почетное, то болѣе независимое положеніе, во-первыхъ, потому, что въ немъ было много иностранныхъ подданныхъ, съ которыми и дореформенныя власти держали себя осторожно, а во-вторыхъ—оно было въ большин-

ствѣ образованнѣе и культурнѣе своихъ собратій изъ коренныхъ москвичей; даже простое знаніе иностранныхъ языковъ, начавшее уже распространяться между русскими купцами, имѣло свое значеніе для послѣднихъ и сближало ихъ съ иностранною колоніей, а также и вообще съ образованными классами общества.

Вкусъ къ музыкѣ былъ распространенъ главнымъ образомъ между дворянствомъ, среди котораго были не только образованные любители, но и весьма недурные исполнители, вокальные и инструментальные. Дворянство жило еще на широкую ногу, и художественное меценатство было въ немъ развито въ очень сильной степени. Богатство и щедрость московскихъ обитателей нерѣдко такъ привлекали заграничныхъ знаменитыхъ артистовъ, что они совсѣмъ иногда поселялись въ Москвѣ, исчезая такимъ образомъ съ европейскаго художественнаго горизонта, ибо отправляться изъ Москвы концертировать имъ уже почти не приходилось, такъ что ихъ постепенно забывали, сами они не напоминали о себѣ, какъ Фильдъ, своими сочиненіями, печатавшимися за границей. Такимъ образомъ осудилъ себя на забвеніе очень извѣстный въ свое время піанистъ Гаслеръ, который попалъ въ Москву въ концѣ прошлаго столѣтія и остался потомъ до самой смерти, послѣдовавшей въ концѣ 20-хъ годовъ. Почти то же случилось и съ Фильдомъ, бывшимъ вѣроятно лучшимъ піанистомъ своего времени и сверхъ того даровитымъ композиторомъ, создавшимъ фортепьянную пѣсню въ своихъ превосходныхъ ноктюрнахъ. Московская барская щедрость принимала иногда формы даже близкія къ чудачеству. Пріѣзжіе артисты обыкновенно дѣлали визиты къ наиболѣе извѣстнымъ любителямъ музыки, привозили билеты на свои концерты и получали большею частію плату въ увеличенномъ размѣрѣ противъ назначенныхъ цѣнъ за мѣста, при чемъ это увеличеніе принимало иногда размѣры весьма значительные. Одинъ изъ очевидцевъ событія разсказывалъ мнѣ, напримѣръ, слѣдующее. Въ концѣ 40-хъ или началѣ 50-хъ годовъ въ Москву пріѣхалъ знаменитый скрипачъ Оле Булль и произвелъ фуроръ въ московской публикѣ. Одинъ изъ родовитыхъ москвичей, бывшій большимъ любителемъ музыки, очень полюбилъ артиста, приглашалъ къ себѣ, дѣлалъ щедрые подарки и наконецъ сталъ уговаривать дать лишній концертъ, когда тотъ уже собирался было уѣхать изъ Москвы. Оле Булль сталъ говорить, что онъ не хочетъ надоѣдать слишкомъ публикѣ и что не разсчитываетъ даже на хорошій сборъ; тогда московскій баринъ предложилъ ему пари

на дюжину шампанскаго, что чистый сборъ превыситъ двѣ тысячи рублей. Въ виду очень настоятельныхъ уговариваній, артистъ рѣшился дать еще концертъ и по окончаніи его за ужиномъ объявилъ, что пари имъ выиграно, такъ какъ сборъ достигъ всего 1.500 р.—„Вы забыли", отвѣчалъ москвичъ, „что я не платилъ еще за свой билетъ", и вручилъ при семъ 2.000 р., такъ что Оле Буллю пришлось платить за шампанское. Теперь богатая подмосковная этого мецената давно уже находится во владѣніи одного изъ московскихъ фабрикантовъ, а въ роскошныхъ залахъ господскаго дома, гдѣ чуть-ли не уцѣлѣли остатки лѣпныхъ потолковъ, помѣщаются фабричные рабочіе. Sic transit gloria mundi.

Въ 1860 г., когда возникло Музыкальное Общество, богатые меценаты уже едва-ли существовали, ибо шли уже работы, подготовлявшія отмѣну крѣпостного права, а слѣдовательно въ это время было уже не до меценатства. Тѣмъ не менѣе дворянство оставалось руководящимъ классомъ общества; Николай Григорьевичъ ясно это понималъ и употребилъ всѣ старанія возбудить интересъ къ возникающему Обществу въ возможно бòльшемъ числѣ видныхъ представителей высшаго класса. Московскимъ генералъ-губернаторомъ былъ тогда Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, успѣвшій въ короткое время заслужить величайшія симпатіи среди московскихъ жителей всѣхъ классовъ; гуманность, мягкость, разумность его дѣйствій составляли такой разительный контрастъ съ еще въ памяти москвичей бывшимъ представителемъ отошедшихъ въ область прошлаго порядковъ, съ графомъ Закревскимъ, что симпатіи эти были совершенно понятны, и о нихъ свидѣтельствуетъ памятникъ, воздвигнутый Москвой на могилѣ П. А. Тучкова, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Весьма важное значеніе имѣло то обстоятельство, что лицо вліятельное и популярное въ Москвѣ отнеслось чрезвычайно благожелательно къ новому начинанію, чему отчасти причиной служило личное расположеніе къ руководителю, Н. Г. Рубинштейну; П. А. Тучковъ даже предоставилъ одну изъ залъ генералъ-губернаторскаго дома для первыхъ спѣвокъ любителей, которые должны были составить хоръ предстоящихъ концертовъ Музыкальнаго Общества.

Въ купечествѣ, русскомъ и иностранномъ, Николай Григорьевичъ имѣлъ также много друзей и могъ разсчитывать на сочувствіе и поддержку многихъ изъ образованныхъ и вліятельныхъ лицъ этого класса. Между прочимъ въ то время въ средѣ обра-

зованнаго купечества былъ уже въ значительной степени развитъ вкусъ къ хорошей классической музыкѣ, а домашнихъ квартетовъ тогда было даже едва ли не больше, нежели теперь. Изъ среды купечества мнѣ припоминается необыкновенно симпатичная фигура давно уже умершаго Флорентія Васильевича Перлова, страстнаго любителя музыки, бывшаго извѣстнымъ рѣшительно всѣмъ музыкантамъ, очень уважавшимъ его самостоятельныя, мѣткія сужденія о любимомъ искусствѣ.

Для Музыкальнаго Общества конечно должны были имѣть болѣе или менѣе важное значеніе музыканты, жившіе и дѣйствовавшіе тогда въ Москвѣ, среди которыхъ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ былъ едва ли не самый младшій по возрасту, по крайней мѣрѣ между извѣстными; былъ еще болѣе молодой музыкантъ Карлъ Юльевичъ Давидовъ, но онъ только что окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по математическому факультету, отправился за границу, гдѣ думалъ совершенствоваться въ игрѣ на віолончели, но его первое же появленіе на вечерѣ у старика Мошелеса въ Лейпцигѣ сдѣлало такое впечатлѣніе, что юному віолончелисту тотчасъ же предложили совершенствовать другихъ, т. е. сдѣлаться профессоромъ Лейпцигской консерваторіи, что онъ и принялъ; съ того времени К. Ю. Давидовъ бывалъ въ Москвѣ рѣдко, гостемъ, но судьба все-таки привела его умереть здѣсь въ 1888 г.

Наиболѣе почетное мѣсто занималъ въ Москвѣ авторъ „Аскольдовой могилы“ и др. оперъ, А. Н. Верстовскій, сдѣлавшійся директоромъ московскихъ Императорскихъ театровъ въ 1852 г. по смерти писателя М. Н. Загоскина, бывшаго его предшественникомъ на этомъ мѣстѣ. А. Н. Верстовскій былъ въ это время уже старъ, и, при всей своей композиторской популярности въ публикѣ, почти не пользовался никакимъ авторитетомъ въ средѣ музыкантовъ. Причиной этому было то обстоятельство, что, при всей своей природной даровитости, авторъ „Аскольдовой могилы“ былъ очень мало свѣдущимъ въ музыкѣ человѣкомъ, такъ что среди спеціалистовъ не пользовался ни малѣйшимъ авторитетомъ. Двѣ изъ его оперъ: „Аскольдова Могила“ и „Громобой“ шли на сценѣ Большого Театра, но пора успѣха для нихъ уже миновала.

Очень большою популярностію пользовался Александръ Ивановичъ Дюбюкъ, на дняхъ сошедшій въ могилу. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ піанистовъ Фильдовской школы, и хотя чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ концертной эстрадѣ,

но игру его въ Москвѣ все-таки знали и очень цѣнили; онъ былъ едва ли не самымъ извѣстнымъ учителемъ фортепьяно въ Москвѣ. Чрезвычайно любимы были и его композиціи. Въ свое время А. И. Дюбюкъ много работалъ и владѣлъ хорошею композиторскою техникой, но ясное критическое самосознаніе заставило его ограничиться въ этой области небольшими формами салонныхъ фортепьянныхъ сочиненій, иногда весьма нелегкихъ для исполненія, и салонными романсами и пѣснями, расходившимися по всей Россіи. А. И. Дюбюкъ вращался главнымъ образомъ въ средѣ очень богатаго купечества и средняго дворянства, въ аристократическіе салоны онъ попадалъ рѣдко, не чувствуя къ нимъ особеннаго влеченія.

Піанистами Москва и тогда была богата. Въ аристократическихъ кругахъ пользовался большою любовью Леонъ Онорэ, хорошій піанистъ французской школы и благороднѣйшій человѣкъ. Онъ былъ женатъ на русской, г-жѣ Пильсудской, превосходной пѣвицѣ, пріобрѣтшей потомъ огромную извѣстность въ качествѣ оперной артистки; г-жа Онорэ долгое время была однимъ изъ лучшихъ украшеній русской оперы и сошла со сцены въ полномъ цвѣтѣ таланта. Графъ Л. Н. Толстой разсказывалъ мнѣ, что въ свѣтскомъ обществѣ въ концѣ 50-хъ годовъ явилась потребность устроить музыкальный кружокъ, гдѣ можно было бы исполнять серьезную музыку, и графъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ друзей, въ числѣ которыхъ былъ князь Ю. А. Оболенскій, сдѣлали почннъ въ этомъ дѣлѣ. Считая необходимымъ поручить распоряженіе дѣлами кружка опытному музыканту, они обратились къ Л. Онорэ, но тотъ отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что если они дѣйствительно хотятъ устроить что нибудь серьезное и прочное, то должны обратиться къ Николаю Рубинштейну, какъ лицу, пользующемуся наибольшимъ значеніемъ и авторитетомъ въ музыкальномъ мірѣ Москвы. Дѣло это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій потому, что въ это время уже учреждалось русское музыкальное Общество и большинство членовъ великосвѣтскаго кружка примкнуло къ нему, а самъ графъ Л. Н. Толстой переселился въ это время на много лѣтъ въ Ясную Поляну. Случай этотъ показываетъ, что потребность въ серьезномъ музыкальномъ учрежденіи уже существовала тогда, по крайней мѣрѣ въ высшемъ обществѣ.

Очень крупнымъ и даровитымъ піанистомъ былъ также Антонъ Доръ, съ 1870 г. покинувшій Москву и состоящій съ того времени однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ профессоровъ вѣнской

консерваторіи. Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ, поселившись въ Москвѣ, пользовался особеннымъ благоволеніемъ среди московской иностранной колоніи и довольно часто выступалъ въ концертахъ. Съ Н. Г. Рубинштейномъ они были въ дружескихъ отношеніяхъ

Среди піанистовъ нужно упомянуть еще двухъ Лангеровъ, отца и сына, занимавшихъ довольно видное мѣсто въ Москвѣ. Отецъ, Леопольдъ Лангеръ, былъ отличный, строгій музыкантъ-классикъ, очень любимый учитель фортепьяно, несмотря на педантичную строгость системы преподаванія, и фанатическій поклонникъ Бетховена. Сынъ, Эдуардъ Лангеръ, состоящій и нынѣ профессоромъ московской консерваторіи, окончилъ въ началѣ 50-хъ годовъ курсъ въ Лейпцигѣ, подъ руководствомъ Мошелеса и Венцеля по фортепьяно, Рихтера и Гауптмана по композиціи. Онъ былъ представителемъ новаго тогда музыкальнаго движенія, страстнымъ Шуманистомъ, умѣвшимъ цѣнить Вагнера и Листа, что тогда среди строгихъ музыкантовъ считалось совсѣмъ вредною ересью. Въ московскихъ музыкальныхъ кружкахъ Лангера старшаго называли Лангеръ-Бетховенъ, а младшаго—Лангеръ-Шуманъ. По солидности своего музыкальнаго образованія отецъ и сынъ стояли въ первомъ ряду тогдашнихъ московскихъ музыкантовъ; младшій Лангеръ выступалъ съ большимъ успѣхомъ и въ концертахъ, а старшій давно уже покинулъ виртуозное поприще и отдался исключительно педагогической дѣятельности и дѣлалъ еще для гамбургской издательской фирмы А. Кранца очень хорошія переложенія для 2 фортепьяно въ 4 руки различныхъ сочиненій Бетховена

Въ оркестрѣ Большаго театра первое мѣсто занималъ, какъ и теперь, К. К. Кламротъ, превосходный скрипачъ, нѣсколько лѣтъ бывшій драгоцѣннымъ сотрудникомъ для музыкальнаго Общества. Ю. Г. Герберъ, также очень любимый въ Москвѣ скрипачъ, талантливый музыкантъ вообще, былъ другомъ Н. Г. Рубинштейна съ юношескихъ лѣтъ. Видное мѣсто занималъ также віолончелистъ Дробишъ, отличный музыкантъ, игравшій между прочимъ превосходно на альтѣ; ему посвящена или даже для него написана извѣстная соната А. Г. Рубинштейна для фортепіано съ альтомъ. Совсѣмъ молодой В. В. Безекирскій имѣлъ однако уже извѣстность отличнаго виртуоза не только въ Москвѣ, но и за границей. Кромѣ того, въ Москвѣ доживалъ свои дни старикъ Грасси, бывшій очень хорошимъ скрипачемъ. Всѣ эти лица въ первые годы существованія Музыкальнаго Общества

были весьма дѣятельными и усердными его сотрудниками, какъ по симфоническимъ, такъ и по квартетнымъ вечерамъ. Тогдашнимъ опернымъ капельмейстеромъ Большаго театра состоялъ С. И. Штуцманъ, очень дѣльный музыкантъ, отнюдь не бездарный, но опустившійся въ тогдашнія печальныя для русской оперы времена.

Между пѣвицами русской оперы первое мѣсто занимала г-жа Семенова, очень талантливая пѣвица съ гибкимъ, серебристымъ сопрано, вскорѣ потомъ покинувшая сцену. Очень большой альтъ имѣла г-же Петрова, но она почти уже не пѣла. Изъ пѣвцовъ очень большимъ успѣхомъ пользовался теноръ г. Владиславлевъ, потомъ перешедшій въ Малый театръ и пѣвшій иногда въ оперткахъ, въ которыхъ принимали участіе такіе артисты, какъ знаменитый комикъ-буффъ Живокини, Садовскій, Никифоровъ и другіе.

Самымъ главнымъ и драгоцѣннымъ помощникомъ Н. Г. Рубинштейна во всей его дѣятельности по Музыкальному Обществу былъ Константинъ Карловичъ Альбрехтъ, бывшій съ нимъ почти ровесникомъ по возрасту. К. К. Альбрехтъ былъ сыномъ извѣстнаго капельмейстера русской оперы въ Петербургѣ, находившагося въ хорошихъ отношеніяхъ съ Глинкой и ставившаго на сцену его *Руслана и Людмилу* въ 1842 г. Выслуживъ полную пенсію, Альбрехтъ-отецъ поселился въ Гатчинѣ и устроилъ тамъ у себя нѣчто вродѣ музыкальной школы, при чемъ училъ игрѣ на фортепіано и смычковыхъ инструментахъ. Онъ былъ въ то же время учителемъ своихъ сыновей, изъ которыхъ старшій К. К. Альбрехтъ въ 15-тилѣтнемъ возрастѣ уже поступилъ на службу въ оркестръ московскаго Большаго театра віолончелистомъ. Одаренный недюжиннымъ музыкальнымъ талантомъ и пытливымъ умомъ, юный віолончелистъ не могъ сдѣлаться большимъ виртуозомъ на своемъ инструментѣ вслѣдствіе неудобнаго склада руки. Въ Москвѣ онъ одновременно съ К. Ю. Давидовымъ бралъ уроки у превосходнаго віолончелиста Шмидта, бывшаго въ оркестрѣ Большаго театра, ушедшаго въ отставку около 1858 и уѣхавшаго за границу. К. К. Альбрехтъ много читалъ по-нѣмецки—по-русски онъ зналъ плохо—но въ чтеніи вкусъ у него былъ довольно исключительный, а именно: онъ чрезвычайно цѣнилъ Жана Поля Рихтера и потомъ нѣмецкихъ романтиковъ-поэтовъ, почти не выходя изъ этого узкаго круга чтенія. Впослѣдствіи, больше овладѣвъ русскимъ языкомъ, онъ сдѣлался большимъ поклонникомъ реализма нашихъ писателей. Во всякомъ

случаѣ онъ былъ человѣкомъ съ опредѣленными литературными вкусами, умѣвшимъ сказать, почему онъ остается сравнительно холоденъ къ Гете и очень любитъ Риккерта. Въ музыкѣ у него также были своеобразныя воззрѣнія, довольно крайняго характера. Въ этомъ отношеніи на него вѣроятно подѣйствовало чтеніе романтическихъ поэтовъ и писателей, а также знакомство съ музыкой ново-романтической школы Берліоза, Вагнера и Листа. К. К. Альбрехтъ былъ однимъ изъ первыхъ музыкантовъ, оцѣнившихъ геній Вагнера; онъ уже умѣлъ наслаждаться такою томительною сладостью гармоній, какъ, напримѣръ, *началомъ „Тристана и Изольды"* въ то время, когда Сѣровъ проповѣдывалъ только *„Тангейзера"* и *„Лоэнгрина"*, а въ Москвѣ еще не знали ни одной ноты Вагнера. По своей сравнительной начитанности и обширному знакомству съ музыкальною литературой молодой музыкантъ пользовался довольно значительнымъ вліяніемъ среди членовъ оркестра Большаго театра. Кромѣ того К. К. Альбрехтъ изрѣдка посылалъ корреспонденціи въ лейпцигскую Neue Musikzeitung, первоначально основанную Шуманомъ, а въ то время, о которомъ мы говоримъ, служившую для пропаганды новѣйшаго Берліозо-Листо-Вагнеровскаго направленія, получившаго названіе новоромантической школы. Полнѣйшая и искренняя преданность своимъ идеаламъ въ искусствѣ была однимъ изъ основныхъ свойствъ натуры К. К. Альбрехта, бывшимъ вѣроятно главнымъ поводомъ симпатій къ нему Н. Г. Рубинштейна; впрочемъ, большое значеніе имѣлъ, конечно, и живой, довольно дисциплинированный умъ, которымъ Альбрехтъ, какъ и Рубинштейнъ, выдѣлялись изъ музыкальной среды того времени, стоявшей въ этомъ отношеніи очень невысоко. Были, конечно, исключенія, но большинство московскихъ музыкантовъ не отличалось тогда богатствомъ не только общаго, но и спеціальнаго образованія; для многихъ членовъ opернаго оркестра музыка была ремесломъ, перешедшимъ къ нимъ отъ отцовъ и дѣдовъ, о высшихъ же цѣляхъ, служенію которымъ это ремесло посвящалось, они не разсуждали.

Въ такой общественной и артистической средѣ зародилось Русское Музыкальное Общество и началась общественная дѣятельность артиста, двадцать лѣтъ бывшаго душой и руководителемъ его московскаго отдѣленія.

Н. Кашкинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОДЪ РАЗНЫМИ ФЛАГАМИ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Надъ обрывомъ.

— Куда бѣгутъ облака? Зачѣмъ такъ быстро мѣняютъ они свои причудливыя формы? Съ какою цѣлью вечерняя заря играетъ красными, а не синими огнями? Почему вамъ нравится ночная пѣсня соловья, а не скрипъ немазанной телѣги? Вопросовъ такого порядка—тысячи, милліоны! Но отвѣтить на нихъ нельзя, они неразрѣшимы. Намъ иногда удается прослѣдить извѣстную связь явленій, то-есть, ихъ причинность; цѣль же этихъ явленій, ихъ внутреннее значеніе, сокровенный смыслъ ихъ бытія или небытія—вовсе недоступны разуму. И это, конечно, просто потому, что ни цѣли какой-либо, ни значенія, ни смысла въ явленіяхъ природы не существуетъ совсѣмъ: все это лишь довольно жалкое порожденіе человѣческой фантазіи, только!

— Ого! Значитъ, вся дивная громада мірозданія представляетъ собою безсмысленную случайность?

— Во-первыхъ, громадность—понятіе, вполнѣ субъективное, то-есть, самое крохотно-человѣческое. Ваша „дивная громада" можетъ оказаться лишь одною несоизмѣримо малою частью нѣкоторой еще болѣе „дивной" громады. Въ сущности, что̀ мы знаемъ о безконечности? о мірозданіи? Гдѣ ручательство, что міръ нашъ безпредѣленъ? Кто намъ сказалъ, что за предѣлами нашего міра, съ его явленіями и силами, не существуетъ еще нѣчто совершенно другое? Но, главное, при чемъ тутъ громадность вообще? Почему маленькую случайность легче допустить,

чѣмъ большую? И почему случайность ниже преднамѣренности, этого опять таки человѣческаго, то есть, крохотно глупенькаго представленьица? Сточная канава—несомнѣнный продуктъ преднамѣренности. Однако, слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы океанъ былъ ничтожнѣе сточной канавы?

— Ну... Тезисы ваши очень спорны... Но допустимъ на минуту, что вы правы. Что же дальше?

— Какъ, что! Получается самое прямое рѣшеніе заданной вами темы. Вы утверждаете, будто „разумный“ человѣкъ долженъ уяснить себѣ цѣль собственной жизни и дѣятельности, строго опредѣлить свои отношенія къ людямъ, и пр., и пр., въ такомъ же родѣ. А я васъ спрашиваю: куда бѣгутъ облака? Зачѣмъ они теперь имѣютъ глупую форму клецокъ изъ суповой чашки, а черезъ полчаса протянутся длинными полосами? Цѣль жизни, взаимоотношенія, альтруизмъ—поймите хорошенько—вѣдь это все тѣ же облака, то есть, вопросы неразрѣшимаго порядка, или даже просто игрушки человѣческой фантазіи. Въ океанѣ случайностей всякая ваша этика также наивна, какъ стулъ съ привязанною къ спинкѣ веревочкой, долженствующій изображать самую настоящую, живую лошадку.

— Вотъ что-съ! Подобно всѣмъ людямъ вашего образа мыслей, вы дѣлаете одну странную ошибку: вы a priori допускаете, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ матеріи и неразумныхъ силъ природы. Между тѣмъ самостоятельное бытіе духовнаго начала въ человѣкѣ не только никѣмъ еще не опровергнуто, но даже, именно въ наши дни, готовится повидимому стать общепризнаннымъ фактомъ.

— Гм... Вы, кажется, изволили сопричислить меня къ извѣстной кучкѣ махровыхъ болвановъ? Нѣтъ-съ! Забавною фигурой правовѣрнаго матеріалиста я никогда не былъ, и прятаться головой въ кустъ отъ неподходящихъ фактовъ вовсе не намѣренъ. Но я въ то же время не усматриваю, почему именно пресловутое духовное начало непремѣнно обязано идти въ разрѣзъ со всѣмъ, что мнѣ представляется истиной. Я сразу готовъ допустить, что противники матеріалистовъ поймали наконецъ душу за хвостъ и живьемъ демонстрировали ее не только ученому міру, а даже на главныхъ ярмаркахъ въ музеѣ рѣдкостей, рядомъ съ фонографомъ и труппой ученыхъ блохъ. Только что изъ этого слѣдуетъ? Что этимъ сказано и доказано? Я всетаки буду отлично знать, что и душа—такое же дитя случайности, именуемой мірозданіемъ, какъ все на свѣтѣ, а слѣдовательно

подчиняется тѣмъ же общимъ законамъ существованія. Говорятъ: вы отрицаете душу a priori! Нисколько. Это вы, напротивъ, a priori приписываете ей какія-то особыя свойства и требованія не отъ міра сего; вы придумали для нея особыя цѣли, этику и прочую дребедень, рѣшительно идущую въ разрѣзъ съ законами природы. Но отчего же, вѣря въ существованіе души, я непремѣнно долженъ увѣровать и во всѣ самыя нелѣпыя фантазіи гг. идеалистовъ? Этого-то вотъ я не понимаю.

— Замѣчаете ли вы однако, что отрицаніе этики равносильно смертному приговору надъ человѣчествомъ? Вѣдь, устранивъ всякое понятіе о долгѣ изъ человѣческаго разума и всякое чувство любви или состраданія изъ человѣческаго сердца, мы непремѣнно придемъ къ bellum omnium contra omnes.

— Едва ли. Ни любви, ни состраданія къ мухѣ у васъ не бываетъ; однако, вы все-таки годитесь раздавить ее. Кромѣ того, и не разсчетъ безъ особой надобности подвергаться опасностямъ репрессалій... Очевидно, было не въ цѣляхъ природы одарить насъ свойствомъ взаиморазрушенія.

— Ага! Вотъ это пріятно слышать! Значитъ, и у природы имѣются таки кое-какія свои цѣльки.

— Винюсь. Я дозволилъ себѣ неточное выраженіе, хотя мысль вѣрна. Мнѣ слѣдовало сказать: очевидно, взаиморазрушеніе не принадлежитъ къ числу свойствъ человѣческой случайности, такъ какъ въ противномъ случаѣ, по самой логикѣ вещей, человѣчество давно бы исчезло съ лица земли.

— Но развѣ свойство самоохраненія не представляется вамъ разумнымъ и цѣлесообразнымъ?

— А вы знаете, существуетъ-ли оно въ принципѣ природы? Это напоминаетъ мнѣ бесѣду двухъ старинныхъ французскихъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ восторгался промысломъ Творца. „Смотрите!“ восклицалъ онъ: „всѣ животныя и растенія, которыя легко и скоро размножаются, живутъ не долго; и наоборотъ: индивидуумы породъ, размножающихся туго, очень долговѣчны. Не бросается-ли тутъ прямо въ глаза предвѣчная мудрость, позаботившаяся объ охраненіи видовъ?“ Однако, другой натуралистъ поохладилъ этотъ восторгъ слѣдующимъ замѣчаніемъ. „Мнѣ-бы думалось—сказалъ онъ—что могли быть сотни видовъ, и не долговѣчныхъ, и не легко размножающихся; только... по времени они, разумѣется, всѣ вымерли“. Примѣните этотъ отвѣтъ стараго скептика къ своему замѣчанію: онъ разрѣшаетъ вопросъ не худо.

На этотъ разъ возраженія не послѣдовало.

Соловей давно уже заливался въ сосѣднихъ кустахъ цвѣтущей сирени. Успѣло и солнце скрыться за синевой далекаго лѣса, расцвѣтивъ небо огнями вечерней зари. Красиво отразились эти огни въ темной глубинѣ озера, дремавшаго подъ крутымъ и высокимъ обрывомъ, на утесистой вершинѣ котораго стояла изящная садовая скамья, нѣмая свидѣтельница вышезаписанной философской бесѣды.... Пронесся гдѣ-то въ сторонѣ нестройный топотъ копытъ и веселые голоса крестьянскихъ ребятишекъ, погнавшихъ лошадей въ „ночное". Замерла вдали хоровая пѣсня рабочихъ. И еще ярче защелкалъ и засвисталъ и заливался соловей въ наступившемъ затѣмъ безмолвіи въ честь луны побѣдительницы, которая, вопреки густѣющимъ тѣнямъ, вдругъ овладѣла озеромъ, заполонивъ его сѣтью серебряныхъ, вѣчно движущихся блестокъ. Озеро покорилось: почернѣвъ у берега и стыдливо прикрывая дальніе свои плесы сумракомъ ночи, оно засверкало живыми, фосфорическими струйками посерединѣ, да кое-гдѣ отсвѣчивало еще лилово-розовыми пятнами отраженныхъ облаковъ, но тусклыми и холодными, какъ блѣдная тѣнь полустертаго воспоминанія.

Красоту картины довершалъ роскошный старинный барскій садъ, который доходилъ до самаго озера, и на крайней скамьѣ котораго сидѣли наши философы - собесѣдники. Бѣлыя статуи, удачно освѣщенныя полною луною, эффектно выдѣлялись кое-гдѣ изъ темныхъ массъ древесной заросли, сотни растеній въ цвѣту переполнили воздухъ почти одуряющимъ ароматомъ. Фонтанъ съ тихимъ и гармоническимъ плескомъ разбрасывалъ снопъ своихъ блестящихъ струй и брызговъ, насквозь пронизанныхъ голубоватымъ свѣтомъ луны....

Но ни пѣсенъ соловья, ни красотъ весенняго заката, ни художественно разсчитанныхъ эффектовъ богатаго сада, почти не замѣтили увлекшіеся философы въ пылу оживленной бесѣды. И если на послѣднія фразы убѣжденнаго отрицателя не послѣдовало возраженій, то только потому, что прежде, чѣмъ они успѣли сорваться съ языка, сзади вдругъ раздался не громкій и почти робкій, но музыкальный женскій окликъ.

— George! Гдѣ ты?

Отрицатель живо обернулся.

— Здѣсь. А чтó?

Къ скамьѣ подошла молодая женщина, средняго роста, вся въ бѣломъ, безукоризненно изящная по фигурѣ и движеніямъ,

и очень миловидная, насколько можно было судить въ густомъ сумракѣ лунной ночи.

— Папа прислалъ сказать, что почту привезли. Есть и письма для тебя—два, кажется.

— Ну, вотъ! Мы тутъ съ кузиной судьбы всего мірозданія рѣшаемъ; а онъ надѣется прельстить насъ московскими новостями, либо позднѣйшими извѣстіями о какихъ-нибудь букашкахъ, вродѣ Карно, Бальфура или Каприви! Чего имъ отъ насъ нужно?

— Какъ-же это, судьбы мірозданія?

— Ну, разумѣется. Споримъ не на животъ, а на смерть. Не даромъ вѣдь кузина имѣетъ блистательное свидѣтельство объ окончаніи высшихъ женскихъ курсовъ!

— Дà, вотъ чтò! Счастливица эта Оля! вздохнула женщина въ бѣломъ.

— Ну, зачѣмъ ты ему вѣришь, Надя? отозвалась кузина. — Гдѣ ужъ тамъ спорить! Я только поучаюсь да реплики подаю, какъ жалкая comparsa на оперной сценѣ. А спорить я не въ силахъ.

— Правда? обрадовалась женщина въ бѣломъ. — Вотъ, вотъ! Я знаю, съ нимъ никто не справится. На чтò папа—про него въ газетахъ и въ книгахъ печатаютъ... А все-таки Жоржъ—голосъ смущенной женщины понизился почти до шопота—я думаю, ученѣе даже пàпы.

— Богъ съ тобою, Надя! очень удивилась кузина.—Съ чего ты взяла? Развѣ ты не знаешь, что дядя—одинъ изъ первыхъ и знаменитѣйшихъ ученыхъ въ цѣломъ мірѣ?

— Конечно, знаю. Но вѣдь Жоржу не шестьдесятъ два года отъ роду, и ты тоже не угадаешь, чѣмъ онъ будетъ въ какомъ-нибудь 1925 году.

— Можетъ быть, даже президентомъ Соединенныхъ Штатовъ Европы, не спорю! Только когда дядѣ исполнилось двадцать семь лѣтъ, въ свѣтѣ ужъ гремѣла его „Эмбріологія раковъ и ракообразныхъ", а Жоржъ въ тѣ-же годы вовсе отказался отъ ученыхъ занятій и выбралъ себѣ другую дорогу. Такъ почему можно думать...

— Ужъ думаю! И буду думать! А ты сама-то, по совѣсти, видала кого-нибудь умнѣе Жоржа? При томъ онъ съ папой иногда споритъ—и кто первый сдается, ну? Сдается папа, какъ онъ ни знаменитъ, да еще рукой махнетъ.

— А можетъ быть, это и значитъ: стоитъ-ли съ такимъ болваномъ попусту слова терять! разсмѣялся Жоржъ.

Надя только выпрямилась съ негодующимъ взглядомъ.

— Ты этому не вѣришь, но отчего? Папа не молодъ, утомился, ему лѣнь спорить и доказывать.

— Неправда! Папа изъ добрыхъ добрый, онъ даже со мной серьезно разговариваетъ, и я его немножко понимаю... Немножко! Я не хвастаюсь, что много... Мнѣ кажется, если-бы madame Falconier и другіе учителя объясняли мнѣ такъ-же просто и терпѣливо, какъ папа—я бы, пожалуй, и не вышла такою ужъ дурой.

— Я твою madame Falconier знавала, замѣтила вскользь кузина.—Пренесносная старуха.

— Зато ужасно ученая. Она даже съ самимъ Марго была въ дружеской перепискѣ.

— Съ какимъ Марго?

— Съ тѣмъ самымъ, по которому французскій проходятъ.

— Французскій?.. Ахъ, да! Авторъ учебника... Вотъ такъ знаменитость! И Фалькониха этимъ хвасталась?

Жоржъ и кузина невольно разсмѣялись.

Надя съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но безъ малѣйшей досады. посмотрѣла на обоихъ.

— Да, хорошо тебѣ смѣяться, Оля—сказала она грустно—когда ты сама всему училась и все понимаешь...

— Надя! Голубушка! порывисто вскочила кузина, бросаясь обнимать молодую женщину.—Повѣрь, я такая-же дура, какъ и всѣ. А ужъ тебя-то я вò сто разъ хуже во всѣхъ отношеніяхъ, я одного твоего мизинчика не стòю!

— Хуже? Какъ-бы не такъ! Не сидѣлъ-бы съ тобою Жоржъ по цѣлымъ часамъ, если-бы ты была въ самомъ дѣлѣ хуже!

— Ну, ясное дѣло! шутливо замѣтилъ Жоржъ, съ небрежною лаской цѣлуя руку жены.—Вы не можете быть плохи, кузина, если на васъ обращаетъ благосклонное вниманіе такое ученое совершенство, какъ я. Иди, однако, моя дорогая, и скажи папѣ: какъ только мы здѣсь убѣдимся, что земной шаръ еще виситъ въ пространствѣ довольно прочно, а звѣзды тоже не падаютъ съ неба и не зашибутъ намъ головку—мы затѣмъ сейчасъ-же явимся читать газеты.

Надя въ свою очередь поцѣловала руку мужа и покорно отправилась назадъ, думая про себя: „Если-бы я не была когда-то лѣнивою и гадкою дѣвчонкой—можетъ быть, теперь Жоржу и со мной не было-бы скучно“.

А у кузины невольно вырвалось:

— Господи, какая прелесть ваша жена! Кажется, будь я мужчиной—я бы влюбилась въ нее безъ памяти.

— Да... Но это именно потому только вамъ и кажется, что вы—женщина, сухо замѣтилъ Жоржъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Только женщины любятъ при себѣ держать чистенькую овечку на розовой или голубой ленточкѣ.

Дѣвушка вспыхнула.

— И это говорите вы! вы!! воскликнула она съ искреннимъ негодованіемъ.

Глядя на нее въ упоръ серьезнымъ и смѣлымъ взглядомъ, онъ твердо произнесъ:

— Говорю я.

— Однако годъ тому назадъ, когда вы были еще женихомъ, вы конечно не такъ думали.

— Ошибаетесь. Именно такъ.

— Но... въ такомъ случаѣ... зачѣмъ-же вы женились?... Господи, что это я болтаю! вдругъ совсѣмъ переконфузилась дѣвушка.—Извините меня, ради Бога...

— Не извиняйтесь и не смущайтесь! улыбнулся онъ серьезно, но ласково. *Вы* ничего неприличнаго не сдѣлали, и *вамъ* я буду отвѣчать охотно, съ полною откровенностью. Это потому, что вы—не благовоспитанная только барышня, но умный человѣкъ и товарищъ, который давно выросъ изъ пеленокъ прописной морали, сумѣетъ понять законную гордость свободнаго ума, и вѣрно оцѣнитъ поступки, совершенные въ силу убѣжденій, безъ малодушнаго виляныя хвостомъ въ угоду безсмысленнымъ, но традиціоннымъ вѣрованіямъ большинства.

Онъ помолчалъ.

— Женился я,—вѣско отчеканилъ онъ,—затѣмъ,—опятьтаки глядя на дѣвушку въ упоръ,—женился я потому, что невѣста принесла мнѣ въ приданое милліонъ; а до тѣхъ поръ богатъ былъ мой отецъ, но не я самъ. При этомъ невѣста не оказывалась ни противнымъ уродомъ, ни неблаговоспитанною кухаркой, ни невозможною по характеру. Напротивъ, нѣкоторая ея простоватость представлялась ручательствомъ, что мнѣ легко будетъ ее успокоить и удовлетворить безъ особыхъ усилій. Наконецъ она—урожденная княжна Волхонская, и пріобрѣтенныя мною черезъ женидьбу связи имѣютъ, въ житейскомъ смыслѣ, весьма крупное значеніе.

— Но... но...

— Договаривайте.

— Это... совсѣмъ нехорошо! упавшимъ и еле слышнымъ голосомъ пробормотала она.

— Значитъ, было бы лучше, еслибы я, не вѣря ни на копѣйку въ уставы указной морали, все-таки вилялъ бы передъ ними хвостомъ съ собачьею почтительностью, и отрекался бы съ легкимъ сердцемъ отъ собственныхъ убѣжденій?

— Нѣтъ... Конечно, нѣтъ... Но вѣдь есть же и у васъ—тоесть, въ вашихъ поступкахъ—какая-нибудь общая, руководящая нить, какой-нибудь критерій для добра и зла.

— Разумѣется, есть, и даже очень простой: я беру отъ жизни все, что могу взять. Это мой критерій. Все для меня полезное и пріятное—добро, все вредное—зло.

— Для васъ! А для другихъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Вы знаете, что этика... ce n'est pas mon fort precisement. Впрочемъ, я позволяю себѣ думать, а по времени и вы непремѣнно со мною согласитесь, что, строго говоря, только мой способъ жить дѣйствительно этиченъ, такъ какъ онъ вполнѣ совпадаетъ съ естественными наклонностями человѣка: все другое является, напротивъ, уже нѣкоторымъ надъ ними насиліемъ. Полноте, Оля!.. Простите, что я васъ такъ назвалъ. ...Съ вашимъ большимъ умомъ и крупнымъ характеромъ, бросьте вы разъ навсегда всю эту пошлую суэту и мудрость грошовыхъ праведниковъ, перестаньте пугаться собственной тѣни, а будьте тѣмъ, чѣмъ создала васъ мать-природа — то-есть, гордымъ, независимымъ, смѣлымъ, а главное—не мелочнымъ и не по бабьи рыхлымъ, слезливымъ созданіемъ.

— Но развѣ разсчетъ на связи да мильоны не мелкая тоже суэта?

— Не совсѣмъ. Разъ, что мнѣ суждено существовать на землѣ и среди людей, для меня вовсе небезразлично, буду ли *я* властвовать или, напротивъ, будутъ помыкать *мною*. Въ своемъ міркѣ я хочу быть въ ряду первыхъ, а не послѣднихъ, хочу удовлетворить всѣ свои желанія, то-есть, взять на свою долю столько счастья, сколько это возможно въ человѣческихъ условіяхъ, а не облизываться завистливо на другихъ, съ пересохшею отъ жажды глоткой. Въ земной жизни—я другой не знаю—что̀ же еще-то можетъ явиться болѣе значительнымъ? И вы должны отдать мнѣ справедливость, что первые шаги въ избранномъ мною направленіи я сдѣлалъ не безъ успѣха. Въ двадцать семь

лѣтъ отъ роду я— магистръ университета, предводитель дворянства, человѣкъ съ милліоннымъ состояніемъ и съ лучшими въ Петербургѣ связями. Словомъ, всѣ дорòги передо мной открыты, и мнѣ остается только выбрать, чтò болѣе по вкусу.

— Потомъ?

— То-есть, чтó потомъ?

— Ну, дà, потомъ? Поймите, я съ вами соглашаюсь и все допускаю. Вы будете первою силой въ государствѣ, великимъ политикомъ или сказочнымъ богачомъ. Вы захватите власть, славу, величіе; передъ вами будутъ ползать и пресмыкаться... Ну, а потомъ?

— Да что же еще потомъ?

— Вѣдь во всемъ, чего вы желаете достигнуть, вы видите не средство, а самую цѣль. Хорошо, вы добьетесь этой цѣли. Но что же будетъ дальше? Схвàтите простуду, или лошади разобьютъ коляску—и всей комедіи конецъ? совсѣмъ конецъ? Стоитъ же хлопотать, бороться, мучиться, тратить свои лучшія силы! Развѣ это не та же игра со стуломъ вмѣсто живой лошадки?

— Такъ... Вы зато добьетесь курицы въ каждомъ супѣ; всѣхъ Ивановъ, Петровъ, Екатеринъ и Степанидъ вы содѣлаете до того счастливыми, что они будутъ даже ржать отъ восторга, всѣ люди разъ навсегда превратятся въ Маниловыхъ, и только тѣмъ и будутъ заняты, что съ нѣжностью станутъ класть другъ другу въ ротъ карамельки. Хорошо, вы добьетесь этой цѣли. Но что же будетъ дальше? Схватите простуду, или лошади разобьютъ коляску—и всей комедіи конецъ?

— То-то, что не конецъ! Я буду счастлива сознаніемъ, что оставила по себѣ великій слѣдъ.

— Гдѣ-жь это вы бидете радоваться-то, въ могилѣ? И чему?

— Какъ чему? Счастью ближнихъ!

— Позвольте! Попавъ подъ могильную плиту, вы не только не будете ближнею всѣхъ веселыхъ и благополучныхъ Екатеринъ или Степанидъ, но даже и вообще будете не человѣкомъ, а чѣмъ-то другимъ. Слѣдовательно, и радоваться вамъ за людей не останется ни малѣйшаго резона.. А жизнь будетъ ужъ израсходована, прожита—именно на этихъ Екатеринъ и Степанидъ, чтобы онѣ ржали по лошадиному... Нѣтъ, ужь приносить имъ себя въ непрошенную жертву я вовсе не намѣренъ! Въ жизни человѣческой, какъ она ни коротка, найдется много радостей, много жгучихъ наслажденій и, пожалуй, даже высокаго счастья. Стоитъ только не пропускать случаевъ и возможностей!

— Счастья? Даже высокаго счастья! А напримѣръ?

— Напримѣръ, существуетъ на свѣтѣ любовь.

— Любовь?!

— Да, любовь! Любовь не къ невинной овечкѣ, разумѣется — въ каковомъ остроумномъ чувствѣ вы сдѣлали мнѣ честь меня заподозрѣть — не смѣшное или даже гаденькое поползновеньице... Нѣтъ, я говорю о высокой, упоительной любви къ существу, равному по силѣ духа, о любви свободной, гордой и самодовлѣющей, любви безъ всякихъ указокъ и цѣпей — любви, можетъ быть, не вѣчной, наконецъ, а напротивъ ненадежной, измѣнчивой и бурной, какъ самая жизнь, даже гибельной, пожалуй, но тѣмъ болѣе опьяняющей, тѣмъ болѣе божественно-счастливой, такъ какъ она не прикинута на вершки, не развѣшана на лоты и не оцѣнена на гривенники... Развѣ одна такая любовь не стоитъ всѣхъ вашихъ этическихъ или богословскихъ предусмотрѣній и холодныхъ выкладокъ, кому и сколько именно благополучія слѣдуетъ отпустить въ сей и будущей жизни?..

— Но послушайте...

— Развѣ такая любовь, въ своей безусловной прямотѣ и дерзости, не шире, не чище тѣхъ нравственныхъ тропинокъ, при посредствѣ которыхъ вы стараетесь не отдавить ножку ближнему? Да чортъ ее возьми, эту ножку, если она суется невпопадъ! Развѣ, наконецъ, такая любовь нуждается въ благословеніяхъ бородатаго попа или въ согласіи г. мера, со внесеніемъ въ контрактъ всѣхъ предварительныхъ условій торга? Скажите, Оля.. Извините! Ольга Сергѣевна...

Дѣвушка смотрѣла на смѣлое, одушевленное лицо съ тонкими и красивыми чертами, на пылающіе страстью чудесные глаза, на стройную фигуру, полную силъ, смягченныхъ изяществомъ — и... и... отъ ея негодованія не оставалось и слѣда...

Глава II.

Знаменитость на покоѣ.

Алексѣй Петровичъ Незнамовъ, — сѣдой, какъ лунь, но чрезвычайно благообразный старикъ, — сидѣлъ въ просторномъ кабинетѣ своего деревенскаго дома, опустивъ на колѣни исписанный листокъ почтовой бумаги, и думалъ...

Спѣшу сказать, что Незнамовъ былъ именно тѣмъ „папой“ или „дядей“, о которомъ дѣйствующія лица предыдущей главы упоминали, какъ объ одномъ изъ славнѣйшихъ ученыхъ своего

времени. Дѣйствительно, университеты и серьезная пресса всего образованнаго міра тридцать лѣтъ сряду съ глубокимъ вниманіемъ слѣдили за работами Незнамова. Онъ оставилъ по себѣ великій слѣдъ, неизгладимую память въ исторіи своей спеціальности; онъ былъ несомнѣнно однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ ученыхъ, имя которыхъ навѣки связано съ цѣлою эрой научнаго развитія; а современники, не обинуясь, признавали въ немъ даже геніальность.

Однако, въ недавнее время, послѣ двухъ тяжелыхъ потерь— смертей жены и единственнаго, горячо любимаго брата — Незнамовъ вдругъ очень состарѣлся, какъ-то упалъ духомъ и охладѣлъ къ своимъ ученымъ занятіямъ. Несмотря на всевозможныя убѣжденія товарищей и демонстративныя просьбы студентовъ, онъ сложилъ съ себя званіе академика и обязанности профессора, вышелъ въ чистую отставку и поселился со всею семьей въ наслѣдственномъ, великолѣпномъ помѣстьѣ Чорновраги или Чорны-Враги, Чарныши тожь. Алексѣя Петровича даже призабывать стали, насколько вообще могутъ быть забытыми подобные люди.

Семья у него была очень небольшая: единственный сынъ, женатый на княжнѣ Надеждѣ Александровнѣ Волхонской, да племянница Ольга Сергѣевна, единственная же дочь его покойнаго любимаго брата, которая, впрочемъ, появилась въ Чорноврагахъ не болѣе мѣсяца тому назадъ, такъ какъ проживала въ Петербургѣ у родныхъ своей матери, тоже покойной, оканчивая занятія на высшихъ женскихъ курсахъ. По настоятельному желанію или даже требованію отца, выраженному на смертномъ одрѣ, она, получивъ блестящее свидѣтельство о полномъ окончаніи курса въ избранномъ отдѣленіи, поселилась затѣмъ у дяди Алексѣя Петровича, который принялъ ее съ горячею любовью, какъ родную дочь.

Впрочемъ, съ тремя молодыми членами семьи Незнамова мы уже нѣсколько знакомы, благодаря первой главѣ; а потому— станемъ продолжать разсказъ.

Алексѣй Петровичъ все сидѣлъ въ кабинетѣ, съ письмомъ въ рукѣ, когда его бронзовые часы на каминѣ—stile Empire и работа Leroy à Paris—пробили десять. Въ эту пору старый профессоръ, очень будто бы полюбившій свой садъ и полевое хозяйство, обыкновенно бродилъ между цвѣтниками либо въ огородѣ, а частенько отправлялся и въ поле, исхаживая одинъ своими непривычными ногами и стариковскою медленною походкой цѣлыя версты... Зачѣмъ? Въ самомъ ли дѣлѣ великій уче-

ный и очень богатый человѣкъ такъ интересовался на старости успѣшнымъ ростомъ клевера либо пшеницы?.. Какъ это знать! Но изо дня въ день, въ строго опредѣленное время старикъ неизмѣнно выходилъ на свою одинокую прогулку, если ненастье или глубокая осень не загоняли его въ теплый кабинетъ.

На этотъ разъ, однако, несмотря на прелестную майскую погоду, онъ просидѣлъ надъ письмомъ цѣлый лишній часъ. Очевидно, этотъ бумажный листикъ сообщалъ вѣсти серьезнаго значенія, а можетъ быть, еще и очень скорбныя... По крайней мѣрѣ, судя по лицу Незнамова, думы его были вовсе не изъ веселыхъ.

— Не понимаю! Совсѣмъ ничего не понимаю!—бормоталъ онъ сквозь зубы. — Нынѣшнихъ людей не понимаю. Съ человѣчествомъ, очевидно, творится что-то новое.

Тяжело вздохнувъ, старикъ сунулъ письмо въ свой боковой карманъ, всталъ, надѣлъ картузъ съ огромнымъ зеленымъ козырькомъ, прихватилъ палку и направился къ выходу. Проходя мимо дверей, которыя вели въ половину, занятую его сыномъ, онъ пріостановился, какъ бы колеблясь: не зайти-ли? Но махнулъ рукой и пошелъ дальше.

Впрочемъ, онъ встрѣтилъ Георгія Алексѣевича почти тотчасъ же, въ одной изъ ближайшихъ аллей.

— Я получилъ отъ Стамати очень непріятную вѣсть,—сказалъ старикъ послѣ размѣна обычныхъ привѣтствій, и глядя на Георгія Алексѣевича въ упоръ: сынъ его застрѣлился.

— Молодой Стамати?

— Да. Вслѣдствіе запутанности денежныхъ дѣлъ. Отецъ годъ тому назадъ уплатилъ всѣ его долги, хотя и съ огромными личными жертвами... Ну, а теперь молодецъ выдалъ векселей еще на пятнадцать тысячъ; но, видно, посовѣстился опять тревожить старика и отнять у него послѣднія крохи—пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

— Тряпка!—презрительно пожалъ плечами Георгій Алексѣевичъ.—Тряпичное сердце и тряпичная голова.

— Какъ! Пуля въ лобъ, себѣ или другому, это—ultima ratio нашего времени. Должно быть, юноша полагалъ, что такимъ исходомъ онъ обидитъ отца менѣе, чѣмъ отобраніемъ послѣднихъ кредитныхъ бумажекъ... И ошибся. Отецъ-то стариннаго покроя человѣкъ, тотчасъ же все отдалъ, до послѣдней копѣйки, чтобы очистить память сына.

— Тоже не понимаю!—опять пожалъ плечами Георгій Алексѣевичъ.—Донкихотство, и престранное.

— Единственный вѣдь былъ у него сынъ-то. Теперь,—пишетъ,—остался я голъ, сиръ и хилъ, не хуже Іова. Постараюсь все-таки жить, чтобы до конца выстоять подъ своимъ знаменемъ, и не сдѣлаться для молодыхъ примѣромъ узкаго эгоизма и малодушія. Не я—пишетъ—соблазню единаго отъ малыхъ сихъ; но каково мнѣ это достается—самъ поймешь.

— Мелочной, ничтожный человѣкъ всегда и во всемъ!—процѣдилъ сквозь зубы Георгій Алексѣевичъ.

— Кто?

— Разумѣется, Андрей, молодой Стамати.

— Однако, послушай... неужто тебѣ его не жаль? Вѣдь вы дѣтьми вмѣстѣ бѣгали; затѣмъ столько лѣтъ были товарищами и по гимназіи, и по университету... Да и мы съ отцомъ его ровно четверть вѣка вмѣстѣ тянули профессорскую лямку, уважали и любили другъ друга. У покойной матери Андрея, добрѣйшей изъ добрыхъ, ты, бывало, на колѣнахъ игрывалъ.

— Разумѣется, мнѣ жаль,—довольно сухо отозвался Георгій Алексѣевичъ.—Хотя я въ сущности былъ увѣренъ, что онъ все равно потерянный человѣкъ. Запутался, и не съ его характеромъ было выскочить сухимъ изъ воды.

— Ты развѣ зналъ о его долгахъ?

— Зналъ давно!—презрительно махнулъ рукой Георгій Алексѣевичъ.—Еще съ прошлой осени.

Старикъ Незнамовъ замѣтно покраснѣлъ.

— Послушай, Жоржъ... Стамати мнѣ пишетъ—не навѣрное, конечно, а тоже по слухамъ... Ты не обижайся; но вѣдь если это клевета или какое-нибудь подлѣйшее недоразумѣніе, то вѣдь именно необходимо разсѣять ихъ поскорѣе...

— Въ чемъ дѣло?

— Молодой Мощеновъ позволилъ себѣ утверждать въ профессорскомъ кружкѣ, будто ты—когда въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ, именно прошлою осенью—такъ будто-бы ты... выигралъ у Андрея Стамати десять тысячъ, да тѣмъ и доканалъ его; будто ты не согласился даже ни разсрочить, ни вексель взять...

— Я дѣйствительно выигралъ.

— И взялъ?!

— Разумѣется.

— Господи! Да зачѣмъ же? Зачѣмъ тебѣ эти деньги?

— Ну, не скажите!—сухо замѣтилъ сынъ. – Сумма круглая и всегда найдетъ себѣ мѣсто.

— Какъ ты сказалъ? Круглая?.. Да. Тьфу! Я совсѣмъ о другомъ. У Андрея-то, у Андрея зачѣмъ ты взялъ?

— Вотъ это мило! Проигралъ—отдай, выигралъ—не бери. Такъ, что ли, прикажете дѣлать?

— Но вѣдь ты зналъ, въ какомъ онъ положеніи!

— Кто-же его тащилъ играть?

— Однако, самъ-то ты никогда не проигрываешь больше какихъ-нибудь двухъ или трехъ сотъ рублей.

— Совершенно вѣрно. Я не позволяю себѣ увлекаться, не строю изъ себя дурака, мота или расточителя. Что же и за это я заслуживаю выслушать родительскій упрекъ?

— Ахъ, нѣтъ!

Алексѣй Петровичъ помолчалъ, а затѣмъ безнадежно махнулъ рукой.

— Не понимаемъ мы другъ друга, и никогда не поймемъ. О чемъ же еще толковать!

И, даже не оглянувшись на сына, побрелъ далѣе.

Георгій Алексѣевичъ насупился ему вслѣдъ.

„Фатеръ чрезвычайно пораженъ!“ —подумалъ онъ съ досадой. „Всю исторію онъ опять сложитъ въ глубинахъ своего сердца, и я знаю, не забудетъ мнѣ этого никогда. Преправный старичишка, хотя придерживается тряпичныхъ сантиментальностей! Ну, да съ нимъ-то я справлюсь, не бѣда... А вотъ скверно, если въ Петербургѣ исторія огласится. Мало ли тамъ разныхъ добродѣтельныхъ старцевъ и даже юношей, которые съ особеннымъ наслажденіемъ будутъ ужасаться сухости моего сердца! Выйдетъ пренепріятная сплетня... Да, я, кажется, сдѣлалъ крупную ошибку. Не слѣдовало брать денегъ, а какъ-нибудь погромче и половчѣе выставить на видъ свое великодушіе...

Алексѣй Петровичъ направился черезъ садъ прямо въ поле и побрелъ между зеленосѣрыми волнами ржаныхъ полей, уже успѣвшихъ выкинуть колосья, между яркими, веселыми всходами овсовъ и спѣлой, сочной оранью, совсѣмъ подготовленной для посѣва гречихи.

День выдался чудесный—солнечный, но не томительно жаркій; и хотя среди безконечныхъ, ровныхъ полей глазу рѣшительно не на чемъ было остановиться—весенній уборъ смиренной русской природы могъ тронуть родное ему сердце сво-

сею мягкою, стыдливою прелестью. Не блеститъ онъ царственной роскошью красокъ пышнаго Средиземья, не поражаетъ южнымъ избыткомъ растительной мощи; зато въ немъ больше свѣжести, простора и звуковъ. Восторженныя пѣсни жаворонковъ въ воздушной вышинѣ, ваваканье перепеловъ, суетливо шныряющихъ между роскошными кустами ржи, писки и щебетанье какихъ-то другихъ пташекъ, перелетывающихъ съ былинки на былинку—все это милѣе и гармоничнѣе бездушно-однообразнаго треска цикадъ. Знойная красавица Юга, конечно, прекраснѣе миловидной дочки сосѣда-помѣщика, но и суше ея, и загадочнѣе, и... „вѣкъ прожить" тянетъ васъ именно съ дочкою сосѣда.

Впрочемъ, Алексѣй Петровичъ, всегда очень чуткій и отзывчивый на смиренныя прелести своего родного поля, и особенно, какъ всѣ старики, страстный обожатель солнца и ясной погоды—на этотъ разъ не замѣчалъ ни зацвѣтающихъ васильковъ, ни красивыхъ оттѣнковъ волнующейся нивы, ни характернаго запаха спѣлой, сочной и разогрѣтой солнцемъ, орани, ни даже чудесной синевы весенняго неба съ немногими бродячими облаками, этими вѣчными „мечтами" нашей сѣверной природы. Горькія, очень горькія думы осаждали сѣдую голову старика.

— Все рушится, все гибнетъ кругомъ—говорилъ онъ себѣ почти съ отчаяніемъ—именно въ то время, когда и собственныя силы уходятъ. Жена и братъ въ могилѣ. А теперь даже сына нѣтъ. Къ чему тянуть глупую игру въ прятки съ самимъ собою? Пора сказать ясно и прямо: да, у меня нѣтъ больше сына! Что̀ я для Жоржа, и—еще ужаснѣе—что̀ Жоржъ для меня? Мы чужіе другъ другу... можетъ быть, хуже, чѣмъ чужіе! Ни сочувствовать сыну, ни даже просто понимать его я не могу. Впрочемъ, его-ли одного! Я вообще пересталъ понимать людей нынѣшняго поколѣнія, имъ же имя легіонъ. Мнѣ страшно думать, что эти люди—все-таки дѣти наши! Неужто мы—отцы—чѣмъ-нибудь содѣйствовали образованію подобныхъ характеровъ и понятій? Неужто тутъ наша вина, наша ошибка? Боже! Отъ одной этой мысли можно съ ума сойти, руки на себя наложить...

Старикъ безсознательно снялъ картузъ и носовымъ платкомъ отеръ потъ, выступившій у него на лбу.

— Стамати пишетъ, что онъ и самого себя причитываетъ къ числу убійцъ Андрюши, потому что мы, старики, позволили себѣ быть апостолами недостаточно провѣренныхъ ученій матеріализма не только въ примѣненіи ихъ къ наукѣ, но и къ дѣйствительной жизни. Въ этомъ, по замѣчанію Стамати, и сказа-

лось наше русское варварство, легковѣсное и позорное увлеченіе послѣднею новинкой, отсутствіе культурныхъ преданій и уваженія къ опыту. Какой-нибудь нѣмецкій гелертеръ, только что громившій съ каѳедры учрежденіе брака, вслѣдъ затѣмъ мирно отправляется въ собственную семью кушать картофельный супъ. Это потому, что онъ отлично знаетъ разницу между соблазнительною гипотезой и безспорною истиной. Только послѣдней готовъ онъ дать право гражданства въ дѣйствительной жизни. Русскій же ученый, заподозривъ вредоносность семьи подъ вліяніемъ послѣдней нѣмецкой книги, вовсе не прочь сейчасъ же и восторженно сообщить объ этомъ родной дочери, дѣвушкѣ шестнадцати лѣтъ. Не могу я, молъ, скрывать свои убѣжденія! Это свойственно только нѣмецкимъ филистерамъ... Вчерашніе татаре все еще не уразумѣли, что въ наукѣ нѣтъ и не можетъ быть убѣжденій, а есть лишь точное знаніе, которое и проповѣдывать не нужно, потому что оно само себѣ проложитъ дорогу. Убѣжденія же обыкновенно оказываются, по провѣркѣ, лишь довольно разнузданною фантазіей, кое-какъ подпертою плохо переваренными „учеными“ софизмами. Они, конечно, нуждаются въ пропагандѣ, чтобы достигнуть извѣстнаго значенія. Но какъ назвать апостоловъ подобной пропаганды, ученыхъ жрецовъ и фокусниковъ?

Алексѣй Петровичъ вдругъ остановился на ходу и вытащилъ изъ кармана объемистое письмо Стамати — большой листъ почтовой бумаги, тѣсно исписанный мельчайшимъ, но четкимъ, такъ называемымъ бисернымъ почеркомъ.

— Гдѣ онъ это пишетъ? Да, вотъ! „Пойми, старый другъ, что мы съ тобою выросли и воспитались въ атмосферѣ идеализма; а потому, *убѣжденно проповѣдуя* матеріализмъ въ теоріи, мы сами-то, лично, даже не замѣтивъ того, остались настоящими идеалистами, которымъ естественно было придерживаться кое-какой самозданной и хромой этики. Такъ-ли, сякъ-ли — мы проковыляли съ этою этикой свою грѣшную жизнь... Но дѣти наши какъ разъ находятся въ обратномъ положеніи. Хотя мысль человѣчества снова повернулась въ сторону идеаловъ, но они успѣли вырасти и воспитаться въ атмосферѣ самаго убѣжденнаго матеріализма, и потому, даже проповѣдуя съ каѳедръ о его несостоятельности, сами-то они лично — все таки остаются матеріалистами чистѣйшей воды, при чемъ, конечно, не могутъ не презирать нашу хромую этику, такъ безнадежно-плохо связанную, или даже логически несовмѣстимую съ нашимъ же глав-

нымъ ученіемъ. Вотъ почему, старый другъ Алексѣй Петровичъ, я увѣренно говорю, что и я, и ты, и всѣ, намъ подобные, участвовали въ убійствѣ Андрюши. Это *нашъ* грѣхъ! Я покорно и молча принялъ на свою сѣдую голову страшную кару и понесу ее съ собой до могилы, какъ нѣчто заслуженное и неизбѣжное. Такъ же понеси и ты свою долю. Вѣрь мнѣ, мы надѣлены поровну! Если Георгій погубилъ Андрея, то это дѣло простой случайности, и завтра же могло бы произойти наоборотъ. Я не щажу тебя, старый другъ, пишу все прямо... Если мы грѣшили, творили зло и оскорбляли Божественную истину, то все же—я знаю—дѣлали это безсознательно, съ пылкимъ стремленіемъ ко благу и во имя той же святой истины. Такъ ужь не къ лицу намъ теперь постыдно и малодушно отрекаться отъ горькаго плода дѣлъ своихъ. Вкусимъ его на старости лѣтъ, и пусть судитъ насъ Тотъ, кто выше людей...“

Крупныя слезы потекли по морщинистымъ щекамъ Незнамова и заставили его поспѣшно выхватить платокъ.

— Плачь, плачь, старый дуралей!—говорилъ онъ себѣ съ ожесточеніемъ.—Очень теперь кому нибудь нужны твои слезы!.. Конечно, правъ Стамати, сто разъ правъ! Что могло выйти изъ поколѣнія, воспитаннаго на лжи и ошибкахъ? А покойный Пироговъ въ своихъ предсмертныхъ запискахъ еще глубже проникъ въ смыслъ нашихъ подвиговъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужно быть завзятымъ идіотомъ, чтобы съ такимъ хрупкимъ и ничтожнымъ орудіемъ, какъ разумъ, начинать борьбу противъ вѣры, которая есть коллективный результатъ инстинктовъ всего человѣчества и существованіе свое измѣряетъ тысячелѣтіями. Втягивать же за собою въ эту нелѣпо-безнадежную борьбу еще и пылкую, довѣрчивую молодежь—это ужь не только легкомысленно, глупо и презрѣнно, но даже преступно. Правъ Стамати! Мы пожинаемъ, что посѣяли...

— Папа! Я съ вами пройдусь немножко. Можно?

Алексѣй Петровичъ живо поднялъ голову.

Съ изящнаго шарабана, который успѣлъ догнать его, легко и граціозно спрыгнула на́-земь Надежда Александровна.

— Ты поѣзжай домой!—махнула она рукой бывшему съ ней подростку-кучеренку.

— Папа, у меня къ вамъ большая, очень большая просьба!

Судя по наружности, молодая женщина была чѣмъ-то серьезно разстроена или даже огорчена.

— Въ чемъ дѣло, Надя, и откуда ты?

— Изъ церкви. Сегодня воскресенье.

— Да, я забылъ. Ну?

— Голубчикъ папа! Уговорите Жоржа, чтобы онъ въ большіе праздники не поилъ крестьянъ водкой и не заставлялъ ихъ работать. Ради Бога, папа!

— Что ты, Надя, и почему? Развѣ ты не знаешь, что это у насъ давній, повсемѣстный обычай?

— Знаю. Но не хорошій онъ, не христіанскій, постыдный! Я сегодня во время проповѣди глазъ поднять не смѣла... Отецъ Николай именно по этому поводу увѣщевалъ прихожанъ.

— Попъ?—нахмурился Незнамовъ.—Что же могъ онъ сказать?

— А вотъ! Сами вы—говоритъ—братья, какъ ни бѣдны, какъ ни нуждаетесь, однако не работаете на себя въ праздники; хотя трудъ, исполненный по необходимости, ради прокормленія семьи, есть трудъ честный и добрый, на который и Богъ взглянетъ милостиво въ страшный день суда своего. Такимъ образомъ я вижу, что вы хорошо знаете обязанность каждаго вѣрнаго сына Церкви свято чтить установленные ею праздничные дни. Что же подумаютъ о васъ, братья, Богъ и люди, увидѣвъ, какъ вы, даже въ двунадесятые праздники, толпами бѣжите не въ храмъ Божій для молитвы, а на работу, и не на свою работу, не ради голодныхъ дѣтей вашихъ, а на чужую, ради нѣсколькихъ стакановъ водки! Ужели водка милѣе вамъ вѣры отцовъ вашихъ и уставовъ Церкви? Ужели барскій полуштофъ скорѣе трогаетъ ваше сердце, чѣмъ слезы полуголодныхъ малютокъ?..

Надежда Александровна пріостановилась, стараясь вспомнить точныя выраженія проповѣди.

— Дальше о. Николай говорилъ не въ бровь, а прямо въ глазъ,—замѣтила она. Я, кажется, помню даже слово въ слово... Жители Чорноврагова, Оржанки и Подберезья!—воскликнулъ онъ. Гдѣ вы были въ день св. Николая? Здѣсь въ церкви я не видѣлъ ни одного изъ васъ. Вы поспѣшили съ ранняго утра приняться за работу да за водку, предложенную вамъ богатымъ, сильнымъ и ученымъ бариномъ. Богатый, онъ пожелалъ нажить лишнюю копѣйку и съ вашей бѣдности; сильный, поспѣшилъ захватить себѣ часть вашего труда, хотя его не хватаетъ для собственныхъ вашихъ семействъ; наконецъ, ученый, онъ не погнушался воспользоваться вашею темнотой къ своей выгодѣ, пренебрегая тѣмъ, что въ его водкѣ вы легко можете утопить послѣдній свѣтлый лучъ ума или совѣсти, потерять образъ чело-

вѣческій... Но Господь все видитъ и воздаетъ коемуждо по дѣломъ его!

Надежда Александровна замолкла, взволнованно переводя дыханіе. А Незнамовъ даже покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Какъ! Все это попъ осмѣлился говорить въ церкви и при тебѣ?—воскликнулъ онъ, дрогнувъ бровями.

— Да. Судите, каково мнѣ было слушать!

— А, вотъ до чего... Ну, успокойся, милая Надя, и повѣрь мнѣ, что въ другой разъ это ужь не случится. Я сумѣю зажать ротъ подобному... подобному...

— Папа! — вдругъ воскликнула, вся поблѣднѣвъ, Надежда Александровна и даже остановила старика, съ необычайною живостью и силой ухвативъ его за руку.—Папа! Вы что же хотите сдѣлать?

— Напишу архіерею и губернатору. А если они вздумаютъ мирволить, то я...

Надежда Александровна въ ужасѣ всплеснула руками и затѣмъ перекрестилась.

— Господи, помилуй и спаси насъ!—прошептала она побѣлѣвшими губами. Папа! А что же со мной будетъ? Значитъ, я окажусь возставшею противъ Церкви, противъ собственнаго духовнаго отца, противъ ученій Господа? Какъ Іуда предатель... Развѣ я о томъ васъ просила!

Старикъ самъ смутился и оробѣлъ, замѣтивъ чрезвычайное волненіе невѣстки, и молча стоялъ передъ нею.

— Ахъ, Надя!—воскликнулъ онъ наконецъ тихо и очень неувѣреннымъ голосомъ.—При чемъ тутъ Церковь и Господь? Дѣло идетъ просто о томъ, чтобы укоротить языкъ грубаго и нахальнаго попа.

— Вы знаете, папа, что я объ этомъ думаю иначе. И развѣ отецъ Николай говорилъ неправду? Развѣ не сказалъ онъ именно то, что по совѣсти обязанъ былъ сказать?

Алексѣй Петровичъ опять помолчалъ, въ очевидномъ затрудненіи, какъ-то забавно переминая губами.

— Послушай, Надя!—сказалъ онъ наконецъ съ особенно ласковою и вкрадчивою мягкостью.—Согласись, что я никогда не позволялъ себѣ затрогивать твои вѣрованія, оспаривать ихъ, относиться къ нимъ непочтительно. Я даже и Жоржа удерживалъ отъ его шутовства и насмѣшекъ, сколько могъ...

— Я знаю и чувствую, какъ вы добры ко мнѣ, папа. Неужто

— Изъ церкви. Сегодня воскресенье.

— Да, я забылъ. Ну?

— Голубчикъ папа! Уговорите Жоржа, чтобы онъ въ большіе праздники не поилъ крестьянъ водкой и не заставлялъ ихъ работать. Ради Бога, папа!

— Что ты, Надя, и почему? Развѣ ты не знаешь, что это у насъ давній, повсемѣстный обычай?

— Знаю. Но не хорошій онъ, не христіанскій, постыдный! Я сегодня во время проповѣди глазъ поднять не смѣла... Отецъ Николай именно по этому поводу увѣщевалъ прихожанъ.

— Попъ?—нахмурился Незнамовъ.—Что же могъ онъ сказать?

— А вотъ! Сами вы—говоритъ—братья, какъ ни бѣдны, какъ ни нуждаетесь, однако не работаете на себя въ праздники; хотя трудъ, исполненный по необходимости, ради прокормленія семьи, есть трудъ честный и добрый, на который и Богъ взглянетъ милостиво въ страшный день суда своего. Такимъ образомъ я вижу, что вы хорошо знаете обязанность каждаго вѣрнаго сына Церкви свято чтить установленные ею праздничные дни. Что же подумаютъ о васъ, братья, Богъ и люди, увидѣвъ, какъ вы, даже въ двунадесятые праздники, толпами бѣжите не въ храмъ Божій для молитвы, а на работу, и не на свою работу, не ради голодныхъ дѣтей вашихъ, а на чужую, ради нѣсколькихъ стакановъ водки! Ужели водка милѣе вамъ вѣры отцовъ вашихъ и уставовъ Церкви? Ужели барскій полуштофъ скорѣе трогаетъ ваше сердце, чѣмъ слезы полуголодныхъ малютокъ?..

Надежда Александровна пріостановилась, стараясь вспомнить точныя выраженія проповѣди.

— Дальше о. Николай говорилъ не въ бровь, а прямо въ глазъ,—замѣтила она. Я, кажется, помню даже слово въ слово... Жители Чорноврагов, Оржанки и Подберезья!—воскликнулъ онъ. Гдѣ вы были въ день св. Николая? Здѣсь въ церкви я не видѣлъ ни одного изъ васъ. Вы поспѣшили съ ранняго утра приняться за работу да за водку, предложенную вамъ богатымъ, сильнымъ и ученымъ бариномъ. Богатый, онъ пожелалъ нажить лишнюю копѣйку и съ вашей бѣдности; сильный, поспѣшилъ захватить себѣ часть вашего труда, хотя его не хватаетъ для собственныхъ вашихъ семействъ; наконецъ, ученый, онъ не погнушался воспользоваться вашею темнотой къ своей выгодѣ, пренебрегая тѣмъ, что въ его водкѣ вы легко можете утопить послѣдній свѣтлый лучъ ума или совѣсти, потерять образъ чело-

вѣческій... Но Господь все видитъ и воздаетъ коемуждо по дѣломъ его!

Надежда Александровна замолкла, взволнованно переводя дыханіе. А Незнамовъ даже покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Какъ! Все это попъ осмѣлился говорить въ церкви и при тебѣ?—воскликнулъ онъ, дрогнувъ бровями.

— Да. Судите, каково мнѣ было слушать!

— А, вотъ до чего... Ну, успокойся, милая Надя, и повѣрь мнѣ, что въ другой разъ это ужь не случится. Я сумѣю зажать ротъ подобному... подобному...

— Папа! — вдругъ воскликнула, вся поблѣднѣвъ, Надежда Александровна и даже остановила старика, съ необычайною живостью и силой ухвативъ его за руку.—Папа! Вы что же хотите сдѣлать?

— Напишу архіерею и губернатору. А если они вздумаютъ мирволить, то я...

Надежда Александровна въ ужасѣ всплеснула руками и затѣмъ перекрестилась.

— Господи, помилуй и спаси насъ!—прошептала она побѣлѣвшими губами. Папа! А что же со мной будетъ? Значитъ, я окажусь возставшею противъ Церкви, противъ собственнаго духовнаго отца, противъ ученій Господа? Какъ Іуда предатель... Развѣ я о томъ васъ просила!

Старикъ самъ смутился и оробѣлъ, замѣтивъ чрезвычайное волненіе невѣстки, и молча стоялъ передъ нею.

— Ахъ, Надя!—воскликнулъ онъ наконецъ тихо и очень неувѣреннымъ голосомъ.—При чемъ тутъ Церковь и Господь? Дѣло идетъ просто о томъ, чтобы укоротить языкъ грубаго и нахальнаго попа.

— Вы знаете, папа, что я объ этомъ думаю иначе. И развѣ отецъ Николай говорилъ неправду? Развѣ не сказалъ онъ именно то, что по совѣсти обязанъ былъ сказать?

Алексѣй Петровичъ опять помолчалъ, въ очевидномъ затрудненіи, какъ-то забавно переминая губами.

— Послушай, Надя!—сказалъ онъ наконецъ съ особенно ласковою и вкрадчивою мягкостью.—Согласись, что я никогда не позволялъ себѣ затрогивать твои вѣрованія, оспаривать ихъ, относиться къ нимъ непочтительно. Я даже и Жоржа удерживалъ отъ его шутовства и насмѣшекъ, сколько могъ...

— Я знаю и чувствую, какъ вы добры ко мнѣ, папа. Неужто

вы думаете, что я неблагодарна? Я только не умѣю выразить. А въ моемъ сердцѣ между вами и моимъ роднымъ отцомъ давно нѣтъ разницы. Послѣ Бога—Жоржъ да вы оба!

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! Это слишкомъ...

Надя крѣпко и съ увлеченіемъ поцѣловала руку старика.

— Нѣтъ, этого, можетъ быть, мало; но это все, сколько я могу... Что же вы хотѣли сказать мнѣ, папа?

— Да... Сбила меня, сладкоголосая, льстивая птичка... Вотъ что я хотѣлъ сказать. Не вмѣшиваясь въ дѣло твоей совѣсти, я всетаки думалъ... надѣялся, дорогая Надя, что жизнь между новыми людьми, понятіями, книгами научитъ тебя отличать вѣру въ Бога отъ вѣры въ постъ, заказной молебенъ и другія подобныя чисто человѣческія или поповскія измышленія.

Надежда Александровна вдругъ твердо и смѣло посмотрѣла старику прямо въ глаза.

— Вы однако сами знаете, папа, что я ничему такому не научилась, и—клянусь вамъ!—не выучусь никогда. Я отлично понимаю, какая я глупенькая сравнительно съ Жоржемъ, съ вами и даже съ кузиной. Но Богъ еще безконечно мудрѣе всѣхъ васъ троихъ, и Его Церкви я повинуюсь.

— Дѣлай, какъ хочешь... нѣсколько смутился старикъ.

Надежда Александровна опять поцѣловала его руку.

— Папа, голубчикъ! Я вѣдь ни съ кѣмъ не спорю, никому не мѣшаю... Если я попросила васъ повліять на Жоржа, то, ради Бога, простите! Это была необдуманность, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, и больше никогда не случится... Но позвольте и мнѣ вѣрить по своему, какъ велитъ сердце, и... не огорчайтесь этимъ.

— Да Господь съ тобой, Надя! Что тебѣ вздумалось? Вѣрь, думай и молись, какъ хочешь. Я самъ, не хуже тебя, вѣрю въ великую разумную Силу, управляющую вселенной... и не моя вина,—улыбаясь, пошутилъ старикъ,—если я до сихъ поръ не проникся Божественнымъ значеніемъ капусты и постнаго масла.

— Однако есть же, говорятъ, и между учеными цѣлая секта вегетаріанцевъ. А я вотъ не понимаю вашей разумной Силы. Сила вѣдь это что-то въ родѣ электричества? то-есть, безличное, безвольное—именно, что-то! Какой же толкъ въ ея разумѣ? Будь она хоть мудрая-перемудрая, а все же человѣкъ устроитъ какую-нибудь тамъ машинку, приладитъ проволоки— и сила станетъ свѣтить, звонить, вертѣть колесо и такъ далѣе. Да чѣмъ же такой Богъ лучше бурятской куклы?

Алексѣй Петровичъ широко открытыми глазами и съ величай-

шимъ изумленіемъ смотрѣлъ на свою невѣстку. Никогда еще онъ не слыхалъ отъ нея какой-либо полемической выходки, а тѣмъ болѣе столь горячей и оригинально выраженной.

Но Надежда Александровна вдругъ страшно покраснѣла, сконфузилась, и чудные глаза ея налились слезами.

— Папа, голубчикъ!—воскликнулъ она молящимъ голосомъ. Я знаю, что я сказала какую-нибудь отчаянную глупость. Но я просто хотѣла выразить, что я не въ силахъ понять какого-то безличнаго Бога. Для меня Онъ непремѣнно Существо, а Церковь—выраженіе Его воли. Но я всетаки чему-нибудь да училась, хотя очень немного, и живу между образованными людьми. А простой народъ подавно не пойметъ Бога безъ Церкви.

— Что же ты этимъ хочешь сказать?

— Я только объ отцѣ Николаѣ... оробѣла Надежда Александровна. Вѣдь онъ же никакой неправды не говорилъ и, какъ пастырь добрый, обязанъ былъ указать своимъ прихожанамъ на ихъ грѣхъ и явное неуваженіе къ Церкви. Что въ этомъ дурного? и за что ему дѣлать непріятности?

Старикъ серьезно и съ почтительною нѣжностью поцѣловалъ обѣ руки у своей невѣстки.

— Не стыди меня больше, Надя! О какихъ-нибудь непріятностяхъ для о. Николая не можетъ быть даже рѣчи; и кромѣ того я тебѣ даю слово, что крестьяне не будутъ у насъ работать по праздникамъ или вообще за водку. Съ этимъ кончено!

— О, папа! Прости меня, если...

— Простить? Что простить моей птичкѣ? Ужь не то ли, что въ ея золотомъ сердечкѣ оказалось въ десять разъ больше ума, совѣсти и здраваго смысла, чѣмъ въ моей старой, сѣдой головѣ? Этого никогда не прощу! Это мнѣ конфузъ.

Глава III.

У предводителя.

На слѣдующій день около половины перваго Алексѣй Петровичъ Незнамовъ, по своему обычаю, медленно и задумчиво возвращался съ прогулки домой. До усадьбы оставалось уже менѣе версты; но случай опять подготовилъ старику нежданнаго собесѣдника въ чистомъ полѣ. Вниманіе Незнамова возбуждено было заливающимся звономъ колокольчика и лихою тройкой лошадей, которая быстро катила сбоку, по проселку, пересѣкавшему путь старика. Сначала только легкій клубокъ пыли, золотясь на

солнцѣ, летѣлъ надъ пышною нивой, словно перекати-поле, гонимое вѣтромъ; затѣмъ явилась возможность различать и лошадей, и кузовъ тарантасика, забавно нырявшій въ сѣрозеленыя волны роскошной ржи. Алексѣй Петровичъ даже нарочно замедлилъ шагъ, чтобы быть у перекрестка въ одно время со встрѣчнымъ экипажемъ и разсмотрѣть. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ съ этой цѣлью защитить глаза отъ солнца рукой—раздался зычный окрикъ:

— Стой! Стой! Стой!

Тройка стала, и передъ Алексѣемъ Петровичемъ, проворно выскочивъ изъ тарантаса, появился съ поклономъ, улыбкой и протянутою рукой господинъ немного выше средняго роста, широкій въ кости, но не тучный, облеченный въ дешевенькую сѣрую крылатку („отъ пыли“) и въ бѣлый картузъ довольно сомнительной свѣжести. На видъ ему было лѣтъ сорокъ; лицо открытое и неглупое; манеры безпритязательныя, но порядочныя въ самой своей мѣшковатости.

— Алексѣй Петровичъ! Какъ вы сюда попали одни и пѣшкомъ? воскликнулъ проѣзжій.—Впрочемъ, вѣдь вы, говорятъ, любите ходить. Что-жь, на поля свои любуетесь?

— А! Павелъ Андреевичъ! Здравствуйте. Брожу вотъ на старости лѣтъ, какъ видите. Ну, а васъ какъ Богъ милуетъ? и куда поспѣшаете?

— Ѣду къ вамъ. Или, собственно говоря, къ Георгію Алексѣевичу, къ нашему предводителю. Дѣльце есть. А что, не нагулялись ли вы вволю? Хотите, подвезу?

— Подвезите, рѣдкій гость.

— Рѣдкій?—засмѣялся Павелъ Андреевичъ.—Смотрите, какъ бы я у васъ пороги не обилъ.

— Похоже! Два мѣсяца глазъ не казали.

— Еще бы. То была распутица, а затѣмъ яровые посѣвы. Тутъ ужъ поневолѣ сократишься на домашнее положеніе.

— Ну-съ, а какъ поживаетъ ваша Дульцинея?

— Моя Дульцинея?—очень удивился Павелъ Андреевичъ.— Позвольте, эдакимъ предметомъ я, кажется, не грѣшенъ.

— А земство?

— Ахъ, земство! Ну, оно-то, разумѣется, дрыхнетъ по положенію. Да и какая-жъ это мнѣ, кошки его съѣшь, Дульцинея! Напротивъ, надоѣло вотъ какъ.—Павелъ Андреевичъ показалъ на свое горло.—Хочу бросить... Вотъ только посмотрю еще, что́ у насъ съ новымъ предводителемъ будетъ.

— Съ новымъ предводителемъ? Но что же можетъ выйти? Новичекъ еще, юнецъ неопытный...

— Нѣтъ, это вы не скажите. Георгій Алексѣевичъ—человѣкъ энергическій, образованный... Можетъ быть, его и посовѣстятся, хоть съ мѣста-то тронутъ.

— Точно у васъ безъ него порядочныхъ людей не было!

— Есть, положимъ. Человѣкъ шесть съ половиной или даже около семи наберется, если считать съ дробями. Да это все не то. И притомъ свои, пригляделись къ нимъ.

— Какъ же это вы порядочныхъ-то людей дробями высчитываете?—улыбнулся Алексѣй Петровичъ.—Казалось бы, человѣкъ есть именно индивидуумъ, то-есть недѣлимое.

— Ну, это тамъ въ философіи. А у насъ вѣрно. Вѣрно выйдетъ, не безпокойтесь. Есть, видите ли, людишки эдакіе непостоянные: онъ, напримѣръ, двѣ пакости сряду сдѣлаетъ, даже не задумавшись; а въ третій разъ вдругъ способенъ поступить и порядочно. Ну, какъ его подсчитать? Прямо одной третью и записывать.

— Вотъ такъ земская ариѳметика!

— Что-жь дѣлать! Еще и этому радъ будешь. А то вѣдь если записывать только индивидуумовъ-то вашихъ, такъ это и по всей губерніи считать нечего... Да что́! Надоѣло все это, по правдѣ сказать, хуже горькой рѣдьки. Бьешься, бьешься—а изъ-за чего, спрашивается? Брошу всю эту музыку, подстричь ей хвостъ—и кончено!

— А мнѣ кажется, Павелъ Андреевичъ,—разсмѣялся Незнамовъ,—что вы такъ и помрете ярымъ земскимъ Донъ-Кихотомъ. Другой судьбы вамъ даже быть не можетъ.

— Кто? Я?—очень обидѣлся пріѣзжій.—Да помилуй же меня Господь! Съ какой стати я этотъ хомутъ всю жизнь носить стану? Развѣ ужь глупѣе-то меня и нѣтъ никого, въ самомъ дѣлѣ?.. Благодарю покорно!

— А до сихъ поръ зачѣмъ въ хомутъ лѣзли?

— Глупо дѣлалъ, разумѣется. Да вѣдь все надѣешься—вотъ, вотъ... Вѣдь и дѣло-то серьезное, Алексѣй Петровичъ! Ей Богу, серьезное, и наше собственное, кровное! Поведите-ка его, какъ слѣдуетъ—вѣдь это чѣмъ пахнетъ? Помощь и мнѣ, и вамъ, и мужику, и больному, и убогому. Да вѣдь не милостыня-съ, не Христа ради, а каждый требуетъ ея по праву. Это-съ дороги, элеваторы, орошеніе и облѣсеніе степей, осушка болотъ, агрономическія станціи, опытныя фермы, учебныя мастерскія, гра-

мота и свѣтъ для народа, несгораемыя села, страхованіе урожаевъ, общественные сельскіе плодовые сады и другія мѣропріятія для уплаты повинностей; это, это—основа и краеугольный камень для всякаго народнаго, а слѣдовательно и государственнаго благососто...

— Тпру-у-у!—лихо осадилъ кучеръ лошадей, подскакавъ къ самому подъѣзду незнамовскаго дома.

— Молодецъ, Гаврюша, ловко!—одобрилъ его Павелъ Андреевичъ.—Моего обученія!—кивнулъ онъ на молодого кучера, обращаясь къ Незнамову.—Ну-съ, вотъ и пріѣхали.

Два лакея выбѣжали на крыльцо.

Вылѣзая изъ тарантаса вслѣдъ за хозяиномъ, гость захватилъ съ собою небольшой ручной чемоданчикъ.

— Ну-съ, а мнѣ позвольте минутъ на пять укрыться во флигель,—сказалъ онъ.—Нужно привести себя въ порядокъ, сирѣчь—помыться и перемѣнить костюмъ.

— На это и въ домѣ найдется комнатка. Впрочемъ, помыться — я понимаю. А костюмъ-то мѣнять зачѣмъ же? Вы подъ вашею крылаткой вовсе не запылились.

— Нельзя же мнѣ, однако, явиться въ какомъ нибудь сѣренькомъ пиджачкѣ!

— Это почему? Мы съ вами не юнцы-щеголи.

— Щегольство тутъ не при чемъ, а честь честью, сударь.

— Та-акъ. Чью же это честь вы намѣрены прикрыть длинными полами сюртука?

— Ладно, смѣйтесь! А я по старинному воспитанъ. Я передъ одною Надеждой Александровною сгорю со стыда. Хотя знаю, что по своей ангельской добротѣ она даже не замѣтитъ моего костюма; да самъ-то я передъ собою какимъ буду звѣремъ?

— Ну, такъ бы и сказали вы сразу, что имѣете еще претензію нравиться молодымъ дамамъ; я бы не сталъ и противорѣчить... А у насъ кстати, за время вашего отсутствія, новая дѣвица появилась въ домѣ.

— О?!—забезпокоился Павелъ Андреевичъ.

— Да-съ. Моя племянница. Изъ Петербурга. Хорошенькая и умница. Высшіе курсы окончила.

Гость, видимо, былъ непріятно озадаченъ.

— Вотъ ужь это и нехорошо!—воскликнулъ онъ въ большомъ смущеніи.

— Покорно васъ благодарю.

— Нѣтъ, то-есть ради Бога, я не то хотѣлъ сказать.... Я

только относительно себя... что вѣдь я, признаться, дамъ всякихъ очень опасаюсь...

Когда гость переодѣлся, Алексѣй Петровичъ самъ повелъ его на огромный крытый балконъ, который былъ въ то же время и крыльцомъ, выходившимъ прямо въ роскошный цвѣтникъ. На этомъ балконѣ вся незнамовская семья обыкновенно проводила цѣлые лѣтніе дни, почти вовсе забывая объ остальныхъ помѣщеніяхъ просторнаго дома.

Но прежде чѣмъ хозяинъ и гость успѣли добраться до балкона, въ одной изъ проходныхъ комнатъ они наткнулись на Ольгу Сергѣевну, рывшуюся въ нотахъ возлѣ рояля.

— Вотъ и прекрасно!—воскликнулъ Алексѣй Петровичъ, обращаясь къ гостю.—Какъ разъ новый для васъ членъ нашей семьи, съ которымъ необходимо познакомиться. Рекомендую: моя племянница Ольга Сергѣевна Незнамова. А это, Оля — нашъ добрый сосѣдъ и вмѣстѣ извѣстный франтъ, дамскій угодникъ, Павелъ Андреевичъ Кощилинъ. Предупреждаю тебя, впрочемъ, que monsieur est un peu blasé en article de femmes. И потому если хочешь задѣть такого краснаго звѣря, то, чтобы не посрамить петербургскихъ курсистокъ, собери всю свою ловкость и всѣ силы кокетства. Понимаешь?

— Хорошо, дядя, я постараюсь,—очень серьезно отвѣтила Ольга Сергѣевна.

Алексѣй Петровичъ, впрочемъ, могъ бы безнаказанно взвалить и еще болѣе небылицъ на своего гостя, до того бѣдный Павелъ Андреевичъ растерялся и смутился, пораженный дѣйствительно царственною красотой новой знакомки. Онъ едва успѣлъ выдѣлать довольно неуклюжій поклонъ, а затѣмъ притронулся къ протянутой ручкѣ съ такою почтительною осторожностью, что даже вызвалъ этимъ улыбку у дѣвушки.

“Эхъ“! мелькнуло у него въ головѣ. „Поцѣловать бы, кошки меня съѣшь, такую ручку по старинному... Да вѣдь непріятность сдѣлаешь: будетъ потомъ платочкомъ оттирать, либо вовсе руки вымоетъ. Нѣтъ, ужь видно не суйся въ калачный рядъ“...

— Такъ ты, Оля, мигни мнѣ, когда съ моей стороны скромнѣе будетъ исчезнуть, замѣтилъ Алексѣй Петровичъ.—Да! Эдакъ, знаешь, въ родѣ какъ бы по хозяйству.

— Ахъ, нѣтъ, дядя! очень серьезно возразила Ольга Сергѣевна.—Съ перваго раза такъ не годится. Развѣ можно сейчасъ же и tête à tete? Сначала идетъ другая тактика: глазки, вздохи, томный видъ, краснорѣчивое умолчаніе и такъ далѣе.

— Ну, ну! Тебѣ лучше знать. Только постарайся.

— Хорошо, дядя, какъ прикажете.

Озадаченный и смущенный, Павелъ Андреевичъ только теперь успѣлъ вникнуть въ смыслъ всего, высказаннаго на его счетъ, и даже испугался.

— Не вѣрьте, Ольга Сергѣевна, дядюшка вашъ очевидно шутитъ! воскликнулъ онъ.—Какой я тамъ франтъ или еще blasé. Я просто деревенскій увалень, давно женатый, отецъ троихъ дѣтей, человѣкъ, котораго вамъ и замѣчать-то не стоитъ.

— Я знаю, что дядя шутитъ,—улыбнулась дѣвушка,—но знаю тоже, что такъ шутитъ онъ только съ тѣми, къ кому искренно расположенъ. Вотъ я и стану съ вами кокетничать, поддѣлываться, чтобы тоже заслужить вашу дружбу.

При этомъ она такъ посмотрѣла на бѣднаго Павла Андреевича своими искрящимися глазами, что этотъ взглядъ потянулъ его къ себѣ словно магнитомъ.

„Тьфу ты, навожденіе"! подумалъ Кощилинъ. „Родится же, Господи, подобная красота"...

— Вамъ не нужна ничья дружба, смиренно добавилъ онъ вслухъ.—Все равно, стоитъ вамъ захотѣть—и все явится передъ вами, къ вашимъ услугамъ.

— Ого! Это было бы недурно. На бѣду вѣкъ волшебницъ, кажется, миновалъ, и даже довольно давно.

— Только не для васъ.

— Вашими бы устами медъ пить! А кто будетъ моею благодѣтельною феей?

— Вы сами, ваша...

Павелъ Андреевичъ запнулся.

— Что-жъ вы, сосѣдъ? Договаривайте! шутливо подсказалъ Незнамовъ.—Я вѣдь еще не видывалъ васъ въ роли ферлакура. Ну-съ, договаривайте! Ваша—что?—красота, молъ, несравненная, что ли?

— Ну, и конечно! Конечно, несравненная, невиданная! воскликнулъ Павелъ Андреевичъ.—Я человѣкъ sans conséquence, мнѣ можно и прямо сказать, не стѣсняясь.

— О-о-о! очень будто бы удивился Алексѣй Петровичъ.—Да развѣ вы въ самомъ дѣлѣ, безъ комплиментовъ, находите, что у моей Оли мордочка такъ себѣ, недурненькая?

— Помилуйте! возопилъ Кощилинъ. — Что вы это говорите! Да Ольга Сергѣевна гораздо красивѣе даже самой Надежды Але-

ксандровны... Хотя конечно мнѣ лично Надежда Александровна болѣе по душѣ.

— Вотъ тебѣ разъ! Какъ мнѣ теперь это понимать? воскликнула бойкая курсистка.—Какъ порицаніе или комплиментъ? Плакать мнѣ, или пріятно улыбаться?

— Объяснитесь, Павелъ Андреевичъ! комично прищурился на гостя Незнамовъ.—Разъ, что вы ужь объявились знатокомъ и эстетикомъ по части женской красоты, не будьте, по крайней мѣрѣ, загадочны, какъ древняя Пиѳія.

— Какой я тамъ знатокъ и эстетикъ! А это, разумѣется, всякій можетъ видѣть. Надежда Александровна — ангелъ, именно ангелъ. Добрѣе ея и на небѣ нѣтъ. Напишите съ нея поискуснѣе— и выйдетъ не картина, не портретъ, а прямо икона, на которую молиться станутъ. Ну, а Ольга Сергѣевна... совсѣмъ въ другомъ родѣ...

— Въ какомъ же? спросила дѣвушка.

— Вы... Это, конечно, не мѣшаетъ вамъ быть ни доброю, ни благородной, ни высоконравственной христіанкою—я вѣдь васъ не знаю... Но, судя по наружности, по первому впечатлѣнію, вы—пылкая, скорая и... немножко гордая.

— Браво, Павелъ Андреевичъ! воскликнулъ Незнамовъ. — Я даже не подозрѣвалъ въ васъ такого физіономиста. Попали въ самую точку! Ну, однако, пойдемте на балконъ.

На балконѣ гость, послѣ первыхъ же привѣтствій, съ оника приступилъ къ молодому Незнамову со своимъ „дѣльцемъ", которымъ видимо очень интересовался.

— Что-жъ, были вы, Георгій Алексѣевичъ, у губернскаго предводителя дворянства?

— Еще бы. Помилуйте, подобныхъ дѣлъ не откладываютъ.

— Ну это, положимъ, вы по новости. У насъ все можно откладывать... Какой же, однако, результатъ вышелъ?

— Плохой, Павелъ Андреевичъ. Господинъ предводитель отказался наотрѣзъ.

— Отказался!.. Нашелъ, конечно, что не его дѣло, либо поводъ недостаточный?

— Не то что бы именно такъ... А говорилъ о г. Сербинѣ, что человѣкъ онъ видный, съ хорошими средствами, съ образованіемъ, родовитый дворянинъ... Какъ, молъ, къ такому барину приступиться съ наставленіемъ, либо съ угрозами? Все дворянство взбаломутишь, пересудовъ не оберешься...

— Оно, положимъ, отчасти справедливо...

— Ну-съ, даже и мнѣ досталось. Позвольте, говоритъ, вамъ, какъ молодому еще человѣку, дружески замѣтить, что ваше вмѣшательство можетъ быть истолковано въ невыгодную для васъ сторону.

— Какимъ образомъ?!

— Сегодня, говоритъ, я имѣю удовольствіе принимать васъ, какъ бубновскаго предводителя; а года черезъ два именно въ томъ же званіи можетъ пожаловать ко мнѣ г. Сербинъ.

— Сербинъ?! гнѣвно вскочилъ Павелъ Андреевичъ.—Ахъ, онъ старая подошва! За кого же онъ насъ-то, дворянъ, почитаетъ? Вѣдь это кровное оскорбленіе!

— Да въ чемъ у васъ дѣло? освѣдомился Алексѣй Петровичъ, молча слушавшій до сихъ поръ.—Если не секретъ, конечно...

— Какой тамъ секретъ! сердито отозвался Кощилинъ.—Я вотъ не губернскій предводитель и не богачъ, а очень мелкая сошка, но нисколько не побоюсь одинъ и на свой страхъ затѣять дѣло гласно, въ дворянскомъ собраніи. Вы изволили слыхать когда-нибудь про г. Сербина, дворянина и землевладѣльца.

— Егора Ивановича я очень хорошо зналъ когда-то, давно... Онъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ студентовъ нашего университета, и всѣ мы видѣли въ немъ будущее свѣтило науки. Это былъ замѣчательно оригинальный и независимый умъ, характеръ съ выдержкой и волей. Почему онъ вдругъ закопался въ деревню—этого я не знаю.

— Слыхалъ и я, будто онъ человѣкъ очень умный; только ужь не знаю, какъ все это сообразить вмѣстѣ... Ну-съ, такъ вотъ, благодаря этому умному милочкѣ, въ цѣлыя двѣ волости, не сегодня,—завтра—солдатъ нагонятъ, экзекуцію...

— Что вы! Какимъ образомъ?

— Очень просто-съ. Этотъ почтенный дворянинъ и весьма богатый человѣкъ ссужаетъ крестьянъ хлѣбомъ, деньгами и чѣмъ угодно, но, по приблизительному разсчету, изъ пятидесяти процентовъ въ годъ, да неустойку ставитъ еще въ пятьдесятъ процентовъ, и затѣмъ все это неукоснительно взыскиваетъ судебнымъ порядкомъ безъ малѣйшаго послабленія. Понятно, что вся округа доведена наконецъ до отчаянія и открытаго сопротивленія судебнымъ приставамъ.

— Позвольте, но вѣдь вы сами почетный мировой судья, слѣдовательно и членъ Съѣзда.

— А Съѣздъ что подѣлаетъ? По буквѣ закона, Сербинъ правъ. Не мы такъ рѣшимъ—все равно, Сенатъ укажетъ.

— Зачѣмъ же крестьяне соглашаются на подобныя условія? Они вѣдь не дѣти, могли бы сообразить!

— Э, махнулъ рукой Кощилинъ.—Захотѣли! Коли нужно ѣсть, да нѣтъ хлѣба—станешь тутъ разсуждать объ условіяхъ. Голодному нѣтъ выбора... Я впрочемъ не оправдываю крестьянъ, сволочь они; излѣнились, пропились, съ каждымъ годомъ хуже. Такъ развѣ это резонъ ихъ грабить? Вы подумайте: и такъ дѣло плохо, можетъ быть не безъ нашей вины—а земство-то и власти куда смотрѣли?—Что-же будетъ, если ко всему прочему мы сами начнемъ грабить крестьянъ, да еще при любезномъ содѣйствіи судебной власти? Вѣдь мы отнимемъ у нихъ не только послѣдній грошъ, но и вѣру въ законъ, въ правду Божью и царскую, въ значеніе власти, какъ защитницы всякихъ правъ. Что-же это будетъ? Къ чему приведетъ? И какъ обуздать господъ въ родѣ Сербина, подвизающихся въ подобномъ стилѣ?

— А вы какъ надумали?

— Я попросилъ Георгія Алексѣевича вступиться въ дѣло, усовѣстить Сербина, либо пригрозить ему дворянскимъ собраніемъ, скандальнымъ обличеніемъ...

— Такъ. Ну?

— Георгій Алексѣевичъ вполнѣ со мною согласился, но нашелъ, что въ интересахъ самаго дѣла выгоднѣе передать его лицу, болѣе пожилому и болѣе извѣстному, чѣмъ онъ, пока новичекъ; и всего лучше Отескову, какъ губернскому предводителю. А милый отвѣтъ Отескова вы вотъ слышали.

— Гм... Дѣло въ самомъ дѣлѣ щекотливое, и собственно говоря, оно входитъ скорѣе въ компетенцію губернаторской власти... Но, разумѣется, могъ-бы обезпокоить себя и губернскій предводитель, во избѣжаніе скандала.

— Мнѣ кажется,—осторожно вставилъ молодой Незнамовъ,— Павелъ Андреевичъ строгонекъ. Отесковъ—всѣ говорятъ—человѣкъ очень почтенный. Не его вина, если, какъ человѣкъ уже немолодой, онъ слабоватъ нѣсколько. Это вѣдь законъ природы.

— Слабоватъ! Слабоватъ! разсердился Павелъ Андреевичъ.— А интриговать на выборахъ не слабоватъ былъ? Онъ-бы подумалъ, куда лѣзетъ. У насъ такъ повелось, что губернскаго предводителя выбираютъ больше для почета, яко бы. Нѣтъ, не для

— Оно, положимъ, отчасти справедливо...

— Ну-съ, даже и мнѣ досталось. Позвольте, говоритъ, вамъ, какъ молодому еще человѣку, дружески замѣтить, что ваше вмѣшательство можетъ быть истолковано въ невыгодную для васъ сторону.

— Какимъ образомъ?!

— Сегодня, говоритъ, я имѣю удовольствіе принимать васъ, какъ бубновскаго предводителя; а года черезъ два именно въ томъ же званіи можетъ пожаловать ко мнѣ г. Сербинъ.

— Сербинъ?! гнѣвно вскочилъ Павелъ Андреевичъ.—Ахъ, онъ старая подошва! За кого же онъ насъ-то, дворянъ, почитаетъ? Вѣдь это кровное оскорбленіе!

— Да въ чемъ у васъ дѣло? освѣдомился Алексѣй Петровичъ, молча слушавшій до сихъ поръ.—Если не секретъ, конечно...

— Какой тамъ секретъ! сердито отозвался Кощилинъ.—Я вотъ не губернскій предводитель и не богачъ, а очень мелкая сошка, но нисколько не побоюсь одинъ и на свой страхъ затѣять дѣло гласно, въ дворянскомъ собраніи. Вы изволили слыхать когда-нибудь про г. Сербина, дворянина и землевладѣльца.

— Егора Ивановича я очень хорошо зналъ когда-то, давно... Онъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ студентовъ нашего университета, и всѣ мы видѣли въ немъ будущее свѣтило науки. Это былъ замѣчательно оригинальный и независимый умъ, характеръ съ выдержкой и волей. Почему онъ вдругъ закопался въ деревню—этого я не знаю.

— Слыхалъ и я, будто онъ человѣкъ очень умный; только ужь не знаю, какъ все это сообразить вмѣстѣ... Ну-съ, такъ вотъ, благодаря этому умному милочкѣ, въ цѣлыя двѣ волости, не сегодня,—завтра—солдатъ нагонятъ, экзекуцію...

— Что вы! Какимъ образомъ?

— Очень просто-съ. Этотъ почтенный дворянинъ и весьма богатый человѣкъ ссужаетъ крестьянъ хлѣбомъ, деньгами и чѣмъ угодно, но, по приблизительному разсчету, изъ пятидесяти процентовъ въ годъ, да неустойку ставитъ еще въ пятьдесятъ процентовъ, и затѣмъ все это неукоснительно взыскиваетъ судебнымъ порядкомъ безъ малѣйшаго послабленія. Понятно, что вся округа доведена наконецъ до отчаянія и открытаго сопротивленія судебнымъ приставамъ.

— Позвольте, но вѣдь вы сами почетный мировой судья, слѣдовательно и членъ Съѣзда.

— А Съѣздъ что подѣлаетъ? По буквѣ закона, Сербинъ правъ. Не мы такъ рѣшимъ— все равно, Сенатъ укажетъ.

— Зачѣмъ же крестьяне соглашаются на подобныя условія? Они вѣдь не дѣти, могли бы сообразить!

— Э, махнулъ рукой Кощилинъ.—Захотѣли! Коли нужно ѣсть, да нѣтъ хлѣба—станешь тутъ разсуждать объ условіяхъ. Голодному нѣтъ выбора... Я впрочемъ не оправдываю крестьянъ, сволочь они; излѣнились, пропились, съ каждымъ годомъ хуже. Такъ развѣ это резонъ ихъ грабить? Вы подумайте: и такъ дѣло плохо, можетъ быть не безъ нашей вины—а земство-то и власти куда смотрѣли?—Что-же будетъ, если ко всему прочему мы сами начнемъ грабить крестьянъ, да еще при любезномъ содѣйствіи судебной власти? Вѣдь мы отнимемъ у нихъ не только послѣдній грошъ, но и вѣру въ законъ, въ правду Божью и царскую, въ значеніе власти, какъ защитницы всякихъ правъ. Что-же это будетъ? Къ чему приведетъ? И какъ обуздать господъ въ родѣ Сербина, подвизающихся въ подобномъ стилѣ?

— А вы какъ надумали?

— Я попросилъ Георгія Алексѣевича вступиться въ дѣло, усовѣстить Сербина, либо пригрозить ему дворянскимъ собраніемъ, скандальнымъ обличеніемъ...

— Такъ. Ну?

— Георгій Алексѣевичъ вполнѣ со мною согласился, но нашелъ, что въ интересахъ самаго дѣла выгоднѣе передать его лицу, болѣе пожилому и болѣе извѣстному, чѣмъ онъ, пока новичекъ; и всего лучше Отескову, какъ губернскому предводителю. А милый отвѣтъ Отескова вы вотъ слышали.

— Гм... Дѣло въ самомъ дѣлѣ щекотливое, и собственно говоря, оно входитъ скорѣе въ компетенцію губернаторской власти... Но, разумѣется, могъ-бы обезпокоить себя и губернскій предводитель, во избѣжаніе скандала.

— Мнѣ кажется,—осторожно вставилъ молодой Незнамовъ,— Павелъ Андреевичъ строгонекъ. Отесковъ—всѣ говорятъ—человѣкъ очень почтенный. Не его вина, если, какъ человѣкъ уже немолодой, онъ слабоватъ нѣсколько. Это вѣдь законъ природы.

— Слабоватъ! Слабоватъ! разсердился Павелъ Андреевичъ.— А интриговать на выборахъ не слабоватъ былъ? Онъ-бы подумалъ, куда лѣзетъ. У насъ такъ повелось, что губернскаго предводителя выбираютъ больше для почета, яко бы. Нѣтъ, не для

почета, подстричь ему хвостъ, если онъ порядочный человѣкъ и понимаетъ свои обязанности! Собственно говоря, онъ долженъ быть первымъ запѣвалой во всякомъ благомъ дворянскомъ или земскомъ дѣлѣ; дворянскую честь долженъ беречь пуще зѣницы ока, а не поблажать злоупотребленію дворянскими привилегіями; въ случаѣ надобности, обязанъ пасть со славой, по-дворянски, за честное дѣло, а не торжествовать вмѣстѣ съ жуликами и проходимцами... Вотъ что такое губернскій предводитель! А не старый мѣшокъ, набитый трухой, изъѣденный мышами, и сверху раззолоченный для почета. Нашъ Отесковъ тоже вонъ, пожалуй, камергерскій мундиръ на себя напяливаетъ—да что толку? Толку-то что?

— Ну-съ, что-же намъ однако съ Сербинымъ дѣлать? спросилъ Георгій Алексѣевичъ.—Не бросить-же такъ!

— Конечно, нѣтъ... Я внесу докладъ въ дворянское собраніе!.. Отъ себя лично, если онъ не предпочтетъ угомониться. Чортъ побери Отескова! Я хоть маленькій человѣкъ, но знаютъ меня всѣ достаточно, и не побоюсь, не поцеремонюсь...

— И прекрасно. А я заявлю въ собраніи, что доложенные вами факты мною провѣрены, несомнѣнны, и въ удостовѣреніе представлю нѣсколько копій съ дѣлъ Съѣзда... Но все-таки, Павелъ Андреевичъ, за отказомъ Отескова, я считаю долгомъ совѣсти прежде съѣздить къ Сербину и поговорить съ нимъ, какъ вы предлагали. Кто знаетъ? Конечно, можетъ выйти непріятность; но я обязанъ испробовать всѣ мирныя средства.

Кощилинъ посмотрѣлъ на Георгія Алексѣевича даже съ умиленіемъ.

— Отчего-же вы, г. уѣздный предводитель—сказалъ онъ—не желаете быть слабоватымъ? Вѣдь ужь вы-то, по совѣсти говоря, имѣли-бы на это въ десять разъ болѣе правъ и побудительныхъ основаній, чѣмъ нашъ губернскій паша.

— Ну, вотъ! Просто я помоложе, а потому и поглупѣе покуда, улыбнулся Георгій Алексѣевичъ.

— То-то эти золоченыя развалины—ахъ, какъ надоѣли! А вѣдь небось, какъ о себѣ похлопотать нужно—откуда и прыть берется. Хоть-бы опять таки Отесковъ нашъ: норовитъ теперь за грошъ купить у казны великолѣпную пустошь въ пять сотъ десятинъ. Теребиловскую землю возлѣ Холщовки знаете? И вѣдь купитъ! Спрашивается: на что ему лысому, бездѣтному чорту эта земля? Гробъ свой засыпать ею, что ли? А наше уѣздное земское дѣло затормозится этимъ на десятки лѣтъ, если не навсегда.

— Какъ такъ?.

Кощилинъ отчаянно махнулъ рукой.

— Ужь не говорите! Дураки мы, и дураки, и опять дураки!.. Въ нашемъ уѣздѣ Теребиловская пустошь—послѣдняя казенная, другихъ нѣтъ. Былъ у насъ и толкъ о ней въ земствѣ: предполагалось выпросить ее у казны для устройства опытнаго сельскохозяйственнаго хутора съ учебною ремесленною мастерской, съ училищемъ садоводства и пр. и пр. Все это не сразу, разумѣется, а постепенно, по мѣрѣ средствъ, которыя частью давалъ бы доходъ съ того-же хутора. Понимаете, какая это была бы вещь для нашего общественнаго хозяйства? Но партія проклятыхъ лежебоковъ, конечно, пересилила; а теперь лакомый кусочекъ у насъ изъ подъ носу вырвутъ.

— Однако, вѣдь дѣло еще не кончено? Пустошь покуда все таки казенная?

— Казенная. Но, говорятъ, Отескову уже обѣщано. Если-бы вы, Георгій Алексѣевичъ, были у насъ предводителемъ, когда въ земскомъ собраніи толковали о пустоши—можетъ быть, дѣло-то и выгорѣло-бы... У васъ-же и связи есть въ Петербургѣ.

— Я и теперь ни одной минуты не задумался-бы взять на себя всѣ хлопоты—возразилъ молодой Незнамовъ—и, ради подобнаго дѣла, завтра-же уѣхалъ-бы въ Петербургъ. А такъ какъ у меня дѣйствительно есть связи, но для себя лично я никогда и ничего не просилъ, то я почти увѣренъ, что мнѣ удалось-бы. Только вѣдь для этого нужно, чтобы и земство не съ пустыми руками явилось передъ Правительствомъ. Такъ не дадутъ. А пусть земство ассигнуетъ сумму на первоначальное устройство хутора и ежегодную субсидію впредь до минованія надобности. Если это будетъ сдѣлано—я готовъ поручиться, что Правительство не только подаритъ пустошь, но еще ассигнуетъ пособіе и со своей стороны; а Отесковъ только понюхаетъ, чѣмъ пахло....

— И вы въ самомъ дѣлѣ взялись-бы за это дѣло?

— Говорю вамъ, завтра-же уѣхалъ-бы въ Петербургъ.

— Да̀, вотъ это — служба общественному дѣлу и пониманіе своихъ обязанностей! Намъ даже страннымъ кажется; мохомъ вѣдь всѣ мы обросли.... А все-же это только сладкая мечта! Разговаривать въ земствѣ мы будемъ три года; когда нибудь, при случаѣ, и денегъ истратимъ цѣлую кучу совершенно непроизводительно, потòмъ сами будемъ этому очень удивляться... Но на хозяйственное, дѣйствительно, полезное дѣло—денегъ не дадимъ. Ни, ни! Теперь-же, на бѣду, времена и въ самомъ дѣлѣ

очень тугія. На устройство все-таки нужно ассигновать тысячъ двадцать. А гдѣ ихъ возьмешь?

Лицо Алексѣя Петровича вдругъ вспыхнуло явнымъ удовольствіемъ подъ вліяніемъ какой-то мысли.

— А если-бы двадцать тысячъ нашлись? спросилъ онъ.

— Ну, вотъ, откуда-же? пожалъ плечами Павелъ Андреевичъ. Ну, конечно, въ такомъ случаѣ годовую-то ассигновку дали-бы непремѣнно. На столько сообраᴎенія и у насъ хватитъ.

— Такъ что-же, надо испробовать добровольную подписку. Я для начала даю десять тысячъ. А ты, Жоржъ?

И Алексѣй Петровичъ упорно впился глазами въ сына, задержавъ даже дыханіе.

Георгій Алексѣевичъ на одно мгновеніе былъ очень непріятно изумленъ и даже отшатнулся. Но вслѣдъ затѣмъ онъ тоже весь просіялъ, даже болѣе отца, и поспѣшилъ заявить:

— Отличная мысль! Я тоже подписываю десять тысячъ.

Алексѣй Петровичъ вздохнулъ теперь всею грудью, видимо очень довольный.

За то Кощилинъ такъ и остался передъ ними съ раскрытымъ ртомъ.

— Да вы не шутите? воскликнулъ онъ.

— Развѣ такими дѣлами шутятъ! возразилъ ему Георгій Алексѣевичъ.—Теперь нужно собирать экстренное земское собраніе, заручиться земскою ежегодною ассигновкой, уполномочіемъ, да и поспѣшать въ Петербургъ, пока не поздно. Затормозить впрочемъ успѣхи Отескова въ Петербургѣ можно и письмами. Но все-бы лучше ѣхать самому. Дѣло за гласными и за субсидіей, хотя-бы даже не очень щедрою. Главное, соблюсти форму, придать дѣлу знакомый видъ. Вѣдь въ Петербургѣ, если рамка не указная, то на картину и глядѣть не станутъ.

— Субсидію дадимъ! воскликнулъ Кощилинъ.—Еще-бы теперь-то не согласились! Въ такомъ случаѣ всѣхъ насъ изъ залы засѣданія останется ужь только грязнымъ помеломъ вымести. ...Господи! вдругъ прослезился Павелъ Андреевичъ.—Вотъ какъ у настоящихъ-то людей водится, которые не въ нашихъ хлѣвахъ или конурахъ дышать да понимать учились. Впервые привелъ Господь увидѣть.

Разставивъ руки и наклонивъ голову, онъ стоялъ, видимо подавленный цѣлымъ потокомъ мыслей, вызванныхъ неожиданностью и силой впечатлѣнія.

— Трудно лѣтомъ собрать гласныхъ, замѣтилъ Георгій Алексѣевичъ.

Кощилинъ очнулся.

— Что̀-о-о? разсвирѣпѣлъ онъ. — Ради такого-то дѣла? Да я скорѣе, стричь имъ хвостъ, всѣхъ въ пучки повяжу и привезу въ Бубновъ. Да какъ-же они посмѣютъ послѣ такого поступка съ вашей стороны?... Н-ну, господа.... Да нѣтъ! Словъ нѣтъ!

Павелъ Андреевичъ только махнулъ рукой, а вскорѣ затѣмъ началъ даже громко смѣяться отъ избытка восторговъ.

Когда гость, послѣ непоздняго деревенскаго обѣда, уѣхалъ— прямо въ Бубновъ съ письмомъ къ предсѣдателю земской управы, и для объясненій по поводу созыва экстреннаго собранія—Георгій Алексѣевичъ съ радостнымъ и вмѣстѣ почти виноватымъ видомъ подошелъ къ отцу, заявляя видимое желаніе поцѣловаться.

Они молча упали другъ другу въ объятія.

— Папа, благодарю, тысяча разъ благодарю! говорилъ сынъ между поцѣлуями.—Это была дѣйствительно прекрасная, удивительная мысль!

— Значитъ, ты меня понялъ таки? счастливою улыбкой сіялъ старый профессоръ.

— Еще бы! Не на столько-же и я простъ. Теперь-то ужь можно смѣло поручиться, что черезъ два года я буду губернскимъ предводителемъ. Благодаря тебѣ, игра въ моихъ рукахъ; а разыграть, повѣрь.... я сумѣю.

Имя Стамати такъ и присохло на языкѣ у удивленнаго и огорченнаго старика.

„Чортъ знаетъ“—размышлялъ Георгій Алексѣевичъ про себя— „идея въ самомъ дѣлѣ поразительная .. просто геніальная! Каковъ фатеръ? Кто-бы думалъ! Побѣдилъ онъ меня; ей Богу, побѣдилъ! Самъ чувствую, что я еще не доросъ до такой находчивости и быстроты соображенія... Ну, фатеръ“!

Старикъ-же Незнамовъ, съ лицомъ темнѣе темной ночи, тихонько высвободился изъ объятій сына и ушелъ въ свой кабинетъ.

„Зачѣмъ ему каяться? въ чемъ? говорилъ онъ себѣ съ горечью.—Онъ даже думать забылъ о деньгахъ Стамати. Онъ правъ, онъ чистъ, онъ бѣлѣе снѣга. Это мы, старики, хватаемся за какой-то сентиментальный вздоръ, это у насъ средневѣковыя понятія въ XIX столѣтіи. А ловкій человѣкъ даже и въ губернскіе предводители можетъ выскочить на разбойныя деньги, стоившія жизни товарищу дѣтскихъ лѣтъ.... Ахъ, умирать, умирать пора!“

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ѳ. Ромеръ

ПУТЕШЕСТВІЕ

Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ.

(Переводъ съ арабскаго по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

(Продолженіе) [1].

КНИГА VIII.

ГЛАВА VIII.

Москва. — Содержаніе духовенства. Набожность царя. Алексѣй Михайловичъ и бояре.

Все духовенство этого города получаетъ содержаніе отъ царя: священникъ—два рубля въ годъ, дьяконъ—одинъ рубль, кандиловозжигатель—одинъ рубль, просвирня—шесть копеекъ. На церкви безприходныя содержаніе идетъ отъ царя. Священники (приходскихъ) церквей, нѣсколько разъ въ годъ, собираютъ доходъ со своей паствы, обходя дома со крестомъ [2], начиная съ праздниковъ Рождества и Богоявленія, а также въ храмовой праздникъ, на Пасхѣ и въ началѣ мѣсяца.

Усердіе всѣхъ московитовъ, большихъ и малыхъ, къ посѣщенію церквей весьма велико, и любовь ихъ къ безпрерывнымъ большимъ поклонамъ и къ иконамъ свыше всякаго описанія; множествомъ своихъ молитвъ они превосходятъ, быть можетъ, самихъ святыхъ, и не только простолюдины, бѣдняки, крестьяне, женщины, дѣвицы и малыя дѣти, но и визири, государственные сановники и ихъ жены. Если обладаютъ такими добродѣтелями,

---

[1] См. *Русское Обозрѣніе* 1897 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 12.
[2] Въ подлинникѣ: „съ многолѣтіемъ“.

какъ мы раньше о томъ упоминали, царь и царица, кои стоятъ во главѣ подданныхъ, то каковы же должны быть эти послѣдніе? О добродѣтеляхъ этого царя намъ разсказывали, что во всѣ дни года онъ имѣетъ обыкновеніе, въ день памяти каждаго святаго, во имя коего имѣется церковь въ этомъ городѣ,—а въ немъ есть церкви въ честь святыхъ и праздниковъ на цѣлый годъ, бываетъ даже болѣе (одного праздника въ день)—имѣетъ обыкновеніе, въ бо̀льшую часть праздниковъ главныхъ святыхъ, отправляться въ ихъ церкви, причемъ идетъ пѣшкомъ, не желая ѣхать, изъ любви и благоговѣнія къ нимъ. Онъ стоитъ отъ начала обѣдни до конца съ непокрытою головой, какъ всякій другой человѣкъ, и непрестанно кладетъ поклоны предъ иконой святаго того дня, ударяя челомъ о землю съ плачемъ и рыданіемъ. Такъ поступаетъ онъ предъ людьми. Внутри же своего дворца онъ и царица, какъ разсказываютъ, ведутъ образъ жизни превосходнѣйшій, чѣмъ святые, въ постоянномъ бдѣніи и моленіяхъ въ своихъ церквахъ по цѣлымъ ночамъ. То, что мы сообщили, составляетъ лишь малую долю слышаннаго нами о царѣ и видѣннаго своими глазами. Впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ, мы скажемъ о томъ, что онъ дѣлалъ на первой недѣлѣ поста. Переводчики разсказывали намъ, что онъ спросилъ патріарха іерусалимскаго, бесѣдуя съ нимъ за трапезой: „о, батюшка! (этимъ словомъ, которое значитъ: о, отецъ мой! онъ обыкновенно зоветъ архіереевъ) дошло до меня о господарѣ молдавскомъ Василіи, что онъ очень богатъ, милосердъ, очень любитъ воздвигать храмы и творитъ много благодѣяній; но правда-ли, что онъ стоитъ въ церкви въ колпакѣ и не снимаетъ его“? Патріархъ отвѣчалъ: „да, это правда; ибо мы видѣли, что онъ никогда не снимаетъ колпака, кромѣ какъ во время входа съ Евангеліемъ и великаго выхода. Причина этого, какъ мы потомъ узнали, двоякая: одна—(что онъ дѣлаетъ это) по своей чрезмѣрной гордости; другая—потому, что онъ сѣдъ и краситъ постоянно свою бороду въ черный цвѣтъ, чтобы казаться молодымъ, а потому совѣстится открывать голову, ибо волосы его сѣды, а борода окрашена въ черный цвѣтъ“. Обрати вниманіе, о, ты, любящій Христа, на этотъ вопросъ, который сдѣлалъ царь московскій по сему поводу! Разскащикъ продолжалъ: когда царь удостовѣрился въ этомъ изъ словъ патріарха, то поднялъ руки къ небу и, вздохнувъ изъ глубины души, сказалъ: „о, Долготерпѣливый! какъ Ты не прекратишь жизнь того, кто осмѣливается стоять такъ предъ Тобою“? И это было пророчествомъ о Василіи, ибо чрезъ ко-

роткое время съ нимъ случилось то, что̀ случилось. Обрати вниманіе на эти дѣла, отъ коихъ посѣдѣли бы младенцы! Ибо тотъ, какъ мы разсказывали раньше, не снималъ колпака не только въ церкви, но даже предъ архіереемъ, садился всегда на тронѣ въ переднемъ мѣстѣ, а нашего учителя сажалъ справа отъ себя, тогда какъ этотъ царь—и не онъ одинъ, но и другіе московскіе цари, его предшественники,—не только въ церкви стоитъ съ открытою головой, но постоянно и предъ архіереями и священниками. Такой у нихъ обычай отъ избытка ихъ добродѣтели, смиренія и отсутствія гордости. Намъ также сообщали о царѣ, что государственные сановники, въ царствованіе его родителя, не боялись царя, потому что онъ былъ человѣкъ простодушный, мягкій, слабаго сложенія, не любившій кровопролитія и войны или подобнаго, такъ что его звали монахомъ. Но этотъ царь обуздалъ и смирилъ вельможъ въ конецъ и многихъ изъ нихъ казнилъ. Намъ разсказывали, что въ самое недавнее время онъ убилъ собственною рукою одного изъ вельможъ среди дивана. А именно: онъ послалъ его въ одну область привести тамошнихъ ратниковъ для похода. Эти же, придя къ нему, упросили его, подкупивъ деньгами, освободить ихъ отъ похода и дать отсрочку до будущаго года. Вернувшись къ царю, посланный сталъ просить его, подъ разными предлогами, избавить ихъ отъ похода. Царь тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и немедленно послалъ одного изъ своихъ слугъ, въ качествѣ шпіона, разузнать отъ жителей той области, сколько они дали военачальнику, который къ нимъ пріѣзжалъ. Тотъ разузналъ и, вернувшись, сообщилъ царю. Послѣдній призвалъ того несчастнаго и, какъ онъ молодъ и весьма жестокъ, умертвилъ его своимъ мечомъ среди дивана. Московиты никогда не любили походовъ и войнъ, стремясь къ спокойствію и безмятежной жизни, и говорили: „наша страна велика—хватитъ намъ; наше царство очень обширно—съ насъ довольно“. Но теперешній царь [1] нашелъ, что они заблуждаются, и самъ лично отправился въ походъ, дабы укрѣпить ихъ мужество, ища, по его словамъ, побѣды ради своего возлюбленнаго Христа. При таковомъ его намѣреніи Богъ даровалъ ему то, на что̀ онъ надѣялся, ибо въ настоящее время онъ не только взялъ городъ, выстроенный его предками [2], но,

[1] „и патріархъ“, прибавлено въ англійскомъ переводѣ.
[2] т. е. Смоленскъ.

какъ мы разскажемъ потомъ подробно, овладѣлъ всею страной ляховъ и совершенно сокрушилъ ихъ.

То, что̀ мы сообщимъ сейчасъ, достаточно для довершенія начатой нами главы. Царь обходился со своими вельможами такъ, что вмѣсто спокойствія подвергалъ ихъ большимъ трудамъ. Намъ разсказывали, что въ прошломъ году онъ выѣхалъ съ ними на богомолье въ одинъ загородный монастырь. Великая рѣка Москва обтекаетъ большую часть города: по дорогѣ царя былъ мостъ; но царь оставилъ этотъ мостъ (въ сторонѣ), а съѣхалъ подлѣ него въ рѣку, которая очень глубока, переѣхалъ чрезъ нее и вышелъ на другой берегъ въ совершенно промокшей одеждѣ; затѣмъ крикнулъ своимъ вельможамъ: „кто не поѣдетъ за мной, тотъ лишается жизни". Его цѣлью было посмѣться надъ ними, ибо большинство ихъ тучны и толсты. Увѣренные въ неминуемой бѣдѣ и не видя отъ нея избавленія, ни (возможности) бѣгства, они поневолѣ спустились въ воду, отдавъ поводья своихъ лошадей. Такъ какъ они большею частью были тучны, то погрузились по шею и, какъ ихъ лошади, приподнимали головы свои вверхъ. Царь смотрѣлъ на нихъ и смѣялся, пока они не перебрались черезъ рѣку въ самомъ жалкомъ положеніи, въ промокшей одеждѣ, какъ пѣшіе, такъ и конные. Они стали укорять царя, какъ будто онъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе ихъ погубить, но онъ отвѣтилъ имъ: „моя цѣль—уменьшить этимъ ваши толстые животы, которые вы отростили себѣ при моемъ отцѣ, въ покоѣ и безопасности". Затѣмъ онъ поѣхалъ съ ними дальше, и наконецъ они вошли въ монастырскую церковь и отстояли обѣдню отъ начала до конца, и царь съ ними, въ промокшей одеждѣ, съ которой струилась вода: онъ никому изъ нихъ не позволилъ выйти до окончанія обѣдни. Всѣ пошли въ его дворецъ и просили отпустить ихъ, чтобы перемѣнить платье, но онъ не пустилъ, пока не поднесъ имъ по три чарки за разъ, говоря: „мы сегодня заслужили большую награду и крупную плату, затѣмъ что отстояли обѣдню утопленниками", и не отпускалъ ихъ, такъ что большая часть ихъ мерзла отъ холода и у нихъ зубъ на зубъ не попадалъ. Намъ разсказывали о царѣ, что онъ въ одно воскресенье, по обыкновенію, былъ у заутрени. Бояре имѣютъ обычай приходить изъ дома, чтобы вмѣстѣ съ царемъ присутствовать за богослуженіемъ. Случилось, что они не знали о томъ, что онъ будетъ у службы въ этотъ день, и запоздали приходомъ. Онъ тотчасъ записалъ имена тѣхъ, кото-

рые не явились, и послалъ привести ихъ изъ дома со связанными руками, отвелъ ихъ на берегъ рѣки Москвы, которая течетъ близъ дворца, и велѣлъ бросить ихъ всѣхъ въ рѣку, схвативъ за руки и за ноги, въ ихъ парчевой одеждѣ и со всѣмъ, что́ было на нихъ, говоря: „вотъ вамъ награда за то, что вы предпочли спать съ своими женами до поздняго утра этого благословеннаго дня и не пришли отстоять заутреню вмѣстѣ съ царемъ“.

О немъ существуетъ много подобныхъ разсказовъ, но записаны немногіе, для удовольствія внимательнаго читателя.

Глава IX.

Москва.—Служеніе въ воскресенье Сыропуста. Извѣстія съ театра войны. Назначеніе воеводъ.

Утромъ, въ воскресеніе Сыропуста, московскій патріархъ пригласилъ нашего учителя отслужить вмѣстѣ обѣдню въ соборѣ, т. е. въ великой церкви, въ присутствіи царя. Мы поѣхали туда въ царскихъ саняхъ. Когда мы вошли въ церковь и прибылъ патріархъ Никонъ, анагносты, иподьяконы и пѣвчіе пропѣли ему *Достойно есть* и многолѣтіе, съ поминовеніемъ его имени, Онъ облобызался съ нашимъ патріархомъ и всѣ, по обыкновенію, пошли прикладываться къ иконамъ и мощамъ святыхъ, вернулись и облачились въ нароексѣ. Въ это время вошелъ въ церковь царь, и пѣвчіе пропѣли ему многолѣтіе. Приложившись къ иконамъ, что у алтарныхъ дверей, онъ подошелъ къ патріарху Никону, который, сойдя съ архіерейскаго мѣста, встрѣтилъ его и благословилъ сначала правою рукой, а потомъ крестомъ на чело, окропивъ святой водой его и шапку его, которую несъ на его посохѣ одинъ изъ вельможъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Царь поцѣловалъ у патріарха правую руку, а этотъ обнялъ его голову правою рукой и поцѣловалъ въ нее, какъ онъ обычно дѣлаетъ. То же сдѣлалъ нашъ учитель, благословивъ царя правою рукой и крестомъ и окропивъ святой водой. Затѣмъ царь поклонился имъ, повернулся, пошелъ и, ставъ у лицевой стороны большой колонны, которая была покрыта краснымъ сукномъ, по близости отъ патріарховъ, посматривалъ на нихъ, по своему обыкновенію. Нашъ учитель, по приглашенію патріарха Никона, опять рукоположилъ діакона и священника. Когда мы вошли въ алтарь, царь также вошелъ, сталъ въ ризницѣ и смотрѣлъ. Мы пропѣли *Святый Боже* одинъ

разъ по-гречески, при чемъ намъ помогали анагносты, которыхъ патріархъ училъ молитвамъ по-гречески, изъ любви своей къ этому языку.

Въ этотъ день пришло къ царю извѣстіе, что злобный Радзивилъ, его врагъ, услышавъ о прибытіи царя (въ Москву), возвратился, послѣ своего бѣгства, съ двѣнадцатитысячнымъ войскомъ, чтобы осадить одинъ изъ своихъ городовъ, взятый недавно царемъ, по имени Могилевъ, огромный и извѣстный у купцовъ, которые знаютъ его подъ названіемъ города богачей, ибо всѣ жители его—купцы. Когда царь взялъ его мечемъ, воевода, который былъ назначенъ Радзивиломъ, явился къ царю и просилъ пощады, и царь даровалъ ее. Онъ просилъ, чтобы его окрестили, и царь, окрестивъ его, оказалъ ему свою милость, оставивъ въ этомъ городѣ и назначивъ по-прежнему воеводой вмѣстѣ съ однимъ изъ воеводъ, который начальствовалъ царскимъ войскомъ въ этомъ городѣ. Царь сдѣлалъ это, послѣ того какъ заставилъ его поклясться на крестѣ и Евангеліи, что онъ ему не измѣнитъ. Но клятва у поляковъ ничего не значитъ, и этотъ именно грѣхъ былъ причиной уничтоженія ихъ могущества и ихъ неустройствъ. Нѣтъ въ нихъ ни постоянства, ни вѣрности клятвамъ и договорамъ, какъ поступали они много разъ съ гетманомъ Хмелемъ: когда онъ одолѣвалъ ихъ и намѣревался истребить, они давали ему твердую и вѣрную клятву, и онъ обходился съ ними милостиво и отпускалъ ихъ; они же нарушали клятву и опять шли на него войной. Но грѣхъ ложной клятвы именемъ Божіимъ подрывалъ ихъ силы, рука Божія была съ Хмелемъ и тяготѣла надъ ними, ибо не слыхано было, чтобы въ эти десять лѣтъ Хмель не побѣждалъ ихъ, а былъ побѣжденъ. Такъ какъ клятвопреступленіе за грѣхъ у нихъ не считается, тотъ воевода тайно ночью бѣжалъ со своими людьми къ своему наставнику Радзивилу и вмѣстѣ съ нимъ пришелъ осаждать городъ. Когда осада стала тѣснѣе, (жители) послали вѣсть къ царю съ просьбой о помощи. Услышавъ объ этомъ, царь сильно разгнѣвался и тутъ же въ церкви подалъ письмо патріарху для прочтенія, ибо патріархъ лучшій повѣренный его тайнъ. Они ясно увидѣли, что съ возвращеніемъ царя (въ Москву) у ляховъ возродились надежды. Въ этомъ случаѣ мы уподобляли ляховъ мышамъ и крысамъ, которыя выходятъ, когда въ мѣстахъ приличія [1] никого нѣтъ на ристалище, а какъ только

[1] Такъ называютъ на Востокѣ, изъ благопристойности, отхожія мѣста.

заслышатъ шорохъ шаговъ вдали, тотчасъ убѣгаютъ и скрываются въ самыхъ нижнихъ своихъ норахъ. Таково и теперешнее положеніе ляховъ: въ то время, когда царь находился у нихъ и его войско проникло въ глубь ихъ земель, отвоевавъ у нихъ болѣе пятидесяти городовъ и взявъ въ плѣнъ много тысячъ людей, никто изъ нихъ не выступалъ противъ него и не выжидалъ его на битву—такъ было въ этомъ году, такъ же было и въ слѣдующемъ. Царь рѣшилъ теперь послать впередъ себя въ тотъ же день шестерыхъ лучшихъ изъ своихъ визирей, дабы они со своими полками нагнали войско злобнаго Радзивила, и принялъ твердое намѣреніе выступить вскорѣ слѣдомъ за ними, послѣ того какъ весь народъ былъ уже спокоенъ на счетъ того, что царь отпразднуетъ Пасху съ полною радостью и ликованіемъ. Особливо мы разсчитывали на то, что онъ окончитъ всѣ наши дѣла до Пасхи, а затѣмъ отправится и насъ отпуститъ. Но никто не вѣдалъ закваски его сердца, ибо не въ обычаѣ царей открывать кому-либо свои тайны; въ особенности же московиты таковы, что ни одно племя, ни одинъ народъ не сравнится съ ними въ коварствѣ и умѣньи скрывать то, что̀ имъ извѣстно. Затѣмъ царь въ церкви же написалъ собственноручно имена этихъ шести визирей. По выходѣ обоихъ патріарховъ изъ алтаря, патріархъ Никонъ сталъ на амвонѣ и прочелъ поученіе на этотъ день, сказавъ при этомъ проповѣдь и поясняя весьма пространно его значеніе. Потомъ совершилъ отпустъ и, сойдя, благословилъ царя вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ, причемъ они поздравили его съ Сыропустомъ. Тогда царь подвелъ собственною рукою шестерыхъ визирей, самъ лично выходя къ западнымъ дверямъ церкви и вызывая ихъ поименно, одного за другимъ; подведя къ патріархамъ, просилъ ихъ прочесть надъ ними молитвы по случаю брани, дабы Богъ споспѣшествовалъ и даровалъ имъ побѣду надъ врагами. Такъ они и сдѣлали и прочли молитвы надъ каждымъ отдѣльно.

Обрати вниманіе на сіи дѣла, коихъ мы были сегодня свидѣтелями со стороны этого царя—скорѣе, святаго, ибо онъ не остался на своемъ мѣстѣ и не позвалъ писца, чтобы записать имена воеводъ, но потребовалъ чернильницу и бумагу и собственноручно записалъ ихъ имена; второе, не послалъ за ними кого-либо изъ слугъ, но самъ вышелъ, позвалъ ихъ и привелъ собственною рукой къ великому счастію, то-есть подъ благословеніе патріарховъ и къ молитвѣ за нихъ, такъ что мы были поражены величайшимъ изумленіемъ предъ великостью этого,

превосходящаго всякое описанiе, смиренiя, коего мы были свидѣтелями. Потомъ дали имъ приложиться ко кресту, окропили ихъ святою водой, и они ушли.

На этой недѣлѣ прибылъ митрополитъ Новгородскiй, о которомъ мы раньше упоминали, что онъ первый между митрополитами. Въ этотъ день онъ облачился въ саккосъ, по своему всегдашнему обыкновенiю, вмѣстѣ съ митрополитомъ Ростовскимъ (который облачился) въ фелонь. Они прибыли отъ своихъ каѳедръ, чтобы поздравить царя съ прiѣздомъ, и каждый изъ нихъ, отдавъ ему поклонъ, поднесъ десять серебряно-вызолоченныхъ иконъ, въ честь (праздника) своей каѳедральной церкви, царю, царицѣ, ихъ сыну, сестрамъ и дочерямъ царя.

Мы вышли отъ обѣдни въ этотъ день незадолго до заката солнца. Намъ не вѣрилось, что мы добрались до своего монастыря, до своихъ теплыхъ келлiй: мы умирали отъ усталости и стоянiя на ногахъ въ сильный холодъ, бывшiй въ тотъ день Но за все насъ утѣшило видѣнное нами въ этотъ день, воскресенье Сыропуста, постоянство этого народа въ выстаиванiи на желѣзномъ полу съ утра до вечера. Болѣе того: не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ ударили къ вечернѣ и къ молитвамъ на сонъ грядущимъ, по обычаю.

Царь вмѣстѣ съ царицей былъ вечеромъ за службой въ женскомъ монастырѣ, что насупротивъ насъ, гдѣ, какъ мы сказали, находятся гробницы всѣхъ царицъ.

КНИГА IX.

Москва.

Глава I.

Москва. — Первая недѣля Великаго Поста. Строгость поста. Жестокiя наказанiя за его нарушенiе. Монастырскiе подарки.

Съ ранняго утра чистаго понедѣльника до среды, въ теченiе трехъ дней, не бываетъ у нихъ ни купли, ни продажи, не открываютъ никакихъ лавокъ, ни масляныхъ, ни, въ особенности, такихъ, гдѣ продаются съѣстные припасы. По обычаю, царь и царица постятся эти три дня, усердно посѣщая службы въ церквахъ ночью и днемъ, предаваясь молитвенному бдѣнiю, совершая поклоны и соблюдая строгое воздержанiе, какъ мы удостовѣрились теперь. Наконецъ, отстоявъ обѣдню въ среду, царь разговѣлся сладкимъ компотомъ, по всегдашнему своему обыкно-

венію, причемъ послалъ его для раздачи всѣмъ своимъ вельможамъ. Затѣмъ онъ опять постился отъ этой ночи до поздняго утра субботы, когда отстоялъ обѣдню, пріобщился св. Таинъ, вкусилъ антидоръ и затѣмъ позавтракалъ. Во всю эту недѣлю никто не видитъ его лица, развѣ только случится важное событіе въ государствѣ. Такъ же поступаютъ, въ теченіе этой недѣли, и всѣ вельможи, неукоснительно посѣщая службы въ своихъ церквахъ днемъ и ночью. Равно и всѣ жители въ теченіе ея, не производятъ ни купли, ни продажи, но неупустительно присутствуютъ за богослуженіемъ въ своихъ (приходскихъ) церквахъ. Царскіе ратники обошли питейные дома, гдѣ продаютъ вино, водку и прочіе опьяняющіе напитки, и всѣ ихъ запечатали, и они оставались запечатанными до истеченія пасхальной среды. Горе тому, кого встрѣчали пьянымъ или съ сосудомъ хмельнаго напитка въ рукахъ! Его обнажали въ этотъ сильный холодъ и скручивали ему руки за спиной; палачъ шелъ позади него, провозглашая совершенный имъ проступокъ, и стегалъ его по плечамъ и спинѣ длинной плетью изъ сырыхъ бычачьихъ жилъ: какъ только она коснется тѣла, тотчасъ же брызнетъ кровь. Въ такомъ положеніи водятъ человѣка по городу и затѣмъ сажаютъ въ тюрьму на извѣстное время, пока онъ не отбудетъ положеннаго срока, Особенно строгій надзоръ бываетъ за жителями въ теченіе первой недѣли поста, по средамъ и пятницамъ, на Страстной недѣлѣ и въ первые четыре дня Пасхи, чтобы люди не пьянствовали, а то ихъ стегаютъ безъ всякаго милосердія и жалости. Царь со своими вельможами имѣетъ обыкновеніе поститься также на Страстной недѣлѣ и вкушаетъ пищу только вечеромъ въ Великій четвергъ, по принятіи св. Таинъ, и снова постится до кануна Пасхи.

Въ этой странѣ большіе и знаменитые монастыри, какъ-то: Троицкій и иные, имѣютъ обыкновеніе присылать царю со своими монастырскими боярами, живущими въ ихъ подворьяхъ, въ столицѣ, въ видѣ благословенія отъ монастыря, прежде всего, огромный черный ржаной хлѣбъ, каковы обычно бываютъ монастырскіе хлѣбы: каждый хлѣбъ несутъ на рукахъ четверо-пятеро человѣкъ, словно большой жерновъ. Это есть благословеніе, часть отъ хлѣба отцовъ. Еще подносятъ боченокъ съ квасомъ, который приготовляется изъ воды съ рожью, — его употребляютъ какъ напитокъ — и бочку кислой капусты. Говорятъ, что царь, принимая хлѣбъ, цѣлуетъ его, какъ благосло-

венный. То же они дарили царицѣ, царевичу, ихъ сыну, тремъ сестрамъ и тремъ дочерямъ (царя), каждой отдѣльно, на ея имя. Такъ у нихъ принято дѣлать ежегодно. То же дарили своему патріарху и нашему владыкѣ патріарху, по распоряженію, данному имъ отъ царя. Бояре подносили хлѣбъ, держа его предъ собою на рукахъ и говоря: „Архимандритъ такой-то, такого-то монастыря, бьетъ челомъ твоей святости до земли и подноситъ тебѣ отъ пищи своихъ братій отцовъ", какъ у нихъ принято. Нашъ учитель цѣловалъ хлѣбъ, возлагалъ на него свою руку и бралъ отъ нихъ. Точно также подносили боченокъ квасу и бочку кислой капусты. Они обошли и всѣхъ вельможъ. Причина, почему они дарятъ этотъ черный хлѣбъ, та, что онъ у нихъ въ большой чести и что отъ употребленія его въ пищу получается благословеніе. Поэтому, первое, что кладутъ на столъ за трапезой царя, есть этотъ хлѣбъ. Также большинство ихъ подарковъ своимъ вельможамъ состоитъ изъ этого хлѣба: они говорятъ, что это ихъ хлѣбъ издревле и что прежде они не знали пшеницы; по этой причинѣ предпочитаютъ его бѣлому, пшеничному хлѣбу. Мы видали, какъ возчики и другіе простолюдины завтракали имъ, словно это была превосходная халва. Мы совершенно не въ состояніи были его ѣсть, ибо, по причинѣ большой величины хлѣбовъ, внутри онъ не пропеченъ и бываетъ киселъ какъ уксусъ, да и запахъ имѣетъ такой же. Но московиты привыкли къ нему: по ихъ словамъ, онъ придаетъ силу и питательнѣе бѣлаго хлѣба.

Квасъ варится изъ ржи или ячменя и пьютъ его вмѣсто воды, такъ какъ во всей этой странѣ вообще не имѣютъ обыкновенія пить воду, развѣ только по нуждѣ, вслѣдствіе чего число больныхъ у нихъ невелико. Мы подъ конецъ привыкли пить квасъ, потому что онъ холоденъ и питателенъ. Московиты, обыкновенно, имъ завтракаютъ, какъ будто это вино или превосходный напитокъ. Наконецъ мы привыкли къ нему и я его очень полюбилъ, ибо онъ весьма вкусенъ, освѣжаетъ нутро, питателенъ и оставляетъ въ глоткѣ пріятный вкусъ. Знай, что я, пробывъ (здѣсь) семь мѣсяцевъ, вовсе не пилъ воды, а все пилъ этотъ квасъ, медъ, вишневую и яблочную воду. Московиты завтракаютъ квасомъ съ ранняго утра, кроша въ него хлѣбъ, какъ въ вино, и напиваются имъ до-пьяна.

Что касается меда, то, такъ какъ въ немъ распускаютъ хмель, отнюдь не пьютъ его въ теченіе этого поста, потому что онъ

опьяняетъ. Поэтому намъ доставляли отъ царя каждую субботу, взамѣнъ меда, большую бочку превосходнѣйшаго напитка на все время поста, какъ было назначено.

Уксусъ въ этой странѣ дѣлается изъ отрубей и его называютъ *боршъ*; дѣлаютъ его также изъ меда.

Что касается устава ихъ церквей, то въ приходскихъ церквахъ уставъ подобенъ монастырскому: ежедневно читаютъ восемь каѳизмъ изъ Псалтыря при разсвѣтѣ, рано утромъ, по обычаю, и на каждомъ часѣ по каѳизмѣ. За вечерней и при каждомъ *Аллилуія*, взамѣнъ малыхъ поклоновъ, они дѣлали большіе до земли; точно также каждый разъ при *Святый Боже* и *Пріидите поклонимся.* Мы кладемъ послѣ трехъ большихъ двѣнадцать малыхъ поклоновъ, а они дѣлаютъ всѣ большіе до земли, ибо въ этотъ постъ совсѣмъ не дѣлаютъ малыхъ поклоновъ, но всѣ большіе до земли. Мы наблюдали въ нихъ вѣру, усердіе и набожность чрезвычайныя и многое другое кромѣ этого, изъ-за чего, дѣлая это вмѣстѣ съ ними, ради подражанія имъ, мы терпѣли мученія.

Такъ какъ на этой недѣлѣ и всѣ государственные сановники не выходили изъ своихъ домовъ, постоянно предаваясь молитвамъ, то мы не имѣли возможности сходить къ кому-либо изъ нихъ съ подарками. Они[1] приходили въ церковь ежедневно, по звонѣ въ колокола, послѣ шестого часа и выходили, не раньше какъ по восьмомъ или по девятомъ часѣ, потому что службы продолжительны, особливо чтеніе каѳизмъ, при чемъ кладутъ всѣ поклоны до земли.

Глава II.

Москва.—Подарки отъ патріарха Макарія митрополитамъ Новгородскому и Ростовскому. О епархіяхъ и монастыряхъ. О слюдѣ.

Въ субботу мы пошли съ подаркомъ къ митрополиту Новгородскому, первому среди митрополитовъ. Насъ остановили у дверей, пока не испросили разрѣшенія, освѣдомившись и узнавъ, что мы принесли съ собой. Тогда насъ ввели. Войдя къ нему, (мы увидали, что) ради насъ онъ былъ одѣтъ въ мантіи и клобукѣ и держалъ въ правой рукѣ посохъ. Онъ обернулся къ кіоту, предъ которымъ горѣла свѣча, и прочелъ *Достойно есть*, а его приближенные, отвѣтъ ему,—послѣ того какъ онъ поклонился имъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ, и онъ обернулся къ

[1] „Они“ означаетъ здѣсь, вѣроятно, вообще русскихъ.

намъ — пропѣли: *Слава Отцу* до конца, затѣмъ *Господи помилуй* трижды и *Благослови владыко.* Онъ совершилъ отпустъ, мы поклонились ему и онъ насъ благословилъ. Мы передали ему благословеніе и привѣтъ отъ нашего владыки патріарха чрезъ царскаго переводчика, который постоянно насъ сопровождалъ. Митрополитъ сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, изъ уваженія къ нашему учителю, и мы ему также. Мы поднесли ему подарки, онъ цѣловалъ каждое блюдо и подъ конецъ сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ, выражая благодарность. Затѣмъ онъ удалился во внутренніе покои и вынесъ намъ серебряныя иконы во имя своей каѳедральной церкви, въ честь св. Софіи, то-есть Премудрости Божіей, и еще милостыню копейками въ бумажкахъ. Мы помолились на иконы и поклонились ему, онъ опять благословилъ насъ и мы вышли.

Мы отправились также къ митрополиту Ростовскому. Онъ служилъ въ своей церкви, то-есть въ своемъ подворьѣ, и рукополагалъ дьякона и священника. Какъ мы сказали, всѣ двѣнадцать архіереевъ страны московской имѣютъ каждый жилище, дворецъ съ церковью, бояръ и служителей и уполномоченныхъ, которые постоянно проживаютъ въ его дворцѣ. Митрополитъ Ростовскій продѣлалъ въ церкви то же (что и Новгородскій); кланялся и благодарилъ за дары нашего учителя и также далъ намъ иконы въ честь своей каѳедры, что во имя св. Леонтія, митрополита Ростова, родомъ грека, вмѣстѣ съ другими тремя митрополитами, бывшими послѣ него; ихъ тѣла сохранялись до сихъ поръ и творятъ чудеса. Мы узнавали имя каѳедральной церкви архіерея только по иконамъ, которыя онъ раздавалъ и которыя также изображены на всѣхъ его облаченіяхъ: если это саккосъ, то икона вышита золотомъ на рукавахъ; равнымъ образомъ, на омофорѣ, палицѣ и епитрахили. Такія же иконы они подносятъ царю, какъ это у нихъ ведется, ибо обычаемъ возложено на нихъ пріѣзжать къ праздникамъ Рождества и Крещенія для поздравленія царя съ поднесеніемъ иконъ, послѣ чего они уѣзжаютъ. Пріѣзжаютъ также къ Пасхѣ.

Не только каждый изъ этихъ архіереевъ имѣетъ своего особаго иконописца, который пишетъ ему иконы для подарковъ, но и каждый архимандритъ извѣстнаго монастыря также имѣетъ собственнаго иконописца, всегда при немъ находящагося, и имя монастыря его имѣется на его облаченіи, на поручахъ, епитрахили и палицѣ. Кто посѣтитъ его, въ монастырѣ-ли, въ подворьѣ-ли, находящемся въ этомъ городѣ, тому онъ также да-

ритъ икону въ честь своего монастыря. Каждый извѣстный монастырь въ этой странѣ имѣетъ подворье и своихъ особыхъ слугъ; говорятъ, Троицкій монастырь имѣетъ въ этомъ городѣ, 21 подворье; суди по этому объ остальномъ! Обрати вниманіе на эти обычаи и прекрасные порядки, кои мы наблюдали: какъ они хороши! Но правду сказалъ нашъ владыка патріархъ, говоря: „всѣ эти обычаи существовали прежде и у насъ, во дни нашихъ царей, и мы ихъ утратили; они перешли къ этому народу и принесли у него плоды, коими онъ превзошелъ насъ".

Нашъ владыка патріархъ спросилъ однажды патріарха Никона о числѣ всѣхъ монастырей въ Московскомъ государствѣ. Онъ отвѣтилъ: „болѣе трехъ тысячъ, кромѣ (тѣхъ, что) въ странѣ казаковъ", и прибавилъ: „въ нашей странѣ есть три очень богатые монастыря, великія царскія крѣпости". Первый—монастырь св. Троицы; онъ больше и богаче остальныхъ. Второй—монастырь св. Кирилла Новаго, въ подворьѣ котораго мы остановились: онъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ Кирилло-бѣлозерскаго, то-есть Бѣлаго озера. Говорятъ, что оно господствуетъ надъ монастыремъ, но Божіею силою и попеченіемъ святого не вредитъ ему; вода его бѣла, какъ молоко. Монастырь больше и крѣпче Троицкаго, ибо три громадныя стѣны его сложены, какъ говорятъ, изъ огромныхъ дикихъ камней; а монастырь св. Троицы и его стѣны сдѣланы изъ кирпича и камня. Третій монастырь—Соловецкій, по-гречески *Соловка*. Онъ сооруженъ святыми Зосимой и Савватіемъ среди острова на морѣ-океанѣ, какъ мы сказали раньше. Говорятъ, что его стѣны громадны, неприступны и сложены изъ большихъ дикихъ камней; разсказываютъ, что эти святые заставили работать дьяволовъ надъ сооруженіемъ монастырскихъ стѣнъ. По этой-то причинѣ онѣ изумительны по своей необыкновенной прочности, и люди описываютъ ихъ съ удивленіемъ. Эти три монастыря возникли, при помощи Божіей, въ одно время и имъ уже болѣе 400 лѣтъ.

Въ этомъ Соловецкомъ монастырѣ есть рудникъ удивительнаго хрустальнаго камня. Его выламываютъ въ горѣ въ видѣ досокъ. Онъ походитъ на стопу бумажныхъ листовъ, лежащихъ одинъ на другомъ: его снимаютъ по-одиночкѣ, при чемъ онъ не ломается. [Его имя по-гречески *схистосъ*, а по-арабски *нажаръ-ат-талкъ* (камень раздѣленія). Этимъ именемъ называютъ его также татары и кизилбаши]. Изъ него дѣлаютъ въ этой странѣ все имъ потребное, напр., оконницы разнаго вида и размѣра.

Персидскіе купцы вывозятъ ихъ во множествѣ, равно купцы франкскіе и греческіе и всякій, кто пріѣзжаетъ сюда, потому что этотъ камень имѣется только здѣсь. Одинъ изъ монаховъ этого монастыря намъ разсказывалъ, что между островомъ и материкомъ разстояніе 40—50 верстъ и что отъ материка течетъ въ морѣ отдѣльно рѣка прѣсной воды до самаго монастыря, что изъ нея они берутъ воду для питья и что на ней ихъ мельницы подъ землей. Онъ разсказывалъ, что это море замерзаетъ, но никто по нему не ходитъ, потому что оно колышется отъ волнъ; такимъ образомъ путь къ монастырю зимою прекращается. Онъ разсказывалъ, что кругомъ острова есть башни, которыя препятствуютъ кораблямъ подходить къ нему: они не имѣютъ возможности войти, потому что кругомъ острова камни и весьма трудные проходы. Разсказывалъ, что и тамъ есть рудникъ хрусталя, что это огромная яма, которая наполняется водой; въ зимнее время они вычерпываютъ воду и наполняютъ яму дровами, разводя огонь въ теченіе двухъ недѣль; затѣмъ открываютъ яму на недѣлю для охлажденія; люди спускаются туда на дно, находятъ хрусталь на подобіе плитъ, лежащихъ одна на другой, и выносятъ его наверхъ.

(Что касается рыбьихъ зубовъ, то, какъ говорятъ, они получаются отъ морского животнаго, которое выходитъ (изъ воды) и сидитъ на льду. Московиты подходятъ къ нему и говорятъ: „гость пришелъ навѣстить тебя", на что оно, разумѣется, не даетъ никакого отвѣта. Тогда они бьютъ его копьями, къ которымъ прикрѣплены мотки веревокъ, и какъ только животное побѣжитъ, его нѣсколько разъ притягиваютъ назадъ и, убивъ, вырываютъ его большіе зубы [1]).

Глава III.

Москва.—Огорченіе по поводу рѣшеннаго отъѣзда царя. Заупокойное служеніе патріарховъ въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Возвращаемся (къ разсказу). На этой недѣлѣ царь отправилъ шестерыхъ бояръ и съ ними, какъ мы удостовѣрились, болѣе 300.000 войска. Распространилась молва о томъ, что и самъ онъ уѣдетъ вскорѣ послѣ нихъ, такъ какъ онъ сильно разгнѣвался,

[1] За этимъ слѣдуетъ подробное описаніе торжественнаго служенія патріарховъ въ недѣлю Православія. Оно было нами переведено раньше и помѣщено въ майской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* 1895 г.

когда получилъ два извѣстія: первое—о нечаянномъ нападеніи проклятаго Радзивила на городъ Могилевъ, второе—о томъ, что произошло въ странѣ казаковъ: о разореніи, плѣненіи, убійствахъ и поджогахъ. Особливо же (онъ рѣшилъ ѣхать), когда увидѣлъ присланныхъ Хмелемъ плѣнныхъ татаръ, ляховъ, венгровъ, молдаванъ и нѣмцевъ, и когда сообщили ему, какъ Богъ даровалъ Хмелю побѣду, благодаря величію царя и страху предъ его именемъ. Мы не вѣрили скорому отъѣзду царя, потому что онъ не пробылъ еще и мѣсяца въ столицѣ; но когда убѣдились въ этомъ, то наша радость по случаю его прибытія улетѣла, а наша печаль и наше огорченіе по поводу его отъѣзда усилились. Мы начали изъ глубины сердца возносить мольбы противъ врага Бога и христіанъ, Радзивила, какъ прежде проклинали Стефана, господаря Молдавіи, ибо, несомнѣнно, Творецъ воздвигъ этихъ двухъ людей въ наказаніе христіанамъ и ради умноженія нашей печали, огорченія и разстройства, кои заставили насъ бѣжать изъ своей страны и неотлучно намъ сопутствовали. Одно (огорченіе), что, какъ мы насчитали, изъ-за Стефана, во время мятежа, поднятаго имъ противъ Василія, до „безмятежнаго“ вступленія его на престолъ, было убито болѣе ста тысячъ христіанъ изъ молдаванъ, валаховъ, венгровъ, грековъ, сербовъ, болгаръ, арнаутовъ, турокъ, арабовъ, татаръ, поляковъ, казаковъ и иныхъ народовъ. Мы плакали изъ-за этого, но плакали и изъ-за того, что не дано намъ было сроку всего въ пятнадцать дней, отъ четверга вербной недѣли до четверга пасхальной, когда Василій обѣщалъ намъ всякихъ благъ: уплату долговъ, архіерейское облаченіе съ дорогой митрой и пр., и если бы мы отпраздновали Пасху вмѣстѣ съ нимъ, то всѣмъ этимъ воспользовались бы; онъ отправилъ бы насъ сюда безъ хлопотъ и затрудненій (для насъ), и мы навѣрно вернулись бы (теперь) въ свою страну, а не оставались такъ долго здѣсь. Другое (огорченіе), что этотъ проклятый Радзивилъ теперь выступилъ и возбудилъ спящій гнѣвъ царя, у котораго въ мысляхъ было отпраздновать Пасху здѣсь, и мы уже радовались, что онъ отпуститъ насъ, устроивъ наши дѣла: вѣдь, мы едва вѣрили себѣ, что видимъ его собственными глазами. Господи нашъ! воззри на наше положеніе! Доколѣ Ты будешь отвращать отъ насъ свои взоры? Но мы благодарны Тебѣ, Господи Боже нашъ, за всякое положеніе. Не успѣли мы порадоваться, что избѣжали непріятностей (испытанныхъ) въ Молдавіи, а онѣ не покидаютъ насъ и до сихъ поръ. Пошли, Боже, Радзивилу немощь и болѣзнь, про-

должительныя въ такой мѣрѣ, въ какой онъ повиненъ въ крови тысячей народа и въ какой омрачилъ теперь нашу жизнь, о Творецъ! и за то еще, что этотъ проклятый былъ, какъ мы сказали, причиною всѣхъ теперешнихъ золъ, этотъ неудачникъ, не имѣющій ни силы, ни счастья на войнѣ, ни свободнаго поприща. Когда царь пошелъ на Смоленскъ болѣе чѣмъ съ 600 тысячъ, этотъ важный господинъ явился для отраженія его съ тридцатью тысячами. Передовые отряды царскаго войска, столкнувшись съ ними, тотчасъ разсѣяли мечомъ ихъ сборище. Да и какъ могло быть иначе? тридцать тысячъ пришли воевать съ сотнями тысячъ. О, люди! (посмотрите) какое высокомѣріе, какая заносчивость! А этотъ проклятый, какъ только увидѣлъ ихъ своими глазами, бѣжалъ (переодѣтый) въ платьѣ бѣдняка, чтобы никто не узналъ его, бросивъ свое войско въ бѣдѣ, въ рукахъ враговъ. Онъ убрался въ самомъ жалкомъ положеніи, и московиты захватили всѣхъ его приближенныхъ, изъ коихъ лишь немногіе бѣжали вмѣстѣ съ нимъ. Недовольно было ему этого бѣгства: онъ возвратился теперь съ 12 тысячами, чтобы отдать въ ихъ власть добычу. О ты, обладатель ума, доблести и проницательности! посмотри на эту гордость, самонадѣянность и гнусность! Мы, послѣ небольшого перерыва, докончимъ разсказъ въ этой же тетради, дабы ты зналъ, что всякая власть и главенство отъ Бога, и кто пользуется ими со смиреніемъ, тотъ овладѣетъ правленіемъ и господствомъ, а кто гордится и надмевается, того Богъ низводитъ до навозной кучи и сорной ямы, а его приближенныхъ и воиновъ повергаетъ на попраніе подъ ноги враговъ его, какъ это теперь и случилось.

Наканунѣ второй субботы поста, царь прибылъ въ женскій монастырь, что насупротивъ насъ, гдѣ, какъ мы говорили, находятся гробницы царицъ, и пригласилъ нашего владыку патріарха, и этотъ, вмѣстѣ съ патріархомъ московскимъ, надѣлъ полное облаченіе, по ихъ обыкновенію. Совершили въ хоросѣ поминовеніе по матери царя. Архидіаконъ возгласилъ ектенію о усопшихъ, а патріархъ Никонъ, сойдя, окадилъ кутью, алтарь, иконы, нашего учителя и всѣхъ служащихъ архіереевъ, архимандритовъ и священниковъ, затѣмъ царя и всѣхъ предстоящихъ. То же сдѣлалъ нашъ учитель. При этомъ пѣвчіе пѣли Блаженны и заупокойный канонъ, по обыкновенію. Каждый изъ дьяконовъ говорилъ въ своемъ мѣстѣ: „Помилуй насъ Боже“ и пр., до послѣдняго. Пошли на могилу царицы и начали вторую службу. Архидіаконъ возгласилъ: „Помилуй насъ Боже“ и пр., причемъ

окадилъ ея гробницу. Патріархъ Никонъ прочелъ про себя молитву: „Боже духовъ“, и всѣ служащіе пропѣли ее потихоньку, по ихъ обычаю. Затѣмъ архидіаконъ покадилъ и передалъ кадильницу патріарху, говоря: „Σοφία, Премудрость“! а патріархъ (прочелъ) заключительныя стихиры, причемъ окадилъ гробницу. Архидіаконъ возгласилъ: „царицѣ такой-то, Богомъ помилованной, вѣчная память“! и то же пропѣли пѣвчіе. Потомъ патріархъ окадилъ предстоящихъ и совершилъ отпустъ. Патріархи вошли (въ алтарь), сняли свои облаченія и, выйдя, выразили царю свое соболѣзнованіе, при чемъ проводили его за врата церкви. Онъ заказалъ имъ обѣдню на другой день. Они попрощались съ нимъ, и онъ ушелъ, а мы возвратились въ свое жилище.

На другой день мы также отправились и отслужили обѣдню, причемъ происходило рукоположеніе іерея и діакона. По окончаніи службы, пришли къ гробницѣ царицыной и начали заупокойное служеніе. Архидіаконъ, патріархъ и пѣвчіе сдѣлали то же, что и наканунѣ. Царь не присутствовалъ въ этотъ день, потому что былъ занятъ, старательно готовясь къ походу на другой день, что и случилось.

Глава IV.

Москва.—Служеніе патріарховъ въ Успенскомъ соборѣ. Подарокъ отъ царя патріарху Макарію. Просьба его отпустить ихъ на родину. Проводы царя и отъѣздъ его.

Рано поутру, во второе воскресенье великаго поста, насъ также пригласили, и мы отправились въ соборъ. Приложились къ иконамъ и облачились. Прибылъ царь и, приложившись ко всѣмъ иконамъ и мощамъ святыхъ, причемъ пѣвчіе пѣли ему многолѣтіе, направился къ патріархамъ. Никонъ, сойдя съ своего мѣста, встрѣтилъ его, благословилъ крестомъ и запечатлѣлъ святою водой. То же сдѣлалъ нашъ учитель. Затѣмъ архидіаконъ принесъ большой золотой крестъ и другой малый. Патріархъ Никонъ вторично благословилъ царя однимъ крестомъ и вручилъ ему, ради успѣха на войнѣ. Также и нашъ учитель благословилъ царя другимъ крестомъ и вручилъ ему, сказавъ чрезъ переводчика: „какъ Богъ древле даровалъ царю Константину Великому побѣду надъ врагами помощью честнаго креста, такъ я молю Его даровать ее теперь тебѣ“. Царь отвѣчалъ: „аминь“! и поцѣловалъ у нашего учителя десницу, а онъ поцѣловалъ его въ голову. То было пророчествомъ со стороны нашего владыки патріарха: именно, царь слышалъ раньше, что въ одномъ изъ

Аѳонскихъ монастырей, извѣстномъ подъ именемъ Пантократоръ, т. е. Вседержитель, есть подлинный крестъ царя Константина, пожертвованный греческими царями при хрисовулѣ (золотой грамотѣ). Царь просилъ монаховъ прислать ему этотъ крестъ, дабы онъ могъ приложиться къ нему, и въ настоящее время, въ праздникъ Пятидесятницы, они прислали этотъ самый крестъ, когда царь былъ въ странѣ ляховъ. Впослѣдствіи мы его видѣли и прикладывались къ нему, о чемъ потомъ разскажемъ. Царь, поклонившись патріархамъ, пошелъ и сталъ на своемъ царскомъ мѣстѣ и прислалъ нашему владыкѣ патріарху съ архидіакономъ чудесный саккосъ, изумительный по тонкости работы, яркости цвѣта и блеску въ темнотѣ. Мы сняли съ владыки прежній саккосъ и надѣли новый. Это намъ доставило великую радость и огромный почетъ: да и какъ же иначе? то было предъ множествомъ народа, и глаза всѣхъ обращались на насъ въ удивленіи, при видѣ великой любви царя къ нашему учителю. Въ такую минуту саккосъ стоилъ многихъ сокровищъ: не богатство даетъ почетъ, а высокое положеніе. Да продлитъ Богъ дни твои, царь, вѣка! да дастъ тебѣ побѣду надъ врагами во всякое время и во всякій часъ! Не довольно тебѣ заботъ обо всемъ необходимомъ для войны, о величайшій изъ царей земныхъ, царь новаго Рима, который есть Москва, самодержецъ Великой и Малой Россіи и великій государь всѣхъ сѣверныхъ земель! Ты не забылъ теперь и киръ Макарія, патріарха Антіохійскаго. Да дастъ тебѣ Богъ побѣду надъ твоими врагами, дьяволами, и до увѣковѣчитъ твое царство во вѣки вѣковъ! Аминь.

Надѣвъ саккосъ, нашъ учитель пошелъ къ царю,—и драгоманъ съ нами—поклонился ему и благодарилъ за щедрость, помолился за него, благословилъ и, поцѣловавъ его въ голову, возвратился на свое мѣсто. Въ этотъ день также происходило рукоположеніе іерея и діакона. При маломъ входѣ, предъ тѣмъ какъ дьяконъ возгласилъ: *Премудрость прости*, два дьякона подвели къ патріарху Никону одного изъ служащихъ священниковъ, который поклонился ему, а патріархъ благословилъ его и прочелъ надъ нимъ молитву посвященія въ архимандриты, т. е. сдѣлалъ его настоятелемъ монастыря, находящагося въ этомъ городѣ, во имя Божественнаго Богоявленія, надѣлъ на него поручи и подобіе палицы, висящей на другомъ боку [1], затѣмъ

[1] Авторъ разумѣетъ подъ этимъ, вѣроятно, набедренникъ, что довольно странно, такъ какъ архимандриту дается палица, а не набедренникъ.

митру и благословилъ его. Его свели внизъ, причемъ онъ сдѣлалъ патріарху земной поклонъ, потомъ подвели его къ нашему учителю, который тоже благословилъ его. Затѣмъ онъ обошелъ архіереевъ, архимандритовъ и священниковъ съ обѣихъ сторонъ, цѣлуя ихъ въ уста, по ихъ обычаю, при чемъ они поздравляли его. Наконецъ онъ сталъ на своемъ мѣстѣ. Архидіаконъ возгласилъ: *Премудрость прости*, и мы окончили пятую обѣдню въ присутствіи царя и седьмую въ сослуженіи съ патріархомъ московскимъ. Послѣ того какъ Никонъ совершилъ отпустъ, патріархи вошли въ алтарь, сняли облаченія и, выйдя, благословили царя. Въ этотъ часъ нашъ учитель обратился къ царю съ просьбой опустить его, но царь отвѣчалъ ему: „нѣтъ, отецъ мой, прошу тебя остаться здѣсь и молиться за меня прося, чтобы Богъ даровалъ мнѣ побѣду надъ врагомъ, дабы я поскорѣе возвратился, занялся твоими дѣлами и надѣлилъ тебя, какъ тебѣ приличествуетъ". Нашъ учитель сказалъ на это: „господинъ мой! ты знаешь, что я больше четырехъ лѣтъ въ отсутствіи отъ своего престола и, къ моему злополучію, замедлилъ столько времени на дорогѣ въ странѣ молдавской и валашской; если будетъ на то твоя царская воля, отпусти меня въ путь". Царь отвѣчалъ ему: „ты пробылъ столько времени въ чужихъ странахъ, пробудь и въ моей столько же, дабы она освятилась твоимъ присутствіемъ, ибо твоими молитвами и своимъ мечомъ я буду побѣдителемъ надъ врагами моими". Тогда нашъ учитель замолчалъ и не промолвилъ болѣе ни слова. Царь же, взявъ за руку нашего учителя, подвелъ его къ патріарху Никону, говоря: „вотъ мой намѣстникъ; я поручаю тебя ему: чего пожелаешь, проси у него". Затѣмъ онъ простился съ нимъ и ушелъ, а мы отправились въ свой монастырь.

Никонъ предупредилъ насъ, чтобы мы вернулись чрезъ два часа проводить царя. Ударили въ большой колоколъ, и всѣ жители города поспѣшили для прощанія съ царемъ. Мы отправились въ соборъ. Оба патріарха облачились въ алтарѣ вмѣстѣ съ архіереями и архимандритами. Всѣ вышли въ нареексъ и стали въ рядъ кругомъ него, по обыкновенію. Колокола гремѣли. Когда царь сошелъ изъ дворца, зазвонили во всѣ колокола, такъ что земля поколебалась и наши уши оглохли. Оба патріарха вышли на встрѣчу царю и благословили его. Онъ былъ облеченъ въ царское одѣяніе изъ чудеснѣйшей венеціанской золотой парчи, ослѣпляющей взоры; кругомъ одѣянія, на ширину въ четыре пальца, какъ мы уже говорили, былъ жемчугъ, драгоцѣнные

каменья и золото, согласно тому, какъ обыкновенно одѣвались греческіе цари. Онъ не сталъ на своемъ царскомъ мѣстѣ, а пришелъ и остановился близъ насъ, за правою колонной, покрытой, какъ мы говорили, краснымъ сукномъ. Тогда начали пѣть службу на брань съ канонархомъ, попеременно на обоихъ клиросахъ, пріятнымъ напѣвомъ. Затѣмъ царь подошелъ къ патріарху Никону, который сошелъ внизъ съ архіерейскаго мѣста, и вручилъ ему письмо, и тотъ прочелъ его. Драгоманъ перевелъ его нашему учителю. Оно было отъ воеводы Могилева и содержаніе его такое: „когда ихъ осадилъ проклятый Радзивилъ и завладѣлъ первымъ землянымъ валомъ города, царскія войска храбро бросились на него и заняли позицію кругомъ всего города. Отъ гетмана Хмеля прибылъ одинъ изъ близкихъ къ нему полковниковъ, извѣстный *Золоторинскоcъ* (Золотаренко), и съ нимъ 40000 отборныхъ казаковъ. Напали на Радзивила съ четырехъ сторонъ, а изъ города стрѣляли по нему изъ пушекъ. Когда бѣда окружила его со всѣхъ сторонъ, онъ перемѣнилъ одежду, подобно дьяволамъ, и бѣжалъ съ немногими людьми, покинувъ свое войско, изъ котораго никто не спасся". Мы порадовались этой вѣсти.

Когда наступило время чтенія Евангелія, вышли изъ алтаря три дьякона: у протодьякона въ рукахъ было Евангеліе, а другіе двое несли свѣчи. Архидіаконъ сошелъ, взялъ Евангеліе у протодьякона и открылъ предъ патріархомъ, который, снявъ митру, прочелъ его. По окончаніи службы, оба патріарха пошли къ дверямъ алтаря: царь подошелъ къ нимъ и они его благословили и окропили святою водой; онъ вошелъ въ алтарь, гдѣ прикладывался; также прикладывался ко всѣмъ иконамъ собора и простился съ мощами святыхъ. Точно также подходили всѣ его вельможи, получили благословеніе отъ патріарховъ и Никонъ окропилъ ихъ святою водой до послѣдняго. Царь возвратился, наклонилъ голову, и патріархи прочли надъ нимъ молитвы брани и побѣды надъ врагами заступленіемъ всѣхъ святыхъ, древнихъ и новыхъ, коихъ поименовывали одного за другимъ. Потомъ они благословили царя, поклонились ему, и онъ поклонился имъ, взяли его за руку и облобызали его, плача. Затѣмъ патріархъ Никонъ сталъ передъ царемъ и возвысилъ свой голосъ, призывая благословеніе Божіе на царя въ прекрасномъ вступленіи, съ примѣрами и изреченіями, взятыми у древнихъ: подобно тому какъ Богъ даровалъ побѣду Моисею надъ фараономъ и пр, и въ новой исторіи: о побѣдѣ Константина надъ Максиминомъ и

Максенціемъ и пр., и (говорилъ) многое, подобное этому, въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, послѣдовательно и неспѣшно, уподобляясь текущему источнику. Когда онъ запинался или ошибался, то долго обдумывалъ и молчалъ: некому было порицать его и досадовать, но всѣ молча и внимательно слушали его слова, особливо царь, который стоялъ, сложивъ руки крестомъ и опустивъ голову, смиренно и безмолвно, какъ бѣднякъ и рабъ предъ своимъ господиномъ. Какое это великое чудо мы видѣли! царь стоитъ съ непокрытой головой, а патріархъ въ митрѣ. О, люди! тотъ стоялъ, сложивъ руки крестомъ, а этотъ съ жаромъ ораторствовалъ и жестикулировалъ передъ нимъ: тотъ—съ опущенною головой, въ молчаніи, а этотъ, проповѣдуя, склонялъ къ нему свою голову въ митрѣ; у того голосъ пониженный и тихій, а у этого—толстый и громкій; тотъ—какъ будто невольникъ, а этотъ—словно господинъ. Какое зрѣлище для насъ! Богъ свидѣтель, что у насъ сердце болѣло за царя. Что это за чрезвычайное смиреніе! Благодаримъ Всевышняго Бога и славимъ Его за оказанную намъ милость тѣмъ, что мы видѣли эти чудныя, изумительныя дѣла! Окончивъ свое слово молитвеннымъ благожеланіемъ царю, патріархъ поклонился ему и вторично облобызался съ нимъ. Патріархи проводили царя за южныя врата церкви, гдѣ возвышались царскія знамена въ рукахъ ратниковъ. Царь укрѣпилъ одинъ изъ крестовъ, кои дали ему патріархи, на знамени, на которомъ съ обѣихъ сторонъ изображена Голгоѳа съ лѣстницей, а на Голгоѳѣ крестъ—все изъ листового золота. Другой крестъ онъ укрѣпилъ на знамени соборной церкви, которая въ честь Успенія Владычицы. Затѣмъ патріархи вернулись и вышли чрезъ западныя двери церкви большимъ крестнымъ ходомъ, при чемъ священники и дьяконы несли хоругви и иконы. Мы встрѣтили царя и пошли впереди него по досчатымъ мосткамъ, заранѣе приготовленнымъ. Еще раньше стрѣльцы усыпали ихъ всѣ желтымъ пескомъ до выхода изъ воротъ Кремля. Горѣло множество большихъ свѣчей, такъ какъ время было вечернее; при этомъ звонили во всѣ колокола, такъ что земля дрожала и наши уши оглохли. Наконецъ, мы вышли изъ кремлевскихъ воротъ на открытую площадь и поднялись на каменный кругъ, назначенный для молебствій. Пѣвчіе во время пути пѣли стихиры молебствія и окончили ихъ здѣсь. Патріархъ Никонъ прочелъ Евангеліе и благословилъ крестомъ на всѣ четыре стороны, затѣмъ, вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ, благословилъ имъ царя и окропилъ его святою водой. Прочитавъ надъ

нимъ молитвы на брань, они облобызались съ нимъ. Равнымъ образомъ подходили архіереи и архимандриты, кланялись ему, цѣловали его правую руку и подносили ему, по своему обычаю, позолоченныя иконы. Потомъ подходили мы, дьяконы, послѣ священниковъ и цѣловали у него руку. Затѣмъ онъ попрощался съ патріархами и сѣлъ въ сани; дѣти султана Сибирскаго, какъ всегда, находились по правую и лѣвую руку его, и онъ уѣхалъ съ миромъ, сказавъ: „прости!“ то-есть: простите меня [1]. Влахернская икона была поставлена напротивъ него въ саняхъ; вокругъ него зажгли множество свѣчей, ибо наступила темнота. Мы оставались и стояли до тѣхъ поръ, пока не прошли всѣ войска. Съ царемъ отправился Тверской архіепископъ со многими священниками, дьяконами, монахами и иконописцами. Мы со свѣчами возвратились въ соборъ, сняли облаченія и отправились въ свой монастырь. Царь же поѣхалъ ночевать въ одинъ изъ своихъ дворцовъ, отстоящій отъ города въ трехъ верстахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Г. Муркосъ.

[1] Авторъ, употребивъ русское слово, прибавляетъ его поясненіе.

МОЛОХЪ.

„—Moloch, tu me brûles!“
„Salammbô“. Flaubert.

Ты жжешь меня, Молохъ! Лишь только вольной птицей
Готова мысль моя въ лазури утонуть,
Ты сѣтью огненной мою сжимаешь грудь.
И грезы яркія усталой вереницей
Опустятся на бренные цвѣты...
И въ необъятности лазурной
Вся ширь небесной красоты
Потеряна для вспышки бурной
Подъ пепломъ тлѣющей мечты.

Ты жжешь меня, Молохъ!—Глумясь надъ мукой скрытой,
Надъ сердцемъ, надъ умомъ и волею моей,
На дѣвственный расцвѣтъ моихъ весеннихъ дней
Ты, злобствуя, дохнулъ отравой ядовитой.
Ты дѣтскимъ снамъ суровый далъ отвѣтъ,
Безуміемъ зажегъ мнѣ очи,
Затмилъ восторги лучшихъ лѣтъ,
Повивъ въ покровы мрачной ночи
Непобѣдимый вѣчный свѣтъ.

Ты жжешь меня, Молохъ! Но не рабой покорной,
Со скрежетомъ зубовъ плачу я дань тебѣ,
И, духомъ сильная, не падаю въ борьбѣ.
Туда, на высоту, мой путь змѣится торный,
Гдѣ ждетъ покой иного бытія.
И вольная, какъ вѣтеръ вешній,
Поетъ о счастьѣ пѣснь моя—
Быть можетъ, чище и безгрѣшнѣй
Призывныхъ трелей соловья.

М. Лохвицкая.

Пользы или вреда слѣдуетъ ожидать Россіи отъ заключенія литературно-художественной конвенціи съ иностранными государствами?

Доселѣ Россіей было заключено только двѣ литературно-художественныхъ конвенціи: съ Франціей въ 1861 году и съ Бельгіей въ 1862 году (Полн. собр. зак. 1861 г. іюня 21-го и 1863 г. февр. 26). Вторая изъ нихъ была только повтореніемъ первой и заключена не безъ вліянія французской дипломатіи.

Сущность обѣихъ конвенцій состояла въ томъ, что въ Россіи не допускалось ни перепечатанія книгъ и брошюръ, изданныхъ во Франціи и Бельгіи, ни даже воспроизведенія появившихся тамъ чертежей, рисунковъ, плановъ, ландкартъ, произведеній живописи и скульптуры, равно какъ и постановки на сцену французскихъ и бельгійскихъ театральныхъ піесъ, публичнаго исполненія музыкальныхъ сочиненій и т. п., безъ дозволенія издателей или авторовъ этихъ произведеній и безъ уплаты имъ гонорара по ихъ назначенію. Въ вознагражденіе Россіи за такое положенное ею на себя обязательство Франція и Бельгія также обязывались не допускать у себя перепечатки русскихъ сочиненій, ни воспроизведенія чертежей, плановъ, рисунковъ и пр., изданныхъ въ Россіи, а также постановки на сцену русскихъ театральныхъ піесъ и исполненія русскихъ музыкальныхъ сочиненій, т. е. не допускать того, что и безъ этого запрета никогда почти не появлялось и долго еще не будетъ появляться въ этихъ странахъ. Однако эти конвенціи дали французамъ и бельгійцамъ вовсе не то, чего они добивались. Они очень хорошо знали, что въ Россіи никакихъ французскихъ и бельгійскихъ книгъ и брошюръ не перепечатывается, по той простой причинѣ, что такія перепечатки обходились бы гораздо

дороже, чѣмъ выписка изъ-за границы самыхъ оригиналовъ, и что эти перепечатки встрѣчали бы частыя затрудненія со стороны нашей внутренней цензуры, которая, по предписаннымъ ей правиламъ, должна дѣйствовать гораздо строже цензуры, разсматривающей книги, получаемыя изъ-за границы. Франція и Бельгія добивались главнымъ образомъ, чтобъ были воспрещены *переводы* на русскій языкъ изданныхъ у нихъ литературныхъ, ученыхъ, театральныхъ и всякаго другого рода сочиненій, безъ дозволенія ихъ издателей или авторовъ и безъ уплаты имъ денегъ за таковое дозволеніе. Здѣсь шелъ вопросъ о крупной контрибуціи съ Россіи въ пользу французскихъ и бельгійскихъ книгопродавцевъ-издателей, о десяткахъ тысячъ рублей ежегодно, ибо мы ни въ одной отрасли знаній и искусствъ не можемъ обойтись безъ заимствованій у западныхъ народовъ, опередившихъ насъ на этомъ пути по крайней мѣрѣ на два столѣтія. Но домогательство Франціи о запрещеніи у насъ переводовъ безъ уплаты денежной контрибуціи франко-бельгійскимъ издателямъ было отклонено нашимъ правительствомъ вслѣдствіе единогласныхъ возраженій министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и Императорскаго Двора (сего послѣдняго—въ качествѣ главнаго начальника театральнаго вѣдомства). Чтобы хотя отчасти удовлетворить притязанія Наполеоновскаго правительства, министръ иностранныхъ дѣлъ успѣлъ только получить Высочайшее соизволеніе на то, чтобы, кромѣ запрещенія настоящей контрафакціи, то есть произвольнаго перепечатанія французскихъ и бельгійскихъ книгъ и брошюръ, противъ чего никто изъ прочихъ министровъ и не возражалъ, были обложены контрибуціей въ пользу французскихъ и бельгійскихъ авторовъ и издателей воспроизводимые у насъ снимки графическихъ, рисовальныхъ, живописныхъ, скульптурныхъ и т. п. произведеній Франціи и Бельгіи, постановка на сцену ихъ театральныхъ піесъ и публичное исполненіе ихъ музыкальныхъ сочиненій. Хотя эта уступка домогательствамъ Наполеоновскаго правительства была прямо противна пользамъ Россіи, но она была сдѣлана подъ давленіемъ французскаго вліянія, господствовавшаго тогда не только въ нашей международной политикѣ, но отчасти и въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Достаточно вспомнить, что тогда наши цензора получали иногда замѣчанія и внушенія отъ Наполеоновскаго министра иностранныхъ дѣлъ Друенъ-де-Люиза (конечно, чрезъ посредство нашего министерства иностранныхъ дѣлъ) за пропускъ въ

газетахъ статей, почему-либо не нравившихся французскому правительству. Тѣмъ не менѣе уступка, сдѣланная Франціи, была въ сущности незначительна, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ она повлекла за собою волокиты въ судахъ и денежные убытки для многихъ русскихъ издателей и дала поводъ иноземцамъ вмѣшиваться въ наши судебныя дѣла. Синдикатъ франко-бельгійскихъ издателей и авторовъ содержалъ въ Петербургѣ своего повѣреннаго, который безпрестанно возбуждалъ въ нашихъ судахъ дѣла то о контрафакціи (почти всегда мнимой), то объ исполненіи на сценѣ какой нибудь французской піески или пѣсенки, то о перепечатаніи какихъ-нибудь нотъ, написанныхъ напримѣръ нѣмецкимъ композиторомъ, но изданныхъ въ Парижѣ. Чаще всего преслѣдованію подвергались перепечатки и исполненія музыкальныхъ сочиненій. При этомъ повѣренный франко-бельгійскихъ издателей и авторовъ наичаще возбуждалъ иски не въ гражданскомъ, а въ уголовномъ порядкѣ, для того, чтобы, пользуясь чрезмѣрною суровостью русскаго закона, карающаго контрафакцію заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ (ст. 1684 улож. о наказан.), вынуждать русскихъ издателей прибѣгать къ денежной съ нимъ сдѣлкѣ на поставленныхъ имъ условіяхъ. По нашимъ законамъ даже простое заимствованіе изъ чужого изданія мѣстъ свыше одного печатнаго листа въ совокупности, или такъ называемый плагіатъ, карается денежнымъ взысканіемъ не свыше двойной цѣны всѣхъ напечатанныхъ экземпляровъ книги нотъ, или эстамповъ съ такими заимствованіями (ст. 1685 улож. о наказ.). Между тѣмъ по французскому закону за контрафакцію полагается только денежный штрафъ отъ 100 до 1000 франковъ (Code pénal, art. 427). При упоминаемыхъ судебныхъ разбирательствахъ, возбуждавшихся франко-бельгійскимъ повѣреннымъ, возникала масса темныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ, напр., о національности автора или издателя французской книги или музыкальной піесы, о томъ, какъ смотрѣть на музыкальное произведеніе нѣмецкаго композитора, поручившаго изданіе и продажу его французскому или бельгійскому книгопродавцу, съ явною цѣлію поставить свое произведеніе подъ покровительство конвенціи 1861—62 г. Всѣ эти неясности чужихъ порядковъ и неизвѣстныя намъ ухищренія иностранныхъ издателей-книгопродавцевъ, разумѣется, истолковывались франко-бельгійскимъ повѣреннымъ въ свою пользу, а въ случаѣ надобности онъ прибѣгалъ къ протекціи французскаго посольства.

Такое неправильное—и нельзя сказать, чтобъ почетное для России—положеніе дѣлъ было наконецъ прекращено въ 1887 году. Слѣдуетъ упомянуть, что, по одному изъ условій конвенцій 1861—62 гг., обязательное дѣйствіе ихъ было ограничено шестилѣтнимъ срокомъ, по истеченіи котораго каждое изъ договарившихся государствъ предоставило себѣ право объявить, за годъ впередъ, о намѣреніи своемъ отказаться отъ дальнѣйшаго соблюденія конвенціи. Согласно этому условію и вслѣдствіе единогласнаго мнѣнія министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и Императорскаго Двора, съ Высочайшаго соизволенія было объявлено, въ августѣ 1885 года, обоимъ договарившимся съ нами правительствамъ, что черезъ два года, т. е. въ 1887 году, русское правительство прекращаетъ дѣйствіе обѣихъ конвенцій. (Собр· узак. 1886 г. № 11, ст. 126).

Но это не остановило французскій литературно-художественный синдикатъ: онъ рѣшилъ настойчиво добиваться въ Россіи заключенія новой конвенціи, ставя свои личные барыши подъ защиту политической дружбы, связывающей нынѣ оба народа, и подкрѣпляя свои домогательства громкими фразами о священномъ правѣ собственности, о требованіяхъ цивилизаціи и т. п., что вовсе не шло къ данному случаю, а было только разсчитано на невѣжество и легковѣріе другой стороны, мало опытной (надобно признаться) въ этомъ вопросѣ. Узнавъ о рѣшеніи русскаго правительства прекратить дѣйствіе конвенціи 1861 года, такъ называемый „синдикатъ французскихъ литературныхъ и художественныхъ обществъ", еще до истеченія назначеннаго срока, обратился къ своему правительству съ горячимъ протестомъ противъ такого рѣшенія и съ настоятельною просьбой объ оказаніи содѣйствія къ тому, чтобы конвенція 1861 года была замѣнена другою, еще болѣе соотвѣтствующею выгодамъ французскихъ авторовъ, художниковъ и издателей. Однако, старанія французскаго посольства поддержать предъ нашимъ правительствомъ эти домогательства сказаннаго литературно-художественнаго синдиката не имѣли успѣха, вслѣдствіе единогласныхъ возраженій министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Императорскаго Двора, заявившихъ, что литературно-художественная конвенція съ Франціей, не представляя взаимности выгодъ для договаривающихся сторонъ, повлекла бы за собой лишь стѣсненіе правъ русскихъ подданныхъ и потому безусловно нежелательна.

Однако, и эта неудача не охладила рвенія французскаго син-

диката и его надеждъ рано или поздно добиться обложенія русскихъ подданныхъ контрибуціей въ его пользу. Въ 1890 году сказанный синдикатъ, чрезъ посредство французскаго посольства при нашемъ Императорскомъ Дворѣ, сталъ вновь домогаться заключенія конвенціи, но уже на условіяхъ несравненно тягчайшихъ для Россіи, чѣмъ конвенція 1861 года, прекращенная по ея невыгодности для нашего отечества, доказанной двадцатишестилѣтнимъ опытомъ. Для болѣе вѣрнаго успѣха, синдикатъ выслалъ въ Петербургъ своего повѣреннаго стряпчаго, нѣкоего графа Кератри, который съ большимъ искусствомъ и знаніемъ мѣстной почвы пропагандировалъ свои идеи въ нашемъ высшемъ служебномъ кругу и среди нашихъ литераторовъ. По проекту конвенціи, привезенному съ собой графомъ Кератри и представленному нашимъ властямъ, произведенія наукъ, литературы и искусствъ, изданныя во Франціи, не только не могутъ быть перепечатываемы и воспроизводимы въ Россіи, но даже переводимы на русскій или другой какой-нибудь языкъ безъ разрѣшенія ихъ авторовъ или собственниковъ и безъ уплаты имъ извѣстнаго гонорара. Такое же разрѣшеніе автора или собственника, съ уплатой ему гонорара, требуется даже въ случаѣ передѣлки французскаго романа или повѣсти въ театральную піесу на русскомъ или иномъ языкѣ, а также и при изданіи такъ-называемаго музыкальнаго arrangement, если мотивы его будутъ заимствованы изъ французскаго музыкальнаго сочиненія; всякая же передѣлка, сокращеніе или приспособленіе для извѣстныхъ цѣлей литературныхъ французскихъ произведеній при переводѣ ихъ на русскій языкъ безусловно возбраняются. Даже помѣщеніе въ христоматіяхъ отрывковъ изъ французскихъ авторовъ дозволяется, безъ уплаты имъ гонорара, только въ томъ случаѣ, если эти христоматіи спеціально предназначаются для учебныхъ заведеній и при томъ содержатъ въ себѣ объяснительныя статьи или, по крайней мѣрѣ, переводъ помѣщенныхъ въ нихъ французскихъ статей на русскій языкъ. Далѣе, по проекту гр. Кератри, никакая драматическая или музыкальная піеса, публикованная или исполненная въ первый разъ во Франціи, не можетъ быть представлена или исполнена въ Россіи безъ согласія ея автора или издателя и безъ уплаты ему гонорара.

Для того, чтобы показать всю непримѣнимость къ Россіи этихъ домогательствъ французскаго издательскаго синдиката, достаточно замѣтить, что онъ требуетъ для авторовъ француз-

скихъ ученыхъ, литературныхъ и музыкальныхъ произведеній гораздо большихъ правъ, чѣмъ тѣ, которыя по нашимъ законамъ предоставлены отечественнымъ авторамъ таковыхъ же произведеній. По статьѣ 20-й постановленія о правѣ литературной и художественной собственности (приложеніе къ ст. 2 устава о цензурѣ и печати, изд. 1890 г.), книга, напечатанная въ Россіи, можетъ быть издана всякимъ лицомъ въ переводѣ на какой-либо другой языкъ, только безъ приложенія оригинальнаго текста. Исключеніе сдѣлано только относительно книгъ, для которыхъ были необходимы особыя ученыя изысканія: авторамъ ихъ предоставлено исключительное право изданія ихъ на другихъ языкахъ, однако подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они о намѣреніи своемъ воспользоваться этимъ правомъ объявили при самомъ изданіи оригинала и выдали свой переводъ до истеченія двухъ лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ подлинника. При несоблюденіи сихъ условій изданіе такой книги въ переводѣ на другой языкъ оставляется на волю каждаго. Такимъ образомъ у насъ всякій можетъ перевести на любой европейскій языкъ сочиненія графа Льва Толстого или Тургенева, не спрашивая согласія собственниковъ ихъ твореній, и продавать свой переводъ какъ въ Россіи, такъ и за границей; между тѣмъ по проекту, привезенному гр. Кератри, никто въ Россіи не будетъ смѣть перевести по-русски, по-польски или по-нѣмецки и напечатать никакого французскаго научнаго или техническаго сочиненія, никакого романа, повѣсти, пѣсенки или фельетоннаго разсказа безъ уплаты контрибуціи ихъ французскимъ авторамъ или издателямъ. По статьѣ 47-й упомянутаго выше узаконенія, изданныя въ Россіи музыкальныя произведенія могутъ быть и безъ согласія автора исполняемы передъ публикой, если только при самомъ изданіи сочиненія не будетъ объявлено, что публичнаго его разыгрыванія авторъ не дозволяетъ. Исключеніе изъ сего правила сдѣлано только для оперъ иораторій, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть играемы публично безъ дозволенія авторовъ.

Мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, что русское законодательство понимало вопросъ о взаимномъ обмѣнѣ между народами произведеній ума и искусства несравненно шире, возвышеннѣе и гуманнѣе, чѣмъ нынѣшнія западныя законодательства. Русское законодательство проводитъ строгую грань между контрафакціей, то-есть грубой поддѣлкой или перепечаткой чужого сочиненія, требующей только механической работы типограф-

щика, и самостоятельнымъ умственнымъ или художественнымъ трудомъ переводчика книги или воспроизводителя художественнаго произведенія. Русскій законъ сохранилъ въ этомъ случаѣ благородное наслѣдство прежнихъ, старинныхъ европейскихъ законодательствъ, тогда какъ теперь меркантильное и узко-эгоистическое направленіе все болѣе и болѣе овладѣваетъ западнымъ человѣчествомъ, не признавая въ людяхъ никакихъ другихъ интересовъ, помимо интересовъ кармана.

Кромѣ изложенныхъ здѣсь попытокъ синдиката французскихъ книгоиздателей и авторовъ втянуть Россію въ сепаратную съ Франціей литературно-художественную конвенцію, французскіе книгоиздатели и художники купно съ швейцарскими старались привлечь наше правительство къ международной литературно-художественной конвенціи, которая, по ихъ почину и ихъ стараніями, состоялась въ Бернѣ въ 1886 году. Дѣло это началось тѣмъ, что въ сентябрѣ 1883 года нѣсколько французскихъ и швейцарскихъ литераторовъ и художниковъ собралось въ Бернѣ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, съ цѣлью склонить хотя бы нѣкоторыя изъ европейскихъ правительствъ къ признанію за авторами и издателями исключительнаго права не только на перепечатаніе ихъ сочиненій (что вполнѣ справедливо), но и на переводъ ихъ на другіе языки, равно какъ и на копіи съ исполненныхъ ими картинъ, гравюръ, рисунковъ, чертежей, плановъ, ландкартъ и т. п. Эта бернская частная конференція писателей, художниковъ и издателей была принята подъ особое покровительство швейцарскимъ правительствомъ, которое обратилось къ другимъ государствамъ съ приглашеніемъ прислать отъ себя въ Бернъ, въ слѣдующемъ 1884 г., оффиціальныхъ представителей для рѣшенія вопроса объ общемъ международномъ соглашеніи по предмету литературно-художественной собственности. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ съ особымъ сочувствіемъ отнеслось къ этому приглашенію; но когда, по волѣ въ Бозѣ почившаго Монарха Александра III, затребовано было мнѣніе министра Внутреннихъ Дѣлъ, то сей послѣдній самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ участія Россіи въ предполагаемой международной конвенціи, на томъ основаніи, что она для Россіи не отвѣчала бы главнѣйшему требованію всякаго международнаго соглашенія—не представляла бы взаимности выгодъ договаривающихся сторонъ. Совершенно въ такомъ же смыслѣ далъ отзывъ и министръ Народнаго Просвѣщенія. Вслѣдствіе сего отъ Россіи не было по-

слано офиціальнаго представителя на бернскую конференцію. Послѣ сего вопросъ о присоединеніи Россіи къ бернской конференціи еще нѣсколько разъ возбуждался Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, но всякій разъ безуспѣшно, вслѣдствіе возраженій министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія къ которымъ въ 1887 году присоединился и министръ Юстиціи.

Совѣщанія уполномоченныхъ отъ европейскихъ правительствъ происходили въ Бернѣ въ 1884, 1885 и 1886 годахъ, а окончательно конвенція подписана въ сентябрѣ 1886 года. Большая часть европейскихъ государствъ уклонилась отъ присоединенія къ конвенціи; приняли въ ней участіе только тѣ государства, которыхъ ученая, литературная и художественная производительность не уступаетъ французской и для которыхъ поэтому была выгодна взаимная обезпеченность авторскаго или первоиздательскаго права отъ контрафакцій переводовъ и художественныхъ воспроизведеній. Такимъ образомъ къ конвенціи, кромѣ ея начинателей, Франціи и Швейцаріи, присоединились только Германія, Англія, Италія и Бельгія; и только одно европейское государство, не принадлежащее къ той же категоріи, именно Испанія, въ силу неизвѣстныхъ намъ соображеній. Кромѣ того, конвенцію украсили своими подписями представители Гаити, Либеріи и Туниса. Австрія, несмотря на свою многовѣковую принадлежность къ семьѣ культурныхъ европейскихъ народовъ, благоразумно воздержалась отъ присоединенія къ Бернской конвенціи, вполнѣ сознавая, что со своими мадьярами, румынами, кроатами, словаками, босняками, составляющими добрую половину Австро-Венгріи, она не въ состояніи равняться съ просвѣщеннѣйшими странами Европы относительно научной, литературной и художественной производительности. Даже такая древне-культурная страна, какъ Голландія, гдѣ, вслѣдъ за Италіей, положено было начало возрожденію греко-римской образованности, не сочла для себя полезнымъ присоединиться къ конвенціи. Тому же примѣру послѣдовали Данія и Швеція, хотя въ литературѣ и искусствѣ онѣ занимаютъ не послѣднее мѣсто въ Европѣ. Сѣверо-Американскіе Штаты, хотя и послали своего представителя на первыя двѣ бернскія конференціи 1884 и 1885 гг., но на конференціи 1886 г. уже отсутствовали и конвенціи не подписали.

Въ истекшемъ 1897 году во французскихъ и русскихъ газетахъ опять стали появляться статьи въ пользу заключенія литературно-художественной конвенціи Россіи съ Франціей, или

же о присоединеніи Россіи къ международной Бернской конвенціи, при чемъ высказываются иногда надежды на несомнѣнный успѣхъ этого дѣла. Въ такомъ же смыслѣ произносились рѣчи въ нѣкоторыхъ петербургскихъ ученыхъ обществахъ. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что эти надежды и благопожеланія осуществятся. Чтобы понять возможность такого исхода, стоитъ только взвѣсить моральныя силы обѣихъ сторонъ, интересы которыхъ сталкиваются въ этомъ вопросѣ. Иностранцы ясно понимаютъ всѣ выгоды, которыя перепадутъ на ихъ долю отъ обложенія Россіи контрибуціей; тамъ газеты и писатели самыхъ противоположныхъ направленій дѣйствуютъ въ этомъ вопросѣ заодно, сознавая общую выгоду; между литераторами и правительствами также существуютъ въ данномъ вопросѣ полное согласіе и взаимная поддержка. Совершенно обратную картину видимъ мы у насъ. Изъ многихъ нашихъ газетныхъ статей въ пользу конвенціи слѣдуетъ заключить, что авторы ихъ мало знакомы съ самою сущностью этого предмета и повторяютъ только подсказанныя имъ иностранными газетами общія мѣста о правахъ собственности, о требованіяхъ цивилизаціи и т. п. У насъ ни въ чемъ нѣтъ единства мнѣній и взаимной поддержки ни между писателями, ни между литературой и правительствомъ, а иногда даже, какъ мы видѣли, между самими правительственными вѣдомствами Многимъ еще памятно то время, когда, по указанію Пруссіи, наши желѣзныя дороги изъ хлѣброднѣйшаго юго-западнаго края были направляемы черезъ Граево и Ковно въ Кёнигсбергъ, минуя Либаву, а Либавская желѣзная дорога не окупала расходовъ на ея содержаніе. Нѣкоторыя изъ вліятельнѣйшихъ нашихъ правительственныхъ лицъ и наиболѣе распространенныхъ нашихъ газетъ усердно поддерживали тогда прусскіе интересы. Точно также, въ семидесятыхъ годахъ, присланные изъ Пруссіи эмиссары, ловкіе говоруны и искуснѣйшіе льстецы—кому нужно, вскружили головы нашимъ записнымъ финансистамъ и политико-экономистамъ своими рацеями о благахъ свободной торговли и о вредѣ для Россіи охранительныхъ пошлинъ на ввозимые въ нее товары. Пруссія стала уже пожинать плоды этихъ уроковъ, преподанныхъ ею нашимъ дѣльцамъ финансоваго міра; но, къ счастію, вѣтеръ скоро перемѣнился, и Пруссія, господствовавшая у насъ въ семидесятыхъ годахъ, какъ Франція въ началѣ шестидесятыхъ, стала мало-по-малу терять у насъ кредитъ. Точно также и теперь никто не можетъ сказать съ увѣренностью, какая будетъ

у насъ дальнѣйшая судьба вопроса о литературно-художественной конвенціи. Несомнѣнно только одно, что французскій издательскій синдикатъ, пользуясь теперешнимъ тѣснымъ союзомъ обоихъ правительствъ, будетъ долго еще настаивать на заключеніи Россіей конвенціи, сепаратной съ Франціей или международной съ государствами, подписавшими бернскую конвенцію, такъ какъ то и другое представляетъ для Франціи одинаковыя выгоды. Другія державы, конечно, будутъ рады воспользоваться услугами Франціи и чрезъ нее втянуть Россію въ сдѣлку, убыточную для русскихъ подданныхъ, но весьма выгодную для странъ, подписавшихъ бернскую конвенцію. Въ мысляхъ французскихъ и швейцарскихъ авторовъ и издателей, задумавшихъ бернскую конференцію, главный разчетъ былъ, конечно, на Россію, гдѣ ежегодно переводится масса французскихъ романовъ и повѣстей и значительное число научныхъ и техническихъ сочиненій. Еще большее число сочиненій послѣднихъ двухъ родовъ переводится у насъ съ нѣмецкаго; между тѣмъ обратныхъ переводовъ и заимствованій, съ русскаго на французскій и нѣмецкій, почти вовсе не дѣлается, такъ что въ случаѣ конвенціи ни Франція ни Германія ничего бы намъ не возвратили изъ переплаченныхъ имъ русскихъ денегъ. Такимъ образомъ въ конвенцію не попала именно та страна, которая дала бы самую обильную жатву какъ французскимъ и швейцарскимъ, такъ и нѣмецкимъ авторамъ и издателямъ.

Изложивъ фактическую сторону вопроса, разсмотримъ теперь его со стороны права. Въ вопросѣ о правѣ литературной собственности надобно различать два существенно разнородныхъ понятія: контрафакцію, то-есть поддѣлку или перепечатку чужихъ литературныхъ и ученыхъ сочиненій, а съ другой стороны—переводы ихъ на другіе языки. Перваго рода дѣйствіе, какъ и всякая другая поддѣлка, есть посягательство на чужую собственность, имѣющее побужденіемъ корысть: поэтому справедливо и желательно, чтобы такая поддѣлка была возбранена нашими законами относительно сочиненій, принадлежащихъ подданнымъ другихъ государствъ, особенно если въ этихъ государствахъ существуютъ соотвѣтственныя же узаконенія въ огражденіе права литературной собственности чужеземныхъ подданныхъ. Но для такого охраненія правъ иностранныхъ подданныхъ нѣтъ надобности ни въ какихъ дипломатическихъ

конвенціяхъ, дающихъ поводъ иностраннымъ правительствамъ вмѣшиваться въ наши собственныя дѣла, а достаточно сдѣлать только соотвѣтственное дополненіе въ нашихъ законахъ о литературной собственности.

Совершенно иное значеніе представляютъ переводы сочиненій съ одного языка на другой. Не имѣя ничего общаго съ контрафакціей или поддѣлкой, нуждающейся только въ механической работѣ наборщика и печатника, переводы составляютъ самостоятельный умственный трудъ переводчика, требующій отъ него основательнаго знанія обоихъ языковъ, научныхъ свѣдѣній или, по крайней мѣрѣ, литературнаго образованія и, наконецъ, болѣе или менѣе продолжительнаго переводнаго труда. У насъ въ Россіи знанія и трудъ, прилагаемые къ переводамъ ученыхъ и вообще серьезныхъ сочиненій, далеко не окупаются доходомъ отъ ихъ распродажи. Если бы нашимъ переводчикамъ пришлось еще платить контрибуцію иноземнымъ авторамъ и издателямъ, то никто въ Россіи не рискнулъ бы предпринять перевода какого-нибудь серьезнаго сочиненія, а развѣ только выходили бы переводы иностранныхъ романовъ и тенденціозныхъ сочиненій соціалистическаго и матеріалистическаго содержанія. Уничтоженіе у насъ свободы переводовъ чрезвычайно затруднило бы обмѣнъ знаній между Россіей и Европой и отозвалось бы весьма невыгодно на дальнѣйшихъ успѣхахъ наукъ и искусствъ въ нашемъ отечествѣ.

Къ одной категоріи съ переводами слѣдуетъ отнести снимки съ картинъ, гравюръ, политипажей, рисунковъ, географическихъ, ситуаціонныхъ и гидрографическихъ картъ, плановъ, техническихъ и научныхъ чертежей, орнаментовъ и т. п. Все это, далеко не составляя грубой и корыстной поддѣлки чужого произведенія, въ родѣ перепечатки словеснаго сочиненія, есть, напротивъ того, то благородное подражательное искусство, которое представляетъ одно изъ сильнѣйшихъ орудій совершенствованія націй. Оно требуетъ отъ своего исполнителя прилежнаго изученія даннаго искусства, извѣстнаго таланта и усидчиваго копировальнаго труда. Запрещеніе воспроизводить въ Россіи иностранные рисунки, чертежи, карты и пр., безъ уплаты контрибуціи въ пользу иностранцевъ, остановило бы у насъ распространеніе и дальнѣйшіе успѣхи самыхъ необходимыхъ въ нашъ вѣкъ техническихъ знаній и искусствъ.

Такой взглядъ на свободу переводовъ съ иностранныхъ языковъ и подражательныхъ снимковъ съ рисунковъ и всякаго

рода графическихъ произведеній раздѣляется и весьма уважаемыми въ Европѣ авторитетами юридической науки, тогда какъ противоположное мнѣніе поддерживается преимущественно литераторами, художниками и издателями, то-есть только одною изъ заинтересованныхъ сторонъ, безъ всякаго вниманія къ важнѣйшимъ интересамъ другой, несравненно многочисленнѣйшей стороны, къ интересамъ народовъ, нуждающихся въ свободѣ распространенія знаній и искусствъ. Перепечатка чужихъ книгъ и брошюръ есть похищеніе чужой собственности, естъ литературное корсарство, и не должно быть терпимо въ цивилизованномъ государствѣ. Такое, напримѣръ, корсарство совершала много лѣтъ Бельгія, перепечатывая и продавая по дешевой цѣнѣ сочиненія французскихъ авторовъ, имѣвшія успѣхъ въ публикѣ, пока наконецъ Франція добилась заключенія съ Бельгіею литературной конвенціи 1852 г., положившей конецъ бельгійскимъ контрафакціямъ; а теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, та же Бельгія присоединилась къ конвенціи, требующей недопущенія даже перевода словесныхъ сочиненій и копированія графическихъ произведеній. Профессіональные литераторы, книгоиздатели и художники желали-бъ, чтобъ, безъ уплаты имъ контрибуціи, ими самими назначаемой, никто на всемъ пространствѣ земного шара не смѣлъ бы перевести на свой народный языкъ ихъ сочиненія, перевести и поставить на сцену ихъ драматической піесы, снять копіи съ ихъ рисунка, плана, ландкарты, чертежа какого-нибудь механизма и т. п.

Воспрещеніе свободы переводовъ словесныхъ сочиненій и подражательнаго воспроизведенія рисунковъ, чертежей, картъ, равно какъ и воспрещеніе публичнаго исполненія театральныхъ и музыкальныхъ піесъ, принадлежащихъ чужеземнымъ авторамъ, хотя и не имѣетъ безусловнаго юридическаго основанія, можетъ однако быть предметомъ международнаго соглашенія, но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ—взаимности выгодъ для обѣихъ договаривающихся сторонъ. Такъ, напримѣръ, Германія, Англія и Италія, представляя по литературной, ученой и художественной производительности государства равносильныя, какъ между собою, такъ и съ Франціей, имѣли основаніе присоединиться къ Бернской конференціи, хотя все-таки, надобно замѣтить, наибольшую выгоду получила здѣсь Франція, потому что въ ней переводится съ нѣмецкаго, англійскаго и итальянскаго языковъ гораздо меньше сочиненій и театральныхъ піесъ, чѣмъ сколько переводится французскихъ произведеній въ Герма-

ніи, Англіи и Италіи. Но для Россіи всякое подобное соглашеніе очевидно, и несомнѣнно, повело бы только къ пожертвованію ея существенными выгодами въ пользу иностранцевъ, безъ всякаго вознагражденія съ ихъ стороны. Россія по необходимости должна дѣлать безпрестанныя заимствованія въ наукахъ, литературѣ и искусствахъ у опередившихъ ее народовъ западной Европы, тогда какъ заимствованія въ обратномъ направленіи, если и имѣютъ иногда мѣсто, то въ столь рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, что они не могутъ быть принимаемы ни въ какой разсчетъ. Наши ученые и писатели, труды которыхъ удостоивались иногда перевода на иностранные языки, не только никогда не заявляли претензіи на денежное вознагражденіе, но вмѣняли себѣ въ особую честь такую популяризацію ихъ имени въ Европѣ и нерѣдко сами еще платили деньги и переводчику и издателю. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока наши наука и искусство будутъ находиться въ подчиненности у науки и искусства западной Европы. Отъ заключенія Россіей литературно-художественной конвенціи съ государствами, подписавшими Бернское соглашеніе, получилась-бы для насъ точно такая же выгода, какая получилась-бы, если-бъ наше правительство согласилось допускать къ намъ безпошлинно французскія и рейнскія вина подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ и наше кавказское и бессарабское вино провозилось во Францію и Германію также безпошлинно, или же дозволило бы ввозить къ намъ безпошлинно французскіе и италіанскіе бархаты и прочія шелковыя матеріи съ тѣмъ, чтобъ и нашъ кавказскій канаусъ дозволенъ былъ къ безпошлинному ввозу во Францію и Италію.

Такимъ образомъ ввести Россію въ общую международную литературно-художественную конвенцію на началахъ, принятыхъ въ Бернѣ въ 1886 году, значило бы секвестровать на будущее время самыя справедливыя и необходимыя права русскихъ подданныхъ въ пользу иноземцевъ и подать поводъ къ вмѣшательству иностранныхъ правительствъ въ наши внутреннія дѣла и къ нескончаемымъ процессамъ въ нашихъ судахъ по искамъ иностранныхъ сочинителей и издателей. Конвенція, заключенная съ Франціей въ 1861 году, при всей ея невыгодности для Россіи, не заключала въ себѣ и сотой доли тѣхъ стѣсненій для русскихъ подданныхъ, которыя послѣдовали бы отъ присоединенія Россіи къ Бернской конвенціи или отъ принятія предложенія, привезеннаго къ намъ графомъ Кератри. Достаточно имѣть въ виду, что значительная и при томъ наилучшая

часть употребляемыхъ у насъ руководствъ по медицинѣ, фармакологіи, сельскому хозяйству, металлургіи и горнозаводскому дѣлу, машиностроенію, химической технологіи, лѣсоводству, строительному искусству, архитектурѣ, физикѣ, математическимъ и естественнымъ наукамъ и пр. и пр. есть переводы и преимущественно переводы съ нѣмецкаго и французскаго. Необходимо также имѣть въ виду, что заключеніе конвенціи съ Франціей послужитъ поводомъ и поощреніемъ и для германскихъ авторовъ и издателей добиваться для себя въ Россіи той же привилегіи. Впослѣдствіи, при измѣнившихся политическихъ отношеніяхъ, нашему правительству трудно будетъ отказать одной сторонѣ въ томъ, что было уже дано другой. Тогда Россія окажется данницей обѣихъ этихъ странъ, а такъ какъ ученыя и техническія заимствованія дѣлаются нами больше у Германіи, чѣмъ у Франціи, то указанныя выше невыгодныя послѣдствія подобныхъ конвенцій для успѣховъ нашего образованія должны будутъ тогда возрасти сугубо. Каковы бы ни были въ данную минуту наши политическія отношенія къ той или другой сторонѣ, во всякомъ случаѣ было бы въ высшей степени несправедливо при рѣшеніи этого вопроса принимать во вниманіе только выгоды иностранныхъ авторовъ и издателей и жертвовать въ ихъ пользу интересами отечественнаго просвѣщенія и русскихъ подданныхъ.

Что касается вопроса о контрафакціи сочиненій въ ея настоящемъ смыслѣ, то вопросъ этотъ, само собою разумѣется, долженъ быть разрѣшенъ иначе, чѣмъ вопросъ о переводахъ и о подражательныхъ графическихъ снимкахъ. Контрафакція русскихъ ученыхъ и литературныхъ сочиненій, очевидно, не можетъ имѣть мѣста за-границей по рѣдкости знанія тамъ русскаго языка. Если же кто-либо вздумалъ бы перепечатанное за границей сочиненіе русскаго автора ввести въ Россію, то оно неизбѣжно было бы конфисковано въ пользу сего послѣдняго, на основаніи статей 22 и 29 Приложенія къ ст. 2 Устава о цензурѣ и печати, изданное въ 1890 г.

При всемъ томъ контрафакція въ обратномъ смыслѣ, то-есть перепечатка въ Россіи иноземныхъ ученыхъ и литературныхъ сочиненій, помимо всякаго соображенія о взаимности выгодъ, не должна быть у насъ допускаема въ силу нравственнаго и юридическаго принципа, какъ очевидное посягательство на чужую собственность изъ корыстныхъ видовъ. Впрочемъ, такая контрафакція и теперь у насъ почти вовсе не случается, за

исключеніемъ развѣ перепечатки куплетовъ для пѣнія и мелкихъ драматическихъ піесъ. Причиной тому служатъ: во-первыхъ, существованіе у насъ цензуры, при которой рѣдкая изъ иностранныхъ книгъ литературнаго содержанія могла бы появиться у насъ безъ урѣзокъ; во-вторыхъ, отсутствіе всякаго коммерческаго разсчета для контрафакторовъ поддѣлывать въ Россіи иностранныя книги, по незначительности числа ихъ читателей и при увѣренности, что большинство читателей, въ предположеніи цензурныхъ урѣзокъ, всегда предпочтетъ имѣть заграничные подлинники, хотя бы и по нѣсколько большей цѣнѣ. Все это хорошо извѣстно иностраннымъ авторамъ и издателямъ. Цѣль, которой они домогаются, есть вовсе не перепечатка сочиненій, а переводы ихъ на русскій языкъ, постановка переводныхъ піесъ на русскихъ сценахъ и подражательное воспроизведеніе картинъ и графическихъ работъ. Хотя такимъ образомъ контрафакція словесныхъ сочиненій и теперь не угрожаетъ иноземнымъ авторамъ со стороны Россіи, тѣмъ не менѣе, чтобы положить конецъ всякимъ со стороны иностранныхъ государствъ упрекамъ и домогательствамъ, можно было бы ввести въ наши законы статью, распространяющую дѣйствующія у насъ противъ контрафакціи постановленія и на перепечатку иностранныхъ ученыхъ и литературныхъ сочиненій.

Предварительно однако такого дополненія закона, слѣдуетъ измѣнить статьи 1683 и 1684 Улож. о наказан., назначающія несоразмѣрно тяжкія наказанія за плагіатъ и контрафакцію. Затѣмъ никакія другія статьи нашихъ законовъ о печати не состоятъ въ непосредственной связи съ вопросомъ объ огражденіи правъ литературной собственности иностранцевъ, и съ этой стороны не видится надобности въ пересмотрѣ нашего законодательства о печати, какъ нѣкогда предполагало министерство иностранныхъ дѣлъ.

Ѳ. Еленевъ.

КЪ ЕЛЕНѢ.

(Изъ Эдгара Поэ).

Трирема легкая, по брызжущимъ волнамъ
Когда-то несшая, въ лазури чистой моря,
Пловца усталаго къ родимымъ берегамъ:
Вотъ красота твоя, не знающая горя.

И я вѣдь былъ пловцомъ. И ты, моя Наяда,
Меня спасти отъ бурь мнѣ послана судьбой.
И золото кудрей и мраморъ твой живой
Мнѣ сдѣлали роднымъ забытый міръ Эллады,
И Римъ, великій Римъ—мнѣ сдѣлался родной.

О, ты зовешь меня! Я вижу яркій свѣтъ:
Зажженъ свѣтильникъ твой; въ твоихъ очахъ привѣтъ.
Статуя дивная, мои мечты лелѣя,
Ты тамъ стоишь въ окнѣ... О радость! о Психея
Страны, которой нѣтъ!

Гр. Александръ Салтыковъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ
ПО ПОВОДУ СТУДЕНЧЕСКИХЪ БЕЗПОРЯДКОВЪ.

Такъ-называемые „студенческіе безпорядки“ хронически повторяются у насъ отъ времени до времени. Теперь уже въ *Русской Старинѣ* и въ *Русскомъ Архивѣ* мы можемъ читать воспоминанія о подобныхъ безпорядкахъ, написанныя людьми или престарѣлыми, или умершими. Итакъ, это явленіе давнее, періодически повторяющееся. Никогда ни къ чему серьезному они не приводили, и университетская жизнь, поволновавшись нѣсколько, опять улегалась въ свое старое русло, какъ бы ничего не случилось. Изъ біографій нѣкоторыхъ нашихъ замѣчательныхъ людей, напримѣръ, Ник. Як. Данилевскаго, мы знаемъ, что угаръ политическаго и такъ-называемаго „соціальнаго“ броженія мутилъ и ихъ умы во время молодости; авторъ „Россіи и Европы“ и „Критическаго изслѣдованія о дарвинизмѣ“, бывъ въ молодости фурьеристомъ и отвергая бытіе Божіе, въ зрѣлыхъ годахъ сталъ не только превосходнымъ практическимъ работникомъ на государственной службѣ, сохранившимъ Россіи ея громадныя рыбныя богатства, но и теоретическою мыслью онъ сталъ однимъ изъ столповъ охранительнаго славянофильства.

На безпорядки эти можно имѣть нѣсколько точекъ зрѣнія; точнѣе, они открываютъ въ себѣ разныя стороны, какъ только мы рѣшаемся ихъ всесторонне изслѣдовать.

Прежде всего, это есть болѣзнь возраста, непріятная, хлопотливая, но не упорная и не опасная. Наше броженіе политическое и такъ-называемое „соціальное“ комплектуется исключительно адептами 16—27 лѣтъ; и, съ другой стороны, въ возрастѣ этихъ критическихъ 16—27 лѣтъ почти каждый образо-

ванный русскій „отрицаетъ" и волнуется. Было бы напрасно думать, что какія-то проблематическія выгоды заставляютъ позднѣе успокоиваться этихъ людей. Нѣтъ, простой опытъ жизни, расширеніе сферы наблюденій и самой наблюдательности, завязавшіяся живыя связи съ обществомъ и жизнью историческою черезъ семью, дѣтей, наконецъ, черезъ трудъ—кладутъ каждаго въ свою ячейку и заставляютъ признавать необходимость и цѣлесообразность, а, наконецъ—и священность, и поэзію этого громаднаго улья, гдѣ вотъ уже тысяча лѣтъ роится громадный народный рой. Въ 16—27 лѣтъ каждый, т. е. почти каждый, русскій бываетъ не только парламентаристомъ или республиканцемъ,—это еще мало,—онъ непремѣнно бываетъ дарвинистомъ, позитивистомъ, соціалистомъ; онъ вообще бываетъ политикомъ и философомъ въ политикѣ, къ которой вплотную не подошелъ, и въ философіи, которую только что началъ читать...

Россія въ исторіи своей пережила казачество; нѣкоторый родъ духовнаго казачества переживаетъ и каждый изъ насъ въ соотвѣтствующую фазу возраста; переживаетъ пору увлеченій, воеванія, погруженія исключительно въ свое „я" и противопоставленія этого „я" всему міру. Ничего опаснаго. Рождается у этого „нигилиста"-казака первый ребенокъ, и съ крикомъ его проходитъ болѣзнь: таинства жизни вскрываются тому, кто отвергалъ ихъ потому, что не понималъ, и даже просто потому, что не видѣлъ.

Теперь—собственно предметъ отрицаній.

Отрицается Богъ, семья, отечество „въ томъ нелѣпомъ видѣ, какъ оно существуетъ", міръ невидимый и видимый, но какъ одинъ, такъ и другой—пока неувидѣнный и насколько онъ не увидѣнъ. Отрицается все неиспытанное, не перешедшее въ живое ощущеніе; отрицается съ тою твердостью, какъ передъ однимъ путешественникомъ индусскій раджа отрицалъ возможность снѣга и льда—„сухой и твердой воды". Раджа за глубокій и наглый обманъ его путешественникомъ, сообщавшимъ такія невѣроятныя вещи, распорядился даже казнить его, но почему-то не успѣлъ, иначе мы не узнали бы этого характернаго разсказа. Ну, точь-въ-точь, наше юношество негодуетъ, сжимаетъ кулаки, и, къ несчастью, иногда больше, чѣмъ только кулаки, при всякой попыткѣ его оспорить и не раздѣлить его вѣру въ особенные „сюжеты", его занимающіе, или предложить повѣрить въ другіе сюжеты, которые его не занимаютъ. „Чест-

ная юность“ отъ всего подобнаго отвращается и посылаетъ въ отвѣтъ горсти каменьевъ. Она замыкается въ себя и изолируется; студенчество—и, правда, какъ старое казачество—представляется въ общемъ укладѣ нашей дѣйствительности какимъ-то островомъ Хортицей, гдѣ новые запорожцы совершаютъ свои умственныя оргіи, гдѣ „дорогія бархатныя шаровары тщательно вымазываются въ дегтѣ“ и откуда время отъ времени показываются „удалыя чайки“, чтобы напасть на дремлющихъ „враговъ“, кой-что у нихъ „поцарапать“, окружить большіе линейные корабли и, надѣлавъ тревоги, кой-что захвативъ, но никакого существеннаго вреда не причинивъ, вернуться назадъ съ добычей, которая имъ доставляетъ большое удовольсвіе и почти никакого неудовольствія тѣмъ, у кого похищена. Вотъ почему Россія и общество русское, несмотря на то, что учащееся юношество ярко ихъ отрицаетъ и отвергаетъ въ такихъ вѣрованіяхъ, за которыя онѣ готовы бы пролить, да уже и проливали, кровь,—какъ-то и почему-то, однако, безотчетно любитъ его; какъ и Москва въ свое время любила это казачество, столь противоположное ей во всемъ. Два возраста, двѣ поры времени, но одного и того-же живаго существа.

Для этого духовнаго качества, для этихъ потребностей возраста у насъ существуетъ цѣлая обширная литература. Никто не замѣчаетъ, что всѣ наши такъ-называемые „радикальные“ журналы ничего, въ сущности, радикальнаго въ себѣ не заключаютъ: если бы было иначе, можно было бы подумать (по процентному отношенію ихъ къ органамъ остальной печати), что Россія краснѣетъ радикализмомъ и что ей завтра же грозитъ что-то ужасное. По колориту, по точкамъ зрѣнія на предметы, пріемамъ нападенія и защиты это просто „журналы для юношества“, „юношескіе сборники“, въ своемъ родѣ „дѣтскіе сады“, но только въ печатной формѣ и для возраста болѣе зрѣлаго, чѣмъ Фребелевскіе. Что это такъ, что это не журналы для купечества, чиновничества, помѣщиковъ, — нашего читающаго люда, - что всѣмъ этимъ людямъ взрослыхъ интересовъ, обязанностей, заботъ не для чего раскрывать этихъ журналовъ, а эти журналы нисколько въ такомъ раскрытіи не нуждаются, — это такъ интимно извѣстно въ нашей литературѣ, что было бы смѣшно усиливаться доказать это. Не только здѣсь есть своя дѣтская исторія, т.-е. съ дѣтскихъ точекъ объясняемая; дѣтская критика, совершенно отгоняющая мысль объ эстетикѣ, продуктѣ исключительно зрѣлыхъ умовъ; но есть цѣлый обширный

эпосъ, романы и повѣсти исключительно изъ юношеской жизни, гдѣ взрослые вовсе не участвуютъ, исключены, гдѣ нѣтъ героевъ и даже зрителей старше 35 лѣтъ, и всѣ, которые подходятъ къ этому возрасту, а особенно если переступаютъ за него, окрашены такъ дурно, какъ дѣти представляютъ себѣ „чужихъ злыхъ людей", и какъ въ былую пору казаки рисовали себѣ турокъ. Всѣ знаютъ, сколько свѣжести и чистоты въ этой литературѣ, оригинальнѣйшемъ продуктѣ нашей исторіи и духовной жизни, которому аналогій напрасно искали бы мы въ старѣющей жизни Западной Европы. Соотвѣтственно юному возрасту нашего народа, просто юность шире у насъ раскинулась, она болѣе широкою полосой проходитъ въ жизни каждаго русскаго, бо́льшее число лѣтъ себѣ подчиняетъ и вообще ярче, дѣятельнѣе, значительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ она развивала изъ себя и для себя, какъ у насъ, почти всѣ формы творчества, почти цѣлую маленькую культуру со своими праведниками и грѣшниками, мучениками и „ренегатами", съ ей исключительно принадлежащею пѣснею, сужденіемъ и даже начатками всѣхъ почти наукъ. Сюда же, то-есть къ начаткамъ вотъ этихъ наукъ, а отчасти и вытекающей изъ нихъ практики, принадлежитъ и „своя" политика, въ коей студенческіе „безпорядки" составляютъ только отдѣлъ.

Можно бы ожидать, что университетъ силой своего наученія разобьетъ этотъ странный мірокъ, какъ его разбиваетъ позднѣе непосредственное соприкосновеніе съ жизнью, непосредственное ощущеніе ея тайнъ. Но этого нѣтъ.

Въ жизни нашихъ университетовъ есть незамѣченная сторона, которая вообще лишаетъ ихъ культурнаго воздѣйствія на учащихся, по крайней мѣрѣ — очень сильнаго и продолжительнаго: именно—университетъ не даетъ и тѣни, хотя бы сколько-нибудь закругленнаго, образованія, хотя бы намека на какой-нибудь цѣлостный умственный организмъ. Факультетъ—это у насъ рядъ каѳедръ, между собой не связанныхъ и не связуемыхъ. Почему столько ихъ, а не нѣсколько менѣе—нельзя сказать; почему не гораздо больше—тоже нельзя сказать; почему при процвѣтаніи классической системы образованія нѣтъ каѳедры исторіи спеціально классическихъ народовъ (это послѣ Нибура)—непонятно; нѣтъ каѳедры классическаго искусства (послѣ Винкельмана)—тоже непонятно; почему до-историческая

археологія, археологія „каменныхъ бабъ"—есть, а греко-римской археологіи, то-есть археологіи Пареенона и Пропилей—нѣтъ: конечно, никто на это ничего не отвѣтитъ. Въ самой структурѣ нашего университета лежитъ элементарный эмпиризмъ, эмпиризмъ полный и глубокій—плодъ подражательной пересадки къ намъ науки и нисколько не плодъ потребности, особенно не духовной потребности. Еслибы университетъ давалъ нѣчто цѣльное и закругленное, еслибы онъ не ограничивался разрозненными и, Богъ знаетъ, почему и зачѣмъ существующими дисциплинами, онъ имѣлъ бы свойство и силу втягивать въ себя умъ, и, втягивая, покорять его, захватывать, овладѣвать имъ; и, соотвѣтственно своему содержанію (каково бы оно ни было) — формировать и дисциплинировать его. Такъ дѣйствуетъ всякая система, вступивъ во входъ которой вы уже неудержимо проходите ее всю, и если въ ней не удерживаетесь, не остаетесь и свергаете ее съ себя—вы ее свергаете человѣкомъ гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ какимъ вошли въ нее, и вообще выходите изъ нея новымъ человѣкомъ. Но русскій юноша какимъ вошелъ въ университетъ, такимъ въ сущности и выходитъ. Онъ только чрезвычайно въ памяти своей обремененъ знаніями, но онъ вовсе не болѣе развитъ, чѣмъ былъ, или развитость его относится, какъ къ причинѣ своей, къ столкновеніямъ житейскимъ, къ той или иной прочитанной книгѣ или кругу книгъ; но никогда или почти никогда она не относится къ тому, что онъ услышалъ съ каеедры. Пересмотрите въ нашей литературѣ всѣ университетскія воспоминанія; перечтите воспоминанія о лучшей порѣ Московскаго университета: это есть только воспоминанія объ увлекательности чтеній, о „свѣтломъ образѣ" профессора, но это не припоминаніе любопытной мысли, имъ высказанной, не борьба съ этою мыслью или, напротивъ—не ея пропаганда. Наоборотъ, припоминаніе любопытныхъ мыслей, высказывавшихся въ студенческихъ кружкахъ, въ историческихъ мемуарахъ—есть. Есть оно въ „Запискахъ" Пирогова, относящихся въ студенческой своей части къ первымъ десятилѣтіямъ нашего вѣка; и, много позднѣе, въ кружкахъ Станкевича и Бѣлинскаго, т.-е. опять въ студенченскихъ или полустуденческихъ— высказывались, мы знаемъ, мысли оригинальныя или новыя для своего времени. Отъ этого страннаго обстоятельства университеты наши имѣютъ традиціи и дисциплину нравовъ, но они не имѣютъ традиціи и дисциплины собственнаго наученія, т. е. самой науки, каеедры,

которая опредѣленно сложилась бы и послѣдовательно развилась. Былъ Грановскій, „свѣтлый характеръ и высокій художникъ слова", умеръ онъ—и опять ничего особеннаго, какъ ничего особеннаго не было до него. Мы часто готовы жестоко обвинять профессоровъ, но откуда имъ взять того, чего нѣтъ вообще въ университетѣ, въ каѳедрѣ, въ сферѣ, куда они вступаютъ и откуда ждутъ отъ нихъ какихъ-то необыкновенныхъ словъ? „Лучшій профессоръ".. но, Боже, вдумаемся-же, что это „лучшее" есть только личный даръ его, это излишнее и особенное, что онъ приноситъ съ собою, и за что мы безконечно обязаны его благодарить; но не можемъ этого ни ожидать отъ всякаго, ни негодовать, если этого даже ни у кого нѣтъ. Отъ 60-хъ до 80-хъ годовъ въ Московскомъ университетѣ читалъ лекціи Буслаевъ, авторъ „Очерковъ русской литературы и искуства", „Лицеваго Апокалипсиса" и множества еще работъ; въ противоположность Грановскому, который несъ въ себѣ только „колоритъ науки", этотъ уже, дѣйствительно, несъ науку; но что такое была эта наука, какъ не самое лицо профессора, это удивительнѣйшее лицо, которое стояло въ центрѣ цѣлаго міра знаній, интересовъ, почти растерянное въ нихъ; растерянно не замѣчающее [1] ни студентовъ, ни университета; со взоромъ чисто младенческимъ и одновременно съ тѣмъ—если у Мафусаила была мудрость, соотвѣтственная лѣтамъ,—мы сказали бы: со взоромъ Мафусаила [2]. Рядомъ съ нимъ стоялъ и читалъ о тѣхъ же предметахъ и иногда то же Тихонравовъ, профессоръ также исключительной значительности, но ничего подобнаго не было; не было въ его чтеніяхъ глубокаго свѣченія

---

[1] О немъ между студентами передавали анекдотъ (или фактъ), что, когда однажды онъ былъ выбранъ Совѣтомъ въ ректоры, онъ, благодаря его за честь и отказываясь отъ должности, мотивировалъ отказъ: „Господа... я не могу никогда правильно разсчитаться съ извозчикомъ, то не додавая, то передавая.. какъ вы хотите, чтобы я былъ ректоромъ" (администраторомъ).

[2] Его взглядъ былъ замѣчательно пристальный и, при случайной встрѣчѣ, если онъ упадалъ на васъ, вамъ казалось, что онъ что-то въ васъ высматриваетъ, думаетъ о васъ, что-то ему нужно именно вамъ сказать, и при томъ цѣнное и многознаменательное: но позднѣе, припоминая этотъ взглядъ и соображая его подробности, вы догадывались, что онъ вовсе васъ не видѣлъ иначе, какъ фигуру, и соображалъ, можно ли отнести къ ней цѣнныя и многозначительныя слова о предметѣ, который внутренно занималъ его въ ту минуту и на который онъ такъ пристально, духовно и даже физически смотрѣлъ.

и благоуханія генія; была вѣтвь науки, тщательно обрабатываемой, и вовсе не наука въ ея мысли, въ ея нервѣ. Поэтому образовательное значеніе Буслаева было огромно, и оно было огромно даже и тогда, когда, шамкая и проглатывая слова (отъ старости), онъ давалъ скорѣе обрывки курса, нежели курсъ въ сколько-нибудь законченномъ и цѣломъ видѣ; обрывки, но—какъ обломки классической статуи—полные красоты и выразительности; страницы, почти между собою не связанныя, но каждая полна именно мысли. Степень благоговѣнія къ нему студентовъ была поэтому изумительна. Трудно повѣрить, но это фактъ, что въ бурную и нѣсколько нигилистическую пору конца 70-хъ годовъ студенты передавали и почти гордились, что, идя по такому-то бульвару, „встрѣтилъ и поклонился Ѳедору Ивановичу"; никогда — „Буслаеву", всегда — „Ѳедору Ивановичу", который, впрочемъ, рѣдко и отвѣчалъ на поклонъ, погруженный въ какія нибудь свои мысли, и уже, конечно, не замѣчая торопливо бѣгущаго на урокъ студента (тогда еще они ходили безъ формы). Но, какъ мы сказали, эта наука сосредоточена была въ самомъ лицѣ его. Тихонравовъ читалъ лекціи только по своей каѳедрѣ (русская литература), но Буслаевъ—скорѣе Богъ знаетъ о чемъ читалъ, гдѣ русская литература только мелькала, какъ подробность, какъ частность. Можно сказать, онъ и о каѳедрѣ своей, т. е. о ея тѣсныхъ и узкихъ границахъ, забылъ, какъ и о студентахъ, и объ университетѣ. Въ немъ, если вдуматься, бродили вѣчно эмбріоны новыхъ, совершенно оригинальныхъ дисциплинъ, но ихъ каѳедры вовсе не было, не было даже для нихъ имени. Онѣ бродили въ его маститомъ умѣ, то вспыхивая съ каѳедры—и тогда заражая мысль аудиторіи, то погасая въ необозримой мысли *настоящаго* ученаго, который уже бѣжалъ вниманіемъ къ другимъ предметамъ и въ нихъ вглядывался любопытствующимъ глазомъ своимъ, вновь и вновь рождая эмбріоны еще и еще вѣтвей на старомъ деревѣ знанія. Онъ сошелъ съ каѳедры—и ничего не осталось. Геніальный номадъ, случайно забредшій въ сарай и его собою освѣтившій, онъ умеръ, — и сарай останется также грубъ и неинтересенъ, какъ ранѣе его и вкругъ него; неинтересенъ и грубъ въ самомъ своемъ устройствѣ. И всякій талантливый русскій профессоръ есть подобный же номадъ, созданіе не культуры, не обстановки, не мысли, выраженной въ университетѣ (ея вовсе нѣтъ), но индивидуальныхъ своихъ усилій и искры Божіей, его чела коснувшейся... Но этой искры требовать для каждаго лица мы не

можемъ у Бога; не можемъ требовать ея у всякаго человѣка; безъ нея же—ночь..

Теперь, если мы вдумаемся въ дикое казачество нашихъ студентовъ, въ нелѣпые разговоры, которые угрюмо они ведутъ между собою, но, однако, преемственно, но, однако, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе; если вдумаемся въ ту крошечную дѣтскую культурку, которую со страницъ своихъ развиваютъ нѣкоторые журналы—мы увидимъ, что это все-таки культура, все-таки нѣкоторая цивилизація, ибо это есть несомнѣнно нѣкоторая любовь и мысль, которая выдерживаетъ себя отъ первой строки и до послѣдней, которая въ стихотвореніи продолжаетъ то, что было начато въ якобы ученомъ трактатѣ, въ романѣ начинаетъ и кончаетъ въ критикѣ...

Здѣсь—мы говоримъ о старой „Сѣчи" нашего студенчества и копошащейся около нея литературки—все связно и цѣльно; все здѣсь проникнуто вѣрой въ себя; все представляетъ опредѣленный строй мысли, и каждый юноша, вступая въ университетъ, знаетъ, что онъ самою атмосферой, которою будетъ здѣсь дышать четыре года, принуждается къ опредѣленнымъ мыслямъ, опредѣлившимся чувствамъ, тѣсно ограниченнымъ дѣйствіямъ. Именно этого-то и нѣтъ на каѳедрѣ: сюда каждый приноситъ—сверхъ обязательныхъ свѣдѣній—свое лицо, свое міросозерцаніе, и, вообще говоря, онъ даже можетъ не приносить сюда никакого лица, никакого міросозерцанія. Вотъ причина, почему студенчество вѣчно одолѣваетъ каѳедру, одолѣваетъ въ самой культурѣ своей; и профессора, эти бѣдные и безпріютные профессора, ни къ чему не принадлежащіе, ни къ чему не относящіеся, если они не развиваютъ изъ себя, какъ Буслаевъ, свою культуру,—они льнутъ къ этому же студенчеству, какъ взрослые, голые дикари льнутъ къ дѣтскимъ кострамъ, однако, несомнѣннымъ, однако, дѣйствительно, горящимъ... Есть цѣлый рядъ профессоровъ—я не хочу изъ деликатности называть ихъ имена—у коихъ отнимите обыкновенныя студенческія мысли, тѣ мысли, которыя, по воспоминаніямъ Пирогова, еще въ 20 годахъ развивались „во II номерѣ", въ интернатѣ,—и у нихъ вовсе не останется никакой мысли, т.-е. въ ихъ одно-и двутомныхъ трудахъ не останется совершенно ни одного понятія, кромѣ обыкновенной связи между предложеніями и груды цитатъ и фактовъ, рѣшительно ничѣмъ не связанныхъ и никакъ, даже нелѣпо, не освѣщенныхъ. Какъ же имъ не льнуть сюда, къ бѣднымъ, дымящимся

и тусклымъ, студенческимъ кострамъ: да студенчество-то и есть для нихъ „университетъ", гдѣ они научаются, и тутъ есть бездна боли, но ничего нѣтъ смѣшного, а, что главное, нѣтъ никакой вины профессоровъ, ибо, повторяемъ, ни талантъ, ни геній для человѣка необязательны...

Теперь—о винѣ студентовъ, степени ихъ наказуемости. Я помню, въ мое время (студенчества) прошумѣли извѣстныя брошюры Цитовича, и скоро потомъ сталъ выходить *Берегъ*. И вотъ, съ листкомъ этого *Берега* нельзя было ни войти въ аудиторію, ни стоять на лѣстницѣ, и вообще нельзя было, не подвергаясь оскорбленіямъ, или, во всякомъ случаѣ, непріятности, выказывать даже идейно какое-нибудь родство, близость, даже самое знакомство (то-есть черезъ газету) съ лицомъ, шедшимъ противъ той маленькой культуры, къ которой студенты принадлежали, которую развили они изъ себя, развивали нѣсколько десятилѣтій. Эта культура, однако, есть культура внутри другой культуры; и тотъ принципъ, та тенденція, то нетерпѣливое отношеніе къ „измѣнѣ", которую она практиковала,—очевидно принадлежитъ и той большой культурѣ, внутри которой развился мірокъ университета. Мы имѣемъ здѣсь макрокозмъ, включающій въ себя микрокозмъ; и всего, на что этотъ послѣдній хотѣлъ бы претендовать, онъ не можетъ (въ идеѣ) отнять у бо̀льшаго міра. Таково право и такова тенденція каждаго живаго организма вытѣснять изъ себя всякое инородное тѣло, все дѣйствующее по иному закону, въ иныхъ цѣляхъ и направленіяхъ, по иному „духу". Какъ только маленькій студенческій міръ признаетъ это,—а онъ рѣшительно не въ силахъ этого отвергнуть, или это опровергнуть,—онъ тотчасъ пойметъ, что самое бытіе его (то-есть съ идеями отрицательными) есть результатъ не логики, не права, но только милосердія... Онъ пойметъ, что какъ бы ни суровы были мѣры, примѣняемыя къ нему, онѣ все еще не достигаютъ до полноты правъ распорядиться съ нимъ. Потому что страна съ тысячелѣтнею традиціей и объемлющая болѣе 100 милліоновъ человѣческихъ сердецъ, конечно, эту кучку въ ней заведшихся людей, ее отрицающихъ, могла бы отереть съ себя, какъ мы отираемъ лишай, случайно появившійся на насъ и дѣлающій что-то, что нашему организму не нужно. Можно сказать, надъ этимъ маленькимъ міркомъ виситъ камень; по естественной тяжести, по закону ньютоновскаго тяготѣнія—онъ долженъ былъ бы пасть, но камень удерживается; онъ удерживается...

благодатью, чудомъ! Онъ удерживается тѣмъ самымъ міромъ понятій и чувствъ, противъ котораго они возстаютъ, который отрицаютъ.

Но вотъ именно, чтобы показать, какъ вѣчны принципы этого ими отвергаемаго міра, какъ они зиждительны, какъ они составляютъ условіе не только собственнаго его бытія, но и сохраненія всего того, что на него же пытается возстать, — макрокозмъ не долженъ оскудѣвать въ милосердіи... Онъ именно долженъ показать, что не только по физической величинѣ и обилію одолѣвающихъ силъ необъятенъ сравнительно со включеннымъ въ него малымъ міромъ, но что всѣ его начала—другія, все его существованіе—особо; что онъ есть въ точности новый и неузнанный ими міръ, въ который они не пробудились еще и который невидимо и таинственно охраняетъ не только всякую красоту и ростъ въ себѣ, но и всякую бурю, ломающую эту красоту и этотъ ростъ.

На это соотношеніе, на систему этихъ правъ, естественнаго „Ньютоновскаго тяготѣнія" и поправляющаго его милосердія— не мѣшаетъ иногда оглядываться и профессорамъ...

В. Розановъ.

ГАЛИЛЕЙ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Папа Урбанъ VIII.
Синчери, фискалъ инквизиціи.
Белларминъ, кардиналъ.
Галилей.
Гаспаръ, слуга.
Братъ Феликсъ Центинусъ, именуемый изъ Аускула. } іезуиты.
Братъ Барберинусъ, именуемый отъ св. Онуфрія. }
Кардиналы, члены инквизиціи, чины судилища, стража, пажи, свита и пр.

СЦЕНА I.

Комната въ зданіи инквизиціи, въ квартирѣ фискала. Галилей сидитъ, задумавшись за столомъ, на которомъ—раскрытая Библія. На заднемъ планѣ сидитъ Гаспаръ. Въ дверь—прямо—виденъ рядъ комнатъ. Налѣво дверь въ спальню.

Галилею 70 лѣтъ. Онъ усталъ и изможденъ.

Вечеръ.

ПРИСЛУЖНИКЪ (*долго смотритъ на Галилея; про себя*).

Чудакъ! Проходятъ дни, а онъ сидитъ
Безмолвно, сгорбившись, ни на кого
Не смотритъ,—право, можно бы подумать,
Что умеръ онъ. И пищи не вкушаетъ!
Положимъ старъ, положимъ боленъ онъ,
Но для чего же голодомъ морить
И безъ того чуть дышащее тѣло?
Въ чемъ держится душа!... Я не таковъ:

Я не ученъ, быть можетъ, прямо глупъ—
Пускай! Но такъ я дѣло разумѣю:
Живи, пока тебѣ еще живется,
Въ чистилище и дальше не спѣши,—
Сегодня ль, завтра ль, все равно найдется
За гробомъ мѣсто для твоей души!
Имѣю честь служить я у фискала,—
Клянуся чортомъ, жить мнѣ хорошо!
Но съ бариномъ моимъ мнѣ бъ не хотѣлось
Свести знакомство ближе моего.
А этотъ! Чѣмъ онъ, бѣдный, провинился?..
А завтра судъ! Не важны, братъ, дѣла!
И, вѣрно, будешь ты давать отвѣты
Слегка подвѣшенный... бр! скверно, страшно!
А жаль, ей Богу, мнѣ бѣднягу! Онъ
Печаленъ такъ, какъ голубь кротокъ... Что же
Могъ сдѣлать страшнаго такой старикъ?
Толкуютъ, будто онъ,—помилуй Боже!—
Колдунъ, Мартына хуже еретикъ,
Да я не вѣрю! Все пустыя бредни!
Будь онъ колдунъ, такъ ужъ тогда давно
Его сквозь стѣну пятки засверкали бъ;
Еретика жъ держали бъ развѣ тутъ?
Ему квартиру ниже бъ отвели—
Въ темницѣ, не въ палатахъ кардинала... *(Помолчавъ)*.
А все же завтра судъ! И можетъ быть
Въ послѣдній разъ его теперь я вижу...
Мнѣ грустно, право! Что же! Я привыкъ
Къ его сѣдинамъ и къ его молчанью...
А что, коль я его разсѣю думы
И передъ смертью съ нимъ поговорю?
Быть можетъ, онъ, несчастный, позабылъ
Грядущій день? Немудрено, онъ боленъ;
А я отъ патеровъ подъ-часъ слыхалъ,
Что если я на путь кого наставлю
Предъ смертью—долгъ свершу христіанина...
Попробую, и, можетъ быть, тогда
Я грѣшной жизни заслужу прощенье... *(Тихо подходитъ къ Галилею)*.
Синьоръ!.. Синьоръ!.. Не слышитъ!.. Онъ заснулъ. *(Слегка толкаетъ Галилея)*
Синьоръ, послушайте...

Галилей (*очнувшись*).

А! Что? Готово?
Сейчасъ, постойте: только кончу я
Одну лишь мысль—а тамъ иду за вами...

Прислужникъ.

Онъ бредитъ! Боже! Онъ ума лишился...
Синьоръ, да успокойтесь: это я,
Прислужникъ вашъ, Гаспаръ!

Галилей.

Гаспаръ?

Прислужникъ.

Ну, да.

Галилей.

Прости! Тебя я не узналъ: забылся
Немного я... Что хочешь ты, Гаспаръ?

Прислужникъ.

Синьоръ, простите... Я вамъ докучаю...
Но есть вопросъ... онъ мучаетъ меня...

Галилей.

Какой?

Прислужникъ.

Какъ приступиться... я не знаю...

Галилей.

Смѣлѣй, мой другъ—тебѣ отвѣчу я.

Прислужникъ

Синьоръ! Я много думалъ, очень много—
Прошу васъ вѣрить мнѣ—съ тѣхъ самыхъ поръ,
Какъ здѣсь вы—не судите слишкомъ строго,
Коль глупость я у васъ спрошу, синьоръ...

Галилей (*добродушно смѣясь*).

Да что жъ такое? Ты меня пугаешь!

Прислужникъ (*не понявъ ироніи*).

Простите! Мѣсто я свое забылъ...

Галилей.

Да что съ тобой? Да что ты знать желаешь?

Прислужникъ (*мнется*).

На завтра...

Галилей (*перебиваетъ, вскакивая*).

Завтра!

Прислужникъ.

Васъ я прогнѣвилъ...

Галилей.

О, нѣтъ, мой другъ! На завтра судъ назначенъ.
Ну что жъ! Я радъ: я правду всю скажу—
И вѣрь мнѣ: будетъ папа озадаченъ,
Какъ истину предъ нимъ я обнажу!
Но задавай смѣлѣе мнѣ вопросы!
Ну, говори, что хочешь ты спросить?

Гаспаръ (*застѣнчиво, нерѣшительно*).

Синьоръ... простите... Сплетни и доносы... (*Сразу*).
За что васъ завтра будутъ здѣсь судить?

Галилей.

Ха, ха! За что? Богъ вѣсть, мой милый малый!
Такъ этимъ ты все время былъ смущенъ? (*Въ сторону*).
О, міръ! И ты, самъ предъ собой отсталый,
Родишь еще людей...

Гаспаръ.

Я не ученъ,
И, можетъ быть, вопросомъ неумѣстнымъ,
Синьоръ, васъ ненарокомъ огорчу...
Хоть я не вѣрю слухамъ повсемѣстнымъ,
Но правду все же выяснить хочу...
Синьоръ, мнѣ говорили...

Галилей.

Да смѣлѣе!

Гаспаръ.

Что будто вы... опасный еретикъ!
Что передъ Богомъ будто вы грѣшнѣе
Всѣхъ папой проклятыхъ... Я сталъ втупикъ,
Когда услышалъ это я впервые!
Ужели этотъ добрый господинъ
Противу всѣхъ готовитъ козни злыя?
Подумалъ я: насъ много,—онъ одинъ!

Галилей.

Мой другъ, отъ истины ты недалеко!

Гаспаръ (*въ испугѣ*).

Не можетъ быть!

Галилей (*задумчиво*).

Повѣрь мнѣ, мой Гаспаръ,
Я суевѣрью, вросшему глубоко,
Рѣшилъ нанесть чувствительный ударъ!

Гаспаръ.

Но вы, конечно, вѣдь, не противъ Бога?
Не противъ папы, нашего отца?
Вѣдь въ адъ ведетъ подобная дорога...

Галилей.

И безъ того мнѣ близко до конца!
Нѣтъ, другъ! Могу сказать тебѣ я смѣло,
Что вѣры крѣпко я держусь всегда,
И что не за кощунственное дѣло
На склонѣ дней дошелъ я до суда!

Гаспаръ.

Тогда, синьоръ,—прошу не осудите—
Позвольте вамъ еще вопросъ задать:
Всѣ говорятъ... что, будто, вы хотите
Заставить землю вкругъ луны летать...
Возможно ль это? Какъ? Не понимаю!
Не обойтись, вѣдь, тутъ безъ ворожбы!

Галилей (*смѣется*).

Лойола! Бѣдный! Я всегда узнаю
Твоихъ дѣтей по способу борьбы!
Гаспаръ, сознайся: патеръ досточтимый,
Случалося, тебя предупреждалъ,
Что есть такой колдунъ неукротимый,
Который землю сжечь пообѣщалъ?
Онъ говорилъ, что надо опасаться
И встрѣчи даже съ дьяволомъ? Ей-ей,
Съ тобою строже сталъ онъ обращаться,
Какъ въ этотъ домъ пріѣхалъ Галилей!

Гаспаръ (*пугливо*).

Синьоръ, вамъ все извѣстно!

Галилей.

Даже болѣ!
Но бросимъ лучше этотъ разговоръ,
Мой бѣдный другъ! Въ твоей, конечно, волѣ
Ему ли, мнѣ ли вѣрить...

Гаспаръ.

О, синьоръ!
Я такъ сужу: вѣдь не избѣгнешь, право,
Того, чему случиться суждено...

Галилей.

И судишь ты, по меньшей мѣрѣ, здраво.

Гаспаръ.

А жить не такъ ужъ много намъ дано!
И пусть грозитъ достопочтенный патеръ
Всѣмъ, чѣмъ ему угодно мнѣ грозить...

Галилей.

Ты мудрость льешь, какъ лаву гонитъ кратеръ...

Гаспаръ.

Смѣетесь вы—не смѣю васъ смѣшить...

Галилей.

Нѣтъ, нѣтъ! Прости, Гаспаръ! Мнѣ такъ пріятно
Съ тобой бесѣдовать... Да, ну же! вѣрь:
Съ умомъ здоровымъ, съ мыслію понятной
Такъ трудно, трудно встрѣтиться теперь!
Я пошутилъ. Ну, не сердись!

Гаспаръ.

Ну, ладно!
Вы посудите сами, какъ же я
Себя въ душѣ почувствую отрадно,
Коль вы, вы снизойдете до меня!
Такъ разрѣшите жъ вы мои сомнѣнья—
Я постараюсь васъ, синьоръ, понять,

Хоть, правда, мнѣ по низости рожденья
И неприлично съ вами разсуждать...
(Галилей внимательно слушаетъ и всю сцену съ Гаспаромъ остается серъезнымъ).
Я слышалъ... вѣрно ль понялъ я, не знаю—
Вы—въ споръ рѣшились съ Библіей вступить...
Я не читалъ ее, но понимаю,
Что слово Божіе должны мы чтить...

Галилей.

Я не борюсь, Гаспаръ, съ Господнимъ Словомъ:
Ему всегда глубоко вѣрилъ я.
Но все жъ съ ученьемъ ложнымъ, хоть не новымъ,
Не можетъ совѣсть примирить меня.

Гаспаръ.

Синьоръ, не знаю вашего ученья;
Вы говорите, можетъ быть, умно—
Но все жъ, синьоръ, безъ всякаго сомнѣнья,
Съ отцами церкви спорить намъ грѣшно...

Галилей.

А кто же споритъ?

Гаспаръ.

Вы, синьоръ.

Галилей.

О, Боже!

Гаспаръ.

Но съ папой вы теперь вступили жъ въ споръ—
А это, вѣрьте мнѣ, одно и тоже—
Себя вы этимъ губите, синьоръ.

Галилей.

Послушай, другъ мой! Я и самъ не знаю,
Что именно меня къ тебѣ влечетъ?
Но вѣрь, Гаспаръ, что я предпочитаю
Съ тобою слова два, чѣмъ этотъ гнетъ
Ученыхъ споровъ съ нашими отцами.
Ты говоришь, что очень намъ грѣшно
Идти на споръ съ священными словами
Иль съ папой—и что это все одно!
Во-первыхъ, другъ мой, я ни съ кѣмъ не спорю:

Я слишкомъ слабъ, я слишкомъ одинокъ—
Природѣ я одной лишь только вторю,
Но это вѣдь не грѣхъ, вѣдь не порокъ?
Затѣмъ, Гаспаръ, скажи мнѣ откровенно:
Кто въ мірѣ есть одинъ лишь безъ грѣха?

ГАСПАРЪ.

Конечно, Богъ.

ГАЛИЛЕЙ.

А папа?

ГАСПАРЪ.

Непремѣнно
И онъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Такъ значитъ двое ихъ? Ха, ха!
Такъ папа Богу значитъ будетъ равенъ—
Хотя бы въ этомъ? Милый, милый другъ,
Ты разсуждалъ разумно—неисправенъ
Сталъ свѣтлый разумъ твой—и какъ-то вдругъ!
Но ты, Гаспаръ, прошу, не обижайся:
Я пошутилъ—всегда вѣдь я шучу.
Ты съ толку сбитъ немножечко—сознайся!
Ну что жъ! Тебя я мыслить научу.
Отвѣть, Гаспаръ: ну, какъ ты полагаешь,
Духовный твой отецъ, что научилъ тебя
Молиться... слушаться... всему, что знаешь—
Тебя училъ онъ только отъ себя,
Или съ благословенья папы?

ГАСПАРЪ.

Да,
Безъ папы шагу мы ступить не смѣемъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Бываетъ въ жизни нашей такъ всегда?

ГАСПАРЪ.

Пусть темны мы, но такъ мы разумѣемъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Такъ, значитъ, папа намъ во всемъ законъ?

ГАСПАРЪ.

А какъ же? Боже! Даже страшно стало!

ГАЛИЛЕЙ.

Въ ошибку впасть уже не можетъ онъ?

ГАСПАРЪ.

Объ этомъ разсуждать намъ не пристало.

ГАЛИЛЕЙ.

Прекрасно! Но вѣдь папа—человѣкъ?

ГАСПАРЪ.

Да, человѣкъ, но высшаго порядка.

ГАЛИЛЕЙ.

Его конеченъ или вѣченъ вѣкъ?

ГАСПАРЪ.

Умретъ онъ! (*Въ сторону*) Ну, въ душѣ моей не сладко!

ГАЛИЛЕЙ.

А знаетъ онъ, что будетъ впереди?

ГАСПАРЪ.

Я ничего, я ничего не знаю!
(*Въ сторону*).
О, сатана, молю я, отойди:
Я вѣру или разумъ потеряю.

ГАЛИЛЕЙ.

Мы дотолкуемся—я не шучу!
Одинъ лишь разъ еще отвѣть мнѣ прямо:
Тебѣ я басню разсказать хочу...
Мораль—твоя! Не хмурься такъ упрямо.
Жилъ-былъ пастухъ. И онъ отлично зналъ
Въ окрестностяхъ тропинки и дороги;
Свои стада увѣренно гонялъ
Всегда онъ, ночью ль, въ бурю ль... Что за ноги!
И что за взглядъ! Какая память! Чудо!
Но какъ-то разъ онъ простудился, слегъ,
И долго былъ не въ силахъ встать. Покуда
Съ постели встать больной бѣднякъ не могъ,
Дожди обычный путь его размыли.
Но вотъ здоровъ онъ; и свои стада
Погналъ на пастбище. Ему забыли

Сказать, что не бывало никогда
Подобныхъ ливней... Передъ нимъ бараны
Брели спокойно—вѣрили въ него...
И что жъ? Дороги новые изъяны
Имъ поломали ноги... Вотъ и все.
Скажи же: быть бараномъ ты хотѣлъ бы?

Гаспаръ.

Синьоръ, конечно нѣтъ!

Галилей.

Надѣюсь, такъ.
Ну, а подъ ноги ты себѣ смотрѣлъ бы,
Когда бъ подпаскомъ былъ?

Гаспаръ.

Я не дуракъ.

Галилей.

Такъ самъ бы ты избралъ себѣ дорогу?

Гаспаръ.

Конечно!

Галилей.

Но, вѣдь, онъ пастухъ!

Гаспаръ.

Шутникъ
Большой, я вижу, вы, синьоръ, ей-Богу!
Но вы меня поставили втупикъ:
Куда же рѣчь такую вы ведете?

Галилей.

А вотъ куда: вѣдь папа нашъ пастухъ...

Гаспаръ (*прерывая*).

Боюсь, синьоръ, вы далеко зайдете.

Галилей.

Пока еще въ насъ разумъ не потухъ,
Не можемъ мы, не смѣемъ слѣпо вѣрить
Тому, кто человѣкъ. Единъ лишь Богъ
Не можетъ ошибаться...

Гаспаръ.

Лицемѣрить,

Хотя-бъ хотѣлъ я, все-таки бъ не могъ:
Мнѣ кажется, вы правы: Богъ Единый
Есть безъ грѣха—такъ учитъ пасторъ насъ.
Но все же... папа... видно разной глины
Господь для насъ и для него припасъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Оставимъ папу... Вѣдь мое ученье,
Нѣтъ, не о папѣ: вѣрь мнѣ—о другомъ...

ГАСПАРЪ.

Быть можетъ хуже?

ГАЛИЛЕЙ.

Право, наслажденье,
Гаспаръ, съ тобой бесѣдовать вдвоемъ!

ГАСПАРЪ.

Ну, вотъ опять угодно насмѣхаться
Вамъ надо мной...

ГАЛИЛЕЙ.

Мой другъ, вѣдь ты не глупъ—
И потому не станешь обижаться
Ты на меня: на смѣхъ, вѣдь, я не скупъ.

ГАСПАРЪ.

Ну да, ну да! Синьоръ, вы мнѣ простите:
Не въ мѣру, право, я обидчивъ сталъ—
Я много слышу, сами посудите—
Молчать же долженъ—я молчать усталъ.
Но вотъ... еще до вашего ученья
Дойдемъ; теперь же вы скажите мнѣ:
Не будетъ тутъ большого прегрѣшенья,
Коль рѣдко я въ церковной тишинѣ
Съ молитвой теплою колѣна преклоняю,
А только дома, запершись, молюсь?
И что обряды плохо исполняю? (*Въ сторону*).
Ой, ой! Я далеко махнулъ—боюсь!

ГАЛИЛЕЙ.

Вопросъ, Гаспаръ, ты поднялъ очень важный,
Но я тебѣ довѣриться могу.
Презрѣть обрядъ! О, надо духъ отважный
Имѣть... Я тоже въ церковь не хожу,

Но все жъ могу сказать—отъ лжи далекій—
Что твердо вѣрю въ Бога моего!
Обрядъ людьми придуманъ—смыслъ глубокій!
Чтобъ мѣрить глубь смиренья твоего.
Передъ людьми не правъ ты, можетъ, будешь,
Коль не исполнишь, что хотятъ они,
Но если только Бога не забудешь—
Живи спокойно... (*Пажи вносятъ канделябры и ставятъ въ разныхъ мѣстахъ*).
Что! Несутъ огни...
Зачѣмъ? Къ чему такое освѣщенье?
И такъ свѣтло...

Пажъ.

Почтенный господинъ!
Велѣлъ предупредить о посѣщеньи
Тебя преосвященный Беллярминъ.

Галилей подымается и идетъ къ дверямъ. Гаспаръ испуганно прячется за пажей, которые стоятъ на своихъ мѣстахъ. Входитъ Беллярминъ. Галилей становится на колѣни и цѣлуетъ перстень кардинала, который его поднимаетъ. Затѣмъ кардиналъ дѣлаетъ пажамъ знакъ удалиться и идетъ къ столу, за которымъ сидѣлъ передъ этимъ Галилей. Онъ слѣдуетъ за кардиналомъ. Гаспаръ, выждавъ, когда пажи ушли, незамѣтно прячется за колонной.

Беллярминъ (*садится и указываетъ Галилею стулъ рядомъ*).

Мой сынъ, садитесь. (*Галилей садится*). Вѣрьте, не для спора
Передъ судомъ, синьоръ, я къ вамъ пришелъ:
Да, да! Я врагъ словеснаго раздора
И счастье въ скромности себѣ нашелъ.
И вамъ—хотя я много васъ моложе—
Позвольте мнѣ, какъ пастору сказать,
Что только въ немъ, въ смиреніи...

Галилей (*въ сторону*).

О, Боже!

Беллярминъ.

Возможно жизнь и счастье отыскать.
Да, трудный день, мой сынъ, васъ ожидаетъ!
Кто можетъ знать, къ чему онъ приведетъ?
Повѣрьте мнѣ, тотъ въ грѣхъ большой впадаетъ,
Упорство въ сердцѣ кто своемъ несетъ...

Да, трудный день... Я искренно жалѣю,
Что даже васъ, въ нашъ вѣкъ свѣтлѣйшій умъ—
Я васъ сравнить лишь съ папою не смѣю—
Не пощадилъ пустой тщеславья шумъ.
Вѣдь, согласитесь: вы въ ошибку впали,
Забывъ ученіе священныхъ книгъ
И на себѣ вы ясно доказали,
Что васъ прельстилъ блестящей славы мигъ...
Синьоръ! Все, что мы видимъ, все, что знаемъ—
Намъ въ Библіи давно объяснено;
Откуда знанья всѣ мы почерпаемъ;
Черезъ нее намъ Богомъ все дано!
И основанье вашего ученья
Не разбивается ль тамъ въ пухъ и прахъ?
Ну, что же стòитъ вамъ, отъ заблужденья
Отречься завтра—въ общихъ хоть чертахъ!..

Галилей.

Да, мнѣ на умъ нерѣдко приходило
То, что сейчасъ, отецъ, я вамъ скажу:
Мнѣ ваше слово разумъ прояснило—
Я это въ двухъ словахъ вамъ докажу.
Возможно ль, въ самомъ дѣлѣ, прекословить
Хоть даже буквѣ Библіи святой?
Мы можемъ только Бога славословить...

Беллярминъ (*врываясь въ рѣчь.*)

Ну, да...

Галилей (*вздыхая*).

И жить какъ дикій звѣрь лѣсной!

Беллярминъ.

Ну, нѣтъ! Зашли вы слишкомъ ужъ далеко...
Но это мысль мнѣ новую даетъ.
Проникли ль вы ученья смыслъ глубокій,
Что Божьимъ образомъ людей зоветъ?
Отвѣтьте мнѣ: ну, было ли бъ разумно,
Чтобъ высшее въ природѣ существо
Летало вкругъ матеріи? Безумно!
Унизилось бы наше естество.

Галилей.

Да, правы вы, отецъ преосвященный.
Я все назадъ почти что взять готовъ.
И я теперь, какъ папы сынъ смиренный,
Въ душѣ стыжуся прежнихъ дерзкихъ словъ.
И, въ самомъ дѣлѣ, какъ то не случалось
На эту мысль мнѣ раньше нападать...
Я грѣшникъ—каюсь! Все жъ кой-что осталось
Отъ дѣтскихъ лѣтъ, чтобъ здраво разсуждать.
Какъ я забылъ исторію Навина?
Такъ ясно, просто сказано все въ ней!
Я вижу какъ сейчасъ: полна равнина
Бойцевъ; оружья звонъ, стонъ, ржаніе коней!
Ужасенъ бой! Не могутъ іудеи
Поднять привычный, славный кличъ побѣдъ...
А на холмѣ тотъ, передъ кѣмъ евреи
Всегда склонялися въ годину бѣдъ.
Ужель пришелъ конецъ его избранью?
Ужель обманетъ счастіе его?
Нѣтъ, вѣренъ онъ пророка завѣщанью!
Не прогнѣвитъ онъ Бога своего!
И вотъ Навинъ, въ послѣднее мгновенье,
Когда, казалось, часъ уже насталъ
Для войскъ его, вдругъ смѣлое рѣшенье
Пріялъ и...

Беллерминъ.

Такъ, такъ „Солнце, стой!“ сказалъ.

Галилей.

И солнце стало. Чудо совершилось,
И протянулся дня обычный срокъ.

Беллерминъ.

Я радъ, синьоръ; въ васъ много измѣнилось,
И вамъ прошелъ не даромъ мой урокъ.

Галилей.

Но вотъ меня немножко что смущаетъ...
Возьмемъ примѣръ... Какой бы?.. вотъ, простой:
Пусть жерновъ нѣкій человѣкъ вращаетъ,

И пусть ему мы съ вами скажемъ: стой!
Тогда что будетъ?

БЕЛЛАРМИНЪ.

Гм! Онъ перестанетъ
Вертѣть свой жерновъ.

ГАЛИЛЕЙ.

А до той поры
Вертѣлся кто?

БЕЛЛАРМИНЪ.

Ну, жерновъ!

ГАЛИЛЕЙ.

Кто же станетъ?

БЕЛЛАРМИНЪ.

Опять же жерновъ!

ГАЛИЛЕЙ.

А кому же мы
Сказали: „стой!"

БЕЛЛАРМИНЪ.

Синьоръ! Не понимаю:
Къ чему безумную ведете рѣчь?

ГАЛИЛЕЙ.

Казалось мнѣ... ошибочно?—не знаю.—
Я этимъ думалъ нашъ раздоръ пресѣчь.
Я выражаюсь, можетъ быть, неясно,
Но думалъ вотъ что этимъ я сказать:
Что въ книгѣ сей священной и прекрасной
Буквально все нельзя же понимать.

БЕЛЛАРМИНЪ.

Какъ такъ?

ГАЛИЛЕЙ.

Самъ Духъ Святой людямъ избраннымъ
Ее, синьоръ, конечно диктовалъ,
И ужь не я, повѣрьте, словомъ браннымъ
Ее когда-нибудь оклеветалъ!
Но я сказать могу предъ вами смѣло:
Не астрономіи въ ней учитъ Духъ,
А какъ спасать намъ душу, даже тѣло...
Но оскорбилъ, быть можетъ, я вашъ слухъ...

Беллорминъ (*строго*).

Но Духъ Святой не можетъ ошибаться—
Вы съ этимъ согласиться, вѣдь, должны.

Галилей.

А кто жъ такъ будетъ смѣлъ, чтобы ручаться
Что съ Духомъ толкователи равны?

Беллорминъ (*рѣзко*).

О, перестаньте! Въ споръ для васъ опасный
Зачѣмъ сегодня будемъ мы вступать?
Я вамъ совѣтую—и не напрасно!—
Или отречься, иль совсѣмъ молчать!..
Но все жъ мнѣ жаль васъ. Вѣрьте, я питаю...
Какъ вамъ сказать?.. Ну, слабость, что ль, къ умамъ—
А вы умны! И я предпочитаю
Васъ...—между нами—нынѣшнимъ „отцамъ"... (*смѣется*).
И потому, когда еще вы не устали,
Охотно споръ я нашъ переведу
На путь иной.. научный... (*Галилей встаетъ*).
Что жъ вы встали?

Галилей (*садится опять*).

Нѣтъ, такъ... синьоръ! Не знаю почему,
Но съ нѣкоторыхъ поръ боюсь ужасно
Научныхъ споровъ...

Беллорминъ.

Вѣрьте моему
Вы слову, что пугаетесь напрасно!
Я спорить не хочу, не стану: я
Узнать ученье ваше лишь желаю
Отъ васъ самихъ. Вы ставите меня
Со всѣми въ рядъ одинъ—я понимаю:
Измучились вы; но вашъ умъ, синьоръ,
Конечно, можетъ только освѣжиться,
Коль мы поднимемъ умный разговоръ.
Увидите: вамъ стóитъ лишь рѣшиться.

Галилей.

Почтенный оппонентъ: согласенъ я.
Угодно вамъ мнѣ задавать вопросы?
Чтобы потомъ выслушивать меня?

БЕЛЛАРМИНЪ.

Какъ осторожны разума коллосы!
Они идутъ немножко позади
Всегда, чтобы ринуться потомъ нечайно
И оказаться сразу впереди!
Но, впрочемъ, извините: я случайно
Сказалъ не то, что я хотѣлъ сказать...

ГАЛИЛЕЙ.

О, монсиньоръ! Къ чему же извиненья?
Всегда бесѣду съ вами продолжать
Я счастливъ: я не лгу...

БЕЛЛАРМИНЪ.

О, безъ сомнѣнья!
Ну-съ, Библію оставивъ въ сторонѣ—
О ней бесѣдовать намъ неприлично—
Вы не откажетесь наединѣ
Мнѣ доказать спокойно и логично
Вашъ любопытный взглядъ на міръ: онъ новъ.
Итакъ по вашему земля вертится?

ГАЛИЛЕЙ.

Да, такъ.

БЕЛЛАРМИНЪ.

Не будемъ лишнихъ тратить словъ—
Но можетъ ли въ умѣ людей вмѣститься,
Чтобъ всѣ мы при движеніи такомъ
Отъ вѣтру прямо на ногахъ держались?
Чтобы лѣса, песокъ, чтобъ этотъ домъ
И даже горы прочь не оторвались?

ГАЛИЛЕЙ.

Такъ говорилъ великій Птоломей,
И Аристотель съ нимъ вполнѣ согласенъ.

БЕЛЛАРМИНЪ.

И противъ нихъ, любезный Галилей,
Пойдете вы? Но путь такой опасенъ. (*Галилей улыбается*).
Что жъ вамъ смѣшно?

ГАЛИЛЕЙ.

Я вспомнилъ анекдотъ,

Простите, монсиньоръ... но я не смѣю...
Подумать васъ сравнить... а такъ...

БЕЛЛАРМИНЪ (*затаивъ раздраженіе*).

Ну, вотъ!
Я, вѣрьте, смертнымъ быть простымъ умѣю.
Ну, разскажите.

ГАЛИЛЕЙ.

Чтожъ, извольте. Онъ
Идетъ, хотя отчасти, тоже къ дѣлу.
Однажды нѣкій врачъ—онъ былъ ученъ—
Знатокъ по человѣческому тѣлу—
Чтобъ кончить давній споръ двухъ направленій,
Передъ противникомъ своимъ рѣшилъ
Надъ трупомъ сдѣлать нѣсколько сѣченій.
Перипатетика къ себѣ онъ пригласилъ
И доказалъ ему тогда во очью,
Что тотъ до сей поры всегда бродилъ
Слѣпцомъ, притомъ же самой темной ночью.
Что жъ нашему врачу отвѣтилъ тотъ?
„Мой милый другъ! Теперь я вижу ясно,
„Что правы вы; но съ вами все жъ идетъ
„Въ разрѣзъ трудъ Аристотеля прекрасный,
„И правымъ васъ признать я не могу"...

БЕЛЛАРМИНЪ (*такъ же*).

Я васъ, синьоръ, конечно понимаю—
Обидѣться бъ я могъ—да не хочу...
И не о томъ я съ вами въ споръ вступаю.
Мой слабый аргументъ разрушьте вы,
И, можетъ быть, какъ ученикъ вашъ вѣрный,
За вами всюду, не боясь молвы,
Пойду...

ГАЛИЛЕЙ (*про себя*).

То былъ бы случай безпримѣрный! (*Вслухъ*).
Случалось ли вамъ видѣть телескопъ?

БЕЛЛАРМИНЪ.

Да, я видалъ.

ГАЛИЛЕЙ.

Въ него смотрѣть случалось?

БЕЛЛАРМИНЪ (*съ едва замѣтнымъ замѣшательствомъ*).

Я звѣзды наблюдалъ...

Галилей (*въ сторону*).

О, хитрый попъ! (*Вслухъ*).
И что жъ, по вашему, тамъ вамъ казалось?

Белларминъ (*раздраженно*).

Я вижу, что хотите вы, синьоръ,
Мнѣ сдѣлать испытанье... Нѣтъ, увольте!
Я отъ него отвыкъ ужь съ давнихъ поръ...
Иль отвѣчать, иль выслушать извольте.
Извѣстно вамъ, что завтра предстоитъ
Вамъ предъ его святѣйшествомъ явиться.
Держать себя какъ завтра надлежитъ,
Вы знаете: тому вамъ не учиться.
Святой влекомый силой доброты
Меня послалъ къ вамъ папа наканунѣ,
Чтобы извлечь вашъ умъ изъ темноты—
Его да не погибнетъ воля втунѣ.
Я къ вамъ пришелъ, чтобъ васъ предостеречь,
Чтобы вашъ умъ на путь прямой направить;
Я успокоить васъ хотѣлъ, развлечь,
Чтобъ завтра вмѣстѣ Бога намъ прославить.
Но въ ереси упорны слишкомъ вы!
Вы даже надо мной теперь смѣетесь—
Не жаль своей сѣдой вамъ головы...
За гробомъ вы спасенья не дождетесь!
Такъ знайте же, что отданъ былъ приказъ
Допрашивать васъ—съ пыткой...

Галилей (*про себя*).

Неужели?

Белларминъ.

Прощайте же. Я оставляю васъ.
Мнѣ жаль, что вы еще не поумнѣли... (*Уходитъ*).

Галилей (*когда Белларминъ ушелъ, въ сильномъ раздраженьи*).

Великій праотецъ Адамъ! Когда бъ
Ты зналъ твои какими будутъ дѣти,
Ты преступленье бъ сына своего
Продолжилъ: Еву, Каина бъ зарѣзалъ

И самъ себя руками бъ задушилъ!
Я знаю ихъ: они хотятъ заставить
Меня отречься, вѣрѣ измѣнить...
Но нѣтъ. Того вамъ, вѣрьте, не дождаться...
Ослабшимъ вамъ не увидать меня!
О, Господи! Ты дай мнѣ только силы,
Мой разумъ, Господи, не помути—
И я, подъ сводомъ, кровью обагреннымъ,
Свой Символъ вѣры громко повторю!
Я не боюсь: они меня слабѣе.
Никто изъ нихъ еще не прочиталъ,
Никто изъ нихъ до сей поры не вникнулъ
Во все, что я такъ пламенно писалъ,
Во все, во что я опытомъ проникнулъ...
О, знаю я, не то, не то имъ страшно,
Что къ истинѣ я новый путь открылъ,
А то, что не они весь міръ впервые
Вдругъ стали новой истинѣ учить!
Ха, ха! Пускай себѣ они позлятся,
Пускай себѣ волнуются они,
Или пусть думаютъ, что ихъ побѣда—
Я завтра покажу я...

Гаспаръ (*подошедшій къ нему сзади по уходѣ Беллармина*).

О, синьоръ!
Зачѣмъ вы такъ волнуетесь напрасно?
Покой вамъ нуженъ...

Галилей (*сразу ослабѣвшій, садится*).

Да, мой другъ, ты правъ.
Остатокъ силъ на завтра соберу я
И покажу имъ, покажу...

Гаспаръ.

Синьоръ!
Ложитесь спать, ну, успокойтесь, право!
Побѣда ваша, только надо вамъ
Предстать на судъ съ умомъ незатемнѣннымъ.

Галилей.

Да, такъ... Гаспаръ... Но слышалъ ты угрозу?
Меня пытать, вѣдь, папа приказалъ ..

ГАСПАРЪ.

Ослышались вы, право... Ну жъ, идите,
И съ бодрымъ духомъ завтра вы на судъ
Предстанете...

ГАЛИЛЕЙ (*машинально встаетъ, идетъ въ спальню*).

Спасибо, другъ.

ГАСПАРЪ (*одинъ*).

Бѣдняга! (*Занавѣсъ*).

СЦЕНА II.

Залъ засѣданій Священной Конгрегаціи Римской и всемірной Инквизиціи. Тронъ папы подъ балдахиномъ; по бокамъ—сидѣнья для фискала, главнаго коммиссара, ассессора, консульторовъ и прочихъ членовъ судилища, и скамьи. Слуги приводятъ все въ порядокъ. Входитъ Феликсъ Центинусъ.

ЦЕНТИНУСЪ.

Ну что жъ? Готово ль все? Начало скоро;
Скорѣе, вы! Не любитъ папа ждать,
А предъ его священнѣйшею волей
Должны мы всѣ, и вы и я—дрожать.

ГАСПАРЪ.

Святой отецъ, у насъ ужъ все готово—
Мы ждемъ суда надъ злымъ еретикомъ...

ЦЕНТИНУСЪ.

Не разсуждай! Болтливъ ты не по сану.

ГАСПАРЪ (*въ сторону*).

Тотъ говоритъ не этимъ языкомъ... (*Входитъ Барберинусъ*).

ЦЕНТИНУСЪ.

А, братъ почтенный, Барберинусъ, что же?
Взглянуть на мѣсто праваго суда
Пришли и вы?

БАРБЕРИНУСЪ (*смѣясь*).

Я мимо торопился—
Вдругъ слышу голосъ вашъ... спѣшу сюда,
И васъ въ бесѣдѣ застаю съ рабами!

Центинусъ.

Да, знате-ль, зашелъ я посмотрѣть
Въ порядкѣ ль все: за ними глазъ вѣдь нуженъ!

Барберинусъ.

Не трудно съ ними, право, похудѣть... (*Оба смѣются*).

Центинусъ (*помолчавъ*).

Н-да, важный день сегодня!

Барберинусъ.

Очень важный!

Центинусъ.

Рѣшиться долженъ споръ...

Барберинусъ.

Серіозный споръ!

Центинусъ.

Кто побѣдитъ?

Барберинусъ.

Да, церковь или ересь?

Центинусъ.

Ученье старое...

Барберинусъ.

Иль новый вздоръ?

Центинусъ.

Положимъ, въ силу я его не вѣрю...

Барберинусъ.

Но мало-ль слабыхъ есть еще межъ насъ?

Центинусъ.

Ахъ, да! Не всѣхъ еще устои прочны!

Барберинусъ.

Они смутиться могутъ хоть на часъ...

Центинусъ.

И церковь многихъ потерять рискуетъ.

Барберинусъ.

О, какъ заблудшихъ сердцу жаль всегда.

ЦЕНТИНУСЪ.

Когда о нихъ я слышу, сердце ноетъ.

БАРБЕРИНУСЪ.

И какъ за папу страшно мнѣ.

ЦЕНТИНУСЪ.

О, да.

БАРБЕРИНУСЪ.

Не спитъ ночей...

ЦЕНТИНУСЪ.

Днемъ отдыха не знаетъ.

БАРБЕРИНУСЪ.

Все молится за насъ и слезы льетъ.

ЦЕНТИНУСЪ.

Заблудшихъ Церкви вновь вернуть стремится.

БАРБЕРИНУСЪ.

Когда жъ покой себѣ онъ обрѣтетъ?

Смотрятъ другъ на друга; Барберинусъ спохватившись, Центинусъ испытующе).

БАРБЕРИНУСЪ (*послѣ молчанія, какъ ни въ чемъ не бывало*).

Н-да, важный день сегодня...

ЦЕНТИНУСЪ.

Даже очень.

БАРБЕРИНУСЪ.

Сейчасъ къ еретику я заходилъ.

ЦЕНТИНУСЪ (*живо*).

Ну, что же?

БАРБЕРИНУСЪ.

Слабъ.

ЦЕНТИНУСЪ.

Тѣмъ лучше.

БАРБЕРИНУСЪ.

Почему же?

(*Центинусъ пожимаетъ плечами*).

Гаспаръ (*незамѣтно подслушивавшій*).

Какъ отдохнуть синьора я молилъ!

Центинусъ.

А пытка будетъ?

Барберинусъ.

Кажется, нарочно
По добротѣ лишь пострашать велѣлъ
Его святѣйшій папа.

Центинусъ.

Гм...

Барберинусъ.

Напрасно?

Центинусъ.

Нѣтъ, этого сказать я не хотѣлъ. (*Молчаніе*).

Барберинусъ.

Н-да-съ...

Центинусъ.

День серьезный...

Барберинусъ.

И для Церкви...

Центинусъ (*быстро*).

И для кого хотите вы сказать?

Барберинусъ.

И для... ну... тѣхъ... за Церковь кто страдаетъ!

Центинусъ.

Мы дѣти Церкви...

Гаспаръ (*въ сторону*).

Вамъ она не мать!

Барберинусъ.

Ну вотъ... теперь мы поняли другъ друга?

Центинусъ.

Я мудрый умъ всегда въ васъ уважалъ...
А эта—слабость... намъ, пожалуй, кстати...

Барверинусъ.

Я про нее фискалу ужъ сказалъ.
(*Смотрятъ другъ другу въ глаза и посмѣиваются*).

Центинусъ.

Однако, намъ пора! Эй, вы, лѣнтяи!
Готово ль все у васъ?

Гаспаръ.

Теперь мы ждемъ лишь вашихъ приказаній!

Центинусъ.

Ну, по мѣстамъ! (*Барберинусу тихо, уходя съ нимъ*).
Итакъ рѣшится споръ?

(*Уходятъ, оживленно разговаривая и смѣясь. Слуги становятся по мѣстамъ. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ процессія: герольды, пажи, монахи, священники, члены суда, папа и пр. и пр. Тутъ же Синчери, Беллярминъ, Центинусъ, Берберинусъ, садятся*).

Синчери (*когда всѣ усѣлись, по знаку папы, пажу*).

Введите Галилео Галилея. (*Тотъ уходитъ*).

Торжественное молчаніе. Входитъ Галилей со стражей, которая останавливается у дверей. Онъ, едва переступая, истомленный—останавливается посреди сцены и преклоняетъ съ трудомъ колѣна передъ папой. Урбанъ дѣлаетъ ему знакъ встать. Всѣ напряженно смотрятъ на Галилея, который безпомощно ищетъ глазами опоры.

Урбанъ.

Фискалъ! Допросъ начните!

Синчери.

Галилей!

Святой отецъ глубоко сожалѣя,
Что ты не дорожишь душой своей,
Что въ ересь ты ужасную впадаешь,
Что безразсудно губишь ты себя,
Что ты, во тьмѣ вращаясь, разсуждаешь
О томъ, что не касается тебя—
Призвалъ передъ свои святыя очи
Мужей достойныхъ, мудрый сей соборъ,

Да просвѣтятъ, блуждающій средь ночи,
Они тебя... Ты это зналъ?

Галилей.

Синьоръ!
Какъ церкви сынъ покорный, вѣчный, вѣрный,
На волю папы весь я предаюсь...

Синчери.

Но ты сознаіъ-ли грѣхъ свой безпримѣрный?

Галилей.

Понять не точно васъ, синьоръ, боюсь.

Синчери.

Внимай же: безразсудное ученье
Твое верховный судъ ужь осудилъ.
Ты зналъ непогрѣшимое рѣшенье?
Зачѣмъ же аду вновь ты уступилъ?

Галилей.

О монсиньоръ! О, весь соборъ почтенный!
Я зналъ его, но я, вѣдь, слишкомъ слабъ:
Что я? Я человѣкъ несовершенный,
Страстей преступныхъ я ничтожный рабъ...

Синчери.

Но, Галилей, теперь подумай строго
И мысли скрытыя ты намъ открой:
Какихъ теперь еще ты взглядовъ?

Галилей.

Много
Я въ эту ночь работалъ надъ собой!
Мнѣ жить осталось слишкомъ, слишкомъ мало...

Синчери (*строго перебиваетъ*).

Но вынуждены будемъ мы пытать тебя,
Коль правду скроешь ты...

Галилей (*въ испугѣ*).

Какъ темно стало
Въ моихъ глазахъ... (*суду*) О, умоляю я,
Повремените!.. Я вамъ весь откроюсь...
Покаяться вы дайте время мнѣ...

Я думалъ... О! Я отъ грѣха омоюсь!
Въ ночной я много думалъ тишинѣ...
И вотъ... святѣйшій папа, умоляю
О, выслушай и научи меня.
Я думалъ—ложно, можетъ быть, не знаю—
Что если... если и стоитъ земля,
То все же... можно...

Синчери (*строго*).

Какъ предположенье!

Галилей.

Ну, да, конечно! все-жъ предполагать,
Что иначе устроенъ свѣтъ...

Урбанъ VIII.

Ученье
Отъ дьявола!

Галилей.

Святѣйшій папа! Богъ,
Вѣдь, всемогущъ—и этотъ міръ поставить
Онъ такъ иль иначе свободно могъ...

Урбанъ VIII (*рѣзко*).

Иль хочешь ты и Божьей волей править?

Галилей (*слабо*).

Я каюсь: много, много я грѣшилъ...

Урбанъ VIII

Довольно! Будетъ праздныхъ разговоровъ!
Какъ поступить съ тобой ужь я рѣшилъ,
И не боюсь я совѣсти укоровъ!
За церковь мы всегда стоять должны,
И ужь не мы еретикамъ уступимъ!
Затѣмъ ключи Петровы намъ даны,
Всегда во всемъ мы правильно поступимъ!
(*Фискалу*).
Свою я волю вамъ уже сказалъ:
Ему ее сейчасъ же передайте.
Какъ поступить, вы знаете, Фискалъ!

Галилей (*въ сторону*).

О, небо, книги, думы—всѣ прощайте!

Синчери.

Святѣйшій папа, общій нашъ отецъ,
По милости своей далъ повелѣнье—
Да будетъ всякой ереси конецъ—
Чтобъ ты сейчасъ предъ нами отреченье
Торжественно принесъ ото всего,
Чему училъ, чтобъ проклялъ громогласно
Свои ты книги и плоды того,
Къ чему дорогой, суетной, несчастной,
Пришелъ и многихъ совратилъ. Ну что-жъ?
Не медли! Передъ папою покайся—
И, можетъ быть, прощенье обрѣтешь...
Скорѣй предъ волей папы преклоняйся!

Галилей (*тяжело, въ глубокомъ раздумьи, опускаясь на колѣни*).

Согласенъ я.

Синчери (*пажу, подавая бумагу*).

Вотъ это дай ему.

(*Галилею*).

По этой формулѣ ты отреченье
Прочтешь предъ всѣми. Слову своему
Ты будешь вѣренъ. Такъ вѣдь? Безъ сомнѣнья.

Галилей (*читаетъ, стоя на колѣняхъ*).

Я Галилео Галилей,
Предъ симъ почтеннѣйшимъ собраньемъ,
Клянуся жизнію моей,
Что съ трепетомъ и содроганьемъ
Я прежде, нынѣ, впредь, всегда
И вѣровалъ и буду вѣрить
Въ ученье нашего Христа
И церкви, мудрость коей не измѣрить!
Но признаю, что такъ какъ я,
Поставленный на путь правдивый,
Продавши дьяволу себя,
Вступилъ на путь грѣховный, лживый,
То преданъ высшему суду
Я былъ, какъ еретикъ опасный...
Однако-жъ, дальше не пойду

По сей дорогѣ адской и ужасной!
Но чтобъ свой грѣхъ, грѣхъ заблужденья
Хотя бъ отчасти замолить,
Я отрекаюсь отъ ученья,
Которымъ думалъ міръ смутить,
И проклинаю громогласно
Я все, чему до сей поры
Училъ. Отнынѣ я, безгласно,
Окончу дни, что мнѣ еще даны.
Клянусь, что если я случайно
Услышу вдругъ еретика—
То грѣхъ его необычайный
Открою членамъ я суда.
Клянусь еще: безпрекословно
Я наказанью подчинюсь—
Отнынѣ, ввѣкъ и безусловно
Суду я эминенцій предаюсь.
Мнѣ да поможетъ Богъ! И смѣло
Свою я подпись здѣсь даю..

ГАСПАРЪ (*въ сторону*).

Какъ изстрадалось это тѣло,
Измучилъ душу какъ свою!
Какую долженъ былъ онъ муку
За это время испытать!

(*Въ это время Галилею подносятъ Евангеліе и перо, и онъ подписывается на бумагѣ*).

ГАЛИЛЕЙ (*подписавшись, кладя руку на Евангеліе*).

Клянусь! На эту книгу руку
Кладу въ знакъ клятвы... (*хочетъ встать, но не можетъ*).

УРБАНЪ VIII (*раздраженно пажамъ*).

Помогите-жь встать!

(*Два пажа поднимаютъ Галилея съ колѣнъ и отводятъ въ сторону, гдѣ и сажаютъ на скамью. Папа, кардиналы и прочіе члены судилища совѣщаются въ продолженіе монолога Галилея*).

ГАЛИЛЕЙ (*про себя, помолчавъ, въ отчаяніи, задумчиво*).

Отрекся! Измѣнилъ!.. О, жалкій, жалкій!
О, гдѣ теперь увѣренность твоя?
Ну, посмотри, какъ лицемѣры палкой...

А, что!—прутомъ унизили тебя!..
Ты побѣдить хотѣлъ, весь міръ исправить,
Ты, близорукій, былъ уже готовъ,—
Но вѣры даже за собой оставить
Ты не сумѣлъ! Что вѣра! Даже словъ
Ты не нашелъ, чтобъ доблестно отвѣтить...
Тебѣ-ль бороться?.. Защищаться?.. Нѣтъ!
Младенцемъ всякій могъ тебя отмѣтить—
А семьдесятъ тебѣ теперь ужъ лѣтъ...
Восьмой десятокъ... Боже! Что-жь осталось,
Чего мнѣ ждать до гробовой доски?
Чего? Что мнѣ святымъ еще казалось,
Все рухнуло... движеніемъ руки (*взглядываетъ на папу*).
Къ чему-жъ бороться, силы напрягая,
Къ чему-жь свой взоръ и умъ свой утомлять,
Когда... *вонъ* умъ сидитъ... *вонъ* мощь... святая,
Передъ которой мы должны молчать!..
А, Боже мой! Ужели все утратить?
Ужель всему пора сказать: прости?
Ужель свой трудъ такъ по-пусту растратить
И въ гробъ съ собой забвенье унести?
Не можетъ быть! Нѣтъ, вѣрить я не смѣю:
Трудись—вѣдь трудъ не гибнетъ безъ слѣда...
Я папу знаю, передъ нимъ благоговѣю—
Ужели онъ *инымъ* пришелъ сюда?
Вѣдь были-жь дни: и онъ писалъ мнѣ оду,
Онъ спасъ, вѣдь, сына брата моего!
Нѣтъ, не измѣнитъ ясную погоду
Одна лишь тучка. Бога своего
Ужели первый церкви сынъ забудетъ
И казни старика, какъ звѣрь, предастъ?
О, нѣтъ! Не вѣрю! Этого не будетъ—
Онъ жизнь, свободу, вѣру мнѣ отдастъ...
О, Боже мой! Лишь нѣсколько мгновеній—
Отъ пытки этой я освобожусь...
Ну... уступилъ я, убоясь мученій—
Ну, что-жь? Я старъ. Чего же я страшусь?
Освободятъ меня, конечно... Снова
Наукѣ я отдамъ всего себя...
Они, вѣдь, новаго всѣ жаждутъ слова,
И—такъ, вѣдь, здѣсь... морочатъ лишь меня!

Я знаю, да! и унывать не стану...
Сегодня кончимъ мы нелѣпый судъ,
А завтра я предъ папою предстану,
И завтра же по міру потекутъ
Всѣ новыя открытія...

Синчери.

Синьоры! (*Галилей вздрагиваетъ*).
Святой отецъ поставилъ приговоръ:
Возстаньте всѣ, склоните ваши взоры,
Забудьте всѣ еще недавній споръ;
Во мнѣ ему внимайте. Призываю
Тебя, о, Галилео Галилей,
Предъ насъ опять. Сейчасъ я прочитаю
Тебѣ рѣшенье участи твоей.

(*Галилей выходитъ на середину и преклоняетъ колѣна. Всѣ встаютъ, кромѣ папы. Синчери читаетъ приговоръ, который былъ раньше написанъ и подписанъ*).

„Святой, непогрѣшимой волей Бога,
„Переданной святѣйшимъ намъ отцомъ,
„Мы, инквизиторы, мы, слуги церкви,
„Апостоловъ престола кардиналы
„Черезъ меня, фискала, говорили
„Тебѣ, Винченцья сынъ, что уличенъ ты
„И въ томъ, что самъ приверженъ былъ ученью
„Зловредному, и въ томъ, что ты смутилъ,
„Какъ Лютеръ, многихъ, слишкомъ многихъ слабыхъ.
„Рѣшили мы: въ постыдномъ заблужденьи
„Училъ ты всѣхъ, кто слушать лишь хотѣлъ,
„Тому, что будто солнце въ центрѣ міра
„Стоитъ, а вкругъ вращается земля,
„И много ты объ этомъ написалъ,
„Но Библіей святой и наблюденьемъ,
„А также папы нашего рѣшеньемъ
„Ученіе твое уже давно
„Какъ ересь, вредъ, какъ грѣхъ осуждено—
„А потому, хотя тебя рѣшили,
„Чтобъ всѣхъ отъ гибели спасти, казнить,
„Но все же мы рѣшенье измѣнили,
„Да можемъ папу мы благословить!
„И вотъ узнай: по здравомъ размышленьи

„Къ чему непогрѣшимый сей соборъ
„Пришелъ: чтобы тлетворнаго ученья
„Слѣда никто-бъ найти не могъ съ тѣхъ поръ,
„Какъ мы объявимъ этотъ приговоръ—
„Всѣ книги, рукописи, всѣ писанья
„Твои—да будутъ преданы огню!
„А ты... ты, осужденный на изгнанье,
„Ступай... отъ всѣхъ сокройся ты въ тюрьму!“

(*Молчаніе. Галилей неподвиженъ. Синчери дѣлаетъ знакъ стражамъ, но когда они хотятъ подойти къ Галилею, папа движеніемъ руки ихъ останавливаетъ*).

УРБАНЪ VIII.

Стой! Отъ тюрьмы тебя освобождаю:
На то мнѣ свыше власть была дана—
Тюрьму изгнаньемъ вѣчнымъ замѣняю.
Иди!..

(*Всѣ встаютъ. Пажи берутъ опять подъ руки Галилея, который самъ встать не можетъ, и при гробовой тишинѣ ведутъ его къ дверямъ. Онъ совершенно убитъ. Но, дойдя до двери, онъ вдругъ выпрямляется, отталкиваетъ пажей, поворачивается и, топнувъ ногой, громко восклицаетъ*).

ГАЛИЛЕЙ.

А все же движется она! (*Быстро уходитъ. Пажи и стража растеряны. Всѣ поражены. Папа падаетъ на тронъ. Кардиналъ сконфуженъ; другіе въ разныхъ положеніяхъ; есть и сочувствующіе Галилею. Картина*).

Занавѣсъ.

А. Эмге.

АНГЛО-РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ЗАСѢДАНІЕ,

ПОСВЯЩЕННОЕ А. С. ХОМЯКОВУ.

(Письмо изъ Лондона).

Основанное въ Лондонѣ въ началѣ 1893 года, Англо-Русское Литературное Общество (Anglo-Russian Literary Society) 1 января настоящаго года закончило пятый и вступило въ шестой годъ своего существованія. Вызвавъ при своемъ учрежденіи искреннее сочувствіе во всѣхъ образованныхъ русскихъ людяхъ, оно продолжало и въ прошломъ году стремиться къ осуществленію той задачи, которою задалось въ началѣ. Оно, насколько у него хватало силъ и умѣнья, ознакомляло Англичанъ съ Россіей, русскою литературой и русскою жизнью, и ради сей цѣли собиралось подъ предсѣдательствомъ своего президента, Э. А. Казалета, на очередныя засѣданія по первымъ вторникамъ каждаго мѣсяца.

Во главѣ Общества, какъ и во всѣ прежніе годы его существованія, стоялъ въ 1897 году Комитетъ, не подвергшійся, съ самого начала своего учрежденія, никакимъ измѣненіямъ въ личномъ составѣ. Онъ состоялъ изъ президента—Эдуарда Александровича Казалета (Edward A. Cazalet), пяти членовъ: полковника Джона Девиса (Colonel John Davis, A. D. C., F. S. A.), дѣйствительнаго статскаго совѣтника русской службы В. Ф. Мачина (W. F. Machin), Эдуарда Дельмара Моргана (Edward Delmar Morgan, F. R. G. S.), подполковника Вольфа Маррея (Lieut.-Colonel J. Wolf Marray, R. A.), Джона Поллена (John Pollen, J. C. S., LL. D., F. C. D.) и почетнаго секретаря Александра Яковлевича Кинлоха (Alexander Kinloch, Hon. Sec.). О всѣхъ этихъ лицахъ, ихъ теплыхъ симпатіяхъ къ Россіи и трудахъ на пользу ознакомленія своихъ соотечественниковъ

англичанъ съ русскою литературой и русскою жизнью нами въ свое время даны были въ *Русскомъ Обозрѣніи* подробныя свѣдѣнія. Въ 1897 году они всѣ положили свою долю труда на поддержаніе молодаго учрежденія и на дальнѣйшее его развитіе и упроченіе. Всего болѣе, конечно, потрудился достопочтенный президентъ Общества, который, какъ и во всѣ предшествующіе годы, завѣдуя общимъ веденіемъ дѣлъ Комитета и, руководя ежемѣсячными собраніями, по прежнему былъ душой и вдохновителемъ Общества; онъ регулярно предсѣдательствовалъ почти на всѣхъ собраніяхъ, знакомилъ сочленовъ съ ходомъ текущихъ дѣлъ Общества, подготовлялъ и регулировалъ чтенія и руководилъ во время засѣданій преніями. Помимо сего, вмѣстѣ съ почетнымъ секретаремъ Общества, ему приходилось вести отчетность, завѣдывать печатаніемъ отчетовъ и сноситься съ многочисленными сочленами Общества какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи. Трудъ этотъ достоинъ всякаго уваженія и заслуживаетъ полной признательности.

Не видоизмѣнясь нисколько относительно личнаго состава Комитета, общихъ цѣлей и задачъ, Англо-Русское Литературное Общество значительно измѣнилось относительно состава своихъ членовъ. Въ теченіе отчетнаго года въ него вступило много новыхъ членовъ, такъ что къ 1 января 1897 года въ немъ состояло всего 446 членовъ. Обстоятельство это показываетъ, что цѣли и задачи, преслѣдуемыя молодымъ Лондонскимъ литературнымъ учрежденіемъ, находятъ себѣ не только отголосокъ, но и дѣятельное сочувствіе и поддержку въ обществѣ, и притомъ какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи.

Изъ общаго числа членовъ 205 было русскихъ; что же касается до остальныхъ 241, то громадное большинство ихъ составляли англичане и значительное меньшинство французы, нѣмцы, греки и т. д. Если отнять отъ этого послѣдняго числа иноземный придатокъ, т. е. французовъ, нѣмцевъ, грековъ и т. д., то число русскихъ и англичанъ въ Англо-Русскомъ Литературномъ Обществѣ окажется равнымъ одно другому.

Имѣя счастіе состоять подъ покровительствомъ Его Величества Государя Императора, и Ихъ Высочествъ Герцога и Герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готскихъ, Англо-Русское Литературное Общество въ числѣ своихъ членовъ пользовалось честію считать Ихъ Высочествъ Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича и Великихъ Князей Сергѣя Александровича, Павла Александровича и Константина Константиновича. Преосвященный

Николай, епископъ Алеутскій и Аляскинскій состоятъ въ немъ почетнымъ членомъ. Въ числѣ регулярныхъ членовъ Общества числились между прочимъ два академика: Д. Анучинъ и Ѳ. А. Бредихинъ, три сенатора: А. Ѳ. Кони, Семеновъ и Г. А. Евреиновъ, статсъ-секретарь Е. А. Перетцъ, Государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, бывшій начальникъ тюремнаго управленія М. Н. Галкинъ-Враскій, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа М. Н. Капустинъ, Императорскій посолъ при Великобританскомъ дворѣ Е. Е. Стааль, нѣсколько посланниковъ: графъ М. А. Хрептовичъ-Бутеневъ, М. Ону и др., 18 профессоровъ университета, 12 адмираловъ и генераловъ, свыше 25 титулованныхъ лицъ, и два православно-русскихъ протоіерея: Лондонской посольской церкви Е. К. Смирновъ и придворной Кобургской Е. В. Соловьевъ. Въ спискахъ Общества въ качествѣ членовъ значились: офицерское собраніе 117 Ярославскаго пѣхотнаго полка и русскій литературный кружокъ въ Ригѣ. Представители Императорскаго посольства въ Лондонѣ всѣ состояли членами Англо-Русскаго Литературнаго Общества, а съ ними вмѣстѣ и почти всѣ представители небольшой русской колоніи въ Лондонѣ; среди этихъ послѣднихъ особенно выдѣлялись Ольга Алексѣевна Новикова, извѣстная и уважаемая въ Англіи писательница по политическимъ вопросамъ дня, корреспондентъ *Новаго Времени* Г. С. Веселитскій-Божидаровичъ, корреспондентъ *Туркестанскихъ Вѣдомостей* Л. А. Богдановичъ, агентъ Министерства Финансовъ Г. П. Каменскій, А. В. Марковъ и т. д.

Изъ сочленовъ англичанъ свыше 50 составляли офицеры всѣхъ чиновъ и родовъ оружія, начиная съ генералъ-лейтенанта и кончая простымъ лейтенантомъ. Это, впрочемъ, и не удивительно: само Англо-Русское Литературное Общество, какъ въ свое время было сообщаемо нами, устроилось главнымъ образомъ вслѣдствіе желанія дать англійскимъ офицерамъ, изучившимъ въ той или иной мѣрѣ русскій языкъ, возможность поддержать и усовершенствовать свои познанія въ немъ. Большинство этихъ военныхъ служитъ въ Индіи, гдѣ интересы Англіи съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сталкиваются и скрещиваются съ интересами Россіи и гдѣ, поэтому, знаніе русскаго языка для англичанъ оказывается крайне необходимымъ. Замѣчательно, что среди членовъ-англичанъ 11 принадлежатъ къ духовному званію. Обстоятельство это, на нашъ взглядъ, объясняется только лишь сравнительно бо̀льшимъ образовательнымъ цензомъ англійскаго духовенства, чѣмъ другихъ слоевъ англій-

скаго общества. Среди остальныхъ англійскихъ сочленовъ Общества обращали на себя особое вниманіе: Герцогъ Манчестерскій (Duke of Manchester), Баронетъ Серъ Николасъ Эльфинстонъ (Sir Nicholas Elphinstone, Bart.), Баронетъ Серъ Генри Пикъ (Sir Henry Peek, Bart.), Серъ Фредрикъ Поллокъ (Sir Fred'k Pollok), Серъ Александръ Конди Стивенъ (Sir Alexr. Condie Stephen), Серъ Альфредъ К. Лайалль (Sir Alfred C. Lyall) и искренній другъ Россіи, русской церкви и всего русскаго Иванъ Васильевичъ Биркбекъ. Сюда же примыкали двѣ дамы съ англійскими фамиліями, но по рожденію русскія: Mrs Henry Steel, т. е. Марія Аггеевна, урожденная Абаза, бывшая въ первомъ супружествѣ замужемъ за Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ и нынѣ состоящая въ бракѣ съ профессоромъ Винчестерскаго Колледжа Генри Стилемъ, и Mrs. Borthwick, т. е. Софья Михайловна, урожденныя Шиловская, бывшая замужемъ за англійскимъ генераломъ Бортвикомъ, нынѣ умершимъ, роднымъ братомъ лорда Гленеска, собственника и издателя-редактора распространеннѣйшей въ Англіи утренней газеты *Morning Post*.

Изъ сочленовъ иностранцевъ выдѣлялись преимущественно: французы Vicomte de 'Vogüe, Leroy. Beaulieu, R. D. de Fontanier и австрійское общество Friedensfreunde.

Денежная отчетность Англо-Русскаго Литературнаго Общества за 1896 годъ, которая, какъ значится въ отчетѣ Общества подъ № 16, была провѣрена и найдена вѣрною двумя аудиторами, А. Линденомъ и Д. М. Вильсономъ, сводилась къ слѣдующему:

На приходъ въ отчетномъ году поступило:	фун.	шил.	пенс.
остаточной суммы отъ 1895 г.	167	5	8
отъ членскаго взноса, уплаченнаго 87 членами, живущими въ Лондонѣ и радіусѣ въ 15 миль отъ него...	91	7	—
отъ членскаго взноса, уплаченнаго 237 членами, живущими въ провинціи и заграницей..	124	8	6
отъ трехъ лицъ, пожелавшихъ быть пожизненными членами..................	30	—	—
отъ пожертвованій....................	1	1	—
отъ процентовъ съ бумагъ............	3	—	6
Итого:	417	2	8

Изъ нихъ израсходовано:	фун.	шил.	пенс.
на печатаніе и т. д....................	5	2	1
на журналы, газеты и чай послѣ засѣданій.	12	—	4
на покупку книгъ и библіотечныя надобности..............................	26	7	3
на печатаніе отчетовъ Общества по четвертямъ года..........................	54	8	6
на регистрацію, отсылку книгъ и уплату счетовъ Имперскаго Института, въ коемъ помѣщается Общество..................	24	9	—
на корреспонденцію, частныя объявленія и канцелярскія принадлежности..........	21	15	4
Итого:	144	2	6
На 1897 годъ остаточной суммы состояло:	273	—	2
Всего:	417	2	8

Такимъ образомъ, считая одинъ фунтъ стерлинговъ приблизительно по 10 рублей, за отчетный годъ Англо-Русское Литературное Общество получило до 4170 рубл. серебр. и израсходовало 1440 рублей, такъ что около 2730 рублей могло перевести на текущій счетъ слѣдующаго года. Эта экономія очень значительна. На что она будетъ употреблена, еще неизвѣстно. Было бы очень желательно устроить на нее въ центрѣ Лондона небольшую читальню, въ которую бы сочлены Общества въ теченіе опредѣленныхъ часовъ дня могли заходить для чтенія русскихъ книгъ, журналовъ и газетъ. Нынѣшнее помѣщеніе Общества находится въ Имперскомъ Институтѣ (Imperial Institute), который расположенъ въ сравнительно удаленномъ отъ центра города кварталѣ Kensington, и открыто только разъ въ недѣлю, т. е. въ среду, и притомъ на очень короткое время, всего на часъ. Это неудобство давно уже сознается сочленами, и потому многіе изъ нихъ высказываются въ пользу учрежденія на экономическія суммы постоянной читальни; но найдутъ-ли Комитетъ и президентъ Общества возможнымъ и удобнымъ употребить на этотъ предметъ экономію, это пока еще вопросъ открытый.

Въ 1896 году всѣхъ засѣданій въ Англо-Русскомъ Литературномъ Обществѣ было десять. Въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ собраній не было, такъ какъ на эти мѣсяцы Лондонскіе жители разъѣзжаются по морскимъ прибрежнымъ городамъ и селеніямъ Англіи.

Доклады на засѣданіяхъ касались слѣдующихъ темъ и прочтены были слѣдующими лицами:

7 Января: „Результаты русской цивилизаціи въ центральной Азіи“ Л. А. Богдановича.

4 Февраля: „Переводы“ Миссъ І. Маккензи.

3 Марта: „Происшествія изъ жизни Сибирскихъ крестьянъ“ В. Ф. Керби.

7 Апрѣля: „Сибирь“ А. Овсянкина изъ Владивостока.

5 Мая: „Русское искусство“ Е. А. Брейлея Годжетса.

2 Іюня: „Торговля между Англіей и Россіей“ А. В. Маркова.

7 Іюля: „Открытіе по Карскому морю пути въ Сибирь“ капитана Вигинса.

4 Августа: „По поводу коронаціи Царя Николая II“ каноника Роунслея.

3 Ноября: „Стихотворенія Некрасова“ Ф. П. Маршанта.

1 Декабря: „Сахалинъ и его ссыльные“ профессора Д. Дугласа Говарда.

Изъ десяти докладовъ три были прочтены русскими (въ январѣ, апрѣлѣ и іюнѣ мѣсяцахъ) и всего лишь одинъ на русскомъ языкѣ (въ январѣ). Къ русской литературѣ отношеніе имѣлъ только одинъ докладъ (въ ноябрѣ); но и онъ, къ сожалѣнію, былъ составленъ сравнительно поверхностно и нѣсколько неумѣло. Замѣчательно, что изъ десяти чтеній цѣлыхъ пять касались русскихъ владѣній въ Азіи (въ январѣ, мартѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и декабрѣ). Обстоятельство это невольно бросается въ глаза. Практически-коммерческая жилка англичанъ не могла не пробуравить себѣ лазейки даже въ такое учрежденіе, которое спеціально предназначило себѣ заниматься литературой. Чтобы нѣсколько скрасить и сгладить эту односторонность занятій Общества, въ печатаемыхъ имъ отчетахъ помѣщаются иногда переводы стихотвореній Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Грибоѣдова, Тютчева и Кольцова. Но это не измѣняетъ существа дѣла.

1896 годъ имѣлъ для Англо-русскаго Литературнаго Общества свою отличительную и знаменательную особенность. То былъ годъ необычайнаго всероссійскаго торжества, годъ ликованія Руси святой по поводу вѣнчанія на царство ея самодержавнаго вождя. Событіе это, конечно, не могло не отразиться на Англо-русскомъ Литературномъ Обществѣ, горячо принимающемъ къ сердцу народные интересы Россіи. Многіе изъ его сочленовъ предприняли спеціальное путешествіе въ Москву, чтобы взглянуть на коронаціонныя торжества. Возвратясь, затѣмъ, въ

Лондонъ, они почли долгомъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ остальными сочленами. На засѣданіи въ августѣ мѣсяцѣ каноникъ Роунслей прочелъ спеціальный докладъ „о коронаціи царя Николая II“, который тутъ же былъ значительно пополненъ сообщеніями Ив. Вас. Биркбека, на долю котораго выпало необыкновенное счастіе присутствовать во время совершенія чина коронованія въ самомъ Успенскомъ соборѣ. Но не въ этомъ одномъ сказались симпатіи Англо-русскаго Литературнаго Общества къ народно-русскому торжеству. Комитетъ Общества составилъ прекрасный адресъ, который и былъ поднесенъ Его Величеству, вѣнчанному на царство Государю Императору въ Петергофскомъ дворцѣ 28 іюня (10 іюля) двумя сочленами общества, мистеромъ Биркбекомъ и мистеромъ Франкомъ Клемовымъ, англійскимъ докторомъ, практикующимъ въ Кронштадтѣ. Милостиво принятые и обласканные Ихъ Величествами, они тотчасъ же поспѣшили доложить Комитету Общества о дарованной имъ аудіенціи и о выполненіи ими высокой миссіи. Можно съ увѣренностію сказать, что обстоятельство это въ значительной мѣрѣ подняло духъ Англо-русскаго Литературнаго Общества, такъ какъ сочлены его воочію могли убѣдиться, что Высокій Покровитель молодого лондонскаго учрежденія изъ двухъ смѣшанныхъ, русской и англійской, національностей не только интересуется имъ, но и горяче принимаетъ къ сердцу его задачи и посильные успѣхи.

Прошлый 1897 годъ начался для Англо-русскаго Литературнаго Общества при весьма благопріятныхъ условіяхъ. Первое его засѣданіе, происходившее 5 января, посвящено было обзору прошлогодней русской журналистики, при чемъ докладъ прочтенъ былъ его авторомъ Л. А. Богдановичемъ на русскомъ языкѣ. Обстоятельство это какъ бы задало тонъ занятіямъ Общества на весь предстоявшій годъ. И, дѣйствительно, уже третье засѣданіе его вновь почти сплошь происходило на нашемъ языкѣ и, мало этого, касалось такого предмета, который всего болѣе дорогъ русскому сердцу. Оно исключительно было посвящено Алексѣю Степановичу Хомякову и настолько выдѣлилось изъ ряда прочихъ засѣданій, что о немъ слѣдуетъ поговорить поподробнѣе.

Ближайшимъ внѣшнимъ поводомъ для этого засѣданія послужила прекрасная статья объ А. С. Хомяковѣ, напечатанная Валеріемъ Николаевичемъ Лясковскимъ въ декабрьскомъ нумерѣ *Русскаго Архива* 1896 и изданная затѣмъ и отдѣльною книгой.

Присланная въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ Лондонъ, она вызвала въ живущихъ въ семъ городѣ русскихъ въ полномъ смыслѣ слова потребность поговорить о родоначальникѣ славянофильства пообстоятельнѣе на засѣданіи Англо-русскаго Литературнаго Общества. Англійскіе сочлены отнеслись къ желанію русскихъ сочувственно, въ виду чего президентъ Общества нашелъ необходимымъ отмѣнить назначенное уже чтеніе по другому предмету и отвести первое же очередное собраніе, падавшее на 2 марта по новому стилю (наше 18 февраля), спеціально А. С. Хомякову. Для составленія русскихъ докладовъ, которые вызвались написать и прочесть Л. А. Богдановичъ и протоіерей лондонской посольской церкви Е. К. Смирновъ, дано было, такимъ образомъ, очень немного времени,—всего лишь нѣсколько дней.

Ради экстраординарной важности предмета чтеній предсѣдательство на засѣданіи русскіе сочлены пожелали предложить Серу Дональду Маккензи Воллэсу, автору извѣстной книги о Россіи, большому знатоку русскихъ земскихъ учрежденій и занимающему нынѣ почетный постъ директора политическаго отдѣла въ газетѣ *Times*. Такой чести Серъ Д. Маккензи Воллэсъ, сколько намъ извѣстно, удостоился всего лишь во второй разъ. Въ первый разъ онъ предсѣдательствовалъ въ Обществѣ, когда на его засѣданіи, 6 ноября 1895 года, присутствовалъ преосвященный Николай, епископъ Алеутскій и Аляскинскій, при чемъ докладъ читался тогда о Тургеневѣ; на этомъ знаменательномъ засѣданіи владыка преподалъ въ прекрасно сказанной рѣчи добрый совѣтъ англичанамъ знакомиться съ Россіей по произведеніямъ славянофиловъ.

Почетный предсѣдатель открылъ собраніе небольшою вступительною рѣчью, въ которой краткими, но мѣткими штрихами оттѣнилъ причины возникновенія славянофильства, какъ реакціи противъ господствовавшаго въ Россіи въ теченіи всего прошлаго и начала настоящаго столѣтій крайняго увлеченія Западомъ, указалъ на передовыхъ его дѣятелей, изъ коихъ съ нѣкоторыми лично познакомился въ бытность свою въ Россіи, и выразилъ глубокое уваженіе къ его родоначальнику, какъ человѣку, поэту, мыслителю и богослову.

Первымъ прочелъ свой докладъ Л. А. Богдановичъ, лондонскій спеціальный корреспондентъ *Туркестанскихъ Вѣдомостей* и многихъ другихъ русскихъ журналовъ и газетъ и переводчикъ многихъ книгъ съ французскаго и англійскаго язы-

ковъ. Для засѣданія 2 марта онъ приготовилъ чрезвычайно живо и увлекательно написанный очеркъ, въ которомъ жизнь и дѣятельность А. С. Хомякова разсматривались въ связи, съ одной стороны, съ развитіемъ его поэтическихъ дарованій и, съ другой, съ зарожденіемъ и выясненіемъ славянофильскаго ученія. Для его составленія онъ нашелъ необыкновенно богатый матеріалъ въ первой части книги В. Н. Лясковскаго, коимъ прекрасно воспользовался, удачно сокративъ и приспособивъ его для чтенія въ Обществѣ. Повѣствовательная форма очерка смѣнялась и оживлялась стихотвореніями Хомякова. Интересное чтеніе произвело замѣтное впечатлѣніе не только на англичанъ, но и на русскихъ Съ напряженнымъ вниманіемъ выслушивались извѣстія о томъ, какимъ образомъ дѣдъ Алексѣя Степановича, по выбору крестьянъ, сталъ ихъ собственникомъ,—какъ маленькій Алеша Хомяковъ собирался послѣ отечественной войны бунтовать славянъ, какъ въ немъ съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ, благодаря заботамъ родителей, зарождалась любовь къ русской старинѣ и крѣпла строгая приверженность къ православной церкви,—какъ онъ, возмужавъ, сдержалъ данный имъ матери обѣтъ о сохраненіи нравственной предбрачной чистоты,—какъ въ немъ постепенно назрѣвалъ широкій патріотизмъ, охватившій затѣмъ всѣхъ славянъ, и какимъ образомъ его упованіе объ общеславянскомъ объединеніи отлилось въ чудныхъ созвучіяхъ „Орла“.

Свою рѣчь Л. А. Богдановичъ закончилъ слѣдующими словами: „Не стало человѣка, тридцать лѣтъ будившаго совѣсть народную, уяснившаго Россіи ея вѣру, призваніе, примирившаго ее со стариной. Не стало того, кто стройно изложилъ великое ученіе,—но осталось это ученіе, осталось, очистившееся, благодаря послѣдующимъ работникамъ на нивѣ національнаго прогресса, отъ своихъ, быть можетъ, слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній, крайностей и ошибокъ, въ которыхъ винить Хомякова и друзей его нельзя, памятуя, какую борьбу пришлось имъ вести, еще неокрѣпшими, при полномъ несочувствіи правительства и общества, съ шедшею съ Запада грозой космополитизма и либерализма, милыхъ душѣ узкихъ западниковъ.

„Если не всѣ, то многія доктрины славянофиловъ восприняты всѣми лучшими людьми Россіи, принадлежащими къ разнымъ партіямъ (кромѣ іудействующей) и составившими „національную партію“, далекую и отъ soi-disant либераловъ и отъ ультраконсерваторовъ, исповѣдывающую главныя доктрины Хомякова, проникнутую русскимъ народнымъ направленіемъ, проповѣдывающую прогрессъ на національной почвѣ; признающую святость церковныхъ преданій и свѣтлыхъ историческихъ завѣтовъ;

желающую союза царя съ народомъ; ставящую выше всего требованія правды Божіей, христіанскую свободу духа и жизни и, наконецъ, нашедшую сочувственный откликъ въ душѣ нашего въ Бозѣ почившаго Царя-Миротворца.

„Говорятъ, что „славянофильство умерло",—пусть такъ: дѣло не въ кличкѣ, данной оскудѣвшими мыслью, погрязшими въ односторонней книжности Запада, его рабскими подражателями; живы идеи славянофиловъ, идеи Хомякова, и это доказываетъ уже наше сегодняшнее собраніе горсти русскихъ людей, вдали отъ родины, среди чужой, но гостепріимной націи, также любящей родину, старину и христіанскую свободу духа"...

Рѣчь г. Богдановича послужила прекраснымъ введеніемъ къ характеристикѣ А. С. Хомякова, какъ православно-русскаго мыслителя и богослова, которую вслѣдъ за симъ прочелъ протоіерей лондонской церкви Е. К. Смирновъ. Такъ какъ на ней сосредоточивался главный интересъ засѣданія, то считаемъ необходимымъ воспроизвести ее здѣсь въ полномъ видѣ.

„Милостивые государи и милостивыя государыни!

„Вы, конечно, ожидаете отъ меня характеристики Алексѣя Степановича Хомякова, какъ православно-русскаго мыслителя и писателя въ области духовной, богословской.

„Задача эта—далеко не легкая. Очертить значеніе человѣка, съ полною справедливостію считающагося, по удачному выраженію одного писателя, „гигантомъ мысли", едва-ли возможно въ теченіе 20—30 минутъ. Но меня лично затрудняетъ еще болѣе другое обстоятельство: Хомяковъ нашелъ уже въ лицѣ одного изъ ближайшихъ своихъ учениковъ и послѣдователей вполнѣ вѣрнаго истолкователя и достойнаго цѣнителя своихъ заслугъ въ области богословскаго мышленія. Юрій Өедоровичъ Самаринъ въ талантливо задуманномъ и блестяще изложенномъ предисловіи ко II тому полнаго собранія сочиненій Хомякова представилъ столь яркую характеристику личности и дѣятельности основателя славянофильства, что послѣ нея что̀ бы ни писали и что̀ бы ни говорили о немъ, окажется и малосодержательнымъ, и безцвѣтнымъ. Неподражаемымъ перомъ освѣтилъ онъ предъ нами чудную цѣльную личность своего учителя, ввелъ насъ въ сферу его широкаго и глубокаго умозрѣнія, раскрылъ предъ нами всю необычайность его діалектическихъ дарованій, указалъ на тѣ результаты, къ коимъ неизбѣжно должны вести его труды, и столь правдивыми и увлекательно-краснорѣчивыми штрихами очертилъ дѣятельность Алексѣя Степановича, что, читая знаменитое предисловіе, поддаешься вліянію ученика и становишься почитателемъ и сторонникомъ учителя. Не удивительно, что теперь, кто бы ни бралъ на себя задачу говорить и писать о Хомяковѣ, слѣдуетъ Самарину не только въ своихъ воззрѣніяхъ на него, но и въ самомъ способѣ выраженія этихъ воззрѣній.

„Прекрасно зная Англію и постоянно слѣдя за ходомъ ея об-

щественной жизни, Хомяковъ былъ глубокимъ цѣнителемъ ея консерватизма, съ полнымъ уваженіемъ относился къ ея церкви и серьезно изучалъ развитіе ея богословской науки, чему много помогало знаніе англійскаго языка, коимъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Это послѣднее обстоятельство дало ему возможность вступить въ полемику съ англійскимъ богословомъ, извѣстнымъ Вилльямомъ Пальмеромъ. Завязалась она совершенно случайно. Въ 1838 году у Хомякова умерли одинъ за другимъ два малолѣтнихъ сына. Сердечную горечь невозвратной утраты онъ излилъ въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Къ дѣтямъ". Позвольте мнѣ прочесть эти чудныя поэтическія строки:

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой;
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей—
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно: малютокъ моихъ уже нѣтъ—
И сердце такъ больно сожмется!

О, дѣти! Въ глубокій полуночный часъ
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать;
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

„Стихотвореніе это черезъ нѣсколько лѣтъ попало на глаза Пальмера и очень ему понравилось. Побывавъ въ началѣ 40-хъ годовъ въ Россіи, завязавъ нѣкоторыя сношенія съ представителями православно-русской церкви и изучивъ до извѣстной степени основательно русскій языкъ, онъ перевелъ его на языкъ англійскій и свой переводъ отправилъ въ подарокъ Хомякову. Это было въ 1844 году. Сердечно тронутый любезностью Пальмера, Хомяковъ написалъ ему въ отвѣтъ первое письмо, вслѣдъ за которымъ между двумя богословами завязалась переписка, продолжавшаяся съ перерывами въ теченіе десяти лѣтъ, т. е. до 1854 года.

„Что касается до писемъ Хомякова, то они въ русскихъ изданіяхъ печатаются обыкновенно во II томѣ полнаго собранія его сочиненій, наряду съ другими богословскими его произведеніями. Обнаруживая въ Хомяковѣ единственнаго въ своемъ родѣ полемиста, они, тѣмъ не менѣе, такъ какъ воспроизводятся на

страницахъ этого тома отдѣльно и въ разобщеніи отъ писемъ Пальмера, не даютъ возможности составить себѣ полнаго, а потому и вѣрнаго представленія о той полемикѣ, которая велась между ними. Этотъ недостатокъ недавно восполненъ моимъ другомъ и сочленомъ нашего Общества мистеромъ Биркбекомъ. Въ одну изъ многократныхъ поѣздокъ въ Россію, онъ познакомился со здравствующими нынѣ сыномъ и дочерью Хомякова и убѣдилъ ихъ вновь пересмотрѣть бумаги знаменитаго родителя. Поиски увѣнчались успѣхомъ; отыскались письма Пальмера, и мистеръ Биркбекъ издалъ ихъ наряду съ подлиннымъ англійскимъ текстомъ писемъ Хомякова въ книгѣ „Russia and the English Church during the last fifty years“. По труду Биркбека, въ настоящее время достаточно уже обслѣдованному критикой, особенно англійскою, можно теперь не только прослѣдить всю полемику—съ ея начала до конца, но и оцѣнить по достоинству какъ само научное состязаніе, такъ и тѣ отличительныя черты, которыя во время единоборства должны были обнаружиться въ томъ и другомъ полемистѣ. Сила, устойчивость и несокрушимость оказываются на сторонѣ православно-русскаго богослова,—слабость, шаткость и измѣнчивость—на сторонѣ представителя западнаго богословія. Достаточно сказать, что Хомяковъ въ концѣ полемики остался такимъ же горячимъ и убѣжденнымъ сыномъ православной церкви, какимъ былъ при ея началѣ. Что же касается Пальмера, то, бывъ по рожденію и образованію англиканиномъ, онъ съ теченіемъ времени потерялъ довѣріе къ своей церкви, призналъ святость восточнаго православія и, въ концѣ-концовъ, перешелъ въ церковь римско-католическую. Какимъ путемъ эти противорѣчія совмѣщались въ его личности, мы не станемъ разъяснять здѣсь; желающимъ познакомиться съ пережитыми Пальмеромъ духовными испытаніями порекомендуемъ прочесть поучительную книгу мистера Биркбека. Для насъ лично важенъ здѣсь лишь одинъ вопросъ: отчего въ дѣлѣ богословской полемики на сторонѣ Хомякова оказались сила и устойчивость, а на сторонѣ Пальмера слабость и измѣнчивость?

„Но прежде, чѣмъ я перейду къ рѣшенію этого вопроса, позвольте мнѣ, мм. г-ри и г-жи—предварительно нѣсколько расширить и углубить предметъ моего чтенія.

„Хомяковъ оставилъ послѣ себя сравнительно очень немного богословскихъ сочиненій. Три полемическихъ брошюры, опытъ катехизическаго изложенія ученія о Церкви, десять писемъ къ Пальмеру, нѣсколько писемъ къ другимъ лицамъ и двѣ-три замѣтки по частнымъ вопросамъ,—вотъ и все, что̀ сохранилось отъ его богословствованія, если не считать краткихъ отрывковъ въ другихъ произведеніяхъ его пера, помѣщающихся въ остальныхъ томахъ „Полнаго Собранія Сочиненій“. Вчитываясь въ его произведенія, невольно поражаешься стройностью, цѣльностью и единствомъ его воззрѣній. У него,—вѣрнѣе въ его головѣ,—очевидно, существовала вполнѣ сложившаяся богословская система, которой, къ сожалѣнію, не суждено было вылиться на бу-

магу. Когда вѣсть о его кончинѣ достигла Великобританіи, въ одномъ изъ повременныхъ англійскихъ изданій, а именно *Edinburgh Review*, появилось слѣдующее достопримѣчательное заявленіе. „Мы увѣрены, что въ русской церкви найдутся достойные продолжатели начинаній Хомякова, способные поддержать отголосокъ чудныхъ писемъ православнаго христіанина, въ которыхъ оплакиваемый нами Хомяковъ изливалъ свои упованія, соединяя въ нихъ стойкую приверженность къ древнему православію съ такою твердою вѣрой въ конечные результаты библейской критики и съ такою полнотой христіанской любви, выше которыхъ мы никогда ничего не встрѣчали“ (смотр. *Ed. Rev.* 1864. № 245). Къ прискорбію, должны сознаться, что до сихъ поръ у насъ не нашлось еще такихъ продолжателей. Недавно въ Москвѣ отпечатана прекрасная книга о Хомяковѣ Валеріаномъ Николаевичемъ Лясковскимъ. Вотъ что читаемъ въ концѣ ея: „Нелегко продолженіе дѣла Хомякова; путь его труденъ. Передъ смертью, быть можетъ въ предчувствіи ея, его любимый ученикъ, неутомимый труженикъ и боецъ, среди никогда не покидавшихъ его общественныхъ заботъ, писалъ: „„Мысль бросить все и поднять съ земли нить размышленій, выпавшую изъ рукъ умиравшаго Хомякова, меня много разъ занимала; но я сознаю слишкомъ глубоко, что до этой задачи я далеко не доросъ умственно и не подготовленъ душой; это главное““. Въ этихъ предсмертныхъ словахъ Ю. Ѳ. Самарина слышится завѣтъ, съ которымъ послѣдній изъ сотрудниковъ Хомякова какъ бы обращается ко всѣмъ тѣмъ, кто пойдетъ за нимъ во слѣдъ его учителя“ (стр 175). Если продолженіе дѣла Хомякова сопряжено съ такими нелегко осуществимыми условіями, то во сколько разъ должно быть труднѣе возстановленіе той системы богословскаго умозрѣнія, которая существовала въ головѣ основателя славянофильства. Пройдетъ, быть можетъ, еще много времени, прежде чѣмъ появится новый гигантъ мысли, способный осуществить эту задачу. Будемъ надѣяться и вѣрить, что время это настанетъ и въ не особенно далекомъ будущемъ.

„Хомяковъ по преимуществу былъ богословомъ-полемистомъ,— поэтому изъ всѣхъ его богословскихъ сочиненій передовое мѣсто должно быть отведено тремъ полемическимъ брошюрамъ.

„Интересный инциндентъ случился съ изданіемъ первой его брошюры. Рукопись была отправлена въ Парижъ къ издателямъ Мейрюссамъ. Получивъ ее и убѣдясь, что авторъ возстаетъ одновременно противъ протестантства и противъ романизма, Мейрюссы, по ихъ собственному сознанію, долго колебались принять порученіе. „Намъ, писали они, претило сдѣлаться, если не органами, то посредниками въ полемикѣ, направленной противъ самыхъ началъ нашей дорогой и славной реформы... Мы думали, какъ бы не изумились и даже не обидѣлись наши единовѣрцы, протестанты, увидавъ, что мы приняли на себя изданіе подобнаго сочиненія?.. Чувствуя себя какъ бы связанными совѣстью другихъ, мы колебались, не зная, на что рѣшиться“... Изъ за-

трудненія вывелъ ихъ извѣстный писатель Вине, благодаря заступничеству котораго первая брошюра нашего полемиста и была отпечатана Мейрюссами въ Парижѣ. Чтобы не вводить слишкомъ ревностныхъ оберегателей общественной нравственности въ дальнѣйшее „фальшивое положеніе", Хомяковъ отпечаталъ вторую и третью брошюры уже не въ Парижѣ, а въ Лейпцигѣ у Брокгауза.

„Въ этомъ инцидентѣ нѣтъ ничего страннаго и неожиданнаго. Въ Западной Европѣ на издательскомъ дѣлѣ тяготѣетъ тяжелая рука соціальной дисциплины, которая довольно таки часто облекается въ ежовую рукавицу, а потому и дѣйствуетъ подъ часъ несравненно суровѣе и безпощаднѣе, чѣмъ наша прямодушная и иногда очень безобидная, но полезная и предусмотрительная цензура.

„Припоминаемъ здѣсь другой характерный инцидентъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи вышла въ свѣтъ книга „Lux Mundi" извѣстнаго богослова Гóра. Она нѣсколько отступала отъ общепринятыхъ ортодоксальныхъ воззрѣній, и потому, какъ интересная новинка, читалась нарасхватъ и свободно обсуждалась въ обществѣ и прессѣ. Обстоятельствомъ этимъ очень были недовольны духовные пастыри духовныхъ овецъ. Вотъ что намъ самимъ говорилъ одинъ изъ нихъ: „Такія книги слѣдуетъ печатать не на англійскомъ, а на латинскомъ языкѣ. Полезныя для спеціалистовъ, онѣ положительно вредны для общей массы читающей публики, такъ какъ вызываютъ въ ней излишнее броженіе умовъ, съ которымъ затѣмъ серьезно приходится считаться!" Нашъ почтенный собесѣдникъ, очевидно, запамятовалъ евангельскую заповѣдь, по которой христіанскому пастырю надлежитъ пасти духовныхъ овецъ *духомъ и истиной*, а не тѣми или иными предусмотрительными и предохранительными правилами соціальной дисциплины.

„Но,—перейдемъ къ Хомякову...

„По словамъ Ю. Ѳ. Самарина, „Хомяковъ первый взглянулъ на латинство и протестантство изъ церкви, слѣдовательно *сверху*; поэтому онъ и могъ опредѣлить ихъ. Иностранные богословы были озадачены его брошюрами. Они почувствовали въ нихъ что-то небывалое въ ихъ полемикѣ съ православіемъ, что-то для нихъ неожиданное, совершенно новое. Можетъ быть, они и не сознавали ясно, въ чемъ заключается это новое, но для насъ оно понятно. Они услышали, наконецъ, голосъ не анти-латинской и не анти-протестантской, а православной школы. Встрѣтившись въ первый разъ съ православіемъ въ области церковной науки, они смутно почуяли, что до этихъ поръ ихъ полемика съ церковью вертѣлась около какихъ-то недоразумѣній; что вѣковая ихъ тяжба съ нею, казавшаяся почти оконченною, только что начиналась на почвѣ совершенно новой, и что самое положеніе сторонъ измѣнилось, а именно: они, паписты и протестанты, становились подсудимыми, ихъ звали къ отвѣту, имъ приходилось оправдываться". Хомяковъ отрѣшился отъ

прежнихъ, устарѣлыхъ пріемовъ полемики, которые никого не вразумляли, никого не убѣждали и потому оказывались совершенно безплодными и безрезультатными. Въ своей полемикѣ онъ берется за дѣло иначе. „Идя отъ проявленій къ конечнымъ побужденіямъ, онъ воспроизводитъ, если такъ можно выразиться, психологическую генеалогію каждаго заблужденія и сводитъ ихъ всѣ къ общему ихъ исходному началу, въ которомъ ложь, становясь очевидною, сама себя обличаетъ своимъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Это и значитъ вырвать заблужденіе съ корнемъ"... „Теперь, благодаря Хомякову, все переставляется. Прежде, мы видѣли предъ собою двѣ рѣзко опредѣленныя формы западнаго христіанства, и *между ними* православіе, какъ бы остановившееся на распутіи; теперь мы видимъ *Церковь*, иначе—живой организмъ истины, а внѣ церкви—логическое знаніе, отрѣшенное отъ нравственнаго начала, тоесть *раціона*, *лизмъ*, въ двухъ моментахъ его развитія, а именно: разсудка-хватающагося за призракъ истины и отдающаго свободу въ рабство внѣшнему авторитету—это латинство, и разсудка, доискивающагося *самодѣльной* истины и приносящаго единство въ жертву субъективной искренности—это протестантство". Въ средѣ богослововъ западнаго міра брошюры Хомякова не могли не вызвать недовольства и тревоги предъ совершенно новымъ, дотолѣ невѣдомымъ и нынѣ все болѣе и болѣе оформляющимся колосомъ, къ которому подступиться нельзя съ прежнимъ, вполнѣ извѣданнымъ и въ былое время всегда доставлявшимъ славныя побѣды оружіемъ. Они смутно ощущаютъ, что на историческую арену жизни вновь надвигается давняя борьба между двумя противниками, которые не могутъ пойти на на прочный якобы миръ, ни на завѣдомо-сомнительное примиреніе. Противники эти: вѣра и раціонализмъ, иначе: Церковь, покоющаяся на вѣрѣ Христовой, и міръ, упорядоченный на началахъ разума человѣческаго. И какъ въ свое время вѣра Христова поборола языческій міръ, такъ и Церковь, исходящая изъ Христовой же вѣры, неизбѣжно должна одолѣть современный грѣховный міръ, основанный на началахъ односторонняго, горделиваго и самообольщающагося внѣшними побѣдами и завоеваніями разума человѣческаго, съ его договорами, соглашеніями и компромиссами, отъ которыхъ человѣчеству съ каждымъ новымъ годомъ живется все хуже и тяжелѣе. Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ христіанство, восторжествовавъ надъ язычествомъ, одержало надъ нимъ побѣду внѣшнюю; теперь то же христіанство, въ лицѣ Церкви Православной, стоитъ лицомъ къ лицу съ міромъ внутреннимъ, христіанскимъ же, въ странѣ латинства и протестантства, который въ основѣ своей заключаетъ раціонализмъ, и неизбѣжно должно явить свою правду. Этой простой истины не можетъ не сознавать каждый искренній и честный представитель запада, къ какому бы исповѣданію ни принадлежалъ онъ, знакомясь съ произведеніями Хомякова. Со смерти Хомякова прошло 36 лѣтъ. Съ его богословскими воззрѣніями

представители Запада имѣли, слѣдовательно, достаточно времени ознакомиться, тѣмъ болѣе, что полемическія брошюры его первоначально появлялись на западѣ и на французскомъ языкѣ; по свидѣтельству мистера Биркбека, ихъ и теперь можно видѣть въ книжныхъ шкафахъ англиканскихъ богослововъ. Но воззрѣнія его и по настоящее время почти совершенно неизвѣстны на Западѣ, ибо ихъ сочли за лучшее замолчать.

„Возникаетъ вопросъ: отчего ихъ замолчали?

„Но и теперь мы попросимъ благосклонныхъ слушателей подождать немного нашего отвѣта, такъ какъ намъ необходимо еще разъ нѣсколько раздвинуть рамки затронутаго нами предмета.

„Скажемъ кстати, что другъ нашъ, мистеръ Биркбекъ, сколько намъ извѣстно, лелѣетъ мысль продолжить прекрасно начатый имъ трудъ. Во второмъ томѣ своей книги онъ намѣревается отпечатать въ англійскомъ переводѣ полемическія брошюры Хомякова, такъ какъ сознаетъ вполнѣ, что онѣ не могутъ и не должны долѣе оставаться подъ спудомъ. Отъ всей души желаемъ ему возможно скорѣе осуществить эту задачу и тѣмъ открыть широкій путь для научной оцѣнки полемическихъ трудовъ нашего богослова.

„Вамъ, мм. г-ри и мл. г-ни, извѣстна, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, историческая судьба, пережитая Россіей. Народъ русскій заимствовалъ христіанство, а съ нимъ вмѣстѣ и образованность отъ Византіи. Воспринявъ крещеніе при Св. Равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ, предки наши необыкновенно быстро стали усвоять плоды греческаго просвѣщенія. Къ несчастію, естественный ростъ ихъ развитія былъ остановленъ на своемъ пути нашествіемъ татаръ. Полчища азіатскихъ выходцевъ пронесли почти по всей странѣ нашей огонь и мечъ; выжигая села, разоряя города и избивая ихъ жителей, они, конечно, не пощадили храмовъ, монастырей, школъ и книгохранилищъ. Часть обитателей была перебита, другая отведена въ плѣнъ, а остальная, составлявшая, быть можетъ, всего лишь одну десятую долю бывшихъ мирныхъ гражданъ Россіи, осталась на прежнихъ мѣстахъ жизни. Вся забота этихъ обездоленныхъ и разоренныхъ людей на первыхъ порахъ порабощенія сводилась къ сохраненію жизни и добыванію куска хлѣба. О просвѣщеніи тутъ уже нечего было думать. Затѣмъ, у нихъ явилась забота сохранить себя, какъ народъ, то-есть не дать угаснуть въ своей средѣ той искрѣ Божіей, которая объединяетъ людей въ одну гражданскую семью. Далѣе,—зародилась идея, не только сплотиться всѣмъ въ одну единодушную народную массу, но и сгруппироваться около одного общаго средоточія и воспроизвести изъ себя единую, видимую и всесильную верховную власть, чтобы современемъ сбросить съ плечъ иноземное иго. Въ центрѣ нашей страны зародилась Москва, и въ ея Кремлѣ, какъ колыбели нашей новой гражданской жизни, стала возрастать единодержавная царская власть. Сверглось татарское иго, и предки наши вновь взялись за книги. Наука да-

валась съ трудомъ. Впередъ приходилось пробиваться почти ощупью. Отъ нашей духовной матери, Византіи, ждать поддержки мы не могли. Утомленная и измученная непосильною борьбой, она сама захирѣла и кончила жизнь насильственною смертію. Россія и Византія спасли Европу отъ татаръ и турокъ и даровали ей возможность окрѣпнуть физически и духовно, выработать свой укладъ жизни и развиться научно. Боролась за это время и западная Европа, но лишь внутреннею борьбой, которая повела къ развитію папства и порожденію протестантства. Когда въ Россіи, послѣ ниспроверженія татарскаго ига, наступилъ сравнительный покой, къ намъ съ запада потекла пропаганда одновременно и латинства, и протестантства. Намъ пришлось отбиваться отъ нихъ обоихъ. Удобныхъ оружій для борьбы у насъ подъ руками не оказывалось; оружія древнія, византійскія, къ тому времени уже притупились, и приладить ихъ къ новымъ запросамъ жизни было и неудобно, и ненадежно. Чтобы не погибнуть въ борьбѣ съ Западомъ, пришлось волей-неволей заимствовать средства обороны съ того же чуждаго намъ Запада, то есть отливать истину православія въ формы протестантскія, чтобы состязаться съ латинянами, и въ формы латинства, чтобы отражать протестантовъ. Такимъ естественнымъ путемъ въ нашей богословской сферѣ народились двѣ школы: антикатолическая и антипротестантская. Ни та, ни другая насъ не удовлетворяли и удовлетворить не могли, но мы пользовались и не могли не пользоваться и тою, и другою, такъ какъ не въ силахъ были воспроизвести своей православной школы. Мы только лишь вѣрили въ святость и незыблемость нашей Церкви и никогда не утрачивали свѣтлаго упованія, что настанетъ, наконецъ, пора, когда изъ ея среды возникнетъ школа богословская, вполнѣ русская и вполнѣ православная, которая, бывъ плодомъ нашего духа, удовлетворитъ насъ духовно. Такую именно школу и создалъ въ нашей странѣ незабвенный Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Вы поймете теперь, почему онъ такъ дорогъ намъ. Въ его твореніяхъ мы обрѣтаемъ самихъ себя, нашъ духъ, нашу вѣру, наше упованіе, все наше прошлое, все то свѣтлое, любвеобильное и могучее, къ чему во всѣ истекшіе вѣка стремились наши отцы и дѣды, претерпѣвая иго татарское и изнемогая въ борьбѣ съ пропагандою іезуитовъ и протестантскою миссіей.

„Отчего же именно эта великая народно-и церковно-просвѣтительная задача выпала на долю Алексѣя Степановича и не стала удѣломъ кого-либо иного изъ нашей среды? Откуда заимствовалъ онъ свои силы и въ чемъ обрѣталъ незыблемую и несокрушимую опору для своего умозрѣнія?

„Но и на этотъ вопросъ я не могу отвѣтить вамъ тотчасъ же, а потому вновь, но уже въ послѣдній разъ, попрошу у васъ позволенія дать мнѣ возможность расширить и углубить предметъ сегодняшняго чтенія.

„Мм. г-ри и мм. г-ни! Вамъ извѣстны историческія судьбы

Церкви Божіей на землѣ. Вы знаете, что въ первые вѣка христіанства церковный миръ многократно былъ нарушаемъ появленіемъ ересей. Ереси эти касались самыхъ коренныхъ истинъ нашей вѣры. Тѣмъ не менѣе, онѣ не ниспровергали самаго христіанства. Вредное вліяніе ихъ обнимало только лишь тотъ кругъ понятій, который къ нему относился, и не переносилось на всю полноту содержанія нашей вѣры. Вотъ причина, почему въ первые вѣка христіанства Церковь существовала, какъ единое и нераздѣльное общество христіанъ на землѣ. Отчего же произошло раздѣленіе Церквей? въ чемъ его смыслъ? и почему братья по вѣрѣ во единаго Христа въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія живутъ въ разобщеніи? Мало этого: отчего рушатся всѣ благія попытки къ возсоединенію ихъ самихъ и ихъ Церквей? Очевидно, вся сущность дѣла кроется здѣсь въ коренныхъ основахъ, на которыхъ покоятся Церкви. Вотъ что говоритъ по сему предмету одинъ изъ самыхъ талантливыхъ учениковъ и послѣдователей основателя славянофильства—Данилевскій. Ради требованій европейской соціальной дисциплины, мы, впрочемъ, нѣсколько смягчимъ его выраженія. „Сущность христіанской догматики излагается въ сумволѣ вѣры,—и, дѣйствительно, всѣ мы православные, католики, протестанты читаемъ этотъ сумволъ почти одинаково, соединяя однакожъ совершенно различный смыслъ со словами: „вѣрую во едину, святую, соборную и апостольскую церковь",—смыслъ столь различный, что Хомяковъ въ извѣстныхъ брошюрахъ могъ сказать, что всѣ западныя христіанскія общества отрѣшились отъ правильнаго представленія о Церкви (у Данилевскаго: суть ереси противъ Церкви),—въ противоположность неправославнымъ обществамъ, существовавшимъ до раздѣленія церквей и нынѣ существующимъ на востокѣ, которыя, неправильно истолковывая и понимая разные другіе догматы, выраженные въ сумволѣ, и тѣмъ конечно удаляясь отъ истинной Церкви, о существѣ самой Церкви сохраняли и сохраняютъ однакожъ понятіе правильное. Но важность правильнаго понятія о Церкви такова, что, между тѣмъ, какъ ложный догматъ, касающійся даже самыхъ основныхъ истинъ христіанства, можетъ ограничивать свое вредоносное вліаніе однимъ кругомъ понятій къ нему относящихся, оставляя все прочее неповрежденно-истиннымъ, ложное понятіе о Церкви неминуемо ведетъ, хотя иногда и медленно, но неизбѣжно-логическимъ процессомъ, къ ниспроверженію всего христіанскаго ученія, лишая его всякаго основанія и всякой опоры". Иначе говоря: Церковь Христова раздѣлилась потому, что среди христіанъ явились различныя воззрѣнія на самое существо Церкви. Христіане перестали понимать другъ друга и распались на отдѣльныя сообщества. Разойдясь въ разныя стороны и утративъ, такимъ образомъ, въ лицѣ общецерковнаго единства связующее начало для храненія во всей неповрежденности благодатнаго ученія Христова, они, чѣмъ долѣе продолжали пребывать въ

разобщенія, тѣмъ все болѣе уклонялись отъ истины. Попытки къ возсоединенію Церквей не могли увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ богословы спорили о предметахъ, правда, весьма существенныхъ и очень важныхъ, но сравнительно второстепенныхъ, а сущность дѣла, ученіе о существѣ Церкви, съ коего имъ надлежало начинать сближеніе христіанъ и христіанскихъ сообществъ, оставалось незатронутымъ ими и даже не понималось ими въ должной мѣрѣ. Незабвенный Алексѣй Степановичъ Хомяковъ—гигантъ мысли именно потому, что уразумѣлъ все это. По слову Самарина, онъ „выяснялъ и выяснилъ идею Церкви въ логическомъ ея опредѣленіи“ и вслѣдъ за симъ опредѣлилъ сущность католицизма и протестантизма въ ихъ основахъ.

„Насколько вѣрны и несокрушимы его опредѣленія, это отчасти видно изъ того, что онъ за 20—30 лѣтъ впередъ предугадалъ возведеніе папской непогрѣшимости въ римско-католическій догматъ.

„Вотъ причина, почему въ свое время предъ нимъ сложилъ свое оружіе Пальмеръ, — почему до сихъ поръ со стороны западныхъ богослововъ не послѣдовало отвѣтовъ на его полемическія брошюры,—и почему бороться съ его ученіемъ, какъ и продолжать его дѣло, могутъ лишь одни гиганты мысли“.

Закончивъ свой докладъ, отецъ Смирновъ передалъ слово мистеру Биркбеку, поблагодаривъ его за изданіе переписки Хомякова съ Пальмеромъ и пожелавъ ему возможно скорѣе напечатать въ англійскомъ переводѣ полемическія брошюры православнаго богослова.

Мистеръ Биркбекъ высказалъ приблизительно слѣдующее.

А. С. Хомяковъ, несомнѣнно, очень любилъ Англію и съ глубокимъ уваженіемъ относился къ ея дѣятелямъ, особенно трудившимся въ области философской и богословской науки. Проживъ въ Англіи всего лишь шесть недѣль, онъ прекрасно ознакомился съ нею и съ ея національными учрежденіями. Считая консерватизмъ основой ея жизни, онъ каждаго англичанина считалъ въ душѣ сторонникомъ партіи тори. Чтобы не оставаться голословнымъ, мистеръ Биркбекъ прочелъ выдержки изъ введенія къ своей книгѣ и изъ письма Хомякова объ Англіи.

Англію Хомяковъ посѣтилъ въ 1847 году. Въ Лондонѣ онъ почти ни съ кѣмъ не видался, но, затѣмъ, бывъ въ Оксфордѣ, гдѣ гостилъ у Пальмера, онъ познакомился со многими представителями англиканской богословской науки и въ разговорахъ съ ними имѣлъ случай уяснить себѣ черты характера англичанъ и отличительныя свойства государственной ихъ церкви.

Воззрѣнія Хомякова одновременно и широки, и глубоки,—но

прежде, и болѣе всего, они національны. Для подтвержденія своей мысли мистеръ Биркбекъ обратился, прежде всего, къ искусству, которое, по его словамъ, Хомяковъ признавалъ лишь настолько, насколько оно отвѣчало національнымъ требованіямъ. Къ Хомякову въ этомъ отношеніи очень близко подходилъ Раскинъ. Правда, Раскинъ настаивалъ не столько на національномъ, сколько на натуральномъ характерѣ искусства; тѣмъ не менѣе, если мы ближе всмотримся въ развитіе имъ своихъ взглядовъ, то убѣдимся, что подъ натурализмомъ въ искусствѣ онъ разумѣлъ то же, что Хомяковъ подразумѣвалъ подъ національизмомъ. Ихъ опредѣленія такъ близко походятъ одно на другое, что невольно зарождается мысль, будто они написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Тѣмъ же національнымъ характеромъ проникнуты воззрѣнія Хомякова и на церковь. Въ этомъ отношеніи къ нему очень близко подходитъ новый лондонскій епископъ Крейтонъ, который, какъ извѣстно, почитается глубокимъ сторонникомъ національизаціи церкви. Между ихъ воззрѣніями по сему предмету можетъ быть проводима замѣчательная параллель. Для доказательства своей мысли мистеръ Биркбекъ прочелъ выдержки изъ сочиненій Хомякова и проповѣдей епископа Крейтона.

Къ сожалѣнію, двѣ интересныя параллели: между Хомяковымъ и Раскинымъ и имъ же и Крейтономъ по недостатку времени не могли быть развиты съ должною обстоятельностію; онѣ только лишь были намѣчены.

Затѣмъ, рѣчь была предоставлена спеціальному корреспонденту *Новаго Времени* Г. С. Веселитскому-Божидаровичу. Помянувъ добрымъ словомъ многихъ учениковъ и сподвижниковъ Хомякова, изъ коихъ нѣкоторыхъ онъ знавалъ лично, онъ также обратилъ вниманіе на расположеніе какъ самого Хомякова, такъ и славянофиловъ вообще къ Англіи. Оно имѣло чрезвычайно важное значеніе на разработку ихъ политическихъ воззрѣній. Англія служила какъ бы противовѣсомъ Германіи и Франціи въ томъ вліяніи, которое шло въ Россію изъ западной Европы. Въ политику славянофилы привносили идеи, благопріятствовавшія миру, и постоянно были сторонниками глубокаго уваженія къ правамъ національности.

Рѣчь эта, конечно, должна была понравиться англичанамъ и въ особенности предсѣдателю засѣданія серу Дональду Маккензи

Воллэсу, стоящему нынѣ, какъ мы уже сказали, во главѣ политическаго отдѣла въ газетѣ *Times*.

Послѣ рѣчи г. Веселитскаго-Божидаровича, произнесенной на англійскомъ языкѣ, пожелалъ сказать нѣсколько словъ о Хомяковѣ президентъ Англо-русскаго Литературнаго Общества, Э. А. Казалетъ. Его небольшая англійская рѣчь не имѣла самостоятельности; она была заимствована изъ „Очерка Русской Литературы“ профессора А. Милюкова. Вотъ что говорилъ онъ: Хомяковъ не только поэтъ народной жизни, но и бардъ панславизма, проповѣдующій братство славянскихъ племенъ подъ главенствомъ Россіи. Онъ вѣритъ въ ихъ жизненную силу и великое будущее призваніе, а также въ ихъ возрожденіе, которое наступитъ тогда, когда будетъ положенъ конецъ чрезмѣрному чужеземному вліянію, и когда прекратится ихъ собственная племенная вражда. Поэтъ думаетъ, что всѣ племена сольются въ общемъ семейномъ союзѣ, какъ „родные братья, дѣти одной матери“ и, конечно, даетъ въ немъ главную и капитальную роль Россіи, въ которой должны слиться, какъ въ морѣ, всѣ струи славянскихъ народностей. Въ ея груди, по выраженію поэта, „есть свѣтлый ключъ, къ которому съ духовной жаждой соберутся народы“. Къ Россіи обращается онъ съ призывомъ на подвигъ, который она должна совершить на славу всего славянскаго міра и на пользу человѣчества. Нужны не сила и оружіе, а правда и духовное единство любви. Русскій народъ долженъ, говоритъ онъ, отрѣшиться отъ самообольщенія, отъ духа вражды и апатіи, долженъ „омыть себя водой покаянія и съ душой колѣнопреклоненною исцѣлить елеемъ плача раны растлѣнной совѣсти“. Онъ вѣритъ въ силу международной любви и въ этой идеѣ почерпаетъ свои выразительные образы и краски. Иногда онъ представляетъ Россію въ чертахъ свѣтлыхъ, а въ другое время рисуетъ ее въ мрачныхъ краскахъ, напоминающихъ суровыя обличенія пророковъ, громившихъ заблудшійся и погрязшій въ грѣхахъ народъ.

Въ сущности Хомяковъ выражаетъ ту идею, что въ русскомъ народѣ таятся свѣжія и здоровыя силы, которыя при развитіи могутъ дать основы высокой жизни, правды и добра; но онѣ будто бы заглушены ходомъ историческихъ обстоятельствъ и наплывомъ чужой цивилизаціи. Отъ этого въ поэзіи Хомякова видно то смиренное приниженіе личности, сознающей свою слабость и пороки, то гордость народа, считающаго себя сосудомъ, въ

которомъ таятся всѣ духовныя сокровища и надежды человѣчества на будущее счастіе. Отсюда возникаетъ у него мысль о разложеніи западной Европы. Эпоха ея могущества, славы, науки и искусства уже минула и болѣе не воротится. Онъ говоритъ о Западѣ, какъ о чемъ-то умершемъ, но только еще не погребенномъ, и ждетъ обновленія отъ смиреннаго Востока, хотя „полнаго лѣни и неправды", но таящаго въ себѣ „ключъ живой вѣры" и новаго болѣе высшаго существованія. Онъ предсказываетъ разрушеніе Европѣ и прежде всего „коварному Альбіону", который, несмотря на свое могущество и богатство, „скрывъ въ груди предсмертный стонъ, уже дрожитъ надъ бездной"...

Религіозныя воззрѣнія, вѣра и любовь къ православію и Россіи, составляютъ основу его ученія и философіи.

Въ русскомъ народѣ, по мнѣнію Хомякова, таятся зародышъ и залогъ для осуществленія міровой Христіанской общины.

При всемъ сомнѣніи относительно практичности его поэтической теоріи, надо признать въ немъ человѣка прямодушнаго и искренняго, мало оцѣненнаго въ Россіи и того менѣе за границей.

Рѣчь досточтимаго президента Англо русскаго Литературнаго Общества, какъ мы сказали выше, не имѣетъ самостоятельности; она цѣликомъ воспроизводитъ мнѣніе о Хомяковѣ профессора русской литературы А. Милюкова, пора дѣятельности котораго сводилась къ 60 годамъ, т. е. къ той эпохѣ, когда у насъ въ Россіи славянофильство еще не было оцѣнено по достоинству и когда къ его представителямъ относились съ предубѣжденіемъ, подозрительностью и даже нѣкоторою ироніей. Но съ того времени много воды утекло. За послѣднія 30 лѣтъ Россія, благодаря многимъ причинамъ, среди коихъ славянофильству принадлежитъ далеко не послѣдняя роль, совершенно переродилась. Самосознаніе славянофиловъ стало нынѣ самосознаніемъ всѣхъ лучшихъ сыновъ Россіи. Если бы недавно скончавшемуся профессору пришлось характеризовать дѣятельность А. С. Хомякова въ 90 годахъ, то онъ едвали бы очертилъ ее штрихами 60 годовъ; онъ, навѣрное, взглянулъ бы на нее глазами человѣка современнаго. Словомъ, для современной оцѣнки А. С. Хомякова профессоръ Милюковъ не авторитетъ.

Закрывая засѣданіе, Серъ Д. Маккэнзи Воллэсъ выразилъ сердечную благодарность всѣмъ докладчикамъ и ораторамъ, взявшимъ на себя трудъ познакомить сочленовъ Англо-русскаго

Литературнаго Общества съ жизнью, трудами и воззрѣніями А. С. Хомякова. Выразивъ удовольствіе, что ему пришлось предсѣдательствовать на интересномъ собраніи, онъ сказалъ, что въ Англіи общественное мнѣніе стало за послѣднее время замѣтно видоизмѣнять свои отношенія къ славянофиламъ и признавать ихъ серьезныя заслуги. О себѣ самомъ, — говорилъ онъ,—могу сказать, что я преклоняюсь предъ талантами и высоконравственною личностію г. Хомякова.

Нужно ли говорить здѣсь, что для насъ—русскихъ, заброшенныхъ на чужбину, это засѣданіе въ Англо-русскомъ Литературномъ Обществѣ было истиннымъ утѣшеніемъ?

Е. К. С.

НЕРАВНЫЙ БРАКЪ.

Повѣсть Ф. Эвартъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго Ольги Прибытковой).

Тихій, ясный осенній день конца сентября. Чистое, безъ малѣйшаго облачка, темно-синее небо красивыми пятнами отражается на гладкой, точно зеркальной поверхности воды, между ярко-желтою, красною и темно-зеленою листвой растущихъ на высокомъ берегу кленовъ, елей и сосенъ, которыя задумчиво склонились надъ прозрачною и лишь изрѣдка мѣстами бурлившею по каменистому дну рѣкой.

На правомъ берегу вѣтви доходятъ до самой воды, а между ними точно застряла частыми рядами осока, и камышеобразные стебли тихо колышатся отъ движенія воды. Кое-гдѣ красиво выдѣляются синія незабудки на прибрежной, еще зеленой отъ болотистой подпочвы травѣ.

Въ одномъ мѣстѣ деревья разступились, и могучая высокая скала гордо вдвинулась въ самое русло рѣки. Лентой огибая гордый утесъ, изъ мшистой лѣсной глуши скромно выливается другая небольшая рѣчка, съ такою прозрачною водой, что на днѣ можно ясно разглядѣть каждый камушекъ и водоросль; направо и налѣво—мхи и кустарники, надъ ними высокія могучія ели, а еще выше, на самой вершинѣ скалы—развалины какого-то замка. Кругомъ все тихо, только изрѣдка какой-то точно радостный крикъ водяного дрозда, задѣвающаго своими крыльями воду, да плесканіе форелей въ погонѣ за насѣкомыми, нарушаютъ величественную тишину лѣса. Красивыя стрекозы, переливая на солнцѣ своими пестрыми крылышками, вьются надъ ярко освѣщенными мѣстами, другія цѣпляются за тонкіе травяные стебли; пышные, широкіе листья папоротника прячутся въ тѣни большихъ деревьевъ.

Дѣтская фантазія часто рисуетъ себѣ подобныя, уединенныя, окруженныя какою-то сказочною поэзіей, мѣста. Вблизи нѣтъ ни проѣзжей дороги, ни мельницы съ ея вѣчною трескотней; только узкая тропинка вьется по лѣвому берегу, мѣстами теряется въ темной лѣсной глуши, наконецъ совсѣмъ исчезаетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ скалы близко подходятъ къ водѣ и какъ бы поглощаютъ эту скромную лѣсную тропу.

Въ сторону отъ устья маленькой рѣчки, съ болѣе отлогаго ската-откоса начинается долина. Высокіе могучіе клены своимъ яркимъ осеннимъ нарядомъ нѣсколько разнообразятъ суровую картину. За каждымъ изъ этихъ исполиновъ виденъ заботливый уходъ тѣхъ же невидимыхъ рукъ, красиво направившихъ изгибы тропинки и умѣло расчистившихъ лѣсную чащу. Тутъ ничего не сажали, а только щадили, и за всѣмъ чувствовался художественный и опытный присмотръ. Лежавшій поперекъ дороги огромный, обросшій мохомъ обломокъ скалы заботливо обошли тропинкой и не тронули съ мѣста, а умирающія вѣтви вѣковаго дерева оплели вьющимся плющемъ. Тутъ еще чувствовалась таинственная лѣсная глушь, охраняемая умѣлою и любящею рукой.

На защищенномъ отъ вѣтра мѣстечкѣ пріютилась удобная скамейка. Теперь на ней сидѣла въ нѣсколько небрежной позѣ немолодая, но все еще красивая женщина. Бѣлыя нити уже серебрили ея густые черные волосы, но глаза не утратили прежняго блеска, красиво очерченный ротъ улыбался, отъ всей ея фигуры вѣяло умомъ и энергіей. Она, очевидно, привыкла властвовать и побѣждать. Величественнымъ жестомъ королевы подала она руку своему спутнику, который взволнованно, но почтительно поцѣловалъ ее.

— Позвольте васъ благодарить за все, за все,—говорилъ онъ,—благодарить за прошедшее, настоящее и будущее; вы дали смыслъ моей жизни, отлили ее въ желаемую форму. Незрѣлому еще юношѣ вы дали все то, что онъ могъ найти у такой высоко-одаренной женщины; теперь вы скрашиваете мою одинокую жизнь и отдаете мнѣ чудное молодое существо, которое я завтра назову своимъ, и всѣмъ этимъ счастьемъ я обязанъ исключительно вамъ!

— Вы слишкомъ преувеличиваете, другъ мой; при нашей давнишней дружбѣ, мы одинаково обязаны другъ - другу. Если я когда и руководила вами, то теперь уже давно мы помѣнялись ролями. А вспомните, сколько разъ я, одинокая женщина,

нуждалась въ совѣтахъ и поддержкѣ сильнаго и энергичнаго мужчины! Кто всегда готовъ былъ помочь мнѣ, и въ комъ я находила неизмѣнную надежную опору?

— А что бы я былъ безъ васъ,—съ жаромъ прервалъ онъ ее,—если бы вы не руководили моимъ умомъ, моею энергіей безъ всякой опредѣленной цѣли?

Она, казалось, не обратила вниманія на его слова и продолжала:

— А что касается Магды, то развѣ вы не помогали мнѣ воспитывать ее для себя? не вмѣстѣ ли мы радовались ея развитію? Я увѣрена, что вы и въ будущемъ сумѣете, какъ это намъ до сихъ поръ удавалось, устранить отъ нея малѣйшее горе. Сдѣлайте Магду счастливою, это вѣдь такъ легко! Она будетъ прекрасною хозяйкой, ея веселая и привязчивая натура достаточно глубока, чтобы слѣдовать за вами издалека и не стѣснять широкихъ полетовъ вашей энергіи. Да, еще одно! не забудьте, что Магда молода, пускай она будетъ всегда весела, довольна и счастлива! Вѣрьте моему опыту старой, уже почти прожившей свою жизнь женщины!

Наступило минутное молчаніе, послѣ котораго она спросила его уже обычнымъ свѣтскимъ тономъ:

— Вы когда думаете вернуться, Германъ?

Онъ тоже уже справился съ своимъ слегка дрожавшимъ отъ волненія голосомъ:

— Вы знаете, что съ тѣхъ поръ, какъ мои избиратели засадили меня въ парламентъ, я уже не свободный человѣкъ. Засѣданія начнутся въ концѣ октября, и я долженъ быть готовъ къ ожесточеннымъ преніямъ. Боюсь, что Магдѣ много прилется сидѣть одной, и она, пожалуй, соскучится по своемъ лѣсѣ, замкѣ, да и по своей мамѣ.

— Магдѣ надо еще многому поучиться въ новой жизни, и пусть она побудетъ одна. Пойдемте теперь къ дѣтямъ! становится уже свѣжо, да и вы слишкомъ серьезны, что вовсе не полагается жениху.

Она встала, взяла своего спутника подъ-руку, и они медленно стали подниматься по тропинкѣ. Онъ часто и внимательно склонялся къ ней всею своею высокою мужественною фигурой, и разговоръ продолжался тѣми по виду незначительными полусловами, которыя между близкими людьми иногда болѣе понятны, чѣмъ самыя длинныя фразы. Тропинка вела красивыми извилинами въ глубину уже темнѣющаго лѣса и доходила до края

глубокаго обрыва, откуда открывался чудный видъ на окрестности.

Передъ глазами растянулась необозримая долина, утопающая въ лучахъ заходящаго солнца. Далеко, далеко тянулись поля, идущія по слегка волнистой почвѣ, и гдѣ-то тамъ на горизонтѣ къ сѣверу замыкались цѣпью синѣющихъ горъ... Въ сторонѣ пріютилась небольшая деревушка, вся утопая въ зелени фруктовыхъ деревьевъ; повсюду вились полевыя дороги, по которымъ тянулись тяжелыя рабочія повозки, по направленію къ стоявшимъ на почтительномъ разстояніи отъ замка хозяйственнымъ постройкамъ. А самъ-то замокъ! какъ гордо возвышался онъ на горѣ между цвѣтущею долиной и тихимъ вѣковымъ паркомъ.

Тропинка вела теперь между лугами къ длинной липовой аллеѣ, идущей почти отъ самыхъ широко открытыхъ воротъ замка, откуда доносились веселые, оживленные голоса. Между липами уже виднѣлась расчищенная площадка для лаунъ-тениссъ, и фрау ванъ-деръ-Фельде съ улыбкой обернулась къ своему спутнику:

— Вы видите, Германъ, что дѣти еще играютъ, но этому надо положить конецъ, а то Магда слишкомъ утомится.

Баронъ Тернбергъ внимательно посмотрѣлъ на играющихъ и ускорилъ шагъ. На площадкѣ ихъ уже успѣли замѣтить, и игра пошла еще живѣй: шары такъ и мелькали черезъ сѣтку, поминутно раздавались радостные крики, и вскорѣ одинъ восторженный возгласъ возвѣстилъ побѣду и окончаніе партіи. Отъ кучки играющихъ отдѣлилась молодая, стройная дѣвушка въ блѣдно-голубомъ платьѣ и съ ракеткой въ рукахъ поспѣшила на встрѣчу идущимъ. Это былъ миньятюрный сколокъ приближавшейся спокойнымъ и увѣреннымъ шагомъ фрау ванъ-деръ Фельде. Тѣ же тонкія черты лица, тѣ же чудные, черные волосы, обрамлявшіе изящной формы голову, открывая такія же маленькія ушки; но тутъ глаза были свѣтлые съ какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ, и въ улыбкѣ просвѣчивало нѣчто удивительно симпатичное и привѣтливое. Мать оставила руку барона, кивнула головой дочери и пошла дальше со словами:

— Мнѣ пора домой, вѣдь вы тоже скоро придете?..—

Магда быстрымъ движеніемъ поцѣловала кончики ея пальцевъ и, казалось, намѣревалась вернуться къ играющимъ; но Германъ взялъ ее подъ руку, слегка провелъ пальцемъ по ея пылающей щекѣ и проговорилъ:

— Какъ ты разгорячилась, Магда, смотри не схвати насморка на дорогу!

— Нѣтъ!—весело отвѣтила молодая дѣвушка. Позволь мнѣ еще поиграть, вѣдь это въ послѣдній разъ, и какъ надолго ужь теперь! Это вѣдь такъ весело! Пойдемъ туда, и ты поглядишь на нашу игру, а мнѣ непремѣнно хочется выиграть еще партію.

Развѣ можно было устоять противъ этихъ милыхъ дѣтскихъ глазокъ? Скоро игра возобновилась, и Германъ, слѣдя глазами за стройною и граціозною фигурой своей невѣсты, невольно любовался ею и думалъ:

„Она еще ребенокъ, но какой чудный и милый ребенокъ!“

Молодыхъ обвѣнчали, и къ подъѣзду уже подали легкую изящную коляску, въ которой они должны были доѣхать до ближайшей станціи желѣзной дороги. Во дворѣ собралась вся многочисленная прислуга замка, чтобы проводить „барышню“ или „молодую баронессу“, какъ, говоря про Магду, поспѣшила поправиться вѣжливая выдресированная горничная.

И вотъ они уже спускались по широкой лѣстницѣ: впереди шла Магда подъ руку съ матерью, а за ними, съ серьезнымъ, задумчивымъ выраженіемъ лица, не спѣша, слѣдовалъ баронъ. Гости всѣ уже въ залѣ простились съ молодыми, не желая быть помѣхой при ихъ прощаніи съ матерью.

Какимъ чуднымъ пріятнымъ сномъ промелькнулъ передъ Германомъ, когда онъ шелъ садиться въ экипажъ, весь сегодняшній день! Какъ мило сумѣла все устроить эта единственная въ своемъ родѣ женщина! Онъ такъ и видѣлъ передъ собою уютную, угловую комнату, гдѣ они завтракали втроемъ передъ вѣнчаніемъ. Какъ тонко, трогательно и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренно обрисовала она будущія отношенія между собой и молодыми.

Потомъ она увела Магду и оставила его одного; уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ того раздался звонъ колокола часовни замка, и, вопреки всякому обычаю, эта красивая величественная женщина въ дорогомъ темномъ платьѣ сама повела дочь къ алтарю и поставила рядомъ съ будущимъ ея мужемъ.

Никогда Магда не была такъ дивно хороша, какъ въ этомъ небываломъ для нея и удивительно шедшемъ къ молодой дѣвушкѣ подвѣнечномъ нарядѣ. Она стояла рядомъ съ нимъ задумчивая и прекрасная. Потомъ слѣдовалъ веселый обѣдъ, и Магда, его жена, съ восторгомъ, чисто по-дѣтски, принимала поздравленія родныхъ и многочисленныхъ гостей. Какъ остроумно и весело пила за здоровье молодыхъ и фрау ванъ-деръ-Фельде, какъ ярко горѣло осеннее солнце, освѣщая точно ска-

зочнымъ свѣтомъ покрытый серебромъ и цвѣтами столъ! И вотъ сказка обращалась въ дѣйствительность, и Магда стала его женой.

Онъ поднялъ глаза: она рыдала на плечѣ у матери,—ея коснулось первое горе разлуки. Фрау ванъ-деръ-Фельде ни на минуту не потеряла самообладанія, она еще разъ поцѣловала плачущую дочь, помогла ей сѣсть въ экипажъ и подала Герману руку.

— Будьте здоровы и счастливы!

Онъ вскочилъ въ коляску и еще разъ перегнулся къ уважаемой имъ матери.

— Позаботься о цвѣтѣ ея лица, она всегда забываетъ надѣвать вуаль.

Лошади тронули—и Магда вступила въ новую, чуждую ей жизнь.

Баронъ Тернбергъ былъ единственнымъ сыномъ своихъ рано умершихъ родителей, оставившихъ его почти безъ средствъ на попеченіе довольно богатыхъ родственниковъ. Онъ отличался еще въ университетѣ своими блестящими способностями и разносторонними, дѣйствительно основательными знаніями, и вскорѣ передъ нимъ, какъ передъ наслѣдникомъ стариннаго уважаемаго имени, раскрылись всѣ двери въ лучшіе слои общества. Родственники поддерживали его болѣе нравственно, чѣмъ матеріально, а избранная имъ дипломатическая карьера скоро обогатила его разносторонними знаніями странъ и людей, которыя онъ перерабатывалъ своимъ здравымъ и острымъ умомъ, а потомъ уже примѣнялъ на дѣлѣ. Онъ скоро совершенно уклонился отъ избитаго типа аташе при посольствѣ, занимался политическими науками, увлекался политическою экономіей и сумѣлъ обратить, повидимому, пустую и незанятую жизнь, губящую столькихъ молодыхъ людей, въ серьезную школу для ума и характера, пройдя которую, онъ оказался всесторонне подготовленнымъ ко всякимъ жизненнымъ сюрпризамъ. Еще бывши юношей, онъ познакомился съ фрау ванъ-деръ-Фельде въ Парижѣ, куда она привезла лѣчить своего тяжко больного мужа. Ему пришлось помочь ей въ различныхъ встрѣтившихся въ незнакомомъ городѣ затрудненіяхъ, что́ ему, какъ аташе при посольствѣ, было очень легко. Онъ скоро сдружился съ семьей своихъ соотечественниковъ, и увидѣлъ, что получаетъ гораздо больше пользы, чѣмъ приноситъ самъ.

Богато одаренная натура фрау ванъ-деръ-Фельде производила

на всѣхъ, кто соприкасался съ нею, какое-то неотразимое впечатлѣніе. Красивая, умная, молодая женщина, не удовлетворенная жизнью, замкнутая по воспитанію и убѣжденію въ строгія, ограниченныя обычаемъ и нравственными понятіями, рамки, она походила на какой-то вулканъ, изверженія котораго можно было ожидать каждую минуту; тутъ постоянно тлѣла готовая воспламениться искра, вспыхивала и вновь пропадала, чтобы неожиданно появиться при совершенно иныхъ обстоятельствахъ. Германъ всегда былъ насторожѣ со всѣми женщинами; онъ слишкомъ привыкъ относиться ко всему критически, предъявлялъ черезчуръ большія умственныя требованія, былъ достаточно разсудителенъ, холоденъ и эгоистиченъ, чтобы находить удовольствіе въ мимолетныхъ и легкихъ любовныхъ интригахъ. Въ этой молодой женщинѣ онъ встрѣтилъ все то, чего тщетно искалъ въ другихъ, да къ тому же ея строгое положеніе замужней женщины было желаемою рамкой для картины. Въ предѣлахъ этой рамки они очень свободно относились другъ къ другу.

Она наложила послѣдніе штрихи на его воспитаніе, что́ столь свойственно матерямъ и лишь изрѣдка удается женамъ; ея вліяніе на характеръ Германа было безгранично. Когда умеръ мужъ, то маленькая Магда явилась нейтральною почвой, утраченною было съ новымъ положеніемъ вдовы, и все пошло снова по старому, дружба поддерживалась и во время обязательныхъ по службѣ отлучекъ барона.

Между тѣмъ его матеріальное положеніе сразу измѣнилось къ лучшему, и изъ небогатаго человѣка, послѣ смерти двухъ родственниковъ, онъ сталъ владѣльцемъ большихъ маіоратныхъ имѣній. Баронъ оставилъ службу и съ присущимъ ему серьезнымъ отношеніемъ ко всякому дѣлу принялся хозяйничать, не упуская однако изъ виду и политики. Вскорѣ его избрали представителемъ своего сословія въ парламентѣ. По какой-то особой счастливой случайности, кругъ его дѣятельности всегда совпадалъ съ его склонностями и дарованіями; онъ баллотировался, получилъ желаемое число голосовъ и могъ выступить на поприще общественной дѣятельности. Фрау ванъ-деръ-Фельде переживала съ нимъ вмѣстѣ всѣ эти перепетіи,—они оказались сосѣдями по имѣнію, и, при ежедневныхъ свиданіяхъ, онъ привыкъ обсуждать съ ней всѣ свои планы. Она подстрекала его самолюбіе; по ея мнѣнію, онъ долженъ былъ непремѣнно достичь того положенія, которое она для него намѣтила, и занять

высокій отвѣтственный постъ на виду у всѣхъ, гдѣ бы внѣшній блескъ оттѣнилъ, наконецъ, его внутреннія достоинства.

Сама она уже нѣсколько лѣтъ совершенно удалилась отъ общества. Слишкомъ гордая и избалованная, чтобы удовлетворяться второю ролью, она была достаточно умна и отлично понимала, что одинокая женщина лишь съ большимъ трудомъ и жертвами можетъ достичь первой роли, а потому предпочитала царить у себя въ замкѣ и окрестностяхъ. И тутъ въ этомъ маленькомъ неограниченномъ владѣніи она охотно принимала своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, пріѣзжавшихъ къ ней изъ столицы, чтобы полюбоваться дѣйствительно чуднымъ видомъ изъ угловой комнаты замка и снова поддаться вліянію богато-одаренной натуры фрау ванъ-деръ-Фельде.

При общительности деревенской жизни она привыкла интересоваться буквально всѣми поприщами человѣческой дѣятельности. Ко всѣмъ людямъ она относилась одинаково любезно и привѣтливо; къ ней шли за совѣтами; никто не умѣлъ такъ, какъ она, ободрить, возбудить энергію; она всегда старалась, чтобы кругомъ нея всѣмъ было весело и пріятно.

Искусный художникъ всегда старается поставить свою модель такъ, чтобы освѣщеніе и обстановка выгодно выдвигали всѣ красивыя линіи, оставляя въ тѣни лишь то, что можетъ повредить хорошему впечатлѣнію. По большей части, все то, что кажется простою счастливою случайностью, есть высшая точка искусства и самый тонкій разсчетъ на бьющій въ глаза эффектъ, въ родѣ, напримѣръ, удачнаго освѣщенія волосъ, какого-нибудь полусвѣта на шеѣ, затылкѣ и т. д. Фрау ванъ-деръ-Фельде совершенно не умѣла владѣть кистью, но, не занимаясь спеціально никакимъ искусствомъ, была одарена способностью все входящее въ ея жизнь ставить тотчасъ же на выгодно избранное ею мѣсто и всему важному, какъ и самому ничтожному, давать свою опредѣленную цѣль. Она была какъ бы зажигательнымъ стекломъ, собирающимъ въ себѣ всѣ лучи, и, окруженная яркимъ блескомъ, изображала собою солнце своего маленькаго кружка.

Магда росла счастливо и скромно въ тѣни этого свѣтила, ничуть однако не подозрѣвая, что ея собственная прелесть и грація станутъ съ теченіемъ времени болѣе чѣмъ фономъ для созрѣвшей красоты фрау ванъ-деръ-Фельде, бывшей для нея вмѣстѣ съ Германомъ идеаломъ всего хорошаго, умнаго и добраго.

Мало общаясь съ подходящею ей по возрасту молодежью, она смотрѣла съ какимъ-то даже благоговѣньемъ на мать и барона.

И хотя эта послѣдняя давно уже порѣшила съ Тернбергомъ, что Магда станетъ его женой, молодая дѣвушка все еще продолжала относиться къ обоимъ какъ ребенокъ къ взрослымъ людямъ. Германъ постепенно старался отвыкнуть отъ наставительнаго отеческаго тона, но и перейти на другой было вовсе не такъ-то легко. Магда слишкомъ ужъ привыкла, чтобъ ее бранили и хвалили какъ подростка, и потому перемѣна въ отношеніяхъ барона совершенно выбила ее изъ колеи. Фрау ванъ-деръ-Фельде пришлось самой выяснять все дѣло и сообщить дочери желаніе барона на ней жениться.

И какое настало чудное время для молодой дѣвушки! Ей сказали, что она станетъ женой Германа. Какая однако у нея прелестная мама! Какъ все хорошо и счастливо складывается въ жизни! Теперь она поняла, почему Германъ сдѣлался за послѣднее время такимъ снисходительнымъ, начиналъ съ ней серьезные разговоры и часто по вечерамъ послѣ чая она оставалась посидѣть съ нимъ и мамой. Значитъ, она болѣе не ребенокъ, имѣетъ право принимать участіе въ жизни взрослыхъ людей и отъ нея вполнѣ зависитъ дать свое согласіе или нѣтъ.

Какъ снисходительно улыбалась фрау ванъ-деръ-Фельде, когда баронъ явился съ офиціальнымъ предложеніемъ, и она подвела ему сконфуженную Магду, вскорѣ смущенно бросившуюся въ объятія матери. И вотъ, сидя въ глубокомъ креслѣ съ Магдой у своихъ ногъ на скамейкѣ, она начала обсуждать съ Германомъ ихъ будущую жизнь.

И какъ ясно и счастливо развертывалась она передъ Магдой!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф. Эвартъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

---

1) Изъ воспоминаній о Константинѣ Николаевичѣ Леонтьевѣ.

Читая иногда заглавіе какого либо романа, печатаемаго въ фельетонахъ мелкой московской прессы съ особеннымъ почему-то подчеркиваніемъ, что это романъ „изъ московской современной хроники“ или „изъ московской жизни“, я невольно вспоминаю одинъ грустный фактъ, котораго мнѣ пришлось быть очевидцемъ. Хотя фактъ этотъ случился уже болѣе 17 лѣтъ тому назадъ, но мнѣ думается, что то же самое можетъ происходить и теперь.

Прежде чѣмъ разсказать объ этомъ случаѣ, мнѣ необходимо начать съ воспоминанія о моемъ случайномъ знакомствѣ съ извѣстнымъ писателемъ-славянофиломъ, бывшимъ сначала нашимъ консуломъ на Востокѣ, а во время моего знакомства съ нимъ московскимъ цензоромъ, Константиномъ Николаевичемъ Леонтьевымъ, авторомъ извѣстной книги „Востокъ, Россія и Славянство“ и цѣлой серіи повѣстей и разсказовъ, изданныхъ потомъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ жизни христіанъ въ Турціи“.

Это былъ въ полномъ смыслѣ слова оригинальный человѣкъ. Вспыльчивый до невозможности, но всегда правдивый, любившій правду и видѣвшій ее во всѣхъ проявленіяхъ, Константинъ Николаевичъ, въ случаѣ замѣченной несправедливости, не останавливался ни передъ чѣмъ и дѣйствовалъ напроломъ, иногда жертвуя прямыми своими интересами.

Первая моя встрѣча съ нимъ произошла довольно забавно. Находясь временно, въ ожиданіи вакансіи на должность вольнонаемнаго писца, въ канцеляріи Московскаго цензурнаго комитета, я однажды утромъ сидѣлъ за спискомъ періодическихъ изданій. То и дѣло хлопали дверями разные „книжники“ и „фа-

рисеи", какъ мы называли представителей Никольской литературы. Вдругъ въ канцелярію влетаетъ кто-то, одѣтый въ шубу, съ довольно потертымъ, не то куньимъ, не то лисьимъ воротникомъ, укутанный громаднымъ шарфомъ, и, не снимая шапки, порывисто спрашиваетъ:

— Могу я видѣть Евгенія Алексѣевича? [1].

Изъ незатворенныхъ дверей канцеляріи и корридора подъ ноги мнѣ такъ и валило холодомъ зимы.

Взглянувъ на страннаго посѣтителя съ небольшою русоватою бородкой и подстриженнаго, по казачьи, въ скобку, я ни чуть не сомнѣвался, что вижу передъ собою одного изъ Никольскихъ „книжниковъ", и съ юношескимъ задоромъ вмѣсто отвѣта выпалилъ:

— А вы, батенька, двери-то раньше затворите, вѣдь здѣсь не кабакъ!

— Ишь ты, шустрый какой,—добавилъ я вслѣдъ ему, когда онъ со словами: „Виноватъ... Сейчасъ"... бросился затворять двери.

— Давно бы такъ,—встрѣтилъ я возвратившагося въ канцелярію посѣтителя.

Но тутъ мнѣ пришлось очень покраснѣть за свою неловкость, когда послѣдній подалъ свою визитную карточку, на которой стояло: „Редакторъ *Варшавскаго Дневника*, статскій совѣтникъ Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ".

Я вспыхнулъ до корней волосъ.

Назначеніе и утвержденіе Константина Наколаевича Московскимъ цензоромъ давно уже лежало у насъ въ канцеляріи, и мы со дня на день ожидали его пріѣзда.

— Виноватъ... ваше.. превосходительство,—едва могъ выговорить я отъ стыда, вставая.

— Давно-бы такъ,—повторилъ мои слова съ усмѣшкой Константинъ Николаевичъ.—Ваше имя, молодой человѣкъ? и, когда я сказалъ, добавилъ, подавая мнѣ руку:—будемъ знакомы.

Черезъ нѣсколько дней я былъ принятъ у него какъ родной и ходилъ къ нему каждый вечеръ переписывать черновыя рукописи. Писалъ Константинъ Николаевичъ, къ слову сказать, очень неразборчиво, такъ что иногда нѣкоторыя слова въ своихъ рукописяхъ положительно отказывался разбирать и самъ, замѣняя ихъ другими.

---

[1] Е. А. Кожухова, бывшаго въ то время предсѣдателемъ М. Ц. К. и умершаго года три тому назадъ.

Квартира его находилась тогда на Новинскомъ бульварѣ, близъ Смоленскаго рынка, гдѣ онъ занималъ отдѣльный очень большой барскій флигель, хотя вся семья его состояла лишь изъ него и его жены.

Большинство комнатъ почти не имѣло никакой мебели, а въ большой залѣ положительно не видно было ни одного стула, и она служила лишь мѣстомъ прогулокъ Константина Николаевича, когда онъ, обдумывая какое-либо сочиненіе, расхаживалъ по ней изъ угла въ уголъ часа по два. Дома онъ одѣвался всегда въ русскій казакинъ и длинные сапоги.

Во время письменныхъ работъ Константинъ Николаевичъ запирался въ кабинетѣ на ключъ, и никакая экстренность, никакой посѣтитель—не могли вызвать его оттуда, такъ что иногда онъ не дѣлалъ исключенія даже и для уважаемаго имъ М. Н. Каткова. Онъ волновался, если къ нему стучали, и кричалъ, что если бы даже явился къ нему отецъ съ того свѣта, то онъ и то не отопретъ.

— Хоть горите тамъ!—доносился изъ-за двери его тонкій, громкій голосъ.

Религіозенъ Константинъ Николаевичъ былъ въ высшей степени, такъ что почти не пропускалъ ни одной ранней обѣдни, и всегда, когда я приходилъ въ воскресенье, первый вопросъ, которымъ онъ встрѣчалъ меня, былъ:

— А вы были сегодня у ранней? Молитесь, а то постучитъ Богъ въ голову, тогда узнаете! Меня ужъ постучалъ. Я тоже раньше ни въ Бога, ни въ чорта не вѣрилъ... Да вотъ куцую куртку-то сняли бы, да бабьи башмаки. Надѣли бы длинные сапоги, да казакинъ,—на что лучше? Вѣдь вы русскій?

— Неловко, Константинъ Николаевичъ,—оправдывался я.

Но онъ, не давая докончить, перебивалъ:

— Что? Неловко? Ну, ужъ это неправда! И ходить легче и работать лучше.

— Да вѣдь всѣ такъ носятъ,—не унимался я.

— Ну, и пускай ихъ носятъ, а вамъ-то зачѣмъ?

Однажды, въ минуты хорошаго расположенія духа Константина Николаевича, я осмѣлился спросить его, какъ это „постучалъ его Богъ въ голову“ (признаться эта мысль меня давно преслѣдовала). Но онъ не далъ положительнаго отвѣта, а лишь вкратцѣ разсказалъ мнѣ свою жизнь, какъ онъ, послѣ четырехлѣтняго пребыванія на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета, поступилъ военнымъ врачемъ въ Крымъ (во время

войны), „не вѣря ни въ Бога, ни въ чорта", затѣмъ, оставивъ эту службу, былъ назначенъ консуломъ въ греческія провинціи Турціи, оставаясь въ томъ же невѣріи. „Вотъ тутъ-то Онъ меня и постучалъ",—добавилъ онъ, не разъясняя подробнѣе сути дѣла.

Послѣ этого „стука" въ голову Константинъ Николаевичъ, бросивъ консульство, въ одну прекрасную ночь исчезъ безслѣдно, — и, несмотря на самые энергическіе поиски, не могъ быть отысканъ. Думали сначала, что его убили турки. Но Константинъ Николаевичъ оказался на Аѳонѣ, въ одномъ изъ монастырей, гдѣ и пробылъ болѣе года, и затѣмъ такъ же нежданно явился въ мірѣ, какъ и исчезъ изъ него [1].

Видимо, очень красивая въ молодости, смуглая крымская гречанка, жена К. Н. была въ мое время весьма оригинальная женщина и порой совершенно ребенокъ. Иногда она продѣлывала странныя вещи. Такъ, напримѣръ, однажды она продала татарину за 1 р. 50 к. шитый золотомъ мундиръ К. Н. со всѣми на немъ орденами и поѣхала къ кондитеру Фельшъ на Арбатѣ, чтобы купить себѣ фунтъ конфектъ. Едва могли разыскать этого татарина и возвратить мундиръ обратно, а въ этотъ день Константинъ Николаевичъ долженъ былъ представляться генералъ-губернатору. К. Н. долго смѣялся этому и говорилъ, что ему едва не пришлось представляться въ русской поддевкѣ.

Но обратимся къ началу нашего разсказа, такъ какъ воспоминаній этихъ, пожалуй, и не кончишь.

Однажды вечеромъ К. Н., его жена и я сидѣли въ столовой за чаемъ. Жена К. Н. играла на гитарѣ и безъ умолку говорила мнѣ о родинѣ ея, Крымѣ. К. Н., прихлебывая маленькими глотками изъ стакана чай, сидѣлъ за принесенными гранками какой-то московской газетки и, изрѣдка взглядывая на насъ, потихоньку посмѣивался дѣтскимъ рѣчамъ жены. Было уже около 10 ч. вечера. Вдругъ раздался звонокъ, и черезъ нѣсколько минутъ въ столовую вошелъ человѣкъ К. Н. и доложилъ, что его желаетъ видѣть какой-то купецъ съ женой по весьма экстренному дѣлу. К. Н. порывисто всталъ и съ гранками въ рукахъ вышелъ въ переднюю. Я послѣдовалъ за нимъ. Въ передней стоялъ сѣдой купецъ-русакъ со своею благовѣрною, которая почему-то всхлипывала.

[1] Послѣ редактированія *Варшавскаго Дневника* и затѣмъ московскаго цензорства К. Н. переселился въ Оптину пустынь (Калужск. губ.), и въ послѣдній годъ своей жизни принялъ тайный постригъ, затѣмъ переѣхалъ въ Троицкую лавру, близъ которой и похороненъ (1891 г.) въ Геѳсиманскомъ (Черниговскомъ) скиту.

— Батюшка, отецъ родной, спаси!—бросились они оба въ ноги К. Н. при его выходѣ.

— Въ чемъ дѣло? въ чемъ?—скороговоркой заговорилъ тотъ, отскакивая къ стѣнѣ.

— Помилуй, отецъ родной, гдѣ я могу взять двѣ тысячи?—говорилъ купецъ, не поднимаясь съ колѣнъ,—я долженъ торговли рѣшиться... а тутъ дочь... жаль, одна единая... Кто ее замужъ возьметъ? Весь городъ проходу мнѣ не даетъ... Пальцами показываютъ... Срамъ!..

Съ трудомъ, послѣ того какъ купецъ немного успокоился, можно было понять изъ его словъ, что въ одной изъ газетокъ появился романъ, описывающій съ слишкомъ ясными именами и мѣстомъ дѣйствія любовную ошибку его единственной дочери; что авторъ этого романа самъ же указалъ ему на это и за прекращеніе его печатанія просилъ съ купца двѣ тысячи.

К. Н. возмутился до глубины души и успокоилъ старика, сказавъ, что все будетъ сдѣлано. Затѣмъ онъ хотѣлъ было вернуться въ столовую, но купецъ, вынувъ свой объемистый бумажникъ и подавая его К. Н., сказалъ:

— Вотъ, отецъ родной, возьми, здѣсь триста, больше не могу!

— Если ты еще разъ осмѣлишься сказать мнѣ это, то я вышвырну тебя вонъ!—крикнулъ К. Н., возвышая голосъ.—Иди... Все будетъ сдѣлано...

Возвратясь въ столовую, я видѣлъ, какъ онъ нервно чертилъ какія-то гранки, даже прорывая бумагу.

Со слѣдующаго же дня фельетонъ въ газеткѣ оборвался...

Николай Миляевъ.

2) Письма К. Н. Леонтьева къ В. А. П—ой.

I.

19 мая 1887. Москва.

Милостивая государыня,

Валентина Александровна!

Если Вамъ угодно пожаловать ко мнѣ въ *Пятницу около 7 часовъ вечера,* то мнѣ это будетъ очень пріятно, и я имѣю въ виду предложить Вамъ одно литературное дѣло, которое, можетъ быть, Вамъ подойдетъ и будетъ нѣсколько выгодно.—Насчетъ того, о чемъ Вы меня письменно предупреждали, будьте покойны.

Въ субботу надолго уѣзжаю изъ Москвы.

Остаюсь готовый къ услугамъ

К. Леонтьевъ.

II.

4 апрѣля 1888. *Оптина Пустынь.*

Милостивая государыня,
Валентина Александровна!

Мнѣ приходится начинать мое письмо слово въ слово *съ того же*, съ чего начали и Вы ваше ко мнѣ письмо, отъ *22 Декабря* 1887 г.: съ *извиненія за долгое молчаніе.*

У Васъ были на это свои уважительныя причины, у меня—свои,—и я не сержусь, и Вы простите меня.

На ваше любезное предложеніе найти моимъ повѣстямъ хорошаго издателя—скажу Вамъ, послѣ зрѣлаго и, *кажется, долгаго* размышленія: *нѣтъ, подождите лучше до осени.* Въ августѣ я мечтаю самъ съѣздить на цѣлый мѣсяцъ въ Москву: тогда повидаемся и переговоримъ. *Повѣсти сами,* во 1-хъ, требуютъ исправленія, а мнѣ теперь недосугъ. А во вторыхъ — *за глаза* можно-ли положиться на издателя? Богъ знаетъ, *когда* и *какъ* онъ все сдѣлаетъ; безъ Васъ или безъ другого помощника, *выгодами собственными* въ дѣлѣ заинтересованнаго нельзя! Вотъ и все о моемъ дѣлѣ пока.

Очень-бы желательно знать: что Вы теперь *дѣлаете?* Если нетрудно, напишите *подробнѣе.*

Вы знаете, что я очень заинтересовался Вами,—Вашими способностями и вашею энергіей, и мнѣ очень было-бы жаль, если бы все это пошло на мелкіе практическіе пустяки. Во всемъ, что Вы до сихъ поръ предпринимали, не было никакой еще *идеи.* А такъ—въ родѣ безвреднаго *гешефта*... Пріятно было-бы видѣть, что всѣ ваши силы приняли болѣе осмысленное направленіе..

Прошу Васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Вашей матушкѣ и Вашей сестрицѣ. А также и съ грядущею Пасхой Васъ поздравляю.

Яицъ покупаю здѣсь *500* и буду съ половины 6-й недѣли *красить* со страстью.

Послалъ Александрову 3 р. на краски и просилъ его отыскать и тѣ *пестрыя бумажки,* о которыхъ Вы мнѣ говорили.

Здѣсь очень хорошо. У меня и *домъ хорошій.* Не посѣтите ли лѣтомъ Оптину? Не раскаятесь.

Остаюсь готовый къ услугамъ
К. Леонтьевъ.

III.

26 апрѣля 1888 г., Оптина Пустынь.

Христосъ Воскресе!

Милая Валентина Александровна! (мнѣ старому человѣку позволительно такъ безцеремонно обратиться къ вамъ послѣ вашего дружескаго и откровеннаго письма). Присылайте, присылайте скорѣе вашу „хартію“, ваше длинное „откровеніе“,— присылайте безъ колебаній, безъ недовѣрія, безъ стыда. Будьте увѣрены, что все это будетъ въ надежныхъ рукахъ и будетъ оцѣнено и понято, *какъ слѣдуетъ*. Раскаяваться, ужь конечно, не придется вамъ! О, какъ хорошо я самъ по прежнему опыту знаю, что̀ значитъ искреннее участіе старшаго и болѣе опытнаго ума для человѣка еще молодого и не привыкшаго еще къ переворотамъ и тягостямъ жизненной борьбы! Разъ уже явилось у васъ желаніе поговорить со мной о скорбяхъ вашихъ, не противьтесь ему. Не можетъ быть *скучно* длинное письмо—отъ человѣка, который *самъ не скученъ*, а симпатиченъ и уменъ, какъ вы. И нашему брату старику довѣріе молодежи,—хорошей, конечно,—большое и очень лестное даже утѣшеніе. Не скрою, что я, при первой встрѣчѣ моей съ вами, возымѣлъ на васъ нѣкотораго рода *идеальные виды*. Мнѣ показалось, послѣ первыхъ же разговоровъ съ вами, что вы имѣете въ себѣ всѣ рессурсы, нужные для успѣшнаго служенія тѣмъ идеямъ, которымъ служу я самъ. (Если вы захотите *повнимательнѣе* прочесть мои книги, то вы ихъ поймете ясно). Но я не высказывалъ этого прямо потому что меня отпугивали ваши, повидимому, исключительно практическія наклонности: „издать именно то, что теперь пойдетъ“, независимо отъ *духа*, отъ *содержанія* и т. д., ваша поѣздка на Нижегородскую *ярмарку*, гдѣ расходятся преимущественно *календари* и т. д.

Я пробовалъ *слегка* внушить вамъ и то, и другое; но видѣлъ, что вы заняты уже прежде знакомства со мною задуманными планами, и замолчалъ—*на время*. Годы учатъ „спѣшить медлительно“, то-есть и не торопиться и не упускать изъ вида цѣли своей. Быть можетъ, мы и сойдемся, наконецъ, съ вами такъ же, какъ сошелся я съ Кристи, Александровымъ, Умановымъ и другими юношами. „Ce qui est différé n'est pas perdu!“

Когда вы слышите отъ меня такія рѣчи, не вообразите, ради Бога, что я разумѣю тутъ что-нибудь глупо-эгоистическое, на-

примѣръ, предложить вамъ заботы о моихъ собственныхъ изданіяхъ. Я говорилъ объ этомъ, видѣвши, что вы ищете дѣлъ практическихъ, коммерческихъ, такъ сказать,—и думалъ такъ: если она найдетъ выгоднымъ и для себя издать (пополамъ доходъ) что-нибудь мое, то отчего же! И только;—и вы помните, я постоянно въ этомъ смыслѣ и оговаривался, упоминалъ о недостаточной популярности моей и т. п. Это—между прочимъ, но не въ этомъ, *разумѣется*, главное дѣло. Если бы, напримѣръ, намъ съ вами удалось довольно выгодно издать и распродать пополамъ мои „Греческія повѣсти", то это было бы служеніе не высшимъ *идеямъ*, а лишь случайному *общему интересу*.

Объ *идеяхъ* же разговоръ длинный-предлинный, и я его вести въ *этомъ* письмѣ прямо отказываюсь. Осуществленія значительной доли моихъ идей, національныхъ мечтаній, политическихъ пророчествъ и эстетическихъ надеждъ мнѣ, конечно, уже и *видѣть не придется*, по годамъ и здоровью моему; но тѣ-то идеи особенно и заслуживаютъ названія безкорыстныхъ, чистыхъ и высокихъ, которымъ человѣкъ пламенно и твердо служитъ, не только не извлекая изъ нихъ *себѣ* прямыхъ и осязательныхъ выгодъ, но и не разсчитывая даже насладиться *лицезрѣніемъ* ихъ осуществленія въ исторической жизни своей дорогой родины!

Еще разъ скажу, въ книгахъ моихъ *избытокъ курсива*. За этотъ избытокъ меня и словесно и печатно упрекали: одни видятъ въ этомъ почему-то „нервность" какую-то, другіе говорятъ, что я слишкомъ дурного мнѣнія объ умѣ читателей и что и безъ частаго курсива они могутъ понять, что̀ я считаю главнымъ. Не объ умѣ я дурного мнѣнія, — я дурного мнѣнія о *вниманіи* русскихъ—даже и умныхъ—читателей. Читаютъ небрежно, разсѣянно, и черезъ два дня все забыли. А многіе и не понимаютъ вовсе или совсѣмъ превратно. По поводу превратнаго пониманія я бы могъ разсказать много любопытныхъ анекдотовъ, даже и про извѣстныхъ литераторовъ; но что-то лѣнь, не хочется сегодня, да это и къ дѣлу прямо нейдетъ.

Въ заключеніе скажу вамъ еще только два слова: если вы въ самомъ дѣлѣ *ищете* дѣла и призванія, которое было бы въ одно и то же время и идеально, и не безъ выгодъ (я знаю, что безъ этого нельзя тому, кто небогатъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуете то искреннее и живое расположеніе ко мнѣ, о которомъ вы пишете, то постарайтесь пріѣхать въ Оптину—недѣли *на двѣ, не менѣе*. Мы поговоримъ. На гостиницахъ жизнь недо-

рога, если многого не требовать... И сверхъ того, *если случится*, что въ минуту вашего пріѣзда у меня въ домѣ прежде васъ не поселится какой-нибудь тоже дорогой гость, то я сочту за честь и радость оказать вамъ гостепріимство у себя. Домъ просторенъ; но собираются также лѣтомъ въ Оптину и другіе знакомые; вотъ единственная причина, почему я не смѣю васъ звать *прямо къ себѣ*. Вдругъ кто-нибудь займетъ прежде васъ свободную и удобную комнату. Ну, а пріѣхали на гостиницу и увидали, что у меня въ ту минуту никого нѣтъ—и милости просимъ! Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!

Прощайте, будьте *повеселѣе*. За неудачей и горемъ всегда бываютъ и утѣшеніе и поправка. И радости намъ, точно также какъ и горе, приходятъ часто оттуда, откуда мы ихъ и не ждемъ.

Остаюсь вашъ искренній доброжелатель и готовый къ услугамъ

К. Леонтьевъ.

PS. За *бумажки* благодарю. Покрасилъ и ими—удачно. Александрову я выхлопоталъ стипендію въ 600 р. с.; можетъ быть, и онъ пріѣдетъ ко мнѣ.

IV.

7 января 1889 г. Оптина пустынь.

Милостивая государыня,

Валентина Александровна!

Вотъ теперь я къ вамъ съ серьезнымъ и рѣшительнымъ предложеніемъ.

Я намѣреваюсь издать вторымъ [1], исправленнымъ изданіемъ мои „Ново-Греческія повѣсти", и прежде всего (въ видѣ опыта) большую хронику мою „Записки Одиссея Полихроніадеса", которая никогда вполнѣ не была издана. Нѣкоторые друзья мои, дипломаты и знатоки Востоки, живущіе теперь въ Турціи, взялись дополнить мои исправленія своими самыми строгими примѣчаніями, и 1 часть этой хроники на-дняхъ посылается съ этою цѣлью въ Царьградъ. Я, видите, не спѣшу, а хочу сдѣлать такъ, чтобы мой трудъ, сверхъ литературнаго, имѣлъ и этнографическое достоинство. Полагаю, что возвращены мнѣ мои книги исправленными изъ Константинополя не могутъ быть раньше конца апрѣля. Если вы согласитесь, то въ маѣ могутъ начать печатать, а выпускать въ продажу *раньше 1 сентября ни въ какомъ случаѣ не надо*. Это невыгодно. Итакъ, до 1 сен-

[1] Первое, весьма неполное, въ 1876 году, было Катковское.

тября—довольно времени, чтобы все успѣть сдѣлать, безъ всякой противной и тягостной торопливости. Можно найти и такого человѣка, который съ охотой напишетъ серьезное предисловіе.

Доходъ можно будетъ раздѣлить такъ: 1 р.—въ *типографію*, 1 р.—*вамъ* и 1 р.—*мнѣ*. Мнѣ больше не нужно. Я не имѣю въ этомъ дѣлѣ видовъ на доходъ, а главная моя цѣль—это *при жизни* моей издать все это сполна и въ исправленномъ видѣ. Больше ничего. А чѣмъ больше вы получите, тѣмъ мнѣ будетъ пріятнѣе. *Отзывы* будутъ—не безпокойтесь!

Пока съ меня достаточно знать, чувствуете-ли вы *хоть слабое желаніе* попытать счастія въ моей компаніи и въ этомъ предпріятіи—и больше ничего. Для того, чтобы сообразить всѣ подробности и сдѣлать дѣло хорошо, надо намъ съ вами *видѣться*.

Позвольте мнѣ поэтому предложить вамъ на пріѣздъ сюда *50 р.* Это предложеніе въ родѣ коммерческаго, и мы, въ случаѣ изданія, сочтемся, а если все-таки дѣло наше не пойдетъ (я думаю, что оно все-таки хоть сколько-нибудь да удастся), то вы ничѣмъ ни нравственно, ни вещественно не рискуете. Я потеряю эти 50 р. сер.,—и только. Вы же мнѣ этими деньгами *ничуть обязаны не будете*,—ибо это *я выписываю васъ для своихъ предпріятій*, а не *для вашего удовольствія* жертвую.

Я нарочно ставлю вопросъ на самую сухую и коммерческую точку зрѣнія, чтобы (избави Боже!) не затронуты были какъ-нибудь ваше самолюбіе и ваша гордость. (Я вѣдь характера вашего съ этой стороны не знаю). Самъ я смолоду былъ на эти дѣла „простъ“. Дадутъ деньги—беру и очень радъ. А нынче все непросты сердцемъ молодые люди! Не знаешь, какъ съ ними и взяться. Впрочемъ, не всѣ Нынѣшнее лѣто я пожелалъ видѣть одного юношу, который *заочно* вступилъ со мной въ переписку о дорогихъ намъ обоимъ идеяхъ, безъ всякой практической цѣли; и мнѣ и ему захотѣлось лично познакомиться; у него денегъ не было, я предложилъ ему 25 р. с. (съ возвратомъ, когда *разбогатѣетъ*; *безъ возврата*, пока будетъ стѣсненъ, хоть на вѣки). Онъ охотно принялъ, пріѣхалъ, прожилъ у меня около недѣли и *чрезвычайно этимъ утѣшилъ меня*,—между прочимъ, и тѣмъ, что показалъ, зная меня только по слухамъ, такое *довѣріе* къ моему характеру. И не думайте, что онъ человѣкъ какой-нибудь легкій; нѣтъ, юноша этотъ—образецъ твердости, серьезности и ума. Вдобавокъ „*нѣмецъ*“ по крови. Хоть съ него возьмите примѣръ хорошей простоты. А что помимо „коммерціи“ нашей мнѣ будетъ *въ высшей степени пріятно* ви-

дѣть васъ у себя въ домѣ, можете-ли вы сомнѣваться, зная, что въ Москвѣ я самъ желалъ познакомиться съ вами и заинтересовался вами еще въ Цензурномъ Комитетѣ?

50 р. сер. я разсчитываю такъ: 11—12 р. (около) билетъ 2 класса отъ Москвы до Калуги (на Вязьму или на Тулу—разницы мало),—итого съ обратнымъ путемъ 24 р. сер, 1 рубль или 2 на „харчи"; больше, я думаю, и не *скушаете* до Калуги? (26 р., ну 28). Въ Калугѣ остановитесь у всѣмъ извѣстной и очень услужливой *Елены Филипповны Давингофъ*, въ гостиницѣ *Рига*. Маленькій №—50 к., 1 р. с.—побольше, еслибы даже пришлось и ночевать или и сутки пробыть,—3 р., ну 5 р., если хорошо покушаете. Отъ Калуги до Оптиной даже безъ попутчика—*7 р. с.* пара почтовыхъ въ лѣтнее время. *Зимой съ возкомъ тройкой* и „на чай" 4 ямщикамъ—не болѣе 14 р. с. Если рублей 5 нужно будетъ еще прибавить на обратное путешествіе, это я могу тоже. У меня надо пробыть не менѣе *4 дней*, чтобы переговорить толкомъ. (Кстати сказать, моя Лизав. Павл. [1] не разъ о васъ поминала съ любовью).

Если ѣхать зимой, то надо въ февралѣ, пока дорога не испортилась. Въ мартѣ распутица. Или ужь *въ маѣ вначалѣ*, не позднѣй,—иначе съ изданіемъ опоздаемъ. Въ *свое время* я приму всѣ мѣры для вашего успокоенія дорогой и г-жу Давингофъ предупрежу; она и попутчицу вамъ какъ разъ найдетъ. Здѣсь и зимой въ Оптину *много* дамъ и женщинъ вообще ѣздитъ.

Вотъ и все пока. Буду ждать съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ вашего отвѣта, ибо если вы *въ принципѣ отъ всего откажетесь*, то мнѣ время дорого и надо обратиться къ кому-нибудь другому. Въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній совѣтую вамъ съѣздить къ Александрову,—онъ вамъ на многое можетъ дать объясненія, ибо онъ и меня самого и мои литературныя дѣла лучше знаетъ, чѣмъ вы.

Онъ *теперь женатъ* и живетъ около *Дѣвичьяго Поля*, въ домѣ *самаго* графа *Льва Николаевича Толстого, во флигелѣ.*

Ну-съ желаю вамъ всего лучшаго: меньше, напр., читать и писать по ночамъ, не портить цвѣта лица и энергію вашу вообще тратить съ бо́льшимъ *толкомъ*, чѣмъ тратили вы ее до сихъ поръ.

Матушкѣ вашей и сестрѣ—мое глубокое почтеніе.

Остаюсь съ истиннымъ уваженіемъ готовый къ услугамъ

К. Леонтьевъ.

[1] Супруга К. Н.

V.

22 марта 1889 г. Оптина Пустынь.

Милостивая государыня,
Валентина Александровна!

На первое большое письмо ваше изъ Казани отъ 22 февр., я не отвѣчалъ, ожидая обѣщаннаго извѣщенія изъ Москвы. Вчера оно пришло; что касается до второго письма изъ Казани, извѣщавшаго о болѣзни и задержкѣ—*не получалъ*.. И не удивляюсь! Письма пропадаютъ на почтѣ.

Теперь потолкуемъ:

1) Денегъ у меня на изданіе нѣтъ. Я думалъ, что вы мастерица устраивать съ типографіями въ долгъ. А если этого нельзя, то и толковать нечего.

2) Если-же, *паче чаянія*, вы бы это нашли возможнымъ, то напрасно вы находите, что дѣлитъ доходъ такъ: *1 р.—мнѣ, 1 р.—вамъ, 1 р.—въ типографію*, для васъ слишкомъ ужъ много, и мнѣ невыгодно. Что значитъ выгода *въ сущности*? И очень много и очень мало. Важна не денежная выгода, а *чувство* человѣка и *его цѣль*. Я желалъ бы при жизни издать *исправленный* романъ, *но* ничуть не желаю безпокоиться, думать о хозяйственной сторонѣ какъ *изданія, такъ и распространенія*. Заглазно это и невозможно. Къ тому-же хотя пожилые люди не лишены своихъ оттѣнковъ самолюбія и т. п., но я *покой* души и тѣла ни тщеславлію авторскому, ни даже славѣ—уже приносить въ жертву не хочу и не хочу! Если-бы такое изданіе состоялось, то я желалъ бы, чтобъ вы и съ типографіей сговорились, и письменный актъ по довѣренности той составили бы, и *послѣднюю* корректуру бы держали, и объ объявленіяхъ заботились-бы, и рекламы заказывали-бы, и съ магазиномъ книжнымъ вели бы дѣло. А я только получалъ-бы себѣ *одинъ* р. съ 3-хъ да читалъ-бы отзывы, которые вы бы и отыскивали, и вырѣзали-бы и мнѣ бы во время высылали. Ну, какъ же не предлагать вамъ цѣлаго рубля? Я нахожу, что это еще мало! Положимъ, типографія взяла бы 1000 р. с. (не мало-ли?) за два тома романа этого. Сверхъ того нужно затѣмъ хоть 100—150—200 р. с. за хорошее предисловіе (я знаю, кому). А потомъ видныя объявленія и т. д. Откуда это все взять? Допустимъ, что даже и хозяинъ типографіи согласился бы заплатить за предисловіе еще эти 150 или 200 р., а книжные магазины берутъ на себя нерѣдко расходы на

объявленія, вычитая изъ авторскаго дохода. Положимъ, что въ 2—3 года (это ужь хорошо) разошлись-бы всѣ 1200 экз. Итого (по 1 р. 50 к. *томъ*—3 р. с.)—3600 р. По 30 к. с.—*коммиссія*, значитъ—надо вычесть 720, остается *2880* р. Изъ этого въ типографіи *съ предисловіемъ* 1200 р., остается 1680; я считаю, что если мнѣ *безъ хлопотъ* и *680* сполна получить и при этомъ знать, что я оставляю наслѣдникамъ моимъ и читателямъ исправленный и правильно изданный романъ, то я былъ бы очень доволенъ. И отчего же бы вамъ за всѣ эти сложные труды не взять рублей *восьмисотъ*, если, положимъ, щедро на объявленія въ теченіе 3-хъ лѣтъ вычесть изъ остальной 1000 рублей 200? Это немного при такихъ условіяхъ. А если нужно мнѣ заглазно да *много* мѣшаться, то я и издавать не хочу.

Вотъ объ этомъ подумайте и напишите, если вы намѣрены остаться въ Москвѣ. А поѣдете въ Казань, такъ дѣло другое.

Если вамъ такой планъ по душѣ, то я укажу вамъ, *какими путями* и въ какія типографіи попробовать счастіе обратиться.

Если-же вы и въ случаѣ согласія типографіи такой обузы и за деньги не хотите, то и это прямо скажите.

Вы пишете объ уваженіи, о симпатіи, объ искреннемъ и даже горячемъ желаніи сдѣлать мнѣ пользу и удовольствіе.

Вѣрю и благодарю. Вѣрю *искренности*, не вѣрю *выдержкѣ*!

Нельзя безъ интереса дѣлать чужое дѣло, съ тѣмъ *остервенѣніемъ усердія*, съ которымъ-бы желалъ, чтобы вы мое дѣло дѣлали!

Я хочу самъ быть здѣсь въ умиленномъ спокойствіи, а васъ хочу видѣть въ Москвѣ въ пламенномъ остервенѣніи. Ну, какъ же не предлагать вамъ больше, чѣмъ самому себѣ? Даромъ небогатому человѣку и нельзя трудиться. Нужда не терпитъ, она требуетъ! Богатый по положенію, особенно преданный и любящій, еще можетъ, да и *то временно*, даже и для родного отца. Всѣ мы люди, всѣ слабы, всѣ мы, родная моя, человѣки. И вы молодые лучше насъ пожилыхъ въ порывахъ, ну а въ *окончаніяхъ* дѣлъ-то, пожалуй, что и много хуже! Пылаете и скоро устаете. Вотъ, я, зная это по опыту, и предлагаю вамъ соединить *любовь съ выгодами*. Оно *повѣрнѣе* будетъ, чѣмъ эта знаменитая „искренность“, которая нынче въ модѣ... Надѣюсь, и это тоже искренность.

Вы крайне меня одолжите, если отвѣтите на этотъ *главный* вопросъ. *Хотите ли вы попытаться такъ и сякъ*? Это прежде всего необходимо мнѣ знать. А на счетъ типографіи заранѣе

отчаяваться не надо. У меня есть на примѣтѣ одна или двѣ, знакомыхъ людей были даже предложенія услугъ недавно, въ Москвѣ.

Впрочемъ, романъ будетъ готовъ развѣ только *въ маѣ*, въ концѣ. Теперь онъ въ Константинополѣ, посланъ мною друзьямъ и знатокамъ Востока *весь сполна* съ моими вопросами для *провѣрки* разныхъ этнографическихъ и т. п. подробностей. Работа имъ будетъ нелегкая, но обѣщали сдѣлать серьезно.

Теперь о васъ. Очень дурно, что вы радуетесь, что ваше давнее большое и *откровенное* письмо до меня не дошло. Напрасно. Старые, но не совсѣмъ ужъ злые люди на то и годятся, чтобы давать совѣты страдающимъ молодымъ людямъ. Я молодыхъ людей *понимать умѣю*, повѣрьте. И ни одинъ, и *ни одна* еще не раскаялись въ своей со мною откровенности; а были откровенны многіе, обоего пола и разнаго даже *званія*! Вѣдь случается нерѣдко, особенно смолоду, что многое въ жизни намъ кажется гораздо ужаснѣе теперь, чѣмъ оно будетъ казаться черезъ годъ и менѣе. Прошу васъ вѣрить *личному* опыту.

Совѣтую вамъ сѣсть и написать мнѣ о себѣ 6—7 листовъ, а если хотите, то и 17. Я сочту это за честь; и за долгъ сочту всею душой войти въ ваше сердечное положеніе. Не стыдитесь, что за вздоръ! Кто же не боролся, кто не страдалъ, кто не разочаровывался, кто на себя даже не гнѣвался? Все это мы, дорогая моя, *сами* кровью и слезами пережили, и если Господь старость послалъ мнѣ грѣшному теперь уже „свѣтлую и покойную", такъ это послѣ такихъ жестокихъ испытаній и паденій, отъ какихъ избави васъ Онъ-же, Богъ Милосердный.

Знаете, что я вамъ скажу: послушайтесь меня. Если съ типографіей ничего мы не устроимъ, то я не въ силахъ буду выслать вамъ для пріѣзда сюда 50 р. с., ибо у меня *вѣрное* все разсчитано, и эти 50 р. с. нужно было бы *въ виду* коммерческаго оборота *доставать* на время для переговоровъ, ибо лишнихъ *раньше іюня* я не предвижу. Но вы все таки постарайтесь пріѣхать сюда *для себя самой въ началѣ мая*. Я васъ познакомилъ бы съ о. Амвросіемъ. Вы не повѣрите, какое *множество* самыхъ разнообразныхъ людей онъ утвердилъ. Сколькихъ обратилъ, сколькихъ успокоилъ, иныхъ даже отъ самоубійства спасъ! Онъ *великій* старецъ. И я даже *его слушаюсь* съ радостью. Съ прошлаго года и *студенты* стали къ нему обращаться. Кристи, Александровъ и еще одинъ *очень серьезный* юноша

были тутъ и будутъ опять лѣтомъ и начали *благословляться* у него на всѣ свои важныя дѣла. И *имъ легче стало*.

Право, соберите-ка рубл. 30 и пріѣзжайте 2—3 мая *прямо* ко мнѣ. Во *всякомъ случаѣ* я буду на васъ полу-раціонально дѣйствовать, а от. Амвросій будетъ сѣять на вашей богато одаренной, но страдающей душѣ сѣмена *духовнаго разума. Послѣ будете благодарить*! А что касается до радушія пріема и до моего удовольствія видѣть Васъ у себя, такъ ужъ въ этомъ вы, надѣюсь, не сомнѣваетесь.

Мое почтеніе матушкѣ и сестрицѣ.

Вашъ К. Леонтьевъ.

VI.

15 февраля 1889 г., Оптина Пустынь.

Милостивая государыня, Валентина Александровна! Вы всегда изволили быть ко мнѣ такъ любезны, что теперь *слишкомъ* уже долгое молчаніе ваше въ отвѣтъ на мое давнее письмо съ *предложеніемъ одного изданія*—меня начинаетъ безпокоить: или вы моего письма не получили, или вы очень нездоровы, или васъ нѣтъ въ Москвѣ.

Не соблаговолите ли вы мнѣ отвѣтить хоть два слова на прилагаемомъ бланкѣ?

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга К. Леонтьевъ.

VII.

22 апрѣля 1889 г., Оптина Пустынь.

Милостивая государыня,

Валентина Александровна!

Вы не *безпокойтесь*, пожалуйста. Краткость и сухость моего послѣдняго письма происходила не отъ какой-нибудь „mauvaise humeur“, а отъ того, что было много другого дѣла и отъ сухости самаго предмета. Больше ничего... Жаль, что наше предпріятіе невозможно, но будьте увѣрены, что я вамъ *очень* признателенъ за ваше ко мнѣ доброе расположеніе и съ своей стороны готовъ при случаѣ послужить вамъ, чѣмъ могу.

Еще разъ повторяю: „*напрасно* только вы *не постараетесь* побывать въ Оптиной!“ *Могу* васъ *по опыту* увѣрить, что вы бы не раскаялись въ томъ, что израсходовались!..

Вашъ К. Леонтьевъ.

3) Письма А. И. Герцена и Т. Герценой къ В. Н. и А. Г. Кашперовымъ.

I.

15 Sept.

Огаревъ рѣшилъ уѣхать на двѣ недѣли въ Devonsh. въ Torquery. Онъ прислалъ мнѣ вашу записочку, въ силу которой я тотчасъ написалъ письмо къ Valerio. Въ 1850 и 1851 гг. онъ былъ хорошій, горячій человѣкъ,—съ тѣхъ поръ прошло 10 лѣтъ! Вы знаете, что онъ говорилъ рѣчь въ камерѣ за меня, когда меня выслали изъ Піемонта.

Когда будете писать, скажите, какъ на васъ подѣйствовала моя любимая статья „О Тихонѣ Воронежскомъ" въ *Колоколѣ*.

Теперь я издаю 2-ю часть *Былого и Думъ*, съ большими дополненіями.

Прощайте, будьте здоровы,—да и какъ быть больнымъ на берегахъ Комо?

Весь вашъ **А. Герценъ**.

II.

23 ноября. Livorno. Hot. de la Grand Bretagne.

Любезнѣйшій Кашперовъ! я собирался посѣтить васъ въ Комо и поблагодарить отъ всей души за ваше приглашеніе и за приглашеніе Валеріо, переданное мнѣ Огаревымъ, а между тѣмъ дѣла требуютъ скораго возвращенія, и я оставляю мои pia desideria до будущихъ временъ. Мнѣ кажется, что если Италія сколько-нибудь осерьезится и въ самомъ дѣлѣ пойметъ свою независимость, Флоренція была бы лучшимъ мѣстомъ для нашей жизни. Посмотримъ, что принесетъ время. При теперешней обстановкѣ переѣзжать съ типографіей нельзя,—какъ думаетъ объ этомъ Валеріо? Дочери мои ѣдутъ на-дняхъ въ Римъ, а я—черезъ Женеву въ Лондонъ. Если вздумаете написать строчку, адресуйте до 5 декабря: Genéve, poste rest., а потомъ—къ Огареву.

Всѣ вамъ кланяются. Прочитали ли вы въ *Колоколѣ* мое неаполитанское письмо?

Въ Россіи бѣшенство патріотизма начинаетъ блѣднѣть, опозоривши Россію безъ малѣйшей славы.

Передайте поклонъ отъ всѣхъ нашихъ и мой—вашей супругѣ.

Преданный вамъ **Ал. Герценъ**.

PS. Если у вас есть ко мнѣ письма, пришлите въ Женеву.

III.

12 декабря.

По вашему дружескому совѣту, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Кашперовъ, я написалъ къ Валеріо и посылаю письмо къ вамъ потому, что не знаю его адреса. Получилъ ли онъ *La Cloche* на французскомъ языкѣ? Я очень радъ, что онъ хранитъ хорошую память обо мнѣ. Дочери мои ѣдутъ 14-го декабря черезъ Парижъ и, вѣроятно, 20—22 будутъ во Флоренціи. Благодарю васъ за все,—и скажу вамъ прямо: я больше нежели вѣрю вамъ—я разсчитываю на васъ въ случаѣ нужды. Съ вашими знакомыми Тата познакомится (съ нею очень добрая и умная нѣмецкая дама),—но вы имъ черкните слово, что онѣ будутъ вести почти затворническую жизнь, Тата ходить на работу, а потому—да минуетъ ее русская колонія юродивыхъ соотечественниковъ, скучающихъ, разочарованныхъ, очарованныхъ, недовольныхъ міромъ и—освобожденіемъ крестьянъ!

Я на этомъ очень настаиваю. Прощайте. Пришлю вамъ на дняхъ Записки Якушкина—это chef d'oeuvre. Дружески кланяюсь вамъ.

А. Герценъ.

IV.

11 марта 1866. Château Boissière, Geneve.

Ради Бога не благодарите меня впередъ, любезная madame Кашперовъ! Чѣмъ больше дѣло подвигалось, тѣмъ больше я боялась. Но теперь дѣло сдѣлано, окончено,—Louse Borne выѣзжаетъ сегодня, въ *воскресеніе*, въ 12 часовъ. Чтобы ее испробовать, наши друзья и сосѣди, Касаткины, были такъ добры, что взяли ее на недѣлю. Характеромъ остались очень довольны, дѣтей очень хорошо умѣетъ занимать, услужлива,—но этимъ и ограничиваются ея качества. Для К. она бы совсѣмъ не годилась, потому что они требуютъ, чтобы ихъ нянька хорошо и скоро работала, т. е. шила, мыла и гладила, — оказывается, что она для всего этого неспособна. Но, кажется, вы этого не требуете. По крайней мѣрѣ, вы мнѣ объ этомъ не писали; поэтому это меня не остановило.—Но что же можно узнать въ недѣлю? Конечно, она старалась понравиться. Меня въ послѣдній день испугала ея неаккуратность. Она должна была ѣхать недѣлю тому назадъ, попросила меня отложить на нѣсколько дней, по разнымъ при-

чинамъ. Я согласилась, сказавши ей, чтобы она ужъ навѣрное ѣхала въ субботу, въ 6 часовъ утра. А въ пятницу вечеромъ она должна была получить деньги. А она, обѣщавши, пришла только въ субботу вечеромъ. Я ее побранила, насколько могу (потому что я не мастерица въ этомъ дѣлѣ), и взяла росписку въ 90 f. Двадцать я ей прибавила на случай „бѣды“ какой-нибудь: она чрезвычайно бѣдна, ѣдетъ безъ копѣйки (собственной) въ карманѣ. А отъ матери я вчера узнала, что она когда-то ходила въ консерваторію! Вѣрно, раззорилось семейство.

Надѣюсь, что все устроится хорошо. Увѣряю васъ, что я все сдѣлала, что только могла, но вѣдь я хозяйка плохая, неопытная. Дайте мнѣ знать нѣсколькими строчками, какъ она доѣхала, и о первомъ впечатлѣніи, которое произвела.

За симъ крѣпко жму вамъ руку, цѣлую всѣхъ вашихъ ребятишекъ и кланяюсь m-r Кашперову (послѣдняя его пѣсня мнѣ *очень* нравится).

Ваша Т. Герцена.

4) „Сорочья кашка“.

(Дѣтская игра).

Изъ посмертныхъ бумагъ Н. С. Сохапской.

Въ черновыхъ рукописяхъ Н. С. Сохапской сохранилось множество отрывковъ, которые не попали въ печать, одни—по усмотрѣнію редакторовъ журналовъ, другіе зачеркнуты ею самой, и вдоль ихъ страницъ читаемъ надписи ея: *„все-бъ это и хорошо, но слишкомъ длинно и прямо къ дѣлу не относится“*; наконецъ, третьи отрывки просто зачеркнуты крестомъ. Изъ этихъ отрывковъ избираемъ одну страницу, исключенную изъ ея повѣсти „Любила“, и приводимъ ее для маленькихъ читателей и ихъ молодыхъ матерей; первыхъ она, авось, весело займетъ на нѣсколько мгновеній, а вторымъ покажетъ, какое мягкое и нѣжное сердце было у нашей писательницы и какъ она владѣла чувствомъ художественной мѣры, исключая многое изъ своихъ произведеній.

С. П.

Для людей несвѣдущихъ, которыхъ, вѣроятно, найдется не мало, мы рѣшаемся предложить аккуратный рецептъ варенья „Сорочьей кашки“, лаская себя маленькою надеждой, что онъ попадетъ въ какую-либо изъ поваренныхъ книгъ г-жи Авдѣевой.

„Сорочья кашка“ варится такимъ образомъ:

Берутъ развернутую рученку ребенка (мальчика или дѣвочки — это все равно) и на его ладонкѣ начинаютъ водить кружечки среднимъ пальцемъ, приговаривая нараспѣвъ:

Сорока-ворона
Кашку варила,
На припечкѣ студила,
На порогъ поскакивала,
Гостей посматривала.
Пріѣхали гости
Соломенны кости,
И тому (гостю) кашки дала,
И другому дала,
Вотъ и этому дала.

При этомъ перебираются по одному пальчики ребенка; а когда дѣло доходитъ до крохотнаго мизинца, его берутъ между двухъ пальцевъ и начинаютъ будто бы шалуна драть за ушки, покачивая его изъ стороны въ сторону и приговаривая:

А этотъ плутъ малъ
Крупъ недралъ,
Дровъ не рубилъ,
Воды не носилъ,
Каши не варилъ;
Тутъ пень, тутъ колода,
Тутъ криница,
Тутъ холодная-холодная водица.

И начинаютъ живо щекотать ребенка, обозначая пнемъ и колодой локотокъ его и кисть руки. Ребенокъ заливается веселенькимъ неудержимымъ смѣхомъ, слезинки у него блестятъ въ глазкахъ, и онъ опять протягиваетъ рученку и проситъ „*саёку*!“ Подростая, дѣти съ величайшимъ наслажденіемъ начинаютъ сами варить сорочью кашку на ладони у старшихъ.

Н. Соханская (Кохановская).

1856 г.

ИЗЪ ВОПРОСОВЪ ВѢРЫ И ЖИЗНИ.

Русское дѣло въ Подляшьи.

Въ половинѣ января мѣсяца въ *Моск. Вѣдом.* былъ напечатанъ рядъ писемъ съ Подляшья мѣстныхъ крестьянъ, *умоляющихъ* русскихъ людей помочь имъ въ постройкѣ школъ. Среди сравнительнаго затишья въ печати по искусственно раздутому вопросу о примиреніи съ поляками, среди праздныхъ увѣреній, что „все обстоитъ благополучно"—эти непосредственные живые голоса самыхъ насельниковъ Подляшья, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ поглощенія ихъ Польщизной, производятъ удручающее впечатлѣніе. Но быть можетъ читатель не знаетъ еще: что такое Подляшье?

Если опредѣлять географически, то Подляшьемъ называется юго-восточная часть Сѣдлецкой губерніи, уѣзды Влодавскій, Бѣльскій, Константиновскій, Радинскій и часть Соколовскаго. Историческія же судьбы Подляшья опредѣлились всецѣло его географическимъ положеніемъ „подъ Ляхомъ". Это тотъ край искони-русской земли, на который прежде всего посыпались удары воинствующаго полонизма, и которому пришлось согнуться подъ ярмомъ польскаго владычества. Этотъ край былъ частью Холмской земли, и населеніе его всегда было то же самое, что и въ сосѣдней Галиціи, Подоліи и Волыни. Здѣсь тотъ же малорусскій языкъ, тѣ же вѣрованія, преданія, историческія и бытовыя пѣсни, тѣ же обычаи, что на Волыни или Галиціи. Съ самыхъ первыхъ временъ русской исторіи Холмская Русь находилась въ общей связи со всею русскою землей и входила въ составъ русскаго государства. И съ этихъ же первыхъ временъ русскимъ князьямъ приходилось защищать этотъ край отъ нападеній на нее ближайшихъ сосѣдей: ляховъ и литовцевъ. По сказанію лѣтописи, Владиміръ святой еще въ 983 году сѣвер-

ную часть Холмской Руси защищалъ отъ ятваговъ (литовскаго племени). Тѣмъ же великимъ княземъ былъ построенъ въ г. Холмѣ храмъ во имя Пресвятой Богородицы, по нѣкоторымъ даннымъ, въ 1001 году. Въ концѣ XI вѣка въ Холмѣ былъ уже свой епископъ. Сыну св. Владиміра, князю Ярославу Мудрому пришлось защищать Холмскую Русь отъ нападеній ляховъ и ятваговъ и *ограждать православную вѣру* въ краѣ отъ происковъ католическихъ проповѣдниковъ, дѣйствовавшихъ черезъ Польшу. О томъ же заботился и братъ его, князь Мстиславъ. Въ началѣ XII вѣка холмскій край перешелъ въ родъ Владиміра Мономаха. Наиболѣе знаменитый князь этого рода Даніилъ Романовичъ украсилъ Холмъ нѣсколькими церквами, построилъ монастырь въ Угрускѣ и Люблинѣ и помышлялъ даже учредить въ Холмѣ, бывшемъ столицей княжества, митрополію. Послѣ смерти Даніила Романовича, Холмская Русь еще болѣе ста лѣтъ находилась во владѣніи его потомковъ. Но съ половины XIV вѣка положеніе ея мѣняется. Съ этого времени она попадаетъ въ вассальное подчиненіе Польшѣ; а въ половинѣ XV вѣка холмская земля окончательно была присоедина къ Польшѣ. Съ этого времени началась многострадальная исторія края, исторія постепеннаго вытравливанія всего русскаго и православнаго и насажденія польскаго латинства. Католическіе проповѣдники ринулись въ край чрезъ свободный проходъ изъ Польши, и нашъ русскій аванпостъ скоро сталъ превращаться въ опорный пунктъ враговъ Россіи для дальнѣйшаго движенія и захватовъ въ юго-западной Руси. Со времени польско-литовскаго короля Ягайло началось совращеніе русскихъ въ католичество. Въ 1596 году на Брестскомъ соборѣ провозглашена была унія, искусно придуманная ловушка для совращенія русскихъ людей въ латинство. Какими средствами пользовались іезуиты для достиженія своихъ цѣлей, сколько страданій вынесъ народъ въ борьбѣ за вѣру и народность, это достаточно извѣстно каждому. Но позиція была не сразу уступлена. До XVII вѣка католичество мало имѣло успѣха въ Холмской Руси. Въ XIV вѣкѣ здѣсь было всего только 14 костеловъ, въ XV число ихъ доходило до 31, а въ XVI вѣкѣ было ихъ около 60. До половины XVII вѣка изъ 700 приходовъ Холмской епархіи уніатскихъ было только 150, а во вторую половину того же вѣка число послѣднихъ почти удвоилось (доходило до 300). За то ужь въ XVIII вѣкѣ православіе въ холмскомъ краѣ было окончательно стерто; русское дѣло было совершенно проиграно, и поляки принялись за превращеніе уніа-

товъ въ католиковъ. Количество костеловъ въ краѣ стало возрастать на счетъ уніатскихъ церквей, такъ что въ 1818 году въ предѣлахъ нынѣшней Люблинско-Подляшской католической епархіи было уже 300 костеловъ.

Въ 1815 году герцогство Варшавское (и въ томъ числѣ Холмская Русь) было окончательно присоединено къ Россіи, но правительство не вспомнило о былой вотчинѣ князей Мономаховичей и не выдѣлило Холмскую Русь изъ Царства Польскаго. Не удивительно поэтому, что у насъ на глазахъ ополяченіе края шло гигантскими шагами. Въ 1810 году число уніатскихъ приходовъ въ холмской епархіи было 317 (изъ 700 числившихся въ XVII вѣкѣ), спустя 18 лѣтъ не стало еще 39 приходовъ; а въ 1864 г. всѣхъ уніатскихъ приходовъ было 257, при самомъ ограниченномъ числѣ прихожанъ. Одновременно увеличивалось въ краѣ число католиковъ и католическихъ приходовъ. Наконецъ, уже въ 1863 году послѣ польскаго мятежа было обращено вниманіе правительства на положеніе уніатовъ въ Холмской Руси.

Не стану входить въ подробности тѣхъ мѣропріятій, которыми предполагалось возродить въ забытомъ краѣ русскую жизнь. Частая смѣна административныхъ лицъ, а вмѣстѣ съ ними смѣна взглядовъ на дѣло и системъ, и въ данномъ случаѣ принесла русскому дѣлу неисчислимый вредъ. Намѣченный въ началѣ кн. Черкасскимъ путь *постепеннаго* воздѣйствія на уніатское населеніе показался слишкомъ медленнымъ. Вмѣсто того чтобы осторожною очисткой уніатскаго обряда отъ католическихъ новшествъ приблизить унію къ православію и воспользоваться этимъ мостомъ въ свою пользу, рѣшено было прямо возсоединить уніатовъ съ православною церковью, что и было исполнено 11-го мая 1875 года.

Возсоединеніе, совершенное чисто внѣшнимъ административнымъ путемъ, какъ и слѣдовало ожидать, дало въ результатѣ отрицательное явленіе, съ которымъ считаться несравненно труднѣе, чѣмъ съ уніей. Народъ и большинство священниковъ, не подготовленные къ возсоединенію, отнеслись къ этому неизбѣжному факту чисто пассивно. Въ Подляшьи 45 приходовъ и 26 уніатскихъ священниковъ были формально возсоединены съ православною церковью, а 20 приходовъ и нѣсколько священниковъ совершенно наотрѣзъ отказались отъ возсоединенія, множество уніатовъ ушло въ католичество. Во всей же холмской Руси изъ 350 тысячъ считающихся возсоединенными около 70 тысячъ или 20% (только по оффиціальнымъ даннымъ) и по настоящее

время совершенно уклоняются отъ православія. Это такъ-называемые *„упорствующіе“*, изъ которыхъ часть уже совершенно уклонилась въ католичество, другая же часть стоитъ на распутьи. Положеніе этихъ упорствующихъ дѣйствительно тяжелое. Формально они считаются православными, на самомъ же дѣлѣ они чуждаются церкви, настроены противъ нея враждебно и упорно отказываются отъ освященія таинствами православной церкви: дѣтей не крестятъ, не вѣнчаются, не исповѣдуются и т. д. А между тѣмъ всѣ эти „упорствующіе“ — прямые потомки тѣхъ русскихъ людей, которые костьми легли по всему Подляшью, до послѣдней капли крови защищая вѣру православную и русскую народность.

Какъ бы то ни было, но положеніе дѣлъ въ Подляшьи очень печальное. Этотъ край въ вѣковой борьбѣ Россіи съ Польшей всегда былъ передовымъ бастіономъ, точкой опоры въ дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи; такимъ онъ остается и теперь. И если мы неясно понимали это до сихъ поръ и за 80 лѣтъ владѣнія краемъ не сумѣли удержать за собой позицію, то тѣмъ хуже для насъ. Сдѣланныя ошибки обязываютъ насъ съ удвоенною энергіей добиваться цѣли средствами вѣрными и цѣлесообразными. Но въ чемъ же эти средства?

Современное положеніе этого дѣла въ Подляшьи и вообще въ Холмской Руси возникло и поддерживается взаимодѣйствіемъ нѣсколькихъ причинъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь приходится считаться съ результатами трехсотлѣтняго существованія въ краѣ уніи. Затѣмъ немалую долю вліянія на дѣло оказываетъ искусно организованная польская пропаганда и, наконецъ, къ этому присоединяются еще наши собственныя ошибки, которыми ловко умѣютъ пользоваться враги въ своихъ цѣляхъ. Для того чтобы устранить эти причины, необходимо прежде всего понять и разъ на всегда запомнить, что однимъ административнымъ (то-есть, по существу своему, внѣшнимъ) путемъ нигдѣ никогда жизненные вопросы, а тѣмъ болѣе вопросы вѣры, не рѣшаются. Эти вопросы рѣшаются исключительно только процессомъ внутренней живой работы, воспитанія духа, культурнымъ воздѣйствіемъ. Мѣропріятія же административнаго характера тоже необходимы въ этомъ случаѣ, но только для того, чтобы поставить *внутреннюю* работу въ нормальныя благопріятныя условія, чтобы ограждать эту работу отъ внѣшнихъ враждебныхъ вліяній и тѣмъ способствовать ея успѣху. Въ этомъ *разграниченіи* сферъ дѣйствія силъ внѣшней (административной) и внутренней (культур-

ной), при условіи *неослабнаго* одновременнаго дѣйствія этихъ силъ, кроется условіе торжества русскаго дѣла на всѣхъ нашихъ окраинахъ, а въ томъ числѣ и въ Подляшьи.

Необходимо, конечно, выдѣлить Холмскую Русь изъ состава Привислинскихъ губерній, необходимо ввести въ этомъ краѣ всѣ тѣ исключительныя законоположенія, которыя примѣняются въ Западномъ краѣ, необходимо зорко слѣдить за дѣйствіями польской справы и безпощадно карать всякое проявленіе враждебной пропаганды, но надо не забывать, что все это не можетъ, однако, рѣшить вопроса въ цѣломъ и что всѣ эти мѣры имѣютъ значеніе лишь какъ *условіе* плодотворности той внутренней культурной работы, которая одна только можетъ измѣнять мысли, вѣрованія, чувства, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа. Стало быть, въ эту сторону, въ смыслѣ возбужденія и поддержки этой работы, и должны быть направлены наши усилія.

Въ Подляшьи, какъ землѣ искони русской, задача такой культурной работы чрезвычайно упрощается. Необходимо только *пробудить въ народѣ его историческое самосознаніе.* Правда, польскихъ наслоеній на этомъ народѣ накопилось слишкомъ много и кора латинства тоже довольно толста, но душа народная удивительно чутка и, при благопріятныхъ условіяхъ, очень быстро откликается на родной звукъ. Приходится только удивляться и радоваться, какъ живуча въ порабощенномъ народѣ историческая идея, совершенно погасить которую не могли соединенныя силы іезуитизма и польщизны. Но будить въ ожесточенныхъ сердцахъ эту идею можетъ только любящее сердце и нѣжная рука, которая умѣетъ съ осторожностью прикасаться къ кровоточивымъ еще ранамъ. Это было не подъ силу чиновнику по понятнымъ причинамъ. Точно также и непосредственная дѣятельность въ этомъ смыслѣ священника не можетъ имѣть прочнаго и повсемѣстнаго успѣха въ краѣ, въ которомъ религіозный вопросъ поставленъ на почву болѣзненнаго *упорства* и слово любви добраго пастыря не достигаетъ ничьего сердца: уши у всѣхъ закрыты и глаза не видятъ. До сихъ поръ еще большинство смотритъ на священника, какъ на врага, и много надо времени, чтобы эта вражда смѣнилась довѣріемъ. Залѣчить постепенно болѣзненную рану упорства въ забужскомъ крестьянинѣ, пробудить въ немъ историческое чувство, зажечь искру самосознанія—въ силахъ только свой братъ *крестьянинъ*, такой, какъ и всѣ—*сельскій учитель*. По отношенію къ нему нѣтъ мѣста недовѣрію, онъ не является представителемъ враждебнаго

начала, раздражающимъ болѣзненное чувство. Его понимаютъ и слушаютъ, онъ можетъ, „не мудрствуя лукаво“, а дѣлая свое непосредственное дѣло тихо и любовно, стать проводникомъ русскихъ началъ въ краѣ не насильственно, а посредствомъ внутренняго процесса культурной работы. *Деревенская школа грамоты* есть единственная пока, но очень крупная культурная сила, способная разрѣшить болѣзненные вопросы Холмскаго края и утвердить въ Подляшьи русское дѣло. И это не одно только предположеніе, а дѣйствительность, подтверждаемая множествомъ фактовъ.

Въ Народномъ Образованіи, въ статьѣ „Первая всенародная перепись и церковныя школы въ Привислянскомъ краѣ“ (декабрь, 1897 г.) мы находимъ много харакрерныхъ данныхъ о значеніи въ Подляшьи школы грамоты. Вотъ, напримѣръ, Высоко-Путновицкая школа. „Учителемъ въ ней состоитъ (читаемъ въ докладѣ епархіальнаго наблюдателя) Фаветъ Вавренюкъ, крестьянинъ изъ Гродненской губерніи. Ему всего 15—16 лѣтъ, но учебное дѣло онъ ведетъ не по лѣтамъ хорошо, и не только учебное, но и воспитательное. По вечерамъ собираются въ школу взрослые, больше всего дѣвушки, и подъ руководствомъ учителя обучаются церковному пѣнію и пѣснямъ изъ „Богогласника“. Высокія Путновицы—деревня „значительно упорствующая“, даже школа помѣщается въ домѣ „упорствующаго“. Но это обстоятельство оказало смягчающее вліяніе на самого старика-домохозяина. Никогда онъ не бывалъ въ мѣстной приходской церкви со времени возсоединенія, а теперь „какъ-то недавно“ (по словамъ мѣстнаго священника) онъ пришелъ въ церковь и простоялъ все богослуженіе. Вообще Высоко-Путновицкая школа грамоты, несмотря на краткое время своего существованія, уже смягчаетъ „упорство“ въ мѣстномъ населеніи: довѣріе къ православному пастырю возрастаетъ, дѣти полюбили школу, и взрослые ищутъ въ ней духовнаго наслажденія пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній“. Это писалъ о школѣ черезъ *два мѣсяца* послѣ ея открытія—епархіальный наблюдатель. А вотъ что сообщалъ завѣдующій школой въ годовомъ своемъ отчетѣ: „до открытія школы не только взрослые, но и малолѣтніе чуждались православнаго священника; въ настоящее же время, когда во время бывшей переписи отчужденіе взрослыхъ отъ православной церкви увеличилось, малолѣтніе наоборотъ съ радостью встрѣчаютъ и привѣтствуютъ православнаго священника безъ различія вѣроисповѣданій“.

Еще болѣе интересныя данныя о вліяніи школы на крестьянъ находимъ въ сообщеніи о Бучицкой школѣ. Какъ извѣстно, польскіе смутьяны воспользовались всенародною переписью въ своихъ цѣляхъ, чтобы укрѣпить „упорство" бывшихъ уніатовъ Подляшья. И вотъ „въ Бучицахъ, Яновскаго прихода, нѣкоторые крестьяне, записавшіеся католиками (во время переписи), воспретили своимъ сыновьямъ ходить въ школу по тѣмъ соображеніямъ, что народная перепись устрояетъ имъ переходъ въ римско-католичество, и распорядились, дабы дѣти сдали учебники по Закону Божію, въ противномъ случаѣ угрожали сжечь эти книжки. Учебники были сданы, и ученики, сдавшіе ихъ, перестали посѣщать школу. Прошло нѣкоторое время. Въ домахъ сихъ крестьянъ перестало раздаваться въ долгіе зимніе вечера чтеніе сыновей ихъ „отъ божественнаго", прекратились пересказы изъ Священной Исторіи и другія интересныя свѣдѣнія, вынесенныя учениками изъ уроковъ въ школѣ и съ „вечернихъ чтеній" въ ней. Соскучились родители такимъ безмолвіемъ въ своихъ домахъ, сознали свою ошибку и явились съ повинною къ завѣдующему школой, прося распоряженія о принятіи вновь дѣтей въ школу и о выдачѣ учебниковъ Закона Божія, съ присовокупленіемъ: „пусть будетъ все по прежнему", и попросили для себя книгъ для чтенія". Не правда-ли, какъ характерно? И какъ наглядно въ этомъ фактѣ обрисовался естественный процессъ перерожденія деревни подъ вліяніемъ школы! „Отрадно видѣть, говоритъ мѣстный священникъ, что родители учащихся и домочадцы, за немногими исключеніями, осѣняютъ уже себя крестнымъ знаменіемъ по православному, съ примѣра школьниковъ, а нѣкоторые выучились даже грамотѣ отъ нихъ. Большинство такихъ самоучекъ падаетъ на женскій полъ". Значеніе этого факта усиливается оттого, что „населеніе деревни Бучицъ отличалось прежде „крайнимъ латино-польскимъ фанатизмомъ", такъ что самая деревня была „худшею въ приходѣ" до открытія въ ней школы грамоты, а теперь—и всего *черезъ два года*—преобразилась въ самую лучшую", по словамъ того же священника. „Еслибы я (пишетъ онъ) пробылъ въ Яновскомъ приходѣ не два года, а двадцать два, то безъ помощи школы не могъ бы достигнуть того, что сдѣлала школа въ теченіе двухъ лѣтъ, то-есть въ теченія десяти учебныхъ мѣсяцевъ".

Въ 1893 году на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія* я указывалъ на благотворное вліяніе среди „упорствующихъ" Лѣснинскаго

женскаго монастыря и школъ имъ основанныхъ. Лѣтопись монастыря переполнена фактами этого вліянія, но вотъ еще читаемъ въ той же статьѣ *Народнаго Образованія*: „во взбаламученномъ морѣ Подляшья во время переписи струями чистой воды были воспитанницы Лѣснинской церковно-приходской школы. Въ одной крайне упорствующей деревнѣ, гдѣ всѣ поголовно требовали, чтобы записали ихъ католиками, въ одной единственной избѣ хозяева, къ общему удивленію, объявили себя православными; особенно настойчиво заявляла объ этомъ дѣвочка лѣтъ 14. Она нѣсколько разъ повторяла: „я тоже православная, и пусть меня запишутъ православною". Въ поясненіе она прибавила: „я училась въ Лѣснинской школѣ". Приблизительно то же было и въ другой деревнѣ: въ одной хатѣ, послѣ нѣкотораго колебанія, заявили себя православными. И тамъ дѣвушка, которая хлопотала, чтобы всѣ ея родные были записаны православными, оказалась бывшею воспитанницей Лѣснинской школы".

Таково культурное значеніе православной церковной школы для торжества русскаго дѣла въ Подляшьи. И когда видишь реальные примѣры этой культурной работы, когда сознаешь, какая сила находится въ нашихъ рукахъ, тогда становится невыразимо грустно при мысли, что мы этою силой или не хотимъ или не умѣемъ пользоваться. И въ самомъ дѣлѣ, что же нами сдѣлано для пробужденія историческаго самосознанія населенія Подляшья? Много ли школъ основано за послѣднія 20 лѣтъ? Обезпечены ли основанныя школы или же существованіе ихъ поставлено въ зависимость отъ пресловутыхъ „мѣстныхъ средствъ"? Благопріятны ли наконецъ внѣшнія условія для развитія той творческой работы, при зарожденіи которой мы присутствуемъ?

И всѣ эти вопросы вновь возникаютъ въ головѣ при чтеніи воззваній крестьянъ Подляшья о помощи имъ въ постройкѣ школъ. Вотъ хотя бы это воззваніе: —„М. г. г. редакторъ! Мы читаемъ вашу газету. Нашъ батюшка даетъ намъ читать. Мы видимъ, что вы держите русскую руку. Мы тоже русскіе и хотимъ, чтобъ и наши дѣти были русскіе и православные. Да вотъ бѣда, польскіе ксендзы баломутятъ нашихъ дѣтей и толкуютъ имъ, что имъ слѣдуетъ быть поляками и католиками, потому что здѣсь раньше была Польша. А мы такъ понимаемъ, что хотя здѣсь былъ раньше польскій ржондъ, но народъ былъ всегда русскій. Вотъ кабы у насъ была школа и научитель, то нашнмъ дѣтямъ растолковали бы, что и какъ. Между тѣмъ у

насъ нѣтъ школы, а всѣхъ насъ, надежныхъ людей, въ селѣ мало для того, чтобы своими средствами построить школу и содержать научителя"... Какъ много безыскусственной правды выражается въ словахъ этого воззванія и какъ много поучительнаго въ немъ для нашей „интеллигенціи"! Въ нѣсколькихъ строкахъ здѣсь все: и ясный взглядъ на положеніе края, и сознаніе своей народности, и глубокое пониманіе задачъ русской политики въ краѣ. Можемъ ли мы похвалиться всѣмъ этимъ? Факты говорятъ противное. Какъ мало нужно для укрѣпленія русскаго дѣла въ Подляшьи, а мы и этого сдѣлать не сумѣемъ. Вмѣсто того чтобы бодро и смѣло приняться за *воспитаніе* молодаго поколѣнія, мы будемъ раздумывать—не махнуть ли рукой на всѣхъ этихъ „упорствующихъ", причиняющихъ только одно безпокойство; вмѣсто того чтобы скорѣе протянуть руку помощи просящимъ—мы будемъ горячо и долго спорить: какого вѣдомства школу тамъ устраивать—церковную или министерскую? И почему церковную?

Мудрено ли, что русское дѣло на окраинахъ до сихъ поръ еще двигается черепашьимъ шагомъ?..

Свящ. І. Фудель.

ИЗЪ „ДНЕВНИКА“ ПРАВОСЛАВНАГО.

XLI.

Чего намъ ждать отъ земской школы?

Нѣтъ, наконецъ это невозможно! Чувство обиды за народъ за нашъ православный народъ, чувство глубокой обиды за здравый смыслъ, за попраніе всего того, что дорого сердцу, въ чемъ надежды на будущее отечества—это чувство не дозволяетъ молчать!.. Пусть насъ тысячекратно будутъ увѣрять, что нѣтъ никакого существеннаго отличія между земскою и церковною школой, что въ школахъ того и другого типа—одни и тѣ же цѣли, одно направленіе, одинъ духъ,—о, какъ желали бы мы тому вѣрить всею душой!—но увы—не можемъ этому вѣрить, когда дѣйствительность громко заявляетъ какъ разъ о противоположномъ... Судите сами: насъ начинаютъ съ изумительною откровенностью просвѣщать, „что *центромъ тяжести* школьнаго просвѣщенія должно поставить сообщеніе воспитывающихъ и образующихъ знаній—историческихъ, географическихъ, естественно-историческихъ“ и т. п. А гдѣ же религіозныя? Или они не относятся къ „воспитывающимъ и образующимъ?“ Или они „подразумѣваются?“ Но кто же изъ христіанъ, не говоримъ о православныхъ, а просто изъ какихъ угодно вѣрующихъ христіанъ не признаетъ, что именно центръ тяжести „воспитывающихъ“ знаній, если только въ *знаніяхъ* дѣло—въ знаніи *религіозномъ* прежде и паче всего,—почему же такъ упорно *замалчиваютъ* его?.. Насъ увѣряютъ, что наша народная школа должна во всемъ подражать школѣ западно-европейской, какъ въ самыхъ знаніяхъ, такъ и въ методахъ передачи этихъ знаній, что она должна носить „общеобразовательный характеръ“ (подразумѣвается — подобно современной французской лаической школѣ), что *глав-*

нымъ средствомъ приготовленія ребенка къ разумной и доброй жизненной дѣятельности, которая должна выражаться въ разумномъ отношеніи къ природѣ (о Богѣ ни слова!), людямъ и себѣ самому, должно служить *накопленіе знаній*.. Народнымъ учителямъ съ каѳедры авторитетно внушаютъ, что „статьи для класснаго чтенія должны содержать воспитывающій и развивающій матеріалъ, который долженъ знакомить учениковъ и съ природой (естественно-историческое и географическое чтеніе) и съ человѣкомъ (историческое и общелитературное)“.. И только о Богѣ и церкви, о столь любимыхъ народомъ книгахъ духовно-нравственнаго содержанія, вообще о чемъ бы то ни было религіозномъ тщательно умалчивается... Можетъ быть, „подразумѣвается?“ Но что-жь это такое? Обо всемъ *напоминаютъ* такъ тщательно, усердно, заботливо, только объ этомъ не желаютъ даже *упомянуть*?.. Не въ правѣ ли мы, зная нашъ благочестивый простой народъ, предположить, что религіозно-нравственный элементъ въ народномъ образованіи земскіе руководители намѣренно „игнорируютъ“, замалчиваютъ: „это-де дѣло поповское?“... Господи! Когда же наконецъ мы откроемъ глаза и поймемъ ту простую истину, что никакое *знаніе*, какъ бы оно ни было полно и всесторонне, никакая наука, никакое умственное развитіе—не могутъ, *не въ силахъ* спасти ни одного человѣка отъ нравственной гибели, что знаніе само по себѣ—вещь обоюдуострая, что оно благодѣтельно только при сохраненіи чистоты сердца и побужденій, а эта чистота дается только *вѣрой*?.. Не видимъ ли мы, скажемъ словами великаго патріота, что „законныя дѣтища современной цивилизаціи, во всеоружіи знанія и культуры, творятъ и исповѣдуютъ насиліе, тираннію, злодѣйство въ самомъ гнусномъ его образѣ“, „что цивилизація и знаніе сами по себѣ не застраховываютъ человѣка отъ одичанія и звѣрства“? (Аксаковъ, т. II, 720—721).

Господа, вы такъ вѣрите въ указанія западно-европейской культуры: прислушайтесь же къ тому, что говорится уже все громче и громче, на томъ же Западѣ! Мы могли бы указать вамъ и, если нужно будетъ, то и укажемъ десятки авторитетнѣйшихъ голосовъ, открыто сознающихся въ вѣковомъ заблужденіи европейской цивилизаціи, въ неестественной, чудовищной переоцѣнкѣ знанія. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ Спенсеръ: „Вѣра въ безусловное нравственное дѣйствіе умственнаго образованія, опровергаемая фактами, есть ничто иное, какъ предвзятое положеніе, натянутое до нелѣпости. Человѣкъ научился,

что тотъ или другой знакъ, на бумагѣ поставленный, означаетъ то или другое слово: какую связь можно представить между этимъ знаніемъ и—высшимъ сознаніемъ долга? Умѣнье означать на бумагѣ слова и звуки—неужели имѣетъ силу утвердить въ человѣкѣ волю, направленную къ добру и правдѣ? Неужели таблица умноженія, умѣнье слагать и вычитать — усиливаетъ въ человѣкѣ силу сочувствія и удерживаетъ его отъ обиды ближнему? Чувство правды—развѣ усиливается въ комъ-нибудь отъ грамотности, или отъ знанія географіи, хотя бы самаго подробнаго? Вѣра во всемогущество школы, въ книжные уроки, и чтенія принадлежитъ къ числу главныхъ суевѣрій нашего времени“,.. (The Stydy of Sociology XV). А вотъ вамъ признаніе цѣлаго съѣзда германскихъ учителей въ томъ, что существующая тамъ система народнаго образованія даетъ въ окончательномъ результатѣ увеличеніе числа преступленій, приводя къ „одичанію“ (Verwildung), а вотъ вамъ глубокопечальныя наблюденія надъ тѣми, кто прошелъ современную „общеобразовательную“ школу во Франціи, краснорѣчиво говорящія о глубокомъ органическомъ недостаткѣ современной народной школы на Западѣ: „Развѣ не вредно это внесеніе въ міръ крестьянина массы пустопорожнихъ понятій, пустозвонства, фразерства, самодовольства мнимымъ всезнаніемъ, напримѣръ, всѣхъ результатовъ общечеловѣческой мысли и послѣднихъ словъ „науки“, вообще это превозношеніе „науки“, которой, въ ея полнотѣ, никакая, особенно первоначальная, народная школа дать не можетъ,—превыше всякаго духовнаго свѣта, это ложное у насъ *суевѣріе* науки, свойственное только жалкой полуобразованности?“ (Аксаковъ, IV, 730). Но у насъ господа извѣстной клички любятъ говорить о прогрессѣ, но, Боже, есть ли что-нибудь неподвижнѣе, тупѣе, упорнѣе въ своихъ суевѣріяхъ, чѣмъ эти господа, застывшіе на традиціяхъ пресловутыхъ 60-хъ годовъ? Пусть бы они ужъ лучше и внимательнѣе прислушивались къ тѣмъ внушительнымъ указаніямъ Запада, на который они такъ любятъ ссылаться ..

Нѣтъ. Не случайныя отличія въ организаціи, а глубокая *органическая* рознь лежитъ между школами земскими и церковными! Тамъ, въ земской школѣ, въ основѣ ихъ—цѣлый культурный идеалъ, діаметрально противоположный христіанскому. Въ основѣ его лежитъ вѣковой грѣхъ современной культуры, по сознанію Фердинанда Брюнетьера—это отрицаніе грѣха и ученіе о естественной неповрежденности природы человѣка, а слѣдовательно—отрицаніе христіанства съ его великими фактами искупленія и

возстановленія падшаго человѣчества. Цѣлью воспитанія признается не воспитаніе человѣка христіанина, а какой-то „гуманной человѣческой личности“, „человѣка-гражданина“, „врага всяческаго насилія и неправды“...

„Ужели же въ самомъ дѣлѣ къ тому стремятся у насъ въ земской школѣ?“ скажетъ, можетъ быть, читатель.

Мы и сами не повѣрили бы этому, еслибы не наткнулись на слишкомъ краснорѣчивый *фактъ*. Осенью прошлаго года въ Москвѣ происходили краткосрочные педагогическіе курсы для учителей и учительницъ земскихъ школъ. Все, что тамъ внушалось учителямъ и учительницамъ, внушалось какъ сознанное убѣжденіе, какъ принципъ, и все это напечатано съ цинической откровенностью въ одномъ изъ нашихъ педагогическихъ журналовъ. Оттуда мы и заимствовали всѣ вышеприведенныя сужденія о всеисцѣляющей силѣ знанія, объ „общеобразовательномъ“ характерѣ народной школы, о „центрѣ тяжести—накопленіи знаній“, о воспитаніи „человѣка гражданина и врага всякаго насилія“ и т. д. Это уже не мнѣніе, высказанное въ печати. Это уже *дѣло*... Но мы не исчерпали еще всѣхъ милыхъ уроковъ, преподнесенныхъ учителямъ народныхъ школъ.

Человѣкъ долженъ научиться правильно устанавливать отношенія къ себѣ самому и другимъ, правильно судить о своихъ правахъ и обязанностяхъ, о своемъ долгѣ предъ настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ. Какъ вы думаете: откуда человѣкъ, крестьянинъ, долженъ почерпать эти великіе уроки? Угадайте! „*Всего лучше всѣ* эти знанія черпать изъ произведеній, облеченныхъ въ художественную форму“... Вотъ куда мы хватили! Въ самой Франціи никому еще не пришло въ голову преподнести деревенскому мальчику Бальзака, Флобера, Золя... Но чтожъ это такое въ самомъ дѣлѣ? Великіе завѣты Спасителя, это „единое на потребу“, уже болѣе не годятся для образованія христіанина,—„*лучше*“ черпать уроки нравственности изъ Золя? Можно ли договориться до бóльшаго абсурда? И это внушалось учителямъ и учительницамъ земскихъ школъ? Внушалось руководителемъ, котораго чуть не всѣ земства на Руси приглашаютъ къ себѣ для устройства подобныхъ курсовъ?.. Да вѣдь тамъ, въ земской школѣ, проходится же Законъ Божій? Но тутъ мы наткнулись уже на такія строки, которыя прямо поразили насъ... „Изучая по Евангелію жизнь Іисуса Христа, слѣдуетъ *останавливаться* не только *на Божеской сторонѣ Его*, но и *на человѣческихъ свойствахъ Его природы* (Божеская сторона человѣческой

природы!?.), такъ какъ *они* (свойства, то-есть) являютъ собой великій примѣръ дѣятельной любви и милосердія (значитъ, все это несвойственно Спасителю—*какъ Богу*?), доходившихъ до самоотреченія, до отдачи (sic!) жизни Своей за людей, безъ различія племени и вѣры“... Оставимъ въ сторонѣ кощунственный и нескладный языкъ писавшаго. Постараемся указать на скрытую здѣсь мысль. Что это такое, какъ не проповѣдь безрелигіозной морали?—Вѣдь заповѣди Христа для народа прежде всего—заповѣди *Божія*! Такъ *Богъ* велѣлъ! Вотъ въ чемъ сила христіанской нравственности! А намъ внушаютъ видѣть во Христѣ не болѣе какъ примѣръ добродѣтельнаго человѣка?..

И послѣ всего этого, безъ всякихъ основаній, совершенно голословно осмѣливаются говорить, что излюбленный народомъ типъ народной школы—это школа земская, и притомъ—чистообразовательнаго (замѣтьте: *чисто*образовательнаго, слѣдовательно никакъ не религіознаго) характера“. „Народъ-де называетъ такую школу *своею*“... Какая поистинѣ обидная клевета на нашъ православный русскій народъ, котораго нашъ геніальный писатель такъ мѣтко назвалъ „христоносцемъ“!.. Да знаютъ ли эти радѣтели *чисто*образовательнаго характера“ школы, что нашъ народъ зорко слѣдитъ даже и за церковноприходскою школой, чтобъ она какъ-нибудь не заронила въ души его дѣтей чего-либо ненужнаго, по его понятію, излишне свѣтскаго, соблазнительнаго, „слова празднаго“?.. Знаютъ ли, что „православные“ нерѣдко выражаютъ свое неудовольствіе, когда видятъ въ рукахъ своихъ дѣтей книжки самаго невиннаго литературнаго содержанія, но по ихъ понятіямъ—„побасенки“, „сказки“, на чтеніе которыхъ грѣшно ребенку и время тратить: „ужели-де не нашлось бы ребенку въ школѣ дать почитать книжки божественной“?..

Не станемъ говорить о другихъ безсмыслицахъ, въ родѣ того, что при прохожденіи исторіи слѣдуетъ „де-избѣгать говорить о войнахъ, а лишь о подвигахъ того безвѣстнаго *героя*, *кровью котораго полита и костьми усѣяна* русская земля“... Какъ же это: гдѣ же русскій народъ проливалъ свою кровь? О войнахъ вѣдь говорить запрещается?..

Если все это откровенно печатается,—можемъ себѣ вообразить, какія прелести преподносились учителямъ и учительницамъ земской школы въ болѣе откровенныхъ и подробныхъ бесѣдахъ?..

Православный.

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ.

I.

Отъ 1897 года едва-ли кто нибудь ждалъ чего-либо особенно хорошаго ...кромѣ развѣ польскихъ патріотовъ. Ничего особеннаго онъ и не принесъ. Не принесъ онъ однако и ничего особенно плохого. Въ общей сложности годъ явился типичнымъ представителемъ нашей существенно *переходной* эпохи.

Слово это порядочно надоѣло. Его приходится употреблять слишкомъ часто. Но, характеризуя время, нельзя назвать его иначе, какъ переходнымъ, съ тѣми оговорками, какія вызываются его особенностями. „Переходное" время обыкновенно означаетъ, что путь развитія, временно загромождаемый препятствіями,—все-таки ясенъ. Наша же особенность въ томъ, что этой ясности, напротивъ, не существуетъ, и что конечный исходъ тоже можетъ имѣть два существенно различные типа. Въ этой двойственности отчасти и бѣда нашего времени; въ ней же, съ другой стороны, и надежды многихъ.

Бѣда въ томъ, что мы толчемся на мѣстѣ, не имѣя ясной линіи развитія. Надежды же являются отъ того, что мы по крайней мѣрѣ не вступаемъ безповоротно на какой либо непоправимо ложный путь.

Ни въ какомъ отношеніи жизнь Россіи за 1897 годъ не представила ни одного выдающагося явленія. Ни одного крупнаго политическаго событія, ни одной захватывающей идеи, ни одного великаго художественнаго образа, ни одной даже замѣчательной книги... если не считать III тома „Курса Государственной Науки" пр. Чичерина. О ней мы, впрочемъ, еще будемъ имѣть случай, вѣроятно, говорить болѣе подробно. Возвращаясь къ прошлому

году, приходится заключить, что онъ въ сущности ничего не сдѣлалъ.

Самымъ крупнымъ явленіемъ его было, конечно, возбужденіе *польскихъ* надеждъ и „полякованіе" *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.* Роль газеты кн. Ухтомскаго въ польскомъ, какъ и вообще въ „инородческихъ" вопросахъ, дѣйствительно могла заинтересовать наблюдателя. Особенно любопытно, что главные дѣятели газеты—какъ самъ кн. Ухтомскій, г. Гольстремъ и пр.—все люди въ публицистикѣ новые, люди вышедшіе прямо изъ общества и изъ петербургскаго чиновнаго міра. Видѣть въ такой группѣ столь рѣзкое отсутствіе политико-національнаго воспитанія и даже простого здороваго чутья,—это весьма поучительное, въ печальномъ смыслѣ, зрѣлище. Нельзя же, конечно, предположить, чтобы для кн. Ухтомскаго Россія не имѣла никакого значенія; нельзя предположить, чтобы онъ ея совсѣмъ не любилъ, не желалъ ей блага. Дѣло слѣдовательно сводится къ колоссальному *непониманію.* Но не изъ тѣхъ ли же слоевъ, гдѣ обнаружилось это рѣзкое непониманіе, мы получаемъ столько руководителей цѣлыхъ отраслей нашего управленія? Тутъ невольно начинаешь вспоминать цѣлый рядъ промаховъ, совершаемыхъ такими людьми на разныхъ должностяхъ по окраинамъ, да и внутри страны. Вспоминаешь и, помимо области управленія, частную дѣятельность лицъ того же общества—графа Льва Толстого, кн. Д. Хилкова и пр. и пр., имя же имъ, буквально, легіонъ. Жутко становится при этихъ размышленіяхъ.

II.

Было бы отъ чего въ отчаяніе пріити, еслибы разсматривать только эти образчики разложенія политическаго смысла и чувства въ нашихъ верхнихъ слояхъ. И однако что же выходитъ у насъ въ концѣ концовъ? Мы видимъ въ тѣхъ же слояхъ и людей иного рода. Кн. Ухтомскій вызываетъ противъ себя цѣлый рядъ протестовъ и за послѣднее время какъ-то совсѣмъ стушевывается. На долго ли? Это все равно. Важно, что эти люди во всякомъ случаѣ встрѣтили должный отпоръ. Этотъ фактъ *отпора* со стороны національной Россіи представляется поучительнымъ, въ смыслѣ утѣшительномъ. Но если мы пойдемъ дальше и спросимъ: силы, давшія отпоръ, что же онѣ сдѣлали въ созидательномъ смыслѣ, то придется отвѣтить—„ничего". Зрѣлище достойное 60 годовъ,—зрѣлище того, что *русскіе* усердно дѣлаютъ

польское дѣло,—исчезло довольно быстро. Но въ 60 годахъ мы видѣли не одно „Панургово стадо", а также людей, которые съ величайшими талантами и энергіей дѣлали *русское* дѣло. Теперь же ослабѣло „Панургово стадо", но за то и настоящіе, живые русскіе люди мало что-то замѣтны. Таковъ былъ 1897 годъ рѣшительно во всемъ.

Довольно замѣтную черту года составляло, напримѣръ, проявленіе у насъ соціалъ-демократизма. Но и тутъ повторяется то же самое: является со множества сторонъ отпоръ, а въ то же время—ничего идейно сильнаго, способнаго подорвать самый идеалъ соціалъ-демократизма, не проявляется. Не менѣе любопытный образчикъ соотношенія силъ представилъ также Казанскій Миссіонерскій съѣздъ. Самъ по себѣ онъ далъ очень рѣзкую постановку миссіонерскихъ задачъ. Но какая же туча силъ тотчасъ выступила противъ него! Повсюду забили тревогу. А въ концѣ-концовъ что же? Весь шумъ опять сошелъ на „нѣтъ". Ничего яркаго, рѣшительнаго не разгорѣлось даже на этомъ пунктѣ, какъ казалось, столь жгучемъ. Такихъ примѣровъ можно бы привести еще не мало. Прошлый годъ весь состоялъ изъ нихъ. Общее впечатлѣніе, выносимое изо всего, что наблюдалось, таково, кажется, какъ будто *всѣ* стороны сознаютъ себя недостаточно сильными, и каждая боится проиграть въ случаѣ рѣшительнаго столкновенія, такъ что всѣ какъ бы избѣгаютъ его, всѣ откладываютъ сведеніе окончательныхъ счетовъ до какого-то болѣе удобнаго будущаго. Всѣ, стало быть, надѣются на будущее и никто не надѣется на настоящее. Никто не отчаявается въ своемъ дѣлѣ, но никто и не разсчитываетъ на близкую побѣду. Всѣ считаютъ время *переходнымъ*, но каждый истолковываетъ это въ пользу своихъ идеаловъ. Это характеристическая черта уже многихъ лѣтъ, но 1897 годъ выразилъ ее особенно отчетливо.

III.

Никто не разбитъ, и въ этомъ смыслѣ прошлымъ годомъ каждый можетъ быть отчасти доволенъ. Это повторитъ человѣкъ *каждаго* направленія, ибо каждому пріятно видѣть, что его дѣло во всякомъ случаѣ не проиграно окончательно и даже не потерпѣло никакихъ слишкомъ жестокихъ пораженій.

Но если люди различныхъ направленій могутъ находить такое утѣшеніе за истекшій годъ, то какъ оцѣнить его съ точки зрѣнія развитія самой Россіи? Что же, въ общей сложности, дѣ-

лается въ странѣ, куда она идетъ? Достаточно задать себѣ такой вопросъ, чтобы увидѣть всѣ невыгоды современнаго равновѣсія силъ. Дѣйствительно, въ итогѣ выходитъ то, что разныя направленія, оказываясь достаточно равносильными для пассивнаго сохраненія своихъ позицій, взаимно парализуютъ активную дѣятельность одно другого, никто никому не даетъ сдѣлать ничего рѣшительнаго, ничего способнаго быть явно благодѣтельнымъ или явно вреднымъ, а потому поучительнымъ для страны. Это такая черта переходныхъ эпохъ, подобныхъ нашей, которая едва ли не вреднѣе полнаго застоя или самого ошибочнаго, но яснаго дѣйствія въ какую-нибудь одну сторону. Вредное дѣйствіе хоть отрицательно научаетъ. Полный застой, по крайней мѣрѣ, даетъ отдохновеніе. Мы же всѣ находимся въ самомъ истощающемъ напряженіи силъ, а въ то же время въ общей сложности дѣлаемъ хуже, чѣмъ ничего. Одною рукой мы прививаемъ народу соціалистическія идеи, другою поддерживаемъ его православіе. Одною рукой воскрешаемъ дворянство, другою стараемся превратить дворянъ въ разночинцевъ чуть не еврейскаго типа. Одною рукой сдерживаемъ политиканство, ведущее къ парламентаризму, другою размножаемъ цѣлые миріады людей, которымъ въ жизни нѣтъ мѣста, кромѣ политиканства. Въ національно воспитательномъ смыслѣ это выходитъ самый вредный хаосъ, въ которомъ масса общества и народа теряетъ возможность вырабатывать какое бы то ни было опредѣленное міровоззрѣніе. Современная печать уже представляетъ самое тревожное выраженіе этого хаоса. Положительно никогда еще въ ней не было такого количества органовъ чисто „сумбурныхъ“, представляющихъ смѣсь самыхъ несовмѣстимыхъ принциповъ. Никогда не было и такого безмѣрнаго количества публицистовъ безъ всякаго яснаго міровоззрѣнія, а между тѣмъ смѣло берущихся рѣшать всѣ вопросы, поучать всѣхъ, начиная отъ мужика и кончая министрами. Это и совершенно естественно, потому что въ современномъ хаосѣ понятій люди разучаются отличать умное отъ глупаго, знаніе отъ незнанія, опытъ отъ фантазіи. Эти публицисты, не имѣющіе ничего, кромѣ бойкаго пера, кажутся отчаянными шарлатанами, но въ основѣ ихъ шарлатанства лежитъ искреннее непониманіе того, что они ничего не знаютъ и ничего не понимаютъ. Они выросли даже не на компромиссѣ, а на „сумбурѣ“, и имъ теперь кажется, что это нормальное состояніе человѣка, даже какъ бы нѣкоторая „разносторонность“ его развитія.

Бѣда, если такое состояніе ума охватитъ собою большинство народа, а дѣло идетъ къ этому очень быстрыми шагами. Не говоря объ учащейся молодежи, издавна страдающей у насъ самоувѣренностью незнанія, теперь оно повсюду стало проявляться и въ народѣ, особенно среди городскихъ рабочихъ, а подъ вліяніемъ интеллигентныхъ сектантовъ охватываетъ и настоящую деревенскую, крестьянскую массу.

Это состояніе умовъ есть прямой результатъ нашего взаимнаго парализированія силъ въ верхнихъ слояхъ умственныхъ направленій. Все наиболѣе сильное, яркое, сознательное, понимающее—остается при этомъ безъ замѣтнаго дѣйствія, безъ воспитательнаго вліянія на массу. Лица, достойные быть „учителями", затираются на задній планъ. Для нихъ нѣтъ достаточнаго простора. Ихъ немедленно „осадятъ назадъ"• силы противуположнаго лагеря. Дѣятелями легче всего остаются повсюду люди мелкіе, не возбуждающіе въ противникахъ страха и отпора, да и сами удовлетворяющіеся толченіемъ воды въ ступѣ. Въ результатѣ они то и накладываютъ свою печать духовнаго ничтожества на массу общества и народа.

IV.

Не трудно понять, что эта сторона современной переходной эпохи вреднѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Она не только понижаетъ умственный и нравственный уровень общества, но подготовляетъ весьма опредѣленный исходъ современной борьбы направленій. Напрасно утѣшаютъ себя тѣмъ, что ни одно изъ нихъ не уступаетъ своего мѣста и каждое сохраняетъ позиціи. Не забудемъ, что въ то же время масса общества и народа получаетъ постепенно такое перевоспитаніе, по окончаніи котораго у насъ станетъ неизбѣжнымъ торжество только идеи чисто демократической. Все прочее, повыше, отпадетъ само собой. Уже теперь въ Россіи, сравнительно, напримѣръ, съ эпохой Николая I,—крайне понизилась способность цѣнить и уважать талантъ, знанія, высокій умъ, высокія душевныя качества. Въ тѣ старыя времена, культура которыхъ росла на аристократической почвѣ, *всякій* талантъ возбуждалъ чувство нѣкотораго благоговѣнія. Найти талантъ, спасти его, выхолить—считалось обязанностью развитого человѣка. Такъ выхолили даже Шевченка, родившагося въ крѣпостномъ рабствѣ, а по своему гайдамацкому бунтовщичеству подвергшагося даже грозной опалѣ. Такъ выхолили Кольцова. Такъ выхолили Иванова, ко-

торый 20 лѣтъ истощалъ терпѣніе всѣхъ окружающихъ и своихъ покровителей, не давая почти никакихъ результатовъ безконечныхъ, дорогихъ трудовъ. Въ наше время—Ивановъ уже совершенно немыслимъ.. Вспоминаю эпизодъ почти комичный, но рисующій настроеніе людей той эпохи. Извѣстный Бакунинъ, неукротимый бунтовщикъ и анархистъ, при защитѣ Дрездена—задумалъ спасти его отъ бомбардировки, выставивъ на стѣнахъ картины великихъ мастеровъ.. Ему казалось, что немыслимо варварство, которое бы рѣшилось изъ-за какого-нибудь бунта рисковать испортить столь великія созданія человѣческаго генія! Это уваженіе къ таланту рождалось въ обществѣ того времени изъ способности *понимать* талантъ. Гдѣ оно нынче? Рѣшающій голосъ во всѣхъ оцѣнкахъ переходитъ все болѣе къ людямъ толпы. Недавняя исторія только-что умершаго свѣтила русской медицины, Г. А. Захарьина, показала изумительный образчикъ нынѣшняго отношенія къ великому таланту, и она тѣмъ болѣе поразительна, что имѣла мѣсто въ академическомъ мірѣ, то-есть въ средѣ, во всякомъ случаѣ, по современной мѣркѣ, наиболѣе просвѣщенной.

Высшій талантъ, умъ, знаніе и—даже скажу—высшее нравственное чувство, рѣшительно теряютъ у насъ обаяніе. Ихъ плохо понимаютъ, не осязаютъ. Средній человѣкъ уже нашелъ себѣ среднихъ руководителей, людей себѣ по плечу, и совершенно этимъ доволенъ, чувствуя себя при этомъ гораздо болѣе умнымъ, какъ Скотининъ въ хлѣву. А средній руководитель, по Вагнеровски прозвавшій себя „интеллигентнымъ"—повсюду подготовляетъ устроеніе Россіи такъ, какъ оно нужно именно для него, умственно и нравственно посредственнаго, вершковъ нахватившагося „интеллигента".

Это конечно—процессъ общій всей современной европейской эволюціи. Но дѣло не въ Европѣ, а въ томъ, что при кажущейся неподвижности нашей „переходной" эпохи—она и у насъ помаленьку разрѣшается въ томъ же самомъ смыслѣ торжества толпы или точнѣе ея „интеллигенціи"...

Вотъ, что слѣдовало бы почаще вспоминать людямъ дѣйствительно умнымъ, думая о современной эпохѣ.

V.

Таковы, въ среднемъ, впечатлѣнія 1897 года. Ничего особенно плохого онъ не далъ, но утѣшаться этимъ очень трудно въ такое время, когда отсутствіе яркаго добра само-по-себѣ по-

рождаетъ торжество зла. Когда жизнь стоитъ на правильномъ пути—медленность развитія не можетъ возбуждать тревоги. Но мы находимся вовсе не въ такомъ положеніи. Намъ нельзя безнаказанно тратить времени. Намъ нужна положительная работа въ такомъ направленіи, чтобы здоровыя историческія начала наши не только „держались на позиціяхъ", но получили *поступательное* движеніе. Намъ нужна положительная работа въ томъ направленіи, чтобы умственный и нравственный авторитетъ, проникнутый этими здоровыми началами, становился высоко надъ ничтожностью... А объ этомъ у насъ менѣе всего думаютъ. Мы еще не остались безъ несомнѣнно умныхъ людей на многихъ пунктахъ, гдѣ они могли бы имѣть вліяніе. Но они сами постоянно боятся обрѣзаться „острыми бритвами", боятся таланта и „слишкомъ горячаго" убѣжденія. Они сами подрываютъ всѣ плоды своей личной дѣятельности, прибѣгая чуть не систематически къ болѣе, какъ имъ кажется, безопаснымъ „тупымъ бритвамъ". Въ результатѣ умный постепенно замѣняется бездарностью. Вотъ пора было бы умнымъ людямъ понять, что такая система дѣйствій совершенно не по времени. Ее еще можно стерпѣть безъ риску въ такія времена, когда все идетъ хорошо, все стоитъ твердо на мѣстахъ. Но въ настоящее время *застой* исторической Россіи самъ-по-себѣ есть средство ея крушенія. Она должна подняться во весь ростъ—если не хочетъ совсѣмъ упасть. А для этого поднятія нужны не тупыя бритвы, а острыя, не „удобныя" бездарности и карьеристы, а люди таланта и убѣжденія. Весь вопросъ настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы повсюду вызвать къ дѣйствію этихъ людей, а именно въ этомъ отношеніи *почти* нечѣмъ помянуть истекшій годъ. Дай Богъ больше увидѣть въ наступившемъ.

Л. Тихомировъ.

ПОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНІЯ.

Повременная печать въ 1897 г.—Вопросъ дворянскій.—Вопросъ польскій и *С.Петербургскія Вѣдомости.*—Вопросъ рабочій.—Обиліе новыхъ изданій.—Цензурныя кары.—*Спб. Вѣдомости* и ихъ способъ полемики.—Мое объясненіе.—Внутренняя жизнь печати.—Союзъ писателей.—Постоянная коммиссія.—Печать и кончина Г. А. Захарьина.—Наши „Хамиты".

По обстоятельствамъ, я слишкомъ мало отмѣчалъ журнальную полемику 1897 г., а онъ въ этомъ отношеніи отличался значительнымъ оживленіемъ. Среди вопросовъ, особенно волновав-

шихъ печать, видное мѣсто занималъ вопросъ *дворянскій*, по преимуществу разработывавшійся *Московскими Вѣдомостями*, о чемъ намъ уже приходилось впрочемъ упоминать. Еще болѣе ожесточенныхъ споровъ возбудилъ вопросъ *польскій*, особенно благодаря тому, что *СПб. Вѣдомости*, отчасти поддерживаемыя и *Гражданиномъ*, съ чрезвычайною страстностью отстаивали различныя права поляковъ, нерѣдко при крайней несправедливости въ отношеніи русскихъ. Это возбуждало тѣмъ больше негодованія, что *СПб. Вѣдомости* почему-то умѣли пріобрѣсти— какъ оказалось ошибочную—репутацію истолкователя правительственныхъ предначертаній. Такое положеніе, приводя однихъ въ уныніе, другихъ доводило до бѣлаго каленія, вслѣдствіе чего возникали давно неслыханныя, по страстности, полемическія стычки, въ которыхъ особенно выдался *Свѣтъ*.

Довольно горячую полемику возбуждалъ также вопросъ *рабочій*, при связанномъ съ нимъ вопросѣ объ обязательномъ ограниченіи времени фабричнаго труда. На эту тему особенно заслуживаетъ отмѣтки споръ *Московскихъ Вѣдомостей* съ *Русскими Вѣдомостями*, примѣчательный впрочемъ по преимуществу тѣмъ обстоятельствомъ, что на всѣ аргументы своего противника въ пользу свободы труда *Русскія Вѣдомости* упорно отвѣчали ссылкой на „западныя законодательства" и на то, что наше правительство имѣетъ въ виду ввести тѣ же ограниченія свободы труда. Эта мѣра правительства, какъ извѣстно, и состоялась, но само-собою понятно, что въ *теоретическомъ* спорѣ фактъ принятія какимъ либо правительствомъ той или иной мѣры имѣетъ лишь очень косвенное значеніе „аргумента".

Журнальному шуму не мало способствовало вообще обиліе вновь появившихся органовъ печати. Большею частью они ничѣмъ достопримѣчательнымъ себя не заявили, и не всѣ даже пережили годъ, однако внесли свою долю въ общее оживленіе. Такъ замѣчена была страстная полемика *Міровыхъ Отголосковъ* противъ *Новаго Времени*, не прекращавшаяся цѣлый годъ, несмотря на абсолютное молчаніе самого *Новаго Времени*. *Гласность* г. Патковскаго тоже была очень замѣтна постоянными нападеніями противъ евреевъ. Особенно видную роль сыграла *Гласность* въ дѣлѣ генерала Дембовецкаго, бывшаго Могилевскаго губернатора, противъ еврейской кампаніи, нѣсколько напоминающей современные подвиги синдиката Дрейфуса. Не стану останавливаться подробно на этихъ эпизодахъ журнализма, но нельзя не отмѣтить, что прошлый годъ богатъ былъ также и оживленными цензурными карами.

Въ общей сложности за годъ:

Предостереженіе получили:

1) *Хозяинъ* 2-е (10 янв.), 2) *Хозяинъ* (20 мая) 3-е предостереженіе съ пріостановкой на 2 недѣли, 3) *Сибирь* (7 іюня) 1-е предостереженіе, 4) *Русскій Трудъ* (10 ноября) 1-е предостереженіе; 5) *Свѣтъ* (14 ноября) 1-е предостереженіе; 6) *Сибирь* (13 дек.) 2-е предостереженіе.

Воспрещенія печатанія объявленій:

1) *Міровые Отголоски*, 2) *Народъ*, 3) *Сынъ Отечества*, 4) *St.-Petersbourger Zeitung* (всѣ 15 ноября), 5) *Петербургскій Листокъ* (29 ноября), 6) *Биржевыя Вѣдомости* (1 дек.), 7) *Русскій Трудъ* (1 дек.)

Воспрещеніе розничной продажи:

1) *Лучъ*, 2) *Утро* (4 янв.), *Гласность* (15 февр.), 4) *Русь* (28 февр.), 5) *Новости* (8 апр.), 6) *Русскій Листокъ* (14 ноября), 7) *Утро* (15 дек.).

Пріостановки:

1) *Минскій Листокъ* (27 февр.) на 8 мѣсяцевъ, 2) *Самарскій Вѣстникъ* (15 марта) на 4 мѣсяца, 3) *Сибирскій Вѣстникъ* (17 мая) на 8 мѣсяцевъ, 4) *Deenes Laps* (21 іюня) на 8 мѣсяцевъ, 5) *Одесскій Листокъ* (26 іюля) на два мѣсяца, 6) *Gazeta Polska* (7 дек.) на 6 мѣсяцевъ.

Наконецъ, одинъ журналъ, именно *Новое Слово*,—совершенно *прекращенъ*, по распоряженію начальства.

Эти кары, за исключеніемъ послѣдней, были, вообще говоря, направлены не столько противъ принциповъ, какъ скорѣе противъ *способа дѣйствій*, почему вѣроятно и отразились по преимуществу на редакціяхъ *новыхъ* или *реформированныхъ*, какъ менѣе опытныхъ и болѣе увлекающихся.

Не входя въ обсужденіе вопроса о политической тактичности печати, нельзя однако не признать, что она все-таки имѣетъ въ 1897 году ту заслугу, что довольно смѣло протестовала противъ антинаціональныхъ стремленій. Съ бо́льшимъ правомъ можно бы было остановиться на нѣкоторыхъ печальныхъ явленіяхъ, характеризующихъ печать 1897 года со стороны нравственной. Но и съ этой стороны приходится упрекнуть особенно тѣ же *С.-П. Вѣдомости* кн. Ухтомскаго. Нѣкоторыя „полемическія“ выходки *С.-Пет. Вѣдомостей* противъ *Свѣта* и *Московскихъ Вѣдомостей* несомнѣнно носили совершенно непристойный характеръ. Очень неразборчивы были *С.-П. Вѣдомости* и въ обвиненіи противниковъ въ политической неблагонадежности. Въ этомъ

отношеніи долженъ отмѣтить выходку *С.-Пет. Вѣдомостей* и противъ меня.

Этотъ эпизодъ достаточно выясненъ въ моемъ объясненіи (*Моск. Вѣд.* № 305), которое и привожу цѣликомъ.

Вотъ что я писалъ:

„Въ № 281 *Московскихъ Вѣдомостей* я напечаталъ статью „Варшава и Вильна въ 1863 году“, въ которой старался выяснить заслугу гр. М. Н. Муравьева по усмиренію польскаго мятежа.

„По поводу этой статьи явился журнальный извѣтъ, постепенно усиливающійся въ своей безцеремонности. Сначала *С.-Петербургскія Вѣдомости* (№ 282) заявили, въ связи съ моею статьей, о какихъ то зародившихся въ Россіи „антидержавныхъ чувствахъ“. За симъ опять, „по поводу Тихомировскихъ писаній“, *С.-Петербургскія Вѣдомости* (№ 299) объявили о возникновеніи „неслыханной крамолы“, противящейся де исполненію Высочайшихъ повелѣній, даже намекая на какую-то никому невѣдомую „лукаво работающую группу вліятельныхъ лицъ“. Послѣ этихъ инсинуацій *С. Петербургскія Вѣдомости* (№ 301) перепечатываютъ отрывки изъ другой газеты, взводящей на меня уже прямую клевету.

„Не вступая ни въ какія другія объясненія по поводу этихъ извѣтовъ, мнѣ достаточно напомнить дѣйствительное содержаніе моей статьи.

„*С.-Петербургскія Вѣдомости* (№ 301) въ упомянутой перепечаткѣ отмѣчаютъ—

„безплодныя усилія г. Тихомирова представить всю борьбу по усмиренію мятежа 1863 года *дѣломъ личностей* и свести на нѣтъ, къ полному ничтожеству, воздѣйствіе противъ польскаго мятежа и правительства, и русскаго общества, и ближайшихъ къ Престолу совѣтниковъ, и самого Царя Освободителя, Александра II... По мнѣнію г. Тихомирова, выходитъ, будто не благородная твердость Государя Александра II, не гордая воля и беззавѣтная стойкость великаго народа—не это доставило намъ перевѣсъ въ борьбѣ съ поляками за нашъ Западный край, а то обстоятельство, что одинъ изъ назначенныхъ генералъ-губернаторовъ догадался о наиболѣе цѣлесообразныхъ способахъ борьбы въ мятежномъ краѣ, да сидѣвшій въ Москвѣ на Страстномъ бульварѣ и не ладившій съ цензурой публицистъ умно, горячо и толково поддерживалъ въ печати этого генералъ-губернатора.

„Эти истолкованія моей статьи діаметрально противорѣчатъ подлинному ея тексту, незнаніемъ котораго, однако, *С.-Петербургскія Вѣдомости*, посвятившія ей особую передовую статью, отговариваться не могутъ.

„Я, напротивъ, ярко выставилъ русскому общественному мнѣнію ту особую заслугу, которую Государь Императоръ Александръ II имѣетъ въ исторіи русско-польскихъ отношеній, а именно то, что *Онъ* далъ имъ такое ясное выраженіе, какого до Него не давалъ *никто* ни среди дѣятелей государственныхъ, ни среди людей разрабатывавшихъ литературнымъ путемъ русскую національную мысль.

Я писалъ:

„Нельзя по этому случаю не отмѣтить факта, рѣзко отдѣляющаго „петербургскую“ политику отъ историческаго генія русскихъ государей. Подобно тому какъ императоръ Николай I явился „первоначальникомъ“ русскаго дѣла въ Западномъ краѣ, императоръ Александръ II первый выставилъ истинно *русскую* программу въ Варшавѣ.

„Какъ ни былъ тронутъ Государь выражавшимися Ему чувствами преданности, однако, именно въ это время Онъ заявилъ Царству программу политики, въ высшей степени благосклонной, но въ то же время глубоко проникнутой историческою идеей русско-польскихъ отношеній. Рѣчь 11 мая 1856 года останется навсегда документомъ, показывающимъ, какъ высоко стоялъ лично императоръ Александръ II надъ своими помощниками. Ничего столь яснаго не формулировалъ *до него* никто изъ русскихъ людей, не говоря уже о полякахъ. Въ самомъ дѣлѣ, программа, начертанная государемъ, давала полякамъ *забвеніе прошлаго*, обезпечивала имъ *заботу Государя о благѣ ихъ наравнѣ съ русскими*, но въ то же время требовала отказа поляковъ отъ *мечтаній* („point des rêveries“) и указывала имъ не только *государственное единеніе*, но *полное сліяніе* съ остальными народами Имперіи.

„Къ сожалѣнію, голосъ русскаго государя прозвучалъ въ 1856 году какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ Россійской Имперіи. Ни поляки, ни русскіе исполнители предначертаній государя не оказались способны ихъ понять.“

И далѣе:

„Поставленная государемъ программа не только „сліянія“, но даже „единенія“ была немедленно забыта. Не вспоминали о ней ни поляки, ни русскіе. Поляки начали понемножку предъявлять свои желанія, русскіе—понемножку исполнять ихъ.

„„Но все это сразу отклонилось отъ идеи единенія и сліянія къ совершенно противоположнымъ требованіямъ обособленности въ языкѣ, управленіи, учрежденіяхъ, въ смыслѣ національно-польской автономіи.

„Поляки ни на одну минуту не задумались надъ указанною государемъ программой единенія и сліянія. Нельзя ихъ за это и обвинять. Программа эта была *русская*, а не польская, русскіе, стало быть, должны были стать во главѣ ея практической разработки, но ничего подобнаго не сдѣлали.

„Далѣе, когда ошибки нашей *администраціи* и ея *безъидейность*, не просвѣтленная даже столь ясно выраженною *идеей* государя,—привели къ своимъ естественнымъ послѣдствіямъ, то что же вышло?

„Моя статья и въ этомъ вполнѣ ясна:

„Въ это критическое время, говорю я, когда варшавско-петербургская политика довела дѣло до кризиса, выступаетъ на сцену дѣйствія *Россія*, русскій духъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ оскорбленное и встревоженное патріотическое чувство вызываетъ рядъ *русскихъ* демонстрацій. Изъ Петербурга, изъ Москвы, изо всѣхъ мѣстъ, начинаютъ являться вѣрноподданническіе адресы въ отвѣтъ на дерзость Польши и Европы. Раздался громкій голосъ М. Н. Каткова, ставшаго трибуномъ Россія. Этотъ порывъ русскаго чувства, столь понятный сердцу Государя, произнесшаго упомянутую рѣчь 11 мая 1856 года, выдвинулъ впередъ и М. Н. Муравьева.

„Государь вполнѣ согласился съ мнѣніями М. Н. Муравьева, хотя послѣдняго буквально въ тотъ же день уже начали стараться подорвать у Государя.““

„Этого напоминанія подлиннаго текста моей статьи совершенно достаточно для изобличенія ложности вышеупомянутыхъ извѣтовъ. Само собою ясно, что изъ моей статьи вытекаетъ единственно слѣдующее прямое заключеніе:

„У насъ въ эпоху 1863 года обнаружилось въ высшей администраціи прискорбное отсутствіе національной русской идеи, каковое обстоятельство дало силу полякамъ и довело дѣло до кризиса. Но въ критическую минуту русская національная идея, столь ясная для государя уже тогда, когда она, не высказываясь, еще только таилась въ душѣ народа,—проснулась въ Россіи. Царь и народъ съ этой минуты являются соединенными, является тогда и исполнитель, одинаково чутко угадываемый

царемъ и народомъ. И всѣ бури, всѣ нестроенія мгновенно улегаются, какъ по мановенію волшебнаго жезла.

„Вотъ единственный выводъ, какой сдѣлаетъ изъ моей статьи каждый добросовѣстный читатель.“

Вотъ противъ *какихъ* обвиненій пришлось мнѣ защищаться по поводу такой статьи, какъ „Варшава и Вильна въ 1863 г.!“ За *такую* статью меня осмѣлились обвинять въ умаленіи заслугъ Императора Александра II, и намекать даже на якобы соприкосновенность мою съ какою-то крамолой, съ какою-то группой, противящейся исполненію Высочайшихъ повелѣній, то-есть совершающею актъ прямой государственной измѣны! Такихъ безсовѣстно ложныхъ доносовъ, насколько мнѣ извѣстно, наша журналистика еще и не видывала. Въ заключеніе долженъ прибавить, что кн. Ухтомскій не счелъ даже обязанностью ознакомить читателей съ моимъ возраженіемъ противъ его обвиненій меня въ столь тяжкихъ политическихъ преступленіяхъ.

А между тѣмъ послѣднее время тѣ же самыя *С.-Петербургскія Вѣдомости* съ какимъ-то меланхолическимъ видомъ вздыхаютъ по „свободному слову“ и цитируютъ Хомякова:

„О, слово, даръ Бога святой“ и т. д.

Требуя уваженія къ свободѣ Божьяго дара, можно ли самому такъ мало уважать его? Надѣюсь, что оно дано, по крайней мѣрѣ Богомъ, не одному князю Ухтомскому. Защищая Россію въ польскомъ вопросѣ, я имѣю на то свои убѣжденія, которыя нахожу гораздо болѣе обоснованными, какъ теоретически, такъ и исторически, нежели истинно невѣжественное полонофильство кн. Ухтомскаго, и ужь конечно не Хомяковъ разрѣшилъ бы ему прибѣгать въ „полемикѣ“ къ подобнымъ пріемамъ уничтоженія противника.

Перейдемъ къ внутренней, такъ сказать, корпоративной жизни печати. За истекшій годъ здѣсь происходило тоже не мало шумныхъ эпизодовъ, особенно около „суда чести“. На первомъ планѣ конечно стояло пресловутое „дѣло“ г-жи Поповой, лучше всѣхъ обрисованное г. Медвѣдскимъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 260) и г. Льдовымъ *въ Сѣверномъ Вѣстникѣ* и въ особой брошюрѣ „Вопіющее дѣло“. Очень остроумно подвелъ итоги дѣлишкамъ этого „суда чести“ г. Амфитеатровъ въ своемъ новогоднемъ фельетонѣ *Новаго Времени.* Не смотря на все это, *Союзъ Писателей* въ общемъ не имѣетъ причинъ жаловаться на про-

шлый годъ. Что бы ни кричала полемика, онъ процвѣтаетъ и развивается, напоминая мнѣ одну старую эпиграмму на безсильныхъ „обличителей“:

Вотъ ѣдетъ рыцарь современный,
Копьемъ пера вооруженный,
Онъ имъ, пожалуй, и кольнетъ,
Пожалуй, пригвоздитъ къ бумагѣ,
Но жертва рыцарской отваги,
Наставивъ носъ ему, живетъ...

Живетъ себѣ благополучно и *Союзъ Писателей.*

Въ связи съ этимъ процвѣтающимъ учрежденіемъ естественно вспоминается другое учрежденіе, именно Постоянная Комиссія при Академіи Наукъ. О дѣятельности ея наоборотъ слышно очень мало. Въ газетахъ былъ публикованъ отчетъ за 1897 годъ, изъ коего видно слѣдующее:

„Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, въ сочувственномъ вниманіи къ нуждамъ необезпеченныхъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ, благоугодно было увеличить средства коммиссіи ежегоднымъ пожалованіемъ 300 рублей, для причисленія ихъ къ капиталу имени Императора Николая II. Кромѣ того, отъ суммъ минувшаго года имѣлся остатокъ въ размѣрѣ 1.618 руб. 43 коп., и, сверхъ того, въ теченіе года по разнымъ случаямъ возвращено 214 руб. 80 к.; такимъ образомъ въ отчетномъ году въ распоряженіи коммиссіи, вмѣстѣ съ отпускаемыми ежегодно, согласно Высочайшему указу 13 января 1895 года, 50.000 руб., имѣлось 52.133 руб. 23 коп. Въ теченіе отчетнаго года комиссія имѣла 22 совѣщанія, на которыхъ разсмотрѣно 451 ходатайство, изъ нихъ 422 представлены самими нуждающимися, а 29 заявленій сдѣлано со стороны извѣстныхъ въ наукѣ и въ литературѣ лицъ о разныхъ нуждающихся въ помощи писателяхъ. Всего удовлетворено 271 ходатайство, въ томъ числѣ 165 въ С.-Петербургѣ, 102 въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи и 4 за границей. Пенсіи имени Императора Николая II назначены 6 лицамъ, на сумму 1.572 руб., что съ назначенными ранѣе на пенсіи 15.360 руб., составляетъ 16.932 руб. въ годъ. Единовременныя пособія выданы 169 лицамъ, на сумму 10.980 руб., въ томъ числѣ 14 лицамъ для уплаты за обученіе дѣтей, и въ 1 случаѣ на погребеніе скончавшагося писателя; въ томъ же числѣ, въ 34 случаяхъ была

оказана помощь въ общей сложности на 1.217 руб., экстренно изъ аванса, находящагося въ распоряженіи предсѣдателя комиссіи. Выданы пособія, разсроченныя помѣсячно, 96 лицамъ, на сумму 24.215 р., въ томъ числѣ въ 10 случаяхъ на воспитаніе дѣтей нуждающихся писателей. Обиліе поступающихъ въ комиссію просьбъ не разъ ставило ее въ невозможность удовлетворять ихъ въ просимыхъ размѣрахъ; однако, произведенными выдачами были устраняемы по крайней мѣрѣ наиболѣе существенныя нужды ученыхъ и литераторовъ, имѣющихъ источникомъ заработка участіе въ печати, особенно періодической, а также многихъ вдовъ и сиротъ умершихъ писателей".

Итакъ, за исключеніемъ взноса Ея Величества Вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Академическая Комиссія никакихъ пожертвованій изъ общества не привлекла. Въ этомъ нельзя не видѣть указанія на недостаточно правильную обстановку дѣла. Въ частности позволительно спросить: почему не публикуются имена лицъ получившихъ *пенсію*? Разныя мелкія пособія имѣютъ столь рѣзко *благотворительный* характеръ, что опубликованіе ихъ конечно можетъ очень стѣснять нуждающихся. Но *пенсія* это скорѣе *почетная награда* полезной дѣятельности, нежели дѣло благотворенія. Почему же скрывать имена лицъ, такой награды удостоиваемыхъ? Сколько нибудь активное содѣйствіе самого слоя писателей, а тѣмъ болѣе публики, не можетъ являться иначе, какъ при болѣе или менѣе ясномъ представленіи о дѣятельности Постоянной Комиссіи, тѣмъ болѣе, что она составляетъ учрежденіе *новое*. Довѣрія *традиціоннаго* она еще не можетъ требовать отъ публики. А между тѣмъ самъ отчетъ свидѣтельствуетъ что *„обиліе поступающихъ въ Комиссію просьбъ не разъ ставило ее въ невозможность удовлетворить ихъ въ просимыхъ размѣрахъ"*. Стало быть притокъ новыхъ средствахъ отнюдь бы не оказался излишенъ. Да и со стороны чисто нравственной проявляніе общественнаго сочувствія къ задачамъ Комиссіи тоже было бы очень желательно и полезно для дальнѣйшаго развитія учрежденія, которое могло бы сколько нибудь охранить независимую часть дѣятелей печати отъ все болѣе усиливающагося преобладанія представителей либеральныхъ направленій.

Къ числу показателей умственнаго и нравственнаго развитія общества относится степень умѣнья цѣнить и уважать таланты, украшающіе его. Въ этомъ отношеніи 1897 годъ далъ нашей

печати нѣкоторое испытаніе въ видѣ прискорбной кончины знаменитаго нашего клинициста Г. А. Захарьина.

Можно по этому случаю съ истиннымъ удовольствіемъ отмѣтить спокойное и приличное безпристрастіе, проявленное *Русскими Вѣдомостями*. Но за то рѣдко попадается такая рѣжущая ухо пошлость, какъ фельетонъ „Визитъ у Захарьина" нѣкоего Z въ № 7844 *Новаго Времени*. Это было 29 декабря, когда покойнаго едва успѣли проводить въ могилу. Но г. Z съ какою-то подкаретною развязностью словно торопился нагромоздить въ своемъ фельетонѣ кучу самыхъ дрянныхъ сплетенъ о едва отпѣтомъ покойникѣ.

И чего только тутъ нѣтъ? Г. А. Захарьинъ будто бы лѣчилъ даромъ гр. Д. Толстого, пока его можно было вылѣчивать, а когда надежда на выздоровленіе столь вліятельнаго человѣка прошла—то *взялъ деньги*. Смыслъ грязнаго намека слишкомъ ясенъ! Точно также—будто бы Захарьинъ составилъ состояніе не гонораромъ за лѣченье, а благодаря „дружбѣ съ извѣстнымъ еврейскимъ банкиромъ"...[1] Далѣе: „въ лицѣ его (Захарьина) сохранились слѣды семитическаго происхожденія, такъ какъ Захарьинъ, какъ и знаменитый Пироговъ (?), хотя русскіе по воспитанію и вѣрѣ, *были семиты, не знаю съ какой примѣсью русской крови и въ какомъ поколѣніи*".

Вотъ съ какимъ легкимъ сердцемъ отдаютъ гг. Z нашихъ Захарьиныхъ „семитамъ". Черта, да позволено мнѣ будетъ сказать, вполнѣ „Хамитская", черта тѣхъ „Хамитовъ", которые заражаютъ наше общество хуже всякихъ „семитовъ".

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 357) г. Иванъ Захарьинъ уже разъяснилъ всю вздорность этихъ хамитическихъ росказней о происхожденіи покойнаго Г. А. Захарьина. „Московскій профессоръ, говоритъ онъ, дѣйствительно принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, имѣвшей въ прошломъ столѣтіи три развѣтвленія: коренный родъ (обѣднѣвшій) остался по прежнему въ дворянствѣ Московской губерніи, а два побочныхъ стали дворянами Калужской губерніи и Саратовской. Къ первому роду принадлежитъ между прочимъ Н. П. Захарьина, бывшая невѣста А. И. Герцена, ко второму роду, Саратовскому, покойный Григорій Антоновичъ".

Къ сообщенію автора можно добавить, что отецъ Г. А. Захарьина былъ военный и между прочимъ участвовалъ въ 1814 г. при взятіи Парижа. Что касается сплетни о „семитизмѣ", под-

[1] По словамъ близкихъ Захарьину лицъ—это совершенная неправда.

хваченной „хамитомъ“ *Новаго Времени,* то она основана на слѣдующемъ. Мать Г. А. Захарьина была урожденная Гейманъ, дочь профессора Московскаго университета, а объ этомъ профессорѣ говорили въ то время, т. е. за два поколѣнія до насъ, что онъ „изъ евреевъ“, т. е., стало быть, что *дѣдъ* матери Г. А. Захарьина былъ будто бы еврей. Правда ли это—не знаю, но если и правда, то во всякомъ случаѣ нужно быть самому или фанатичнымъ семитомъ или прирожденнымъ „хамитомъ“, чтобы на этомъ основаніи отнимать Захарьина у русскихъ и толковать о „семитическомъ происхожденіи“ человѣка, Россіи обязаннаго 90% своей крови, и Россію прославляющаго своимъ именемъ.

Не забудемъ, что такое составлялъ Г. А. Захарьинъ для нашей медицины. Вѣдь послѣ Пирогова, у насъ только и есть два великихъ свѣтила медицины—*Боткинъ* и *Захарьинъ.* Вѣдь болѣе всего благодаря имъ двумъ медицина стала наконецъ *русскою* наукой, *русскимъ* искусствомъ. Въ нашей спеціальной литературѣ есть прекрасная работа проф. Н. Ф. Голубова „О направленіяхъ въ русской клинической медицинѣ“, гдѣ авторъ, оговариваясь, что онъ самъ ученикъ Захарьина, прекрасно обрисовываетъ значеніе этихъ двухъ школъ, въ совокупности составляющихъ всю русскую медицину. Приведу заключеніе этого талантливаго очерка.

„Петербургская школа (то-есть школа *Боткина*), говоритъ авторъ, задавалась цѣлью поставить клиническую медицину въ разрядъ точныхъ наукъ, пренебрегая, къ сожалѣнію, медициной какъ искусствомъ; отсюда проистекаютъ всѣ ея главнѣйшія достоинства и недостатки.

„Главнѣйшія достоинства — это *перенесеніе на русскую почву экспериментальной патологіи и разработка отвлеченныхъ, „философскихъ“ вопросовъ общей патологіи*; но эти достоинства, въ силу односторонняго увлеченія идеей „точной“ медицины, были куплены дорогою цѣной: односторонній, поэтому и неудовлетворительный, методъ клиническаго изслѣдованія; односторонняя грубо-реальная діагностика; неудовлетворительная терапія. *Желая быть позитивной*, Петербургская школа на самомъ дѣлѣ *стала представительницей отвлеченной,* нереальной, далекой отъ условій дѣйствительности клинической медицины.

„Московская школа (т.-е. *Захарьина*), разработывая, культивируя клиническую медицину, какъ искусство, въ силу этого оставалась на почвѣ реальной дѣйствительности, почему направленіе ея не-

обходимо признать вполнѣ *реальнымъ, чисто клиническимъ*. Главныя достоинства ея—это *превосходный методъ изслѣдованія, всесторонняя, тонкая діагностика и превосходная реальная*, подобная художественному изваянію, *терапія*. Приверженцы другого направленія могутъ упрекнуть Московскую школу въ пренебреженіи къ теоріи болѣзни и въ отвращеніи къ „праздному гипотетизированію"; но вѣдь это есть логическое слѣдствіе ея истинной реальности. Могутъ упрекнуть также въ недостаточномъ культивированіи эксперимента; но, какъ было разъяснено выше, наблюденіе у постели больного, а не экспериментъ лежитъ въ основѣ созданнаго Московскою школой прочнаго зданія клинической медицины".

„Итакъ, Московская школа есть представительница реальной и практической медицины—той гиппократической клиники, которая пережила многія столѣтія и безчисленныя доктрины и системы. Петербургская же школа есть представительница теоретической и экспериментальной клиники, представительница своего вѣка—второй половины имѣющаго скоро отойти въ вѣчность девятнадцатаго столѣтія".

Вотъ изъ какихъ людей былъ покойный. Много ли ихъ у насъ? Можно бы безъ сожалѣнія отдать семитамъ всѣхъ гг. Z, какіе только найдутся въ Россіи, но отказываться—здорово живешь—отъ Пироговыхъ, Боткиныхъ или Захарьиныхъ—уже и не знаю какая пустота головы и сердца нужна для этого! Непростительную ошибку *Новаго Времени* составляетъ допущеніе этой гаденькой статейки.

Г. Z. болтаетъ далѣе о жадности Г. А. Захарьина! Онъ также говоритъ: „Тогда еще Захарьинъ *не дѣлалъ своего пожертвованія въ пользу церковно-приходскихъ школъ и пользовался у молодежи популярностью"*... Что это за дичь?.. Московская медицинская молодежь конечно много виновата передъ Г. А. Захарьинымъ (и сама передъ собой) въ другихъ отношеніяхъ, но откуда взята нелѣпость, будто бы *пожертвованіе на школы* могло сдѣлать Захарьина непопулярнымъ? Ничѣмъ такого обвиненія наша молодежь не заслужила, и фактически и хронологически оно совершенно вздорно. Сверхъ того во всю жизнь свою Г. А. Захарьинъ очень не мало жертвовалъ и на Университетъ, какъ и вообще помогалъ весьма многимъ. Его помощь разнымъ лицамъ большею частью дѣлалась очень деликатно, безъ огласки, но все-таки

многіе факты ея извѣстны многимъ. Такъ и мнѣ пришлось слышать еще недавно объ отправкѣ Г. А. Захарьинымъ *на свой счетъ* заграницу одного талантливаго начинающаго ученаго, и это случай далеко не единственный.

Извѣстенъ также капиталъ Захарьина для студентовъ-медиковъ (10.000 р.). Извѣстны значительныя пожертвованія Захарьина на *Московское физико-медицинское общество.* Въ клиникахъ больные на счетъ Захарьина сплошь и рядомъ получали теплое платье и т. п. Извѣстно также, что Захарьинъ жертвовалъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ какъ жалованье, такъ и гонараръ, что, говорятъ, въ общей сложности составило болѣе 30.000 р. Совершенно ложно, какъ утверждаютъ близкіе люди, сообщеніе г. Z. о гр. Д. Толстомъ. Г. А. Захарьинъ [1] ни раньше ни позже не бралъ и не взялъ денегъ съ гр. Д. Толстого. Это случай тоже далеко не единственный. Захарьинъ дорого цѣнилъ свое время, но во многихъ случаяхъ *совсѣмъ не принималъ* платы съ людей, особенно ему по принципу симпатичныхъ, или же—по его мнѣнію—недостаточно состоятельныхъ.

Такова-то основательность сплетенъ, которыми грязнится общественное представленіе о знаменитомъ русскомъ клиницистѣ. Не хотѣлось бы и останавливаться на этихъ пошлостяхъ. Но „хамитство" нигдѣ не производитъ болѣе ядовитаго вреда, какъ проникая въ область печати, дающей ему такія удобныя орудія дѣйствія. Хамитамъ какъ будто легче дышется, когда передъ обществомъ нѣтъ объектовъ почтенія, нѣтъ людей, которыхъ великій умъ и трудъ такъ рѣзко оттѣняютъ ничтожество ничтожностей. Хамитъ органически чувствуетъ потребность все „развѣнчать"... И чего только у насъ не развѣнчивали люди этой злополучной породы! Покойный Г. А. Захарьинъ лишь раздѣлилъ участь многихъ, какъ и онъ, виновныхъ передъ хамитами своею силой, своимъ выдающимся значеніемъ, своею авторитетностью. *Новое Время* само часто говоритъ объ опасностяхъ семитскаго захвата. Но кто же виноватъ въ созданіи этой опасности болѣе, чѣмъ все опошливающее, все грязнящее хамитство, безъ отпора живущее среди насъ и постоянно подтачивающее въ русскихъ уваженіе къ чему бы то ни было русскому? Такъ ли относятся къ себѣ „семиты"? Какъ же имъ не захватывать общества, разъѣдаемаго нашимъ „хамитствомъ"?

Л. Тихомировъ.

---

[1] Это мнѣ передавали со словъ родныхъ гр. Д. Толстого.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.

VII.

К. М. Станюковичъ, „Жрецы", романъ *Русское Богатство* 1897 года, кн. V—XII.

„Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ"... Но еще бо̀льшая бѣда, по моему мнѣнію, когда посредственный беллетристъ, таланта котораго хватаетъ ровно на полудюжины недурненькихъ разсказиковъ и новѣстушекъ, начинаетъ вымучивать изъ себя большой романъ. Зрѣлище получается довольно нелѣпое, такъ какъ злополучный авторъ въ концѣ-концовъ уподобляется крыловской лягушкѣ, имитирующей вола.

Г. Станюковичъ, однако, не хочетъ понять этой простой истины. Когда онъ писалъ свои непритязательные разсказы изъ морского быта, доставившіе ему вполнѣ заслуженную извѣстность, когда онъ не рядился въ павлиньи перья, а оставался самимъ собою, то-есть въ скромной роли безхитростнаго разсказчика, его можно было читать съ удовольствіемъ и интересомъ, но лишь только появились на сцену разные эти „омуты" и „первые шаги" *прежнему* г. Станюковичу только и осталось, что самому себѣ прочитать отходную да заживо похоронить себя, такъ сказать, въ склепѣ неудачныхъ романистовъ. Чтобы убѣдиться лишній разъ въ томъ, что это такъ, достаточно ознакомиться съ его новымъ романомъ „Жрецы". „Жрецы"—это профессора, мало того—это профессора Московскаго университета. Какъ видите, г. Станюковичъ довольно безцеремонно обзываетъ ироническою кличкой цѣлую, *опредѣленную* корпорацію лицъ и притомъ *извѣстныхъ* лицъ, которыхъ при желаніи можно даже пересчитать по пальцамъ. Это совсѣмъ новый „литературный" пріемъ, кажется, еще не практиковавшійся ни у насъ, ни заграницей. Надо думать, что послѣдователи г. Станюковича пой-

многіе факты ея извѣстны многимъ. Такъ и мнѣ пришлось слышать еще недавно объ отправкѣ Г. А. Захарьинымъ *на свой счетъ* заграницу одного талантливаго начинающаго ученаго, и это случай далеко не единственный.

Извѣстенъ также капиталъ Захарьина для студентовъ-медиковъ (10.000 р.). Извѣстны значительныя пожертвованія Захарьина на *Московское физико-медицинское общество*. Въ клиникахъ больные на счетъ Захарьина сплошь и рядомъ получали теплое платье и т. п. Извѣстно также, что Захарьинъ жертвовалъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ какъ жалованье, такъ и гонараръ, что, говорятъ, въ общей сложности составило болѣе 30.000 р. Совершенно ложно, какъ утверждаютъ близкіе люди, сообщеніе г. Z. о гр. Д. Толстомъ. Г. А. Захарьинъ [1] ни раньше ни позже не бралъ и не взялъ денегъ съ гр. Д. Толстого. Это случай тоже далеко не единственный. Захарьинъ дорого цѣнилъ свое время, но во многихъ случаяхъ *совсѣмъ не принималъ* платы съ людей, особенно ему по принципу симпатичныхъ, или же—по его мнѣнію—недостаточно состоятельныхъ.

Такова-то основательность сплетенъ, которыми грязнится общественное представленіе о знаменитомъ русскомъ клиницистѣ. Не хотѣлось бы и останавливаться на этихъ пошлостяхъ. Но „хамитство" нигдѣ не производитъ болѣе ядовитаго вреда, какъ проникая въ область печати, дающей ему такія удобныя орудія дѣйствія. Хамитамъ какъ будто легче дышется, когда передъ обществомъ нѣтъ объектовъ почтенія, нѣтъ людей, которыхъ великій умъ и трудъ такъ рѣзко оттѣняютъ ничтожество ничтожностей. Хамитъ органически чувствуетъ потребность все „развѣнчать"... И чего только у насъ не развѣнчивали люди этой злополучной породы! Покойный Г. А. Захарьинъ лишь раздѣлилъ участь многихъ, какъ и онъ, виновныхъ передъ хамитами своею силой, своимъ выдающимся значеніемъ, своею авторитетностью. *Новое Время* само часто говоритъ объ опасностяхъ семитскаго захвата. Но кто же виноватъ въ созданіи этой опасности болѣе, чѣмъ все опошливающее, все грязнящее хамитство, безъ отпора живущее среди насъ и постоянно подтачивающее въ русскихъ уваженіе къ чему бы то ни было русскому? Такъ ли относятся къ себѣ „семиты"? Какъ же имъ [не] захватывать общества, разъѣдаемаго нашимъ „хамитствомъ"?

Л. Тихомировъ.

[1] Это мнѣ передавали со словъ родныхъ гр. Д. Толстого.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.

VII.

К. М. Станюковичъ, „Жрецы“, романъ *Русское Богатство* 1897 года, кн. V—XII.

„Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ“... Но еще бòльшая бѣда, по моему мнѣнію, когда посредственный беллетристъ, таланта котораго хватаетъ ровно на полудюжины недурненькихъ разсказиковъ и новѣстушекъ, начинаетъ вымучивать изъ себя большой романъ. Зрѣлище получается довольно нелѣпое, такъ какъ злополучный авторъ въ концѣ-концовъ уподобляется крыловской лягушкѣ, имитирующей вола.

Г. Станюковичъ, однако, не хочетъ понять этой простой истины. Когда онъ писалъ свои непритязательные разсказы изъ морскаго быта, доставившіе ему вполнѣ заслуженную извѣстность, когда онъ не рядился въ павлиньи перья, а оставался самимъ собою, то-есть въ скромной роли безхитростнаго раз-
сказчика, [illegible]ожно был[illegible]ать съ удовольствіемъ и интере-
сомъ, н[illegible] только п[illegible]ь на сцену разные эти „омуты“
[illegible] „пер[illegible]“ *преж*[illegible] Станюковичу только и осталось,
[illegible]о с[illegible]ебѣ пр[illegible] отходную да заживо похоронить
[illegible]бя, [illegible]азать, [illegible] неудачныхъ романистовъ. Чтобы
[illegible]бѣд[illegible]шній р[illegible]мъ, что это [illegible] достаточно озна-
[illegible]ом[illegible]его но[illegible]номъ „Жре[illegible]рецы“—это про-
фе[illegible]ло тог[illegible]офессора М[illegible]го университета.
К[illegible]те, г. [illegible]чъ довол[illegible]емонно обзываетъ
[illegible]ю к[illegible]ую, *опре*[illegible] корпорацію лицъ и
[illegible] *извѣ*[illegible]ь, котор[illegible]еланіи можно даже
[illegible]ть [illegible]. Это [illegible]вый „литературный“
[illegible]ка[illegible]не пр[illegible]ся ни у насъ, ни за-
[illegible]й. [illegible], что[illegible]ли г. Станюковича пой-

царемъ и народомъ. И всѣ бури, всѣ нестроенія мгновенно улегаются, какъ по мановенію волшебнаго жезла.

„Вотъ единственный выводъ, какой сдѣлаетъ изъ моей статьи каждый добросовѣстный читатель."

Вотъ противъ *какихъ* обвиненій пришлось мнѣ защищаться по поводу такой статьи, какъ „Варшава и Вильна въ 1863 г.!" За *такую* статью меня осмѣлились обвинять въ умаленіи заслугъ Императора Александра II, и намекать даже на якобы соприкосновенность мою съ какою-то крамолой, съ какою-то группой, противящейся исполненію Высочайшихъ повелѣній, то-есть совершающею актъ прямой государственной измѣны! Такихъ безсовѣстно ложныхъ доносовъ, насколько мнѣ извѣстно, наша журналистика еще и не видывала. Въ заключеніе долженъ прибавить, что кн. Ухтомскій не счелъ даже обязанностью ознакомить читателей съ моимъ возраженіемъ противъ его обвиненій меня въ столь тяжкихъ политическихъ преступленіяхъ.

А между тѣмъ послѣднее время тѣ же самыя *С.-Петербургскія Вѣдомости* съ какимъ-то меланхолическимъ видомъ вздыхаютъ по „свободному слову" и цитируютъ Хомякова:

„О, слово, даръ Бога святой" и т. д.

Требуя уваженія къ свободѣ Божьяго дара, можно ли самому такъ мало уважать его? Надѣюсь, что оно дано, по крайней мѣрѣ Богомъ, не одному князю Ухтомскому. Защищая Россію въ польскомъ вопросѣ, я имѣю на то свои убѣжденія, которыя нахожу гораздо болѣе обоснованными, какъ теоретически, такъ и исторически, нежели истинно невѣжественное полонофильство кн. Ухтомскаго, и ужь конечно не Хомяковъ разрѣшилъ бы ему прибѣгать въ „полемикѣ" къ подобнымъ пріемамъ уничтоженія противника.

Перейдемъ къ внутренней, такъ сказать, корпоративной жизни печати. За истекшій годъ здѣсь происходило тоже не мало шумныхъ эпизодовъ, особенно около „суда чести". На первомъ планѣ конечно стояло пресловутое „дѣло" г-жи Поповой, лучше всѣхъ обрисованное г. Медвѣдскимъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 260) и г. Льдовымъ *въ Сѣверномъ Вѣстникѣ* и въ особой брошюрѣ „Вопіющее дѣло". Очень остроумно подвелъ итоги дѣлишкамъ этого „суда чести" г. Амфитеатровъ въ своемъ новогоднемъ фельетонѣ *Новаго Времени.* Не смотря на все это, *Союзъ Писателей* въ общемъ не имѣетъ причинъ жаловаться на про-

шлый годъ. Что бы ни кричала полемика, онъ процвѣтаетъ и развивается, напоминая мнѣ одну старую эпиграмму на безсильныхъ „обличителей“:

Вотъ ѣдетъ рыцарь современный,
Копьемъ пера вооруженный,
Онъ имъ, пожалуй, и кольнетъ,
Пожалуй, пригвоздитъ къ бумагѣ,
Но жертва рыцарской отваги,
Наставивъ носъ ему, живетъ...

Живетъ себѣ благополучно и *Союзъ Писателей.*

Въ связи съ этимъ процвѣтающимъ учрежденіемъ естественно вспоминается другое учрежденіе, именно Постоянная Комиссія при Академіи Наукъ. О дѣятельности ея наоборотъ слышно очень мало. Въ газетахъ былъ публикованъ отчетъ за 1897 годъ, изъ коего видно слѣдующее:

„Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ сочувственномъ вниманіи къ нуждамъ необезпеченныхъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ, благоугодно было увеличить средства коммиссіи ежегоднымъ пожалованіемъ 300 рублей, для причисленія ихъ къ капиталу имени Императора Николая II. Кромѣ того, отъ суммъ минувшаго года имѣлся остатокъ въ размѣрѣ 1.618 руб. 43 коп., и, сверхъ того, въ теченіе года по разнымъ случаямъ возвращено 214 руб. 80 к.; такимъ образомъ въ отчетномъ году въ распоряженіи коммиссіи, вмѣстѣ съ отпускаемыми ежегодно, согласно Высочайшему указу 13 января 1895 года, 50.000 руб., имѣлось 52.133 руб. 23 коп. Въ теченіе отчетнаго года комиссія имѣла 22 совѣщанія, на которыхъ разсмотрѣно 451 ходатайство, изъ нихъ 422 представлены самими нуждающимися, а 29 заявленій сдѣлано со стороны извѣстныхъ въ наукѣ и въ литературѣ лицъ о разныхъ нуждающихся въ помощи писателяхъ. Всего удовлетворено 271 ходатайство, въ томъ числѣ 165 въ С.-Петербургѣ, 102 въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи и 4 за границей. Пенсіи имени Императора Николая II назначены 6 лицамъ, на сумму 1.572 руб., что съ назначенными ранѣе на пенсіи 15.360 руб., составляетъ 16.932 руб. въ годъ. Единовременныя пособія выданы 169 лицамъ, на сумму 10.980 руб., въ томъ числѣ 14 лицамъ для уплаты за обученіе дѣтей, и въ 1 случаѣ на погребеніе скончавшагося писателя; въ томъ же числѣ, въ 34 случаяхъ была

34*

оказана помощь въ общей сложности на 1.217 руб., экстренно изъ аванса, находящагося въ распоряженіи предсѣдателя комиссіи. Выданы пособія, разсроченныя помѣсячно, 96 лицамъ, на сумму 24.215 р., въ томъ числѣ въ 10 случаяхъ на воспитаніе дѣтей нуждающихся писателей. Обиліе поступающихъ въ комиссію просьбъ не разъ ставило ее въ невозможность удовлетворять ихъ въ просимыхъ размѣрахъ; однако, произведенными выдачами были устраняемы по крайней мѣрѣ наиболѣе существенныя нужды ученыхъ и литераторовъ, имѣющихъ источникомъ заработка участіе въ печати, особенно періодической, а также многихъ вдовъ и сиротъ умершихъ писателей".

Итакъ, за исключеніемъ взноса Ея Величества Вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Академическая Комиссія никакихъ пожертвованій изъ общества не привлекла. Въ этомъ нельзя не видѣть указанія на недостаточно правильную обстановку дѣла. Въ частности позволительно спросить: почему не публикуются имена лицъ получившихъ *пенсію*? Разныя мелкія пособія имѣютъ столь рѣзко *благотворительный* характеръ, что опубликованіе ихъ конечно можетъ очень стѣснять нуждающихся. Но *пенсія* это скорѣе *почетная награда* полезной дѣятельности, нежели дѣло благотворенія. Почему же скрывать имена лицъ, такой награды удостоиваемыхъ? Сколько нибудь активное содѣйствіе самого слоя писателей, а тѣмъ болѣе публики, не можетъ являться иначе, какъ при болѣе или менѣе ясномъ представленіи о дѣятельности Постоянной Комиссіи, тѣмъ болѣе, что она составляетъ учрежденіе *новое*. Довѣрія *традиціоннаго* она еще не можетъ требовать отъ публики. А между тѣмъ самъ отчетъ свидѣтельствуетъ что *„обиліе поступающихъ въ Комиссію просьбъ не разъ ставило ее въ невозможность удовлетворить ихъ въ просимыхъ размѣрахъ"*. Стало быть притокъ новыхъ средствахъ отнюдь бы не оказался излишенъ. Да и со стороны чисто нравственной проявляніе общественнаго сочувствія къ задачамъ Комиссіи тоже было бы очень желательно и полезно для дальнѣйшаго развитія учрежденія, которое могло бы сколько нибудь охранить независимую часть дѣятелей печати отъ все болѣе усиливающагося преобладанія представителей либеральныхъ направленій.

Къ числу показателей умственнаго и нравственнаго развитія общества относится степень умѣнья цѣнить и уважать таланты, украшающіе его. Въ этомъ отношеніи 1897 годъ далъ нашей

печати нѣкоторое испытаніе въ видѣ прискорбной кончины знаменитаго нашего клинициста Г. А. Захарьина.

Можно по этому случаю съ истиннымъ удовольствіемъ отмѣтить спокойное и приличное безпристрастіе, проявленное *Русскими Вѣдомостями.* Но за то рѣдко попадается такая рѣжущая ухо пошлость, какъ фельетонъ „Визитъ у Захарьина“ нѣкоего Z въ № 7844 *Новаго Времени.* Это было 29 декабря, когда покойнаго едва успѣли проводить въ могилу. Но г. Z съ какою-то подкаретною развязностью словно торопился нагромоздить въ своемъ фельетонѣ кучу самыхъ дрянныхъ сплетенъ о едва отпѣтомъ покойникѣ.

И чего только тутъ нѣтъ? Г. А. Захарьинъ будто бы лѣчилъ даромъ гр. Д. Толстого, пока его можно было вылѣчивать, а когда надежда на выздоровленіе столь вліятельнаго человѣка прошла—то *взялъ деньги.* Смыслъ грязнаго намека слишкомъ ясенъ! Точно также—будто бы Захарьинъ составилъ состояніе не гонораромъ за лѣченье, а благодаря „дружбѣ съ извѣстнымъ еврейскимъ банкиромъ“...[1] Далѣе: „въ лицѣ его (Захарьина) сохранились слѣды семитическаго происхожденія, такъ какъ Захарьинъ, какъ и знаменитый Пироговъ (?), хотя русскіе по воспитанію и вѣрѣ, *были семиты, не знаю съ какой примѣсью русской крови и въ какомъ поколѣніи*“.

Вотъ съ какимъ легкимъ сердцемъ отдаютъ гг. Z нашихъ Захарьиныхъ „семитамъ“. Черта, да позволено мнѣ будетъ сказать, вполнѣ „Хамитская“, черта тѣхъ „Хамитовъ“, которые заражаютъ наше общество хуже всякихъ „семитовъ“.

Въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 357) г. Иванъ Захарьинъ уже разъяснилъ всю вздорность этихъ хамитическихъ росказней о происхожденіи покойнаго Г. А. Захарьина. „Московскій профессоръ, говоритъ онъ, дѣйствительно принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, имѣвшей въ прошломъ столѣтіи три развѣтвленія: коренный родъ (обѣднѣвшій) остался по прежнему въ дворянствѣ Московской губерніи, а два побочныхъ стали дворянами Калужской губерніи и Саратовской. Къ первому роду принадлежитъ между прочимъ Н. П. Захарьина, бывшая невѣста А. И. Герцена, ко второму роду, Саратовскому, покойный Григорій Антоновичъ“.

Къ сообщенію автора можно добавить, что отецъ Г. А. Захарьина былъ военный и между прочимъ участвовалъ въ 1814 г. при взятіи Парижа. Что касается сплетни о „семитизмѣ“, под-

[1] По словамъ близкихъ Захарьину лицъ—это совершенная неправда.

хваченной „хамитомъ“ *Новаго Времени,* то она основана на слѣдующемъ. Мать Г. А. Захарьина была урожденная Гейманъ, дочь профессора Московскаго университета, а объ этомъ профессорѣ говорили въ то время, т. е. за два поколѣнія до насъ, что онъ „изъ евреевъ“, т. е., стало быть, что *дѣдъ* матери Г. А. Захарьина былъ будто бы еврей. Правда ли это—не знаю, но если и правда, то во всякомъ случаѣ нужно быть самому или фанатичнымъ семитомъ или прирожденнымъ „хамитомъ“, чтобы на этомъ основаніи отнимать Захарьина у русскихъ и толковать о „семитическомъ происхожденіи“ человѣка, Россіи обязаннаго 90% своей крови, и Россію прославляющаго своимъ именемъ.

Не забудемъ, что такое составлялъ Г. А. Захарьинъ для нашей медицины. Вѣдь послѣ Пирогова, у насъ только и есть два великихъ свѣтила медицины—*Боткинъ* и *Захарьинъ.* Вѣдь болѣе всего благодаря имъ двумъ медицина стала наконецъ *русскою* наукой, *русскимъ* искусствомъ. Въ нашей спеціальной литературѣ есть прекрасная работа проф. Н. Ф. Голубова „О направленіяхъ въ русской клинической медицинѣ“, гдѣ авторъ, оговариваясь, что онъ самъ ученикъ Захарьина, прекрасно обрисовываетъ значеніе этихъ двухъ школъ, въ совокупности составляющихъ всю русскую медицину. Приведу заключеніе этого талантливаго очерка.

„Петербургская школа (то-есть школа *Боткина*), говоритъ авторъ, задавалась цѣлью поставить клиническую медицину въ разрядъ точныхъ наукъ, пренебрегая, къ сожалѣнію, медициной какъ искусствомъ; отсюда проистекаютъ всѣ ея главнѣйшія достоинства и недостатки.

„Главнѣйшія достоинства — это *перенесеніе на русскую почву экспериментальной патологіи и разработка отвлеченныхъ, „философскихъ“ вопросовъ общей патологіи*; но эти достоинства, въ силу односторонняго увлеченія идеей „точной“ медицины, были куплены дорогою цѣной: односторонній, поэтому и неудовлетворительный, методъ клиническаго изслѣдованія; односторонняя грубо-реальная діагностика; неудовлетворительная терапія. *Желая быть позитивной*, Петербургская школа на самомъ дѣлѣ *стала представительницей отвлеченной*, нереальной, далекой отъ условій дѣйствительности клинической медицины.

„Московская школа (т.-е. *Захарьина*), разработывая, культивируя клиническую медицину, какъ искусство, въ силу этого оставалась на почвѣ реальной дѣйствительности, почему направленіе ея не-

обходимо признать вполнѣ *реальнымъ, чисто клиническимъ*. Главныя достоинства ея—это *превосходный методъ изслѣдованія, всесторонняя, тонкая діагностика и превосходная реальная*, подобная художественному изваянію, *терапія*. Приверженцы другого направленія могутъ упрекнуть Московскую школу въ пренебреженіи къ теоріи болѣзни и въ отвращеніи къ „праздному гипотетизированію"; но вѣдь это есть логическое слѣдствіе ея истинной реальности. Могутъ упрекнуть также въ недостаточномъ культивированіи эксперимента; но, какъ было разъяснено выше, наблюденіе у постели больного, а не экспериментъ лежитъ въ основѣ созданнаго Московскою школой прочнаго зданія клинической медицины".

„Итакъ, Московская школа есть представительница реальной и практической медицины—той гиппократической клиники, которая пережила многія столѣтія и безчисленныя доктрины и системы. Петербургская же школа есть представительница теоретической и экспериментальной клиники, представительница своего вѣка—второй половины имѣющаго скоро отойти въ вѣчность девятнадцатаго столѣтія".

Вотъ изъ какихъ людей былъ покойный. Много ли ихъ у насъ? Можно бы безъ сожалѣнія отдать семитамъ всѣхъ гг. Z, какіе только найдутся въ Россіи, но отказываться—здорово живешь—отъ Пироговыхъ, Боткиныхъ или Захарьиныхъ—уже и не знаю какая пустота головы и сердца нужна для этого! Непростительную ошибку *Новаго Времени* составляетъ допущеніе этой гаденькой статейки.

Г. Z. болтаетъ далѣе о жадности Г. А. Захарьина! Онъ также говоритъ: „Тогда еще Захарьинъ *не дѣлалъ своего пожертвованія въ пользу церковно-приходскихъ школъ и пользовался у молодежи популярностью*"... Что это за дичь?.. Московская медицинская молодежь конечно много виновата передъ Г. А. Захарьинымъ (и сама передъ собой) въ другихъ отношеніяхъ, но откуда взята нелѣпость, будто бы *пожертвованіе на школы* могло сдѣлать Захарьина непопулярнымъ? Ничѣмъ такого обвиненія наша молодежь не заслужила, и фактически и хронологически оно совершенно вздорно. Сверхъ того во всю жизнь свою Г. А. Захарьинъ очень не мало жертвовалъ и на Университетъ, какъ и вообще помогалъ весьма многимъ. Его помощь разнымъ лицамъ большею частью дѣлалась очень деликатно, безъ огласки, но все-таки

многіе факты ея извѣстны многимъ. Такъ и мнѣ пришлось слышать еще недавно объ отправкѣ Г. А. Захарьинымъ *на свой счетъ* заграницу одного талантливаго начинающаго ученаго, и это случай далеко не единственный.

Извѣстенъ также капиталъ Захарьина для студентовъ-медиковъ (10.000 р.). Извѣстны значительныя пожертвованія Захарьина на *Московское физико-медицинское общество*. Въ клиникахъ больные на счетъ Захарьина сплошь и рядомъ получали теплое платье и т. п. Извѣстно также, что Захарьинъ жертвовалъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ какъ жалованье, такъ и гонараръ, что, говорятъ, въ общей сложности составило болѣе 30.000 р. Совершенно ложно, какъ утверждаютъ близкіе люди, сообщеніе г. Z. о гр. Д. Толстомъ. Г. А. Захарьинъ [1] ни раньше ни позже не бралъ и не взялъ денегъ съ гр. Д. Толстого. Это случай тоже далеко не единственный. Захарьинъ дорого цѣнилъ свое время, но во многихъ случаяхъ *совсѣмъ не принималъ* платы съ людей, особенно ему по принципу симпатичныхъ, или же—по его мнѣнію—недостаточно состоятельныхъ.

Такова-то основательность сплетенъ, которыми грязнится общественное представленіе о знаменитомъ русскомъ клиницистѣ. Не хотѣлось бы и останавливаться на этихъ пошлостяхъ. Но „хамитство“ нигдѣ не производитъ болѣе ядовитаго вреда, какъ проникая въ область печати, дающей ему такія удобныя орудія дѣйствія. Хамитамъ какъ будто легче дышется, когда передъ обществомъ нѣтъ объектовъ почтенія, нѣтъ людей, которыхъ великій умъ и трудъ такъ рѣзко оттѣняютъ ничтожество ничтожностей. Хамитъ органически чувствуетъ потребность все „развѣнчать“... И чего только у насъ не развѣнчивали люди этой злополучной породы! Покойный Г. А. Захарьинъ лишь раздѣлилъ участь многихъ, какъ и онъ, виновныхъ передъ хамитами своею силой, своимъ выдающимся значеніемъ, своею авторитетностью. *Новое Время* само часто говоритъ объ опасностяхъ семитскаго захвата. Но кто же виноватъ въ созданіи этой опасности болѣе, чѣмъ все опошливающее, все грязнящее хамитство, безъ отпора живущее среди насъ и постоянно подтачивающее въ русскихъ уваженіе къ чему бы то ни было русскому? Такъ ли относятся къ себѣ „семиты“? Какъ же имъ не захватывать общества, разъѣдаемаго нашимъ „хамитствомъ“?

Л. Тихомировъ.

---

[1] Это мнѣ передавали со словъ родныхъ гр. Д. Толстого.

ЛѢТОПИСЬ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.

VII.

К. М. Станюковичъ, „Жрецы", романъ *Русское Богатство* 1897 года, кн. V—XII.

„Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ"... Но еще бóльшая бѣда, по моему мнѣнію, когда посредственный беллетристъ, таланта котораго хватаетъ ровно на полудюжины недурненькихъ разсказиковъ и новѣстушекъ, начинаетъ вымучивать изъ себя большой романъ. Зрѣлище получается довольно нелѣпое, такъ какъ злополучный авторъ въ концѣ-концовъ уподобляется крыловской лягушкѣ, имитирующей вола.

Г. Станюковичъ, однако, не хочетъ понять этой простой истины. Когда онъ писалъ свои непритязательные разсказы изъ морского быта, доставившіе ему вполнѣ заслуженную извѣстность, когда онъ не рядился въ павлиньи перья, а оставался самимъ собою, то-есть въ скромной роли безхитростнаго разсказчика, его можно было читать съ удовольствіемъ и интересомъ, но лишь только появились на сцену разные эти „омуты" и „первые шаги" *прежнему* г. Станюковичу только и осталось, что самому себѣ прочитать отходную да заживо похоронить себя, такъ сказать, въ склепѣ неудачныхъ романистовъ. Чтобы убѣдиться лишній разъ въ томъ, что это такъ, достаточно ознакомиться съ его новымъ романомъ „Жрецы". „Жрецы"—это профессора, мало того—это профессора Московскаго университета. Какъ видите, г. Станюковичъ довольно безцеремонно обзываетъ ироническою кличкой цѣлую, *опредѣленную* корпорацію лицъ и притомъ *извѣстныхъ* лицъ, которыхъ при желаніи можно даже пересчитать по пальцамъ. Это совсѣмъ новый „литературный" пріемъ, кажется, еще не практиковавшійся ни у насъ, ни заграницей. Надо думать, что послѣдователи г. Станюковича пой-

дутъ еще дальше и будутъ уже прямо воспроизводить живыхъ лицъ съ ихъ подлинными фамиліями. По нынѣшнимъ временамъ и въ особенности по нынѣшнимъ литературнымъ нравамъ можно всего ожидать.

Итакъ, г. Станюковичъ взялся изобразить въ своемъ романѣ профессорскую среду. Посмотримъ, какъ онъ исполнилъ свою задачу. На первый планъ онъ выдвинулъ двѣ центральныя фигуры: стараго профессора, Найденова, и молодого, Зарѣчнаго,— представителей двухъ противоположныхъ направленій, консервативнаго и либеральнаго, ярыхъ антагонистовъ, втайнѣ ненавидящихъ другъ друга до глубины души. Взаимная ненависть, однако, не мѣшаетъ имъ сойтись вмѣстѣ на юбилейномъ обѣдѣ другого стараго профессора, Когицкаго, и даже обмѣняться коекакими любезностями. Замѣтимъ кстати, что этотъ юбилей и послужилъ главною канвой для романа, такъ какъ за обѣдомъ изъ устъ „жрецовъ науки" лились цѣлые потоки краснорѣчія, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, либиральнымъ профессоромъ Зарѣчнымъ была произнесена „зажигательная" рѣчь, которая и послужила собственно casus belli, откуда весь сыръборъ загорѣлся. Дѣло въ томъ, что Найденовъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ и навредить своему бывшему ученику. Съ этою цѣлью онъ подговорилъ молодого доцента Перелѣсова напечатать про Зарѣчнаго пасквиль, извративъ смыслъ его рѣчи и снабдивъ ее такими комментаріями, которые указывали бы на явную неблагонадежность оратора, при этомъ онъ пообѣщалъ выхлопотать ему каѳедру, въ случаѣ еслибъ Зарѣчнаго удалось „спихнуть". Перелѣсовъ не заставилъ себя долго просить, и на другой же день въ газетѣ *Старѣйшія Извѣстія* появился грубѣйшій пасквиль, въ которомъ рѣчь Зарѣчнаго была извращена до неузнаваемости, а всѣ прочіе „жрецы науки", участвовавшіе въ юбилейномъ обѣдѣ, названы были „либеральными проходимцами" и „гороховыми шутами". Статья произвела сенсацію, „жрецы науки" всполошились и немедленно же устроили между собою совѣщаніе, какъ поступить и въ какой формѣ выразить протестъ противъ статьи, но когда дѣло дошло до напечатанія коллективнаго протеста за подписью всѣхъ участвовавшихъ въ юбилейномъ торжествѣ лицъ, то большинство „храбрыхъ на словахъ" самымъ малодушнымъ образомъ струсило. Струсилъ и самъ авторъ статьи, въ особенности послѣ того, какъ онъ далеко не встрѣтилъ одобренія со стороны своего „искусителя", который нашелъ, что Перелѣсовъ переусердствовалъ.

Найденовъ былъ слишкомъ умнымъ человѣкомъ, чтобы удовлетвориться такою статьей. Она, по его мнѣнію, не смотря на хлесткость, была груба по безстыдству и оттого теряла всякую пикантность. Эта преувеличенность обвиненій, основанныхъ вдобавокъ на искаженной рѣчи Зарѣчнаго, это упоминаніе парижскихъ революціонныхъ клубовъ,—словомъ, вся истасканная отъ частаго употребленія шумиха грозныхъ словъ, только подрывала, по мнѣнію Найденова, вѣру въ правдоподобіе обвиненій и, разумѣется, не могла произвести надлежащаго впечатлѣнія, даже въ тѣхъ сферахъ, для которыхъ пишутся подобныя статьи.

И Перелѣсовъ понялъ, что ему уже не встрѣтить поддержки со стороны Найденова, въ случаѣ если бъ его авторство какимъ-нибудь образомъ обнаружилось! Понятно, что онъ почувствовалъ страхъ и первою мыслью его было скрыть слѣды этого позорнаго авторства. И вотъ онъ ѣдетъ въ типографію, гдѣ печаталась статья, и ухитряется раздобыть отъ фактора свою рукопись. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь, и авторъ въ концѣ концовъ былъ все таки обнаруженъ: кажется, самъ факторъ и выдалъ его головой, а Перелѣсовъ, не будучи въ силахъ пережить свой „позоръ", застрѣлился. Этимъ и исчерпывается вся драма, которая послужила канвой для романа г. Станюковича. „Романа... Но гдѣ же тутъ романъ?" скажетъ недоумѣвающій читатель. „Хорошъ романъ, въ которомъ нѣтъ даже и тѣни любовной интриги!" Правда, интриги нѣтъ, за то есть нѣсколько „интрижекъ", и притомъ самыхъ неправдоподобныхъ. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, слѣдующій „пассажъ"? Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, а именно нѣкій беллетристъ Невзгодинъ, разведясь со своею женой, вдругъ случайно встрѣчается съ нею и начинаетъ за ней ухаживать: приглашаетъ ее кутить въ ресторанъ, гдѣ они напиваются шампанскимъ, потомъ объясняются другъ другу въ любви, цѣлуются и т. д. Этотъ же Невзгодинъ ухаживаетъ за богатою вдовой Аносовой въ надеждѣ на легкій флиртъ, а когда она обнаруживаетъ къ нему серьезное чувство, то онъ съ ужасомъ бѣжитъ отъ нея, какъ отъ зачумленной. Недуренъ и самъ либеральный профессоръ Зарѣчный, прикидывающійся невиннымъ страдальцемъ, горько жалующійся на то, что любимая имъ жена охладѣла къ нему, и самъ въ то же время заводящій пошлую интрижку съ горничной. Вообще, надо отдать справедливость г. Станюковичу,—онъ не пожалѣлъ черныхъ красокъ на изображеніе профессорской среды, и нарисовалъ такихъ „ихтіозавровъ", что остается только руками развести отъ изумленія. По интерпретаціи этого „романиста", выходитъ такъ, что хорошихъ людей среди *московскихъ* профессо-

ровъ совсѣмъ нѣтъ, а есть только или подлецы, занимающіеся писаніемъ пасквилей, или малодушные трусы, показывающіе либеральные кукиши изъ кармана.

Написавъ такой романъ, г. Станюковичъ поступилъ, по моему мнѣнію, ничуть не лучше Перелѣсова, напечатавшаго въ газетѣ пасквильную статью,—даже хуже еще: тотъ, по крайней мѣрѣ, почувствовалъ угрызеніе совѣсти, когда обнаружилось его авторство, и даже лишилъ себя жизни, а г. Станюковичъ ничего себѣ: живъ и здоровъ; и, вѣроятно, „украситъ" русскую литературу еще не однимъ такимъ „произведеньицемъ", какъ „Жрецы".

VIII.

А. Вербицкая. „Третій №", разсказъ. *Міръ Божій*, 1897 г. кн. X.

Послѣ несуразнаго, неуклюжаго и громоздкаго романа съ дутыми претензіями и на обличенія, и на разоблаченія. и на все что угодно, кромѣ таланта и здраваго смысла (на эти два послѣднія качества, „жрецы", конечно, и не претендуютъ!), съ удовольствіемъ можно отдохнуть душой на маленькомъ и незамысловатомъ, хотя въ то же время чрезвычайно живомъ и талантливомъ, разсказикѣ г-жи Вербицкой, названіе котораго мы привели выше: въ немъ каждая строка дышетъ такою неподдѣльною искренностью и свѣжестью чувства, въ немъ все такъ ярко, жизненно и правдиво, авторъ до такой степени умѣетъ овладѣть вашимъ вниманіемъ, расшевелить ваши нервы, что вы все время чувствуете надъ собой его власть, вы невольно покоряетесь этой власти, и до самаго конца не можете оторваться отъ чтенія. Въ сущности, это даже не разсказъ, а психологическая картинка, рисующая душевное настроеніе молодой супружеской четы Березиныхъ, попавшихъ въ томительно-скучную обстановку больницы, гдѣ мужу предстояла трудная операція. Нервы у обоихъ супруговъ мучительно напряжены, въ особенности у нея, страшно боящейся потерять горячо любимаго ею человѣка. Она съ тоской прислушивается ко всякому звуку или шороху, долетающему изъ сосѣднихъ комнатъ. Тамъ вѣдь тоже больные. Вотъ одному изъ нихъ, что въ восьмомъ номерѣ, уже сдѣлали операцію, и онъ вторыя сутки находится въ бреду. Березины съ ужасомъ прислушивались каждый разъ къ этому страшному бреду.

Восьмой номеръ былъ какъ разъ противъ нихъ, и они съ расширенными отъ ужаса зрачками стояли неподвижно, не имѣя силы двинуться, какъ-бы притягиваемые тайною, неотразимою силой.

Теперь этотъ дикій, безсвязный бредъ долеталъ до нихъ уже явственно. Можно было различить нѣкоторыя слова въ этомъ безостановочномъ, горячечномъ потокѣ рѣчей.

„Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жя-изни,—и дверь райскую"—(пѣлъ больной).

Снѣжки бѣ-ѣлые, пушистые
Покрываютъ всѣ поля,

затянулъ онъ, почти безъ перерыва, и вдругъ протяжно вздохнулъ.

„Пресвятая Богородице, заступи, спаси и помилуй... О-о-охъ!.."

Столько муки слышалось въ этомъ воплѣ, что Березины поблѣднѣли.

— Какой ужасъ!..—прошептала Наташа.

— Уйди, уйди!.. Тебѣ вредно... Не волнуйся!..

— Нѣтъ, постой!..

Она стиснула руку мужу и слушала, затаивъ дыханіе, какъ бы наслаждаясь, съ какимъ-то страннымъ, необъяснимымъ сладострастіемъ ужаса.

Вдругъ съ этихъ страдальческихъ устъ больного, какъ бы изъ грязной клоаки, полились богохульства, проклятія и площадная брань.

Березинъ силой отвелъ Наташу, и они начали ходить по корридору охваченные сквознымъ вѣтромъ, свободно гулявшимъ подъ каменными сводами. Березинъ молчалъ, невольно прислушиваясь къ бреду. Наташа это замѣчала и потому говорила сама торопливо, лихорадочно, сбиваясь, о разныхъ пустякахъ, о знакомыхъ, нервно смѣялась, вспоминая нѣкоторыя мелочи...

Но всѣ ея помыслы, само собою, вертѣлись около больного въ восьмомъ номерѣ, и мысль, что онъ долженъ умереть послѣ операціи, такъ же терзала ее, какъ будто-бы дѣло касалось ея мужа.

Ночью Наташа вдругъ проснулась, повинуясь какому-то безотчетному побужденію. Въ корридорѣ слышался тяжелый, хотя и осторожный топотъ нѣсколькихъ человѣкъ, скрипъ двери и чей-то шепотъ. Наташѣ показалось, что она узнала голосъ няньки. Съ бьющимся сердцемъ она спустила на полъ голыя ноги.

Изъ восьмого номера выносили что-то тяжелое,—потому, должно быть, носильщики двигались съ трудомъ. Наташа беззвучно повернула ручку замка и выглянула въ корридоръ.

Она видѣла, что четверо людей сворачивали за уголъ... Они несли на носилкахъ черный, большой, на-глухо закрытый ящикъ... Марья свѣтила имъ. За ними по стѣнамъ и полу бѣжали ихъ длинныя, безобразныя тѣни, волнуясь при колебавшемся свѣтѣ, и словно кивали огромными головами...

Забывая о всѣхъ больничныхъ правилахъ, Наташа заперла дверь на ключъ и сѣла на диванчикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Она знала, что было въ этомъ ящикѣ.

Разумѣется, всѣ эти нравственныя муки и терзанія были сущимъ пустякомъ сравнительно съ тѣмъ, что Наташѣ пришлось испытать, когда ея мужу дѣлали операцію. Въ разсказѣ г-жи

Вербицкой, между прочимъ, это одно изъ самыхъ блестящихъ мѣстъ. Трогательное прощаніе Березиныхъ другъ съ другомъ передъ операціей, потомъ томительно-долгія минуты ожиданія, когда она кончится, наконецъ, волненіе и страхъ, пережитые Наташей въ тотъ моментъ, когда она увидала своего мужа на носилкахъ, съ лицомъ, исказившимся отъ физическихъ страданій и блѣднымъ, какъ у мертвеца,—все это вышло у г-жи Вербицкой до того живо, картинно, художественно, что каждая мельчайшая деталь въ ея описаніи обрисовывается передъ вами, точно на полотнѣ. Вообще разсказъ г-жи Вербицкой потому собственно и производитъ сильное впечатлѣніе, что отъ него вѣетъ дѣйствительною жизнью: въ немъ нѣтъ ничего вымученнаго или сочиненнаго, ничего недоговореннаго или поверхностнаго. Въ этомъ отношеніи г-жу Вербицкую положительно слѣдуетъ признать счастливымъ исключеніемъ изъ общаго правила, ибо какъ разъ тѣ самыя свойства, которыми отличается „дамская“ беллетристика, у нея отсутствуютъ. И я думаю, что это лучшая похвала таланту писательницы. Посмотрите напримѣръ, какъ она сумѣла глубоко заглянуть въ женскую душу и всесторонне освѣтить ее. Наташа испытываетъ сильныя душевныя терзанія, потому что надъ ея головой все время виситъ Дамокловъ мечъ, въ видѣ возможности потерять дорогого, близкаго ей человѣка. Понятно, что она ни о комъ и ни о чемъ не можетъ думать, кромѣ какъ о немъ и что всѣ ея помыслы вертятся около его болѣзни, около этого страшнаго призрака близкой и неминуемой операціи. Что ей за дѣло, что и кругомъ такіе же больные-страдальцы, что и у нихъ есть жены и матери, которыя, можетъ быть, еще несчастнѣе, чѣмъ она? Развѣ ей до нихъ теперь, до чужого страданія? Нѣтъ, ея сердце глухо къ нему. И это совершенно понятно. Человѣческое горе всегда эгоистично, и чѣмъ оно сильнѣе, глубже, тѣмъ менѣе остается мѣста въ душѣ для альтруистическихъ порывовъ. Но вотъ картина мѣняется. Операція кончена, и больной начинаетъ понемногу выздоравливать. Наташа вся точно преобразилась: она перестала носиться со своимъ личнымъ горемъ, и ея чуткое, женское сердце опять открылось для любви и состраданія ко всѣмъ вообще людямъ. Впрочемъ, ея духовному просвѣтлѣнію способствовалъ еще одинъ совершенно неожиданный случай Произошло это такъ. Однажды она узнала, что неподалеку отъ нихъ, въ третьемъ номерѣ, умиралъ въ чахоткѣ бѣдный, одинокій учитель, и лишь только она узнала это, какъ ея сердце наполнилось непобѣдимою жалостью къ этому несчастному оди-

нокому страдальцу. И она думала: „онъ умираетъ, этотъ третій №, нищимъ, въ больницѣ, безъ друга, безъ ласки, принимая даже въ эту минуту помощь, какъ милостыню, отъ грубой, наемной руки... Неужели же никого на свѣтѣ? Неужели совсѣмъ-совсѣмъ одинъ? Вѣдь вспоминаетъ же онъ кого-нибудь, зоветъ къ себѣ въ смертельной тоскѣ... Быть можетъ, проклинаетъ, быть можетъ, шепчетъ слова всепрощенія... Кто скажетъ?.. И вотъ теперь, сейчасъ, въ эти страшныя минуты, когда свѣтъ меркнетъ въ его очахъ, радъ ли онъ грядущему, таинственному мраку или жалѣетъ, страстно жалѣетъ объ этой жестокой жизни, ничего не давшей ему, кромѣ нищеты, смертельной болѣзни и этого одинокаго, безвременнаго конца? Вѣдь онъ страдалъ, какъ Коля... хуже даже... Онъ лежалъ безъ сна эти ужасныя, долгія ночи, покорно неся свой крестъ... Онъ угасалъ безъ слезъ, безъ стоновъ... Мы не слыхали ихъ, и этого было довольно!.. Мы жили рядомъ, тутъ же, мы все знали и не пришли. Мы проходили мимо, бережно, какъ сокровище, неся свое личное горе!..“ И чѣмъ больше она думала объ этомъ „третьемъ №“, тѣмъ настойчивѣе становилось ея желаніе искупить свою вину передъ нимъ, такъ что, когда пронесся слухъ, что несчастный умеръ, ея первымъ движеніемъ было пойти „проститься“ съ нимъ. И вотъ тутъ произошло слѣдующее:

На порогѣ она остановилась, какъ вкопанная, и расширенные ужасомъ зрачки ея приковались къ постели.

Мертвецъ лежалъ навзничь, въ одной рубашкѣ, какъ-то странно раскинувъ ноги, одна изъ которыхъ была согнута въ колѣнѣ и острымъ угломъ обрисовывалась подъ скомканною простыней. Одна рука судорожно скрюченными пальцами вцѣпилась въ матрацъ, другая захватила простыню и сорвала ее съ груди, въ которой не хватило воздуха. Запрокинутая голова тяжело ушла въ подушки. Ротъ широко открылся. Пряди жидкихъ, чуть сѣдѣющихъ волосъ слиплись и пристали ко лбу и вискамъ, покрытымъ клейкимъ, холоднымъ потомъ. Жидкая, острая бородка торчала вверхъ.

Въ комнатѣ стояла жуткая тишина. Только у стекла запертаго окна билась и жалобно жужжала большая, синяя муха, словно просясь на просторъ и свѣтъ, туда, гдѣ кипѣла жизнь, гдѣ грѣло солнце...

Пламя заката проникало въ комнату и румянило всѣ предметы. Брызги алаго золота сыпались изъ сверкавшаго на столѣ графина съ водой. Одинъ робкій лучъ доползъ до постели и какъ бы ласкалъ мертвую руку, какъ бы желалъ согрѣть ея остановившуюся, цѣпенѣющую кровь.

Притягиваемая какъ бы магнитомъ, не имѣя силы отвести взгляда, вся побѣлѣвъ отъ ужаса, Наташа медленно подходила все ближе и, наконецъ, заглянула въ мертвое лицо.

Печать торжественнаго покоя и той суровой красоты, какую мы видимъ на лицахъ покойниковъ, еще не легла на эти черты. Онѣ еще бы-

ли полны земной муки, смертной тоски и отчаянія... Искривленныя страшною гримасой губы, втянувшіяся щеки, изломанная страдальчески линія бровей, вся поза, наконецъ, все говорило о долгой и страшной агоніи. Тѣло было еще тепло, совсѣмъ тепло.. Казалось, мертвецъ дышалъ... Эта жизненная теплота непрерывнымъ, но слабѣющимъ токомъ выходила изъ открытаго рта покойнаго, и Наташа чувствовала ее на своемъ лицѣ...

Глаза мертвеца были открыты. Тусклые, какъ бы подернутые въ зрачкахъ какою-то слизью, они недвижно глядѣли мимо Наташи...

Куда?

Вытянувъ шею, Наташа стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ постели и все глядѣла, словно спросить собиралась, и все ждала-ждала, вотъ-вотъ зашевелятся эти безкровныя уста и дадутъ отвѣтъ на мучительную, роковую загадку...

Свѣтъ уходитъ изъ комнаты. На небѣ блѣднѣлъ румянецъ и безшумно крались сумерки, тихонько заглядывая въ стынувшія мертвыя черты.

Наташа стояла неподвижно, не въ силахъ уйти. Страха не было теперь въ ея душѣ. Она дотронулась до руки мертвеца; эта рука уже холодѣла.

Сердце ея, это узкое сердце, полное однимъ только человѣкомъ, вдругъ открылось для любви и жалости. Чужое страданіе, вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ, какъ тайный червь, точившій стѣны, за которыя ушла она отъ міра съ своею личною радостью и личною скорбью, сдѣлало потихоньку свое дѣло.

Какъ могла она, считавшая себя такою доброю и честною, равнодушно проходить мимо тѣхъ, кто бредетъ одиноко по жизненной дорогѣ, кому негдѣ пріютиться, кому нечего ѣсть, кто на порогѣ вѣчности, глядя въ ея таинственную, далекую мглу, знаетъ, что ему не на что оглянуться и нечего пожелать?

По щекамъ Наташи бѣжали крупныя слезы. Она нагнулась, закрыла мертвые глаза своею нѣжною рукой и поцѣловала влажный, холодный лобъ покойника.

На цыпочкахъ Наташа пошла къ двери, беззвучно взялась за ручку замка, какъ бы боясь нарушить непробудный сонъ смерти. На порогѣ она оглянулась, словно на вѣки желая запечатлѣть въ памяти эту суровую, скорбную картину.

Она уходитъ отсюда обновленная, съ этой минуты для нея началась новая жизнь...

Въ художественномъ отношеніи вся эта сцена положительно можетъ быть названа chef d'oeuvr'омъ. Авторъ сумѣлъ раскрыть передъ нами человѣческую душу въ ея лучшихъ изгибахъ, онъ сумѣлъ показать намъ, что божественное начало, заложенное въ сокровенныхъ тайникахъ этой души, никогда не можетъ быть заглушено низменными, животными, эгоистическими инстинктами, что рано или поздно оно проснется и, какъ у Наташи, подъ вліяніемъ глубокаго христіанскаго чувства, возобладаетъ надъ всѣми другими началами сложной человѣческой природы.

Кн. Б. Щетининъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ФИЛОСОФІЯ.

Жюль Пейо. *О вѣрованіи*. Переводъ съ франц. М. А. Энгельгардта. С.-Петербургъ, 1897.

Въ послѣднее время во французской философской литературѣ замѣчается все болѣе и болѣе усиливающаяся реакція противъ односторонняго эмпиризма и раціонализма, развившихся главнымъ образомъ подъ вліяніемъ англійскихъ эмпириковъ: Милля, Бэна и др., а равнымъ образомъ и противъ того скептическаго диллетантизма, наиболѣе виднымъ представителемъ котораго былъ Ренанъ. Во главѣ этого переворота стоятъ такіе выдающіеся ученые и мыслители, какъ Ал. Фуллье, Поль Жанэ, Пиллонъ, Ренувье, Брошаръ и мн. др.; къ сожалѣнію, всѣ они почти вовсе неизвѣстны русской публикѣ, за исключеніемъ одного Фуллье, философская система котораго, заключающаяся въ ученіи о такъ называемыхъ „идеяхъ-силахъ", возбудила въ нашемъ обществѣ и журналистикѣ нѣкоторый интересъ. Точно также обратили на себя вниманіе и книги Жюля Пейо, молодого философа, вышедшаго изъ школы Фуллье. Сочиненіе, которымъ онъ дебютировалъ на литературномъ поприщѣ: „Воспитаніе воли", было года два тому назадъ переведено на русскій языкъ, а теперь появляется переводъ его второго сочиненія, посвященнаго вопросу о „вѣрованіи". Эта книга во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ значительный прогрессъ, сравнительно съ первой, и заслуживаетъ со стороны русской публики серьезнаго вниманія, такъ какъ авторъ занимается въ ней изслѣдованіемъ вопроса чрезвычайной важности какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о психологической природѣ вѣрованія является кардинальнымъ вопросомъ всякой теоріи познанія, такъ какъ въ сущности мы *знаемъ* только то, во что *вѣримъ*, а не наоборотъ. Поэтому „достовѣрность" является только видомъ вѣрованія, даже достовѣрность математическая. „Разсудокъ, — говоритъ Пейо, — данъ намъ не для того, чтобы *познавать*, но чтобы *освѣщать нашу дѣятельность*". А дѣятельность эта руководится главнымъ образомъ нашими вѣрованіями, въ какой бы формѣ эти вѣрованія ни про-

являлись, такъ какъ именно они и составляютъ самую интимную, самую основную функцію нашего существа. Возставая противъ тѣхъ ученыхъ, которые „искалѣчили человѣческую природу, сведя ее къ чистому интеллекту", Пейо видитъ, подобно Лейбницу, основу всего существующаго въ „стремленіи" къ первичной волѣ, въ творческомъ актѣ.

Человѣкъ живетъ до тѣхъ поръ, пока онъ проявляетъ свою внутреннюю активность, отличающую его отъ автоматично дѣйствующей машины. Даже для возникновенія самаго элементарнаго ощущенія необходима эта внутренняя активность, такъ какъ всякое ощущеніе есть только реакція нашей сознательной или безсознательной воли на внѣшнее раздраженіе. Такъ какъ ощущеніе есть основной элементъ нашей духовной жизни, то Пейо входитъ въ довольно подробное разсмотрѣніе природы этого элемента. Это изслѣдованіе приводитъ его къ выводу, что представленіе о внѣшней дѣйствительности, получаемое нами черезъ посредство нашихъ чувствъ, никоимъ образомъ не можетъ быть названо тождественнымъ съ объективною реальностью. Познаваемая нами реальность безусловно субъективна и носитъ на себѣ слѣды нашей духовной организаціи. О дѣйствительности мы знаемъ только то, что открываютъ намъ наши чувства, и прежде всего мускульное чувство, при помощи котораго мы вступаемъ въ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ, съ міромъ протяженныхъ объектовъ, измѣримыхъ въ пространствѣ и во времени. Къ этому измѣренію въ сущности сводится вся роль науки, совершенно напрасно претендующей на дѣйствительное познаніе и объясненіе вещей, сущность которыхъ ускользаетъ отъ ея анализа. Поэтому невѣрно утвержденіе тѣхъ ученыхъ, которые говорятъ, что наука, сведя всѣ наблюдаемые факты къ движенію, доступному точному *количественному* измѣренію, тѣмъ самымъ даетъ ключъ къ объясненію всѣхъ *качественныхъ* различій фактовъ внѣшняго міра; это утвержденіе невѣрно потому, что наука только установила эквиваленты между различными явленіями и явленіемъ движенія,—и дальше этого идти не можетъ, потому что, идя дальше, наука уже преступаетъ свои границы и входитъ въ область, гдѣ господствуетъ *вѣрованіе*. Подобно тому какъ внутренняя активность предшествуетъ всякому ощущенію и дѣлаетъ возможнымъ его возникновеніе, точно также и вѣрованіе предшествуетъ всякому знанію и всякому опыту, обусловливая собой какъ то, такъ и другое. Ни въ одномъ изъ своихъ проявленій наша личность не выражается такъ адэкватно, какъ въ вѣрованіи. „Мы вѣримъ всѣмъ своимъ существомъ",—говоритъ Пейо, и въ подтвержденіе этого ссылается на примѣръ религіозныхъ вѣрованій, дѣйствующихъ какъ на интеллектуальную, такъ и на эмоціональную сторону человѣческаго существа. Въ силу этого вѣрующій *чувствуетъ* истину своей религіи, онъ *живетъ* ею. Эта вѣра заставляетъ его бороться со своимъ эгоизмомъ, чувственностью, низкими инстинктами; борется онъ также и противъ гордости, и въ этомъ отношеніи отличается отъ фи-

лософа, который, преодолѣвая въ себѣ низменныя побужденія, выше всего ставитъ разумъ человѣческій.

„Философъ это—религіозный человѣкъ несмирившійся, религіозный же человѣкъ есть смирившійся философъ".—Поэтому, въ виду исключительнаго значенія вѣрованій въ жизни каждаго человѣка и всего человѣчества, Пейо особенно настаиваетъ на необходимости такой организаціи общественнаго воспитанія, которая бы не расшатывала основы всякаго вѣрованія поверхностнымъ скептицизмомъ, а наоборотъ, утверждала ихъ и укрѣпляла всѣми воспитательными мѣрами. Безъ вѣрованія невозможна никакая нравственность и никакая дѣятельность, и потому задача всякаго, кому дорого будущее человѣчество, заключается въ томъ, чтобы противоборствовать растлѣвающему вліянію той душевной апатіи, которая такъ глубоко проникла въ современное образованное европейское общество.

ИСТОРІЯ.

Протоколы общихъ собраній Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III. II. Спб. 1897 г.

Настоящее изданіе Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III содержитъ въ себѣ протоколъ общаго собранія членовъ его 28 декабря 1896 года. Сюда вошли: отчетъ Общества о результатахъ дѣятельности его за второе полугодіе 1896 года, списокъ членовъ его и три сообщенія, сдѣланныя членами Общества въ засѣданіи того дня. Первое сообщеніе К. А. Губастова посвящено памяти покойнаго министра Иностранныхъ дѣлъ и члена Общества Ревнителей Русскаго Историческаго Просвѣщенія въ память Императора Александра III князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Извѣстно большинству русской читающей публики, какимъ даровитымъ руководителемъ нашей иностранной политики былъ покойный князь Лобановъ-Ростовскій. Его непродолжительное управленіе министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ оставило по себѣ такой блестящій слѣдъ дипломатическихъ успѣховъ съ нашей стороны, что долго еще онъ будетъ памятенъ въ умахъ русскаго общества. Значительно меньшій кругъ лицъ освѣдомленъ, что покойный князь наряду съ государственными занятіями и дипломатическою дѣятельностью успѣвалъ удѣлять время историческимъ научнымъ трудамъ и въ этой области проявлялъ такія же недюжинныя силы, какъ и въ дипломатіи. Авторъ сообщенія г. Губастовъ, сотрудникъ князя въ Константинополѣ, и взялъ на себя задачу въ настоящемъ докладѣ пополнить этотъ пробѣлъ, познакомивъ съ научною дѣятельностью его. Докладчикъ отмѣчаетъ проявляющуюся съ самаго дѣтства наклонность князя къ старинѣ, когда онъ совсѣмъ въ молодыхъ годахъ любилъ выслушивать и записывать въ Москвѣ въ 30-хъ годахъ отъ вельмож-

ныхъ старцевъ разсказы о минувшихъ событіяхъ, описываетъ характеръ историко-научныхъ занятій князя въ позднѣйшіе года, и перечисляетъ извѣстные до сихъ поръ труды его. При жизни своей покойный князь печаталъ мало, немногое имъ опубликованное появилось анонимно или лишь подъ его иниціалами. „Несмотря на это, говоритъ г. Губастовъ, репутація ученаго имъ дѣйствительно заслужена, потому что онъ искренно любилъ исторію, зналъ ее и долго служилъ ей весьма ревностно, посвящая ей все свое свободное время". Поразительна при этомъ была отзывчивость князя, его стремленіе подѣлиться своими знаніями и придти на помощь сотоварищамъ-ученымъ въ общей ихъ работѣ на этомъ поприщѣ. „Когда изслѣдователи или историки обращались къ нему за совѣтомъ, указаніемъ или справкой, онъ охотно дѣлился съ ними всѣмъ своимъ знаніемъ, сообщалъ добытыя имъ свѣдѣнія, открывалъ людямъ, съ которыми былъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, свои догадки, предположенія. Словомъ, сознавая, вѣроятно, что ему самому не придется ни обработать, ни опубликовать собранный имъ съ *такою* любовью и рѣдкимъ умѣньемъ богатый историческій матеріалъ, онъ не скупился дѣлиться имъ, насколько было возможно, съ другими, и особенно съ людьми науки, которые, поставленные въ другія условія, имѣютъ возможность издавать свои произведенія". Въ примѣръ этого г. Губастовъ приводитъ такой случай: въ 1893 году черезъ Вѣну проѣзжалъ одинъ русскій историкъ, занимающійся эпохой царствованій Павла и Александра I. Онъ посѣтилъ князя и провелъ съ нимъ 2—3 часа въ ученой бесѣдѣ. Уходя отъ него, онъ горячо благодарилъ за массу сообщенныхъ ему княземъ свѣдѣній, прибавивъ, что *эта бесѣда замѣнила ему работу въ архивахъ, на которую бы потребовалось нѣсколько мѣсяцевъ*. Заключая характеристику историческихъ работъ князя-ученаго, авторъ сообщенія высказываетъ увѣренность, что наступитъ время, когда владѣльцы рукописей покойнаго князя издадутъ ихъ и имя его займетъ славное мѣсто въ нашей исторической литературѣ.

Слѣдующее сообщеніе графа А. А. Голенищева-Кутузова содержитъ блестящую характеристику покойнаго Говорухи-Отрока, бывшаго также членомъ этого Общества. Наконецъ предсѣдатель Общества графъ Сергій Дмитріевичъ Шереметевъ сообщилъ о послѣднихъ предсмертныхъ минутахъ скончавшагося въ Москвѣ графа Сергія Алексѣевича Шереметева. Это послѣднее сообщеніе, расположенное всего на трехъ страницахъ, производитъ тѣмъ не менѣе необычайно сильное впечатлѣніе, благодаря ярко изображенному, чрезвычайно торжественному моменту смерти глубоковѣрующаго человѣка, какимъ былъ покойный графъ С. А. Шереметевъ.

Страхъ смерти, безпокойство въ предсмертныя минуты какъ будто совершенно чужды были душѣ покойнаго, и единственною заботой его въ это время была боязнь за то, чтобы не умереть, не успѣвъ исполнить христіанскаго обряда. Еще задолго до конца онъ сказалъ сестрѣ: „вы меня не упустите такъ, ты по-

говори съ докторами и мнѣ во время шепни"... Когда положеніе сдѣлалось серьезнымъ, болящаго исповѣдали и причастили, а когда духовникъ началъ читать чудную, трогательную молитву, читаемую обыкновенно тяжко больнымъ, онъ внимательно вслушивался въ каждое слово и просилъ, чтобы читали ее громче, такъ какъ онъ былъ нѣсколько тугъ на ухо. Послѣ причащенія больной какъ бы весь преобразился. „Онъ весь вытянулся на постели, чего давно не могъ дѣлать, и съ ощущеніемъ полнаго покоя и торжественной радости неожиданно твердымъ голосомъ произнесъ слова умиленной благодарности: „Ахъ, какое утѣшеніе, никакого страданія!" Подозвавъ окружающихъ, больной простился со всѣми. Затѣмъ въ комнатѣ наступило молчаніе, прерываемое лишь возгласами умирающаго: „какое милосердіе Божіе... безболѣзненно умираю... какъ милостивъ ко мнѣ Господь!"

„Все время, говоритъ графъ С. Д. Шереметевъ, настроеніе было спокойное, свѣтлое, торжественное, присутствующіе были глубоко потрясены; по словамъ нихъ, чувствовалось что-то праздничное!

„Эта картина смерти, переданная очень трогательно, производитъ необычайно сильное, положительно величественное впечатлѣніе и вызываетъ къ себѣ глубокое умиленіе.

БІОГРАФІЯ.

Е. Л. **Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.** *Изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.* С.-Петербургъ, 1897 г.

Небольшая, но талантливо и весьма живо написанная характеристика жизни и дѣятельности глубокаго и благороднѣйшаго мыслителя дѣлится на три части: первую составляетъ краткій біографическій очеркъ Алексѣя Степановича, во второй мы находимъ оцѣнку его какъ философа и дѣятеля, въ третьей, наконецъ, онъ разсматривается, какъ поэтъ.

Съ неподдѣльнымъ сочувствіемъ должна быть встрѣчена эта попытка воскресить въ умахъ нашихъ современниковъ то славное имя, которое могло бы такъ много, кажется, говорить каждому русскому развитому человѣку и которое, какъ къ стыду приходится признать, почти совершенно забыто. Въ самомъ дѣлѣ, многимъ-ли изъ русскихъ среди такъ называемаго образованнаго слоя извѣстно имя Алексѣя Степановича Хомякова? И, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ этого очерка, если кто и скажетъ, что знакомъ съ этою личностью, не слѣдуетъ торопиться вѣрить ему. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ это не будетъ серьезное, истинное знаніе, непосредственное знакомство съ предметомъ, а сужденіе, заимствованное съ чужихъ словъ. А между тѣмъ Хомяковъ принадлежитъ къ кругу тѣхъ лицъ, которые много потрудились надъ пробужденіемъ общественной мысли, надъ развитіемъ и укрѣпленіемъ русскаго

народнаго самосознанія. Далѣе, даже по отзывамъ противниковъ, онъ и его достойные единомышленники, получившіе прозваніе славянофиловъ, были серьезные и самостоятельные мыслители, люди жизненной правды и честнаго убѣжденія. Авторъ очерка даетъ весьма остроумное и вѣское объясненіе того непонятнаго, съ перваго взгляда, явленія, что вся эта группа даровитѣйшихъ и энергичнѣйшихъ дѣятелей, главнѣйшія стремленія и помыслы которыхъ были направлены ко благу и чести родины, забыта настолько, что напоминаніе именъ ихъ чаще всего вызываетъ одно недоумѣніе. „Самопознаніе всегда, говоритъ авторъ, будетъ условіемъ истинной разумности, а самосознаніе—исходною точкой всякой осмысленной дѣятельности. Кто я? для чего я живу и дѣйствую? и для чего надо жить и дѣйствовать?—вотъ вопросы, возвышающіе насъ надъ окружающимъ міромъ: разрѣшая ихъ, можно впасть въ ошибку, но пройти ихъ равнодушно мимо—значитъ отказаться отъ достоинства разумнаго существа“. Но являясь необходимымъ элементомъ всякаго осмысленнаго существа, самосознаніе должно быть присуще и отдѣльнымъ группамъ и обществамъ людей. Люди живутъ въ мірѣ не разрозненными единицами. Въ той или другой степени и формѣ они общатся другъ съ другомъ и бываютъ связаны въ извѣстныя отношенія. Такимъ образомъ самосознаніе каждаго отдѣльнаго человѣка осложняется новыми видами отношеній—къ окружающимъ его членамъ одного съ нимъ общества, отсюда и является самосознаніе общественное. И это самосознаніе необходимо для каждой общественной группы, отъ него, то-есть отъ сознанія своего единства, своихъ цѣлей и задачъ зависитъ судьба каждаго общества. Въ исторіи есть примѣры, какъ массы и силы, не объединенныя идеей, гибли въ столкновеніи съ горстью людей, сознававшихъ, за что они стоятъ, и сильныхъ единствомъ этого сознанія. Однако, самосознаніе не сообщается сразу, какъ нѣчто готовое, цѣлой народности, равно какъ и отдѣльнымъ личностямъ. Оно съ теченіемъ времени растетъ и крѣпнетъ, какъ свидѣтельство его внутренней работы, но оно же можетъ тупѣть и гаснуть. Такимъ образомъ, если общество не можетъ оцѣнить лучшихъ дѣятелей изъ своей среды, это вѣрный признакъ того, что оно или падаетъ духовно или еще не выросло изъ низкой ступени.

Въ связи съ такимъ воззрѣніемъ на причины, обусловливающія почти полное забвеніе нашимъ обществомъ Алексѣя Степановича и его славныхъ единомышленниковъ, авторъ очерка обрисовываетъ этого дѣятеля главнымъ образомъ какъ неутомимаго борца за русскую идею, всю свою жизнь старавшагося бросать въ окружающую среду сѣмена самосознанія, начала народной самобытности. Очень мѣтко опредѣляетъ характеристику личности Хомякова авторъ въ первой части очерка. Задавая вопросъ, кто былъ Хомяковъ,—авторъ въ слѣдующихъ строкахъ отвѣчаетъ на него такъ: Трудно отвѣтить на это языкомъ со-

временной спеціализировавшейся науки и жизни. Былъ онъ философъ?—Нѣтъ, потому что онъ не оставилъ по себѣ никакой системы.—Ученый?—Нѣтъ, онъ не отмежевалъ себѣ опредѣленной научной области, не писалъ сочиненій установившагося образца, съ выписками, цитатами.—Общественный дѣятель?—Но онъ не занималъ въ общественной жизни виднаго мѣста, не имѣлъ ни орденовъ, ни чиновъ. Богословъ?—Но онъ не принадлежалъ къ церковной іерархіи и не имѣлъ диплома духовной школы. Поэтъ?—Но поэты мыслятъ образами и красками, а не отвлеченными понятіями, да и поэтическихъ твореній у него мало. Нѣтъ, въ отдѣльности онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ, но онъ былъ вмѣстѣ этимъ всѣмъ. *Это былъ человѣческая личность, развившаяся въ гармоніи всѣхъ высшихъ стремленій человѣческаго духа и совмѣщавшая ихъ всѣ безъ ущерба*. Эта личность обладала такою цѣльностью духа, такимъ духовнымъ здоровьемъ, что проявляла себя во-внѣ великою силой. „Онъ занимался богословіемъ, философіей, исторіей, сравнительнымъ языкознаніемъ, которое въ то время и въ Европѣ было еще въ зачаточномъ состояніи, писалъ проекты освобожденія крестьянъ, составлялъ планы земельныхъ банковъ, переустраивалъ своихъ собственныхъ крестьянъ и рядомъ съ этимъ строилъ какую-то машину, изобрѣталъ какое-то ружье, ходилъ съ увлеченіемъ на охоту, бралъ призъ по стрѣльбѣ, занимался живописью, архитектурой; гемеопатіей удачно лѣчилъ народъ". Его все интересовало: онъ читалъ Шекспира, Байрона, Гете, и вмѣстѣ изучалъ сраженія Наполеона, слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ въ Америкѣ. Онъ не пропускалъ ни одного новаго явленія въ области мысли и жизни. И при всемъ этомъ поразительномъ разнообразіи онъ не былъ только диллетантомъ, но замѣчательно умѣлъ проникать вглубь предмета, схватывая самую сущность его, и оттого мысль его обладала всегда оригинальностью и новизной.

Опредѣляя Хомякова, какъ мыслителя, авторъ очерка отмѣчаетъ весьма рѣдкое сочетаніе у него двухъ противоположныхъ началъ: способность къ строгому, логическому мышленію, силу анализа—съ одной стороны и умѣнье провѣрять и согласовать теоретическія выводы и положенія на жизненныхъ фактахъ—съ другой. О силѣ его анализа и дедукціи говорятъ ясность и глубина его взгляда и стройная цѣльность міросозерцанія, но онъ былъ неизмѣннымъ врагомъ раціонализма, и вся его мысль, и все міросозерцаніе опиралось на широкій жизненный синтезъ. „Въ этомъ, говоритъ авторъ, ключъ къ пониманію всѣхъ его взглядовъ; вездѣ онъ исходилъ изъ ощущенія жизни, изъ жизненнаго факта, вездѣ онъ считался съ нимъ и требовалъ къ нему вниманія и уваженія".

Непосредственно на этой чертѣ Хомякова основывается весь складъ его политическихъ и общественныхъ взглядовъ и религіозныхъ вѣрованій. Обладая всѣми высшими формами человѣ-

ческой цивилизаціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ придавалъ такое громадное значеніе идеѣ народности и горячо проповѣдывалъ развитіе личности въ духѣ историческихъ преданій. Самыя глубокія формы человѣческой мысли, самыя блестящія завоеванія человѣческаго духа въ области познанія не оставались недоступными этому могучему и ясному уму, но при этомъ высшею истиной изъ всѣхъ добытыхъ человѣчествомъ онъ почиталъ полученную черезъ откровеніе – христіанство, а лучшимъ и достойнѣйшимъ выраженіемъ этой истины считалъ православіе: всю свою жизнь онъ оставался сознательнымъ сыномъ своего народа и истиннымъ послѣдователемъ своей Церкви. Для него народность есть прежде всего историческій жизненный фактъ. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что народъ за время своего существованія накопляетъ извѣстное духовное сокровище. У народа развиваются свои особенныя склонности, свои способности, онъ воспринялъ извѣстныя начала, у него сложился свой характеръ, создалось свое еще не провѣренное сознаніемъ міросозерцаніе, и все это отлилось въ его языкѣ, поэзіи, въ его правѣ, въ формахъ его быта иногда до мельчайшихъ подробностей. Поэтому человѣкъ, добровольно отрывающійся отъ своей народной жизни, самъ обрекаетъ себя на духовное безплодіе и рабство: чужой мысли онъ уже никогда не усвоитъ себѣ, какъ сынъ ея, такъ какъ для этого надо въ ней родиться и воспитаться, а между тѣмъ онъ воспринимаетъ чужую мысль, выводы, сдѣланные изъ данныхъ чуждой ему жизни; но безъ посылокъ нельзя сдѣлать вывода, человѣкъ отвергаетъ свое, но онъ не имѣетъ и чужаго; понятно, что онъ принужденъ будетъ принимать чужую мысль не иначе, какъ на вѣру. Только народность освобождаетъ, потому что она даетъ человѣку почву, на которую можно стать, потому что, давая самостоятельное содержаніе, она даетъ возможность и самостоятельнаго анализа. Такъ неустанно твердилъ Хомяковъ. Но въ самомъ разсвѣтѣ нашей исторической жизни народомъ было воспринято свѣтлое духовное начало—христіанская вѣра въ ея чистѣйшей формѣ—православіи. Оно легло въ самую глубь народной души, прошло жизненнымъ нервомъ черезъ всю минувшую исторію; русская народность съ самаго начала формировалась подъ его воздѣйствіемъ. Такимъ образомъ православіе, какъ училъ Хомяковъ, является одною изъ существеннѣйшихъ основъ и чертъ русской народности. Въ поэтическихъ произведеніяхъ своихъ Хомяковъ былъ такимъ же послѣдовательнымъ и цѣльнымъ, какъ въ области политическихъ и религіозныхъ убѣжденій, и большинство его стихотвореній представляетъ собой горячее, прочувствованное выраженіе его завѣтныхъ чувствъ, неразрывно связанныхъ съ родиной, или же религіознымъ настроеніемъ.

Очеркъ, написанный съ большимъ увлеченіемъ, воспроизводитъ въ вѣрномъ свѣтѣ незабвенную личность Алексѣя Степановича.

В. Д. Смирновъ. *Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за-границей.* С.-Петербургъ, 1897.

Въ исторіи нашей литературы Герценъ представляетъ собой совершенно исключительное явленіе. Едва ли можно назвать другого писателя, въ которомъ бы съ такимъ сильнымъ публицистическимъ дарованіемъ соединялся такой крупный и оригинальный художественный талантъ, въ которомъ бы, на ряду съ глубиной философскаго анализа, проявлялась счастливая способность къ творческому синтезу. Печать сильной индивидуальности лежитъ на всѣхъ произведеніяхъ Герцена, какъ чисто художественныхъ, такъ и критическихъ, философскихъ, автобіографическихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ нашли себѣ отраженіе и отголосокъ всѣ тѣ движенія мысли и волненія сердца, которыми жило современное ему общество. Жизнь Герцена это — интереснѣйшая глава въ исторіи русскаго самосознанія, и для человѣка, занимающагося изученіемъ этой исторіи, знакомство съ Герценомъ является совершенно необходимымъ. Между тѣмъ знакомство съ нимъ чрезвычайно затруднено тѣмъ обстоятельствомъ, что сочиненія Герцена не имѣются въ обращеніи, такъ какъ заграничнымъ изданіямъ ихъ закрытъ свободный доступъ въ Россію. Опала, наложенная на Герцена, въ значительной степени является результатомъ недоразумѣнія: съ эпохи переселенія нашего писателя за границу въ русскомъ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ установился взглядъ на него, какъ на революціонера, какъ на провозвѣстника самыхъ крайнихъ теорій; нечего говорить, насколько ошибоченъ подобный взглядъ: несостоятельность его достаточно установлена въ свое время покойнымъ Н. Н. Страховымъ, и нужно только пожалѣть, что, благодаря косности нашего общественнаго сознанія, въ массѣ общества имя Герцена все еще соединяется съ представленіемъ о революціонной пропагандѣ, о „черномъ передѣлѣ“ и т. п. Только за самое послѣднее время замѣчаются въ этомъ отношеніи признаки иного характера: новые матеріалы, опубликованные за послѣдніе годы и касающіеся жизни Герцена, его письма, воспоминанія о немъ, все это позволяетъ до нѣкоторой степени возстановить черты настоящаго, „подлиннаго“ Герцена, не искаженнаго традиціоннымъ представленіемъ о немъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ видимымъ образомъ пробуждается и интересъ къ всестороннему изученію жизни и дѣятельности Герцена. Показателемъ этого интереса является книжка г. Смирнова, быстро раскупаемая публикой. Г. Смирновъ не имѣетъ претензіи дать полную и цѣльную біографію Герцена: книга его заключаетъ въ себѣ только „біографическіе наброски“, какъ сказано въ подзаголовкѣ, и подобная оговорка, конечно, должна имѣть существенное значеніе при оцѣнкѣ всего сочиненія и должна быть принята во вниманіе. Герценъ въ значительной степени упростилъ задачу своихъ біографовъ: его „Былое и Думы“, единственный въ своемъ родѣ

образчикъ художественныхъ мемуаровъ, на-ряду съ которымъ можно поставить развѣ только „Семейную Хронику“ Аксакова, представляетъ собой богатый матеріалъ, изъ котораго біографу предоставляется полная возможность почерпать необходимыя данныя, какъ для характеристики самого писателя, такъ и для яснаго пониманія современнаго ему общественнаго движенія. Г. Смирновъ съ успѣхомъ воспользовался этимъ матеріаломъ; добрая половина его книги представляетъ собой или простую перепечатку изъ „Былаго и Думъ“, „Съ того берега“ и другихъ сочиненій Герцена, или же ихъ парафразу. Кстати, выдержки изъ Герцена не всегда выдѣлены у г. Смирнова изъ его собственнаго текста, такъ какъ во многихъ мѣстахъ встрѣчаются болѣе или менѣе длинныя дословныя цитаты, безъ всякаго указанія на заимствованіе (напримѣръ, стр. 79, 110,115 и др.), что, конечно, можетъ ввести въ заблужденіе неопытнаго читателя. При описаніи дѣтства и молодыхъ годовъ Герцена, г. Смирновъ, кромѣ „Былого и Думъ“, воспользовался и другими произведеніями автобіографическаго характера, каковы, напримѣръ, „Записки молодого человѣка“, недавно опубликованная переписка вятскаго изгнанника съ невѣстой, а также и богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ „Воспоминаніяхъ“ Пассекъ. Касаясь періода жизни Герцена отъ его возвращенія изъ ссылки до отправленія за границу (1840—47 гг.), авторъ даетъ попутно характеристику лицъ, окружавшихъ его героя и составлявшихъ его ближайшій кругъ; таковы: Огаревъ, Грановскій, Бѣлинскій и др. Странно, однако, почему онъ почти вовсе не касается людей противоположнаго лагеря: Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова, съ которыми Герценъ, несмотря на все различіе темперамента и направленія, постоянно находился въ общеніи и былъ долгое время связанъ узами тѣсной дружбы. Самъ Герценъ считалъ свои отношенія къ славянофинамъ важнымъ факторомъ въ исторіи своего развитія и посвятилъ выясненію ихъ немалое число страницъ въ своей автобіографіи. Не обративши серьезнаго вниманія на эти—чрезвычайно сложныя, но въ то же время въ высшей степени характерныя—отношенія, г. Смирновъ допустилъ крупную ошибку, не позволившую ему правильно оцѣнить значеніе переворота, совершившагося въ убѣжденіяхъ Герцена въ эпоху его заграничной жизни,—переворота, изъ котораго онъ вышелъ „нигилистическимъ славянофиломъ“, по выраженію Страхова. Та вѣра въ Россію, въ ея свѣтлую будущность, которая одна только поддерживала Герцена въ послѣдніе годы его жизни, послѣ страшнаго крушенія всѣхъ прежнихъ вѣрованій и идеаловъ, послѣ полнѣйшаго разочарованія во всемъ, что выработала и чѣмъ живетъ старая Европа, эта вѣра, безъ сомнѣнія, заложена была въ душу Герцена во время безконечныхъ словесныхъ турнировъ съ К. Аксаковымъ и Хомяковымъ на Плющихѣ и на Собачьей площадкѣ. Другое крупное упущеніе г. Смирнова видимъ мы въ томъ, что онъ недостаточно обратилъ вниманіе на чисто художественную дѣятельность Герцена: почти

мимоходомъ касается онъ даже такого крупнаго по своимъ достоинствамъ произведенія, какъ романъ: „Кто виноватъ?“ Между тѣмъ Герценъ и съ чисто художественной точки зрѣнія является крупною величиной, представляя собой черты такого сильнаго и, главное, самобытнаго таланта, что произведенія его по праву могутъ занять мѣсто на-ряду съ произведеніями лучшихъ нашихъ писателей. Эти частные недостатки не лишаютъ, однако же, книги г. Смирнова ея значенія въ дѣлѣ ознакомленія русской публики съ личностью и творчествомъ нашего опальнаго писателя. Конечно, настоящая біографія Герцена еще впереди, и, можетъ быть, для нея еще не настало время.

Но во всякомъ случаѣ и „Очерки“ г. Смирнова въ настоящее время являются далеко не лишними и могутъ быть особенно полезными тѣмъ, что, содержа цѣлыя страницы цитатъ изъ Герцена, позволяютъ до нѣкоторой степени познакомиться съ его литературнымъ обликомъ.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Обзоръ дѣятельности Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 года). Спб. 1897 г.

Обзоръ содержитъ описаніе дѣятельности Министерства по Департаментамъ Земледѣлія, Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ, лѣсному и горному, а также сельско-хозяйственнаго совѣта и ученаго комитета Министерства. Въ такой системѣ разбитъ и матеріалъ обзора.

Въ числѣ наиболѣе крупныхъ фактовъ, отмѣчающихъ третій годъ существованія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, обзоръ указываетъ на разрѣшеніе двухъ вопросовъ, съ давнихъ поръ составлявшихъ предметъ особыхъ правительственныхъ заботъ: 6 мая 1896 г. получилъ Высочайшее утвержденіе законопроектъ о выдачѣ ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія, а 23 мая Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о поземельномъ устройствѣ крестьянъ четырехъ сибирскихъ губерній: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской.

Сравнивая годовые бюджеты Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, обзоръ выводитъ для послѣдняго года превышеніе надъ предыдущимъ на 1.250.803 руб. По Департаменту Земледѣлія главнѣйшимъ предметомъ ассигнованія были ссуды на сельско-хозяйственныя улучшенія, выражающіяся въ суммѣ 500.000 рублей. Слѣдующее затѣмъ мѣсто по размѣрамъ расходовъ занимаютъ орошеніе и обводненіе 400.000 руб. Осушительныя работы вызвали расходы въ 349.221 руб. Изъ другихъ крупныхъ ассигнованій слѣдуетъ указать: содержаніе среднихъ земледѣльческихъ училищъ 282.000 руб. и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ — 200.000 руб.

Вмѣстѣ со свѣдѣніями о дѣятельности Министерства за отчетный третій годъ его существованія обзоръ даетъ краткій проспектъ тѣхъ мѣропріятій и проектовъ, кои предположены къ осуществленію и вызываются самымъ ходомъ предыдущей дѣятельности.

Главнымъ предметомъ дальнѣйшаго увеличенія затратъ казны на сельско-хозяйственную часть должны явиться, какъ видно изъ заключенія обзора, расходы на новыя сельско-хозяйственныя учебныя заведенія. Въ отзывахъ земствъ на обращенные къ нимъ съ Высочайшаго соизволенія вопросы о нуждахъ сельскаго хозяйства и мѣрахъ ихъ удовлетворенія въ число главнѣйшихъ изъ этихъ мѣръ включается распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія, при чемъ рядъ земствъ—вологодское, воронежское, казанское, самарское, уфимское, херсонское, черниговское—ходатайствуютъ объ открытіи высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Министерство Земледѣлія находитъ потребность въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ вполнѣ основательною и считаетъ необходимымъ пойти навстрѣчу ей, включивъ въ ближайшую очередь вопросовъ подлежащихъ разрѣшенію открытіе новыхъ низшихъ и среднихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и разработку вопроса объ устройствѣ высшаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія для южной полосы Россіи.

Вмѣстѣ съ этимъ Министерство Земледѣлія считаетъ необходимымъ принять мѣры для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній между женщинами. По вполнѣ справедливому замѣчанію составителей обзора, такія знанія не менѣе необходимы для хозяйки простой крестьянской семьи, чѣмъ для женщинъ наиболѣе интеллигентныхъ слоевъ деревенскаго населенія, напримѣръ, для учительницъ и для духовнаго и дворянскаго сословій. Болѣе крупное землевладѣніе предъявляетъ, кромѣ того, весьма значительный спросъ на профессіональныхъ труженицъ; затѣмъ нерѣдки случаи, когда женщины становятся въ роль самостоятельныхъ хозяекъ и управительницъ небольшими имѣніями. Въ виду этого Министерство Земледѣлія рѣшило приступить къ разработкѣ общаго вопроса о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи при участіи компетентныхъ лицъ и съ этою цѣлью созвать особое совѣщаніе. Въ отчетномъ году уже собраны нѣкоторые относящіеся къ данному вопросу матеріалы въ видѣ записокъ нѣкоторыхъ лицъ, къ которымъ спеціально обращалось Министерство, данныхъ о женскомъ сельско-хозяйственномъ образованіи въ Финляндіи и за границей. По предположеніямъ Министерства, организація сельско-хозяйственнаго мужскаго образованія должна быть отличною отъ организаціи женскаго и въ программу послѣдняго должно входить главнымъ образомъ преподаваніе чисто женскихъ отраслей труда, къ которымъ относятся: усадебное хозяйство, огородничество, садоводство, уходъ за скотомъ и молочное хозяйство, птицеводство,

пчеловодство и затѣмъ домоводство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Въ числѣ задачъ Министерства по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства наиболѣе существенными проектами являются - помощь скотоводству въ Архангельской губерніи, устройство разсадниковъ скота на Сѣверномъ Кавказѣ и при Омскомъ опытномъ полѣ. Въ области плодоводства Министерство имѣетъ предположеніе принять мѣры къ развитію культуры американской лозы и къ защитѣ виноградниковъ отъ разнаго рода грибныхъ болѣзней.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Н. Гумилевскій. *Сущность и цѣль питейной реформы въ Россіи.* С.-П.-Бургъ 1897 г. Цѣна 30 коп.

Въ настоящее время передъ нами проводится въ жизнь реформа питейнаго дѣла — казенная продажа питей. Съ 1 января 1898 года она вводится въ 35 губерніяхъ Европейской Россіи. Между тѣмъ общество весьма мало знакомо съ сущностью настоящей реформы. Въ восточныхъ губерніяхъ, напримѣръ, какъ было отмѣчено на страницахъ *Вѣстника Финансовъ* (1895 г. № 5), почти черезъ годъ по введеніи реформы не всѣ члены попечительствъ о народной трезвости ясно представляли себѣ свои задачи, даже тѣ, которые приняли на себя званіе участковыхъ попечителей. Настоящее изданіе и имѣетъ цѣлью пополнить этотъ недостатокъ и въ краткой формѣ знакомить читателя съ главнѣйшими основами и принципами новой реформы. Ознакомленіе съ нею общества желательно уже потому, что успѣшное проведеніе реформы всецѣло зависитъ отъ того, сочувственно ли отнесется къ реформѣ общество въ лицѣ лучшихъ его членовъ, пойдетъ ли оно навстрѣчу благимъ начинаніямъ правительства. Какъ извѣстно, реформа эта не имѣетъ въ основѣ своей фискальныхъ цѣлей, а преслѣдуетъ главнымъ образомъ гуманную задачу — искорененіе пьянства въ народѣ, поднятіе умственнаго и матеріальнаго благосостоянія его. Все же это, какъ справедливо замѣчаетъ и авторъ настоящаго изданія, вполнѣ достижимо лишь при сознательной помощи со стороны общества, ибо правительству безъ поддержки и осмысленнаго отношенія общества въ данномъ случаѣ дѣйствовать гораздо труднѣе. Авторъ прежде всего приводитъ данныя о потребленіи у насъ спиртныхъ напитковъ и дѣлаетъ характеристику этого потребленія въ отличіе отъ потребленія другими странами. Какъ неоднократно отмѣчалось и въ научныхъ изслѣдованіяхъ и оффиціальными учрежденіями, потребленіе спирта въ Россіи въ сущности менѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, развѣ за исключеніемъ Норвегіи и притомъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Такъ, напримѣръ, въ 1883 году потребленіе спирта въ Россіи на одного человѣка равнялось 0,33 ведра, а въ 1893 году—0,19 ведра. Въ Норвегіи на эти годы приходилось 0,14 ведра и 0,12

ведра. Въ другихъ же европейскихъ государствахъ потребленіе спирта достигало до 0,35 и даже 0,61 ведра на человѣка. Однако, при наличности такого сравнительно малаго потребленія спирта въ Россіи, оно отражается гораздо гибельнѣе на населеніи, нежели то можно было бы ожидать, судя по количеству потребляемаго спирта. Это происходитъ во первыхъ отъ вредныхъ примѣсей, которыми изобиловало вино въ большинствѣ случаевъ до введенія казенной предажи его, а также и отъ самаго характера потребленія вина. На Западѣ спиртъ потребляютъ ежедневно, у насъ же равномѣрное употребленіе его наблюдается только въ достаточныхъ классахъ, большинство же населенія въ этомъ отношеніи живетъ скачками отъ полнаго воздержанія до безпросыпнаго пьянства, чрезвычайно вредно отражающагося на здоровьѣ и благосостояніи его. Нынѣ проведенная реформа по преимуществу призвана устранить это зло. Съ одной стороны при существованіи казенной продажи питей безусловно немыслимы примѣси вредныхъ элементовъ къ вину, которыя составляли едва ли не крупнѣйшій интересъ кабатчика. въ его промыслѣ. Съ другой стороны выносная система продажи питей, концентрируя потребленіе спирта преимущественно въ предѣлахъ домашней обстановки, уже въ значительной степени способна урегулировать потребленіе его. Наконецъ, учреждаемыя повсюду съ введеніемъ винной монополіи попечительства о народной трезвости имѣютъ цѣлью сплотить и объединить лучшія силы общества въ одной идеѣ — борьбѣ съ пьянствомъ и такимъ образомъ по возможности ослабить нежелательныя послѣдствія неумѣреннаго пользованія продуктомъ, значеніе котораго при употребленіи въ малыхъ размѣрахъ и регулярно почти не подлежитъ сомнѣнію, въ особенности для странъ холодныхъ и населенія рабочаго, принужденнаго питаться грубою, плохо усвояемою пищей. Попечительствамъ о народной трезвости авторъ и отводитъ болѣе всего мѣста въ своемъ очеркѣ. Онъ довольно ясно означаетъ цѣли установленія попечительствъ о трезвости, пріемы ихъ дѣятельности въ борьбѣ съ пьянствомъ и въ заключеніе обращается съ призывомъ къ женщинамъ и людямъ интеллигентнымъ, указывая на громадное вліяніе, которое эти двѣ категоріи общества могли бы сыграть въ дѣлѣ отрезвленія населенія. Написана брошюра недурно, а симпатичная задача ея въ значительной степени сглаживаетъ нѣкоторые недостатки изложенія, какъ, напримѣръ, длиннoты и ненужныя повторенія.

ФИНАНСЫ.

Г. Б. К. *Къ вопросу о денежной реформѣ. Краткій сборникъ законовъ, опредѣляющихъ денежную реформу въ Россіи.* Одесса, 1897 г.

Вопросъ о денежной реформѣ, недавно такъ усиленно волновавшій наше общество и теперь почти совершенно сданный въ архивъ, оставилъ по себѣ довольно основательный слѣдъ въ

видѣ цѣлой кучи книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ газетныхъ и журнальныхъ статей, посвященныхъ обсужденію той или другой стороны денежнаго дѣла. Еще давно какой-то довольно извѣстный общественный дѣятель выразился очень остроумно, что послѣ любви онъ не знаетъ такого предмета, который въ большей степени вызывалъ бы къ себѣ вниманіе у писателей, чѣмъ денежный вопросъ, и это ѣдкое замѣчаніе приходится признать далеко небезосновательнымъ, лишь только припомнить тѣ условія, въ которыхъ совершалось обсужденіе, благополучно приведеннаго теперь въ исполненіе проэкта перемѣны валюты. Чуть ли не все грамотное населеніе нашего широкаго отечества выступило съ перомъ, немного было сторонниковъ проэкта, еще меньше было противниковъ его, способныхъ чистосердечно признаться, что они мало понимаютъ въ этой узкой спеціальности и что являются противниками только по страху къ „неизвѣстности нѣмой"—подавляющее большинство писавшихъ старались скрыть свою боязнь ко всякаго рода нововведеніямъ въ области монетной системы въ безконечныхъ разсужденіяхъ, благодаря чему литература этого вопроса въ короткое время необычайно разрослась.

Авторъ настоящаго изданія является едва ли не самымъ плодовитымъ, по крайней мѣрѣ по количеству выпущенныхъ имъ статей. Подъ общимъ заглавіемъ „Къ вопросу о денежной реформѣ" имъ выпущена въ свѣтъ цѣлая серія статей: 1) Перепроизводство, 2) Денежный кризисъ, 3) Возникновеніе кризиса, 4) Золото или серебро?;—настоящій „Краткій сборникъ законовъ" является пятымъ въ ряду указанныхъ выпусковъ. Онъ содержитъ въ себѣ добросовѣстную и аккуратную перепечатку всѣхъ законовъ, относящихся къ опредѣленію у насъ денежной системы, и, по собственному замѣчанію издателя, выпущенъ въ свѣтъ потому, что нерѣдко дѣлаются неправильныя ссылки на дѣйствующіе у насъ по этому предмету законы.

Конечно, можетъ быть, нельзя признать это объясненіе издателя особенно убѣдительнымъ, потому что подлинные законы русскіе настолько же доступны публикѣ, какъ и перепечатка ихъ, и не можетъ издатель принудить нежелающихъ познакомиться со своимъ выпускомъ, такъ что всѣмъ, неправильно ссылавшимся прежде на законы, по недобросовѣстности или по нежеланію справиться въ нихъ, остается теперь такой-же просторъ игнорировать этотъ сборникъ, какъ они раньше игнорировали Сводъ Законовъ. Однако, нельзя не сказать, что рядъ своихъ изданій по денежному вопросу авторъ закончилъ безусловно лучшимъ и болѣе интереснымъ, чѣмъ предыдущія.

ПОЛИТИКА.

Александръ Штиглицъ. *Островъ Критъ, мирная блокада и международный плебисцитъ*. С.-Петербургъ, 1897 г.

Г. Штиглицъ задается цѣлью выяснить истинные интересы Россіи въ Критскомъ вопросѣ. Здѣсь нашей дипломатіи приходится считаться, во-первыхъ, съ панэллинистическими стремленіями грековъ, мечтающихъ о возстановленіи Византійской державы; во-вторыхъ, съ интригами Англіи, старающейся во что бы то ни стало посѣять смуту на континентѣ. Но вожделѣнія грековъ нисколько не находятъ себѣ оправданія въ ихъ собственномъ политическомъ опытѣ; авторъ, на основаніи документальныхъ источниковъ и отзывовъ французскихъ дипломатовъ (которыхъ отнюдь нельзя упрекнуть въ недостаткѣ сочувствія къ Греціи), рисуетъ чрезвычайно мрачную картину современнаго положенія королевства и даетъ очень нелестную характеристику самихъ грековъ. Грубое политиканство, преслѣдующее исключительно личныя цѣли, продажность чиновниковъ, непотизмъ министровъ, отсутствіе сколько нибудь твердыхъ взглядовъ въ правящихъ сферахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненно развитое національное самомнѣніе, все это дѣлаетъ грековъ мало способными къ правильной государственной жизни. Если присоединить къ этому нескрываемую вражду грековъ къ славянскимъ народностямъ—сербамъ и болгарамъ, которымъ они стараются вредить, гдѣ только могутъ, то ясно будетъ, что русская дипломатія сдѣлала бы великую ошибку, еслибы стала поддерживать велико-греческія стремленія выродившихся потомковъ Мильтіада. Что касается до Англіи, то она въ послѣднее время чрезвычайно озабочена ростомъ континентальной, преимущественно германской, промышленности и торговли, постепенно овладѣвающей міровымъ рынкомъ, надъ которымъ до сихъ поръ безраздѣльно владычествовала Англія. Г. Штиглицъ приводитъ статистическія таблицы въ доказательство необычайнаго возрастанія германскаго вывоза и соотвѣтственнаго паденія вывоза англійскаго (стр. 88—98).

Всякое замѣшательство на континентѣ явилось бы удобнымъ средствомъ поддержать свой торговый пріоритетъ, отвлекая вниманіе народовъ и правительствъ отъ мирнаго развитія національныхъ силъ. Англія не забыла, что за періодъ общеевропейскихъ войнъ 1793—1815 гг. ея внѣшняя торговля возросла съ 17 милліоновъ фунтовъ стерл. до 58 мил. фун. Къ этому присоединяются вѣчныя опасенія Англіи за свое владычество въ Индіи, гдѣ ненависть къ англичанамъ растетъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ роста національнаго самосознанія. Всѣ эти соображенія заставляютъ Англію сознательно сѣять вражду и смуту между континентальными державами и искусственно раздувать армянскій и критскій вопросы.

Окончательное рѣшеніе Восточнаго вопроса г. Штиглицъ ви-

дитъ въ созданіи федераціи балканскихъ народностей, подъ главенствомъ Россіи, которая, принявши Турцію подъ свой протекторатъ, приметъ на себя также и заботу объ устройствѣ болѣе сноснаго modus vivendi на мусульманскомъ Востокѣ. Въ качествѣ залога вѣрности султана ей вполнѣ достаточно завладѣть проливами Босфора и Дарданеллъ, оставивъ Константинополь по прежнему столицей Оттоманской Имперіи. А имѣя въ своихъ рукахъ султана, духовнаго главу правовѣрныхъ, въ томъ числѣ и многомилліоннаго мусульманскаго населенія Индіи, Россія пріобрѣтетъ новое важное орудіе для осуществленія своихъ культурныхъ и политическихъ задачъ на Востокѣ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Ив. Бунинъ. *На край свѣта*. Разсказы. С.-Петербургъ, 1897 г.

Сборникъ разсказовъ г. Бунина производитъ на читателя весьма отрадное впечатлѣніе. Авторъ несомнѣнно обладаетъ художественнымъ талантомъ и поэтическимъ чувствомъ. Онъ отлично знакомъ съ деревенскою жизнью черноземной полосы Россіи, крестьянской и помѣщичьей. Всѣ разсказы его проникнуты глубокою симпатіей и любовью къ русскому народу и свидѣтельствуютъ о вѣрномъ пониманіи характера и нравственнаго облика простого русскаго человѣка,—пониманіи, одинаково чуждомъ и сантиментальнаго народническаго культа, и высокомѣрнаго презрѣнія многихъ изъ нашихъ культуртрегеровъ. Лучшимъ и наиболѣе характернымъ образцомъ творчества молодого писателя мы считаемъ небольшой очеркъ: „На Донцѣ". Въ немъ авторъ описываетъ свое посѣщеніе Святогорскаго монастыря, тѣ настроенія и мысли, которыя возникали въ его душѣ подъ впечатлѣніемъ величественно-важныхъ картинъ природы и внезапно нахлынувшихъ воспоминаній дѣтства. Что касается до описанія картинъ природы, то въ этомъ отношеніи г. Бунинъ проявляетъ незаурядную наблюдательность, тонкое чувство художественной правды и умѣнье однимъ творческимъ словомъ уловить и закрѣпить мимолетное настроеніе, навѣваемое природой. Подъ его перомъ, пейзажъ оживаетъ, пріобрѣтаетъ красоту и колоритность, становится близкимъ и понятнымъ читателю. Въ качествѣ примѣра можно было бы привести прекрасное описаніе степи въ разсказѣ: „На Донцѣ", и многія страницы изъ другихъ разсказовъ. Но родная природа, не смотря на всю симпатію, которую проявляетъ къ ней авторъ, составляетъ только фонъ картины, ея задній планъ; центральное мѣсто въ его изображеніи занимаютъ все таки тѣ „сермяжные герои", къ которымъ, повидимому, лежитъ сердце молодого писателя. Ихъ несложная, но тѣмъ не менѣе глубокая душевная жизнь, ихъ простыя будничныя думы, и наряду съ ними вѣчные вопросы совѣсти,—все это нашло себѣ въ лицѣ г. Бунина талантливаго и чуждаго мудрствованія истолкователя. Много душевной теплоты

вложилъ онъ въ изображеніе русскихъ народныхъ типовъ,—оттого и вышли они какъ живые. Вотъ старый дѣдъ, въ первый разъ оставшійся на стариковскомъ положеніи дома, въ то время какъ всѣ поѣхали въ поле на работу („Кастрюкъ"); мастерски переданы авторомъ мысли и чувства старика, сознающаго, что вѣкъ его прошелъ, что онъ уже лишній среди трудящихся въ потѣ лица, что ему остается только смириться предъ лицомъ наступающей смерти и обратить всѣ свои помыслы по ту сторону бытія. Отправившись въ ночное съ ребятами, онъ весь отдается во власть этому настроенію. „Когда лошади спокойно вникли въ кормъ и прекратилась возня улегшихся рядышкомъ ребятишекъ, смѣхъ и остроты надъ коростелью, которая оттого такъ скрипитъ, что деретъ нога объ ногу, дѣдъ постлалъ себѣ помягче полушубокъ и зипунъ, и съ чистымъ сердцемъ, съ искреннею довѣрчивостью и благоговѣніемъ сталъ на колѣни и долго молился на темное, звѣздное, прекрасное небо, на мерцающій млечный путь—святую дорогу ко граду Іерусалиму. И благодарно и задушевно звучалъ его молитвенный шопотъ..."— Вотъ партія рабочихъ, отправляющихся на югъ на заработки и застрявшихъ въ Великую Субботу на маленькой степной станціи („На чужбинѣ"); нравственный и физическій обликъ отдѣльныхъ лицъ едва очерченъ бѣглою кистью, но авторъ съумѣлъ уловить характерныя черты ихъ и дать понять то общее настроеніе, которое охватываетъ ихъ въ торжественныя предпраздничныя минуты, среди незнакомой, казенно-холодной обстановки.

Изъ прочихъ разсказовъ укажемъ на „Вѣсти съ родины" и на „Фантазера". Менѣе удались автору „идейные" разсказы, каковы, напр., „Тарантелла" и „На дачѣ". Въ послѣднемъ изъ названныхъ, гдѣ выведенъ между прочимъ толстовецъ, герои все время занимаются идейными разговорами и жаркими разсужденіями, но все это оставляетъ читателя совершенно холоднымъ и безучастнымъ. Чувствуется кромѣ того, что авторъ недостаточно знакомъ съ кругомъ общества, который пытается изобразить, и что интересы этого круга въ значительной мѣрѣ чужды ему. Всѣ эти промахи и недостатки, однако же, выкупаются болѣе или менѣе тѣмъ гуманнымъ чувствомъ, которымъ проникнуты всѣ его разсказы и которое невольно передается читателю.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Садкó. Опера-былина въ семи картинахъ Н. А. Римскаго-Корсакова.

Это произведеніе, оконченное авторомъ въ началѣ 1896 г., не удостоилось чести быть принятымъ на петербургскую сцену Маріинскаго театра, чему особенно удивляться нельзя, ибо опера Н. А. Римскаго-Корсакова въ Петербургѣ пользуется почти столь же малымъ расположеніемъ театральнаго начальства, какъ оперы Чайковскаго въ Москвѣ. Впрочемъ, не одного только начальства, но и публики: *Майская ночь*, напримѣръ, не дѣлала въ прошломъ году въ Петербургѣ сборовъ и снята уже, кажется, съ репертуара. Не привлекаетъ публику и *Ночь на Рождество*, а декораціями *Млады* уже года два какъ воспользовались для балета Минкуса на тотъ же сюжетъ, а *Младу* Н. А. Римскаго Корсакова сдали въ архивъ. Это очень аналогично съ отношеніемъ Большого театра къ Чайковскому, изъ котораго точно по необходимости держатъ въ репертуарѣ двѣ оперы *Евгеній Онѣгинъ* и *Пиковую даму*, превративъ партію Татьяны въ пробную для вѣчныхъ учениць, а остальное сдали въ архивъ. *Младу* въ Петербургѣ все-таки дали нѣсколько разъ, а *Чародѣйку* Чайковскаго въ Москвѣ сняли съ репертуара прямо послѣ перваго представленія. Въ Петербургѣ къ Чайковскому гораздо милостивѣе, тамъ на сценѣ Маріинскаго театра имѣютъ не менѣе семи его произведеній: три балета и четыре оперы, если не пять. Въ Москвѣ однако не отвѣчаютъ такою же любезностью по отношенію къ петербуржцу Н. А. Римскому-Корсакову и точно изъ снисхожденія Большой театръ иногда вспоминаетъ о его *Снѣгурочкѣ*, да и то рѣдко. Правда, въ Москвѣ теперь есть еще сцена частной русской оперы въ театрѣ Солодовникова, болѣе благосклонная къ петербургскому композитору и ея то иниціативѣ мы обязаны тѣмъ, что познакомились съ новымъ его произведеніемъ, составляющимъ предметъ настоящей статьи.

Главной основой сюжета оперы послужила одна изъ наиболѣе общеизвѣстныхъ былинъ о „Садко, богатомъ новогородскомъ гостѣ“. Впрочемъ, Н. А. Римскій Корсаковъ говоритъ въ предисловіи, что онъ пользовался для своего *Садкó* не только разными варіантами одноименной былины, но также нѣкоторыми

сказками, какъ, напримѣръ, *О Царѣ Морскомъ* и *Василисѣ Премудрой* или былиной *Терентій гость* и т. д. Всѣ эти соединенія различныхъ мотивовъ сюжета дѣлаются очень свободно, характеристика лицъ не придерживается строго былины или сказки, только въ отношеніи языка авторъ старался, и очень успѣшно, выдержать тонъ и не сбиться на новую книжную рѣчь. Намъ представляется, что порядокъ возникновенія этой оперы-былины былъ не совсѣмъ обычный. Дѣло въ томъ, что еще въ 1867 г. появилась блестящая композиція, оркестровая фантазія *Садко́*, сдѣлавшая имя Н. А. Римскаго-Корсакова популярнымъ не въ одной Россіи; теперь, 30 лѣтъ спустя, композиторъ воспользовался очень многимъ изъ этого произведенія для оперы, и весьма вѣроятно, что оркестровая композиція до извѣстной степени опредѣлила и содержаніе сюжета, получившаго болѣе широкое детальное развитіе соотвѣтственно рамкамъ сложнаго сценическаго представленія, но преобладающее музыкальное значеніе въ немъ сохранилось. Такимъ образомъ можно думать, что если не вездѣ, то во многихъ случаяхъ сочиненіе общаго музыкальнаго плана едва ли не предшествовало подбору сценъ и текста. Отчасти это подтверждается тѣмъ, что общая нить, связующая сцены сюжета, довольно слаба и условна, между тѣмъ, какъ музыка, за исключеніемъ вставныхъ нумеровъ четвертой картины, о чемъ рѣчь будетъ ниже, представляетъ необыкновенно стройную послѣдовательность въ цѣломъ. Мы видимъ поэтому въ *Садко́* Н. А. Римскаго-Корсакова новый и могучій поворотъ въ сторону обороны музыки отъ рабскаго подчиненія тексту, имѣющій историческое оправданіе и значеніе, для выясненія котораго мы должны сдѣлать маленькій обзоръ послѣдовательнаго развитія формъ драматической музыки.

Въ самомъ концѣ XVI в. среди образованныхъ гуманистовъ Италіи явилось стремленіе, быстро нашедшее множество сторонниковъ возстановить ту связь между поэзіей и музыкой, какая, по ихъ догадкамъ, существовала въ искусствѣ древнихъ грековъ. Болѣе или менѣе солидное знаніе музыки почиталось тогда въ Италіи необходимою принадлежностью хорошаго образованія, такъ что многіе изъ просвѣщенныхъ людей того времени могли не только разсуждать теоретически о возможности установить тѣснѣйшее соотношеніе между стихотворными текстами и музыкой, но и дѣлать практическіе опыты въ композиціяхъ подобнаго рода. Въ кружкѣ такихъ людей во Флоренціи установился принципъ подчиненія музыки тексту, не только въ общемъ смыслѣ его содержанія, но и въ его внѣшнемъ складѣ. Въ 1600 г. во Флоренціи была поставлена на сценѣ *Эвридика*, первая музыкальная драма, въ сочиненіи которой приняли участіе уже спеціалисты-музыканты, приставшіе къ движенію, вызванному образованными писателями. Во всѣхъ драматическихъ сценахъ и діалогахъ задачей музыки было давать только выразительную декламацію текста, не стѣсненную никакими опредѣленными музыкальными формами. Этотъ новый родъ зрѣлищъ имѣлъ не-

слыханный успѣхъ и повелъ къ устройству въ различныхъ городахъ Италіи множества театровъ публичныхъ, кромѣ придворныхъ, а музыкальныя драмы стали появляться во множествѣ. За дѣло композиціи взялись лучшіе итальянскіе музыканты того времени, что немедленно повело къ преобладающему значенію музыки въ такихъ драмахъ. Это выразилось даже въ постепенно установившейся замѣнѣ названія „музыкальной драмы" новымъ спеціальнымъ терминомъ „опера". Замѣна эта произошла изъ сокращенія обычнаго тогда заглавія „Drama (per musica) такого-то автора, Opera (in musica) такого то; драма, т. е. либретто, скоро получила второстепенное значеніе, а все вниманіе сосредоточивалось на Opera, т. е. „сочиненіи" (музыкальномъ), а оттуда образовалось и названіе „опера", прочно установившееся во всѣхъ языкахъ. Подъ рукой искусныхъ музыкантовъ, первоначальныя безсвязныя декламаціонныя фразы стали слагаться въ стройныя, законченныя мелодіи, и черезъ сто лѣтъ уже явилась форма аріи, получившая самое рѣшительное преобладаніе въ оперной композиціи. Явились выдающіеся вокальные артисты и артистки съ превосходными голосами и виртуознымъ мастерствомъ пѣнія. Великіе пѣвцы и пѣвицы до такой степени подчинили себѣ публику, что являлись для нея главною приманкой оперныхъ представленій, вслѣдствіе чего и музыка съ ея композиторами вмѣсто первоначальнаго подчиненія драмѣ вынуждена были подчиниться виртуознымъ требованіямъ вокальныхъ исполнителей. Либретто получило совсѣмъ условное значеніе, а вся опера состояла изъ длиннаго ряда арій, связанныхъ между собою речитативами; иныя изъ арій были въ два голоса (дуэты), очень рѣдко въ три. Въ оковахъ этой условной формы аріи итальянская опера seria оставалась почти до конца XVIII вѣка. Знаменитѣйшіе пѣвцы и пѣвицы получали такое огромное вознагражденіе, что ангажировать ихъ могли только богатѣйшіе изъ придворныхъ или городскихъ театровъ, но такъ какъ любовь къ опернымъ зрѣлищамъ была уже очень распространена въ Италіи, то небогатыя сцены, не смѣя соперничать съ большими театрами въ области серьезной оперы, создали новый жанръ opera-buffa, комическую оперу, въ которой исполнителями являлись не столько обладатели большихъ голосовъ и блестящей виртуозности, сколько артисты вообще музыкальные и одаренные сценическимъ талантомъ. На помощь имъ явились и композиторы, которые ввели разнообразныя формы арій, ансамблей, и, наконецъ, комическая опера дошла даже до сложныхъ финаловъ, совершенно не употреблявшихся въ opera-seria, ибо тамъ весь интересъ сосредоточивался на primo uomo и примадоннѣ.

Глюкъ, возставши противъ оцѣпенѣлой условности итальянской opera-seria, отнюдь не разрушалъ выработанныхъ музыкальныхъ формъ, онъ ихъ обогащалъ отчасти примѣненіемъ уже созданныхъ комическою оперой, а для речитативовъ ему могли служить образцами даже нѣмецкіе композиторы съ ихъ камерными и церковными кантатами и ораторіями. Сверхъ того въ Парижѣ,

для котораго написаны главнѣйшія его оперы, не существовало подобнаго Италіи культа вокальной виртуозности, и на французской оперной сценѣ не знали primi nomini сопранистовъ. Вообще реформа Глюка была направлена противъ подчиненія вокальной виртуозности и къ обогащенію формъ и средствъ выраженія музыки; такимъ образомъ это было отчасти возвращеніемъ къ первоначальнымъ принципамъ музыкальной драмы. Моцартъ явился завершителемъ Глюка, и классическія оперныя формы получили у него окончательное развитіе.

Старшіе нѣмецкіе романтики, Веберъ, Шпоръ и Маршнеръ особенно много новаго въ оперныя формы не внесли, но Веберъ въ „Волшебномъ стрѣлкѣ“ коснулся народной жизни и преданій, а Маршнеръ отчасти подготовлялъ Вагнера своими большими монологами, иногда замѣнявшими аріи, написанными въ декламаціонной формѣ съ большимъ оркестровымъ сопровожденіемъ. Парижская опера стремилась къ усиленію эффектности оперныхъ представленій путемъ соединенія балета съ оперой, участія большихъ массъ хора, оркестра, роскоши постановокъ и наконецъ занимательностью сюжетовъ, имѣвшихъ иногда историческій характеръ. Мейерберъ стоялъ во главѣ направленія, стремившагося къ погонѣ за эффектомъ во что бы то ни стало, и его оперы заняли на европейскихъ сценахъ первенствующее положеніе. Итальянская опера, несмотря на огромную популярность Россини, Беллини и Донидзетти въ первой, а Верди во второй половинѣ текущаго столѣтія, очень замѣтнаго вліянія на развитіе оперныхъ формъ не имѣла и сама постепенно подчинялась вліянію новѣйшей французской школы, и главнымъ образомъ Гуно, оперы котораго, въ отличіе отъ историческихъ оперъ Мейербера, можно бы назвать салонными, какъ и новѣйшія оперы Массенэ.

Вагнеръ въ началѣ карьеры шелъ по стопамъ Мейербера, по крайней мѣрѣ, въ своей оперѣ „Ріензи“, написанной черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ „Гугенотовъ“. Но въ Германіи эклектизмъ Мейербера и его погоня за эффектами находили уже очень строгихъ критиковъ, въ томъ числѣ Шумана. Вагнеръ вскорѣ сталъ въ ряды этихъ критиковъ и обратился къ нѣмецкимъ композиторамъ, изъ которыхъ Маршнеръ сдѣлался его ближайшимъ образцомъ. Его упомянутыя сцены, гдѣ декламаціонныя вокальныя фразы объединялись въ формѣ оркестровымъ сопровожденіемъ, послужили исходною точкой реформы Вагнера, вновь провозгласившаго принципы музыкальной драмы. Глюкъ обогатилъ существовавшія до него оперныя формы, а Вагнеръ совсѣмъ отказался отъ всякихъ условныхъ оперныхъ формъ,—дойдя до этого, конечно, постепенно,—и сталъ подраздѣлять свои оперы на сцены, вмѣсто прежнихъ арій, дуэтовъ, ансамблей и т. п. Его большія сцены примыкали съ одной стороны къ декламаціоннымъ сценамъ Маршнера и были ихъ логическимъ развитіемъ, а съ другой— иногда подходили къ сложнымъ формамъ классической оперы. Дидактическій символизмъ *Кольца Нибелунга* заставилъ

его прибѣгнуть къ условнымъ лейтмотивамъ, ставшимъ музыкальною основой всѣхъ сценъ тетралогіи, а потомъ и его послѣдней мистеріи *Парсиваль*, которой онъ и закончилъ свое поприще. Въ своихъ теоретическихъ сочиненіяхъ объ искусствѣ Вагнеръ провозгласилъ подчиненіе музыки драмѣ вообще и тексту ея въ частностяхъ.

Русская музыка не принимала участія во всѣхъ этихъ превращеніяхъ опернаго стиля, ибо самостоятельное существованіе русской школы началось только съ 1836 г. со времени постановки *Жизни за Царя* Глинки.

Глинка былъ изумительнымъ геніемъ, далеко превосходившимъ и пониманіе, и размѣры художественныхъ потребностей окружавшаго его общества Онъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своихъ стремленіяхъ и творилъ, отвѣчая лишь внутренней потребности своей натуры и не слѣдуя никакимъ предвзятымъ теоріямъ. Однако, геніальность творца русской школы внушила ему многія идеи, незнакомыя западнымъ композиторамъ. Можно упомянуть о національномъ колоритѣ, обозначившемся еще въ *Жизни за Царя* въ сопоставленіи русскаго и польскаго элементовъ или въ безпримѣрно мощномъ апоѳеозѣ Россіи въ эпилогѣ „Славься". Не п·речисляя многихъ другихъ самобытныхъ чертъ геніальности Глинки, упомянемъ о нѣкоторыхъ техническихъ его нововведеніяхъ. Въ речитативѣ онъ является совершенно самостоятельнымъ. Въ *Жизни за Царя* речитативъ почти постоянно имѣетъ ясно выраженную мелодическую форму, отдѣльныя его формы симметричны, такъ что онъ составляетъ родъ кантилены, легко произносимой въ отличіе отъ каватины: этой легкой произносимости русскіе пѣвцы, къ сожалѣнію, не понимаютъ. Такимъ образомъ въ то время, когда въ Германіи начиналось стремленіе къ разложенію законченныхъ мелодическихъ формъ на декламаціонныя фразы, у насъ, наоборотъ, Глинка пытался, и успѣшно, сблизить речитативъ съ законченными формами. Такой пріемъ даетъ речитативу Глинки особую значительность и естественную пластичность формы. Речитативы въ *Русланѣ* имѣютъ большею частью менѣе симметричную конструкцію, но мелодическая ихъ значительность отъ этого не умаляется. Такимъ образомъ стройная пластичность мелодической формы сдѣлалась отличительною принадлежностью речитатива русской школы. Глинка ввелъ также въ оперу варіаціонную форму въ гораздо большей степени, нежели дѣлали другіе композиторы. Варіаціи у него бываютъ то свободныя, какъ, напримѣръ, въ балладѣ Финна, то главная тема остается неизмѣняемою (ostinato) въ вокальной партіи, а оркестръ даетъ къ этому богатѣйшія варіаціи, какъ въ „персидскомъ хорѣ", или „разсказѣ головы" въ *Русланѣ*. Помимо того Глинка пользовался разнообразнѣйшимъ примѣненіемъ классическихъ оперныхъ формъ, начиная отъ простѣйшихъ и до сложнѣйшихъ. Такимъ образомъ русская школа явилась разомъ во всеоружіи наслѣдія, добытаго западною Европой и умноженнаго вкладомъ русскаго народнаго

элемента. Однако, Глинка родился слишкомъ рано. Высшее общество Петербурга относительно *Жизни за Царя* говорило: „C'est la musique des cochers", a объ *Русланѣ и Людмилѣ* „C'est un opéra manqué", хотя это было только un jugement manqué; въ половинѣ 40-хъ годовъ русскую оперу изъ Петербурга почти устранили, *Жизнь за Царя* изрѣдка давали ради ея сюжета, удобнаго для торжественныхъ дней, а съ *Русланомъ* совсѣмъ покончили. Прошло лѣтъ 20 почти, русская музыка молчала, только Даргомыжскій выступалъ въ концѣ 50-хъ годовъ со своею *Русалкой*, но не произвелъ особаго впечатлѣнія, ибо тогда уже создавался культъ „ноты", начиная съ ut diez'a Тамберлика. Только въ 60-хъ годахъ русская опера стала просыпаться отъ своего оцѣпенѣлаго сна, и подъ вліяніемъ возрожденія общества къ новой жизни все вдругъ закипѣло дѣятельностью, въ томъ числѣ и русское искусство. Провозвѣстникомъ возрожденія музыки былъ Сѣровъ, сначала своими статьями, потомъ операми. Въ это же время явилась цѣлая группа талантовъ, на столько разнообразныхъ, что возникли даже враждующія направленія въ русской музыкѣ. Въ одномъ всѣ молодые музыканты сходились—въ поклоненіи Глинкѣ. Вагнеръ съ его реформой уже началъ порабощать Европу и успѣлъ уже посѣтить Петербургъ и Москву. Наши композиторы расходились въ оцѣнкѣ его значенія. Чайковскій, напримѣръ, преклонялся предъ его огромнымъ талантомъ, но полное примѣненіе его теорій находилъ невозможнымъ, а петербургская группа композиторовъ увлеклась его теоріями, а композиторомъ его почитала чуть ли не совсѣмъ бездарнымъ; Даргомыжскій, хотя совсѣмъ уже не былъ молодъ, но также увлекся новизной теоріи и рѣшилъ самъ сдѣлать ея примѣненіе, нисколько не заимствуя собственно стиля Вагнера, и написалъ своего *Каменнаго гостя*, вполнѣ окончить котораго ему помѣшала, однако, смерть. Этотъ остроумный и чрезвычайно талантливый опытъ въ драматической музыкѣ не имѣлъ однако успѣха. Виной была ошибочность пріема, годнаго для небольшихъ вещицъ, но совсѣмъ неприложимаго къ сценѣ. Увлекшись мелочною характеристикой внѣшняго смысла отдѣльныхъ фразъ, Даргомыжскій во многихъ мѣстахъ забывалъ о происходящемъ на сценѣ и подчеркивалъ словечки. Этотъ аріозный речитативъ былъ совсѣмъ иной нежели у Глинки, который высказывалъ наклонность къ объединенію отдѣльныхъ речитативныхъ фразъ въ болѣе крупныя единицы, а въ *Каменномъ гостѣ* крупныя единицы формъ раздроблялись на фразы, несимметричныя, часто далекія одна отъ другой по тональности, слишкомъ часто законченныя. Речитативъ *Каменнаго гостя* очень подчеркнуто выразителенъ, но въ большомъ количествѣ сряду просто нестерпимъ своею безпокойною пестротой и неустойчивостью. Значительная часть музыкантовъ и любителей, преимущественно въ Петербургѣ, провозгласили *Каменнаго гостя* геніальнымъ произведеніемъ, но это не помогло ему гдѣ-либо удержаться на сценѣ, несмотря на отдѣльныя превосходныя мѣста, въ немъ встрѣчавшіяся.

Въ кругу петербургскихъ композиторовъ кружка Балакирева, Даргомыжскій пользовался наибольшимъ почетомъ, но послѣдователей почти не нашелъ. Мусоргскій, правда, въ своихъ небольшихъ вокальныхъ сочиненіяхъ съ аккомпаниментомъ очень успѣшно примѣнялъ декламаціонную манеру, но когда взялся за оперную композицію, то, вѣроятно, пониманіе сцены, которымъ онъ обладалъ въ высокой степени, не позволило ему повторить опыта *Каменнаго гостя*. Еще менѣе наклонности въ эту сторону оказалось у Ц. А. Кюи. Покойный Бородинъ прямо заявлялъ, что ему закругленныя формы необходимы, что и показалъ въ своемъ *Князь Игорь*. Словомъ, всѣ эти композиторы высказали болѣе сильное тяготѣніе къ манерѣ Глинки, нежели къ русской обработкѣ теорій Вагнера. Всего болѣе и восторженнѣе говорилъ о Вагнерѣ Сѣровъ, но также не былъ подражателемъ его стиля, да это и трудно. О Чайковскомъ я не говорю, потому что онъ никогда не задавался особенно стремленіями къ новаторству и, будучи поклонникомъ классической ясности формы, находилъ достаточныя средства выраженія въ свободѣ средствъ ея примѣненія.

Н. А. Римскій-Корсаковъ съ первой своей оперы *Псковитянка* высказалъ большую склонность къ народной пѣснѣ и пользовался ея напѣвами въ значительной мѣрѣ. Тогда онъ не владѣлъ еще тѣмъ мастерствомъ техники, какого достигъ впослѣдствіи. Всякое слѣдующее изъ его произведеній для сцены представляло все новые успѣхи въ этомъ отношеніи. Мы не будемъ разбирать ихъ и напомнимъ читателямъ нашу статью объ оперѣ *Ночь на Рождество*, помѣщенную два года назадъ на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія*. Мы указывали тамъ на раздвоенность стиля композиціи, гдѣ богатѣйшія по музыкальной обработкѣ мѣста рѣзко смѣнялись сухими декламаціонными, составлявшими какъ будто не совсѣмъ точное и удачное подражаніе Даргомыжскому съ его *Каменнымъ гостемъ*. Можно было думать, что такая манера является заключительнымъ фазисомъ въ развитіи композитора, но *Садко* доказалъ противное.

Я такъ много распространился объ исторіи оперы вообще, потому, что опытъ заставилъ меня убѣдиться въ маломъ распространеніи подобныхъ свѣдѣній въ кругу нашей читающей публики. Конечно, съ общей точки зрѣнія мой обзоръ слишкомъ сжатъ и неполонъ, но мнѣ онъ нуженъ для того, чтобы, опираясь на высказанное въ немъ, яснѣе опредѣлить значеніе произведенія, служащаго предметомъ настоящей статьи и долженствующаго, по нашему мнѣнію, занять одно изъ очень высокихъ мѣстъ въ нашей оперной литературѣ.

Опера *Садко* распадается на семь картинъ, изъ которыхъ послѣднія три, при благопріятныхъ условіяхъ постановки, могутъ слѣдовать почти въ непрерывной связи, а первыя четыре составляютъ каждое самостоятельное цѣлое.

Первая картина—эпически-бытовая. Она изображаетъ пиръ богатыхъ новгородскихъ гостей, которыхъ увеселяютъ и поэты-

гусляры, Нѣжато и Садко,—и наемные пѣсенники - скоморохи, Дуда и Сопѣль. Общій характеръ картинки напоминаетъ интродукцію *Руслана и Людмилы,* только въ очень увеличенномъ размѣрѣ. Послѣ короткаго оркестроваго вступленія, изображающаго Океанъ-море, занавѣсъ поднимается, начинается веселый застольный хоръ пирующихъ гостей, съ блестящимъ, праздничнымъ характеромъ и широкимъ музыкальнымъ развитіемъ. Настоятели новогородскіе просятъ гусляра Нѣжату „разсказать про бывалое“. Богатая и непринужденная модуляція вводитъ разсказъ гусляра; онъ поетъ былину о Волхѣ Всеславьичѣ. Здѣсь композиторъ мастерски воспользовался варіаціоннымъ пріемомъ Глинки, съ тою разницей, что простой запѣвъ гусляра не остается неизмѣннымъ и переходитъ по разнымъ тональностямъ, и превосходныя иллюстраціи оркестра сопровождаютъ всю смѣну картинъ разсказа. Снова вступаетъ хоръ съ необычайнымъ одиннадцатидольнымъ размѣромъ, звучащимъ удивительно естественно и непринужденно; мужественная здоровость и сила при простотѣ обработки даютъ музыкѣ чисто народный характеръ. Хоръ прерывается приходомъ гусляра Садко; его просятъ спѣть про славу Новгорода и горожанъ его. Садко не только гусляръ, но онъ является, между прочимъ, заступникомъ за голытьбу новгородскую. Въ его пѣснѣ есть и укоръ богатымъ гостямъ и разсказъ, что бы онъ сдѣлалъ на ихъ мѣстѣ. Такія рѣчи возбуждаютъ негодованіе противъ него; Садко не приглашаютъ принять участіе въ пирѣ, и онъ, оскорбившись, уходитъ. Пирующіе зовутъ скомороховъ, начинаются ихъ пѣніе и пляски, и занавѣсъ опускается среди общаго веселья.

Мы можемъ обратить здѣсь вниманіе на речитативы этой оперы, составляющіе совсѣмъ новое явленіе. Они состоятъ изъ мелодическихъ фразъ не только вполнѣ симметричныхъ, но въ этой симметричности проявляется даже извѣстный педантизмъ, заставляющій сохранять во фразахъ полное ритмическое подобіе. Здѣсь речитативы не только не составляютъ полуговора по сравненію съ пѣвучими мѣстами, но даже составляютъ болѣе связанную однообразнымъ условіемъ строенія мелодію, не образующую только въ своихъ сочетаніяхъ законченной пѣсни или аріи. Короткіе напѣвы народныхъ сказателей былинъ тоже не совсѣмъ подходятъ для сравненія. С. И. Танѣевъ сообщилъ пишущему эти строки очень мѣткое замѣчаніе относительно размѣра былинъ, опредѣляемаго не количествомъ слоговъ или стопъ, а напѣвомъ, отдѣльныя части котораго могутъ быть подраздѣляемы на меньшія длительности, при чемъ общая продолжительность напѣва остается неизмѣнной, а число отдѣльныхъ длительностей, его образующихъ, можетъ быть произвольно увеличено. Это даетъ возможность не только произвольно сокращать или удлиннять стихъ, но и соединять въ немъ самые разнообразные склады. Этимъ средствомъ народные пѣвцы пользуются въ очень широкой степени и приводятъ тѣмъ въ полное недоумѣніе собирателей, незнакомыхъ съ музыкой. Гильфердингъ,

если не ошибаемся, говорилъ, что, записывая за такимъ народнымъ пѣвцомъ текстъ, онъ постоянно слышалъ въ его пѣніи правильный размѣръ, а прочитавъ записанное, совсѣмъ почти не находилъ опредѣленнаго размѣра. Такое явленіе находилось въ зависимости именно отъ того, что пѣвцы народные вполнѣ подчиняютъ поэтическую рѣчь музыкальному размѣру. Если Н. А. Римскій-Корсаковъ хотѣлъ въ речитативѣ воспроизвести манеру былинныхъ сказателей, то онъ, значитъ, упустилъ изъ вида употребляемое ими средство ритмическаго разнообразія, очень простое и весьма дѣйствительное даже по отношенію къ выраженію текста, ибо его болѣе значительныя мѣста могутъ быть произносимы на основныхъ длительностяхъ напѣва и будутъ представлять какъ бы рядъ долгихъ слоговъ, спондеевъ, а менѣе значительныя могутъ исполняться на подраздѣленіяхъ основныхъ длительностей, могущихъ дать какія-угодно сочетанія долгихъ слоговъ съ короткими, то-есть стопы всякаго размѣра. Симметричные речитативы *Жизни за Царя* въ смыслѣ ритмическаго разнообразія ближе подходили къ этому образцу. Но въ *Садко* речитативы все время имѣютъ красивый мелодическій рисунокъ, и хорошіе исполнители могутъ многое изъ нихъ сдѣлать. Бѣда въ томъ, однако, что не только русскіе пѣвцы и пѣвицы, но и капельмейстеры, если судить по нашему Большому театру, не имѣютъ понятія о вѣрномъ исполненіи речитатива: что, напримѣръ, они дѣлаютъ изъ речитативовъ Глинки? Казалось бы, самое названіе „речитативъ", то-есть „говоръ" должно было бы указывать на болѣе легкое, менѣе длительное произношеніе звуковъ, между тѣмъ нещадно все тянутъ, дѣлая неизбѣжныя ферматы на всякой относительно высокой нотѣ и превращаютъ этимъ речитативъ въ истинное музыкальное бѣдствіе. Исполнители *Садко* въ частной оперѣ пока исполняютъ речитативъ довольно просто и прилично, однако было бы еще лучше, если бы они рѣшились придать речитативу больше подвижности, но если они вздумаютъ показывать на речитативахъ голосъ, то и эти красивыя мелодіи неизбѣжно сдѣлаются источникомъ тоски и скуки.

Содержаніе второй картины можно разсказать слѣдующимъ образомъ: Садко, огорченный нанесеннымъ ему на пиру, оскорбленіемъ, уходитъ на пустынный берегъ Ильмень - озера и тамъ отводитъ душу въ пѣснѣ. Наступаетъ ночь, восходитъ луна, къ берегу плыветъ стадо лебедей и, выйдя изъ воды, превращаются въ прекрасныхъ дѣвицъ, окружающихъ Садко. Прекраснѣйшая изъ нихъ, дочь морскаго царя Волхова царевна, говоритъ, что онъ плѣнилъ ее пѣснями и она любитъ его. Садко очарованъ красотой и сладкими рѣчами царевны, ласкаетъ и милуетъ ее, они забываются въ нѣжныхъ рѣчахъ Но приближается утро, царевна говоритъ, что ей пора домой; она дарптъ Садко трехъ рыбокъ златоперыхъ, которыхъ онъ поймаетъ, закинувъ сѣть въ озеро, и будетъ счастливъ и богатъ, объѣдетъ синія моря, увидитъ дальніе края, и что они опять еще свидятся. Царевна съ сестрами и подружками уходятъ, оборачиваются снова

бѣлыми лебедями и уплываютъ вдаль; совсѣмъ разсвѣтаетъ, восходитъ красное солнышко.

Это свѣтлая грёза поэта, утомленнаго и недовольнаго жизнію. Если первая картина оперы есть музыкальный chef d'oeuvre эпически-бытового изображенія, то вторая есть также chef d'oeuvre въ смыслѣ волшебной сказки. Мы затрудняемся назвать въ оперной литературѣ фантастическую картину, равную этой по цѣльности, выдержанности и прелести. Въ началѣ музыка имѣетъ колоритъ, родственный неоромантикамъ, но чисто русскіе мелодическіе обороты въ пѣсняхъ Садко, въ его дуэтѣ съ царевной, кладутъ свою печать на всю музыку. Всѣ названные нумера очень красивы, а изысканныя гармоніи женскихъ хоровъ и нѣкоторыхъ оркестровыхъ прелюдій и интерлюдій сотвѣтствуютъ чрезвычайно фантастичному характеру цѣлаго, О прелести оркестровой звучности я не говорю: заставлять такъ волшебно звучать инструментъ умѣетъ только авторъ *Садко*.

Третья картина возвращаетъ насъ къ обыденной жизни. Молодая жена Садко, Любава Буслаевна, сидитъ и горюетъ: вся ночь прошла, наступилъ день, а мужа нѣтъ, и гдѣ онъ—неизвѣстно. Прелестная арія Любавы Буслаевны полна женственной мягкости и грустной жалобы. Входитъ Садко. Онъ полонъ воспоминаніями прошлой ночи, его рѣчи безсвязны; онъ не слушаетъ жену и уходитъ исполнять завѣты царевны. Эта картина менѣе значительна, нежели двѣ предыдущія.

Четвертая картина изображаетъ пристань въ Новѣгородѣ. Торговые гости разныхъ странъ навезли свои товары, и новгородскій людъ ходитъ и любуется ими. Тутъ и гусляръ Нѣжата, и калики перехожіе, и два волхва, и торговые гости новгородскіе. Великолѣпный ансамбль все объединяетъ. Среди общаго хора народа выступаютъ калики перехожіе, поющіе о Правдѣ и Кривдѣ; входятъ Дуда, Сопѣль и другіе скоморохи съ веселами пѣснями, и настоятели новгородскіе тутъ же совѣщаются съ волхвами о томъ, какъ бы извести Садко, мутящаго народъ, и Нѣжата перебираетъ на своихъ гусляхъ. Все это представляетъ высшую степень техническаго мастерства, соединеннаго со здоровою простотой изобрѣтенія. Входитъ Садко и говоритъ о рыбахъ златоперыхъ, живущихъ въ Ильмень-озерѣ, настоятели смѣются надъ нимъ, тогда Садко говоритъ: „будемъ биться о великъ закладъ: заложу свою я буйну голову, вы же лавки съ товаромъ красныимъ". Настоятели ударяютъ съ нимъ по рукамъ, и нѣсколько человѣкъ новгородцевъ готовятъ бусу-ладью. Садко, настоятели и еще нѣсколько человѣкъ садятся въ ладью, она отъѣзжаетъ отъ берега, и толпа слѣдитъ за ней. Пока закидываютъ сѣть, раздается голосъ морской царевны, повторяющей Садко свое предвѣстіе. Сѣть вытаскиваютъ и вынимаютъ изъ нея прежде всего три рыбы золотыя перья; общее изумленіе. Настоятели пріуныли: они проиграли закладъ и стали изъ богачей бѣдняками. Народъ славитъ Садко въ великолѣпномъ хорѣ. Садко приказываетъ еще осмотрѣть неводъ, а тамъ вся рыба преврати-

лась въ слитки золота. Онъ созываетъ бѣдноту, велитъ брать его золото и закупить на него всѣ товары въ Новгородѣ, а потомъ снаряжать корабли, нагрузить ихъ товарами и ѣхать съ нимъ за сине-море. Все исполняется со скоростью волшебной сказки: товары куплены, корабли снаряжены и самъ Садко съ дружиной уже одѣты въ богатое платье и готовы къ отплытію. Садко прощаетъ настоятелямъ ихъ проигрышъ и завѣщаетъ беречь жену, которая прибѣгаетъ и съ плачемъ проситъ его остаться, но Садко непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи; прощается со всѣми и уѣзжаетъ. Одно изъ лучшихъ мѣстъ оперы составляетъ заключительный ансамбль картины, когда Садко запѣваетъ пѣсню. „Высота-ли, высота поднебесная", ее подхватываетъ мужской хоръ на кораблѣ, все это безъ акомпанимента. Потомъ пѣсню перенимаютъ всѣ остающіеся на берегу и народъ сначала pianissimo съ оркестромъ, потомъ пѣсня разрастается съ варіаціями все сильнѣе и шире, доходя подъ конецъ до fortissimo. И народная тема пѣсни, взятая изъ сборника Кирши Данилова, великолѣпна и разработка ея также.

Я умышленно пропустилъ въ этой картинѣ цѣлый рядъ нумеровъ, присутствіе которыхъ мало оправдывается складомъ сюжета. Совершенно возможно пожалуй допустить сказку и присказку гусляра Нѣжаты, который дѣлаетъ пересказъ о случившемся съ Садко, называя его Соловьемъ; здѣсь, какъ и въ былинѣ Нѣжаты въ первой картинѣ, главную роль играютъ превосходныя варіаціи оркестра. Но совсѣмъ лишними намъ представляются характерныя пѣсни трехъ заморскихъ гостей: варяжскаго, индѣйскаго и веденейскаго. Пѣсни двухъ первыхъ изъ нихъ сами по себѣ очень хороши, особенно индѣйская, но итальянская пѣсня просто неудачна и совсѣмъ нейдетъ къ общему характеру всей музыки; безъ этой международной выставки смѣло можно бы обойтись. Во всякомъ случаѣ въ этой картинѣ столько превосходной музыки, что въ общемъ ее слѣдуетъ назвать замѣчательнымъ произведеніемъ.

Остальныя три картины, какъ мы уже говорили, могли бы составить почти непрерывное цѣлое, но это возможно лишь на сценахъ, владѣющихъ весьма хорошими приспособленіями для перемѣны декорацій. Первая картина представляетъ открытое море. Другіе корабли бѣгутъ вдали, но Соколъ - корабль Садко неподвиженъ. Пробуютъ бросать дары царю Морскому, но это не помогаетъ; наконецъ, по жребію Садко самъ долженъ идти ему на жертву. Его спускаютъ на доскѣ въ море съ его гуслями и корабль тотчасъ же двигается и уплываетъ. Слышенъ призывный голосъ морской царевны, и Садко опускается въ глубину моря. Декорація мѣняется. Въ подводномъ лазоревомъ теремѣ. Царь морской съ царицей и царевной ждутъ; является Садко. Царь морской по просьбѣ дочери заставляетъ его пѣть. Садко поетъ величальную пѣсню и такъ плѣняетъ царя, что тотъ отдаетъ за него замужъ царевну Волхову. Собираются чуда морскія, рыбы, звѣри. Сестры и подружки царевны поютъ свадебную

пѣсню, а Садко съ царевной обводятъ вкругъ ракитова куста, чѣмъ свадебный обрядъ и оканчивается. Царь приказываетъ Садко играть на гусляхъ, а самъ начинаетъ плясать; начинаютъ плясать и всѣ его окружающіе, кромѣ Садко съ царевной. Пляска доходитъ до бѣшенаго разгула, море взволновалось, видны тонущіе корабли. Вдругъ является свѣтлый Старчище, выбиваетъ гусли у Садко и пляска мгновенно прекращается. Старчище приказываетъ Садко возвращаться на землю и взять съ собой царевну, которой суждено до вѣку рѣкой быть. Декорація мѣняется при спущенномъ занавѣсѣ. Въ оркестрѣ музыка изображаетъ свадебный поѣздъ Садко, слышны нѣжныя рѣчи его и царевны. Занавѣсъ поднимается. Садко спитъ на берегу озера. Царевна поетъ надъ нимъ колыбельную пѣсню, прощается и разливается рѣкой широкою и глубокою. Слышны жалобныя причитанья Любавы Буслаевны, Садко просыпается и, отрезвленный отъ всѣхъ грезъ, радостно встрѣчаетъ жену. Собираются всѣ жители Новгорода, дивятся на пролегшую рѣку и славятъ Садко и Старчище. По озеру бѣгутъ корабли Садко съ товарами—занавѣсъ опускается.

Музыка пятой и шестой картинъ въ своихъ главныхъ мѣстахъ взята изъ оркестровой фантазіи *Садко*. Она такъ складно подходитъ здѣсь, что темы ея какъ будто были уже сочинены съ намѣреніемъ примѣнить ихъ въ оперѣ. Изъ новой музыки очень хороша *пѣсня*, въ которой Садко прощается со своею дружиной и бѣлымъ свѣтомъ передъ тѣмъ какъ его спускаютъ съ корабля. Очень хороши танцы въ подводномъ царствѣ а) рѣчекъ и ручейковъ, б) золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ, а также шествіе чудъ морскихъ. Прелестныя мѣста есть и въ діалогахъ Садко съ Царевной. Пляска морскаго царя великолѣпна въ своемъ бѣшеномъ наростаніи, но она взята цѣликомъ изъ фантазіи. Блѣденъ вышелъ, по нашему, образъ Старчища, но быть можетъ композиторъ стѣснялся употребить здѣсь краски болѣе точныя и прибѣгнулъ къ акомпанименту органа, чтобы дать выдѣляющуюся характеристику. Очень хороша музыка поѣзда новобрачныхъ къ Новгороду при спущенной занавѣси. Музыка состоитъ изъ мотивовъ океанъ-моря, превращенныхъ въ фигуру акомпанимента, на которомъ слышатся голоса Садко и Царевны, поющихъ изъ любовнаго дуэта второй картины, темы котораго проходятъ также и въ оркестрѣ. Въ заключительной картинѣ очень красивы нѣжная колыбельная пѣсня царевны и ея прощаніе со спящимъ Садко. Жалобы Любавы Буслаевны и слѣдующій дуэтъ ея съ мужемъ звучатъ какъ-то прозаично сравнительно съ предыдущимъ. То былъ волшебный, сладкій сонъ, чудная греза о красотѣ и любви, а теперь началась трезвая правда, кладущая свой разсудочно холодный отпечатокъ и на заключительный финалъ, очень роскошно построенный и требующій очень, очень большихъ хоровыхъ и оркестровыхъ массъ, чего на сценѣ частной русской оперы ожидать было конечно нельзя.

Таково общее содержаніе великолѣпнаго произведенія, впер-

вые явившагося на судъ публики 26 декабря. Съ тѣхъ поръ вотъ уже прошло восемь представленій, интересъ къ произведенію не ослабѣваетъ, и театръ Солодовникова дѣлаетъ сборы, какихъ ему кажется не случалось еще дѣлать. Дирекція нашихъ казенныхъ сценъ, занятая своими таракашками вродѣ *Грензель и Гретель* Гумпердинка проглядѣла этого слона и доставила тѣмъ частной русской оперѣ честь поставить впервые такое произведеніе, которое займетъ высокое мѣсто не только въ русской, но и въ европейской музыкальной литературѣ. Такая заслуга почти безпримѣрна въ исторіи частныхъ сценъ, и съ нею развѣ можно сравнить постановку *Волшебной флейты* Моцарта на сценѣ театра, an der wien въ 1791 году въ Вѣнѣ.

Я очень мало вдавался въ частности музыки *Садко* вслѣдствіе нежеланія говорить языкомъ терминовъ, понятныхъ только спеціалистамъ, между тѣмъ задачи этой статьи заключаются въ полной общедоступности ея формы. Взамѣнъ отсутствія деталей можно попробовать точнѣе опредѣлить мѣсто *Садко* въ музыкально-драматической литературѣ.

Мы видѣли въ очеркѣ исторіи западно-европейской оперы, что она въ послѣднемъ фазисѣ развитія у Вагнера склонилась къ музыкальной драмѣ и даже мистерія, отказавшись отъ всѣхъ прежнихъ оперныхъ формъ, замѣнивъ ихъ условность едва ли не горшими условностями музыкальнаго символизма, достигшаго у новѣйшихъ представителей этого направленія въ Испаніи и Франціи такой мистической туманности, которая, быть можетъ съ непривычки, представляется почти непостижимою. Съ другой стороны музыкальная драма у новѣйшихъ итальянскихъ веристовъ, а отчасти и у французовъ, прибѣгаетъ къ такимъ грубымъ эффектамъ, доходящимъ въ музыкѣ почти до уродства, что отъ нихъ здороваго человѣка просто коробитъ. Сладкое сюсюканье Гумпердинка составляетъ явленіе очень случайное и вѣроятно недолго продержится; хотя сцена лѣсныхъ страховъ въ *Гензель и Гретель* очень красива, но не выкупаетъ банально опереточнаго характера большей части музыки. У насъ опыты музыкальной драмы тоже дѣлались, главнымъ образомъ Даргомыжскимъ и Мусоргскимъ, но Чайковскій своими превосходными созданіями сдержалъ это движеніе.

Садко названъ оперой-былиной, можно если хотите назвать его оперой-пѣсней, оперой-сказкой, но только въ немъ музыкальной драмы нѣтъ и слѣда. Это произведеніе занимаетъ совсѣмъ особое положеніе и ничего подобнаго въ этомъ родѣ еще не было. Во-первыхъ это апоѳеозъ русской пѣсни, которая слышится съ начала и до конца оперы. Свобода, съ какою композиторъ пользуется различными музыкальными формами, отъ простѣйшихъ до сложнѣйшихъ, просто изумительна; это—мастерство техники, дошедшей до полнѣйшей легкости въ самыхъ сложныхъ гармоническихъ и контрапунктическихъ комбинаціяхъ. Композиторъ упивается музыкальною красотой и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ такимъ доступнымъ музыкальнымъ языкомъ, отъ какого въ

новѣйшей западной музыкѣ совсѣмъ отвыкли или смѣнили его какимъ-то несвязнымъ лепетомъ, иногда же грубымъ ломаньемъ, какъ у новыхъ итальянцевъ. *Садко* есть могучее слово въ защиту самостоятельности музыки, въ пользу ея преобладающаго значенія при соединеніи съ рѣчью. Существуетъ какая-то странная привычка—не только у литераторовъ, но и у музыкантовъ—почтительно расшаркиваться передъ словесною драмой и отводить ей первенствующее значеніе при ея соединеніи съ музыкой въ оперѣ, между тѣмъ какъ истинная жизнь оперы заключается въ ея музыкальной части, для которой текстъ представляетъ лишь внѣшнія рамки. Глюкъ писалъ въ предисловіи къ своей *Альцестѣ* о стараніи при сочиненіи оперы забыть, что онъ музыкантъ, Вагнеръ хотя такъ категорично не выражался, но старался увѣрить въ преобладающемъ значеніи драмы и текста въ оперѣ. Вопросъ этотъ очень сложенъ, и о немъ написать можно очень много, отъ чего мы въ настоящую минуту воздержимся. Напомнимъ только, что вскорѣ послѣ возникновенія музыкальной драмы названіе „опера“ явилось, какъ свидѣтельство преобладающаго значенія музыки. Мы не отрицаемъ, что хорошее либретто, въ качествѣ детальной программы для музыки, имѣетъ огромное значеніе, но не главное, которое останется всетаки за выполненіемъ этой программы, то-есть за музыкой. Если взять либретто знаменитѣйшихъ и любимѣйшихъ оперъ какого угодно жанра, то-есть ихъ словесныя драмы, то едва ли кому придетъ въ голову возможность исполнить ихъ безъ музыки, а исполненіе цѣлыхъ большихъ сценъ изъ оперъ безъ текста входитъ иногда въ программы концертовъ. Самъ Вагнеръ дѣлалъ подобныя аранжировки изъ своихъ оперъ и знаменитая сцена „Чаръ огня“ (Feuerzauber) изъ *Валкиріи* исполнялась вовсе безъ текста съ громаднымъ успѣхомъ лѣтъ за 10—15 до постановки самой оперы. Я не говорю о переложеніяхъ оперъ для фортепьяно, оперъ безъ текста, которыми упивались и упиваются тысячи любителей, но о любителяхъ чтенія оперныхъ либретто слышать что-то не приходилось.

Намъ кажется, что всѣ разсужденія о такъ-называемой „музыкальной драмѣ“, то-есть о драмѣ, при которой музыка составляетъ дополненіе, ошибочны въ основѣ. Текстъ можетъ служить поясненіемъ отступленій музыки отъ ея чистыхъ, самостоятельныхъ формъ, то-есть играть роль программы, какъ мы уже сказали.

Въ *Садко* мы имѣемъ примѣръ оперы, гдѣ музыкальныя формы хранятъ свою самостоятельную законченность въ сильнѣйшей степени, очень мало подчиняясь исключительнымъ условностямъ оперы: аріи и дуэты *Садко* имѣютъ пѣсенный характеръ, почти не касающійся спеціальныхъ эффектовъ вокальной виртуозности, а такіе ансамбли, какъ, напримѣръ, великолѣпная сцена торга въ четвертой картинѣ, представляютъ образцы тематической работы, выросшей на почвѣ инструментальной, то-есть абсолютной музыки. Цѣлыя картины *Садко* можно исполнить въ

концертѣ, какъ фантазія для соло, хора и оркестра, какъ, напримѣръ, первую, вторую, четвертую,—а музыкальный интересъ ихъ едва ли уменьшится, какъ не уменьшится, по нашему мнѣнію, при такомъ исполненіи значеніе хотя бы сцены въ храмѣ изъ *Парсиваля* Вагнера, а пожалуй даже увеличится; въ этихъ сценахъ никакой музыкальной драмы нѣтъ, но они останутся тѣмъ не менѣе превосходнѣйшими художественными произведеніями. Вообще, какъ музыкально-лирическое произведеніе мы считаемъ *Садко* однимъ изъ лучшихъ образцовъ музыкальной литературы.

Въ *Садко* встрѣчается не мало темъ, много разъ повторяющихся въ оперѣ, но я не рѣшился бы назвать эти темы лейтмотивами à la Вагнеръ, потому-что у него лейтмотивы служатъ большею частію условнымъ выраженіемъ символическихъ понятій, между тѣмъ какъ повторяющіяся темы въ *Садко* напоминаютъ лишь реальныя картины, хотя бы являющіяся въ сонной грезѣ,—признаковъ символизма мы въ нихъ не находимъ и ни мало о томъ не сожалѣемъ.

Я вижу съ сожалѣніемъ, что нужно остановиться, ибо статья вышла уже длинною, а между тѣмъ, чѣмъ дальше пишешь, тѣмъ болѣе представляется новыхъ предметовъ, о которыхъ желательно бы поговорить. Быть можетъ, мнѣ удастся написать особую статью объ общихъ задачахъ и средствахъ оперы, какими они представляются при теперешнемъ развитіи этой богатой художественной формы; тогда можно будетъ указать еще нѣкоторыя особенности новаго произведенія Н. А. Римскаго-Корсакова, а до тѣхъ поръ довольно.

Садко поставленъ на сценѣ частной оперы очень хорошо и столь же хорошо исполняется, насколько, разумѣется, позволяютъ это оркестровыя и хоровыя силы сцены. Между исполнителями отдѣльныхъ партій мы назовемъ г. Секаръ-Рожанскаго, прекрасно поющаго заглавную партію; остальные всѣ или хороши, или, по крайней мѣрѣ, удовлетворительны. Успѣхъ опера имѣетъ огромный.

Н. Кашкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Перемѣны въ личномъ составѣ высшаго правительства.—Государственная роспись доходовъ и расходовъ на предстоящій годъ.—Улучшается ли наше экономическое положеніе вообще?—Движеніе нашей государственной задолженности. — Необходимость начать погашеніе государственныхъ долговъ.—„Всемѣрная экономія въ расходахъ".—Финансовая азбука въ поученіе нашимъ земствамъ и городамъ.

Конецъ прошлаго 1897 года принесъ нѣсколько крупныхъ измѣненій въ личномъ составѣ высшаго правительства. За выходомъ въ отставку, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, военнаго министра, генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго, управляющимъ Военнымъ Министерствомъ назначенъ бывшій начальникъ Закаспійской области генералъ-лейтенантъ А. Н. Куропаткинъ. Одновременно съ военнымъ министромъ оставилъ свой постъ, по разстроенному здоровью, и начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Н. Н. Обручевъ, оставленный въ должности члена Государственнаго Совѣта. Мѣсто начальника главнаго штаба пока не замѣнено. Какъ ни важны эти перемѣны въ военномъ министерствѣ, все же онѣ затрогиваютъ слишкомъ спеціальную сферу государственнаго вѣдѣнія и народныхъ интересовъ. Можно сказать лишь одно, что въ лицѣ генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго наше ратное дѣло потеряло талантливаго и трудолюбиваго администратора и честнаго царскаго слугу. Назначеніе генералъ-лейтенанта А. Н. Куропаткина не было неожиданнымъ. Сподвижникъ славнаго русскаго полководца, М. Д. Скобелева, прошедшій долгую боевую службу, нѣсколько разъ раненый въ сраженіяхъ въ Средней Азіи и въ послѣднюю турецкую кампанію, образованный и энергичный военный администраторъ, знатокъ строевой и бытовой жизни войскъ, А. Н. Куропаткинъ былъ привѣтствованъ на своемъ новомъ посту всеобщимъ сочувствіемъ и одобреніемъ.

Временно управляющимъ министерствомъ Народнаго Просвѣщенія назначенъ товарищъ министра тайн. сов. Аничковъ. О кандидатахъ на званіе министра ходятъ самые разнообразные слухи, которыхъ, въ виду ихъ противорѣчивости и недостаточной обоснованности, мы отмѣчать не будемъ. Можно сказать

лишь, что предстоящее назначеніе живо интересуетъ общество. Причина этому та, что въ послѣднее время наше министерство Народнаго Просвѣщенія переживало какъ бы переходное время. Многія распоряженія и мѣропріятія откладывались на неопредѣленный срокъ, и сфера вѣдѣнія министерства постоянно суживалась. Такъ, напримѣръ, еще недавно коммерческое и техническое профессіональное образованіе были всецѣло въ вѣдѣніи министерства Народнаго Просвѣщенія. Между тѣмъ въ послѣдніе годы часть вновь открываемыхъ учебныхъ заведеній послѣдняго ряда оказывалась почему-то неподвѣдомственною министерству Народнаго Просвѣщенія. Нѣтъ надобности доказывать ненормальность такого положенія, и оно-то, надо думать, и было причиной установившагося въ публикѣ взгляда на какой-то временный и переходный характеръ, отмѣчавшій дѣятельность вѣдомства за послѣдніе годы.

Обнародованная 1-го января текущаго года государственная роспись доходовъ и расходовъ на предстоящій годъ производитъ то же выгодное впечатлѣніе, какъ и росписи ряда послѣднихъ лѣтъ. Въ роспись на 1898 годъ внесено:

Государственные доходы:

Обыкновенные	1.364.458.217 р.
Чрезвычайные	3.300.000 р.
	1.367.758.217 р.
Изъ свободной наличности государственнаго казначейства	106.291.706 р.
Всего.	1.474.049.923 р.

Государственные расходы:

Обыкновенные	1.350.085.213 р.
Чрезвычайные	123.964.710 р.
Всего.	1.474.049.923 р.

Обыкновенные государственные доходы превышаютъ обыкновенные расходы на 14.373.004 руб. По сравненію же съ росписью на 1897 годъ, обыкновенныхъ доходовъ ожидается болѣе на 46.091.722 руб., а обыкновенныхъ расходовъ предположено болѣе на 66.226.351 р. Наиболѣе значительное превышеніе противъ росписи 1897 г. ожидается въ доходахъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (на 31,5 милл. руб.) вслѣдствіе принятія въ казну новыхъ линій — Привислинской и Фастовской — и въ виду ожидаемаго усиленія доходности существующихъ отъ казенной продажи питей ожидается увеличеніе на 22,3 милл. руб. Но поступленія выкупныхъ платежей ожидается менѣе чѣмъ въ прошломъ году на 7,1 милл. руб. Вообще исчисленіе доходовъ допущено весьма сдержанно, главнымъ образомъ

во вниманіе къ выяснившимся неудовлетворительнымъ результатамъ урожая истекающаго года. По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета, урожай нынѣшняго года далъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи, за вычетомъ сѣмянъ: озимыхъ хлѣбовъ 731 милл. пуд., яровыхъ хлѣбовъ, кромѣ овса, 665 милл. пуд., овса—335 милл. пуд. и картофеля—771 милл. пуд.

Указанное количество урожая хлѣбовъ можетъ считаться достаточнымъ для прокормленія населенія, но едва ли дало бы излишекъ для вывоза за границу. Тѣмъ не менѣе министръ финансовъ считаетъ возможнымъ поддержаніе такого вывоза на нормальномъ уровнѣ въ виду того, что отъ послѣднихъ четырехъ урожайныхъ лѣтъ въ странѣ образовались довольно значительные хлѣбные запасы у крестьянскихъ обществъ, частныхъ землевладѣльцевъ, торговцевъ и зажиточныхъ отдѣльныхъ крестьянъ. По свѣдѣніямъ министерства, собраннымъ помощью податнаго надзора, общее количество запасовъ хлѣба отъ прежнихъ урожаевъ ко времени уборки урожая 1897 года превышало 600 милліоновъ пудовъ.

Быстрый въ послѣдніе годы ростъ нашихъ государственныхъ доходовъ, по мнѣнію г. министра Финансовъ, есть „признакъ и прямое слѣдствіе общаго улучшенія экономическаго положенія".

Мы боимся, что этотъ взглядъ страдаетъ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ; боимся потому, что ежедневныя наблюденія дѣйствительности находятся въ противорѣчіи съ этимъ успокоительнымъ взглядомъ. Какъ ни великъ успѣхъ нашей обрабатывающей промышленности въ послѣднія десятилѣтія, все же подавляющее большинство русскаго народа и истинный источникъ его силы—не городское и не фабричное, а сельское населеніе; все же сила наша въ деревнѣ, а не въ городскихъ поселеніяхъ и посадахъ. Между тѣмъ посмотрите, что дѣлается въ этой деревнѣ!

Поѣзжайте въ любомъ направленіи, по любой дорогѣ всякой русской губерніи,—какая картина представится вамъ и при поверхностномъ и при болѣе глубокомъ наблюденіи?

Вырубленные лѣса, запущенныя поля, покрытыя жидкою ни для чего непригодною порослью, ужасные мѣстные пути сообщенія, тощій, едва волочащій ноги скотъ, всѣ признаки экономическаго упадка, недохватовъ, ослабленія трудовой энергіи, пониженія культурнаго уровня. Въ помѣщичью усадьбу нечего и заглядывать: изъ десятка ихъ уцѣлѣла, можетъ быть, лишь одна, а остальныя девять давно уже стоятъ въ полуразрушенномъ и разрушенномъ видѣ; отъ другихъ даже и слѣдовъ не осталось. Заросли пруды, вырублены парки, задичали и померзли фруктовые сады, запущены огороды, заросли даже подворныя десятины. Не велика важность, что прежніе помѣщичьи каменные дворцы полуразвалились и стоятъ со своими зіяющими окнами, точно мертвецы съ ввалившимися глазами. Конечно, бытъ дворянства долженъ былъ измѣниться съ отмѣной крѣпостнаго права, но еслибы экономическая жизнь въ новыхъ

формахъ била свѣжею струей рядомъ съ исчезающимъ соціальнымъ укладомъ, то подлѣ разрушающагося барскаго дома мы увидѣли бы уютный и веселый флигель, мы видѣли бы поддерживаемыми въ полномъ порядкѣ, по крайней мѣрѣ, необходимѣйшія хозяйственныя заведенія. Мы сразу поняли бы, что жизнь не замираетъ въ этой усадьбѣ, а только трансформируется, только видоизмѣняется, сообразно новымъ условіямъ и требованіямъ времени. И дѣйствительно, въ 60-хъ и даже еще 70-хъ годахъ мы видѣли такіе флигели, мы видѣли эту героическую борьбу помѣстнаго дворянства съ надвинувшимися на него невзгодами. Борьба эта не кончилась еще и до настоящаго дня, но, Боже мой, сколько уже павшихъ и выбывшихъ изъ строя! Вообще едва ли есть надобность доказывать крайній, небывалый и поразительный упадокъ матеріальнаго благосостоянія дворянства. Многочисленныя мѣры правительства, льготы заемщикамъ дворянскаго банка и наконецъ учрежденія Особаго Совѣщанія служатъ слишкомъ наглядными и вполнѣ достаточными доводами.

Остановимся теперь на деревнѣ. Прежняго крестьянскаго, средняго, зажиточнаго двора почти простылъ и слѣдъ; деревенское населеніе деферинировалось на двѣ далеко не равныя по численности группы: съ одной стороны—отдѣльныя единицы зажиточныхъ, сильныхъ и богатыхъ крестьянъ, преимущественно торговцевъ, съ другой—десятки и сотни захудалыхъ дворовъ, безлошадныхъ хозяйствъ, „раскрестьянившихся“ крестьянъ.Прежней хозяйственной сытости не осталось и слѣда.Вотъ какъ транформировалось, напримѣръ, питаніе нашего деревенскаго населенія. „По праздникамъ, говоритъ М. О. М. въ *Недѣлѣ*, въ деревняхъ, если вѣрить Чехову („Мужики“), варятъ „голову селедки“ и съ жадностью хлебаютъ эту тѣнь ухи, причемъ остатки селедки еще прячутся. Голова селедки—уже роскошь для мужика. Теперь только въ языкѣ народномъ остались слѣды стариннаго, когда-то столь богатаго питанія. Щи, крупеня, похлебка, каши (всевозможныя), кисели, студни, блины, сырники, пироги, лепешки и пр. и пр. Все это когда-то пеклось и варилось изо-дня въ день, теперь же дѣлается рѣдкою роскошью. Въ деревняхъ на обѣдъ идетъ—вареная картошка и хлѣбъ, накрошенный въ водѣ. Вечеромъ—картошка. Даже такія вещи, какъ лукъ, огурцы, капуста, рѣдька—и ихъ уже начинаютъ въ деревнѣ покупать, и такъ какъ не на что купить — сидятъ безъ нихъ“. Такова жизнь современнаго крестьянина; а вѣдь изъ крестьянства да дворянства и состоитъ почти вся сельская Россія.

Въ своей недавней рѣчи курскій губернаторъ констатировалъ тотъ поразительный фактъ, что за населеніемъ губерніи числится пять милліоновъ рублей недоимокъ однихъ земскихъ сборовъ. По изслѣдованіямъ Псковскаго земства, только что опубликованнымъ, видно, что за крестьянскимъ населеніемъ этой губерніи къ 1-му января 1897 г. числилось недоимки 2.510.000 или 115 р. на 100 р. годового оклада; въ среднемъ по губерніи на 1 дес. на-

дѣльной земли недоимки приходится 1 р. 74 к.; за послѣднія 10 лѣтъ недоимка увеличилась въ $2^{1}/_{2}$ раза, за послѣдній годъ— на $^{1}/_{2}$ милліона. Кромѣ того, за населеніемъ губерніи числится продовольственный долгъ въ размѣрѣ 1.939 тыс.; этотъ долгъ вмѣстѣ съ недоимкой по разсчету на 1 дес. надѣльной земли даетъ 3 р. 10 к. Задолженность частнаго землевладѣнія Псковской губерніи выражается приблизительною цифрой 17 милл. руб., изъ коихъ до 13-ти милліоновъ приходится на займы землевладѣльцевъ въ государственныхъ и акціонерныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ и до 4-хъ милл. по займамъ у частныхъ лицъ. Задолженность распространяется на всѣ сословія, причемъ у крестьянъ и дворянъ всей заложенной земли частнаго владѣнія оказалось около половины, у прочихъ сословій меньше, изъ группировокъ заложенныхъ имѣній по размѣрамъ видно, что задолженность почти въ одинаковой мѣрѣ коснулась всѣхъ размѣровъ владѣнія.

Такова Псковская губернія, а вотъ какъ *Калужскій Вѣстникъ* описываетъ свою губернію [1]: „Бѣдность Калужскаго населенія поразительна. Задолженность мѣстами громадна. Есть селенія, въ которыхъ до сихъ поръ люди живутъ въ курныхъ избахъ, въ одной хатѣ 6—7 аршинъ, съ чернымъ потолкомъ, ютится 6—8 человѣкъ; у нихъ все имущество—одна лошадь и одна корова. Въ нынѣшнемъ году недостаетъ не только хлѣба, но и корма скоту“. Въ Смоленской губерніи, какъ только что обнаружилось на бывшемъ въ послѣднемъ декабрѣ губернскомъ земскомъ собраніи, капиталы губернскаго земства, простирающіеся приблительно до $2^{1}/_{2}$ милл. р., находятся почти всѣ въ недоимкахъ, земское хозяйство „наканунѣ форменнаго банкротства“ и собраніе и управа не знаютъ, на что будутъ выполнять смѣту будущаго года. Послѣднее время земство жило на капиталы, долженствовавшіе быть неприкосновенными... Конечно, можно говорить, что все это отдѣльныя губерніи, а не вся Россія; но вѣдь губерній-то въ Россіи совсѣмъ не такъ уже много, а вѣдь мы отнюдь не подбирали данныя, а остановились на свѣдѣніяхъ, случайно опубликованныхъ въ два—три послѣдніе мѣсяца.

Какъ не были благопріятны наши послѣднія росписи, намъ все же не слѣдуетъ забывать о существованіи у насъ весьма значительнаго государственнаго долга, который при томъ же постоянно и непрерывно увеличивается. Въ этомъ отношеніи интересныя данныя нашли себѣ разработку и освѣщеніе въ отчетѣ Государственнаго Контроля за 1896 годъ. Для того, чтобы судить о финансовомъ положеніи страны, необходимо взять болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени и прослѣдить на немъ государственные доходы, движеніе задолженности и т. п. Въ только что упомянутомъ отчетѣ Государственнаго Контроля

[1] Цитируемъ изъ *Новаго Времени* № 7.742.

заключаются чрезвычайно интересныя данныя о движеніи нашей государственной задолженности за десятилѣтіе 1887—1896 гг. Какъ извѣстно, наши государственные долги раздѣляются на два разряда: долги на *обще-государственныя надобности* и долги *желѣзнодорожные*. Итоги долговъ того и другого рода, по переложеніи на кредитную валюту долговъ металлическихъ, въ началѣ и концѣ десятилѣтія выражаются слѣдующими цифрами:

	Долги на общегосуд. надобн.	Долги желѣзнодорожные.	Итого:
	Мил. руб.	Мил. руб.	Мил. р.
Къ началу 1887 г. состояло .	4.042,7	1.238,7	5.281,4
Къ концу 1896 г. состояло. .	4.384,9	2.350,5	6.735,4
Увеличеніе за 10 лѣтъ	342,2	1.111,8	1.454
Тоже въ проц. отношеніяхъ. .	8,3%	90%	27%

Необходимо замѣтить, что въ составъ займовъ на общегосударственныя надобности включенъ также и безпроцентный долгъ казны за выпущенные въ обращеніе кредитные билеты.

Такимъ образомъ за десятилѣтіе задолженность наша увеличилась почти на $1^1/_2$ милліарда. Цифра эта весьма внушительна. Но допустимъ, что главнѣйшая часть долга, образовавшаяся на постройку желѣзныхъ дорогъ, дѣло безусловно производительное и самосоздающее источники для покрытія процентовъ и погашенія по этимъ займамъ. Все же и долги на общегосударственныя надобности *не уменьшились*, какъ можно было ожидать при улучшеніи нашего финансоваго положенія, а увеличились на крупную сумму въ 342,2 мил. руб. А между тѣмъ за это время мы не вели не только никакихъ войнъ, но даже не снаряжали и незначительныхъ военныхъ экспедицій.

Наша государственная задолженность, и въ особенности задолженность заграничнымъ капиталистамъ, несомнѣнно самое больное мѣсто въ экономической жизни нашей страны. Обладая почти всѣми дарами природы, дѣйствительно нуждаясь въ привозѣ въ наши предѣлы лишь, такъ-называемыхъ, колоніальныхъ произведеній жаркаго пояса, мы могли бы оградиться отъ Западной Европы почти непроницаемою таможенною стѣной, и создать народное хозяйство почти ни отъ кого въ мірѣ независимое, живущее своимъ собственнымъ внутреннимъ обмѣномъ, еслибы только не было необходимости непрерывно заботиться о сбытѣ произведеній нашего труда главнымъ образомъ для оплаты процентовъ и погашенія по нашимъ заграничнымъ займамъ. Вполнѣ независимое международное положеніе Россія займетъ только тогда, когда не будетъ должна ни копѣйки иностранцамъ. Франко-русскій союзъ созданъ на прочной основѣ взаимной политической выгоды и сложившихся условій Европейскаго мира, тѣмъ не менѣе за-границей трудно кого-либо увѣрить въ томъ, что при заключеніи союза меркантильныя соображенія о желаніи пріобрѣсти французскій денежный рынокъ для нашихъ займовъ, или не играли никакой роли, или во всякомъ случаѣ играли

роль вполнѣ второстепенную. Въ бытность за-границей въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ, когда наши финансы, говоря вообще, находились уже въ безспорно удовлетворительномъ состояніи, когда мы давно уже покончили съ хроническими дефицитами, пишущій эти строки интересовался узнать причину хроническаго низкаго курса на русскія процентныя бумаги, и вотъ какое объясненіе получилъ онъ отъ одного англійскаго финансиста: „Я лично знаю, что положеніе вашихъ финансовъ вполнѣ удовлетворительно и самъ не задумываюсь вкладывать въ русскія фонды свои сбереженія, но биржа не такова, не такова также и большая публика, ищущая помѣщенія своихъ сбереженій. Ихъ угнетаетъ обиліе русскихъ процентныхъ бумагъ на европейскихъ рынкахъ, а вы между тѣмъ все увеличиваете и увеличиваете количество этихъ бумагъ". На это я возразилъ, что послѣдніе наши займы почти исключительно желѣзнодорожные, вполнѣ обезпеченные возводимыми на нихъ сооруженіями. „Но неужели вы думаете, возразилъ мнѣ мой собесѣдникъ, что европейская публика будетъ вникать въ то, беретъ ли ваше правительство на сооруженіе какой-либо вѣтви отъ Курска до Воронежа, или на какую-либо другую надобность? Мы знаемъ лишь одно, что заемъ совершается русскимъ правительствомъ, что правительство это аккуратный должникъ, всегда пунктуально выполнявшій свои обязательства передъ Европой. Но въ то же время мы знаемъ, что этому должнику все нужно и нужно такія большія суммы, что для ихъ реализаціи онъ согласится и на сравнительно тяжелыя условія. Вашихъ бумагъ на рынкѣ слишкомъ много, ихъ всегда можно достать сколько угодно, а потому ими и дорожатъ нерѣдко менѣе, чѣмъ даже южно-американскими цѣнностями".

Чрезвычайно интересно и характерно для нашей печати то, что въ ней совсѣмъ не раздается голосовъ въ пользу необходимости приняться хотя бы за постепенное и медленное, но твердое погашеніе нашихъ государственныхъ долговъ,—если не всѣхъ вообще, то, по крайней мѣрѣ, долговъ на общегосударственныя надобности. Превышеніе государственныхъ доходовъ надъ расходами, при финансовомъ благоразуміи, должно было бы быть направлено прежде всего на погашеніе займовъ, а между тѣмъ наша фантазирующая публицистика думаетъ совсѣмъ не объ этомъ, а о дальнѣйшихъ расширеніяхъ расходовъ на новыя и новыя мѣропріятія, полезность которыхъ, говоря вообще, хотя и не можетъ быть оспариваема, но которыя хорошо затѣвать, когда за спиной нѣтъ крупныхъ долговъ и у населенія имѣется избытокъ средствъ. Вотъ типичное разсужденіе нашихъ газетъ по поводу благопріятныхъ государственныхъ росписей послѣднихъ лѣтъ. „Въ настоящее время,—говорятъ *Биржевыя Вѣдомости,*—запасы золота у насъ очень велики, золотая реформа почти проведена къ окончанію, въ текущемъ году заканчиваются крупныя ассигнованія на постройку Сибирской желѣзной дороги.

Словомъ, крупныхъ отчисленій на экстраординарные предметы не предвидится, и такимъ образомъ освобождаются суммы, которыя самымъ естественнымъ ходомъ вещей предназначаются на тотъ роковой вопросъ, который не перестаетъ занимать общественное вниманіе—на подъемъ общаго уровня народнаго благосостоянія".

Но спросите о средствахъ и способахъ для подъема этого уровня, и вы услышите старыя, всѣмъ надоѣвшія пѣсни о всеобщемъ обученіи, о мелкомъ кредитѣ, о содѣйствіи кустарной промышленности и т. д, то-есть все новыя и новыя траты и траты нашихъ мудрецовъ, считающихъ себя призванными просвѣщать народъ, который одними и тѣми же людьми то ставится на недосягаемый пьедесталъ, то трактуется какъ варваръ. По нашему же мнѣнію, для „подъема общаго уровня народнаго благосостоянія" нужно прежде всего уменьшить бремя налоговъ съ населенія, чтобы оно могло выбиться изъ неизвѣстной нигдѣ въ мірѣ недоимочности, а сдѣлать это можно не прежде, чѣмъ мы уменьшимъ значительно свою государственную задолженность. Если наши финансы и поправляются, то исключительно благодаря двадцатилѣтнему миру. Одна какая нибудь война можетъ сразу перевернуть это положеніе, еще болѣе усиливъ нашу задолженность. Послѣдняя турецкая кампанія стоила намъ болѣе двухъ милліардовъ рублей, и мы едва начали погашать этотъ долгъ. Будущія европейскія войны по всѣмъ доступнымъ намъ соображеніямъ, должны стоить ужасающихъ расходовъ, поэтому, въ случаѣ войны, намъ пришлось бы заключать новые займы, не заплативъ еще по старымъ: вѣдь у насъ нѣтъ грудъ золота, приготовленныхъ для войны, какъ онѣ есть у нѣмцевъ въ видѣ неприкосновеннаго фонда въ одной изъ башенъ крѣпости Шпандау...

Вообще было бы рисковано уповать, что наши государственные доходы будутъ возрастать, и возрастать такъ, какъ они возрастали въ послѣдніе годы. Четырехлѣтіе 1893—1896 гг. въ экономическомъ отношеніи было для насъ особенно благопріятно, благодаря обильнымъ урожаямъ, но урожаи эти были обусловлены, какъ говорится во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра Финансовъ, „не столько прочными сельскохозяйственными улучшеніями, сколько благопріятнымъ распредѣленіемъ атмосферныхъ осадковъ—элементомъ крайне измѣнчивымъ". Помимо хорошихъ урожаевъ, на увеличеніе государственныхъ доходовъ несомнѣнно оказывала вліяніе широкая постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ, дающая заработокъ населенію. Какъ мы видѣли выше, за десятилѣтіе 1887—1896 гг. у насъ прибавилось одного желѣзнодорожнаго долгу 1.111,8 милліоновъ рублей. Эти займы, по мнѣнію *Новаго Времени*, „до извѣстной степени освѣщаютъ и тотъ вопросъ, который нерѣдко задается въ послѣдніе годы: откуда берутся у населенія, при плохихъ урожаяхъ, а въ годы хорошихъ урожаевъ—при крайне низкихъ цѣнахъ,—тѣ средства, которыми оно не только покрываетъ свыше милліардный бюд-

жетъ казны, но изъ которыхъ еще ухитряется кое-что откладывать, напримѣръ, въ сберегательныя кассы, вклады коихъ приближаются нынѣ къ полумилліарду рублей? Но не все же будутъ урожайные года, не вѣчно же мы все будемъ занимать и занимать, а поэтому, въ ожиданіи возможности неблагопріятныхъ въ финансовомъ отношеніи лѣтъ, далеко не мѣшаетъ приступить къ погашенію нашихъ государственныхъ долговъ.

Мы не удивимся, если теперь, когда министерство Финансовъ закончило свою важнѣйшую работу по возстановленію металлическаго обращенія, оно обратитъ часть государственныхъ доходовъ на погашеніе долговъ, такъ какъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра Финансовъ содержатся вполнѣ здравыя и трезвыя мысли о финансовой политикѣ, способныя вызвать чувства успокоенія за экономическое благосостояніе нашего отечества. „Заключеніе государственныхъ росписей,—говоритъ г. министръ Финансовъ,—безъ дефицита въ теченіе довольно продолжительнаго періода даетъ иногда поводъ забывать, что всемѣрная экономія въ расходахъ имѣетъ не отвлеченное значеніе, но есть насущная практическая государственная обязанность, и что современное благопріятное состояніе финансовъ Россіи—слѣдствіе не только увеличенія доходовъ, но и укорененія въ нашемъ хозяйствѣ добрыхъ правилъ государственнаго домоводства, составляющихъ одно изъ приснопамятнѣйшихъ дѣяній въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Благодаря Его царственнымъ заботамъ Россія избавилась отъ великаго зла—дефицита". Мы думаемъ, что современной финансовой политикѣ предлежитъ вторая по очереди задача—избавить Россію отъ другого „великаго зла"—государственныхъ долговъ.

Въ обозрѣніяхъ нашихъ мы нерѣдко обращали вниманіе на неумѣніе земскихъ учрежденій вести свое хозяйство, на ихъ широкія траты и жизнь сверхъ средствъ. Въ послѣдніе мѣсяцы земская хроника обогатилась еще нѣсколькими фактами, подтверждающими наше мнѣніе. Такъ, при открытіи послѣдняго Курскаго очередного губернскаго земскаго собранія мѣстный губернаторъ графъ Милютинъ, указавъ на непосильное обложеніе населенія земскими сборами, доведшее его „до разоренія и до невозможности платить", между прочимъ, обратился въ гласнымъ съ такою просьбой: „Гг.! Если вамъ не жаль себя, то пожалѣйте хотя мужицкую копѣйку; вѣдь неоткуда ее взять, хотя бы на прекрасныя гуманныя цѣли, которыя, безо всякаго сомнѣнія, преслѣдуетъ губернское земское собраніе, назначая непосильные расходы"... Затѣмъ отличилось Харьковское губернское земство, сразу, однимъ махомъ, однимъ постановленіемъ увеличившее свое ассигнованіе на низшее народное образованіе съ шести съ чѣмъ-то тысячъ рублей до двухсотъ шести тысячъ рублей, то-есть увеличившее эту статью своей

смѣты сразу болѣе чѣмъ въ *тридцать* разъ. Правда, постановленіе это было вырвано большинствомъ всего въ *два* голоса (26 противъ 24), но населенію, конечно, отъ этого не легче. Въ виду такого совершенно безумнаго и ни съ чѣмъ несообразнаго хозяйничанья земскихъ учрежденій, нельзя не остановиться съ самымъ отраднымъ чувствомъ на слѣдующихъ мудрыхъ словахъ г. министра Финансовъ, касающихся установленія надлежащихъ предѣловъ даже расходамъ, говоря вообще, безусловно полезнымъ для населенія. „Стремленіе расширить государственную дѣятельность на пользу населенія, конечно, заслуживаетъ сочувствія и до нѣкоторой степени оправдывается положеніемъ дѣлъ въ нашей родинѣ—странѣ съ молодою, сравнительно, культурой и съ необычайно быстрымъ развитіемъ. Но если потребности безпредѣльны, то средства для ихъ удовлетворенія ограничены. Отсюда возникаетъ государственная необходимость въ строгомъ соразмѣреніи потребностей между собою и съ имѣющимися рессурсами, ибо государство, какъ и частный человѣкъ, благоденствуетъ лишь тогда, когда живетъ по средствамъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не вспомнить завѣтовъ графа Сперанскаго, который, раздѣляя расходы на „необходимые, полезные, избыточные и излишніе“, рѣшительно указывалъ, что „главная причина всякаго разстройства финансовъ есть несообразность расходовъ съ приходами“, и полагалъ, что „*самыя полезныя предпріятія, если они дѣлаются въ долгъ или чрезмѣрнымъ усиліемъ* и съ разстройкой финансовъ, обращаются въ существенный вредъ государству“. Эту финансовую азбуку истинно государственыхъ людей не мѣшало бы себѣ хорошенько усвоить нашимъ общественно-хозяйственнымъ органамъ.

А. И. Елишевъ.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

1) ИЗЪ ВАРШАВЫ.

Какъ встрѣтили поляки 1897 годъ?—„Польскій Бисмаркъ".—Посѣщеніе Варшавы Ихъ Императорскими Величествами.—Отношеніе русской печати къ польскому дѣлу.—Польскія демонстраціи.—Старо-католическое движеніе среди американскихъ поляковъ.—Польско-католическое духовенство.

1897 годъ поляки встрѣтили съ большими надеждами. Правда, къ концу 1896 года уже вполнѣ ясно обозначилось, что „примирительная" политика Косцельскаго потерпѣла въ Германіи полное крушеніе, и что нѣмецкіе націоналисты открыли въ Познани энергическое наступленіе противъ поляковъ, но эти обстоятельства мало печалили польскихъ воротилъ, такъ какъ они были увѣрены, что въ Австріи и Россіи побѣда на польской сторонѣ. Въ Россіи, по ихъ мнѣнію, наступила для поляковъ „новая эра", въ Австріи-же положеніе польскаго дѣла представлялось имъ въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Они были убѣждены, что „польскій Бисмаркъ",—графъ Бадени, занимая постъ австрійскаго министра-президента, окончательно укрѣпитъ господствующее положеніе поляковъ въ Австріи. Но этого не случилось: Бадени пришлось со скандаломъ оставить кресло министра-президента. Наша печать, за небольшими исключеніями, совершенно не поняла политики гр. Бадени. Наши газеты наивно увидѣли въ немъ представителя славянской идеи и сожалѣли объ его отставкѣ, усматривая въ паденіи его побѣду нѣмцевъ надъ славянами. Многіе австрійскіе славяне сдѣлали ту-же ошибку. Вполнѣ вѣрно оцѣнили дѣятельность Бадени и значеніе его отставки только русскіе галичане, а имъ въ данномъ случаѣ и книги въ руки, потому что кому-же, какъ не имъ, лучше всего знать графа К. Бадени, который владѣетъ помѣстьями въ галицкой Руси, былъ нѣсколько лѣтъ намѣстникомъ Галиціи и братъ котораго Станиславъ Бадени состоитъ теперь галицкимъ намѣстникомъ. Время намѣстничества гр. Бадени въ Галиціи—самая темная страница въ новѣйшей исторіи многострадальной галицкой Руси: никогда польскій терроръ не достигалъ такой силы въ русской части Галиціи, какъ во время управленія Галиціей графа К. Бадени. Мало того, что русскіе галичане подвергались при немъ разнаго рода придиркамъ и преслѣдо-

ваніямъ, мало того, что во время его намѣстничества было введено въ галицко-русскія школы такъ называемое фонетическое правописаніе, имѣющее цѣлью разорвать связь галицко-русскаго нарѣчія съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ,— при графѣ Бадени, подъ его предсѣдательствомъ, въ 1894 г. во Львовѣ была устроена „Костюшковская выставка". Мѣстомъ для выставки въ память Костюшки былъ избранъ русскій Львовъ, а не польскій Краковъ, съ цѣлью показать, что восточная Галиція, центромъ которой является Львовъ, польскій, а не русскій край. По распоряженію К. Бадени, на выставку сгонялись полиціей толпы русскихъ крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей. На выставкѣ имъ показывали панораму „побѣды Костюшки надъ Москалями", и заставляли кричать: „Да здравствуетъ Польша" подъ звуки польскаго революціоннаго гимна: „Еще Польша не сгинела", исполнявшагося австрійскимъ военнымъ оркестромъ. По поводу выставки во время ея подъ покровительствомъ Бадени состоялся рядъ съѣздовъ, на которыхъ обсуждались мѣры, какъ двинуть впередъ „польскую справу", и измышлялись новыя средства для ополяченія и окатоличенія Галицкой Руси. Когда К. Бадени сталъ министромъ-президентомъ, онъ не прекратилъ своихъ заботъ о латинизаціи и ополяченіи русскихъ Галичанъ и, какъ свидѣтельствуютъ послѣдніе выборы въ Галиціи, съ вызывающею жестокостью наказывалъ тѣхъ изъ Галичанъ, которые не желали поддерживать польско-католическихъ притязаній. Вслѣдствіе этого паденіе Бадени очень обрадовало Галичанъ. Галицко-русскія газеты напечатали радостныя статьи, когда была объявлена отставка Бадени. Для достиженія своихъ цѣлей гр. Бадени счелъ удобнымъ опереться на чеховъ и другихъ австрійскихъ славянъ и провозгласить себя носителемъ и защитникомъ славянской идеи. Большинство австрійскихъ славянъ повѣрило, что Бадени и впрямь борется за славянское дѣло, но, разумѣется, это заблужденіе скоро разсѣялось-бы, если-бы Бадени дольше остался у власти.

Поляки считаютъ гр. Бадени такимъ-же великимъ государственнымъ человѣкомъ, какимъ, по ихъ мнѣнію, является варшавскій дѣятель 60-хъ годовъ маркизъ Александръ Велепольскій. У поляковъ были и есть талантливые художники и писатели, но никогда не было и нѣтъ выдающихся государственныхъ людей, дѣльныхъ и умныхъ политиковъ. Какъ ни хитеръ, какъ ни ловокъ и изворотливъ былъ кн. Адамъ Чарторыйскій, но его „политическая мудрость", приведшая поляковъ къ неудачнымъ и печальнымъ мятежамъ, конечно, должна остаться подъ вопросомъ. Сомнителенъ и государственный умъ маркиза Велепольскаго, задавшагося цѣлью, „лойяльнымъ" путемъ выторговать широкую автономію „Царству Польскому", и сумѣвшаго лишь своею безтактностью терроризировать край, какъ въ наши дни Бадени терроризировалъ Австрію. Скандальные исходы дѣятельности Велепольскаго и Бадени, постыдное бѣгство перваго изъ Варшавы въ Дрезденъ, когда разгорался мятежъ, и сопровож-

давшаяся скандалами отставка Бадени, разумѣется, не говорятъ въ пользу политическихъ талантовъ этихъ лицъ. Благодаря хитрости и валенродству, поляки умѣютъ достигать иной разъ, казалось-бы, блестящихъ успѣховъ, но эти успѣхи всегда кратковременны, потому что поляки лишены широкаго политическаго взгляда.

Русско-польскія отношенія составляли въ истекающемъ году предметъ усерднаго обсужденія въ русской и польской печати. Къ сожалѣнію, эти дебаты въ большей части русской печати отличались диллетантскою поверхностностью; что-же касается польской печати, то она тоже не сказала ничего вѣскаго и новаго: одни изъ польскихъ журналистовъ до сихъ поръ стоятъ на давно осужденной польско-государственной точкѣ зрѣнія, требуя самостоятельной Польши „отъ моря до моря", другіе же, правда, увѣряютъ, что они „прозрѣли" и „примирились", но выражаются такъ эластично, такъ туманно, что съ трудомъ вѣрится искренности ихъ „примирительныхъ" заявленій. Блестящій и торжественный пріемъ, оказанный Царской Четѣ при посѣщеніи Ихъ Величествами Варшавы, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о вѣрности установившейся русской политики въ отношеніи поляковъ, доказываетъ, что эта политика ведетъ къ умиротворенію поляковъ и укрѣпленію въ нихъ чувствъ преданности престолу и великому отечеству—Россіи, разоблачая, такимъ образомъ, всю неосновательность толковъ о необходимости измѣнить установившуюся политику Россіи относительно поляковъ.

Многія наши газеты усердно толковали о „несчастныхъ" и „гонимыхъ" полякахъ, о необходимости относиться къ нимъ „терпимѣе" (словно до сихъ поръ мы не относились къ нимъ съ чрезвычайною терпимостью), о томъ, что если и есть среди поляковъ непримиримые, то на продѣлки послѣднихъ надо-де смотрѣть сквозь пальцы, такъ какъ Россія настолько сильна, что ей нечего обращать вниманіе на мелочи. Конечно, по воробьямъ изъ пушекъ не стрѣляютъ, но съ другой стороны надо помнить, что изъ мелкихъ фактовъ слагаются крупные, что если не остановить, повидимому, пустячной болѣзни въ ея зародышѣ, то она можетъ осложниться и принять угрожающій характеръ. Несомнѣнно, что вышеприведенные толки нашей печати отразились на полякахъ, и послѣдніе мѣсяцы этого года омрачились печальными фактами въ области русско-польскихъ отношеній: извѣстною исторіей въ Шавельской гимназіи, студенческими безпорядками въ варшавскомъ университетѣ и неприличными выходками въ Березинѣ противъ ксендза, заявившаго, что онъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ совершать дополнительное богослуженіе на русскомъ, а не на польскомъ языкѣ. Первый толчекъ демонстраціямъ въ Березинѣ далъ епископъ Сымонъ, исполнявшій обязанности могилевскаго католическаго митрополита (резиденція въ Петербургѣ) весной 1897 г. по случаю отъѣзда митрополита Козловскаго за-границу для лѣченія. Заступая митрополита, еп. Сымонъ, извѣстный своею польско-католическою

заядлостью, разослалъ циркуляръ, въ которомъ ложно истолковалъ Высочайшее повелѣніе касательно католическаго дополнительнаго богослуженія, а объѣзжая въ іюлѣ и августѣ минскую и могилевскую губерніи, продолжалъ устно ложнымъ образомъ толковать это повелѣніе и настаивалъ, чтобы ксендзы, совершавшіе до сихъ поръ дополнительное богослуженіе по-русски, совершали это богослуженіе впредь по-польски. Результатомъ агитаціи Сымона явилось оставленіе имъ епископской каѳедры и выѣздъ на жительство въ Одессу.

Епископъ Сымонъ и шавельскій ксендзъ Рымейко своими поступками подтвердили сложившееся мнѣніе о воинственности польско-католическаго духовенства. Изученіе исторіи русско-польскихъ отношеній приводитъ къ неопровержимому выводу, что основною причиной русско-польской исторической распри является католичество. Недавно категорически высказался въ этомъ смыслѣ въ письмѣ въ редакцію *Новаго Времени* нашъ извѣстный писатель по религіознымъ вопросамъ ген. А. А. Кирѣевъ, который видитъ разрѣшеніе польскаго вопроса въ старокатоличествѣ. Въ этомъ направленіи кое-что сдѣлано въ истекающемъ году. Въ Америкѣ болѣе 30,000 поляковъ со священникомъ (нынѣ старокатолическимъ епископомъ) Козловскимъ во главѣ перешло въ старокатолицизмъ. Среди нашихъ поляковъ въ 1897 г. также проявилось, правда, пока очень слабое, движеніе противъ папизма, выразившееся въ изданіи въ Варшавѣ двухъ брошюръ „Безбрачіе духовенства“ (на польскомъ языкѣ) и „О безбрачіи духовенства въ Польшѣ“ (на русскомъ языкѣ), а въ скоромъ времени ожидается появленіе въ Варшавѣ большого сочиненія на польскомъ языкѣ о польской національной церкви.

Въ жизни поляковъ былъ моментъ, когда лучшіе польскіе люди понимали, что латинство губитъ поляковъ. Это было въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Одинъ изъ знакомыхъ пишущаго эти строки — воспитанникъ римско-католической духовной Академіи, бывшій ксендзъ доминиканскаго ордена, принявшій затѣмъ православіе и переселившійся изъ-за границы въ Россію, недавно доставилъ мнѣ интересную книгу на польскомъ языкѣ, изданную въ Варшавѣ въ 1793 г. ксендзомъ Островскимъ съ одобренія тогдашней варшавской духовной римско-католической цензуры. Книга эта носитъ заглавіе „Dzieje i prawa kosciola polskiego“, а то обстоятельство, что авторъ ея Островскій ксендзъ, и еще болѣе фактъ одобренія ея католическою цензурой служитъ ручательствомъ, что авторъ ея, обрисовывая дѣятельность латинскаго духовенства въ Польшѣ, не сгущалъ красокъ. Ксендзъ Островскій доказываетъ, что первоначально латинское духовенство было въ Польшѣ нѣмецкое, а не польское, и что это латино-нѣмецкое духовенство совсѣмъ не заботилось объ интересахъ польскаго народа, видя въ полякахъ лишь своихъ данниковъ и рабовъ. Но и съ теченіемъ времени, когда духовенство въ Польшѣ перестало быть нѣмецкимъ и сдѣлалось польскимъ, обычаи и взгляды духо-

венства, по словамъ ксендза Островскаго, къ сожалѣнію, не измѣнились къ лучшему. Ксендзы продолжали игнорировать истинные интересы народа, давали ему самый дурной примѣръ своею жизнью, устраивали оргіи въ костелахъ, вмѣшивались въ политику, принимая въ политическихъ вопросахъ сторону тѣхъ, кто больше платилъ, облагали народъ непомѣрными сборами въ свою пользу. На сеймѣ 1550 года сеймовые депутататы заявили, что главный врагъ поляковъ—католическіе ксендзы, а нѣкоторые депутаты не постѣснились назвать католическихъ епископовъ „хищными волками". Разсказывая объ этомъ на 127 стр. III тома своего сочиненія, ксендзъ Островскій принимаетъ сторону сеймовыхъ депутатовъ, находя, что дѣятельность тогдашняго католическаго духовенства была, къ сожалѣнію, вѣрно оцѣнена депутатами. Ксендзъ Островскій соглашается, что унія была достигнута путемъ неслыханныхъ и несправедливыхъ гоненій православія.

Такимъ было прежде католическое духовенство въ Польшѣ. Каково же оно теперь? Наши латинствующія газеты хотятъ увѣрить, что польско-католическое духовенство—весьма образовано, благовоспитано и ведетъ примѣрную для міранъ жизнь. Этого отнюдь нельзя сказать не только про все, но даже про бóльшую часть польско-латинскаго духовенства. Въ началѣ 80-хъ годовъ я учился въ послѣднихъ классахъ П—ской гимназіи въ Привислинскомъ краѣ. Въ этой гимназіи тогда былъ ксендзъ—законоучитель В—скій (нынѣ покойный), который всегда находился въ „хорошемъ" расположеніи духа, къ гимназистамъ младшихъ классовъ (въ старшихъ онъ нѣсколько стѣснялся) обращался не иначе, какъ „ну, ты, шутъ", „ну, ты, свинья", а когда мальчикъ плохо отвѣчалъ, то билъ его по головѣ ключемъ. Когда я жилъ въ уѣздномъ городѣ Н. на берегу Вислы, то все населеніе города называло дочерей одной мѣщанки—„дочерьми ксендза-прелата", а самого прелата называли „дважды крещеный", потому-что разъ онъ завелъ романъ съ женой нѣмца-судовщика, который, заставъ его у себя на суднѣ, спустилъ въ воду. Подобныхъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о грубости и испорченности нравовъ польско-католическаго духовенства, можно привести сколько угодно. Эти примѣры, конечно, доказываютъ, что среди польско-католическаго духовенства немало лицъ, недостойныхъ духовнаго званія, немало политикановъ, но въ числѣ ксендзовъ есть и почтенные, чуждые политиканства люди. Я знаю нѣсколько такихъ ксендзовъ. Одно время въ Варшавѣ пришлось мнѣ жить по сосѣдству съ однимъ ксендзомъ. Познакомившись съ нимъ, я былъ удивленъ здравыми взглядами этого почтеннаго іерея, но зная, что среди ксендзовъ немало іезуитовъ-политикановъ, я сталъ сомнѣваться въ его искренности и потому, встрѣтившись съ лицомъ, которое въ то время завѣдывало дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Привислинскомъ краѣ, я спросилъ это лицо, можно ли вѣрить искренности моего знакомца—ксендза. Отвѣтъ былъ такой.

— Да, это ксендзъ испытанной вѣрности, человѣкъ разумный и искренній. Здѣсь есть нѣсколько такихъ ксендзовъ, но, къ сожалѣнію, католическое начальство держитъ ихъ въ загонѣ, и они не смѣютъ громко высказывать своихъ взглядовъ. Вашъ знакомый ксендзъ находится въ исключительныхъ условіяхъ, онъ не подчиненъ консисторіи, а потому не боится громко высказываться.

Къ сожалѣнію, во главѣ католической Церкви въ Россіи стоятъ люди въ родѣ епископа Сымона, которые выдвигаютъ на первый планъ такихъ фанатиковъ „польской справы", какъ шавельскій ксендзъ Рымейко, и держатъ въ загонѣ разумныхъ ксендзовъ, а мы не умѣемъ поддерживать своихъ сторонниковъ, не умѣемъ оградить ихъ отъ произвола епископовъ Сымоновъ. Какъ ни мало въ средѣ польско-католическаго духовенства разумныхъ и благомыслящихъ ксендзовъ, все же при умѣньи мы могли бы, опираясь на нихъ, въ сильной степени умѣрить воинственный пылъ латинства.

Л—ко.

2) Толстовцы на подгорьѣ Сѣвернаго Кавказа.

I.

Два мнѣнія, діаметрально противоположныя о графѣ, Л. Н. Толстомъ существуютъ въ русскомъ обществѣ и печати.

Я воздержусь отъ защиты или оспариванія того и другого мнѣнія *отвлеченными* доказательствами, которыя рѣдко приводятъ противную сторону къ убѣжденію; но ученія графа Л. Н. Толстого уже воплотились въ реальную жизнь, и въ настоящее время уже существуютъ въ русскомъ обществѣ многіе послѣдователи этихъ ученій, „Толстовцы",—какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя колоніи. Какъ дерево познается отъ плодовъ, такъ ученіе познается отъ вліянія, какое оно имѣетъ на жизнь человѣка и цѣлаго общества. Какое же вліяніе имѣютъ ученія графа Л. Н. Толстого на жизнь его послѣдователей? Дѣлаются ли послѣдователи его лучше и счастливѣе?

II.

Проводя часть лѣта въ 1896 и 1897 гг. на Сѣверномъ Кавказѣ, я имѣлъ случай наблюдать тамъ жизнь Толстовцевъ, живущихъ двумя колоніями въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ, и вотъ результаты моихъ наблюденій.

Первая колонія находится на рѣкѣ Лескенѣ, верстахъ въ тридцати отъ слободы Нальчика, мѣстопребыванія окружнаго управленія Нальчикскаго округа Терской области; вторая находится

близь самаго Нальчика, верстахъ въ трехъ отъ него. Первая колонія владѣетъ участкомъ земли около двухъ сотъ десятинъ, которыя закрѣплены не на общину, а на нѣсколько отдѣльныхъ личностей изъ нея; второй колоніи принадлежитъ около пятидесяти десятинъ земли, которая также составляла личную собственность сначала нѣкоего Долинскаго (поляка), а потомъ, послѣ удаленія его изъ колоніи, вслѣдствіе какихъ-то внутреннихъ пертурбацій, перешла къ женѣ его Долинской.

Число обитателей въ той и другой колоніи не можетъ быть опредѣлено съ точностію ни за одинъ годъ, потому что въ обѣихъ колоніяхъ Толстовцы находятся въ непрестанномъ движеніи,—одни пріѣзжаютъ, другіе уѣзжаютъ, такъ что обѣ онѣ могутъ скорѣе быть названы этапами какого-то невѣдомаго пути, чѣмъ жилищами осѣдлыхъ людей. Это движеніе существуетъ и между обѣими колоніями: изъ лескенской колоніи пріѣзжаютъ въ нальчикскую и обратно. Кромѣ того, нѣсколько Толстовцевъ живетъ въ самомъ Нальчикѣ въ своихъ домахъ, которые служатъ мѣстомъ сборища для другихъ Толстовцевъ и изъ которыхъ ведется въ слободѣ пропаганда „толстовщины".

Какъ образчикъ такой пропаганды, я могу привести здѣсь разговоръ одного нальчикскаго Толстовца съ моимъ пріятелемъ, пріѣхавшимъ въ Нальчикъ на лѣтніе мѣсяцы. Пріятель купилъ кое-что у Толстовца и разговорился съ нимъ. Когда потомъ сталъ прощаться, Толстовецъ сказалъ:—„Еще я имѣю сказать вамъ нѣчто о *великой истинѣ*".—Но пріятель, уже довольно знакомый съ ученіями Толстовцевъ, отвѣчалъ:—„А чортъ бы побралъ ваши великія истины! Онѣ только сбиваютъ людей съ истиннаго пути".

Но не всѣ, имѣвшіе случай сближаться съ Толстовцами, отталкивались отъ нихъ подобно моему пріятелю; другіе, болѣе слабые умомъ, поддавались ихъ мороченью, и попадались въ ихъ паутину. Попадались въ нее и женщины,—особенно дѣвы, потерявшія надежду на марьяжъ и охотно вступавшія въ Толстовскую „коммунку". Вообще Толстовцы говорятъ высокопарно, напыщенно, часто повторяя: „нашъ учитель", „великая истина" и т. п.

III.

Теперь посмотримъ, какіе плоды приносятъ „великія истины" Толстовцевъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Возьмемъ ихъ нальчикскую колонію. Можетъ быть, Толстовцы, какъ интеллигенты, „сѣвшіе на землю", явились культуръ-трегерами въ этой малокультурной странѣ? Можетъ быть, община ихъ служитъ для окружныхъ жителей школой сельскохозяйственныхъ улучшеній, образцомъ обогащенія отъ разработки неисчислимыхъ богатствъ этого края? Нѣтъ. Трудно пріискать болѣе счастливую мѣстность, въ которой находится нальчикская колонія Толстовцевъ. Богатѣйшая почва, прекрасный, здоровый климатъ, близость

рѣки Нальчика, за которою непосредственно поднимаются горы, покрытыя лѣсомъ дикихъ яблоней, грушъ, кизиля, чинаръ, дубовъ, кленовъ и др. Но хуторъ Толстовцевъ представляетъ мизернѣйшее логовище лѣности, дикости и убожества. На тучныхъ пастбищахъ не видно ни коровъ, ни овецъ, ни лошадей, тогда какъ въ сосѣднемъ Нальчикѣ, нѣмецкой колонiи и аулахъ стада считаются тысячами головъ; вмѣсто полей съ „темными хлѣбами“ видны тамъ-и-сямъ небольшiя полоски съ рѣдкими и тощими колосьями, густо поросшими сорными травами; значительное пространство земли, обнесенной плетнемъ и спускающейся къ рѣкѣ, предназначавшееся для сада, поросло густымъ бурьяномъ, среди котораго торчатъ тамъ-и-сямъ тощiя фруктовыя деревца, безъ малѣйшаго признака фруктовъ, хотя въ сосѣднемъ Нальчикѣ ими осыпаны были деревья; о бакчахъ арбузовъ и дынь и овощныхъ огородахъ и говорить нечего, — у Толстовцевъ нѣтъ ничего подобнаго; на мѣстѣ, внутри плетня предъ хуторомъ, предназначавшимся, очевидно, для цвѣтника, нѣтъ ни цвѣточка, хотя на хуторѣ живутъ и „дамы“, и въ Нальчикѣ я видѣлъ великолѣпныя розы (цвѣточные лепестки розъ на варенье нѣмки-колонистки продаютъ на базарѣ чуть-ли не по пятаку за фунтъ) и множество другихъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ сельскохозяйственность хутора Толстовцевъ, несмотря на великолѣпiе и богатство природы, представляетъ убожество и нищету. Единственная причина тому—*лѣность*. Еслибы они не были лѣнивы, то, будучи интеллигентами и составляя общину, они легко могли бы изучить все нужное для успѣшнаго веденiя своего хозяйства; но они не хотятъ ни учиться, ни работать, а только занимаются пустословiемъ и шарлатанствомъ. Вотъ какъ описывалъ мнѣ одинъ нальчикскiй слобожанинъ сѣнокосъ Толстовцевъ:

„Выйдутъ они и ихъ дамы въ лугъ съ косами, вилами и граблями, поработаютъ часъ — другой плохо, неумѣло, потомъ раскладываютъ теплину и садятся въ кружокъ чай пить, — и пьютъ его многiе часы съ безконечными разговорами и спорами. Однажды я шелъ чрезъ ихъ лугъ на гору Нежбуру въ то самое время, когда они сидѣли за чаемъ. Проходя мимо, я поклонился, и они позвали меня на стаканъ чаю. Я подсѣлъ. Они говорили, горячо говорили, но о чемъ, я не понялъ; поминали часто какiе-то „принципы“. Я посмотрѣлъ на лежавшiя около меня ихъ косы: онѣ были тупыя, — и не диво, что лугъ былъ выкошенъ плохо,—лысинами и пѣжинами; и я невольно подумалъ, что эти люди *„на словѣ лихи, на дѣлѣ тихи“*“.

IV.

Жилищу у Толстовцевъ соотвѣтствовала и наружность ихъ самихъ, крайне невзрачная и неопрятная. Я много разъ видалъ ихъ въ Нальчикѣ на базарѣ. Особенно были неблаговидны толстовскiя „дамы“, растрепанныя, въ грязныхъ платьяхъ

и съ волосами какъ-будто бы никогда не водившими знакомства съ гребенкой. Но при всемъ томъ онѣ съ культурными людьми держали себя высокомѣрно и отчужденно, даже можно сказать съ рѣшительною враждебностью. Однажды я съ моимъ пріятелемъ отправился на хуторъ Толстовцевъ Когда мы подошли къ нему, на насъ бросились съ задняго двора четыре громадныя злѣйшія собаки. На крыльцѣ хутора сидѣла какая-то „дама", въ собесѣдованіи съ лохматымъ господиномъ, одѣтымъ въ мужицкую синюю рубаху, по образцу своего „великаго учителя". Я попросилъ ихъ черезъ плетень отозвать собакъ; но оба они не пошевелились и равнодушно смотрѣли, какъ на насъ бросались собаки, такъ что мы должны были защищаться отъ нихъ собственными средствами. Когда собаки, вѣроятно уставши лаять и кидаться на насъ, опять убѣжали на задній дворъ, я попросилъ у Толстовцевъ молока,—было весьма жарко и насъ томила жажда; но „дама" отвѣтила: „У насъ нѣтъ молока". Мы еще попробовали было завязать разговоръ, но не были удостоены отвѣта, и, какъ говорится, „не солоно похлебавши", отправились обратно въ Нальчикъ. Дорогой мой пріятель замѣтилъ:

— Едва ли совмѣстимо проповѣдывать *непротивленіе злу* и держать у себя на дворѣ такихъ страшныхъ псовъ...

Особенно сильную ненависть питаютъ Толстовцы къ военнымъ. Однажды милиціонеръ возвращался поспѣшно съ горъ въ Нальчикъ: около хутора Толстовцевъ пала его лошадь; милиціонеръ, снявъ съ нея весьма цѣнное сѣдло, просилъ Толстовцевъ взять его на храненіе до слѣдующаго дня. Дѣло было вечеромъ. Но они не приняли сѣдла и даже не впустили милиціонера на хуторъ, говоря: „Ты - солдатъ, носишь мечь и проливаешь кровь; а мы—мирные люди; иди прочь отъ насъ". Милиціонеръ ушелъ, скрылъ сѣдло въ кустахъ, и пѣшкомъ добѣжалъ нъ Нальчикъ. На слѣдующее утро. отыскалъ свое сѣдло и разсказалъ о всемъ своему начальству Нѣсколько времени спустя у Толстовцевъ увели лошадь ночью. Рано утромъ они прилетѣли въ Нальчикъ и упрашивали разослать во всѣ стороны милиціонеровъ и отыскать ихъ лошадь Дѣйствитетьно милиціонеры были посланы въ горы и въ степь; лошадь была найдена и возвращена толстовцамъ, хотя они рѣшительно того не стоили.

V.

Откуда Толстовцы добывали средства существованія?

Имъ присылали значительныя суммы. Кто присылалъ—неизвѣстно. Потомъ они заманивали въ свою общину людей, обладающихъ хорошими средствами, которыхъ эксплоатировали въ свою пользу. Не пренебрегали и средствами людей небогатыхъ, которыхъ они обольщали своимъ краснобайствомъ. Въ Нальчикѣ я имѣлъ разговоръ съ однимъ бывшимъ Толстовцемъ.—„Я-то былъ малоразуменъ, и поддался ихъ льстивымъ словамъ; но

жена ихъ братью скоро распознала",—говорилъ мнѣ добрый человѣкъ. „Говоритъ жена:—„они—люди нехорошіе, хитрецы и пустозвоны, и норовятъ что-нибудь выманить, говорятъ: вы—люди богатые; помогайте намъ, какъ древніе христіане помогали своимъ святымъ учителямъ".—И каждый разъ, какъ придутъ, просятъ то муки, то пшена, то кукурузы, то ветчины,—и такъ безъ конца. Жена говоритъ:—„Что мы за богатѣи? а они—не святые учители, а тунеядцы, желающіе жить на чужой счетъ. Отвяжись отъ нихъ!—„И отвязался. И слава Богу!"

Не довольствуясь попрошайничествомъ, Толстовцы, когда удается, не пренебрегаютъ продѣлками, носящими у „язычниковъ", какъ они называютъ всѣхъ не-толстовцевъ, весьма нелестное названіе. Такъ, напримѣръ, одинъ Толстовецъ, плохой пчеловодъ, выпросилъ у другого, весьма хорошаго пчеловода, пудовъ десять отличнаго меду и привезъ его въ Петербургъ, на выставку пчеловодства. Здѣсь онъ выставилъ медъ, какъ свой собственный, получилъ за него серебряную медаль и продалъ его по хорошей цѣнѣ. Пріѣхавъ домой, онъ присвоилъ себѣ медаль, какъ данную на его имя; хотѣлъ присвоить и деньги,—но хозяинъ меда пугнулъ его „пропечатаніемъ въ газетахъ", и деньги были возвращены.

Вслѣдствіе отчужденности отъ общаго населенія и скрытности Толстовцевъ трудно сказать что-либо рѣшительное о ихъ бытѣ внутреннемъ и о томъ, какъ они выражаютъ въ жизни свои „великія истины". На это я могу привести только два факта изъ ихъ жизни:

1) Вѣрные „великой истинѣ" своего „учителя", не признающаго государства и его формъ, Толстовцы игнорируютъ всякія полицейскія требованія, что у мѣстной полиціи является какъ „порошина въ глазу", потому что колоніи Толстовцевъ дѣлаются притономъ безпаспортныхъ, бѣглыхъ и другихъ темныхъ личностей. Вслѣдствіе того мѣстная полиція имѣетъ постоянно негласный надзоръ за ними. Такъ она узнала въ прошедшемъ году, что на хуторѣ Толстовцевъ появилась новая „дама" съ дѣвочкой. Изъ Нальчика былъ отправленъ на хуторъ полицейскій служитель спросить у нея „видъ на жительство"; но „дама" объявила, что она не имѣетъ никакого вида и въ немъ не нуждается. Отъ приглашенія явиться въ полицейское управленіе для сообщенія свѣдѣній о себѣ „дама" также отказалась. Нужно было привезти ее въ Нальчикъ насильно. И привезли. Послѣдовалъ слѣдующій опросъ съ ея отвѣтами:

— Почему вы не дали посланному изъ полиціи вашъ „видъ на жительство"?

— Потому что его нѣтъ у меня.

— Но чѣмъ же вы удостовѣрите вашу личность?

— Ничѣмъ. Я не желаю и не нуждаюсь удостовѣрять кого-либо въ своей личности.

— Но полиція въ этомъ нуждается. Потому, за неимѣніемъ письменнаго вида, вы имѣете дать о себѣ свѣдѣнія словесно. Ваше имя?

— Марья.
— Фамилія?
— Этого не нужно вамъ знать.
— Вы—замужняя или дѣвица?
— И этого не нужно вамъ знать.
— Какой вы вѣры?
— Никакой. Впрочемъ, я стараюсь приближаться къ христіанству.
— Съ вами есть дѣвочка: кто она?
— Моя дочь.
— Крещена она?
— Нѣтъ.
— Какой же она вѣры?
— Никакой. Впрочемъ, я и ее стараюсь приближать къ христіанству.

Конечно, къ христіанству—по „евангелію“ своего учителя.

Послѣ этого опроса, показавшаго, что бѣдная „дама“ обладаетъ скорбною головой, полиція обратно отвезла ее на хуторъ Толстовцевъ.

2) Въ числѣ болѣе крупныхъ мухъ, попавшихся въ толстовскую паутину, былъ одинъ князь, который поселился въ толстовскомъ хуторѣ вмѣстѣ со своею женой. Не прошло мѣсяца пребыванія ихъ между Толстовцами, какъ жена князя, вѣроятно недовольно воспитанная въ „великихъ истинахъ“ „великаго учителя“, написала тайно письмо къ своей матери, умоляя спасти ее изъ гнуснаго притона, въ который она была завезена мужемъ. Мать послала сына-кадета, который увезъ ее тайно отъ Толстовцевъ и привезъ въ Нальчикъ, въ одно благожелательное семейство. Бѣдная женщина, входя въ домъ и не помня себя отъ радости, крестясь, воскликнула: „Слава Тебѣ, Господи, что Ты спасъ меня изъ этого ада! Во всю жизнь мою не забуду тѣхъ гнусностей, какія тамъ я видѣла“.

VI.

Нальчикъ до послѣдняго времени изобиловалъ хлыстами. Толстовцы сблизились съ ними, по закону: „similis simili“,— хлыстовскія „радѣнья“, какъ нельзя лучше, сошлись съ толстовскою „коммункой“. Но крайне гибельное вліяніе имѣли Толстовцы на насчастныхъ закавказскихъ духоборовъ, которыхъ они чрезъ своихъ эмиссаровъ, въ конецъ развратили своимъ ученіемъ, изложеннымъ въ одной изъ толстовскихъ книжицъ, носящей названіе: „Исповѣдная пѣснь“ и составленной въ рѣшительно антигосударственномъ, анархическомъ духѣ. Одурманенные этимъ ученіемъ, духоборы отказались отъ всякаго сношенія съ властями; свое оружіе, которымъ прежде обзавелись для защиты себя отъ разбойниковъ, зарыли въ землю, отказались нести воинскую повинность и всею своею жизнью начали

практиковать „непротивленіе злу“. Печальные результаты этого всѣмъ хорошо извѣстны.

Да! Ученіе Толстовцевъ приноситъ горькіе плоды. Вотъ еще одинъ изъ этихъ плодовъ. Въ мѣсяцѣ іюлѣ прошедшаго года въ Нальчикѣ разнесся слухъ, что сынъ одного жившаго здѣсь толстовца отравился. Немедленно отправился къ нему докторъ, который дѣйствительно нашелъ несчастнаго лѣтъ семнадцати юношу отравившимся фосфорными спичками. Далъ ему противоядіе; но юноша долго отказывался принять его, объявляя, что жизнь ему ненавистна и онъ желаетъ умереть; и только, когда сталъ жестоко мучиться, принялъ противоядіе. Жизнь юноши была спасена. На вопросъ доктора, что заставило его покончить съ собою въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда человѣкъ полонъ жизненности и надеждъ, сынъ толстовца отвѣчалъ: „—У меня нѣтъ никакихъ надеждъ! Мои сверстники учатся, и современемъ будутъ добывать себѣ хорошій кусокъ хлѣба, а меня мой отецъ не учитъ ничему, не отдаетъ ни въ какую школу,—и когда выросту, не буду способенъ ни къ чему, буду нищій“...

Въ истекшемъ году я также наблюдалъ нальчикскихъ Толстовцевъ и съ удовольствіемъ могу заявить, что репутація ихъ сильно падаетъ. Любопытно, между прочимъ, мнѣніе Кабардинцевъ, что Толстовцы—это негодные люди, *выгнанные изъ Россіи*.

А. Владиміровъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый годъ въ международныхъ отношеніяхъ наступилъ при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, не смотря на нѣкоторые симптомы разстройства, замѣчавшіеся по временамъ то здѣсь, то тамъ.

Правда, конецъ минувшаго года ознаменовался крупными событіями на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ внезапное занятіе Германіей порта Кіао-Шау и отправленіе въ Китайскіе воды германской эскадры подъ начальствомъ принца Генриха, причемъ во время прощанія его съ царственнымъ братомъ въ Килѣ произнесены были воинственные тосты, могли, казалось, составить угрозу для мира; правда, на Балканскомъ полуостровѣ продолжалось все время глухое броженіе умовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Албаніи проявлявшее себя настоящими вспышками; правда, на островѣ Критѣ до послѣдней минуты не наступила эра полнаго порядка, столь необходимаго для развитія и мирнаго благосостоянія этого несчастнаго острова; правда, въ Сербіи съ пріѣздомъ туда ея злаго генія, ех-короля Милана стали снова пробиваться наружу австрофильскія симпатіи, могущія сбить единовѣрную и единокровную намъ страну съ ея праваго пути и бросить ее на путь политическихъ приключеній, всегда столь опасныхъ для блага мира. Правда, наконецъ, и внутри нѣкоторыхъ государствъ, призванныхъ играть выдающуюся роль въ разрѣшеніи вопросовъ міровой политики обнаружились симптомы опаснаго характера, свидѣтельствующіе о томъ, что эти государства прежде чѣмъ выступить на поприщѣ международныхъ отношеній должны много и много поработать у себя, дома, внутри, надъ устраненіемъ тѣхъ опасныхъ ферментовъ броженія, которые, иначе, будучи предоставлены самимъ себѣ, могутъ привести скоро къ полному разложенію всего государственнаго организма. Мы говоримъ, конечно, объ Австріи и Франціи. Послѣднія событія показали, что въ первой изъ нихъ центробѣжное стремленіе отдѣльныхъ народностей, ее составляющихъ, достигло своего maximum'а, и что во второй общественная деморализація, постепенно охватывавшая собою всѣ классы населенія, наконецъ,

коснулась и того, что донынѣ было святымъ въ глазахъ французовъ, именно арміи.

Но, несмотря на все это, мы повторяемъ высказанное нами выше убѣжденіе, что, вообще говоря, новый годъ въ международныхъ отношеніяхъ начался при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ.

Такъ, напримѣръ, и событія на Дальнемъ Востокѣ, своею неожиданностью сперва было такъ напугавшія общественное мнѣніе, въ концѣ концовъ повели лишь къ всеобщему успокоенію, такъ какъ и здѣсь обнаружилось съ чрезвычайною ясностью единеніе континентальныхъ державъ между собой и твердая готовность ихъ поддерживать другъ друга въ интересахъ всеобщаго міра.

Это единеніе державъ нѣсколько раньше обнаружило свое благотворное дѣйствіе въ Критскомъ вопросѣ. Хотя здѣсь державамъ и не удалось предовратить роковаго столкновенія между Греціей и Турціей, столкновенія столь бѣдственнаго для первой изъ нихъ, но за то имъ блестяще удалось ограничить районъ военныхъ дѣйствій, не допустить пожару охватить весь Балканскій полуостровъ и своевременно охладить воинственный пылъ побѣдоносной Турціи.

Въ этихъ двухъ случаяхъ, въ событіяхъ на Ближнемъ и на Дальнемъ Востокѣ, сказалась вся мощная сила миролюбиваго единенія европейскихъ континентальныхъ державъ.

Еще недавно, казалось, что вся Европа раздѣлена на два враждебныхъ стана, готовыхъ броситься другъ на друга въ каждую минуту дня и ночи. Съ одной стороны стоялъ грозный тройственный союзъ—созданіе желѣзнаго канцлера, съ другой Россія и Франція, въ то время еще разъединенныя между собою.

Въ сторонѣ, какъ бы въ сладкомъ предвкушеніи грядущихъ смутъ и возможности поживиться ими, стояла Англія, казалось, такая богатая и мощная.

И ангелъ войны вѣялъ своими крыльями надъ цивилизованнымъ міромъ, когда Великій Царь Александръ III приступилъ къ совершенію того дѣла, за которое благодарное человѣчество нарекло Его такъ единодушно и рѣшительно именемъ Миротворца.

Протянувъ руку помощи Франціи, Александръ III, какъ сперва казалось, лишь противопоставилъ тройственному союзу двойственный, одной силѣ другую, ей равнозначущую.

Уже и этому радовались, хотя и при этомъ Европа продолжала оставаться въ томъ же видѣ двухъ враждебныхъ другъ другу воинскихъ становъ.

Разница была только въ томъ, что сила этихъ становъ уравновѣсилась, и тѣмъ какъ устранялась возможность гегемоніи одного изъ нихъ, такъ и, естественно, ослаблялись ихъ шовинистскія стремлемленія. И это уже было шагомъ впередъ, и этому можно и должно было радоваться...

Что же мы видимъ, однако, теперь? Можемъ ли мы сказать,

что Европа имѣетъ видъ двухъ вооруженныхъ и враждебныхъ другъ друга воинскихъ становъ. Нѣтъ, событія прошлаго года подтвердили лучше, чѣмъ всякіе тосты и дипломатическія ноты, что въ Европѣ не два враждебныхъ стана, а одинъ могущественный и сильный станъ, стоящій на стражѣ міра и готовый всегда на взаимныя уступки и жертвы ради охраненія всеобщаго міра. Такъ, Россія не могла, конечно, не сочувствовать своимъ единовѣрцамъ на Балканскомъ полуостровѣ въ ихъ столкновеніи съ Турціей; она рвалась помочь имъ, она горѣла желаніемъ сдѣлать имъ добро—но въ интересахъ общаго міра она сдержала свои сердечные порывы, не дала разгорѣться своему, готовому вспыхнуть уже, энтузіазму и отложила свою помощь и свои сочувствія до того времени, когда греки образумились сами собой и поняли свою ошибку.

Мы видимъ далѣе, что и въ этомъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ о событіяхъ въ Китаѣ, да и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, Франція шла рука объ руку съ Германіей, если не позабывая при этомъ, то затаивая мысль о реваншѣ, все еще живущую въ сердцахъ лучшихъ изъ французовъ, и какъ бы жертвуя ею высшей идеѣ, идеѣ мира.

Вотъ на какихъ жертвахъ покоится зданіе единенія европейскихъ державъ, и вотъ почему это единеніе является такою прочною гарантіей всеобщаго мира.

Пока Европейскія державы продолжаютъ политику мира, начало которой положено было Царемъ-Миротворцемъ, до тѣхъ поръ намъ нечего бояться войны, которая теперь, дѣйствительно, была бы ужасна и по своимъ кровавымъ послѣдствіямъ превзошла бы всѣ, когда либо только ведшіяся на землѣ войны.

Для насъ русскихъ новый годъ наступилъ при *особо* благопріятныхъ обстоятельствахъ. когда для всѣхъ до очевидности стало ясно, что именно Россія стоитъ во главѣ международной политики, что весь цивилизованный миръ, добровольно или скрѣпя сердце, прислушивается къ ея голосу, который одинъ только и можетъ рѣшать теперь судьбы войны и мира. Слово русскаго Царя остановило войну на Балканахъ, Россія выступила теперь съ проектомъ кандидатуры на постъ Критскаго губернатора греческаго королевича Георга, проектомъ смѣлымъ и неожиданнымъ, но вполнѣ могущимъ въ случаѣ его осуществленія—а разъ Россія хочетъ этого, то кто же будетъ противъ—умиротворить несчастный островъ Критъ; наконецъ, и на Дальнемъ Востокѣ появленіе русскихъ военныхъ судовъ въ Портъ-Артурѣ и рѣшительныя, хотя и миролюбивыя, заявленія нашей дипломатіи сразу сдѣлали свое дѣло и быстро успокоили встревоженное было общественное мнѣніе.

Нельзя не радоваться, конечно, такому блестящему международному положенію Россіи, но не надо при этомъ забывать что оно налагаетъ на насъ и тяжелую нравственную отвѣтственность: всѣ народы въ сознаніи могущества Россіи съ надеждой взираютъ на нее, ожидая отъ нея всегда поддержки дѣлу мира

и рѣшительнаго отпора всякимъ воинственнымъ замысламъ. Никто не хочетъ войны, но всѣ чувствуютъ ея возможность въ каждую данную минуту. Россія явилась провозвѣстницей идеи мира, она должна, не щадя усилій, и поддерживать его.

Мы упомянули о внутреннихъ язвахъ, обнаружившихся въ Австро-Венгріи и во Франціи. Мы не будемъ, конечно, возвращаться къ безобразнымъ сценамъ, разыгрывавшимся въ вѣнскомъ парламентѣ. Подобныя сцены, хотя быть можетъ и въ менѣе рѣзкой формѣ, возможны вездѣ, гдѣ есть парламенты, гдѣ къ рѣшенію государственныхъ вопросовъ приглашаются люди по указанію слѣпаго случая, къ этому не подготовленные и часто плохо воспитанные. Дѣло не въ бурныхъ схваткахъ депутатовъ въ вѣнскомъ парламентѣ. Дѣло въ отношеніи къ этимъ схваткамъ общественнаго мнѣнія, въ безпорядкахъ разыгравшихся въ чешской Прагѣ и въ другихъ мѣстахъ и являющихся крайне опасными для цѣлости соединенной монархіи симптомами.

Еще печальнѣе язва обнаружившаяся во Франціи. Давно уже извѣстно, что тамъ или, вѣрнѣе сказать, въ Парижѣ, являющемся, впрочемъ, представителемъ и выразителемъ меньшинства французскаго народа, установилось крайне легкомысленное отношеніе къ вопросамъ религіи, государства и семьи. Все считалось здѣсь дозволеннымъ, и не было такихъ глумленій, которыя бы не сыпались на эти устои народнаго благосостоянія.

Только армія стояла какъ бы выше этихъ глумленій и клеветъ, только она одна была еще способна возбуждать народъ энтузіазомъ и будить въ груди французовъ высшія идеальныя стремленія.

Дѣло Дрейфуса-Эстергази показало, что растлѣніе нравовъ пошло теперь дальше и что даже армія можетъ сдѣлаться орудіемъ интриги и глумленія, объектомъ насмѣшекъ.

Еврейская партія во Франціи желавшая освободить своего единоплеменника Дрейфуса—измѣнника (извѣстно, какъ жидовскій кагалъ заступается дружно и смѣло за всѣхъ своихъ) создала цѣлую интригу, въ которую замѣшала множество лицъ, занимавшихъ видные посты во французской арміи. Пресса, давно уже во Франціи находящаяся въ рукахъ жидовъ, подхватила эту интригу, раздула ее, и такъ создалось пресловутое дѣло Дрейфуса-Эстергази-Зола, окончившееся рядомъ уличныхъ скандаловъ, какъ въ Парижѣ такъ и въ провинціи, участіе въ которыхъ принимала главнымъ образомъ французская молодежь, не вполнѣ еще испорченное сердце которой не стерпѣло униженія, понесеннаго честью французской арміи. Безпорядки эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Алжирѣ приняли грустный характеръ и повели къ человѣческимъ жертвамъ, но, въ сущности говоря, они являются отраднымъ фактомъ, показывая, что не во всѣ еще слои французскаго народа, проникло растлѣніе мысли и чувствъ, что не всѣ еще французы доступны подкупу. А это все-таки нельзя не считать утѣшительнымъ въ странѣ Панамы.

Не дипломатъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія» для отзыва въ теченіе января мѣсяца 1898 г.

Ольденбергъ. Германъ **Будда.** Его жизнь, ученіе и община. Переводъ со втораго исправленнаго изданія. **П. Николаева.** Москва, 1898 г. Цѣна 2 руб.

Златковскій М. Л. Джонъ Буль конца вѣка. Политическая трагикомедія, въ 5-ти картинахъ. С.-Петербургъ, 1898 г. Цѣна 1 р.

Лохвицкая М. А. (Жиберъ). Стихотворенія. Томъ II. 1896—1898 гг. Москва.

Стукаличъ В. К. Бѣлоруссія и Литва. Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи. Витебскъ. 1894 г.

Тарановскій Н. Г. Повѣсти и разсказы. Харьковъ, 1898 г. Цѣна 75 коп.

Клингенъ И. Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ. Изданіе Департамента Земледѣлія. С.-Петербургъ, 1897 года.

Боханъ Д. Игорь князь Сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи. Минскъ, 1897 г. Цѣна 25 коп.

Рышковъ Викторъ. Въ больничныхъ койкахъ и въ паутинѣ. С.-Петербургъ, 1898 г. Цѣна 1 р.

Матвѣевъ Артемонъ. Въ поискахъ правды о народѣ. С.-Петербургъ, 1898 г.

Геффдингъ Г., проф. О принципахъ этики. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Юровскаго. С.-Петербургъ, 1898 г. Цѣна 15 коп.

Минцловъ С. Р. Стихотворенія. 1888—1897 гг Одесса. Цѣна 25 коп.

Покровскій В. Справочная книжка по географіи. Юрьевъ, 1898 г. Цѣна 1 руб.

Красноженъ М., проф. Старые и новые законы о бракѣ. Юрьевъ, 1898 г.

Архимандритъ **Сергій.** На дальнемъ Востокѣ. (Письма японскаго миссіонера). Изданіе второе. Арзамасъ, 1897 г. Цѣна 1 рубль.

Батюшковъ Георгій. Бабиды, персидская секта. С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна 30 коп.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ, подъ редакціей **С. А. Венгерова.** Выпускъ XX. Блиновъ—Богатырь. С.-Петербургъ, 1898 г. Цѣна 35 коп.

Чюмина О. Н. (Михайлова). Изъ прежнихъ лѣтъ. Миніатюры и отклики. Переводы изъ иностранныхъ поэтовъ. Стихотворенія. 1892—1897 г. С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Гегель. Сочиненіе проф. **Кэрда.** Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. **С. Н. Трубецкаго.** Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. Москва, 1898 года. Цѣна 1 рубль 50 коп.

М. К—ой. Очерки и замѣтки. Москва, 1897 года. Цѣна 1 руб.

Илья Петровичъ **Деркачевъ.** 1861—1896 г. По поводу трицатипятилѣтія его общественно-педагогической дѣятельности. Москва, 1896 года.

Сельскія приходскія попечительства о народной нравственности и благосостояніи. С.-Петербургъ, 1897 г.

Въ конторѣ журнала продаются слѣдующія изданія:

К. П. Побѣдоносцевъ Ле-Плэ. М. 1893. Ц. 1 руб. (въ ограничен. колич. экземпл.).

К. Н. Леонтьевъ. Востокъ, Россія и Славянство. 2 тома, по 1 р. 50 к. каждый.

Л. А. Тихомировъ. Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. Москва. 1893 г. Ц. 20 к.

А. П. Владиміровъ. О русскомъ землевладѣніи въ Сѣверо-Западномъ краѣ. М. 1894 г. Ц. 75 к.

Его-же. Исторія расположенія Западно-Русскаго костела. Москва. 1896 г. Ц. 75 коп.

Г. П. Георгіевскій. Апокрифическое сказаніе „или литературная фальсификація" Москва. 1893 г. Ц. 10 коп.

Его-же. Коронованіе Русскихъ Государей. Историческій очеркъ. М. 1896. Ц. 75 к.

Князь Д. Н. Цертелевъ. Стихотворенія 1883—1891. Москва. 1892 г. Ц. 2 рубля.

Ю. Николаевъ. (Ю. Н. Говоруха-Отрокъ). Очерки современной беллетристики. В. Г. Короленко. Критическій этюдъ. Москва. 1893 г. Ц. 75 коп.

Его-же. Тургеневъ. Критическій этюдъ. М. 1894. Цѣна 1 руб.

Его-же. Замѣтки о прогрессѣ и цивилизація. (Изъ посмертныхъ бумагъ). М. 1897 г. Ц. 30 коп.

Н. И. Черняевъ. О русскомъ самодержавіи. Москва 1895 г. Ц. 75 к.

Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока Сборникъ статей изъ *Русскаго Обозрѣнія*. Цѣна 50 коп. М. 1896 г. Съ подписчиковъ журн. *Русское Обозрѣніе* и *Русское Слово* 40 к.

Свящ. І. Фудель. Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ. Изданіе второе. М. 1894 г. Ц. 10 к.

Его же. Основы церковно-приходской жизни. Изданіе второе. М. 1894 г. Цѣна 30 к.

Его же. Народное образованіе и школа. М. 1897 г. Ц. 40 коп.

Д. Ѳ. Щегловъ. Какъ въ наше время борются за Русскую правду и ревнуютъ о благѣ Русскаго народа? Нѣсколько словъ о русско-болгарскихъ отношеніяхъ. М. 1892 г. Цѣна 30 к.

Райдеръ Хаггардъ. Джессъ. (Подъ небомъ Африки) романъ изъ жизни англичанъ въ Трансваалѣ. Переводъ съ англійскаго *К. Я. Бутковскаго.* Москва 1896 г. Ц. 1 руб. 50 коп. Книж. маг. и библіот. уступка 15%.

Н. Д. Извѣковъ. Высокопреосвященный Алексій, архіепископъ Литовскій и Виленскій. Москва. 1896 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой 85 коп.

И. П. Филевичъ проф. Поминка по К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ. Москва 1897 г. Ц. 15 коп.

В. Розановъ. Красота въ природѣ и ея смыслъ. Москва 1897 г. Ц. 1 рубль.

А. А. Кирѣевъ. Критическія замѣтки. Г. Москва 1897 г. Ц. 15 к.

Н. С. Соханская (Кохановская). Автобіографія. Москва 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Знаменательное десятилѣтіе. Памяти *М. Н. Каткова.* 1887—20 іюля—1897 г. Ц. 25 к.

В. Р. Очерки Привислянья. Москва 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бретъ-Гартъ. Сафо у „Зеленыхъ ключей". Повѣсть. Переводъ съ англійской рукописи Ѳ. Духовецкаго г. Москва 1890 г. Ц. 50 к.

Куно Фишеръ. Публичныя лекціи о Шиллерѣ. Ц. 1 р. съ пересылк. Для гг. подписчиковъ журнала *Русское Обозрѣніе* и студентовъ цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

„Систематическіе указатели" содержанія *Русскаго Обозрѣнія* за первые пять лѣтъ его существованія (1890—1894). Ц. 50 к., а также и за 1895—1896 гг. по 15 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ".

1898 г. **30** годъ изданія.

Въ настоящее время „Всемірная Иллюстрація" занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ изданій Европы.

„Всемірная Иллюстрація" даетъ въ годъ болѣе тысячи художественно выполненныхъ рисунковъ и болѣе трехъ тысячъ столбцовъ разнообразнѣйшаго текста.

„Всемірная Иллюстрація" заручилась участіемъ извѣстныхъ писателей и художниковъ.

Превзошедшій всякія ожиданія успѣхъ экстренныхъ приложеній ко **„Всемірной Иллюстраціи"** прошлыхъ лѣтъ—Стихотвореній Кольцова, „Книги пѣсенъ" Гейне, „Пѣсенъ" Беранже, Сочиненій графа Л. Н. Толстого и „Натана Мудреца" Лессинга—побуждаетъ ее предложить подписчикамъ на будущій—1898—г. два подарка, какъ бы въ pendant къ прежнимъ художественно-литературнымъ изданіямъ. **„Всемірная Иллюстрація"** дастъ двѣ отдѣльныя книги двухъ корифеевъ всемірной и русской литературъ:

„ФАУСТЪ", трагедія І. В. Гёте съ многочисленными иллюстраціями первоклассныхъ германскихъ художниковъ въ стихотворномъ, одобренномъ и исправленномъ самимъ Пушкинымъ, переводѣ Э. И. Губера и **ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА** съ великолѣпными иллюстраціями выдающихся русскихъ художниковъ.

Въ это изданіе войдетъ около десяти крупныхъ произведеній Лермонтова. Такая премія должна много говорить сердцу русскаго человѣка, который готовъ перечитывать перлы поэзіи Лермонтова.

Кромѣ того „Всемірная Иллюстрація" дастъ **отдѣльныя художественныя приложенія** съ строгимъ выборомъ относительно интереса и красоты выполненія.

Годовая цѣна въ С.-Петербургѣ безъ дост...... **15** р.
„ „ „ „ съ дост........ **17** „
„ „ съ перес. во всѣ города имперіи.. **18** „

Допускается разсрочка при подпискѣ 7 руб.; затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября остальные 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Подробное объявленіе и каталогъ всѣхъ изданій фирмы книгоиздательства Германъ Гоппе высылается по требованію **безплатно.**

всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка принимается исключительно въ книжныхъ магазинахъ товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18; въ Москвѣ—Кузнецкій Мостъ, № 12, и въ редакціи „Нови", въ С.-Петербургѣ, Васильевскій остр., 16 лин., собств. домъ, № 5—7.

хеологическими рисунками). Годъ „Радости Христіанина“ начинается съ праздника Рождества Христова. **1-я книжка—на 25 дек. и на январь 1898 года выйдетъ въ половинѣ ноября.**

Цѣна журнала: 5 р., **съ перес. 6 р.** (съ разсрочкою: 4 руб. при подпискѣ и 3 р. въ маѣ), за границу 7 р. Учебныя заведенія и церковныя библіотеки могутъ получать журналъ по однимъ заявленіямъ, съ уплатою въ теченіе полугода. Журналъ, рекомендованъ правительственными учрежденіями.

Цѣна оставшимся экземплярамъ журнала прежнихъ годовъ: 1892—1893 (18 кн.), 1894, 1895 и 1896 (12 кн. въ каждомъ) по 4 р. 50 к., съ перес. по 5 р. (далѣе 2000 верстъ съ доплатою за 5 фунтовъ), за границу по 6 р.

Адресъ редакціи: Москва, Старая Басманная ул., кварт. протоіерея Конст. Межеваго Института А. Полотебнова. — *Адресъ для почты*: Москва, редакція журнала „Радость христіанина“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Журналъ „Радость Христіанина“ имѣетъ цѣлію своею: посредствомъ всесторонняго изученія Библіи, при руководствѣ хранителей Свящ. Преданія, преимущественно первыхъ вѣковъ Церкви Христовой, раскрывать духъ истиннаго христіанства, какъ религіи мира, свѣта и радости, дарованной для приготовленія къ вѣчному блаженству (Іоан. 15, 11), и тѣмъ способствовать къ жизненному усвоенію свѣтлыхъ истинъ Божественнаго Откровенія и огражденію священнаго текста Библіи отъ произвольныхъ толкованій, порождающихъ различныя печальныя явленія въ обществѣ.

Книжка „Радости Христіанина“ имѣетъ предметомъ своимъ: торжество праздниковъ, вызывающее, при освященіи Библейскимъ ученіемъ, различныя мысли и чувства; раскрытіе истинъ Божественнаго Откровенія въ памятникахъ церковнаго Богослуженія; истолковательное чтеніе текста Библіи; ученіе вѣры и нравственности, какъ выясняется оно различными мѣстами Библіи; дѣло распространенія книгъ Свящ. Писанія, домашнее чтеніе ихъ и отраженіе Библейскихъ началъ въ жизни общества.

Журналъ „Радость Христіанина“: 1) По распоряженію г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода высылается во всѣ духовныя Семинаріи и въ женскія училища духовнаго вѣдомства, состоящія подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. 2) Рекомендованъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія „для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ изданіе, ознакомленіе съ которымъ учащагося юношества крайне желательно и полезно“. 3) Рекомендованъ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній „для библіотекъ военныхъ училищъ и для библіотекъ двухъ старшихъ ротъ Кадетскихъ корпусовъ“.

Редакторъ-Издатель **Протоіерей Андрей Григ. Полотебновъ.**

О ПРОДОЛЖЕНІИ ПОДПИСКИ ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ ЖУРНАЛА „РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ" въ 1898 году.

Въ 1898 г. при Кіевской духовной Семинаріи по прежнему будетъ издаваться журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей" въ видѣ **еженедѣльно** выходящихъ номеровъ, **ежемѣсячно** выходящихъ „Проповѣдей" и „Богословскаго Библіографическаго Листка".

Подписная цѣна журнала съ означенными приложеніями—„Проповѣдями" и Богословскимъ Библіографическимъ Листкомъ" **ШЕСТЬ** рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, отсрочена до сентября 1898 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: **Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей".**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ

на ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОР. СЕВАСТОПОЛѢ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ОДИННАДЦАТЫЙ).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки:				Съ доставкою и пересылкою:			
На годъ	7 р.	—	к.	На годъ	8 р.	—	к.
„ $1/2$	4 „	—	„	„ $1/2$	5 „	—	„
„ $1/4$	2 „	50	„	„ $1/4$	3 „	—	„
„ 1 мѣсяцъ	1 „	—	„	„ 1 мѣсяцъ	1 „	25	„

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—остальные 2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. **Севастополѣ**—въ редакціи „Крымскаго Вѣстника", Екатерининская улица, д. Спиро, въ гор. **Симферополѣ**—въ отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро, въ **Ялтѣ**—въ магазинѣ г-на Синани, въ **Мелитополѣ**—въ отдѣленіи конторы въ „Центральномъ" аптекарск. магазинѣ О. Г. Гинцбурга, въ **Бахчисараѣ**—у г-на Колтуна, въ **Ѳеодосіи**—въ отдѣленіи конторы „Крымск. Вѣстника", Городской домъ, противъ бульвара, въ **Курманъ-Кемельчи**—у М. Гуревича.

NB. Подробный указатель статей, напечатанныхъ за 1897 г., брошюрою по полугодіямъ, высылается безплатно.

Подписная цѣна на 1898 г.: 5 р. за годъ и 45 к. помѣсячно (можно марками).

Подписка принимается: Оренбургъ, Редакція „Оренбургской Газеты“, Караванъ-Сарай.

Редакторъ *Н. Ардашевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

31 ГОДЪ. ДОНЪ XXXI Г.

(Въ Воронежѣ)

НА 1898 ГОДЪ.

тридцать первый годъ изданія.

Со 2-го февраля 1898 года газета „Донъ“ начинаетъ 31 годъ своего изданія. Просуществовавъ 30 лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила больше четверти столѣтія. Поэтому, открывая подписку на 1898 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты, то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежъ....	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	75 к.
Съ пересылкой въ друг. города..	7 руб.	4 р.	2 р. 50 к.	1 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ

на большую ежедневную газету Калужско-Тульскаго края

КАЛУЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ наступающемъ новомъ 1898 году газета „Калужскій Вѣстникъ“, не измѣняя принятаго ею направленія, значительно расширитъ отдѣлы своей программы и увеличитъ объемъ самой газеты.

Условія подписки на Калужскій Вѣстникъ.

	На 12 м.	6 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ доставкою и пересылкою:	6 —	4 —	2-50	2 —	1 —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Калугѣ: въ конторѣ редакціи, Архангельская улица, домъ Архангельскаго.

Въ Москвѣ и С.-Петербургѣ: въ конторѣ объявленій Метцль.

Въ Тулѣ: въ книжномъ магазинѣ Бѣлобородовой и въ отдѣленіи конторы редакціи—Кіевская ул., д. Кольцова.

Издатель В. В. Архангельскій. Редакторъ Ѳ. Ѳ. Лашмановъ.

Редакторъ-издатель П. БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Мацько терпѣливо ждалъ, не дойдетъ ли до него какая-нибудь вѣсть изъ Згожелицъ или не смилостивится ли аббатъ; наконецъ, ему надоѣло это ожиданіе и эта неувѣренность, и онъ рѣшилъ отправиться къ Зыху. Все, что случилось, случилось не по его винѣ, а все же онъ хотѣлъ знать, не питаетъ ли Зыхъ противъ него обиды; что же касается аббата, то онъ былъ увѣренъ, что тотъ сердится какъ на Збышко, такъ и на него. Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ сдѣлать все, что отъ него зависѣло, чтобы смягчить его гнѣвъ, и все обдумывалъ, что кому онъ скажетъ въ Згожелицахъ, чтобы уменьшить обиду и вернуть прежнюю дружбу сосѣда. Но въ головѣ у него путалось, и онъ былъ радъ, что засталъ Ягенку одну. Она приняла его по старому: поклонилась ему и поцѣловала ему руку,—словомъ, встрѣтила его дружески, хотя съ нѣкоторою грустью.

— Отецъ дома?—спросилъ онъ.

— Дома; но уѣхалъ съ аббатомъ на охоту. Они скоро должны вернуться. Сказавъ это, она ввела его въ комнату, гдѣ, усѣвшись, они долго молчали, потомъ дѣвушка спросила первая:

— Вамъ скучно одному въ Богданцѣ?

— Скучно,—отвѣчалъ Мацько. — Такъ ты уже знаешь, что Збышко уѣхалъ?

Ягенка тихо вздохнула.

— Знаю. Я знала объ этомъ въ первый же день и думала, что онъ заѣдетъ къ намъ сказать хоть доброе слово, но онъ не заѣхалъ.

— Какъ же онъ могъ пріѣхать,—сказалъ Мацько,—вѣдь аббатъ разорвалъ бы его на части, да и отецъ твой былъ бы недоволенъ его пріѣздомъ.

Она покачала головой и сказала:

— Э! Я никому не позволила бы обидѣть его.

На что Мацько, хотя и нелегко было у него на сердцѣ, притянулъ къ себѣ дѣвушку и сказалъ:

— Богъ съ тобой, милая дѣвушка. Тебѣ горе и мнѣ горе, потому-то я одно тебѣ скажу, что ни аббатъ, ни отецъ твой

не любятъ тебя сильнѣе, чѣмъ я. Пусть бы я лучше умеръ отъ раны, отъ которой ты меня вылѣчила, только бы онъ женился на тебѣ, а не на другой.

Послѣ этихъ словъ Ягенку охватила такая тоска, такая скорбь, что ей уже трудно было сдержать себя и она сказала:

— Ужъ никогда болѣе я не увижу его, а если и увижу, то съ дочерью Юранда,—но я предпочла бы выплакать всѣ глаза, чтобы не видѣть этого.

И глаза ея наполнились слезами, она взяла кончикъ фартука и прикрыла ихъ.

А Мацько на это:

— Успокойся! Поѣхать-то онъ поѣхалъ, но, Богъ дастъ, онъ не вернется съ дочерью Юранда.

— Почему же ему съ ней не вернуться? отозвалась Ягенка изъ-подъ фартука.

— Потому что Юрандъ не захочетъ отдать ему дѣвушку.

На это Ягенка вдругъ открыла лицо и, повернувшись къ Мацько, спросила съ живостью:

— Онъ и мнѣ это говорилъ,—но правда ли это?

— Правда, какъ Богъ святъ!

— Но почему же?

— Кто его знаетъ. Какой-нибудь обѣтъ, что ли, но если ужъ онъ далъ обѣтъ, то съ этимъ ничего не сдѣлаешь. Збышко ему понравился, потому что онъ обѣщалъ помочь ему въ его мщеніи, но и это ни къ чему не послужитъ. Ни сватовство княгини Анны, ни просьбы, ни уговоры, ничто не помогло. Юрандъ и слышать не хотѣлъ. Онъ говорилъ, что не можетъ. Да видно и въ самомъ дѣлѣ на это существуетъ какая-нибудь причина, видно, что онъ не можетъ. А онъ человѣкъ твердой воли и своему слову не измѣнитъ. Ты, дѣвушка, не теряй надежды, крѣпись. Справедливость того требовала, чтобы онъ ѣхалъ: онъ присягалъ въ церкви достать эти гребни... Дѣвушка накрыла его голову своимъ покрываломъ въ знакъ того, что хочетъ его взять себѣ въ мужья, иначе ему бы отсѣкли голову,—онъ ей обязанъ за это жизнью—и говорить нечего. Богъ дастъ, она не будетъ его, но по всѣмъ правиламъ онъ ея. Зыхъ недоволенъ имъ; аббатъ ужасно сердится, я тоже, но когда хорошенько подумаешь, то, что же ему было дѣлать? Если онъ обязанъ той, то и надо было ѣхать. Вѣдь онъ шляхтичъ, но одно тебѣ говорю: если его не убьютъ нѣмцы, то онъ, какъ уѣхалъ, такъ и вернется—вернется не только ко мнѣ, ста-

рику, не только въ Богданецъ, но и къ тебѣ, потому что ты ему очень понравилась.

— Гдѣ ужъ тамъ я ему понравилась! сказала Ягенка.

Но въ то же время она подошла къ Мацько и, толкнувъ его локтемъ, спросила:

— Почемъ вы знаете? Это, вѣрно, неправда?

— Почемъ я знаю?—отвѣчалъ Мацько.—Я видѣлъ, какъ ему трудно было уѣзжать. И еще было такъ, что когда онъ рѣшилъ ѣхать, я спросилъ его:—А тебѣ не жаль Ягенки?—А онъ говоритъ:—Да пошлетъ ей Богъ здоровья и всего лучшаго. И тутъ же такъ началъ вздыхать, какъ будто у него въ животѣ мѣхи.

— Это должно быть неправда,—повторила Ягенка еще тише,—но говорите еще.

— Какъ Богъ святъ, правда!.. Та уже ему не будетъ такъ нравиться, какъ прежде, потому что ты сама знаешь, что болѣе красивой и здоровой дѣвушки, чѣмъ ты, не найдешь во всемъ свѣтѣ. По волѣ Божіей, его чувства, быть можетъ, еще сильнѣе, чѣмъ твои.

— Дай-то Богъ!—воскликнула Ягенка, и, сообразивъ то, что она сказала не подумавъ, она закрыла рукавомъ свое румяное, какъ яблоко лицо, а Мацько улыбнулся, покрутилъ усы и сказалъ:

— Эхъ, еслибы я былъ молодой! Но ты пріободрись, потому что я уже вижу, какъ будетъ: онъ пойдетъ, добудетъ шпоры на мазовецкомъ дворѣ, потому что тамъ граница близко и за крестоносцемъ дѣло не станетъ. Я, конечно, знаю, что и между нѣмцами бываютъ храбрые рыцари, знаю, что и стрѣла не отскочитъ отъ него, но думаю такъ, что не каждый справится съ нимъ, потому что онъ очень искусный боецъ. Ты сама видѣла, какъ онъ помялъ Чтана изъ Рогова и Вилька изъ Бжозовой, хотя они, какъ говорятъ, люди храбрые и сильные, какъ медвѣди. Онъ привезетъ свои гребни, но дочери Юранда не привезетъ, потому что и я разговаривалъ съ Юрандомъ и знаю, какъ обстоитъ дѣло. Ну, а потомъ что? Потомъ онъ вернется сюда, потому что куда же ему еще возвращаться?

— Когда-то еще онъ вернется!

— Ба, если ты не выдержишь, то тебѣ отъ этого и не будетъ никакой обиды. Но пока повтори аббату и Зыху то, что я тебѣ говорю. Пусть бы они хоть немножко смягчили свой гнѣвъ противъ Збышко.

— Что уже мнѣ тутъ говорить? Отецъ болѣе огорченъ, чѣмъ сердитъ, но при аббатѣ небезопасно упоминать про Збышко.

Досталось и мнѣ и отцу изъ-за того оруженосца, котораго я послала къ Збышко.

— За какого оруженосца?

— Знаете... У насъ былъ Чехъ, котораго отецъ захватилъ подъ Болеславцемъ, хорошій и вѣрный малый. Его звали Глява. Отецъ отдалъ мнѣ его въ услуженіе, потому что онъ сказывался тамошнимъ рыцаремъ, я ему дала достойное оружіе и послала его къ Збышко, чтобы онъ ему служилъ и оберегалъ его, а Боже сохрани, въ случаѣ чего-нибудь, чтобы онъ далъ знать. Я ему дала и кошелекъ съ деньгами, онъ поклялся спасеніемъ своей души, что будетъ служить Збышко до самой смерти.

— Ахъ, ты милая моя дѣвушка! Награди тебя Богъ... А Зыхъ не противился?

— Какъ не противиться! Сначала отецъ совсѣмъ не хотѣлъ разрѣшить, но когда я упала къ его ногамъ, такъ и сдѣлалъ по-моему. Съ отцемъ нѣтъ никакихъ хлопотъ, но когда аббатъ узналъ это отъ своихъ скомороховъ, то въ мигъ наполнилъ всю комнату проклятьями, и былъ такой день страшнаго суда, что отецъ спрятался въ конюшню. И только къ вечеру смилостивился аббатъ надо мною и моими слезами и еще подарилъ мнѣ бусы... Но я была рада страдать, лишь бы у Збышко была свита побольше.

— Какъ Богъ святъ, я не знаю—люблю-ли больше его или тебя, но у него и такъ была превосходная свита, и денегъ я ему далъ, хотя онъ и не хотѣлъ брать. Да вѣдь и Мазовія не за морями.

Дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ лаемъ собакъ, крикомъ и звукомъ мѣдныхъ трубъ около дома. Услыхавъ это, Ягенка сказала:

— Отецъ и аббатъ вернулись съ охоты. Пойдемте на крыльцо, потому что лучше, чтобы аббатъ увидалъ васъ сначала издали, чѣмъ вдругъ нечаянно въ комнатѣ.

Сказавъ это, она повела Мацько на крыльцо, откуда они увидали на дворѣ много людей, лошадей, собакъ, а также и подстрѣленныхъ лосей и волковъ. Когда аббатъ увидалъ Мацько, прежде чѣмъ слѣзть съ коня, онъ бросилъ въ его сторону дротикомъ, не съ цѣлью ударить его, но чтобы такимъ образомъ очевиднѣе доказать свое ожесточеніе противъ всѣхъ богданецкихъ жителей.

Но Мацько, снявъ шапку, издали поклонился ему, какъ будто бы ничего не замѣтивъ. Ягенка же, дѣйствительно, не замѣтила

этого, потому что прежде всего она удивилась присутствію въ свитѣ аббата ея двухъ прежнихъ поклонниковъ: съ аббатомъ пріѣхали Чтанъ и Вилькъ; они, вѣроятно, встрѣтились съ нимъ въ лѣсу. А у Мацько такъ даже закололо въ прежней его ранѣ. У него сейчасъ же явилась мысль, что одному изъ нихъ достанется Ягенка, а съ нею и Мочидолы и всѣ аббатовы земли, лѣса и деньги... И онъ почувствовалъ досаду вмѣстѣ съ сожалѣніемъ, въ особенности когда замѣтилъ еще нѣчто новое: Вилькъ изъ Бжозовой, несмотря на то, что аббатъ недавно хотѣлъ драться съ его отцомъ, бросился къ нему, чтобы помочь ему слѣзть съ лошади, а онъ, слѣзая, дружески оперся на плечо молодого шляхтича.

„Аббатъ помирился съ Вилькомъ", подумалъ Мацько, „и отдастъ ему дѣвушку, а вмѣстѣ съ нею лѣса и земли".

Но его непріятная мысль была прервана словами Ягенки, которая въ ту же самую минуту сказала ему:

— Они излѣчились послѣ драки съ Збышко, но еслибы они сюда пріѣзжали и каждый день, то все же изъ этого ничего не выйдетъ!

Мацько взглянулъ на дѣвушку,—ея лицо раскраснѣлось не только отъ холода, но и отъ гнѣва, несмотря на то, что ей было хорошо извѣстно, что Вилькъ и Чтанъ вступились за нее въ трактирѣ и за это были избиты. А потому Мацько сказалъ:

— Э! сдѣлаешь, что тебѣ велитъ аббатъ.

А она на это:

— Аббатъ сдѣлаетъ то, что захочу я.

„Боже милостивый!" подумалъ Мацько, „и этотъ глупый Збышко добровольно отказался отъ такой дѣвушки!"

II.

А „глупый" Збышко тѣмъ временемъ выѣхалъ изъ Богданца, дѣйствительно, съ тяжелымъ сердцемъ. Во-первыхъ, ему было какъ-то странно и скучно безъ дяди, съ которымъ онъ уже такъ много лѣтъ не разставался и къ которому такъ привыкъ, что теперь самъ хорошо не зналъ, какъ онъ обойдется безъ него на войнѣ и въ дорогѣ. Потомъ ему жаль было и Ягенку, потому что хотя онъ и говорилъ себѣ, что ѣдетъ къ Данусѣ, которую онъ любилъ отъ всей души, но все-таки ему было такъ

хорошо съ Ягенкой, что только теперь онъ почувствовалъ, какое счастье быть съ нею, и какое можетъ быть горе безъ нея! Онъ даже самъ удивлялся своей тоскѣ и безпокоился этимъ, потому что еслибы онъ тосковалъ по ней, какъ братъ по сестрѣ, то это еще было бы ничего, но онъ замѣтилъ, что тоскуетъ о томъ, что не можетъ подсаживать и снимать ее съ лошади, переносить ее черезъ ручей, выжимать воду изъ ея волосъ, ходить съ нею по лѣсамъ, глядѣть ей въ глаза и говорить съ нею. И такъ онъ къ этому привыкъ, такъ ему это было пріятно, что, когда теперь онъ началъ объ этомъ думать, то совсѣмъ забылся и забылъ даже, что ѣдетъ въ долгое путешествіе, въ Мазовію; кромѣ того ему вспомнилась та минута, когда Ягенка спасла его въ лѣсу, когда онъ боролся съ медвѣдемъ. И ему казалось, что это было только вчера, какъ равно ему казалось, что только что вчера они ходили на бобровъ въ Одстайное озеро. Онъ вѣдь не видалъ ее тогда, когда она пустилась вплавь за бобромъ, а теперь ему казалось, что какъ будто видитъ ее, и сейчасъ же онъ почувствовалъ такой приливъ нѣжности, какъ тогда, когда Ягенка садилась на лошадь. Потомъ вспомнилъ онъ, какъ она величественно ѣхала въ церковь въ Кшесню и какъ онъ удивился, что такая простая дѣвушка казалась дѣвицей высокаго рода, ѣдущею съ своею свитой. Все это способствовало тому, что его сердце взволновалось, ему сдѣлалось и пріятно и грустно, и страсть охватила его, а когда еще онъ подумалъ, что могъ съ нею сдѣлать все, что только бы захотѣлъ, когда подумалъ, какъ ее тянуло къ нему, какъ смотрѣла она ему въ глаза, какъ стремилась къ нему, то онъ съ трудомъ могъ усидѣть на лошади. „О! если бы я ее гдѣ-нибудь встрѣтилъ, если бы могъ проститься съ нею", говорилъ онъ самъ себѣ, „можетъ быть, мнѣ легче стало бы", но тотчасъ же онъ почувствовалъ, что это неправда, потому что при одной мысли о прощаніи у него мурашки пробѣгали по кожѣ. И въ этихъ воспоминаніяхъ было столько страннаго, что онъ даже испугался и постарался стряхнуть ихъ съ себя, какъ сухой снѣгъ съ плаща. „Я ѣду къ Данусѣ, къ моей милой Дануськѣ!"—сказалъ онъ самъ себѣ, и тотчасъ же сообразилъ, что тутъ любовь совсѣмъ другая—благочестивѣе и менѣе захватывающая,—и, мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ въ стременахъ ноги его зябли и холодный вѣтеръ охлаждалъ его кровь, всѣ его мысли полетѣли къ Данусѣ, дочери Юранда. Этой онъ дѣйствительно былъ обязанъ жизнью. Если бы не она, давно бы уже его голова свалилась на площади. Вѣдь когда

она въ присутствіи рыцарей и мѣщанъ сказала: „онъ мой",—то этимъ самымъ вырвала его изъ рукъ палачей, и съ тѣхъ поръ онъ принадлежитъ ей такъ же, какъ рабъ принадлежитъ своему господину. Не онъ бралъ ее, а она его взяла, и противъ этого не поможетъ никакое сопротивленіе Юранда. Она одна лишь могла бы прогнать его, какъ госпожа можетъ прогнать своего слугу, хотя и тогда онъ не ушелъ бы далеко, потому что его связываетъ его собственный обѣтъ. Но онъ тутъ же подумалъ, что она его не прогонитъ, что скорѣе она сама оставитъ мазовецкій дворъ и пойдетъ за нимъ, хотя бы на край свѣта,—и, подумавъ это, онъ началъ выхвалять ее въ ущербъ Ягенки, какъ будто она была виновата, что онъ поддавался искушенію и что сердце его раздваивалось. Ему не пришло въ голову, что Ягенка вылѣчила стараго Мацько и, кромѣ того, что безъ ея помощи медвѣдь содралъ бы кожу съ его головы, и онъ сознательно негодовалъ противъ Ягенки, думая, что такимъ образомъ онъ услужитъ Данусѣ и оправдаетъ себя въ своихъ собственныхъ глазахъ.

А тутъ какъ разъ подъѣхалъ чехъ Глява, присланный Ягенкой, ведя съ собой нагруженнаго коня.

— Хвала Господу Богу!—сказалъ онъ, низко кланяясь.

Збышко видѣлъ его два или три раза въ Згожелицахъ, но не узналъ и потому отвѣтилъ ему.

— Во вѣки вѣковъ! А кто ты такой?

— Вашъ слуга.

— Какъ мой слуга? Вотъ мои слуги,—сказалъ онъ, указывая на двухъ турокъ, подаренныхъ ему Сулимчикомъ Завишей, и на двухъ сильныхъ парней, которые, сидя на небольшихъ лошадяхъ, вели громадныхъ жеребцовъ,—тѣ мои, а тебя кто прислалъ?

— Панна Ягенка, дочь Зыха изъ Згожелицъ.

— Панна Ягенка?

Збышко только что негодовалъ противъ нея и сердце его было еще переполнено недружелюбіемъ къ ней, а потому онъ сказалъ:

— Вернись домой и поблагодари панну за ея милость — я тебя не хочу.

Но чехъ встряхнулъ головой.

— Нѣтъ, я не вернусь. Меня вамъ подарили, а кромѣ того я клялся служить вамъ до самой смерти.

— Если тебя мнѣ подарили, то, значитъ, ты мой слуга.

— Вашъ, милостивый панъ.

— Итакъ я тебѣ приказываю вернуться.

— Я далъ клятву и, хотя я невольникъ изъ-подъ Болеславца и бѣдный человѣкъ, но я рыцарь...

Збышко разсердился.

— Убирайся прочь! Какъ же это такъ? Ты будешь служить мнѣ противъ моей воли, что-ли? Ступай прочь, а не то велю натянуть самострѣлъ.

Чехъ спокойно досталъ суконный плащъ, подбитый волчьею шкурой, отдалъ его Збышко и сказалъ:

— Панна Ягенка прислала вамъ и это...

— Хочешь, чтобы я тебѣ переломалъ кости? спросилъ Збышко, взявъ копье изъ рукъ слуги.

— У меня есть и кошелекъ къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ Чехъ.

Збышко прицѣлился было копьемъ, но, вспомнивъ, что хотя чехъ и невольникъ, но все же рыцарскаго происхожденія, что онъ, очевидно, остался у Зыха только потому, что ему нечѣмъ было откупиться — онъ опустилъ копье. Чехъ поклонился ему до стремянъ и сказалъ.

— Не сердитесь, милостивый панъ. Если не велите мнѣ ѣхать за вами, то я поѣду на разстояніи двухъ или трехъ стадій, но все-таки поѣду, потому что я поклялся спасеніемъ моей души.

— А если я прикажу тебя убить, или связать?

— Если вы прикажете убить меня, то это будетъ не мой грѣхъ, а если прикажете связать меня, то останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока меня не развяжутъ добрые люди, или пока волки не съѣдятъ меня.

Збышко ничего не отвѣчалъ и двинулся впередъ, за нимъ послѣдовали его слуги. Чехъ съ самострѣломъ за спиной и топоромъ на плечѣ тащился сзади, кутаясь въ косматую зубровую шкуру, такъ какъ дулъ сильный вѣтеръ и начиналась мятелица.

Буря съ каждою минутой все усиливалась. Турки, хотя и въ тулупахъ, всѣ закостенѣли; другіе слуги Збышко начали хлопать рука объ руку, а онъ самъ будучи недостаточно тепло одѣтъ нѣсколько разъ бросалъ взглядъ на волчій плащъ, привезенный Глявой, и, немного погодя, сказалъ турку, чтобы тотъ подалъ его. Хорошенько закутавшись, онъ вскорѣ почувствовалъ тепло, охватывающее все его тѣло. Въ особенности былъ удобенъ капюшонъ, который защищалъ ему глаза и часть лица,

такъ что вѣтеръ почти не безпокоилъ его. Тогда онъ почти невольно подумалъ, что Ягенка добрѣйшая изъ дѣвушекъ,—и онъ нѣсколько удержалъ лошадь, такъ какъ ему захотѣлось разспросить чеха про нее и про все, что произошло въ Згожелицахъ.

А потому, кивнувъ ему, онъ сказалъ:

— А старый Зыхъ знаетъ, что панна послала тебя ко мнѣ?

— Знаетъ, сказалъ Глява.

— И не противился?

— Противился.

— Разскажи все какъ было.

— Панъ ходилъ по комнатѣ, а панна за нимъ. Онъ кричалъ, она молчала — только какъ повернется къ ней, то она ему въ ноги. И ни слова. Наконецъ, говоритъ панъ: „Ты оглохла что ли, что ничего не отвѣчаешь на мои доводы? Скажи что-нибудь, и я можетъ быть разрѣшу, а какъ разрѣшу, то аббатъ сорветъ мнѣ голову!“ Тогда-то панна сообразила, что онъ ей уступитъ, и давай плакать и благодарить. Панъ упрекалъ ее, что она всегда все дѣлаетъ по своему, и наконецъ сказалъ: „Обѣщай мнѣ, что вечеромъ не пойдешь съ нимъ прощаться, тогда позволю, а иначе нѣтъ.“ Тутъ огорчилась паненка, но обѣщала, и панъ былъ очень доволенъ, потому что они оба съ аббатомъ очень боялись, чтобы ей не вздумалось повидаться съ вами... Но не все еще было кончено, потому что панна хотѣла послать вамъ двѣ лошади, а панъ не соглашался, паненка хотѣла послать волчью шкуру и кошелекъ съ деньгами, панъ тоже не соглашался. Но къ чему всѣ эти запрещенія:—еслибы ей захотѣлось сжечь домъ, то и на это согласился бы панъ. — Вотъ почему я и привезъ двѣ лошади, волчью шкуру и кошелекъ...

„Добрѣйшая дѣвушка“, подумалъ про себя Збышко.

Минуту спустя онъ спросилъ вслухъ:

— А съ аббатомъ бѣды не было?

Чехъ улыбнулся, какъ смѣтливый малый, который отдаетъ себѣ отчетъ во всемъ, что вокругъ него дѣлается и сказалъ:

— Оба они скрывали это отъ аббата, и я не знаю, что произошло, когда онъ узналъ — я уѣхалъ раньше. Аббатъ, какъ аббатъ, закричитъ иной разъ на паненку, но потомъ все посматриваетъ на нее, не очень ли онъ ее обидѣлъ. Я самъ слышалъ, какъ онъ разъ на нее кричалъ, а потомъ пошелъ въ сундукъ и принесъ ей такую цѣпь, лучше какой и въ Краковѣ не достать, и говоритъ ей: на!—Она поладитъ съ аббатомъ, потому что и родной отецъ не любитъ ее больше, чѣмъ онъ.

— Конечно, такъ.

— Какъ Богъ святъ!..

Тутъ они смолкли и ѣхали среди вѣтра и снѣжной мятели, но вдругъ Збышко остановилъ лошадь: изъ лѣсу послышался какой-то жалобный голосъ почти заглушенный лѣснымъ гуломъ:

— Христіане, спасите Божьяго слугу въ несчастьи!

И въ то же время на дорогу выбѣжалъ человѣкъ въ одеждѣ частью духовной, частью свѣтской и, ставъ передъ Збышко, воскликнулъ:

— Кто бы вы ни были, окажите помощь человѣку и ближнему въ трудномъ положеніи.

— Что съ тобой приключилось и кто ты таковъ?—спросилъ молодой рыцарь.

— Я слуга Божій, хотя и не посвященъ, а случилось со мною то, что сегодня утромъ убѣжала у меня лошадь, которая везла ящикъ со святыней. Я остался одинъ безъ оружія, а дѣло къ вечеру и неравно въ лѣсу зарычитъ дикій звѣрь. Я погибну, если вы мнѣ не поможете.

— Если бы ты по моей винѣ погибъ,—сказалъ Збышко,—я долженъ былъ бы отвѣчать за твои грѣхи, но почемъ же я узнаю, что ты правду говоришь, что ты не бродяга и не мошенникъ какой-нибудь, какихъ много таскается по дорогамъ.

— Вы узнаете по ящикамъ. Многіе отдали бы кошелекъ, туго набитый золотомъ, чтобы обладать тѣмъ, что тамъ находится, но я тебѣ задаромъ дамъ часть этого, только бы вы захватили меня и мои ящики.

— Ты говоришь, что ты слуга Божій, а того не знаешь, что спасать людей надо не ради земныхъ, а ради небесныхъ наградъ. Но какъ же ты нашелъ ящики, если сбѣжала лошадь, которая везла ихъ.

— Потому что прежде, чѣмъ я нашелъ лошадь, волки съѣли ее въ лѣсу, на полянѣ, а сундуки остались, и я ихъ приволокъ на дорогу, чтобы ждать помощи и милосердія отъ добрыхъ людей. Сказавъ это и желая доказать, что онъ говоритъ правду, онъ указалъ на двѣ лубочныя коробки, которыя стояли подъ сосной.—Збышко глядѣлъ на него довольно недовѣрчиво: человѣкъ этотъ ему казался не очень честнымъ и кромѣ того его выговоръ хотя и былъ правильный, но доказывалъ его происхожденіе изъ далекихъ странъ. Однако онъ не хотѣлъ отказать ему въ помощи и позволилъ ему сѣсть вмѣстѣ съ ящиками,

которые оказались очень легкими, на свободную лошадь, которую велъ чехъ.

— Да умножитъ Господь Богъ твои побѣды, славный рыцарь!—сказалъ незнакомецъ.

Потомъ, увидавъ юное лицо Збышко, онъ прибавилъ вполголоса:

— А такъ же и твои волосы на бородѣ.

И минуту спустя онъ ѣхалъ рядомъ съ чехомъ. Нѣкоторое время они не могли говорить, потому что дулъ сильный вѣтеръ и въ лѣсу былъ страшный шумъ, но когда нѣсколько успокоилось, Збышко услыхалъ за собой слѣдующій разговоръ:

— Я тебѣ не противорѣчу, что ты былъ въ Римѣ, но ты мнѣ кажешься падкимъ до пива,—говорилъ чехъ.

— Остерегайся вѣчной погибели,—отвѣчалъ незнакомецъ,—такъ какъ ты говоришь съ человѣкомъ, который въ прошлую пасху ѣлъ крутыя яйца со святымъ отцемъ. Не говори въ такой холодъ о пивѣ, развѣ только о подогрѣтомъ, но если у тебя есть фляга съ виномъ, то дай мнѣ два или три глотка, и я избавлю тебя отъ цѣлаго мѣсяца чистилища.

— Ты вѣдь не посвященъ; я слышалъ, какъ ты это говорилъ, а въ такомъ случаѣ какъ же ты избавишь меня отъ чистилища на цѣлый мѣсяцъ?

— Я не посвященъ, а макушка у меня бритая, потому что на это я получилъ разрѣшеніе, а также и на отпущеніе грѣховъ, индульгенцію и реликвіи я вожу съ собой.

— Въ этихъ ящикахъ?—спросилъ чехъ.

— Да. А если бы вы увидали все, что у меня есть, то вы бы пали ницъ, и не только вы, но и весь лѣсъ со всѣми звѣрями.

Но чехъ, умный и бывалый человѣкъ, поглядѣлъ подозрительно на продавца индульгенціи и сказалъ:

— А волки все-таки съѣли коня.

— Съѣли потому, что они сродни діаволамъ, но они окалѣли. Одного окалѣвшаго волка я видѣлъ собственными глазами. Если у тебя есть вино, то дай, потому что хотя вѣтеръ и утихъ, но я продрогъ, сидя на дорогѣ. Но чехъ вина все-таки не далъ, и опять они ѣхали молча.

Наконецъ, продавецъ реликвій самъ началъ разспрашивать:

— Куда вы ѣдете?

— Далеко. Но пока въ Серадзь. Ты поѣдешь съ нами?

— Я вынужденъ. Проведу ночь въ конюшнѣ, а завтра, можетъ быть, мнѣ этотъ благочестивый рыцарь подаритъ лошадь, и я поѣду дальше.

— Откуда ты?

— Изъ-подъ Мальбурга.

Услыхавъ это, Збышко повернулъ голову и кивнулъ головой незнакомцу, чтобы тотъ приблизился.

— Ты изъ-подъ Мальбурга?—сказалъ онъ.—Ты оттуда?

— Изъ-подъ Мальбурга.

— Но ты, вѣроятно, не нѣмецъ, ты такъ хорошо говоришь на нашемъ языкѣ. Какъ тебя зовутъ?

— Я нѣмецъ, а меня зовутъ Сандерусъ, я говорю по-вашему, потому что родился въ Торуни, гдѣ весь народъ такъ говоритъ. Потомъ я жилъ въ Мальбургѣ, но и тамъ то же самое. Ба! даже и братья ордена понимаютъ вашъ языкъ.

— А ты давно изъ Мальбурга?

— Я былъ въ Святой Землѣ, потомъ въ Константинополѣ и въ Римѣ, откуда черезъ Францію вернулся въ Мальбургъ, а изъ Мальбурга ѣхалъ черезъ Моравію и всюду возилъ святыя реликвіи, которыя благочестивые христіане покупаютъ для спасенія душъ.

— Ты былъ и въ Плоцкѣ, и въ Варшавѣ?

— Былъ. Да пошлетъ Господь Богъ здоровья обѣимъ княгинямъ! Не даромъ же княгиню Александру любятъ даже и нѣмцы—это благочестивая пани, хотя и княгиня Анна, жена Якуши, не хуже ея.

— Ты видѣлъ въ Варшавѣ и ихъ свиту?

— Я встрѣтился съ ними не въ Варшавѣ, а въ Цихановѣ, гдѣ обѣ княжескія семьи приняли меня очень радушно, какъ слугу Божьяго, и щедро надѣлили меня на дорогу. Но и я оставилъ имъ реликвіи, черезъ которыя должно снизойти на нихъ благословеніе Божіе.

Збышко хотѣлъ спросить про Данусю, но не рѣшился, ему стало совѣстно разспрашивать у незнакомаго, простого происхожденія человѣка,—это было бы равносильно, что дѣлать ему признаніе въ своей любви, и человѣкъ этотъ кромѣ того выглядѣлъ подозрительно и могъ оказаться обманщикомъ. А потому, помолчавъ немножко, Збышко сказалъ:

— Какія же это реликвіи ты возишь по свѣту?

— Я развожу и реликвіи и индульгенціи; при чемъ индульгенціи у меня разныхъ разрядовъ: есть полныя, иныя же на пятьсотъ, на триста и на двѣсти, а то и на меньшее число лѣтъ,— есть и подешевле, чтобы бѣдные люди имѣли возможность пріобрѣтать и такимъ образомъ сокращать муки въ чистилищѣ. У

меня есть такія, по которымъ отпускаются грѣхи не только прошедшіе, но и будущіе. Но не думайте, чтобы деньги, на которыя покупается это отпущеніе, я приберегалъ себѣ... Кусокъ чернаго хлѣба и глотокъ воды—вотъ все, что мнѣ нужно, а остальное, что собираю, я отвожу въ Римъ, и все это со временемъ пойдетъ на новый крестовый походъ. Конечно, по міру ѣздятъ многіе плуты-обиралы, у которыхъ все фальшивое—и отпущеніе грѣховъ, и реликвіи, и печати, и свидѣтельства,—такихъ Отецъ святой весьма справедливо преслѣдуетъ, но меня серадзкій игуменъ несправедливо обидѣлъ—мои печати настоящія: взгляните на воскъ, и вы сами скажете, что это такъ.

— А что же сдѣлалъ серадзкій настоятель?

— Ахъ, сударь! далъ бы то Богъ, чтобы мое предположеніе, что онъ зараженъ еретическимъ ученіемъ Виклефа, оказалось неосновательнымъ. Но если, какъ сказалъ мнѣ вашъ оруженосецъ, вы ѣдете въ Серадзь, то я предпочитаю не показываться ему на глаза, чтобы не вводить его въ грѣхъ и не заставлять его богохульствовать.

— А говоря попросту, это значитъ, что онъ тебя принялъ за обманщика и негодяя.

— Если бы дѣло касалось только меня, то я простилъ бы его во имя любви къ ближнему, что я охотно и сдѣлалъ, но онъ богохульствовалъ противъ святынь, которыя я вожу съ собой, и боюсь, что для него нѣтъ уже спасенія.

— Какой же у тебя святой товаръ?

— Такой, что про него и говорить нельзя иначе, какъ съ непокрытою головой, но, имѣя у себя индульгенцію, я разрѣшаю вамъ не снимать капюшона, такъ какъ дуетъ сильный вѣтеръ. Когда мы заѣдемъ на ночлегъ, вы купите у меня индульгенцію,—и этотъ вашъ грѣхъ будетъ вамъ отпущенъ. Чего только у меня нѣтъ! Есть копыто осла, на которомъ совершилось бѣгство изъ Египта; копыто это было найдено у пирамидъ. За него король Аррагонскій давалъ мнѣ пятьдесятъ золотыхъ. Есть у меня перо архангела Гавріила, которое онъ потерялъ въ то время, когда явился съ благою вѣстью къ Дѣвѣ Маріи; есть также двѣ головы перепелокъ, ниспосланныхъ Израильтянамъ въ пустынѣ; масло, въ которомъ язычники хотѣли изжарить святаго Іоанна, и ступень лѣстницы, которую видѣлъ во снѣ Іаковъ—и слезы Маріи Египетской и немножко ржавчины съ ключей св. Петра. Но и перечислить всего я не смогу, потому что я замерзъ, а вашъ оруженосецъ не хотѣлъ дать мнѣ вина,

да при томъ мнѣ не перечислить всего: я не кончилъ бы до самаго вечера.

— Это святыя реликвіи, если только онѣ настоящія,—сказалъ Збышко.

— Если настоящія!? Возьмите копье изъ рукъ оруженосца, потому что діаволъ, который вамъ подсказываетъ эти слова, находится вблизи васъ. Держите его на разстояніи копья. А если не хотите накликать на себя несчастье, то купите у меня отпущеніе за этотъ грѣхъ,—иначе не пройдетъ недѣли, какъ умретъ кто-нибудь, кого вы больше всего любите на этомъ свѣтѣ.

Збышко испугался этой угрозы: ему пришла на умъ Дануся, и онъ сказалъ:

— Вѣдь это не я не вѣрю, а доминиканскій игуменъ въ Серадзѣ.

— Осмотрите сами воскъ на печатяхъ, а что касается до игумена, то неизвѣстно—живъ ли онъ еще, справедливый Богъ не замедлитъ наказать его.

Но когда они пріѣхали въ Серадзь, то оказалось, что игуменъ былъ живъ.

Збышко отправился къ нему, чтобы заказать двѣ обѣдни: одну за здоровье Мацько, а другую по поводу павлиньихъ перьевъ, по случаю которыхъ Збышко совершалъ свое путешествіе. Игуменъ, какъ и многіе въ то время въ Польшѣ, былъ иностранецъ, родомъ изъ Циліи, но впродолженіе своего сорокалѣтняго пребыванія въ Польшѣ научился польскому языку и былъ страшнымъ врагомъ Крестоносцевъ.

Узнавъ объ Збышковомъ предпріятіи, онъ сказалъ:

— Имъ предстоитъ еще большее Божеское наказаніе, но и тебя я не буду отговаривать отъ того, что ты задумалъ, во-первыхъ, потому что ты далъ обѣтъ, во-вторыхъ, потому что здѣсь, въ Серадзѣ, они сдѣлали столько зла, что польская рука никогда достаточно ихъ не прижметъ.

— Что же они сдѣлали? спросилъ Збышко, которому всегда было пріятно слышать о беззаконіяхъ Крестоносцевъ.

На это игуменъ сложилъ руки и прежде всего началъ читать заупокойную молитву, потомъ онъ усѣлся на скамью и съ минуту сидѣлъ съ закрытыми глазами, какъ будто желая воскресить въ своей памяти прежнія воспоминанія, и наконецъ началъ такъ:

— Сюда ихъ привелъ Викентій изъ Шаматуръ. Тогда мнѣ было 12 лѣтъ, и я только что прибылъ изъ Циліи, откуда меня

привезъ мой дядя, игуменъ Петзольдъ. Крестоносцы ночью напали на городъ и подожгли его. Мы видѣли съ высокихъ стѣнъ, какъ на рынкѣ убивали мужчинъ, женщинъ и дѣтей, какъ грудныхъ дѣтей бросали въ огонь. Я видѣлъ убитыми и священниковъ, потому что въ своей злости они никого не пощадили. Случилось такъ, что настоятель Николай, родомъ изъ Эльблёнга, который былъ знакомъ съ контуромъ Германомъ, предводителемъ войска, вышелъ со старшею братіей на встрѣчу къ этому лютому рыцарю и, преклонивъ передъ нимъ колѣно, умолялъ его на нѣмецкомъ языкѣ сжалиться надъ христіанскою кровью. А тотъ сказалъ ему: „Не понимаю", и приказалъ продолжать рѣзню. И тогда-то убили и монаховъ, а вмѣстѣ съ ними и дядю моего Петзольда, а настоятеля Николая привязали къ лошадиному хвосту. И къ утру въ городѣ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка, за исключеніемъ Крестоносцевъ и меня, который спрятался на балкѣ въ колокольнѣ. Богъ ихъ уже за это наказалъ подъ Пловцами, но они постоянно жаждутъ погибели христіанскаго королевства и не успокоятся до тѣхъ поръ, пока Господь Богъ не сотретъ ихъ съ лица земли.

— Подъ Пловцами погибли тоже почти всѣ рыцари моего рода, но я объ этомъ не горюю, потому что Богъ наградилъ короля Локетка такою знаменитою побѣдой, что онъ избилъ двадцать тысячъ нѣмцевъ.

— Ты дождешься еще большей войны и еще большей побѣды, сказалъ игуменъ.

— Аминь!—отвѣтилъ Збышко.

И они начали говорить о другомъ. Молодой рыцарь разспрашивалъ про продавца реликвій, съ которымъ онъ повстрѣчался въ дорогѣ, и узналъ отъ настоятеля, что такихъ обманщиковъ много таскается по дорогамъ; они злоупотребляютъ довѣріемъ легковѣрныхъ людей. Игуменъ говорилъ также, что есть папскія буллы, повелѣвающія такихъ продавцевъ, у которыхъ нѣтъ настоящихъ грамотъ и печатей, тотчасъ же судить. Такъ какъ свидѣтельства этого бродяги показались игумену подозрительными, то онъ хотѣлъ отослать его тотчасъ же на судъ епископа. Если бы оказалось, что онъ настоящій посланный съ индульгенціей, то никакой обиды ему не причинили бы. Но онъ предпочелъ спастись бѣгствомъ. Быть можетъ онъ это сдѣлалъ изъ опасенія быть задержаннымъ въ дорогѣ,—но вслѣдствіе этого бѣгства онъ подвергся еще большему подозрѣнію.

Подъ конецъ визита Збышко, игуменъ пригласилъ его на отдыхъ и ночлегъ въ монастырь, но тотъ не могъ на это согласиться, такъ какъ хотѣлъ вывѣсить грамоту передъ заѣзжимъ домомъ, вызывая на бой пѣшій или конный всѣхъ рыцарей, которые бы противорѣчили, что панна Данута, дочь Юранда, не самая красивая и не самая добродѣтельная дѣвица во всемъ королевствѣ,—подобнаго рода грамоту не подобало вывѣшивать на монастырскихъ воротахъ. Ни игуменъ, ни священники не хотѣли написать ему такой грамоты, вслѣдствіе чего молодой рыцарь былъ очень озабоченъ и совсѣмъ не зналъ, какъ ему быть. И, только вернувшись въ заѣзжій домъ, онъ вспомнилъ о продавцѣ индульгенцій и рѣшилъ обратиться къ нему.

— Игуменъ думаетъ—не бездѣльникъ ли ты какой-нибудь,—сказалъ онъ,—онъ говоритъ: будь у него настоящее свидѣтельство, чего же бы ему бояться епископскаго суда?

— Я не боюсь епископа,—отвѣтилъ Сандерусъ,—а только боюсь монаховъ, которые не понимаютъ толку въ печатяхъ. Я именно хотѣлъ ѣхать въ Краковъ, но такъ какъ у меня нѣтъ лошади, то я долженъ ждать, пока кто нибудь не подаритъ мнѣ ее. А тѣмъ временемъ пошлю письмо, къ которому приложу собственную печать.

— А я такъ подумалъ про себя: если окажется, что ты обученъ грамотѣ, то это будетъ доказательствомъ, что ты не простакъ какой-нибудь. Но какже ты пошлешь письмо?

— Съ какимъ-нибудь пилигримомъ или странствующимъ монахомъ, мало ли ихъ ѣздитъ въ Краковъ ко гробу королевы.

— А мнѣ ты сумѣешь написать грамоту?

— Напишу, сударь, все что прикажете—хорошо и складно, хотя бы даже и на доскѣ.

— Лучше бы на доскѣ,—сказалъ обрадованный Збышко,—потому что это будетъ прочно, не разорвется и останется и на будущее время.

И когда по прошествіи нѣкотораго времени слуги Збышко отыскали и принесли чистую доску, то Сандерусъ принялся писать. Что онъ тамъ написалъ, этого Збышко прочесть не сумѣлъ, а все же онъ приказалъ прибить вызовъ на воротахъ, а подъ нимъ повѣсить щитъ, который турки попеременно сторожили. Кто пробьетъ доску копьемъ, тотъ заявитъ, что принимаетъ вызовъ. Но, очевидно, въ Серадзѣ не нашлось охотниковъ на такія дѣла, потому что ни въ этотъ день, ни на другой, до полудня, доска ни разу не зазвучала отъ удара, а въ полдень огорченный юноша отправился въ дальнѣйшее путешествіе.

При этой книгѣ новымъ подписчикамъ „Русскаго Обозрѣнія“ на 1898 г. разсылается безплатное приложеніе: „Крестоносцы“, историческій романъ **Генрика Сенкевича**, части I и II (напечатанныя въ 1897 году).

4/5 75-00

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца).

Въ составъ каждой книги журнала входятъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) **Изящная словесность** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д.) 2) **Наука** (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) **Критика.** 4) **Вопросы церковной жизни.** 5) **Современная лѣтопись.** 6) **Иностранныя корреспонденціи.** 7) **Лѣтопись печати.** 8) **Искусство** (обозрѣнія музыкальныя, театральныя, художественныя и др.) 9) **Библіографія** (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ науки и искусства, новости иностранной журналистики и обозрѣніе духовныхъ журналовъ.) 10) **Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей.** 11) **Областной отдѣлъ** (письма и сообщенія изъ провинціи.) 12) **Экономическія замѣтки.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—**15** руб., на полгода—**7** руб. **50** коп., на 3 мѣсяца—**3** р. **75** к., на 2 мѣсяца—**2** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ **1** р. **25** к.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 2 мѣсяца—2 рубля, 1 мѣс.—1 руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

Съ пересылкой за границу 18 рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ отдѣл. конт. журнала—при книжн. магаз. Н. Фену и Ко, Невскій, домъ Армянск. церк., № 40, и въ библіот. Семенникова, Васильевскій Остр., 6 линія, д. № 25. Здѣсь же производится продажа отдѣльн. №№ журнала.

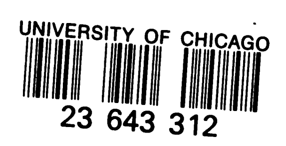
Подписка принимается и въ другихъ городахъ во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. *Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи.*

Книги журнала за всѣ 7 лѣтъ съ его основанія (1890—1896 гг.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 руб. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ семь лѣтъ — пересылка на счетъ редакціи.

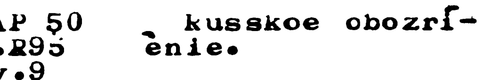
Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: *Москва, редакція Русскаго Обозрѣнія.* (Тверской бульваръ, домъ Яголковскаго).

Редакторъ-издатель: **АНАТОЛІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.**

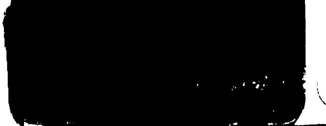
Жалобы на несвоевременную доставку журнала редакція проситъ заявлять не позднѣе перваго числа слѣдующаго мѣсяца по выходѣ книги.

UNIVERSITY OF CHICAGO
23 643 312

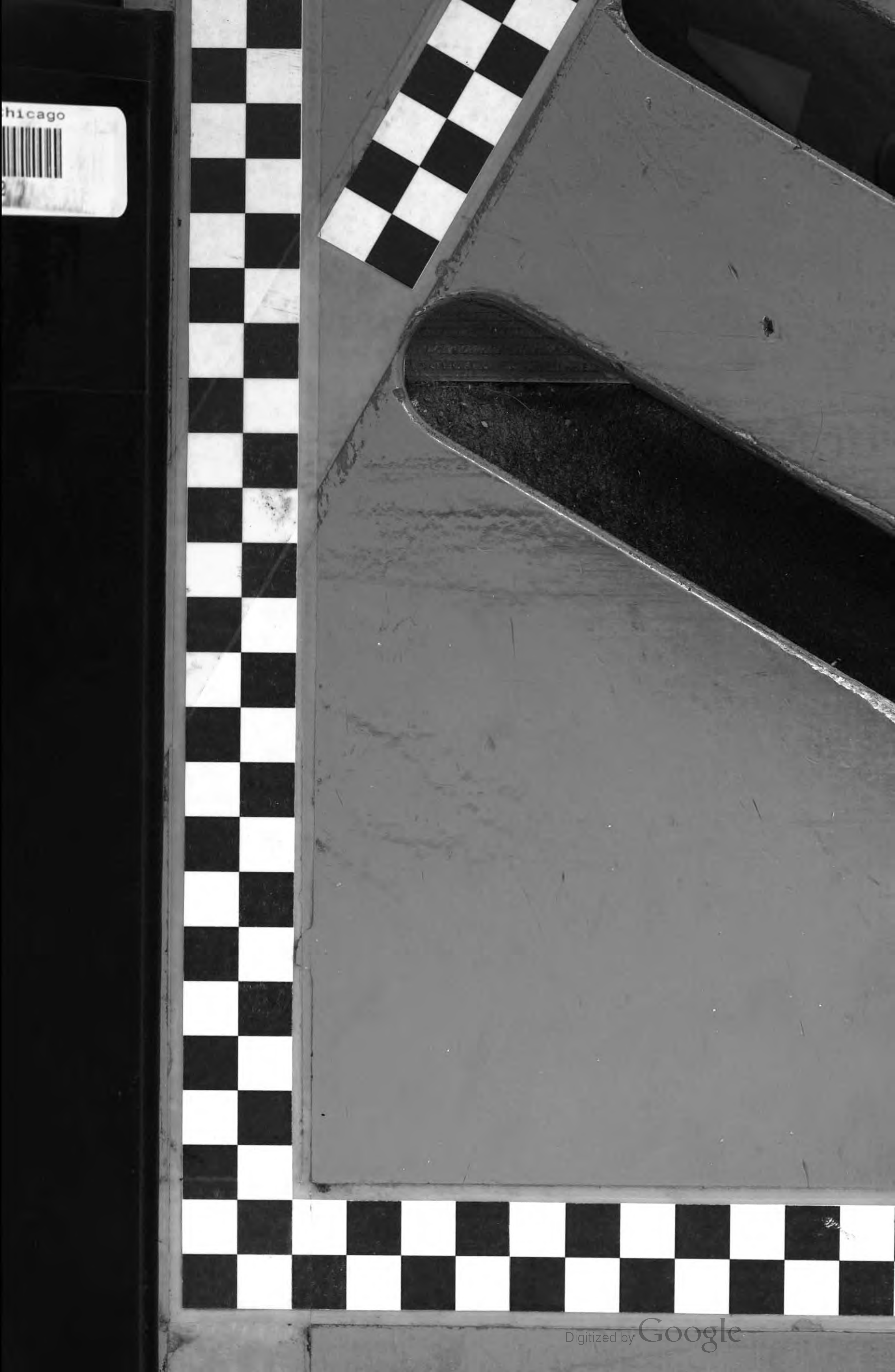

AP 50 .R95 v.9 Jan 1898 Russkoe obozrienie.

U of Chicago
23643312

hicago

U of Chicago
23643312

chicago

U of Chicago
23643312